

СВЯТЕЛЬ БЛАГОЧЕСТІЯ
ИЛИ
ПОЛНЫЙ КРУГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ
БЕСѢДЪ, ПОУЧЕНІЙ и СЛОВЪ.

Протоіеря В. НОРДОВА.

Въ двухъ томахъ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

церковно-проповѣдическое трехлѣтіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.

Гостинный дворъ, № 45

1891.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. Октября 20 дня 1890 года.

Цензорь: Архимандритъ **Тихонъ**.

ПОУЧЕНІЕ 1.

Вступленіе въ поученіе.

Господи благослови!

До благодати и милости Божіей, приступаемъ, братіе, къ продолженію еженедѣльныхъ моленій нашихъ къ Господу Іисусу Христу и Пречистой Матери Его по средамъ и пяткамъ *). Что связать о сихъ нашихъ моленіяхъ? То именно, что мы говоримъ въ акаѣстномъ цѣннѣ къ Господу Спасителю: *прими малое моленіе сіе наше, якоже пріялъ еси вдовицы два лепта*. Точно это двѣ лепты, въ два дни недѣли приносимыя отъ насъ недостойныхъ, благодѣтелю нашему Богу. И какія лепты! Самыя малыя, малѣйшія. Разсудите сами, что значить полтора или два нашихъ молитвенныхъ часа въ сравненіи съ недѣлею времени, съ годомъ, съ цѣлымъ вѣкомъ нашей жизни! Что значить эта наша Жертва Богу въ сравненіи съ безчисленными благами, какими надѣляетъ насъ Богъ во всю нашу жизнь, и обѣщаетъ еще большія и высшія—на цѣлую вѣчность? Но и это наше малое моленіе Господь Богъ нашъ, по милосердію Своему, безъ сомнѣнія, пріемлетъ отъ насъ, и не туне, а съ обычною Своею любовію и съ вѣрушеніемъ намъ Его богатыхъ даровъ. Не дары ли это Божіи, что мы доселѣ и здоровы, и благополучны? Не дары ли это Божіи, что мы сподобились и святой постъ совершить и свѣтлое Христово Воскресеніе праздновать, тогда какъ другіе въ извѣстное передъ постомъ прощальное воскресеніе простились съ нами на-всегда? Будемъ же, братіе, благодарны къ благодѣющему намъ Богу; и безъ ропота, безъ лѣности, а съ усердіемъ и любовію къ Богу станемъ продолжать еженедѣльное приношеніе молитвенныхъ нашихъ лептъ. Не бесполезно будетъ, братіе, ежели къ

*) Извѣстіе объ этомъ въ концѣ сей книги.

этимъ молитвеннымъ лептамъ присоединимъ еще двѣ лепты словесныя. Отнынѣ намѣренъ я по средамъ и пяткамъ предлагать вамъ еще кратчайшія поученія. Примите съ любовью сіи лепты отъ моего убожества. Я не богатъ умомъ, бѣденъ чувствомъ, скуденъ даромъ слова. Не взыщите за малость, краткость и недостатки. Восполните малое и слабое своею любовію, своимъ усердіемъ о собственномъ спасеніи. А болѣе всего восполнить всѣ наши неполноты Самъ Духъ Божій, всѣмъ подающій и даръ молитвы, и слово разума, и, по свидѣтельству Апостола, всѣхъ *освящающій и молитвою и словомъ Божіимъ* (1 Тимое. 4: 5). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 2.

Что значить исхожденіе и обхожденіе храма предъ утренею въ первый день Святой Пасхи.

Господи благослови!

Еще не далекъ отъ насъ, братіе, свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова; еще живо въ насъ сладкое чувство красоты и торжественности этихъ нареченныхъ и святыхъ дней. Пользуясь таковымъ нашимъ положеніемъ, я хочу обратить вниманіе ваше, братіе, на нѣкоторыя особенности важнѣйшаго, торжественнѣйшаго и безпримѣрнаго богослуженія свѣтлаго праздника. Разумѣю пасхальную *утреню*.

Сами знаете, чѣмъ начинается у насъ торжество свѣтлаго воскресенія Христова. Это торжественное *исхожденіе и обхожденіе* храма священно-служащими и всѣми вѣрными со свѣтильниками при преднесеніи Св. Иконъ, и при звонѣ колоколовъ. Скажите же, что это значить? Для объясненія сего уставленія Церкви припомнимъ извѣстную Евангельскую притчу о дѣвахъ. Притча изображаетъ дѣвъ, въ ночное время со свѣтильниками ждущихъ жениха. Дѣвы эти—души вѣрующихъ; женихъ—Христосъ; ночь—жизнь вѣка сего, свѣтильники—вѣра и добрыя дѣла. Къ кому же эта притча идетъ, какъ не къ намъ, Христіанамъ, и когда наиболѣе, какъ не въ священную и всепразднственную ночь Воскресенія Христова? Не то ли именно возвѣщаетъ намъ и сама Церковь? Не приглашаетъ ли она всѣхъ насъ къ срѣтенію воскресшаго Христа, яко жениха? *Приступимъ священослѣіи*, поетъ она, *исходящу Христу изъ гроба, яко жениху* (2 троп. 5 пѣсн. кан.). *Ибо изъ гроба днесь, яко отъ*

чертога, возсія Христосъ (стих. Пасхи). Таеъ вотъ что значить наше *исхожденіе и обхожденіе* храма въ минуты воскресенія Христа! Значить торжественное срътеніе Христа, яко жениха свѣтносно явившагося изъ гроба, какъ изъ царскаго чертога. Какое точное и выразительное исполненіе притчи! Въ притчѣ сказано: *полунощи вопль бысть: се женихъ грядетъ, исходите въ срътеніе его* (Матѣ. 25: 6): и у насъ въ самую полночь раздается радостный гласъ церковнаго колокола, возвѣщающій о воскресеніи Христовомъ и призывающій вѣрныхъ къ срътенію Христа. Притча говорить: *тогда восташа дѣвы, пріяша свѣтильники своя, и изыдоша въ срътеніе жениху* (Матѣ. 25: 7): и мы тотчасъ являемся въ храмъ, беремъ въ руки горячія свѣчи, и идемъ срътити воскресшаго Христа Бога нашего. Премудрое установленіе Церкви! Нужно ли напоминать вамъ, братіе, о силѣ и достоинствѣ этого христіанскаго торжества, о свѣтлости мыслей, о сладости чувствъ, какими исполняемся мы въ минуты срътенія Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ? Кто не испыталъ, и можно ли не испытать этой неземной радости, этого несказаннаго блаженства? Благодаримъ Тебя, Господи Спасителю нашъ, что Ты и насъ осіаеваешь неприступнымъ свѣтомъ Своего воскресенія, и хотя мы своими чувствами не зримъ Тебя видимо, тѣмъ не менѣе сокровенно ощущаемъ Твое присутствіе и явленіе къ намъ, и сердце наше слышитъ и пріемлетъ Твое радостное: *радуйтесь* (Матѣ. 28: 9.).

Да, братіе. Величественно и славно явленіе Христа, воставшаго изъ гроба. Весело и радостно срътатъ Его въ день Воскресенія Его. Каково же будетъ явленіе Его въ день всемірнаго воскресенія? Что почувствуемъ, когда услышимъ трубный гласъ Архангела, когда явятся Силы небесныя, когда отверзутся врата чертога райскаго когда увидимъ безсмертнаго Жениха, *Царя-Христа*, въ неприступномъ свѣтѣ и славѣ Божества исходящаго къ намъ? О, какъ тогда взыграютъ души вѣрныя, съ какою радостію срътатъ своего Божественнаго Жениха, съ какимъ веселіемъ пойдутъ съ Нимъ въ небесный чертогъ, вѣчно съ Нимъ царствовать; вѣчно наслаждаться Его святѣйшею любовію. Его сладчайшимъ лицезрѣніемъ, Его неисповѣдимымъ блаженствомъ! Даль бы, братіе, и намъ Господь сподобиться этой пренебесной радости. А для сего будемъ стараться подражать мудрымъ дѣвамъ. Будемъ бдительно ожидать небеснаго Жениха съ горящими свѣтильниками вѣры и добрыхъ дѣлъ. Страшимся участи дѣвъ нерадивыхъ, которыя уже пришли тогда, когда затворены были двери чертога, и услышали горькій отзывъ: *не вѣмъ*

васъ (Матѣ. 25: 12.). Не будемъ, подобно имъ, спать, не заботясь о возженіи своихъ свѣтильниковъ. Не будемъ съ самозабвеніемъ увлекаться прелестями міра, оставляя или отлагая день ото дня благочестіе и благоугожденіе Богу. Не знаемъ, когда, въ какой день и часъ придетъ Женихъ. Будемъ же готовы на всякое время: *Да будутъ выну чресла наша препоясана и свѣтильницы горящии, и мы подобни челоуѣкомъ, чающимъ Господа своего* (Лук. 12: 35, 36). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 3.

Что значитъ обхожденіе храма, заключеніе вратъ храма и, по отверженіи оныхъ, вхожденіе во храмъ предъ утреннимъ богослуженіемъ въ недѣлю Пасхи.

Господи благослови!

Дродолжимъ, братіе, мысленное наше созерцаніе утренняго *цѣлѣ*скальнаго Богослуженія и снова обратимъ вниманіе на торжественное обхожденіе храма. Что здѣсь представляется еще особеннаго? И какія мы можемъ приписать этому дѣйствию другія знаменованія?

А вотъ *первое*. Это дѣйствіе, какъ извѣстно, совершается въ самую глубокую ночь. Когда мы идемъ около храма, видимъ, что во храмѣ свѣтъ, а на пути предъ нами и около насъ непроницаемый мракъ. Что это показываетъ? То, что мы внѣ града Божія, внѣ свѣтлаго рая, во тьмѣ грѣховной и сѣни смертной. Но мы идемъ, и насъ ведутъ. Куда идемъ и кто ведетъ насъ? Идемъ *отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу* (Дѣян. 26: 18), идемъ *въ чудный свѣтъ Божій* (1 Петр. 2: 9), въ царство славы. Ведетъ насъ, какъ вель древнихъ Израильтянъ Моисей, Избавитель нашъ Христосъ, ведетъ отъ смерти въ жизнь, съ земли на небо. У насъ *новая пасха, пасха Господня, отъ смерти бо къ жизни, и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ насъ преведе* (Ирм. 1 пѣсн. кан.). Вотъ какое блаженное наше шествіе! Не даромъ же мы, не смотря на окружающій насъ мракъ, такъ бываемъ веселы, съ таимъ восхищеніемъ спѣшимъ въ храмъ узрѣть славу торжества и услышать хвалебные лики Благодѣтелю нашему Богу. Подобно намъ, но несравненно еще болѣе насъ, радовались вѣковые узники ада, когда всемірный Избавитель Христосъ переводилъ ихъ изъ темницы

преисподней въ свѣтлыя обители райя. Святая Церковь такъ описываетъ это радостное ихъ шествіе: *Безмѣрное Твое благоутробіе довыми узами содержимии зряще, къ свѣту идяху, Христе, веселыми ногами, пасху хваляще вѣчную* (5 пѣсн. кан. троп. 1). Такъ братіе, наше торжественное и радостное шествіе кругомъ храма означаетъ еще то, что воскресшій Спаситель нашъ Господь какъ весь человѣческій родъ избавилъ и перевелъ изъ страны грѣха и смерти въ Царство жизни и славы небесной, такъ и въ особенности освободилъ и перевелъ изъ ада преисподняго въ горнія райскія обители всѣхъ праведниковъ, отъ начала міра содержимыхъ *имущимъ державу смерти* (Евр. 2: 14).

Но вотъ и второе. Приходимъ ко храму, вступаемъ въ самое преддверіе храма, и что же видимъ? Храмъ для васъ неприступенъ, врата его заключены. Что это значить? То, что Царствіе Божіе для грѣшныхъ неприступно, рай для падшихъ человѣковъ заключенъ. Здѣсь-то въ горькомъ сокрушеніи можно воспѣть извѣстный страстный молитвенный стихъ: *чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имамъ, да вниду въ оны* (Свѣт. страст. седмиц.). „Вижу я, окаянный, славу Царствія Твоего, Господи, слышу торжественные лики празднующихъ небожителей, но для меня загражденъ входъ въ чертогъ Твой, заключены двери Царствія Твоего“. Кто же отверзетъ ихъ, братіе? Кто откроетъ намъ входъ въ Царствіе Божіе? Одинъ, Одинъ *Святый истинный*¹ (Апок. 3: 7), *имѣющій ключи ада и смерти* (Апок. 1: 18), *одинъ Тотъ, который затворитъ, и никтоже отверзетъ, и никтоже затворитъ* (Апок. 3: 7), — *Одинъ Ходатай Бога и человѣковъ Человѣкъ Христосъ Исусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тимое. 2: 5, 6). Одинъ Господь Исусъ Христосъ очистилъ насъ отъ грѣховъ, испросилъ намъ прощеніе у Отца нашего Небеснаго, облекъ насъ въ спасительную одежду Своихъ Божественныхъ заслугъ, отверзъ намъ двери Царствія Небеснаго, и вводитъ насъ въ храмъ вѣчныхъ Божественныхъ славы. Вотъ это самое и выражается у насъ отверзтіемъ вратъ церковныхъ, которое, по уставу Церкви, дѣлаетъ первенствующій служащій съ крестомъ въ рукахъ, и торжественнымъ вхожденіемъ его во храмъ со всѣми послѣдующими ему служащими и вѣрными людьми.

Какое, представьте, братіе, неизобразимо величественное и трогательное зрѣлище, когда мы, предшествуемые служителемъ алтаря съ крестомъ въ рукахъ, изображающимъ Самого Христа, входимъ въ храмъ, полный свѣта и славы, входимъ съ пѣніемъ хвалы вос-

ерешему Христу, входимъ съ свѣтлыми лицами, съ восторженными чувствами! Это живая картина того загробнаго торжественнаго шествія, когда воскресшій Христосъ изшелъ душою Своею изъ ада, и, какъ Богъ, созовель съ Собою всѣхъ вѣровавшихъ въ пришествіе Его въ небесный рай сладости, къ Богу Отцу Своему. Это свѣтлый образъ и того славнаго шествія, когда Господь Иисусъ придетъ, въ кончину вѣка, на землю, въ общее всѣхъ воскресеніе возметъ съ Собою всѣхъ вѣровавшихъ и благочестно послужившихъ Ему, и введетъ ихъ въ домъ небеснаго Отца, исполненный непреступнаго свѣта, на вѣчное блаженство и радость.

Много, много разъ уже праздновали мы, братіе, на землѣ свѣтлый божественный праздникъ Пасхи. О, если бы Господь сподобилъ насъ праздновать и на небеси вѣчную всерадостную Пасху. Вѣдаемъ только, братіе, что эту вѣчную божественную Пасху могутъ праздновать не всѣ. Спаситель нашъ Господь извелъ изъ ада въ рай только праведниковъ. Вошелъ, правда, туда и разбойникъ; есть тамъ и мытари, и блудницы, но какіе? Покаявшіеся и очистившіеся. Нереслаиванныхъ и неисправившихся грѣшниковъ и за предѣлами гроба ожидаетъ опять тьма, и уже кромѣшная, вѣчная, отъ которой да избавить всѣхъ насъ Спаситель нашъ Господь Своею божественною благодатію и милостію! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 4.

Какое значеніе имѣетъ утреннее пасхальное богослуженіе во храмѣ и общее всѣхъ Христіанъ цѣлованіе.

Господи благослови!

Вотъ, братіе, мы уже и во храмѣ, *утреннеемъ утреннюю музыку, и вмѣсто мѣра пѣснь приносимъ Владыцѣ, и Самого Христа зримъ, правды солнце, всѣмъ жизнь и радость возсіяюща* (ирм. 5 пѣсн. кан.). Какой свѣтъ, какая слава, какое торжество! Всѣ въ брачныхъ одеждахъ, у всѣхъ горящія свѣчи въ рукахъ; не слышно уже чтенія, возбуждающаго чувство умиленной скорби, — нѣтъ!—одно непрерывное сладкопѣніе восторгаетъ молитвенный духъ, поминутно являются служители алтаря въ блистающихъ одеждахъ, непрестанно зримъ ересь Христовъ, и поклоняемся сему знаменію спасенія нашего, ежечасно осѣняемся куреніемъ священнаго еміама: въ устахъ же у всѣхъ, и служащихъ, и поющихъ и предстоящихъ только и слышится радостное: *Христосъ воскрес!*

Вотъ сколь свѣтло и торжественно наше утреннее пасхальное богослуженіе! А какое дивное, какое изумительно трогательное, какое разумно знаменательное заключеніе этого богослуженія! Вѣдь знаете, братіе, что бываетъ у насъ въ церкви послѣ торжественнаго пѣснопѣнія: бываетъ общее Христіанское другъ друга лобзаніе. Что это? Что, какъ не радость о Спасителѣ нашемъ Христѣ? Что, какъ не изліяніе взаимныхъ нашихъ чувствъ отъ избытка радости въ сердцѣ? Что, какъ не общее наше поздравленіе съ полученнымъ нами отъ воскресшаго Христа Бога спасеніемъ? Единственныя минуты въ жизни нашей! Думаю, что онѣ лучшія изъ нашихъ минутъ и предъ взоромъ небожителей, самыя пріятныя и пострадавшему за насъ и воскресшему для насъ Христу. И, о, если бы наши священные возгласы: *Христосъ воскресе, воистину воскресе*, были одушевлены живою вѣрою и любовію во Христу, Спасителю нашему! О если бы наши лобзанія были выраженіемъ истинной радости о нашемъ спасеніи, изліяніемъ сердечныхъ чувствъ любви и расположенія другъ ко другу! О, если бы мы въ эти святыя и божественныя минуты исторгли изъ себя всѣ враждебныя чувства, забыли и попрали всѣ непріязненныя отношенія, если таковыя, къ прискорбію, были между которыми либо изъ насъ! Да это именно и хочеть внушить намъ Св. Церковь, когда оглашаетъ насъ сею пѣснію: *воскресенія день, и просвятимся торжествомъ, и другъ друга обгигемъ; приемъ: братіе и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ* (слав. и нын. и послѣ стих. Пасх.).

Что это подлинно за свѣтлое торжество! Это точно *бракъ ангій* (Апок. 19: 7), который богозрительными очами видѣлъ *зритель неизреченныхъ откровеній* (стих. Богосл.); это бракъ сына царева, изображенный Евангельскою притчею (Матѳ. 22: 2). Это, братіе, образъ и предначатокъ будущей нашей славы, будущаго вѣчнаго блаженства. Такъ будемъ мы, если Господь сподобитъ насъ, радоваться въ новомъ небесномъ раю. Такъ будемъ веселиться и торжествовать въ Царствіи Божіемъ. Какъ теперь свѣтель и благолѣиенъ храмъ, въ которомъ празднуемъ Христово воскресеніе, такъ свѣтель и благоукрашенъ будетъ чертогъ Царя Небеснаго, уготованный для насъ грѣшныхъ. Какъ нынѣ слышимъ здѣсь восторгающее насъ сладкопѣніе, такъ будемъ слышать тамъ неизреченныя хвалебныя пѣсни Ангеловъ. Какъ здѣсь непрестанно видимъ явленія служащихъ въ лѣиотѣ блистающихъ ризъ, такъ тамъ будемъ видѣть непрестанно новыя откровенія свѣта и славы Божіей. Какъ здѣсь непрестанно зримъ крестъ Христовъ, и благодарно поклоняемся

Распятому за насъ, такъ тамъ будемъ зрѣть божественное лице Искупителя нашего, повергаться предъ Нимъ въ трепетной радости и взывать: *аллилуя, спасеніе и слава и честь и сила Господу нашему* (Апок. 19: 1). Какъ здѣсь осѣняемся мы благовоннымъ куреніемъ оиміама, такъ тамъ будетъ почивать на насъ радостотворная благодать Святаго Духа. Какъ здѣсь, привѣтствуя другъ друга, мы повергаемся въ объятія другъ другу, такъ тамъ будемъ погружаться въ безмѣрной любви и благодати Отца нашего Небеснаго.

Будемъ же, братіе, ежегодно, празднуя Святую божественную Пасху на земли, представлять будущую пребожественную Пасху на небеси. Тамъ мы будемъ истѣе, полнѣе, совершеннѣе причащаться всесвятѣйшей и всесвѣтлѣйшей Пасхи Христа. Тамъ Пасху будемъ праздновать не день и не недѣлю, какъ здѣсь, а вѣчно; тамъ Царствію Христа Бога нашего и нашему съ Нимъ не будетъ конца. Будемъ только, пока мы здѣсь, на земли,—будемъ внимательно пещись объ усвоеніи содѣланнаго для насъ Христомъ Спасителемъ нашимъ спасенія, все ближе и тѣснѣе соединяться съ Богомъ въ вѣрѣ, любви, молитвѣ, Св. Тайнахъ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ. Будемъ жить не какъ сынове вѣка сего, а какъ дѣвы обрученныя безсмертному Жениху Христу, сохраняя въ себѣ неугасимымъ свѣтильникъ благодати, пока прійдетъ Господь, и откроется всемірное торжество блаженства и славы праведныхъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 5.

Для чего въ праздниѣ Пасхи Царскія врата въ святыхъ храмахъ бываютъ постоянно отверсты.

Господи благослови!

Вотъ еще замѣчательная особенность праздника Пасхи! Святія Царскія врата, ведущія въ алтарь, обыкновенно именуемыя царскими, во всю Святую седмицу, день и ночь бываютъ отверсты, и святилище христіанское открыто взору всего православнаго народа. Вѣдь, это очень необыкновенно, величественно, и, должно быть, знаменательно. Взойдя въ храмъ, тотчасъ поражаешься этимъ явленіемъ и хочешь знать, что это значитъ. Что же это значитъ? Для чего царскія двери бываютъ постоянно отверзты! Отвѣчаетъ на это Св. Церковь въ своей пѣснѣ: *сохранивъ цѣла знаменія, Христе, воскресъ еси отъ гроба и отверзъ еси намъ райскія двери* (6 пѣсн. кан. троп.

1). Слушайте, братіе, что значить отверзтіе царскихъ дверей въ праздникъ Пасхи. Значить то, что Христось Спаситель, пострадавъ за насъ, отверзъ намъ паки врата рая, и съ самой минуты славнаго воскресенія Его открытъ для насъ входъ на небо, въ Царство Божіе. Вотъ въ ознаменованіе этого отверзтія воскресшимъ Спасителемъ нашимъ райскихъ дверей, Св. Церковь и въ храмахъ отверзаетъ царскія двери въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, чтобы каждый вѣрующій, видя отверзтыя врата въ св. алтарь, вѣдалъ, что Царство Божіе нынѣ доступно намъ и входъ въ селенія небесныя для насъ отверсть. Премудры уставы Святой нашей Церкви.

Празднуя свягую Пасху и смотря на отверзтыя святаыя двери, не должны ли мы, братіе, возрадоваться о томъ, что рай Божій опять отверзтъ для насъ? А вѣдь знаете, что онъ былъ заключень грѣхами нашими, и мы должны были умирать, не выдавъ свѣта и славы Божіей. Одно милосердіе Божіе спасло насъ. Только Сынь Божій, Ходатай и Спаситель нашъ, отверзъ намъ входъ въ Царство Небесное. *Отсель узрите небо отверзто* (Іоан. 1: 51), сказала Самъ Онъ, *отсель* только, т. е. со времени пришествія Его на землю, страданія и воскресенія Его. Да, Иисусъ Христось, Онъ единъ отверзъ намъ входъ въ Царство Небесное,—и какой свободный, можно сказать—просторный входъ! Туда входятъ уже не только праведники, но и мытари, и блудницы, разбойники кающіеся. Такъ великъ Господь въ милости Своей къ роду человѣческому!

Вѣдаемъ же, братіе, что какъ въ церкви во дни праздника Воскресенія Христова отверзты бывають царскія двери, такъ во все время благодати Божіей, съ самой минуты воскресенія Христа изъ гроба, отверзты намъ двери славнаго Царствія Божія, открытъ для насъ входъ въ самое небо,—вѣдаемъ, и благодаримъ Благодѣтели нашего Бога,—благодаримъ и внимаемъ себѣ. Внимаемъ, говорю. Входъ въ Царствіе Божіе отверзтъ, но входятъ только достойные, тѣ, которые усердно, съ живою вѣрою приѣмлютъ спасительную благодать Божію, которые не зрятъ только въ отверзтыя врата рая, но и подвизаются, идутъ въ рай, идутъ исполненіемъ святаго закона Христова, добрыми дѣлами, соотвѣтственно Христіанскою жизнію. Не полагаемся на одно то, что мы именуемся Христіанами, находимся въ числѣ вѣрующіихъ. Помнимъ, что сказалъ Господь: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, увидетъ въ Царствіе Небесное, но творяй волю отца Моего, иже есть на небесъхъ* (Матѣ. 7: 21). Внимаемъ себѣ, повторяю, братіе. Не потеряемъ драгоцѣннаго для спасенія нашего времени, въ которое можемъ мы заслужить

и получить даруемое намъ Царство Небесное. Вѣдь и торжество праздника Пасхи продолжается не всегда. Пройдетъ Свѣтлая недѣля, и двери царскія затворяются. Такъ и двери Царствія Небеснаго. Теперь онѣ отверзты намъ, а будетъ время, что и затворятся, затворятся и двери покаянія, и двери милосердія Божія, затворятся съ славнымъ пришествіемъ Спасителя нашего на землю, или съ собственною каждаго изъ насъ смертію. Блюдемся же, братіе, чтобы, и при отверзтыхъ нынѣ вратахъ райскихъ, не оставься намъ внѣ рая, лишенными Царствія Божія. Объ этомъ да будетъ всегдашняя забота и попеченіе наше. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 6.

Христіанинъ послѣ великопостнаго покаянія и послѣ свѣтлаго праздника Воскресенія Христова долженъ умереть грѣху и жить только для Бога.

Господи благослови!

Благодареніе Богу, и благо намъ, братіе! Благодареніе Богу, что Господь сподобилъ насъ, по долгу Христіанскому, совершить святую великую Четырдесятницу, молитвенно поклониться Божественнымъ страстямъ Христовымъ и духовно праздновать изъ мертвыхъ воскресеніе Бога и Спасителя нашего. Благо намъ, если мы всѣ эти святые дни провели, всѣ эти спасительныя воспоминанія совершили такъ, какъ подобаетъ Христіанамъ, съ вѣрою, съ любовію, съ усердіемъ къ Богу, со вниманіемъ, съ попеченіемъ о своемъ спасеніи. Благодареніе Богу, и благо намъ, братіе! А далѣе что? Неужели могутъ, неужели должны такіе великіе дни пройти для насъ безъ вліянія на насъ? Неужели такія спасительныя дѣла со стороны благодати Божіей не произведутъ никакой перемѣны въ насъ? Не должно быть такъ, братіе! Какое же дѣйствіе должны оказать въ насъ эти спасительныя дни? Какая должна послѣдовать въ насъ перемѣна? А вотъ слушайте, что говоритъ на сей разъ Святой Апостоль. *Такожде, т. е. подобно Христу, умершему за насъ и воскресшему, и вы помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христь Іисусъ Господь нашъ* (Рим. 6: 11). Такъ вотъ какая должна произойти въ насъ перемѣна. Отнынѣ мы должны быть мертвыми и живыми, мертвыми для грѣха, живыми для Бога. И непремѣнно. Ежели мы видѣли смерть Христову, потребившую наши грѣхи, ежели мы сами

въ подвигахъ поста и покаянія умерли грѣху, то какіе мы теперь должны быть, какъ не мертвые для грѣха? Ежели мы видѣли славное Христово изъ мертвыхъ воскресеніе, ежели сами вкусили безсмертной жизни въ таинствѣ Причащенія живоноснаго тѣла и крови Христовой, то какіе мы теперь должны быть, какъ не живые для Бога? *Иже умрохомъ грѣху*, говоритъ тотъ же Апостоль, *како еще жити будемъ въ немъ* (Рим. 6: 2)? Нѣтъ, *яко же воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ* (Рим. 6: 4).

Понятно, братіе, каковъ, по наставленію Апостола, долженъ быть Христіанинъ. Онъ долженъ быть съ одной стороны какъ мертвый съ другой—какъ дѣйствительно живой. Представьте себѣ мертвеца. Мертвецъ не говоритъ: и Христіанинъ не долженъ говорить ничего худаго, соблазнительнаго и богопротивнаго, а всего болѣе хранить молчаніе. Мертвецъ не ѣстъ и не пьетъ: и Христіанинъ не долженъ чрезмѣрно и для удовольренія только сластолюбія ѣсть и пить, напротивъ воздерживаться и по временамъ поститься. Мертвецъ не обнаруживаетъ никакихъ страстей, не гнѣвается, не злобствуетъ, не корыстолюбуется, не похотствуетъ: и Христіанинъ не долженъ питать и обнаруживать въ себѣ никакихъ грѣховныхъ страстей и похотей. Мертвецъ ни однимъ членомъ тѣла не владѣетъ, ни однимъ органомъ чувствъ не дѣйствуетъ: и Христіанинъ ни одинъ членъ, ни одинъ органъ не долженъ обращать въ орудіе грѣха. Мертвецъ безмолвствуетъ,—хвалите его, или ругайте, почести оказывайте ему, или наносите раны: и Христіанинъ долженъ переносить все великодушно, съ терпѣніемъ, безъ ропота.—Вообразите же теперь живаго человѣка! Живой человѣкъ исполненъ жизни и дѣятельности. Онъ и видитъ, и слышитъ, и мыслить, и чувствуетъ, и ходитъ, и дѣлаетъ. Таковъ долженъ быть и Христіанинъ въ духовной жизни. Его способности, органы и члены должны быть обращены на все богоугодное и святое: умъ на поученіе въ словѣ Божіемъ, сердце—на любовь къ Богу и ближнему,—чувство—на благоговѣніе и страхъ Божій, языкъ—на словословіе Богу и въ назиданіе ближнимъ, всѣ члены—на дѣла благія, богоугодныя и душеспасительныя.

Таковъ долженъ быть Христіанинъ. Таковы ли мы, братіе? Такъ ли мы живемъ послѣ покаянія и приобщенія Св. Животворящихъ Таинъ, послѣ духовнаго, торжественнаго созерцанія и смерти и воскресенія Спасителя нашего Бога? Если ли въ насъ какая чермѣна? Едва ли, едва ли, братіе. Провели постъ, исповѣдались въ грѣхахъ, приобщились Св. Таинъ, отпраздновали духовный, Божественный праздникъ Воскресенія Христова,—и онять начинаемъ преж-

ною жизнь, опять принимаемся за старые грѣхи, опять творимъ волю своихъ плотскихъ желаній и страстей, опять живемъ только грѣху, и мертвы Богови. Ежегодно каемся въ грѣхахъ, и ежегодно обращаемся опять на тѣ же грѣхи. Что же? Будетъ ли конецъ нашимъ грѣхамъ? Сохрани Богъ, ежели не мы кончимъ грѣхи, а грѣхи кончатъ жизнь нашу и вмѣстѣ съ нами перейдутъ въ вѣчность. Остережемся, братіе; подумаемъ внимательнѣе о себѣ; серьезно позаботимся о томъ, для чего страдалъ Спаситель нашъ Господь, и о чемъ такъ много заботится для насъ Св. Церковь, т. е. о своемъ спасеніи. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 7.

Почему мы не видимъ явленій Воскресшаго Христа.

Господи благослови!

Сегодня, братіе, заключеніе великаго и свѣтлаго праздника Воскресенія Христова. Долго празднуемъ мы этотъ праздникъ, не въ примѣръ никакому другому празднику. Но вѣдь онъ и есть безпримѣрный; онъ — праздниковъ праздникъ. Но не поэтому только празднуется сей праздникъ такъ долго. Настоящая причина въ томъ, что Самъ Господь, по воскресеніи Своемъ, долго такъ сказать, проповѣдывалъ Свое воскресеніе. Онъ въ продолженіи сорока дней являлся то мѣроносицамъ, то Апостоламъ, и изъ нихъ то одному, то нѣсколькимъ, то многимъ совокупно, и каждый разъ поселялъ въ душѣ ихъ радость и увѣренность въ истинности Его воскресенія. Вотъ поэтому и мы цѣлые сорокъ дней празднуемъ Пасху; воспоминаемъ и прославляемъ воскресшаго Господа и Спасителя нашего до самаго вознесенія Его на небо, которое послѣдовало въ сороковой день по воскресеніи Его, во время послѣдняго явленія Его Апостоламъ.

Такъ, братіе, Св. Апостолы многократно видѣли воскресшаго Христа, а мы, празднуя воскресеніе Его, не видимъ Его, и во всю жизнь нашу не видали Его ни разу. Гдѣ причина этому? Въ насъ, или внѣ насъ? Важною причиною этого мы, братіе, сами. Господь не отказалъ никому въ Своемъ Божественномъ явленіи. Онъ говоритъ въ Евангеліи: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14: 21). Слышите, что говоритъ Господь? Онъ обѣщается явить Себя всякому, кто будетъ

любить Его и исполнять заповѣди Его. А мы любимъ ли Его, любимъ ли такъ, какъ должно, какъ заповѣдано намъ, именно *всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ помышленіемъ* (Марк. 12: 30)? Свидѣтельствуемъ ли свою любовь исполненіемъ заповѣдей Его? Скажемъ искренно, нѣтъ въ насъ вполнѣ ни того, ни другаго. Такъ стоимъ ли мы такой великой, необыкновенной милости отъ Бога, чтобы зрѣть намъ Спасителя нашего и Господа нынѣ, въ этой грѣховной и страстной плоти? Но самая главная причина невидѣнія нашего Господа та, что мы находимся теперь въ состояніи благодати, а не славы. *Вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5: 7), говоритъ Апостоль. И вѣра, братіе, выше видѣнія. Вѣра безъ видѣнія можетъ спасти, а видѣніе безъ вѣры не приноситъ никакой пользы. Спаситель жилъ на землѣ болѣе тридцати лѣтъ. Сколько-же было такихъ, которые видѣли Его лично? А многіе ли получили отъ того пользу? Очень немногіе. Почему? Потому что не вѣровали. Вотъ для чего Господь всегда заповѣдывалъ и отъ всѣхъ требовалъ вѣры. Поэтому-то, когда Онъ и по воскресеніи являлся Апостоламъ, въ одинъ разъ нѣкоторыхъ изъ нихъ назвалъ *несмысленными и косными сердцемъ еже вѣровать* (Лук. 24: 25), когда они, не узнавши Его, бесѣдовали съ Нимъ, и выражались о воскресеніи Его языкомъ сомнѣнія, въ другой,—показавъ невѣровавшему Апостолу Ѳомѣ раны Свои, замѣтилъ ему: *ты увѣровалъ увидѣвши и сказалъ: блаженны тѣ, которые не видятъ и вѣруютъ* (Іоан. 20: 29). Значить, и Апостоламъ являлся Господь преимущественно для того, чтобы увѣрить ихъ, какъ всемірныхъ проповѣдниковъ Евангелія, въ Своемъ истинномъ воскресеніи.

Будемъ же, братіе, и мы вѣровать въ Воскресшаго Господа и Спасителя нашего, не вдаваясь въ неразумное желаніе видѣть Его, чему еще не время и чего мы еще недостойны. Будемъ вѣровать въ Него, любить Его и творить святую волю Его,—и Онъ, Благодѣтель и Искупитель нашъ, не оставитъ утѣшить насъ Своимъ явленіемъ въ опредѣленное Имъ время. Увидимъ, братіе—всѣ увидимъ Его, увидимъ Его точно также сходящимъ съ неба, какъ восходилъ Онъ на небо, увидимъ, и *возрадуется сердце наше, и радости нашей никтоже возметъ отъ насъ* (Іоан. 16: 22). Тогда-то будетъ истинная Пасха, праздникъ, которому не будетъ конца. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 8.

Человѣческое естество превознесено восшествіемъ Господа нашего Іисуса Христа на небо.

Господи благослови!

Привѣтствую васъ, братіе, отъ лица Матери нашей Св. Церкви съ новымъ милосердіемъ Божиимъ къ намъ. Христось Спаситель нашъ уже на небесахъ. Неизреченное чудо! Человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, который сотворенъ изъ персти земной, теперь сіяетъ славой небесной: тотъ самый человѣкъ, который и въ первобытной чистотѣ былъ ниже Ангеловъ, теперь превыше всѣхъ Силъ небесныхъ; тотъ самый человѣкъ, который, по паденіи, унизился до безсловесныхъ тварей, теперь, возставленный и очищенный, возвеличенъ на степень Сына Божія, теперь человѣкъ, въ лицѣ Богочеловѣва Іисуса Христа, сѣдитъ въ славѣ на престолѣ божества, какъ Богъ, какъ Царь міра, какъ владыка всѣхъ тварей. Не чудо ли это непостижимое; Не благоволеніе ли это Божіе къ человѣческому роду чрезвычайное? Вѣдь наше, братіе, естество теперь обоготворено и прославлено вѣдь, можно сказать, мы, грѣшныя, возшли теперь въ Царство Божіе. Не удивляйтесь и не сомнѣвайтесь, а благодарите всецѣдраго Бога за наше спасеніе, за нашу славу. Не напрасно же слово Божіе называетъ насъ, Христіанъ, *Сынами Царствія* (Матѣ. 13: 33), *членами Христовыми* (1 Кор. 6: 15). А что еще говоритъ Апостоль? Не то ли самое, что мы сказали о божественной славѣ нашей во Христѣ Іисусѣ? *Богъ, богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею-же возлюбилъ насъ сущихъ насъ, мертвыхъ прегрѣшенми сооживи Христомъ, и съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Ефес. 2: 4, 5, 6).

Повторяю, братіе, привѣтствіе съ великимъ къ намъ милосердіемъ Божиимъ. Но не къ превозношенію нашему должно послужить намъ это милосердіе Божіе. Нѣтъ. Мы должны выслушать и принять такую неизреченную милость Божію съ величайшею радостію, но вмѣстѣ и съ благоговѣйнымъ страхомъ. Съ радостію, говорю. Да какъ намъ не радоваться при такомъ благополучіи нашемъ, которому дивляются Ангелы? Какъ намъ не радоваться, когда мы не только, грѣшныя, прощены, но и очищены, и освящены, не только падшіе возстановлены, но и вознесены, не только избавлены заслуженнаго нами ада, но и введены въ незаслуженный рай, въ самое небо, въ Царство вѣчнаго всеблаженнаго Бога? Со страхомъ, говорю. Можно ли

не трепетать намъ отъ радости при такомъ никогда немислимомъ и нечаянномъ нами благополучіи? Можно ли не трепетать намъ отъ изумленія, смотря на наше недостоинство, представляя свою перстность, смертность, ничтожество? Можно ли не трепетать намъ отъ ужаса, смотря на свою жизнь, на свои дѣла, когда мы, можно сказать, и не думаемъ о томъ, что сдѣлалъ для насъ Богъ, въ какое насъ возвелъ достоинство, въ какую облекъ славу, какое даровалъ блаженство, когда мы, не смотря на все это, продолжаемъ жизнь грѣховную, не перестаемъ дружитья съ міромъ, любимъ суету его, служимъ и раболѣпствуемъ своимъ страстямъ?

Такъ, братіе, мы должны принять даруемую намъ отъ Господа милость и честь въ вознесеніи и прославленіи нашего естества съ радостію и страхомъ. А изъ этого уже сами видите, какъ мы должны жить и о чемъ должна быть наша единственная забота. Это именно то, что мы должны стараться быть въ общеніи съ Богомъ, стараться постепенно возноситься отъ земныхъ къ небеснымъ и соединяться со Христомъ. Средства къ этому соединенію указаны и даны намъ Самимъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ. Это—вѣра въ Него, любовь къ Нему, усердная молитва, частое возношеніе ума и сердца къ небу, всегдашняя память будущаго, ожидаемаго нами, блаженства, удаленіе отъ забавъ и прелестей мірскихъ, отриновеніе страстей, чистота души и тѣла. Это причащеніе Святыхъ и Божественныхъ Таинъ пречистаго тѣла и крови Христовой, къ которому Св. Церковь ежедневно призываетъ вѣрующихъ. Выше сего послѣдняго средства къ соединенію со Христомъ нѣтъ и быть не можетъ. Причастіе тѣла и крови Христовой уже со Христомъ и во Христѣ. *Ядъ Мойю плоть, и пійя Мойю кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6: 56), сказалъ Самъ Господь. Причастіе тѣла и крови Христовой уже на небѣ, въ Царствіи Божіемъ, вознесенный, прославленный, обоженный.

Будемъ, братіе, добрыми, истинными Христіанами, постараемся указанными средствами имѣть здѣсь общеніе со Спасителемъ нашимъ Христомъ,—и Спаситель нашъ Господь сподобитъ насъ въ будущей жизни со Святыми Своими въ вѣчной славѣ Его царствовать. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 9.

Господь Иисусъ Христосъ и по вознесеніи на небо
пребываетъ съ вѣрующими неразлучно.

Наконецъ въ послѣдній разъ Воскресшій Господь нашъ Иисусъ Христосъ явился ученикамъ Своимъ, простился, такъ сказать, съ ними на горѣ Елеонской, и въ виду ихъ вознесся на небо, какъ нынѣ возвѣщаетъ намъ празднованіемъ своимъ Святая Церковь. Что же, братіе? Господь и Спаситель нашъ оставилъ насъ? Какъ же намъ жить безъ Него? Кто насъ научить, кто сохранить, кто спасетъ? Ежели и при Немъ лукавый міръ гналъ и преслѣдовалъ вѣровавшихъ въ Него, ежели и Самъ Онъ пострадалъ отъ него: то что будетъ съ нами? Успокойтесь, Христіане! *Господь силъ* всегда съ нами, *заступникъ* и *Избавитель нашъ Богъ Іаковъ* (Цсал. 45: 12). Спаситель нашъ вознесся на небо челоѣчествомъ, но пребываетъ вездѣсущъ Своимъ Божествомъ; Онъ оставилъ землю, какъ челоѣкъ, но всегда пребываетъ и пребудетъ на ней, какъ Богъ. Развѣ не помнимъ, что сказалъ Онъ Апостоламъ, когда оставлялъ ихъ на землѣ, а Самъ восходилъ на небо? *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка?* (Матѣ. 28: 20). „Какъ же это“, скажете, — „и оставилъ Апостоловъ, и обѣщался пребывать съ ними всегда?“ Да такъ именно, какъ уже и пребывалъ съ ними. Вѣдь Онъ уже съ самаго воскресенія пребывалъ на землѣ невидимо и только по временамъ являлся для засвидѣтельствованія Своего воскресенія. Также точно, значить, будетъ пребывать неразлучно съ Апостолами и со всѣми вѣрующими и по вознесеніи на небо.

На этотъ образъ невидимаго, благодатнаго, таинственнаго пребыванія посреѣ вѣрующихъ Спаситель нашъ Господь указывалъ и прежде. Такъ Онъ нѣкогда, еще до своего страданія и смерти, говорилъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреѣ ихъ* (Матѣ. 18: 20). Видите, Господь Иисусъ, еще бывши въ непрославленной воскресеніемъ плоти и, обращаясь съ учениками Своими видимо, уже могъ находиться и дѣйствительно находился вездѣ, гдѣ только двое или трое сопребывали, запечатлѣнные спасительнымъ именемъ Его. Можно ли послѣ сего думать, что нѣтъ уже Господа нашего на земли, по вознесеніи Его на небо? Можно ли думать, что Онъ уже не пребываетъ въ Церкви Своей, въ этомъ безчисленномъ и повсюдномъ соборѣ Христіанъ, которые *отверзутъ во имя Его* (Іоан. 1: 72), и *крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа?*

(Матѣ. 28: 19). Нѣтъ, нѣтъ. Господь Спаситель нашъ не оставилъ насъ и по восшествіи на небо; Онъ всегда и со всѣми нами: Онъ видитъ насъ, знаетъ наши помышленія, слышитъ наши воздыханія; Онъ любитъ насъ, печется о насъ, хранитъ насъ, ведетъ насъ къ вѣчному животу и царствію. Какъ отрадно должно быть послѣ сего каждой душѣ Христіанской! Представьте, какъ бываютъ веселы, спокойны и безонасны дѣти, когда видятъ, что съ ними отецъ и мать? Не такъ ли, не болѣе ли должны быть спокойны и благодущны мы— Христіане, когда съ нами Богъ, съ нами спасительная благодать Господа нашего Иисуса Христа? Въ такомъ именно настроеніи духа являются всѣ истинно вѣрующіе. Такъ одинъ изъ нихъ говоритъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* (Рим. 8: 31). Другой: *аще и пойду посредь стни смертныя, не боюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22: 4). Такъ и мы, руководствуемые гласомъ Церкви, утверждаемъ себя въ надеждѣ на Спаса нашего Христа, ободряемъ обѣщаніемъ всегдашняго Его спасительнаго съ нами пребыванія. *О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщася еси быти до скончанія вѣка Христе; его же вѣрній утверждене надежды и муще радуемся* (9 пѣсн. кап. Пасх. троп. 1).

Радуемся, братіе, что Господь и Спаситель нашъ не оставилъ насъ и по вознесеніи Своемъ на небо, но пребываетъ въ Церкви Своей и съ каждымъ вѣрующимъ какъ Глава, какъ Искупитель, какъ Богъ. Да, братіе. Насъ не оставилъ Господь. Но скажите-ка, не оставляемъ ли Его мы? О, какой прискорбный вопросъ! Сейчасъ слышится слово Господа, изреченное Пророкомъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Псал. 59: 2). Значитъ, грѣхи удаляютъ насъ отъ Бога; съ грѣшниками не можетъ пребывать Богъ. А кто изъ насъ не грѣшникъ? Кто не великій грѣшникъ? Стало быть, нѣтъ съ нами Спасителя нашего Иисуса Христа, и не Онъ удаляется отъ насъ, а мы удаляемъ отъ Него грѣхами нашими. Истинно такъ, братіе. Но успокойтесь. Вѣдь не-грѣшниковъ никого изъ людей не было и нѣтъ. Вѣдь Сынъ Божій Господь Иисусъ и пришелъ грѣшниковъ спасти. Онъ, не смотря на наши немощи и грѣхопаденія, не оставляетъ и не оставитъ насъ, только бы мы не коснѣли въ тинѣ грѣховъ, а раскаявались въ содѣянныхъ грѣхахъ, и впредь старались, елико возможно, хранить себя отъ грѣховъ. Въ такомъ случаѣ Самъ Господь Спаситель нашъ поплетъ къ намъ свою Божественную благодать и силу, Самъ очиститъ, Самъ укрѣпитъ, Самъ освятитъ насъ и содѣлаетъ насъ достойными Его спасительнаго съ нами пребыванія. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 10.

Молитва за умершихъ — средство свиданія съ ними.

Господи благослови!

Любите ли вы, братіе, своихъ родныхъ? Имѣете ли свиданіе съ ними? Пишете ли имъ, когда они находятся въ отсутствіи? Нельзя не любить родныхъ. Родныхъ сама природа связуетъ. У родныхъ почти одна кровь, одна душа, одна жизнь. Нельзя не утѣшаться свиданіемъ съ родными. Какъ грустна и прискорбна разлука, такъ пріятно и отраднo свиданіе. Тихо, спокойно, весело на душѣ, когда, послѣ разлуки, увидимся съ родными, или получимъ благопріятное извѣстіе отъ родныхъ. Но не о томъ свиданіи я говорю, которое обыкновенно бываетъ у насъ; говорю о другомъ свиданіи, болѣе чувствительномъ, болѣе важномъ. Завтра, братіе, день для нашего свиданія съ родными, которые отбыли отъ насъ въ другой міръ и съ которыми уже не видаться намъ въ здѣшней жизни. Завтрашній день Св. Церковь назначила для поминовенія и молитвы за умершихъ.

Вотъ, братіе, какое чувствительное предстоить намъ свиданіе! Кто-бы изъ насъ не пожелалъ видѣть родныхъ, съ которыми протился навсегда, отецъ напрімѣръ сына, сынъ—отца, мужъ—жену, жена—мужа, братъ—сестру, сестра—брата? Смертная разлука съ своими кровными, близкими сердцу обыкновенно раздраетъ наши сердца; за то и свиданіе съ ними, по смерти, должно быть изумительно отраднo и сладко. Утѣшимся же сами, братіе, и утѣшимъ отшедшихъ родныхъ нашихъ пріятнымъ нашимъ свиданіемъ съ ними. Не затрудняйтесь мыслію, что ихъ нѣтъ уже съ нами, нѣтъ даже на нашей землѣ, въ здѣшней жизни, что они уже умерли. Вѣдь мы не язычники, не старые и не новые саддукеи, которые не вѣрятъ воскресенію; мы—Христіане, для которыхъ умершіе умерли только тѣломъ, а душами живутъ въ другой, загробной жизни. Утѣшимся, говорю, и утѣшимъ родныхъ нашихъ свиданіемъ съ ними. Не говорите, какъ это? „Мы здѣсь, а они тамъ—за гробомъ! Какъ же видѣться съ ними, какъ послать къ нимъ извѣстіе“? Молитвою, братіе, молитвою. Молитва—это единственное и наилучшее средство нашего общенія съ умершими. Въ молитвѣ мы можемъ бесѣдовать съ ними, въ молитвѣ передавать имъ свои чувства и желанія, молитвою испрашивать имъ прощеніе и милость отъ Бога, и такимъ образомъ доставлять и себѣ и имъ утѣшеніе. Завтра, говорю, Святая Церковь будетъ молиться за всѣхъ Православныхъ Христіанъ, отшед-

шихъ отъ сей временной жизни въ вѣчную. Присоединимъ и мы свои усердныя молитвы за нашихъ близкихъ сердцу; воспользуемся этимъ благопріятнымъ временемъ для утѣшительнаго свиданія съ ними. Пусть прольются за нихъ сладкія слезы, пусть отъ полноты любящихъ сердець исторгнутся даже вопли, но вопли не дикіе, не отчаянные, какъ бы о потерянныхъ невозвратно любимыхъ нами, а вопли, умоляющіе благость Божию о спасеніи ихъ, вопли, одушевленные надеждою на будущее блаженное съ ними свиданіе. Какъ легко, какъ отрадно будетъ у насъ на душѣ! Какъ пріятно будетъ умершимъ роднымъ нашимъ, что мы не забываемъ ихъ, а помнимъ ихъ, любимъ ихъ и молимся за нихъ. Помянувъ ихъ и помолившись за нихъ, мы точно какъ пошлемъ привѣтъ къ нимъ, побываемъ у нихъ, повидаемся съ ними.

Не забудемъ, братіе, и ближнихъ нашихъ, всѣхъ Православныхъ Христіанъ. Какъ при личномъ свиданіи съ родными, мы не оставляемъ изъяслять любовь и почтеніе и знакомымъ и какъ въ письмахъ отсутствующимъ роднымъ обыкновенно свидѣтельствуемъ почтеніе и поклоны и знакомымъ: такъ и въ молитвѣ за умершихъ родныхъ не оставимъ по Христіанской любви и усердію помянуть, вмѣстѣ съ Церковію, и всѣхъ Православныхъ Христіанъ, которые не только знакомы намъ, но и сродники по духу, присные въ вѣрѣ, братія во Христѣ.

Вотъ, братіе, что слѣдуетъ сдѣлать намъ въ завтрашній день. Помолимся Господу о спасеніи почившихъ сродниковъ нашихъ и всѣхъ Православныхъ Христіанъ. Прощаясь съ ними, скажемъ имъ: „достоблаженніи отцы, братіе и чады наши, покойтесь въ мирѣ, въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной. Господь да сподобитъ насъ видѣться съ вами въ новой жизни, въ Царствѣ Небесномъ! Теперь до этого блаженнаго свиданія!“ Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 11.

Природный языкъ есть даръ Духа Божія.

Господи благослови!

Знаете, братіе, какимъ дивнымъ явленіемъ ознаменовалось сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ. Внезапно просвѣщенные огненною благодатію Духа, они вдругъ заговорили на языкахъ всѣхъ извѣстныхъ тогда народовъ, такъ что этимъ привели въ изумленіе весь народъ, собравшійся во множествѣ изъ разныхъ странъ въ Іе-

русалимъ на праздникъ Пятидесятницы. Вотъ какъ легко и скоро Апостолы узнали разные языки! А мы? Съ какимъ трудомъ, съ какою медленностію бываетъ у насъ изученіе языковъ! Слагаемъ букву съ буквою, присовокупляемъ слово къ слову, видоизмѣняемъ, сочетаваемъ слова, изучаемъ реченія. Проходятъ цѣлыя годы, десятки годовъ, и мы едва усвоаемъ себѣ знаніе двухъ—трехъ языковъ, и то далеко не въ той полнотѣ, какъ природныя, и особенно не въ томъ совершенствѣ, какъ Апостолы. Отчего это? Причина очевидна, и самая достаточная. Тамъ дѣйствовало всемогущество Божіе, здѣсь дѣйствуетъ немощный языкъ человѣческой. Для чего же мы лишаемся такого дара, какой получили Апостолы? Причину эту опять найти не трудно. Видно, это намъ не нужно. Дѣйствительно не нужно. Апостолы были люди простые, знавшіе только свой отечественный языкъ, а между тѣмъ имъ надлежало проповѣдывать Евангеліе всѣмъ народамъ; какъ же имъ было не знать языковъ? Вотъ для этого и данъ былъ имъ отъ Бога чудесный даръ говорить на разныхъ языкахъ. Намъ-то для чего же? У насъ, какъ и у всякаго народа, есть свой природный языкъ, на которомъ мы можемъ не только бесѣдовать другъ съ другомъ, но и, подобно Апостоламъ, *глаголатъ величія Божія* (Дѣян. 2: 11), возвѣщать милосердіе Божіе и возносить Всевышнему хвалы. А между тѣмъ подумайте-ка и о своемъ природномъ языкѣ. Не есть ли онъ даръ Божій, нѣкоторымъ образомъ подобный тому дару, который излился отъ Духа Божія на Апостоловъ. Вѣдь и мы, какъ и всѣ народы, не изучаемъ своего отечественнаго языка. Онъ непримѣтно приобрѣтается нами, и, такъ сказать, дается намъ самъ собою. Нельзя не видѣть и здѣсь непримѣчаемаго дѣйствія Духа Божія, который дѣлаетъ насъ словесными, способными проповѣдывать величіе Божіе и возвѣщать волю Божію каждому изъ ближнихъ нашихъ и всѣмъ говорящимъ однимъ съ нами языкомъ.

Итакъ, тѣ, которые приобрѣли знаніе другихъ, кромѣ своего отечественнаго, языковъ, пусть не превозносятся этимъ знаніемъ. Такое знаніе, само по себѣ, для Христіанина не составляетъ еще никакого достоинства. *Царство Божіе не въ словесахъ, но въ силѣ* (1 Кор. 4: 20). Можно знать много языковъ и не знать *единого на потребу* (Лук. 10: 42), того, посредствомъ чего должны приобрѣтать себѣ вѣчное спасеніе. Можно красно и велерѣчиво говорить, а жизнь и дѣла имѣть вовсе не христіанскія. А вы, разумѣющіе одинъ языкъ, который образовала въ васъ управляемая Духомъ Божіимъ природа, не считайте себя ни въ чемъ лишенными противъ

другихъ. Благодареніе Богу! На нашемъ природномъ языкѣ совершается у насъ и служеніе Богу, на нашемъ природномъ языкѣ проповѣдуется намъ и слово Божіе, на нашемъ природномъ языкѣ мы сами можемъ молиться Богу, читать и слушать, и житія Святыхъ, и поученія Св. Отцевъ и Пастырей Церкви, и другія всякія душе-спасительныя квіги.

Благодаримъ же, братіе, Творца нашего и Бога за данный намъ даръ слова и языкъ и постараемся употреблять его не на грѣхъ, не на зло, не на празднословіе, не на злорѣчіе, не на пересуды, а во славу Божію, въ пользу ближнихъ нашихъ и въ собственное наше спасеніе. Да не забываемъ, что если бы мы заговорили, по Апостолу, *языками*, не только *человѣческими*, но и *Ангельскими*, а не имѣли *любви*, не имѣли благочестія Христіанскаго и дѣлъ Христіанскихъ, то мы были бы не болѣе, какъ *мѣдь звѣнящая или кимвалъ звѣчающій* (1 Кор. 13: 1). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 12.

Плотская наша жизнь показываетъ отсутствіе въ насъ
Духа Божія.

Р

Господи благослови!

Разскажу вамъ, братіе, одно обстоятельство изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Святый Апостолъ Павелъ, какъ извѣстно, проповѣдывалъ Евангеліе во всѣхъ почти странахъ міра. Однажды пришелъ онъ въ Ефесъ, и здѣсь нашелъ нѣсколькихъ учениковъ. Учениками обыкновенно назывались вѣрующіе. Получили ли они Святаго Духа? спросилъ ихъ Павелъ. Тѣ отвѣчали ему: „мы даже и не слышали, что есть Святый Духъ“ (Дѣян. 19: 1, 2). Замѣтимъ, что эти вѣровавшіе крестились тогда еще не во имя Господа Іисуса, а только Іоанновымъ, несовершеннымъ крещеніемъ.

Что, если бы такой же вопросъ предложенъ былъ намъ Христіанамъ? Мы уже вѣруемъ въ Господа Іисуса, освящены совершеннымъ во имя Святыя Троицы крещеніемъ и получили сугубое дарованіе Духа Божія, какъ *рожденные отъ воды и Духа* (Іоан. 3: 5.) и запечатлѣнные таинственнымъ *помазаніемъ отъ Святаго* (1 Іоан. 2: 20). Что же сказали бы мы, еслибы спросили насъ,—получили ли мы Святаго Духа? Увы! мы были бы безотвѣтны, или отвѣчали бы подобно Ефесскимъ вѣровавшимъ, не получившимъ полного Христіанскаго просвѣщенія. Прискорбно, но истинно такъ,

братіе. Представьте, многіе ли изъ насъ помнятъ и стараются помнить то, чего мы удостоились въ младенчествѣ? Многіе ли разумѣютъ и цѣнятъ ту ничѣмъ неоцѣнимую благодать, которую получили отъ Матери своей Церкви тотчасъ по явленіи своемъ на сей свѣтъ! Много ли со вниманіемъ и усердіемъ помышляютъ о томъ, что они съ самыхъ первыхъ дней бытія своего записались въ книгу живота вѣчнаго, усыновились Богу и дали обѣтъ служить Ему вся дни живота своего въ преподобіи и правдѣ, и стараются ли, вслѣдствіе сего, болѣе и болѣе познавать Бога и Его Святой законъ и жизньнюю свою свидѣтельствовать, что они *родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія?* (1 Петр. 2: 9). Увы и улы! Куда ни посмотри, на просвѣщенныхъ ли и образованныхъ, или на простолодиновъ, вездѣ болѣе или менѣе мрачная картина. Вездѣ одна житейская суета, одно попеченіе о земномъ, одно угожденіе плоти и страстямъ. Всѣ какъ будто для того только и живутъ, чтобы жить да питать себя всякими, какими только можно, чувственными удовольствіями. О Богѣ, о душѣ, о благочестіи и не услышишь; о смерти, о будущей судьбѣ и помину нѣтъ. Что это, Христіане? Ужь есть ли въ насъ благодать Святаго Духа? Не удалили ли мы отъ себя этого Божественнаго Утѣшителя смрадомъ своихъ грѣховъ? Не отнялъ ли отъ насъ Богъ Духа Святаго? Какъ бы ни было, а очевидно мы, Христіане, находимся не въ безопасномъ положеніи относительно своего спасенія. Вѣдь для того дается намъ и благодать и сила Божественнаго Духа, чтобы мы дѣлались чистыми, новыми, духовными людьми, чтобы украшали себя добродѣтелями, этими небесными плодами Духа и такимъ образомъ приготавливали изъ себя сыновъ, достойныхъ Царствія Божія. Вѣдь по свидѣтельству Апостола Павла, только *елицы духомъ Божиимъ водятся, сіи суть сынове Божіи* (Рим. 8: 14). *Ни едино осужденіе о Христѣ Иисусѣ только не по плоти ходящимъ, но по духу* (Рим. 8: 1). *Аще духомъ дѣянія плотская умерщвляемъ, тогда только живи будемъ* (Рим. 8: 13). *А плоть и кровь Царствія Божія наследити не могутъ* (1 Кор. 15: 50).

Подумаемъ, братіе, о себѣ внимательнѣе, сколько можно чаще будемъ обращать мысли свои на то, какое званіе мы на себѣ носимъ, къ чему мы предназначены отъ Творца и Спасителя нашего Бога и какъ должны жить, чтобы не посрамиться намъ въ тотъ день, когда будетъ воздаяніе каждому по дѣламъ. А чтобы имѣть намъ вѣрное и благонадежное преуспѣяніе въ духовномъ обновленіи себя, призовемъ и всегда будемъ призывать Бога помощника себѣ

и молить Его о ниспосланіи намъ всемогущей благодати Его, по примѣру Давида: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отгони отъ мене. Воздаждь ми радость спасенія Твоего, и Духомъ владычнимъ утверди мя* (Псал. 50: 12, 13, 14) Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 13.

Потребность святыхъ постовъ.

Господи благослови!

Гдѣ постомъ, братіе мои, привѣтствую васъ. „Опять постъ“, скажетъ одинъ. „Какой нынѣ постъ“, скажетъ другой. „Что за посты“, скажетъ третій. Да, братіе, нельзя не ожидать такихъ вопросовъ въ наше время. Наше время далеко не похоже на время добрыхъ и благочестивыхъ предковъ нашихъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія, которымъ особенно мы умѣемъ злоупотреблять, быстро измѣняются у насъ не только нравы и обычаи народные, но не мало колеблются и самыя установленія Церкви. Таково преимущественно пренебреженіе святыхъ постовъ. „Опять постъ“, говоритъ теперь сластолюбивый и плотоугодливый Христіанинъ. Да, любезный со- братъ! Св. Церковь опять повелѣваетъ поститься. Уже довольно сдѣлано для насъ снисхожденія. Восемь недѣль пользовались мы разрѣшеніемъ на всякую пищу. Надо же сдѣлать и перемѣну. Вѣдь одна пища обыкновенно намъ наскучиваетъ, и мы любимъ перемѣнять себѣ блюда. Отчего же мы крѣпко держимся пищи скоромной, мясной, и тотчасъ предаемся негодованію, какъ скоро наступаетъ постное время? Постная пища, и по свидѣтельству врачей, полезнѣе для человѣка; она менѣе утучняетъ плоть и болѣе предохраняетъ отъ болѣзней. Недобрый это знакъ, что мы весь годъ хотѣли бы обратиться въ мясоѣдъ. Это показываетъ, что мы рабы плоти и крови, и *чрево*, по Апостолу, *у насъ богъ* (Фил. 3: 19). „Какой нынѣ постъ“, спрашиваетъ опять Христіанинъ, воспитанный по нынѣшнему и мало знакомый съ правилами и установленіями Церкви. Постъ, возлюбленный, нынѣ *Апостольскій*. Какъ есть два поста въ честь и славу Спасителя нашего, есть постъ и въ честь Матери Божіей, такъ установленъ постъ и въ честь Святыхъ Апостоловъ. Надо же было почтить и верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, а вмѣстѣ

съ ними и всѣхъ святыхъ апостоловъ, которые пронесли благовѣстіе Евангелія по всей вселенной, которые потрудились для насъ и для нашего спасенія и претерпѣли и алчбу, и жажду, и наготу, и поношенія и темницы, и страданія, и смерть. Вѣдаемъ, однакоже, что святые посты установлены не только для прославленія Святыхъ, но и для собственнаго нашего спасенія, которое достигается смиреніемъ плоти, умерщвленіемъ страстей, обновленіемъ духа, очищеніемъ и освященіемъ всего человѣка. „Что за посты“, воиетъ еще Христіанинъ современнаго просвѣщенія. „Дѣло спасенія не въ пищѣ, а въ разумномъ исполненіи нравственныхъ обязанностей“. Хорошо, исполненіе нравственныхъ обязанностей дѣйствительно необходимо для спасенія; но почему же не нужны посты? Развѣ напрасно, безъ разума и безъ цѣли установила ихъ Церковь? Развѣ установленіе постовъ Церковію не оправдывается постомъ Самого Спасителя, постомъ Святыхъ и богодухновенныхъ мужей, постомъ всѣхъ Православныхъ Христіанъ до нашего времени? Нѣтъ, возлюбленный. Мы всецѣло вѣримъ и повинемся Матери нашей Св. Церкви, лучше всѣхъ разумѣющей святую волю Божию, а твоихъ мнимо-разумныхъ вѣщаній не слушаемъ и не уважаемъ. Развѣ поставятъ въ упрекъ то, что мы, при воздержаніи отъ мясоствія, не наблюдаемъ воздержанія въ постной пищѣ? Развѣ скажутъ, что мы, употребляя и постную пищу, имѣемъ обычай питать свое сластолюбіе приготовленіемъ многихъ и разнообразныхъ снѣдей? Вотъ это такъ. Дѣйствительно, не похвально во время поста наблюдать только родъ пищи, а не заботиться объ умѣренномъ употребленіи оной. Истинный постъ есть воздержаніе, требующее не частаго, благовременнаго и умѣреннаго употребленія постной пищи. Но и этотъ недостатокъ не такъ преступенъ, какъ преступно дѣйствительное нарушеніе постовъ. Питаясь одною постною пищею, мы, какъ послушныя дѣти Матери своей Св. Церкви, въ очахъ Божіихъ все еще гораздо выше и чистѣе преслушныхъ установленіямъ Церкви мясоѣдовъ. По крайней мѣрѣ въ посты мы не посягаемъ на жизнь Божіихъ тварей. По крайней мѣрѣ въ это время не льется у насъ кровь невинныхъ животныхъ.

Да будетъ же, братіе, священна для насъ воля Матери нашей Святой Православной Церкви! Никто да не дерзаетъ измѣнять непреложные уставы Ея нарушеніемъ постовъ. Вѣдаемъ, что назначеніе для насъ, Христіанъ, не чувствєнныя плотскія удовольствія, а чистыя, духовныя наслажденія *въ Царствіи Божіемъ*, которое, по Апостолу, *нѣсть брашно и питіе, но правда, и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14: 17). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 14.

Спасеніе наше пріобрѣтается совокупнымъ дѣйствіемъ
Бога и человѣка.

Господи благослови!

Одинъ Учитель Церкви сказалъ: „Богъ сотворитъ насъ могъ безъ насъ, а спасти насъ безъ насъ не можетъ“. Значитъ, спасеніе наше зависитъ и отъ Бога и отъ насъ самихъ. Ни мы не можемъ спастись безъ содѣйствія отъ Бога, ни Богъ не можетъ спасти насъ безъ участія нашего. Что безъ содѣйствія и помощи Божіей мы спастись не можемъ, кто бы въ этомъ усумнился? Иначе для чего было страдать за насъ Сыну Божію? Для чего было сходить на землю Духу Святому? Спастись самому собой значитъ самому по себѣ изъ чернаго сдѣлаться бѣлымъ, изъ гнилаго—здоровымъ, изъ стараго—молодымъ, изъ мертваго—живымъ. Спастись самому собой значитъ самому себя перемѣнить, переродить, пересоздать. Спастись самому собой значитъ имѣть свою возможность и силу, и ада избѣжать, и въ рай небесный взойти. Нѣтъ. По нашей грѣховной тяжести мы можемъ только падать и повергаться въ бездну, а восходить на высоту въ область свѣта и славы не въ нашихъ силахъ. Это можетъ быть только тогда, когда придетъ къ намъ всемогущая помощь Божія, когда Самъ Господь подастъ намъ Свою всемогущую руку. Вотъ тогда мы можемъ возстать изъ бездны грѣха и смерти. Но и мы не должны быть праздны въ дѣлѣ собственнаго нашего спасенія. И всемогущая помощь Божія не придетъ къ намъ, если мы сами не примемъ должнаго участія въ содѣянніи своего спасенія. Она, говорю, не придетъ къ намъ, или, пришедши, уйдетъ отъ насъ, если мы своею безпечностію будемъ отрѣвать ее отъ себя. Господь—виновникъ нашего спасенія, но тогда, когда сами мы заботимся о своемъ спасеніи и стараемся добрыми дѣлами заслуживать свое спасеніе. Безъ собственнаго нашего желанія и дѣйствованія, одною Своею Божественною волею и силою, Богъ не спасаетъ никого. Если бы Онъ спасалъ насъ безъ насъ, то для чего данъ и законъ? Для чего и правила и установленія Церкви? Если бы Богъ спасалъ насъ безъ насъ, не было бы различія между праведниками и грѣшниками, между Святыми Ангелами и отверженными духами. Но возможно ли это? Попуститъ ли это святость и правда Божія? Вѣдь Отецъ небесный спасаетъ насъ изъ любви къ намъ. Онъ хочетъ раздѣлять съ нами Свое блаженство. Какое же было бы утѣшеніе Ему, если бы

стали наслаждаться блаженством Его тѣ, которые не хотѣли того? Могутъ ли и сами наслаждаться блаженствомъ тѣ, которые не хотятъ того и не имѣютъ расположенія къ тому?

Такъ, братіе. Спасеніе наше совершается совокупнымъ дѣйствіемъ силы Божіей и нашихъ собственныхъ подвиговъ. Мы дѣйствуемъ; Богъ содѣйствуетъ намъ. Богъ посылаетъ намъ силу и благодатную помощь: мы приедемъ и употребляемъ эту силу и помощь въ собственномъ дѣланіи нашемъ. И какъ все благоуслѣшно бываетъ у насъ, когда Богъ помогаетъ намъ! Какъ пріятно и Богу помогать намъ, когда мы приедемъ и употребляемъ Его помощь въ наше спасеніе! А безъ Бога, безъ всесильной помощи Божіей, одними Своими силами, равно какъ при празднои надеждѣ на помощь Божію, безъ собственнаго участія и дѣйствованія никто не думай спастись. Посмотрите, что дѣлается и въ видимой природѣ. Вотъ нынѣ лѣто. Растетъ хлѣбъ въ поляхъ, плоды и овощи въ огородахъ. Скажите, кто тутъ дѣйствуетъ, Богъ или человѣкъ, и одинъ Богъ, или одинъ человѣкъ? И Богъ, и человѣкъ; и Тотъ и другой совокупно. Богъ изливаетъ солнечный свѣтъ и теплоту и посылаетъ дождь на землю; человѣкъ воздѣлываетъ и удобряетъ землю и влагаетъ сѣмена въ нѣдра ея. Ежели солнце будетъ освѣщать и согрѣвать, а дождь орошать землю, но земля не будетъ воздѣлана и засѣяна: выростетъ ли хлѣбъ и плодъ? Нѣтъ. Ежели, опять, земля будетъ воздѣлана и засѣяна, но не будетъ ни свѣта, ни теплоты солнечной, ни дождя благотворнаго: выростетъ ли хлѣбъ и плодъ? Опять нѣтъ. Видите, что дѣлается въ вещественной природѣ. Судите посему и о духовномъ нашемъ состояніи, и о плодахъ нашего спасенія. Если Богъ не пошлетъ намъ Своей благодати и помощи, то хотя бы мы и трудились для своего спасенія, не спасемся. И, опять, хотя бы Богъ и посылалъ намъ Свою помощь и силу, но если мы сами, при помощи Божіей, не будемъ трудиться для своего спасенія, не спасемся.

Братіе! За Богомъ дѣло не стоитъ и никогда не станетъ. Онъ всегда готовъ на наше спасеніе. Онъ жаждетъ нашего блаженства. Вотъ Онъ и Сына Своего Единороднаго далъ за насъ на смерть. Вотъ Онъ и Духа Своего Животворящаго послалъ къ намъ. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, какъ солнце, свѣтитъ намъ и грѣетъ насъ; животворящая сила Духа Утѣшителя, какъ дождь, орошаетъ души и сердца. Остается дѣло за нами. Отъ насъ требуется трудъ воздѣлать нивы сердець нашихъ, *удобрить* наши души и насадить въ нихъ сѣмена добродѣтелей, чтобы *возрасти* намъ во спасеніе (1 Петр.

2: 2). и имѣть плодъ въ святыхи, кончину же, жизнь вѣчную (Рим. 6: 22). Попечемся, братіе, о себѣ, пока длится время благопріятное, дни спасенія (2 Кор. 6: 2). Будемъ просить у Господа Бога Его всесильной благодати и помощи, немощь нашу укрѣпляющей, и къ благодѣянію насъ возбуждающей. Не облѣнимся и сами упражнять себя въ богомысли, въ покаяніи, въ молитвахъ, въ душеспасительномъ чтеніи, въ полезныхъ трудахъ, въ службѣ ближнимъ нашимъ, всѣмъ, чѣмъ кто, по званію и состоянію своему, можетъ. Земледѣлецъ, потрудившійся въ лѣтнее время, бываетъ спокоенъ и веселъ, когда соберетъ плодъ. Такъ и мы, если потрудимся для своего спасенія въ лѣто нашей жизни, будемъ счастливы и блаженны, по смерти. Сохрани Богъ уподобиться лѣнивому и нерадивому, который оставилъ землю свою въ пустѣ и все лѣто провелъ въ праздности, въ разсѣяніи, въ безразсудныхъ увеселеніяхъ. Будущая доля его бѣдность, горькая печаль, бесплодное раскаяніе. Да не постигнетъ кого либо и изъ насъ подобная участь въ будущей жизни за настоящую нашу разсѣянность, приверженность къ міру и нерадѣіе о своемъ спасеніи. Боже нашъ, спаси насъ, да зовемъ Ти: слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 15.

Время новозавѣтной благодати есть день.

Господи благослови!

Ночь преjde, а день приближися.

(Рим. 13: 12).

Что сказалъ Апостоль. Повторяя слова его, я хочу вамъ, братіе, показать ночь и день. Не удивляйтесь моимъ словамъ. Не говорите: не нужно намъ это показывать: всѣ мы хорошо видимъ и знаемъ, что такое день и что такое ночь; всѣ знаемъ, что ночью темно и грустно, а днемъ свѣтло и пріятно“. Не говорите такъ. Въдь не одно солнце, которое мы видимъ, и не одинъ свѣтъ, который бываетъ у насъ днемъ. Есть другое солнце, есть другой свѣтъ а потому есть и другой день и другая ночь, въ которыхъ обращается только человѣкъ, и которыхъ не знаютъ прочія земныя твари. Это—ночь и день *духовные*, темное или свѣтлое состояніе человѣка по душѣ, темное или свѣтлое свойство познаній, желаній и дѣлъ человѣка. Вотъ объ этой-то ночи и объ этомъ то днѣ и говорить Апостоль.

Ночь преjde, а день приближися. Ночь прошла. Это—времена

отъ паденія человѣка до востанія его во Христѣ. По сотвореніи человѣка былъ чистый свѣтъ на землѣ. Первобытное состояніе его—это прекрасный день, который продолжался не долго. Человѣкъ чрезъ грѣхопаденіе лишился свѣта Божественнаго и наступила для насъ ночь, ночь грѣха, тьма помраченія, всей его природы. Съ тѣхъ поръ человѣкъ блуждалъ на землѣ, какъ слѣпый. *Помраченный смысломъ* (Ефес. 4: 18), онъ не узнавалъ себя, забылъ свое происхожденіе, забылъ Бога, отъ котораго получилъ бытіе, и сталъ поклоняться бездушной твари, забылъ свое безсмертіе, и сталъ жить какъ *скотъ животный* (2 Петр. 2: 12), *тлѣющій въ похотяхъ прелестныхъ* (Ефес. 4: 22); онъ началъ исполнять волю развращеннаго сердца своего, служить страстямъ и предаваться всѣмъ нечистотамъ, на которыя разительно указалъ Апостоль Павелъ. Былъ, правда, среди этой ночи нѣкоторый отблескъ свѣта для человѣка въ его естественномъ разумѣ и совѣсти, но онъ не болѣе давалъ ему свѣта, какъ и тусклое сіяніе звѣздъ. Показалась даже луна въ законѣ, данномъ отъ Бога на горѣ Синайской, но и она осіявала только одинъ народъ Израильскій, и однакожь не просвѣщала тьмы ночной. Нѣтъ. Эту тьму можетъ просвѣтити только свѣтъ солнечный. Только съ восходомъ солнца можетъ настать день. И насталъ (благодареніе Просвѣтителю нашему Богу!). *Ночь преjde, а день приближися. Людіе судящии во тмѣ видѣша свѣтъ велий, и судящимъ въ странѣ и стнми смертннй, свѣтъ возсія имъ* (Матѣ. 4: 16). *Возсіяло солнце правды* (Малах. 4, 2), явился на землѣ Сынъ Божій, *свѣтъ міру* (Іоан. 8: 12), *свѣтъ истинный просвѣщай всякаго челоуька* (Іоан. 1: 9),— и вотъ насталъ на землѣ *день благодати и спасенія* (2 Кор. 6: 2). Искупитель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, пришедшій спасти падшій родъ человѣческій, *призвалъ его изъ тмы въ чудный свѣтъ Свой* (1 Петр. 2: 9); просвѣтилъ его свѣтомъ божественныя истины и научилъ его творить святую волю Божію и содѣлалъ вѣрущихъ въ него чадами Божіими, *сынами свѣта и дня* (1 Солуп. 5: 5). Теперь-то человѣкъ прозрѣлъ духовно, увидѣлъ свѣтъ Божій, узналъ свое положеніе, понялъ свое назначеніе, сталъ взирать на небо, служить Богу духомъ и истиною, очищать себя отъ грѣховъ покаяніемъ, жить цѣломудренно, праведно и благочестиво и ждать себѣ наслѣдія на небѣ въ вѣчномъ блаженствѣ и Царствѣ Бога, Своего Творца и Спасителя. Вотъ, братіе, какая была ночь и какой насталъ день въ человѣческомъ родѣ. Объ этой-то ночи и объ этомъ-то днѣ и говоритъ Апостоль къ вѣрующимъ: *Бысте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. 5: 8). *Ночь преjde, а день приближися.*

Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ! И нашему отечеству, и намъ, братіе, Всевышній Просвѣтитель міра показалъ свѣтъ, и у насъ насталь день спасенія послѣ ноци грѣха и заблужденій языческихъ. Восемь сотъ лѣтъ уже и болѣе, т. е. съ того самаго времени, какъ Благовѣрный нашъ князь Владиміръ перемѣнилъ языческое нечестіе на Христіанское благочестіе, сіяеть у насъ день Господень, и мы живемъ и ходимъ во свѣтѣ благодати и истины, возвѣщаемой Евангелиемъ Сына Божія, Спасителя нашего Иисуса Христа. И къ нашему, слѣдовательно, Отечеству во всей силѣ относятся слова Апостола: *ночь преиде, а день приблизися.. И къ намъ обращаетъ Апостоль тоже утѣшительное привѣтствіе: Бѣсте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ. Все бо вы сынове свѣта есте и сынове дне.*

Благодаримъ же Господа, Просвѣтителя нашего. Будемъ ходить во свѣтѣ лица Божія и *жительствоваать достойнъ благовѣствованію Христову* (Филип. 1: 27), чтобы намъ и среди дня не остаться во тьмѣ грѣховной, а это можетъ быть только тогда, когда будемъ всецѣло принадлежать Матери нашей, Святой Христовой Церкви, чисто исповѣдывать Православную Христіанскую вѣру и располагать жизнь свою во всемъ согласно заповѣдямъ Божиимъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 16.

Каковы должны быть Христіане, будучи сынами свѣта и дня.

Господи благослови!

Отложимъ дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта. Яко во дни, благообразно да ходимъ (Рим. 13: 12, 13).

Вотъ какое наставленіе дѣлаеть Апостоль, сказавъ, предварительно, о наступленіи дня благодати и спасенія. Привѣтствовавъ вѣрующихъ сынами свѣта и дня, Онъ поучаетъ ихъ и жить во свѣтѣ и вести себя благочинно, какъ днемъ. *Яко чада свѣта, ходите* (Ефес. 5: 8), говоритъ Онъ. *Яко во дни, благообразно да ходимъ.* Иначе и быть не должно. Неужели среди дня можно поступать такъ, какъ бываетъ ночью? Если Христіане—чада свѣта, не должны ли они жить иначе, нежели какъ прежде, не должны ли представлять въ

себѣ свое новое, свѣтлое бытіе и, по Апостолу, *добродѣтели возвѣщаютъ изъ тмы призывашаго ихъ въ чудный свой свѣтъ?* (1 Петр. 2: 9).

Какъ же должны жить Христіане, по наступленіи дня спасительной благодати, сдѣлавшись чадами свѣта во Христѣ? Этому можетъ научить насъ обыкновенная ночь и обыкновенный день. Ночь прошла, и наступилъ день. Не ставемъ же дѣлать того, что по большей части бываетъ ночью, и будемъ поступать такъ, какъ обыкновенно поступаемъ днемъ. *Нѣсмь бо сынове ноци ниже тмы, но сынове дне* (1 Сол. 5: 5). Каково же ночью и каково днемъ? Ночью обыкновенно темно,—дѣлай, что хочешь,—никто не видитъ. А днемъ? Днемъ свѣтло, и потому стыдно худое дѣлать,—все видно и всѣ видятъ. И мы, Христіане, какъ чада свѣта, должны всемѣрно беречься худыхъ дѣлъ, и не только худыхъ дѣлъ, но и худыхъ помысловъ и богопротивныхъ намѣреній и желаній. Вѣдь насъ ежеминутно видятъ,—видитъ Богъ, *котораго очи тмами темъ кратъ свѣтлѣйшии солнца суть* (Сирах. 23: 27) и который *видаеть и утробы и сердца* (Іерем. 20: 12); видятъ и Ангелы, а тѣмъ болѣе ближайшій къ намъ Ангель Хранитель, видятъ и всѣ Святые. Ночью удобнѣе могутъ происходить и происходить разныя безчинства и преступленія, нескромныя забавы, пѣсни, пьянство, распутство, какъ замѣчаетъ и Апостолъ: *упивающіися, въ ноци упиваются* (7), *ходятъ козлогласованіи и пїанствы, не любодѣянїи и студодѣянїи* (Рим. 13: 13); ночью преимущественно бывають кражи, разбой, убійства; а днемъ, при свѣтѣ и въ глазахъ людей, ничего такого не бываетъ. Ибо, по слову Спасителя, *всякъ дѣлаетъ злая, ненавидитъ свѣта* (Іоан. 3: 20). И мы, Христіане, сынове дне, должны быть чужды всякихъ худыхъ и соблазнительныхъ дѣлъ, всякихъ пороковъ и преступленій; должны жить трезвенно, благочинно и благопристойно, никакая страсть не должна омрачать насъ, не только плотская, но и духовная, ни самолюбіе, ни гордость, ни корыстолюбіе, ни злоба, ни зависть, ни ненависть. Ночью обыкновенно спятъ, а днемъ бодрствуютъ. И мы, Христіане, сынове дне, не должны спать, а бодрствовать и дѣлать. *Да не спимъ, говоритъ Апостолъ, яко же и прочїи, но да бодрствуемъ и трезвимся. Спящїи бо, въ ноци спятъ. Мы же сынове суще дне да трезвимся* (1 Сол. 5: 6, 7, 8). Не въ безпечности, не въ бездѣйствїи и праздности должны мы проводить время житїя нашего, а въ духовномъ трезвенїи, въ благомъ дѣланїи, въ молитвѣ, въ постѣ, въ подвигахъ во славу Божїю и на пользу души. Ночью обыкновенно мало одѣваются, о нарядахъ же и не думаютъ, а днемъ всегда и всѣ одѣваются прилично, и часто

съ излишнею заботливостію объ украшеніи себя. И мы, Христіане, не должны быть лишены приличной намъ одежды. Одежда эта—чистота душевная и тѣлесная. Мы должны еще украшать себя—чѣмъ? добродѣтелями, честнымъ поведеніемъ, благочестивою жизнію. Ночью естественно не пьютъ и не ѣдятъ, а днемъ для поддержанія жизни и для укрѣпленія изнуряемыхъ трудами силъ необходимо требуется и употребляется пища. И мы, Христіане, не должны оставаться безъ духовной пищи; иначе видно будетъ, что мы спимъ, находимся въ безпечности о своемъ спасеніи. Нѣтъ. Мы должны непременно питать себя для поддержанія въ себѣ духовной жизни и для укрѣпленія въ духовныхъ подвигахъ. Чѣмъ питать? Какая пища? Духовная пища есть слово Божіе и пречистое тѣло и кровь Господня. Кто поучается въ словѣ Божіемъ, тотъ питается духовною пищею, и потому живетъ и жить будетъ вѣчно. *Аще кто слово Мое соблюдетъ* (разумѣется, принявъ оное умомъ и усвоивъ сердцемъ), *смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8: 51), сказалъ Господь. Кто причащается пречистаго тѣла и крови Господней, тотъ питается Божественною пищею, и потому живетъ и жить будетъ вѣчно. *Аще кто съѣстъ отъ хлѣба сего* (разумѣется пречистая плоть Господня), *живъ будетъ во вѣки* (Іоан. 6: 51), сказалъ также Господь.

Вотъ, братіе, каковы должны быть и какъ должны поступать Христіане. Должны жить и вести себя не такъ, какъ бываетъ ночью,—непорядочно, безчинно, развращенно, преступно, а такъ, какъ водится днемъ, трезвенно, благочинно, добродѣтельно, свято. Будемъ же помнить, что мы живемъ днемъ, во свѣтѣ спасительной благодати Христовой, и потщимся оправдывать на себѣ великое наше Христіанское званіе, ожидая *великаго и просвѣщеннаго дня* (Дѣян. 2: 20), *егда придетъ Сынъ человѣскій въ славу Своей* (Матѣ. 25: 31), *иже и воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2: 6). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 17.

Вѣра, надежда и любовь—подвиги Христіанскіе.

Господи благослови!

Всѣ мы хорошо знаемъ, братіе, какъ намъ спастись, какимъ путемъ достигнуть Царства Небеснаго. Нужно только имѣть три Христіанскія добродѣтели: *вѣру, надежду и любовь*. Вѣруй, уповай, люби,—и спасешься. Какой, подумаешь, легкой путь въ Царство Не-

бесное! Трудно ли вѣровать? Не утѣшительно ли уповать? Не сладко ли любить? Такъ. Но для чего же жизнь христіанская представляется подвигомъ, и подвигомъ труднымъ? Для чего путь къ Царству Небесному называется путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ? Ахъ, братіе! Легко быть Христіаниномъ на словахъ, и какъ трудно на дѣлѣ! Всякій изъ насъ со всею самоувѣренностью скажетъ о себѣ: „я Христіанинъ; я вѣрую, я уповаю, я люблю“, а потребуй только всего этого дѣйствительно, скажи: *покажи ми вѣру твою*, упованіе твое, любовь твою, *отъ дѣлъ твоихъ* (Іак. 2: 18),—и мы тотчасъ являемся другими, съ крайними недостатками и вѣры, и упованія, и любви. Не удивляйтесь. Всякая добродѣтель тогда только возрастаетъ, когда осуществляется на дѣлѣ. И вѣра Христіанская, и надежда Христіанская, и любовь Христіанская нелегкія добродѣтели. Нѣтъ. Это подвиги Христіанина. Для исполненія ихъ онъ долженъ вступить въ борьбу съ самимъ собою, съ своею растлѣнною природою, съ своими наклонностями и страстями; онъ долженъ явить себя жертвою Богу, покоряя свой умъ и свою волю уму и волѣ Божіей.

Возьмите *вѣру*. Вотъ и съ умомъ нашимъ часто бываетъ не легко сладить, если онъ заберется въ область тайнъ вѣры, потому что ему многое покажется непонятнымъ, страннымъ и, пожалуй, невозможнымъ, наприм. воскресеніе мертвыхъ. А посмотрите-ка на то, что уже осязательно для нашихъ чувствъ. Какихъ не видимъ мы потрясеній въ вещественной природѣ? Случаются пагубныя наводненія, землетрясенія, моровыя язвы и проч. Какъ же это? Вѣдь всѣмъ управляетъ и располагаетъ Богъ, который не можетъ быть виновникомъ бѣдъ и золъ? Чего не видимъ и въ человѣческомъ обществѣ? Достойные гонятся и унижаются, а недостойные отличаются и возвышаются; худые и порочные люди благоденствуютъ и торжествуютъ, а честные и добродѣтельные бѣдствуютъ и страдаютъ; одни въ довольствѣ и изобиліи, а другіе въ скудости и нищетѣ. Скажите, не искушеніе ли это для нашей вѣры? Вотъ еще и болѣе трудныя случаи. Если бы довелось намъ избрать одно изъ двухъ: или остаться въ чести, славѣ и довольствѣ и измѣнить вѣрѣ Христовой, или пребыть вѣрными Христу, и за имя Его потерпѣть безчестіе, потерю имущества, мученіе, смерть; на что бы рѣшились мы? А вѣдь истинно вѣрующіе должны все пренебречь, только бы сохранить вѣру. Такъ и поступали исповѣдники Христовы и мученики. Они все претерпѣли, чтобы только пребыть вѣрными своему Господу. Подвигъ, братіе, великій подвигъ для Христіанина—вѣра.

Столько же не легко имѣть и истинную *надежду* на Бога. Что-

бы истинно и всецѣло уповать на Бога, надо отказать себѣ во всемъ, надо все относить къ Богу и всего ожидать отъ Бога. Такъ ли поступаемъ мы? Скажи-ка кому либо: „трудись, разсуждай, соображай, изыскивай средства, дѣлай разумныя предпріятія, употребляй мѣры, но знай, что если не поможетъ въ дѣлахъ твоихъ Богъ, или дѣла твои не совсѣмъ чисты и согласны съ закономъ Божиимъ, то всѣ твои труды и распоряженія—ничто“. Какъ, думаете, примется это Христіанское наставленіе? Или: „для составленія своего счастья не обращай къ друзьямъ и благодѣтелямъ, не заискивай сильныхъ и могущихъ, не уповай на протекціи и связи, а иди прямымъ и законнымъ путемъ; и будь увѣренъ, что Господь устроитъ твою судьбу, какъ Ему благоугодно и тебѣ полезно“. Пріятнымъ ли покажется и этотъ благочестивый совѣтъ? Нельзя думать. А если бы сказать богачу: „ты не очень надмевайся своимъ богатствомъ и не стереги его. Знай, что Богъ тебѣ далъ его; Онъ же можетъ и взять его у тебя. Употребляй-ка его лучше, какъ Богъ повелѣлъ, на пользу ближнихъ, требующихъ и нуждающихся. Вѣрь, что если раздашь свое имѣніе нищимъ, во сто кратъ больше получишь отъ Бога, и Царство Небесное наслѣдуешь“. Какъ вы думаете, братіе? Сдѣлаетъ ли такъ по нашему слову корыстолюбивый богачъ? Не сдѣлаетъ. Примѣръ тому—упоминаемый въ Евангеліи богатый человѣкъ, который, какъ скоро услышалъ подобное предложеніе отъ Иисуса Христа, тотчасъ отошелъ прочь съ грустію. Трудно имѣть всецѣлое упованіе на Бога при нашемъ маловѣрїи, при нашей самонадѣянности, при нашей приверженности къ міру и его благамъ. Подвигъ, подвигъ, братіе, и истинная надежда на Бога.

Вотъ развѣ *любовь* утѣшитъ насъ своею сладостію. Посмотримъ. Любовь дѣйствительно такое расположеніе духа, въ которомъ находясь, человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, довольнымъ, блаженнымъ. Любовь полагаетъ свѣтлую печать на всѣ чувства и поступки наши. Въ любви человѣкъ и смотритъ весело, и говоритъ пріятно, и дѣйствуетъ охотно. Но всегда ли бываетъ такъ, и особенно съ нами грѣшными? Всегда ли мы любимъ, напр., тѣхъ, съ которыми живемъ, съ которыми обращаемся, съ которыми служимъ? Ежели мы любимъ тѣхъ, которые насъ любятъ, расположены къ тѣмъ, которые ничѣмъ не огорчаютъ насъ, то такая любовь наша еще не есть любовь Христіанская. Такъ любятъ другъ друга и мытари и язычники. Нѣтъ. Скажите-ка намъ противное, хотя и справедливое слово, сдѣлайте что либо не по нашему,—вотъ тутъ и увидите, какова наша любовь. Тотчасъ родится въ насъ досада, гнѣвъ, ненависть,

злоба; тотчасъ будемъ чуждаться другъ друга, бѣжать другъ отъ друга, или преслѣдовать другъ друга. Это ли любовь? Нѣтъ. Это самолюбіе, которое носить на себѣ личину любви только дотолѣ, пока не раздражится. Каково же еще любить враговъ? Легко ли имѣть доброе расположеніе къ тѣмъ, которые ненавидятъ насъ, злословятъ насъ, вредятъ намъ, гонятъ насъ? А вѣдь и ихъ мы должны любить. Такъ заповѣдалъ намъ Спаситель нашъ Христосъ. О, какая трудная Христіанская обязанность—и любовь!

Видите, братіе, легкія ли Христіанскія добродѣтели—вѣра, надежда и любовь! Онѣ легкими кажутся намъ только дотолѣ, пока мы ихъ не имѣемъ, когда только знаемъ ихъ, и много-много разсуждаемъ о нихъ, а на дѣлѣ не исполняемъ. Какъ же скоро будемъ исполнять ихъ на самомъ дѣлѣ, то увидимъ и увѣримся, что это истинные Христіанскіе подвиги, за совершеніе которыхъ, по правдѣ Божественной, обѣщано намъ отъ Спасителя нашего Царство Небесное. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 18.

Познаніе Бога и вѣры необходимо Христіанамъ.

Господи благослови!

Св. Апостоль Павелъ, обличая нѣкогда заблужденія нѣкоторыхъ изъ числа вѣровавшихъ Коринѳянъ, поставлялъ имъ въ стыдъ и безславіе, что они не имѣли правильнаго познанія о Богѣ и о своей вѣрѣ. *Невѣдѣніе Божіе нѣцѣи имутъ: къ сраму вамъ глаголю* (1 Кор. 15: 34), говорилъ онъ. Что-бы Онъ сказалъ о нашемъ Христіанствѣ, братіе? Многіе ли изъ насъ имѣютъ достаточное познаніе о Богѣ и своей вѣрѣ, и имѣютъ ли? Простой народъ у насъ *темный*, какъ и самъ онъ (честь ему за его простодушіе и откровенность!) называетъ себя. А и въ просвѣщенныхъ нашего времени много ли свѣта божественнаго вѣдѣнія? Ежели и есть, то это только мерцаніе, тусклый свѣтъ, не просвѣщающій храмины. Да и до божественнаго ли имъ свѣта? У нихъ во всей силѣ свѣтитъ свѣтъ разума, свѣтъ міра, науки, служащія къ познанію природы и къ приобрѣтенію удобствъ и пріятностей жизни.

Послѣ этого не можетъ показаться страннымъ, если бы предложенъ былъ вопросъ: „да развѣ нужно имѣть познаніе о Богѣ и о своей вѣрѣ?“ Нужно, братіе, необходимо. Безъ познанія Бога и

вѣры не можетъ быть въ насъ ни истинной вѣры, ни благочестія, ни добрыхъ дѣлъ. Какъ мы будемъ вѣровать въ Бога, если не знаемъ Бога? Какъ станемъ жить по закону Божию, если не знаемъ закона Божія? Не отъ того ли слабо наше Христіанство, что мы слабо знаемъ свою вѣру? Не отъ того ли мы такъ скудны добрыми дѣлами и такъ много у насъ грѣховъ и беззаконій, что мы не знаемъ хорошо, чего хочетъ отъ насъ Богъ и къ чему обязываемся мы? „Хорошо“ скажите,— „да какъ же намъ приобрѣтать познанія о Богѣ и о вѣрѣ?“ Такъ же точно, какъ приобрѣтаемъ познанія о всемъ, что находится въ мірѣ. Иное познаемъ сами, своимъ умомъ, своимъ опытомъ; иное посредствомъ другихъ. Что видимъ, около чего обращаемся, то познаемъ сами; чего не видимъ, что далеко отъ насъ, то передаютъ намъ другіе, или на словахъ, или на письмѣ,—мы вѣримъ имъ и получаемъ познанія. Напримѣръ, мы не бывали въ Иерусалимѣ; не видали Святой Земли, а имѣемъ познаніе о нихъ. Какимъ образомъ? Одни изъ бывшихъ тамъ лично рассказали намъ, другіе составили описанія, которыя мы читаемъ и оттуда почерпаемъ свѣдѣнія. Такимъ же образомъ мы можемъ приобрѣтать познанія о Богѣ и о своей вѣрѣ. Сами по себѣ, своимъ разумомъ мы этого достигнуть не можемъ, потому что Богъ нашъ невидимъ, и *живетъ на высотахъ* (Псал. 112: 5). Равно и вѣра наша духовна и для ума нашего непостижима. Такъ вотъ возвѣщаютъ намъ о томъ другіе. Богоизбранные мужи, *самовидцы Слова* (Лук. 1: 2), ученіе о Богѣ, о чудныхъ дѣлахъ Божіихъ, о святой волѣ Божіей слышавшіе изъ самыхъ пречистыхъ устъ Сына Божія, Божественные Апостолы пропесели слово спасенія по всей вселенной и *проповѣдали Евангеліе всей твари* (Марк. 16: 15). Изъ нихъ же нѣкоторые предали свое благовѣствованіе и письмени и оставили намъ Святое Евангеліе, которое вмѣстѣ съ посланіями, заключающими ученіе вѣры, и другими священными книгами извѣстно подъ именемъ *Священнаго Писанія* или *Библии*. Почили благовѣстники, но не умолкло и не умолкаетъ благовѣстіе. Оно всегда слышится въ Церкви Христовой, въ устахъ служителей и пастырей Церковныхъ. Писанное ученіе вѣры доселѣ сохраняется въ Святомъ Евангеліи и во всемъ Священномъ Писаніи.

Вотъ, Христіане, гдѣ можно и должно учиться познанію Бога и вѣры Христіанской! Ходи каждый день въ Церковь Божию, слушай внимательно чтеніе, пѣніе, поученія— и ты, если и не грамотный, будешь приобрѣтать чистыя и душеполезныя для себя познанія. А грамотный, сверхъ того, и самъ читай Божественное Писаніе, и

особенно Святое Евангеліе. Это самый чистый источникъ боговѣдѣнія. Святая Церковь всегда и всѣмъ отверзта; божественное Евангеліе у насъ доступно всѣмъ и на своемъ родномъ языкѣ, которое, по самой малой цѣнѣ его, можно приобрѣтать всякому. О, если бы мы пользовались, какъ должно, этими священными руководителями къ познанію Бога и святой нашей вѣры! О, если бы мы, вмѣсто посѣщенія мѣстъ, гдѣ представляется пища нашей разсѣянности, нашимъ чувственнымъ желаніямъ и страстямъ, почаще являлись въ Церковь Божию и повнимательнѣе слушали богодухновенные уроки и наставленія душеспасительныя! О, если бы мы, вмѣсто чтенія приличивыхъ, но пустыхъ, растлѣвающихъ только нашъ умъ и правственность, книгъ, побольше знакомились съ словомъ Божиимъ, научающимъ человѣка разуму Божию и руководствующимъ его къ жизни вѣчной! Далекю, братіе, далекю уклонились мы отъ благочестивыхъ отцевъ нашихъ, у которыхъ любимымъ мѣстомъ собранія была Святая Церковь и пріятнѣйшимъ упражненіемъ и наслажденіемъ чтеніе слова Божія и пѣніе священныхъ пѣсней; которые не знали, какъ мы, и не хотѣли знать иноземныхъ обычаевъ, чуждыхъ нашему благочестивому народу и нашей православной вѣрѣ. Упокой ихъ, Господи, въ небесномъ чертогѣ славы Твоея, и насъ осѣни тѣмъ же духомъ благочестія и вѣры! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 19.

Вѣра, смиряющая разумъ, спасительна.

Господи благослови!

И бѣси вѣрують и трепещуть,
(Іак. 2: 19).

Слышите, братіе, что говоритъ Апостоль. *И бѣси вѣрують*, и не только вѣрують, но и *трепещуть* предъ Богомъ. А человѣкъ? Человѣкъ что дѣлаеть? Не вѣруеть, и въ невѣріи своемъ еще торжествуетъ! Сколько было на свѣтѣ, съ великими и обширными познаніями, людей, которые, обожая свой умъ, уничижали вѣру, отвергали все священное и божественное? Къ прискорбію, замѣтно и въ наше время *возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10: 5), являются и нынѣ люди, *ихъ же уста глаголютъ прегордая* (Іуд. 1: 16), люди, превозносящіеся *мудростію, которая есть буйство у Бога* (1 Кор. 3: 19), и дерзающіе противъ премудрости Божіей, которая

есть основаніе нашего спасенія, и сила, зиждущая и сохраняющая общественную тишину, благоустройство и порядокъ. Бѣдный человѣкъ! Онъ хочетъ превзойти въ нечестіи и бѣсовъ и самъ себѣ дѣлается врагомъ. Истинно, какъ сказалъ другой Апостолъ, *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8: 1), мечтаетъ, въ мечтаніи заблуждается, въ заблужденіи губить человѣка. Вотъ поэтому Спаситель нашъ Господь и требуетъ отъ насъ вѣры. Вѣра есть смиреніе нашего разума. Разумъ не можетъ понять того, что какъ истину, приесть вѣра. Да потому и не можетъ, что это выше его понятія. Все божественное и таинственное доступно одной вѣрѣ. Вѣра есть духовное око, которое зрѣтъ сокровенное и тайное, познаетъ, но не постигаетъ, приесть, но не испытуетъ. Вѣра есть таинственный органъ, чрезъ который Богъ подаетъ человѣку, и человѣкъ приесть отъ Бога спасительную благодать. Вѣра есть священный союзъ, посредствомъ котораго человѣкъ во Иисусѣ Христѣ дѣлается *близкимъ* Богу (Ефес. 2: 13), *приснымъ* Ему (Ефес. 2: 19) и *роднымъ* (Іоан. 1: 12, 13), а потому и *наследникомъ* (Рим. 8: 17) благи и жизни вѣчной.

Итакъ, никто, желающій спастись, не дерзай своему уму покорять вѣру, тайны божественнаго смотрѣнія подвергать изслѣдованію естественнаго разума. Все божественное непостижимо, но истинно. Единъ Богъ спасаетъ насъ, и спасаетъ именно вѣрою о Христѣ Иисусѣ. *Иже вѣру иметъ, спасенъ будетъ* (Марк. 16: 16), сказалъ Господь. Не понимаешь, какъ можно спастись вѣрою. А понимаешь ли, какъ человѣкъ погибъ отъ вѣры? Повѣрилъ и погибъ. Повѣрь и ты,—и спасешься. Человѣкъ погибъ, когда повѣрилъ врагу Божію. Ты спасешься, когда повѣришь Благодѣтелю своему, Творцу и Богу. Діаволу повѣрили;—не должны ли повѣрить Богу? Видишь,—Богъ тѣмъ же и спасаетъ насъ, отъ чего мы погибли. Познай, человѣкъ, премудрость Божію! Покори свой умъ *въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10: 5). *Вѣруй Богу и вмѣнитъ тебѣ въ правду* (Гал 3: 6). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 20.

Истинная и спасительная вѣра есть вѣра ума и сердца.

Господи благослови!

Вѣрующими и говорить прилично о вѣрѣ, чтобы не напрасно носить имя вѣрующихъ. Да. Мы, братіе, называемся вѣрующими, или, просто, вѣрными. Стало быть, мы вѣруемъ. Но всѣ ли

вѣруемъ? Пусть всѣ; но правильна ли наша вѣра? Такъ ли, и всѣ ли такъ вѣруемъ, чтобы несомнѣнно можно было уповать на спасеніе? Посмотримъ на просвѣщенныхъ и особенно нынѣшняго времени. Всѣ, или почти всѣ они имѣютъ познаніе о догматахъ вѣры и правилахъ жизни Христіанской (вѣдь этому вездѣ учать); а гдѣ у нихъ убѣжденіе въ истинѣ, гдѣ приверженность къ религіи, гдѣ усердіе къ Церкви, гдѣ уваженіе къ святынѣ и къ священнымъ обрядамъ Церкви, гдѣ соблюденіе правилъ закона Божія и установленій Церковныхъ? Это ли вѣра? Это ли спасеніе? Нѣтъ. Это новый только грѣхъ, вѣщнее осужденіе. *Въдущему, говоритъ апостоль, добръ творите, и не творящему грѣхъ ему есть* (Іак. 4: 17). Повторимъ и еще слово того же Апостола. *Ты въруеши, говоритъ, яко Богъ единъ есть, добръ твориши; и бл҃сѣи върують* (Іак. 2: 19). Вотъ, братіе, и бл҃сѣи вѣрують. Значить, и спасутся? Нѣтъ. Отчего? Оттого, что не имѣютъ убѣжденія и преданности вѣрѣ; знаютъ Бога, знаютъ волю Божию, увѣрены въ истинѣ и правдѣ Божіей, но не имѣютъ расположенія къ Богу, не хотятъ дѣйствовать сообразно познанію, напротивъ, стараются противодѣйствовать Богу и всегда ратуютъ противъ истины и правды. Это же бываетъ и съ людьми. Развѣ не видимъ, какъ иные лгутъ, обманываютъ, знаютъ то, а говорятъ другое, какъ ненавидятъ истины и правды въ другихъ. Будь напри- мѣръ, начальникъ прекрасный, умный, справедливый. Хорошо знаютъ это и подчиненные. Но стань онъ требовать отъ нихъ усердія и ревности, исправности и точности по службѣ; тогда и увидите, сколь хорошо они разумѣютъ его, тогда многіе не усумнятся чернить и честь и познанія его, и всяко, какъ только можно, противодѣйствовать ему. Такъ вотъ сколь благодѣтельно познаніе, если оно заключается въ одномъ умѣ! Такова и вѣра наша, если она состоитъ въ одномъ познаніи и не имѣетъ вліянія на наши чувства, на движенія нашего сердца, если она не препятствуетъ дѣйствовать въ насъ нашимъ страстямъ.

Посмотрите-ка теперь на Христіанскій нашъ народъ, на простыхъ вѣрующихъ, на поселянъ и всѣхъ вообще не получившихъ образованія людей. Не лучше ли ихъ вѣра? Нельзя не отдать должной справедливости нашему народу. Вѣра въ немъ очень замѣтна. Смотрите, какъ онъ благочестивъ! Пропустить ли онъ воскресный день или другой какой праздникъ Божій безъ молитвы церковной? Придетъ онъ въ храмъ Божій, простоятъ ли онъ въ храмѣ Божіемъ неблагоговѣйно, съ разговорами, съ разсѣянностію? Оставитъ ли храмъ Божій, не почтивъ праздника свѣчею и не пожертвовавъ въ храмъ

Божій, по состоянію, хотя самой малой лепты? Пройдетъ ли онъ мимо храма Божія, не оградивъ себя крестомъ предъ храмомъ Божиимъ или не сдѣлаеъ поклона храму Божию? Подойдетъ ли онъ къ священнику, не испросивъ отъ него пастырскаго благословенія. Рѣшится ли онъ на запрещенную пищу въ день постный? Развѣ это не вѣра? Вѣра, братіе, вѣра, свидѣтельствуемая самими дѣлами, вѣра не ума, а сердца, не въ познаніи, а въ душевномъ убѣжденіи. Чего же, казалось бы и лучше? Это и есть дѣйствительная спасающая и оправдывающая насъ вѣра. *Сердиемъ*, говоритъ Апостоль, *върует-ся въ правду* (Рим. 10: 10). Такъ. Но вотъ въ чемъ бѣда. Вѣра простаго народа по большей части лишена свѣта, разумнаго познанія. Оттого онъ часто подверженъ заблужденію и суевѣрію. Для него часто нѣтъ различія между Спасителемъ Богомъ нашимъ и Святыми Его; у него нерѣдко менѣе важные и даже мелочные предметы занимаютъ мѣсто важныхъ и существенныхъ; бываетъ,—онъ и таинства пріемлетъ, и къ знахарямъ, а подчасъ, и къ чародѣямъ обращается; онъ и слово Божіе слушаетъ, и баснямъ человѣческимъ вѣритъ; вообще онъ погруженъ въ видимость и внѣшность; взоръ его не поднимается въ разумное познаніе истинъ вѣры, а о внутреннемъ, духовномъ возрожденіи и понятія не имѣетъ, объ очищеніи грѣховъ, о умерщвленіи страстей и исправленіи своей жизни мало и думаетъ. Что же и это за вѣра? Вѣдь этакъ легко можно впасть въ заблужденіе и смѣшать свѣтъ со тьмою. Ясный примѣръ тому наши жалкіе раскольники. По ихъ понятію, ничего святаго уже нѣтъ на землѣ, ни Церкви, ни священства, ни спасенія. А изъ-за чего? Изъ-за того, что исправили (по ихнему, измѣнили) нѣкоторые слова въ книгахъ и дѣйствія въ обрядахъ Церковныхъ, изъ-за того, что мы молимся не старымъ иконамъ и служимъ не по старымъ книгамъ, какъ будто старыя иконы и старыя книги вѣчны.

Такъ, братіе, вѣра наша бываетъ несовершенна, ежели она состоитъ только въ познаніи истинъ вѣры, безъ убѣжденія въ сердцѣ и безъ дѣлъ, или въ сердечномъ убѣжденіи и дѣлахъ безъ разумнаго познанія. Холодная, бесплодная, мертвая та вѣра, которая просвѣщаетъ только умъ познаніемъ, не согрѣвая сердца, не оживляя и не возбуждая человѣка къ дѣятельности Христіанской. Посмотрите на солнечный свѣтъ зимой. Солице свѣтитъ, но не грѣетъ, и потому все безжизненно, мертво. А лѣтомъ, когда не только свѣтитъ, но и разливаетъ теплоту? Тогда все живетъ, растетъ, цвѣтетъ и приноситъ плодъ. Такъ и вѣра наша не должна только свѣтить

въ умѣ, а проникать въ чувства и согрѣвать сердце, не довольствоваться однимъ познаніемъ, а оживлять духъ и возбуждать человѣка къ исполненію того, чего требуетъ званіе Христіанина, должна проявлять въ человѣкѣ духовные плоды, добродѣтели Христіанскія. Вотъ такая вѣра и будетъ живая, плодоносная, дѣйствительная и спасительная. Съ этой вѣрой можно человѣку несомнѣнно чаять себѣ небесныхъ благъ и жизни вѣчной, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 21.

Какъ должно любить Бога.

Господи благослови!

*Возлюбими Господа Бога твоего
всѣмъ сердцемъ твоимъ*

(Матѣ. 22: 37).

Какая пріятная и легкая заповѣдь! Не требуется отъ насъ ни жертвъ, ни трудовъ, ни молитвы, ни поста, ни самоотверженія, ни подвиговъ,—требуется одна любовь. И кто же требуетъ? Самъ Богъ, Небесный Отецъ, Творецъ нашъ и Промыслитель, Господь Иисусъ Христосъ, Искупитель нашъ, положившій душу Свою за спасеніе наше. Ахъ! да развѣ можно не любить такого Отца и такого Благодѣтеля? Развѣ можно не любить Того, отъ Кого мы получили дыханіе и жизнь, Кто всегда хранитъ и питаетъ насъ, Кто, и по смерти нашей, общаетъ намъ жизнь и блаженство вѣчное? Мы должны любить Бога и Спасителя нашего, и любить именно такъ, какъ заповѣдуетъ Богъ. *Возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ.* Вотъ какъ—*всѣмъ сердцемъ.* И непремѣнно. Велико ли наше сердце? Оно мало еще для такой любви, тѣсно для столь великаго любимаго. *Всѣмъ сердцемъ.* И какъ иначе? Неужели половиной? Неужели частію? Развѣ есть еще у насъ Богъ, кромѣ Единаго истиннаго Бога? Нѣтъ, братіе! У насъ одно сердце; оно и должно принадлежать единому истинному Богу, все принадлежать, безъ малѣйшаго раздѣленія. Не говорите, что же останется для другихъ, которыхъ мы тоже должны любить? Вѣдь мы должны любить не только Бога, а и ближнихъ, отца и мать, дѣтей, сродниковъ и всѣхъ людей. Точно, должны любить; да тогда-то и будемъ ихъ любить, когда станемъ любить Бога всѣмъ сердцемъ. Любовь Божественная такъ рас-

пирить наше сердце, что мы можем обнять имъ весь человѣческій родъ, способны и готовы будемъ любить всѣхъ, и какъ любить? Любовію чистою, святою, любовію въ Богѣ и для Бога. Вотъ тогда ужъ станемъ любить всѣхъ высокою Христіанскою любовію. Станемъ любить царя, какъ помазанника Божія, и будемъ готовы положить за него душу свою; станемъ любить начальствующихъ и повиноваться имъ *не за интъвъ*, не по страху, а *за совѣсть* (Рим. 13: 5), и въ потребномъ случаѣ не усумнимся связать, что *повиноваться подобаетъ Божови паче нежели человекомъ* (Дѣян. 5: 29); станемъ любить присныхъ своихъ не по одной естественной расположенности, а для Бога, и *паче Бога* не будемъ *любить ни отца, ни матери, ни сына, ни дочери* (Матѣ. 10: 37); тогда не скажемъ ни про кого: „это благодѣтель, это другъ, это пріятель, а это врагъ, это злодѣй мой“, но всѣхъ будемъ любить, и всѣмъ доброжелательствовать, какъ и Богъ всѣхъ любить и всѣмъ благодѣтельствуетъ, *сія солнце свое на злыя и благія, и дождя на праведныя и на неправедныя* (Матѣ. 5: 45).

Такова должна быть любовь къ Богу. Такъ ли любимъ Бога мы, Христіане? Всѣмъ ли сердцемъ любимъ Его? *Всѣмъ сердцемъ*—это значить любить Его одного, жить для Него одного, жертвовать всѣмъ только Ему, находить радость и утѣшеніе только въ Немъ. Такъ ли, говорю, любимъ Бога мы? Всѣмъ ли сердцемъ? Страшно и подумать объ этомъ. Едва ли мы отдаемъ половину, едва ли часть нѣкоторую сердца Богу. Если бы мы любили Бога, то всегда бы и думали и говорили о Богѣ. Если бы мы любили Бога, то всегда бы старались и угождать Ему исполненіемъ воли Его. Если бы мы любили Бога, то всегда бы желали быть съ Нимъ и никогда бы не удалялись отъ Него грѣхами своими; а если бы и случилось такъ, жалѣли бы о томъ, и какъ можно скорѣе обращались къ Нему и калялись предъ Нимъ. Вѣдь это всегда бываетъ такъ. Кто кого любитъ, о томъ и думаетъ и говоритъ, тому и угождаетъ, съ тѣмъ желаетъ и быть всегда, того и оскорбить остерегается, а въ случаѣ неосторожности, извиняется и старается загладить ошибку большею и искреннѣйшею любовію. То ли бываетъ съ нами? Ахъ! Собственная совѣсть наша, собственное наблюденіе наше надъ нашею жизнію, надъ нашими чувствами, нашими поступками могутъ увѣрить насъ, что мы едва ли не все сердце свое отдаемъ всѣмъ и всему, только не Богу. Не болѣе ли всего мы любимъ своихъ родителей, своихъ дѣтей, своихъ сродниковъ, своихъ друзей, а тѣмъ паче себя самихъ? И, о, если бы еще такъ! Не болѣе ли любимъ міръ прелюбодѣйный и грѣшный, не болѣе ли любимъ мірскія веселости и чувственныя удовольствія?

Не отдаемъ ли едва не всего сердца своего суетѣ міра, роскоши, модамъ, нарядамъ; не жертвуемъ ли имъ даже постыднымъ страстямъ, каковы, напримѣръ, пьянство и распутство?

Боже нашъ! Какими очами зриаешь Ты на насъ, именующихся Христіанами! Какъ жестоко уязвляемъ мы Твое богатое любовію сердце отнятіемъ у Тебя нашего сердца, Тебѣ единому принадлежащаго! Но милостивъ буди, Владыко, къ намъ грѣшнымъ. Отвращая очи Твои отъ нашихъ грѣховъ, помяни и немощи наши. Призри на насъ Божественнымъ Твоимъ милосердіемъ, и Самъ, всеильною Твоею благодатію, помози намъ и сподоби насъ любить Тебя отъ всего сердца нашего! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 22.

Какъ пріобрѣсть любовь къ Богу.

Господи благослови!

*Возлюбиши Господа Бога твоего
(Матѣ. 22: 37).*

Аля чего, казалось бы, заповѣдь о любви? Вѣдь любить не заставляютъ. Любятъ, обыкновенно, безъ принужденія, охотно, по собственному расположенію. Вотъ то-то и есть. Мы не любимъ Того, Кого должны любить, Кто достоинъ всей нашей любви. А Богъ любить насъ и хочетъ, чтобы и мы Его любили. Поэтому-то Онъ и располагаетъ насъ, и убѣждаетъ насъ, и заповѣдуетъ намъ любить Его. *Возлюбиши Господа Бога твоего.*

Дивная вещь, братіе. Богъ любить насъ, а мы не любимъ Его. Дѣти не любятъ отца. Вѣдь Богъ—нашъ Отецъ. Не сами ли мы называемъ Его Отцемъ: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ?* Такъ глубоко повредились мы въ своей природѣ и такъ далеко уклонились отъ Бога, что Богъ сдѣлался для насъ какъ бы чуждъ и невѣдомъ, а потому и любить Его стало для насъ трудно. Охотно мы любимъ только то, что видимо для насъ, около чего обращаемся мы, и къ чему влечетъ насъ наша естественная склонность, хотя бы то было недостойно нашей любви. Что же дѣлать, братіе? Какъ намъ пріобрѣсть любовь къ Богу? А вѣдь любить Бога надобно. Это заповѣдалъ намъ Самъ Богъ. Этого требуетъ отъ насъ долгъ нашъ. Отъ этого зависитъ благополучіе наше, и временное и вѣчное. Посмотримъ, какимъ образомъ развивается въ насъ любовь къ ближ-

нимъ и отчего мы начинаемъ любить другихъ,—не можемъ ли подобнымъ путемъ дойти и до любви къ Богу?

Кого мы обыкновенно любимъ? Любимъ и уважаемъ тѣхъ, которые имѣютъ душевныя и тѣлесныя достоинства, отличаются умомъ, познаніями, пріятностью характера, добротою сердца, привѣтливостію, справедливостію, добросовѣстностію, любовію, доброжелательствомъ. А Богъ—это Превѣчное Существо, высочайшій умъ, непостижимая премудрость, всеовершенство святыня, неистощимая благодать, всеобъемлющая любовь—не превыше ли всякаго достоинства человѣческаго, всякаго совершенства земнаго и тѣннаго? Не должно ли поэтому любить Его паче всего? Отчего же мы менѣ всего любимъ Бога? Оттого братіе, что слабо знаемъ Его, мало думаемъ о Немъ, рѣдко взираемъ къ Нему! Станемъ-ка чаще представлять себѣ Бога, яснѣ созерцать Его Божественное величіе, полнѣ познавать Его высочайшія совершенства, внимательнѣ размышлять о Его премудрости, любви и благодати,—и сами увидите, какъ будетъ возникать въ насъ благоговѣніе къ этому Высочайшему Существо, и мало по малу возрастетъ въ насъ душевное расположеніе и любовь къ Богу.

Кого мы любимъ? Любимъ тѣхъ, которые къ намъ усердны, доброжелательны, благодѣтельны, которые пекутся о насъ; помогаютъ намъ, одоужаютъ насъ; вообще любимъ благодѣтелей, которые дѣлаютъ насъ счастливыми и отъ всякихъ бѣдъ и злоключеній стараются, какъ только могутъ, спасти насъ. А Богъ? Есть ли и можетъ ли быть для насъ подобный Ему благодѣтель? Онъ произвелъ насъ на свѣтъ, далъ намъ бытіе и жизнь; Онъ одарилъ насъ чувствами, разумомъ и свободною волею; Онъ подаетъ намъ все потребное къ питанію и наслажденію нашему,—а самое важное—Онъ, по безпредѣльной любви Своей, искупилъ насъ смертію Сына Своего Единороднаго; Онъ прощаетъ намъ грѣхи, Онъ очищаетъ, освящаетъ и спасаетъ насъ; Онъ уготовалъ намъ жизнь вѣчную и Царство Небесное, которыхъ причастниками и имѣетъ содѣлать насъ по смерти, въ будущемъ вѣкѣ. Вотъ истинный Благодѣтель нашъ, предъ которымъ ничтожны благодѣтели и благодѣнія цѣлаго міра. И такого ли Благодѣтеля нашего, Творца, Промыслителя и Спасителя нашего не любить намъ, братіе? О, если бы мы хорошо знали и помнили этого Благодѣтеля, если бы мы внимательно размышляли о томъ, что сдѣлалъ для насъ Богъ, и надлежащимъ образомъ цѣнили то, чего мы удостоились отъ Него; тогда бы Онъ одинъ былъ предметомъ всей нашей любви, всѣхъ нашихъ желаній и утѣшеній,

тогда бы мы отдали Ему все сердце свое, тогда бы каждый изъ насъ съ Давидомъ, или подобно Давиду, воскликнулъ отъ избытка любви къ Богу: *Исчезе сердце мое и плоть моя. Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Псал. 72: 26).

Кого мы еще любимъ? Любимъ тѣхъ, съ которыми чаще общаемся, съ которыми бесѣдуемъ, съ которыми живемъ, у которыхъ ѣдимъ и пьемъ. Это самое сближаетъ насъ съ другими, хотя бы они были и не родные намъ, и такимъ образомъ производитъ въ насъ расположеніе и любовь въ нимъ, такъ что разлука съ ними дѣлается для насъ уже чувствительною и прискорбною. Будемъ также поступать и по отношенію къ Богу. Станемъ чаще обращаться въ Богу въ молитвѣ, бесѣдовать съ Нимъ и поучаться отъ Него въ Божественномъ словѣ Его, прибѣгать къ Нему въ благодатный на землѣ домъ Его, и причащаться у Него живоносной и спасительной трапезы Его. Всякій разъ, какъ мы будемъ молиться Богу, мы уже съ Богомъ; всякій разъ, какъ мы станемъ читать, или слушать слово Божіе, мы уже съ Богомъ; всякій разъ, какъ мы будемъ находиться въ храмѣ Божіемъ, при церковномъ служеніи Богу, а тѣмъ наче вкушать пречистое и Божественное тѣло и кровь Его, мы уже съ Богомъ. А чѣмъ чаще будемъ съ Богомъ, чѣмъ болѣе станемъ обращаться къ Нему, бесѣдовать съ Нимъ и пребывать у Него, тѣмъ болѣе будемъ прилѣпляться къ Богу, тѣмъ болѣе и болѣе будетъ возгораться въ насъ любовь къ Богу, такъ что, въ случаѣ удаленія нашего отъ Него грѣхопаденіями нашими, мы уже станемъ чувствовать душевное безпокойство и печаль.

Если такъ, братіе, будемъ приближаться къ Богу, то и Богъ, по увѣренію Апостола, приблизится къ намъ. *Приблизитесь Богу и приблизится вамъ* (Іак. 4: 8), говоритъ Апостолъ Іаковъ. Ежели будемъ любить Бога, то и Богъ возлюбитъ насъ. *Азъ любящій Мя люблю* (Прем. 8: 17), говоритъ Самъ Богъ. *Любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его* (Іоан. 14: 21), говоритъ Спаситель. А когда Богъ возлюбитъ насъ, тогда и мы еще чистѣе, совершеннѣе, святѣе возлюбимъ Его, тогда Онъ пошлетъ намъ даръ Своей Божественной любви, любви высокой, крѣпкой и непоколебимой, тогда каждый любящій Бога скажетъ съ Апостоломъ: *Кто ны разлучитъ отъ любви Божіа? скорбь ли, или тѣснота, или ионеніе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?* Ничто невозможно насъ разлучити отъ любви Божіа (Рим. 8: 35, 39).

О, сподоби насъ, Господи, возлюбити Тя, якоже возлюбихомъ грѣхъ, и поработати Тебѣ усердно, якоже поработяхомъ прежде сатанѣ льстивому (Молит. утр. 8). Боже нашъ, слава Тебѣ.

ПОУЧЕНИЕ 23.

Какъ должно любить ближнихъ.

Господи благослови!

Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе.

(Марк. 12 31).

Вотъ, братіе, заповѣдь Божія о томъ, въ какомъ мы должны быть отношеніи къ ближнимъ нашимъ, начиная съ нашихъ родителей и родственниковъ и кончая нашими недоброжелателями и врагами. Чтожъ? И это заповѣдь, кажется, легкая и пріятная. Любовь сама собою уже есть высокое наслажденіе. Въ любви и согласіи жить не есть ли для человѣка счастье и блаженство? Пусть любовь потребуетъ отъ насъ и нѣкоторыхъ жертвъ. Любя ближнихъ, мы будемъ и служить имъ, въ чемъ будетъ нужно, и помогать имъ, и благодѣлствовать имъ. Но вѣдь и это пріятно. Сдѣлать ближнему добро, составить ему счастье, есть самое чистое наслажденіе любящаго сердца. Пусть ближніе наши будутъ и враги. Богъ съ ними. Должно и ихъ не только *любить*, но и *добро творить имъ и молиться за нихъ* (Матѳ. 5: 44). Вѣдь не они враждуютъ на насъ, а одинъ общій врагъ нашъ, *дѣволъ*. Пусть же онъ посрамится нашею любовію къ врагамъ, нашими благодѣяніями къ нимъ и молитвами за нихъ. Стало быть, любить намъ ближнихъ нашихъ трудно, даже пріятно. Но вотъ что: Господь, повелѣвая намъ любить ближнихъ нашихъ, указываетъ намъ и образецъ любви, мѣрку, по которой мы должны любить ихъ. Этотъ образецъ, эта мѣрка не далеко отъ насъ, она всегда съ нами. Это—мы сами. Смотри важный на себя, и какъ любишь себя, такъ же точно люби и ближняго твоего. *Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе. Яко самъ себе*—о, какъ тяжелы эти три слова! Любить ближняго, какъ себя, вотъ ужъ это нелегко, это трудно, это ужасно. „Какъ?“ скажетъ наше самолюбіе. „Любить другихъ, какъ себя, раздѣлять съ ними себя, дѣлать ихъ равными себѣ?“ Да. Такова именно есть воля Божія, и воля Святая и праведная. Не касаясь отличій внѣшнихъ, преимуществъ общественныхъ, почему бы мы стали присвоить себѣ право ставить себя выше другихъ? Не всѣ ли мы и по природѣ и по вѣрѣ братья? Не у всѣхъ ли насъ одинъ Богъ, одинъ Спаситель, одна Святая Церковь? Не всѣ ли мы единымъ крещеніемъ крестились и отъ одинаго хлѣба и чаши Божественныхъ таинъ причащаемъ

ся? Не всё ли намъ уготовано одно Небесное Царство? Не всё ли равно любить и милуеть Отець нашъ Небесный? Лишаетъ ли Онъ кого дневнаго свѣта? Отъазывается ли кому въ воздухѣ и водѣ, безъ которыхъ мы жить не можемъ? Не для всё ли произращаетъ хлѣбъ и плоды земные? Такъ. Одно преступное наше самолюбіе хочетъ преимущественно пользоваться всёми, а заповѣдь Божія, повелѣвающая любить ближняго, какъ самого себя, предписываетъ имѣть со всёми братское единеніе, взаимное сообщество, дѣлать другимъ то же, чего желаемъ и себѣ. *Якоже хотите, да творятъ вамъ чело-вѣки, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6: 31), говоритъ Господь,

Боюсь, братіе, обращаться къ себѣ. Страшно подумать о томъ, исполняется ли, и какъ исполняется въ насъ эта Божественная заповѣдь. *Возлюбиши ближняго своего*, говоритъ Господь. Что-жъ мы видимъ? Любимъ ли мы ближнихъ своихъ? Желаемъ ли имъ добра? Помогаемъ ли мы въ нуждахъ? Дорожимъ ли счастьемъ и спокойствіемъ ихъ? Напротивъ, не себя ли только имѣемъ въ виду? Не о себѣ ли только печемся? Не свое ли только счастье строимъ, какими бы то ни было средствами? Пусть такъ. Пусть мы любимъ только себя, а о ближнихъ своихъ не думаемъ. Отнесемъ это къ самолюбію нашему. Назовемъ, пожалуй, немощію нашею. Такъ для чего же мы иногда возстаемъ на ближнихъ своихъ? Для чего не рѣдко разрушаемъ собственное благополучіе ихъ? Для чего отнимаемъ у нихъ честь и подчасъ и достояніе ихъ? Для чего ненавидимъ ихъ, враждуемъ противъ нихъ, гонимъ ихъ? Это уже не немощь, а сила, только противная духу Христову, сила страстей, возбужденныхъ въ насъ самолюбіемъ нашимъ. Такъ разрушается въ насъ заповѣдь Божія о любви къ ближнимъ. А если еще судить о томъ, въ какой мѣрѣ мы должны любить ближнихъ нашихъ, то виновность наша противъ заповѣди Божіей будетъ тѣмъ поразительнѣе. Господь сказалъ: *возлюбиши ближняго своего*, да какъ? *яко самъ себе*, такъ же и столько же, какъ и сколько себя самого. То ли бываетъ у насъ? Ежели мы въ избыткѣ и довольствѣ, а другіе въ скудости и нищетѣ: любимъ ли мы ближнихъ своихъ, какъ себя? Ежели мы каждый день сидимъ за сытнымъ и вкуснымъ столомъ, а у другихъ нѣтъ и черстваго хлѣба: любимъ ли мы ближнихъ своихъ, какъ себя? Ежели мы одѣваемся пышно и роскошно, и въ нарядахъ своихъ мѣры не знаемъ, а другихъ едва покрываетъ рубище: любимъ ли мы ближнихъ своихъ, какъ себя? Ежели мы живемъ въ теплыхъ и богато-убранныхъ покояхъ, и ѣдимъ тоже въ красивыхъ и покойныхъ экипажахъ, а другіе влачатъ дни свои въ темныхъ и холодныхъ хижинахъ, или еще

скитаются въ морозъ и непогоду подъ окнами у насъ, испрашивая себѣ кусокъ хлѣба: любимъ ли мы ближнихъ своихъ, какъ себя? Страшно, страшно подумать объ этомъ. Велика виновность наша предъ Богомъ. Много, много неправы мы и предъ ближними нашими.

Подумаемъ объ этомъ, братіе; подумаемъ теперъ, будемъ чаще думать и всегда, чтобы намъ благоразумно и уравнительно поступать какъ относительно себя, такъ и относительно ближнихъ нашихъ. А къ собственной заботѣ нашей о ближнихъ присовокупимъ и молитву нашу, да Всеблагій Господь Божественною благодатію Своею согрѣетъ холодныя наши сердца и подвигнетъ насъ любить ближнихъ нашихъ такъ, какъ повелѣваетъ намъ Его Божественная заповѣдь. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 24.

Святая вѣра и Церковь Божія несокрушимы.

Господи благослови!

*Богъ мира да сокрушитъ сатану
подъ ноги ваша.*

(Рим. 16: 20).

И какъ нѣкогда Св. Апостоль Павелъ утѣшалъ вѣрующихъ своего времени. Стало быть, діаволь ратуетъ противъ вѣрныхъ, оплчается на Христіанъ, ищетъ погибели благочестивыхъ. Такъ. Это—его дѣло. Сдѣлавшись врагомъ Бога, можетъ ли онъ не враждовать противъ угрождающихъ Богу? Вотъ онъ и старается совратить ихъ въ противленіе Богу и къ отступленію отъ Бога. Всякіе для этого употребляетъ способы, и различныя принимаетъ на себя виды. Когда покажется *хитрымъ* и обольстительнымъ *змѣемъ* (Быт. 3: 1), когда нападаетъ, подобно хищному звѣрю и *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5: 8), а иногда *преобразуется въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11: 14). Такъ діаволь всегда старался и старается уловлять благочестивыхъ и добродѣтельныхъ въ свои сѣти. Не избавились отъ его козней и мы, православные Россіяне. Да и какъ ему было не ратовать на Россію? Вѣдь Православная Церковь Россійская то же нынѣ для него, что первобытный Едемъ. Сколько несносны были для него непорочность и блаженство прародителей нашихъ, столько же невыносимы ему Православіе и благоденствіе Россіяны. Поэтому онъ и враждуетъ противъ насъ. Въ прежнее время не разъ воздвигалъ онъ на насъ неправославныхъ Римлянъ, хитрыми, змѣи-

ными прельщеніями, стараясь поколебать наше Православіе и увлечь насъ въ ихъ неправовѣрное сомнѣніе. Потомъ посѣялъ въ Православной нашей Церкви расколъ, и нѣкоторыхъ изъ овецъ стада Христова обратилъ въ волковъ, рыкающихъ, подобно лвамъ, на Православіе и возмущающихъ Святую Церковь. А вотъ нынѣ онъ опять началъ колебать чистоту нашей вѣры и твердость нашего отечественнаго благосостоянія. Только ужъ приходитъ къ намъ въ другомъ, своеобразномъ духу времени, видѣ. Онъ является къ намъ, какъ свѣтлый ангелъ: хочетъ распространять у насъ просвѣщеніе, новое просвѣщеніе, на другихъ началахъ, хочетъ завести во всемъ новый порядокъ, и общаетъ намъ готовое и всеобщее благополучіе. Сколь ни обольстительно дѣйствуетъ онъ въ новомъ своемъ явленіи къ намъ, но русское сердце слышитъ, что это не добрый ангелъ, а прелестникъ. Святые отцы опытно дознали, что если явленіе ангела отзывается въ душѣ нашей смущеніемъ и страхомъ, то это искушитель, принявшій на себя ложный видъ свѣтлаго ангела. Такъ и нынѣшніе просвѣтителіи наши не произвели въ насъ ни довѣрія невозмутимаго, ни надеждъ непоколебимыхъ. А вотъ уже и слышимъ, какіе презабываютъ плоды отъ ихъ дѣланія. Слышимъ, что и ученіе ихъ богопротивно и возмутительно, и дѣла ихъ злонамѣренны и разрушительны. Другаго и быть не могло. Отъ тьмы не бываетъ свѣта, отъ горькаго не истекаетъ сладкое. Отъ врага надлежало ожидать и дѣйствій враждебныхъ и пагубныхъ.

Что-жь? Неужели дѣйствительная угрожаетъ опасность благоденствію нашему? Неужели врагъ можетъ поколебать чистоту нашей вѣры и разорить Святую Церковь? Напрасно. Развѣ діаволъ сильнѣе Бога? Развѣ Господь отдастъ Церковь Свою на разореніе врагу? Не можетъ быть. Ни змѣиная хитрость Рима, ни львиное рыканіе раскола не поколебали нашей Православной Церкви; повредить ли ей ложный свѣтъ ученія вѣроотступниковъ, поборниковъ лжеименнаго разума? Кто бы столько былъ безуменъ, чтобы своипище вольнодумцевъ предпочелъ Собору богопросвѣщенныхъ Пастырей Церкви? Кто бы далъ къ себѣ доступъ прелести, чтобы предаться ихъ суемудрію и оставить Святую вѣру и Церковь, столько вѣковъ существующую и торжествующую, столько Святыхъ Божіихъ воспитавшую, такого имѣющую Учителя и Пастыря, который есть Богъ и Спаситель міра? Нѣтъ. Враги сами постыдятся и сами собою исчезнутъ. Припомнимъ слово, сказанное Спасителемъ нашимъ Апостолу Павлу, бывшему гонителю Церкви: *жестоко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. 9: 5).

Такъ, братіе. Церковь Христова неразрушима. Она пребудеть во всемъ свѣтѣ и славѣ до скончанія вѣка. Врагъ ея, сатана, со всеми слугами своими сокрушится подъ ногами вѣрныхъ. Но не забудемъ, что и вѣрные не должны дремать. Побѣда требуетъ ратоборства. *Трезвитесь, бодрствуйте* (1 Петр. 5: 8), говоритъ одинъ Апостоль. *Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь* (1 Кор. 16: 13), говоритъ другой. Да, подобаешь намъ внимательно, *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвать* (Филип. 2: 12), *облецись во вся оружія Божія, яко возможи намъ стати противу кознемъ діавольскимъ* (Ефес. 6: 11), *да не лестію незаконныхъ сведени бывше, отпадемъ своего утвержденія: но да ростемъ въ благодати и разумѣ Господа нашего Спаса Иисуса Христа. Тому слава и нынѣ и въ день вѣка. Аминь* (2 Петр. 3: 17, 18).

ПОУЧЕНІЕ 25.

Царство Небесное доступно и грѣшникамъ.

Господи благослови!

Не имать въ него внити всяко скверно.
(Апок. 21: 27).

Вожественный ученикъ и Апостоль, св. Іоаннъ Богословъ въ дивномъ откровеніи, созерцаая тайны будущихъ судьбъ Божіихъ, увидѣлъ наконецъ святой градъ, новый Іерусалимъ, въ которомъ Господь Іисусъ Христосъ съ избранными Своими будетъ вѣчно царствовать и, описавъ неизреченную красоту и славу града сего, сказалъ, что никакая скверна не можетъ войти въ него, а только правда и святыня будетъ обитать въ немъ. *Не имать въ него внити всяко скверно.* Безъ сомнѣнія, мѣсто ли тутъ какой либо грѣховной скверны? Достойны ли грѣшники жить въ такомъ богосвѣтломъ градѣ, царствовать со Христомъ и наслаждаться славою и блаженствомъ вмѣстѣ съ Ангелами и Святыми праведниками? Хорошо. Да какъ же намъ-то быть, братіе? Значить, для насъ уже заградится входъ въ этотъ святой градъ; значить, намъ уже не будетъ части въ будущей славѣ и блаженствѣ? Вѣдь все мы грѣшники. Каждый изъ насъ, по природѣ своей сдѣлавшись причастнымъ грѣховной скверны, и по жизни своей не можетъ не чувствовать себя несквернымъ. Остается слѣдовательно намъ только возопить: „Увы! мы, какъ грѣшники, навсегда отчуждены отъ Бога, навсегда лишены жизни и

блаженства вѣчнаго; мы навсегда погибли“. Нѣтъ. Познайте, братіе, милость Божию къ намъ, грѣшнымъ! Утѣштесь надеждою на эту милость Божию, спасающую грѣшныхъ! И мы, недостойные, можемъ войти въ дивный, свѣтящійся Божественною славою градъ, и мы можемъ быть участниками вѣчнаго блаженства съ Ангелами Божиими и всѣми Святыми. Какъ? Очистившись отъ сквернъ грѣховныхъ. Мы грѣшны и нечисты, но есть къ очищенію нашему средства, которыя милосердый, всѣмъ человѣкамъ хотящій спастися Господь предоставилъ, и Святая Церковь предлагаетъ намъ. Это—постъ, это—молитва, это—покаяніе, это—причащеніе Св. Таинъ. О, какъ много у насъ средствъ, и какія дѣйствительныя средства къ нашему очищенію! Постъ очищаетъ тѣло, молитва освящаетъ душу Божественною благодатію, покаяніе заглаживаетъ грѣхи, причащеніе соединяетъ съ Богомъ и дѣлаетъ насъ святыми и непорочными.

Торжествуйте, братіе! Мы можемъ сдѣлаться небесными гражданами; намъ доступенъ входъ въ вѣчное Царство Господа нашего и Бога; отъ насъ зависитъ воспользоваться милосердіемъ Божиимъ къ вѣчному нашему благополучію. Будемъ употреблять къ очищенію нашему данныя намъ спасительныя средства. Постъ тѣлесный и душевный, т. е. благоразумное и умѣренное яденіе и питіе, воздержаніе отъ худыхъ мыслей, желаній и страстей, удаленіе отъ внѣшнихъ мірскихъ прелестей и соблазновъ да будетъ всегдашнимъ правиломъ жизни; молитва частая, непремѣнно ежедневная, да освящаетъ наши уста и сердца; покаяніе и сокрушеніе послѣ каждого нашего великаго или малаго грѣхопаденія, и ежедневное вечернее да умиливляетъ Бога, оскорбляемаго грѣхами нашими. Такъ будемъ поступать во всякое время, а въ святые посты, какъ и въ настоящій постъ, должны быть усилены и постъ, и молитва, и покаяніе.—Посты для того и установлены, чтобы мы могли дѣлаться болѣе очищенными отъ грѣховъ и болѣе достойными Царствія Божія. Вотъ въ эти времена Св. Церковь предлагаетъ намъ и открытое покаяніе или исповѣдь, и причащеніе Святыхъ Божественныхъ Даровъ. Это уже таинства и потому высочайшія и самыя дѣйствительныя къ очищенію нашему средства. Первое, т. е. исповѣданіе грѣховъ, всецѣло разрѣшаетъ и очищаетъ насъ отъ грѣховъ, а второе, приобщеніе Христовыхъ Таинъ, существенно соединяетъ насъ со Христомъ, что уже есть неразрушимый залогъ блаженства нашего и славы вѣчной во Христѣ.

Не отчаявайтесь же, грѣшники, въ своемъ спасеніи и не считайте Царствія Божія заключеннымъ для васъ, но и не предавай-

тесъ нерадѣнію и не коснѣйте во грѣхахъ. Отъ васъ зависить и получить, и потерять Царство Небесное. Получите, если, при помощи Божіей, станете исхлать и пріобрѣтать его; потеряете, если въ безопасности пренебрежете спасающимъ васъ милосердіемъ Божиимъ. Перваго не сподобитъ, а послѣдняго да избавитъ всѣхъ насъ Господь Богъ по благодати и милости Своей! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 26.

Христіанинъ долженъ снять съ себя ветхую, грѣховную одежду, и одѣться въ новую ризу святой и непорочной жизни.

Господи благослови!

Св. Апостоль Павелъ въ одномъ изъ своихъ учительныхъ посланій дѣлаетъ вѣрующимъ такое наставленіе: *нынѣ отложите вы вся та, т. е. худыя, порочныя дѣла, совлекшеся ветхаго чело-вѣка съ дѣяньми его и облекшеся въ новаго* (Кол. 3: 8, 9, 10). Что это? Перемѣнитесь, переодѣться, что ли, падо намъ, братіе? Точно такъ. Вѣдь мы позваны въ гости, на пиръ, на такой пиръ, на которомъ радостямъ и наслажденіямъ нѣтъ и числа, продолженію котораго не будетъ и конца, позваны къ такому господину, Который есть Господь и Владыка всего міра, у Котораго домъ Небесное Царство и Который хочетъ раздѣлить съ нами всѣ свои блага. Къ такому господину, на такой пиръ можно ли явиться въ худой одеждѣ? Не всегда ли мы стараемся одѣться какъ можно лучше, когда собираемся на какое либо значительное пиршество, къ знатному лицу? Какъ же намъ не переодѣться? Какъ не снять съ себя старой одежды, когда мы позваны и готовимся въ Небесный домъ Божій блаженствовать и царствовать? Снять, непременно снять надо намъ, братіе, старую одежду. Вѣдь она уже очень ветха, изношена, запятнана. Ее получили мы еще отъ надшихъ нашихъ праотцевъ, въ ней родились отъ своихъ родителей, да и сами мы много, много прибавили ей безобразія. Посмотримъ-ка на себя, какъ мы въ ней безобразны. Зачинаясь въ беззаконіяхъ и рождаясь во грѣхахъ, какъ мы въ самой природѣ своей растлѣнны и потому слабы, немощны, страстны, поплзновенны на все злое! И какихъ нѣтъ у насъ грѣховныхъ сквернъ, и вѣшнихъ и внутреннихъ? Кто изъ насъ свободенъ отъ лѣности, нѣги, сластолюбія, не упоминая уже о пьян-

ствѣ, нецѣломудріи и о другихъ плотскихъ нечистотахъ? Чей языкъ не оскъверняется празднословіемъ, злорѣчіемъ, осужденіемъ, лжами, влветами, не говоря уже о сквернословіи, ругательствѣ и всякихъ другихъ постыдныхъ словахъ? У кого душа и сердце не заражены, самолюбіемъ, честолюбіемъ, корыстолюбіемъ, завистію, ненавистію злорадствомъ? Скажите же, сколь мы безобразны въ своей грѣховной одеждѣ. Какъ же явиться намъ въ такомъ видѣ къ Царю нашему Богу, въ Небесное Царство, гдѣ только святыня, свѣтъ, слава, красота, веселіе и торжество вѣчно празднующихъ? Припомните притчу Евангельскую о брачномъ торжествѣ царскаго сына. Что случилось съ человѣкомъ, который въ числѣ гостей оказался неприлично одѣтымъ? По повелѣнію царя, бѣдному связали руки и ноги и выбросили его вонъ. Чтобы не случилось подобнаго и съ нами, братіе, снять, снять надо намъ ветхую, грѣхами *оскъверненную ризу* (Иуд. 1: 23) и надѣть новую, чистую, свѣтлую одежду.

Гдѣ же взять намъ эту одежду? Ее подаетъ намъ Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ. Онъ, милосердый Искупитель, переодеваетъ насъ, чтобы мы достойны были наследовать и раздѣлять блаженство и славу въ Царствѣ Бога Отца Его. Да вѣдь ужъ мы, по милосердію Его, и облечены въ эту чистую, свѣтлую, святую и непорочную одежду. Вѣдь ужъ мы просвѣщены святымъ Крещеніемъ, и на насъ возложена эта Божественная риза. *Елицы бо во Христа креститесь во Христа облекостесь* (Галат. 3: 27), говоритъ Апостоль. Благодареніе милосердому Богу! Точно, намъ уже дана новая, драгоценная, Божественная одежда. Но вотъ какая бѣда, братіе. Мы все-то любимъ старую свою, грѣховную одежду и по большей части носимъ ее и послѣ своего благодатнаго обновленія. Избави Богъ, чтобы не умереть намъ въ этой ветхой одеждѣ. Тогда и съ нами случится та же участь, какая постигла сказаннаго, изринутаго изъ среды брачнаго торжества, человѣка. Оставимъ, братіе, ветхую свою одежду,—бросимъ, бросимъ ее. Станемъ носить данную намъ отъ Небснаго Бога Отца и Матери нашей Церкви Святую ризу оправданія нашего во Христѣ и, чтобы безъ утраты сохранить ее на себѣ, будемъ какъ можно чаще очищать себя покаяніемъ, освящать общеніемъ съ Искупителемъ нашимъ въ пречистыхъ тайнахъ Его, и украшать предписываемыми намъ Христіанскою вѣрою добродѣтелями. *Облекусь якоже избранныи Божіи, во утробы щедротъ, блаость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе и любовь* (Кол. 3: 12, 14).

Одушевляемая вѣрою, чистая, добродѣтельная, Христіанская

жизнь,—вотъ, братіе, новая, святая и боголѣпная одежда, въ которой мы неосужденно можемъ явиться на *бракъ агній* (Апок. 19: 7), на всемірное будущее торжество, въ вѣчномъ Божественномъ дому Отца нашего Небеснаго. Прольемъ и всегда будемъ проливать къ Благодѣтелю нашему Богу молитву, чтобы намъ, не обращаясь болѣе къ ветхой, грѣховной одеждѣ, навсегда сохранить на себѣ святую, даруемую намъ; по благодати Испушителя нашего, *ризу спасенія* (Исаія 61: 10). *Да возсіяетъ*, преобразившійся на горѣ Христе Боже и *намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносушій* (троп. Преображ.). *Ризу намъ подаждь свѣтлу, одѣйся свѣтомъ, яко ризою* (ирм. 8 гл. пѣсн. 6). *Просвѣти одѣяніе душъ нашихъ, Свѣтодавче, и спаси насъ* (свѣт. страст. седм.). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 27.

Три дерева образуютъ тройкое состояніе Христіанъ.

Господи благослови!

Хотите ли, братіе, наглядно, такъ сказать, видѣть состояніе Христіанства въ васъ, чтобы лучше понимать совершенства и недостатки его. Вѣдь намъ обыкновенно все яснѣе представляется въ примѣрахъ или образцахъ. А образцовъ и для уразумѣнія духовныхъ предметовъ много въ видимой природѣ. Вотъ, наприм., теперь лѣто. Пойдемте въ какой нибудь садъ и посмотримъ на деревья. Вотъ три дерева. Одно все покрыто листьями и увѣшено плодами, другое только въ листьяхъ, безъ плодовъ, а третье и безъ плодовъ, и безъ листьевъ, уже посохшее. Вотъ образцы, въ которыхъ можно видѣть различное состояніе Христіанъ.

Дерево съ листьями и плодами—это Христіане, которые живутъ и дѣйствуютъ по вѣрѣ и виѣшно и внутренно, которые и установленія Церкви неупустительно соблюдаютъ, и добродѣтели Христіанскія съ усердіемъ исполняютъ, которые и *листьями покрыты*—ходятъ въ церковь, молятся Богу, чтутъ праздники, соблюдаютъ посты, говѣютъ и причащаются Св. Таинъ, и *украшаются плодами*—Христіанскими добродѣтелями, кои, по Апостолу, суть: *любовь* къ Богу и человѣкамъ, радость о благоденствіи Церкви и отечества и о благополучіи ближнихъ нашихъ, *миръ* со всѣми, не только любящими, но и ненавидящими насъ, *долготерпѣніе* въ благочестивыхъ подвигахъ, въ бѣдахъ и болѣзняхъ, *благодать* къ бѣдствующимъ и

нуждающимся, *милосердіе* къ несчастнымъ и преступнымъ, *вѣрность* въ словахъ и дѣлахъ, *кротость* въ обращеніи съ другими, *воздержаніе* не только внѣшнее, но и внутреннее—мыслей, желаній и страстей (Галат. 5: 22, 23). А дерево съ листьями безъ плодовъ—это Христіане болѣе устные, наружныя, видимыя, безъ внутренняго усердія и вѣры, которые и установленія Церковныя соблюдаютъ только по обычаю, и обязанности вѣры исполняютъ только по долгу, о добродѣтеляхъ же Христіанскихъ, о жизни благочестивой, о дѣлахъ во славу Божию и на пользу ближнихъ не заботятся. Да, они только въ листьяхъ, плодовъ на нихъ нѣтъ. Что же теперь дерево, на которомъ нѣтъ не только плодовъ, но и листьевъ, которое совсѣмъ посохло? Это—Христіане, которые только именуются Христіанами и находятся въ средѣ Христіанъ, а не имѣютъ ничего Христіанскаго, которые и въ Церковь не ходятъ, и праздниковъ не знаютъ, и постовъ не наблюдаютъ, которые о спасеніи души не заботятся, объ очищеніи грѣховъ своихъ не думаютъ, о будущей судьбѣ своей не помышляютъ, которые живутъ только для міра и въ свое угожденіе, считая все то дозволеннымъ себѣ, что удовлетворяетъ любимыя ихъ страсти. Таковыя мертвы для всего добраго и святаго; они засохли для Бога, для своей души, для вѣчности.

Согласитесь, братіе, что есть всѣ три рода такихъ Христіанъ, и какъ мало Христіанъ, подобныхъ дереву съ листьями и плодами, и какъ много такихъ, которые подобны дереву съ одними листьями и еще дереву безжизненному, сухому.

Какая же участь ожидаетъ всѣхъ этихъ Христіанъ? О! блаженны тѣ Христіане, которые, подобно плодоносному дереву, растутъ въ Церкви Божіей, цвѣтутъ вѣрою въ Спасителя нашего Иисуса Христа и приносятъ сладкіе плоды добродѣтелей. Они и въ пренебесномъ *домѣ Божіемъ*, этомъ вѣчномъ раю, будутъ *яко маслина плодovitа* (Псал. 51: 10); *исполненные плодовъ правды Иисусъ Христомъ*, они вѣчно будутъ наслаждаться жизнію и блаженствомъ *въ славу и похвалу Божию* (Фили. 1: 11). А тѣ Христіане, которые подобны дереву съ листьями безъ плодовъ, которые остаются при одной Христіанской внѣшности, безъ внутренней, духовной жизни, безъ дѣлъ Христіанскихъ? Ихъ участь изображаетъ смоковница та, которая три года не приносила плода и о которой уже сказано было виноградарю: *постыи ю вскую и землю упражняетъ* (Лук. 13: 7). Боятся надобно, чтобы, оставляемые въ долготерпѣннн Божіемъ и еще на лѣто безъ посѣченія, не сдѣлались они подобными той смоковницѣ, которую Иисусъ Христосъ, шествуя въ Иерусалимъ, увидѣлъ

при дорогѣ и, нашедъ на ней одно листьѣ, безъ плодовъ, лишилъ ее растительной силы, и она засохла (Матѣ. 21: 19). Ахъ! И эти Христіане, если не возревнують обратиться въ покаянію, лишатся милости и благоволенія у Бога и не наслѣдуютъ Царства Небеснаго. Вѣдь Самъ же Богъ, негодуя на таковыхъ, говоритъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ* (Исаія 1: 11)? *Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю* (Лук. 6: 46). Объ участи послѣднихъ, т. е. тѣхъ Христіанъ, которые подобны сухому дереву, у которыхъ нѣтъ ни листьѣвъ, ни плодовъ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ качествъ и дѣлъ Христіанскихъ, ужъ и говорить ли? Участь ихъ рѣшаетъ Самъ Господь. *Всяко, говоритъ, древо, еже не творитъ плода добра, посыкаютъ е, и во огнь вметають* (Матѣ. 7: 19). *Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изыщутъ: и собирають ю, и во огнь влагаютъ, и стараетъ* (Іоан. 15: 6). Понятно, какая это горькая участь.

Страшно, братіе, быть безплоднымъ въ Церкви Божіей, холоднымъ въ вѣрѣ, нерадивымъ и безпечнымъ о своемъ спасеніи. Одно званіе Христіанское не спасетъ насъ. Надо, непременно надо оправдывать свою вѣру, имѣть усердіе, ревность о спасеніи, употреблять стараніе, трудъ къ исправленію себя, возрастать, по благодати Божіей, въ жизни духовной и приносить *плодъ во святую, чтобы получить кончину жизньъ вѣчную* (Рим. 6: 22). О, далъ бы Господь, по милосердію Своему, каждому изъ насъ, братіе, сдѣлаться въ Церкви Божіей такимъ, какимъ описываетъ блаженнаго мужа Царь-Пророкъ: *и будетъ яко древо насажденное при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ* (Псал. 1: 3). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 28.

Блаженства и слава праведныхъ не на землѣ, а на небѣ.

Господи благослови!

Святая Церковь продолжаетъ праздновать успеніе Матери Божіей. Восемнадцать вѣковъ уже, братіе, какъ Богоблаженная Марія оставила нашу землю и переселилась на небо. Намъ, Христіанамъ, хорошо извѣстно достоинство и величіе святой Пренепорочной Дѣвы. Она, будучи подобно всѣмъ смертнымъ, сдѣлалась Матерію Божіею, безсѣменно зачала, носила во чревѣ и родила Бога,

Творца, Вседержителя, коему небо престоль, земля же подножіе. Она, по успеніи, взшла на небо и, какъ Матерь Божія, вознеслась превыше всѣхъ Силъ небесныхъ, сдѣлалась Госпожею и Владычицею міра, Ее славятъ, Ей поклоняются Архангелы и Ангелы, Херувимы и Серафимы. Ее слушаетъ, Ей повинуется вся тварь, видимая и невидимая. Скажите же, не высочайшая ли это честь, не Божественное ли это величіе? Да, никакой умъ, ни человѣческой, ни Ангельской, никогда не постигнетъ той высоты славы, на которую вознесена Непорочная Дѣва Марія. А чѣмъ она была прежде, до своего успенія? Какою пользовалась честью и славой въ настоящей жизни? Никакою. Напротивъ, имѣла долю, по образу міра, бѣдную и несчастную. Родить Богомладенца довелось Ей не въ домѣ, не въ покойномъ и честномъ мѣстѣ, а въ вертецѣ, среди безсловесныхъ животныхъ; отъ убійцы Ирода она должна была вмѣстѣ съ младенцемъ бѣжать въ чужую землю. Жила она всегда въ бѣдности, — мнимый мужъ ея былъ простой ремесленникъ. Она обращалась съ другими, и другіе обращались съ нею, какъ съ обыкновенною женщиною. Никто не удостоивалъ ее какого либо особеннаго вниманія. А какъ Божественный Сынъ ея для многихъ служилъ предметомъ ненависти, хулы, укоризны, то, безъ сомнѣнія, и она не была свободна отъ непріязненныхъ отношеній со стороны враговъ его. Вѣдь не съ добрымъ ковенно намѣреніемъ однажды въ собраніи докладывали Господу, что пришла къ Нему Матерь Его и дожидается Его за дверьми. А каково событіе Голгоеское? Матери видѣть казнь своего Сына, казнь публичную, тяжкую, позорную! Можно ли представить человѣка несчастіе этой Матери? Послѣ распятія и смерти Сына своего, она уже, какъ бѣдная сирота, жила въ чужомъ домѣ, у ученика Іоанна Богослова. А наконецъ, какъ одна изъ обыкновенныхъ, вкусила и смерть.

Таковы, братіе, дивныя судьбы Божіи! Никому не дано здѣсь наслаждаться славой и блаженствомъ. Нѣтъ. Земля есть мѣсто скорби, слезъ, трудовъ, бѣдъ и напастей. Слава и блаженство на небѣ, въ будущей жизни. Вотъ и всѣ Святые такую же участь имѣли въ жизни сей. Теперь они блаженствуютъ, царствуютъ со Христомъ: а каково было имъ на землѣ? Какихъ подвиговъ, страданій не претерпѣли они, чтобы только угодить Богу! И какъ иначе? Ежели Самъ Искушитель нашъ Господь прошелъ земную жизнь только путемъ вѣрста, то можно ли кому искать другаго пріятнѣйшаго пути? Ежели и есть на землѣ другой путь, по которому можно идти пріятно, торжественно, славно; то этотъ путь не для избранныхъ Божіихъ,

по этому пути никто не дойдетъ туда, гдѣ Христось Богъ нашъ, Пресвятая Матерь Его и всѣ благоугодившіе Ему Святые.

Благодушествуйте и торжествуйте, послѣдователи Спасителя міра и почитатели Матери Его, Пресвятой Дѣвы! Въ какомъ бы кто состояніи ни находился, въ бѣдности ли, въ несчастіи ли, въ болѣзни ли, все переносите съ терпѣніемъ, съ упованіемъ, съ радостію. На вашей сторонѣ Матерь Божія, всѣ Святые, Самъ Спаситель міра. И они, подобно вамъ, бѣдствовали здѣсь, а теперь блаженствуютъ, торжествуютъ, царствуютъ и вѣчно будутъ блаженствовать, торжествовать и царствовать. Благодушествуйте же. Время жизни сей коротко,—скоро, скоро пройдетъ,—а тамъ? вѣчное блаженство, вѣчное торжество, вѣчное царство со Христомъ, съ Богородицею, со всѣми Святыми! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 29.

Будущая жизнь несравненно превосходнѣе настоящей.

Господи благослови!

Живя на семь свѣтѣ, мы, Христіане, ожидаемъ другой, будущей жизни. Какова же будетъ та жизнь? Лучше ли настоящей? „Хорошо и здѣсь“, вѣроятно скажутъ многіе. Правда. И на землѣ бываетъ радость, и въ здѣшней жизни есть наслажденія. Приятно пользоваться здоровьемъ, приятно быть въ изобиліи и довольствѣ, приятно украшаться почестями, приятно смотрѣть на красоту природы и на изящество человѣческихъ искусствъ, приятно слушать стройное пѣніе и хорошую музыку. Все это приятно; но какая разница между этимъ приятнымъ и тѣмъ, которое будетъ тамъ, на томъ свѣтѣ. Уже одно понятіе, что здѣсь земля, а тамъ небо, здѣсь время, а тамъ вѣчность, достаточно свидѣтельствуетъ о превосходствѣ будущей жизни предъ настоящею. А если бы видѣть, если бы слышать, если бы извѣдать, что тамъ за жизнь, что за свѣтъ, что за страна,—О!!.. но, нѣтъ. Этого не дано намъ теперь. Наши чувства не могутъ постигнуть предметовъ другаго міра. Небесная жизнь закрыта отъ насъ, пока мы здѣсь, въ этой немощной плоти, въ этомъ тлѣнномъ мірѣ. Развѣ можно указать только на нѣкоторыя подобія, для поясненія разности жизни будущей отъ настоящей. Вотъ, на примѣръ: человѣкъ живетъ, когда еще находится въ утробѣ матери, и когда родится на свѣтъ, живетъ же. Но какаѧ разница между жиз-

нію и живнію! Какое превосходство жизни, когда онъ на свѣтѣ, передъ живнію въ утробѣ матерней! Опять: когда вечеромъ или ночью сидимъ при свѣтѣ свѣчъ, кажется, хорошо. Подумаешь, лучше и быть нельзя. А когда настанетъ день: какая разница! Или,—когда ночью свѣтитъ мѣсяцъ, прекрасно, свѣтло и пріятно. А когда взойдетъ солнце: какая разность! Вотъ такую и еще несравненно большую разность увидимъ, когда послѣ временной жизни наступитъ вѣчная.

Но, это, говоримъ, только подобія. Самую же красоту неба, славу будущей жизни мы теперь ни видѣть, ни постигнуть не можемъ. *Око не видѣтъ, ухо не слышитъ и на сердце человеку не воздоша яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2: 9), говоритъ Апостоль. Да, мы, земные и грѣшныя, не можемъ видѣть горней, небесной страны, которая ожидаетъ всѣхъ насъ. А были люди, которые сподобились проникнуть въ эту невѣдомую для насъ страну, для которыхъ отверзлось небо и которымъ являлась, хотя также не во всемъ свѣтѣ, слава Божія. Такъ, Пророкъ Исаія видѣлъ домъ Божій, исполненный славы, и Господа сидящимъ на высокомъ и превознесенномъ престолѣ, который окружали Серафимы, непрестанно зывая: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его* (1 Кор. 6: 1—3). Видѣніе это такъ поразило Пророка, что онъ, представляя брѣнность и грѣховность своей природы, трепеталъ отъ величія славы Божіей. Подобнаго откровенія отъ Бога былъ удостоенъ и Апостоль Павелъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что разъ восхищенъ былъ до третьяго неба, въ самый рай, въ жилище безплотныхъ горныхъ Духовъ и праведныхъ душъ. Что же Онъ слышалъ тамъ? Слышалъ, говоритъ, неизреченныя глаголы, которыхъ пересказать человѣку, въ настоящей жизни и въ настоящей плоти находящемуся, невозможно (2 Кор. 12: 2—4), слышалъ, а конечно, и видѣлъ то, чего, по неизреченной таинственности и сладости, мы теперь постигнуть не можемъ. Былъ и еще человѣкъ, которому въ таинственномъ видѣніи открыта была вся, такъ сказать, слава будущаго вѣка. Это Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Онъ видѣлъ уже и небо новое, и землю новую, видѣлъ градъ великій, небесный Іерусалимъ (Апок. 21: 1, 10), который весь созданъ изъ золота и драгоценныхъ камней, въ которомъ слава Божія сіяла паче солнца, въ которомъ нѣтъ и ночи, а одинъ непрерывный и вѣчный, *великій и просвѣщенный день* (Дѣян. 2: 20), въ которомъ только и слышны хвала и пѣніе Богу: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Вседержитель* (Апок. 4: 8).

Вотъ, братіе, какова имѣть быть будущая жизнь! Славѣ ея не будетъ предѣла, наслажденіямъ—числа, блаженству—конца. Ежели и настоящая жизнь имѣть свои наслажденія, ежели и видимая нами природа проявляетъ такую бездну премудрости, благодати Творца, что милліоны земныхъ умовъ всего постигнуть не могутъ; то что будетъ на новой землѣ, подъ новымъ небомъ,—что будетъ въ жизни безконечной, въ *Царствѣ правды, мира и радости* (Рим. 14: 17)? Тамъ непрестанно будутъ новыя предметы созерцанія, непрестанно новыя откровенія, новыя таинства и чудеса. На обзорѣніе красоты Царства Божія, чудесъ Божіихъ, славы Божіей достаточно будетъ одна вѣчность. Каково же будетъ тогда небожителямъ? О, они вѣчно будутъ созерцать красоту Господню, вѣчно будутъ удивляться премудрости Божіей, вѣчно будутъ прославлять благодать Божию,—они вѣчно будутъ хвалить Господа, и общимъ безчисленнымъ хоромъ пѣть Ему: *Господи слава Тебѣ!*

Будемъ, братіе, и мы на сей земной юдоли хвалить и славить Господа, Творца и Спасителя нашего, чтобы и въ будущей жизни удостоиться съ небожителями вѣчно славить, хвалить и величать Его, взывая къ Нему гласомъ радованія: *Боже нашъ, слава Тебѣ!*

ПОУЧЕНІЕ 30.

Какія жертвы пріятны Богу и какія непріятны.

Господи благослови!

Милости хочу, а не жертвы (Ос. 6: 6. Матѳ. 9: 13).

Хочу только привѣтствовать васъ, братіе, съ обновленіемъ сего Святаго храма и возвѣстить миръ, благословеніе и спасеніе отъ Бога любителямъ благолѣпія дому Господню, трудами и удѣленіемъ своего достоянія приносящимъ жертву Богу, — и вотъ слышу чрезъ пророка и отъ Спасителя нашего Иисуса Христа гласъ Божій: *Милости хочу, а не жертвы*. Что это, братіе? Неужели жертвы, приносимыя Богу, непріятны Ему?—Слова нѣтъ, что и милость есть жертва Богу, и жертва самая пріятная Ему. Вездѣ въ Писаніи Богъ заповѣдуетъ творить милость, снабдѣвать бѣдныхъ, помогать несчастнымъ, спасать погибающихъ. А жертвы вещественныя развѣ Ему не пріятны? Развѣ созиданіе и обновленіе храмовъ Божіихъ, украшеніе святыхъ иконъ и все, относящееся къ благолѣ-

пію церковнаго служенія, не угодно Ему? Да не Самъ ли Господь повелѣлъ Моусею устроить скинію и украсить ее? Не Самъ ли Онъ благоволиительно принялъ и освятилъ построенный Ему Соломономъ храмъ? Не Самъ ли Онъ далъ законъ о жертвахъ и повелѣлъ ихъ приносить Ему въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ случаяхъ? А теперь изъявляетъ Свое неблаговоленіе на приношеніе жертвъ. Какъ же это? Очень просто. Господу Богу не угодны теперь жертвы ветхозавѣтныя, которымъ конецъ положила жертва Голгоеская. Ему не угодны и вообще жертвы неправедныя. Въ этомъ случаѣ виновны не жертвы, а сами приносители жертвъ. Таковы по большей части и были Іудеи. Они служили Богу только внѣшно, безъ усердія и любви, почитали Его жертвами и оскорбляли своими худыми дѣлами. Спаситель нашъ Господь часто обличалъ ихъ въ беззаконія ихъ и неправдахъ ихъ и потому отзывался о жертвахъ ихъ, какъ о приношеніи, Ему негодномъ. И можетъ ли быть угодна Богу жертва, которая внѣшно благоухаетъ, а внутренно издаетъ смрадъ грѣховной нечистоты? Давно сазалъ одинъ богопросвѣщенный наставникъ, что *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеву* (Притч. 15: 5. Сирах. 34: 18, 19).

А кто приноситъ жертвы Богу отъ сердца, изъ любви, по усердію, таковыхъ жертвы, безъ сомнѣнія, пріятны Богу, и за таковыя жертвы Господь Богъ не оставитъ безъ праведнаго воздаянія приносящихъ. Припомните убогую вдовицу Евангельскую. Она въ сокровищное хранилище при храмѣ, просто въ церковную кружку, положила въ очахъ Спасителя двѣ лепты, двѣ малыя мѣдныя монеты. Что-же? Осудилъ ли Господь поступокъ вдовицы? Напротивъ, удостоилъ ее Своего особеннаго вниманія, и малую жертву ея предпочелъ большимъ жертвамъ богатыхъ, потому что она жертвовала отъ усердія,—отдала Богу все, что имѣла (Лук. 21: 1—4). А что сдѣлала грѣшница, упоминаемая въ томъ же Евангеліи? Какую принесла она Спасителю жертву? Она возлила на ноги Его драгоценное миро. И что же за это получила отъ Него? Отпущеніе грѣховъ (Лук. 7: 37—48). Важность приносимой жертвы уже свидѣтельствуется важностію получаемаго дара. Великъ даръ—ощущеніе грѣховъ; велика жертва—изліяніе мѣры со слезами. Судите поэтому и о нашихъ жертвахъ. И нами съ должнымъ расположеніемъ сердца приносимыя Богу жертвы, какія бы онѣ ни были, не то же ли благовонное миро? Не также ли могутъ быть пріятны Богу и сильны исходатайствовать намъ отъ Бога оставленіе грѣховъ и спасеніе душамъ?

Разумѣется, мы жертвовать должны Богу для Бога. Недостойны

жертвы наши, если мы жертвуемъ изъ тщеславія, жертвуемъ съ тою цѣлію, чтобы получить награду и благодарность. Въ этомъ случаѣ, мы, очевидно, жертвуемъ себѣ, а не Богу, а потому и не можемъ ожидать себѣ награды отъ Бога. О такихъ жертвователяхъ сказалъ Господь: *воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6: 5). Недостойны жертвы наши, если онѣ приносятся отъ стяжаній неправедныхъ, отъ достоянія, нечестнымъ трудомъ пріобрѣтеннаго. На сей разъ вотъ что говоритъ слово Божіе: *иже приноситъ жертву отъ неправды, приношеніе порочно, и не суть во благоволеніе дары незаконныхъ* (Сирах. 34: 18). Малоцѣнны и тѣ наши жертвы, которыя приносятся, по выраженію Апостола, *отъ нужды и отъ скорби*, т. е. неохотно, не по своему расположенію, а по просьбѣ другихъ, или по принужденію отъ сильныхъ *доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9: 7). Тоже, братіе, надо сказать и о жертвахъ, которыя не одушевляются вѣрою, усердіемъ и любовью къ Богу, съ которыми не возносится душа и сердце къ Богу. О такихъ-то жертвахъ говоритъ Богъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ* (Исаія 1: 11)? *Приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѣ. 15: 8). Нѣтъ, братіе, всякая приносимая Богу вещественная жертва должна горѣть нашею любовью и нашимъ усердіемъ къ Богу, должна быть соединена съ изліяніемъ сокрушеннаго и молитвеннаго сердца. Вспомните еще о Евангельской грѣшницѣ. Одно ли муро принесла она Спасителю? Нѣтъ. А пролила еще потоки горькихъ покаянныхъ слезъ и смѣсила ихъ съ возліяннымъ на ноги Его муромъ. И эти-то слезы содѣлали жертву ея драгоцѣнною предъ Богомъ. Онѣ-то засвидѣтельствовали о той великой любви, которую возымѣла грѣшница къ Спасителю Богу и за которую получила отъ Него отпущеніе грѣховъ. *Отпускаются грѣси ея мнози*, сказалъ Господь, *яко возлюби мною* (Лук. 7: 47).

Такъ вотъ, братіе, каковы должны быть наши жертвы Богу. Если мы что либо приносимъ Богу отъ любви, изъ усердія, съ чистымъ немѣреніемъ и пламеннымъ сердцемъ, все то Ему благоприятно и намъ душеспасительно. Ни одна такая жертва Богу не останется безъ воздаянія отъ Бога. За малое Господь воздастъ великимъ, за вещественное—духовнымъ и благодатнымъ, за земное—небеснымъ. Здѣсь послужимъ Ему; тамъ въ будущей жизни, *пріемлемъ отъ Него сторицею* (Матѣ. 19: 29). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 31.

Царство Небесное есть истинное сокровище наше.

Господи благослови!

Подобно есть Царство Небесное сокровищу сокровенну на селѣ, еже обрѣтъ человекъ скръ; и отъ радости его идетъ, и вся, елика имать, продаетъ, и купуетъ село то.

(Матѣ. 13: 44).

То, братіе, одна изъ притчей, сказанныхъ Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Перескажемъ ее своими словами. Одинъ человекъ нашелъ на полѣ скрытое сокровище, выразился по-нашему, владѣ. Разумѣется, онъ обрадовался, никому не рассказываетъ, и думаетъ, какъ бы имъ воспользоваться. Раскапывать чужую землю нельзя; увидятъ, поймаютъ, и владѣ достанется въ чужія руки. Что же онъ дѣлаетъ? Узнаетъ, что поле это можно купить, — и вотъ онъ продаетъ все свое имѣніе, и покупаетъ это поле. Съ покупкою поля, разумѣется, уже и сокровище его.

Мы, братіе, безспорно большіе охотники до пріобрѣтенія сокровищъ. Всегда и всѣ силы готовы употребить на то, чтобы нажить себѣ богатство. Такъ знаете ли, — есть такое сокровище, есть такой владѣ, который можетъ обогатить насъ на цѣлый вѣкъ. Сокровище это не въ городѣ, не въ селеніи, а на полѣ, не въ семь мѣрѣ, не на сей землѣ, а на небѣ. Это Царство Небесное. Восхитить его нельзя, а купить, пріобрѣсть можно каждому изъ насъ. Но чѣмъ купить? Продадимъ все, что имѣемъ, все мірское, тлѣнное, грѣховное, и купимъ премірное, нетлѣнное, божественное. Продадимъ, отвергнемъ, бросимъ маловѣріе, самонадѣянность, самолюбіе, честолюбіе, гордость, сребролюбіе, скупость, ненависть, вражды, обиды, плотскія страсти, роскошь, щегольство, праздную и веселую жизнь, — бросимъ, — все вѣдь это стяжаніе грѣховное; и вмѣсто того пріобрѣтемъ, усвоимъ себѣ чистую вѣру, упованіе на Промыслъ, преданность въ волю Божию, смиреніе, любовь, доброжелательство, благотворительность, воздержаніе, терпѣніе, чистоту тѣлесную, честный трудъ; молитвенные подвиги, жизнь духовную и благочестивую. Вотъ этимъ и купимъ божественное сокровище, Царство Небесное. Добродѣтели Христіанскія — это чистыя деньги, выручаемыя продажею грѣховнаго нашего имѣнія — страстей и порочныхъ дѣлъ, ко-

торыми мы можем заплатить при покупке небеснаго поля съ безцѣннымъ сокровищемъ Царствія Божія.

И, о, если бы мы хорошо знали безцѣнность этого сокровища, если бы заботливо помнили, что оно доступно и намъ, и мы можемъ его приобрести, по истинѣ отказались бы отъ всего, бросили бы всѣ земныя сокровища, презрѣли бы всю славу человѣческую, возгнушались бы всѣми обычаями міра, всѣми наслажденіями свѣта, *отвратили бы, съ Псалмопѣвцемъ, даже очи свои, не видѣти суеты* (Пс. 118 : 37), а все вниманіе, все попеченіе, весь трудъ обратили бы на приобретение Царства Небеснаго, этого безцѣннаго сокровища, котораго никогда, никѣмъ, и ни отъ чего не утрачивается, которое можетъ сдѣлать насъ богатыми, славными и счастливыми на цѣлую вѣчность. Такъ именно и поступали многіе благороднѣе, истиннаго добра себѣ желающіе Христіане. Они, не выходя изъ міра, прощались навсегда съ міромъ и всю жизнь свою посвящали на приобретение небесныхъ сокровищъ. Многіе и премногіе изъ нихъ оставляли города и селенія и шли въ пустыню искать и приобретать Царствіе Божіе. Многіе и премногіе продавали все имѣніе свое и деньги раздавали нищимъ, оставляли дома, родителей и всѣхъ дорогихъ сердцу, ради Царствія Божія. Были и такіе, которые не только продавали, но и продавались, не только расточали имѣніе свое, но и отдавали себя въ неволю и рабство, чтобы какъ можно болѣе дорогою цѣною купить безцѣнное сокровище—Царство Небесное. Такими искателями небесныхъ сокровищъ наполнена исторія Христіанской Церкви, и многіе изъ нихъ оставили намъ свидѣтельства приобретенныхъ ими безсмертныхъ небесныхъ сокровищъ—свои нетлѣнныя тѣлеса.

Какая добрая, богатая, счастливая купля! Отверженіемъ грѣховнаго достигается святое, презрѣніемъ тлѣннаго приобретается нетлѣнное, потерей временнаго усвоется вѣчное. Кто бы не согласился на такой выгодный промѣнъ? Что наши земныя сокровища въ сравненіи съ небесными! *Кая польза человеку, аще міръ весь приобрететъ, душу же свою отщепитъ* (Матѳ. 16: 26)? И на долго ли опи? *Возсія солнце со зноемъ, и изсуши траву, и цвѣтъ ея отпаде: сине и богатый въ хожденіи своемъ увядаетъ* (Іак. 1: 11). Что же послѣ? О, въ какой ужасъ придуть люди, когда увидятъ, что все потеряли, и временное и вѣчное! Какъ будутъ жалѣть, терзаться, что изъ пристрастія къ сокровищамъ тлѣннымъ пренебрегли сокровищемъ неистлѣвающимъ, и остались на вѣки *окаянными, и бѣдными, и нищими* (Апок. 3: 17), лишеными славы и блаженства небесныхъ.

Чтобы не случилось такого несчастія и съ нами, братіе, не станемъ, по наставленію Спасителя, *собирать себѣ сокровищъ на земль, а станемъ собирать себѣ сокровище на небеси* (Матѳ. 6: 19, 20). Будемъ во всей жизни своей руководствоваться не духомъ міра, а духомъ Христіанскаго *благочестія*, которое, по Апостолу, *есть снисканіе веле* (1 Тим. 6: 6), и еще здѣсь *богатитѣся въ дѣлахъ добрыхъ, сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примемъ въ вѣчную жизнь* (1 Тим. 6: 18, 19). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 32.

Избранные Божіи записываются на небесахъ, въ книгѣ Животной.

Господи благослови!

Извѣстно вамъ, братіе, что въ каждой приходской церкви есть книга, именуемая *метрики*. Въ нихъ, между прочимъ, записывается рожденіе и крещеніе младенцевъ, а также и присоединеніе иповѣрныхъ къ Православію. Такъ Св. Церковь записываетъ вступающихъ въ вѣдра ея, и дѣлаетъ ихъ причастниками благодати Божіей. Вписанный въ церковную метрику есть уже Христіанинъ, членъ Церкви, избранникъ Божій, общникъ спасительныхъ Таинствъ, наследникъ жизни вѣчной во Христѣ Исусѣ.

Но знаете ли, братіе, что насъ записываютъ не только здѣсь, но и тамъ—на небѣ? И тамъ есть метрика, въ которую вписываются избранные Божіи. Она называется и *книгою*, потому что едина, какъ единъ Богъ, и *книгами*, потому что заключаетъ въ себѣ многія имена и различные виды избранныхъ; называется и *книгою животною* и *книгами животными*, потому что вписанные въ нее получаютъ отъ Бога жизнь вѣчную и блаженную. Такъ въ Божественномъ словѣ говорится: *книга отверзется, яже есть животная* (Апок. 20: 13); *ихже имена въ книгахъ животныхъ* (Фил. 4: 3).

Что это за книга? Не подумайте, что эта книга обыкновенная, такая, какия у насъ, на землѣ. Нѣтъ. На небѣ все другое. Эта книга Божественная, таинственная, неостижимая. Она совсѣмъ не то, что наши церковныя книги. Наши книги пишетъ рука человѣческая, а въ той книгѣ пишетъ премудрый и всемогущій перстъ Божій. Наши книги при насъ и заводятся, и всегда отъ разныхъ случаевъ могутъ истребиться, а та книга существуетъ отъ сложенія міра и пребудетъ несокрушимою на всю вѣчность. Въ нашихъ книгахъ мо-

гутъ быть и погрѣшности, а въ той книгѣ все непреложно вѣрно и истинно. Въ нашихъ книгахъ написанное можно и выскоблить, а въ той книгѣ все неизгладимо и неизмѣнно. Что же пишется въ этой чудной книгѣ? Имена избранныхъ Божіихъ, предопредѣленныхъ къ будущему Царствію, къ вѣчной славѣ и блаженству въ небесномъ дому Божиемъ избранными. Божіи двухъ видовъ. Одни—праведники, въ различныхъ званіяхъ и состояніяхъ благочестно проведеніе временную жизнь, и добрыми и святыми дѣлами благоугодившіе Богу. А другіе—грѣшники. Какъ—и грѣшники? Да, братіе, и грѣшники, обратившіеся отъ путей беззаконія, омывшіе грѣхи свои слезами покаянія и остальную жизнь проведеніе въ благочестіи и чистотѣ. Всѣхъ таковыхъ имена вписываются въ книгѣ животной.

По этой книгѣ произведенъ будетъ и послѣдній судъ, который мы согласно съ Церковію, обыкновенно называемъ, какъ онъ дѣйствительно и есть, *страшнымъ*. *Книга отверзется, яже есть животная. И книги разинушася* (Апок. 20: 12), говоритъ новозавѣтный зритель будущихъ отверженій. Да, отверзется тогда эта таинственная, Божественная книга предъ лицомъ всего и Ангельскаго міра и человѣческаго рода, каждый избранныкъ увидитъ тогда имя свое написаннымъ въ книгѣ жизни,—и о, съ какою трепетною радостію встрѣтитъ будущую блаженную судьбу свою! Тогда-то во всей силѣ исполнится та радость избранныхъ Божіихъ, о которой упомянулъ нѣкогда Спаситель нашъ Господь Своимъ Апостоламъ: *радуйтесь, яко имена ваши написана суть на небесахъ* (Лук. 10: 20). Каково же будетъ тѣмъ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ животной? Несчастные! О нихъ говоритъ тайновидѣцъ: *имже не обрѣтется въ книгу животный написанъ, отверженъ будетъ въ озеро огненное* (Апок. 20: 15).

Ахъ, братіе! Что-то съ нами будетъ? Нѣтъ сомнѣнія, что и мы недостойные въ то же время, какъ записаны были въ книгахъ церковныхъ, записаны и на небесахъ, въ книгѣ животной. Но не изглажепы ли уже наши имена изъ этой божественной книги, вотъ о чемъ надо подумать. Господь сказалъ однажды пророку Моисею: *аще кто согрѣши предо Мною, изглажу его изъ книги Моя* (Исх. 32: 33). А мы? Мы не разъ, не два, тысячу, миліонъ, не одинъ миліонъ разъ согрѣшили предъ Богомъ послѣ своего крещенія: можемъ ли же думать, что имена наши сохранились въ книгѣ животной? О, молиться надо, каяться надо, молиться усердно, каяться слезно; исправлять себя надо, утверждать себя въ Христіанскомъ званіи доброю, благочестивою Христіанскою жизнью, не теряя вре-

мени, чтобы, по смерти, быть достойными *приступить къ Сіонскій горъ, и ко граду Бога Живаго, Иерусалиму Небесному; и тмаамъ Ангеловъ, торжеству, и Церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ* (Евр. 12: 22, 23). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 33.

Торжество тысячелѣтія Россіи.

Господи благослови!

Въ пресвѣтлѣйшій нынѣшній праздникъ Рождества Матери Божіей совершилось, какъ извѣстно, у насъ, братіе, приснопамятное отечественное торжество. Благочестивѣйшій Государь нашъ со своимъ Православнымъ Русскимъ народомъ отпраздновалъ тысячелѣтіе жизни отечества нашего, и въ память такого чрезвычайнаго событія воздвигъ на родинѣ Руси, въ великомъ нашемъ Новгородѣ, памятникъ тысячелѣтія Россіи. Торжество истинно приснопамятное! Тысяча лѣтъ—огромный періодъ времени. Какихъ величественныхъ воспоминаній не представляетъ оцъ! Сколько въ это время произошло переворотовъ, ознаменовавшихся самыми рѣзкими въ отечествѣ нашемъ эпохами! Сколько явилось на этомъ длинномъ поприщѣ жизни мужей, увѣковѣчившихъ свою память великими и блистательными дѣлами! Какихъ Россія не испытала скорбей и страданій, но и съ какою силою и славою не являлась она послѣ каждаго политическаго своего потрясенія! А теперь? Теперь она разрослась, окрѣпла, процвѣла единствомъ, могуществомъ, просвѣщеніемъ, сохранивъ непоколебимо чистое боговѣдѣніе и правую вѣру. Теперь она, какъ благолѣпнолиственное дерево, раскинула вѣтви свои во всѣ почти части свѣта, и многіе и различные народы собрала подъ одинъ державный скипетръ Православнаго Царя Россіи. Итакъ, когда Россія, достигнувъ такого величія и славы, совершила теперь тысячелѣтнее поприще своего бытія, то можно-ли было это чрезвычайно важное время не ознаменовать особеннымъ отечественнымъ торжествомъ? Можно-ли было совершеніе такого великаго періода жизни отечества не увѣковѣчить достойнымъ памятникомъ, который былъ-бы всегдашнимъ проповѣдникомъ славнаго бытія Россіи, великихъ мужей и знаменитыхъ дѣателей отечества нашего. Все это и сдѣлалъ нынѣ великій Отецъ отечества, Благочестивѣйшій Государь нашъ.

Счастливы мы, Россіяне, что намъ суждено жить въ такіе до-

стопамятные дни любезнаго отечества нашего. Долгъ нашъ теперь приести благодареніе Богу за Его великія милости, явленныя отечеству нашему во все мимошедшее время, и мольбу о будущемъ благоденствіи его, и возобновить въ сердцахъ нашихъ обѣтъ любить Богомъ хранимую Россію, Богомъ поставленнаго Царя и Богомъ утвержденную Святую Православную Церковь.

Такъ, братіе, Россія и Русскій народъ прожили тысячу лѣтъ. А сколько времени существуетъ міръ и человѣчскій родъ? Слишкомъ семь тысячъ лѣтъ. Когда же будетъ всеобщее торжество совершенія такого необыкновеннаго періода времени? Кто воздвигнетъ на землѣ всемірнѣйшій памятникъ? Современные народы, такъ смѣтливые и изобрѣтательные, быть можетъ, и пришли бы къ подобной мысли,—но нѣтъ!—Это дѣло не человѣческое,—это дѣло Творца міра и *Царя вѣковъ* (1 Тим. 1: 17). Онъ, Премудрый и всемогущій, откроетъ всемірное торжество, когда исполнится отъ вѣка предопредѣленный періодъ времени бытія міра; Онъ воздвигнетъ и памятникъ, который будетъ существовать во всю безконечную вѣчность. Все это и всемірное торжество, и открытіе всемірнаго памятника, произойдетъ въ славное второе пришествіе Господа нашего Иисуса Христа на землѣ. И какое дивное торжество! Не земное предстанетъ воинство, а небесное; не часть народа соберется, а весь человѣчскій родъ; не громы орудій потрясутъ воздухъ, а трубные гласы Архангеловъ; не звуки мусикійскіе поразятъ слухъ, а *гласъ народа многа, яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ громовъ крѣпкихъ, глаголющихъ аллилуія: яко воцарися Господь Богъ Вседержитель* (Апок. 19: 6). А памятникъ? Памятникомъ будетъ сама *новая земля* (Апок. 21:1), которую будутъ украшать избранные Божіи. Кто—эти избранные? Не тѣ, которыхъ избираетъ человѣкъ, не тѣ, которыхъ прославляетъ міръ,—нѣтъ,—по большей части другіе, такіе, которыхъ міръ и не зналъ, такіе, которыхъ міръ преслѣдовалъ и гналъ. Это истинные христіане, кто бы они ни были, въ какомъ бы состояніи ни находились; это люди благочестивые и добродѣтельные, жизнь свою посвятившіе единому Богу. Они и *воцарятся со Христомъ* (Апок. 20: 8) на всю блаженную вѣчность.

Готовь себя каждая Христіанская душа на это всемірное торжество, украшай себя святыми, Христіанскими доблестями,—и ты въ славное явленіе Господа нашего Иисуса Христа просіяешь на новой землѣ славою нетлѣнною, и будешь по слову Писанія, *въ память вѣчную* (Пс. 111: 6). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 34.

Земная жизнь есть переходъ или въ царство небесное,
или въ темницы адовы.

Господи благослови!

Братіе! Мы живемъ на землѣ. А что выше насъ? Небо. А ниже? Преподная. Именно такъ распредѣляютъ части міра и слово Божіе и святая церковь. *Небо, и земля, и преподная* (Фил. 2: 10, кан. пасх., пѣсн. 3, троп. 1). Земля, значить, находится въ срединѣ между небомъ и преподней. Кто же населяетъ эти части міра, и каково состояніе обитающихъ въ нихъ тварей? На небѣ Ангелы—чистые и свѣтлые духи, и души святыхъ Праведниковъ. Тамъ свѣтъ, красота, блаженство, слава, радость. А въ преподней—демоны,—духи нечистые, отверженные, и души осужденныхъ грѣшниковъ. Тамъ тьма, безобразіе, уныніе, печаль, мученіе. Всѣ обитатели неба и преподней безсмертны и вѣчны. Посему и состояніе ихъ будетъ неизмѣнно и одинаково вѣчно. Кто же земные жители? Земные жители—человѣки, твари, состоящія изъ безсмертной души и смертной плоти. Поэтому и состояніе наше ихъ есть какъ бы смѣшанное. Да, здѣсь соединены и свѣтъ и тьма, и слава и безславіе, и радость и печаль, и блаженство и страданіе, и жизнь и смерть. Что же это? Неужели навсегда такая жизнь? Нѣтъ. Уже самое положеніе земли показываетъ, что настоящая жизнь человѣческая есть переходное состояніе. Земля стоитъ между небомъ и преподней; значить, мы должны или подниматься вверхъ—на небо или спускаться внизъ—въ преподную. Такой именно конецъ земнаго нашего бытія. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ возвѣстилъ намъ въ Евангеліи, что одни пойдутъ *въ животъ вѣчный*—это на небо, а другіе—*въ муку вѣчную*—это въ преподную (Матѣ. 25: 46).

Хорошо, братіе, достигнуть неба, взойти въ вѣчное Царство свѣта, блаженства и славы. Страшно извергнуться въ преподную, въ вѣчное жилище мрака, скорби и страданія. Но то и другое зависитъ отъ насъ. Милосердый Господь зоветъ насъ на небо, желаетъ намъ блаженства и жизни вѣчной и указываетъ намъ путь спасенія. Онъ сказалъ намъ, что добрыя и святыя дѣла поведутъ насъ въ небо, а худыя, порочныя—въ бездну погибели. Такъ дѣйствительно и есть. Вотъ ежели мы, при помощи благодати Божіей, препождаемъ свою растлѣнную природу, поднимаемся вверхъ; а ежели

живемъ по влеченію своей воли и своихъ страстей, падаемъ внизъ. Ежели мы любимъ Бога болѣе, нежели міръ и грѣхъ, поднимаемъ вверхъ; а ежели—міръ и грѣхъ, съ забвеніемъ Бога, падаемъ внизъ. Ежели мы привержены къ Матери своей Церкви, почаству и съ усердіемъ посѣщаемъ храмъ святой, поднимаемъ вверхъ; а ежели чаще остаемся дома, или еще спѣшимъ въ другія болѣе пріятныя желанія мѣста, падаемъ внизъ. Ежели соблюдаемъ заповѣданныя намъ посты, поднимаемъ вверхъ; а ежели, пренебрегая завѣтомъ Церкви, даемъ волю своимъ чувственнымъ желаніямъ, падаемъ внизъ. Ежели состояніе (кому Богъ дастъ) употребляемъ на дѣла богоугодныя, приносимъ въ жертву Богу, или на помощь нуждающимся, поднимаемъ вверхъ; а ежели расточаемъ на прихоти и забавы, или заключаемъ въ своихъ сокровищахъ, падаемъ внизъ. Случилось несчастіе. Ежели мы переносимъ его съ терпѣніемъ и съ преданностію въ волю Божию, мы поднимаемъ вверхъ; а ежели негодуемъ, ропщемъ и отчаяваемся, падаемъ внизъ. Нанесли намъ обиду. Ежели мы не злобуемся на виновника, не мстимъ врагу, поднимаемъ вверхъ а ежели огорчаемся, взаимно досаждаемъ и укоряемъ врага, падаемъ внизъ. Вообще ежели мы живемъ и поступаемъ, какъ добрые Христіане, имѣемъ въ виду будущее свое назначеніе и стараемся угождать Богу, то мы поднимаемъ вверхъ,—къ небу, къ Царству Божию; а ежели живемъ и поступаемъ такъ, какъ располагаетъ нами наша грѣховная природа, и только имѣемъ въ виду настоящую жизнь, не помышляя, или мало и рѣдко помышляя о Богѣ и о своемъ спасеніи, то мы падаемъ внизъ, сближаемся съ участію осужденныхъ.

Слова пѣтъ, братіе, что подвигъ добродѣтели труденъ, и дѣйствовать вопреки нашимъ естественнымъ расположеніямъ и желаніямъ тяжело и горько, напротивъ того пріятно дѣлать то, къ чему влечетъ насъ растлѣнная природа; по вѣдь этому естественно и быть надлежитъ. Легко ли идти вверхъ, подниматься на гору? А опускаться внизъ, подъ гору—куда какъ скоро и свободно. Да, трудно подниматься на гору, за то тамъ пріятно и весело; легко спускаться подъ гору, но тамъ пропасть, въ которой можно погибнуть. Таково и наше земное шествіе. Легко и пріятно намъ спускаться внизъ,—жить по влеченію нашихъ желаній и страстей, по вѣдь это можетъ увлечь насъ въ преисподнюю, отъ чего да избавить насъ Господь. Напротивъ, трудно восходить вверхъ, на высоту добродѣтелей; за то мы, будемъ на пекѣ, въ раю, въ Царствѣ Божиемъ, чего да сподобимся всѣ мы, по благодати и милосердію Господа нашего и Спаса Іисуса Христа. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 35.

Страданія Христовы не прекратились и послѣ распятія
Его на крестѣ.

Господи благослови!

Покланяясь нынѣ Животворящему Кресту Господню, мы, братіе, воспоминаемъ страданія Христовы. Чтожъ? Кончились они? Нѣтъ, продолжаются и будутъ продолжаться до конца міра. Не удивляйтесь. Это истинно. Конечно Христосъ страдаетъ ужь не такъ, какъ пострадалъ во дни Своей жизни, на землѣ. Страданіе Его плотию, крестное распятіе совершилось единожды навсегда. *Христосъ единою о грѣсѣхъ нашихъ пострадалъ, праведникъ за неправедники* (1 Петр. 3: 18), говоритъ Апостоль Петръ. Такъ Своимъ Божественнымъ Лицомъ, въ Своей прославленной плоти, Господь нашъ болѣе не страдаетъ, но страдаетъ въ Своихъ служителяхъ и послѣдователяхъ; страдаютъ Его Божественная правда и праведные. Представьте царя, начальника, отца семейства. Что, ежели подданные, подчиненные, дѣти будутъ противоборствовать благодѣтельнымъ распоряженіямъ ихъ и поносить и озлоблять ихъ, вѣрныхъ исполнителей воли ихъ? Не досада ли, не оскорбленіе ли это самому царю, начальнику, отцу! А какъ поступилъ міръ съ служителями и послѣдователями Христовыми? Апостоловъ гнали и умертвили—за что? За то, что они исполняли божественную волю своего Учителя и проповѣдывали содѣянное Христомъ спасеніе міра? Мучениковъ мучили, терзали, жгли, распинали, безглавили—за что? что они вѣровали во Христа, Спасителя міра, и не кланялись бездушнымъ истуканамъ. Что это? Развѣ не страданія Христовы, наносимыя Ему врагами Его святаго имени? Да! это дѣлали цевѣрующіе, печестивые; такъ поступали Іудеи и язычники. Вотъ ужь этого конечно не можетъ быть между Христіанами, и отъ Христіанъ. Отъ Христіанъ? Увы! Горько видѣть, когда міръ прелюбодѣйный и грѣшный отвергаетъ божественную правду и гонитъ праведныхъ; каково же, если мы тоже увидимъ и у Христіанъ! Не можетъ быть, подумаешь. Вотъ вѣдь мы вѣруемъ въ Распятаго за насъ Сына Божія, поклоняемся и Кресту Его, чтимъ и прославляемъ Святыхъ угодниковъ Его. Хорошо. Да не такъ же ли поступали и Іудеи? Они чтили Пророковъ, которыхъ избивали отцы ихъ, и говорили: *еще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общницы имъ были въ крови Пророкъ* (Матѣ. 23: 30); а сами что дѣлали? Распяли Самого Сына Божія,

котораго предвозвѣщали Пророки. Что дѣлаемъ и мы? Твердимъ о благочестіи, восхваляемъ добродѣтель, почитаемъ Святыхъ и праведныхъ и, не смотря на это, нерѣдко готовы возстать на благочестіе, озлобить добродѣтель, заглушить голосъ правды. Сдѣлай только намъ справедливый упрекъ, обличи нашу неправду, открой лицемѣріе, пристрастіе,—и увидите, что изъ насъ выйдетъ. Выйдетъ то, что мы такого праведнаго обличителя возненавидимъ, будемъ чернить и безславить, а ежели имѣемъ власть, то и преслѣдовать и подвергать его бѣдѣ и несчастію. Боже нашъ! Что это за неспособный законъ у человѣка? Чужое худое ругаетъ, а самъ дѣлаетъ то-же; другихъ осуждаетъ, а самъ въ томъ же виновенъ; старое оплакиваетъ, а вновь опять творить достойное слезъ. Ахъ! этому причиною наше самолюбіе, наши страсти. Мы дотолѣ справедливы, пока не трогаютъ насъ и не вызываютъ насъ противъ насъ самихъ. Что же это за благочестіе, что за добродѣтель? Ежели мы кланяемся Христу и прославляемъ терпѣніе Его, а сами заставляемъ другихъ терпѣть, сами наносимъ другимъ раны: что это, не новое ли страданіе для Христа, и отъ кого? Отъ Христіанъ. Не всѣ же, скажутъ, и не всегда поступаютъ такъ. И сохрани насъ, Господи, отъ этого. Однакожь никто не считай себя свободнымъ отъ дѣлъ, прогнѣвляющихъ Спасителя нашего Бога. Всѣ мы грѣшны. Въ этомъ мы должны сознаться. Такъ или иначе грѣшимъ предъ Богомъ, и грѣшимъ непрестанно. А грѣхи наши развѣ не новыя язвы для благостыннаго сердца Искушителя нашего? Онъ пострадалъ за насъ, очистилъ, омылъ наши грѣхи Своею кровію, а мы снова грѣшимъ, и снова вызываемъ Его на страданіе. Ахъ, братіе! Страдать ли надлежало въ насъ Христу Спасителю нашему? Не паче ли прославляться Ему въ насъ? Не любить ли, не благодарить ли должны мы Его? Не усвоить ли себѣ спасительную благодать Его исполненіемъ божественной воли Его, жизнію нашею во всякомъ благочестіи и чистотѣ?

Виповны, виновны всѣ мы, братіе, предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Припадемъ же сегодня еще къ Нему предъ Животворящимъ Крестомъ Его и съ раскаяніемъ въ содѣянныхъ грѣхахъ, испросимъ у Него божественную милость и спасительную благодать и силу *творить* всегда *благоугодное предъ Нимъ* (Евр. 13: 21). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 36.

Гражданская и духовная свобода.

Господи благослови!

Еще обращаю вниманіе ваше, братіе, на настоящее достопамят-
ное время отечества нашего. И можно ли теперь быть невни-
мательнымъ? Ежели сообразить конецъ совершившагося тысячелѣтія
Россіи съ начала его, какая поразительно-утѣпительная разность!
Чѣмъ мы были въ началѣ и чѣмъ стали теперь? Какими вступили
въ этотъ великій періодъ жизни нашей и какими вышли изъ него?
Вступили малымъ, неустроеннымъ владѣніемъ, вышли обширѣйшимъ
въ свѣтѣ и цвѣтущимъ государствомъ; вступили съ призванною
отвѣтственною малосильною властію, вышли съ природнымъ могущественнѣй-
шимъ Самодержцемъ; вступили безъ порядка, безъ правилъ обще-
житія, вышли съ законами, опредѣляющими всѣ пути жизни госу-
дарственной и общественной, и съ учрежденіями, вносящими въ сре-
ду народа благоустройство и порядокъ; вступили съ малыми и скуд-
ными, вышли съ многими и разнообразными средствами къ благо-
состоянію и довольству; вступили дѣкими, невѣждами, вышли обра-
зованными и просвѣщенными, а что всего важнѣе, вступили языч-
никами; безбожниками, вышли Христіанами, боговѣдцами и богочти-
телями. Можно, братія, порадоваться такой счастливой перемѣнѣ.
Есть чему порадоваться и при смѣнѣ одного тысячелѣтія другимъ.
Это достославное отечественное событіе. Разумѣю *уничтоженіе раб-
ства въ Россіи*. Вотъ достойный вѣнецъ тысячелѣтнихъ благодѣ-
тельныхъ у насъ событій и прочная основа благоденствія народа
въ новомъ періодѣ жизни отечества нашего. Нѣтъ болѣе рабства
въ Россіи! Какой новый свѣтъ для вѣры Христіанской! Какая сла-
ва для Церкви Православной! Совмѣстно ли быть внутреннему раб-
ству, когда сокрушено виѣшнее рабство? Прилично ли Христіанину
имѣть рабомъ Христіанина, считать его, какъ свое имѣніе и, подъ
часть, продавать, или отдавать его въ залогъ, какъ собственность?
Не всѣ ли подданные одного царя? Не всѣ ли сыны одной Матери
Церкви? Но вотъ наконецъ восторжествовала правда Божія. Исчезли
неволя и рабство, просіяла свобода для цѣлой трети вѣрноподдан-
ныхъ царя Русскаго. Событіе истинно достославное! Прославимъ,
братіе, Бога, единого и общаго нашего Небеснаго Отца! Возблагодари-
мъ Благочестивѣйшаго нашего Царя—Освободителя, истиннаго
Отца отечества и покровителя равно всѣхъ подданныхъ! Порадуемъ-

ся свободѣ толикихъ братій и соотечественниковъ нашихъ, которые доселѣ жили только въ половину собственною жизнію!

Но я не хочу на этомъ остановиться. Кстати теперь обратить вниманіе наше на общую нашу, братіе, свободу. Гражданская свобода нашихъ крестьянъ напоминаетъ намъ духовную свободу Христіанъ. Что это за свобода, и отъ какого рабства мы стали свободны? Отъ рабства грѣховнаго, *отъ власти темныя* (Кол. 1: 13), *отъ князя міра сего* (Іоан. 12: 31), діавола. Спаситель нашъ сказалъ: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8: 34). А кто безгрѣшенъ? Никто. *Нѣсть праведенъ никто же* (Рим. 3: 10), *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія* (Рим. 3; 23). Вотъ ужасное рабство! Уже никто не изъять изъ него. Кто бы ни былъ, въ какомъ бы состояніи ни находился, когда бы и гдѣ бы ни жилъ, — всѣ, всѣ рабы грѣха, плѣнники діавола. Что передъ этимъ рабствомъ рабство, въ которомъ находились наши крестьяне? Ихъ рабство было временное, вѣншее, они принадлежали господамъ только тѣлесною жизнію, при томъ нѣкоторые изъ господъ были добрые владѣльцы, попечительные отцы. А рабство грѣховное? А князь міра сего? О, рабство грѣховное—рабство вѣчное, рабство души и тѣла. Князь міра всегдашній *супостатъ* (1 Петр. 5: 8), *исконный челоуькоубійца* (Іоан. 8: 34); онъ только и старается всякаго, работающаго ему, погубить, лишить блаженства и увлечь, вмѣстѣ съ собою, въ геенну огненную. Какова же должна быть радость, если бы грѣшникамъ освободиться отъ лежащаго на нихъ ига грѣховнаго и отъ власти *всесубителя* (1 Кор. 10: 10) діавола? *Благодареніе Богу!* (2 Кор. 9: 15). Радость эта принадлежитъ вполне намъ, братіе, *Богу, богаты сый въ милости, сущихъ насъ мертвыхъ преиришени соживи Христомъ* (Ефес. 2: 4, 5), *избави насъ отъ власти темныя и представи въ Царство Сына любви Своея о Немже имамы избавленіе кровію Его и оставленіе грѣховъ* (Кол. 1: 13, 14). Возрадуемся же о нашемъ избавленіи. У насъ есть Спаситель, Царь небесный, Сынъ Божій, который искупилъ насъ кровію Своею, очистилъ наши грѣхи и Божественною силою Своею избавилъ насъ отъ власти діавола, отъ узъ смерти и ада. Мы теперь свободные; уже не рабы, а чада Божіи, *сожителн Святыхъ и присни Богу* (Ефес. 2: 19). О, какъ мы счастливы! Какъ должны радоваться своему избавленію! Какъ благодарить своего Избавителя!

Надо сказать однакожь, братіе, что ежели когда, то преимущественно въ этомъ случаѣ мы, по наставленію Псалмопѣвца, должны и *радоваться съ трепетомъ* (Пс. 2: 11). Врагъ нашъ безко-

нечно золь и неусыпно бдителенъ на погибель нашу, а мы, по немоци природы, слишкомъ поползновенны на грѣхъ. Поэтому и свободу, дарованную намъ Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, мы можемъ потерять, какъ скоро грѣхопадєніями нашими нарушимъ свитую волю Его. А если такъ, что тогда наша свобода? Вѣдь она дается на добро, а не на зло. Представьте и гражданскую свободу, которую нынѣ получили наши крестьяне. Неужели они теперь могутъ дѣлать все, что хотятъ? Никакъ. Они, и по освобожденіи отъ крѣпостнаго права, подчиняются общимъ государственнымъ законамъ и, въ случаѣ нарушенія ихъ, какъ преступники, лишаются свободы, заключаются въ темницы и подвергаются заслуженнымъ наказаніямъ. Точно также можетъ быть и съ нами, Христіане. И наша Христіанская свобода не должна быть поводомъ ко грѣху. *Что говорить Апостоль? Сопрѣшимъ ли, зане нѣмы подѣ законамъ, но подѣ благодатию? да не будетъ* (Рим. 6: 15). Напротивъ, если мы, избавленные Спасителемъ нашимъ Христомъ и очищенные вѣрою и Крещеніемъ отъ грѣховъ, снова погрязаемъ въ нихъ, то опять подвергаемъ себя грѣховному рабству, снова дѣлаемъ преступниками предъ Богомъ и осуждаемъ себя на тягчайшую казнь. *Волею согрѣшающимъ по пріятіи разума истины Апостоль угрожаетъ страшнымъ нѣкимъ чаяніемъ суда и огня ревностию поести хотѣщаго сопротивныя* (Евр. 10: 26, 27).

Истинно, братіе, избавленію нашему во Христѣ мы должны радоваться со страхомъ; должны благоразумно стоять на стражѣ своего спасенія, чтобы, по дарованіи намъ Спасителемъ нашимъ Христомъ права на Небесное гражданство и па усыновленіе Богу, уже болѣе не работати намъ грѣху (Рим. 6: 6). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 37.

Въ церковь Божію входятъ вѣрою и покорностию ей, и исходятъ невѣріемъ и отпаденіемъ отъ нея.

Господи благослови!

Въ Евангеліи читаемъ слѣдующія Слова Спасителя нашего слова: *Мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ Царствіи Небесныхъ; сынове же Царствія измани будутъ во тму кромѣшнюю* (Матѣ. 8: 11, 12). Это сказалъ Господь послѣ того, какъ одинъ сотникъ, начальникъ Римскихъ

воиновъ, и слѣдовательно язычникъ, показалъ такую вѣру къ Спасителю нашему, какой Господь не нашель въ народъ Своемъ, Іудеяхъ. Что же значать сказанныя слова Спасителя? Кто эти сыны Царствія, которые будутъ изгнаны, и кто тѣ, которые придуть съ востока и запада и займутъ мѣсто ихъ въ Царствѣ Небесномъ? Сыны Царствія—это Іудеи, народъ избранный Богомъ изъ всѣхъ народовъ и призванный къ наслѣдію живота вѣчнаго въ Царствѣ Божіемъ; а пришлецы восточные и западные—всѣ прочіе народы языческіе. Смыслъ словъ Спасителя такой, что Іудеи, призванные къ вѣчному животу и царствію, за невѣріе къ Нему будутъ лишены живота и Царствія, а язычники, увѣровавшіе въ Него, наслѣдуютъ животъ вѣчный и Царство Небесное. Такъ и случилось. Іудеи, за невѣріе и отверженность отъ Спасителя нашего, Христа, изгнаны изъ земли своей и лишены наслѣдія обѣтованій, данныхъ Аврааму, Исааку и Іакову, а язычники, увѣровавшіе во Христа, вступили въ благодатную Церковь Божію и сдѣлались наслѣдниками Царствія Небеснаго.

Что же? Кончились ли на этомъ сказанныя слова Спасителя? Нѣтъ. Вѣчнаго Бога и слова вѣчны, и дѣйствіе ихъ, при одинаковыхъ причинахъ и обстоятельствахъ, всегда будетъ одинаково. Непререкаемое свидѣтельство тому даетъ намъ пророкъ Исаія. Сказавъ однажды, что Господь опредѣлилъ потребить враговъ народа своего, Ассиріянъ, онъ присовокупляетъ замѣчаніе, что Господь въ подобныхъ случаяхъ поступитъ подобнымъ образомъ со всѣми народами. *Сей совѣтъ*, говоритъ пророкъ, *его же совѣща Господь на всю вселенную, и сія рука на вся языки вселенныя* (Исаія 14: 26). Такъ слѣдовательно праведенъ Господь и такъ неизмѣнны и велицепріятны суды Его! А если такъ, значить и Христіане могутъ подлежать тому же грозному суду Божію, какой испытали на себѣ Іудеи,—и они, за невѣріе, могутъ лишиться благодатнаго Царства Христова? И непремѣнно. Поэтому то Апостоль Павелъ и предостерегаетъ Христіанъ отъ ослабленія въ вѣрѣ и отъ отпаденія отъ Христа. *Мняйся стояти*, говоритъ, *да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10: 12). *Блюдите, братіе, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво исполнено невѣрія, во еже отступити отъ Бога жи-ва* (Евр. 3: 12).

Не излишне, братіе, и намъ имѣть бодрственное блюденіе за собою, чтобы достойно носить званіе сыновъ Царствія. Благодареніе Богу! Мы вмѣстѣ съ другими народами, возшли въ Святую Церковь Божію и, вмѣсто отпадшихъ сыновъ Израіля, получили на-

слѣдіе обѣтованій Божіихъ. Благодатное Царство Христово водворилось у насъ въ Россіи, и вотъ уже болѣе восьми столѣтій чистая Православная Христіанская вѣра сіяетъ въ предѣлахъ отечества нашего. Какой это теперь обширный дворъ—Россійская Церковь! Сколько тутъ милліоновъ словесныхъ овецъ, которыхъ пасетъ самъ Божественный Пастырь, Господь нашъ Иисусъ Христосъ! А и еще болѣе и болѣе распространяется этотъ и такъ уже обширный дворъ овчій. Многіе являютя еще отъ востока, запада и юга, готовые возлечь съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ Царствіи Небесномъ. Намъ извѣстно, братіе, какъ въ недавнее время многіе изъ совращенныхъ западомъ обратились къ Православной Россійской Церкви. Мы знаемъ, съ какимъ успѣхомъ проповѣдуется нынѣ Православная Христіанская вѣра въ долинахъ и ущельяхъ Кавказа и на отдаленныхъ предѣлахъ Сибири, и сколько пріобрѣтается новыхъ поклонниковъ Распятаго Богочеловѣка. Отрадно, отрадно видѣть процвѣтаніе Церкви Божіей, расширеніе Царства Христова, умноженіе Христіанъ Православныхъ. О, если бы исполнялись только эти слова Христовы: *мнози отъ востокъ и западъ прійдутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ Царствіи Небесномъ.*

Но.... но, что я долженъ сказать? Вѣдь исполняются и слѣдующія слова Христовы: *сынове же Царствія изгнаны будутъ во тму кромѣшнюю.* И эти слова видимо исполняются—гдѣ? У насъ, въ нашей Православной Церкви. Вотъ горькая истина! Сколько отрадно видѣть вновь присоединяющихся къ Святой Христовой Церкви, столько прискорбно, ужасно видѣть отпадающихъ отъ спасительной благодати Христовой. А таковыя, къ прискорбію Матери Нашей Св. Церкви, есть. Есть, братіе, изгоняющіе себя, и вслѣдствіе сего изгопяемые Самимъ Богомъ несчастные сыны благодатнаго Царства Христова, природныя чада Церкви нашей Православной. Кто это? Первые заблуждающіе наши раскольники. Сколько ихъ и теперь у насъ находится въ отчужденіи отъ Православной вѣры и отъ истинной Матери своей Церкви? А и среди Православныхъ не мало, не мало, особенно въ настоящее время, такихъ, которые, покоряясь лжеименному разуму и заразившись просвѣщеннымъ западнымъ вольнодумствомъ, ежели еще не открыто, то въ тайнѣ сердца уже разорвали священные узы родства съ Церковію Христовою. Что сказать о насъ, именующихся еще вѣрными Православными сынами Церкви? Не похвалимся и мы, братіе, пашею вѣрою и нашимъ благочестіемъ. Благодареніе Богу! Мы еще не дерзаемъ и не дерзнемъ оставить Святую и спасающую насъ Матерь нашу, Православ-

ную Церковь, и никакъ не пойдѣмъ въ слѣдъ суемудренныхъ проповѣдниковъ и учителей; но согласитесь, что мы еще далеко не таковы, какими подобаетъ быть сынамъ Царствія. Много, много мы служимъ растлѣнной своей природѣ, угодное творимъ вопреки закону Божію, нашимъ желаніямъ и страстямъ, склонны до излишества слѣдовать міру и его болѣе и болѣе распространяющимся у насъ обычаямъ и правиламъ. А вѣдь знаете, что говоритъ братъ Божій и Апостоль: *любь міра сего вражда Богу есть; иже бо восхошетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4: 4). Сохрани Богъ, если и мы, за наше маловѣріе и за наше житіе не по вѣрѣ не далеки отъ опасности лишенія правъ и достоянія сыновъ Царствія. Поэтому совѣтую всѣмъ, и себѣ, и вамъ, братіе, чаще, какъ можно чаще принимать во вниманіе слѣдующія слова Апостола: *себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте* (2 Кор. 13: 5). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 38.

Память о Богѣ—веселіе чловѣку.

Господи благослови!

Помянухъ Бога и возвеселихся.
(Пс. 76: 4).

Кто это говоритъ? Древній Израильскій царь, Давидъ. Давидъ? Да кто онъ былъ? Праведникъ. Такъ мудро ли праведнику веселиться о Богѣ? Не отрадно ли ему поминать Того, котораго онъ любить, которому служить, которымъ и для котораго живетъ. Не сладко ли ему представлять Того, который взаимно любитъ его, особенно благоволяетъ къ нему и готовитъ для него рай небесный, радость премірную, блаженство вѣчное? Нельзя, нельзя, братіе, праведнику не радоваться о Господѣ. Нельзя ему иначе вспомнить о Богѣ, какъ съ веселіемъ. *Возвеселится*, скажемъ съ тѣмъ же Давидомъ, непременно *возвеселится праведникъ о Господѣ* (Пс. 63: 11). Каково-то будетъ вспомнить о Богѣ грѣшнику? Каково-то грѣшнику помянуть Бога, Того Небеснаго Отца, котораго онъ забылъ и котораго непрестанно прогнѣвляеть своими худыми дѣлами, Того Святаго и Праведнаго Господа, который ненавидитъ беззаконія и беззаконниковъ и можетъ поразить беззаконника въ самомъ беззаконіи его, Того правосуднаго Судію, который опредѣлилъ въ совѣтѣ Своемъ всѣхъ грѣшниковъ потребить и ввергнуть ихъ въ геенну

огненную на вѣчное мученье? Какъ-то, говорю, помянуть Бога грѣшнику? О, не веселіе и радость, а страхъ и трепеть долженъ потрясти всего грѣшника при этомъ воспоминаніи! Грѣшникъ долженъ представить себѣ, что онъ несчастный, отверженный, безнадежно погибшій.

Ахъ, позвольте! Что я говорю? Нѣтъ. И грѣшнику пріятно помянуть Бога; отраднo и для него испустить сокрушенный вздохъ, пролить покаянную слезу. Вѣдь Богъ не только правосуденъ, но и милосердъ. Вѣдь у грѣшниковъ есть Искушитель, Сыпъ Божій Иисусъ Христосъ. Опъ и пришелъ *грѣшниковъ спасти* (1 Тим. 1: 15), *призвать ихъ на покаяніе* (Матѣ. 9: 13), *взыскать и спасти погибшихъ* (Лук. 19: 10). И сколько уже грѣшниковъ спаслось и вошло въ Царство Небесное для общаго блаженства съ праведниками! Нужно ли припоминать о спасенныхъ грѣшникахъ, которыхъ представляетъ Евангеліе,—о блудницѣ, о мытарѣ, о разбойникѣ? Кто изъ насъ не знаетъ, сколько было спасенныхъ грѣшниковъ и послѣ, въ продолженіе времени Христіанства, какъ повѣствуютъ памъ дѣписанія церковныя? Да и самъ Давидъ былъ не безъ грѣха. И опъ, послѣ грѣхопаденія своего, взыскалъ Бога покаяніемъ и опять нашелъ въ Немъ радость спасенія своего. Какъ же послѣ этого не пріятно помянуть Бога и всякому грѣшнику? Счастливъ тотъ грѣшникъ, который, и по грѣхопадении, вспомнить о Богѣ, восчувствуетъ свою вину, обратится къ Спасителю, принесетъ покаяніе и дастъ обѣтъ исправленія своей жизни. Тогда и грѣшникъ *возвеселится о Господь*, будетъ *уповатъ* (Пс. 63: 11) на Его милосердіе, и возрадуется о спасеніи своемъ. Несчастенъ только тотъ грѣшникъ, который не вспомнить о Богѣ и послѣ грѣхопаденія своего. Вотъ уже это ужасно! Ужасно забыть Бога, не обращаться къ Богу, не думать о своихъ грѣхахъ, не прибѣгать къ покаянію, а безопасно продолжать путь беззаконія, или, что еще хуже и пагубнѣе, отчлваться въ прощеніи и помилованіи отъ Бога. Не допусти, Господи, никого до такого состоянія, когда человекъ въ грѣховномъ samozабвеніи готовъ бываетъ сказать: *забы Богъ, отврати лице Свое, да не видитъ до конца* (Пс. 9: 32).

Христіанинъ! Не ищи себѣ веселія внѣ Бога. Внѣ Бога, въ мірскихъ удовольствіяхъ и заботахъ, нѣтъ истиннаго веселія. Тамъ одинъ призракъ, минутно насъ улаждающій, и затѣмъ пустоту и горечь оставляющій. Ищи веселія тамъ, гдѣ поминается Богъ, въ тѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ, которыми прославляется святое имя Божіе и въ которыхъ исполняется святая воля Божія. Съ Богомъ ты

всегда будешь весель, гдѣ бы, въ какомъ бы состояніи ни находил- ся. Тебя сокрушаетъ скорбь, удручаетъ болѣзнь; помяни Бога, без- мезднаго Врача душъ и тѣлесъ,—и возвеселишься. Тебѣ приклю- чилось несчастье; помяни Бога, свораго Помощника и милосердаго Отца,—и возвеселишься. Ты, по немощи, палъ, согрѣшилъ предъ Богомъ; помяни Бога, спасающаго грѣшниковъ,—и возвеселишься. Богъ, единъ Богъ есть истинное веселіе и для праведниковъ, и для грѣшниковъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 39.

Двоякое происхожденіе Христіанъ.

Господи благослови!

Вочу, братіе, сказать нѣчто о нашемъ происхожденіи. Вѣдь для насъ обыкновенно не малый составляетъ интересъ знать, кто откуда родомъ происходитъ. Не подумайте только, что здѣсь рѣчь о извѣстныхъ общественныхъ состояніяхъ, кто, напр., происходитъ изъ дворянъ, кто изъ духовнаго, кто изъ купеческаго или другаго званія. Нѣтъ,—здѣсь разумѣется естественное, существенное происхожде- ніе, начало жизни и дѣйствій человѣка.

Откуда же мы приходимъ? Мы, какъ человѣки и какъ Хри- стіане, приходимъ отъ двухъ родовъ. У насъ два родоначальни- ка. Первый родоначальникъ есть общій прародитель нашъ, Адамъ. Онъ отецъ всѣхъ человѣковъ; отъ него произошелъ весь человѣче- скій родъ. Въ этомъ отношеніи весь свѣтъ есть одна семья, всѣ народы—дѣти одного отца, всякій намъ есть природный братъ, не только, наприм., Англичанинъ и Французъ, но и Монголь, и Ту- рокъ, и Китаецъ, и Индѣецъ. Второй родоначальникъ есть Хри- стость. Ему принадлежимъ мы по духовному, таинственному рожденію *отъ воды и духа* (Іоан. 3: 5). Съ тѣхъ поръ, какъ мы погрузились въ купели крещенія, мы уже *чада Божіи* (Іоан. 1: 12), *новая тварь во Христѣ* (2 Кор. 5: 17). Поэтому всѣ Христіане по благодати и духу суть братія, и всѣ народы, какъ скоро вѣруютъ во Христа, составляютъ одно Христіанское семейство, одно Христо- во стадо (2 Кор. 10: 16). *Нѣсть Еллинъ, ни Іудей, варваръ и Скивъ* (Кол. 3: 11), *все бо вы едино есте во Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3: 28), говоритъ Апостоль. Итакъ, два у насъ, братіе, родо- начальника, первый, отъ земли происшедшій, праотецъ Адамъ, на-

чальникъ рода человѣческаго, второй, съ неба пришедшій, Господь Иисусъ Христосъ, начальникъ рода Христіанскаго. *Первый человекъ, отъ земли перстень; второй человекъ, Господь съ небеси* (1 Кор. 15: 47), говоритъ Апостоль.

Родоначальники наши, какъ уже видите, совершенно между собою различны. Одинъ—человѣкъ, другой—Богъ; одинъ земной, другой—небесный; одинъ—смертный, другой—бессмертный, одинъ—падшій, грѣховный, другой святой и праведный. Что же мы? Стало быть, и мы сами въ себѣ различны? И мы различны. *Яковъ перстный таковы и перстни; и яковъ небесный, тацы же и небесни* (1 Кор. 15: 48), говоритъ тотъ же Апостоль. Происходя отъ перваго родоначальника, Адама, мы *зичинаемъ въ беззаконіяхъ и раждаемъ во грѣхахъ* (Псал. 50: 76), а происходя отъ втораго родоначальника Христа, зачинаемъ силою благодати Божіей и раждаемъ чистыми, непорочными; по естественному началу жизни, мы *пада иньва* (Ефес. 2. 3), *языкъ грѣшный, людие исполмени грѣховъ, сынове беззаконіи* (Исаія 1: 4), а по благодатному началу жизни—*избранни и возлюбленни* (Кол. 3: 12), *родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія* (1 Петр. 2: 9)

Да возможны ли, подумаешь, такіе противоположности въ одномъ человѣкѣ? Какъ же принадлежать брѣнному, падшему человѣку и вмѣстѣ *нетлнному, невидимому, премудрому Богу?* (1 Тим. 1: 17). Какъ быть плотскимъ, ветхимъ, грѣховнымъ, и въ то же время духовнымъ, новымъ и святымъ человѣкомъ? *Кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6: 14). Вѣдь отъ этого въ одномъ и томъ же человѣкѣ должна произойти борьба, стремленіе одному низложить и упразднить другаго? Такъ и бываетъ. *Соуслаждаюся, говоритъ Апостоль, закону Божію по внутреннему чловѣку, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воуюющъ закону ума моего, и плнняяющъ мя закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7: 22, 23). *Плотъ похотствуетъ на духа, духъ же на плотъ; сія же другъ другу противится* (Гал. 5: 17).

При такомъ раздѣленіи и противоборствѣ своей природы, что должно дѣлать Христіанину? Давать силу, дѣйствіе и торжество началу благодатному, святому и препобѣждать въ себѣ начало грѣховное, стремленія и наклонности злыя. Отчуждать себя отъ ветхаго Адама и сближаться съ новымъ Адамомъ, Христомъ. Какъ чуждаться Адама? Ненавидѣть грѣхъ, воздерживаться отъ худыхъ мыслей подавлять порочныя желанія и страсти, избѣгать *плотскихъ дѣлъ*, — которыя на прим. перечисляетъ Апостоль, — *нечистоты, идолослуже-*

нія, вражды, зависти, ересей, соблазнительныхъ и безчинныхъ поступковъ, пьянства и подобныхъ симъ (Гал. 5: 19, 20, 21). Какъ сближаться и соединяться со Христомъ? Благочестивыми мыслями, святыми чувствами и добрыми дѣлами, на которыя также указываетъ Апостоль, *любовію, радостію, миромъ, долготерпѣніемъ, благодію, милосердіемъ, вѣрою, кротостію, воздержаніемъ* (Гал. 5: 22, 23). Еще? Непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ и Спасителѣ нашемъ, поученіемъ въ божественномъ словѣ Его и молитвою. А самый важный и существенный способъ соединенія со Христомъ—это таинственное общеніе съ Нимъ въ Пречистыхъ и Животворящихъ Тайнахъ тѣла и крови Его.

Вотъ, братіе, что должны дѣлать мы, родившіеся по плоти отъ праотца Адама, а по духу отъ Бога и Христа. Должны преображаться изъ образа ветхаго родоначальника Адама во образъ новаго—Христа. *Якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небснаго* (1 Кор. 15: 49), говоритъ Апостоль. И хорошо, спасительно, ежели мы, какъ Христіане, вѣрно и крѣпко держимся своего небснаго, Божественнаго родоначальника и Ему послѣдуемъ во всемъ житіи нашемъ. Постыдно и пагубно, ежели мы продолжаемъ родство съ ветхимъ своимъ родоначальникомъ и идемъ въ слѣдъ его по пути грѣха. Ежели будемъ принадлежать только Адаму, погибнемъ, какъ грѣшники, а ежели—Христу, спасемъ, какъ оправданные и освященные отъ Него. *О Адамъ вси умираютъ, а о Христвъ вси оживутъ* (1 Кор. 15: 52), говоритъ Апостоль, *Оброизы бо грѣха, смерть; дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христвъ Исусъ Господъ нашъ* (Рим. 6: 23). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 40.

Епитиміи, наложенныя отъ Бога на родъ человѣческій за грѣхопаденіе.

Господи благослови!

Помяни, яко вси есмь во епитиміяхъ.

(Сирах. 8: 6).

Многіе изъ насъ, братіе, знаютъ, а многіе и не знаютъ, что такое епитимія. Въ первыя времена Христіанства она была въ большемъ употребленіи, и потому хорошо была извѣстна всѣмъ вѣрующимъ. Нынѣ Церковь и пастыри Ея болѣе свисходительны

къ немощамъ нашимъ, и потому она, какъ рѣдко употребляема, не такъ уже намъ извѣстна. Что же такое епитимія? Собственно духовное наказаніе, налагаемое на грѣшника, для исправленія его жизни, для успокоенія его совѣсти и для утвержденія его въ упованіи на милость Божію. Таковымъ наказаніемъ въ древности было запрещеніе приступать къ Святымъ Тайнамъ, участвовать съ вѣрными въ общемъ богослуженіи, опредѣленіе стоять внѣ вратъ церковныхъ, публично оплакивать свои грѣхи и испрашивать у всѣхъ, входящихъ въ храмъ, прощеніе. Нынѣ употребляются, сверхъ обыкновеннаго правила церковнаго, постъ, молитва, поклоны, милостыня и также, въ важныхъ случаяхъ, удаленіе отъ общенія въ таинствѣ Евхаристіи. Очевидно, всѣмъ этимъ грѣшникъ осуждается на лишеніе, трудъ и терпѣніе, для очищенія грѣховъ, для умиловленія Бога, для успокоенія совѣсти грѣшника и для возбужденія его къ исправленію жизни.

Обратимся теперь къ словамъ премудраго сына Сирахова. *Помяни*, говоритъ этотъ наставникъ, *яко вси есмы во епитиміяхъ*. Что это за епитиміи, когда, кѣмъ и на кого онѣ возложены? Епитиміи, о которыхъ говоритъ премудрый, возложилъ, братіе, Правосудный Богъ послѣ грѣхопаденія человѣческаго, возложилъ, во лицѣ прародителей нашихъ, на весь человѣческій родъ. Епитиміи эти заключаются въ словахъ, которыя Творецъ изрекъ прародителямъ нашимъ, по нарушеніи ими первобытнаго завѣта Божія. Грѣшники сими словами осуждены на изнурительный трудъ, на оскудѣніе плодовъ земныхъ, на печали, на болѣзни и на смерть (Быт. 3: 16—19). Вотъ тѣ грозныя епитиміи, которыя наложилъ на грѣшниковъ Самъ Богъ, которыя лежатъ на всемъ человѣческомъ родѣ уже болѣе семи тысячъ лѣтъ и не снимутся до скончанія вѣка.

Понятно теперь, что значать всѣ бѣдствія въ жизни сей, и частныя, и общія, которыя терпѣло и терпитъ все человѣчество. Это истинно *епитиміи*, какъ называетъ ихъ древній наставникъ, епитиміи, которыя наложилъ Правосудный Богъ на грѣшниковъ за грѣхъ. Такъ труды и заботы житейскія, которыя испытываетъ каждый изъ насъ, суть епитимія намъ отъ Бога. Такъ бѣды, несчастія, горести, которыхъ не чуждъ никто, епитимія отъ Бога. Такъ болѣзни, которымъ подвергаются многіе, и смерть, которой не минуетъ никто, епитимія отъ Бога. А и общія бѣдствія не то же ли самое проявляютъ въ себѣ? Вѣдаемъ, что и онѣ не другое что, какъ епитимія отъ Бога за грѣхи народовъ. Бываютъ по мѣстамъ землетрясенія—это епитимія отъ Бога. Случаются наводненія—это епитимія

отъ Бога. Происходятъ пожары—это епитимія отъ Бога. Заводятся кровопролитныя войны—это епитимія отъ Бога. Появляются повальныя болѣзни и опустошительныя язвы—это епитимія отъ Бога. Послѣдуетъ безплодіе и неурожаи—это епитимія отъ Бога. Вотъ сколько и какія горькія епитиміи несетъ на себѣ падшій человѣческій родъ! Вотъ какое *велие непразднество создано бысть всякому чловѣку, и какое тяжкое иго лежитъ на сынѣхъ Адамлихъ* (Сирах. 40: 1)!

Какое же имѣютъ значеніе и какую цѣль такія тяжкія епитиміи для міра грѣшнаго? Церковная епитимія, какъ извѣстно, есть наказаніе не карательное, а исправительное. Она очищаетъ, вразумляетъ грѣшника, дѣлаетъ его осторожнымъ и попечительнымъ о своемъ спасеніи на будущее время. Таковы ли же эти всеобщія, міровыя епитиміи? Безъ сомнѣнія. Если бы Богъ не миловалъ насъ, то Онъ разомъ потребилъ бы и міръ и человѣческій родъ. Нѣтъ. Онъ наказуетъ насъ съ цѣлю вразумить насъ, удержать насъ отъ грѣховъ и послѣ простить и помиловать насъ? Какая, напр., изъ сказанныхъ епитимій не спасительна для насъ? Всѣ онѣ, и порознь, и въ совокупности, напоминаютъ намъ первобытное грѣхопаденіе, потерю рая, разстройство и немощъ нашей природы, суету міра, тяжесть и скверну грѣха, слѣпоту нашего разума, слабость вѣры, беспечность о спасеніи и побуждаютъ насъ чувствовать свою виновность, ненавидѣть грѣхъ, уклоняться отъ суетнаго міра, имѣть память смертную, жить для будущей жизни, искать своего спасенія въ Богѣ, въ Его милосердіи и благодати и стараться творить святую волю Его въ вѣрномъ и постоянномъ послѣдованіи божественному ученію Его и постановленіямъ, и правиламъ Святыя Православныя Церкви Его.

Уже довольно видите, братіе, спасительную пользу епитимій, которымъ подвергъ Правосудный и Милосердый Богъ нашъ человѣческій родъ. А посмотрите еще на конецъ ихъ! И церковная епитимія, если она совершена въ точности, съ расположеніемъ сердца, и съ неліцемернымъ раскаяніемъ, кончается тѣмъ, что грѣшникъ получаетъ прощеніе, вводится паки въ общество вѣрныхъ, въ Церковь Божію, и сподобляется высочайшаго Христіанскаго таинства—Причащенія тѣла и крови Христовой. Тоже будетъ и со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Благопокорно и съ терпѣніемъ понесшіе опредѣленныя Богомъ въ жизни сей епитиміи, искренно раскаявшіеся въ своихъ грѣхахъ и съ вѣрою и любовію обратившіеся къ Спасителю нашему Иисусу Христу, по смерти будутъ прощены, помилованы; введены въ пренебесный домъ Божій, въ общество Ангеловъ и

Святыхъ Праведниковъ, и сподоблены вѣчнаго радостнаго лицезрѣнія Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, и наслажденія всѣми нетлѣнными благами въ присносущномъ Царствѣ Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. Боже нашъ, слава Тебѣ.

ПОУЧЕНІЕ 41.

Христіане—запечатлѣнные.

Господи благослови!

И видѣхъ, и се агнецъ стояше на горѣ Сионстѣй, и съ нимъ сто и четъредесять и четъре тысящы, имуще имя Отца его написано на чельхъ своихъ.

(Апок. 14: 1).

Что, братіе, видѣніе, которое въ божественномъ Откровеніи со-
зерцалъ новозавѣтный Тайновидѣцъ, Апостоль и Евангелистъ
Іоаннъ. Ему представлялся *агнецъ*, и съ нимъ сто сорокъ четыре
тысячи людей *запечатлѣнныхъ* (Апок. 7:4) именемъ Божиимъ. Кто
этотъ агнецъ и кто—запечатлѣнные? Агнецъ этотъ есть Искушитель
нашъ Христосъ; запечатлѣнные—вѣрные послѣдователи Его. А что
за надпись, что за печать на челахъ вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ?
Тайственная эта печать есть знакъ избранія и опредѣленія ихъ на
вѣчное блаженство съ Богомъ. Именно такъ и объясняетъ значеніе
этой печати самъ Тайновидѣцъ. Онъ говоритъ, что съ агнцемъ, т. е.
съ Искушителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, воцарятся только тѣ,
которые будутъ имѣть на челахъ своихъ имя Божіе. Подобно сему
и невѣрующіе, и отступники отъ Христа будутъ запечатлѣны,
только не агнцемъ, а звѣремъ, не Богомъ, а противникомъ Божиимъ,
не Христомъ, а антихристомъ, какъ показываетъ намъ тотъ же
Тайновидѣцъ. Онъ говоритъ, что звѣрь или противникъ Божій по-
ложитъ *начертаніе* имени своего на предавшихъ ему и послѣдую-
щихъ богопротивной волѣ его (Апок. 13: 16. 14: 11). Это будетъ
знакомъ отверженія ихъ отъ Бога и принадлежностію ихъ врагу
Божію, діаволу. По симъ то печатямъ и начертаніямъ произведень
будетъ на страшномъ судѣ Христовомъ раздѣлъ между вѣрующими
и невѣрующими, между благочестивыми и нечестивыми, между пра-
ведниками и грѣшниками. По симъ знаменіямъ одни *пойдутъ въ*
животъ вѣчный, а другіе *въ муку вѣчную* (Матѹ. 25: 46).

Христіане! И на насъ должна быть печать божественная. И мы должны имѣть на себѣ *знаменіе* (Иезек. 9: 4), которое бы отличало насъ отъ вѣрующихъ, свидѣтельствовало о насъ, что мы Божіи и отверзало намъ путь къ животу вѣчному. Желаете знать эту печать, это знаменіе?

Таинственная божественная печать положена на насъ тотчасъ по рожденіи нашемъ на свѣтъ и по вступленіи нашемъ въ Церковь Божію Крещеніемъ. Это—печать Даровъ Св. Духа чрезъ помазаніе нашего чела и другихъ частей тѣла святымъ муромъ. *Печать дара Духа Святаго*, произносили строители божественныхъ Таинъ, помазуя насъ св. муромъ. Такимъ образомъ Самъ Богъ, чрезъ служителей своихъ, этихъ *Ангеловъ* (Апок. 7: 2, 3) во плоти, запечатлѣлъ насъ и содѣлалъ насъ Своими рабами и наслѣдниками вѣчнаго Царствія. *Помазавый насъ Богъ, Иже и запечатлѣ насъ* (2 Кор. 1: 21, 22), говоритъ Св. Апостоль. По временамъ, въ продолженіе жизни нашей, эта таинственная, божественная и неизгладимая печать какъ бы возобновляется на насъ. Извѣстно намъ, братіе, установленіе Церкви помазывать Христіанъ святымъ елеемъ въ нарочитые праздники. Служитель Божій, знаменуя на челахъ нашихъ святымъ елеемъ крестъ, съ произношеніемъ словъ: *благодать Святаго Духа*, тѣмъ самымъ паки запечатлѣваетъ насъ, какъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ и утверждаетъ въ избраніи къ наслѣдію будущаго живота и Царствія.

Такъ, братіе, запечатлѣваютъ насъ Богъ и Святая Церковь. Что же мы? Сохраняемъ-ли на себѣ это божественное и священное знаменіе? Явственна ли на насъ печать нашего званія и избранія? Не затмѣвается ли она нашею жизнію, несообразною съ нашимъ званіемъ и избраніемъ? Вѣдаемъ, братіе, что и отъ насъ самихъ требуется содѣйствіе и соотвѣтствіе великому призванію нашему, и мы должны напечатлѣвать на себѣ святое знаменіе. Поищемъ этого знаменія на Святыхъ. Посмотримъ, какъ они сами изображаютъ себя. Вотъ наприм. цѣломудренный Иосифъ говоритъ братьямъ своимъ: *Божій есмь азъ* (Быт. 50: 19); и опять праведный Давидъ взываетъ къ Богу: *Твой есмь азъ* (Псал. 118: 94). Что этимъ выражаютъ Святые Божіи? То, что они, какъ избранники Божіи, служатъ Богу, поступаютъ по святымъ заповѣдямъ Его и, творя всегда благоудное предъ Нимъ, во всемъ житіи своемъ принадлежать Ему. Вотъ прекрасное, Богоудное и святое знаменіе—принадлежать Богу, жизнію и дѣлами свидѣтельствовать, что мы вѣрующіе, рабы и избранныи Божіи. Именно такое знаменіе имѣть, и такъ свидѣтель-

ствовать о себѣ повелѣваетъ намъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, равно какъ и ученики Его, Божественные Апостолы. *Тако да просвѣтитися свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 5: 16), говоритъ Спаситель. *Потщитесь извѣстно ваше званіе и избраніе творити* (2 Петр. 1: 10); вы бо есте родъ избранъ, царское, священіе, языкъ свѣтъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшего въ чудный свой свѣтъ (1 Петр. 2: 9), говоритъ и Св. Апостолъ. Благоговѣйная, благочестивая, святая и добродѣтельная жизнь,—истинное знаменіе Божіе. Смотри на таковаго Христіанина, неволью возблаговѣешь и скажешь, что это чловѣкъ *Божій есть* (3 Цар. 17: 23).

О, если бы Христіанинъ *имѣлъ* такимъ образомъ *написано на челѣ своемъ имя Бога Отца!* Если бы благочестивою и добродѣтельною Христіанскою жизнію выражалъ на себѣ это Божественное знаменіе: *Божій есмь азъ!* Какъ благонадежно было бы тогда *ждать блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2: 13), и какъ благодерзновенно можно было бы возсылать къ Нему молитвенный гласъ: *Твой есмь азъ, спаси мя* (Псал. 118: 94)! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 42.

Въ исправленіи себя необходимо собственное вниманіе и попеченіе.

Господи благослови!

Въ себе же пришедь.
(Лук. 15: 17).

Беру только нѣсколько словъ изъ Евангельской приточной исторіи о блудномъ сынѣ. Не стану вамъ, братіе, рассказывать самую исторію. Думаю, что она довольно извѣстна всѣмъ. Замѣчательными и поучительными представляются намъ тѣ въ исторіи слова, которыми выражено начало обращенія и возвращенія сына къ отцу. *Въ себе же пришедь.* Что это значитъ? Какъ блудный сынъ пришелъ въ себя? Да гдѣ же онъ былъ? Былъ внѣ себя. Не внималъ себѣ, не думалъ о себѣ, не видѣлъ своего положенія, но разсуждалъ о своихъ поступкахъ. Имъ располагали плотскія желанія, имъ управляли чувственныя наклонности и страсти, онъ жилъ и дѣйствовалъ

подъ вліяніемъ ихъ какъ рабъ, какъ чужой, не сознавая себя и своего положенія. Но вотъ онъ пришелъ въ себя, одумался, увидѣлъ свое худое положеніе, и рѣшилъ возвратиться къ отцу. *Въ себе же пришедъ рече: воставъ иду къ отцу моему.*

Таково всегда состояніе человѣка, когда онъ живетъ и дѣйствуетъ безъ вниманія къ себѣ, руководствуясь только своими наклонностями или внѣшними правилами, обычаями и примѣрами. Онъ тогда виѣ себя. А когда обратить вниманіе на себя, размыслить о себѣ, тогда приходитъ въ себя: тогда онъ какъ бы отъ сна пробуждается,—и тогда уже начинаетъ жить и дѣйствовать иначе, внимательно, съ разсужденіемъ, съ попеченіемъ, съ возможно-точною исполнительностію.

Не мѣшаетъ, братіе, очень не мѣшаетъ это разсужденіе отнести и къ намъ. Я хочу сказать, что и намъ полезно, необходимо имѣть вниманіе къ себѣ, разумную заботу и стараніе о неизмѣнно-правильномъ образѣ Христіанскаго нашего вѣрованія и Христіанской жизни. Послушаемъ-ка, что намъ говоритъ Спаситель нашъ Христосъ, и Его Божественные Апостолы. *Внемлите себѣ; бдите на всяко время* (Лук. 21: 34, 36), говоритъ Господь. *Внимайте себѣ* (Дѣян. 20: 28); *себѣ искушайте* (2 Кор. 13: 5); *блюдите како, опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри* (Еф. 5: 15), говоритъ Апостоль. Что этимъ повелѣвается намъ? Очевидно, повелѣвается имѣть вниманіе, осторожность, заботу, попеченіе, стараніе жить и дѣйствовать такъ, какъ требуетъ законъ Христіанскій и правила Святыя Церкви. О, какъ это необходимо каждому Христіанину, ежели онъ хочетъ не именоваться только Христіаниномъ; а истинно жить по-Христіански и преуспѣвать въ жизни Христіанской для блага вѣчнаго. Жизнь Христіанина внѣшняя, безсознательная, не управляемая вниманіемъ и здравымъ разсужденіемъ не поведетъ въ добру. Разсудите сами, братіе, что бываетъ причиною нашихъ не порядковъ по вѣрѣ, нашихъ грѣховныхъ паденій, и нашего коснѣнія въ грѣхахъ,—что, какъ не наша невнимательность и безпечность о своемъ спасеніи? Вотъ, многіе изъ насъ мало знаютъ, или вовсе не знаютъ предметовъ вѣры и вообще весьма скудны Христіанскими познаніями—отчего! По большей части отъ невнимательности и безпечности. Слова Божія, чтомага и проповѣдуемаго въ Церкви, внимательно не слушаютъ, книгъ духовныхъ и назидательныхъ сами не читаютъ, примѣровъ благочестивыхъ и Христіанскихъ не замѣчаютъ и не удерживаютъ. А каково исправленіе у насъ церковныхъ обязанностей? Какъ, наприм., мы ходимъ въ церковь, не говорю всегда, хотя въ

праздничные дни? Такъ ли какъ должно? По большей части, какъ нибудь, и какъ случится. Иногда ходимъ, иногда и нѣтъ: иногда рано придемъ, иногда поздно. А въ церкви? Благоговѣно ли стоимъ, усердно ли молимся, внимательно ли слѣдимъ за совершеніемъ священныхъ дѣйствій? Часто, часто не такъ, братіе. А отчего? Отъ безпечности и невнимательности. Отъ этого именно и происходитъ, что иные изъ насъ цѣлый вѣкъ не могутъ изучить того, что совершается въ Церкви каждый день. Возьмемъ опять въ разсужденіе наше годичное говѣніе. Ходимъ, правда, въ церковь, а о томъ, къ чему готовимся, и не думаемъ. Исповѣдать грѣхи свои не только съ покаяніемъ и сокрушеніемъ, но и пересказать ихъ духовнику не заботимся. Исповѣдались, приобщились,—и только; какъ будто оброкъ заплатили, или повинность какую исправили. Затѣмъ опять, съ спокойствіемъ и самодовольствомъ, принимаемся за прежнія дѣла, за ту же грѣховную жизнь. Скажите, есть ли здѣсь истинное понятіе о спасительной тайнѣ, есть ли здѣсь вниманіе къ себѣ и чувство виновности предъ Богомъ, есть ли попеченіе и забота о исправленіи себя? Что сказать еще о нашей жизни, о нашемъ поведеніи, о нашихъ поступкахъ? Не можемъ не признаться, что мы всегда и во многомъ повинны предъ Богомъ, и сколь долго ни живемъ, не дѣлаемся лучше, и не исправляемся. Отчего это? Отъ нашей невнимательности и безпечности. Возьмите, на прим., горькую и самую постыдную нашу немощь—пьянство. Видали ли вы пьяницу, который бы бросилъ пьянство и сдѣлался трезвымъ? Едва-ли. Ни стыдъ, ни страхъ, ни собственная пагуба его не дѣйствуютъ на него—отчего? Оттого, что у него нѣтъ собственного вниманія къ себѣ; онъ не старается придти въ себя и позаботиться о своемъ исправленіи. Какъ хотите, братіе, а намъ необходимо собственное вниманіе къ себѣ, непрестанная забота вести жизнь правильную, стараніе принуждать себя къ вѣрному и точному исполненію своихъ обязанностей. Безъ собственного нашего вниманія и попеченія о себѣ, никакія проповѣди, никакія увѣщанія, никакіе примѣры, никакія счастливыя обстоятельства не исправятъ насъ. Никто не говори, что наше исправленіе зависитъ отъ благодати Божіей. Это было бы только новое съ нашей стороны невниманіе, ложное упованіе, на которомъ захотѣла бы успокоиться наша безпечность. Благодать Божія всегда готова на помощь, но только ищущему помощи, желающему и старающемуся о своемъ спасеніи. Вспомните отца, у котораго былъ упомянутый нами распутный сынъ. Отецъ вышелъ къ нему съ рас-

простертыми объятіями, но когда? Тогда, когда сынъ, образумившись, самъ возвратился къ отцу.

Будемъ, братіе, внимательны къ себѣ; станемъ чаще всматриваться въ свою жизнь, зорко слѣдить за своими поступками, ревностно исправлять свои недостатки. Составимъ для себя правило жизни и, сколько возможно, будемъ вѣрно и точно держаться его. Помнимъ, что спасеніе души, вѣчная жизнь стоятъ всего нашего вниманія и попеченія! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 43.

Благоденствіе и частное, и общее, безъ благословенія и помощи Божіей невозможно.

Господи благослови!

*Аще не Господь созиждетъ домъ
всѣе трудитася зиждущи (Пс. 126: 1).*

До нашимъ понятіямъ о человѣкѣ, его силахъ и дѣлахъ, эти слова священнаго Псалмопѣвца могутъ, пожалуй, показаться и странными. Вѣдь не Богъ же созидаетъ домъ человѣка; самъ человѣкъ строитъ себѣ жилище. Точно такъ. Самомечтательность и самонадѣянность человѣческая любитъ вездѣ видѣть только себя, все относить только къ себѣ, а того и не знаетъ, что все отъ Бога, и вещество для созиданія, и самъ созидающій, что только Богъ и благословляетъ труды человѣка, и приводитъ въ благопосиѣшество начинанія и дѣла его, что Богъ же, въ противномъ случаѣ, яко все-сильный, можетъ разорить и разрушить всѣ предпріятія и труды рукъ его. И благо человѣку,—если онъ работаетъ подъ благословеніемъ и помощію отъ Бога, тогда и силы его неистощимы, и труды благопосиѣшны, и средства у него обильны. А иначе? Иначе и самъ онъ можетъ разслабѣть въ силахъ, и средства его могутъ истощиться, и непредвидимыя препятствія могутъ остановить и разрушить все дѣло его. Припомните, напримѣръ, одно событіе временъ послѣ-потопныхъ. Сыны человѣческіе вздумали было на славу и на удивленіе будущимъ временамъ воздвигнуть огромный столпъ, вродѣ башни. Строили, строили... чѣмъ же кончилось дѣло? Тѣмъ, что они должны были оставить не только работу, но и сами, одинъ другаго, и разойтись въ разныя стороны. Какъ это? Такъ, что Богъ,

наказывая гордыню и дерзость ихъ, привелъ ихъ въ такое состояніе, что они не понимали другъ у друга языка и рѣчи, хотя дотолѣ говорили однимъ, каждому понятнымъ, языкомъ. Или упомянемъ еще о другомъ событіи изъ первыхъ временъ Христіанскихъ. Іудеи, покровительствуемые богоотступникомъ Юліаномъ, принялись было съ особенною ревностію строить новый домъ Богу Израилеву на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалимскаго храма. Что же вышло? Послѣ каждаго богопротивнаго усилія ихъ, буря разносила всѣ строительные матеріалы, а огонь поѣдалъ и истреблялъ самыя основанія зданія. Такъ вотъ, братіе, сколько прочны дѣла человѣческія, какъ скоро они совершаются безъ благословенія и помощи Божіей, а тѣмъ паче въ противность Богу, общему Промыслителю и Отцу. Теперь, кажется, ужъ можно увѣриться въ истинѣ сказаннаго Псалмопѣвцемъ, что *еще не Господь созиждетъ домъ, дѣйствительно все будутъ трудиться зиждущи.*

Не тоже ли самое должно сказать и о самомъ благополучіи, которое всегда хочетъ созидать для себя человѣкъ? Не то же ли должно связать и о благоденствіи цѣлаго народа, къ которому постоянно стремится народъ? То же, то же, что связалъ священный Пѣснопѣвецъ и о вещественномъ домѣ: *еще не Господь созиждетъ домъ, все трудишася зиждущи.* Ежели для сооруженія обыкновеннаго, вещественнаго дома недостаточны однѣ силы человѣческія, то тѣмъ болѣе для устроенія дома благоденствія, и частнаго и общественнаго. Посмотримъ на себя. Въ послѣднее время у насъ сдѣланы неимовѣрные успѣхи въ строеніи внѣшняго быта; при помощи европейскаго просвѣщенія развиты въ значительной степени науки и искусства, подвинуты художества и ремесла, заведены разныя машины и земледѣльческія орудія, проложены удобнѣйшіе пути. Много, много дѣйствительно сдѣлано, чего не знали вовсе простодушные наши предки. Казалось бы, домъ благоденствія народнаго уже значительно воздвигнуть; намъ можно бы уже вкушать плоды своихъ изобрѣтеній и улучшеній и не терпѣть такихъ недостатковъ, какими страдали иногда прежде; но на дѣлѣ еще не такъ. Правда, мы готовы гордиться своимъ временемъ; готовы думать, что благоденствіе и счастье наше зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашего просвѣщенія, отъ нашей разумной дѣятельности и труда. Въ томъ-то и бѣда, братіе, что мы, обаянные блескомъ новыхъ способовъ къ своему благоденствію, стали забывать Всепромыслителя Бога и всякіе успѣхи въ устроеніи народнаго благосостоянія приписывать себѣ. Не такъ гласитъ намъ законъ Божій, Христіанскій. Не такъ

поступали и наши, въ простотѣ вѣровашіе, предки. Они во всякомъ случаѣ обращались къ Богу; всякое дѣло начинали съ благословенія Божія, продолжали съ молитвою къ Богу, оканчивали благодареніемъ Бога и успѣхи своихъ дѣлъ всегда относили къ Богу. Что же мудренаго, когда мы не такъ относимся къ Богу, какъ благочестивые наши предки,—что, говорю, мудренаго, если и новые, самые блистательные способы къ благоденствію народному мало удовлетворяютъ нашимъ необходимымъ требованіямъ? Что мудренаго, если Богъ, котораго мы часто забываемъ, лишаетъ насъ Своего благоволенія, и не только лишаетъ, но и посылаетъ на насъ бѣды, смиряя нашу гордыню? Всѣмъ извѣстна трудность нашего времени, крайнее безденежье, непомѣрная дороговизна всего необходимаго для жизни. А сколько крупныхъ, чувствительныхъ опытовъ гнѣва Божія? Какихъ намъ стоила жертвъ послѣдняя война! Сколько разоренія причинили намъ тѣ самые народы, у которыхъ мы учимся созидать собственное наше благоденствіе! Какіе въ нынѣшнемъ году были опустошительные пожары, какъ бы и отъ кого бы они ни произошли! Какова и сама природа, которая уже исключительно во власти Божіей! На югѣ жары, у насъ холодъ и дожди были причиною истребленія многихъ лѣтнихъ плодовъ,—и тысячи жителей сѣвера ждуть себѣ голодной смерти, если благовременно не приспѣетъ къ нимъ необходимая помощь. Скажите, не гнѣвъ ли это Божій за грѣхи наши? Что, ежели такъ будетъ гнѣваться Господь и откажетъ намъ въ Своемъ милосердіи и помощи? Что—тогда наши силы, нашъ разумъ, наши искусства? Истинно, еще не Господь созиждетъ домъ нашего благоденствія и счастья, всеу наши старанія и труды; безъ воли, безъ благословенія и безъ помощи Божіей нѣтъ и не можетъ быть ни частнаго, ни общаго благоденствія на землѣ.

Что же я этимъ говорю? Говорю не то, что излишенъ трудъ со стороны человѣка, бесполезны изобрѣтенія и улучшенія человѣческія; говорю то, что тщетенъ трудъ человѣка безъ помощи Божіей бесполезны дѣла человѣческія, не сопровождаемыя благословеніемъ отъ Бога. Должно, непремѣнно должно трудиться, собственными силами дѣйствовать въ устроеніи своего благополучія, изобрѣтать новое и полезное собственнымъ умомъ, усвоить и чужое съ благодарнымъ приноровленіемъ къ себѣ, но въ то же время испрашивать на дѣла свои благословеніе небесное, и къ исполненію ихъ исвать силы и помощи отъ Бога, помня, что говоритъ Господь въ Евангеліи: *безъ Мене ни можете творити ничесоже* (Іоан. 15: 5). Такъ, братіе, будемъ устроить свое благополучіе съ упованіемъ на

помощь Божію, трудность времени переносить съ терпѣніемъ, постигающія насъ бѣдствія и несчастія принимать за гласъ Божій, призывающій насъ къ покаянію и исправленію, стараясь въ то же время елико возможно, подавать нуждающемуся ближнему скорую и благовременную помощь. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 44.

Излишняя заботливость о насущныхъ потребностяхъ жизни Христіанамъ неприлична.

Господи благослови!

Не печитесь душою вашею, что есте, или что ѣдете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь.

(Матѣ. 6: 25).

Какая необыкновенная заповѣдь Спасителя нашего, братіе! По настроенію нашихъ понятій и чувствъ, она можетъ представиться намъ даже странною. Безпечный и праздный легкомысленно можетъ принять ее въ свою пользу; трудолюбивый и многопопечительный выслушаетъ ее съ недоумѣніемъ и недоверіемъ. И тотъ и другой обманываются. Господь не заповѣдуетъ праздности. Нѣтъ. Онъ съ первой минуты бытія человѣческаго опредѣлилъ человѣка на трудъ, для чего далъ ему способности и силы, и обѣщаль Свое благословеніе на дѣла рукъ его. Но и трудъ человѣка не будетъ благоуспѣшенъ, если Богъ не дастъ человѣку силъ, и отниметь у него пособія и средства къ полезному направленію труда. Такъ что же запрещаетъ намъ Богъ, когда говоритъ: *Не печитесь?* Запрещаетъ излишнюю, чрезмѣрную, суетную заботливость нашу о временной жизни. Она, она, братіе, противна Ему; она и для насъ самихъ постыдна. Сами знаете, сколько у насъ заботъ и попеченій о настоящей нашей жизни. Мы только и думаемъ, что ѣсть, что пить, чѣмъ одѣваться; только и заботимся, гдѣ взять деньги, чѣмъ себя содержать, что будетъ съ нами завтра, послѣ завтра, и т. д. Къ чему же намъ такая заботливость, разсудите по-Христіански. Какой сынъ станетъ заботиться о потребностяхъ жизни, когда находится при отцѣ, подъ попеченіемъ и распоряженіемъ родительскимъ? Не будетъ ли онъ спокойно заниматься лишь тѣмъ, что принадлежитъ къ обязанности его? А у насъ развѣ нѣтъ небеснаго Отца? Развѣ

мы не въ дому Его? Развѣ Онъ не знаетъ нашихъ нуждъ, не печется о насъ, и не можетъ доставить намъ потребное для нашей жизни? *Вѣсть Отецъ вашъ небесный яко требуетъ сихъ всѣхъ* (Матѳ. 6: 32), говоритъ Господь. Да. Есть у насъ Отецъ, Который хорошо знаетъ всѣ наши нужды, и постоянно печется о насъ. Пусть язычники, тѣ, которые не знаютъ Бога, у которыхъ по понятію ихъ, нѣтъ Вышняго Покровителя и Отца, пусть таковые сами заботятся о себѣ, не ожидая никакой помощи свыше. *Всѣхъ сихъ*, т. е. необходимаго для временной жизни, съ заботливостью и исключительно, *языцы ищутъ* (Матѳ. 6: 32), говоритъ Спаситель. А намъ, Христіанамъ, прилично всего ожидать отъ Бога, нашего небеснаго Отца, *яко Той печется о насъ* (1 Петр. 5: 7).

Истинно *печется*. Не Онъ ли произращаетъ хлѣбъ и всякіе плоды въ пищу нашу, при малѣйшемъ нашемъ трудѣ, а иные и безъ всякаго содѣйствія нашего? Не Онъ ли разлилъ среди насъ воды для утоленія жажды нашей? Не отъ Него ли все то, чѣмъ одѣваемся мы для защищенія себя отъ суровости вѣшнихъ стихій? Что же мы можемъ имѣть безъ Бога, при самомъ тщательномъ и заботливомъ нашемъ трудѣ? Ровно ничего. *Кто отъ васъ некійся можетъ положить возрасту своему локоть одинъ* (Матѳ. 6: 27)? Слышите, какъ Господь обличаетъ наше безсиліе, показываетъ тщету нашей неразумной заботливости! Слушайте и еще подобныя отъ Спасителя нашего намъ обличенія! *Воззрите*, говоритъ, *на птицы небесныя, яко не стѣютъ, ни жнутъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте* (Матѳ. 6: 26). *Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ; глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славы своей облеченъ, яко одинъ отъ сихъ. Аще же стѣно сельное днесъ суще, и утрѣ въз нещъ вметаето, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ, маловѣри* (Матѳ. 6: 28, 29, 30). Да. Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, не трудятся, не заботятся о себѣ, а всегда сыты. Какимъ образомъ? Богъ питаетъ ихъ. А опять цвѣты полевые? Какое множество ихъ, какое разнообразіе, какая красота въ устройствѣ ихъ? Кто же насаждаетъ ихъ? Кто ходитъ за ними? Никто. Одинъ всесильный и всепромыслительный Богъ, и животныхъ питаетъ, и поля украшаетъ цвѣтами, и не разъ, не два, а много годовъ, много тысячелѣтій, не въ одномъ мѣстѣ, а вездѣ, по всей землѣ. Если же такъ благодѣтельна и промыслительна рука Божія для всѣхъ неразумныхъ и неодушевленныхъ тварей, то человѣкъ ли, это превосходнѣйшее твореніе Божіе, можетъ быть оставленъ безъ попе-

ченія и помощи отъ Бога? Ахъ! одно невѣріе наше, одна самонадѣянность наша отдаляетъ отъ насъ благодѣтельную руку Божию и осуждаетъ насъ на трудъ сколько изнурительный, столько же и безплодный.

Не похвальна, братіе, излишняя заботливость наша о временной жизни. Она оскорбительна для благосердаго небеснаго Отца, и намъ ни мало не полезна. Заботливость наша не придастъ силы нашему труду, напротивъ, приведетъ насъ только въ уныніе и разстройство. Упованіе на Бога и на отеческую благодѣтельность Его—вотъ это совсѣмъ другое. Не суетною своею заботливостію, а святымъ упованіемъ на Бога должны мы одушевлять свой тѣлесный трудъ,— и трудъ нашъ будетъ легокъ и благоуспѣшенъ; небесный Отецъ, вѣдущій всѣ наши нужды, подастъ намъ все потребное для настоящей жизни. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той мя препитааетъ* (Псал. 54: 23), говоритъ и ветхозавѣтный наставникъ. Да, братіе; истинно *препитаетъ*, и какъ легко, съ какимъ малымъ со стороны человѣка трудомъ! Представьте сами, много-ли требуется человѣку для удовлетворенія насущныхъ его потребностей. Хлѣбъ для поддержанія жизни имѣть не трудно, вода для утоленія жажды всегда и всѣмъ готова, одежда для покрытія наготы также немногочѣнна. Вотъ, если бы жить такъ просто и естественно, то мы всегда были бы спокойны насчетъ своего пропитанія и не знали бы ни въ чемъ никакихъ недостатковъ. Такъ нѣтъ. Хлѣба для насъ недостаточно, намъ нужны многія вкусныя блюда, приготовленныя рукою искуснаго повара; воды не хотимъ, для насъ требуются дорогія и разныя вина; иной винопійца можетъ быть пожелалъ бы, чтобы и вода обратилась въ вино, не разсуждая, бѣдный, что тогда только узналъ бы достоинство воды, и радъ былъ бы цѣлую бочку вина отдать за одинъ стаканъ чистой и свѣжей воды. Одежда опять одна, простая, малоцѣнная для насъ не годится, намъ надо дорогія, безпрестанно новыя одежды, устроенныя непремѣнно по послѣдней модѣ. Такимъ же образомъ поступаемъ мы въ разсужденіи домовъ, экипажей и прочаго житейскаго обихода. Кто же послѣ этого виноватъ, что мы чувствуемъ у себя большіе недостатки? Не собственная ли наша суетность умножаетъ наши потребности? Станемъ жить проще, естественнѣе, — и тогда не будетъ у насъ чувствительныхъ недостатковъ. Простая, скромная, воздержная жизнь намъ, какъ Христіанамъ, и прилична, и необходима. Развѣ веселую, сластолюбивую, роскошную жизнь заповѣдалъ намъ Христосъ? Развѣ мы живемъ здѣсь только для того, чтобы *псть, пить и веселиться* (Лук. 12: 19), какъ въ безумномъ

восхищеніи провозглашалъ одинъ Евангельскій богачъ? Не предостерегаетъ ли насъ Своимъ вразумительнымъ наставленіемъ Господь, чтобы мы всегда имѣли въ виду послѣдній день и грядущую безкопечную жизнь, и для сего держали себя осторожно, воздержно, безъ привязанности къ земнымъ благамъ, безъ житейскихъ заботъ. *Внимайте себѣ, говоритъ, да некогда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и тѣнствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той* (Лук. 21: 34).

Такъ. Ежели станемъ жить широко, прихотливо и роскошно, не войдемъ въ Царство Небесное; двери туда узки, и не пройдетъ ими тотъ, кто *уты, утолстъ, разширь, и остави Бога* (Втор. 35: 15). А ежели жизнь будемъ имѣть воздержную, и заботиться станемъ не о земныхъ удовольствіяхъ, а о наслажденіяхъ и благахъ небесныхъ, то каждый изъ насъ современемъ *увидитъ небо отверзто* (Іоан. 1: 51), и услышитъ голосъ небснаго Бога Отца: *рабе благий, вниди въ радость Господа твоего* (Матѣ. 25: 21). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 45.

Христіанинъ преимущественно долженъ пецись о достиженіи Царствія Божія.

Господи благослови!

Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ.

(Матѣ. 6: 33).

Слушайте; братіе мои, какъ Спаситель нашъ Господь повелѣваетъ намъ дѣйствовать въ настоящей жизни относительно приобрѣтенія благъ временныхъ и вѣчныхъ. Онъ повелѣваетъ намъ все вниманіе и всю дѣятельность обращать на стяжаніе благъ духовныхъ, жизни вѣчной, блаженства небснаго.

Ищите Царствія Божія и правды Его. Вотъ куда должно быть обращено вниманіе Христіанъ! Вотъ о чемъ должны они непрестанно заботиться въ сей жизни! Должны заботиться прежде не о томъ, что ѣсть, что пить, чѣмъ одѣваться, не о томъ, какъ жить счастливо, спокойно, въ довольствѣ, въ наслажденіяхъ, а о томъ, какъ приобрѣсть намъ благодать Божію, и съ нею очищеніе, освященіе и оправданіе наше предъ Богомъ, просто, какъ намъ спастись,

и сдѣлаться достойными будущаго блаженства, Царствія Небеснаго. Истинно такъ. Вѣдь цѣль нашего бытія не здѣсь, а тамъ—на небесахъ. *Наше житіе на небесахъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ* (Филип. 3: 20), говоритъ Апостоль. Мы здѣсь на время: настоящая жизнь наша будущая, вѣчная. Туда мы идемъ, скоро ли, тихо ли, прямо ли, криво ли, а все идемъ. Чѣмъ же кончится наше шествіе, развѣ не должны мы объ этомъ думать? Прямо идемъ, во градъ Божій, въ Царство Небесное взойдемъ: криво идемъ,—въ бездну вѣчнаго мученія низвергнемся. Такъ вотъ о чемъ, братіе, должно намъ заботиться; и какъ заботиться! *Прежде* всего, напередъ, преимущественно, даже исключительно. Непремѣнно такъ. Что настоящая жизнь? Стоитъ ли она нашей заботливости? Сегодня живемъ, а завтра, можетъ быть, насъ и нѣтъ. Завтра мы ужъ въ другой жизни, которой не будетъ конца. А пока и живемъ, неужели для того живемъ, чтобы только ѣсть и пить, только жить и веселиться? Это безуміе. Пища и питіе—пособіе, а не цѣль нашей жизни. Ъдимъ и пьемъ для того, чтобы жить, а живемъ для того, чтобы дѣйствовать для блага вѣчнаго и заслуживать будущую, блаженную жизнь. Объ этой-то жизни мы должны непрестанно думать, эти-то блага всегда имѣть въ виду, чтобы сподобиться получить ихъ. *Ищите*, говоритъ Спаситель. Слышите, какъ мы должны быть попечительны и ревностны въ устроеніи своей будущей судьбы! Заботьтесь,—нѣтъ! мало того; *ищите*; употребляйте стараніе, усиліе; дѣйствуйте такъ, чтобы спасеніе души и Царство Божіе были единственнымъ предметомъ, первою и послѣднею цѣлію вашихъ мыслей, желаній и стремленій, *единымъ на потребу* (Лук. 10: 42).

Вотъ, братіе, о чемъ главнымъ образомъ мы должны заботиться въ настоящей жизни и на что обращать все наше вниманіе, весь нашъ трудъ. Это—спасеніе нашихъ душъ. Это—Царствіе Небесное, которое ожидаетъ всѣхъ насъ въ будущей жизни. А настоящія блага и потребности нынѣшней жизни? Онѣ такъ малозначущи, что ищущему Царствія Божія и правды Его подаются безъ труда. *Сія вся приложатся вамъ*, говоритъ Спаситель. Вотъ какое значеніе имѣютъ въ судьбахъ Божіихъ блага земныя, насущныя потребности наши! Господь называетъ ихъ только *приложеніемъ*. *Сія вся приложатся вамъ*. Замѣьте еще, какъ это приложение достается намъ. Не мы должны своими заботами, усиліями и трудами приобрѣсть его. Нѣтъ, оно можетъ прійти къ намъ безъ насъ, насущныя потребности наши *приложатся* намъ сами собою. Вы удивляетесь? А что же значатъ наши выгоды, которыя получаемъ мы за труды, плата,

которую доставляетъ разнородная работа, жалованье, которое даетъ служба на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни? Скажете: „такъ вѣдь мы за то и получаемъ, что трудимся, работаемъ, служимъ“. А развѣ человекъ, и еще Христіанинъ, долженъ быть безъ труда? Развѣ онъ долженъ быть въ праздности? Или онъ долженъ трудиться, работать и служить только изъ вознагражденій? Ежели такъ: онъ будетъ уже наемникъ, станетъ трудиться для себя, а не для Бога, для настоящей, а не для будущей жизни, для пользы тѣла, а не для спасенія души. Нѣтъ. Онъ долженъ трудиться потому, что Богъ опредѣлилъ человеку трудъ, для того, что трудъ его полезенъ ближнему, для того, что Господь за честный и полезный трудъ обѣщаетъ воздаяніе въ будущей жизни. А какъ скоро въ этомъ духѣ, какъ и должно, будетъ дѣйствовать Христіанинъ, то вознагражденіе и плата за трудъ дѣйствительно составятъ для него уже *приложеніе*, потребности жизни, сверхъ труда его отъ Бога ему посылаемыя.

А и прямо отъ руки Божіей развѣ не можетъ получить себѣ пропитаніе тотъ, кто будетъ искать преимущественно Царствія Божія и правды его? Что намъ говоритъ Евангеліе? Спаситель нашъ Господь не разъ насыщалъ малымъ количествомъ хлѣба цѣлыя тысячи народа, такъ что, по насыщеніи всѣхъ, собирали остатковъ болѣе, нежели сколько было предложено хлѣбовъ (Матѳ. 14: 15—21. 15: 32—38). —Что представляетъ намъ и ветхозавѣтная священная исторія? Израилѣтяне цѣлыя сорокъ лѣтъ ѣли готовый хлѣбъ въ пустынѣ, манну, которая ежедневно, кромѣ субботы, сходила съ неба. Пророкъ Ілія, находясь въ пещерѣ, питался хлѣбами, которые приносили ему утромъ и вечеромъ вороны (3 Цар. 17: 6). Ему же, въ другой разъ, Ангелъ Божій предложилъ опрѣсночный хлѣбъ и кувшинъ воды для подкрѣпленія его на сорокадневный пустынный путь (3 Цар. 19: 6). Даниилу, поверженному въ ровъ на сѣденіе львамъ, принесъ цѣлый обѣдъ пророкъ Аввакумъ, внезапно восхищенный и перенесенный рукою Ангела Божія изъ Іудеи въ Вавилонъ (Дан. 14: 33—36). Что повѣствуютъ и дѣяніи отеческія? У одного отшельника каждый вечеръ являлся на столѣ чистый, свѣжій пшеничный хлѣбъ (Пролог.). Замѣчено было ояте въ нѣкоторомъ мѣстѣ, что вороны каждый день прилетаютъ на деревья, ломаютъ и уносятъ вѣтви съ плодами. По изысканіи, открылось, что въ одной разсѣлинѣ пустынныхъ горъ находилось нѣсколько спасавшихся женщинъ. Имъ-то посредствомъ птицъ небесныхъ посылалъ пищу Тотъ Попечитель и Питатель, Который *даетъ пищу всякой плоти* (Пс.

135: 25), и *птенцемъ врановымъ призывающимъ его* (Ис. 146: 9). (Пролог.).

Видите ли, братіе, какъ чудно питаетъ Господь вѣрныхъ рабовъ Своихъ! Не говорите, что это рѣдкіе опыты Божественнаго промысленія. Развѣ Всесильный, Который однимъ солнцемъ освѣщаетъ и согрѣваетъ весь міръ, не силенъ подавать всѣмъ готовый хлѣбъ? Развѣ сокровища благодати Его оскудѣютъ отъ множества требующихъ? Нѣтъ. Оскудѣніе на сторонѣ нашей, а не у Бога. Намъ не достаются насущныя потребности жизни безъ труда потому, что мы сами заботимся о нихъ болѣе, нежели о потребностяхъ духовныхъ. Труды и заботы о временной жизни и о пользахъ тѣлесныхъ у насъ, вопреки слову Спасителя, занимаютъ первое мѣсто, а попеченіе о вѣчной жизни и спасеніи душевномъ уже *приложеніе*, и какое приложеніе? Самое слабое и непостоянное. А еслибы имѣли полную совершенную вѣру, и, отложивъ всякое житейское попеченіе, во всецѣлой преданности Богу, искали прежде всего Царствія Божія и правды Его, то (вѣрно слово!) и насъ не забылъ бы Господь; и на насъ удивилъ бы чудную милость Свою, посылая намъ все потребное къ временному животу нашему, по неложному Его Божественному обѣщанію: *сія вся приложатся вамъ*. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 46.

Величайшая милость Божія къ намъ есть Христіанское наше происхожденіе.

Господи благослови!

Радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку радуйтесь.

(Филипп. 4: 4).

Вотъ братіе, Св. Апостоль заставляетъ насъ радоваться. Къ чему, казалось бы, такое побужденіе? Вѣдь мы и безъ побужденія готовы, только было бы чему, радоваться. Человѣкъ по природѣ расположенъ къ радости, самъ ищетъ радости, всегда готовъ и радъ радоваться. Такъ. Но вотъ дѣло въ чемъ. Мы часто, ежели не всегда, радуемся тому, что не стоитъ радости. Радуемся, наприм., когда мы здоровы, благополучны, въ спокойствіи, въ довольствѣ; этому, пусть, еще можно радоваться. А вотъ и этому радуемся,

когда наслаждаемся состояніем, хотя бы и съ грѣхомъ по-поламъ, когда достигаемъ почестей, хотя и безъ достоинствъ, когда хвалятъ и чтутъ насъ, хотя и лицемѣрно. Радуетъ даже и тогда, когда надо плакать и рыдать; когда наприм., утѣшивъ себя безчинными и не-Христіанскими веселостями, когда насытимъ какую нибудь любимую нами, хотя и преступную, страсть. Да и чему мы не радуемся? Иной всю жизнь проведетъ въ радости, не вкусивъ ни на минуту истинной радости. Да, братіе, много у насъ радостей, но всѣ онѣ или несродны намъ, или недостойны насъ; всѣ онѣ не то, чему должно намъ радоваться. Истинная радость наша та, которую возвѣщаетъ намъ Апостолъ. Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ—вотъ истинная Христіанская радость! *Радуйтесь, говоритъ, о Господь.*

Пользуясь словами Апостола, я намѣренъ указать вамъ, братіе, на величайшую радость, какой только можетъ сподобиться человѣкъ. Я хочу порадовать васъ и порадоваться вмѣстѣ съ вами тому, что мы родились во время Христіанства, отъ Христіанъ и въ странѣ Православно-Христіанской. Да, мы родились во время Христіанства. Это величайшая къ намъ милость Божія. Вѣдь мы могли родиться и до Христа, могли родиться тогда, когда земля еще лежала подъ гнетомъ клятвы Божіей, когда родъ человѣческой покрытъ былъ грѣховными струпями, когда спасительный крестъ не водруженъ былъ на Голгоѣ, когда всемірная жертва не принесена была Богу, когда кровь Спасителя не омыла грѣховъ человѣческихъ, когда не излилась на землю благодать и милость Небеснаго Бога Отца. А нынѣ? О, какое святое и блаженное время! Нынѣ солнце правды возсіяло міру, свѣтъ истинный озарилъ всѣ концы земли, нынѣ всѣ знаютъ истиннаго Бога, притекаютъ съ вѣрою къ Спасителю и Господу Иисусу Христу, почерпаютъ изъ благодатныхъ сокровищъ Его очищеніе грѣховъ, освященіе и спасеніе. Какъ же счастливы тѣ, которые рождаются въ это благословенное время! Есть чему порадоваться и намъ, братіе, когда мы сподоблены такой великой милости отъ Творца и Всепромыслителя Бога, получивъ бытіе въ свѣтлые дни спасительной благодати Христовой.

Мы родились отъ Христіанъ. Вотъ опять великая милость Божія къ намъ. Извѣстно, что теперь не всѣ, населяющіе землю, народы—Христіане. Не смотря на то, что, со времени пришествія Спасителя нашего, возсіялъ на землѣ истинный свѣтъ Божій, многіе народы доселѣ находятся во тьмѣ заблужденій. Таковы, преимущественно, язычники, Евреи или жида и Магометане. Что, если бы мы родились среди язычества? Язычники не знаютъ Бога, у нихъ или

нѣтъ Бога, или боги—бездущныя твари, идоли; они не понимаютъ, что такое человѣкъ и какая цѣль бытія его; имъ неизвѣстны, что—добродѣтель и что—порокъ; они живутъ и умираютъ безъ всякихъ понятій и надеждъ на будущее. Доля ихъ наравнѣ съ животными тварями. Жалкая часть человѣчества! Да просвѣтитъ ихъ Господь и да обратитъ къ благодатному, спасительному свѣту во Христѣ. А если бы мы родились отъ Евреевъ? Отъ Евреевъ, на которыхъ доселѣ, по собственному ихъ приговору, лежитъ кровь Распятаго ими Спасителя міра, которые, какъ Христоубійцы, отвержены Богомъ и разсѣяны по лицу земли, которые, въ ослѣпленіи своемъ, все еще ждуть себѣ своего Христа, не Спасителя и Бога (Который уже пришелъ), а сильнаго и побѣдоноснаго царя, возстановителя ихъ отечественной страны и устроителя ихъ земнаго благоденствія и славы? Страшно и подумать о такомъ родствѣ! Что сказать и о Магометанахъ? Обожаемый ими Магометъ—мнимый посланникъ Божій, лжепророкъ, человѣкъ чувственный и плотскій, котораго ученіе—пелѣная смѣсь понятій, чуждыхъ не только божественности, но и просто человѣческой разумности, который, по своимъ чувственнымъ понятіямъ, и за гробомъ обѣщаль послѣдователямъ своимъ жизнь полную наслажденій плотскихъ, чувствешныхъ. Бѣдственное ослѣпленіе и этихъ людей! Всѣ, всѣ сказанные народы чужды благодати Христовой, живутъ, какъ *не имущи упованія и безбожни въ міръ* (Ефес. 2: 12), и лишаются *причастія насльдія Святыхъ во свѣтъ* (Кол. 1. 12).

А мы? О, какіе счастливые мы, братіе! Господь произвелъ насъ на свѣтъ отъ родителей Христіанскихъ. Вѣдь это только милость Его къ намъ. Развѣ мы не могли родиться отъ не-Христіанъ! Развѣ отъ насъ самихъ зависѣло наше происхожденіе на свѣтъ тогда, а не въ другое время, въ такомъ, а не въ другомъ народѣ? Что мы, какъ и всѣ смертныя? *Бреніе въ рукахъ скудельника*. Въ Его волѣ было содѣлать насъ *сосуды въ честь, или не въ честь* (Рим. 9: 21). Да. Одинъ Богъ, *нарицающій несущая яко суцая* (Рим. 4: 17), Одинъ Премудрый Творецъ и Промыслитель опредѣлилъ намъ получить бытіе въ избранномъ народѣ Его, отъ родителей, освященныхъ божественною кровію Искушителя міра и предназначенныхъ къ насльдію вѣчнаго живота. Судите по этому, какъ велика милость Божія къ намъ недостойнымъ. И конецъ ли еще здѣсь милости Божіей къ намъ? Только ли, что мы родились отъ Христіанъ, въ благодатномъ народѣ Божіемъ? Нѣтъ. И отъ Христіанъ мы могли произойти не истинныхъ, не правовѣрныхъ. Къ прискорбію, и Христіане не всѣ содержатъ непорочную вѣру во Христа Спасителя. Вотъ

славящіеся просвѣщеніемъ и образованностію Европейскіе народы вѣруютъ неправо, съ отступленіемъ отъ ученія и обрядовъ древней Православной Вселенской Церкви. А у насъ отечество—Православная Россія, которая непогрѣшимо содержитъ вѣру Христову и въ настоящее время есть самая свѣтлая область Православія, полная благодати Христовой, *столицъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3: 15). Въ такой благословенной странѣ, среди такого Христіанскаго народа, въ этой православной Церкви Христовой, которая освятила насъ еще въ правовѣрныхъ родителяхъ нашихъ и, по рожденіи нашемъ, приняла насъ въ свое спасительное лоно, чего не можемъ мы ожидать отъ Бога, Которому принадлежимъ по самому званію и избранію нашему? Какіхъ благъ не сподобимся мы, по благодати и милости Спасителя нашего, и въ сей, а паче въ будущей жизни? Что послѣ этого слѣдуетъ сказать мнѣ, какъ не повторить и для себя и для васъ, братіе, радостное воззваніе Апостола: *радуйтесь о Господь: и какъ реку, радуйтесь*.

Что же мы воздадимъ Господеву о всѣхъ яже воздаде намъ (Ис. 115: 3)? Будемъ *благодарить Бога, Ему же служимъ отъ прародителей* (2 Тим. 1: 3) нашихъ, благодарить, что Онъ, Всеблагій, *избралъ насъ отъ чрева матери нашея, и призвалъ благодатию Своею* (Гал. 1: 15) *отъ насльдіе нетѣмьно и нескверно и неувядаемо, соблюденно на небесныхъ насъ ради* (1 Петр. 1: 4).

Будемъ *достойно ходить* Христіанскаго званія, въ которое мы *призваны* (Ефес. 4: 1), твердо стоять въ преданной намъ отъ отцевъ нашихъ Православной вѣрѣ, отвергая всякое *плотское мудрованіе* (Рим. 8: 6) *жегемьнаго разума, о немже нѣтъ и въ наше время хвалящеся* (1 Тим. 6: 20, 21), дерзають посягать на одолѣніе чистоты вѣры и божественныхъ уставовъ *Церкви*, которой и *врата адовы не одолѣютъ* (Мате. 16: 18). Будемъ каждый изъ насъ, до конца жизни своей преданы Спасителю нашему Богу такъ, какъ преданъ былъ Ему Царь-Пророкъ, и вмѣстѣ съ нимъ всегда и въ душѣ и на устахъ имѣть сіе исповѣданіе: *къ Тебѣ приверженъ есмь отъ ложеснъ, отъ чрева матери моея, Богъ, мой еси Ты* (Ис. 21: 11). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 47.

Благотворность Христіанской вѣры.

Господи благослови!

*Благодатию есте спасени чрезъ вѣру;
и сіе не отъ васъ, Божій даръ.
(Ефес. 2: 8).*

Истинно Божій даръ. Божій даръ—божественная благодать, спасающая человѣка. Божій даръ—Христіанская вѣра, сообщающая человѣку спасительную благодать. Бѣдное человѣчество! Что бы съ тобою было, если бы Господь не открылъ тебѣ Своихъ Божественныхъ судебъ, если бы не озарилъ тебя свѣтомъ истины, если бы не научилъ тебя вѣровать въ Него и служить Ему во Христѣ Спасителѣ нашемъ? О, какіе блаженные мы, братіе, мы, которые исповѣдуемъ вѣру Христову! Вѣра Христіанская просвѣщаетъ насъ, дѣлаетъ насъ непорочными и святыми, укрѣпляетъ и утѣшаетъ насъ среди бѣдъ и напастей настоящей жизни, и, по смерти, вводитъ насъ въ лучшую, блаженную и вѣчную жизнь.

Скажите, кто бы насъ научилъ, что такое міръ, который мы видимъ, откуда и что такое солнце, луна, звѣзды, земля, на которой живемъ; что такое человѣкъ, отъ кого и какъ первоначально онъ произошелъ, какая цѣль его жизни, что съ нимъ будетъ по смерти. Кто бы намъ сказалъ, есть ли Богъ, такое существо отъ котораго произошло все, зависимъ ли мы отъ Него, обязаны ли мы Ему чѣмъ, не прогнѣваемъ ли мы Его Своими поступками, которыхъ часто и сами не одобряемъ, есть ли въ такомъ случаѣ возможность утолить Его гнѣвъ и примириться съ Нимъ; какая предназначена намъ отъ Него судьба и что ожидаетъ насъ въ будущемъ? Кто бы разъяснилъ намъ все это и многое тому подобное? Самъ человѣкъ достигнуть этого не можетъ. Разумнѣйшіе въ родѣ человѣческомъ, извѣстные подъ именемъ древнихъ и новыхъ мыслителей или философовъ, нелѣпными своими одно другому противорѣчащими и другъ друга опровергающими сужденіями только доказали эту невозможность. Одинъ Богъ открылъ человѣку тайны Своихъ судебъ. Одна вѣра Христіанская просвѣщаетъ насъ, удовлетворительно разрѣшая намъ всѣ неразрѣшимые для насъ вопросы. Она научаетъ насъ, что есть Богъ, существо самобытное и самосущее, отъ Котораго произошло, Которымъ содержится и Которымъ управляется все. Она объясняетъ намъ, что человѣкъ есть лучшее твореніе Божіе па

землѣ, но, по собственной волѣ своей, падшее, и за грѣхъ правдою Божіею осужденное на смерть. Она возвѣщаетъ намъ, что Милосердый Богъ опредѣлилъ нашему человѣку Ходатая, Сына Своего возлюбленнаго, Который есть Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, искупившій насъ крестною Своею смертію отъ грѣха и смерти. Она открываетъ намъ, что въ свое время имѣеть послѣдовать обновленіе міра, что всѣ мертвые воскреснуть, предстануть на судъ, который произведетъ по второмъ славномъ пришествіи Своемъ на землю, Искупитель нашъ Христосъ, и однихъ за вѣру и добрыя дѣла введетъ въ рай на вѣчное блаженство, а другихъ за невѣріе и нечестіе осудитъ на вѣчное мученіе.

Дабы намъ быть достойными будущаго блаженства и Царствія, св. Христіанская вѣра дѣлаетъ насъ еще въ сей жизни непорочными и святыми. Такъ она открываетъ намъ волю Божію и показываетъ намъ, какія дѣла добрыя, чтобы творить ихъ, и какія худыя, чтобы избѣгать ихъ. Такъ она научаетъ насъ служить Богу, призывать Его и прославлять Его въ общественныхъ и частныхъ молитвахъ. Такъ она освящаетъ насъ богоучрежденными святыми таинствами. Является ли человѣкъ въ міръ, она, въ купели крещенія, очищаетъ его отъ прародительскаго грѣха и сообщаетъ ему новую, благодатную жизнь. Преткнулся ли онъ, какъ не свободный отъ немощи, палъ ли во грѣхъ, она возставляетъ его поваляніемъ и сподобляетъ его прощенія грѣховъ и примиренія съ Богомъ. Мало этого. Св. вѣра вводитъ еще человѣка въ преискреннее общеніе съ Самимъ Спасителемъ нашимъ Христомъ. Эту величайшую благодать получаетъ человѣкъ въ таинствѣ Святаго Причащенія, въ коемъ онъ, чрезъ соединеніе со Христомъ, дѣлается причастникомъ святости, безсмертія и вѣчной жизни.

Да можно ли описать благотворность Христіанской вѣры и исчислить всѣ благодѣянія, какія доставляетъ она человѣку? Возьмите въ разсужденіе и внѣшнюю жизнь человѣка. Какихъ она исполнена бѣдъ, злоключеній и печалей! Какъ же и чѣмъ можетъ человѣкъ ободрить и укрѣпить себя во дни постигшаго его несчастія? Кто прольетъ утѣшеніе въ растерзанное сердце его? Никто. Одна вѣра Христіанская можетъ это сдѣлать. Уже не малымъ облегченіемъ и успокоеніемъ въ терпѣніи нашемъ служить та общая истина вѣры, что всѣмъ въ мірѣ располагаетъ Богъ, что все, что ни дѣлается съ нами, имѣеть причину и цѣль въ премудрыхъ и непостижимыхъ судьбахъ Божіихъ. А вотъ и частности. Напримѣръ, случилась потеря дома, имущества, постигла болѣзнь, или другое бѣдствіе: Св. вѣра

говорить, что Богъ этимъ наказуетъ насъ за наши грѣхи, побуждаетъ насъ къ покаянію и исправленію жизни и за претерпѣніе бѣдствій обѣщаетъ отпущеніе грѣховъ и блаженство въ лучшей, будущей жизни. Лишились мы дорогихъ, близкихъ сердцу,—тяжкая, невыносимая скорбь! Чѣмъ облегчить ее? Обратимся къ Богу, въ Котораго вѣруемъ, прольемъ потоки молитвенныхъ слезъ, съ вѣрою и упованіемъ, что Владыка живота и смерти наградитъ ихъ лучшею жизнію, и насъ сподобитъ нѣкогда опять видѣть ихъ живыми и блаженными. Страшитъ насъ собственная наша смерть: Св. вѣра, утѣшная насъ, открываетъ намъ будущую нашу судьбу, увѣряетъ насъ, что смерть—не конецъ нашей жизни, а только переходъ въ другую, лучшую жизнь, что душа наша не умираетъ, но, по разлученіи съ тѣломъ, отходитъ къ Богу, а и тѣло обращается въ землю, какъ въ сокровищницу, на время, до всеобщаго воскресенія, въ которое, силою Божіею, опять будетъ воздвижено и соединено съ душою для неразлучнаго блаженнаго бытія на цѣлую вѣчность. Тяготитъ насъ вообще суета нынѣшняго вѣка, труды, искушенія, страсти, грѣхи, соблазны: Св. вѣра успокоиваетъ насъ надеждою другой, лучшей жизни, говоритъ намъ, что этому суетному вѣку будетъ конецъ, что наступитъ другой безконечный вѣкъ, въ которомъ уже не будетъ ни трудовъ, ни печалей, ни бѣдъ, ни страстей, ни искушеній, ни соблазновъ, а одна чистая, святая, безмятежная, блаженная жизнь. Да будетъ это блаженное безграничное время,—и тогда наступитъ для всѣхъ вѣровавшихъ новое, исполненное непостижимыхъ божественныхъ радостей и наслажденій бытіе, которое соблюдише залогъ вѣры и будутъ раздѣлять вмѣстѣ съ Начальникомъ жизни и блаженства вѣчнаго, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Такова святая Христіанская вѣра, которую, по благодати Божіей, исповѣдуемъ мы, счастливые, братіе! О, это истинный, величайшій, неоцѣнимый даръ Неба бѣдному человѣчеству! И этотъ ли даръ, это ли сокровище нѣкоторые изъ насъ, обольщаемые блестящею суетою міра, готовы мѣнять на иноземные растлѣнные обычаи и нравы? Этотъ ли даръ, это ли сокровище хотятъ отнять у насъ новые суетумудренныя просвѣтителы человѣчества, которые умѣютъ только разрушать, а не созидать, лишать, а не снабждать, низвергать, а не возвышать. *Но не преустыютъ болѣе; безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ* (2 Тим. 3: 9). *Мы же, братіе, блудемъ, да никтоже насъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Кол. 2: 8), *но святою нашею вѣрою назидающе себе, сами себе въ любви Божіей соблю-*

даемъ, ждуще милости Господа нашего Иисуса Христа, въ жизнь вѣчную (Иуд. 1: 20, 21). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 48.

Христіанство нынѣшняго времени наружное болѣе, чѣмъ внутреннее.

Господи благослови!

Будутъ человѣцы имущи образъ благочестія, силы же его отвергнущія.
(2 Тим. 3: 2, 5).

Святые Апостолы, почерпнувшіе пренебесную мудрость отъ Источника божественной премудрости, Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, содѣлались не только учителями и проповѣдниками Царствія Божія, но иновыми пророками, предъявлявшими жизнь и дѣла будущихъ Христіанъ. Такъ одинъ изъ нихъ, общникъ той-же божественной мудрости, говорилъ, что въ послѣдующія времена Христіане будутъ имѣть только видъ Христіанскаго благочестія, а въ сущности будутъ противники и отступники отъ вѣры, служители міра и страстей. *Будутъ человѣцы имущи образъ благочестія, силы же его отвергнущія.*

Какія это времена? Кто эти человѣки? Уже, къ несчастію, не наши ли эти времена? Не нынѣшніе ли это Христіане! Что нынѣ, по большей части, какъ не образъ только благочестія? Что за молитва, холодная, невнимательная, поспѣшная? Что за праздники, отзывающіеся только чувственнымъ празднованіемъ, веселостями, пиршествами, пьянствомъ? Что за посты, заключающіеся много-много въ переѣнѣ пици? Что за говѣніе, по большей части не одушевляемое познаніемъ и чувствомъ сокрушенія о грѣхахъ и не сопровождаемое намѣреніемъ оставить грѣхъ? А гдѣ вѣра? Гдѣ любовь къ Богу и ближнему? Гдѣ добрыя дѣла? Гдѣ отреченіе своей воли, гдѣ умерщвленіе страстей, гдѣ чистота душевная и тѣлесная, чего непременно требуетъ законъ Христіанскій? Горько было Апостолу предвидѣть такихъ ложныхъ Христіанъ, прикрывающихся только внѣшнимъ видомъ, образомъ благочестія. Чтожъ, если бы онъ увидѣлъ, что на Христіанахъ нѣтъ уже и образа благочестія, что они уже открыто снимаютъ съ себя этотъ образъ и равнодушно, нерѣдко съ охотою вступаютъ на путь тлетворнаго и развращеннаго міра! Не чуждо, братіе, наше время и этого прегорькаго заблужденія. Не мало уже

въ средѣ Христіанства и такихъ Христіанъ, къ удивленію и присвorbію, преимущественно изъ хвлящихся познаніями и разумомъ, которые стыдятся носить на себѣ и образъ Христіанства. Стыдятся ограждать себя крестнымъ знаменіемъ, поставлять въ почетныхъ мѣстахъ у себя святыя иконы, совершать домашнія молитвы, наблюдать установленныя Церковію праздники и посты, читать священныя и душеспасительныя книги. Появляются даже и такіе, которые и благочестивую нашу вѣру считаютъ преданіемъ челоѳическимъ, хотятъ жить и дѣйствовать по началамъ разума, возвращая времена до-Христіанскаго язычества, или, еще хуже, допотопнаго безбожія. Каково же Христіанство нашего просвѣщеннаго времени! Да что еще? Настоящіе дни и у насъ, Православные жители града, какими потемняются не-Христіанскими, постыдными, преступными событіями? Мирные жители теряютъ свою безопасность не только внѣ, но и внутри своихъ жилищъ. Были печальныя покушенія и на воровство, и на грабительство. А ужасное, извѣстное всѣмъ, злодѣяніе? *) Однимъ разомъ поднять адскую руку на жизнь троихъ, мирно повоившихся естественнымъ сномъ? Поднять эту преступную руку, и кому? Христіанину, который омытъ святымъ Крещеніемъ, усыновленъ Богу, многократно принималъ въ себя плоть и кровь Спасителя своего, который долженъ жить безпорочно, какъ Ангелъ Божій, непрестанно ожидать Небеснаго Судіи и полученія отъ Бога вѣчнаго блаженства и Царствія; поднять руку на кого? На Христіанъ, вторыхъ, по закону Христіанскому, долженъ любить, какъ себя, хранить жизнь ихъ, какъ свою, и стараться споспѣшествовать къ ихъ благополучію, спокойствію и безопасности? Что это, братіе? Можно ли назвать такого злодѣя челоѳкомъ, не говорю Христіаниномъ? Ангелъ хранитель! Какими очами взиралъ ты на этого беззаконника, который отгналъ тебя, повровителя своего, отъ себя, и отдалъ себя врагу своему и челоѳкоубійцѣ? Какъ встрѣталъ Ты при совершеніи имъ такого страшнаго душепагубнаго злодѣянія!

Боже Праведный! Научи насъ постигать Твои непостижимыя судьбы. Казалось бы, по Божественному манію Твоему, земля должна была разверзнуться и поглотить этого беззаконника, огонь небесный долженъ былъ поалить его, Ангелъ Твой поразить нечестивыя руки, поднявшія смертоносное орудіе.—Но къ чему такая дерзновенная пытливость! Апостолы также думали о жителяхъ одного Самарянскаго селенія, когда они не приняли въ себѣ Спасителя и Господа Іисуса Христа. Они считали справедливымъ потребить ихъ и

*) Въ то время совершено было убійство въ городѣ.

хотѣли низвести на нихъ огонь съ неба. Что же Господь? *Не вѣсте, коего духа есте вы*, сказалъ имъ, *Сынъ бо человѣческій не придетъ души человѣческія погубити, но спасти* (Лук. 9: 55, 56).—Такимъ ли злодѣяніемъ опозорена Голгоа? Но и тутъ убійцы не были преданы заслуженной казни. Правда Божія, вѣроятно, готова была поразить ихъ, но милосердіе Распятаго Искушителя міра удержало правосудную руку *Бога отмщениій* (Пс. 93: 1). *Отче, отпусти имъ* (Лук. 23: 34), сказалъ въ вѣстныхъ мукахъ Спаситель. Мудрено ли послѣ этого, если виновникъ и нынѣшняго у насъ злодѣянія пощаженъ безпредѣльнымъ милосердіемъ и долготерпѣніемъ Божиимъ? Господь всѣхъ грѣшниковъ призываетъ на покаяніе и разбойникамъ кающимся обѣщаетъ рай. Ежели и нашъ убійца исповѣдаетъ или уже и исповѣдалъ свое беззаконіе, и очиститъ тяжкій грѣхъ свой искреннимъ, сокрушительнымъ, слезнымъ покаяніемъ, не чуждъ будетъ помилованія и прощенія отъ Бога. А иначе? Развѣ грѣхъ, не очищенный покаяніемъ, останется безъ должнаго воздаянія со стороны правды Божіей? Развѣ геенна, которой не избѣжитъ ни одинъ грѣшникъ и которая будетъ жечь беззаконниковъ цѣлую вѣчность, не стоитъ какого либо временнаго пораженія? Нѣтъ. *Беззаконникъ, по слову Господню, въ беззаконіи своемъ умретъ, аще не обратится отъ беззаконія своего и отъ пути своего беззаконна* (Иезек. 3, 9). *Аще же обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ всѣ заповѣди Божія, жизнию проживетъ и не умретъ* (Иезек. 18: 21).

Подивимся, братіе, чудному Богу нашему, Который, по милосердію Своему, *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему* (Иезек. 33, 11). Пожелаемъ преступнику нашему искренняго раскаянія въ содѣянномъ имъ беззаконіи, а пострадавшимъ отъ него испросимъ у Бога милости и щедротъ, оставленіе грѣховъ ихъ и вселеніе душъ ихъ въ свѣтлыхъ и блаженныхъ обителѣхъ небесныхъ. Сами же мы, братіе, вооружимся всею святою ненавистію противу грѣха; отринемъ душетлѣнную приверженность къ міру и пагубное служеніе страстямъ; будемъ стараться не образъ только благочестія носить на себѣ, не внѣшнія только Христіанскія дѣла совершать, а преуспѣвать въ силѣ вѣры, во внутреннемъ благоугожденіи Богу, соблюдая, елико возможно, чистоту сердца и непорочность дѣлъ нашихъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 49.

Значеніе постовъ, установленныхъ Церковію предъ великими Божественными праздниками.

Господи благослови!

Есть у насъ, братіе, обычай въ началѣ поста поздравлять другъ друга съ постомъ. Конечно, такого поздравленія не услышишь тамъ, гдѣ не соблюдаются посты, среди тѣхъ Христіанъ, у которыхъ, вопреки установленіямъ Православной Церкви и примѣру жизни благочестивыхъ нашихъ предковъ, цѣлый годъ, исключая развѣ недѣль двухъ Великаго поста, разрѣшеніе на вся. Что же значить такое у насъ поздравленіе? Вѣдь поздравляютъ, обыкновенно, съ чѣмъ нибудь пріятнымъ для насъ. А постъ развѣ для насъ пріятенъ? Едвали. Признаемся, братіе, въ немощахъ нашихъ. Сластолюбивая плоть наша съ робостію встрѣчаетъ эти святыя дни,—и мы не съ Христіанскимъ душерадствомъ вступаемъ на этотъ духовный подвигъ, не съ расположеніемъ одержать побѣду надъ страстями своими проходимъ это поприще. Ъдимъ постное, но не соблюдаемъ поста,—и потому у насъ не постъ, а только постное время. Съ этимъ, значить, мы и поздравляемъ другъ друга, поздравляемъ не съ постомъ, а съ временемъ поста. Такъ точно. Разберите самое слово: *поздравленіе*. *Поздравить* значить пожелать здравія. Что же это за постное поздравленіе? Идетъ ли оно къ посту? Пожелать спасенія—вотъ это было бы прилично; это было бы настоящее постное привѣтствіе. Какъ бы то ни было, мы, братіе, вступили въ святыя посты, по началу своему именуемый *Фимптовымъ*, а по окончанію и по празднику, ради котораго установленъ, *Рождественскимъ*. Не стану говорить вообще о необходимости и пользѣ поста. Каждому Христіанину, понимающему значеніе, сущность и цѣль Христіанства, это должно быть хорошо извѣстно. Полезнымъ и приличнымъ нахожу обратить вниманіе ваше, братіе, на то, что Святая Церковь всѣ нарочитыя посты установила предварительно и какъ бы въ срѣтеніе великихъ Христіанскихъ праздниковъ. Развѣ это безъ цѣли?—Никакъ. Тутъ есть важное намѣреніе, спасительная цѣль, по которымъ Православная Церковь, Матерь наша, готовитъ насъ святымъ постомъ къ тому или другому свѣтлomu божественному празднику. **Послушайте.**

Святая Церковь опредѣляетъ намъ постъ предъ великимъ божественнымъ праздникомъ—для чего? Для того, чтобы почтить ве-

ликій божественный праздникъ. Постъ—это праздничная жертва Богу, далеко превосходящая всѣхъ вещественныхъ жертвъ, каковы: свѣчи, возжигаемыя предъ иконами, разные приносы и денежные жертвы въ Церковь. Въ постѣ приносится Богу самъ человекъ, очищенная воздержаніемъ плоть и окрыленный чистыми помыслами духъ человѣческій. Вотъ драгоценнѣйшая жертва Богу! Не вещи, а мы нужны Богу; мы дороги Ему; насъ Онъ искушилъ, насъ и хочетъ видѣть вѣрующихъ въ Него и усердно и съ любовью чтущихъ Его. И потому чѣмъ строже наше будетъ воздержаніе во время поста, тѣмъ благоуханнѣе будетъ предъ благодѣющимъ намъ Богомъ наша жертва.

Святая Церковь опредѣляетъ намъ постъ предъ великимъ божественнымъ праздникомъ—для чего? Для того, чтобы намъ достойно праздновать божественный праздникъ. Что такое Христіанскій праздникъ? Воспоминаніе одного изъ величайшихъ и священнѣйшихъ событій, посредствомъ которыхъ совершилось спасеніе наше. Это духовное, божественное торжество. На этомъ торжествѣ невидимо присутствуетъ Самъ Совершитель спасенія нашего, Господь Иисусъ Христосъ съ небесными Силами и прославленными Святыми. Каковы же должны быть мы грѣшныя и недостойныя на такомъ божественномъ торжествѣ? Можемъ ли мы явиться туда безъ свѣтильниковъ, какъ дѣвы юродивыя, безъ брачной одежды, какъ упоминаемый въ Евангеліи человекъ? Не услышимъ ли иначе и мы печальнаго отзыва: *не стѣмъ васъ?* (Матѣ. 25: 12). Но скажется ли и каждому изъ насъ: *како вшелъ еси стѣмо, не имый одѣяннѣя брачна?* (Матѣ. 22: 12). Не останемся ли тогда мы при одномъ внѣшнемъ празднованіи праздника, безъ божественнаго озаренія сердца, безъ благодатнаго освященія духа? Вотъ для этого Святая Церковь и назначаетъ постъ, именно, чтобы сдѣлать насъ достойными достойно праздновать святой и божественный праздникъ. Постъ, и всегда еще соединяемый съ молитвою, это самое и дѣлаетъ. Онъ возжигаетъ въ насъ свѣтильникъ вѣры и любви божественной, онъ облакаетъ насъ въ чистоту душевную и тѣлесную. Ревностнѣйшіе изъ Христіанъ имѣютъ еще прекрасный обычай, сверхъ поста, предъ наступленіемъ праздника, очищать себя покаяніемъ и освящать причащеніемъ святыхъ Христовыхъ Таинъ, чтобы въ самый праздникъ какъ можно ближе встать къ святынѣ праздника и яснѣе зрѣть праздную тайну Божію.

Установленный Церковію предъ великимъ божественнымъ праздникомъ постъ и еще имѣетъ святая и спасительная для насъ послѣдствія. Извѣстно, когда мы чувствуемъ болѣе чистое и духов-

ное наслажденіе, какъ не послѣ совершенныхъ подвиговъ? Когда самая пища бываетъ намъ особенно пріятна, какъ не послѣ трудовъ? Такъ и совершившій подвигъ поста непременно болѣе вкуситъ сладости божественнаго праздника и самую разрѣшаемую Церковію на праздникъ пищу приметъ во славу Божию и въ благословенное для себя наслажденіе. Празднуя святой праздникъ въ такой чистотѣ и съ такимъ наслажденіемъ, Христіанинъ едва ли допуститъ себя до безумнаго пресыщенія, до богопротивныхъ удовольствій и веселостей, каковымъ нерѣдко предаются въ праздники любители плотскаго, чувственнаго празднованія. А вотъ и еще святой и богопріятный плодъ предпразднственнаго поста. Кто изъ насъ не согласится, что милостыня есть самая боголюбезная добродѣтель, самая сладкая для человѣческаго сердца ближнему нашему услуга, что нѣтъ ничего необходимѣе, священнѣе и спасительнѣе для Христіанъ, какъ подать неимущему на праздникъ, сдѣлать бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ съ праздникомъ, пролить въ среду ихъ утѣшеніе и радость во дни общаго Христіанскаго празднества? А это скорѣе и съ большимъ успѣхомъ и сдѣлаетъ тотъ, кто соблюдаетъ праздничный постъ, сокращая во время поста до крайней степени издержки на свое продовольствіе. И какъ еще сдѣлаетъ? Съ какою готовностію, съ какимъ усердіемъ, съ какою любовью! Постъ, какъ ограниченіе нашихъ желаній, обузданіе похотливой плоти, вѣдь не легокъ. Постникъ на себѣ испытаетъ, сколь прискорбно терпѣть бѣдность, нищету, недостатки въ насущныхъ потребностяхъ жизни, скорѣе, значить, расположится къ сожалѣнію и состраданію и, безъ сомнѣнія, охотнѣе простретъ руку свою на вспоможеніе требующимъ.

Смотрите, братіе, сколь премудро и благотѣльно установленіе постовъ предъ великими Христіанскими праздниками! Далъ бы только Господь, чтобы Христіане свято хранили это церковное установленіе и подвигомъ поста достигли тѣхъ душеспасительныхъ плодовъ, какіе приносятъ постникамъ постъ,—благоугожденія Богу, достойнаго и радостнаго празднованія праздника и утѣшенія и помощи бѣдствующимъ въ праздникъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 50.

Святители Воронежскіе — обличители раскола.

Господи благослови!

Сегодня, братіе, священная память Угодника Божія, Воронежскаго Святителя и Чудотворца Митрофана. Тридцать лѣтъ,

какъ прославился сей Угодникъ Божій, и прославленіемъ своимъ ознаменовалъ славу царствованія въ Бозѣ почившаго государя нашего, Императора Николая Павловича. А вотъ еще только годъ, какъ явился у насъ и новый Угодникъ, Воронежскій же Святитель и Чудотворецъ Тихонъ, и явленіемъ своимъ открыто засвидѣтельствовавъ благословеніе и милость Божию на Православное отечество наше во дни благополучно царствующаго Государя нашего, Императора Александра Николаевича. Счастливы дни наши. Счастлива Россія—отечество наше. Благословенна паства Воронежская, красующаяся двумя прославленными отъ Бога пастырями и учителями Церкви Божіей. Воздадимъ, братіе, славу Богу нашему, какъ всегда, такъ и нынѣ благоволительно промышляющему о Церкви Своей, какъ во всѣ времена, такъ и въ наше время утверждающему Святую Православную вѣру въ лицѣ двухъ прославленныхъ архипастырей Воронежскихъ. Святители и Чудотворцы Митрофанъ и Тихонъ, испещреніе нетлѣнными тѣлесами своими изъ нѣдръ земныхъ и ознаменовавшіе небесную славу свою благодатными дарованіями и силами исцѣленій, явились къ намъ уже не какъ пастыри и учителя, а какъ Ангелы Божіи, провозвѣстники святой истины и обличители заблужденій нашего времени. Благовременно и благополезно теперь обратиться наше вниманіе на этихъ двухъ пастырей и учителей, чтобы во времени святительскаго служенія ихъ и въ нѣкоторыхъ примѣрной ревности по вѣрѣ дѣйствій ихъ найти дѣйствительное вразумленіе и обличеніе и для Православныхъ, и для неправославныхъ. Скажемъ сегодня нѣчто относительно неправославныхъ.

Неправославныхъ разумѣю своихъ отпадшихъ отъ Православной Россійской Церкви несчастныхъ нашихъ раскольниковъ. Что это за народъ—раскольники? Это природные наши Русскіе, до отпаденія своего исповѣдывавшіе единую съ нами вѣру и вмѣстѣ съ нами составлявшіе единую Святую Православную Церковь. Они состоятъ изъ людей частію купеческаго, и по большей части крестьянскаго и другихъ низшихъ сословій. Не бывало и нѣтъ въ средѣ ихъ не только законныхъ и просвѣщенныхъ духовныхъ лицъ, но и никого изъ высшихъ образованныхъ сословій. Разорвавъ священный союзъ вѣры, они разобщились съ нами и по внѣшнему быту, живутъ по большей части отдѣльно, скрытно, избѣгая и власти законовъ отечественныхъ. Когда же произошло такое ихъ отъ Церкви уклоненіе, и какаѣ была тому причина? Уклонились они отъ Православной Церкви со временъ всероссійскаго патріарха Никона, вотъ уже двѣсти тому лѣтъ. Причиною уклоненія, какъ и всякихъ неустройствъ и смя-

тений, было невѣжество, слѣпо увлекаемое страстями человеческими. Во время патріаршества Никона сдѣлано было исправленіе церковныхъ книгъ и нѣкоторой обрядности церковной. Необходимость такого исправленія еще до Никона сознавали наши благочестивѣйшіе цари и пастыри церковные, замѣтя разногласіе въ церковныхъ книгахъ и въ совершаемыхъ по мѣстамъ церковныхъ обрядахъ. Вѣдь это и естественно могло быть. Отечество наше отъ раздѣленія княжеской власти, отъ порабощенія татарами и отъ смуть во времена самозванцевъ много вѣковъ находилось въ нестроеніи, а вмѣстѣ съ нимъ и Церковь не могла не подвергаться нѣкоторымъ разногласіямъ въ своемъ обрядовомъ чинѣ, не имѣя постоянного и правильнаго единства въ своемъ управленіи. Къ этому прибавить надо и то, что у насъ долго не было и печатнаго искусства. Все дѣлалось переписчиками. Мудрено ли было, и не намѣренно, вкратѣся многимъ и разнымъ погрѣшностямъ въ книги церковныя? Вотъ наконецъ патріархъ Никонъ, по опредѣленію всего священнаго Собора, съ согласія благочестивѣйшаго царя и съ одобренія Вселенскихъ Патріарховъ, сдѣлалъ исправленіе церковныхъ книгъ, и обрядность церковную привелъ въ единообразный и правильный чинъ. Что же вышло? Недовольные начальствомъ, злонамѣренные люди провозгласили, что Никонъ измѣнилъ древнюю отеческую Православную вѣру. Невѣжды, частію по слѣпой ревности къ вѣрѣ, а всего болѣе по влеченію страстей, ухватились за то и произвели расколъ, который, время отъ времени, возрасталъ и распространялся, подъ именемъ *старой вѣры*. Начальники и особенно послѣдователи раскола какихъ не измышляли нелѣпностей! Провозглашали и учили, якобы въ Россійской Церкви нынѣ спастись уже невозможно, якобы она уже не Православная, якобы и Церковь Восточная уже не истинна, якобы уже и нѣтъ Церкви на землѣ, якобы уже послѣднее время, и антихристъ пришелъ, и потому не должно повиноваться властямъ ни церковнымъ, ни гражданскимъ, какъ слугамъ антихриста. А между тѣмъ сами себя называютъ православными Христіанами, служатъ и молятся по старымъ книгамъ, не имѣя впрочемъ, какъ и естественно, ни священства, ни таинствъ церковныхъ, безъ которыхъ не можетъ быть ни Христіанства, ни Церкви. Какъ вѣрно исполняются и на нихъ слова Апостола Павла. Завѣщая вѣровавшимъ своего времени *любовь отъ чиста сердца, совѣсть благоую и вѣру нелицемѣрную*, онъ сказалъ, что *нѣцыи въ нихъ погрѣшивше, уклонишася въ суетнословія, хотяще быти законоучители, не разумюще ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждають* (1 Тим. 1: 5, 6, 7). Въ такіа

точно суетловія уклонились наши раскольники и въ нихъ невозвратно пребываютъ доселѣ. Какихъ въ столь продолжительное время не было употребляемо мѣръ и со стороны Церкви, и со стороны правительства къ вразумленію ихъ и къ возвращенію въ лоно Святой Православной Церкви! Принимали въ обращеніи этихъ заблудшихъ живое участіе и прославленные нынѣ отъ Бога святители, Митрофанъ и Тихонъ. Первый лично находился въ числѣ Православныхъ Россійскихъ Пастырей, собравшихся, въ присутствіи Державныхъ особъ, на состязаніе съ раскольниками и для увѣщанія и вразумленія ихъ. Второй также и словесными и письменными наставленіями обращалъ ихъ къ Православной Церкви, и когда нѣкоторые изъ нихъ, въ ослѣпленіи своемъ, предложили ему честь перейти на ихъ сторону и быть у нихъ Епископомъ, онъ отвергъ нечестивое предложеніе ихъ съ презрѣніемъ. Такъ и столько употреблено было со стороны Православія заботъ объ обращеніи нашихъ раскольниковъ къ истинной Церкви. Все тщетно. Печальный душепагубный расколъ продолжается и, кажется, безъ ослабленія—до нынѣ.

Что оставалось дѣлать болѣзную о погибели чадъ своихъ Православной Церкви? Одно—молитвенно скорбѣть и ожидать помощи отъ Бога. И вотъ явилась божественная помощь. Являлась и до нашего времени, явилась и въ наше время. Въ наше время снова явились обличителями раскола святители Митрофанъ и Тихонъ. Они были пастырями нашей Россійской Церкви уже послѣ патріарха Никона, служили по исправленнымъ книгамъ и обрядамъ церковнымъ, другихъ спасали и сами спаслись въ нашей Православной Церкви, и теперь прославлены отъ Бога, какъ Святые и Угодники Божіи. Какъ же раскольники говорятъ, что наша Церковь теперь неправославна, что въ нашей Церкви нѣтъ спасенія? Не обличаетъ ли ихъ уже не человекъ, а Самъ Богъ? Не свидѣтельствуетъ ли о Святости нашей Церкви, въ которой служили и спасались Угодники Божіи, небо и земля, небо проявленіемъ чудесъ отъ Угодниковъ Божіихъ, земля—нетлѣніемъ святыхъ мощей ихъ? Что же—раскольники? Пріемлютъ ли это божественное обличеніе? Признаютъ ли истину Православной вѣры и святость нашей Церкви? Обращаются ли къ Матери своей, которую, по неразумію своему, оставили, и которой чуждаются доселѣ? И не думаютъ. Поразительное ослѣпленіе! Прискорбное ожесточеніе! Что послѣ сего остается дѣлать Православной Церкви, какъ развѣ повторять болѣзненный вопль отъ лица Божія: *слыши небо, и внуши земле; сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася Мене* (Исаія 1: 2); *одебелъ бо*

сердце людей сихъ, и ушима своими тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да некогда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумють, и обратятся, и исцѣлю я (Исаія 6: 10).

Вотъ, братіе, сколь пагубно для человѣка отчужденіе отъ Церкви! Вотъ сколь опасно слѣдовать своимъ мнѣніямъ и страстямъ и быть преслушнымъ законнымъ учителямъ и пастырямъ Церковнымъ! Вотъ какъ трудно выйти изъ заблужденія и ожесточенія, въ которыя ввергаетъ человѣка мечтательность и непокорность! Ничто не дѣйствуетъ на такого человѣка.—Церковная проповѣдь—это *кимвалъ звяцаѣй* (1 Кор. 13: 1). Частное увѣщаніе—это искра, воспламеняющая только ненависть, по свидѣтельству древняго наставника: *не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе* (Прит. 9: 8). Нѣтъ. Пока человѣкъ водится своимъ мнѣніемъ и своими страстями, онъ не способенъ стать на истинный путь спасенія. Надо отвергнуть свое самолюбіе, надо обратиться къ себѣ съ свѣтлымъ, безпристрастнымъ умомъ, надо возжелать истиннаго спасенія себѣ, и искать его,—и тогда оно дастся отъ Бога; тогда и наставленія, и увѣщанія будутъ имѣть силу,—тогда и чудеса потрясутъ ожесточенное сердце, и сдѣлаютъ его способнымъ къ принятію свѣта истины и духа благодати Божіей. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 51.

Святители Воронежскіе—обличители Православныхъ.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ сказали мы, братіе, какъ Угодники Божіи архипастыри Воронежскіе Митрофанъ и Тихонъ святительскимъ служеніемъ своимъ, благочестивою жизнію своею и, по кончинѣ, прославленіемъ своимъ обличаютъ неправославныхъ, отпадшихъ чадъ святой Россійской Церкви, нашихъ раскольниковъ. Посмотримъ—ка теперъ, свободны ли и мы, Православные, отъ справедливыхъ обличеній ихъ, не обвиняютъ ли они и насъ въ не-Христіанскихъ поступкахъ, подобныхъ тѣмъ, противъ которыхъ они, еще въ жизни своей, вооружались со всею пастырскою ревностію.

Угодникъ Божій Митрофанъ святительствовалъ въ Воронежѣ въ началѣ царствованія императора Петра перваго. Государь сей, какъ извѣстно, началъ преобразование Отечества нашего введеніемъ къ намъ нравовъ и обычаевъ, заимствованныхъ отъ именующихся про-

свѣщенными народовъ Европейскихъ. Послѣдую таковымъ обычаямъ, онъ приказалъ поставить передъ временнымъ своимъ въ Воронежѣ дворцомъ статуи языческихъ боговъ. Разъ случилось, что по какой то надобности государь потребовалъ къ себѣ святителя Митрофана. Угодникъ Божій, пѣшій, немедленно поспѣшилъ исполнить волю царя, но, подошедъ къ дворцу, лишь только увидѣлъ нечестивыя изображения, тотчасъ обратился вспять. На требованіе причины такого поступка, Угодникъ Божій отвѣчалъ царю, что онъ не можетъ видѣть у Православнаго царя такого соблазнительнаго и богопротивнаго украшенія, и пока не будутъ сняты эти статуи, не можетъ предстать предъ лице царя, не смотря на то, что за преслушаніе онъ долженъ былъ ожидать себѣ смерти. Слышите, братіе, какъ поступилъ Угодникъ Божій и какой сдѣлалъ отзывъ о иноземныхъ обычаяхъ? А у насъ что? Если бы Угодникъ Божій пришелъ къ намъ, посмотрѣлъ на наши нравы и обычаи, что, думаете, сдѣлалъ бы онъ? Что, если бы онъ увидѣлъ, что языческія изображения и не Христіанскія картины уже не внѣ нашихъ домовъ, а въ самыхъ домахъ, въ главныхъ и почетныхъ покоехъ? Если бы онъ увидѣлъ, что буде и есть въ домахъ святыхъ и божественныхъ изображенія, то онѣ скрываются въ потаенныхъ, удаленныхъ отъ взора человѣческаго мѣстахъ? Что, если бы онъ узналъ, что язычество водворяется у насъ уже не только въ домахъ нашихъ, но и въ нашихъ умахъ и сердцахъ, что разуму даютъ у насъ доступъ колебать и разрушать вѣру, что понятія и правила не-Христіанскія усвояются нами преимущественно предъ понятіями и правилами Христіанскими. Что? Не отвратился ли бы онъ и отъ насъ, и не сказалъ ли бы намъ, что, пока мы не отринемъ отъ себя противу-Христіанскихъ иноземныхъ обычаевъ и правилъ, онъ не можетъ предстать предъ лице Божіе съ молитвою и ходатайствомъ за насъ? Вотъ, братіе, какое чувствительное обличеніе и намъ Православнымъ дѣлаетъ святитель Божій Митрофанъ.

Подобнымъ образомъ обличаетъ насъ и другой святитель Воронежскій, Угодникъ Божій и новоявленный чудотворецъ Тихонъ. Во время святительства его въ Воронежѣ, какъ безъ сомнѣнія и вездѣ, совершались народныя празднества. Одно изъ таковыхъ празднествъ начиналось передъ Петровскимъ постомъ и оканчивалось въ первые дни Петрова поста. Празднество, какъ обыкновенно, состояло изъ народныхъ увеселеній, и нерѣдко сопровождалось разными неприличными глумленіями и безчинствами. Узнавъ объ этомъ, Угодникъ Божій, движимый святою ревностію, не утерпѣлъ; онъ тотчасъ отпра-

вился на празднество, явился въ средѣ безчинствующихъ и, пастырскимъ словомъ вразумивъ, устыдивъ и устрашивъ ихъ, заставилъ ихъ прекратить это не-Христіанское увеселеніе и разрушить всѣ приготовленія къ такому нечестивому празднеству. Слышите, братіе, какъ поступилъ святитель Божій съ неприлично празднующими своего времени? Что, думаете, сдѣлалъ бы онъ съ нами въ подобныхъ обстоятельствахъ? Какъ нашелъ бы онъ наши веселости и Празднества, общественныя и частныя, публичныя и домашнія, постоянныя и временныя? Такъ же, безъ сомнѣнія, такъ же. Развѣ наше время лучше того времени? Развѣ у насъ не тѣ же обычаи, не такія же празднества? Положимъ, что нынѣ открытыхъ, грубыхъ безчинствъ, можетъ быть, не бываетъ: за то едва ли не болѣе растрѣвается нравственность, едва ли не болѣе страдаетъ чистота сердца и цѣломудріе. Прежде увеселеніямъ и празднествамъ усвоились по большей части только извѣстныя времена, а нынѣ веселятся, особенно люди, стоящіе выше простаго народа, не разбирая ни времени, ни дней, хотя бы это было въ постъ, хотя бы на день воскресный и праздничный; и часто собираются на увеселенія въ то время, когда Святая Церковь призываетъ чадъ своихъ на молитву и совершаетъ тотъ или другой Христіанскій праздникъ. Не достойно ли это обличенія со стороны ревностнаго о спасеніи душъ Христіанскихъ церковнаго пастыря? Но и одни ли народныя празднества обличалъ и обличаетъ поступкомъ своимъ святитель Христовъ Тихонъ? Не осуждаетъ ли этимъ самымъ онъ весь нехристіанскій образъ жизни? Не внушаетъ ли онъ намъ, что мы должны свято соблюдать установленныя Церковію времена праздниковъ и постовъ, и не только не предаваться нехристіанскимъ веселостямъ и празднествамъ, но и постоянно держать себя въ благоговѣйномъ настроеніи духа, въ степенномъ и доблоразсудномъ положеніи всего внѣшняго образа жизни, какъ подобаетъ чадамъ Божиимъ, искупленнымъ кровію Сына Божія, освященнымъ благодатію Божіею во Христѣ Иисусѣ и предназначеннымъ къ причастію наслѣдія святыхъ въ жизни вѣчной?

Такъ, святители Воронежскіе своими ревностными по вѣрѣ поступками обличаютъ наше холодное вѣроу и благочестіемъ время. И только ли этимъ они возбуждаютъ насъ къ благочестію? Сколько и какъ они, особенно же святитель Тихонъ, поучали насъ словомъ! Какихъ Христіанскихъ наставленій не оставили намъ! А жизнь ихъ? Она преисполнена Христіанскихъ добродѣтелей, простоты, смиренія, воздержанія, молитвенныхъ подвиговъ, попеченія о пользѣ ближнихъ, милосердія къ бѣднымъ. Такъ ли мы поступаемъ, какъ они учили

насъ? Такъ ли живемъ, какъ жили они? А вѣдь ученіе ихъ—правило намъ; жизнь ихъ—примѣръ для насъ. Станемъ поступать по наставленію ихъ, будемъ истинными Христіанами; станемъ жить по примѣру жизни ихъ, спасемъ. А иначе? Жизнь, противная ученію ихъ, несообразная съ жизнію ихъ поведетъ ли насъ въ добру? Развѣ противоположными путями можно придти къ одно мѣсто? А гдѣ же будемъ мы, если не тамъ, гдѣ они? Вѣдь противоположное Царству Небесному, въ которомъ они теперь, мѣсто—печальный и горькій адъ? Да, не-Христіанская, разсѣянная, мірская жизнь не можетъ привести человѣка въ другому, какъ только къ вѣчной пагубѣ за гробомъ.

Братіе! Послушаемъ данныхъ намъ отъ Бога и прославленныхъ Богомъ Учителей нашихъ. Пребудемъ непоколебимо вѣрны Православной вѣрѣ отцевъ нашихъ, соблюдая свято обычаи и правила Христіанскія и чуждаясь всего, несообразнаго съ святостію нашей вѣры, чтобы и намъ, по молитвамъ Угодниковъ, сподобиться благодати и милости Божіей, и, по смерти, блаженнаго упокоенія со всѣми благоугодившими Богу и Спасителю нашему. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 52.

Изображеніе ветхаго и новаго человѣка.

Господи благослови!

Вы знаете, братіе, что Св. Церковь, послѣдуя слову Божію, не рѣдко упоминаетъ о двухъ человѣкахъ: *ветхомъ и новомъ*. Наприм. въ молитвѣ на девятомъ часѣ мы читаемъ такъ: *умертви плотское наше мудрованіе, да ветхаго отложивше чловѣка, въ новаго облечемъ и Тебѣ поживемъ нашему Владыцѣ и Благодѣтелю*. Не думаю, чтобы имѣть понятіе объ этомъ вы считали лишнимъ. Итакъ, что это за человѣки? Что такое чловѣкъ *ветхій*, и что такое чловѣкъ *новый*? Это, братіе, два чловѣка, совершенно между собою различныя, во всемъ одинъ другому противоположныя. Различны и противоположны они по происхожденію своему. Ветхій происходитъ отъ чловѣка въ беззаконіяхъ зачинаемый и во грѣхахъ рождаемый; новый рождается отъ Бога, по благодати Иисуса Христа, силою и дѣйствіемъ Святаго Духа. Различны и противоположны по свойствамъ и дѣйствіямъ. Ветхій по природѣ нечистъ, любитъ грѣхъ, водится страстями, творитъ беззаконія, состоитъ подъ вліяніемъ и управленіемъ начальника грѣха—дѣвола; новый, по природѣ чистъ

и непороченъ, любить правду и святую, водится волею и закономъ Божиимъ, творить добрыя и святая дѣла и состоитъ подъ благодатнымъ промыслиемъ Начальника спасенія Иисуса Христа и подъ осѣненіемъ Святаго и Божественнаго Духа. Различны и противоположны и по послѣдней судьбѣ, которая ожидаетъ того и другаго. Конецъ ветхаго человѣка—вѣчная смерть, вѣчное осужденіе, вѣчное заключеніе въ темницѣ ада, вмѣстѣ съ нечистыми, отверженными духами. Конецъ новаго человѣка—вѣчная жизнь, вѣчное блаженство, вѣчное пребываніе на небесахъ, съ святыми Божиими Ангелами. Вотъ какое величайшее различіе между человѣкомъ ветхимъ и человѣкомъ новымъ. Какъ одинъ изъ нихъ отвратителенъ, богопротивенъ, несчастенъ, другой—прекрасенъ, боголюбивъ, блаженъ!

Долженъ конечно сейчасъ же послѣдовать отъ васъ, братіе, вопросъ: „да гдѣ же эти два человѣка, ветхій и новый, и кто они,—укажите ихъ намъ?“ Указать ихъ, братіе, не трудно. Это—мы сами. Мы, именно мы—или ветхіе, или новые, смотря по тому, какъ живемъ и дѣствуемъ, какой образъ отражается въ насъ, ветхаго или новаго человѣка. Правда, по происхожденію своему, каждый изъ насъ есть вмѣстѣ и ветхій и новый человѣкъ,—ветхій, потому что родился отъ плоти и крови, зараженной прародительскимъ грѣхомъ, новый, потому что родился отъ Духа Божія, возродившаго его въ святомъ Крещеніи. Но въ жизни и дѣятельности своей онъ является уже преимущественно однимъ которымъ либо, или ветхимъ, или новымъ человѣкомъ, смотря потому, котораго изъ нихъ началами водится онъ въ своихъ дѣствіяхъ, плоти ли и страстей, помрачающихъ его чистый умъ и влекущихъ его къ жизни мірской, чувственной, грѣховной, или Духа Божія, наставляющаго его на истину и направляющаго къ жизни духовной, добродѣтельной, святой. Такъ, кто изъ насъ имѣетъ въ виду только настоящую жизнь и печется лишь о довольствѣ и спокойствіи земномъ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто помнитъ свое Христіанское призваніе, имѣетъ въ мысляхъ будущую жизнь и заботится о своемъ спасеніи, тотъ человѣкъ новый. Кто считаетъ безразличнымъ всякое вѣрованіе и слѣдуетъ внушеніямъ разума предпочтительно предъ глаголомъ откровенія Божія, тотъ ветхій человѣкъ; а кто водится святою вѣрою, умомъ и сердцемъ пріемлетъ, какъ истинный и неогрѣпительный, глаголь Евангелія, возвѣщающій намъ Бога Спасителя, благодатное обновленіе наше во Христѣ, безсмертіе душъ, воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущую, тотъ человѣкъ новый. Кто любитъ міръ, плоть свою, удовлетвореніе страстямъ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто любитъ Бога,

блаугождене Христу, жизньъ духовную, святую, тотъ человѣкъ новый. Кто лѣнивъ молиться, небреженъ на молитвѣ, любитъ посѣщать мѣста мірскихъ увеселеній, каковы: театры, народныя гульбища, вечера, балы и проч. болѣе, нежели святую церковь, тотъ ветхій человѣкъ; а кто преимущественно расположенъ къ церкви, чувствуетъ духовную сладость при совершеніи церковнаго богослуженія, усерденъ, внимателенъ, терпѣливъ въ молитвѣ, тотъ человѣкъ новый. Кто не признаетъ душеполезнымъ Христіанскаго воздержанія, тяготится временами постовъ и покаянія, тотъ ветхій человѣкъ; а кто находитъ душеспасительнымъ отреченіе своихъ плотскихъ желаній и страстей и старается очистить себя отъ грѣховъ постомъ и покаяніемъ, тотъ человѣкъ новый. Кто любитъ читать романы, разныя повѣсти и другія пустыя, соблазнительныя и растлѣвающія нравственность книги, тотъ ветхій человѣкъ; а кто занимается чтеніемъ книгъ божественныхъ, каковы: Евангеліе и все Священное Писаніе, также житія Святыхъ и всякія другія Христіанскія, душеспасительныя сочиненія, тотъ человѣкъ новый. Кто любитъ жить въ праздности, въ нетрезвости и въ другихъ порокахъ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто трудолюбивъ, трезвенъ, ведетъ жизнь чистую и безпорочную, тотъ человѣкъ новый. Кто служитъ и всякія дѣла свои отправляетъ небрежно, нечестно, съ лукавствомъ, съ обманомъ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто во всѣхъ своихъ дѣлахъ усерденъ, правдивъ, безкорыстенъ, тотъ человѣкъ новый. Кто ненавидитъ другихъ, завидуетъ, осуждаетъ, обижаетъ, безчеститъ, или лицемѣритъ, льститъ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто любитъ ближнихъ отъ искренняго сердца, доброжелательствуетъ всѣмъ, не только не наноситъ самъ оскорбленій другимъ, но и наносимыя отъ другихъ прощаетъ съ любовію, тотъ человѣкъ новый. Кто расточаетъ свое богатство, или бережетъ свое сокровище, отказывая въ необходимомъ бѣднымъ и нуждающимся, тотъ ветхій человѣкъ; а кто, благоразумно пользуясь своимъ состояніемъ, охотно раздѣляетъ данныя ему отъ Бога дары съ сирыми и несчастными, тотъ человѣкъ новый. Кто въ приключаящихся бѣдствіяхъ и несчастіяхъ предается унынію, ропоту, разстройству, тотъ ветхій человѣкъ; а кто случающіяся бѣды переносятъ съ терпѣніемъ и преданностію волю Божіей, считая ихъ за посѣщеніе Божіе для очищенія и исправленія нашего, тотъ человѣкъ новый. Вообще кто живетъ по плоти, для міра, по своимъ желаніямъ, въ свое наслажденіе, не думая о своемъ Христіанскомъ долгѣ и своей будущей судьбѣ, тотъ ветхій человѣкъ; а кто живетъ и въ мірѣ, но не для міра, не для настоящей кратковременной и суетной жизни,

старается непорочно служить Богу, благоугождать Спасителю своему и жить по закону Христіанскому, чтобы, по окончаніи времени, наслѣдовать вѣчную блаженную жизнь, тотъ человѣкъ новый.

Вотъ, братіе, изображеніе человѣковъ ветхаго и новаго. Не трудно поэтому каждому изъ насъ видѣть себя и узнавать, ветхій онъ, или новый человѣкъ. Не относите только такого изображенія къ одному Христіанскому умозрѣнію. Не думайте, что это составляетъ только предметъ разсужденія Христіанскихъ учителей. Нѣтъ. Изображеніе ветхаго и новаго человѣка есть изображеніе дѣйствительнаго состоянія нашего. А считать стороннимъ для себя познаніе того, въ какомъ состояніи находится каждый изъ насъ, и неразумно, и опасно. Вѣдь по этому состоянію будетъ опредѣлена и будущая участь Христіанъ. Христіанинъ въ образѣ ветхаго человѣка, какъ грѣшникъ, пойдетъ въ муку вѣчную, а Христіанинъ въ образѣ новаго человѣка, какъ праведникъ, пойдетъ въ животъ вѣчный. Развѣ напрасно Апостоль предостерегаетъ насъ, когда говоритъ, что *плоть и кровь Царствія Божія наслѣдiti не могутъ?* (1 Кор. 15: 50). *Аще по плоти живете, имате умерети, т. е. вѣчною смертію; аще же духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8: 13). *Ни едино, говоритъ, нынѣ осужденіе суцимъ, и Христъ Исусъ, да какимъ? не по плоти ходяцимъ, но по духу* (Рим. 8: 1). Поэтому и заповѣдуетъ онъ всѣмъ Христіанамъ *отлагати ветхаго челоука, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, обновляться же духомъ ума, и облекаться въ новаго челоука, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истинны* (Ефес. 4: 22, 23, 24). Такимъ только образомъ мы можемъ достойно и богоугодно пожить Христу Спасителю, нашему Владыцѣ и Благодѣтелю, и такъ послѣдующе повелѣніемъ Его, въ вѣчный покой достигнуть, *идѣже есть всѣхъ веселящихся жилище* (Молит. 9-го часа). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 53.

Необходимость внутренняго Христіанства при внѣшнемъ.

Господи благослови!

Господь и Спаситель нашъ говоритъ въ Евангеліи: *что мя зовете, Господи, Господи?* (Лук. 6: 46). А и прежде Богъ устами пророка Своего взывалъ къ народу Своему такъ: *что Множество жертвъ вашихъ? Поста и праздниковъ вашихъ ненавидитъ*

душа Моя. Егда простриша руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ; и аще умножите моленія, не услышу васъ (Исаія 1: 11, 14, 15). Что это, братіе? Значить, непріятны Богу наши молитвы, жертвы, праздники, посты? А мы въ этомъ-то и хотѣли бы видѣть силу и достоинство Христіанства. Поэтому и думали бы цѣнить всѣхъ Христіанъ, и различать въ нихъ истинныхъ отъ ложныхъ, усердныхъ отъ нерадивыхъ. Дѣйствительно, въ наше время, когда, по духу времени, многіе начинаютъ охладѣвать къ Церкви Божіей, радъ бываешь, если видишь часто посѣщающихъ храмъ Божій, усердно совершающихъ праздники Господни, неизмѣнно соблюдающихъ посты, ежегодно, а тѣмъ паче во всѣ посты, говѣющихъ и кающихся; если видишь усердіе и жертвы, кто наприм. ставитъ свѣчи, кто поетъ молебны, кто кладетъ въ церковь, кто подаетъ на поминаваніе родителей, кто строитъ или перестраиваетъ церкви, кто заводитъ ризницу, утварь церковную, кто льетъ колокола, — радуешься, говорю, если видишь все это. Да и какъ не радоваться? Развѣ все это не добря, не святя дѣла? Развѣ отъ этого не честь, не слава Богу нашему? Такъ. Все это прекрасно, богоугодно, душе-спасительно, но, видно, не всегда. Слышали мы, что говорилъ Господь о подобномъ усердіи и жертвахъ? Пріятны Богу, и намъ душе-спасительны всѣ знаки нашего почтенія и служенія Ему, когда они происходятъ отъ истиннаго усердія и вѣры, когда приносятся отъ чистаго, любви исполненнаго сердца, когда соединяются съ внутреннею чистотою и съ добродѣтельною Христіанскою жизнію. *Обѣты правоходящихъ пріятны Ему*, говоритъ древній богодухновенный наставникъ. А иначе? Иначе (страшно и сказать) *жертвы нечестивыхъ мерзость Господеву* (Притч. 15: 8). Вотъ и Господь говоритъ о народѣ Своемъ: *приближаются Мнѣ людие сіи усты своими, и устнами своими почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же почитаютъ Мя* (Исаія 29: 13). Дѣйствительно, суетно одно внѣшнее почтеніе Богу, какъ бы оно велико и блистательно ни было. Что наше хожденіе въ церковь, если мы ходимъ только по обыкновенію, безъ собственнаго къ тому расположенія, если стоимъ въ церкви безъ вниманія, безъ благоговѣнія, и уходимъ безъ назиданія? Что наша молитва, если она только устная, безъ разума, безъ вѣры, безъ чувства, если она, отправляясь тѣломъ, въ то же время не совершается въ духѣ и не возносится горѣ, къ Богу? Что наша молитва, если мы являемся къ Богу, отягченные грѣхами, и притомъ безъ сознанія и безъ раскаянія въ нихъ? Что наши свѣчи, если онѣ горятъ безъ насъ, если,

и при свѣтѣ ихъ, въ сердцѣ у насъ темно отъ грѣховныхъ движеній и страстей? Что наши праздники, если во время ихъ празднуетъ, насыщается и увеселяется только наша плоть, а духъ, стѣсненный суетою міра, предается томленію; если въ праздникъ о святости и божественности праздника ни у кого и помину нѣтъ? Что наши посты, если они состоятъ только въ извѣстномъ родѣ пищи, безъ всякаго ограниченія нашихъ сластолюбивыхъ желаній, или если постится одно тѣло, а въ душѣ свирѣпствуютъ страсти, лицемѣріе, гнѣвъ, ненависть, злоба, осужденіе ближнихъ? Что наше говѣніе и покаяніе, если нѣтъ сознанія и искренняго болѣзнованія о грѣхахъ, если послѣ исповѣди, мы равнодушно принимаемся за прежнія дѣла, а тѣмъ паче, если, прося у Бога прощенія грѣховъ, сами не прощаемъ другихъ? Что наши жертвы, приносимыя въ храмъ Божій, если онѣ приносятся отъ имѣнной неправедныхъ, или отъ богатства скудостію; если приносятся только для того, что этимъ услаждается наше тщеславіе, или тогда, когда ожидается за нихъ награда и благодарность? И все это часто считается у насъ дѣломъ святымъ? Въ этомъ поставляется благочестіе и Христіанство.

„Такъ что же“, скажете? „Развѣ это худыя дѣла? Развѣ не надо ходить въ церковь, молиться, праздновать, поститься, говѣть и каяться? Сохрани Богъ такъ безумно сказать, братіе. Всѣ эти дѣла святы, богоугодны, душеспасительны, но только тогда, когда они исполняются въ правильномъ видѣ, съ вѣрою, съ усердіемъ, съ чувствомъ, отъ чистаго сердца, съ цѣлію и желаніемъ угодить тѣмъ Богу и спасти свою душу. Лучше сказать, все это прекрасно, свято и душеполезно тогда, когда исходитъ изъ нашего сердца и есть плодъ вѣры и любви къ Богу Спасителю нашему. Не считайте, братіе, достаточнымъ ко спасенію одно внѣшнее богопочтеніе. Не считайте истиннымъ и совершеннымъ Христіанствомъ только исполненіе Христіанскихъ установленій и обрядовъ. Нѣтъ. Лучшая, существенная сторона Христіанства заключается во внутреннемъ состояніи человѣка. Самъ человѣкъ долженъ сдѣлаться истиннымъ Христіаниномъ, т. е. человѣкомъ чистымъ и непорочнымъ въ мысляхъ, желаніяхъ и дѣлахъ. Слушайте, чего преимущественно требуетъ отъ насъ Самъ Господь. *Что Мя зовете, говоритъ, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лук. 6: 46). Видите, Онъ требуетъ отъ насъ исполненія святой воли Его. А воля Его, по изъясненію Апостола, есть добродѣтельная и святая жизнь наша. *Сія есть воля Божія святость ваша* (1 Сол. 4: 3), говоритъ Св. Апостоль. Того же требуетъ Богъ и у Пророка. *Измыйтеся, говоритъ, и чисти*

будете, престаните отъ лукавствъ вашихъ, научитесь добро творити (Исаія 1: 16, 17). Вотъ что преимущественно требуется Христіанъ,—требуется чистота и непорочность души, удаленіе грѣховъ и жизнь добродѣтельная. И какъ иначе? Вѣдь Христіанинъ, по смерти, долженъ поступить въ жилище праведныхъ, въ общество Ангеловъ, на блаженство и радость вѣчную. Какъ же ему явиться туда въ недостойномъ видѣ? Неужели съ обычными у насъ грѣхами, гордостію, самолюбіемъ, ненавистію, злобою, лицемѣріемъ, злорадствомъ, жестокостію? Вѣдь эти страсти и здѣсь всѣмъ противны, и всегда разрушаютъ общее благополучіе и спокойствіе. Какъ же они могутъ быть на небѣ, гдѣ будетъ одна любовь, одна радость, одно блаженство? Нѣтъ. Только любовь, смиреніе, чистота и непорочность жизни, при руководствѣ вѣры и при исполненіи заповѣдей божественныхъ и церковныхъ, могутъ сдѣлать насъ истинными Христіанами здѣсь, и тамъ, на небѣ, мирными и блаженными гражданами. Посему-то Апостоль и далъ намъ такое завѣщаніе: *миръ имѣйте и святынню со всѣми, иже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12: 14). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 54.

Христіанское подвижничество.

Господи благослови!

Во время земной жизни Іисуса Христа однажды кто-то сдѣлалъ Ему вопросъ: *еще мало есть спасающихся?* Господь въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, сказалъ народу: *подвизайтесь внити сквозь тѣсная врата* (Лук. 13: 23, 24). И въ другой разъ говорилъ Онъ слушавшимъ Его проповѣдь: *внидите узкими вратами* (Матѳ. 7: 13). Вотъ, братіе, какъ спастись учить насъ Господь! Указуетъ намъ врата на небо узкія и тѣсныя, путь ко спасенію трудный, прискорбный. Онъ заповѣдуетъ намъ жизнь строгую, подвижническую. *Подвизайтесь*, говорить. При этомъ мірскіе Христіане, можетъ быть, подумаютъ, „да ко всѣмъ ли Христіанамъ относится такая заповѣдь? не прямѣе ли она имѣетъ въ виду живущихъ въ монастыряхъ, монаховъ, пустынниковъ, которые отреклись отъ міра, и дѣйствительно посвятили себя на подвиги для своего спасенія?“ Нѣтъ, братіе. Господь говорилъ вообще слушавшему Его народу, а не монахамъ; монаховъ тогда еще не было. И что за раздѣленіе? Развѣ два Цар-

ства Небесныя, одно для монаховъ, а другое для мірскихъ Христіанъ? Единъ Богъ, одно и Царство Его, одинъ и путь въ Царство Небесное. Монахи сугубо посвятили себя Богу, вдвойнѣ дали обѣтъ служить Христу, и потому опредѣлили себя на высшіе подвиги, каковы, преимущественно, совершенное послушаніе, совершенное цѣломудріе, совершенная нестяжательность; за то и степень блаженства и славы получить превосходнѣйшій. А и мірскіе Христіане развѣ не посвятили себя Богу? Развѣ не отрелись сатаны и всѣхъ дѣлъ его? Развѣ не сочетались со Христомъ, и не обѣщались служить Ему? А если такъ: не должны ли и мы быть участниками въ Христіанскихъ подвигахъ? Если принадлежимъ Христу, можемъ ли отречься того, что заповѣдалъ Христось, что говоритъ Апостоль? *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5: 24). Что говоритъ и Самъ Христось? *Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8: 34). Значить, если мы сочетались Христу, то и должны быть подобны Ему, должны идти за Нимъ, по слѣдамъ Его. А какимъ путемъ Онъ шель? Узкимъ, тѣснымъ, страдальческимъ, крестнымъ. *Пострадавъ за насъ, Онъ и намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2: 21). Вотъ поэтому и всѣ Святые шли путемъ подвиговъ и скорбей, и апостолы, и пророки, и мученики, и святители, и пустынники, и юродивые. Видали вы картину, на которой изображенъ Христось, несущій на раменахъ своихъ крестъ, а Его окружаетъ множество другихъ подобныхъ Ему крестоносцевъ? Такъ спасающіеся входятъ въ животь вѣчный, путемъ терпѣнія и подвиговъ, послѣдую Христу. И кому отверсты были въ рай широкія, пространныя врата? Кто вошелъ въ Царство Небесное безъ подвиговъ и скорбей? Никто. Не даромъ замѣтилъ Апостоль, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе* (Дѣян. 14: 22). А какъ иначе? Неужели пресытившись благами и страстями житейскими пойдемъ на небо. Нѣтъ. Спаситель говоритъ: *видите узкими врата, яко пространная врата и широкій путь вводя въ пагубу, а узкія врата и тѣсный путь вводя въ животь* (Матѣ. 7: 13, 14). Путь на небо узкій и тѣсный; поэтому мы и должны оставить широту плоти и страстей здѣсь, и идти туда утонченными, легкими, чистыми. Вѣдь тамъ жилище духовъ безплотныхъ, чистѣйшихъ Ангеловъ. Не должны ли и мы, сколько возможно, быть подобными имъ? Такъ, братіе. Заповѣдь Господня достигать спасенія, идти въ Царство Небесное тѣснымъ путемъ, есть заповѣдь общая. И мы, слѣдовательно, если будемъ въ ны-

внѣшній вѣкъ жить, какъ подобаеъ Христіанамъ, если будемъ общники Христіанскихъ подвиговъ вѣры и благочестія, наслѣдуемъ, вмѣстѣ съ преподобными подвижниками, и Царство Небесное. Конечно мы не получимъ той степени славы и блаженства, какой сподобятся отрeksiеся отъ міра подвижники, часть наша кому въ шестьдесятъ, кому въ тридесять кратъ; но все же будемъ блаженны и общники всѣхъ небесныхъ паслажденій и радостей.

Не сочтете, думаю, братіе, лишнимъ выслушать и нѣкоторое объясненіе того, что за узкій путь, что за тѣсныя врата, которыми Христіанинъ долженъ идти ко спасенію, и что за широкий путь и пространныя врата, которыхъ онъ долженъ избѣгать, какъ погибельныхъ. Узкій путь и тѣсныя врата, которыми Христіанинъ долженъ достигать своего спасенія, есть Христіанское *подвижничество*. Это борьба съ плотію, страстями и внѣшнимъ міромъ. Это, такъ сказать, сѣуживаніе, стѣсненіе себя. Извѣстно, чего требуютъ вѣра Христіанская и законъ Христіанскій. Требуютъ того, что противно естественнымъ нашимъ наклонностямъ. Христіанамъ заповѣдуется трудъ, бдѣніе, молитва, постъ, покаяніе, чистота душевная и тѣлесная, вся жизнь добродѣтельная и святая. Развѣ это легко для нашей грѣховной природы? Не нужно ли со стороны нашей непрестанное усиліе и противоборство, чтобы одержать надъ собой побѣду и остаться вѣрнымъ своему Христіанскому долгу? И вотъ тотъ изъ насъ и вступить на узкій путь, пойдетъ въ тѣсныя врата, тотъ и будетъ подвижникъ, кто станетъ вооружаться противъ своихъ наклонностей и мірскихъ соблазновъ, чтобы сохранить вѣру и исполнить законъ Христовъ. Наступило, наприм., время молитвы,—не хочется молиться: принудь себя,—вотъ и подвигъ твой. Надо идти въ церковь,—тяжело, удерживаеъ, отвлекаеъ то и другое: вооружись, оставь все, и иди—вотъ и подвигъ. Долго поютъ, тяжело, кажется, стоять: выдержи себя до конца службы,—вотъ и подвигъ. Скучеъ постъ, неприятна простая пища: потерпи,—вотъ и подвигъ. Тяжело говѣніе, мрачны дни покаянія: перенеси,—вотъ и подвигъ. Слышишь кощунство, пересуды, смѣхословіе, празднословіе: уклонись, или по крайней мѣрѣ замолчи,—вотъ и подвигъ. Вынуждаютъ тебѣ на гнѣвъ, на прекословіе, на ссору; уступи, удержи волненіе смятеннаго сердца,—вотъ и подвигъ. Имѣеешь враговъ и можешь отмстить имъ: остановись,—мало этого, еще прости ихъ, и сдѣлай, если можешь, имъ добро,—вотъ и чрезвычайный подвигъ. Открывается тебѣ случай и возможность къ неправедному и нечестному приобрѣтенію: уклонись отъ такого приобрѣтенія,—вотъ и подвигъ.

Похотливая плоть требует непозволенныхъ удовольствій, излишнихъ нарядовъ: откажи ей,—вотъ и подвигъ. Вызываетъ тебя міръ на веселости, на игру, и знаешь, что тамъ не избѣжать тебѣ соблазна и грѣха: останься въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ, и при своихъ занятіяхъ,—вотъ и подвигъ. Вотъ, братіе, какіе и сколько еще другихъ безчисленныхъ подвиговъ предлежить Христіанину почти важную минуту, на каждомъ шагу жизни! А вѣдь это такіе подвиги, которые составляютъ сущность Христіанства и отъ которыхъ, слѣдовательно, отказываться не долженъ никто изъ Христіанъ, если хочеть считать себя въ числѣ истинныхъ, а не мнимыхъ Христіанъ. Не одни пустынники и монахи, а всѣ Христіане, хотя конечно не въ равной степени, должны быть подвижниками, идти ко спасенію узвимъ путемъ, въ тѣсныя врата. Всѣмъ сказано: *Царствіе Небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѣ. 11: 12), т. е. Царство Небесное достигается усиленіемъ и трудомъ. И Спаситель говорить: *всякъ, иже не отречется всего своего импнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. 14: 33). Что это за имѣніе? Имѣніе это, можно сказать, наше грѣховное наслѣдство, наши страсти, любовь и привязанность къ міру. Такъ вотъ каковъ долженъ быть всякій Христіанинъ.

Уже, послѣ этого, можно и не говорить, что такое широкій путь и что пространныя врата. Изъ сказаннаго, по противоположности, очевидно, что это жизнь свободная, спокойная, безъ труда, безъ подвиговъ, во всемъ по желанію своихъ страстей, въ удовольствіяхъ и всегдашнихъ мірскихъ увеселеніяхъ. Сколь пагубна таковая жизнь, довольно, если нужно, указать въ этомъ случаѣ на одного Евангельскаго богача. Онъ не зналъ никакихъ подвиговъ и скорбей, не стѣснялъ себя ни въ чемъ, жилъ роскошно, свѣтло, весело; да какова участь его за гробомъ? По этому примѣру должны судить о себѣ всѣ, которые идутъ широкимъ путемъ и пространными вратами къ земнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ.

Чувствую, братіе, что слово мое тяжело для слуха вашего. Знаю, и вы хорошо знаете, что жизнь съ подвигами для нашей немощной и преклонной на грѣхъ природы прискорбна; но что же дѣлать? Такова святая воля Божія; такова наша природа, что она требуетъ очищенія и исправленія; таковъ міръ, что въ союзъ съ нимъ нельзя прожить безъ грѣха; таково Царство Небесное, что въ него могутъ войти только чистые и непорочные. За что же и получить такое неизобразимо великое и несказанно-вождедѣльное блаженство небесное, если не показать никакихъ Христіанскихъ под-

виговъ, не засвидѣтельствовать свою вѣру и не исполнить воли Божіей? Когда награждаютъ безъ заслугъ? Кто вѣнчается безъ побѣды? Между тѣмъ забудемъ ли то, что Христіанская жизнь имѣетъ свои чистѣйшія наслажденія, благочестивые подвиги поселяютъ въ душѣ миръ, святую радость, любовь и дерзновеніе къ Богу, надежду на Его милосердіе, увѣренность въ будущемъ вѣчномъ благополучіи. Какое внѣшнее мірское счастье можно сравнить съ этимъ внутреннимъ, духовнымъ миромъ и спокойствіемъ человѣка? А благодатная помощь Божія? Развѣ она замедлитъ посѣтить тѣхъ, которые будутъ *работать Господеву со страхомъ?* (Пс. 2: 11). Нѣтъ. *Богъ имъ прибъжище и сила* (Псал. 45: 2), *защититель ихъ есть во время скорби; и поможетъ имъ Господь, и избавитъ ихъ, и изметъ ихъ отъ грѣшникъ, и спасетъ ихъ, яко уповаша на Него* (Пс. 36: 39, 40). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 55.

Значеніе бѣдствій и несчастій нынѣшняго вѣка.

Господи благослови!

Взвѣду, братіе, сказать нѣчто о бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, постигающихъ насъ въ жизни сей. Предметъ, знаю, непріятный, но не сторонній для насъ. Кто не знаетъ и самъ не испыталъ на свѣтѣ тѣхъ или другихъ злополучій и бѣдъ? Недостатки, нищета, семейныя несогласія, разныя потери, многочисленныя болѣзни, господствующая и всѣхъ уязвляющая смерть—это частныя бѣдствія, а и общія—пожары, землетрясенія, наводненія, войны, язвы, голодъ — да кто исчислить то безчисленное множество бѣдъ, которыми преисполненъ нашъ суетный вѣкъ? Не много радостей и не многіе радуются здѣсь; рѣдко и рѣдкіе бывають довольны и спокойны, а болѣе и чаще льются слезы, исторгаются горькія стенанія и вопли, болѣе и чаще видимъ страдальцевъ, терпящихъ, бѣдствующихъ.

Что же, братіе, скажемъ о нашихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, которыя, какъ видите, такъ разнообразны и многочисленны, и отъ которыхъ никто не бываетъ свободенъ въ жизни своей? Какой сдѣлаемъ отзывъ о нихъ? Добро они, или зло? „Какое это добро“, разумѣется, скажете въ одинъ голосъ. „Развѣ хорошо быть несчастнымъ и бѣдствующимъ? Напротивъ, мы и желаемъ и молимся, чтобы Господь избавилъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ“. Такъ. Не естественно намъ

и не должны мы желать себѣ бѣды и несчастій; должны даже молиться, какъ и молимся, Господу о избавленіи насъ отъ нихъ. Но когда они постигаютъ, какъ и по большей части постигаютъ насъ: добро они, или зло? Добро, братіе, добро. Не удивляйтесь, а внимайте.

Бѣдствія и несчастія—добро. Какъ онѣ постигаютъ насъ? Безъ причины, безъ распоряженія, сами собой—что ли? Никакъ. Мы, Христіане, вѣруемъ не въ слѣпой случай, не въ несмысленную судьбу, а въ премудрое провидѣніе Божіе: Богъ управляетъ міромъ, Богъ располагаетъ всѣми происшествіями въ мірѣ, а еще болѣе печется и промышляетъ о человѣкѣ, какъ превосходнѣйшемъ созданіи Его. По чьему же распоряженію случаются съ нами бѣды и несчастія, какъ не по распоряженію Самого Бога, Творца и Промыслителя нашего? Богъ по Своимъ премудрымъ и для насъ непостижимымъ судьбамъ, или Самъ опредѣляетъ намъ бѣды и скорби, или попускаетъ свободнымъ людямъ наносить намъ оныя, также по Своимъ премудрымъ и благимъ цѣлямъ. Это такъ вѣрно, что если не вѣровать, или вѣровать иначе, надобно будетъ напрасно носить имя Христіанъ, и безъ убѣжденія, или противъ убѣжденія говорить о себѣ: *вѣрую во единого Бога Творца и вседержителя*. А если всѣмъ въ мірѣ распоряжается Богъ, если поэтому бѣды и несчастія, насъ постигающія, происходятъ по Его волѣ: дерзнемъ ли мы сказать, что наши бѣды и несчастія—зло, а не добро? Непонятно, какъ это такъ? Послушаемъ далѣе.

Бѣдствія и несчастія—добро. Для чего они посылаются на насъ? Посылаются или въ наказаніе наше, или для исправленія и очищенія нашего, или для нашего прославленія. Ежели бѣдствія и несчастія постигаютъ насъ, какъ наказаніе Божіе: что тогда они, какъ не добро? Вѣдь наказаніе обыкновенно дѣлается за пороки. Стало быть, и Богъ наказываетъ насъ за грѣхи, за преслушаніе Божественной воли Его, за нарушеніе святыхъ заповѣдей Его. А это развѣ не добро для насъ? Наказываетъ насъ: значить, еще не гнушается нами, не отвергаетъ насъ. Наказываетъ насъ: значить, еще печется о насъ, хочетъ спасти насъ. Наказываетъ насъ; значить, еще любитъ насъ и милуетъ насъ. Въ этомъ увѣряетъ насъ Апостоль. *Его же любитъ Господь, говоритъ, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, еликоже пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. 12: 6, 7). Видите, какое имѣютъ значеніе бѣды и несчастія, которыя постигаютъ насъ въ сей жизни. Лучше ли остаться намъ безъ наказаній, когда мы, по грѣхамъ

своимъ, заслуживаемъ ихъ? Вѣдь грѣхъ, какъ преступленіе предъ Богомъ, не можетъ остаться безъ наказанія. Ежели Богъ, по милосердію Своему, не накажетъ насъ здѣсь, то по правосудію Своему, непременно накажетъ насъ тамъ, въ будущей жизни. Лучше ли же намъ перейти съ грѣхами своими въ вѣчность и тамъ подвергнуться наказанію, по правдѣ Божіей, вѣчному? Вотъ ужъ это будетъ истинное несчастье, если, по грѣхамъ нашимъ, мы будемъ отвержены, осуждены на цѣлую вѣчность. Вѣчное наказаніе не то, что временное. Временное наказаніе будетъ имѣть конецъ, и если не ранѣе, то вмѣстѣ съ временною смертію, а вѣчное? О, страшно и вообразить! Что страшнѣе смерти? А Отцы говорятъ, что лучше претерпѣть тысячи смертей здѣсь, нежели одну вѣчную тамъ, послѣ страшнаго суда Божія. Судите же, братіе, добро, или зло тѣ бѣды и несчастія, которыя здѣсь посылаются отъ Бога на насъ, за грѣхи наши. О, это—даръ неба, свидѣтельство любви Божіей, залогъ будущаго спасенія нашего. *Вмалѣ наказани бывше, великими благодѣтельствовани будутъ* (Премуд. 3: 5), говоритъ древній богопросвѣщенный наставникъ о страдальцахъ.

Если же бѣдствія и несчастія посылаются на насъ для нашего вразумленія, исправленія и очищенія, въ такомъ случаѣ они уже составляютъ для насъ прямое и дѣйствительное добро. Скажите, какъ вы назовете дѣйствія врача, когда онъ въ сильныхъ и опасныхъ болѣзняхъ рѣжетъ, прижигаетъ, отнимаетъ члены тѣла? Добромъ, или зломъ? По чувству болѣзни, конечно, это зло, а по происходящей отъ того пользѣ—добро, потому что этимъ сохраняется у человѣка здоровье и жизнь. Такъ и Господь исправляетъ и обращаетъ насъ на путь благочестія и добродѣтели, поражая насъ бѣдствіями и несчастіями. И какъ иначе спасти насъ отъ грѣха и душевной пагубы, если мы, какъ по большей части бываетъ, забываемся среди благоденствія и счастья?—Приманчиво, ослѣпительно для насъ внѣшнее благополучіе,—и мы, обыкновенно, считаемъ счастливыми тѣхъ, кои живутъ въ довольствѣ, въ богатствѣ, въ наслажденіяхъ. Но такъ ли это? Не тутъ ли, какъ всегда почти бываетъ, и кроется истинное для человѣка зло? Когда болѣе, какъ не въ счастливомъ состояніи, человѣкъ привязывается къ міру, пускается во всѣ удовольствія, дѣлается рабомъ страстей и оставляетъ въ забвеніи и Бога и душу свою? Въ примѣрахъ недостатка нѣтъ. Возлюбленный Богомъ Израиль *яде, и насытится, и отвержеся, усты, утолстѣ, разширѣ, и остави Бога сотворшаго его* (Второз. 32: 15). А Евангельскій богачъ? Онъ былъ уже богатъ, и къ этому еще

столько народилось у него хлѣба, что не зналъ, куда дѣвать его? Что же онъ дѣлаеть? Какихъ расположеній оказывается среди такого благополучія? А вотъ что говорить: *душе имаша многа блага лежаща на тѣта многа; почивай, яждь, ни, веселся* (Лука 12: 19). Живымъ же, видимымъ нами, примѣрамъ нѣтъ и числа. Вотъ что значитъ благополучіе земное! Истинно несчастными оказываются по большей части счастливыцы міра сего. Какъ же насъ пробудить среди такого усыпленія и самозабвенія, какъ не громомъ бѣдствій и несчастій? Приключилась бѣда, постигло несчастье,—вотъ ужъ тогда не до веселостей. Нѣтъ: тогда сердце сжато для міра, тогда скорѣе потекутъ слезы. А это развѣ худо? Этого-то и ожидаетъ отъ насъ Богъ. Тутъ-то и начало нашего обращенія къ Богу и спасенія. *Егда убиваше*, замѣчаетъ о Израилтянахъ Израильскій Царь-пророкъ, *тогда взыскаху его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Пс. 77: 34). Поразить Богъ челоѣка бѣдствіями и несчастіями,—и челоѣкъ одумается, увидитъ свое заблужденіе, познаетъ суету міра и тщету его благъ, обратится къ Богу, станетъ заботиться о своемъ спасеніи и думать не о временномъ, непостоянномъ и обманчивомъ, а о вѣчномъ, непреходящемъ и неизмѣняемомъ благополучіи. Все это какъ назовемъ мы, братіе? Добромъ или зломъ? Добро,—истинное добро; а оно достигается, какъ видите, терпѣніемъ несчастій и бѣдъ.

А что сказать о тѣхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, которыя посылаются на насъ для нашего прославленія? Можно ли назвать ихъ иначе, какъ только высочайшимъ нашимъ добромъ? Примѣровъ и на это много. Знаете Иосифа, любимаго сына древняго патріарха Іакова? Какихъ бѣдъ не перенесъ онъ и у себя дома, и въ Египтѣ? Чѣмъ же кончилось все? Необыкновенною славою и величіемъ почти царскимъ. А многострадальный Іовъ? Онъ едва не всѣ, какія только бываютъ въ мірѣ, бѣды понесъ на себѣ, и притомъ вдругъ. Чѣмъ же увѣнчалось и его терпѣніе? Прославленіемъ его вѣры и благочестія и возвращеніемъ ему виѣшняго благополучія и счастья. Рѣдки эти примѣры? Такъ. Рѣдки они здѣсь, а не тамъ, въ вѣчности. Будущая слава, еще гораздо превосходнѣйшая славы настоящей, ожидаетъ всѣхъ страдальцевъ. Какъ называетъ Господь всѣхъ нищихъ духомъ, плачущихъ, поносимыхъ, изгоняемыхъ? Называетъ блаженными. Всѣмъ таковымъ обѣщаетъ награду, радость и веселіе,—и гдѣ? На небесахъ. Вотъ какими послѣдствіями сопровождаются бѣдствія и несчастія нынѣшняго вѣка, если они постигаютъ особенно благочестивыхъ и добродѣтельныхъ. Вообще бѣдствія и несчастія, постигающія насъ въ семь

мірѣ, мы должны принимать за добро. Какъ же не добро, когда они отверзають намъ небо и доставляють намъ Царство Небесное?

Бываютъ однакожь, братіе, бѣдствія и несчастія, которыхъ причиною дѣлаемся мы сами. Первое и главное изъ таковыхъ есть любимый нами грѣхъ. Вотъ ужъ это истинное несчастіе. Грѣхи наши, страсти наши, пороки наши лишаютъ насъ истиннаго благополучія и причиняють намъ бѣды и несчастія. Нецѣломудренный подвергаетъ себя болѣзнямъ, картежникъ теряетъ свое имѣніе, пьяница повергаетъ и себя и семейство свое въ нищету, воръ и злодѣй осуждаются на заслуженную казнь. Вотъ дѣйствительныя, горькихъ слезъ достойныя бѣдствія и несчастія, за которыми слѣдуютъ новыя, болѣе страшныя несчастія—осужденіе отъ Бога и казнь вѣчная за гробомъ.

Отъ такихъ-то несчастій и бѣдъ избавилъ бы насъ, братіе, Господь. Ихъ-то преимущественно мы должны разумѣть, когда молимся Отцу нашему Небесному о избавленіи насъ отъ лукаваго. А что касается тѣхъ бѣдствій и несчастій, которыя постигаютъ насъ независимо отъ насъ, о таковыхъ всегда должна быть молитва наша къ Богу таковая: *да будетъ, Господи, воля Твоя!* И если Господь посѣщаетъ насъ несчастіями, это попеченіе Его о насъ—примемъ благодушно; если же избавляетъ насъ отъ бѣдъ, это милость Его къ намъ—примемъ благодарно. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 56.

Страданіе Христіанъ.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ сказали мы, братіе, что въ жизни сей нерѣдко постигаютъ бѣдствія и несчастія не только каждаго человѣка порознь, но и цѣлыя общества людей и даже цѣлыя народы. Пусть такъ. Мудрено ли, что на грѣшниковъ посылаются различныя бѣды, злключенія и напасти. Вѣдь этому и быть должно, по правдѣ и благодти Божіей, для наказанія и для исправленія грѣшниковъ. А вотъ что удивительно! Такія же бѣды и напасти претерпѣвають люди благочестивые, добродѣтельные и святые. И христіане бѣдствуютъ и страдаютъ наравнѣ съ нехристіанами, язычниками, жидами, магометанами. Что я говорю? Часто, очень часто первые бѣдствуютъ и страдаютъ, а послѣдніе благоденствуютъ, стоятъ

на высотѣ могущества и славы. Вспомните первыя времена Христіанства. Триста не часовъ, не дней, а цѣлыхъ лѣтъ страдали Христіане отъ нехристіанъ, и не только страдали, но и умирали жесточайшею смертію, тогда какъ враги ихъ наслаждались спокойствіемъ и благоденствіемъ. Каково было положеніе и нашихъ благочестивыхъ предковъ во время владычества Татаръ надъ Россією? Двѣсти сорокъ лѣтъ лежало на насъ позорное иго безбожныхъ нашихъ поработителей, и чего не претерпѣлъ въ это время Православный народъ Русскій! А Святая Земля, весь Православный Востокъ, который постоянно процвѣталъ Христіанскимъ благочестіемъ, который и нынѣ нерушимо сохраняетъ Православную Христіанскую вѣру, въ какомъ находится состояніи? И ранѣе многократно подвергался онъ разоренію и игу безбожныхъ, а вотъ уже четыреста лѣтъ, какъ находится совершенно во власти нечестивыхъ Турокъ, отъ которыхъ и страдаетъ, какъ рабъ и невольникъ. Что это, подумаешь? Ужели у Бога *праведникъ, какъ нечестивый?* (Быт. 18: 23). *Что, скажемъ и съ Пророкомъ, яко путь нечестивыхъ спъется? Уобзришися вси творящии беззаконія?* (Иерем. 12: 1). Ужъ нейдетъ ли и въ новымъ Израильтянамъ болѣзненный вопль древнихъ Израильтянъ: *Положилъ еси насъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ; положилъ еси насъ въ притчу во языцехъ. Вскую, Господи, лице твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу?* (Пс. 43: 14, 15, 25).

Да, братіе. Бѣдствія и страданія Христіанъ дѣйствительно могутъ представиться *камнемъ претканиа и камнемъ соблазна* (Рим. 9: 33), и кичливый умъ нашъ не преминетъ предложить отъ себя вопросъ: „Какъ это такъ? Для чего добрые и благочестивые бѣдствуютъ въ мірѣ, страдаютъ подъ игомъ нечестивыхъ? Развѣ Христіане не угодны Богу? Для чего же Онъ не отличаетъ ихъ отъ невѣрныхъ и не награждаетъ ихъ, преимущественно предъ невѣрными, славою, благоденствіемъ и миромъ?“ Богопротивные вопросы! Неразумная пытливость! Двѣ противоположности развѣ сходятся? Вѣдь Христіане совсѣмъ не то, что невѣрные. У невѣрныхъ такіа, а у Христіанъ другія правила: у невѣрныхъ такой, а у Христіанъ другой образъ жизни. Невѣрные—коренные, такъ сказать, жители, господствующій народъ на землѣ, а Христіане какъ бы чужіе, *странники и пришельцы на земли* (Евр. 11: 13), *не имущіе здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскающіе* (Евр. 13: 14). Станутъ ли же чужихъ любить и жаловать? Каково было Израильтянамъ въ Египтѣ: таково же и Христіанамъ въ мірѣ семъ. Тутъ нечему удивляться, если одни другихъ не любятъ, одни другихъ ненавидятъ

и гонять, когда тѣ и другіе во всемъ между собою не согласны. Посему-то Апостоль и говорить: *все хотящии благочестно жити о Христѣ Иисусѣ, юними будутъ* (2 Тим. 3: 12). И Спаситель сказалъ ученикамъ Своимъ въ послѣдней Своей бесѣдѣ съ ними: *въ мирѣ скорбни будете* (Іоан. 16: 33). А почему? Вотъ и причина: *еще отъ міра быте были, миръ убо свое любилъ бы; яко-же отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавиждѣ васъ миръ* (Іоан. 15: 19). *Поминайте слово*, продолжалъ Господь, *еже рхъ вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего. Аще Мене изнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15: 20). Слышите, что говорить Господь? Онъ Самъ былъ въ гоненіи, въ страданіи, ваъ же Христіанамъ, послѣдователямъ Его, наравнѣ съ міромъ благоденствовать? Прилично ли имъ это? Неприлично, несообразно. Господь терпѣлъ: и они должны терпѣть. Чаша Его общая съ ними. Терпѣть и страдать вмѣстѣ со Христомъ—это существенный законъ Христіанскаго благочестія, вѣрный признакъ Христіанъ, и особенно Христіанъ Православныхъ и правовѣрующихъ.

Да и что такое земное благополучіе и счастье? Кто истинно счастливые, богатые или бѣдные, веселящіеся или плачущіе, благоденствующіе или страждущіе? Послѣдніе, послѣдніе. Посмотрите на счастливецъ, да не здѣсь, а тамъ. Здѣшнее счастье, по краткости и шатвости его, и счастьемъ назвать нельзя. Посмотрите туда—въ вѣчность! Кто тамъ блаженствуетъ? Богатый или Лазарь, Иродъ или Предтеча, цари-мучители, или мученики? *Чадо, сказалъ Авраамъ богатому, помяни яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твою, и Лазарь такожде злая; нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страдаеши* (Лук. 16: 25). То же конечно связано будетъ и всѣмъ счастливымъ міра сего. Судите же теперь о счастья счастливецъ и о несчастья несчастливцевъ. Благоденствіе и здѣсь и тамъ, на землѣ и на небѣ невозможно. Вѣкъ сей не то, что вѣкъ будущій. Слава и благоденствіе міра сего и слава и благоденствіе Божіе—два состоянія, одно съ другимъ несомвѣстныя. Ежели здѣсь, то ужъ не тамъ; ежели тамъ, то не здѣсь. Чтожъ? Если бы Господь предоставилъ намъ на выборъ и сказалъ: избирайте одно изъ двухъ, или благоденствовать здѣсь, или блаженствовать тамъ—за гробомъ, или наслаждаться счастьемъ, которое можно потерять, можетъ быть черезъ нѣсколько дней, можетъ быть черезъ нѣсколько часовъ, или наследовать славу и Царство, которымъ не будетъ конца: что бы мы сдѣлали? Явно, что избрали бы послѣднее, отреклись отъ перваго; съ радостію согласились бы бѣдствовать и страдать въ сей

жизни, чтобы только достигнуть радости и блаженства въ вѣгъ будущемъ. Тагъ точно и поступаютъ истинные Христіане. Отъ этого они и бѣдствуютъ здѣсь болѣе и преимущественнѣе предъ невѣрными. Вѣдь Господь никого не принуждаетъ къ послѣдованію за Нимъ, а слѣдовательно и къ терпѣнію за Него, а только благоволенно призываетъ каждаго: *Иже хочетъ по Мнѣ ити*, говорить, *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ ирдетъ* (Марк. 8: 34). Изволяющіе и хотящіе себѣ спасенія и послѣдуютъ Ему. Кто заставлялъ мучениковъ страдать? Напротивъ, ихъ всѣми мѣрами отвлекали отъ страданій, и угрозами, и обѣщаніемъ мірскаго благополучія и счастья. А мученики все презрѣли, и страданія претерпѣвали съ радостію, въ надеждѣ будущаго блаженства вѣчнаго. „Что намъ смерть“, тагъ говорили они, „вѣдь мы не безсмертны; рано или поздно, тагъ или иначе, все-таки умремъ, и умремъ безъ заслуги и безъ надежды на жизнь вѣчную. Нѣтъ. Лучше умремъ для Бога, чтобы получить отъ него обѣщанную награду. Пусть смерть наша будетъ цѣною блаженства вѣчнаго“ (мысли изъ стих. мученик.).

Тагъ, братіе. У истинныхъ Христіанъ одно въ виду—будущее блаженство и Царство; а слава міра сего, богатство, благоденствіе земное—это въ глазахъ ихъ уметы, соръ, пустой звукъ, ложный блескъ, обманъ чувствъ, прелесть вражія. *Всяка слава чловѣчи*, говорить Апостоль, *яко цвѣтъ травный: изше трава'и цвѣтъ ея отпаде* (1 Петр. 1: 24). *Недостойны*, говорить другой Апостоль, *страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8: 18). Пусть же мірское благоденствіе и счастье будетъ удѣломъ преимущественно невѣрныхъ и вообще сыновъ вѣка сего. Вѣдь и они въ своемъ родѣ не чужды терпѣнія и трудовъ, и какъ они служатъ міру, живутъ для настоящаго вѣка, то и награду должны получить отъ міра, въ сей временной жизни. А Христіанъ бѣдствующихъ въ мірѣ семь, вѣрныхъ и благочестивыхъ людей *часть есть Господь* (Ис. 72: 26) и Спаситель нашъ Иисусъ Христось. *Съ Нимъ страждутъ они, съ Нимъ и прославятся* (Рим. 8: 17). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 57.

Избавленіе праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ.

Господи благослови!

Вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти (2 Петр. 2: 9).

Говоря на прошедшей недѣлѣ о бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, постигающихъ насъ въ сей жизни, и преимущественно о терпѣннн и страданіи Христіанъ, мы видѣли, братіе, что бѣдствія и несчастія посылаются на насъ для нашей духовной пользы, и Христіане терпѣніемъ и страданіями приобрѣтають себѣ Царство Небесное и блаженство вѣчное. Чего же лучше? Ужъ и поэтому только бѣдствія и страданія не должны приводить насъ въ смятеніе, горестъ и отчаяніе. Но вотъ Св. Апостоль еще и утѣшаетъ насъ, показуя намъ въ Богѣ Помощника въ скорбяхъ, Покровителя въ бѣдахъ и Избавителя отъ враговъ. *Вѣсть*, говоритъ, *Господь благочестивыя отъ напасти избавляти*. Въ самомъ дѣлѣ, оставитъ ли Господь благочестивыхъ и добродѣтельныхъ безъ Своей помощи? Попуститъ ли Онъ торжествовать надъ ними врагамъ? Нѣтъ, Онъ всемогущъ, премудръ и благъ. Онъ всегда можетъ и знаетъ какъ подать помощь страждущему, и, въ случаѣ несправеднаго, вопіющаго страданія избранныхъ Своихъ, явитъ надъ ними великую силу и славу Свою. Послушаемъ, братіе, что на сей разъ повѣствуетъ намъ Божественное Писаніе, какую *силу творила десница Господня* (Пс. 117: 16), какъ *дивный въ правдѣ* (Пс. 64: 6) Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ, и какія *творилъ чудеса*.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ часто путемъ, повидимому, обикновеннымъ. Былъ, какъ извѣстно, всемірный потопъ. Господь опредѣлилъ погубить за грѣхи весь человѣческой родъ, а праведнаго Ноя съ семействомъ Ему угодно было спасти. Какъ же онъ спасенъ? Господь повелѣлъ ему заблаговременно построить большое судно, именуемое *ковчегомъ*, въ которомъ и спасся праведникъ отъ потопленія. Моисей, еще трехмѣсячный младенецъ, во избѣжаніе насильственной смерти, опущенъ былъ въ корзинкѣ на воду. И здѣсь конечно ожидала его смерть. Но вотъ пришла на тотъ самый разъ и на то самое мѣсто Царевна, увидѣла, сжалилась надъ младенцемъ и спасла ему жизнь.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ иногда тайнымъ вразумленіемъ къ открытію невинности бѣдствующихъ.

Сусанна, цѣломудренная и добродѣтельная Иудеянка, оклеветана была старцами Израильскими въ нарушеніи супружеской вѣрности. Клеветники, старцы-судіи осудили ее на смерть и уже публично вели на казнь. Что же дѣлаетъ Покровитель невинности Господь? Воодушевляеть Данила, который является, раскрываетъ клевету и обличаетъ виновныхъ. Сусанна спасена, и вмѣсто ея осуждены на смерть несправедные обвинители. При Персидскомъ дворѣ находились славный Персидскій вельможа Аманъ и плѣнный благочестивый Иудеянинъ, Мардохей. Мардохей, какъ поклонникъ истиннаго Бога, не хотѣлъ отдавать несоотвѣтственной чести Амону. Аманъ оклеветалъ Мардохея предъ царемъ и, въ надеждѣ осужденія Мардохея на смерть, приготовилъ для него и висѣлицу. Что же дѣлаетъ Богъ? Отнимаетъ у царя сонъ. Царь, томимый безсонницей, велитъ читать ему дневникъ, т. е. запись замѣчательныхъ событій, и слышитъ, какъ однажды Мардохей спасъ его отъ злоумышленной противъ него смерти. Рѣшившись возвеличить Мардохея особенною честію за такую заслугу его царю, царь необыкновенно почтилъ Мардохея, заставивъ послужить ему Амана. Въ слѣдующій день, узнавъ о злодѣйскомъ противъ Мардохея замыслѣ Амана, повелѣлъ повѣсить его на той самой висѣлицѣ, которую Аманъ приготовилъ для Мардохея.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ также видѣніемъ и указаніемъ способовъ ко спасенію во снѣ. Извѣстно, какимъ образомъ спасенъ былъ отъ убійственной руки Ирода Самъ Господь Спаситель нашъ, еще бывши младенцемъ. Ангелъ Господень явился Иосифу во снѣ и повелѣлъ ему бѣжать съ Младенцемъ и Матерію Его въ Египетъ, открывъ при томъ и злоумышленіе царя Иудейскаго.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ нерѣдко невидимымъ явленіемъ божественной славы Своей. Пророкъ Даниль, по настоянію враговъ, былъ осужденъ на смерть. Бросили его на растерзаніе голоднымъ львамъ: но львы, удержанные силою Божіею, не коснулись его. Обрадованный царь повелѣлъ бросить на мѣсто его обвинителей его, которые и были тотчасъ пожраны звѣрями. Апостолы Павелъ и Сила заключены были въ темницу. Въ полночь они славословили Бога,— и вдругъ темница поколебалась, двери темничныя отворились, и цѣпи съ узниковъ спали. Слѣдствіемъ такого чуда было то, что стражъ темничный со всѣмъ домою увѣровалъ во Христа, Котораго проповѣдали ему узники.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ часто,

посылая видимо Ангеловъ—Избавителей. Городъ Содомъ, въ которомъ жилъ праведный Лотъ, осужденъ былъ правдою Божіею на сожженіе. Чтожъ? Погибъ и праведникъ съ беззаконными? Нивакъ. Явились два Ангела, которые вывели его съ семействомъ изъ города, и спасли. Въ странахъ Египетскихъ находились нѣкогда плѣнные Іудеи. Случилось, что царь, по навѣту враговъ, повелѣлъ всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми истребить слонами. Уже звѣри, въ сопровожденіи вооруженныхъ воиновъ, ведены были на позорище; Іудеи, видя приближающуюся къ нимъ пагубу, слезно умоляли Бога отцевъ своихъ о помилованіи и въ горькомъ рыданіи прощались другъ съ другомъ, какъ вдругъ отверзлись небеса и явились два грозные Ангела, преграждая путь врагамъ. вмѣстѣ съ нимъ послѣдовало смятеніе и ужасъ между врагами, и звѣри, вмѣсто Іудеевъ, обратились на самихъ враговъ и истребили ихъ.—Апостола Петра дважды, сперва съ другими Апостолами, а потомъ одного, изводили изъ темницы Ангелы. Во второй разъ крѣпко стерегли его воины. Была ночь, и Петръ спалъ, связанный цѣпами по рукамъ. Вдругъ явился въ темницѣ свѣтлый Ангелъ, возбудилъ Петра, велѣлъ ему одѣться и идти за собою. Петръ, предшествуемый Ангеломъ, вышелъ изъ темницы и города, и тогда только пришелъ въ себя и уразумѣлъ свое дивное спасеніе, когда Ангелъ сдѣлался невидимъ.

Господь спасалъ праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣды и открытымъ дѣйствіемъ Своей чудодѣйственной силы. Израильтяне долго страдали въ Египтѣ. Господь благоизволилъ избавить ихъ и вывести ихъ изъ Египта. Моисей и Ааронъ являясь къ фараону и именемъ Божиимъ требуютъ у него отпуска Израильтянъ. Фараонъ отказывается. Что же Господь? Поражаетъ Египетъ десятию страшными казнями, такъ что Египтяне сами стали побуждать Израильтянъ уйти отъ нихъ. Дошли опять Израильтяне до Чермнаго моря. За ними вдругъ очутилось Египетское войско. Что было дѣлать имъ? Или возвратиться въ прежнюю неволю, или быть побитыми отъ Египтянъ, или потонуть въ морѣ. Нѣтъ. Богъ спасаетъ народъ Свой. Лишь жезлъ Моисеевъ коснулся моря, море разступилось, и Израильтяне прошли по суху, а Египтяне, гнавшіеся за ними, покрыты были волнами моря. А какое дивное избавленіе послалъ Господь извѣстнымъ тремъ отрокамъ Еврейскимъ въ Вавилонѣ, когда они, по выраженію Церкви, *оплевали безумное повелѣніе* царя поклоняться золотому истукану, какъ Богу! Разгнѣванный царь повелѣлъ седмерицею разжечь печь,—и лишь только ввержены были въ

нее благочестивые отроки, мгновенно явилась великая и крѣпкая рука Божія. Самъ Сынъ Божій, въ видѣ Ангела, сошелъ въ пещь и устудилъ пламень. Движеніемъ огня пожжены были сами мучители, а отроки среди огня, какъ *во цвѣтницѣ*, какъ въ благоухающемъ саду, *ликовали* и славили Бога, Творца и Избавителя.

Много, много, братіе, спасительныхъ дѣлъ Божіихъ и еще по-вѣствуетъ намъ Божественное Писаніе. А что сказать о временахъ Христіанства? Исторія этихъ временъ по преимуществу есть исторія знаменій и чудесъ спасающей насъ силы Божіей. Одинъ Начальникъ спасенія нашего Господь Иисусъ Христосъ, во время земнаго служенія Своего, столько совершилъ благодѣтельныхъ бѣдному человѣчеству чудесъ, что если бы, по выраженію Евангелиста, описывать ихъ порознь, то не вмѣститъ бы такихъ книгъ и цѣлому міру. А Всемилостивая Госпожа наша, Владычица міра, Пресвятая Матерь Господа нашего? Не мало было и собственныхъ явленій Ея Святымъ и избраннымъ Божіимъ. Кто же исчислитъ тѣ милости Ея и щедроты, которыя изливала Она на бѣдственныхъ отъ безчисленныхъ въ Христіанскомъ мірѣ святыхъ иконъ Ея? А Угодники Божій? Объ одномъ святителѣ и чудотворцѣ Николаѣ Святая Церковь свидѣтельствуешь, что онъ *источилъ міру неизчерпаемое чудесъ море* (акаѳ. Святит.). Говорить ли о мученикахъ, которые терпѣніемъ и чудесами приводили въ трепеть самихъ мучителей? Указывать ли на преподобныхъ пустынниковъ, предъ которыми львы являлись, какъ агнцы, кроткими? Да можно ли исчислить безчисленныя явленія спасительной силы Божіей, изливающейся на бѣдствующій человѣческій, и особенно Христіанскій, родъ? Нынѣ уже не только праведники, но и грѣшники сподобляются милости и заступленія отъ Бога. Таковъ характеръ новаго завѣта. Таково свойство божественной благодати. Господь пришелъ не только праведниковъ спасти, но и грѣшниковъ призвать на покаяніе.

Не унывайте же, бѣдствующіе и страждущіе, и не предавайтесь отчаянію. Уповайте на Бога, просите у него помощи и заступленія,— и вы будете спасены. Милость Божія всегда готова къ намъ; покровъ Матери Божіей надъ нами; молитвы и ходатайство Угодниковъ Божіихъ за насъ. Чего же бояться намъ? *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* (Рим. 8: 31). *Благодумствуйте и молитесь. Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ* (Пс. 45: 12) и Избавитель. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 58.

Какъ мы должны встрѣчать грядущаго къ намъ Сына Божія.

Господи благослови!

*Что Тебѣ принесемъ, Христе,
яко явился еси на земли, яко чело-
вѣкъ, насъ ради.*

(Стих. на Рожд. Христ.).

Приближается, братіе, великій божественный Праздникъ, котораго, какъ всегда бываетъ, ожидаемъ мы съ нетерпѣніемъ, и который располагаемся встрѣтить и провести въ веселіи и радости. Это торжественное воспоминаніе пришествія съ небесъ на землю Сына Божія и явленія Его во плоти. Великій по истинѣ и Божественный праздникъ! Сынъ Божій пришелъ къ намъ, родился для насъ, какъ челоѣкъ; *не остави нѣдра Отца*, не разлучаясь съ Единосущнымъ Своимъ Отцемъ, пришелъ на землю, *посѣтилъ нашу нищету* (Ирм. 8 глас.), наше бѣдное челоѣчество, чтобы обогатить насъ Своею Божественною благодатію и славою. Какое необыкновенное посѣщеніе! Какъ же намъ, братіе, встрѣтить такого необыкновеннаго посѣтителя, такого великаго нашего Благодѣтеля? А вѣдь это сдѣлать непременно надобно: Представьте, какъ ожидаемъ мы, съ какими заботами готовимся встрѣтить и какую почесть воздать нашему земному царю, или первородному сыну цареву, наслѣднику отечественнаго престола, если они благоизволятъ посѣтить насъ? Не тѣмъ ли болѣе мы должны съ величайшею почестью встрѣтить грядущаго къ намъ Единороднаго Сына Царя небеснаго, *наслѣдника всѣмъ* (Евр. 1: 2). *Его же Царство царство всѣхъ вѣковъ, и владычество во всякомъ родѣ и родѣ?* (Пс. 144: 13). Какъ же, повторяю, встрѣтить намъ грядущаго къ намъ Сына Божія? Какія воздать Ему почести? Чѣмъ засвидѣтельствовать предъ Нимъ наше усердіе? Что принести Ему въ даръ? Сама Святая Церковь заботится съ нами и за насъ о благопріятномъ приношеніи грядущему къ намъ Сыну Божію. *Что ти принесемъ, Христе, поеть Она на праздникъ Рождества Христова, что ти принесемъ, Христе, яко явился еси на земли яко челоѣкъ насъ ради?*

Обыкновенная встрѣча земнаго царя отчасти даетъ намъ понятіе и о томъ, какъ мы должны встрѣчать Царя небеснаго. Что дѣлается у насъ, когда мы готовимся встрѣтить земнаго царя? Обык-

новенно, къ принятію царя заводимъ новыя лучшія и дорогія одежды, и въ честь его дѣлаемъ общія торжественныя увеселительныя собранія. Не такъ ли встрѣтитъ намъ и Царя небснаго? Частію такъ, а наиболѣе не такъ. Заводитъ къ празднику обновы мы имѣемъ большую охоту; также и увеселяться о праздникѣ у насъ въ большемъ обычаѣ. Что-жъ? И то, и другое идетъ къ празднику; и въ томъ, и другомъ нельзя отказаться Христіанину, какъ человѣку, и особенно въ праздникѣ. Но какъ одѣваться, какъ веселиться? Одѣваться прилично, веселиться благопристойно. Излишніе наряды, пышныя, дорогія одежды уже дѣлаются не для чести праздника; тутъ торжество одного нашего самолюбія и тщеславія. Равнымъ образомъ, и увеселенія нескромныя, шумныя, разорительныя ни мало не сообразны съ достоинствомъ праздника. Нѣтъ. Все это идетъ наиболѣе къ празднованію земному, соотвѣтственно правиламъ и обычаямъ міра. А празднованіе Христіанское требуетъ совсѣмъ другихъ почестей и жертвъ. На что Богу наши дорогія одежды? Онъ, всевѣдующій, и зритъ не на одежды наши, а на сердца. Приметь ли Онъ наши празднества, заключающіяся въ мірскихъ ликованіяхъ и увеселеніяхъ? Онъ Богъ любви и благодати, Господь славы. Ему нужно отъ насъ искреннее усердіе и благодарное прославленіе. Значить, не такъ мы должны встрѣтить Царя небснаго, какъ встрѣчаемъ земнаго. Да, братіе. Не такъ, а только подобно тому. Хорошо намъ встрѣтить и небснаго Царя въ хорошей одеждѣ, въ обновѣ, приличной святости Его. Какая эта одежда, какая обнова, и гдѣ намъ взять ее? Такую одежду, такую обнову завела уже всѣмъ намъ Св. Церковь.—Это—постъ передъ праздникомъ Рождества Христова. Вотъ прекрасная обнова къ празднику; вотъ дорогая одежда, въ которой достойно можемъ мы встрѣтить грядущаго къ намъ Сына Божія. Кто не постился, тотъ остался безъ обновы къ празднику, въ старой, и можетъ быть, въ ветхой одеждѣ. А какъ одежда на насъ всегда бываетъ не одна, то и здѣсь можно и еще украсить себя другими обновами. Наприм. доселѣ мы были съ кѣмъ либо во враждѣ; предъ праздникомъ и для праздника прекратить эту вражду, и примириться—какая прекрасная обнова! Или кѣмъ либо овладѣла, и особенно въ праздники, пьянственная, либо другая какая страсть; вооружиться противъ нея и обречь себя на воздержаніе и трезвость не только въ праздникѣ, но и на будущее время—вотъ прекрасная обнова! Такія обнови куда какъ пріятны будутъ для святѣйшаго взора грядущаго къ намъ Сына Божія! А касательно торжественныхъ увеселительныхъ собраній, какія приличны святости праздника, уже

и говорить не нужно. Святая Церковь, какъ извѣстно всѣмъ, открываетъ въ этотъ божественный праздникъ свѣтлое торжество, и созываетъ на оное всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ. Какое великолѣпіе, какая слава, какое духовное веселіе въ этихъ священныхъ собраніяхъ! Тутъ только и слышится величаніе, прославленіе, благодареніе пришедшему къ намъ спасти насъ Сыну Божию. Не быть въ этихъ собраніяхъ, или быть не во всѣхъ, или и быть, но не принять сердечнаго участія въ молитвѣ, въ пѣсноуѣннн, вообще въ торжествѣ Церкви, значить худо встрѣчать, или совсѣмъ не встрѣчать такого великаго Посѣтителя, нашего Благодѣтеля и Спасителя.

Вотъ, братіе, какъ должны мы встрѣчать пришествіе къ намъ Сына Божія, Рождество Господа нашего Іисуса Христа. Позвольте указать вамъ еще на одно приношеніе, на одну почесть, съ которыми мы можемъ встрѣтить грядущаго къ намъ Спасителя, Сына Божія. Приношеніе это ему самое пріятнѣйшее; почесть это для Него самая драгоцѣннѣйшая. Мы—Русскіе. А у Русскихъ, знаете, какой древнѣйшій обычай при встрѣчѣ царя. Подносятъ царю хлѣбъ-соль. Не поднести ли намъ, по благочестивому Русскому обычаю, и небесному Царю такъ же хлѣбъ-соль? О, какъ это было бы прекрасно! Вотъ тогда бы мы были истинно Русскіе Православные Христіане. „Да какъ это?“ спросите. „Кто приметъ отъ насъ нашу хлѣбъ-соль?“ Бѣдные и нищіе братія наши. Вотъ въ чьи руки отдадимъ нашу благотворительную жертву. Вѣрьте, —эта жертва руками нищихъ пойдетъ прямо въ руки Сына Божія, Спасителя нашего. *Понеже, скажетъ Онъ намъ, сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25: 40). Прекрасно понимали это добрые наши предки, и предъ такими великими праздниками священнымъ долгомъ считали для себя раздавать повсюду милостыню щедрою рукою. Нынѣ, къ прискорбію, этотъ святой обычай уже далеко не таковъ, какъ былъ прежде. Свобода страстей, широта прихотей стѣсняють болѣе и болѣе чувство любви и доброжелательства къ бѣднымъ, и жертвы болѣе и охотнѣе приносятся себѣ, чѣмъ другимъ требующимъ. Какіе мы Христіане, если не сочувствуемъ своимъ ближнимъ, если сами обильно наслаждаемся дарами Божиими, а о другихъ не хотимъ и подумать? Какъ въ праздникъ самому богато и пышно одѣться и сѣсть за пріятный и роскошный столъ, и не вспомнить, такъ ли, или хотя сколько нибудь подобно ли одѣты и напнтаны другіе, и нѣтъ ли такихъ, у которыхъ, можетъ быть, нѣтъ ни одѣянія, ни хлѣба? Какъ предаться излишнимъ веселостямъ въ праздникъ, и не подумать, что, можетъ быть, есть люди которымъ отъ

недостатка и бѣдности, или отъ постигшаго несчастія достанется только прослезиться въ праздникъ? Ахъ, какъ бы необходимо обратиться на это общее вниманіе! Какъ бы прекрасно было, если не постоянно, то хотя предъ такими великими праздниками дѣлать общій сборъ пожертвованій и раздачу бѣднымъ! Въ нынѣшнія времена на все, что служить къ нашему удовольствію, найдутся и распорядители, и усердствующіе, а на святое дѣло Христіанское—увы!—нѣтъ, мало расположенія у Христіанъ!

Подражаемъ, братіе, благочестивымъ предкамъ нашимъ въ Христіанскомъ празднованіи великихъ божественныхъ праздниковъ. Будемъ, по мѣрѣ возможности и достатка, удѣлять отъ достоянія нашего на праздники бѣднымъ братіямъ нашимъ. Это будетъ лучшая изъ жертвъ, которыми мы почтимъ пришествіе къ намъ Сына Божія. Вѣдь Онъ и Самъ *обнищалъ насъ ради*, родился въ вертепѣ, и возлегалъ въ ясли. Какъ прилична, и какъ любезна Ему будетъ наша добротная жертва! Какъ же всеблагій и вседовольный, Онъ расплатится съ нами щедро, *обогатитъ насъ отъ* спасительной *Своей нищеты* (2 Кор. 8: 9), и здѣсь Своею общественною благодатію, и тамъ—за громомъ Своею божественною славою. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 59.

Богъ сошелъ на землю, чтобы человѣка возвести на небо.

Господи благослови!

*Сею ради Богъ на землю сниде,
да насъ на небеса созведетъ
(Конд. 8. Акаѳ. Ис.).*

Благодареніе, братіе, благоутробной матери нашей, Святой Церкви! Сколь Она заботлива о насъ! Какъ старается научить насъ, все разъяснить намъ! Если бы она не сказала намъ, для чего Сынъ Божій пришелъ къ намъ на землю, мы вѣдь не знали бы этого; мы бы подумали даже, что Онъ пришелъ судить насъ, наказывать насъ. Вѣдь мы грѣшники, преступники предъ Нимъ; а преступникамъ чего ожидать другаго, какъ не осужденія и наказанія. Если виновенъ сынъ наприм. предъ отцомъ, и узнаетъ, что отецъ требуетъ его, а тѣмъ паче самъ идетъ къ нему, что онъ дол-

женъ подумать, какъ не то, что ему предлежитъ повести наказаніе за вину? Такъ и мы, грѣшники, всего естественнѣе могли придти къ той мысли, что Сынъ Божій, должно быть, пришелъ наказать насъ за грѣхи наши. Но вотъ Святая Церковь, мать наша, ободряетъ и утѣшаетъ насъ. Она показываетъ намъ совсѣмъ другую, благодарствѣннѣйшую цѣль пришествія къ намъ Сына Божія; говоритъ намъ, что Сынъ Божій пришелъ на землю для того, чтобы взять насъ къ Себѣ на небо. *Сею ради*, говоритъ, *Богъ на землю сниде, да насъ на небеса возведетъ*. Милосердый Боже нашъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ это такъ? Да чѣмъ мы заслужили у Тебя такую Твою къ намъ милость? Напротивъ, не гнѣва ли Твоего, не отверженія ли Твоего, не наказанія ли Твоего достойны мы? „Нѣтъ,“ говоритъ намъ Сынъ Божій, „Я Богъ милости и щедротъ. Я пришелъ не для того, чтобы судить міръ, но чтобы спасти его“ (Іоан. 12: 47). О, глубина премудрости! О, бездна любви и милосердія Сына Божія къ намъ, братіе! Въ самомъ дѣлѣ, если бы Сынъ Божій пришелъ судить и наказывать міръ, то Онъ явился бы на землю совсѣмъ въ другомъ видѣ; Онъ явился бы въ величіи и славѣ божества, окруженный воинствомъ небеснымъ. А то посмотрите, въ какомъ образѣ пришелъ Онъ на землю,—въ образѣ человѣка, и человѣка слабаго и бѣднаго, родился младенцемъ, помѣстился въ вертепѣ, возлегъ въ ясли. Это ли—Судія міра? Это ли—наказатель грѣшниковъ? Нѣтъ. Это—наставникъ заблудшихъ, розыскатель погибшихъ! Это—Спаситель міра! И вѣстники съ неба—Ангелы увѣряютъ насъ въ этомъ; говорятъ намъ: *родися вамъ днесъ Спасъ, Иже есть Христосъ Господъ* (Лук. 2: 11), и сами, сочувствуя спасенію нашему, прославляютъ Бога, спасающаго міръ, сими словами: *слава въ вышнихъ Богу и на земли міръ, во человечьихъ благоволеніе* (Лук. 2: 14).

Такъ, Сынъ Божій пришелъ на землю не судить насъ, а спасти насъ, не погубить насъ, а разыскать насъ, и возвести насъ на небо. Да что еще? Самъ (о, великое милосердіе Божіе!), Самъ пришелъ къ намъ, а не послалъ кого либо за нами, не потребовалъ насъ. Довольно было Ему повелѣть намъ (всемогущему слову Его все повинуется), много-много ужъ послать за нами слугъ небесныхъ, Ангеловъ; нѣтъ! Онъ Самъ пришелъ къ намъ, „Самъ хочетъ вести насъ, какъ бы взявъ на руки, на небо. Кто не подивится такому божественному снисхожденію къ намъ грѣшнымъ! Кто не порадуется такому нечаянному благополучію нашему! Однакожь не должно думать, что вотъ, стало быть, уже спасутся всѣ, всѣ будутъ на небѣ. Нѣтъ. Взойдутъ на небо, но только изволяющіе идти, и идущіе

со Христомъ. Насилу, такъ сказать, Господь никого не ведетъ и не поведетъ. Замѣтите выраженіе Церкви: *на небеса возведетъ*. Значить, Господь поведетъ насъ, и мы должны идти съ Нимъ и за Нимъ. Не то же ли Онъ говоритъ и Самъ въ Евангеліи? Говоритъ всѣмъ: *приидите ко Мнѣ* (Матѣ. 11: 28), и каждому порознь: *ряди по Мнѣ* (Матѣ. 8: 22), *ряди вслѣдъ Мене* (Матѣ. 19: 21). Кто слѣдовательно пойдетъ со Христомъ, тотъ и будетъ на небѣ. А пойдетъ тотъ, кто будетъ послѣдовать Христу вѣрою въ Него, усердіемъ и любовію къ Нему, исполненіемъ воли Его; кто будетъ отрѣшаться отъ земли и отъ міра, возвышаться чистотою мыслей, намѣреній и дѣлъ, очищаться и освящаться въ Церкви благодатными Божественными таинствами и всегда имѣть въ виду будущее небесное свое отечество.

Такова благодать настоящаго божественнаго праздника! До такой милости Божіей дожилъ человѣческій родъ! Падшимъ, грѣшнымъ отверзлись небеса, открылся путь съ земли на небо; Самъ Господь пришелъ къ намъ возвести насъ на небеса. И, о! уже какое множество земныхъ жителей тамъ! Какіе безчисленные сонмы Святыхъ на небѣ! Уже они душами своими блаженствуютъ, веселятся съ Ангелами, царствуютъ со Христомъ. А мы, братіе,—мы празднующіе пришествіе къ намъ Сына Божія для спасенія нашего, идемъ ли, по крайней мѣрѣ, намѣрены ли идти со Христомъ на небо? Боюсь, не покажется ли вамъ лишнимъ, требовательнымъ, даже мечтательнымъ такой вопросъ. Къ удивленію, случалось иногда слышать такіа смиренно-безумныя слова: „Мы, вѣдь, не святые,“ или „намъ, вѣдь, не святыми быть“. Вотъ прекрасно! Кто это говоритъ? Христіане. Для чего же они считаютъ себя Христіанами? Для чего они крещены? Для чего принимаютъ и прочія таинства? Для чего ходятъ въ церковь и молятся? Не для освященія ли своего? Для чего заповѣдуются всѣмъ благочестивая и добродѣтельная жизнь на землѣ? Не для того ли, чтобы быть достойными небесной жизни? Хорошо, — смиренно думать о себѣ и считать себя грѣшными, но только тогда, когда мы чувствуемъ свою грѣховность, смиряемся предъ Богомъ, просимъ у Него милости и избавленія, и сами стараемся отстать отъ жизни грѣховной. А если мы называемъ себя грѣшниками, и затѣмъ спокойно продолжаемъ свою грѣховную жизнь, что въ этомъ холодномъ, ложномъ исповѣданіи нашей грѣховности? Сынъ Божій пришелъ возвести на небо, положимъ, грѣшниковъ; да какихъ? Обращающихся, кающихся и исправляющихся. Поведетъ ли Онъ на небо тѣхъ, которые не хотятъ идти за Нимъ, которые

только и думаютъ, какъ бы остаться на землѣ, среди пріятной для нихъ суеты міра? Да и могутъ ли быть грѣшники на небѣ, вмѣстѣ съ праведниками? *Кое причастіе правды къ беззаконію? Иль кое-общеніе свѣту ко тмѣ?* (2 Кор. 6: 14). Если же они не пойдутъ на небо, не захотятъ разстаться съ своими грѣхами, что тогда? Куда они пойдутъ? Сохрани Богъ! „Мы не святые“. Отчего же не такъ? Развѣ святость намъ не необходима, или для насъ невозможна? Невозможна святость для насъ въ такой мѣрѣ, въ какой просіяли Святые угодники Божій. Они достигли высокой степени святости крайнимъ самоотверженіемъ, непрестанными молитвами, совершенною чистотою души и тѣла. За то и сподобились обильной благодати отъ Бога, Которому посвятили всю жизнь свою. Однакожь и всѣ Христіане развѣ не должны въ извѣстной мѣрѣ быть *святыми и непорочными*? (Ефес. 1: 4). На что же Апостоль говоритъ Христіанамъ: *святѣ во всемъ житіи будите*? (1 Петр. 1: 15). И другой Апостоль: *сія есть воля Божія, святость ваша*? (1 Сол. 4: 3). Нѣтъ. Безъ освященія, съ однимъ именемъ Христіанскимъ, никому нельзя взойти на небо. А освященіе и преподается намъ отъ Бога, если мы будемъ слѣдовать за Христомъ, если будемъ просить у Него милости и благодати, а вмѣстѣ и сами стараться заслуживать благодать и утверждаться въ ней доброю, благочестивою, Христіанскою жизнію.

Спасителю міра, Сыне Божій, Господи Іисусе Христе! Благодаримъ Твою безмѣрную благодать, по которой благоизволил Ты низойти къ намъ грѣшнымъ на землю и содѣлаться по естеству подобнымъ намъ человѣкомъ, чтобы быть путеводителемъ и руководителемъ на небо для всѣхъ, съ вѣрою прибѣгающихъ къ Тебѣ. Не оставь и насъ недостойныхъ, прости и намъ божественную руку Твою и веди насъ во Твои небесныя обители, отклоняя насъ отъ тмы грѣховной, и обращая къ свѣту заповѣдей Твоихъ всеисильною Твоею благодатію, предстательствомъ неизреченно Рождшія Тя и всѣхъ Святыхъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 60.

Недостойное празднованіе праздника Рождества Христова.

Господи благослови!

Настоящіе дни у насъ, братіе, имѣютъ особенное достоинство. По обычаю благочестивыхъ нашихъ предковъ, они и называ-

ются *святыми днями*, въ просторѣчїи *святками*, и самые вечера — *святыми вечерами*. Какъ это справедливо, какъ это разумно! Какъ же не святые у насъ дни, какъ не святые вечера, когда въ эти дни Самъ Богъ пришелъ къ намъ на землю, когда среди ночи возсіяло у насъ Солнце правды и множество Ангеловъ восхвѣли на земли славу въ вышнихъ Богу? Какъ не святые дни, какъ не святые вечера, когда Святая Церковь творить воспоминаніе такого необычайнаго къ намъ милосердія Божія и, воздавъ хвалу Богу, освѣтившему землю рождествомъ Своимъ, предначинаетъ словословить Его, освящающаго и воды крещеніемъ Своимъ? Если же настоящіе дни и вечера преимущественно святы, то и проводить ихъ, значить, должно свято. Да, братіе, непремѣнно такъ. Христіане и все время должны проводить въ благочестїи и чистотѣ; а особенно праздники Божїи, особенно такіе великіе и спасительные дни, какъ настоящіе, они должны святить богомысліемъ, богочтеніемъ, благохваленіемъ. Благочестивые предки наши, не смотря на общія всѣмъ смертнымъ немощи, въ эти дни близко подходили къ такому образу Христіанскаго празднованія. Они не только дни, но и вечера святили прославленіемъ во плоти явившагося къ намъ Сына Божія, воспѣвая различныя хвалы Ему и видимо изображая то вертепъ, въ которомъ Онъ вселился, то звѣзду, которая возвѣстила міру спасительное явленіе Его. Какъ бы ни было, а это показываетъ, что предковъ нашихъ и днемъ и вечеромъ занималъ пришедшій къ намъ Христосъ, Спаситель міра, и Его божественное явленіе было у нихъ единственнымъ предметомъ веселія и празднованія.

Что сказать объ этомъ празднованіи въ наше время? Такъ ли проводятся настоящіе святые дни и святые вечера у насъ, какъ требуетъ достоинство ихъ, какое присвоается названіе имъ? Ежели и предки наши не всегда и не всѣ высоко стояли на степени соотвѣтствія святости празднуемыхъ дней, то мы далеко, далеко стали ниже ихъ. Наше празднованіе уже едва отзывается празднованіемъ Христіанскимъ. По жизни нашей, по дѣламъ нашимъ, не всегда мы похожи на Христіанъ, а въ праздники насъ и узнать нельзя. Не оскорбляйтесь, братіе. Говорю горькую истину, отнюдь не увеличивая немощей нашихъ. Посмотримъ на наше празднованіе, въ чемъ проводятся настоящіе дни и вечера, какія у насъ дѣла; — святыя ли, Христіанскія ли? Что мы видимъ въ простомъ народѣ? Когда дѣлается чрезмѣрное удовлетвореніе различнымъ нашимъ прихотямъ и страстямъ, какъ не въ праздникъ? Днемъ — пресыщеніе, и особенно пьянство, въ которомъ человѣкъ забываетъ часто не только святость дней,

но и себя самого, и предается различнымъ безчинствамъ и всякимъ постыднымъ дѣламъ. А вечеръ? Вечеръ отдается вполнѣ мірскимъ веселостямъ и играмъ. Пройдите всѣ селенія поселянъ,—что вы увидите, какъ не веселости и игры, часто нескромныя, не рѣдко соблазнительныя. Такія дѣйствія соотвѣтствуютъ ли святости настоящихъ дней и вечеровъ? Есть еще родъ увеселенія, который прямо оскорбляетъ чистоту нашей Христіанской вѣры и который издревле у простолюдиновъ въ большомъ обычаѣ. Это—различныя гаданія. О, какая темнота ума человѣческаго въ такіе свѣтлые дни! Христіанинъ, который есть благодатный сынъ Божій, которому Отецъ—Богъ, и который весь состоитъ въ распоряженіи и власти Всевышняго, подчиняетъ себя суевѣріямъ, неразумнымъ человѣческимъ баснямъ, и не рѣдко бываетъ готовъ слушать отца лжи, врага Божія. Такъ-то празднуется у Христіанъ великое, милостивое посѣщеніе Божіе, и въ такихъ дѣлахъ проводятся дни и вечера, которые издревле считаются у насъ святыми! Но, можетъ быть, это дѣлается только въ простомъ народѣ, который не просвѣщенъ, который руководится въ своихъ поступкахъ предрасудками, мѣстными обычаями и правилами? Вѣроятно мы увидимъ совсѣмъ другое между просвѣщенными въ разныхъ званіяхъ и наукахъ, между воспитанными въ благородныхъ и разумныхъ правилахъ; вѣроятно у нихъ уже проводятся эти святые дни и вечера въ занятіяхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ достоинству времени; вѣроятно здѣсь уже ничего другаго не услышимъ, кромѣ благочестивыхъ бесѣдъ, разумныхъ и назидательныхъ разговоровъ и благодарныхъ молитвенныхъ воспоминаній Благодѣтеля нашего Бога, дивно нынѣ явившаго намъ спасеніе. Увы! ничего такого нѣтъ. А такая же суета, такое же развлеченіе, подобныя же веселости. Днемъ праздныя посѣщенія, обязательныя визиты, неискреннія поздравленія. Вечеромъ? Вечеромъ—собранія, гдѣ такъ же, какъ и у непросвѣщенныхъ, веселости и игры, то же, хотя въ другомъ видѣ, и подъ другимъ благороднымъ названіемъ, плясаніе. И это святые вечера? Праздновать святое время плясаніемъ—этимъ изученнымъ бѣснованіемъ?! и кому? Христіанамъ?! Христіанамъ, которыхъ Сынъ Божій искушилъ отъ вѣчнаго осужденія и муки крайнимъ Своимъ снисхожденіемъ, крестною Своею смертію; Христіанамъ, которымъ заповѣдана святая, благочестивая непорочная жизнь, Христіанамъ, которые въ таинствѣ Евхаристіи соединяются съ Богомъ—источникомъ чистоты и святости; Христіанамъ, которые непрестанно должны имѣть въ мысляхъ и памяти Бога и жизнь будущую, которыхъ можетъ постигнуть среди самаго глумле-

нія никому невѣдомый часъ смерти? Что это, братіе? Знаемъ ли мы себя? Думаемъ ли мы о себѣ? А вотъ и еще родъ увеселенія, уже собственно святочный, и тоже свойственный не простолюдинамъ. Это—переодѣванье и маскированье. Вотъ уже истинное посрамленіе праздника Божія, дѣйствительное оскверненіе святыхъ вечеровъ! Сынъ Божій пришелъ на землю и хочетъ бѣднаго человѣка одѣть въ одежду своей Божественной правды; сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка вообразить въ образъ Божій. А человѣкъ что дѣлаетъ? Измѣняетъ свойственную себѣ благоприличную одежду, снимаетъ съ себя и человѣчeskій образъ, и надѣваетъ на себя какую нибудь безобразную личину. И для чего? Для одного безумнаго глумленія. Можетъ ли быть болѣе бессмысленное и болѣе богопротивное увеселеніе?

Боже нашъ! Какими очами зриаешь Ты на насъ въ эти святые дни и вечера? знаемъ, что такихъ *праздниковъ нашихъ не видитъ душа Твоя* (Исаія 1: 14), но неужели Ты оставишь насъ, неужели презришь до конца? Неужели наше грѣховное зло побѣдитъ Твою спасительную благодать? Умилосердись, Преблагій! Самъ исправь насъ, Самъ вразуми всѣхъ, и непосвященныхъ и просвѣщенныхъ, Самъ обрати къ Себѣ, и помилуй насъ! Вѣдь Ты по одной Твоей безмѣрной благодати пришелъ къ намъ, спасти насъ недостойныхъ; тою же безмѣрною благодатію Твоею и содѣлай насъ достойными Твоего божественнаго милосердія, и спаси насъ! Боже нашъ, слава Тебѣ.

ПОУЧЕНІЕ 61.

Осторожная и разумная жизнь Христіанъ.

Господи благослови!

Св. Апостоль Павелъ говоритъ Христіанамъ вотъ что: *Блюдите, како опасно ходите..... искупяюще время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумывайте, что есть воля Божія* (Ефес. 5: 15, 16, 17). Понятно, братіе, чему насъ поучаетъ здѣсь Апостоль. Онъ учитъ насъ жить внимательно, осторожно, разумно. А это и необходимо намъ. Мы, вѣдь, не дома, не въ безопасности, не въ пристани. Не дома мы, братіе, а на чужбинѣ, странствуемъ въ области грѣховнаго міра, посреди искушеній и соблазновъ. Того и смотри, что потеряешь сокровище вѣры, увлечешься суетою вѣва, забудешь себя и свое назначеніе и окажешься лишеннымъ и благодати Божіей, и блаженства въ отечествѣ

небесномъ. Не въ безопасности мы, братіе, а въ непрестанномъ нападении отъ враговъ. Вамъ страннымъ кажется это; вы, можетъ быть, подумаете, гдѣ и что у насъ за враги. Конечно, мы ихъ не видимъ; но тѣмъ хуже, что не видимъ, и думаемъ, что ихъ у насъ нѣтъ. Есть, братіе, у насъ враги, и враги самые злые и опасные. плоть наша развѣ не врагъ нашъ? Къ какимъ беззаконіямъ и грѣхамъ она не приводитъ насъ? Кто другой дѣлаетъ насъ лѣвивыми, праздными, невоздержными, чувственными, сладострастными? А это развѣ для насъ не зло, или малое зло? И вотъ что удивительно! Этому врагу мы не противимся. Нѣтъ! Мы всегда держимъ его при себѣ, страстно любимъ его и всячески удобряемъ его. Міръ опять развѣ намъ не врагъ? Кто, какъ не онъ, обольщаетъ насъ богатствомъ, славой, почестями? Кто, какъ не онъ, выдумываетъ для насъ моды, наслажденія, веселости? И этого врага тоже мы любимъ, ему охотно служимъ, ему во всемъ повинемся. А діаволъ? Это ужъ первый и главный нашъ врагъ. Онъ и плоть и міръ вооружаетъ противъ насъ, и чрезъ нихъ влечетъ насъ въ чувственные, плотскіе грѣхи. А самъ, какъ духъ, дѣйствуетъ на души наши и оскверняетъ ихъ собственными ему беззаконіями. Такъ, по внушенію его, мы гордимся, злобствуемъ, ненавидимъ, осуждаемъ, вольнодумствуемъ, кощунствуемъ. Каково же намъ, братіе, быть среди такихъ и толикихъ враговъ! Не нужно ли намъ имѣть величайшую осторожность, чтобы не быть окраденными и поруганными отъ этихъ злодѣевъ? Сколь ни увлекательны для насъ ихъ искушенія и козни, сколь ни пріятно намъ жить по внушенію ихъ, въ беззаконіяхъ и грѣхахъ, но согласитесь, что эти пріятности очень горьки впоследствии;—онѣ готовятъ намъ осужденіе отъ Бога, муку вѣчную. Не въ пристани, скажу еще, мы, братіе, а среди житейскаго моря. А какое это бурное море! Сколько неосторожныхъ потонуло въ немъ, не достигнувъ до безопасной пристани! Одно спасеніе здѣсь—корабль Церкви Христовой. Кто не въ этомъ кораблѣ, а въ собственныхъ ладіяхъ, или на устрояемыхъ разумомъ человѣческимъ пароходахъ, тому не избѣжать потопленія.

Да, всѣ мы, братіе, еще среди житейскаго моря. Еще жизнь наша течетъ, еще продолжается для насъ время. Вотъ наступилъ и новый годъ. Торжествуемъ, веселимся, не знаемъ, какъ и представить пріятное для насъ будущее, думаемъ, что времени и жизни нашей не будетъ и конца,—а смотришь,—и неожиданный конецъ, и внезапное разрушеніе всѣхъ нашихъ надеждъ. Вотъ и самое время для насъ, братіе, опасно; дни жизни нашей лукавы. Какъ разъ

обмануть насъ, какъ разъ отойдемъ мы въ вѣчность неготовыми безъ покаянія, безъ исправленія, безъ твердой надежды на милосердіе Божіе. А этого что можетъ быть плачевнѣе, ужаснѣе? Нѣтъ, братіе. Время дается намъ на пользу. Это великая къ намъ милость Божія. Употребимъ только его благоразумно. вмѣсто того, чтобы въ продолженіе времени умножать только свои грѣхи, позаботимся сложить, или по крайней мѣрѣ уменьшить тяготящую насъ грѣховную ношу и облегчить себя на пути къ вѣчности. Испушимъ, а не утратимъ даруемое намъ милосердіемъ Божіимъ время, испушимъ его для добрыхъ дѣлъ, для Христіанской жизни, для нашего спасенія.

Не забываемъ и того наставленія, которое даетъ намъ тотъ же Апостоль. *Не бывайте, говоритъ, несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія.* И прилично ли Христіанамъ быть несмысленными, Христіанамъ, которые просвѣщены свѣтомъ Божіимъ, озарены истиною небесною, которымъ открыты тайны Божіи, невѣдомыя и недоступныя никакому уму человѣческому? Прилично ли имъ не разумѣть того, въ чемъ состоитъ спасительная Христіанская вѣра, и слѣдовать не тому, чего требуетъ отъ насъ Богъ, а тому, къ чему располагаютъ насъ враги наши,—плоть, міръ и діаволь? Неужели мы такъ будемъ неосторожны, что забудемъ свое Христіанское званіе, и вмѣсто закона Божія и правилъ Св. Церкви изберемъ себѣ въ руководство обычаи и правила міра, и ученіе мірское? Обычаи и правила міра—это сѣть, которою исконный врагъ нашъ уловляетъ насъ въ свою волю. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ дружитья съ міромъ и слѣдовать его обычаямъ и правиламъ, мы будемъ отставать отъ общества вѣрующихъ, растлѣваться въ своихъ правахъ, и изъ сыновъ любви и благоволенія Божія дѣлаться сынами противленія, которымъ грозитъ гнѣвъ и праведный судъ Божій. Ясно сказалъ Апостоль, что невозможно быть въ союзѣ съ міромъ и въ союзѣ съ Богомъ. *Иже восхоцетъ другъ быти міру,* говоритъ онъ, *врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4: 4). Поэтому другой Апостоль и заповѣдуетъ намъ не слѣдовать правиламъ міра и обычаямъ времени. *Не сообразуйтесь,* говоритъ, *вѣку сему* (Рим. 12: 2). А и ученіе мірское? Хорошо, ежели оно основано на вѣрѣ и законѣ Божіемъ, согласно, или по крайней мѣрѣ не противно вѣрѣ и закону Божію. А то что мы слышимъ? Вонъ философы и естествоиспытатели нашего времени что проповѣдуютъ! Древніе философы, не озаренные свѣтомъ откровенной Божественной истины, посредствомъ собственныхъ умозаключеній не рѣдко доходили до

познанія Бога и Творца вселенной, а философы Христіанскаго времени въ своемъ безумномъ мудрованіи дерзають отвергать не только истину и святость Христіанской вѣры, но и бытіе Божіе. Древніе естествоиспытатели, разсматривая природу и человѣка, поражались удивленіемъ премудрости и благодсти Творца, а нынѣшніе, по слѣпотѣ своей, не находятъ ничего такого; міръ называютъ самосушимъ бытіемъ, и человѣка ставятъ наравнѣ съ безсловесными. Вотъ, какое ученіе появляется въ нашъ просвѣщенный вѣкъ! Какъ же послѣ сего не вспомнить намъ наставленія Апостольскаго: *не бывайте несмысленни, но разумывайте, что есть воля Божія*. Неужели найдется кто либо изъ Христіанъ такой въ самомъ дѣлѣ несмысленный, который сталъ бы слушать такое ученіе и такихъ учителей, оставивъ Божественное ученіе и Пренебеснаго Учителя—Христа? Новые мудрецы называютъ насъ вѣрующихъ старыми людьми. Ну, чтожь? и хорошо. Старымъ неприлично учиться у молодыхъ,—и мы не станемъ слушать ихъ, а пребудемъ навсегда, до конца жизни въ истинѣ Божіей, въ вѣрѣ и благочестіи Христіанскомъ, ожидая блаженнаго упованія жизни вѣчной. Выслушаемъ и на сей разъ наставленіе Апостола въ предосторожность нашу противъ ученій, противныхъ благочестію и вѣрѣ. *Блюдитесь, говорить, братіе, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестию, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Кол. 2: 8).

Вотъ, братіе, какія наставленія даетъ намъ Святой Апостоль! Какъ кстати они намъ, при вступленіи нашемъ въ новый годъ, какъ полезны они на всю нашу настоящую жизнь, и какъ необходимы для достиженія будущей блаженной жизни! Какъ вѣрные Христу, пребудемъ вѣрными и ученію Его, проповѣданному Божественными Апостолами Его, и неизмѣнно содержимому святою нашею Православною Церковію! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 62.

Дѣйствительный способъ къ утвержденію вѣры и Христіанской жизни въ народѣ—примѣры благочестія.

Господи благослови!

Въ наше время, когда такъ замѣтно между Христіанами оскудѣніе вѣры и благочестія и напротивъ наклонность къ жизни разсѣянной, противной правиламъ Христіанскимъ, неволью поду-

маешь, что особенно может служить причиною утверждения Христіанъ въ благочестіи и добрыхъ дѣлахъ, и отъ чего преимущественно происходитъ упадокъ вѣры и жизни Христіанской. Что же? Судя по тому, что на пастыряхъ Церковныхъ лежитъ долгъ учить народъ, наставлять его въ вѣрѣ и законѣ Божіемъ, и смотря на то, что считается обязанностію, и всѣ озабочены воспитывать дѣтей и просвѣщать ихъ познаніями не только въ мірскихъ наукахъ, но и въ законѣ Божіемъ и въ правилахъ Христіанскихъ, должно полагать, что самый важный способъ къ утверженію Христіанъ въ вѣрѣ и добродѣтельной жизни есть ученіе Христіанское, наставленіе народа въ вѣрѣ и законѣ Божіемъ. Да, братіе, этотъ способъ дѣйствительно самый прямой и самый важный. Это всѣмъ извѣстно и противъ этого никто ничего не можетъ сказать. Но позвольте указать вамъ еще на одинъ способъ, если менѣе общій, за то болѣе дѣйствительный. Именно это—жизнь Христіанская, примѣры благочестія. *Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуьки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 5: 16), говоритъ Христосъ вѣрующимъ. Примѣръ, братіе, примѣръ. Вотъ самый искусный наставникъ, самый краснорѣчивый проповѣдникъ. Его всѣ охотно слушаютъ, его всѣ легко понимаютъ.

Великое дѣло—примѣръ. Ужь такъ устроила насъ природа, что мы болѣе слѣдуемъ тому, что видимъ, нежели тому, что слышимъ, или знаемъ. Заставляй насъ то и то дѣлать, намъ не хочется, мы стараемся отъ того уклониться; стань же дѣлать одинъ, и другіе за нимъ тоже будутъ дѣлать. Скажи, наприм., отецъ сыну: „сходи сегодня въ церковь, помолись“; едва ли онъ безъ отговорокъ пойдетъ; поди же самъ отецъ, непременно и сынъ съ нимъ. Такъ всегда почти бываетъ съ нами. Наставленіе дѣйствуетъ только на умъ, а примѣръ—на волю нашу. Наставленіе сообщаетъ познаніе, а примѣръ наставляетъ насъ на самое дѣло. Посмотрите на простолюдиновъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ примѣръ. Они ничему не учились, многіе изъ нихъ не знаютъ на память ни вѣры, ни обязанностей Христіанскихъ, а поступаютъ какъ слѣдуетъ поступать Христіанамъ. Отчего? Отъ примѣра. Какъ поступали ихъ отцы, и какъ поступаютъ теперь другіе, такъ поступаютъ и они. И удивительно, какъ выразительно обнаруживается въ нихъ сила примѣра. Одинъ, наприм., перекрестился, и другой, и третій и всѣ; одинъ подошелъ подъ благословеніе къ священнику, и другой, и третій, и всѣ. Такъ силенъ примѣръ, и столь вліятеленъ на расположеніе

человѣка склоннаго къ подражанію другимъ. Возьмите и съ противной стороны. Сколько сильно дѣйствуютъ на народъ и самые худые примѣры. Они, по наклонности нашей къ растлѣнію и грѣху, еще гораздо вліятельнѣе на насъ, чѣмъ самые добрые примѣры. Какова, наприм., сила моды? Кто можетъ стоять противъ нея? Не каждый ли безпрекословно слѣдуетъ ей, какъ бы она ни была неразумна, разорительна и даже погубна? Видите, какъ склоненъ человѣкъ къ подражанію, и какъ располагають имъ видимые имъ примѣры!

Что же ученіе, устное наставленіе, наприм. проповѣдь въ церкви, преподаваніе закона Божія въ школахъ? Поучительна проповѣдь, полезно преподаваніе, но особенно тогда, когда они въ соединеніи съ жизнію Христіанъ, когда утверждаются примѣрами благочестія, тогда, когда не разрушаютъ ихъ противныя имъ примѣры. Иначе, и проповѣдь, и школьное образованіе остаются въ одномъ безплодномъ познаніи. Скажите, кто изъ образованныхъ и просвѣщенныхъ не знаетъ, что Св. Церковію установлены извѣстные посты, и кто же изъ нихъ соблюдаетъ ихъ? Кто не знаетъ, что праздники и воскресные дни должно почитать свято, и однакожь не часто ли благородные и воспитанные заводятъ вечера и балы на такіе дни? Отчего это? Именно отъ примѣра. Такъ заведено, такъ дѣлается вездѣ. Что же послѣ этого познанія? Познанія остаются познаніями, какъ будто и должно только знать, а не исполнять. Такъ добрые примѣры оживляютъ и утверждаютъ устное ученіе и познанія, а худые заглушаютъ и разрушаютъ дѣйствіе и пользу ихъ.

Если же такъ важны и дѣйствительны на насъ примѣры, то какой великій, обязательный, отвѣтственный долгъ лежитъ на тѣхъ, которые стоятъ выше другихъ, которые властію и иными преимуществами имѣють особенное вліяніе на другихъ! Таковы пастыри церковные, начальствующіе надъ народомъ, вельможи надъ простолюдинами, ученые и образованные передъ неучеными и необразованными, родители передъ дѣтьми. Это вожди меньшей братіи, и куда они поведутъ другихъ, туда пойдутъ и другіе, а поведутъ конечно туда, куда сами идутъ, какъ сами живутъ, какіе примѣры подають другимъ. Важно, братіе, назначеніе высшихъ и старшихъ. Отъ ихъ примѣра много, много зависитъ въ народѣ благосостояніе вѣры, чистота нравовъ, достоинство жизни Христіанской. И благо, благо тогда, если пастыри церковные не только поучаютъ народъ, но и представляютъ въ жизни своей образцы благочестія и добродѣтелей Христіанскихъ; если начальствующіе въ народѣ и примѣ-

ромъ и властію утверждаютъ народъ въ честной, степенной, Христіанской жизни, и все несообразное съ благочестіемъ, разумными, законными мѣрами отстраняють и пресѣкають; если знатные живутъ и поступаютъ соотвѣтственно достоинству своего происхожденія, отличаясь Христіанскими добродѣтелями и гражданскими доблестями; если ученые и образованные разумными и благородными поступками посрамляютъ и изгоняють изъ общества суевѣріе и невѣжество; если родители не только словомъ, но и образомъ жизни своей воспитываютъ дѣтей въ правилахъ доброй и благочестивой жизни, насаждая въ умахъ ихъ чистыя познанія вѣры и утверждая сердца ихъ въ страхъ Божіемъ. Благо, говорю, тогда всѣмъ, и обществу, и Церкви Божіей. Честь, милость и благоволеніе отъ Бога всѣмъ, добрыми и назидательными примѣрами жизни утверждающимъ въ народѣ благочестивую вѣру и честную, Христіанскую жизнь! А если напротивъ? Горе, горе всѣмъ, несоотвѣтственнымъ образомъ жизни и дѣйствій увлекающимъ простой и неразумный народъ въ соблазнъ, въ искушеніе, въ грѣхи. *Горе*, говорю слова Самого Спасителя, *горе человеку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѣ. 18: 7). *Всякому*, говоритъ также Господь, *ему же дано будетъ много много, възыщется отъ него* (Лук. 12: 48), и: *сильнѣи*, по слову премудраго, *сильнѣи истязани будутъ* (Прем. 6: 6). Да, тѣ, которые преимуществуютъ предъ другими, подвергнутся гораздо большей отвѣтственности на судѣ Божіемъ за неупотребленіе своихъ преимуществъ и правъ на пользу общую. И какъ иначе? Для чего они и стоятъ и поставлены выше другихъ, какъ не для того, чтобы подавать добрыя примѣры другимъ, чтобы свѣтъ разума и благихъ дѣлъ ихъ свѣтился предъ челоуѣками, да видѣвъ добрыя дѣла ихъ, и они обратятся къ святой и добродѣтельной жизни во славу Отца нашего Небеснаго? О, даль бы Богъ, чтобы высшіе и старшіе руководствовали меньшую братію въ исполненіи Христіанскихъ обязанностей, примѣромъ своей жизни поучали народъ тому, *како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. 3: 15), каковъ долженъ быть Христіанинъ, какъ долженъ располагать свою жизнь, чтобы они были сообразны съ вѣрою и закономъ Божіимъ, какъ долженъ вести себя дома, въ церкви, по дѣламъ своего званія; даль бы Богъ, чтобы и имъ приличествовали слова, какія сказалъ о себѣ Апостоль: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу!* (1 Кор. 11: 1).

Прольемъ, братіе, молитву въ Отцу нашему Небесному, чтобы спасительная благодать Его наставляла всѣхъ на путь истины и утверждала каждого въ исполненіи святой воли Его, чтобы и намъ,

по наставленію Апостола, *разумѣвать другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ, другъ друга подвизающе* (Евр. 10: 24, 25), къ преуспѣянію въ жизни непорочной, Христіанской. Боже нашъ, Слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 63.

Память смертная необходима и спасительна.

Господи благослови!

Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши (Сир. 7: 39).

Хочу, братіе, говорить, а о чемъ, еще прямо не смѣю и сказать. Повторяю только слова древняго богопросвѣщеннаго наставника: *поминай послѣдняя твоя*. Что это—послѣднее? То, что наконецъ имѣетъ послѣдовать съ нами. Первое изъ послѣднихъ есть наша смерть. И такъ смерть? Говорить о смерти? Да это то же, что поразить насъ громомъ. Напоминать смерть? Да это значитъ оледенить весь нашъ тѣлесный составъ и привести насъ въ содроганіе и ужасъ. Мы хотимъ жить и жить. Смерть для насъ ужасна. Точно, ничто такъ не ужасаетъ насъ, какъ смерть, и потому мы стараемся не только самой смерти избѣгать, но и отъ бесѣды о смерти всегда отвернуться, и напоминаніе о ней заглушить чѣмъ только можно. Такъ нѣкоторые, особенно изъ богатыхъ и знатныхъ, часто бѣгутъ изъ своихъ домовъ, если тутъ почилъ и находится усопшій. Даже священныя пѣсни, съ которыми Св. Церковь сопровождаетъ усопшихъ, для большей части Христіанъ сдѣлались поразительными, приводящими ихъ въ уныніе и печаль. Что святѣе, умиленнѣе, божественнѣе той пѣсни, которую Св. Церковь торжественно воспѣваетъ надъ усопшимъ и которую испрашиваетъ у Спасителя нашего, Бога вѣчнаго, блаженнаго упокоенія усопшему? Всѣмъ извѣстна эта пѣснь: *со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего*. Запойте же эту пѣснь, и что вы увидите? Горькій плачъ, тяжкое рыданіе, часто безотрадное терзаніе тѣхъ, которымъ особенно надлежало бы пасть на колѣна и пролить предъ Спасителемъ Богомъ потоки молитвенныхъ слезъ о блаженномъ упокоеніи почившаго. Хорошо ли, однакожъ, это, братіе? Не хорошо.

„Страшна, скажете, смерть; тяжела разлука съ жизнью?“ Слова вѣтъ. Но послушайте. Страшна смерть; но вѣдь она неизбѣжна. Развѣ мы бессмертны? Развѣ тотъ, другой, третій умираетъ, а дру-

гіе остаются навсегда жить. Нѣтъ. Никто не изъять изъ этой повинности правдѣ Божіей. Всѣ смертны. Безсмертными считаютъ себя развѣ только тѣ, которые не думаютъ о смерти. Страшна смерть; но развѣ она намъ неизвѣстна? Не каждый ли день она ходитъ около насъ и похищаетъ изъ среды насъ то того, то другаго? Вольно же намъ не обращать на нее вниманія, или еще хуже заграждать слухъ отъ ея посѣщеній и бѣжать отъ взора самыхъ ея жертвъ. Что неизбѣжно, того избѣжать не можно, а лучше почаще думать о смерти и тѣмъ самымъ ослаблять въ себѣ страхъ ея неминуемаго и, можетъ быть, внезапнаго посѣщенія. Страшна смерть; но она опредѣлена отъ Бога и опредѣлена всѣмъ. Какъ же мы станемъ избѣгать ея? Какъ станемъ отгонять отъ себя и самое памятованіе о ней? Не будетъ ли это преступно предъ Богомъ? Господь Богъ опредѣлилъ намъ смерть въ наказаніе за наши грѣхи, и тотъ, слѣдовательно, кто благопокорно пріемлетъ это наказаніе, ужъ тѣмъ самымъ преклоняетъ Бога на милость себѣ. А если будемъ роптать, унывать, бѣгать и разсужденія касательно этого наказанія Божія, не будетъ ли это новымъ оскорбленіемъ для Бога и причиною новаго осужденія насъ со стороны правды Божіей?

Тяжела разлука съ жизнію. Съ какою? Съ настоящею? Да, вѣдь настоящая жизнь временна. Она и дается рѣдкимъ на 70, на 80 лѣтъ, а всего чаще на половину и гораздо менѣе. Иные умираютъ и въ тотъ самый день какъ рождаются. А и въ то время, какъ живемъ, знаемъ ли конецъ своей жизни? Кто скажетъ о себѣ, что онъ проживетъ на свѣтѣ еще долго, что смерть не коснется его ни сегодня, ни завтра? А если такъ, если такова наша настоящая жизнь, стоитъ ли она той цѣны, какую мы ей приписываемъ? Благоразумно ли такъ дорожить ею, такъ привязываться къ ней, чтобы изъ за нея забывать вѣчность. Потерять временное еще не важно; лишиться вѣчнаго, вотъ это дѣло другое. Тутъ есть о чемъ подумать, есть о чемъ и поскорѣть. Да и жизнію ли полно мы дорожимъ? Не потому ли разлука съ жизнію для насъ тяжела, что мы черезъ эту разлуку расстаемся съ міромъ? Кажется, такъ. Жалко намъ разстаться съ здѣшнимъ міромъ; онъ такъ любезенъ нашей растлѣнной природѣ. Жалко намъ лишиться его прелестей и забавъ; онъ такъ сладокъ для нашихъ грѣховныхъ чувствъ. Намъ хочется пожить, какъ можно долѣе пожить, какъ можно болѣе попить, поѣсть, повеселиться, какъ можно болѣе доставить удовольствія своимъ страстямъ. Такъ вотъ что дорого для насъ; дорога намъ жизнь грѣховная, тяжело намъ разставаться съ грѣхами. Съ ними и въ нихъ и жизнь

намъ кажется пріятною; худыя и богопротивныя дѣла намъ не наскучиваютъ! Попробуй занять себя другими, полезными и богоугодными дѣлами; заставь насъ держать себя строго, поставь на труды, на душеполезное чтеніе, на молитву;—вотъ тогда не рады будемъ и жизни, жизнь ужъ покажется намъ не лучше смерти. Такую жизнь мы все будемъ удалять отъ себя; такія дѣла отеладывать на будущее время; все будемъ говорить: „завтра, завтра“, и это— „завтра“, будетъ дотолѣ, пока не придетъ къ намъ смерть *сегодня!* Согласитесь, братіе, что это такъ; согласитесь, что мы не такъ понимаемъ и цѣнимъ настоящую жизнь, какъ должно.

Страшна намъ смерть; тяжела для насъ разлука съ жизнію. Но кто мы? Развѣ не знаемъ, что мы Христіане? Развѣ не знаемъ въ Кого и во что вѣруемъ? Подвергаемся временной смерти, за то избавляемся вѣчной; лишаемся временной жизни, за то даруется намъ вѣчная. Христось умеръ за насъ и воскресъ для насъ. Умеръ, и смертію Своею умертвилъ нашу смерть; воскресъ, и воскресеніемъ Своимъ даровалъ намъ жизнь. *Аще вѣруемъ*, говоритъ Апостоль, *яко Исусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Исусъ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. 4: 14). Неужели мы безъ вниманія, безъ вѣры ежедневно повторяемъ съ Церковію исповѣданіе будущей нашей судьбы: *чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка?* Видите, будетъ воскресеніе мертвыхъ, и затѣмъ вѣчная жизнь. Если же послѣ временной жизни будетъ вѣчная, если послѣ смерти будетъ воскресеніе: то что настоящая жизнь, какъ не одно преддверіе къ будущей, какъ не приготовленіе къ другой, лучшей жизни? Что тѣлесная смерть, какъ не временный легкій или тяжкій сонъ, послѣ котораго должно послѣдовать пробужденіе въ другой свѣтъ? Такъ вотъ какую разлуку дѣлаетъ для насъ нынѣшняя наша смерть. Разлучаетъ насъ съ жизнію временною и соединяетъ съ вѣчною. Объ этой-то жизни нужно всего болѣе заботиться намъ, братіе. Что намъ настоящая жизнь? Что намъ нынѣшняя смерть? Знаемъ и увѣрены, что жить намъ здѣсь не всегда, и смерти не миновать. О томъ-то надо подумать, какъ бы намъ, съ окончаніемъ жизни временной, не лишиться и вѣчной, какъ бы, послѣ смерти временной, не быть осужденными на вѣчную; какъ бы намъ сподобиться въ будущемъ вѣкѣ милости Божіей и Царства Небеснаго и избавиться гнѣва праведнаго Судіи и муки преисподней.

А къ этому средство самое вѣрное и дѣйствительное и есть то, чего мы не любимъ, чего страшимся, чего бѣгаемъ, именно память смертная. *Поминай*, говоритъ вышесказанный Наставникъ, *послѣдняя*

твоя и во вѣки не сокрушиши. Если памятованіе о смерти сильно удерживаетъ насъ отъ грѣховъ, чего же лучше? Это и надо намъ. Чѣмъ менѣе будемъ грѣшить и чѣмъ болѣе станемъ жить добродѣтельно и непорочно, тѣмъ надежнѣе будетъ для насъ жизнь и блаженство вѣчное. А дѣйствительно будемъ менѣе грѣшить и содѣянные грѣхи скорѣе очищать покаяніемъ, какъ скоро будемъ имѣть въ памяти конецъ настоящей жизни и ожидающую насъ будущую жизнь. Разсудите сами, кто можетъ забыться въ такомъ положеніи? Кто рѣшится на худыя дѣла, если знаетъ близкій конецъ своей жизни? Кто бы сегодня сталъ грѣшить, если бы зналъ, что завтра умретъ? Кто бы сталъ домогаться чести, славы и другихъ мірскихъ преимуществъ, если бы зналъ, что завтра умретъ? Кто бы сталъ беречь свое богатство и заботиться о томъ, какъ бы нажить себѣ еще болѣе тлѣнныхъ сокровищъ, если бы зналъ, что завтра умретъ? Кто бы сталъ думать о пышныхъ нарядахъ, о роскошной жизни, о пиршествахъ и веселостяхъ, если бы зналъ, что завтра умретъ? Никто. Напротивъ, всякій бы обратился къ себѣ, подумалъ бы о своихъ грѣхахъ, прибѣгнулъ бы къ Богу, искалъ бы себѣ милости и прощенія у Бога покаяніемъ и молитвою.

Вотъ каково памятованіе о смерти, котораго мы всегда такъ чуждаемся, какъ враждебнаго нашему благополучію и счастію, но которое само по себѣ есть намъ естественное и для насъ спасительное. Не безъ причины же Св. Церковь заставляетъ насъ молиться Спасителю нашему именно объ этомъ; не напрасно же мы, каждый отъ своего лица, взываемъ къ Господу Иисусу:—*Иисусе, даждь ми память смертную* (Акаѳ. Ис. вк. 9). Такъ и поступали всегда мудрые и попечительные о своемъ спасеніи. Они поставляли для себя правиломъ каждый день считать послѣднимъ. Истинно мудрое правило! Вѣдь это точно такъ. Никто не знаетъ, будетъ ли для него другой день. А если такъ, не разумно ли всегда имѣть въ памяти послѣдній день? Что же? Лучше ли будетъ намъ, если мы забудемъ этотъ день? Лучше ли будетъ намъ, если смерть постигнетъ насъ въ распахъ, если мы пойдемъ отсюда неготовыми и явимся туда грѣшными, лишенными надежды на милость Божию? Избави Господи! Вотъ это истинное несчастіе, отъ котораго мы заранѣе должны трепетать. Чрезмѣрная привязанность къ настоящей суетной жизни, съ забвеніемъ послѣдняго дня, есть хитрость врага, лукавое обольщеніе діавола. Діаволь для этого занимаетъ насъ прелестями міра и закрываетъ отъ насъ будущую жизнь, чтобы мы погрязли въ суетѣ міра, обременяли себя, какъ можно болѣе, грѣхами и,

послѣ неожиданной смерти, низринутись прямо на дно адово. Точно такъ. Иначе нельзя истолковать ослѣпленія нашего. Можно ли смертному забывать смерть? Разумно ли думать о томъ, чего не будетъ можетъ быть сей часъ, и не думать о томъ, что будетъ всегда? Полезно ли гоняться за счастіемъ временнымъ и упускать изъ виду блаженство вѣчное?

Тяжело намъ, братіе, памятованіе о смерти, горько представленіе послѣдняго дня, но необходимо, полезно, душеспасительно. Вооружимся же противу немощей нашей природы, ограничимъ пристрастіе наше къ временной жизни силою разума, укрѣпимъ себя вѣрою и упованіемъ на благодать Божію и, какъ призванные къ безсмертію, станемъ безпрестанно содержать въ памяти конецъ сей суетной и многомятежной жизни, въ надеждѣ наслажденія лучшею жизнію, лучшими благами въ дому Отца нашего Небеснаго. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 64.

Молитвы мытаря и фарисея.

Господи благослови!

Послѣ завтра Св. Церковь начнетъ насъ, братіе, готовить къ покаянію. И на первый разъ предложитъ въ назиданіе Евангельскую притчу о мытарѣ и фарисеѣ. Обратимъ заранѣе вниманіе наше на эту притчу (Лув. 18: 10—14).

Человѣкъ два внидоста въ Церковь помолитися, единъ фарисей, а другій мытарь. Такъ только два человѣка пришли въ церковь, а не болѣе? Вѣроятно, и болѣе; но божественный взоръ Спасителя усмотрѣлъ только двухъ. Господь исчисляетъ молящихся не по количеству ихъ, а по качеству молитвы и по свойствамъ молитвенниковъ. *Два человѣка внидоста въ Церковь помолитися.* Именно два. Такъ было у Іудеевъ, такъ бываетъ и у Христіанъ. Два вида молитвенниковъ, одни внутренніе, искренніе, смиренныя, другіе—внѣшніе, лицемѣрные, надменные.

Фарисей ставъ сице въ себѣ моляшеса. Фарисеи между Іудеями, были такіе люди, которые, по разуму въ законѣ и по благочестію во внѣшней жизни, составляли особенную личность, высоко стоящую надъ толпою народа, и потому пользовались необыкновенною честію и уваженіемъ въ народѣ. Вотъ одинъ изъ таковыхъ вошелъ во храмъ и началъ молиться такъ: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю.*

Чего, кажется, лучше такой молитвы? Воздавать хвалу и благодареніе Благодѣтелю Богу есть первый долгъ каждаго молитвенника. Однакожъ молитвы фарисеевой Господь не похвалилъ, а одинъ учитель Христіанской Церкви (Андрей Крит. въ велик. кан.) прямо называетъ ее *безумною*. Какая этому причина? Та, что молитва фарисеева была тщеславная и гордая; въ молитвѣ своей онъ себя восхвалялъ, а не Бога. *Нѣсмь*, говорилъ, *якоже прочіи чловѣцы*. Самое мѣсто въ храмѣ, которое занялъ фарисей, въ сравненіи съ мѣстомъ, гдѣ находился мытарь, уже показываетъ, что фарисей считалъ себя выше и почетнѣе всѣхъ и мечталъ о близости своей къ Богу, какъ праведникъ. Итакъ, молитва фарисеева была замѣшана на тщеславіи и гордости, и потому отринута Богомъ. Вѣдь сказано, что *Богъ гордымъ противится* (1 Петр. 5: 5). Вотъ сколь неумѣтна для чловѣка гордость, и особенно въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ молитва. *Еже есть въ чловѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ* (Лук. 16: 15), сказалъ Самъ Господь. Вѣроятно, фарисей дѣйствительно не имѣлъ такихъ пророковъ, на которые указываетъ въ своей молитвѣ; вѣроятно, онъ не чуждъ былъ и добродѣтелей, постился, молился и жертвовалъ отъ своего достоянія, какъ требовалъ законъ; но все это погублено тщеславіемъ и гордостію. Къ чему было ему выставять пороки другихъ, говорить, что прочіе люди не таковы, какъ онъ, хищники, прелюбодѣи и проч.? На что было ему указывать на мытаря? Развѣ Богъ не хочетъ и не можетъ спасти грѣшника? Развѣ грѣшникъ не можетъ обратиться къ покаянію и исправленію своей жизни? А если онъ еще имѣетъ тавія добродѣтели, какія оказались въ мытарѣ и какихъ не было въ фарисей, т. е. смиреніе, чувство своей грѣховности и сердечное сокрушеніе? Фарисей, видно, забылъ, что написано было въ книгахъ закона: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Ис. 50: 19): и *нѣсть чловѣкъ, иже не сокрушитъ* (3 Цар. 8: 46).

Говоря о фарисей, подумаемъ-ка, братіе, и о себѣ. Нѣтъ ли и у Христіанъ такихъ молитвенниковъ? Нѣтъ ли и между нами подобныхъ фарисеевъ? Безъ сомнѣнія, есть. И кто это? Къ прискорбію надо сказать, что нерѣдко также лица, стоящія выше простаго народа, преимуществующія передъ другими просвѣщеніемъ, знатностію и богатствомъ. Вѣдь горько смотрѣть, какъ держать себя въ храмѣ Божіемъ тѣ, которые должны служить примѣромъ порядка, благоговѣнія и разумной молитвы для простолудиновъ. Они являются иногда еще хуже древнихъ фарисеевъ. Древніе фарисеи имѣли добродѣтели и не легкія,—постились, жертвовали въ храмѣ

и на святыхъ дѣла, а новые—постовъ не знаютъ, жертвовать расположены болѣе на свои удовольствія, чѣмъ на дѣла святыхъ и богоугодныхъ. Древніе часто молились, и въ церковь ходили, какъ сдѣлалъ и упоминаемый нынѣ фарисей, а новые—рѣдко, мало и неохотно посѣщаютъ храмы Божіи. О упоминаемомъ въ Евангеліи фарисеѣ сказано, что онъ, пришедъ въ церковь, *сталъ*, и началъ молитву. Изъ Евангельскаго выраженія о фарисеѣ можно заключить, что онъ стоялъ въ храмѣ благочинно, степенно, внимательно, занимаясь молитвою. А у насъ? Когда придутъ въ храмъ, часто не перекрестившись, или перекрестившись не порядкомъ и не почтивъ взоромъ и вниманіемъ алтаря Господня, прямо обращаются къ предстоящимъ и окружающимъ ихъ съ мірскими привѣтствіями, и во время службы стоятъ нескромно, свободно, занимаясь взаимными разговорами и не отказывая себѣ ни въ шуткахъ, ни въ смѣхѣ. И это предстоятели въ храмѣ, люди преимуществующіе въ народѣ? Это по большей части образованные и просвѣщенные? Чтожь это за знатность? Что за просвѣщеніе? Что въ нашихъ преимуществахъ, если мы служимъ не примѣромъ благочестія, а соблазномъ для другихъ? Что въ нашихъ познаніяхъ, если мы поступаемъ хуже тѣхъ, которые не имѣютъ познаній? Видно (къ сожалѣнію!), мірское просвѣщеніе чуждо того свѣта, который *исходитъ отъ Отца свѣтовъ* (Іаков. 1: 17), и не одушевляется *страхомъ Господнимъ*, который *есть начало премудрости* (Прит. 1: 7). Видно, Богъ *избираетъ себѣ буиыхъ, худородныхъ и уничиженныхъ паче мудрыхъ* (1 Кор. 1: 27, 28), и ближе и угоднѣ Ему фарисеевъ мытари.

Посмотримте на упоминаемаго въ Евангеліи мытаря, который такъ же, какъ и фарисей, пришелъ въ церковь помолиться. Мытари, у Іудеевъ, были такіе люди, которые собирали съ народа разныя пошлины въ государственную казну. Конечно, въ такомъ дѣлѣ было не безъ грѣха,—и вотъ за то всѣ считали ихъ грѣшниками. Народъ, и особенно фарисеи, ненавидѣли ихъ какъ за ихъ корыстолюбіе, такъ, вѣроятно, и за то, что служба ихъ относилась къ пользѣ римскаго правительства, котораго они не терпѣли. Что-же нашъ мытарь дѣлаетъ и какъ молится въ храмѣ! *Мытарь же издавеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо, но бѣяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику*. Видите, мытарь неидетъ впередъ, какъ фарисей, а стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ въ храмѣ; не поднимаетъ дерзновеннаго взора къ небу, какъ фарисей, а не смѣетъ и взглянуть на небо; не исчисляеть, какъ фарисей, своихъ добродѣтелей, которыхъ вѣроятно также не былъ

чуждѣ, а объявляетъ себя грѣшникомъ, въ чувствѣ сокрушенія и раскаянія ударяетъ себя въ грудь и проситъ себѣ милости и прощенія отъ Бога. Скажите, не лучше ли поступилъ мытарь, чѣмъ фарисей? На что Богу наши хвалы, и особенно фарисейскія? Ему пріятно наше смиреніе, Онъ любитъ наше исповѣданіе грѣховъ, Онъ ожидаетъ нашего покаянія и исправленія. Спаситель нашъ и *пришелъ призвать на покаяніе грѣшниковъ* (Матѣ. 9: 13), значить всѣхъ; ибо не грѣшниковъ никогда не было и нѣтъ. Вотъ поэтому Господь и принялъ молитву мытаря, какъ Ему благоугодную, и отпустилъ его въ домъ оправданнымъ. Такъ-то мытарь, простой, необразованный Іудей лучше фарисея умѣлъ понять божественныя намѣренія, принесъ Богу спасительную для себя молитву, и сдѣлался примѣромъ для всѣхъ молитвенниковъ. Св. Церковь Христіанская приняла его молитву, осватила и предала сынамъ своимъ, какъ образецъ покаянной молитвы грѣшника.

Есть ли нынѣ такіе мытари? Безъ сомнѣнія, есть и опять преимущественно въ простомъ же народѣ. Простой народъ, по своему состоянію занимающій непочетное мѣсто въ обществѣ, какъ то ближе къ чувству смиренія и покорности. Смотри на него въ храмѣ Божіемъ, невольно отдашь ему преимущество въ дѣлѣ благочестія. Кто ранѣе приходитъ въ церковь? Простой народъ. Кто благочинно стоитъ въ церкви? Простой народъ. Кто полнѣе и правильнѣе изображаетъ на себѣ врестъ? Простой народъ. Кто дѣлаетъ усердныя, низкіе, часто земныя поклоны? Простой народъ. Кто терпѣливъ на молитвѣ и никогда не рѣшится оставить храмъ Божій до окончанія службы? Простой народъ. Кѣмъ преимущественно содержатся церкви? Простымъ народомъ. Скажутъ, пожалуй, непростые: „простой же народъ все это дѣлаетъ безъ понятія“. Хорошо. А что лучше! Понимать и не дѣлать, или не понимать и дѣлать? Кто не понимаетъ и дѣлаетъ, тотъ не осуждается, а кто понимаетъ и не дѣлаетъ тотъ осуждается. *Вѣдущему*, говоритъ Апостоль, *добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. 4: 17).

Не подумайте, однакожъ, братіе, чтобы сказанное относилось къ тому и другому виду молитвенниковъ безъ исключенія. Нѣтъ. Въ томъ и другомъ видѣ есть молитвенники, ни мало не похожіе на подобныхъ себѣ. Такъ между молитвенниками знатными и просвѣщенными есть молитвенники разумные, степенные благоговѣйные, съ мытаревымъ смиреніемъ предстоящіе алтарю Господню и въ глубокомъ молитвенномъ чувствѣ повергающіеся предъ невидимо присутствующимъ въ храмѣ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Честь эта

преимущественно принадлежит, какъ повседневный опытъ показываетъ, благороднымъ и благовоспитаннымъ женамъ. А и между простымъ народомъ точно не мало есть такихъ молитвенниковъ, къ которымъ прямо слѣдуетъ отнести слова Спасителя: *приближаются Мнѣ люди сии усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. 15: 8), такихъ молитвенниковъ, которые наружно, однимъ тѣломъ предстоятъ на молитвѣ, и на мытаревомъ мѣстѣ не представляютъ въ себѣ мытарей, съ болѣзненнымъ чувствомъ сокрушающихся и испрашивающихъ себѣ у Бога прощенія и милости грѣшниковъ.

Худо, братіе, вѣдѣніе безъ исполненія; нехорошо и исполненіе безъ разума и чувства. О, даль бы Богъ всѣмъ молитвенникамъ, и знатнымъ и простымъ, и просвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ, — даль бы Богъ, чтобы всегда приходили въ храмъ Божій съ усердіемъ и вѣрою, стояли въ храмѣ Божіемъ съ благоговѣніемъ и страхомъ внимательно и разумно участвовали въ совершаемыхъ молитвахъ и со смиреніемъ и сокрушеніемъ испрашивали себѣ отъ Бога прощенія и помилованія, — даль бы Богъ, чтобы каждый молитвенникъ, не смотря ни на какія преимущества и достоинства, не стыдился считать себя грѣшникомъ, и, по примѣру мытаря, взывать къ Спасителю нашему Богу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 65.

Святая Четыредесятница есть пустынная обитель для кающихся.

Господи благослови!

Покаяніе отверзи ми двери, Жизнодавче.

(Пѣснь церков.).

Вотъ какую молитву начали мы приносить Богу нашему, братіе. При этой молитвѣ пришли мнѣ на память нѣкоторые случаи изъ жизни древнихъ Христіанскихъ пустынниковъ. Бывало не рѣдко, что если кто, пораженный чувствомъ своей грѣховности, рѣшался оставить міръ и посвятить себя на всегдашнее покаяніе, то приходилъ къ воротамъ какого либо монастыря, стучалъ въ двери, и на вопросъ: „чего желаешь и ищешь?“ отвѣчалъ игумену или начальнику монастыря: „хочу, подъ кровомъ твоей святыни, каяться

и плакать о своихъ грѣхахъ“. Не въ подобномъ ли состояніи теперь мы, братіе? Не то же ли самое слышится въ нынѣшней нашей молитвѣ: *покаяніе отверзи ми двери Жизнодавче?* Истинно такъ. Проведши годъ мірской, суетной жизни, пришли мы въ себя, почувствовали тяжесть своихъ грѣховъ, ужаснулись своего состоянія, рѣшились обратиться къ Богу, раскаяться въ своихъ грѣхахъ,—и вотъ мы стоимъ предъ вратами святой великой Четыредесятницы, стучимъ въ двери милосердія Божія и просимъ принять насъ на покаяніе въ содѣянныхъ нами грѣхахъ. *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче.* Доброе дѣло! Прекрасное начало! Нѣтъ ничего лучше и спасительнѣе, какъ познать свое опасное положеніе, рѣшиться оставить грѣховную жизнь и обратиться на путь покаянія.

Тотчасъ ли однако принимали въ монастырь того или другаго изъ подобныхъ пришельцевъ? Сразу ли отверзались ему двери обители и являлся онъ въ числѣ спасающихся? Нѣтъ; долго, долго не отворяли стучащемуся дверей. Говорили ему, наиримѣрь: „ты еще молодежь, или ты немощень. Правила обители нашей строги, подвиги у насъ велики; ты не можешь вынести ихъ, и проч.“ Долго, долго испытывали терпѣніе его, и только послѣ непремѣннаго желанія и неотступной просьбы, отверзали ему врата и вводили его въ подвигъ покаянія. Подобно, братіе, и съ нами поступаетъ Св. Церковь. Долго, три недѣли мы просимъ объ отверженіи намъ дверей покаянія, и тоже слышимъ разные отзывы Церкви, испытующіе насъ и располагающіе насъ къ рѣшительному намѣренію вступить на подвигъ покаянія. Вотъ въ прошедшее воскресенье Она и въ чтенномъ Евангеліи и въ пѣснопѣніяхъ своихъ представила намъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ. Этимъ самымъ какъ бы сказала намъ такъ: „смотрите, искренно ли вы желаете себѣ спасенія; хорошо ли познали и почувствовали свои грѣхи? Обращаться къ Богу и каяться предъ Нимъ должно не съ фарисейскимъ лицемѣріемъ, а съ мытаревымъ сокрушеніемъ“. Въ слѣдующее воскресенье услышимъ притчу о блудномъ сынѣ. Опять голосъ Церкви къ намъ, и голосъ уже ободряющій и утѣшающій ищущихъ покаянія грѣшниковъ. Примѣромъ спасенія блуднаго сына Св. Церковь поучаетъ насъ, что Богъ нашъ есть Богъ милосердія и щедротъ, что Онъ всегда и съ любовью приеѣмлетъ покаяніе всякаго грѣшника, сколько бы онъ ни блуждалъ внѣ дома отеческаго, какъ бы онъ ни обнищалъ отъ своихъ беззаконій и грѣховъ. Затѣмъ въ слѣдующую недѣлю уже услышимъ грозный голосъ Церкви. Она представитъ намъ въ Евангеліи и пѣснопѣніяхъ своихъ картину будущаго страшнаго суда Христо-

ва. И это очень нужно намъ. Мы не всегда умѣемъ пользоваться благодѣянiями и милостями. Любовь и милосердіе Небеснаго Отца, явленныя въ прощенiи блуднаго сына, могутъ ослабить въ насъ чувство грѣха и расположить къ излишней и неразумной надеждѣ на милость Божію. Вотъ же Св. Церковь грозитъ намъ въ такомъ случаѣ правдою Божіею на страшномъ будущемъ судѣ, и въ предосторожность нашу открываетъ намъ, что только праведники пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники не искренно и не всецѣло раскаявшіеся, а тѣмъ паче нераскаянные, будутъ осуждены на вѣчную муку. Наконецъ въ послѣднюю сырную недѣлю Св. Церковь совершитъ воспоминаніе паденiя прародителей нашихъ и изгнанiя ихъ изъ рая. Какое плачевное и чувствительное воспоминаніе! Если мы такъ забывчивы, такъ невнимательны къ себѣ, то вотъ Св. Церковь напоминаетъ намъ о нашемъ состоянiи, и какъ бы такъ говорить намъ: „вы лишились своего отечества, скитаясь въ чужой, грѣховной странѣ, находитесь въ опасности жизни, подобно блуждающему въ пустыняхъ и лѣсахъ, и хорошо сдѣлали, что, подобно ему же, возвращаетесь въ домъ отеческій, пришли къ вратамъ святой обители и хотите омыть слезами покаянiя свои грѣхи“.

Такъ три недѣли обращается съ нами Св. Церковь, и мы не перестаемъ стучать въ двери милосердія Божiя, и просить принять насъ на покаянiе. *Покаянiя отверзи ми двери, Жизнодавецъ.* И Жизнодавецъ умиосердится, и двери покаянiя отверзнутся намъ, братіе, точно такъ же, какъ отверзались врата монастырскія приходившимъ древле на покаянiе къ пустынникамъ. Черезъ три недѣли, если угодно будетъ Богу, мы вступимъ въ обитель святой великой Четырехдесятницы, — и тутъ-то откроется намъ поприще желаннаго и искомаго нами покаянiя. О, да услышитъ Господь молитвенный о покаянiи вопль нашъ! Да отверзетъ намъ двери милосердія Своего, и да введетъ насъ въ великую Святую Четырехдесятницу, въ эту вращебницу душевныхъ нашихъ недуговъ, въ это чистилище грѣховъ, въ это пристанище спасенiя, въ эту святую чудодѣйственную обитель, гдѣ мы можемъ сдѣлаться чистыми, непорочными, святыми. Святая Четырехдесятница есть истинная для насъ пустынная обитель. Что проведенный нами въ суетахъ мірскихъ годъ, какъ не пустыня? Только и дѣлали мы, что скитались, то поднимаясь на горы высокоумiя и гордости, то падая въ пропасть грѣховныхъ сквернъ, всегда палимые зноемъ страстей, часто обуреваемые вѣтромъ искушенiй и соблазновъ и непрестанно угрожаемые нападенiемъ отъ лютыхъ звѣрей, ищущихъ погибели душъ враговъ нашихъ.

Благодареніе милосердому нашему Богу; честь и слава Матери нашей Св. Церкви, что, по спасительному божественному законоположенію, ежегодно отверзается для насъ эта Святая Обитель, что мы, удручаемые тягостію и суетою мірской жизни, можемъ притекать къ ней и находить въ ней очищеніе грѣховъ, миръ душѣ, успокоеніе совѣсти и надежду на жизнь блаженную и вѣчную! Даль бы только Господь Богъ, что бы мы дѣйствительно воспользовались такимъ милосердіемъ Божиимъ и такимъ попеченіемъ о насъ Матери нашей Св. Церкви! Даль бы Господь, чтобы молитва наша, какую мы начали приносить Богу съ Церковію, была искренняя, желаніе спасенія непритворное, намѣреніе покаянія и очищенія грѣховъ непоколебимое! Даль бы Господь, чтобы мы не иначе провели святое время поста, какъ въ молитвѣ, въ воздержаніи, въ чистотѣ душевной и тѣлесной, чтобы въ это время мы очистились покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ, освятились общеніемъ съ Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ пречистыхъ и животворящихъ тайнахъ Его и болѣе уже не возвращались на прежній путь вольныхъ нашихъ прегрѣшеній. Вѣдь и древніе Христіане, пустычники, которые приходили въ монастыри съ искреннимъ намѣреніемъ покаянія, уже не оставляли жизни и подвиговъ монастырскихъ и не обращались въ міръ на прежнюю грѣховную жизнь. Такъ слѣдуетъ поступать и намъ, чтобы не прогнѣвать милосердаго Бога, не отдать себя въ посмѣяніе врагу и не подвергнуться большому осужденію. Да совершить все во спасеніе наше Божественная благодать, совершающая силу свою въ немощахъ нашихъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 66.

Покаяніе есть великій даръ милосердія Божія грѣшникамъ.

Господи благослови!

Господи, мнѣ грѣшному положи еси покаяніе, мене недостойнаго спасти хотя безмѣрною милостію Твоею.

(Самогл. стихов. на утрен. въ четв. 1-й недѣл. поста).

Великъ Богъ нашъ, братіе! Великъ Онъ въ Божественной славѣ въ правды Своей; но еще болѣе великъ въ неизреченномъ ми-

лосердіи Своемъ. Всѣ мы согрѣшили предъ Нимъ; всѣ оставили Его, отверглись Его, забыли Его. А Онъ? Оставилъ ли Онъ насъ, отринувъ ли, забылъ ли? А тѣмъ паче возненавидѣлъ ли насъ, осудилъ ли насъ, потребилъ ли насъ? Никакъ. Онъ все печется о насъ, все взираетъ на насъ, все хочетъ спасти насъ. И вотъ Онъ зоветъ насъ на покаяніе, ждетъ нашего обращенія, общаетъ намъ прощеніе и помилованіе. Уже простеръ къ намъ Свои отеческія руки, готовъ принять въ Свои объятія каждаго грѣшника, какъ принялъ нѣкогда блуднаго сына, и утѣшитъ и возвеличитъ его въ Своемъ Божественномъ Домѣ. Какая неизглаголанная благодать! Какая безконечная любовь! Уже ничего другаго, можно сказать, не требуетъ отъ насъ Господь; требуетъ одного искренняго и рѣшительнаго покаянія. О, какой неоцѣнимый даръ Божій намъ грѣшнымъ—покаяніе! Что, если бы Господь поступилъ съ нами по правдѣ Своей? Что, если бы мы знали и увѣрены были, что нѣтъ и не будетъ намъ прощенія отъ Бога, а напротивъ ждетъ насъ безконечная мука? Вѣдь, одно представленіе объ этомъ, при сознаніи нашихъ грѣховъ, повергло бы насъ въ уныніе и отчаяніе, и мы во все время настоящей жизни представляли бы въ себѣ Каина, стѣнящаго и трясущагося отъ гнѣва и клятвы Божіей. А теперь? Теперь, когда открыто намъ милосердіе Божіе, когда знаемъ, что Богъ кающихся прощаетъ, когда чувствуемъ, что и мы можемъ получить милость покаяніемъ и избавиться опредѣленной грѣшникамъ казни,—о, теперь—какая отрада, какая надежда, какое успокоеніе въ милосердіи Божіемъ! Стоитъ только обратиться къ Богу, исповѣдать предъ Нимъ грѣхи, испросить у Него прощенія и помилованія,—и мы спасены. Таково покаяніе, которое даровалъ намъ Господь, по милосердію Своему, и къ которому нынѣ призываетъ насъ Св. Церковь.

Понимаемъ ли мы, братіе, цѣну этого великаго намъ дара Божія? Хорошо ли знаемъ достоинство и спасительную силу покаянія? Кажется, не совсѣмъ. Въ этомъ обличаетъ насъ собственная наша жизнь. Знаемъ ли мы свои грѣхи, думаемъ ли о нихъ, скорбимъ ли о томъ, остерегаемся ли, избѣгаемъ ли ихъ? Кажется, нѣтъ. А вѣдь этому бы непремѣнно надлежало быть. Возьмемъ въ примѣръ. Если бы кто или въ нетрезвости ума, или въ нетрезвости чувствъ оскорбилъ какое нибудь знатное лице, былъ ли бы онъ спокоенъ? Неужели бы онъ не жалѣлъ, не сокрушался о своемъ поступкѣ? Неужели бы онъ не страшился отвѣтственности и будущихъ пагубныхъ для него послѣдствій? А мы? Мы ежедневно, ежечасно прогнѣваемъ, оскорбляемъ своими грѣхами Бога, Который

есть Господь и Владыка всѣхъ, отъ Котораго зависитъ не только настоящая и будущая участь наша, но и каждое мгновеніе жизни,— прогнѣваемъ и оскорбляемъ,—и чтожь? Жалѣемъ ли о томъ, мучить ли насъ совѣсть, страшить ли насъ гнѣвъ Божій? Нимало. Какъ будто ничего не бывало, какъ будто мы ничего худаго не сдѣлали, какъ будто нѣтъ никакихъ отношеній ни у насъ къ Богу, ни у Бога къ намъ. Согласимся, братіе, что это къ прискорбію, по большей части бываетъ такъ. Мы такъ обжились съ міромъ, такъ свыклись съ грѣхами, что не чувствуемъ неправильности своей жизни, думаемъ, что иначе жить мы не можемъ и не должны. Готовы, пожалуй, считать себя хоть безгрѣшными, ежели не имѣемъ явныхъ, грубыхъ, тяжкихъ беззаконій. А того не знаемъ, сколько каждая минута уноситъ нашихъ грѣховъ въ вѣчность, и за каждый изъ нихъ мы должны будемъ дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Если внимательно прослѣдить наши мысли, чувства, слова, дѣйствія за одинъ день, это составитъ цѣлую исторію грѣшника. Знаете ли, сколько мы въ день произнесемъ однихъ словъ, не говорю вредныхъ, поносительныхъ, соблазнительныхъ, а просто свободныхъ, праздныхъ? Десятки, сотни, пожалуй, тысячи. А что говоритъ Господь? *Глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекуть человецы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Матѣ. 12: 36). Что послѣ сего? Ежели за одно праздное слово потребуютъ отъ насъ отвѣта, то какой отвѣтъ дадимъ за безчисленное множество худыхъ словъ, за безчисленное множество худыхъ дѣлъ? И объ этомъ не думать, этимъ не возмущаться, въ этомъ не искать себѣ прощенія покаянiемъ?

Что мы мало цѣнимъ божественный даръ покаянiя, это видно изъ того, какъ вступаемъ мы въ преддверіе Святой Четырдесятницы, какъ располагаемся и готовимся на подвигъ покаянiя. Возвратимся еще къ прежнему подобію. Кто оскорбилъ какое-либо знатное лице, тотъ, какъ сказали мы, скорбитъ, беспокоится, страшится. Что-жь, если бы сказали ему, что въ проступѣхъ его можно испросить ему у оскорбленнаго лица прощеніе, и если бы увѣрили его, что этотъ вельможа, какъ добрый и милостивый, непременно проститъ его? Что? Не сочтетъ ли онъ въ такомъ случаѣ себя счастливымъ, не приметъ-ли съ радостію такого добраго совѣта и не рѣшится ли на то, чтобы просить у оскорбленнаго прощенія себѣ? А мы? Св. Церковь нынѣ вызываетъ насъ на покаянiе въ нашихъ грѣхахъ, съ полнымъ обнадеживанiемъ на милость и прощеніе отъ Бога. Что же мы? Охотно ли, съ радостію ли выслушиваемъ этотъ призывъ Цер-

ковный? Напротивъ, не для многихъ ли изъ насъ онъ кажется противнымъ, тяжелымъ, грустнымъ? Не многіе ли изъ насъ желали бы не слышать его, и какъ можно болѣе отдалить отъ себя самое время покаянія? А какъ приводятся у насъ и самые дни, предшествующіе Св. Четырдесятницѣ? Веселости и забавы у насъ увеличиваются, чувственнымъ желаніямъ и страстямъ дается большая свобода; мы какъ будто разстаемся съ любимымъ нами міромъ, и потому хотимъ какъ можно болѣе черпнуть изъ чаши земныхъ, грѣховныхъ наслажденій. Гдѣ же приготовленіе къ покаянію? О, этого и въ мысляхъ ни у кого нѣтъ. Возьмите сырную седмицу. Похожа ли она на предверіе поста? Возьмите послѣднее воскресенье. Что въ этотъ день воспоминаетъ Церковь? Грѣхопаденіе наше и изгнаніе насъ изъ рая. А въ этотъ-то день у насъ и самое большое веселіе, самыя крупныя наслажденія. Что это? Чему мы такъ празднуемъ? Тому, что ли, что мы согрѣшили, что мы лишены рая и осуждены на вѣчную смерть? Ахъ! Въ какомъ разладѣ представляется жизнь наша съ правилами вѣры и установленіями Церкви! Право, если посмотрѣть на насъ со стороны, то никакъ не повѣришь, что наступаетъ у насъ время покаянія, нивакъ не повѣришь, что мы даже Христіане.

Заглянемъ ужъ кстаті и въ Св. Четырдесятницу, чтобы видѣть, въ какомъ значеніи у насъ покаяніе. И опять посмотримъ на вышеприведенный примѣръ. Кто оскорбитъ какое либо знатное лицо и рѣшится идти къ нему просить прощенія: что онъ сдѣлаетъ? Неужели самъ не выскажетъ своей вины, неужели не будетъ униженно и слезно просить себѣ прощенія? А когда добрый и милосердый господинъ проститъ его, неужели онъ приметъ эту милость безъ сладкаго чувства и безъ сердечной благодарности, и неужели рѣшится впредь на подобный поступокъ? Не можетъ быть. Таково ли наше покаяніе предъ Богомъ? Когда придемъ на исповѣдь, то часто не знаемъ, что и сказать. Хорошо, если спроситъ духовникъ, не согрѣшили ли въ томъ-то и въ томъ-то. Тогда получить отъ насъ отвѣтъ, да какой? Часто не болѣе, какъ „да“ и „нѣтъ“. Когда выйдемъ съ исповѣди, чувствуемъ ли въ себѣ спокойствіе и миръ? Трепещетъ ли наше сердце отъ радости спасенія? Показывается ли у насъ на глазахъ благодарная слеза? Рѣдко, рѣдко. Да это и неудивительно. Гдѣ не было сокрушенія, скорби и печали, тамъ не можетъ быть и радости. Кто не чувствовалъ тяжести грѣховъ, тотъ не можетъ чувствовать и облегченія отъ тяжести грѣховной. А послѣ исповѣди думаемъ ли мы о своемъ исправленіи? Располагаемся ли

не повторять тѣхъ же грѣховъ? Совсѣмъ нѣтъ. Покаяніе и исповѣдь считаемъ только за временный обрядъ, за долгъ, по исполненіи котораго спокойно принимаемся за старыя дѣла и за старыя грѣхи, ни мало не помышляя о томъ, что на сей разъ говорить каждому кающемуся Самъ Господь: *иди, и отсели ктому не согрѣшай* (Іоан. 8: 11), или *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5: 14).

Сами видите, братіе, сколь мало цѣнимъ мы такой великій намъ даръ милосердія Божія, каково покаяніе. Сами можете разсудить и то, какъ оскорбительно это для Бога и какъ опасно для насъ самихъ. Быть виновными, и не чувствовать своей виновности, и не стараться, коль скоро можно, загладить свою вину—разумно ли это? Не можемъ отстать отъ грѣховъ, да не хотимъ и каяться? Не можемъ какъ грѣшники, стоять предъ правдою Божіею, да не хотимъ прибѣгнуть и подъ кровъ милосердія Божія? Нѣтъ, братіе. Съ благодареніемъ Богу и Матери нашей Св. Церкви вступимъ на поприще приближающейся Святой Четырдесятницы и принесемъ Богу раскаяніе во грѣхахъ нашихъ, — да не какъ нибудь, а съ разумомъ, съ чувствомъ, съ сокрушеніемъ. Ахъ какъ нужно и поскорѣть и поплакать въ это время! Слезы покаянія—второе для насъ крещеніе. Онѣ смоютъ съ насъ скверну грѣховную, сдѣлаютъ насъ опять какъ новыми, чистыми и достойными наслѣдія вѣчныхъ благъ въ Царствіи Небесномъ. Чего да сподобитъ всѣхъ насъ Всеблагій и Премилосердый Господь нашъ, по Своей великой благодати и милости. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 67.

Явленіе на небѣ знаменія Креста предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ.

Господи благослови!

*Тогда явится знаменіе Сына
человѣческаго на небеси: и тогда
восплачутся вся колѣна земная.
(Матѣ. 24: 30).*

Въ слѣдующее воскресеніе Св. Церковь будетъ воспоминать второе славное пришествіе на землю Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, и послѣдній страшный судъ Его надъ родомъ чловѣческимъ, предсказанные въ Евангеліи Самимъ Спасителемъ

нашимъ. Предваряя такимъ образомъ въ мысляхъ нашихъ имѣющее быть церковное воспоминаніе втораго пришествія Христова, обратимъ вниманіе наше, братіе, на одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя по свидѣтельству Евангелія, имѣютъ послѣдовать предъ самымъ пришествіемъ Христовымъ: *тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси, повѣстуетъ Евангеліе, и тогда восплачутся вся колѣна земная.*

Явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси. Что это за знаменіе? Знаменіе распятаго Христа—Крестъ Христовъ. Крестъ Христовъ явится на небѣ. Какое чудное и страшное явленіе! Первому, смиренному пришествію Христову предшествовало явленіе на небѣ тихо, мирно сіяющей звѣзды; второму, славному пришествію Его будетъ предшествовать величественное явленіе Креста. Знаменія эти чрезвычайныя, не то, что знаменія обыкновенныя, всегдашнія какъ солнце, луна, звѣзды, не то, что знаменія повременныя, каковы кометы и другія явленія,—нѣтъ!—Знаменія эти—вѣстники великихъ всемірныхъ событій, предтечи непостижимыхъ дѣлъ Божіихъ въ преобразованіи міра. И обыкновенныя, всегдашнія знаменія, а тѣмъ паче неожиданно являющіяся, поразительно дѣйствуютъ на насъ: каково же будетъ послѣднее, внезапное, величественно-страшное знаменіе—Крестъ? Весь міръ увидитъ его; свѣтъ его возсіяетъ паче свѣта солнечнаго, — и тогда-то *померкнетъ солнце, луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды уже невидимы будутъ* на тверди небесной (Матѣ. 24: 29). Одинъ Крестъ будетъ сіять, пока затѣмъ разверзутся небеса, и Судія міра снидетъ на землю, окруженный безчисленнымъ множествомъ воинствъ небесныхъ. *Явится знаменіе на небеси—Крестъ Христовъ.* Истинно знаменіе. Всѣ тогда познають, Кто былъ Распятый на Крестѣ; всѣ увѣрятся, что Тотъ, Который жилъ нѣкогда на землѣ, какъ человѣкъ, есть истинный Богъ; Тотъ, Котораго судили и осудили на смерть, какъ преступника, есть Судія міра; Тотъ, Который висѣлъ на Крестѣ между разбойниками, какъ подобный имъ злодѣй, есть Царь Ангеловъ; Тотъ, Котораго стерегли во гробѣ, какъ мертваго, есть Начальникъ жизни; Тотъ, Котораго отвергли Іудеи, какъ лъстеца и возмутителя народнаго, есть истинный обѣтованный Спаситель міра, Христосъ.

Каково же будетъ тогда роду человѣческому? Что должно послѣдовать въ зрителяхъ такого необычайнаго знаменія? То самое, о чемъ говоритъ Евангеліе: *И тогда восплачутся вся колѣна земная.* Страшныя минуты! Безъ трепета нельзя будетъ взглянуть на небо. Ясно будетъ, что насталъ конецъ міру, сейчасъ отверзутся небеса, сей,

часть увидятъ грядущаго на облакахъ Господа славы; сейчасъ откроется страшный судъ Христовъ, сейчасъ послѣдуетъ рѣшеніе участи человѣческой; сейчасъ наступитъ и вѣчное славное Царство и вѣчная горькая мука. Какое будетъ смятеніе, какой страхъ, какой плачевный вопль! *Восплачутся вся колына земная.* Всѣ восплачутся и особенно грѣшники. Восплачутся грѣшники, и, о!—какимъ горькимъ, безотраднымъ плачемъ! Восплачутся невѣрные Іудеи, распявшіе *Исуса Господа и Христа своего* (Дѣян. 2: 36). Восплачутся магометане, познавъ лесь и обманъ своего лжепророка, и тщету и пагубу своего нечестиваго закона. Восплачутся язычники, непринявшіе проповѣди Евангельской и оставшіеся въ своихъ суевѣріяхъ и заблужденіяхъ. Восплачутся Христіанскіе еретики и раскольники, раздиравшіе своими плотскими мудрованіями Церковь Божию и не восхотѣвшіе познать силу Креста Христова. Восплачутся противники вѣры, вольнодумцы, соблазнители, проповѣдники нечестія и растлѣнныхъ нравовъ. Восплачутся всѣ, проведеніе жизнь свою во грѣхахъ, въ служеніи плоти и страстямъ и умершіе безъ покаянія и исправленія. О, какъ горько восплачутся всѣ таковыя! Какъ страшно будетъ для нихъ явленіе Креста! Они-то возопіють тогда горамъ: *падите на ны и покройте ны* (Апок. 6: 16), закройте насъ отъ этого страшнаго знаменія; не дайте намъ видѣть лице грядущаго Судіи міра; не стерпимъ для насъ *великій день гнѣва Его* (Апок. 6: 17).

А праведники? Праведники возрадуются,—и какою неизобразимою, претрепетно-сладкою радостію! Возрадуются Пророки и Апостолы, что они ближайшимъ образомъ послужили Спасителю и спасенію міра, претерпѣвъ, подобно Христу, и мученіе и смерть. Возрадуются мученики Христовы, что они не измѣнили истинной вѣрѣ, не отреклись отъ Христа, при видѣ страшныхъ мученій, а исповѣдали Его, и муки и смерть претерпѣли за Него. Возрадуются Святители и Пастыри стада Христова, что они свято и непорочно совершили служеніе свое и ревностно назидали и утверждали Церковь Божию на земли. Возрадуются пустынножители, что они, презрѣвъ суетный міръ, провели временную жизнь свою въ подвигахъ поста и молитвы, въ слезахъ покаянія. Возрадуются мірскіе Христіане всѣхъ возрастовъ и состояній, что они и въ мірѣ жили, какъ требовалъ законъ Божій, благочестиво, честно, воздержно, съ усердіемъ и любовію исполняя всѣ Христіанскія обязанности. Всѣ праведники возрадуются, когда увидятъ знаменіе Креста Христова, когда узнають, что настаетъ день блаженнаго воздаянія за подвиги вѣры, и уже

готовъ имъ *вънець правды, его же воздастъ имъ Господь праведный Судія* (2 Тим. 4: 8). Тогда-то исполнятся слова Христовы, которыя сказалъ Онъ Апостоламъ во время бесѣды Своей съ ними о будущей судьбѣ міра: *начинающимъ симъ (знаменіямъ) бывать, восклонитесь и воздвигните главы ваша; зане приближается избавленіе ваше* (Лук. 21: 28).

Вотъ, братіе, до какого страшнаго времени доживетъ наконецъ родъ человѣческой! Когда же, скоро ли, придетъ это время, явится на небѣ Крестъ, наступитъ послѣдній день и часъ? На это отвѣчаетъ намъ Самъ Господь: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. 1: 7). *О дни томъ и часъ никто же вѣсть, ни Ангели небеснїи, токмо Отецъ Мой единъ* (Матѳ. 24: 36). *Однакожь грядый придетъ и не укоснитъ* (Евр. 10: 37), а когда именно, не знаетъ никто. *Не вѣсте дне, ни часа, въ онъже Сынъ человѣческой придетъ* (Матѳ. 25: 13), говоритъ Господь. Что-жъ, ежели скоро, ежели сегодня, сейчасъ? Буди воля святая Его! *Возопіемъ Ему: не види въ судъ съ рабы Твоими. Услыши насъ въ собственной правдѣ Твоей* (Псал. 142: 1, 2). А ежели еще долго? Буди благодареніе Ему! Неужели тогда забудемъ этотъ день? Неужели станемъ жить только для себя, для плоти, для міра? Нивакъ. Этимъ вѣдь только умножимъ свои грѣхи и увеличимъ свою отвѣтственность на судѣ Христовомъ. А съ благодареніемъ милосердію Божію будемъ чѣмъ далѣе продолжать поприще жизни нашей, тѣмъ болѣе исправлять и усовершенять себя и никогда не забывать, а всегда имѣть и въ сердцѣ и въ устахъ молитву къ Богу, какую слышимъ нынѣ въ Церкви: *множества содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго; но надѣяся на милость благоутробія Твоего яко Давидъ вопію Ти: помилуй мя, Боже, по велицѣй Твоей милости* (стих. трїод. постной на утр. недѣл. послѣ Евангелія). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 68.

Время Святой Четырдесятницы подобно загробному состоянію Христіанъ.

Господи благослови!

Наступающее послѣднее предъ Великимъ постомъ воскресенье чѣмъ особенно замѣчательно у насъ, знаете, братіе? Въ этотъ

день мы, по древнему Христіанскому обычаю, прощаемся другъ съ другомъ и цѣлуемъ другъ друга. Чувствительное зрѣлище и, конечно, богатое своимъ внутреннимъ значеніемъ! Дѣйствительно, не одно, не два, а нѣсколько поучительныхъ знаменованій можно открыть въ этомъ благочестивомъ нашемъ обычаѣ, но особенно замѣчательнѣйшій видъ исполненія онаго. Всѣ мы прощаемся, всѣ цѣлуемъ другъ друга. Что же это? Разлучаемся, что ли, мы? Отправляемся, что ли, куда? А вотъ доживемъ до Святой Пасхи, — тогда опять привѣтствуемъ другъ друга, цѣлуемъ другъ друга, какъ будто давно не видались, какъ будто на долго разлучались. Чтобы это значило? Да это, очевидно, образъ имѣющей быть великой нашей разлуки; это подобіе будущаго необыкновеннаго нашего свиданія. Прощаемся нынѣ предъ наступленіемъ поста: такъ будемъ прощаться при наступленіи смерти. Привѣтствуемъ другъ друга въ день воскресенія Христова: такъ будемъ привѣтствовать взаимно себя въ день общаго воскресенія изъ мертвыхъ. Что же постъ, время великой Четырдесятницы? Это жизнь загробная, время послѣ смерти до явленія новой, некончаемой жизни.

Въ этомъ значеніи, стало быть, совершаемое нами предъ наступленіемъ великой Четырдесятницы прощеніе весьма для насъ, братіе, поучительно. Ежели время предъ наступленіемъ поста изображаетъ подобіе времени наступленія нашей смерти; то, вступая въ постъ, мы должны и представлять себѣ смерть, а представляя смерть, и поступать такъ, какъ бываетъ при смерти. При смерти мы забываемъ все мірское, оставляемъ все земное, погашаются въ насъ всѣ чувственныя желанія и страсти: такъ и нынѣ, при вступленіи въ постъ, мы должны забыть всю суету міра, оставить всѣ, несообразныя съ святостію времени, дѣла и занятія, погасить въ себѣ всѣ грѣховныя движенія, плотскія похоти и страсти. При смерти мы чувствительно и искренно прощаемся другъ съ другомъ: такъ и нынѣ должны просить другъ у друга прощенія не по одному обычаю, не изъ одного приличія, а отъ души и сердца. При смерти мы приносимъ Господу Богу полное, съ глубокимъ сокрушеніемъ и скорбію, покаяніе во грѣхахъ: и нынѣ должны вступить на поприще покаянія съ рѣшительнымъ намѣреніемъ очистить себя отъ грѣховъ откровеннымъ, искреннимъ и чувствительнымъ раскаяніемъ въ нихъ.

А во время поста, въ теченіе Св. Четырдесятницы, какъ слѣдуетъ намъ держать себя? Слѣдуетъ держать себя по подобію жизни загробной. Что бываетъ съ нами послѣ смерти? Тѣло умираетъ

а душа, по разлученіи отъ тѣла, продолжаетъ жить въ ожиданіи будущей вѣчной жизни. Итакъ, въ какомъ состояніи будутъ тѣло наше и душа наша, по смерти, въ такомъ качествѣ мы должны представлять себя по тѣлу и по душѣ и во время поста. Тѣло наше, по смерти, мертво, — оно не требуетъ ни пищи, ни одѣянія: и мы нынѣ должны отказать себѣ по крайней мѣрѣ въ излишней и прихотливой пищѣ и нарядной и пышной одеждѣ. Тѣло наше, по смерти, бездыханно: и мы нынѣ должны изгнать изъ себя *духъ праздности, унынія, любоначалія, и празднословія* (молитв. Св. Ефр.), духъ всякихъ нечистыхъ страстей и плотскихъ похотей. Тѣло наше, по смерти, неподвижно: и мы нынѣ должны удержать себя отъ всѣхъ худыхъ, предосудительныхъ и преступныхъ дѣлъ. Также должны мы поступать и относительно души. Душа, по разлученіи съ тѣломъ, живетъ независимо отъ тѣла; хорошо и намъ, во время поста, жить и дѣйствовать духовно, какъ бы мы были внѣ тѣла. пребывать въ молитвѣ, въ богомыслии, въ созерцаніи великихъ и чудныхъ дѣлъ божественнаго смотрѣнія о спасеніи нашемъ. Душа, по разлученіи съ тѣломъ, проходитъ воздушныя мытарства, даетъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, и часто съ трудомъ и скорбію совершаетъ этотъ таинственный путь: надо и намъ, во время поста, внимательно разсматривать свою прошедшую жизнь, исповѣдывать содѣянные грѣхи, и въ сокрушеніи и слезахъ проходить поприще покаянія. Душа, по прехожденіи воздушныхъ мытарствъ, благодатию Божіею сподобляется явленія предъ самое лицо Христово и участія въ небесной славѣ и блаженствѣ: и насъ Св. Церковь, по исповѣданіи и очищеніи грѣховъ, сподобляетъ таинственнаго видѣнія Христа Бога нашего и причастія безсмертной жизни Его въ преподаваемыхъ Ею дарахъ пречистаго Тѣла и животворящей Крови Христовой, къ какому блаженству и славѣ Божественной и должны мы спѣшить со всѣмъ Христіанскимъ расположеніемъ и рвеніемъ.

Но слава и блаженство Христіанъ за гробомъ однѣми душами ихъ все еще не полны и не совершенны. Души живутъ и блаженствуютъ, а сотрудники въ земныхъ подвигахъ, — ихъ тѣла лежатъ въ нѣдрахъ земли, безъ жизни, безъ славы, по большей части безъ вида и доброты. Но вотъ наступитъ послѣдній день, кончится нынѣшній вѣкъ, произойдетъ общее воскресеніе; тѣла снова соединятся съ душами, явятся опять всѣ тѣ же человѣки, только въ лучшемъ, духовномъ, прославленномъ видѣ, увидятъ новый свѣтъ, новую безконечную жизнь, всеблаженное Царство Божіе, уготованное избраннымъ Божіимъ, и Самого Христа, Бога и Спасителя своего. Тутъ-

то будетъ радость, тутъ-то торжество; тогда-то произойдетъ опять свиданіе,—и какое свиданіе, какія привѣтствія, какія лобзанія! Этихъ первыхъ, такъ сказать, минутъ жизни вѣчной никакимъ образомъ ни постигнуть, ни вообразить мы нынѣ не можемъ. Предображаютъ ихъ только радостныя минуты свѣтлаго праздника воскресенія Христова. Этотъ божественный праздникъ именно есть образъ будущаго нашего воскресенія. У насъ послѣ поста, какъ будто послѣ загробной жизни, въ первыя минуты праздника Пасхи происходитъ торжественное свиданіе; всѣ привѣтствуютъ, всѣ цѣлуютъ другъ друга; всѣ радуются—чему? Христову и вмѣстѣ своему собственному воскресенію. Христово воскресеніе есть и наше воскресеніе. Христосъ воскресъ,—и мы съ Нимъ воскресли.

Вотъ, братіе, чѣмъ кончится Святая наша Четырдесятница! Кончится опять взаимнымъ привѣтствіемъ и лобзаніемъ, но привѣтствіемъ уже восторженнымъ, лобзаніемъ сладостнымъ. Тогда мы какъ будто домой возвратимся,—возвратимся здоровыми, счастливыми, блаженными. О, да сподобитъ насъ Господь еще дожить до этихъ небесныхъ, божественныхъ минутъ, увидѣть торжество и славу этого праздниковъ Праздника! Да сподобитъ насъ Господь въ подлежащую Святую Четырдесятницу *подвигомъ добрымъ подвижаться, теченіе поста совершити, вѣру нераздѣльную соблюсти, похителемъ грѣха явитися, и неосужденно достигнути поклонитися и Святому воскресенію!* (Заамв. мол. прежд. литур.). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 69.

Поученіе заключительное.

Господи благослови!

По принятому нами правилу пришли мы теперь, братіе, къ заключенію особенныхъ нашихъ молитвословій. Начавъ при благословеніи и совершивъ при помощи Всевышняго, сегодня оканчиваемъ мы годъ, девятый—молебныхъ пѣній, и первый—Христіанскихъ нашихъ бесѣдъ.

Что же остается намъ сдѣлать? Не другое что, какъ принести общее наше благодареніе Благодарителю нашему Богу, что Онъ, по великой благодати Своей, допустилъ насъ принести Ему наши недостойныя молитвы, моленія и прошенія какъ о собственномъ на-

немъ здравіи и спасеніи, такъ и о упокоеніи преставльшихся отецъ, братій и сродниковъ нашихъ, и сподобилъ насъ скудными нашими бесѣдами хотя нѣсколько проникнуть въ тайну святаго нашея вѣры и въ познаніе божественнаго Закона Его. Не другое что, какъ просить Его милосердіе, чтобы Онъ благоволиительно принялъ наши молитвы и даровалъ намъ благодать оставленія грѣховъ и надежды на вѣчную блаженную жизнь, а познанія вѣры и закона Его помогъ намъ обратиться въ жизнь нашу послѣдованіемъ божественному ученію Его и исполненіемъ святой воли Его. Не другое что, какъ умолять Его долготерпѣніе, да сподобитъ насъ еще и еще недостойными нашими молитвами послужить Ему къ славѣ имени Его и въ наше спасеніе, и болѣе и болѣе принимать отъ Него *святъ и разумъ, да познаемъ* Его *Бога истиннаго, и да будемъ въ истиннѣмъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5: 20). Да будетъ же благословенъ Богъ нашъ, сице благоволивый, всегда, нынѣ и во вѣки!

Затѣмъ позвольте, мнѣ, братіе, сказать вамъ нѣсколько словъ.

Первое слово мое—слово благодаренія вамъ. Благодарю васъ, что вы не гнушались моими простыми, безыскусственными поученіями, а слушали оныя съ Христіанскимъ расположеніемъ. Высотъ человѣческихъ мыслей, красотъ и искусству человѣческаго слова не мѣсто въ домѣ Божіемъ, тамъ, гдѣ долженъ быть слышенъ голосъ одной Премудрости Божіей! Истина Божія имѣетъ собственную, недосыгаемую для ума и слова человѣческаго высоту и красоту. Человѣческое искусство скорѣе можетъ затмить свѣтъ божественной истины, чѣмъ сдѣлать это доступнымъ для ума и сердца человѣческаго.

Второе слово мое—слово совѣта вамъ. Совѣтую вамъ все, читаете ли, слышите ли священное и душеспасительное, принимать не къ одному умственному познанію, а къ сердечному разумѣнію, всегдашнему памятованію и всевозможному въ жизни своей исполненію. Худо не знать, а знать и не исполнять еще хуже. *Бывайте творцы слова, а не точію слышатели* (Іак. 1: 22), говоритъ одинъ Апостоль. *Не слышателие закона, продолжаетъ другой Апостоль, праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся* (Рим. 2: 13).

Третье слово мое—слово нѣкотораго объясненія предъ вами. Думаю, не отяготилъ ли я слуха вашего, или хотя нѣкоторыхъ изъ васъ, обнаженіемъ нашихъ немощей, прямымъ, открытымъ словомъ о многихъ, несообразныхъ съ чистотою вѣры и силою Закона Божія, нашихъ поступкахъ. Но разсудите; братіе, таково ли это свя-

ценное мѣсто, такова ли обязанность пастыря церковнаго, чтобы словомъ своимъ льстить слуху человѣческому, и горькую правду облекать въ неправду? Неужели должно закрывать язвы грѣховныя и оставлять ихъ на пагубу душъ нашихъ подъ покровомъ собственнаго нашего невниманія и безопасности, или подъ защитою душевредныхъ мірскихъ обычаевъ? Неужели должно занимать слушателей только общими, отвлеченными, къ жизни и дѣятельности малоотносящимися разсужденіями, и не касаться замѣтныхъ, открытыхъ недостатковъ Христіанъ, или же представлять ихъ не въ томъ видѣ, какъ они есть? Всякій проповѣдникъ, кто бы онъ ни былъ, есть служитель Божій, а служителю Божию можно ли быть не искреннимъ, не вѣрнымъ своему Господу, не поборникомъ правды Божіей? Напротивъ, онъ долженъ *проповѣдывать*, возвѣщать волю Божию искренно, праведно, *яко отъ чистоты, яко отъ Бога, предъ Богомъ* (2 Кор. 2: 17). Пусть онъ и самъ такой же грѣшникъ. Однакожъ онъ не долженъ, какъ бы въ защиту и успокоеніе свое, извинять немощи человѣческія и прикрывать безобразіе худыхъ дѣлъ; иначе явится предъ Богомъ еще горшимъ грѣшникомъ. Обличая общее уклоненіе отъ истины и правды Божіей, онъ и самъ долженъ чувствовать всю тяжесть возвѣщаемыхъ грѣховъ, и располагая другихъ, вмѣстѣ съ другими располагать и себя къ покаянію, очищенію грѣховъ и исправленію жизни.

Надѣмся однакожъ (скажу съ Апостоломъ) *о васъ, возлюбленніи, лучшіихъ, и придерживающихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. 6: 9). И вотъ послѣднее мое слово—слово общаго нашего утѣшенія. Всѣ мы грѣшны предъ Богомъ, но Единъ Богъ безъ грѣха; многи, велики и, часто, глубоки наши язвы грѣховныя, но не неисцѣльны. Привержены мы къ міру, но не отступили и отъ Бога; служимъ нерѣдко плоти и страстямъ, но любимъ и свято чтимъ и волю Божию, и законъ Божій. Слаба наша вѣра, однакожъ она есть; мало у насъ добродѣтелей, однакожъ мы и не безъ нихъ. Что значить наше хожденіе въ церковь, наши молитвы, наши поклоны, наши посты, наша покаяніе, наши приношенія и жертвы Богу, наши благодаренія и благотворенія ближнимъ? Для чего мы это дѣлаемъ? Не для спасенія ли нашего? Кто насъ къ тому побуждаетъ? Не вѣра ли наша, не усердіе ли къ Богу, не любовь ли къ ближнимъ? Неужели же все это тщетно предъ Богомъ, бесполезно для насъ? Никакъ не можетъ быть. Будемъ только, братіе, болѣе и болѣе употреблять вниманія и заботы о себѣ, станемъ только болѣе и болѣе исправлять себя, чаще и чаще обращаться къ Богу—

и Богъ не оставитъ насъ, всесильная благодать Его приспѣетъ къ намъ на помощь, — и тогда спасеніе наше несомнѣнно. Боже нашъ, слава Тебѣ!

С Л О В О 70.

Сказанное при началѣ молебныхъ пѣній, 9-го декабря
1853 года.

Вожимъ изволеніемъ и по благословенію Архипастыря нашего, въ праздниѣ зачатія Пресвятыя Богородицы, полагаемъ начало святому и душеспасительному дѣлу. Какое это дѣло? Соборное совершеніе молебствій съ акаѣстами послѣ Божественныхъ литургій по средамъ и пяткамъ каждой недѣли, въ среду Пресвятой Богородицѣ предъ чудотворною иконою Ея, а въ пятокъ Спасителю нашему Иисусу Христу предъ святымъ образомъ Его. Таковыя молебствія оставляемы будутъ только въ святой Великій постъ, въ Сырную и Свѣтлую седмицы, и если случится въ помянутые дни какой либо праздникъ или царскій торжественный день.

Вступая въ сіе святое дѣло служенія Господу и Пречистой Матери Его, напередъ обращаюсь къ вамъ, братіе и сослужители, не поставьте въ излишній трудъ это служеніе, напротивъ того соединитесь общимъ усердіемъ и ревностію, чтобы всѣмъ намъ совокупно получить и милость отъ Бога. Св. Апостоль сказалъ всѣмъ Христіанамъ: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5: 17). И сколько было (а конечно и нынѣ есть) такихъ, которые всю жизнь провели въ непрестанныхъ молитвахъ! Конечно и мы не чужды молитвъ, хотя молитвы наши далеко не таковы, каковы молитвы усердныхъ молитвенниковъ, — конечно, и у насъ, по уставу Церкви, ежедневно совершается служеніе Господу: но, братіе, это служеніе — нашъ долгъ, наша обязанность по роду нашего званія. Гдѣ же наша собственная жертва Богу? Эти молебствія и будутъ нашею жертвою хвалебною Спасителю нашему, какъ Богу для насъ вочеловѣчившемуся, и Матери Божіей, какъ превознесенной надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ и превознесшей весь человѣческій родъ, — жертвою благодарною за спасеніе наше и за всѣ блага, дарованныя и уготованныя намъ отъ неистощимой благости Божіей, — жертвою умиловительною, чтобы Господь, по ходатайству Матери Своей, принялъ насъ милостиво въ будущей жизни; а страшно, страшно каждому явиться туда безъ вѣры, безъ упованія, безъ добрыхъ дѣлъ, безъ всякихъ

заслугъ на милосердіе Божіе. Эти молебствія будутъ жертвою Богу еще и особенною. Какою? Вспомнимъ, сколько разъ прошли мы безбѣдственно посреди сѣни смертной. Трижды губительная болѣзнь *) поражала насъ,—и мы милосердіемъ Божиимъ сохранены до нынѣ. А сколько такихъ, которые внезапно взяты отъ насъ? Если бы Богъ вступилъ тогда съ нами въ договоръ: какихъ жертвъ не согласились бы мы принести Ему за наше помилованіе? А когда Онъ, безъ договора, по одному милосердію Своему помиловалъ насъ: должны ли мы оставаться предъ Нимъ неблагодарными? Итакъ молебствія наши да будутъ и благодарнымъ памятникомъ нашего времени за избавленіе насъ отъ губительной болѣзни и смерти.

Но располагаясь такимъ образомъ приносить молитвы Господу и Матери Его за себя и за свои семейства, не чувствуемъ ли мы, братіе, еще молитвенной потребности? Гдѣ многіе изъ близкихъ нашихъ, съ которыми мы жили вмѣстѣ и въ которыхъ находили радость и утѣшеніе? Ихъ нѣтъ. Нѣтъ у кого отца, у кого матери, у кого сына, у кого дочери, у кого мужа, у кого жены, у кого близкихъ и единокровныхъ сродниковъ. Гдѣ они? Въ другой жизни, въ ожиданіи будущаго суда и воздаянія. Чѣмъ же мы усладимъ горькое чувство лишенія нашихъ присныхъ? Чѣмъ засвидѣтельствуемъ нашу къ нимъ любовь, усердіе и благожеланіе? Одно средство — молитва къ Богу за нихъ. И вотъ, чтобы исполнить этотъ сладкій для насъ и священный долгъ, мы будемъ по субботамъ также ежедневно послѣ литургій совершать соборныя панихиды о блаженномъ упокоеніи нашихъ родителей и сродниковъ, съ такими же впрочемъ исключеніями, какія положены и для молебствій.

Теперь обращаюсь и къ вамъ, благочестивые Христіане, посѣщающіе сей храмъ для молитвы. Отъ всей души готовы мы послужить и вашему спасенію. Съ прославленіемъ имени Божія и сердечною благодарностію къ вамъ, примемъ ваше участіе въ молитвахъ при совершеніи молебныхъ пѣній Спасителю нашему Иисусу Христу и Пречистой Матери Его Маріи, чтобы, при общей ревности и совокупности молитвъ, всѣмъ намъ получить милость отъ Бога и спасеніе. Но, если моленія наши не найдутъ другихъ намъ сомолитвенниковъ, если мы останемся одни, безъ васъ, вѣдайте, что мы не будемъ въ уныніи и лишеніи. Ибо первое и главное побужденіе наше къ совершенію таковыхъ молитвъ есть собственное наше спасеніе.

Спасителю нашъ, Господи Иисусе Христе, предстательствомъ

*) Cholera въ 1830—31, 1848, 1853 годахъ.

Пресвятія Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, благослови начинаніе наше, пріими молитвы наши, какъ благопріятную жертву отъ насъ и, по безмѣрной благодати и милости, воздай намъ,—не здѣсь,—нѣтъ! мы много уже жили для временности,—воздай намъ тамъ, въ вѣчности, чтобы все́мъ намъ, совокупно съ преставшимися родителями и сродниками нашими, предстать предъ Тобою въ радости, для вѣчной блаженной и во вѣки неразлучной жизни! Аминь.

ИЗВѢСТІЕ

О совершаемыхъ въ Вологодскомъ Каѳедральномъ Соборѣ особыхъ недѣльныхъ молитвословіяхъ.

Въ Вологодскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, съ благословенія мѣстнаго Архипастыря, установлены и 9-го Декабря 1853 года начаты особые недѣльные молитвословія. Это — молебствіе Спасителю и Божіей Матери и панихиды о умершихъ. Начиная съ недѣли Ооминой до недѣли Сырной, молебствія и панихиды отправляются, послѣ литургій, соборомъ служащихъ каждую недѣлю, — молебствія, въ среду — Божіей Матери, въ пятокъ — Христу Спасителю, панихиды — въ субботу. Оставляются тѣ и другія только тогда, когда случится въ сказанные дни праздникъ или торжественный день.

Чинъ совершенія молебствій слѣдующій. По окончаніи литургій, выносятся двумя діаконами на аналогіи, въ сопровожденіи служащихъ, икона, въ среду — Божіей Матери все́хъ скорбящихъ радости Чудотворная, въ пятокъ — Христа Спасителя, и поставляется среди церкви при двухъ свѣтильницахъ. Послѣ обычнаго благословенія, молебствіе начинается чтеніемъ Псалма, въ среду — 44-го: *отрыну сердце мое слово благо*, въ пятокъ — 66-го: *Боже, ущедри ны, и благослови ны*. Затѣмъ: *Богъ Господь*, и тропари, въ среду: *Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притечемъ, и: не умолчимъ никогда, Богородице*; въ пятокъ: *Съ вышнихъ призирая*. Послѣ сихъ тропарей, поются на оба лика, въ среду — Богородичные стихи: *Высшую небесъ* и пр., а въ пятокъ: *помилуй мя Боже; молитвами, Милостиве, Матере Твоя Пречистыя; молитвами Святыхъ Архангелъ и Ангелъ; молитвами Предтечи* и пр. Во время пѣнія сихъ стиховъ, первенствующій служащій кадитъ святую ивону на аналогіи, алтарь и весь храмъ съ служащими и предстоящими. Послѣ

кажденіа начинается канонъ. На немъ лики поютъ ирмосы, въ среду: *отверзу уста моя, въ пятокъ: воду прошедъ, а священнослужители—припѣвы въ тропарямъ канонъ, въ среду: Пресвятая Богородице, спаси насъ, въ пятокъ: помилуй насъ Господи, помилуй насъ.* По третьей и шестой пѣсняхъ катавасіа обычныя, въ среду: *спаси отъ бѣдъ, въ пятокъ: избави отъ бѣдъ, и ектеніа также обычныя.* По шестой пѣснѣ читается акаѳистъ, въ среду—Пресвятой Богородицѣ, въ пятокъ Сладчайшему Іисусу. Послѣ акаѳиста, въ среду прокимень: *помяну имя Твое, и Евангеліе обычное Богородицѣ, въ пятокъ прокимень: яви намъ, Господи, милость Твою, и спасеніе Твое даждь намъ, и Евангеліе Іоанна 10-е: Тако возлюби Богъ міръ яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть и пр.* По окончаніи молебна, послѣ достойно и трисвятаго поются на лики тропари: *помилуй насъ, Господи, и пр.* Затѣмъ литійная ектеніа о здравіи и спасеніи мѣстнаго Архипастыря съ братіею и со всею паствою и отпускъ съ Крестомъ, заключаемый трикратнымъ пѣніемъ: *Господи помилуй.* Наконецъ совершается служащими и предстоящими поклоненіе и лобзаніе святой иконы, во время чего пѣвцы поютъ, въ среду: *предстательство Христіанъ непостыдное, а въ пятокъ: пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій.*

Панихиды въ субботные дни отправляются во всемъ по обычному чину. Разница только та, что имена усопшихъ возглашаются на одной великой ектеніи, и ирмосы на катавасію поются шестаго гласа. Усопшіе поминаются—всѣ почившіе Преосвященные Архіепископы и Епископы Вологодскіе, блаженная раба Божія Анна (Графиня Орлова-Чесменская), родители и сродники служащихъ въ Соборѣ и другіе усопшіе, по завѣщаніямъ и частному усердію градскихъ жителей. Имена усопшихъ воспоминаются четыре раза; разъ на проскомидіи, два раза на литургіи, на обычной заупокойной ектеніи и по освященіи Св. Даровъ (въ послѣднемъ случаѣ діаконовъ читаетъ у Престола тайно), и разъ на панихидѣ.

Спустя годъ послѣ установленія сихъ молитвословій замѣченъ недостатокъ въ молитвенномъ призываніи, послѣ Спасителя и Божіей Матери, еще небесныхъ Силъ и всѣхъ Святыхъ. По этому случаю составлена молитва, которую и установлено, также съ благословенія Архипастыря, мѣстно употреблять. Молитва эта читается по субботамъ на солеѣ, между литургіею и панихидою, по предварительномъ пѣніи стиха: *Вся Ангеловъ воинства, Предтечи Господень, Апостолъ двенадцатице, Святіи вси съ Богородицею, сотворите молитву во еже спастися намъ.*

МОЛИТВА

Честнымъ небеснымъ Силамъ и всѣмъ Святымъ.

Всеблаженни и пресвѣтліи Дуси, Архангеловъ, Ангеловъ и всѣхъ Небесныхъ Силъ причестниіи Чинове, выну предстоящи Пресвятой и Пребожественной Троицѣ и свѣтомъ присносущныя славы озаряеми, непрестанно славословящи Трисвятое имя Ея! Къ вамъ прибѣгаемъ съ молитвою и моленіемъ, предстательствуйте за насъ у Престола Господа Вседержителя, и яко служителие благодати, всѣмъ хотящимъ наслѣдовати спасеніе вспомошествовающи, и о единѣмъ грѣшницѣ кающемся веселящися, споспѣшествуйте намъ въ благочестномъ провожденіи привременнаго житія нашего и утвердите стопы наши на пути спасенія.— Преславниіи и богосвѣтліи Дуси Праведныхъ, Святіи Божіи, на земли во плоти богоугоднѣ жительствовавши и нынѣ на небеси со Ангелы ликовствующи, Честниіи Пророцы, предвозвѣстивши дни избавленія нашего, Предтече Господень, проповѣдавшій Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, и сподобившійся крестити Источника святыни во струяхъ Іорданскихъ, Апостоли Христовы, богоутвержденниіи столпи Церкви, весь міръ спасительнымъ ученіемъ Христовымъ просвѣтивши, и богомудрыми и священными законы Церковь Христову неподвижно утвердивши, Святителие и пастырие стада Христова, молитвами и священнодѣйствіемъ святыхъ и божественныхъ тайнъ вѣрныя вся освятивши и путемъ заповѣдей Господнихъ ходити я научивши, Страстотерпцы Христовы и Мученицы, предъ владыки и цари Христа Бога благодержно и исповѣдавши и честную кровь свою за Него проліявши, Преподобниіи и Праведниіи, тѣснымъ и скорбнымъ путемъ теченіе свое совершивши и умерщвленіемъ плоти и страстей Христу срасиявшиися, молимъ васъ, присноблаженниіи, испросите намъ у Христа Бога нашего оставленіе грѣховъ, исправленіе житія и вся благая, къ временной и вѣчной жизни потребная. О, пречестный и преславный Соборе Святыхъ Божіихъ, безплотниіи и плотоносниіи Ангели, предстателие наши и молитвенницы, боголюбезно воззрите на ны и на земную юдоль нашу, помяните насъ странствующихъ и пришельствующихъ, а дарованною вамъ отъ Бога благодатию и силою руководите насъ къ небесному отечеству, укрѣпите нашу немощь, оградите насъ отъ искушеній и соблазновъ, сохраните отъ грѣхопадений, возбудите въ насъ святую любовь ко Господу и ревность о спасеніи нашемъ, насадите въ сердцахъ нашихъ страхъ божественный, на-

правѣте стопы наша къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ и къ исполненію воли Божіей благой и угодной и совершенной. Сотворите, Святіи Божіи, еже жити намъ цѣломудренно и праведно и благочестно въ нынѣшнемъ вѣцѣ, присно же памятовати часъ смертный и страшное второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да благодатію и челоуѣколюбіемъ Его соблюдаемы и спасаемы, и мы грѣшніи и недостойніи сподобимся въ Небесномъ Царствіи купно съ вами поклонятися Престолу Божію, и благодарно и всерадостно славословити Пресвятую и Пребожественную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ 1.

Предначинательное.

Господи благослови!

*Христось воскресе изъ мерт-
выхъ, смертію смерть поправъ,
и сущимъ во гробъхъ животъ да-
ровавъ.*

Съ воскресеніемъ Христовымъ привѣтствую васъ, богоизбранная во Христѣ братіе! Еще сподобились мы совершить всерадостное торжество воскресенія Христова. Еще отпраздновали мы Священную и всепразднственную Пасху. Какіе счастливые мы, братіе! Что можетъ быть для насъ спасительнѣе сего? Какая другая радость достойно можетъ возвеселить сердца наши? Христось Спаситель нашъ воскресъ и, по человѣческому естеству, вступилъ въ безсмертную и всеблаженную жизнь. *Христось воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ, смерть имъ ктому не обладаетъ* (Рим. 6: 9), говорить Апостоль. Итакъ съ воскресеніемъ Христовымъ, повторяю вамъ, братіе, привѣтствіе мое. И только-ли? Нѣтъ. И съ нашимъ воскресеніемъ. Съ собственнымъ нашимъ воскресеніемъ привѣтствую еще васъ, братіе. И мы воскресли во Христѣ Спасителѣ нашемъ. И мы сподобились безсмертной жизни воскресеніемъ Христовымъ (Троп. въ нед. Ваій). Новое для насъ счастье. Новая наша радость. Радость великая, вѣчная. Радость о Христѣ и радость о насъ самихъ. Радость о умерщвленіи смерти воскресеніемъ Христовымъ и радость о вѣчной жизни въ безконечномъ пребываніи съ нами Воскресшаго Господа нашего. Эту радость много-много разъ уже возвѣщала намъ Св. Церковь. Эту радость часто-часто выражали и сами мы съ Церковію. *Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробъхъ животъ даровавъ. Смерти празднуемъ умерщвление; иною житія вѣчнаго начало* (Кан. Пасх. пѣсн. 7. троп. 2),

иѣли мы цѣлюю недѣлю. Да, братіе, Христось, воскресши изъ мертвыхъ, и нашу смерть умертвилъ; Христось, возшедь въ нетлѣнную и присносущую жизнь, и намъ дароваль животъ вѣчный. Теперь-то мы съ живую вѣрою и несомнѣннымъ упованіемъ можемъ произносить Христіанское наше исповѣданіе: *Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*. Слава, Господи, святому воскресенію Твоему!

Совершивъ Святую великую Четырдесятницу и отпраздновавъ пресвѣтлое Христово воскресеніе, мы, братіе паки начинаемъ продолжать обычныя наши молебныя пѣнія Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу и Пречистой Матери Его, Заступницѣ Христіанъ, по средамъ и пяткамъ. Съ этого времени начинается у насъ какъ бы новый годъ особыхъ нашихъ молитвословій. Возобновляю по тѣмъ же днямъ и мои краткія поученія. Не поставьте въ вину, если я буду говорить не только то, чѣмъ питается наша вѣра, но и то, чѣмъ сколько нибудь убѣждается разумъ. Нельзя же намъ не прояснять и свою вѣру, чтобы она была въ насъ чистою и разумною. Самъ Господь, возвѣщая тайны Божіи, пояснялъ ихъ притчами и разными подобіями, заимствуемыми изъ видимой природы, для большаго убѣжденія слушателей.

Чѣмъ же начать намъ наши краткія, простыя бесѣды? Совершивъ торжественное воспоминаніе воскресенія Христова, въ которомъ и мы воскресли и получили вѣчную жизнь, ничѣмъ лучше не можемъ начать нашихъ бесѣдъ, какъ размышленіемъ о дарованномъ намъ воскресеніи и вѣчной жизни. Со временемъ скажемъ что либо и о другихъ предметахъ Христіанскаго благочестія, сколько и какія мысли пошлетъ Господь Богъ. Не оставимъ безъ слова и того, чѣмъ не мало занимается нашъ вѣкъ, и тѣхъ мнѣній, которыя проявляются среди современнаго общества, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе мнѣнія сіи противны вѣрѣ и разрушительны для благополучія нашего, и временнаго и вѣчнаго. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 2.

Какъ смерть человѣческая умерщвлена Христомъ, когда люди и нынѣ умирають?

*Господи благослови!
Смерти празднуемъ умерщвление.
(Кан. Пасх. пѣсн. 7. троп. 2).*

Празднуемъ, братіе, умерщвление смерти. И какъ не праздновать намъ при такомъ нашемъ благополучіи? Представьте осужденныхъ на смертную казнь; представьте и то, что они, по произнесеніи уже надъ ними приговора, прощены, избавлены отъ опредѣленной имъ казни;—представьте, говорю, это,—и вы поймете общее наше благополучіе, настоящую нашу радость. Какъ не праздновать намъ, когда мы, осужденные на смерть, спасены и избавлены отъ смерти? „Да что-же это“, можете сказать, „за спасеніе? Гдѣ умерщвление смерти?“ А Христось развѣ не воскресъ? Онъ былъ мертвъ и воскресъ, а теперь и всегда живъ. „Такъ“, скажете, а мы-то что-же? Гдѣ умерщвление нашей-то смерти? Не такъ же ли и нынѣ смертны всѣ? Не всегда ли и не повсюду ли видимъ умирающихъ? Не всѣхъ ли и насъ ждетъ неминуемая смерть?“ Правда, но вѣдь смерть наша уже не та, какая намъ была присуждена,—не то имѣетъ значеніе, не ту силу. Ждите смерти, но не какъ приговора въ осужденіе, ждите смерти не какъ наказанія, но какъ успокоенія по окончаніи подвига земной жизни, какъ разрѣшенія отъ узъ смертнаго сего тѣла. Смерти, какъ оброка грѣха, не стало, она престала, умерщвлена. — Христось умеръ не за себя, а за насъ, и смертію Своею умертвилъ нашу смерть. Умремъ и мы, но и воскреснемъ, потому что смерть *наша* умерщвлена. Не тотчасъ, не скоро, не послѣ трехъ дней воскреснемъ: что-жъ изъ того? Довольно, что воскреснемъ, непременно воскреснемъ. Мы знаемъ, мы вѣруемъ, что будетъ воскресеніе. Господь ясно сказалъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ; вѣрующій въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11: 25); *и вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5: 28, 25). Развѣ мало этого для насъ? Развѣ не можемъ мы считать себя уже спасенными, избавленными отъ смерти? Не получили еще этой милости отъ Бога, но она уже дана намъ, она объявлена намъ. Можно ли же не праздновать намъ теперь умерщвление смерти? Когда Государь объявляетъ намъ какую нибудь милость, не радуемся ли мы, не празднуемъ ли, хотя бы еще и не получили такой милости?

Выслушайте и еще примѣръ, болѣе близкій и разительный. Въ какомъ нибудь царствѣ содержалось повсюду множество преступниковъ, которые по правосудію приговорены были къ смерти. Вотъ новый царь восходитъ на престолъ и издаетъ милостивый манифестъ, по которому всѣ преступники избавляются отъ смерти и должны быть выпущены изъ темницы въ назпаченное время. Что? Не возрадуются ли, не восторжествуютъ ли помилованные тотчасъ, какъ только это будетъ имъ объявлено? Не въ подобномъ ли состояніи находимся мы, грѣшники, осужденные правдою Божіею на вѣчную смерть, и спасенные *воцарившимся* въ насъ *Господомъ* (Ис. 92: 1), Спасителемъ нашимъ? И намъ послѣдовалъ отъ Бога всемилостивѣйшій манифестъ; и намъ возвѣщено прощеніе грѣховъ, избавленіе отъ смерти и вѣчная жизнь—гдѣ? На Голгоѣѣ, въ самый часъ смерти Спасителя нашего. Доказательствомъ тому — послѣдовавшее тогда воскресеніе мертвыхъ. И намъ объявлена эта великая милость Божія. Кто объявилъ? Ангелы на гробѣ Господа проповѣдали воскресеніе; Самъ Воскресшій Господь сказалъ муроносицамъ: *радуйтесь* (Матѣ. 28: 9). Благовѣстники воскресенія Христова, Апостолы объявили намъ; Святая Церковь до нынѣ непрестанно объявляетъ намъ эту Божественную милость—воснесеніе наше. Какъ же намъ не радоваться: какъ не праздновать умерщвленіе нашей смерти? Еще для насъ сего не послѣдовало, но послѣдуетъ въ свое время. Христось обѣщаль намъ воскресеніе,—и будетъ непременно. Этому мы должны непременно вѣровать. Царскому слову вѣримъ; какъ же не вѣровать Слову Божію?

Вѣруемъ, братіе, что смерть наша умерщвлена смертію и воскресеніемъ Христовымъ,—и мы, послѣ смерти, въ опредѣленное Богомъ время воскреснемъ;—вѣруемъ, и будемъ ожидать этой великой милости отъ Бога. Подумайте, какъ бы стали поступать тѣ, которые осуждены на смерть, но помилованы по челоувѣколюбію и благодати Царя! Они только и стали бы думать о томъ, какъ бы скорѣе получить дарованную имъ Царскую милость, какъ бы дожидаться обѣщаннаго имъ благополучія. Такъ и мы должны поступать. Дарованное намъ отъ Господа спасеніе, будущее наше воскресеніе и вѣчная жизнь должна быть у насъ постоянно въ памяти, въ умѣ и сердцѣ, должна выражаться въ словахъ, въ дѣлахъ и во всей жизни нашей, такъ, чтобы изъ всего видно было, что мы уже *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго възскуемъ* (Евр. 13: 14). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 3.

Отчего не тотчасъ дѣлаемся безсмертными.

Господи благослови!

Спаситель нашъ, Господь Иисусъ Христосъ смертію и воскресеніемъ Своимъ умертвилъ нашу смерть. Это уже объявлено намъ, и мы со временемъ непремѣнно получимъ эту Божию милость, т. е. избавимся смерти, по воскресеніи нашемъ изъ мертвыхъ. „Отчего же не теперь“, вотъ опять вопросъ, — „зачѣмъ еще умирать намъ, когда смерть наша умерщвлена? Почему же не теперь сдѣлаться намъ безсмертными?“ Какъ, теперь? Теперь сдѣлаться намъ безсмертными? Намъ, грѣшнымъ, нечестивымъ, незаконнымъ? Да къ чему же послужить намъ такое безсмертіе? Не къ тому ли же, къ чему оно служитъ и безсмертнымъ врагамъ нашимъ, т. е. къ вѣчному осужденію? Теперь сдѣлаться намъ безсмертными? Какъ?! Безъ всякаго нашего участія въ содѣланномъ для насъ спасеніи, безъ всякихъ со стороны нашей заслугъ, безъ всякихъ собственныхъ нашихъ подвиговъ?! Значить, всѣхъ безъ различія сдѣлать безсмертными и блаженными? Нѣтъ. Надобно принять милость Божию, даръ искупленія нашего съ вѣрою, усвоить его себѣ благодарнымъ сердцемъ и искреннею любовію къ Искушителю и утвердить за собою добрыми дѣлами, благочестивою жизнію. Вотъ тогда и сподобимся этой великой милости отъ Бога. Поэтому и не дается намъ теперь же безсмертіе, а только право на безсмертіе, которое со стороны Бога для насъ, такъ сказать, застраховано — и намъ предоставлено. Кто слѣдовательно воспользуется этимъ правомъ и окажетъ себя достойнымъ безсмертія, разумѣется блаженное безсмертіе, — тотъ и получить оное несомнѣнно. А кто не воспользуется, не пожелаетъ и не постарается усвоить это спасительное право, тотъ подвергаетъ себя, вмѣсто безсмертія, *второй, вѣчной смерти* (Апок. 20: 14).

„Почему не теперь дѣлаемся мы безсмертными?“ А если бы такъ: что же бы это было? Наступила бы вѣчная жизнь. Значить долженъ послѣдовать конецъ нынѣшнему міру; должны воскреснуть всѣ мертвые; ибо и имъ, по совершенномъ умерщвленіи смерти, уже нельзя оставаться мертвыми. Значить, должны уже совершиться всѣ судьбы Божіи о человѣкѣ и открыться на землѣ вѣчное Царство Божіе. Но не рано ли? Наполнился ли еще великій домъ Божій званными и избранными? Не жаждетъ ли безконечная любовь и благодать Божія спасенія еще многихъ и многихъ? Не представитъ

ли продолжающийся и распространяющийся родъ человѣческой еще другихъ желающихъ воспользоваться благодатію и милостію Искупителя нашего, готовыхъ усердно послужить и благоугодить Ему, и насладиться угованнымъ отъ Него блаженствомъ и Царствіемъ, не представитъ ли послѣ насъ еще безчисленныхъ новыхъ чадъ Божіихъ? А это истинно такъ. Благодать Божія для того именно и продолжаетъ настоящее бытіе міра и человѣческаго рода, чтобы какъ можно большее число людей сдѣлать причастниками вѣчнаго блаженства. Послушайте, какой, по свидѣтельству Тайновидца, дается съ неба отвѣтъ на нѣсколько подобное требованіе почивающихъ страдальцевъ за вѣру. *Доколь Владыко святой и истинный не судиши, возопиѣли они къ Богу. Что же Господь? Речено бысть имъ, да почиютъ еще время мало, дондеже скончуются и клеветы ихъ и братія ихъ* (Апок. 6: 10, 11). „Потерпите“, какъ бы такъ сказано было имъ, „еще нѣкоторое время; пусть послѣдуютъ за вами и другіе подобные вамъ, и такъ же послужатъ мнѣ, чтобы и имъ наслѣдовать блаженное безсмертіе“. Что говоритъ и Апостоль Павелъ о ветхозавѣтныхъ праведникахъ, которые не тотчасъ увѣнчались блаженствомъ и славою за свою вѣру? Богъ предопредѣлилъ лучшее и большее дѣло Своего милосердія и благодати, т. е. искупленіе міра смертію и воскресеніемъ Спасителя нашего, и потому не сподобилъ блаженства ветхозавѣтныхъ праведниковъ прежде совершенія тайны всемірнаго искупленія, чтобы имъ не безъ насъ вѣрующихъ получить дарованное всѣмъ милосердіемъ и благодію Его спасеніе. *Сии вси, говоритъ Св. Павелъ о ветхозавѣтныхъ праведникахъ, послушествовали бывше върою не пріяша обѣтованія, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство примутъ* (Евр. 11: 39, 40). Слышите ли, братіе, какія дивныя, премудрыя и всеблагія судьбы Господни въ умедленіи совершеннаго умерщвленія смерти и въ продолженіи настоящаго порядка міра? Неисповѣдимый въ благодати Господь Богъ нашъ еще желаетъ, еще ждетъ желающихъ насладиться блаженнымъ у Него безсмертіемъ; еще призываетъ, еще благовѣствуетъ міру Евангеліе Царствія, еще продолжаетъ бытіе рода человѣческаго, чтобы увеличить число благодатныхъ чадъ Своихъ, чтобы наполнить избранными Своей великій Божественный домъ; и когда наполнятся всѣ многія обители (Іоан. 14: 2) его, тогда уже, только тогда послѣдуетъ полное и совершенное откровеніе славы чадъ Божіихъ, тогда только послѣдуетъ общее воскресеніе и наступитъ неразрушимое безсмертіе; тогда *испразднится* совершенно и *смерть*, этотъ *послѣдній врагъ* (1 Кор. 15: 26) человѣческаго рода.

Не посятуемъ же, вѣрующіе, что дарованное намъ Искупителемъ нашимъ безсмертіе еще отлагается для насъ, что умерщвленная смертію Христовою смерть еще господствуетъ надъ нами, и мы, по закону нашей природы, должны умирать. Что-жь? Вѣдь это временно. Божественная вѣра не обманетъ насъ; Христіанское чаяніе наше не посрамится. Душа, какъ безсмертная, и по смерти будетъ жить, а и *плоть* наша *вселится* въ землю *на упованіи* (Пс. 15: 9), съ надеждою, съ правомъ, съ залогомъ на будущее воскресеніе. Примемъ же благодушно и благопокорно опредѣленіе Божіе о насъ. Пусть исполнятся всѣ премудрыя и благія судьбы Божіи. Пусть продолжается еще міръ и человѣчскій родъ, пусть распространяется Царство благодати, пусть умножается число избранныхъ Божіихъ. Пусть *праведный правду творитъ еще, и святой пусть святится еще* (Апок. 22: 11), въ славѣ Божіей и въ блаженствѣ и радости спасаемыхъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 4.

Почему мы и нынѣ умираемъ, а не прямо восходимъ на небо, въ жизнь вѣчную.

Господи благослови!

Итакъ смерть, умерщвленная смертію и воскресеніемъ Христовымъ, по премудрымъ цѣлямъ Промыслителя нашего Бога, еще продолжаетъ дѣйствовать на насъ, и мы получимъ безсмертіе ужъ послѣ смерти. Послѣ смерти получимъ безсмертіе. Слѣдовательно, все-таки мы должны умереть. „А для чего бы“, подумаешь, „нынѣ умирать, когда смерть умерщвлена? Почему бы вмѣсто того, чтобы идти напередъ въ могилу, не восходить достойнымъ прямо на небо, въ жизнь и Царство Божіе?“ Такъ, можетъ быть, и было бы съ нами, только не нынѣ, въ состояніи паденія и грѣха. Такъ, можетъ быть, было бы тогда, когда не было смерти, когда человѣкъ былъ въ раю чистымъ и непорочнымъ. Тогда, безъ сомнѣнія, человѣкъ, постепенно приходилъ бы въ лучшее и совершеннѣйшее состояніе, и какъ теперь онъ время отъ времени старѣется, дряхлѣетъ и близится къ разрушенію, такъ тогда постепенно дѣлался бы живѣе, крѣиче, легче и духовнѣе. Тогда, конечно, люди и не чрезъ дверь смерти восходили бы на небо, въ вѣчную жизнь и Царство Божіе, а такъ, какъ переселился Енохъ, какъ восхищенъ былъ Ілія.

Теперь мы оканчивающихъ поприще земной жизни провожаемъ въ могилу, а тогда, можетъ быть, провожали бы таковыхъ прямо въ страну горнюю, подобно тому, какъ провожали Апостолы Христа, восходящаго на небо.

Какъ бы то ни было, но только человѣкъ, если бы не согрѣшилъ, былъ бы безсмертенъ, и изърая земнаго прямо восходилъ бы въ рай небесный, дѣлался вѣчнымъ жителемъ неба и общникомъ Ангеловъ. А теперь, — послѣ паденія, послѣ грѣха? Теперь это невозможно. Невозможно грѣшнику миновать смерти. Почему? Вспомните опредѣленіе Божіе о грѣшникѣ. Что сказалъ Богъ первому человѣку? И до грѣха Онъ еще грозилъ ему за грѣхъ смертію. *Смертію*, сказала, *умрете* (Быт. 2: 17). А послѣ грѣха? *Возвратимся*, сказалъ, *въ землю, отъ нея же взяли еси; яко земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3: 19). Слышите ли слово Божіе? И сознаете ли долгъ естественно лежащій на земномъ нашемъ тѣлѣ: яко земля еси и въ землю отъидеши?

Мы желали бы миновать смерть и прямо взойти на небо, въ жизнь вѣчную. А то ли было со Христомъ? Прямо ли Онъ возшелъ на небо, въ славу Бога Отца? Не умеръ ли, какъ одинъ изъ смертныхъ, не былъ ли погребенъ, какъ и всѣ умершіе? Если же Христосъ, Богочеловѣкъ, праведный и безгрѣшный, сдѣлавшись Ходатаемъ и предстателемъ человѣчества, изволилъ подчинить Себя общему опредѣленію Божію о человѣкѣ, то мы ли, грѣшныя, избѣгнемъ смерти? Мы ли, прямо и непреложно подлежащіе праведному осужденію Божію, можемъ, безъ смерти, получить безсмертіе и взойти въ вѣчную блаженную жизнь? Довольно для насъ милости Божіей, что смерти нашей опредѣленъ конецъ, и мы, со временемъ, воскреснемъ въ новую, вѣчную, блаженную жизнь, по подобію воскресенія Христова и Его вѣчной Божественной жизни. Христосъ умеръ и воскресъ, и тѣмъ самымъ явилъ въ лицѣ Своемъ совершеніе и правды Божіей и милости Божіей. Умеръ, и какъ представитель осужденнаго на смерть человѣческаго рода, исполнилъ опредѣленіе Божіе, послѣдовавшее падшему человѣку: воскресъ, и, какъ Искупитель человѣковъ, воспріялъ и даровалъ человѣчеству безсмертіе и жизнь вѣчную. То же самое должно послѣдовать и въ насъ. И мы должны сперва исполнить на себѣ опредѣленіе Божіе о смерти, а потомъ получить и милость Божію, исходатайствованный намъ Искупителемъ нашимъ даръ безсмертія.

Познаемъ же, братіе, премудрость Божію. Господь Богъ изволилъ показать на насъ болѣе Своей милости и славы въ томъ, что

опредѣлилъ возвести насъ на небо не прямо, а чрезъ смерть, какъ древнихъ Израильтянъ чрезъ Черное море. Это тѣмъ славнѣе, тѣмъ величественнѣе, что прехожденіе наше отъ земли на небо, отъ смерти въ животь будетъ всеобщее, торжественное. Самъ Господь придетъ во всей славѣ Божества, со всѣми Небесными Силами; Самъ воскреситъ, Самъ вознесетъ насъ и введетъ въ обители Отца нашего небснаго, чтобы вѣчно такъ жить и царствовать. *Иду, сказалъ Онъ Апостоламъ, разлучаясь съ ними, иду уготовати мѣсто вамъ, и егда уготоваю мѣсто вамъ, паки прииду и поиму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. 14: 2, 3). Вотъ какое утѣшительное обѣщаніе далъ Господь Апостоламъ, и, безъ сомнѣнія, всѣмъ вѣрующимъ!

Будемъ же, братіе, благодарны Благодѣтелю нашему Богу за Его милосердое о насъ промышленіе. Когда Его премудрая и благая воля покажетъ предѣлъ нашей временной жизни, съ живою вѣрою и крѣпкимъ упованіемъ вступимъ въ таинственный путь къ животу вѣчному, и *еще поидемъ посредь стѣни смертныя, не убоимся зла* (Пс. 22: 4). Господь будетъ съ нами; Его всесильная рука поведетъ насъ; Его Божественный покровъ защититъ насъ, Ангелы-Хранители будутъ сопровождать насъ, только бы мы были достойны сего. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 5.

Дѣйствительно ли будетъ воскресеніе мертвыхъ?

Господи благослови!

Неисповѣдимый въ премудрости и силѣ Господь Богъ нашъ опредѣлилъ намъ, какъ сказали мы, братіе, достигать безсмертія чрезъ смерть, и для сего назначилъ послѣдній день, въ который воскресилъ всѣхъ отъ вѣка умершихъ въ новую, безсмертную жизнь. „Да подлинно ли это такъ?“ найдутся, вѣроятно, такіе совопросники. Дѣйствительно ли будетъ воскресеніе мертвыхъ? Будетъ дѣйствительно и непремѣнно. Въ этомъ увѣряетъ насъ Святое слово Божіе и исповѣдуемая нами Православная Христіанская вѣра. Слово Божіе устами Пророка, говоритъ: *воскреснутъ мертвіи, и востанутъ, иже во гробѣхъ, и возрадуются, иже на земли* (Пс. 26: 19). То же слово Божіе, устами другаго Пророка, говоритъ: *мнози отъ спящихъ въ земный персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную,*

а они во укоризну и въ стыднїе отчїное (Дан. 12: 2). Самъ Господь, Ипостасное Слово Божїе, возвѣстилъ въ Евангелїи о будущемъ воскресенїи мертвыхъ. *Вси, сказали Онъ, сущїи во гробнхъ, услышатъ гласъ Сына Божїя, и изыдутъ сотвориши блага, въ воскресенїе живота, а сотвориши злая, въ воскресенїе суда* (Іоан. 5: 28, 29). Какое еще надо свидѣтельство, послѣ свидѣтельства Самого Бога? Умѣстно ли здѣсь какое сомнѣнїе, а тѣмъ паче невѣріе?

„Будеть ли воскресенїе мертвыхъ?“ Несомнѣнно будетъ. Послушайте, что повѣствуетъ намъ то же слово Божїе! Когда Пророкъ Ілія находился въ Сарептѣ Сидонской у одной благочестивой вдовицы, случилось въ то время, что умеръ у нея сынъ. Пророкъ, въ утѣшенїе матери, испросилъ у Бога милость ей, и однимъ дуновенїемъ съ молитвою воскресилъ умершаго (3 Цар. 17: 21). Другой Пророкъ, Елисей, воскресилъ сына жены Соманитянки (4 Цар. 4: 35). А по смерти сего Пророка, въ его гробъ совершилось чудесное въ чудесномъ событіе. Случилось, что когда несли одного умершаго къ погребенїю, по нѣкоторому обстоятельству неслие повергли его во гробъ Елисея; что же? Лишь только коснулся мертвый останковъ праведника, мгновенно ожилъ и всталъ (4 Цар. 13: 21). Апостолъ Петръ воскресилъ Тавїеу, которая лежала уже на одрѣ, уже омытая и приготовленная къ погребенїю. А двѣнадцатилѣтняя дочь Іаира, князя Іудейскаго? (Лук. 8: 55). А сынъ Наинской вдовицы? (Лук. 7: 15). А Лазарь, братъ Марѣи и Марїи, и другъ Христовъ! (Іоан. 11: 44). Первая тоже мертвая лежала на одрѣ, втораго несли уже къ погребенїю, а третїй четыре дня находился во гробѣ,— и что же? Всѣ они всемогущимъ словомъ Спасителя воздвижены и возвращены въ прежнюю жизнь. Что случилось въ самый день распятїя, въ самый часъ смерти Господа Іисуса, Испупителя нашего? *Гроби отверзошася, говоритъ Евангелистъ, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ востаха, и изшедше изъ гроба, внидоша во святыи градъ, и явишася многымъ* (Матѣ. 27: 52, 53). Вотъ уже не одинъ мертвый, а множество мертвыхъ въ одинъ разъ оставили гробы и возвратились въ прежнюю жизнь. Дополнимъ число воскресшихъ, на которыхъ указали мы, по свидѣтельству слова Божїя, еще воскресшими, о которыхъ повѣствуютъ намъ дѣянія церковныя. Не станемъ приводить частные случаи воскресенїя, когда по молитвамъ того или другаго Святителя или Пустынножителя возвращаема была жизнь умершимъ. Приведемъ на память одно замѣчательное въ этомъ родѣ событіе. Всѣмъ извѣстны времена гоненїй, когда Императоры Римскїе, еще не просвѣщенные свѣтомъ Христіанскаго благочестїя,

преслѣдовали исповѣдниковъ вѣры Христовой. Случилось однажды (это было въ городѣ Ефесѣ), что семеро Христовыхъ послѣдователей укрылись отъ гонителей въ близгородной пещерѣ. Враги Христіанъ завалили входъ въ пещеру камнями, разумѣется съ намѣреніемъ умертвить Исповѣдниковъ Христовыхъ голодною мучительною смертію. Что же дѣлаетъ Господь? Посылаетъ на рабовъ Своихъ смертный сонъ, который продолжается не одно столѣтіе. При одномъ изъ Царей уже Христіанскихъ, они пробуждаются, какъ бы отъ сна обыкновеннаго, выходятъ изъ своей вѣковой могилы и являются въ городъ, гдѣ ни ихъ не узнавалъ народъ, ни они -- народа. Это чудо Богъ показалъ именно во свидѣтельство будущаго воскресенія изъ мертвыхъ, истину котораго нѣкоторые тогда дерзали колебать плотскимъ своимъ мудрованіемъ. Видите, братіе, что воскресеніе мертвыхъ по частямъ уже не разъ было, а залогомъ общаго всѣхъ воскресенія и жизни вѣчной и теперь есть. Теперь, говорю, есть. Они у насъ предъ глазами. Разумѣю нетлѣнные останки прославленныхъ Праведниковъ. Сколько таковыхъ почиваетъ въ нашей Православной и благословенной Богомъ Россіи! Давно ли явились къ намъ новые Угодники, Святители Воронежскіе? Оставить нѣдра земныя и явиться опять среди людей, — явиться нетлѣнными, съ вышею, чудодѣйственною силою, — скажите, что это, какъ не знаменіе грядущаго воскресенія? Можно назвать оное и воскресеніемъ, — *это воскресеніе первое* (Апок. 20: 5), предначинательное, за которымъ послѣдуетъ, въ свое время, второе, славное воскресеніе, въ соединеніи души и тѣла на вѣчную блаженную жизнь.

Уже сказаннаго, повидимому, достаточно для утвержденія истины воскресенія мертвыхъ, а еще мы не сказали самаго главнаго, самаго важнаго, что служить основаніемъ нашей вѣры и нашего чаянія будущаго воскресенія. Это — воскресеніе Самого Спасителя нашего, Богочеловѣка Иисуса Христа. Вотъ неизблемое основаніе, краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается общее воскресеніе всѣхъ. Христосъ воскресъ: какое еще нужно доказательство воскресенія? Восресеніе Христово есть источникъ нашего воскресенія. Ежели Христосъ воскресъ, то и мы воскреснемъ. *Аще отржемъ*, говоритъ Апостоль Павелъ, *яко Иисусъ умре и воскресе*, то должны вѣровать, что *Богъ и умершихъ въ Иисусъ приведетъ съ Нимъ* (1 Солун. 4: 14). Послушаемъ, какъ тотъ же Апостоль обличаетъ невѣріе своего времени потому же самому предмету вѣры. *Аще*, пишетъ Апостоль въ Коринѣянамъ, *Христосъ проповѣдуется; яко изъ мертвыхъ воста, како многолятъ нпыци въ васъ, яко воскре-*

*сеніе мертвыхъ нѣтъ? (1 Кор. 15: 12). Аще воскресенія мертвыхъ нѣтъ, то ни Христосъ воста. Аще же Христосъ не воста, тѣща убо проповѣданіе наше, тѣща же и вѣра ваша (1 Кор. 13: 14). Аще мертвіи не востаютъ, кака польза? да ямы и ніемъ; утрѣ бо умремъ (1 Кор. 13: 32). Въ самомъ дѣлѣ, если бы Христосъ не воскресъ, если бы поѣтому и мы не имѣли воскреснуть, то что бы значила наша вѣра Христіанская? Для чего бы мы вѣровали, молились, принимали таинства? Для чего бы мы отказывали себѣ въ требованіяхъ нашей плоти и страстей и подвергали себя воздержанію, терпѣнію, Христіанскимъ подвигамъ? Не лучше ли, не пріятнѣе ли было бы намъ жить въ свободѣ страстей, въ непрестанныхъ мірскихъ и чувственныхъ наслажденіяхъ, ежели жизни нашей навсегда конецъ здѣсь? *Истрезвитесь праведно, продолжаетъ Апостоль, и не согрѣшайте (1 Кор. 13: 34). Таеъ думать и говорить есть знакъ помраченія ума и крайняго заблужденія. Христосъ во истину воскресъ, и воскресеніемъ Своимъ положилъ начало нашему воскресенію. Нынѣ же, говоритъ тотъ же Апостоль, Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть (1 Кор. 13: 20). Якоже о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христвъ вси оживутъ. Кійждо же въ своемъ чину, начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи въ пришествіи Ею (1 Кор. 22: 23).**

Пребудемъ, братіе, какъ истинные Христіане, — пребудемъ вѣрными Божественному Слову и Православному исповѣданію Матери нашей Св. Церкви. Истина будущаго воскресенія мертвыхъ, Священная и непреложная, да будетъ для насъ мечемъ противу воюющихъ въ насъ страстей, стражемъ чистоты душевной и тѣлесной, отрадою среди бѣдъ и злоключеній и залогомъ жизни вѣчной и благъ небесныхъ Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 6.

Какъ можно воскреснуть мертвымъ?

Господи благослови!

Воскресеніе мертвыхъ, братіе, ясно и неоспоримо утверждается словомъ Божиимъ, какъ напредъ сего сказали мы, и многочисленными опытами воскресенія. Вѣрующіе конечно скажутъ: „таеъ, истинно; вѣруемъ и несомнѣнно чаемъ воскресенія мертвыхъ“. А невѣрующіе и маловѣрующіе? „Да какъ“, скажутъ „это возможно?“

Ежели Апостоль Павелъ слышалъ такіе вопросы: *како возстанутъ мертвіи: коимъ же тѣломъ придутъ* (1 Кор. 15: 35): то мудро ли слушать подобные вопросы и всегда? „Какъ“, скажутъ, „можно воскреснуть мертвымъ? Вѣдь тѣла умершихъ уже безжизненны, мертвы; тѣла умершихъ разрушаются и ислѣвуютъ; тѣла умершихъ обращаются въ прахъ и уничтожаются“.

„Какъ можно воскреснуть мертвымъ?“ Да, по нашему нельзя, а по волѣ и силѣ Божіей возможно. *Невозможная у человекъ, возможна суть у Бога* (Лук. 18: 27), сказалъ Спаситель. Къ чему намъ примѣнять свою силу къ силѣ Божіей? Развѣ не знаемъ, что мы немощны, а Богъ — всемогущъ? Ежели мы усумнимся въ силѣ Божіей и дерзнемъ своимъ мудрованіемъ ограничивать Его всемогущество, весь міръ обличитъ насъ, вся вселенная, необъятная въ величинѣ, въ числѣ тварей, въ силахъ и чудесахъ, но получившая бытіе по одному глаголу Творца, вся, говорю, вселенная возстанетъ на насъ съ упрекомъ въ нашемъ неразуміи и слѣпотѣ. Богъ всемогущъ! — Довольно. Значитъ Ему нѣтъ ничего невозможнаго. Ему угодно, Онъ общается воскресить умершихъ, — и воскресить.

„Какъ можно воскреснуть мертвымъ? Тѣла умершихъ уже безжизненны, мертвы“. Чтожъ изъ того? Кто отнялъ у нихъ жизнь, Тотъ снова и оживитъ ихъ. Развѣ это не возможно? Погасите свѣчу. Она — безъ свѣта, безъ жизни, мертва. Зажгите ее снова, и она будетъ горѣть попрежнему. Такъ и тѣла умершихъ. Они мертвы, но ихъ оживитъ Духъ Божій. Гдѣ взять огонь, чтобы зажечь свѣчу? Онъ вездѣ есть; слѣдуетъ только возбудить его. Подобно тому и Духъ Божій, вездѣ сый и вся исполняй. Онъ по свидѣтельству Писанія, *исполни вселенную* (Премуд. 1: 7). Надо только послѣдовать волѣ Божіей. *Послетъ Господь Духа Своего и созиждутся* (Пс. 103: 30) — и мертвыя тѣлеса человѣческія оживутъ. *Воздвигий Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ* (Рим. 8: 11), говоритъ Апостоль Павелъ. Вотъ и еще яснѣйшій и дѣйствительнѣйшій примѣръ. Теперь весна. Видите, какъ все въ природѣ оживаетъ, растетъ, снова начинаетъ бытіе. А что было зимой? Зимой все было хладно, мертво. Это ужъ не будущее, а настоящее воскресеніе, котораго никто, какъ очевидецъ, отвергать не можетъ. Откуда же такая чудная перемѣна? Какъ природа перешла отъ смерти къ жизни, отъ сна къ пробужденію? Конечно не сама собой, а по дѣйствию Духа Божія. Тотъ же Духъ Божій, который нынѣ оживляетъ природу, оживотворитъ и всѣхъ умершихъ. Подобно, какъ нынѣ для природы, будетъ весна и для

человѣческаго рода. И наши тѣла, по смерти, прозябнуть, процвѣтутъ и просіяютъ славою воскресенія.

„Какъ можно воскреснуть мертвымъ? Тѣла умершихъ разрушаются и истлѣваютъ“. Точно такъ. Немногія тѣла остаются непричастными тлѣнію и разрушенію, а большею частію, по смерти, они разрушаются и въ землѣ истлѣваютъ. Чтожъ? Неужели этимъ самымъ разрушается и возможность воскресенія? Напротивъ здѣсь-то и основаніе и объясненіе тайны воскресенія; этимъ-то разрушеніемъ тѣлъ и разрѣшается съ избыткомъ вопросъ о воскресеніи. Слушайте, что на этотъ разъ говоритъ намъ Самъ Господь. *Аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. 12: 24). И Апостоль Павелъ, обличая невѣріе въ воскресеніе мертвыхъ, говоритъ: *безумне, ты еже стѣши, не оживетъ, аще не умретъ* (1 Кор. 15: 36). Дивное подлинно явленіе представляетъ намъ сама видимая природа. Зерно, брошенное въ землю, гніетъ, разрушается, — тлѣетъ; — чтожъ? Тѣмъ и кончается? Нивакъ. Оттуда прозябаетъ, вырастаетъ колосъ съ новыми зернами, во всемъ подобными истлѣвшему. Не чудо ли это, достойное всего нашего вниманія? Не очевидное ли это свидѣтельство того, что Премудрый Творецъ въ самой смерти полагаетъ начало жизни и на разрушеніи созидаетъ новое бытіе? Такъ, братіе. Тайна воскресенія мертвыхъ всегда предъ глазами нашими. Она видимо представляется намъ въ природѣ и утверждаетъ нашу вѣру, и обличаетъ наше маловѣріе.

„Какъ можно воскреснуть мертвымъ? Тѣла умершихъ обращаются въ прахъ и уничтожаются.“ Уничтожаются? Допустимъ и это, хотя въ самой сущности того не бываетъ. Неужели теперь ужъ и побѣда и торжество на сторонѣ невѣрія? Напрасно. Развѣ не знаемъ, что все существующее произошло изъ несуществовавшего, что прежде не было того, что теперь есть? Мы существуемъ теперь, а вѣдь прежде насъ не было. Какъ же мы стали существовать? Родились? Этимъ нисколько не порѣшился вопросъ. Рожденіе наше—это тайна, намъ равно непостижимая. Міръ существуетъ, а вѣдь прежде его не было. Какимъ же образомъ получилъ онъ свое бытіе? Единая всесильная рука Божія воздвигла все это; единое всемогущее слово Творца вызвало всѣ твари изъ небытія въ бытіе. Не постигаемъ, какъ это; оно и непостижимо, однакожъ дѣйствительно такъ. Сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ томъ, что мы видимъ теперь собственными своими глазами. Откуда деревья въ лѣсу, откуда плоды въ садахъ, откуда хлѣбъ въ полѣ? Изъ ничего, изъ ничего.

То же всемогущее слово, Которое сотворило міръ, творить все и нынѣ; та же невидимая рука, которая даровала намъ бытіе, невидимо приготовляетъ и подаетъ намъ все потребное къ житію нашему. И еще, при всемъ этомъ, блуждать въ слѣпотѣ пытливаго ума? Еще, при всемъ этомъ недоумѣвать и сомнѣваться въ томъ, что открываетъ намъ Святая наша вѣра? Какъ воскреснуть мертвые? Такъ же точно, какъ начали жить нынѣ. Ежели всемогущій Богъ далъ намъ разъ бытіе, перстъ возьмъ отъ земли, то очевидно можетъ взять ее отъ земли и въ другой разъ и оживотворить ее. Ежели Онъ цѣлый міръ образовалъ изъ неустроенной, Имъ же сотворенной матеріи, то развѣ не можетъ образовать снова тѣлъ нашихъ изъ персти земной, и представить ихъ тѣми же самыми тѣлами и въ томъ же самомъ, только обновленномъ, видѣ? Господь уже образно показалъ Пророку тайну воскресенія нашего изъ мертвыхъ. Ему представилось въ видѣніи поле, усѣянное сухими костями человѣческими. Изъ этихъ костей, по Божію слову, изрекаемому Сыномъ Человѣческимъ, образовались составы человѣческіе и можетъ быть тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ было и при первобытномъ сотвореніи человѣка, потомъ оживотворилъ ихъ Духъ. По слову Господню, изреченному Пророкомъ, сперва произошло движеніе въ костяхъ, стали соединяться кость съ костью, каждая въ свое мѣсто; потомъ связались жилами, облеклись плотію и покрылись кожей; наконецъ, по вторичному такому же гласу Божію, произнесенному Сыномъ Человѣческимъ, вошелъ въ нихъ духъ жизни,—и всѣ ожили, стали на ногахъ своихъ, и составили великое множество народа (Иезек. 37: 1—10). Не такъ же ли послѣдуетъ и будущее воскресеніе мертвыхъ? Чудны во истину дѣла Божіи! Дивна исповѣдуемая нами Святая вѣра!

Остается намъ, братіе, благоговѣнно покоряться премудрымъ судьбамъ Божіимъ, съ вѣрою принимать Божественное откровеніе о послѣдней участи нашей, и съ христіанскимъ упованіемъ ожидать воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Далъ бы только намъ Господь (объ этомъ, объ этомъ надо намъ позаботиться), далъ бы Господь, по безмѣрной милости Своей, чтобы будущее воскресеніе наше послужило намъ на радость и *въ жизнь вѣчную, а не въ укоризну и въ стыднѣе вѣчное* (Дан. 12: 2). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 7.

Для чего Христось, по воскресеніи, не являлся народу и въ собраніяхъ первосвященниковъ и князей іудейскихъ?

Господи благослови!

Вотъ наконецъ, братіе, достигли мы послѣдняго предѣла Святыхъ и Божественныхъ дней великаго Христіанскаго Праздника. Сегодня торжественно заключаемъ воспоминаніе славнаго воскресенія Христа Бога и Спасителя нашего. Какъ пріятно и радостно встрѣчать намъ этотъ великій, пребожественный праздникъ, такъ грустно разставаться съ нимъ надолго, а инымъ и навсегда! Но для Христіанъ нѣтъ ни времени, ни причины предаваться когда либо скорби. Святая Церковь не оставляетъ насъ безъ утѣшеній почти ни на одинъ день. Она весь годъ обставила воспоминаніями великихъ и славныхъ дѣлъ Бога, Творца и Промыслителя нашего. Сегодня вотъ мы ованчиваемъ торжество воскресенія, а завтра, по благодати и милости Божіей, будемъ праздновать вознесеніе Спасителя нашего на небо.

Такъ, братіе, Господь Іисусъ Христось совершилъ спасеніе падшаго человѣческаго рода, закончивъ дѣло искупленія славнымъ Своимъ воскресеніемъ. Можно ли было не вѣровать, что Онъ есть истинный Сынъ Божій, Искупитель міра, пришествія Котораго ожидали Іудеи именно въ то время, когда Онъ былъ на землѣ, проповѣдывалъ и училъ? Онъ прямо объявлялъ о Себѣ, что Онъ—чаемый Христось, Спаситель міра, и во свидѣтельство истины Своихъ словъ совершалъ такіа дѣла, которыя возможны одному Всемогущему Богу, а навонецъ, и распятый и погребенный, воскресъ изъ мертвыхъ. Какое еще нужно было доказательство божественности лица Его и спасительности явленія Его? Ученики Его, не одинъ, а всѣ, и не однажды, а много разъ видѣли Его по воскресеніи, даже осызали пречистую плоть Его, бесѣдовали съ Нимъ и ѣли и пили съ Нимъ,—эти самые ученики проповѣдывали всему народу іудейскому о Христѣ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, что Онъ есть истинный, чаемый ими Христось и Спаситель міра. Чего еще не доставало для несомнѣннаго убѣжденія въ истинѣ проповѣди Апостольской? А многіе ли изъ іудеевъ приняли эту проповѣдь? Кто изъ фарисеевъ, князей и начальниковъ іудейскихъ увѣровалъ во Христа? Не всѣ ли они вооружились и на Апостоловъ съ тою же ненавистію, съ тою

же злобою, какую постоянно питали и къ Самому Учителю ихъ, Христу?

У пытливыхъ и маловѣрныхъ послѣ этого очень можетъ возникнуть вопросъ: „Для чего Христосъ только *являлся* по воскресеніи, и то однимъ ученикамъ, а не обращался открыто, какъ прежде, или по крайней мѣрѣ не являлся въ собраніяхъ и въ народѣ, чтобы всѣ видѣли и убѣждались въ истинѣ Его воскресенія? Это болѣе послужило бы въ обращенію Іудеевъ и къ распространенію христіанства“. Вопросъ, повидимому, не неумѣстный, хотя довольно смѣлый, и не совсѣмъ благоразумный. Такъ вотъ Самъ Спаситель Христосъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Когда Онъ явился Апостоламъ въ восьмой по воскресеніи день и конечно преимущественно для того, чтобы увѣрить одного изъ нихъ, который не вѣровалъ воскресенію Его и не убѣждался увѣреніемъ видѣвшихъ Его, и когда сей Апостоль, увидѣвъ Его, повѣрилъ воскресенію Его; то Господь сказалъ Ему: *яко видѣвъ Мя, вѣровавъ еси: блаженъ не видѣвши, и вѣровавъше* (Іоан. 20: 29). Замѣтьте, братіе, слова Христовы. Кто, по божественному свидѣтельству Его, блаженъ? Видѣвшій ли и увѣровавшій? или не видѣвшій и вѣровавшій? Послѣдній. О первомъ не сказано, что онъ блаженъ. И точно. Что за достоинство, что за заслуга увидѣть и повѣрить? Важно повѣрить не видѣвши. Когда мы вѣримъ видѣвши, тогда дѣйствуемъ по довѣрію къ самимъ себѣ, тогда мы вѣримъ своимъ глазамъ, вѣримъ себѣ, а не тому, кто проповѣдуется, или кто проповѣдуетъ. А когда вѣримъ не видѣвши, тогда дѣйствуемъ по внутреннему убѣжденію сердца въ достоинствѣ того лица, которое проповѣдуется, или которое проповѣдуетъ.

Не скажется ли послѣ этого: „какимъ же образомъ вѣрить воскресенію, ежели не видѣть Самого Воскресшаго? Вѣдь такъ можно впасть въ обманъ и признать дѣйствительно бывшимъ то, чего на самомъ дѣлѣ не было?“ Вотъ для этого Господь и являлся Своимъ ученикамъ, являлся не разъ и не два, являлся не одному и не однимъ ближайшимъ и всегда пребывающимъ съ Нимъ Апостоламъ, являлся не мгновенно, не на короткое время,—нѣтъ! Онъ бесѣдовалъ съ ними, Онъ училъ ихъ, Онъ давалъ имъ наставленія и дѣлалъ распоряженія для будущаго ихъ Апостольскаго служенія; Онъ, въ объясненіе Своего страданія, смерти и воскресенія, приводилъ имъ все, что сказано было въ Божественномъ Писаніи о Немъ, говоря, что такъ было предопредѣлено и тому надлежало быть; Онъ въ доказательство Своего воскресенія, ѣлъ и пилъ съ ними, и что Онъ не есть духъ, или просто видѣніе, а дѣйствитель-

ный человекъ, показывалъ имъ Свои изъязвленные руки и ноги, и одного изъ нихъ допустилъ даже осязать Его пронзенный бокъ. Чтожъ еще послѣ сего? Развѣ не достаточно доказалъ Господь Свое воскресеніе? Развѣ не стоятъ довѣрія многіе очевидные свидѣтели Воскресшаго?

„Почему же Господь не обращался, по прежнему, съ народомъ, или хотя не являлся среди народа и въ храмѣ, и въ собраніяхъ учителей и князей іудейскихъ“? Обращаться по прежнему Господь уже не могъ, потому что былъ въ духовномъ, прославленномъ тѣлѣ, и не имѣлъ нужды, потому что ходатайственное служеніе Свое уже совершилъ, что и засвидѣтельствовалъ послѣднимъ Своимъ возглашеніемъ на крестѣ: *совершишася* (Іоан. 19: 30). Храмъ Іерусалимскій уже не достоинъ былъ Его присутствія, такъ какъ и благодать Божія уже была отнята у него, и онъ осужденъ на всегдашнее запустѣніе, въ знаменіе чего и завѣса церковная раздралась въ самый часъ смерти Христовой. Являются еще Ему въ собраніяхъ фарисеевъ, первосвященниковъ, учителей и князей іудейскихъ? Да достойны ли они того? Какъ бы они приняли Его? Апостолы увидѣли Его съ радостію, какъ сказано въ Евангеліи: *возрадовашася ученицы, видѣвъше Господа* (Іоан. 20: 20); а они? Они встрѣтили бы Его съ сомнѣніемъ, съ невѣріемъ, съ негодованіемъ, съ презнекою ненавистію и злобою. Нѣтъ. Недостойны и неспособны были они достойно зрѣть Воскресшаго Господа. Не мѣсто тутъ было радости. *Нѣсть радоватися нечестивымъ* (Исаія 48: 22), говоритъ Писаніе. Какая и польза была бы имъ отъ явленія Господа? Перемѣнились бы, думаете, они, обратились бы въ истинѣ, увѣровали бы во Христа? Отнюдь нѣтъ. Не разъ было сказано о нихъ, что они *не увидятъ очима, не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся* (Исаія 6: 10. Іоан. 12: 40), и *еще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (Лук. 16: 31). Не такъ ли точно и было? Когда Христосъ творилъ чудеса, что они говорили? *Нѣсть сей отъ Бога человекъ* (Іоан. 9: 16). Когда Онъ изгонялъ бѣсовъ, что говорили? *О князь бѣсовствъмъ изгонитъ бѣсы* (Матѹ. 9: 34). Когда Онъ воскресилъ умершаго Лазаря, приняли ли они это чудо за свидѣтельство силы Божіей, обратились ли отъ своего заблужденія и нечестія, и увѣровали ли въ Необыкновеннаго Чудотворца? *Совѣщаша архіереи, да и Лазаря убіютъ: яко мнози его ради идаху отъ Іудей, и вѣроваху во Іисуса* (Іоан. 12: 10, 11), говоритъ о нихъ Евангелистъ. Вотъ сколь способны были іудейскіе начальники къ обращенію и къ вѣрѣ во Христа. Судите поэтому, достойны ли они были явленія

къ нимъ Воскресшаго Господа. Нѣтъ. Они, какъ *жестоковѣйшии и необрѣзаннии сердца* (Дѣян. 7: 51), отринуты отъ Бога и отъ благодати Его, и торжество вѣры и благодать спасенія предоставлены смиреннымъ сердцемъ.

Урокъ, братіе, урокъ—фарисей, первосвященники и князи іудейскіе, урокъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Страшно подчинять себя владычеству страстей, и особенно такихъ, каковы самолюбіе, высокоуміе, зависть, ненависть, злоба. Онѣ совершенно ослѣпляютъ человѣка и ведутъ его прямо въ душевную пагубу. Что, какъ не онѣ, искажали и донынѣ искажаютъ чистоту вѣры Христовой по плотскому мудрованію лжеименнаго разума? Что, какъ не онѣ, раздѣлили единое стадо Христово на части, одна другой враждебныя, и многихъ Христіанъ удалили отъ Церкви Христовой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ Самого Христа? Святое дѣло, братіе, смиренно покоряться Божественному слову во гласъ Матери нашей Православной Церкви, и въ простотѣ сердца вѣровать въ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, *распятаго за ны, и страдавша, и погребенна, и воскресшаго въ третій день по писаніемъ*. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 8.

Возможно ли, и какъ совершается превышеземное шествіе Святыхъ?

Господи благослови!

Вчера Св. Церковь торжественно совершала воспоминаніе одного изъ самыхъ чудныхъ и славныхъ событій въ жизни Спасителя нашего Бога. Господь Иисусъ Христосъ заключилъ Свое земное пребываніе восшествіемъ на небо. Прибывъ, вмѣстѣ съ Апостолами, изъ Іерусалима на гору Елеонскую, Онъ благословилъ ихъ, выступилъ изъ среды ихъ, и сталъ, въ виду ихъ, по воздуху подниматься вверхъ, на небо. Апостолы поклонились возносившемуся Христу и возвратились въ Іерусалимъ съ радостію.

Дивно, братіе, небесное путешествіе. Какъ, подумаешь, можетъ человѣкъ подняться съ земли и шествовать по воздуху? Вѣдь это доступно только безилотнымъ. А человѣкъ, облеченный плотію, какимъ образомъ можетъ сего достигнуть? Измыслилъ, правда, и человекъ нѣкоторый способъ подниматься вверхъ и носиться по воз-

духу, но этотъ способъ свидѣтельствуеть только о силахъ природы и о безсиліи и пагубномъ дѣяніи челоуѣка. Нѣтъ. Превыше-земные пути Божіи не таковы. Небесное путешествіе совершается, по выраженію Писанія, *на облакахъ*. Такъ пребожественный Иисусъ, исполнивъ смотрѣніе челоуѣческаго спасенія по воскресеніи Своемъ восшелъ на небо, подъятый облакомъ, какъ повѣствуетъ Священный Дѣписатель. *И облакъ, говоритъ, подъятъ Его (Христа) отъ очю ихъ* (Апостоловъ) (Дѣян. 1: 9). И въ послѣдній день міра, когда имѣеть открыться судъ и Царство Божіе на земли, опять придетъ Онъ, по свидѣтельству Евангелія, *на облацяхъ небесныхъ* (Матѹ. 24: 30). Вотъ какія чудныя колесницы у Господа Бога! Небошественный путь совершается на облакахъ. Не подумайте, однакожь, братіе, что это—облака естественныя, воздушныя, которыя носятся на высотѣ и которыя видимъ мы всегда. Эти облака не могутъ удержатъ и самой утонченной плоти челоуѣческой. Онѣ—ничто иное, какъ носящійся въ воздухѣ туманъ, сгустившійся паръ. Нѣтъ. Это только подобіе, видимое изображеніе невидимаго. Намъ не естественно представить восхожденіе челоуѣка вверхъ, на воздухъ, безъ какого либо пособія, безъ какой либо поддержки. А облака, что мы всегда видимъ, носятся на высотѣ воздушной, какъ небесныя колесницы. Вотъ, по этому подобію, превыше-земное шествіе, восхожденіе на небо и изображается какъ бы совершающимся на облакахъ. Что же теперь облака, на которыхъ якобы возносятся съ земли на небо? Это невидимая рука Божія, это всемогущая сила Божія, подъемлющая и возносящая земныхъ въ страну небесную и пренебесную. Поэтому Господъ нашъ Иисусъ Христосъ, какъ содѣтельная и вседержительная сила Божія, Самъ восшелъ на небо, скрывшись отъ взора Апостоловъ въ облакахъ воздушныхъ. А Святые, каковы наприм. Енохъ и Илія, восходили на небо, подъемлемые невидимою крѣпкою рукою и силою Божіею.

Рука Божія, братіе, всесильна. Власть Господа Вседержителя безпредѣльна, и воля Его исполняется по одному Его Божественному слову. Челоуѣкъ, еще и въ этой брешной и тяжелой плоти, можетъ, по силѣ и волѣ Божіей, совершать шествіе превыше земли и перемѣнять мѣста съ необыкновенною скоростію. Примѣры и на это есть. Пророкъ Аввакумъ внезапно восхищенъ былъ рукою Ангела, и тотчасъ перенесенъ изъ Іудей въ Вавилонъ для насыщенія Пророка Даниила, находившагося въ ровѣ голодныхъ львовъ; Апостолы, какъ небопарные орлы, въ одинъ разъ прилетѣли въ Іерусалимъ на погребеніе Богоматери изъ разныхъ странъ свѣта, гдѣ

они находились для проповѣди Евангелія. Марія Египетская, которая дважды переходила Иорданъ, послѣ причащенія Св. Тайнъ, принесенныхъ ей старцемъ Зосимою, возвращаясь на мѣсто своихъ подвиговъ, въ нѣсколько часовъ, а можетъ быть и въ нѣсколько минутъ перешла такое пространство, которое, ранѣе того, старецъ проходилъ двадцать дней. Это извѣстнымъ дѣлается изъ того, что Преподобная въ тотъ же самый день, какъ причастилась Св. Тайнъ, скончалась въ пустынѣ, на мѣстѣ своихъ подвиговъ.

Дивны, братіе, дѣла Божіи! Чудно для насъ вознесеніе Богочеловѣка, Господа нашего Иисуса Христа на небо! Этому удивились, какъ пѣснословствуетъ Св. Церковь, *Амелы и Херувимы* (стих. возн. на Госп. воз.). Еще болѣе чудно превыше-земное прехожденіе и восхожденіе Святыхъ Божіихъ, облеченныхъ земною, брэнною плотію. Что же, если скажемъ, что и изъ насъ достойные нѣкогда, подобнымъ образомъ, взойдутъ на небо? Какъ мы должны удивиться такому имѣющему послѣдовать съ нами вознесенію? А оно будетъ дѣйствительно. Слушайте, что говоритъ прорекующій намъ будущее Святый Апостоль. *Самъ Господь снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе: потомъ же мы живущіи оставшии, купно съ ними восхитици будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусъ* (1 Сол. 4: 16, 17). Вотъ что послѣдуетъ съ нами въ послѣдній день міра! Какая честь, какая слава быть вознесеннымъ на небо, и *быть тамъ всегда съ Господомъ!* (1 Сол. 4: 17). Вѣдь это значить сдѣлаться Ангеломъ, даже сыномъ Божіимъ, да такъ и есть. *Сподобилиися вѣкъ онъ улучшить и воскресеніе, еже отъ мертвыхъ, умрети кому не могутъ: равни бо суть Ангеломъ и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще* (Лук. 20: 35, 36), говоритъ Самъ Господь.

Ахъ, братіе! Какія чудныя обѣтованія заключаетъ въ себѣ Святая Христіанская вѣра! Какое блаженство, какая слава ожидаетъ достойныхъ Христіанъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ! Что же мы должны дѣлать, какъ не стараться быть достойными неба, какъ не готовиться къ будущему блаженству и славѣ? Вознесеніе Господа нашего на небо да будетъ намъ, братіе, указаніемъ и собственнаго нашего пути на небо. За Христомъ, Христіане, за Христомъ и мы должны идти въ славу и жизнь вѣчную. Онъ, Премилосердый Искупитель нашъ, напередъ возшелъ туда, чтобы уготовать мѣсто намъ. Тамъ и настоящее наше житіе, истинная наша отчизна. Туда слѣдовательно должны стремиться и мысли, и чувства, и взоры наши. Настоящая жизнь наша есть временная; всѣмъ здѣшнимъ мы долж-

ны пользоваться только мимоходомъ, безъ увлеченія, безъ пристрастія, по одной насущной потребности. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 9.

Одинакова ли, или различна будетъ жизнь за гробомъ?

Господи благослови!

Послѣ бесѣды нашей о воскресеніи мертвыхъ, слѣдуетъ намъ, братіе, сказать нѣчто и о будущей жизни. Спаситель нашъ Христосъ смертію Своею умертвилъ нашу смерть, и воскресеніемъ даровалъ намъ животъ вѣчный. Поэтому мы *чаемъ* не только *воскресенія мертвыхъ*, но и жизни будущаго вѣка. Итакъ будетъ жизнь за гробомъ, несомнѣнно будетъ,—жизнь безсмертная и вѣчная. Какая же это будетъ жизнь, и, главное, одинакова ли для всѣхъ? Нѣтъ. Она будетъ различна. Отчего такъ? Причиною тому—грѣхъ, противленіе Богу, отпаденіе отъ Бога. Но грѣхъ въ мірѣ нравственнымъ не всеобщъ. Одни согрѣшили и согрѣшаютъ, какъ отпадшіе отъ Бога духи, другіе не согрѣшили, какъ Св. Ангелы, или не согрѣшаютъ, какъ отъ Бога рожденные человѣки (1 Иоан. 3: 9). Отъ этого и жизнь вѣчная сдѣлалась двойкою, одна—пріятная, свѣтлая, блаженная; другая—горькая, мрачная, злополучная.

Именно двухъ видовъ жизнь вѣчная есть и будетъ, братіе. Посмотрите умомъ, вѣрою на міръ невидимый, духовный. Смерти тамъ не было, а была одна жизнь безсмертная и вѣчная. Что-жь? Одинакова ли была эта жизнь? Надлежало тамъ жизни быть одной чистой, святой, блаженной. Вѣдь тамъ твари разумнѣйшія, духи безплотные, не то, что мы, земные, бранные, немощные. Да такъ и было вначалѣ. Вначалѣ всѣ разумныя, горнія существа были одинаковы, чисты, свѣтлы, блаженны. А послѣ и нынѣ уже не то. Нынѣ жизнь и у духовъ безплотныхъ не одинакова,—въ двухъ видахъ, одинъ другому противоположныхъ. Въ однихъ жизнь чистая, свѣтлая, блаженная; въ другихъ — нечистая, темная, мучительная. Область первой называется Царствомъ Божиимъ, раемъ небеснымъ, странюю живыхъ; область второй—адамъ, тартаромъ, тьмою кромѣчною. Отчего такое раздѣленіе жизни въ мірѣ духовномъ? Кто этому причиною? Грѣхъ, преслушаніе и противленіе Богу и Творцу. Но грѣхъ тамъ былъ не всеобщій. Одни изъ святыхъ и блаженныхъ духовъ согрѣшили, а другіе—не согрѣшили; одни отпали отъ Бога

гордостію и противленіемъ, другіе остались послушными и покорными Богу. Вотъ отсюда и вышла двоякая жизнь и два вида живущихъ въ невидимомъ мірѣ безплотныхъ духовъ: одни, какъ и прежде были, добрые, свѣтлые, блаженные—это Ангелы Божіи; другіе злые, темные, отверженные—это діаволы. Первые живутъ въ Царствѣ Божіемъ, послѣдніе—въ адѣ преисподнемъ. Всѣ они, и добрые Ангелы, и злые духи живутъ, и жизнь ихъ равно вѣчна, но не одинакова: первыхъ—свѣтлая, блаженная, послѣднихъ—мрачная, мучительная.

Подобное сему и у насъ, на землѣ. Различна жизнь и въ родѣ человѣческомъ. Въ началѣ невинные прародители наши наслаждались одною блаженною жизнію, и были въ ближайшемъ общеніи не только съ Ангелами, но и съ Самимъ Творцемъ—Богомъ. Но такъ было недолго. Отчего? Причиною тому опять грѣхъ. Прародители по навѣту падшаго духа, согрѣшили предъ своимъ Творцемъ, и были отринуты отъ Него и отъ блаженнаго общенія съ Нимъ. Вотъ и началась на землѣ другая жизнь, если можно назвать такъ, противная первой, и отъ этого вышло раздѣленіе жизни опять на два вида. Правда, грѣхъ на землѣ сдѣлался всеобщимъ, не было и нѣтъ ни одного не-грѣшника; поэтому и болѣзненно-покаянной жизни надлежало бы быть опять одной. Такъ бы конечно и было, если бы всѣ послѣдовали примѣру своего прародителя въ его покаяніи по изгнаніи изъ рая. Напротивъ того одни, какъ очевидно, продолжаютъ прародительскій грѣхъ, другіе противятся ему; одни исполняютъ волю своего врага, другіе—волю Божію; одни дѣйствуютъ по влеченію своихъ страстей, другіе—по указанію слова Божія и Святой Христовой Церкви, одни живутъ только для своего чувственнаго наслажденія въ нѣгѣ, въ праздности, въ нечистотѣ, другіе—для спасенія своей души, въ благочестіи, въ молитвѣ, въ трудахъ, въ воздержаніи и въ чистотѣ. Такимъ образомъ одни послѣдуютъ демонамъ, и духовно сближаются съ ними; другіе подражаютъ Ангеламъ, и тоже духовно сближаются съ ними. Отъ этого и жизнь у насъ двоякая: одна грѣховная, суетная и мятежная; другая святая, мирная и блаженная. Первая заключаетъ въ себѣ уже адъ, вторая составляетъ преддверіе неба и есть благодатное Царство Божіе на землѣ. Вотъ какъ грѣхъ произвелъ раздѣленіе жизни и на землѣ, и водворилъ у насъ предначинательно и адъ въ противоположность благодатному Царству Божію. Грѣхъ отразилъ свое пагубное дѣйствіе и на виѣшнемъ состояніи человѣка и даже на самой вещественной природѣ. Вездѣ видна противоположная двойственность.

Человѣкъ встрѣчаетъ на пути жизни и счастье и несчастье, и радости и горести, и наслажденіе, и огорченія, и здоровье, и болѣзни, А въ стихійной природѣ? Огонь и свѣтитъ и грѣетъ и жжетъ, воздухъ и живитъ и умерщвляетъ, вода и напоетъ и потопляетъ, земля и питаетъ и пожираетъ въ вѣдрахъ своихъ.

Судите теперь, братіе, чего мы должны ожидать себѣ за гробомъ. Именно, вѣчная жизнь и тамъ будетъ двойкая, или блаженная, или несчастная. Въ невидимомъ мірѣ, какъ сказали мы, она уже и нынѣ точно такая; она, какъ вѣчная, и не измѣнится тамъ вѣчно. А и у насъ нынѣ тоже, какъ видѣли мы, жизнь двойкая; она таковою будетъ и по смерти нашей. И по смерти, мы будемъ или блаженны, въ раю, въ Царствѣ Небесномъ, съ Богомъ и съ Ангелами; или злосчастны, во адѣ, въ темницѣ преисподней, съ діаволомъ и съ прочими злыми духами. Отчего это? Причиною тому тотъ же грѣхъ. Вѣдь знаете, что не всѣ нынѣ живутъ благочестиво и добродѣтельно; многіе живутъ и умираютъ во грѣхахъ. Одни слѣдовательно явятся на тотъ свѣтъ чистыми, безъ грѣха, другіе—нечистыми, грѣшными. Отъ этого и вѣчная жизнь ихъ будетъ различна. Тѣ, которые, при помощи благодати Божіей, побѣдятъ здѣсь грѣхъ, очистятся покаяніемъ, и проведутъ жизнь свято и добродѣтельно, — тѣ и за гробомъ наслѣдуютъ жизнь блаженную, Царство Небесное; а тѣхъ, которые, презрѣвъ спасительную благодать Божію, проживутъ здѣсь во грѣхахъ, и умрутъ нераскаянными, — тѣхъ постигнетъ мука вѣчная, вмѣстѣ съ духами злобы нераскаянными. Самъ Господь, изображая будущую судьбу нашу за гробомъ, раздѣлилъ весь человѣческій родъ на двѣ половины, и сказалъ, что одни, т. е. *праведники пойдутъ въ жизнь блаженную и вѣчную*, а другіе, *грѣшники въ муку вѣчную* (Матѳ. 25: 46).

Соотвѣтственно будущему двойкому состоянію людей, произойдетъ раздѣленіе въ самомъ видимомъ мірѣ. Господь сказалъ чрезъ Пророка *еще единою Азъ потрясу небо и землю* (Ап. 2: 7). И Апостолъ Петръ, показывая образъ кончины міра, говоритъ: *небеса съ шумомъ мимоидутъ стихій же ожигаемы разорятся* (2 Петр. 3: 10). Что значить это потрясеніе неба и земли, это разореніе стихій? По всей вѣроятности, раздѣленіе, разложеніе стихій и соединеніе подобнаго съ подобнымъ, свѣтлаго, чистаго, пріятнаго съ свѣтлымъ, чистымъ, пріятнымъ; мрачнаго, нечистаго, мучительнаго съ мрачнымъ, нечистымъ, мучительнымъ. Напримѣръ, въ стихіи огня отдѣлится свѣтъ и теплота для блаженства праведныхъ, жаръ и жгучесть—для муки грѣшныхъ. Все будетъ направлено къ обра-

зованію видимаго Царства Божія, на обновленной землѣ, въ наслажденіе праведныхъ и къ приготовленію казни нераскаяннымъ грѣшникамъ.

Вотъ, братіе, сколь ужасенъ и пагубенъ грѣхъ. Онъ отнялъ у насъ рай земной и сдѣлалъ насъ несчастными здѣсь; онъ отнимаетъ у насъ и рай небесный и дѣлаетъ насъ несчастными на цѣлую вѣчность. Это—единственный нашъ врагъ. Если не оставимъ его здѣсь, онъ пойдетъ съ нами и туда, въ загробную жизнь,—и тогда горе, горе намъ несчастнымъ. Возврата сюда уже не будетъ, покаяніе и исправленіе будетъ поздно. Подумаемъ объ этомъ,—позаботимся, постараемся сколь можно возненавидѣть нынѣ грѣхъ, вооружиться противъ порочныхъ нашихъ наклонностей и послужить и благоугодить Богу и Спасителю нашему въ жизни сей для полученія блаженства и радости въ жизни будущей. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 10.

Вѣчна ли будетъ жизнь загробная?

Господи благослови!

Говоря о будущей жизни, которая встрѣтитъ насъ за гробомъ, уже не разъ упоминали мы, братіе, что жизнь эта будетъ вѣчная. Вѣчная жизнь! Она будетъ тогда, когда весь міръ обновится, или когда, по выраженію Писанія, будетъ *новое небо и новая земля* (Апок. 21: 1); когда и мы смертные сдѣлаемся безсмертными, когда тѣла наши возстанутъ изъ гробовъ, и въ соединеніи съ душами будутъ духовны, нетлѣнны? Что будетъ тогда, когда Самъ вѣчный Богъ, въ лицѣ Искупителя нашего, сойдетъ на землю, соединитъ небо съ землею и откроетъ одно всеобщее Божественное *Царство*, которому, по свидѣтельству Писанія, *не будетъ конца* (Лук. 1: 33).

Вѣчная жизнь! Для кого? Для праведниковъ. Господь говорить въ Евангеліи, что *праведники пойдутъ въ животъ вѣчный* (Матѣ. 25: 46). И возлюбленный ученикъ Его, въ откровеніи будущихъ таинъ также говоритъ, что они *воцарятся во вѣки вѣковъ* (Апок. 22: 5). Итакъ, праведники вѣчно будутъ жить, и жить блаженно, царствовать со Христомъ во вѣки вѣковъ. Какъ представить такую счастливую участь ихъ? Намъ удивительно, если и здѣсь люди живутъ, наприм., сто лѣтъ, еще удивительнѣе, ежели

кто во всю, по нашему, долговѣчную жизнь проживеть спокойно и счастливо. Какъ же должно судить о праведникахъ, когда они будутъ жить, и жить блаженно, не вѣкъ, а вѣки, и не просто вѣки, а вѣки вѣковъ? Вѣки вѣковъ! Да это непостижимо. И затѣмъ еще не конецъ: пройдутъ еще вѣки вѣковъ, и все еще впереди вѣки и вѣки. У вѣчности самой въ себѣ нѣтъ начала,—не будетъ и конца. Что теперь здѣшняя наша жизнь? Истинно, по слову Апостола, паръ, на малое время являющійся, и потомъ исчезающій (Іак. 4: 14). Нѣсколько десятковъ лѣтъ, иному нѣсколько мѣсяцевъ, иному дней, и даже одинъ день? Что и счастье нынѣшнее, что и удовольствія временныя, такъ охотно, и такъ дорого нами пріобрѣтаемыя? И изъ любви къ столь кратковременной жизни пренебрегать жизнію вѣчною, изъ-за минутныхъ, пустыхъ притомъ и по большей части безумныхъ удовольствій терять блаженство, которому—не будетъ конца? Горькое самозабвеніе! О, какъ блаженны тѣ, которые вѣчно будутъ пребывать въ дому Божіемъ и царствовать со Христомъ, вѣчно будутъ жить во свѣтѣ, въ радости, въ чистыхъ наслажденіяхъ, видѣтъ Ангеловъ и Самого Творца и Бога! Счастіе ихъ представить намъ невозможно. Однако же можемъ мы судить о немъ хотя по-нашему, по-земному. Что, если бы кто побывалъ въ царскомъ дворцѣ, или какомъ знаменитомъ городѣ;—что, если бы увидѣлъ великихъ и знатныхъ особъ, а тѣмъ паче самого царя; какъ это было бы ему пріятно; какимъ бы онъ почелъ себя счастливцемъ? Вѣдь такъ? А ежели такое счастье, кратковременное притомъ, имѣеть у насъ большую цѣну, то что сказать о будущемъ блаженствѣ праведныхъ,—что сказать о томъ, что увидятъ они въ дому Божіемъ, въ небесномъ градѣ Іерусалимѣ, и не только увидятъ, но и сами будутъ наслаждаться видимымъ блаженствомъ и наслаждаться вѣчно? Вѣчно! Нѣтъ, это счастье намъ непостижимо, это доступно будетъ только понятію и чувству самыхъ избранныхъ Божіихъ. Таково, братіе, блаженство праведныхъ. Ему не будетъ конца. Оно вѣчно.

Что сказать о грѣшникахъ? Для нихъ какая будетъ жизнь за гробомъ? Ахъ, братіе. Будущая жизнь и грѣшниковъ вѣчная. Господь одинаково сказалъ о праведникахъ и грѣшникахъ, что одни, праведники, пойдутъ въ животъ вѣчный, а другіе, грѣшники, въ муку вѣчную (Матѳ. 25: 46). Да и для грѣшниковъ будущая жизнь вѣчная, и не простая жизнь, а тѣмъ паче не блаженная, какъ для праведниковъ, а мука, вѣчная мука. Вѣчная мука! „Да это ужасно“! Дѣйствительно ужасно,—ничего ужаснѣе и представить нельзя.

Ужасны бываютъ бѣдствія и на землѣ. Ужасно, наприм., быть въ какомъ либо тяжкомъ недугѣ, ужасно всю жизнь сидѣть въ темницѣ, терпѣть смертную казнь, ужасно упасть въ кипящую воду, горѣть въ огнѣ, только коснуться раскаленнаго желѣза,—все это ужасно; это мука нестерпимая, но все-таки временная; скоро, или не скоро, все-таки ей бываетъ конецъ. А вѣчная мука? Ей конца не будетъ. Нѣтъ мѣры и болѣзненности ея. Мученіе невыносимое; невыносимое, и однакожь не престающее, вѣчное.

Ужасна, точно, братіе, участь грѣшниковъ за гробомъ. Страшно быть въ адѣ и страдать вѣчно. Да кто же посылаетъ насъ туда? Адъ существуетъ не для насъ. Онъ приготовленъ для діавола, нашего врага. А намъ Господь приготовилъ рай, Царство Небесное. Отчего же мы неидемъ въ Царство Небесное? Или для насъ заключенья туда входъ? Напротивъ, не ждутъ ли, не призываютъ ли насъ туда? Не указанъ ли намъ путь, не даны ли способы идти въ жизнь вѣчную? Не предостерегаютъ ли насъ отъ пагубнаго пути въ адъ, на вѣчную муку? Что же, если мы сами идемъ туда, миновавъ Царство Небесное? А идемъ, точно, туда, ежели, работая грѣху, живемъ въ удаленіи отъ Бога и въ отчужденіи отъ благодати Божіей. Сами, братіе, сами грѣшники причиною своей гибели. Имъ и быть въ раю никакимъ образомъ невозможно. Судите сами, за что бы ихъ сдѣлать участниками вѣчнаго блаженства? Какъ сравнять грѣшниковъ съ праведниками? Вѣдь и здѣсь худыхъ не ставятъ наравнѣ съ добрыми. Какими бы явились грѣшники въ соборѣ Святыхъ? Тамъ Апостолы, мученики, украшенные ранами за Христа, тамъ пустычники и воздержники съ побѣдными знаменіями надъ страстями, тамъ всякаго званія Христіане, запечатлѣнные вѣрою и свидѣтельствованные добрыми дѣлами, тамъ Самъ Господь съ сіяющими язвами вольнаго Своего страданія за міръ. А грѣшники? Они въ однѣхъ язвахъ грѣховныхъ. Мѣсто ли же имъ тутъ? Да и что было бы, если бы грѣшниковъ принять въ рай заодно съ праведниками? Что бы это было за рай, что за блаженство? Вѣдь они и тамъ стали бы жить такъ же, какъ живутъ здѣсь. А здѣсь, знаете, какъ живутъ. Знаете, кто производитъ смуты, нестроенія и пагубы,—кто, какъ не худые, порочные люди? А вѣдь они не перемѣнятся и тамъ. Кто поидеть на тотъ свѣтъ не раскаявшимся и не исправившимся, кто умретъ съ прежними страстями гордости, ненависти, вражды, умретъ безъ любви къ Богу и ближнему, безъ добрыхъ дѣлъ, тотъ явится туда такимъ же, каковъ былъ здѣсь. Какъ же ему быть въ раю, въ Царствѣ Небесномъ, вмѣстѣ съ Святыми и Праведными? Нѣтъ.

Рай, Царство Небесное есть мѣсто вѣчной любви, мира и блаженства, а мѣсто злобы, непокорности и мятежа есть адъ. Адъ слѣдовательно будетъ достояніемъ грѣшниковъ, и казню ихъ отъ праведнаго Бога—мука вѣчная.

Вѣчная мука! „Какъ это такъ“, скажутъ совопросники вѣка сего, маловѣры, миролюбцы. „За короткую грѣховную жизнь вѣчная мука, справедливо ли это? Господь милосердъ: допускаетъ ли Онъ такую страшную казнь?“ Размысли, кто бы ты ни былъ, такъ говорящій. „За короткую грѣховную жизнь, говоримъ, вѣчная мука“. А Царство Небесное за что? Не за короткую ли также добродѣтельную жизнь? Почему же тебя удивляетъ первое и не удивляетъ послѣднее? Временныя грѣхи въ сравненіи съ вѣчною мукою малы, а временныя добродѣтели въ сравненіи съ вѣчнымъ блаженствомъ развѣ велики? Ежели за малыя добродѣтели определено великое воздаяніе, то по тому уже самому и за малые грѣхи слѣдуетъ великое наказаніе. Страшна вѣчная мука, но вѣдь не одна же мука ожидаетъ насъ въ будущемъ. Есть и вѣчное блаженство. Избирай любое. Это въ твоей власти. Станешь жить благочестиво,—будешь въ раю, въ блаженствѣ вѣчномъ; полюбишь грѣхъ, — будешь въ мукѣ вѣчной. „Господь милосердъ, допуститъ ли Онъ такую страшную казнь“. Да, Онъ дѣйствительно милосердъ. Онъ и спасаетъ насъ; Онъ Самъ пострадалъ за насъ и искупилъ насъ. Прощаетъ намъ всѣ прежніе наши грѣхи и обѣщаетъ намъ Царство Небесное. Только бы мы вѣровали въ Него, любили Его, исполняли волю Его, удалялись беззаконій и грѣховъ, и старались быть чистыми и непорочными. Чего еще требовать отъ милосердія Божія? „Допуститъ ли Господь, говоришь, такую страшную казнь грѣшниковъ“? Непремѣнно допустить. Развѣ ты забылъ, что Онъ не только милосердъ, но и правосуденъ и святъ? Неужели Онъ поставитъ на равнѣ нечестиваго съ праведнымъ? Какая же будетъ разница между добродѣтелию и порокомъ? Господь милосердъ, — Онъ спасетъ всѣхъ. Значитъ, не нужно быть и добродѣтельнымъ? Видишь ли, къ чему ты пришелъ? Скажешь: „я грѣшу по немощи“. Ежели такъ, и ежели каешься, спасешься милосердіемъ Божиимъ. А ежели лицемѣришь и живешь нераскаянно, какое тебѣ спасеніе? По твоему и бѣсы должны спастись? Для тебя Господь милосердъ: почему же и не для нихъ? „Они не хотятъ, и потому погибаютъ“. И ты погибнешь, если не захочешь. А если захочешь, и будешь усердно вѣровать, и искренно каяться,—спасешься. Таковъ законъ спасающей насъ благодати. Не тотъ погибнетъ, кто, пребывая въ вѣрѣ и пользуясь пособіемъ

благодати, не былъ однако же свободенъ отъ немощей и паденій; а тотъ, кто въ противность вѣрѣ и благодати свободно пребывалъ въ немощахъ и не оплакивалъ своихъ паденій.

Такъ, братіе. Будущая жизнь наша вѣчна, и въ ней или блаженство вѣчное, или мука вѣчная. Будемъ стремиться къ первому, и избѣгать послѣдней. Не промѣняемъ вѣчное на временное. Не истратимъ настоящей жизни на житейскую суету, въ удовлетвореніе прихотей и страстей, тѣмъ паче не зайтнаемъ себя дѣлами, противными Святому Христіанскому званію нашему. Ежели кому, то Христіанамъ горько будетъ потерять Царство Небесное, которое для насъ уже назначено и уготовано Спасителемъ нашимъ Христомъ. Пребудемъ же вѣрны Ему, послушны матери нашей Святой Церкви и заботливы о своемъ Христіанскомъ долгѣ, который есть жизнь непорочная и добродѣтельная,—и Господь, Искушитель нашъ, по милосердію Своему, избавить насъ отъ вѣчной муки и сподобитъ Царствія Своего Небеснаго. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 11.

Чаяніе воскресенія и будущей нашей судьбы оправдывается ли у насъ нашей жизнію?

Господи благослови!

Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ (Іак. 2: 18).

По поводу праздника Воскресенія Христова, въ который праздновали мы и умерщвленіе нашей смерти и дарованіе намъ живота вѣчнаго, сказали мы, братіе, нѣчто въ уясненіе общей нашей судьбы за гробомъ и въ подтвержденіе нашего Христіанскаго чаянія воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Этимъ могли бы мы и окончить разсужденіе наше о будущей судьбѣ и перейти къ размышленію о другихъ предметахъ вѣры и Христіанской жизни. Но вотъ останавливаетъ насъ Св. Апостоль Іаковъ и вызываетъ насъ на испытаніе нашего будущаго чаянія. *Покажи ми*, говоритъ онъ каждому изъ насъ, *покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ* (Іак. 2: 18). „Ты говоришь“, какъ бы такъ выражается Апостоль, „ты говоришь: чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка, да такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Не въ однихъ ли словахъ твое чаяніе? Видно ли оно изъ твоей жизни, оправдывается ли самими дѣлами?“ Что скажемъ на это, братіе? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ нужно такое

испытаніе. А то можно остаться при однихъ словахъ безъ вѣры, при одномъ устномъ исповѣданіи чаянія безъ всякаго соотвѣтствія тому въ своихъ поступкахъ. Что же будетъ въ этомъ чаяніи? Оно будетъ только бессознательное лицемѣріе, собственный обманъ и ни къ чему не поведетъ насъ доброму и спасительному. *Не въ словахъ Царство Божіе*, говоритъ другой Апостоль, *но въ силѣ* (1 Кор. 4: 20).

Истину говоритъ Апостоль, братіе. Въ самомъ дѣлѣ, надо намъ остановиться и сдѣлать себѣ хотя небольшое испытаніе. Каждый день мы и читаемъ и поемъ съ Церковію: *чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка*: да такъ-ли? Не слова ли это только, бессознательно и безвнимательно нами повторяемыя? Не устное ли только исповѣданіе, мало или ни мало не оправдываемое образомъ нашей жизни? Не въ противорѣчій ли съ нашимъ чаяніемъ наша жизнь, наши дѣла и поступки? А такъ и есть, къ прискорбію нашему, братіе. Попытаемся хотя нѣсколько вникнуть въ нашу жизнь, и указать на нѣкоторые наши поступки, чтобы видѣть, соотвѣтствуютъ ли они нашему назначенію и выражается ли въ нихъ чаяніе нашего будущаго воскресенія въ славу и наслѣдіе вѣчно блаженной жизни.

Ужъ это извѣстно всякому, что будущее въ настоящей жизни насъ всегда занимаетъ болѣе или менѣе. Ежели кто ожидаетъ себѣ какой либо награды, надѣется получить какую либо значительную пользу, вообще ожидаетъ себѣ чего либо лучшаго, какого-либо счастья, или ежели кому угрожаетъ какая либо опасность, какое либо бѣдствіе, оставляетъ-ли онъ это безъ вниманія? Никакъ. Онъ постоянно о томъ и думаетъ, о томъ и говоритъ, къ тому и располагаетъ себя. Такъ ли мы поступаемъ относительно будущей жизни? Часто ли она у насъ на умѣ, говоримъ-ли мы о ней, имѣемъ ли ее въ виду при исправленіи нашихъ обязанностей или при свободѣ отъ дѣлъ? По большей части ее и въ мысляхъ нѣтъ, и помину о ней не бываетъ, какъ будто вовсе ея нѣтъ и не будетъ. Гдѣ же наше Христіанское чаяніе будущаго?

Обратимъ вниманіе и на самую жизнь нашу. Что насъ преимущественно занимаетъ, то ли, что относится къ будущей жизни, или то, что—только къ настоящей? Послѣднее. Всѣ мы только и думаемъ, только и заботимся, только и стараемся о жизни временной,—какъ бы прожить спокойно и счастливо, какъ бы приобрести состояніе, какъ бы провести время пріятно, въ довольствѣ безъ труда, безъ заботы. А будущее? А наше назначеніе? По большей части, оно остается безъ вниманія, какъ стороннее, до насъ не ка-

сающееся. Все, что относится до обязанностей вѣры и чѣмъ заслуживается вѣчная блаженная жизнь, считается какъ будто лишнимъ и исполняется безъ усердія, часто только внѣшно, по одному долгу или по заведенію и обычаю, если еще не почему либо другому. Таково ли должно быть истинное чаяніе судьбы нашей за гробомъ?

Вотъ постигло насъ какое либо несчастье, наприм., нечаянное разореніе, потеря имущества, разстройство въ дѣлахъ и другія бѣдствія. Что же мы? Обыкновенно предаемся печали, скорбимъ, унываемъ, иногда до отчаянія. Нельзя, конечно, требовать, чтобы въ подобныхъ случаяхъ легко было сохранить спокойствіе духа и не чувствовать скорби отъ такихъ бѣдственныхъ приключеній. Не много найдется такихъ духовныхъ адамантовъ, которые, подобно Юву, благодушно сказали бы: *Господь даде, Господь отъятъ; буди имя Господне благословенно* (Иов. 1: 21). Однакожь бываетъ ли, и часто ли бываетъ у насъ въ такихъ случаяхъ мысль о бѣдственности и превратности настоящей жизни, и о томъ, что наша жизнь не надолго, будетъ другая, лучшая, не подлежащая такимъ превратностямъ и приключеніямъ? Одушевляетъ ли насъ въ какой либо мѣрѣ эта мысль во дни бѣдъ и напастей и располагаетъ ли насъ къ благодушному перенесенію оныхъ, къ преданности въ волю Божию и къ надеждѣ будущихъ благъ? Ежели нѣтъ, ежели мало и слабо, то нѣтъ и чаянія, или мало и слабо и чаяніе наше будущей жизни.

Видимъ умирающихъ, бываемъ даже при ихъ погребеніи. Что же? Имѣетъ ли это зрѣлище на насъ какое либо вліяніе? По большей части никакого. Чужая смерть—ровно не смерть. Все заключается въ одномъ обрядѣ. Иные приходятъ на погребеніе какъ на брачное торжество, сопровождаютъ взорами печальное шествіе какъ великолѣпную какую процессію. А тутъ бы и подумать о своей смерти, тутъ бы и представить, что, со временемъ, и насъ также будутъ погребать; тутъ бы и подумать о томъ, что будетъ съ нами по смерти, вздохнуть и, съ умиленіемъ воззрѣвъ на небо, сказать, хотя про себя: „*помяни, Господи, душу усопшаго раба Твоего (или рабы Твоея) во Царствіи Твоемъ! Господи, сподоби и меня Христіанскія кончины, и доброго отвѣта на страшномъ судищи Твоемъ!*“ Этому бы надлежало быть; то ли бываетъ съ нами, сами вѣдаете, братіе. А вотъ. Если умеръ родственникъ, и родственникъ съ состояніемъ, и безъ близкихъ наслѣдниковъ, то поднимаются дѣла о имѣніи, затѣмъ тяжбы, ссоры, вражда—изъ-за чего? Изъ-за чужаго, тлѣннаго имѣнія, какъ-будто и съ нами не можетъ то же случиться, какъ будто мы не должны будемъ все то оставить здѣсь, если насъ позовутъ туда, на тотъ

свѣтъ,—и когда позовуть, завтра или сегодня, не знаемъ. Случилось съ нами другое, болѣе близкое намъ горе. Умираетъ, наприм., кто либо изъ любимыхъ нами, близкихъ сердцу нашему, кровныхъ намъ,—что тогда бываетъ съ нами? Скорбь, слезы, вопли, терзаніе, лишеніе чувствъ. Намъ представляется, что мы потеряли его навсегда, прощаемся съ нимъ въ послѣдній разъ и не увидимъ болѣе его вѣчно. Что это? Гдѣ наше чаяніе воскресенія мертвыхъ? Гдѣ вѣра въ жизнь загробную? Всѣ мы, братіе, въ этихъ случаяхъ немощны, всѣ слабы въ нашей вѣрѣ, всѣ заслуживаемъ и обличеніе и увѣщаніе Апостола: *не хочу васъ, братіе, не въдыти о умершихъ, да не скорбите, яко же и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4: 13).

А что бываетъ у насъ еще до смерти? Вотъ приключается болѣзнь, и болѣзнь опасная, предвѣстникъ смерти. О чемъ тогда у насъ первая забота? О приготовленіи ли къ будущей жизни? Нѣтъ! О поддержаніи и сохраненіи жизни настоящей. Приготовление къ будущему, напутствіе болящаго—это дѣло послѣднее, вынужденное. Оно бываетъ въ крайней необходимости, когда ужъ нѣтъ никакой возможности удержаться временной жизни. Вотъ приходятъ къ больному и два врача, одинъ за другимъ, первый—тѣлесный, второй—духовный. Перваго встрѣчаютъ какъ Ангела жизни, съ восторгомъ, съ усердіемъ, съ честію, послѣдняго—какъ Ангела смерти, одиноко, сухо, печально. Вотъ въ какомъ у насъ почетѣ все,—и служитель благодати Христовой, и святѣйшее Христіанское таинство, и жизнь будущаго вѣка! Скажите, братіе, какъ судить поэтому о Христіанскомъ нашемъ чаяніи будущей жизни? Не явно ли, что мы мало дорожимъ вѣчною жизнію и только боимся одной смерти? Пусть бы боялись грѣха, боялись будущаго суда и осужденія,—нѣтъ! мы боимся вѣчности, боимся потерять настоящую жизнь, которая намъ пріятнѣе и занимаетъ насъ ежели не совсѣмъ, то болѣе, чѣмъ жизнь будущая. Никто не долженъ думать, будто этимъ самымъ мы порицаемъ заботу о сохраненіи настоящей нашей жизни. Жизнь мы должны всевозможно хранить,—она драгоценна, но драгоценна особенно по отношенію къ жизни будущей, и первая какимъ образомъ не должна быть предпочитаема послѣдней.

Изъ немногихъ указаній на образъ нашей жизни можно уже видѣть, что вѣра наша въ будущее на самомъ дѣлѣ слаба и наше чаяніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка мало оправдывается поступками нашими. Не приписывайте однакожъ такому нашему взгляду общаго значенія; отнюдь не думаемъ сказать, чтобы

всѣ Христіане нашего времени такъ равнодушны были относительно будущаго состоянія своего за гробомъ. Есть, безъ сомнѣнія, въ средѣ насъ, какъ и вездѣ, Христіане, которыхъ мысли и заботы обращены на будущую свою судьбу и которыхъ жизнь и дѣла одушевляетъ надежда будущаго воскресенія и вѣчной жизни. Да что сказать и о всѣхъ насъ вообще? Всѣ мы, если мало оправдываемъ жизнью своею чаяніе будущаго, дѣлаемъ это не по невѣрію, а болѣе по немощи, по естественной привязанности къ жизни настоящей, иногда по недостатку внимательности къ себѣ, чаще по увлеченію обычаями и требованіями міра, среди котораго лежитъ путь нашъ къ вѣчности. Слѣдуетъ, значить, намъ, братіе, увеличить наше вниманіе и попеченіе о будущемъ, и къ этому присоединять, какъ можно чаще, усердную молитву въ Воскресшему и Восшедшему въ вѣчное Свое Божественное Царство Спасителю нашему Иисусу Христу, чтобы Онъ всеильною Своею благодатію обращалъ умы и сердца наши болѣе и болѣе къ горнему отечеству нашему, и дѣятельность нашу въ жизни настоящей направлялъ къ стяжанію будущихъ благъ, утѣшая насъ надеждою воскресенія и жизни вѣчной въ будущемъ безконечномъ Царствѣ Его. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 12.

Что причиною смятеній въ человѣческомъ родѣ?

Господи благослови!

Мятежемъ возматется земля.

(Исаія 24: 19).

Дто слова Пророка Исаіи. Стало быть сказаны ужъ давно, очень давно. Да, братіе. Давно, очень давно уже и мятется земля. И пусть бы только земля языческая,—а то мятется также и земля Христіанская.

Пусть бы, говорю, находилась въ смятеніи земля языческая. Тутъ много и удивляться было нечему. Правда, и язычники, т. е. всѣ народы, какіе только существовали на землѣ, не чужды были между собою. Всѣ имѣемъ одного Творца, одного родоначальника, одну природу. Какъ бы имъ не жить вмѣстѣ, не жить согласно, дружелюбно, безъ взаимныхъ огорченій и обидъ, безъ взаимной борьбы и смятенія,—какъ бы имъ не жить какъ братіямъ? Однакожъ, нѣтъ. Они жили, по большей части, какъ чужіе между собою, какъ

враги, — другъ друга ненавидѣли, другъ другу досаждали, другъ друга утѣсняли, другъ друга мучили, другъ друга умерщвляли. Народы возставали противъ народовъ, одни другихъ преслѣдовали, одни другихъ порабощали. Земля напоена кровію человѣческою, которую проливалъ самъ же, упоенный страстями и ослѣвленный въ разумѣ, человѣкъ. Но тутъ, говорю, много и удивляться нечего. Язычники жили исключительно подъ вліяніемъ и управленіемъ падшей грѣховной своей природы; они творили то, къ чему располагали ихъ свои естественныя страсти; имъ нечѣмъ было удержать себя въ предѣлахъ благочинія и порядка;—они не знали Бога, не понимали своего назначенія и долга, не ожидали себѣ въ будущемъ ни жизни, ни суда, ни воздаянія, а потому не имѣли никакого побужденія противиться своимъ порочнымъ наклонностямъ и возвышаться надъ своею растлѣнною природою, напротивъ увлекаемые самолюбіемъ, стремились только къ тому, что составляетъ собственное каждаго благополучіе и удовольствіе. Мудрено ли послѣ этого быть безпорядкамъ и смятеніямъ между народами, *помраченными*, по выраженію Апостола, *смысломъ* (Ефес. 4: 18) и *безбожными въ міръ?* (Ефес. 2: 12). Чему удивляться, ежели земля языческая была волнуема мятежами, оглушаема шумомъ войнъ и обливаема потоками крови человѣческой?

Христіанская земля, братіе, не лучше языческой. Вотъ здѣсь не удивляться только должно, а ужасаться, скорбѣть, плакать горькимъ плачемъ. Христіане мнутъ между собою; Христіане вооружаются на Христіанъ; Христіане идутъ войною противъ Христіанъ, Христіане проливаютъ кровь Христіанъ! Это—тѣ, которыхъ Самъ Богъ просвѣтилъ Своимъ Божественнымъ откровеніемъ, для которыхъ Сынъ Божій, пришедъ на землю, пострадалъ и сдѣлался Спасителемъ ихъ! Это—тѣ, которые вѣруютъ въ Господа Иисуса Христа, крестились во имя Святой пребожественной Троицы, сдѣлались такимъ образомъ чадами Божіими и братіями между собою, которые чаютъ будущей жизни и вѣчнаго блаженнаго Царства на небесахъ! Это—тѣ, которымъ Господь и Спаситель ихъ заповѣдалъ любовь и повелѣлъ жить въ единомысліи и мирѣ! И эти самые дѣлаются другъ другу врагами, нарушаютъ взаимное спокойствіе и миръ, поднимаютъ брани, проливаютъ Христіанскую кровь и, отнимая жизнь временную у другихъ, сами лишаютъ себя жизни вѣчной! Да какъ это понять? Чѣмъ это объяснить? Тѣмъ же, братіе, чѣмъ объясняется мятежная жизнь и не-Христіанъ. Оттого же самаго возмущается и христіанская земля, отчего возмущалась земля языческая. Именно,

отъ грѣховныхъ нашихъ страстей и отъ гордаго въ слѣпотѣ своей человѣческаго разума. Христіане забыли себя, забыли свое святое призваніе, свой священный долгъ, оставили свѣтлое Божественное слово и обратились въ своему помраченному и заблудшему разуму, уклонились отъ исполненія воли и заповѣдей Божіихъ и начали творить свою грѣховную волю и слѣдовать правиламъ развращеннаго міра. Такъ, когда Христіане были истинными послѣдователями своего Спасителя и Господа, тогда были гонимы и преслѣдуемы отъ однихъ лишь не-Христіанъ; а когда сами Христіане стали уклоняться отъ вѣры и послѣдованія Христу и начали жить и дѣйствовать по направленію своего ума и своихъ естественныхъ наклонностей, тогда, къ прискорбію, сдѣлались гонителями Христіанъ.

Эта мрачная исторія Христіанства начинается съ четвертаго вѣка Христіанскаго нашего времячисленія, и нынѣ, какъ и ранѣе, преимущественно проявляетъ себя на просвѣщенномъ Христіанскомъ Западѣ. По мѣрѣ того, какъ преобладаетъ тамъ блескъ внѣшняго просвѣщенія и образованности—упадаетъ духъ любви, мира и согласія, и подъ образомъ Христіанскаго благочестія скрывается во всей силѣ языческое нечестіе. Судите сами, брааіе, что происходило и происходитъ въ просвѣщенной Христіанской Европѣ? Мязежи и мязежи, войны и войны, кровопролитіе и кровопролитіе. Хорошо извѣстно это всякому. Весьма чувствительно это и для насъ самихъ. И въ наше время не разъ были врагами нашими и разорителями нашего мирнаго отечества эти просвѣщенные Христіане, въ послѣднее время составившіе открытый союзъ и братство съ не-Христіанами. Что бы это значило? Какая тому причина? Зависть, что ли, ихъ противъ насъ? Но завидовать у насъ нечему. Скорѣе мы завидуемъ имъ. Ненависть развѣ опять къ намъ? Но за что насъ ненавидѣтъ имъ? Чуждаемся развѣ мы ихъ? Не уважаемъ развѣ ихъ, какъ просвѣщеннѣйшихъ? Вмѣшиваемся развѣ въ собственныя дѣла ихъ? Возстаемъ развѣ на нихъ и нарушаемъ благосостояніе и спокойствіе ихъ? Ничего не бывало. Полтора ста лѣтъ, какъ мы преданы имъ, чтимъ ихъ, бываетъ, до раболѣпства, слѣдуемъ правиламъ и обычаямъ ихъ до забвенія собственныхъ отеческихъ обычаевъ и правилъ, и нынѣ цѣлыми тысячами отправляемся къ нимъ лично свидѣльствовать имъ свою любовь и преданность. И за всѣмъ этимъ они наши враги! Отчего? Да! мы—христіане восточнаго исповѣданія. У насъ вѣра Православная. И такъ святая вѣра сдѣлалась преимущественною причиною ненависти и вражды у Христіанъ? Боже Спасителю! Какъ злоупотребляется Твоя неизреченная любовь и Твоя спасительная благодать!

Вотъ, братіе, важная причина ненависти западныхъ Христіанъ противъ насъ—вѣра наша Православная! Мы не вѣруемъ такъ, какъ вѣруютъ они; мы не почитаемъ папу за намѣстника Христова, не отдаемъ Церкви въ его исключительное управленіе, не считаемъ голосъ его непогрѣшительнымъ и безусловно обязательнымъ для Христіанъ. Поэтому они считаютъ насъ раскольниками, даже невѣрными, едва не хуже жидовъ и магометанъ. Такъ ослѣпли они отъ мнимаго блеска своего просвѣщенія. Такъ *омрачилось неразумное ихъ сердце* (Рим. 1: 21). Они, по ихнему, православны, а мы—раскольники. Да развѣ такъ говоритъ исторія? Или они создаютъ свою новую исторію? Не такъ ли вѣровала Церковь Апостольская, отеческая, соборная, какъ вѣруемъ мы? Гдѣ, напротивъ, произвольное искаженіе вѣры, таинствъ и правилъ Христіанской жизни—не у нихъ ли? Гдѣ духъ мятежа и образъ жизни, противный духу Евангелія—не у нихъ ли? Не этотъ ли же самый духъ преобладаетъ и въ соплеменныхъ намъ, но единовѣрныхъ имъ, подданныхъ нашего Православнаго Царя? Не онъ ли снова возжегъ въ нихъ разрушительный пламень мятежа противу нашего Отечества и нашего Царя, подъ скипетромъ котораго они благоденствовали и еще болѣе могли благоденствовать? Таковъ духъ Христіанства у западныхъ Христіанъ, именующихъ себя *Католиками*, и такова у нихъ терпимость вѣры! Вотъ были бы мы друзьями и братьями ихъ, если бы приняли ихъ вѣру, измѣнили древле-отеческому Православію, оставили родную мать свою Святую Церковь и стали жить по примѣру ихъ. Но нѣтъ! Свѣтъ не сообщается со тьмою, истина съ заблужденіемъ. Вѣрный Русскій народъ постоитъ за свою вѣру, за отеческіе правила и обычаи, за благосостояніе и цѣлость своего отечества и за святость и непоколебимость престола своего Богодарованнаго Царя. Уповаемъ, что и Всевышній Міроправитель, за чистоту нашей Православной вѣры, а паче по Своей благодати и милости, не откажетъ намъ въ Своей небесной помощи противу враговъ нашихъ, —нѣтъ!—не откажетъ, а разрушитъ всѣ козни ихъ, разсѣетъ всѣ преступныя полчища ихъ, и насъ сохранитъ цѣлыми и невредимыми, къ славіи имени Своего и въ охраненіе Церкви Своей. Одушевляемые благодатію и милостію Божіею и въ надеждѣ на весильную помощь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и мы, Православные Христіане Русскіе, воскликнемъ, подобно гонимому нѣкогда Царю Израильскому: *о Бозь сотворимъ силу, и Той уничижитъ враги наша* (Ис. 107: 14). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 13.

Чѣмъ мы должны свидѣтельствовать свою любовь и преданность Царю въ смутное для отечества время.

Господи благослови!

Не нужно сказывать вамъ, братіе, въ какомъ положеніи находимся нынѣ мы, русскіе, относительно нашего спокойствія и благоденствія. Нѣтъ безъ сомнѣнія, ни одного, который бы не зналъ, что дѣлается теперь на западѣ и юго-западѣ нашего отечества. Тамъ смятеніе, борьба, кровопролитіе, — тамъ насиліе, грабежи, убійства. Тамъ соединенные подъ однимъ скипетромъ Русскаго Царя неправославные поляки возстали на насъ, Православныхъ Русскихъ. Они хотятъ выйти изъ повиновенія нашему Царю, отторгнуться сами, и отторгнуть отъ насъ значительную часть нашего древне-Русскаго достоянія. Эти всегдашніе наши враги, которыхъ Россія, какъ *кокошь крылами своими покрывала* (Матѣ. 23: 37), покоила и читала нѣсколько десятковъ лѣтъ, — эти древніе враги наши снова сдѣлались врагами нашими и, не смотря на великодушіе и милосердіе Благодѣтеля ихъ Русскаго Царя, сдѣланное имъ милостивое воззваніе къ повиновенію и отеческое прощеніе съ ожесточеннымъ неистовствомъ отвергли. Имъ значительно сочувствуютъ, ихъ значительно подкрѣпляютъ, съ ними, пока еще тайно, враждуютъ противъ насъ и союзные намъ народы Европейскаго Запада, бывшіе за нѣсколько лѣтъ предъ симъ открытыми нашими врагами.

Что остается теперь дѣлать Православнымъ Русскимъ? Они и дѣлаютъ то, чего требуетъ отъ нихъ долгъ и собственная безопасность. Православные воины наши охраняютъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ, преслѣдуютъ, истребляютъ нашихъ враговъ — мятежниковъ. И если бы этимъ не укротилось буйство ихъ, если бы даже, попущеніемъ Божиимъ, явились къ намъ, на помощь и защиту домашнихъ враговъ нашихъ, новые враги, весь Православный народъ стѣною станеть противъ нихъ, станеть за свою вѣру, за своего Царя, за свое отечество, не попуститъ имъ осквернить нашу святую землю нечестивыми ногами ихъ, а тѣмъ паче отнять что либо изъ праотеческаго достоянія Россіянъ. Таковъ, безъ сомнѣнія, духъ всего правосѣрнаго народа Русскаго, таковы мысли и стремленія, такова любовь и преданность его Царю и отечеству. Это уже открыто и ясно выразилось. Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ патриотическимъ жаромъ уже засвидѣтельствована народомъ Русскимъ

сердечная преданность отечеству и священнѣйшей Особѣ Помазанника, въ какихъ безчисленныхъ адресахъ всѣ мѣста и сословія государственныя изъяснились предъ Царемъ въ своей непоколебимой вѣрности престолу и готовности, по первому призванію, отдать все въ жертву отечеству,—и достояніе свое, и жизнь свою.

Прекрасно сдѣлалъ народъ Русскій, засвидѣтельствовавъ предъ всѣмъ свѣтомъ любовь и свою безграничную преданность Царю и отечеству. Этимъ выставилъ онъ торжественное знамя, поднялъ побѣдоносное оружіе на враговъ, разгнулъ предъ просвѣщенной Европой книгу своихъ сердечныхъ вѣрованій и убѣжденій и, указавъ на несокрушимую скалу своей преданности Царю и отечеству, сказала во всеуслышаніе: *до сего дойдеши, и не преидеши* (Иов. 38: 11). Прекрасно, говорю, сдѣлалъ Русскій народъ, засвидѣтельствовавъ всеподданнѣйшими адресами Богопомазанному своему Царю свою вѣрность и преданность престолу его. Но довольно ли этого для насъ? Достаточно ли намъ повергнуть только къ престолу Царя наши вѣрноподданническія чувства, чтобы возвеселить сердце Цареву среди такихъ чувствительныхъ и тяжкихъ для него заботъ? Не довольно, братіе, не довольно. Требуется еще отъ насъ, какъ Христіанъ, засвидѣтельствованіе, столь же важное и для насъ обязательное. Нуженъ еще адресъ повсемѣстный, всеобщій. Кому? Царю Небесному. Этотъ адресъ—молитва за Царя. Да, молиться нужно, братіе, Богу Царю нашему Небесному, молиться всѣмъ и всегда, а особенно въ настоящіе смутные и небезопасные для спокойствія нашего дни,—молиться, чтобы милосердый Господь призрѣлъ на смиреніе наше, *сказалъ намъ спасеніе Свое, и предъ языки открылъ правду Свою* (Ис. 97: 2), чтобы Онъ, Покровитель Церкви и отечества нашего, оградилъ небеснымъ всевоинствомъ предѣлы наши, сохранилъ неприкосновенною державу возлюбленнаго Царя нашего, благословилъ оружіе Его, даровалъ силу и мужество воимъ Его и низложилъ и сокрушилъ враговъ нашихъ,—молиться, чтобы и насъ утвердилъ въ любви и преданности Царю и отечеству нашему, чтобы засвидѣствованную нами Царю нашему любовь и преданность освятилъ, оживилъ, воспламенилъ и сдѣлалъ насъ готовыми на самомъ дѣлѣ жертвовать во время потребно всѣмъ для сохраненія цѣлости, благоденствія и спокойствія любезнаго отечества нашего.

Вотъ, Православные Россіяне, какой еще требуется отъ насъ адресъ. Молиться, усердно молиться, непрестанно молиться Царю Небесному о здравіи и благоденствіи Августѣйшаго Монарха нашего, о сохраненіи цѣлости и непоколебимости любезнаго отечества

нашего, объ общемъ нашемъ спокойствіи и безопасности, о войнахъ, подвизающихся за насъ противу враговъ нашихъ, и о дарованіи имъ небесной помощи на одолѣніе ихъ. Да будетъ эта молитва наша въ настоящіе дни первую и послѣднюю. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 14.

Безмѣрно милосердіе Божіе къ грѣшникамъ.

Господи благослови!

Что есть человекъ, яко помниши его.

(Пс. 8: 5).

Удивлялся древній Израильскій Царь, пророкъ и пѣснопѣвецъ, безмѣрной благодати Божіей къ человекѣ, — удивлялся, когда, созерцая величіе и славу небесъ, чудеса премудрости и всемогущества Божія на землѣ, представлялъ въ то же время бренность и ничтожество человекѣ; — удивлялся, когда видѣлъ, что этотъ бранный, перстный человекѣ возведенъ на высоту близкую къ высотѣ Ангеловъ, увѣнчанъ славою и честію и сдѣланъ владыкою земныхъ тварей. *Что есть человекъ*, говорилъ онъ въ изумленіи къ Богу, *яко помниши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію отнчалъ еси его; и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твою, вся покорилъ еси подъ нозъ его* (Пс. 8: 5, 6). И справедливо было удивленіе Царя-пѣснопѣвца. Можно ли не удивляться человекѣ, смотря на его первобытную славу и Ангело-подобное величіе? Какимъ же образомъ въ то же время удивляется Царь попеченію Божію о человекѣ? Для чего онъ говоритъ: *что есть человекъ, яко помниши его?* Можно ли не помнить, можно ли забыть такъ возвеличенную на землѣ тварь? То-то и есть, братіе, что можно, а, по правдѣ Божіей, и должно было. Человекѣ, эта по одной благодати Божіей возвеличенная и господствующая на землѣ тварь, забывъ свое ничтожество, допустилъ въ себѣ преступное желаніе Богоподобнаго величія и, склонившись на лъстивое искушеніе врага, дерзнулъ нарушить волю и повелѣніе Бога—Творца и исполнилъ волю и предложеніе врага. Что же Господь? Наказалъ, погубилъ, уничтожилъ преступную тварь? Да, наказалъ, но не погубилъ и не уничтожилъ, а напротивъ опредѣлилъ ему покаяніе и общалъ Избавителя. Скажите, можно ли не подивиться благодати и милосердію Божію? Мож-

но ли было не воскликнуть Царю—пророку: *Господи, что есть человекъ, яко помниши его?*

Въ самомъ дѣлѣ, стоилъ ли отпадшій отъ Бога человекъ по милости? Заслуживалъ ли онъ то, чтобы Господь все еще помнилъ его, заботился о немъ и изыскивалъ средства къ спасенію его? Но, вѣроятно-жъ, и человекъ вспомнить своего Творца и Благодарителя, раскается, исправится, обратится къ Богу и станетъ исполнять волю Его. Увы! Падшій человекъ все болѣе и болѣе сталъ искажать свою природу, глубже и глубже упадать въ своихъ силахъ духовныхъ и тѣлесныхъ, шире и шире распространять свои порочныя желанія и страсти, ближе и ближе подходить къ природѣ бесловесныхъ и, послѣ утраты Ангело-подобнаго состоянія, *прилагаться и уподобляться скотамъ несмысленнымъ* (Пс. 48: 21). Ничто не помогало ему; ничто не отвращало его отъ жизни грѣховной и не направляло къ обратному восхожденію въ жизнь добродѣтельную и святую,—ничто, ни убѣжденія разума, ни обличенія совѣсти, ни заповѣди Синайскаго закона, ни проповѣдь пророковъ. Вотъ уже теперь, подумаешь, непременно должна послѣдовать конечная гибель человека. Правосудный и Праведный Богъ не попуститъ болѣе, чтобы тварь безнаказанно оскорбляла Творца и съ такимъ самозабвеніемъ отвергала всѣ дѣйствія промысла ко спасенію ея. Вышло опять напротивъ. Случилось именно то, что выразилъ впослѣдствіи Св. Апостоль. *Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5: 20). Человѣколюбивый Господь сдѣлалъ то, болѣе чего Онъ, при всей Своей безконечной премудрости и благи, сдѣлать не можетъ. Онъ искупилъ міръ смертію Сына Своего возлюбленнаго и даровалъ человеку прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. По силѣ таковой благодати и милости Божіей, человекъ вѣрою въ Сына Божія Иисуса Христа получаетъ спасеніе и, укрѣпляемый силою Св. Духа, возвращается изъ тьмы грѣховной въ свѣтъ Божій, дѣлается новымъ, духовнымъ, святымъ и, проходя жизнь добродѣтельную и непорочную, паки вступаетъ въ рай и уже не земный, а небесный. Блаженный человекъ! Можно ли узнать его теперь? Вѣдь это тотъ самый, который отпалъ отъ жизни Божіей, погрязъ въ безднѣ грѣха и ждалъ себѣ вѣчнаго осужденія и муки; вѣдь это тотъ, который, по сотвореніи, хотя былъ увѣнчанъ славою и честію, однако-жъ все таки умаленъ отъ Ангель. А теперь? Теперь, по искупленіи, онъ совсѣмъ другой, возвеличенный и въ лицѣ Богочеловѣка поставленный выше всѣхъ Ангеловъ. Не чудо ли это милосердія и благи Божіей? О, не одинъ Израильскій Царь, а весь человѣчскій родъ, всѣ твари и

земныя и небесныя въ трепетномъ изумленіи должны восвеликнуть: *Господи, что есть человекъ, яко помниши его?*

Но сколько удивительна милость и благодать Бога Творца и Спасителя къ человекѣ, столько же, и еще болѣе, удивительна нечувствительность и неблагодарность человекѣ къ Богу. Измѣнился, думаете, человекѣ послѣ этого? Обратился къ Богу, сдѣлался лучшимъ, сталъ жить въ чистотѣ и непорочности, какъ будущій сынъ неба? Нѣтъ. Онъ опять тотъ же грѣшникъ, онъ такъ же живетъ, какъ и прежде; онъ мало, или и совсѣмъ не думаетъ о томъ, что сдѣлалъ для него Богъ, и—что дѣлаетъ онъ самъ, разрушая снова свое блаженство. Были, безъ сомнѣнія, и всегда есть и такіе, которые дарованную благодать искупленія принимаютъ всѣмъ сердцемъ и съ живою вѣрою обращаются къ Спасителю, ходятъ во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, живутъ свято и непорочно и еще здѣсь, въ этой брэнной плоти, дѣлаются общниками и собесѣдниками Ангеловъ. Были говорю и есть и таковые. А большая часть? Большая часть Христіанъ живутъ вовсе не по-Христіански, живутъ не по заповѣдямъ Божіимъ, не по ученію Спасителя, а по закону падшаго грѣховнаго естества нашего. Для большей части Христіанъ Богъ и Спаситель какъ бы не существуетъ, Церковь Святая оставлена, Евангеліе невѣдомо, долгъ Христіанскій забыть, будущая жизнь и на мысль не приходитъ. Ученые слабо вѣруютъ, высшіе и знатные обычно превозносятся, богатые живутъ въ роскоши и забавахъ, простой народъ съ горя и съ радости пьянствуетъ, нерѣдко безчинствуетъ и почти всегда сквернословитъ. Среди Христіанъ нерѣдко, весьма нерѣдко видимъ явныя (не говоря о тайныхъ) беззаконія, раздоры, мятежи, кражи, свитотатства, убійства. И это искупленный кровію Сына Божія человекѣ? Это Христіанинъ, причастникъ великой благодати Божіей, котораго ждетъ небо, которому предназначено быть въ лицѣ Ангеловъ, съ которымъ Самъ Богъ хочетъ раздѣлить Свое вѣчное Божественное Царство? *Господи, что есть человекъ, яко помниши его?* Но таковъ ли долженъ быть человекѣ! Таковъ ли долженъ быть Христіанинъ?!

Бойся, человекѣ, Бога. Трепещи, Христіанинъ, своего Спасителя. Трепещи, чтобы Господь не забылъ тебя, не лишилъ тебя Своего благоволенія, не отнялъ у тебя даръ сыноположенія, не затворилъ отъ тебя двери Царства Своего. Трепещи, чтобы Онъ не возрѣлъ на тебя гнѣвомъ Своимъ, не показалъ на тебѣ правду Свою, чтобы не осудилъ тебя и не предалъ тебя вѣчной мукѣ, уготованной нераскаяннымъ и не исправившимся грѣшникамъ. Вѣдь будетъ

же конецъ долготерпѣнію Божию. Св. Апостоль свазалъ, что *Богъ поругаемъ не бываетъ* (Галат. 6: 7). Было время для не-Христіанъ будетъ же и для Христіанъ время, когда Правосудный Богъ сважеть: *потреблю челоуька, его же сотвори хъ* (Быт. 6: 7).

О, Христіанинъ! Пади въ сокрушеніи предъ Богомъ, проси слезно Его долготерпѣнія и милосердія, скажи Ему: прежде даже не погибну, Спасе, спаси мя, по милости Твоей, Долготерпѣливе. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 15.

Почему грѣшныи міръ доселѣ стоитъ неразрушимо?

Господи благослови!

*И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна; яко растлѣ всяка плоть путь свой на земли. И рече Господь Богъ: се азъ поублю ихъ (людей) и землю.
(Быт. 6: 12, 13).*

Сказанныя теперь слова Божественнаго Писанія относятся, братіе, къ извѣстному страшному міровому событію, погибли всего челоуьческаго рода во всемірномъ потопѣ. Извѣстно изъ того же Писанія, что размножившійся, по сотвореніи, челоуьческой родъ, вслѣдствіе оскудѣнія вѣры въ благочестивыя Праотеческія преданія, впалъ въ совершенное безбожіе и предался во всемъ влеченію своихъ порочныхъ страстей. Видѣлъ все это Господь Богъ, увѣщевалъ и долготерпѣлъ, долготерпѣлъ и увѣщавалъ грѣшниковъ. Напрасно. Погрязшій въ глубинѣ грѣховной челоуькъ не внималъ гласу милосердія, продолжалъ жить въ безпечномъ самозабвеніи и наконецъ погибъ. Господь Богъ, не видя раскаянія и исправленія грѣшниковъ, потребилъ всѣхъ ихъ, пославъ на землю всемірный потопъ. Спасся одинъ Праведникъ, благочестивый Ной съ семействомъ. Послѣ потопа явился новый міръ. Отъ семейства Праведнаго Ноя опять размножился челоуьческой родъ и распространился по землѣ. Лучше ли сталъ этотъ новый міръ? Благочестивѣ ли, добродѣтельнѣ ли начали жить послѣпотопные люди? Опять нѣтъ. Опять забыли истиннаго Бога, призвавъ за боговъ всѣ почти твари, опять погрязли въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. И опять подвигли на себя праведный гнѣвъ Божій. Преимущественно предъ другими возсмердѣли на землѣ своими грѣхами и плотскими нечистотами Со-

домляне. Господь потребилъ ихъ и грады ихъ небеснымъ огнемъ. Спасся одинъ праведный Лотъ съ своими дочерьми.

Видите, братіе, сколь ненавистенъ грѣхъ предъ Богомъ! И какъ погибельно жить не по волѣ Божіей, въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. Не утаится предъ Богомъ ни одно беззаконіе и ни одинъ беззаконникъ: Господь всегда видитъ грѣхи и грѣшниковъ и готовъ поразить ихъ во гнѣвъ Своемъ, но щадя долготерпѣть по милосердію Своему.

Что сказать о временахъ Христіанскихъ? Что сказать о нашемъ времени? Въ какомъ видѣ представляется теперь предъ Богомъ наша земля? Не причествуетъ ли и ей сказанныя нѣкогда слова: *И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна; яко растли всяка плоть путь свой на земли?* Въ самомъ дѣлѣ, похвалимся ли мы благочестіемъ, Богоугожденіемъ, добрыми, согласными съ волею и закономъ Божіимъ, дѣлами? Лучше-ли наше время тѣхъ временъ, когда Господь посылалъ страшныя казни на беззаконныхъ? Если бы и лучше, то этого непремѣнно требуетъ наше Христіанское званіе и то благодатное состояніе, въ которомъ мы находимся. Вѣдь на насъ, какъ на благодатныхъ сыновъ, излиты отъ Бога несравнимо преимущественныя предъ древними дары и милости. Однако-жъ такъ ли на самомъ дѣлѣ? Лучше ли мы древнихъ? Свободны ли по крайней мѣрѣ отъ тяжкихъ грѣховъ? Ахъ, нѣтъ! Нѣтъ братіе. Далеко, далеко мы—не то, чѣмъ должны быть. Близко, близко подходимъ мы по жизни къ тѣмъ, на которыхъ Господь изливалъ нѣкогда гнѣвъ Свой. Ужели нужно указывать на наши недостатки, на нашу мірскую, разсѣянную жизнь, на наши несообразныя съ званіемъ и закономъ Христіанскимъ дѣла, на наши нерѣдко противныя разуму и чувству человѣческому поступки?

При такомъ состояніи нашего времени, смотря на продолжающееся все еще бытіе міра и человѣческаго рода, можно подумать, за что же Господь милуетъ насъ и не предаетъ насъ, по грѣхамъ нашимъ, Своему праведному гнѣву? Для чего не вопіетъ и къ намъ грозный голосъ съ неба: *се Азъ поублю ихъ и землю?* Вообще рождается вопросъ: какимъ образомъ міръ, очевидно погрязшій въ беззаконіяхъ, доселѣ стоитъ? Какимъ образомъ Святой и Праведный Господь терпитъ грѣхи въ человѣческомъ родѣ и не посылаетъ на него заслуживаемой имъ казни? Что удерживаетъ Его Божественную правду? Объясненія на это поищемъ, братіе, въ указаніяхъ откровеннаго слова Божія.

Когда Господь, видимо явившись въ лицѣ странниковъ пра-

отцу Аврааму, бесѣдовалъ съ нимъ и когда открылъ ему Свое намѣреніе потребить незаконныхъ жителей Содома, то Авраамъ сдѣлалъ Господу вопросъ: неужели Онъ погубить въ числѣ незаконныхъ и праведниковъ? Господь, удовлетворяя молитвенно-расположенному духу праотца, сказалъ ему, что Онъ не погубить цѣлаго незаконнаго города и тогда, если бы нашлось въ немъ только десять праведниковъ. Вотъ значить братіе, кто причиною стоянія и грѣшнаго міра, и непотребленія его, при всемъ незаконіи людей. Праведники, находящіеся въ средѣ незаконныхъ.

Прогнѣвался опять Господь на Ниневитянъ. Ниневія была столица Ассирійскаго Царства, величайшій, знаменитѣйшій и многлюднѣйшій городъ. Жители Ниневіи нечестіемъ и грѣхами своими возбудили противу себя праведный гнѣвъ Божій, и Господь положилъ въ совѣтѣ Своемъ потребить Ниневію со всѣми жителями ея. Посланный именно съ грозною проповѣдію Іона пророкъ возвѣстилъ Ниневитянамъ праведный гнѣвъ Божій и объявилъ, что Ниневія чрезъ три дня разрушится. Народъ принялъ проповѣдь пророка съ вѣрою; всѣ отъ Царя до послѣдняго жителя, облевались во вретница, наложили постъ не только на себя, но и на всѣхъ животныхъ и обратились къ Богу съ молитвою о помилованіи. Что же? Милосердный Господь помиловалъ народъ и отмѣнилъ предназначенную Ниневіи казнь. Вотъ, братіе, еще причина, почему Господь долготерпитъ грѣшному роду человѣческому. Это—сами же грѣшники; но кающіеся въ своихъ согрѣшеніяхъ и умоляющіе благость Божию о помилованіи. Въ этомъ точно смыслъ говорить и Апостоль: *Не коснитъ Господь обѣтованія, т. е. кончины и разрушенія міра, но долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ* (2 Петр. 3: 9).

Находимъ и еще причину стоянія грѣшнаго міра въ откровеніи Новозавѣтнаго провозвѣстника будущихъ судьбъ міра. Ему сказано было: *время близъ есть* (Апок. 22: 10), т. е. время кончины міра. Такъ, кончина міра близко, но еще не наступаетъ—для чего? *Обидяй, сказано, да обидитъ еще, и скверный да осквернится еще, и праведный правду да творитъ еще, и святой да освятится еще* (Апок. 22: 11). Видите намѣреніе Божіе, по которому Онъ милостиво отлагаетъ еще кончину міра и человѣческаго рода. Господь даетъ время, чтобы благочестивые и праведные болѣе и болѣе преуспѣли въ благочестіи и правдѣ, а грѣшные и нераскаянные также болѣе и болѣе закоснѣвали въ своей нераскаянности и грѣхахъ, дабы на будущемъ страшномъ судѣ первые предстали предъ Нимъ безотвѣтными.

Вотъ, братіе, причины кромѣ другихъ, уму нашему недоступныхъ и Богу единому вѣдомыхъ, причины, по которымъ Госнодь щадить грѣшный міръ и не предаеть его конечному разрушенію. Правда праведниковъ и покаяніе грѣшниковъ удерживаютъ праведный гнѣвъ Божій на беззаконныхъ. Значить, и наше время, не смотря на видимый упадокъ вѣры и растлѣніе нравовъ, не лишено людей, заслуживающихъ благоволеніе отъ Бога (благодареніе Богу!), есть, безъ сомнѣнія и среди міра и особенно въ святыхъ обителяхъ, не мало такихъ, которые *живутъ достойнъ благовъствованію Христову* (Филип. 1: 27), подвизаются въ дѣлахъ благочестія и благоугождаютъ Богу постомъ, побѣдою надъ страстями, чистотою, богомысліемъ и даже непрестанными молитвами. Для спасенія одного города неправеднаго требуется десять праведныхъ. Сколько же потребно праведниковъ для спасенія цѣлаго грѣшнаго міра? А если такъ, безъ сомнѣнія, много въ мірѣ праведниковъ, то что сказать о грѣшникахъ кающихся? О, ихъ безчисленное множество. Всѣ грѣшны, но вѣдь рѣдкій, рѣдкій грѣшникъ хотя слабо, хотя по временамъ не чувствуетъ своихъ грѣховъ; такъ или иначе, теперь или послѣ, волей или неволей придетъ въ себя, пожалѣеть, поскорбитъ;—можетъ быть вырвется у него и молитвенный вздохъ, можетъ быть выкатится и капля слезная. А это уже не мало предъ взоромъ Милосерднаго Бога. Госнодь взираеть на грѣшника кающагося и ждетъ отъ него большаго и большаго раскаянія, обращенія и исправленія. А что особенно важно,—это извѣстное Христіанское церковное покаяніе. Положимъ, что мы слабо и тутъ каемся, но не всѣ же, и не всегда. Есть, безъ сомнѣнія, искренно кающіеся, горько оплакивающіе свои грѣхи, и слезно просящіе у Бога прощенія и помилованія ежели не въ церкви предъ святыми Иконами, то *въ клятти* дома своего предъ взоромъ *видящаго въ тайнѣ* (Матѣ. 6: 6).

Праведники, братіе, и грѣшники кающіеся удерживаютъ гнѣвъ Божій доселѣ, и Госнодь не караетъ еще беззаконныхъ, и не разрушаетъ грѣшнаго міра. Однакожь будетъ и вонецъ милосердію и долготерпѣнію Божію. Возстанеть на судъ и правда Его во второе пришествіе Сына Божія Иисуса Христа на землю. Точно также будетъ и тогда, какъ было прежде. *Яко же бысть во дни Ноевы, и во дни Лотовы, тако будетъ и въ пришествіе Сына чловѣческаго* (Матѣ. 24: 37. Лук. 17: 28), сказалъ Самъ Госнодь. Ной съ семействомъ спасся въ ковчегѣ, а всѣ прочіе потонули; Лоть съ семействомъ былъ выведенъ изъ Содома, а всѣ прочіе сгорѣли: такъ и въ кон-

чину міра, праведники взойдуть на небо, а грѣшники потонуть *въ озеръ огненномъ* (Апок. 20: 15).

Возблагодаримъ, братіе, Господа, что Онъ, по милосердію Своему еще даетъ намъ время и отлагаетъ кончину нашу и кончину міра для нашего спасенія. Не истратимъ времени, этого дорогаго дара милости Божіей; въ пустыхъ, и еще паче душевредныхъ дѣлахъ, а обратимъ оное въ пользу души и въ приобрѣтеніе жизни блаженной и вѣчной. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 16.

Раздѣленіе Христіанъ въ образѣ вѣрованія, и причина этого раздѣленія.

Господи благослови!

Единъ Господь, едина вѣра (Ефес. 4: 5).

Слова св. Апостола:—Одинъ Богъ, одинъ Творецъ и Спаситель всѣхъ; нѣтъ другаго Бога, нѣтъ другаго Творца и Спасителя. Естественно, поэтому и вѣра должна быть одна; одинаковы у всѣхъ понятія о Богѣ, одинаковы отношенія къ Богу. Естественно, чтобы и вѣрующіе въ единого Бога и сами были между собою едино, какъ *едино тѣло и единъ духъ* (Ефес. 4: 4), *единодушни, единомудренни* (Филип. 2: 2), безъ разномыслія, безъ разногласія, безъ раздѣленія. Вѣрующіе въ единого Бога должны быть какъ одно великое семейство,—*едино стадо*, по слову Самого Спасителя, какъ *единъ и пастырь* (Іоан. 10: 16), Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ, братіе, должно быть; но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Одинъ Господь Іисусъ Христосъ Спаситель всѣхъ, одна должна быть и вѣра у Христіанъ, одинаковы должны быть и Христіане. То ли видимъ мы? Вотъ нѣсколько человѣкъ,—всѣ они вѣрують въ одного Бога, всѣ признають Спасителемъ своимъ Іисуса Христа Сына Божія, всѣ именуютъ себя Христіанами. А между тѣмъ, что слышимъ? Одинъ изъ нихъ говоритъ: „я Православный“, другой „я католикъ“, третій: „я лютеранинъ“, четвертый: „я старообрядецъ“¹⁾. Что это такое? Отчего разныя наименованія у Христіанъ? Разныя наименованія у Христіанъ оттого, братіе, что Христіане пе-

¹⁾ О Христіанахъ другихъ вѣроисповѣданій не упоминается, потому что таковыхъ на мѣстѣ нѣтъ.

рестали быть едино, разорвали союзъ братства и раздѣлились на части. У каждаго отдѣльнаго общества Христіанъ теперь свой образъ вѣрованія, свой чинъ богочтенія, свои мѣста богослуженія или храмы. Вотъ и у насъ нынѣ, кромѣ Православныхъ, издревле здѣсь существующихъ храмовъ, явились двѣ церкви, одна *католическая*, въ самомъ здѣшнемъ городѣ, другая—*старообрядческая*, въ здѣшнемъ уѣздѣ при Домшинскомъ приходѣ. Первую посѣщаютъ проживающіе здѣсь католики-поляки, вторую—наши раскольники, принявшіе *единовѣріе*. Всѣ эти члены различныхъ Христіанскихъ обществъ именуется Христіанами, всѣ вѣруютъ въ одного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, всѣ приѣмлютъ Божественное Евангеліе, и однакожь всѣ между собою несогласны, всѣ даже другъ другу противны. Никто изъ нихъ пока не обратится ужъ, не согласится вѣровать такъ, какъ вѣруютъ другіе, никто не станетъ исполнять тѣхъ обрядовъ, какіе исполняютъ другіе, никто не будетъ молиться такъ, какъ молятся другіе, никто не пойдетъ въ тотъ храмъ, въ который ходятъ другіе, развѣ только изъ любопытства или по долгу службы. Такое раздѣленіе въ вѣрѣ и въ отправленіи внѣшнихъ Христіанскихъ обязанностей естественно не можетъ не имѣть вліянія и на самую общественную жизнь разномыслящихъ Христіанъ,— и вотъ они ужъ не имѣютъ искренняго расположенія другъ къ другу, не считаютъ себя братіями во Христѣ, часто ненавидятъ другъ друга, гнушаются другъ другомъ, нерѣдко дѣлаются врагами и злодѣями другъ другу. Печальная картина! Это ли святое, избранное стадо, котораго пастырь—Христось? Это ли таинственное *тѣло*, *лава* котораго—Христось? (Кол. 1: 18). Это ли единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, которую призваны единогласно исповѣдывать всѣ? Это ли общество вѣрующихъ во Христа, которымъ Христось, Спаситель ихъ, *заповѣдалъ любить другъ друга* (Іоан. 15: 17) и о которыхъ съ такимъ пламеннымъ усердіемъ предъ самымъ страданіемъ Своимъ молился Единосущному Отцу Своему, *да будутъ едино? (яко же они едино суть)* (Іоан. 17: 22).

Что причиною такого печальнаго явленія? Кто разогналъ святое стадо Христово? Кто поколебалъ единомысліе и единовѣріе въ Церкви Божіей? Кто разрушилъ союзъ Христіанъ и сдѣлалъ ихъ несогласными между собою, противными другъ другу? Разумъ и страсти человѣческіе, братіе,—разумъ, обожаемый многими изъ Христіанъ, страсти, любимыя всѣми нами. Они возмутили Церковь Божію, этотъ новый Богонасажденный рай, и сдѣлались виновниками гибели многихъ. Разумъ человѣческій, обуреваемый и подстрекаемый страс-

тями человѣческими, дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло Божіе, присвоилъ себѣ право судить о дѣлахъ Божіихъ и постигать тайны Царствія Божія, захотѣлъ быть распорядителемъ въ Церкви и сталъ опредѣлять догматы вѣры, установленія церковныя и правила жизни Христіанской по своимъ понятіямъ, и такимъ образомъ ввелъ Христіанъ въ заблужденія, породилъ ереси и расколы и образовалъ отдѣльныя и раздѣльныя общества и разнообразныя безчисленныя секты Христіанъ. Эти-то раздѣлившіеся Христіане и называются въ главныхъ своихъ обществахъ, то католиками, то лютеранами, то старообрядцами. А которые остались вѣрными первоначальному, со временъ Апостольскихъ и Отеческихъ, устройенію Церкви и доселѣ неизмѣнно содержатъ вѣру древнюю, восточно-Католическую, какъ и мы, Русскіе Христіане, тѣ называются Христіанами Православными. Разумъ человѣческій и страсти человѣческія доселѣ не только не перестаютъ возмущать Церковь Божию, но и съ большимъ ожесточеніемъ и напряженіемъ ополчаются противъ нея, ослабляютъ и колеблютъ самую вѣру и разрушаютъ миръ и благоденствіе Христіанъ. Ужъ слышите, конечно, и сами, братіе, какъ распространяется нынѣ и у насъ вольнодумство и духъ безвѣрія и безбожія, первоначально, разумѣется, между учеными, и, подъ предлогомъ свободы и развитія человѣка, усиливаются порочныя страсти и растлѣваются народныя нравы. А возмущеніе Поляковъ противъ насъ, Русскихъ? Вѣдь и Поляки—Христіане, да при томъ единоплеменные. Слѣдовательно надлежало имъ жить съ нами въ братскомъ согласіи и мирѣ, тѣмъ паче что и мы и они имѣемъ одного Царя. Однакожъ что дѣлаютъ они нынѣ? Какъ свидѣтельствуютъ и свою вѣру во Христа, и свою преданность Царю, и свою братскую любовь къ намъ? Кто же этому причиною? Не кто другой, какъ разумъ человѣческій, возмутившій и раздѣлившій Церковь Божию, покровительствующій человѣческимъ страстямъ и возжигающій въ Христіанахъ самолюбіе, властолюбіе, ненависть, вражду.

Такъ опасно, братіе, слѣдовать внушеніямъ слабого и помраченнаго грѣхопаденіемъ человѣческаго разума. Того и смотри, что онъ увлечетъ человѣка въ бездну погибели. Нѣтъ. Какъ скоро мы вѣрные Христіане, то и должны только слушаться вѣры и послѣдовать Христу, должны жить и поступать такъ, какъ повелѣваетъ намъ законъ Евангельскій, а *всякое плотское возношеніе взимающееся на разумъ Божій низлагать, и разумъ свой плынять въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10: 5). Пусть разумъ нашъ слушаетъ, что говоритъ Святая вѣра и Церковь, пусть благоговѣнно размышляетъ

и, сколько можетъ, понимаетъ догматы и правила вѣры, а отнюдь не дерзаетъ разсматривать ихъ по собственнымъ своимъ началамъ и подвергать ихъ своему суду. Какъ скоро мы сыны Святой Христовой Церкви, то и должны быть во всемъ послушны Ей и только принимать и содержать то ученіе, которое преподаетъ Святая Церковь, и повиноваться и покоряться тѣмъ наставникамъ и пастырямъ, которыхъ поставляетъ надъ нами Святая Церковь. Вотъ правило для истинныхъ Христіанъ, которому если бы слѣдовали Христіане, не было бы между ними никакихъ раздѣленій, а были бы всѣ они едино, какъ братія, составляли бы одну Святую Церковь, которой единая глава есть Самъ Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ, и такимъ образомъ и здѣсь жили въ мирѣ и блаженствіи, и за гробомъ наследовали Царство Небесное. Но, къ крайнему прискорбію, раздѣленіе Церкви послѣдовало, Христіане разошлись и вѣками утвердились въ своеобразныхъ вѣрованіяхъ, такъ что возвратить ихъ къ первоначальному общему вѣрованію и содѣлать ихъ искренними и вѣрными сынами единой, Святой Соборной и Апостольской Церкви можетъ одинъ премудрый и всемогущій Господь, Глава и Спаситель Церкви Иисусъ Христосъ.

Какъ же, при такомъ раздѣленіи, должны поступать Христіане во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ? Должны, не смотря на различіе вѣрованій, все-таки исполнять заповѣдь Спасителя нашего о любви, должны стараться жить въ согласіи и мирѣ, другъ друга не осуждать, другъ другомъ не гнушаться и за противныя убѣжденія никого не укорять. Разномыслящіе съ нами Христіане, ежели не образомъ вѣрованія, то самою вѣрою и именемъ Христа Спасителя, въ Котораго всѣ мы вѣруемъ и Которому служимъ, все еще не чужды намъ, все еще братія наши, хотя, такъ сказать, и не единоутробные. Но живя и не съ Православными Христіанами, въ союзѣ и мирѣ, мы, Православные Христіане, отнюдь однако же не должны соединяться съ ними въ вѣрѣ, напротивъ—должны непостыдно и неизмѣнно содержать и исповѣдывать свое Православіе, не смотря ни на что, если бы даже довелось кому за это и потерпѣть, помня глаголющаго: *буди въпренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апов. 2: 10). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 17.

Потребность особенной молитвы о благораствореніи воздуха и изобиліи плодовъ земныхъ и временѣхъ мирныхъ.

Господи благослови!

Замѣчаете ли вы, братіе, матерній призывъ Св. Церкви, который Она всегда приглашаетъ насъ на молитву и который въ настоящее время требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и особенной молитвы? Вотъ этотъ призывъ. Служитель Церкви, отъ лица ея, вызывая насъ на молитву и исчисляя, указывая предметы, о которыхъ должно молиться, возглашаетъ, между прочимъ, такъ: *о благораствореніи воздуха, о изобиліи плодовъ земныхъ и временныхъ мирныхъ Господу помолимся.* Понятна ли намъ теперь потребность этой молитвы? Замѣчательны ли число и полнота предметовъ, о которыхъ въ настоящее время мы должны особенно молиться? Именно то, и все то и содержится въ этомъ молитвенномъ возглашеніи, что нынѣ занимаетъ и озабочиваетъ насъ, что поставляетъ насъ въ непріятное и затруднительное положеніе. Насъ озабочиваетъ, насъ поставляетъ нынѣ въ затруднительное положеніе недостатокъ благорастворенія воздуха, опасеніе за скудость плодородія и буря возникшаго въ отечествѣ нашемъ мятежа. О избавленіи отъ всего этого и призываемся мы на молитву. И во первыхъ призываемся молиться Господу *о благораствореніи воздуха.* Какъ не молиться намъ теперь объ этомъ особенно? Этого-то благорастворенія воздуха и недостаетъ у насъ. Все холодъ, да холодъ,—и ночью холодъ, и днемъ холодъ; растительность развивается слабо, все вяло, полумертво, многое позябло и умерло. И это у насъ. А что сказать о сѣверо-восточномъ нашемъ краѣ, томъ краѣ, который отъ благораствореннаго воздуха, отъ холода пострадалъ въ прошедшее лѣто? Далѣе, потребна молитва *о изобиліи плодовъ земныхъ.* Какъ не молиться и объ этомъ особенно? Чѣмъ мы станемъ питаться, ежели Богъ не благословитъ наши поля и нивы? Не прискорбно ли видѣть напрасный трудъ, напрасную трату на воздѣланіе и удобреніе земли? Не прискорбно ли остаться и поселянамъ и городскимъ жителямъ безъ плода, безъ приобрѣтенія даже насущнаго хлѣба? А это очень можетъ быть частію и здѣсь. Что же опять тамъ, у нашихъ Зырянъ? Цѣлый годъ они ужъ питались едва ли лучшею пищею, чѣмъ животныя. Что же будетъ, ежели и нынѣ послѣдуетъ

подобное, если еще не большее, оскудѣніе въ земныхъ плодахъ? Видите, братіе, важную потребность въ особенной молитвѣ *о благораствореніи воздуховъ и о изобиліи плодовъ земныхъ*? Менѣ ли нужно особенно молиться намъ и *о временныхъ мирныхъ*? Въ какомъ положеніи теперь наше отечество? Что замыслили противъ насъ наши, такъ сказать, соотечественники? Что замышляютъ противъ насъ и внѣшніе, союзные намъ народы? Какое теперь смятеніе, какая ежеминутная опасность, какое злодѣйство въ югозападной части нашего государства? Нѣтъ тамъ мира и спокойствія. А и мы можемъ ли быть спокойны? И насъ уже не тревожатъ ли эти, хотя и отдаленныя, смуты? И намъ не грозитъ ли, хотя еще только въ возможности, потрясеніемъ нашего благоденствія и міра? О, нужна, нужна, братіе, нынѣ особенная молитва *о временныхъ мирныхъ*, о томъ, чтобы Господь Богъ всемогущею силою Своею прекратилъ вражду, мятежъ и междоусобную брань, даровалъ міру миръ и возвратилъ намъ спокойствіе и безопасность, къ благоустроенію любезнаго отечества нашего и къ общему благоденствію нашему.

Не думаю, чтобы нужно было объяснять необходимость напоминанія о потребности въ настоящее время особенной въ сказанномъ видѣ молитвы: всѣ мы, братіе, только и говоримъ объ этихъ, постигшихъ насъ, обстоятельствахъ; только и слышны у насъ жалобы на погоду и опасеніе за будущее безплодіе; только и разговоры и сужденія, что объ извѣстныхъ безпорядкахъ со стороны мятежниковъ, угрожающихъ бѣдствіемъ и униженіемъ отечеству нашему. Но не этимъ ли все и оканчивается? Принимаемъ ли мы участіе въ прискорбной участи другихъ? Прилагаемъ ли къ своему сердцу раны сердецъ ближнихъ нашихъ? Содѣйствуемъ ли къ ихъ успокоенію и утѣшенію? На одномъ край соотечественники наши страдаютъ и, можетъ быть, еще будутъ страдать отъ голода; на другомъ—проливаютъ кровь свою за насъ и за наше спокойствіе: что же мы? Чувствительны ли къ первымъ и благодарны ли къ послѣднимъ? Пока не настощь надобность, пока не вызываютъ насъ на видимыя, вещественныя жертвы отечеству и ближнимъ нашимъ, приносимъ ли мы духовную, невидимую, но тѣмъ дѣйствительнѣйшую и для всѣхъ доступную жертву Богу? Молимся ли особенно въ настоящее время Господу Богу, чтобы Онъ, всемогущій, прекратилъ постигшія насъ и отвратилъ отъ насъ угрожающія намъ бѣдствія, чтобы гладнымъ послалъ обильную пищу, а ратующимъ за насъ—Свою всеильную помощь? Великій грѣхъ, важное упущеніе Христіанскаго долга, ежели мы въ настоящее время забываемъ молит-

ву, ежели только съ любопытствомъ стараемся знать о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, не прибѣгая къ молитвѣ, этому могущественному оружію къ низложенію враговъ и къ избавленію насъ отъ всѣхъ бѣдствій.

Вотъ объ этомъ рѣшился я, братіе, напоминать Христіанамъ;— именно объ особенной въ настоящее время потребности молиться *о благораствореніи воздуха, о изобиліи плодовъ земныхъ и временныхъ мирныхъ*. Пусть каждый изъ насъ поставитъ себѣ долгомъ ежедневно хотя разъ, хотя два, утромъ и вечеромъ, повергнуться предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ съ молитвеннымъ прошеніемъ, чтобы Онъ, Всеблагій, избавилъ насъ отъ глада и губительства, отъ нахождения иноплеменныхъ и междоусобныя брани, чтобы воинновъ, подвигающихся за вѣру и Святую Церковь Его, за Царя и отечество, всеильною Своею помощію укрѣпилъ и утвердилъ, а убіеннымъ и положившимъ животъ свой на брани даровалъ оставленіе грѣховъ, жизнь блаженную и Царство Небесное, намъ же, охраняемымъ оружіемъ и мужествомъ ихъ, ниспослалъ миръ, здравіе, благоденствіе и душевное спасеніе. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 18.

Состояніе Православно-Русскихъ Христіанъ прежняго и нынѣшняго времени.

Господи благослови!

*Похвала чадамъ отцы ихъ (Притч.
17: 6).*

Иакъ говоритъ древній Богопросвѣщенный наставникъ. Дѣйствительно дѣти по большей части заимствуютъ славу свою отъ родителей. Дѣти княжескія, графскія, дворянскія, уже по самому происхожденію своему, болѣе или менѣе знамениты и славны. Дѣти умныхъ, степенныхъ и честныхъ родителей также имѣютъ свое достоинство въ общемъ мнѣніи. Даже дѣти просто богатыхъ родителей пользуются особеннымъ почетомъ, за богатство и впѣшній блескъ своихъ отцовъ. А дѣти Христіанъ, и Христіанъ правовѣрныхъ, Христіанъ твердыхъ въ благочестіи, Христіанъ богатыхъ добродѣтелями, развѣ не имѣютъ основанія хвалиться своими родителями? Развѣ таковые родители не составляютъ похвалы и славы для своихъ дѣ-

тей? Похвала, истинная, существенная, великая похвала чадамъ таковыя отцы.

Предвидите ли, братіе, цѣль моихъ словъ, о какихъ хочу я теперь сказать отцахъ и о какихъ чадахъ? Я хочу сказать вообще о нашихъ отцахъ и о насъ, чадахъ ихъ, хочу сказать о нашихъ Православно-Русскихъ предкахъ и о нынѣшнемъ потомствѣ ихъ. Что скажу? Скажу именно то, что отцы наши похвала намъ, чадамъ ихъ; предки наши честь и слава потомству ихъ, намъ и всѣмъ и нынѣшнимъ Русскимъ Христіанамъ. Не такъ, конечно, думаютъ объ отцахъ нашихъ многіе изъ нынѣшнихъ чадъ ихъ; ихъ считаютъ непросвѣщенными, грубыми, дикими; образъ жизни и внѣшній бытъ ихъ неустроеннымъ. Согласимся, что жизнь ихъ, по внѣшнему положенію, была неблистательна; зато внутренняя жизнь, состояніе благочестія и вѣры дѣлаютъ имъ великую похвалу и славу. А вѣдь это самое главное въ настоящей нашей жизни, и по слову Самого Спасителя нашего, *единое на потребу* (Лук. 10: 42). Они вообще были благоразумны, степенны, честны, благочестивы и добродѣтельны. Въ этомъ достоинствѣ никто не посмѣетъ отказать имъ. Каковы же теперь чада ихъ, потомки ихъ? Составляютъ ли они похвалу отцамъ ихъ? Отличаются ли они достоинствами и дѣлаютъ ли честь своему времени? Правда, положеніе нашего времени во многомъ отлично отъ прежняго, внѣшній бытъ и матеріальное состояніе значительно улучшены, возвышены, облагорожены, хотя бѣдности и существенныхъ недостатковъ въ жизни едва ли меньше прежняго; но каково состояніе вѣры и Христіанства? Соответствуетъ ли оно внѣшнему блеску, видимому благоустройству? Таковы же ли и нынѣшніе Христіане, какъ и прежніе? Не выше ли чадъ въ благочестіи отцы? Сообразимъ-ка безпристрастно состояніе отцевъ и чадъ, предковъ и потомковъ, прежнихъ и нынѣшнихъ Христіанъ.

Прежніе Христіане, дѣды и прадѣды наши, твердо содержали свою Православную вѣру, всегда готовы были умереть за соблюденіе ея, и иновѣрцевъ считали часто на ряду съ невѣрными. А нынѣшніе Христіане къ своему Православію довольно равнодушны, и есть не мало такихъ, для которыхъ вѣра и исповѣданія вѣры безразличны. У прежнихъ Христіанъ—предковъ нашихъ—любимымъ, отраднымъ мѣстомъ торжественныхъ собраній была Святая Церковь; а у нынѣшнихъ въ большой ихъ части театры, спектакли, концерты, вечера и балы, хотя бы и на церковный праздникъ. Прежніе Христіане, предки наши, хорошо знакомы были съ Богослуженіемъ,

обрядами и чиномъ церковнымъ: нынѣшніе—нерѣдко не умѣютъ отличать одного Богослуженія отъ другаго, а содержанія порядка и правильности многіе и вовсе не понимаютъ. Прежніе Христіане, предки наши, священный, церковный языкъ, на которомъ отправляется у насъ богослуженіе, понимали, какъ свой природный; изъ нынѣшнихъ Христіанъ иные мало разумѣютъ его, и разумѣть его считаютъ несовременнымъ и излишнимъ; для нихъ нужнѣе и полезнѣе языкъ Французскій, чѣмъ Православно-Церковный, и даже свой отечественный, Русскій. Прежніе Христіане, предки наши, любили усердно и долго молиться; всенощная, напимѣръ, продолжалась у нихъ пять и болѣе часовъ; нынѣшніе и самымъ короткимъ служеніемъ скучаютъ. За службой у прежнихъ Христіанъ всегда бывали чтенія изъ толковаго Евангелія, изъ отеческихъ книгъ и житій Святыхъ, отчего они были разумны въ вѣрѣ, свѣдуши въ догматахъ и правилахъ Христіанскихъ: нынѣшнимъ и одна краткая проповѣдь причиняетъ значительное обремененіе и тяготу. Прежніе Христіане были весьма усердны къ Церкви, приносили многія и богатыя жертвы, украшали Святая Иконы, заводили богатую утварь церковную, строили храмы, лили колокола. Вѣдь все почти, чѣмъ нынѣ пользуемся, есть наслѣдіе Церкви отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ. А нынѣ?... Да! нынѣ это усердіе, эти жертвы считаются дѣломъ Христіанъ необразованныхъ, неразвитыхъ, неразумныхъ; нынѣ требуется благочестіе не грубое, не матеріальное, а тонкое, легкое, которое было бы безъ труда, безъ издержекъ, то самое, которое, по Апостолу состоитъ *въ словеси, а не въ силѣ* (1 Кор. 4: 20). Прежде всѣ установленія церковныя, напим. посты, соблюдались строго и нарушеніе ихъ считалось величайшимъ нечестіемъ и неслыханнымъ преступленіемъ; а нынѣ это соблюдается едва не одними простолюдниками, еще не совратившимися съ пути своихъ благочестивыхъ предковъ. Прежніе Христіане праздники церковные и особенно великіе, каковы: Рождество Христово и Святая Пасха, совершили со всѣмъ Христіанскимъ усердіемъ подавали обильныя милостыни бѣднымъ, и сами даже князья и вельможи, лично посѣщали богоугодныя заведенія и мѣста заключенныхъ, привѣтствовали меньшую братію съ святыми праздниками и обдѣляли ихъ деньгами изъ своихъ собственныхъ рукъ; нынѣ этого почти совсѣмъ нѣтъ: нынѣ одни холодныя поздравленія, одни форменные, по большей части вынужденныя, неискренніе визиты. Такъ, братіе, различны между собою прежніе и нынѣшніе Христіане относительно къ церкви и въ своимъ внѣшнимъ Христіанскимъ обя-

занностямъ. Въ прежнія времена вся Православная Россія составляла ровно одну обширную, многолюдную обитель. Зато сколько послѣдовало знаменій небеснаго благоволенія къ этой Святой обители! Сколько прославилось у насъ Угодниковъ Божіихъ! Сколько явилось Святыхъ и Чудотворныхъ Иконъ, въ заступленію и помощи воихъ нынѣ прибѣгаемъ мы!

А каковъ образъ домашней жизни у прежнихъ и нынѣшнихъ Христіанъ? У прежнихъ Христіанъ неизмѣннымъ было правиломъ освящать начало и конецъ дня домашнею молитвою: а у нынѣшнихъ всегда-ли, у всѣхъ ли? Нѣтъ, нѣтъ. Для иныхъ нынѣ часто не бываетъ и дня. Они бодрствуютъ преимущественно по ночамъ, и конечно не во славу Божію и не въ душеполезныхъ занятіяхъ. Прежде Христіане имѣли священный обычай при входѣ въ домъ и исходѣ творить поклоненіе Святымъ Иконамъ, кои и были всегда въ открытыхъ и почетныхъ мѣстахъ, также совершать молитву передъ столомъ и послѣ стола; а нынѣ? Нынѣ все это считается излишествомъ, несовременностію, даже неприличіемъ, чуть не суетвѣріемъ. Прежде Христіане занимались дома чтеніемъ душеспасительнымъ, чтеніемъ Священнаго Писанія, книгъ церковныхъ, твореній отеческихъ, житій Святыхъ? а нынѣшніе? Нынѣшніе—чтеніемъ легкимъ, пріятнымъ и увеселительнымъ, каковы: романы, повѣсти, басни. Прежде,—какое благоустройство было въ семействахъ! Какая подчиненность, какое послушаніе дѣтей родителямъ, какая любовь, какое согласіе между братьями, какое единодушіе и взаимная приверженность у супруговъ! А нынѣ? Нынѣ... нѣтъ, оставляю говорить объ этомъ, какъ всѣмъ и безъ указанія хорошо извѣстномъ.

Много, много можно бы говорить еще о томъ, каковы были прежніе Христіане, отцы наши, и каковы нынѣшніе, чада ихъ, но довольно и сказаннаго. Для чего же у насъ такое сравненіе стараго и новаго времени? (Не въ укоризну нашу говоримъ, братіе, а для нашей душевной пользы, для нашего въ Христіанскомъ благочестіи исправленія и утвержденія. Похвала намъ—отцы наши,—похвала намъ ихъ строгое благочестіе, ихъ твердая вѣра, ихъ Христіанскіе обычаи, ихъ добродѣтельная жизнь: похвала должны быть и мы отцамъ нашимъ,—похвала имъ наша сообразная съ ихъ вѣрою вѣра, наша соотечественная ихъ жизни жизнь. Горько будетъ имъ, и вамъ постыдно и пагубно, если каждый изъ нихъ съ болѣзнію духа скажетъ о насъ: *сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергоша мене*, (Исаія 1: 2). Страшно, чтобы Господь не сказалъ о насъ то же, что сказалъ нѣкогда о избранномъ и послѣ уклонившемся отъ пу-

тей Божіихъ народѣ Своемъ: *сынове беззаконіи, оставистеся Господа, и разнѣваете Святаго Израилева, отвратистеся вспять* (Исаія 1: 4).

Будемъ, братіе, твердо держаться вѣры отцевъ нашихъ, соблюдать Христіанскіе обычаи ихъ и послѣдовать благочестивому образу жизни ихъ, чтобы намъ не отпасть отъ благодати Божіей, но пребыть въ благоволеніи и милости у Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 19.

Причины различія христіанъ настоящаго отъ христіанъ прошедшаго времени.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ съ прискорбіемъ видѣли мы, братіе, какъ различны между собою прежіе Христіане, предки наши, и Христіане нынѣшняго времени, сколь близки были къ Церкви Божіей первые и какъ далеки начинаютъ быть отъ нея послѣдніе. Не всѣ однакожъ Христіане нашего времени отчуждаются отъ образа вѣры и жизни благочестивыхъ нашихъ предковъ. Благодареніе Богу! Простой Православный народъ еще совершенно на сторонѣ предковъ, а онъ, какъ извѣстно, составляетъ огромное большинство въ Православной нашей Церкви. Народъ нашъ Православный еще горячо приверженъ къ вѣрѣ и искренно любитъ Христову Церковь, еще свято исполняетъ установленія церковныя, крѣпко держится образа жизни своихъ благочестивыхъ предковъ и ненарушимо сохраняетъ отеческіе обычаи и нравы. Открылось охлажденіе къ Церкви преимущественно въ части народа, отличающейся образованіемъ вѣвшимъ и просвѣщеніемъ; начали чуждаться прежняго благочестиваго образа жизни и древнихъ Христіанскихъ обычаевъ особенно молодые люди высшихъ сословій. Чѣмъ это объяснить? Какаѣя причина охлажденія въ вѣрѣ и уклоненія отъ Христіанскаго образа жизни тѣхъ, которые по своему званію и образованію, казалось, должны быть руководителями другихъ, примѣромъ благочестія для простаго народа? Причина, братіе, самая простая и очевидная. Ее давно объяснилъ еще Царь-пророкъ. *Съ преподобнымъ, говоритъ, преподобенъ будешь, и со избраннымъ избранъ будешь и со строптивымъ развратишися* (Ис. 17: 26, 27). И другой, премудрый, говоритъ: *касаяся смоль очернится, и приобщаяся гордому, точенъ ему будетъ* (Сир. 3: 1).

Съ нѣкотораго времени Православные Россіяне начали сближаться съ образованностью неправославныхъ народовъ Запада. А извѣстно, что тамъ вѣра Христіанская не въ той чистотѣ, какъ у насъ, и жизнь Христіанская не въ томъ достоинствѣ и силѣ, какъ она должна быть у истинныхъ Христіанъ. Тамъ не столько господствуетъ вѣра, сколько разумъ человѣческій, взимающійся надъ областью вѣры, не столько процвѣтаетъ наука Божественная, основывающаяся вообще на Божественномъ словѣ, т. е. на Священномъ Писаніи и Св. Преданіи, по разуму Святой Церкви, сколько науки и искусства человѣческія, достояніе язычниковъ, водившихся естественнымъ разумомъ и видимою природою. Правда, для внѣшняго взора все тамъ кажется привлекательнымъ, все представляется изящнымъ, благоустроеннымъ, усовершенствованнымъ: но вѣдь въ томъ-то и бѣда. Это-то и причиною нашего новаго, такъ сказать, паденія. Обыкновенно мы устремляемся на то, что намъ нравится; а нравится намъ всегда то, что преимущественно относится къ настоящей жизни, что пріятно нашимъ естественнымъ желаніямъ и наклонностямъ, что питаетъ и развиваетъ въ насъ внѣшняго, плотскаго человѣка. Мудрено ли въ такомъ случаѣ послѣдовать измѣненію въ нашихъ мысляхъ и расположеніяхъ? Мудрено ли тогда произойти въ насъ ослабленію въ вѣрѣ, упадку жизни Христіанской и усиленію жизни мірской, чувственной? Вѣдь оно изгоняется и замѣняется другимъ. Св. Апостоль говоритъ: *аще и внѣшній намъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется* (2 Кор. 4: 16). Значить, естественно бываетъ и наоборотъ. По мѣрѣ того, какъ внѣшній, плотскій человекъ приходитъ въ силу, внутренній, духовный слабѣетъ и упадаетъ. Именно это и случилось съ нами. Какъ скоро мы, Православные, сблизились съ неправославными, то и стали усвоять себѣ чужія понятія, чужіе нравы и обычаи, чужой, болѣе привлекательный и оболстительный, образъ жизни, а усвоивъ чужое, начали отступать отъ своихъ предковъ и въ твердости вѣры, и въ усердіи къ Церкви, и въ соблюденіи прежняго благочестиваго образа жизни. Безпристрастные изъ насъ и нынѣ и сами на себѣ, и на другихъ замѣчаютъ, что соотечественники наши часто возвращаются изъ-за границы уже не такими, какими туда отправлялись. Чему тутъ и удивляться? Развѣ не знаемъ, какое дѣйствіе имѣютъ на насъ прелесть и соблазны?

Это-то, братіе, усвоеніе нами образованія и просвѣщенія западнаго и измѣнило насъ. Оно-то и водворило въ отечествѣ нашемъ

другой духъ, другое направлѣніе, несообразныя съ духомъ и направлѣніемъ нашихъ благочестивыхъ предковъ. Вѣдь та же исторія была нѣкогда и съ избраннымъ народомъ Божиимъ. Когда израильяне чуждались языческихъ обычаевъ и нравовъ,—тогда твердо и хранили вѣру отцовъ своихъ; а когда, ознакомляясь и сближаясь съ язычниками, усвоили ихъ заблужденія, тогда дѣлались и отступниками отъ истиннаго Бога и идолопоклонниками. *Смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ, и поработаша истуканнымъ ихъ, и бысть имъ въ соблазнъ* (Пс. 105: 35, 36), говоритъ лучшій изъ царей ихъ. Именно сближеніе наше съ иностранцами и соревнованіе наше—жить, во всемъ подражая имъ, перемѣнили у насъ и образъ нашего воспитанія, и образъ нашего просвѣщенія, и образъ нашей жизни. Обратите вниманіе на воспитаніе! Какія первыя имена касаются слуха дѣтей? Христіанскія ли, священныя ли, какъ было у предковъ нашихъ? Нѣтъ, одни мірскія, часто нечеловѣческія. Съ чего начинается воспитаніе? Молитвы ли изучаются, каждому Христіанину необходимыя, по разуму нашихъ предковъ? Нѣтъ всего прежде какіе нибудь стихи да басни. У нашихъ предковъ первыми и едва не послѣдними предметами обученія дѣтей были Часословъ и Псалтирь. Они хотѣли видѣть въ своихъ дѣтяхъ преимущественно будущихъ Христіанъ и къ Богу молитвенниковъ. Нынѣ? Да идетъ ли это къ нынѣшнему воспитанію, когда оно совершается въ духѣ иностранномъ, и главными дѣятелями его иностранцы? Къ чему тутъ нашъ Часословъ и наша Псалтирь, когда изъ дѣтей готовятъ не столько Христіанъ, сколько мірскихъ людей, которые бы знали свѣтъ и могли жить пріятно и покойно?

Посмотрите на предметы образованія и просвѣщенія! Сколько нынѣ наукъ, предкамъ нашимъ вовсе неизвѣстныхъ, которыя имѣютъ назначеніе только временное, цѣлью только пользу или даже только пріятное препровожденіе времени? А наука божественная, наука вѣры и жизни Христіанской, наука служить Богу и заслуживать вѣчное спасеніе и Царство Небесное? Правда, учать и закону Божию, но кратко, сжато и холодно, въ программѣ предметовъ онъ первый, а въ изученіи и вниманіи у всѣхъ—послѣдній. Все время ученія, все вниманіе и весь трудъ учащихся поглощаютъ другіе свѣтскіе предметы. Во мнѣніи мнимо-просвѣщенной и образованной публики, не знать или худо знать догматы своей вѣры, уставы Святой Церкви и правила Христіанской жизни не значить ничего, а не знать или худо знать свѣтскія науки, и особенно не умѣть или худо умѣть говорить на иностранныхъ языкахъ; не знать или худо знать свѣт-

ское обращеніе, правила приличія и другое подобное, значить быть человѣкомъ необразованнымъ и непросвѣщеннымъ. Кто не знаетъ о нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію? Вотъ и въ простомъ народѣ нынѣ начали съ особеннымъ рвеніемъ распространять грамотность и заводятъ для того училища. Дѣло добре! Дай Богъ только, чтобы просвѣщеніе простаго народа устроилось въ духѣ исключительно религіозномъ, утверждалось на началахъ Христіанскихъ и вело къ познанію Бога и жизни Христіанской. А то, сохрани Богъ, ежели иначе! Извѣстно вѣдь всѣмъ и то, какіе плоды произрастаютъ отъ современнаго намъ просвѣщенія. Лжеименный разумъ человѣческой, несдерживаемый Христіанскою вѣрою, открыто ведетъ къ вольномыслию, дерзаетъ даже проповѣдывать безвѣріе и безбожіе и предписываетъ свободу страстей. Смотри на современное состояніе нашего просвѣщенія, можно каждому Православному, истинному Христіанину сказать къ Русскому народу съ Апостоломъ: *боюся, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. 11: 3).

А образъ жизни нынѣшнихъ мнимо-образованныхъ и просвѣщенныхъ? Объ этомъ въ прошедшій разъ мы сказали уже довольно. Прибавимъ къ этому только то, сколько вреденъ не-Христіанскій, свѣтскій образъ жизни родителей и вообще старшихъ на молодое поколѣніе. Вѣдь воспитаніе и ученіе должны быть въ согласіи съ жизнью; полученныя въ школахъ познанія нужно оживлять, укрѣплять и распространять Христіанскою дѣятельностію. Къ чему послужить изученіе Закона Божія, краткое притомъ и слабое, ежели въ разладѣ съ нимъ будетъ домашняя и общественная жизнь? Какая польза слышать въ училищѣ объ установленныхъ Церковію постахъ, когда дома во время постовъ бываетъ мясоястіе? Или о томъ, что передъ столомъ и послѣ стола должно молиться, когда дома, садясь за столъ и выходя изъ-за стола, о молитвѣ и не думаютъ? Будетъ ли успѣхъ отъ знанія о Христіанскихъ праздникахъ и о томъ, какъ должно оныя праздновать, если дома въ праздники, и еще на праздники совершается празднованіе не Христіанское?

Вотъ, братіе, причина измѣненія нынѣшнихъ Христіанъ, охлажденія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ вѣрѣ, отчужденія отъ Церкви и образа жизни, несообразнаго съ образомъ жизни благочестивыхъ нашихъ предковъ. Причина тому—наше прельщеніе сближеніемъ съ другими неправославными народами, усвоеніе нами ихъ духа и направленія, и отсюда происшедшія у насъ иное воспитаніе, иное просвѣщеніе и науки и иныя правила жизни.

Будемъ молиться Богу и сами стараться, чтобы намъ болѣе и болѣе возвращаться къ образу жизни нашей Православно-Христіанской, любить преимущественно свое отечественное и, преуслѣвая во внѣшнемъ благоустроеніи своей жизни, въ то же время со всѣмъ вниманіемъ и усердіемъ знать, помнить и исполнять свой Христіанскій долгъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 20.

Враги Христіанскіе.

Господи благослови!

Есть ли у насъ, братіе, враги? И у Христіанъ, водворяющихся *Цѣ* въ царствѣ мира и любви, благодатію и миромъ исполняемыхъ, есть свои враги, и враги страшные. Они могутъ снять съ нихъ ризу спасенія, отнять у нихъ сокровище благодати, лишить ихъ вѣчнаго достоянія на небѣ. Они могутъ снова поработить ихъ грѣху, увести отъ Бога въ область сатаны и предать ихъ его мучительской власти. Они *могутъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ* (тотъ же стих.). Вотъ это истинно страшные и пагубные враги наши, Христіане! А мы вѣдь мало, а можетъ быть и совсѣмъ не думаемъ о нихъ. Враги эти не то, что враги внѣшніе. Внѣшніе враги нападаютъ на насъ временно и не вездѣ, а по большей части только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Не таковы наши Христіанскіе враги. Они всегда противъ насъ; нѣтъ ни часа, ни минуты, когда бы мы были свободны отъ нихъ. Они вездѣ съ нами и около насъ; нельзя отъ нихъ никуда уйти и ничѣмъ самимъ по себѣ защититься. „Что это“, спросите, „за враги, и отчего мы ихъ не видимъ?“ Враги эти, какъ изображаютъ ихъ на основаніи Божественнаго слова Учителя Церковныя, суть: діаволь, плоть и міръ. Не видимъ мы ихъ потому именно, что они всегда и вездѣ съ нами, такъ что мы по большей части не считаемъ ихъ и за враговъ. „Да не слова ли это только“, подумаютъ, пожалуй, многіе. Нѣтъ, братіе, не слова, а совершенная дѣйствительность. Ибо что такое грѣхъ и что такое грѣшники? Грѣхъ есть преступленіе, грѣшники—преступники предъ Богомъ. Кто же дѣлаетъ насъ преступниками предъ Богомъ? Эти самыя враги и дѣлаютъ насъ преступниками, искушая, обольщая и увлекая насъ въ исполненіе своей воли и въ противленіе Богу.

Итакъ первый врагъ нашъ, братіе-Христіане, діаволь. Да, это

первый нашъ врагъ, первый и по времени, и по силѣ, и по злобѣ супостатъ нашъ. Его и Спаситель называетъ *отцемъ лжи, человекоубійцею искони* (Іоан. 8: 44), изъ начала вѣка. Онъ положилъ начало грѣха, прельстивъ прародителей нашихъ въ рай и сдѣлавъ ихъ преступниками заповѣди Божіей. Онъ, возобладавъ въ мірѣ, сдѣлалъ преступникомъ и весь человѣческій родъ и нынѣ, какъ и всегда, каждаго искушаетъ и подстрекаетъ на грѣхъ, *дѣйствуетъ*, по выраженію Апостола, *въ сынѣхъ противленія* (Ефес. 2: 2), возжигая въ нихъ законопреступныя мысли, желанія и чувства, и располагая ихъ на дѣйствительное грѣхопаденіе. Невѣріе, нечестіе, вольнодумство, ереси, расколы, честолюбіе, гордость, зависть, ненависть, злоба, вражда и другіе подобныя пороки—его дѣло, его рожденіе въ человѣческомъ родѣ. Онъ дѣйствуетъ тайно, но тѣмъ болѣе опасно и тѣмъ болѣе бѣдственно. Его мы не видимъ, потому что онъ духъ, невидимая и вмѣстѣ злая и нечистая сила. Поэтому особенно и требуется отъ Христіанъ постоянная и бдительная внимательность къ самимъ себѣ. *Трезвитесь, бодрствуйте*, говоритъ Апостоль Христіанамъ, *зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкающій, ходитъ искій кого поглотити* (1 Петр. 5: 8).—Бодрствуйте, потому что врагъ нашъ діаволъ, на уловленіе насъ, употребляетъ въ орудіе свое насъ же самихъ и міръ.

Ближайшій къ намъ врагъ—нашъ другъ *плоть*—она становится предателемъ нашимъ—врагомъ. Тѣмъ опаснѣе для насъ этотъ врагъ, что такъ близко сами къ себѣ, что за собою не различаемъ, не видимъ врага дѣйствительнаго и не замѣчаемъ его дѣйствій. Онъ всегда съ нами и въ насъ. Это—самость наша, мы сами, плоть наша. Не тѣло наше однакожь разумѣется здѣсь подъ именемъ плоти, а плоть одушевленная, весь человѣкъ, какъ онъ есть по растлѣнной своей природѣ, человѣкъ въ беззаконіяхъ зачинаемый и во грѣхахъ рождаемый, человѣкъ съ естественнымъ умомъ, съ естественною волею, съ естественными желаніями и чувствами, человѣкъ, по выраженію Божественнаго слова, плотскій, душевный, ветхій, грѣховный. Отсюда, отъ этой плоти, отъ этого ветхаго человѣка все въ насъ порочныя мысли, порочныя желанія, преступныя страсти, чувственныя похоти. Отсюда—высокоуміе, мечтательность, тщеславіе, щегольство, пиршества, пресыщеніе, пьянство, лѣнь и всякая плотская нечистота. Этого врага нашего и разумѣетъ Апостоль, когда говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13: 14), или: *уже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5: 24). Отъ этого врага предостерегаетъ насъ тотъ

же Апостоль сими словами: *сущи во плоти, Богу угодити не могутъ* (Рим. 8: 8), и: *еще по плоти живете, имате умерети* (Рим. 8: 13), т. е. вѣчною смертію, въ мукъ вѣчной.

Третій врагъ нашъ, братіе, *міръ*. Что это за врагъ? Какой это міръ? Міръ врагъ нашъ—это собственно злые, порочные, развращенные люди. Ими наполнена бѣдная наша земля. Нѣтъ мѣста, ни города, ни селенія, гдѣ бы ихъ не было. И между домашними у насъ часто бываютъ намъ враги. *Врази чловѣку домашини его* (Матѳ. 10: 35), сказалъ Самъ Христосъ. Какимъ же образомъ люди худые и развращенные дѣлаются врагами нашими? Какъ этотъ міръ *прелюбодѣйный и грѣшный* (Марк. 8: 38) вредитъ нашему благочестію и вѣрѣ? Соблазномъ, искушеніемъ и совращеніемъ насъ съ пути добродѣтельнаго и святаго. Къ этому именно ведутъ его правила жизни, его обычаи и нравы, его наслажденія чувственныя, его увеселенія и забавы. Люди въ семь случаѣ, сами не довольно разумѣя то, поддаются вліянію духа лукавства, лести, лжи и обмана духа злаго. Что другое выражается у насъ, какъ не вліяніе на насъ міра; когда говорятъ: „этого требуетъ свѣтъ; такъ нынѣ принято; такая нынѣ мода?“ Составляющіе этотъ міръ люди порочные и развращенные дѣлаются и внѣшними, видимыми врагами добрыхъ и благочестивыхъ Христіанъ. Вѣдь худые же, какъ само собою разумѣется, люди обманываютъ другихъ, безчестяютъ, поносятъ, крадутъ, убиваютъ; худыя же люди заводятъ общественныя безпокойства, мятежи, войны, разоренія, опустошенія. Все, братіе, развращенно и пагубно въ мірѣ. *Міръ весь во зль лежитъ* (1 Іоан. 5: 19), говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ. Самыя невинныя вещи, самыя блага міра уже нѣкоторымъ образомъ обращаются въ преткновеніе намъ. Представьте, наприм., богатство, сокровища земныя. Къ какимъ не приводятъ они чловѣка грѣхамъ? У богатаго являются и скудость и роскошь, и гордость, и праздность, и веселости, и плотоугодіе. Конечно не богатство собственно это дѣлаеть, а чловѣкъ, неразумно пользующійся богатствомъ; однако же и богатство служитъ поводомъ, орудіемъ, причиною паденія чловѣка въ грѣхъ. Возьмите опять одежду или лучше пристрастіе къ ней и изысканность. Какого разоренія, какого соблазна, какихъ грѣхопадений не бываетъ оно причиною? Или угожденіе раздраженному пищей и питіемъ вкусу. Къ какимъ грѣхамъ не приводитъ оно? Какихъ безчинствъ, какихъ постыдныхъ дѣлъ, какихъ семейныхъ потрясеній не производитъ излишнее употребленіе вина? Это подлинно плодъ запрещеннаго древа. И здѣсь, конечно, виновенъ собственно чело-

вѣкъ, безумно упивающійся, но и вино своею приманкою привлекаетъ человѣка и своею силою уже содѣйствуетъ человѣку въ тѣхъ безпорядкахъ и преступленіяхъ, какіе совершаетъ онъ въ состояніи опьяненія. Такъ печать растлѣнія и грѣха лежитъ на всемъ видимомъ мірѣ, какъ всегдашнее и очевидное знаменіе паденія человѣка. Поэтому-то и говоритъ тотъ же возлюбленный ученикъ Христовъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2: 15). И другой ученикъ: *иже восхоцетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4: 4).

Вотъ, братіе, сколько и какіе враги у Христіанъ. Не считайте ихъ, какъ бы казалось намъ, маловажными, неопасными, какъ бы посторонними для насъ. Они, какъ уже сказали мы и какъ сами видите, всегда съ нами и вездѣ около насъ. Худой знакъ, ежели мы не видимъ ихъ, не замѣчаемъ дѣйствій ихъ и въ самонадѣянности не ожидаемъ пагубы отъ нихъ. Явно въ такомъ случаѣ, что мы не противны имъ, въ согласіи съ ними. А ежели мы въ согласіи съ врагами, то можемъ ли быть въ согласіи со Христомъ? *Кое причастіе правды къ беззаконію? или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христови съ веларомъ?* (2 Кор. 6: 14, 15). Какіе же мы тогда Христіане, при всей видимости нашего Христіанства, и чего можемъ ожидать себѣ отъ Христа въ будущемъ? О, надо быть внимательными къ себѣ, къ тому званію, которое на себѣ носимъ, и къ тому состоянію, въ которомъ находимся. Надо помнить, всегда помнить, что мы не дома, а на пути въ свое отечество, на пути самомъ тернистомъ и тѣсномъ, окруженные отвсюду врагами, готовыми плѣнить насъ, забрать насъ въ свою волю и власть и навсегда лишитъ насъ и отечества и Отца Небеснаго. Самъ Господь побуждаетъ насъ къ бодрствованію и молитвѣ. *Бдите, говоритъ, и молитесь, да не увидите въ напасть* (Матѣ. 26: 41). Надо, братіе, надо какъ можно чаще и усерднѣе молиться Единородному Сыну Божію, Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, призывая въ предстательство и заступленіе и Пречистую Матерь Его, чтобы Онъ всесилою благодатію Своею всегда избавлялъ насъ отъ враговъ нашихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и всѣ лукавыя навѣты и козни ихъ противу насъ разрушалъ поборающимъ по насъ ополченіемъ нашихъ Ангеловъ-Хранителей. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 21.

Христіанская брань.

Господи благослови!

Какая жизнь прилична и свойственна Христіанамъ на семь свѣтѣ? Свѣтская ли—видимо счастливая, пріятная, спокойная? Нѣтъ. Христось развѣ счастливо, пріятно, спокойно жилъ? Апостолы и мученики развѣ были счастливы, радостны и спокойны? Подвижники въ горахъ, въ вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ развѣ ликовали, благоденствовали и наслаждались? А если Христось, если всѣ угодники Его терпѣли, страдали, то какъ же послѣдователямъ Христовымъ не терпѣть, не страдать? Похожи ли будутъ Христіане на Христа, ежели они станутъ разсѣянно жить да веселиться? Нѣтъ. Христось сказалъ: *Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой* (Марк. 8: 34). На брань, на ратоборство вызываетъ насъ Христось: *Се Азъ посылаю васъ, яко овцы посредь волковъ* (Матѣ. 10: 16), говорилъ Онъ Апостоламъ, посылая ихъ въ міръ. *Ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Исусъ Христовъ* (2 Тим. 2: 3), писалъ Св. Апостолъ Павелъ ученику и сотруднику своему Тимоѳею. Не миръ, братіе, которымъ льститъ міръ своихъ чадъ, опредѣленъ Христіанамъ на землѣ, а война, война всегдашняя, ежечасная и ежеминутная, война до конца жизни нашей—съ кѣмъ? съ врагами спасенія нашего, съ врагами, которые всегда съ нами, и около насъ которые непрестанно ополчаются на насъ и хотятъ отнять у насъ вѣру и упованіе Христіанское, съ врагами невидимыми, о которыхъ мы уже сказали, бесѣдуя съ вами въ прошедшій разъ. Враги наши—*діаволъ, плоть наша и міръ*.

„Что это за война?“ конечно подумаете вы. „О чемъ намъ съ этими врагами воевать?“ А вотъ послушайте.

Не станемъ говорить объ открытой войнѣ съ діаволомъ. Война эта намъ, слабымъ, мірскимъ Христіанамъ, невѣдома. Съ нимъ сражаются въ очевидной борьбѣ совершенные Христіане, великіе подвижники, всецѣло посвятившіе себя Христу. На насъ врагъ этотъ дѣйствуетъ тайно и всегда почти непримѣтно для насъ. Онъ ополчается на насъ, болѣе всего, другихъ, ближайшихъ и сродныхъ намъ враговъ нашихъ, плоть нашу и міръ, среди котораго мы живемъ, и дѣйствуетъ чрезъ нихъ.—Итакъ главные для насъ, болѣе вліятельные на насъ и болѣе замѣчательные зрящими изъ насъ, враги наши собственно мы, въ растлѣнной плоти нашей (разсма-

триваемые), и развращенный міръ, насъ окружающій. Съ этими врагами и предлежитъ намъ брань, въ которой мы должны или падать подъ ударами ихъ и терять благодатный миръ и свое спасеніе, или побѣждать ихъ и завоевывать, такъ сказать, миръ съ Богомъ и внутренній миръ съ собою и тѣмъ заслуживать отъ Христа Бога нашего вѣнцы правды.

Не легко бороться намъ, братіе, съ своею страстною и притворливою плотію. Она враждуетъ на насъ съ правой, такъ сказать, и съ лѣвой стороны. вмѣсто того, чтобы по волѣ Божіей *уклоняться* намъ *отъ зла, и творить благое* (Цсал. 33: 15), она и удерживаетъ насъ отъ добродѣтели, и поощряетъ на грѣхъ. Кто не чувствуетъ себя въ нѣкоемъ стѣснительномъ положеніи, когда вызываютъ насъ къ исполненію Христіанскаго долга, или на какое либо доброе дѣло? Вотъ, напримѣръ: пришло время молиться; расположенъ ли я къ этому? пріятно ли мнѣ? Нѣтъ. Тяжелая обязанность—молитва. Плоть моя говоритъ мнѣ: „оставь теперь молитву“. Благовѣстятъ въ праздничной утрени: что дѣлать? Идти надо, а не хочется. Оставить покойное ложе тяжело, тяжело. „Сегодня“, говоритъ плоть „можно и не ходить“. Наступилъ постъ: какое грустное время! Постная пища непріятна, вредна для нашего здоровья. „Добро ужь“, говоритъ плоть, „ѣшь и скоромное; оно гораздо дешевле“. Надо говѣть, цѣлую недѣлю ходить въ Церковь и исповѣдывать свои грѣхи „нѣтъ“, плоть говоритъ, „это очень долго, времени на это теперь нѣтъ; у тебя есть дѣла, служба,—отговѣшъ въ другой постъ. А когда будешь исповѣдываться, скажи только: *согрѣшихъ, грѣшникъ; согрѣшила, грѣшница*; а самыхъ, и особенно тяжкихъ, грѣховъ не сказывай. Какъ это можно? Вѣдь стыдъ, надо будетъ тебѣ себя обезславить“. Надо идти къ должности, надо дѣлать, надо трудиться: непріятно, тяжело. „Сегодня“, говоритъ плоть, „не ходи на службу, будто нездоровъ; или сходи не надолго, и сдѣлай какъ нибудь одно необходимое. Займешься побольше ужь завтра“. Приглашаютъ къ пожертвованію на церковь, просятъ бѣдные на пропитаніе: „нѣтъ“, говоритъ плоть, „у тебя много своихъ нуждъ, тебѣ надо деньги на то и на то да и напередъ нельзя не запастись состояніемъ“. А вотъ и съ другой стороны. Случится неудача, потеря, несчастіе: тотчасъ плоть наша наводитъ на насъ печаль, негодованіе, уныніе, ропоть. Сошлись нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ; пошло празднословіе, рассказы о томъ и о семъ, и все ни для чего и ни къ чему. Какъ это ей пріятно! Слышимъ о комъ либо худыя вѣсти, узнаемъ его недостатки, ошибки, проступки: началось, въ угоду плоти, осужденіе, обвиненіе, острья

насмѣшки. Такой-то сдѣлался счастливымъ, получилъ хорошее мѣсто, ему сдѣлана награда: о, какъ бываетъ тяжело это слышать! Плоть наша тотчасъ возжигаетъ въ насъ зависть,—и вотъ начали унижать этого человѣка, и порицать тѣхъ, отъ кого зависѣло его возвышеніе. Открывается случай самимъ намъ получить достоинство или корысть: со всеѣмъ жаромъ бросаемся на то; нѣтъ нужды если того и недостойны, если понадобится и унижить себя, и повредить своей чести и совѣсти. Кто либо оскорбилъ насъ, избидѣлъ, обезчестилъ: горько намъ, плоть наша возстаётъ, грозитъ, старается отплатить врагу. Имѣемъ въ виду готовое пиршество, есть на что повеселиться; бѣжимъ туда, гонимые сластолюбивою плотію, и пьемъ и унываемъ до самозабвенія и самоосрамленія. О сладострастіи и плотскихъ похотяхъ, которыя воюютъ на насъ, ужъ и говорить не нужно. Нѣтъ ни одного, который бы не былъ обуреваемъ отъ нихъ и чистъ былъ отъ грѣховнаго оскверненія по крайней мѣрѣ умомъ и сердцемъ.

Слышите, братіе, ваковъ домашній врагъ нашъ—плоть наша? Слышите, какіе совѣты намъ даетъ она, и къ какимъ располагаетъ насъ поступкамъ? А вѣдь все это неприлично Христіанамъ, противно Закону Божію. Все вѣдь это грѣхи, за которые мы должны идти въ геенну. Слѣдовательно по всему этому надо намъ противиться своей плоти, надо сражаться съ нею и побѣждать ее. Надо, не смотря на ея льстивые совѣты и обѣщаемую сладость грѣховную и на молитву встать, когда слѣдуетъ, и въ церковь идти, и постъ соблюдать, и говѣть и исповѣдываться искренно, безъ утайки; надо и трудиться, и должность исполнять постоянно, вѣрно и точно, и удѣлять отъ своего достоянія усердно на церкви Божии и на бѣдныхъ. Не должно опять, напротивъ, унывать и роптать на судьбу, не должно празднословить, осуждать и порицать ближнихъ, не должно завидовать благополучію другихъ, и самимъ домогаться чести и корысти путемъ неправеднымъ, не должно гнѣваться на обидѣвшихъ и мстить врагамъ, а *побѣждать*, по слову Апостола, *злое благимъ* (Рим. 12: 21), не должно предаваться сластолюбію, пьянству и сладострастію. Вотъ, какая предлежитъ намъ борьба съ плотію. Вотъ, какъ должны мы *распинать ее со страстьми и похотми*? (Гал. 5: 24).

А внѣшній врагъ нашъ—міръ менѣе ли для насъ опасенъ? Не также ли искушаетъ насъ и онъ, не также ли соблазняетъ и влечетъ насъ на грѣхъ? Не борьба ли слѣдовательно и съ нимъ предлежитъ намъ, подобно какъ и съ плотію? Видимъ богатства и богатыхъ,—вотъ и въ насъ рождается желаніе и богатства и быть бо-

гатыми. Видимъ сокровища, произведенія искусства, и наше сердце прилѣпляется къ нимъ. Видимъ роскошную жизнь другихъ, убранство домовъ, всю внѣшнюю обстановку блестящую,—и въ насъ возникаетъ забота послѣдовать въ этомъ другимъ, сколько то возможно. Видимъ богатый нарядъ, одежду по послѣдней модѣ,—и намъ становится неловко отставать отъ другихъ. Видимъ свободную разгульную жизнь другихъ,—и намъ кажется тяжело сидѣть дома. Слышимъ, что тамъ-то такое то будетъ представленіе, такія-то увеселенія и игры,—и мы не хотимъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Знаемъ, что тамъ-то, у того-то будетъ вечеръ, гдѣ можно вдоволь навеселиться и картами, и музыкой, и танцами,—и мы спѣшимъ туда, какъ въ рай, бросая и дома, и семейства. Да можно ли исчислить всѣ прелести и соблазны, какіе встрѣчаютъ насъ въ мірѣ и въ общественной жизни? Вѣдь не даромъ же сказалъ Спаситель: *горе міру отъ соблазны* (Матѣ. 18: 7). Каково же противиться этимъ соблазнамъ? Каково отказывать себѣ и въ томъ, и въ другомъ, и тогда, и иногда? Какую надо переносить борьбу съ самимъ собою, съ своими чувственными желаніями? Тяжело, тяжело, братіе, воевать намъ и съ міромъ, а надо, надо непремѣнно. Это требуетъ наша Святая вѣра, наше Христіанское званіе. Неужели можно христіанамъ плѣняться богатствомъ и сокровищами тлѣнными, вести жизнь веселую, разгульную, тратить время въ играхъ и забавахъ? Нѣтъ, нѣтъ. Мы должны вести жизнь разумную, степенную, воздержную, благоговѣйную. должны всегда быть въ незазорныхъ, приличныхъ и полезныхъ занятіяхъ и самымъ отдохновеніемъ, самымъ наслажденіемъ земными благами пользоваться безъ увлеченія, безъ страсти, благопристойно и въ благоразумной мѣрѣ. Иначе мы ложно будемъ считать себя Христіанами. Иначе насъ будетъ ожидать участь не блаженныхъ, а тѣхъ, въ которыхъ сказала Христось: *горе вамъ богатымъ: горе вамъ, насыщенный нынѣ; горе вамъ смѣющимся нынѣ* (Лук. 6: 24, 25).

Война, братіе, война Христіанамъ—вся здѣшняя жизнь, война съ врагами нашими, діаволомъ, и, съ большею очевидностію, съ страстною нашею плотію и съ развращеннымъ міромъ. Пусть пользуются мнимымъ спокойствіемъ и миромъ, пусть наслаждаются тлетворными благами сего свѣта, пусть ликуютъ и веселятся не христіане. Они не вѣруютъ и не ожидаютъ себѣ будущаго воздаянія. Намъ же надо заслуживать вѣнцы, надо имѣть въ виду небесное блаженство и славу, надо стараться быть достойными жизни со Христомъ. А этого можемъ достигнуть мы только добрымъ, Хри-

стіанскимъ подвигомъ, только достойнымъ послѣдованіемъ Христу. Вѣдь не напрасно же сказалъ Апостолъ: *Христосъ пострадалъ по насъ, намъ оставивъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2: 21). И другой Апостолъ: *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвижъ, взирающе на Начальника вѣры и совершителя Иисуса* (Евр. 12: 1, 2). Не напрасно же страдали Апостолы и Святые мученики и, сохраняя вѣру, отрелись отъ тлѣнныхъ благъ міра и отъ самой временной жизни. Не напрасно же пустынные подвижники оставили міръ, вооружились противу страстей и избрали себѣ безусловное смиреніе, совершенное цѣломудріе и всецѣлое нестяжаніе. Смиреніемъ они побѣдили возни діавола, цѣломудріемъ—почоти плоти, и нестяжаніемъ—прелести міра.

Будемъ, Христіане, и мы, одушевляясь молитвами и укрѣпляясь благодатию Божіею, будемъ и мы подражать въ терпѣніи и подвигахъ Христу, Святымъ Апостоламъ, мученикамъ и всѣмъ угодникамъ Божіимъ, да получимъ отъ праведнаго Мздовоздаятеля Бога побѣдныя вѣнцы. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 22.

Употребленіе времени.

Господи благослови!

Сегодня, братіе, слово о времени. Что такое время? Продолженіе бытія, измѣряемое минутами, часами, днями, недѣлями, мѣсяцами и годами. Мудрые считаютъ время драгоцѣннымъ даромъ Божіимъ. Оно и дѣйствительно драгоцѣнно, столько же драгоцѣнно, сколько драгоцѣнна и самая временная жизнь наша. Не даромъ человекъ поставленъ во времени. Время можетъ сдѣлать насъ счастливыми и несчастными, судя по тому, какъ мы будемъ пользоваться имъ. Черезъ время мы должны перейти въ вѣчность, которой достоинство и качество опредѣлится для насъ временемъ, въ чемъ оно нами будетъ проведено и на что употреблено. Значить, время, братіе, не такой маловажный предметъ, какимъ по большей части мы его представляемъ, а дѣйствительно драгоцѣнный даръ Божій, который стоитъ всего нашего вниманія и блюденія. Какъ же мы пользуемся временемъ? На что употребляемъ этотъ драгоцѣнный Божій даръ? Одни просто убиваютъ его; другіе истрачиваютъ въ пустыхъ занятіяхъ; иные употребляютъ на безполезныя и вредныя

дѣла; рѣдкіе, рѣдвіе пользуются имъ для своего душевнаго благополучія и счастья.

Одни, говорю, убиваютъ время. Это—люди праздные, живущіе безъ дѣла, безъ труда. Что это за жизнь? Можно ли эту жизнь назвать жизнью? Нѣтъ. Праздникъ—живой мертвецъ. Въ немъ жизнь остановилась; для него и время не существуетъ. Къ нему во всей силѣ можно отнести слова Писанія: *имя имаша, яко живы, а мертвы еси* (Апок. 3: 1). И въ этомъ человѣкѣ находитъ себѣ удовольствіе!? Въ бездѣйствіи полагаетъ счастье и цѣль своего бытія! Заблуждающій! Размыслилъ бы онъ о себѣ: кто онъ, что ему дано, и зачѣмъ онъ здѣсь. Вѣдь онъ не дерево, не камень, а существо живое, одаренное и умомъ, и волею и силою. Неужели напрасно даны ему эти способности? Неужели безъ цѣли онъ явился на свѣтъ? Посмотрѣлъ бы онъ хоть на муравьевъ, посмотрѣлъ бы хоть на пчелъ. Какъ они трудолюбивы, какъ они благоразумны! Не тратятъ времени, не теряютъ напрасно лѣта,—нѣтъ, они трудятся, и въ трудѣ своемъ находятъ и удовольствіе, и залогъ будущаго счастья. Подумалъ бы празднующій, что ожидаетъ его въ послѣдствіи, чѣмъ кончится его праздность. Онъ связанный лѣнностію, стоитъ неподвижно, а время течетъ—течетъ, и протечетъ безвозвратно. Съ чѣмъ же онъ останется? Съ тѣмъ же, съ чѣмъ лѣнивый земледѣлецъ, который провелъ лѣто въ праздности, не трудился надъ своей нивой и ничего не сѣялъ. Земледѣлецъ останется безъ хлѣба на цѣлый годъ; и Христіанинъ, убившій время жизни въ праздности, останется по Писанію, *и окаяннымъ, и бѣднымъ, и нищимъ, и слѣпымъ, и нагимъ* (Апок. 3: 17) на всю вѣчность.

Другіе истрачиваютъ время въ пустыхъ занятіяхъ. Да, бываетъ и очень нерѣдко, что и праздность наскучиваетъ; бываетъ, что человѣкъ не знаетъ, куда ему дѣваться отъ времени,—и вотъ онъ выдумываетъ себѣ занятія, разумѣется легкія и пріятныя, заводитъ пиршества, игры, увеселенія, гульбища и всякаго рода развлеченіе. Для чего? Для препровожденія времени. Для препровожденія времени? Безумный! Ему не надо время, онъ не радъ времени; время ему—тягость, онъ бѣжитъ отъ времени. Можно ли представить большую слѣпоту? Человѣкъ не радъ времени, тому времени, въ которое и призвалъ его любящій его Творецъ, тому времени, которое разумные считаютъ великимъ даромъ Божиимъ и берегутъ его, какъ драгоценность? ему тягость—время, то время, котораго быть можетъ не будетъ сейчасъ и о которомъ жалѣть будетъ вѣчно; онъ бѣжитъ отъ времени, того времени, отъ котораго зависить его или вѣчное

благополучіе, или вѣчная погибель. Чтобы провести или точнѣе, истратить время, заводятся разныя увеселенія, игры, гульбища, все что приводитъ человѣка въ пріятное самозабвеніе, все, что отвлекаетъ его отъ добраго и полезнаго труда. И это дѣлаетъ Христіанинъ? Жалкій человѣкъ! Понимаетъ ли онъ себя? Помнить ли свое званіе? Знаетъ ли цѣль своей жизни? Знаетъ ли онъ, кому въ этомъ случаѣ служить? Вѣдь всѣ вообще забавы, увеселенія, игры, всякая чувственная радость, смѣхъ—есть служеніе діаволу, утѣшеніе этому врагу и челоуѣкоубійцѣ, коль скоро въ этомъ разсѣянніи и увеселеніи человѣкъ ищетъ и находитъ для себя все утѣшеніе? А не часто-ли слышимъ мы, какъ говорятъ послѣ этого грѣховнаго развлечения: „какъ пріятно провели время!“, т. е. истратили время, погубили время. Тратить время? Да велико-ли оно? Велика-ли и самая долгая наша жизнь, если сравнить ее съ вѣчностію? О, увидимъ, увидимъ страшную ошибку свою и далъ бы только Господь, чтобы не раскаяваться памъ въ своей ошибкѣ, чтобы не оплачивать ее чрезъ всю вѣчность. Чтобы мы сказали о купцѣ, который ѣхалъ бы на ярмарку съ товаромъ, и вмѣсто того, чтобы торговать, провелъ бы время на ярмаркѣ въ веселостяхъ и пиршествахъ и воротился съ ярмарки не только безъ пользы, но и съ великой тратой своего достоянія? То же можетъ быть со всѣми нами, если мы возвратимся съ торжища сего свѣта въ свое отечество, истративъ время жизни своей въ пустыхъ занятіяхъ.

Бываетъ правда, что человѣкъ и не теряетъ времени, бережетъ его, дорожить имъ, какъ нельзя больше. Бываетъ, что человѣкъ и трудится, трудится со всѣмъ усердіемъ, неусыпно—да надъ чѣмъ? Надъ тѣмъ, что бесполезно и даже вредно, что причиняетъ пагубу и ему собственно и другимъ. Вотъ одинъ трудится надъ пріобрѣтеніемъ земныхъ благъ, тлѣнныхъ сокровищъ—для одного временнаго своего благополучія и счастья. Въ своемъ родѣ и это хорошо, даже необходимо для настоящей жизни. Но трудиться надъ пріобрѣтеніемъ однихъ земныхъ благъ, употреблять все время на стяжаніе только тлѣнныхъ сокровищъ, заботиться только о временномъ благополучіи заботиться со всѣмъ напряженіемъ ума и силъ, какъ будто ничего болѣе и не нужно—это недостойно Христіанина. Христіанинъ—путникъ во времени; онъ идетъ въ вѣчность. Во всемъ временномъ онъ нуждается временно. Прощель извѣстное пространство пути—и тѣ блага, которыми онъ пользовался, ему уже не нужны. Главной его заботой должно быть *единое на потребу* (Лук. 10: 42). На это *единое* должно быть обращено все его вниманіе, вся забота, весь трудъ.

Вотъ и другой труженикъ, который тоже пользуется временемъ. Онъ неуспынно трудится,—нѣтъ, онъ живетъ, можно сказать, для одной суетной славы, для видимыхъ почестей, для призрачныхъ титуловъ,—онъ весь вѣкъ служить только себѣ, своему самолюбію. И еще есть люди, которые не тратятъ времени, а дѣйствуютъ, не жалѣя ни трудовъ ни силъ, хотя съ пагубою себѣ и другимъ. Вѣдь и воры, и разбойники, и мятежники, и всякіе вообще враги чело-вѣчества неспрадно живутъ. Ахъ! Лучше бы имъ быть въ праздности лучше бы имъ тратить время, какъ только имъ надо, и не быть открытымъ позоромъ чело-вѣчеству и врагами общественнаго благополу-чія. Несчастны всѣ эти труженики! Несчастны и корыстолюбцы, и честолюбцы, и враги общественнаго спокойствія. Заботятся, тру-дятся, *собираютъ, не вѣдая, кому* (Ис. 38: 7) и на что? Вѣдь ничего не возьмутъ съ собой на тотъ свѣтъ. Все останется здѣсь. Каково же будетъ явиться имъ туда? А вотъ примѣръ. Представьте, если бы кто вздумалъ отправиться въ чужіе края, и тамъ, прель-стившись красотою и дешевизною какихъ либо запрещенныхъ вещей, накупилъ ихъ на весь свой капиталъ и пустился обратно въ оте-чество. Что? Хорошо ли бы онъ сдѣлалъ? Вѣдь его остановятъ на границѣ, отберутъ у него вещи, и самого подвергнуть суду и на-казанію. Судите нѣсколько по этому и о тѣхъ, которые всю жизнь проводятъ здѣсь только въ заботахъ и трудахъ о временномъ и тлѣнномъ, ни мало не занимался тѣмъ, что необходимо для будущей жизни въ небесномъ отечествѣ нашемъ.

Худо, худо, братіе, многіе изъ Христіанъ пользуются временемъ, этимъ драгоценнымъ для насъ даромъ Божиимъ. Время, *время со-творити Господеви*. Время жить по-Христіански, такъ, какъ жела-етъ и заповѣдуетъ Господь, какъ требуетъ Святая наша вѣра. Не въ праздности жить, не ликовать и веселиться, не для стяжанія славы мірской и земныхъ сокровищъ пришли мы сюда; мы пришли трудиться, служить, благоугождать Господу, и тѣмъ заслуживать себѣ будущее блаженство и славу. Полезныхъ трудовъ, молитвы, покаянія, слезъ, благотворенія время теперь,—а радость, блажен-ство, покой, слава наша тамъ—на небесахъ. Страшимся прежде-временно праздновать въ сей плачевной юдоли, чтобы не лишиться вѣчнаго благознаменитаго праздника Божія въ Царствѣ Небесномъ. Время, повторяю, братіе, время думать о себѣ, о своемъ Христіан-скомъ долгѣ, о будущей участи нашей,—всѣмъ время, и старымъ, и молодымъ. Конецъ жизни и старыхъ и молодыхъ неизвѣстенъ. Потерявъ время, другаго уже не получимъ. Никто, никто не воро-святель БЛАГОЧЕСТІЯ Т. II. 17

тится оттуда на сей свѣтъ, какъ бы ни пожелалъ того. Смерть рѣшить нашу участь навсегда. Что пріобрѣтено, пріобрѣтено вѣчно; что потеряно, потеряно вѣчно. О, какъ бы хорошо намъ всегда слышать въ себѣ этотъ спасительный голосъ: *Господи прежде даже до конца не погибну, спаси мя!* Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 23.

Растлѣніе человѣческой природы грѣхопадениемъ.

Господи благослови!

Извѣстно, безъ сомнѣнія, всѣмъ намъ, братіе, первобытное грѣхопаденіе человѣка. Знаемъ, что праотецъ нашъ палъ, не устоявъ въ первобытной своей непорочности, нарушилъ заповѣдь Творца, согрѣшилъ предъ Богомъ, и вину своего грѣхопаденія распространилъ на весь человѣчскій родъ. Знаемъ, что онъ уже не тотъ сталъ, по грѣхопадѣніи, каковъ былъ по сотвореніи, измѣнилъ и повредилъ свою собственную природу, каковую сообщилъ и всему своему потомству. Знаемъ, говорю, все это: но яспо ли наше знаніе? Убѣждаемся ли мы въ этомъ? Замѣтно ли намъ наше падшее состояніе? Осязательно ли для насъ растлѣніе собственной нашей природы? Нельзя, нельзя, братіе, не видѣть очевидныхъ слѣдовъ горькаго прародительскаго грѣхопаденія. Нельзя не замѣчать, какое грѣхъ произвелъ превращеніе въ собственной природѣ человѣка. Доказательствъ на это не нужно искать далеко. Самъ человѣкъ свидѣтельствуетъ о себѣ. Самъ, братіе, человѣкъ, каждый человѣкъ свидѣтельствуетъ о растлѣніи своей природы. Посмотрите на человѣка, или все равно, каждый на себя, и увидите, каковы мы, каковъ нашъ умъ, какова воля, каковы желанія и страсти, вообще человѣкъ.

Творецъ далъ человѣку умъ, или способность правильно познавать не только видимое, но и невидимое. Какова же нынѣ эта способность у человѣка? Слабость, поврежденіе, затмѣніе ея свидѣтельствуютъ безчисленныя въ человѣческомъ родѣ заблужденія. Возьмите, наприм., понятія человѣка о Богѣ, отъ Котораго онъ получилъ свое бытіе. Мало того, что онъ часто не знаетъ Бога; онъ даже говорилъ, и теперь еще иногда говоритъ, что „нѣтъ Бога“. Что можетъ быть безумнѣе сего? Или вотъ еще. Самъ сдѣлаетъ изъ какого либо вещества видъ человѣка, или другой какой, худшей

человѣка, твари, и говорить: „это мой богъ“, молится ему и служить ему. *Измѣниша*, говорить Апостоль о языческомъ мѣрѣ, *славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка, и птиць и четвероногъ и гадъ* (Рим. 1: 23). Не жалкое ли это ослѣпленіе? А и нынѣ, какъ и всегда, сколько у насъ заблужденій, которыя волнуютъ насъ не только въ жизни общественной, но даже въ области вѣры, затемняя самую истину Божию? Сколько у насъ повѣрьевъ, самыхъ неразумныхъ, самыхъ нелѣпныхъ, которыхъ однакожь мы не считаемъ таковыми, а признаемъ ихъ за истину и приписываемъ имъ важное значеніе и великую силу. „День“, наприм., „этотъ“, говорятъ, „несчастливый; встрѣча съ такимъ-то нехороша“, и другія безчисленныя нелѣпности. Не безуміе ли это? Не стыдъ ли это человѣку, разумному существу? Неужели онъ не въ состояніи разсудить, что всѣ дни, какъ просто время, одинаковы, и, какъ время Христіанское, равно посвящены воспоминанію Святыхъ,—что ни время, ни встрѣчи не могутъ имѣть на насъ никакого вліянія, ежели мы сами не будемъ чего либо причиною? О познаніи же самихъ себя, дѣли бытія нашего, будущей участи нашей и рѣчи не заводи. Ничего этого онъ не вѣдаетъ и вѣдать часто считаетъ для себя излишнимъ. А если и пытался иногда разгадывать эти свои тайны, то какихъ не наговоритъ нелѣпостей къ собственному своему униженію и посрамленію? Таеъ отемнѣлъ человѣкъ въ своемъ умѣ, который получилъ отъ Творца свѣтлымъ и способнымъ познавать и себя, и природу подвластныхъ ему тварей.

А воля человѣка? До паденія она была свободная, т. е. способная всегда избирать и усвоить одно доброе и полезное. А теперь? Теперь человѣкъ—самъ какъ будто не свой, теперь онъ рабъ, по большей части невольной работающій грѣху. Сами знаете, братіе, что намъ болѣе нравится, доброе или худое, къ чему мы болѣе склонны и что преимущественно избираемъ, добродѣтель или порокъ. И это дѣлаемъ часто, такъ сказать, противъ себя. Часто видимъ хорошее, и избираемъ худое; любимъ добродѣтель, и бѣжимъ отъ нея, ненавидимъ грѣхъ, и лобызаемъ его. *Не еже хошу доброе, творю*, говоритъ Апостоль, *но еже не хошу злое, содѣваю* (Рим. 7: 19). Что это такое? Кто ведетъ насъ, кто нудитъ насъ противъ насъ самихъ? Кто заставляетъ насъ дѣлать не то, что хотимъ, а то, чего не хотимъ, не доброе, которое любимъ, а худое, которое ненавидимъ? Раствлѣніе наше, братіе, грѣховное извращеніе нашей природы,—живый въ насъ, по выраженію Апостола, *грѣхъ*. *Аще ли еже не хошу азъ, сіе творю*, говоритъ Апостоль, *уже не азъ сіе*

творю, но живый во мнѣ грѣхъ (Рим. 7: 20). Видите, какое разногласіе въ человѣкѣ, какое раздвоеніе человѣка! Въ одно время и мы дѣйствуемъ, и не мы; мы, потому что сами дѣлаемъ худое; не мы, потому что дѣлаемъ противъ себя, вопреки своему желанію. Естественно ли это? Никакъ. Человѣкъ, грѣхопадениемъ, принявъ въ свою природу другое начало отъ діавола, начало злое,—и вотъ отъ этихъ двухъ началъ, добраго, положеннаго въ него Творцемъ, и злаго принятаго имъ отъ діавола, и происходитъ въ человѣкѣ разногласіе, раздвоеніе, борьба, какъ говоритъ тотъ же Апостоль: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть; сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Гал. 5: 17). Бѣдный человѣкъ! Дѣлаетъ не то, что самъ часто знаетъ и любитъ, хорошее, а то, что видитъ и часто самъ ненавидитъ, худое. Радъ бы онъ иногда быть добрымъ, непорочнымъ. Вѣдь знаетъ уже хорошо волю Божию, понимаетъ красоту добродѣтели и чувствуетъ, что *заповѣдь Господня свята, праведна и блага* (Рим. 7: 12), но побѣждается грѣховною плотію и влечется насильно, такъ сказать, на сторону порока. *Соуслаждаюся*, говоритъ тотъ же Апостоль, *закону Божию во внутреннему человѣку; вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ притиву воуюющъ закону ума моего, и плнннющъ мя закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7: 22, 23). Вотъ какова теперь воля человѣка! Она потеряла и свободу, и силу. Человѣкъ теперь слабъ, немощенъ къ добру, и силенъ, крѣпокъ на зло. На добрыя дѣла,—на богоугожденіе, на молитву, на постъ, на служеніе человѣчеству, на полезныя труды его не достааетъ, а на худыя дѣла, на служеніе своему самолюбію, честолюбію, корыстолюбію, плотоугодію куда какъ способенъ, бодръ, терпѣливъ, часто неутомимъ. Не ясно ли отсюда видно растлѣніе нашей природы, превращеніе всѣхъ нашихъ способностей и силъ и направленіе ихъ отъ чистаго и святаго къ нечистому, грѣховному, отъ добродѣтели къ пороку?

Что, если заглянуть намъ еще въ свое сердце? О, какое тутъ гнѣздо духовныхъ гадювъ, какое сборище нечестивыхъ силъ! Бѣдное! Оно преисполнено самыхъ бессмысленныхъ желаній, самыхъ постыдныхъ страстей. О желаніяхъ, коими привязывается человѣкъ къ временной жизни и коими опредѣляется вся его дѣятельность, мы уже и не говоримъ. Все то, чего желаетъ и къ чему стремится онъ, служить по крайней мѣрѣ къ удовлетворенію или насущныхъ потребностей, или прихотей его. А вотъ желанія, надъ которыми человѣкъ съ разумомъ долженъ задуматься. Есть слишкомъ желаніе почестей и отличій. Разумно ли такое желаніе? Самъ отли-

чающійся испытываетъ, что отличія и почести ничего человѣку не приносятъ, и однакожь не перестаетъ желать ихъ. Получая отличіе, радуется, получивъ, перестаетъ радоваться; начинаетъ желать новаго, съ новымъ поступаетъ также, — и весь вѣкъ только питается безъ насыщенія желаніями отличій. Есть опять любители и любительницы нарядовъ. Только и думаютъ, какъ бы нарядиться, да нарядиться по модѣ, хотя бы мода была самая бессмысленная, хотя бы вредная для здоровья и разорительная для состоянія. Это что такое? Что за удовольствіе—нарядъ? Вѣдь мы на себѣ ничего не видимъ: Видятъ наши наряды только другіе. Такъ мы для другихъ только наряжаемся? Другимъ только дѣлаемъ удовольствіе, ежели только дѣлаемъ? Безумное желаніе! Еще есть самое мрачное, самое дикое желаніе въ человѣкѣ, которымъ онъ снѣдается, именно снѣдается иногда весь вѣкъ. Представьте сребролюбца и корыстолюбца. Вотъ онъ имѣетъ огромный капиталъ, и однако же не трогаетъ его; отказываетъ не только другимъ, но и самому себѣ во всемъ, и только наслаждается мыслию о своемъ богатствѣ и питается желаніемъ новыхъ пріобрѣтеній, наконецъ и умирая, желалъ бы взять съ собою во гробъ свои сокровища; потому и предъ смертію не дѣлаетъ духовнаго завѣщанія, чтобы опредѣлить, — кому и что онъ оставляетъ въ наслѣдство. Каковы же, братіе, наши желанія? Не явно ли это ослѣпленіе ума и окаменѣніе сердца? А о другихъ страстяхъ, какъ плодахъ не разъ удовлетворенныхъ нашихъ желаній, уже и говорить ли? Посмотрите только на человѣка, напыщеннаго гордостію, посмотрите на него опять въ пылу гнѣва, зависти, злобы, посмотрите, когда обладаетъ имъ пьянственная или другая постыдная страсть, — каковъ образъ его, каковы дѣйствія его? Кто движетъ и управляетъ имъ? Кто побуждаетъ, гонить его въ насыщенію страсти? Ахъ, братіе! Тотъ ли это человѣкъ, который созданъ былъ непорочнымъ? Тотъ ли это человѣкъ, въ которомъ нѣкогда сіяли образъ и подобіе Божіе? Тотъ ли это человѣкъ, который въ началѣ умаленъ былъ только малымъ чимъ отъ Ангель? Нѣтъ. Это человекъ другой, падшій, растлѣнный. Это—грѣшникъ отверженный. Онъ и *зачинается ужъ въ беззаконіяхъ, и рождается во грѣхахъ* (Псал. 50: 7); онъ *помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилежно на зло по вся дни* (Быт. 6: 5); онъ *цѣлый вѣкъ ходитъ въ суетѣ ума своего, помраченный смысломъ, отчужденный отъ жизни Божіей* (Ефес. 4: 17, 18). Ему и оставлена только временная многопечальная и многоболѣзненная жизнь, за которою должна послѣдовать смерть, смерть того, кто созданъ былъ бессмертнымъ!

Продолжать ли, братіе, раскрывать немощи и пороки падшаго человѣка, доказывать ли, что онъ теперь вовсе не тотъ, какимъ былъ въ началѣ? Довольно. Всякій, кто не закрываетъ своихъ внутреннихъ очей, ясно видитъ это; всякій, кто не погрязъ въ чувственности, можетъ ощущать свои немощи и недостатки. А замѣчаемые немощи, недостатки и пороки въ человѣкѣ къ чему ведутъ какъ не къ такому заключенію, что человѣкъ поврежденъ, разстроенъ, извращенъ, что онъ не могъ быть таковымъ, при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ? Могъ ли произойти отъ Всесовершеннаго несовершенный, отъ Премудраго—неразумный, отъ Всеблагаго—злый, отъ Праведнаго—грѣшный, отъ Безсмертнаго—смертный? Нѣтъ. Человѣкъ самъ исказилъ себя, самъ, обольщенный діаволомъ, отторгся отъ Бога—источника праведности и жизни, и погрязъ въ тинѣ противныхъ природѣ его страстей и грѣховъ. Вѣдь не со всѣмъ же онъ и теперь чуждъ истины и добра, не такъ, какъ искуситель его. Уже сказали мы, что въ падшемъ человѣкѣ часто происходитъ борьба добра со зломъ, и хотя добро по большей части побѣждается зломъ, однакожъ и не истребляется отъ зла. Что же это значитъ? Откуда въ человѣкѣ добро? Ясно, что отъ первоначальной чистой, непорочной природы; ясно, что человѣкъ былъ нѣкогда лучше, нежели каковъ онъ теперь. А ежели онъ былъ уже лучшимъ, значитъ можетъ и опять быть лучше. Такъ точно. Если бы не могъ быть лучше, то не былъ данъ бы ему и законъ, не было бы и благодати искупленія. Человѣкъ погибалъ бы безвозвратно вмѣстѣ съ своимъ врагомъ, діаволомъ. Но нѣтъ. Господь взыскалъ его, Господь искупилъ его, Господь призываетъ его къ Себѣ, даетъ ему средства къ обращенію, возвращенію и обновленію, показываетъ ему въ Евангеліи Святую волю Свою и научаеъ его изъ злаго дѣлаться добрымъ, изъ порочнаго—непорочнымъ, изъ грѣшнаго—праведнымъ, вспомоествуя ему Самъ Своею Божественною благодатію, всегда присущею въ Святой Православной Церкви Его.

Вотъ, братіе, каковъ нынѣ человѣкъ. Онъ не тотъ теперь, каковъ былъ въ началѣ. Онъ теперь падшій, поврежденный, растлѣнный! Грѣхъ измѣнилъ его. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ человѣкъ, свидѣтельствуетъ своими немощами, страстями и пороками. Самъ человѣкъ свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ истину и всего того, что говоритъ намъ Божественное Писаніе о человѣкѣ, подтверждаетъ и грѣхопаденіе праотцевъ, и царство грѣха въ человѣческомъ родѣ, и необходимость возстановленія нашей природы. Здѣсь

въ этомъ растлѣнїи нашей природы, и объясненїе того, для чего и что значить заповѣдь Евангельская отвергаться себя, умерщвлять себя, распинать себя, совлекаться ветхаго человѣка съ дѣянными его, и облечься въ новаго. Да, очевидна необходимость человѣку перемѣнить себя и жить вопреки своей растлѣнной природѣ и согласно тому, чего требуетъ отъ насъ Святая вѣра Христіанская и Законъ Божїй, очевидна необходимость и благотворность жизни добродѣтельной и Святой, чтобы опять сдѣлаться надъ другими, новыми, непорочными и войти въ рай, уже небесный и вѣчный. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 24.

Для грѣшниковъ потребно сознанїе, чувство и исповѣданїе грѣховъ.

Господи благослови!

Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ.
(Молит. Манасс.).

Вотъ исповѣдь одного изъ царей древняго народа Божїа. Подобнымъ образомъ исповѣдался однажды и другой, изъ того же народа, Царь, Богодухновенный Давидъ. *Согрѣшихъ ко Господу* (2 Цар. 12: 13), сказалъ онъ. И что же? Оба Царя, за исповѣданїе, за искреннее признанїе себя грѣшными въ томъ и въ другомъ, были прощены и спасены отъ Бога. Грѣшники признавали и исповѣдывали себя грѣшниками. Что же тутъ, казалось бы, важнаго? Кто—не грѣшникъ? Кто не считаетъ, кто не называетъ себя грѣшникомъ? Вотъ и мы, братїе, не стыдимся называть себя грѣшниками, говоримъ за-частую о себѣ не только въ молитвахъ къ Богу, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ съ людьми: „грѣшный человѣкъ, грѣшные люди“. Да, слово: *грѣшный* у насъ очень обыкновенно, и какъ будто выражаетъ нашу набожность. Но такъ ли въ самой вещи? Кажется нѣтъ, или почти нѣтъ. Святая вѣра наша научила насъ, что весь человѣческій родъ подъ грѣхомъ; Церковь въ молитвахъ своихъ называетъ насъ, и мы, по руководству Церкви, называемъ себя грѣшниками. Отъ этого слова: *грѣшный, грѣшные*, какъ общїя, приличествующїя всѣмъ, сдѣлались у насъ обыкновенными, непостыдными, и мы по большей части произносимъ ихъ и называемъ себя грѣшниками безъ всякаго сознанїя и чувства грѣ-

ха. Такъ, братіе, такъ. Называемъ себя грѣшниками, а грѣхъ все-таки бережемъ. Иначе для чего же мы мало остерегаемся грѣховъ, для чего не стараемся воздерживаться отъ нихъ, избѣгать ихъ? Развѣ ничего не значитъ быть грѣшникомъ? Называемъ себя грѣшниками, и въ грѣхѣ находимъ для себя еще какое-то извиненіе, какое-то успокоеніе. Не часто ли бываетъ съ нами, не обыкновенно ли у насъ, что, когда видимъ свое паденіе, когда надо признаться въ своемъ грѣхѣ, говоримъ какъ бы въ извиненіе, какъ бы въ оправданіе свое: „грѣшныя люди“. И такъ грѣхъ сдѣлался для насъ уже защитою, покровомъ грѣха, мы уже можемъ какъ бы безнаказанно грѣшить, потому что мы грѣшныя. Конечно, здѣсь разумѣется грѣхъ нашъ природный, наше растлѣніе, по которому мы склонны на грѣхъ: но и растлѣніе нашей природы не можетъ служить намъ оправданіемъ въ нашихъ паденіяхъ. Иначе это значило бы пользоваться своими немощами на грѣхъ, и вмѣсто сопротивленія грѣховнымъ страстямъ служить удовлетворенію ихъ. Мы называемъ себя грѣшными. Что же тутъ особеннаго? Самому себя называть грѣшникомъ легко, въ этомъ случаѣ мы представляемъ себя еще какъ будто благочестивыми. Назовите же насъ грѣшниками другіе—что тогда? Тогда и увидите, какіе мы грѣшники; тогда увидите, что мы грѣшники только на словахъ, а не по сознанию и чувству грѣховности. Назовите насъ грѣшниками другіе, укажите на наши недостатки, слабости, пороки,—о, какъ намъ тогда будетъ досадно, какъ больно нашему самолюбію! Какія пойдутъ отъ насъ хитрыя извиненія, какія лукавыя оправданія! Что же это значитъ? Значитъ то, что исповѣдь наша, признаніе наше во грѣхахъ есть либо лицемерное, либо на однихъ словахъ, безъ всякаго участія, сознанія и чувства грѣха. Называемъ себя грѣшниками; а часто мечтаемъ о себѣ, думаемъ о себѣ высоко, стараемся выказать себя предъ людьми съ хорошей стороны. Какъ же это? Вѣдь грѣшникамъ прилично одно смиреніе. Грѣшники: а представляемъ себя праведниками; на словахъ исповѣдуемъ, а на дѣлѣ закрываемъ грѣхъ. Именно закрываемъ. Ахъ, если бы спалъ покровъ съ тайныхъ нашихъ грѣховъ, если бы сдѣлались всѣмъ извѣстны наши грѣхи, о, какое бы тогда пораженіе нашему самолюбію, куда бы дѣвалась тогда наша гордость. Просто, мы сгорѣли бы отъ стыда. Вотъ тогда мы сочли бы себя настоящими грѣшниками, ужъ не лицемерно, и не на словахъ только, а по всей правдѣ, хотя и не произвольно.

Мало, мало, братіе, называть намъ себя грѣшниками просто, по обычному и общему употребленію слова. Отъ такого признанія се-

бя, отъ такой исповѣди мы не получимъ спасенія. А вотъ какъ должны мы исповѣдывать свою грѣховность, считать себя грѣшниками. Должны, вопервыхъ, хорошо *знать* и сознавать свои грѣхи. Называть себя грѣшными, а грѣховъ своихъ не знать, о грѣхахъ своихъ и не думать, какая въ этомъ польза? Не такъ поступали попечительные о себѣ грѣшники. Вотъ и Царь, о которомъ мы упомянули въ началѣ, не сказалъ только: *согрѣшихъ, согрѣшихъ*, но прибавилъ: *и беззаконія моя азъ вѣмъ* (Молит. Манасс.). И другой, также упомянутый нами, Царь говорилъ: *беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Пс. 50: 5). Сознаніе своихъ грѣховъ необходимо, братіе. Надо знать и живо представлять себѣ всѣ, и особенно тяжкіе грѣхи, такъ, чтобы видѣть всю свою преступность и виновность предъ Богомъ, и не просто, не по обыкновенію, а съ убѣжденіемъ признавать и считать себя грѣшниками. Во-вторыхъ, должны живо *чувствовать* свои грѣхи. А въ этому и ведетъ сознаніе грѣховъ. Безъ сознанія грѣховъ не можетъ быть и чувства раскаянія во грѣхѣ. Да, называя себя грѣшниками и сознавая свои грѣхи, мы должны чувствовать свою виновность предъ Богомъ, сокрушаться о своемъ паденіи, скорбѣть о грѣховномъ оскверненіи. Такая скорбь именно прилична грѣшникамъ. Слушайте, какъ чувствовалъ и оплакивалъ свои грѣхи согрѣшившій древній Царь. *Смятошася*, говоритъ, *кости моя и душа моя смѣтеся зло. Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку ноцъ ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6: 3, 4, 7). Вотъ съ такимъ чувствомъ грѣховъ не напрасно будемъ и мы считать себя грѣшниками; такая скорбь о грѣхахъ сдѣлаетъ насъ грѣшниками кающимися и прольетъ въ сердца наши упованіе и надежду отпущенія грѣховъ. Въ-третьихъ, мы должны *исповѣдывать*, открывать свои грѣхи и нѣтъ ничего спасительнѣе, какъ обнаруживать ихъ. Исповѣданіемъ ихъ, признаніемъ въ нихъ мы будемъ изгонять ихъ и умерщвлять. Такъ поступали всѣ благочестивые и праведные, когда, по немощи человѣческой, падали въ грѣхи. Вотъ одинъ изъ нихъ говоритъ: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ* (Пс. 31: 5). Кому же, предъ вѣмъ будемъ исповѣдывать свои грѣхи? Христіане первыхъ временъ, какъ вѣрные ученики и послѣдователи Христовы, исповѣдывали грѣхи свои публично, предъ всѣмъ народомъ. Тяжко, невыносимо это для нашего самолюбія; но тутъ-то и торжество вѣры и любви ко Господу, тутъ-то и пагуба нашему самолюбію, въ этомъ-то смиреніи и превознесеніе, здѣсь-то и радость Ангеловъ. На такого исповѣдника

изливается обильный потокъ благодати, прощающей и очищающей грѣхи. Тяжела, какъ сказали мы, такая исповѣдь для нашей немощной и самолюбивой плоти; поэтому установлено у Христіанъ открывать грѣхи одному Священному лицу, *духовнику*. Вотъ здѣсь ужъ гораздо легче намъ. Исповѣдывать свои грѣхи, хотя бы и тяжкіе, предъ однимъ человѣкомъ не то, что предъ цѣлымъ народомъ. Такая исповѣдь употребляется всегда въ Православной Церкви. А у подвижниковъ благочестія, въ Святыхъ обителяхъ, есть правило и ежедневно открывать свои грѣхи духовнику. Это прекрасно. Это самый вѣрный способъ не коснѣть во грѣхахъ, убивать ихъ при первомъ появленіи ихъ, охлаждать въ себѣ самое поползновеніе на грѣхъ и приучать себя къ безстрастію и чистотѣ. Что еще слышимъ мы отъ Апостола? Онъ совѣтуетъ открывать свои грѣхи даже и не духовнику: *Исповѣдайте*, говорить, *другъ другу согрѣшенія, яко да исцѣлите* (Іак. 5: 16). Въ самомъ дѣлѣ исповѣданіе грѣховъ есть *исцѣленіе*. Удивительно, какъ облегчается совѣсть и душа, когда мы открываемъ свои грѣхи. Намъ дѣлается такъ приятно и спокойно, какъ бы мы избавились отъ вора или злодѣя. Воръ и злодѣй нашъ, знаете, кто? Діаволь. Онъ окрадываетъ и губить душу нашу и бѣжить отъ насъ, какъ скоро мы открываемъ его дѣла въ насъ, грѣхи наши. Вѣдь и воръ или злодѣй только дотолѣ нападаетъ на насъ, пока никто не слышитъ и не знаетъ намѣреній его; а какъ скоро узнаютъ о его покушеніяхъ или и о самыхъ злодѣйскихъ дѣлахъ, тотчасъ бѣжить, и насъ оставляетъ въ покоѣ. Есть и еще образъ исповѣдыванія грѣховъ, всѣмъ и всегда доступный, для всѣхъ и всегда необходимый и спасительный. Это—признаніе грѣховъ и раскаяніе въ нихъ предъ Всевидящимъ и Всевѣдущимъ Богомъ. Чего лучше? Какая близость, какое удобство къ очищенію грѣховъ! Богъ всегда и вездѣ съ нами, и мы всегда и вездѣ предъ Богомъ. Страшно явиться къ Нему? Страшно исповѣдывать Ему грѣхи? А грѣшить было не страшно? Развѣ мы далеко отъ Него были, когда грѣшили? Развѣ Онъ не видѣлъ насъ и не знаетъ нашихъ грѣховъ? А ежели знаетъ наши грѣхи, то разумно ли таить ихъ предъ Нимъ? Ежели страшно грѣшить предъ Богомъ, то менѣе ли страшно оставаться предъ Нимъ безъ сознанія и безъ раскаянія во грѣхахъ? Теперь-то и надо обращаться къ Нему. Здѣсь-то и открывается все богатство милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ, что Господь не поражаетъ насъ во грѣхахъ, не поражаетъ, а ожидаетъ нашего покаянія, ожидаетъ и приѣмлетъ, приѣмлетъ покаяніе и даруетъ

прощеніе. Нужно ли указывать мѣсто для этой исповѣди, для этого покаянiя? Оно вездѣ, вездѣ, братіе, какъ вездѣ нашъ Богъ; а особенно въ домашней клѣтѣ нашей. О, какъ удобно, какъ отрадно здѣсь сознавать себя грѣшниками, каяться въ своихъ грѣхахъ и просить *видящаго въ тайнѣ Отца нашего Небеснаго* (Матѳ. 6: 18) объ оставленіи ихъ, такъ напрімѣръ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику; Боже, очисти мя грѣшнаго; безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя.*

Такъ братіе! Всѣ мы имеемъ себя грѣшными. И хорошо. Точно всѣ грѣшные, всѣ виновныя предъ Богомъ, кто болѣе, кто менѣе. Нѣтъ ни одного негрѣшника. Хорошо, говорю, дѣлаемъ, что именуемъ себя и не стыдимся именовать себя грѣшными. Только будемъ не праздно считать и именовать себя грѣшными, а сознавать и чувствовать свои грѣхи, сокрушаться и скорбѣть о грѣхахъ, раскаяваться предъ Богомъ, и просить у Него прощенiя грѣховъ; раскаяваться всегда, и въ установленныя Церковію времена, и во всякое другое время, и открыто,—предъ духовниками, и тайно—предъ Богомъ. и устно, и мысленно, и сердечно. Будемъ раскаяваться. Ничто такъ не нужно грѣшникамъ, какъ покаянiе. Для нихъ не столько пагубенъ грѣхъ, сродный уже какъ бы человѣку, сколько нераскаянность, свойственная діаволу. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 25.

Богъ пріемлетъ молитвы и грѣшниковъ.

Господи благослови!

Вѣмъ, яко грѣшники Богъ не послушаетъ.
(Іоан. 9: 31).

И какъ говорилъ слѣпорожденный, когда былъ на допросѣ у фарисеевъ по случаю исцѣленiя его Иисусомъ Христомъ, и когда свидѣтельствовалъ о превыше-человѣческой силѣ и власти Иисуса Христа, называя Его пророкомъ. Вѣрить-ли слѣпорожденному? Правду ли онъ говоритъ, яко бы Богъ не слушаетъ грѣшниковъ, и слѣдовательно молитвъ ихъ не пріемлетъ? Можно, братіе, вѣрить и слѣпымъ, простымъ и неученымъ, и часто скорѣе и болѣе, нежели ученымъ, каковы были фарисеи и подобные имъ. *Господь*, сказано въ Писанiи, *умудряетъ слѣпцы* (Пс. 145: 8) и часто *открываетъ тайны* премудрости Своей *младенцамъ, утаивая ихъ отъ премуд-*

рыхъ и разумныхъ (Лук. 10: 21). Правду говорить и слѣпорожденный, только разумѣть должно не вообще, а въ извѣстномъ смыслѣ. Дѣло было таково. Слепый былъ слѣпецъ отъ природы; Иисусъ Христосъ отверзъ ему очи, и какъ? Помазавъ брениемъ, просто—усыренною посредствомъ плюновения землею, глаза у него, и велѣлъ ему умыться въ Силоамской купели. Слепый умылся—и прозрѣлъ. Значить, это было чудо. Тутъ дѣйствовала сила Божія. Невозможно же было отъ этого естественнымъ образомъ прозрѣть, ибо естественно-то было брениемъ залѣпить и засорить глаза и здоровые, а не то что исцѣлить, или вовсе не видящія открыть. Вотъ это чудо, это явленіе силы Божіей и имѣеть въ виду слѣпорожденный, когда говорить, что грѣшниковъ Богъ не послушаетъ. По словамъ его, грѣшникъ не можетъ имѣть силы, не можетъ получить отъ Бога власти творить чудеса. Эту силу и власть можетъ имѣть одинъ *Богочецъ*, тотъ, *кто волю Божію творитъ* (Іоан. 9: 31). Чудотворцемъ быть можетъ только праведникъ. Не правда ли, братіе, что это точно такъ? Осмѣлятся ли грѣшникъ обращаться съ такою молитвою къ Богу? Дерзнетъ ли просить себѣ вышеестественной силы и власти и думать, что Богъ ему въ томъ не откажетъ? А если бы и дерзнулъ, получить ли онъ просимое? Не скорѣе ли постигнетъ его достойная казнь? И праведникъ самъ по себѣ никогда не будетъ такъ дерзновененъ, чтобы просить отъ Бога того, что принадлежитъ единому Богу? Чудодѣйственная сила является и въ праведникахъ и чрезъ праведниковъ, но не иначе, какъ вслѣдствіе ихъ вѣры и единственно по волѣ Премудраго и Всемогущаго Бога.

Итакъ грѣшниковъ Богъ не слушаетъ тогда, когда бы они дерзнули просить у Него высокихъ дарованій, и потому грѣшникамъ нельзя приписывать того, что можетъ свидѣтельствовать объ особенной близости человѣка къ Богу и объ особенномъ благоволеніи Бога къ человѣку. Пусть такъ. Знаменіе и чудеса собственно есть дѣло Божіе, въ которомъ могутъ участвовать только великіе праведники. Что сказать о тѣхъ молитвахъ грѣшниковъ, въ которыхъ они или славятъ Бога, или просятъ у Него необходимыхъ благъ, или даже отпущенія грѣховъ, когда просятъ этого еще не только для себя, но и для другихъ? Слушаетъ ли тогда Богъ грѣшниковъ? Приемлетъ ли ихъ молитвы и исполняетъ ли прошенія ихъ? Трудно отвѣчать рѣшительно. Кажется, нѣсколько подобно слѣпорожденному думаютъ объ этомъ и наши простые Христіане, въ своемъ родѣ тоже темные, непросвѣщенные. Они часто о своихъ молитвахъ и о своемъ усердіи къ Богу отзываются такъ: „во что Богъ поставитъ“. Зна-

читать, сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ молитвъ; считаютъ себя недостойными того, чтобы Господь услышалъ ихъ. Справедливо ли они думаютъ? Очень справедливо, если внимательно рассмотримъ себя самихъ. Что наша молитва? Что она—всегда почти краткая, холодная, безъ усердія и вѣры? Что она — въ сравненіи съ тѣми благами, которыя мы ежечасно получали и получаемъ отъ Бога и за которыя всегда оставались и остаемся нечувствительными и благодарными? Что она—въ сравненіи съ безчисленными грѣхами, которыми мы прогнѣвляли и прогнѣваемъ благодѣтеля нашего Бога? Кто мы—молитвенники, и къ кому прибѣгаемъ съ молитвою? Достойны ли являться предъ лице Божіе? Достойны ли просить Его милостей? Достойны ли молиться еще и за другихъ, и такимъ образомъ являться къ Нему ходатаями за другихъ, сами будучи рабы непотребные, твари преступныя? Къ какому начальнику или вообще важному лицу можетъ явиться съ просьбой о себѣ тотъ, кто прогнѣвалъ его своими худыми поступками, а тѣмъ паче ходатайствовать за другихъ, подобныхъ себѣ? Судя по этому не мудрено усомниться въ благоуспѣшности молитвъ, приносимыхъ Богу грѣшниками, и не знать, во что Богъ поставитъ ихъ молитвы; не мудрено согласиться и на то, что грѣшниковъ Богъ не послушаетъ. Да, по-нашему такъ, а по-Божіему не такъ. Богъ не таковъ, какъ человѣкъ. Человѣкъ нечувствителенъ, часто жестокъ и злопамятенъ, а Богъ милосердъ, благъ и незлобивъ. Человѣкъ не скоро рѣшится сдѣлать добро ближнему, едва согласится помочь бѣдному, пожертвовать родному, а Богъ? Онъ отдалъ Сына Своего на смерть, да за кого? За грѣшниковъ, за враговъ, можно сказать, Своихъ: такъ къ этому ли Богу не прибѣгать и грѣшникамъ? Кому Онъ откажетъ въ Своей милости? Чего не подастъ намъ, если мы будемъ просить у Него необходимаго намъ и полезнаго? Скажемъ словами Апостола: *Иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. 8: 32).

Слушаетъ, братіе, непремѣнно слушаетъ Богъ и грѣшниковъ. Не оставляетъ и не оставитъ тщетными и наши недостойныя молитвы. О, какъ пріятны Ему наши молитвы, если онѣ приносятся съ вѣрою и усердіемъ, если приносятся съ раскаяніемъ во грѣхахъ и съ расположеніемъ себя къ исправленію! Вѣдь и человѣкъ скорѣе преклоняется на такія просьбы, которыя приносятся съ усердіемъ. Кто не проститъ и виновнаго, если виновный будетъ искренно просить прощенія, а тѣмъ паче давать объѣтъ исправленія? Тѣмъ болѣе милосердый Богъ не презритъ молитвъ ни одного грѣшника,

просящаго у Него милости, и непремѣнно подасть каждому необходимое и полезное, а наипаче отпущеніе грѣховъ. *Приидите*, говоритъ Господь въ Евангеліи, *приидите ко Мнѣ вси труждающіи-ся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11: 28). Вотъ, братіе, Самъ Господь призываетъ къ Себѣ грѣшниковъ, и обѣщаетъ подать имъ миръ совѣсти и спокойствіе духа. Вѣдь *труждающіеся и обремененные* именно и есть грѣшники, носящіе на себѣ тяжкое бремя грѣховъ. Или опять говоритъ Богъ у Исаіи: *приидите, и истязжимся; и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Исаія 1: 18). Вотъ, какая чудная вещь! Богъ призываетъ къ Себѣ грѣшниковъ на состязаніе. Дивное состязаніе брешной и преступной твари съ Всемогущимъ и Праведнымъ Творцемъ! Что будетъ за симъ? Кто здѣсь останется побѣдителемъ? Конечно Богъ, а не человѣкъ; благодать Божія, а не грѣхи человѣческіе. Велики наши грѣхи, но безконечно болѣе Божіе милосердіе. Въ безднѣ благодати и челоуѣколюбія Божія, какъ въ глубокомъ и безпредѣльномъ морѣ, потонуть всѣ наши грѣхи (Мих. 7: 19), какъ скоро мы будемъ ваяться въ нихъ, и просить Господа объ отпущеніи ихъ. Такъ, братіе! *Нпсть грѣхъ, побждающъ челоуѣколюбіе Божіе* (молит. во причащ.). Господь каждаго, прибѣгающаго къ Нему, грѣшника пріемлетъ, молитвы его слушаетъ, грѣхи его очищаетъ, и душу его дѣлаетъ непорочною и, какъ снѣгъ, чистою.

Подивимся, братіе, великому милосердію Божію. Подивимся, что Всесвятый не отвергаетъ и насъ—грѣшныхъ, а допускаетъ къ Себѣ съ педостойными нашими молитвами. Подивимся, что Онъ не гнушается нашихъ молитвъ и тогда, когда мы молимся Ему за другихъ грѣшниковъ, такихъ нерѣдко грѣшниковъ, которыхъ мы сами ввели въ грѣхи, или соблазномъ ко грѣху, или и общимъ участіемъ въ грѣхѣ. Подивимся, говорю, дивному милосердію Божію. Если бы не молитвы за насъ и ходатайство Святыхъ, если бы не безпредѣльная милость Божія къ намъ, страшно бы намъ и подумать о томъ, чтобы намъ самимъ обращаться къ Богу съ молитвами, а тѣмъ паче испрашивать Его милость другимъ. Но Господь нашъ столько милосердъ къ намъ грѣшнымъ, что Самъ повелѣваетъ намъ просить Его; *просите*, говоритъ, *и дастся вамъ* (Матѳ. 7: 7). Самъ ожидаетъ нашего обращенія къ Нему, обѣщая намъ Свою богатую милость и оставленіе грѣховъ; *обратитесь*, говоритъ, *ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ* (Іоан. 2: 12); *Азъ есмь заглаждай беззаконія ваша Мене ради, и грѣхи ваши, и не помяну* (Исаія 43: 25). Воспользуемся же, братіе, милосердіемъ Бога нашего. Возрадуемся

о Господѣ, не отвращающемъ лица Своего отъ насъ грѣшныхъ, и возрадуемъ Господа обращеніемъ нашимъ къ Нему и отвращеніемъ нашимъ отъ грѣховъ. Будемъ всегда прибѣгать къ Нему въ молитвахъ и просить Его о всемъ для насъ благопотребномъ, а паче, паче всего объ оставленіи грѣховъ нашихъ. Никакая другая молитва такъ Ему не пріятна и намъ столь не спасительна, какъ молитва покаянія. Господь, и безъ насъ, можетъ подать намъ все потребное, а простить наши грѣхи, безъ нашего покаянія и безъ молитвеннаго обращенія къ Нему, не можетъ. ☩ Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 26.

Молитва къ Богу непрестанная.

Господи благослови!

Непрестанно молитесь (1 Сол. 5: 17).

И какъ поучаетъ Христіанъ Св. Апостоль. Онъ заповѣдуетъ имъ молиться *непрестанно*. „*Непрестанно*“, скажетъ не только лѣнивый, но и довольно, и даже много прилежный къ молитвѣ Христіанинъ? „Да какъ это можно? Вѣдь человѣкъ не Ангель, не Духъ. Ангелы и Духи Святыхъ непрестанно славословятъ Господа на небесахъ—это дѣло другое. Они свободны отъ всего того, въ чемъ имѣемъ необходимую потребность мы, связанные брэнною плотію и обременяемые множествомъ житейскихъ нуждъ и житейскихъ занятій. Какъ же можетъ человѣкъ молиться непрестанно? Повидимому и такъ. Кажется, правду говоритъ не только лѣнивый, но и прилежный къ молитвѣ Христіанинъ. Однакожъ нѣтъ. Человѣческую правду—въ семь случаѣ слѣдуетъ поправить. Потому, что не такъ говоритъ видимый Духомъ Божиимъ Апостоль. Онъ обязываетъ къ непрестанной молитвѣ. Значить, она не только возможна, но и на самомъ дѣлѣ между Православными и въ Церкви Православной дѣйствительно совершается. Обратимъ должное вниманіе на молитву и на молитвенниковъ. Что такое молитва? Обращеніе наше къ Богу съ изъявленіемъ Ему хвалы, благодаренія и прошенія. А часто ли мы можемъ обращаться къ Богу? Всегда, непрестанно. Богъ вездѣсущъ; Онъ всегда и вездѣ съ нами, и мы всегда и вездѣ предъ Нимъ. Можно ли намъ не благоговѣть молитвенно предъ Нимъ, можно ли намъ не стоять постоянно предъ лицемъ Его, и напротивъ можно ли съ постыднымъ невниманіемъ *обращать къ Нему*,

по слову Пророка, *хребты, а не лица своя* (Иерем. 2: 27). Ежели мы не чувствуемъ своей близости къ Богу, ежели мы живемъ и поступаемъ такъ, какъ бы съ нами вовсе не было Бога, то это обличаетъ только насъ въ нашемъ неразуміи и забвеніи себя, показываетъ только то, что у насъ все вниманіе, всѣ заботы и попеченія обращены къ міру и его благамъ, что мы живемъ только для себя и для сей временной жизни. Часто ли мы должны обращаться къ Богу съ возношеніемъ къ Нему хвалы и благодаренія? Всегда, непрестанно. Богъ есть наша жизнь. *О Немъ мы живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17: 28). Безъ Бога мы не можемъ существовать ни на минуту. Каждое дыханіе наше есть *дыханіе Его жизни* (Быт. 2: 7), и потому сколько разъ мы приедемъ въ себя воздухъ, столько разъ должны славословить и благодарить Бога, давшаго намъ и сохраняющаго въ насъ жизнь. Умъ нашъ, силы наши, здоровье наше отъ Бога. Слѣдовательно каждая мысль, каждое движеніе каждое дѣйствіе должны быть данью хвалы Благодѣтелю нашему Творцу. За все, чѣмъ поддерживается и сохраняется наша жизнь, мы обязаны Промыслителю Богу. Безъ пищи, безъ одѣянія, безъ жилища мы не можемъ существовать и самое короткое время. А и пищу, и одѣяніе, и жилище отъ кого получаемъ, какъ не отъ Бога? Все это Божіе, и за все это мы должны благодарить своего Благодѣтеля. Что сказать о духовныхъ, благодатныхъ дарахъ Божіихъ? На сколько мы приближаемся къ Богу, какъ Христіане, какъ чада Божіи? Богъ искупилъ насъ, Богъ омылъ насъ банею крещенія, Богъ очищаетъ наши грѣхи покаяніемъ, Богъ насыщаетъ насъ святѣйшею плотію и кровію Сына Своего и дѣлаетъ насъ причастниками Божественнаго естества. Что же мы воздадимъ Господу за это? Должны воздать славу и благодареніе въ теченіе всей нашей жизни, непремѣнно всей жизни, такъ что ни одна минута не должна быть исключена изъ этого молитвеннаго возношенія славы.

Часто ли мы должны обращаться къ Богу съ молитвенными прошеніями? Таеъ часто должны мы прибѣгать къ Богу въ молитвахъ, какъ часто имѣемъ нужду въ помощи отъ Бога. А когда мы не имѣемъ нужды въ помощи Божіей? Что наша настоящая жизнь? Много ли дней въ жизни нашей пріятныхъ и спокойныхъ? Не поражаютъ ли насъ, попеременно, тѣ или другія бѣдствія, и общія, и частныя, каковы: наприм., землетрясенія, наводненія, пожары, опустошительныя болѣзни, смертоносныя язвы,—продолжительный холодъ или невыносимый жаръ, истребляющіе наши плоды и порождающіе среди насъ губительный голодъ,—нерѣдко враги, и чуждые,

и домашніе, угрожающіе намъ потерю достоянія и лишеніемъ спокойствія и безопасности,—собствениыя болѣзни каждаго, и приключаются бѣдствія, какъ-то: потеря присныхъ, потеря имущества, взаимныя несогласія и раздоры, бѣдность и нищета, съ которыми борются иные весь вѣкъ. Куда же мы безъ помощи Божіей? Гдѣ найдемъ отраду и утѣшеніе среди бѣдъ, и самое избавленіе отъ бѣдъ, какъ не въ Богѣ? А какъ получить помощь Божію, какъ найти отраду и утѣшеніе въ Богѣ и надежду избавленія, если не молитвою, не изъявленіемъ предъ Нимъ нашихъ немощей, бѣдъ и нуждъ? Вотъ и Апостоль учитъ насъ прибѣгать въ несчастіяхъ нашихъ къ Богу и искать спасенія себѣ въ молитвѣ. *Злостраждетъ ли кто въ васъ, говоритъ Св. Іаковъ, да молитву дѣетъ; болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ* (Іак. 5: 13,14). Видите, все молитва и молитва. Самыя тѣлесныя занятія, труды, отправленіе службы требуютъ нашей молитвы. Развѣ не нужно намъ благословеніе Божіе на всѣ наши дѣла? Что мы сдѣлаемъ безъ Бога? Развѣ не должны мы освящать всѣ дѣла свои призываніемъ имени Божія и молитвою? Вѣдь мы должны все дѣлать во славу Божію, во спасеніе и пользу свою и ближнихъ нашихъ. А какая тутъ слава Божія, какое спасеніе и польза, если мы все будемъ дѣлать, заносясь сами собой, какъ будто и живемъ только сами собой и для себя? Что еще сказать о нашихъ грѣхахъ? Кто изъ насъ, внимательный къ себѣ, не согласится, что мы согрѣшаемъ не только ежечасно, своими помыслами, но и ежеминутно? Кто не знаетъ того, что всякая неправедная мысль, всякое праздное слово есть грѣхъ, и за всякій грѣхъ, какъ бы онъ ни казался намъ малымъ, мы должны дать отвѣтъ Богу? Если же такъ, не должны ли мы и очищать себя не только ежечасно, даже ежеминутно воздыханіями къ Богу сердечными? Не должны ли молить Господа непрестанно о помилованіи насъ и объ оставленіи намъ грѣховъ нашихъ? Видите, братіе, въ какомъ положеніи находимся мы относительно къ Богу и какое безчисленное множество въ жизни нашей такихъ обстоятельствъ, которыя видимо ставятъ насъ въ ближайшее общеніе съ Нимъ? Видите слѣдовательно и то, какъ часто должны мы обращаться къ Богу въ благоговѣйномъ устремленіи къ Нему нашего ума и сердца, сколь необходима для насъ молитва. Именно мы должны молиться всегда и, по слову Апостола, *непрестанно*.

Это и видимъ мы изъ самаго установленія Св. Церкви. Для этого, т. е. для непрестаннаго молитвословія она установила и съятель влагочестія. т. н.

извѣстное намъ суточное число Богослуженій. Такъ она созываетъ насъ на общую молитву и вечеромъ, и утромъ, и въ полдень; опредѣлила намъ молиться и послѣ вечерни и въ полночь, и въ теченіе дня еще исправлять такъ называемые часы, первый, третій, шестой и девятый; присовокупила даже, для болѣе подвизающихся въ молитвѣ, междучасія. Видите, не все ли суточное время обращено на молитву! А еще установленіе и домашняя молитва, утромъ и вечеромъ, передъ столомъ и послѣ стола, и вообще предъ началомъ всякаго дѣла. Это молитвы общія и постоянныя. Сколько еще временныхъ молитвословій, относящихся къ различнымъ по большей части бѣдственнымъ обстоятельствамъ нашей жизни? Ополчаются ли на насъ враги? Мы молимся. Продолжается ли безвременно дождь и ненастье? Мы молимся. Грозить ли намъ пагубой засуха? Мы молимся. Свирѣпствуетъ ли смертоносная язва? Мы молимся. А и въ частности? Сами знаете, братіе, что ничто у насъ не дѣлается безъ молитвы. Рождается человѣкъ,—и молитва. Начинаетъ учиться,—и молитва. Вступаетъ въ брачную жизнь,—и молитва. Переходитъ въ домъ,—и молитва. Получаетъ какую особенную милость отъ Бога и отъ начальства,—и молитва. Страдаетъ недугомъ, и особенно смертнымъ,—и молитва. Все, можно сказать, время, всѣ обстоятельства жизни нашей, по законоположенію Церкви, освящаются молитвами. Что же теперь? Не правда ли, что мы должны молиться непрестанно?

Ревнителіи благочестія строгіе, Христіане, особенно въ древнія времена, именно такъ и поступали. Они всю жизнь посвящали на молитву и служеніе Богу. Подобны имъ были и наши благочестивые предки. У нихъ, кажется не сходила съ устъ молитва, и съ чела и персей—крестное знаменіе. Нынѣшніе, и особенно мірскіе, Христіане скажутъ: „намъ это невозможно. У насъ есть занятія, труды, служебныя обязанности“. Такъ. Но и среди занятій развѣ нельзя обращаться къ Богу съ молитвою? Есть и краткія молитвы. Таковы: *Господи помилуй, Господи прости, Господи спаси! Мати Божія заступи!* А среди домашнихъ занятій которыя не требуютъ умственного труда, развѣ нельзя пѣть священныхъ пѣсней? Вѣдь поютъ же нерѣдко, да только поютъ пѣсни мірскія, чувственные, душепагубныя. „Много“, скажутъ „требуете. Это невыносимо и страшно по нынѣшнему времени“. Вотъ это такъ. Точно, въ нынѣшнее время, и особенно для людей, по-нынѣшнему воспитанныхъ, это покажется уже старо и чуть не дико? Что-жь. Неужели мы должны сообразоваться съ нынѣшнимъ временемъ? Развѣ въ нынѣшнее время мы вѣруемъ не въ святую Церковь Божию? Развѣ правила нынѣшняго

времени для насъ законъ, а не заповѣди Евангелія? Развѣ мы міру служимъ, а не Христу? Избави насъ Богъ отъ нынѣшнихъ и отъ всякихъ вообще правилъ и обычаевъ міра. Съ ними мы должны исключить себя изъ числа правовѣрующихъ, истинныхъ Христіанъ, и подвергнуть себя страшной участи за гробомъ. Да не случится сего съ нами, будемъ, братіе, молиться нынѣ и всегда Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу, призывая на себя заступленіе и Матери Божіей со всѣми Святыми. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 27.

Плачь о грѣхахъ.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ сказали мы, братіе, что по заповѣди Апостола и по установленію и руководству Святой Церкви, мы должны молиться непрестанно, указали и на нужды наши и на обстоятельства нашей жизни, въ которыхъ мы должны прибѣгать къ Богу, какъ и прибѣгаемъ по большей части, съ испрашиваніемъ Его помощи и заступленія. А знаете ли, что есть еще предметъ молитвы, весьма важный и для насъ спасительный, о которомъ мы мало, а можетъ быть и совсѣмъ не думаемъ, который для иныхъ можетъ показаться даже страшнымъ. Желаете знать? Это—плачь, это—наши слезы.

„Такъ о плачѣ молиться?“ скажете. „Просить у Бога слезъ? Да мы и то плачемъ чуть не всегда. Слезы у насъ льются непрестанно. Живя въ юдоли плачевной, среди непрестанныхъ бѣдъ и скорбей, можно ли не плакать? То бѣдность и недостатки, то притѣсненія и обиды, то несчастные случаи, то болѣзни, то смерть,—да когда намъ быть безъ слезъ? Онѣ льются не у однихъ бѣдныхъ, а и у богатыхъ, не только въ хижинахъ, но и въ чертогахъ. Для чего же намъ желать плача, просить слезъ? Для чего еще *просить*? Вѣдь слезы—это дѣло естественное; по нашей чувствительности мы не можемъ удержаться отъ нихъ,—онѣ льются сами собой“. Такъ. Объ этомъ плачѣ нечего молиться, этихъ слезъ не нужно просить. Естественныхъ слезъ, невольнаго плача у насъ довольно; нѣтъ только вольнаго плача. Вотъ наша бѣда: мы не плачемъ о томъ, о чемъ всего болѣе надо намъ плакать. Скажу прямо: нѣтъ у насъ плача о грѣхахъ, нѣтъ слезъ для очищенія грѣховъ. Всѣ видимыя,

временныя, житейскія бѣды и несчастія поражаютъ насъ и исторгаютъ изъ сердець нашихъ стenanія и потоки слезъ, однѣ бѣды задушевныя не трогаютъ насъ, ровно какъ ихъ у насъ и нѣтъ. Прогнѣваемъ мы, наприм., отца, или начальника, или какое либо другое важное и имѣющее вліяніе на насъ лицо, мы скорбимъ, сокрушаемся, плачемъ, а что прогнѣваемъ ежечасно грѣхами нашими Творца своего и Бога, отъ Котораго зависитъ и самая наша жизнь, это намъ ничего! Случится съ нами потеря или здоровья, или имущества, или другаго какого житейскаго блага, мы безпокоимся, страдаемъ, плачемъ, а что теряемъ часто грѣхами нашими благодать Божию, душевное спасеніе и право на будущее блаженство, это намъ ничего! Постигаютъ насъ временныя бѣдствія и несчастія, мы терзаемса, плачемъ, рыдаемъ, а что грозитъ намъ за грѣхи наши вѣчное бѣдствіе, мученіе въ адѣ, на этотъ разъ мы спокойны, это намъ ничего! Скажите же, что намъ дѣлать? Если мы не видимъ своей душевной бѣды, если мы не чувствуемъ своихъ грѣховъ, если поэтому нѣтъ въ насъ и расположенія плакать о своихъ грѣхахъ: то что остается намъ дѣлать, какъ не обращаться къ Богу? Что дѣлать, какъ не молиться Богу о плачѣ, не просить у Него слезъ? Плачъ, плачъ нуженъ намъ, братіе, слезъ, слезъ о грѣхахъ нашихъ надо намъ просить у Бога. Не слышите-ли, что заповѣдуетъ намъ, и о чемъ молиться Богу учитъ cadaго изъ насъ сама Святая Церковь? *Иисусе, Подателю просящимъ даждь ми плачъ за грѣхи моя. Иисусе, Отвержителю толкующимъ, отверзи сердце мое окаянное* (Аваѡ. слад. Ис. вк. 6), и *подаждь ми слезы теплы, да плачу мою душу, юже зль погубихъ* (прип. 9 пѣс. кан. Срѣт. Госп.). О, какъ нуженъ намъ этотъ плачъ! Какъ необходимы эти слезы! А вѣдь ихъ у насъ мало, или и нѣтъ. Ихъ можетъ дать намъ одинъ Богъ. *Ни слезъ, ниже покаянія имамъ, ниже умиленія; самъ ми сія, Спасе, яко Богъ даруй* (вел. кан. 2 троп. 24). Такую исповѣдь приносить Богу за cadaго изъ насъ Св. Церковь!

Вотъ, братіе, тотъ предметъ молитвы, о которомъ мы, какъ сказалъ я, мало, а можетъ быть и совсѣмъ не думаемъ, и который для иныхъ можетъ показаться даже страннымъ. Дѣйствительно можетъ показаться страннымъ. „Къ чему это“, пожалуй скажутъ? Развѣ нельзя спастись безъ плача, безъ слезъ. Нельзя, братіе возлюбленные. Нельзя спастись безъ плача и безъ слезъ. Никто не можетъ спастись безъ покаянія, а истинное покаяніе непремѣнно требуетъ плача и слезъ. Ни одинъ искренно и усердно кающійся грѣшникъ не оставался безъ плача и слезъ. Если нужны

примѣры, припомните Царя Давида, какъ онъ каялся, послѣ своего грѣхопадѣнія, — Апостола Петра, — какъ онъ оплакивалъ свое отреченіе отъ Господа, Евангельскую блудницу, — какъ она омывала слезами грѣхи своей грѣховной жизни. Самъ Господь говоритъ намъ: *измойтеся, и чисти будете* (Исаія 1: 16). Иначе и быть нельзя. Замаранное нельзя иначе очистить, какъ развѣ вымыть въ водѣ. Такъ и наши души, оскверненныя грѣхами, не иначе можно счистить и убѣлить, какъ водою. Вода эта и есть плачь, слезы наши о грѣхахъ. Водою крещенія омыты мы отъ прирожденнаго грѣха; водою покаянія, слезами нашими должны мы омывать себя отъ произвольныхъ нашихъ грѣховъ. Слезная вода — вотъ истинная, цѣлительная для насъ Силоамская купель. Такъ вѣдь разсуждаетъ и Святая Церковь, когда учитъ насъ молиться Господу объ очищеніи и просвѣщеніи нашемъ такимъ образомъ: *Силоамъ да будутъ ми слезы моя, Владыко Господи, да умью и азъ зѣницы сердца и вижду Тя умно свѣта превѣчна* (вел. кан. пѣсн. 5 троп. 20). Здѣсь братіе, въ этомъ силоамѣ, въ плачѣ и слезахъ о грѣхахъ нашихъ должны мы купаться какъ можно чаще, и чрезъ это самое омывать свои грѣхи и являться предъ Богомъ чистыми и непорочными. Не любимъ мы плакать — это правда, горьки для насъ слезы: но что же дѣлать? Безъ плача, безъ слезъ нѣтъ, не можетъ быть оставленія грѣховъ, а безъ оставленія грѣховъ какъ намъ спастись? Добрыхъ дѣлъ мы не творимъ, грѣшить не перестаемъ, да и плакать о грѣхахъ не хотимъ. Все бы намъ только веселиться, да веселиться, а не думаемъ и не разсуждаемъ, что рѣдкое наше веселіе не есть новый грѣхъ, что истинное, чистое веселіе наше только о Господѣ, — и въ полной-то мѣрѣ впереди за гробомъ. Здѣсь, въ настоящей жизни, въ этой плачевной юдоли только *стытъ слезами*, чтобы *пожать радостію* (Псал. 125: 5) тамъ, въ будущей жизни.

Необходимъ, братіе, грѣшникамъ плачь о грѣхахъ, очистительны и спасительны слезы покаянія. Но онѣ, какъ сказали мы, подаются намъ отъ Бога. Это — великій благодатный даръ неба, знаменіе любви Божіей къ намъ грѣшнымъ. Посему нужно молиться Богу, усердно просить у Него этого спасительнаго дара, по наставленію Матери нашей Святой Церкви, Которая предлагаетъ намъ и образцы таковой молитвы. Вотъ, на примѣръ: *Агнче Божій вземляй грѣхи всѣхъ, возми бремя отъ мене тяжкое грѣховное, и яко благовутробенъ, даждь ми слезы умиленія* (вел. кан. пѣсн. 1. троп. 18). *Слезы ми даждь, Боже, якоже иногда женъ грѣшницъ, и сподоби*

мя омочити нозъ Твои, яже мя отъ пути прелести свободившия, и мѣро благоуханія приносити Тебѣ житіе чисто, поканяемъ ми созданное, да услышу и азъ желаемый Твоей гласъ: въра твоя спасе тя, иди въ миръ (троп. велик. повеч.). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 28.

Радости у человѣка различны.

Господи благослови!

Послѣ слова о плачѣ, надо, братіе, сказать слово и о радости. Не все же у насъ горе и плачъ,—бываютъ и радости, и даже много радостей. Такова природа наша, мы способны и плакать и радоваться, и таково положеніе наше въ мірѣ, что у насъ есть о чемъ и плакать, есть о чемъ и радоваться. Да, есть у насъ радости, и много радостей. Объ этомъ можно бы порадоваться. Можно бы дѣйствительно порадоваться, что изгнанникъ рая, грѣшный человѣкъ, и среди бѣдъ и злоключеній настоящей жизни, не лишенъ радостей,—да вотъ наше несчастіе. Не всѣ радости наши чисты и полезны намъ, хотя всѣ въ своемъ родѣ приятны. Не всѣ, братіе, радости наши хороши. Напротивъ бываетъ у насъ радость духовная, божественная, бываетъ радость и естественная, просто—человѣческая, бываетъ даже радость плотская и бѣсовская.

Бываетъ радость духовная, чистая, святая, божественная. Само собою разумѣется, что такая радость есть достояніе благочестія, плодъ Христіанскихъ добродѣтелей. Когда мы бываемъ въ храмѣ Божиѣмъ, и особенно при торжественномъ церковномъ служеніи, кто изъ насъ не чувствуетъ духовнаго утѣшенія, божественной радости? А если еще вспомнимъ радость Пасхальную, радость, когда мы встрѣчаемъ первыя минуты свѣтлаго Христова воскресенія, сами знаете, какъ велика, какъ сладостна эта святая радость. Подобна, ежели не для всѣхъ, то для многихъ изъ насъ, и та благодатная радость, когда, послѣ очищенія грѣховъ въ таинствѣ покаянія, причащаемся пречистаго Тѣла и Крови Спасителя нашего Бога и дѣлаемся общниками безсмертной и божественной жизни Его. Кто опять приноситъ отъ усердія своего жертву Богу, устрояетъ или возобновляетъ храмъ Божій, украшаетъ святыя иконы, умножаетъ благолѣпіе и красоту церковной службы доброгласнымъ пѣніемъ,—развѣ не вѣдушаеть таковой духовной радости, развѣ не готовъ онъ

въ полнотѣ благоговѣйныхъ чувствъ сказать съ Давидомъ: *сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бозѣ живѣ?* (Ис. 83: 3). Не радость ли для нашей души и то, когда мы, по Христіанскому челоуѣколюбію, посѣтимъ пріюты бѣдности, и вообще сдѣлаемъ благотвореніе неимущимъ братіямъ? Ахъ, какъ чувствительно, какъ утѣшительно видѣть, какъ бѣдные радуются и славятъ Бога и за малое сдѣланное имъ благотвореніе! Не радость ли помочь несчастному, избавить ближняго отъ бѣды и сдѣлаться для него Ангеломъ утѣшителемъ? Не радость ли, когда простимъ кому либо нанесенную намъ обиду, а тѣмъ паче, если за зло отплатимъ добромъ? Не радость ли, когда прекратимъ ссору, примиримся и сдѣлаемся опять другъ другу пріятными и любезными? О, какое сладкое спокойствіе тогда на душѣ, какое довольство самимъ собою! Часто не наладуешься своему благополучію. Вотъ какова Христіанская радость! Ей ничто не мѣшаетъ; она съ одинаковою, если не съ большею, силою проявляется и тамъ, гдѣ, повидимому, одно бѣдствіе и горе. Развѣ не искренно сказалъ о себѣ Апостоль, что онъ *радовался въ своихъ страданіяхъ?* (Кол. 1: 24). Развѣ не правду говорилъ другой Апостоль, утѣшая вѣрующихъ среди бѣдствій ихъ: *всяку радость имѣйте, братіе моя, егда во искушенія впадаете различна?* (Іав. 1: 2). А тѣмъ паче Самъ Господь, когда, возвѣщая блаженство нищимъ, плачущимъ, гонимымъ за благочестіе, сказалъ: *радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ?* (Матѣ. 5: 12). У таковыхъ бѣдствующихъ сугубая радость, радость отъ чувства своей невинности и правды и утѣшенія совѣсти, и радость отъ общенія въ страданіяхъ Христовыхъ и отъ упованія награды отъ Бога на небесахъ, въ жизни вѣчной. Этой радости ничто не возмутитъ и никто не отниметъ у Христіанина. Она глубоко въ сердцѣ его, и потому есть истинная, собственная, существенная его радость. Вотъ, братіе, какая бываетъ у Христіанъ радость! Кто не видитъ достоинства такой радости? Кто не сознаетъ, что такая радость есть истинная, духовная, чистая, божественная радость, что челоуѣкъ въ такой радости представляетъ изъ себя не просто челоуѣка, а Ангела Божія.

Бываетъ у насъ радость и естественная, просто—челоуѣческая. Эта радость намъ сродна, и потому всякому извѣстна. Вотъ раждается у кого либо дитя,—родители естественно радуются. Вотъ дѣти приходятъ въ возрастъ, показываютъ въ себѣ хорошія способности ума, добрыя качества сердца,—родители естественно радуются. Вотъ благословляется супружескій союзъ,—въ домѣ обыкновенно

открывается торжество и радость. Видимъ въ семействѣ взаимное согласіе и любовь,—и мы радуемся. Чувствуемъ свое благополучіе и довольство,—и мы радуемся. Законнымъ и честнымъ трудомъ приобретаемъ себѣ хорошее состояніе,—и мы радуемся. Пользуемся здоровьемъ, а тѣмъ паче выздоравливаемъ отъ болѣзни,—и мы радуемся. Спасаемся отъ угрожавшихъ намъ бѣдъ,—и мы радуемся. Пользуемся хорошою погодою, благораствореннымъ воздухомъ, особенно послѣ ненастья, наслаждаемся красотами природы,—и мы радуемся. Такова наша радость, въ которой располагаетъ насъ сама природа и въ которой мы находимъ какъ бы свое обновленіе, получаемъ новыя силы, новую жизнь. Эта радость, какъ естественная, благословлена Господомъ. Она не препятствуетъ, а напротивъ содѣйствуетъ Христіанскому благочестію, коль скоро раскрываетъ наше сердце къ благодарной молитвѣ предъ Господомъ и къ благообщенію съ ближними.

Навонецъ бываетъ, къ несчастію, у насъ радость плотская и бѣсовская. Горькая эта радость, но ее любятъ, кажется, больше всего. Сколь рѣдка у насъ радость чистая, духовная, столь обыкновенна радость нечистая, плотская. Вѣдь радуется же честолюбецъ, когда получаетъ почетное мѣсто, чинъ и отличіе. Радуется же корыстолюбецъ, когда получаетъ корысть и насыщаетъ свою страсть къ богатству. Радуется же сластолюбецъ, когда сидитъ за роскошнымъ столомъ и угождаетъ своему чреву. Радуется пьяница, когда поглощаетъ въ себя одуряющіе напитки. Радуется и плотоугодникъ, когда погрязаетъ въ нечистотѣ. Всѣ таковыя видимо радуются, хотя тщетною, горькою, пагубною радостію. А какая бываетъ радость въ обществѣ,—радость, которая считается даже радостію благородною, но которая въ существѣ своемъ близко подходитъ къ радости бѣсовской? Вотъ и у насъ на дняхъ была радость. Публика наша наслаждалась и утѣшалась зрѣлищемъ—какимъ? Сами знаете, братіе, Христіанское ли это зрѣлище? Христіанское ли дѣло утѣшать публику неестественными прыжками и скачками? Разумное ли, не говорю Христіанское ли, наслажденіе смотрѣть на такое униженіе человѣка, богоподобнаго существа, любоваться такою безчиною, постыдною для общества Христіанскаго картиною? Вотъ и еще радость у человѣка, радость ужъ вполнѣ бѣсовская. Развѣ не бываетъ, что человѣкъ, ослѣпленный страстями, радуется и тогда, когда успѣетъ сдѣлать зло ближнему, очернить, осмѣять, обезчестить его, отмстить за обиду, видѣть несчастіе врага, обольстить невинность, разрушить супружескій союзъ? Но,—довольно. Слишкомъ,

слишкомъ много у человѣка худыхъ радостей, радостей самыхъ горькихъ и нечистыхъ, радостей на гнѣвъ Богу, на печаль Ангеламъ; на радость діаволу и на пагубу себѣ.

Будемъ, осторожны, братіе. Радости наши противоположны по предметамъ, — или болѣе по нашимъ склонностямъ къ извѣстнымъ предметамъ. — Предаваясь радостямъ, мы можемъ быть и на небѣ, и на землѣ, и въ адѣ. Земныя, естественныя наши радости намъ сродны, — пусть пользуемся ими благоразумно. А болѣе всего будемъ стараться любить радости духовныя, святыя, божественныя. Отъ плотскихъ же, грѣховныхъ, бѣсовскихъ радостей да избавить насъ Господь! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 29.

Сердце — жертва Богу.

Господи благослови!

Дажь ми, сыне, твое сердце (Притч. 23: 26).

Господь Богъ, устами Премудраго ветхозавѣтнаго Наставника, проситъ у насъ, братіе-Христіане, нашего сердца. Называя каждаго изъ насъ сыномъ Своимъ, Онъ говоритъ каждому изъ насъ: *Дажь ми, сыне, твое сердце.* Что это значить? Для чего Богъ требуетъ отъ насъ сердца? Почему не требуетъ ничего другаго, даже того; чѣмъ мы обязаны Ему, и что составляетъ нашъ непремѣнный долгъ? Не требуетъ Онъ отъ насъ въ семь случаевъ раздѣльно ни прославленія, ни молитвы, ни жертвъ и даровъ, ни поста, ни покаянія, ни добрыхъ дѣлъ, требуетъ только сердца — одно сердце наше дорого Ему: *Дажь ми твое сердце.*

Странное повидимому, премудрое однакожь требованіе, братіе. *Сердце* по слову того же Премудраго, есть *исходяще живота* (Прит. 4: 23). Оно есть источникъ жизни, начало всѣхъ силъ и основаніе всѣхъ дѣйствій человѣка. Куда обращается сердце, туда стремятся и мысли, и намѣренія, и желанія, и дѣла человѣческія. Сердце опредѣляетъ, можно сказать, всю дѣятельность человѣка. Стало-быть, когда требуется отъ насъ сердце, требуется отъ насъ все, требуется весь человѣкъ, какъ живая жертва Богу. Не мудрое ли слѣдовательно, не чудное ли это требованіе, судите сами. Мало сказано, а много разумѣется; почти ничего не просятъ, а всего требуютъ.

Дажь ми твое сердце. „Да какъ же“, спросите, „отдать намъ сердце?“ Очень просто, — расположеніемъ, любовію, усердіемъ. Усердіе собственно и есть *устремленіе сердца*. Обыкновенно въ тому имѣемъ расположеніе и усердіе, кого любимъ, тому и отдаемъ сердце. Значить, Богъ, требуя отъ насъ сердца, требуетъ нашего расположенія и усердія къ Нему, требуетъ нашей любви. Вѣдь это точно то же, что сказалъ Спаситель намъ въ Евангеліи: *Возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ* (Матѳ. 22: 37).

Кому въ самомъ дѣлѣ и должно принадлежать наше сердце, какъ не Богу? Неужели себѣ, неужели міру, неужели тварямъ смертнымъ и тлѣннымъ? Нѣтъ. Богъ — нашъ Творецъ, Промыслитель, Искупитель. Отъ Него начало, продолженіе и конецъ нашего бытія; отъ Него всѣ дарованія и естественныя и благодатныя; Онъ подаётъ намъ все потребное къ жизни; въ Его волѣ и будущая наша судьба. Къ Нему слѣдовательно, къ одному Ему и обращаться мы должны. Его одного любить и Ему одному служить всѣмъ сердцемъ. Его должно быть наше сердце. Отдадимъ же, братіе, сердце наше Богу нашему. Отдадимъ сердце, — и будемъ всецѣло принадлежать Ему. Какъ скоро отдадимъ Ему свое сердце, тогда все станемъ дѣлать для Него, станемъ и молиться Ему, и прославлять Его, и приносить жертвы Ему, и поститься для Него, и каяться предъ Нимъ, и творить волю Его. Вѣдь ужъ сказали мы, что человѣкомъ располагаетъ и управляетъ сердце и что на сердцѣ у человѣка, то и на мысляхъ, и на устахъ, и въ дѣйствіяхъ его. Самъ Господь сказалъ, что *человѣкъ все износитъ изъ сокровища сердца своего, и отъ избытка сердца глаголетъ уста его* (Лук. 6: 45). Какъ скоро мы отдадимъ Богу свое сердце, — вотъ тогда мы будемъ настоящіа чада Божіи, дѣти Отца нашего Небеснаго. Тогда все будемъ дѣлать для Бога съ любовію, служить Ему съ усердіемъ, — станемъ молиться Ему со страхомъ, прославлять Его съ благоговѣніемъ, приносить жертвы Ему съ вѣрою и любовію, поститься предъ Нимъ безъ скорби, каяться Ему съ сокрушеніемъ, исполнять волю Его съ благодарностію. А то — что будетъ съ нами, если мы не отдадимъ Богу своего сердца? Какъ станемъ служить Ему безъ усердія, безъ расположенія и любви? Тогда и молитва наша Богу будетъ или холодная, или лицемѣрная, и прославленіе Его самохвальное, и жертвы честолюбивыя, и постъ только наружный, и покаяніе не искреннее, и добродѣтели по большей части корыстныя. Тогда мы будемъ носить на себѣ только *образъ благочестія безъ силы* (2 Тим. 3: 5) и свойствъ истинно-Христіанскихъ. Тогда и къ намъ во всей силѣ будутъ отно-

ситься слова Христовы, связанныя о фарисеяхъ: *приближаются Мнѣ люди сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. 15: 8). Что же въ такомъ служеніи нашемъ Богу? На что Ему, и во что поставить Онъ та-бія наши молитвы, такія жертвы, таковой постъ, такое покаяніе, та-кія добродѣтели? А вотъ что Онъ говоритъ: *всеу такимъ образомъ чтутъ Мя* (Матѳ. 15: 9). Напрасна, стало-быть, молитва неблаго-гопріятны жертвы, бесполезенъ постъ, бесплодно покаяніе, тщетны всѣ добродѣтели, если нѣтъ въ насъ усердія и любви къ Богу, если все это дѣлается безъ участія сердца. Точно такъ же разсуждаетъ и Св. Апостоль. По его словамъ, безъ усердія и любви къ Богу все, даже величайшіе подвиги и жертвы, ничто. Что, кажется, выше вѣры, и какой вѣры—величайшей, чудодѣйственной,—что святѣе совершеннаго самоотверженія, страданія, пролитія крови за Христа? Но и эти изумительные подвиги благочестія безъ любви и усердія ничто. *Аще, говоритъ Апостоль, имамъ всю вѣру, яко и горы пре-ставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжести е, любве же не имамъ, никакая польза ми есть* (1 Кор. 13: 2, 3).

Видите-ли, братіе, какое значеніе имѣеть любовь въ дѣлѣ нашего спасенія! А истинная любовь вѣдь въ сердцѣ. Въ однихъ внѣшнихъ выраженіяхъ, на однихъ устахъ бываетъ только видимая, ложная любовь. Такъ и любятъ обыкновенно лицемѣры. О таковыхъ свидѣтельствуесть Псалмопѣвецъ. *Возлюбихи, говоритъ, Его, т. е. Бога, усты своими, и языкомъ своимъ солаша Ему; сердце же ихъ не бѣ право съ Нимъ* (Пс. 77: 36, 37). Сердцемъ, братіе, *сердцемъ и вѣруеться въ правду* (Рим. 10: 10), *сердце сокрушенно и смиренно и наилучшая жертва Богу* (Пс. 50: 19), *въ сердце и законъ Бога* (Пс. 36: 31), и исполненіе всей воли Божіей.

Отдадимъ, отдадимъ, братіе, сердце наше Богу нашему. Оно принадлежитъ Ему одному, и никому другому. Тогда и будемъ мы истинные сыны Его; и какъ скоро сыны, то и наслѣдники вѣчныхъ благъ въ дому Небеснаго нашего Отца. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 30.

Два входа на литургии.

Господи благослови!

Ава, какъ извѣстно, братіе, бывають на литургіи *входа*, или, по просторѣчю, *выхода* изъ алтаря въ церковь, и изъ церкви обратно въ алтарь, первый со *Св. Евангеліемъ*, второй со *Св. Дарами*. Тотъ и другой *входъ*, по изъясненію Отцевъ и Учителей церковныхъ, имѣють свое значеніе. Первый воспоминаетъ пришествіе Сына Божія Иисуса Христа въ міръ и Его Божественную проповѣдь, возвѣстившую грѣшникамъ *покаяніе и вѣру во Евангеліе* (Мар. 1: 15). Второй изображаетъ Его шествіе на вольную страсть и принесеніе Себя, какъ Агнца Божія, на крестное *заколѣніе* за грѣхи міра, и *въ животворящую и спасительную смѣдь вѣрнымъ* (Херув. пѣсн. вел. субб.).

„Это мы знаемъ“, скажете, вонечно, братіе. „Знаемъ, что на литургіи бывають два входа, знаемъ и то, какое тотъ и другой входъ имѣють значеніе“. Хорошо. Такъ не можемъ ли мы извлечь отсюда какого либо для себя полезнаго наставленія? Можемъ, — и вотъ оно. На каждый входъ отверзаются святныя или царскія двери. Этимъ показывается, что намъ, Христіанамъ, отверзты двери милосердія Божія. Каждый разъ, какъ отверзаются на входъ святныя двери, мы видимъ святой алтарь, это таинственное небо: это означаетъ то, что къ намъ близко Царство Небесное и намъ открыта будущая слава небесная, какъ и сказалъ Господь: *приблизися Царство Небесное* (Матѳ. 4: 17); *узрите небо отверзто* (Іоан. 1: 51). Шествующіе со *Св. Евангеліемъ* и со *Св. Дарами* идутъ святыми дверьми въ алтарь: изъ этого научаемся, что и мы, Христіане, можемъ идти отверзтыми намъ дверьми милосердія Божія въ горній чертогъ, въ мѣсто селенія славы небесныя. Какъ идти? Тѣми самыми путями, которые изображаются двумя входами въ св. алтарь. Два входа въ святой алтарь: два пути и въ Царство Небесное. Первый путь — *покаяніе*, второй — *причащеніе* Христовыхъ таинъ. Входъ со *Св. Евангеліемъ* возвѣщаетъ намъ покаяніе и вѣру: значитъ, мы должны приносить покаяніе съ вѣрою въ Господа и Спасителя нашего во оставленіе грѣховъ и для полученія Царства Небеснаго. Входъ со *Св. Дарами* представляетъ страданіе Иисуса Христа, принесеніе этого Агнца Божія въ жертву за грѣхи міра: значитъ, мы должны причащаться этой божественной жертвы въ освященіе нашихъ душъ и тѣлесъ и для полученія жизни вѣчной.

Вотъ, братіе, чему научаютъ насъ два входа въ святыи алтарь, видимые нами на божественной литургіи. Научаютъ насъ, что два пути для насъ въ Царство Божіе, и двумя таинственными дѣйствіями можемъ мы очищать свои грѣхи и входить въ животъ вѣчный, именно: *покаяніемъ* и *причащеніемъ* Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Безъ двухъ этихъ входовъ литургійная служба не бываетъ: и безъ покаянія и причащенія Св. Таинъ не можетъ быть Христіанское служеніе Богу. Ни который входъ на литургіи не можетъ быть оставленъ; иначе литургія будетъ не совершенна: и ни одно изъ таинствъ не можетъ быть нами оставлено (наприм. причащеніе, казъ иногда дѣлають нѣкоторые); иначе наше спасеніе будетъ не совершенно. Въ обоихъ, непременно въ обоихъ таинствахъ, въ покаяніи и причащеніи, должны мы искать своего спасенія, двумя этими святыми божественными путями шествовать къ Богу, въ Царство Небесное. Для кающихся съ вѣрою и причащающихся съ любовію тѣла и крови Спасителя нашего Бога входъ въ Царство Небесное отверзтъ, для некающихся и чуждающихся Св. Христовыхъ Таинъ — затворенъ. Самъ Господь говорить: *покайтесь* (Матѣ. 4: 17), *обратитесь ко Мнѣ и спасетесь* (Исаія 45: 22). *Ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6: 54). *Аще же не покается, вси погибнете* (Лув. 13: 5); и *аще не съесте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6: 53).

Теперь, братіе, наступилъ святыи постъ въ честь Матери Божіей. А въ посты преимущественно у насъ и обычно и каются и причащаются Св. Христовыхъ Таинъ. Хорошо, слѣдовательно, сдѣлаемъ, если и нынѣ поищемъ въ сихъ спасительныхъ таинствахъ своего оправданія, очищенія и освященія, и придемъ этими святыми путями ко гробу Присно-Дѣвы Матери для прославленія блаженнаго и досточуднаго Ея успенія. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 31.

Грѣхи — душевные недуги.

Господи благослови!

Обыкновенны у насъ, братіе, слова: *грѣхъ, грѣшникъ, согрѣшилъ*. Они приняты нами, и употребляются у насъ нерѣдко безсопнительно. Что мудренаго, что въ наше, отличающееся свободою мысли время найдутся и въ средѣ Христіанъ такіе, которые ска-

жуть: „да что это за грѣхи? Не просто ли это слова, затверженныя нами съ давняго общаго обычая? Гдѣ они? мы ихъ не видимъ и не чувствуемъ. Ежели они есть, то въ чемъ они состоятъ? Какое имѣютъ отношеніе къ Богу и какое вліяніе на насъ? И какъ можно избавиться отъ нихъ?“ Вопросы, какъ видите, братіе, довольно смѣлыя, въ которыхъ слышенъ голосъ человѣческаго ума, не проникнутаго вѣрою и смиреніемъ Христіанскимъ. Однакожь и намъ, вѣрующіе, не должно пренебрегать такими вопросами. Христіанская самоувѣренность наша должна быть не темная и безсознательная, а свѣтлая и разумная. А потому и о грѣхахъ мы должны имѣть понятіе ясное, правильное, несомнѣнное. Разсмотримъ же эти вопросы.

„Гдѣ наши грѣхи? Мы ихъ не видимъ и не чувствуемъ“. Грѣхи наши преимущественно въ душѣ. Это недуги наши душевные. Не видимъ мы своихъ грѣховъ? Потому и не видимъ, что они въ душѣ. Какъ душа невидима, такъ невидимы и грѣхи. Не можемъ сказать, что души въ насъ нѣтъ: не можемъ сказать и того, что грѣховъ на душѣ нѣтъ. Не чувствуемъ своихъ грѣховъ? Не чувствуемъ въ себѣ и души, хотя увѣрены, что она въ насъ. Не чувствуемъ, и не можемъ чувствовать своихъ грѣховъ тогда, когда живемъ по плоти и всякое, и внутреннее и внѣшнее, дѣйствіе свое считаемъ только естественнымъ проявленіемъ своихъ силъ. Грѣхи, какъ свазали мы, суть недуги наши душевные. Поэтому и открываетъ ихъ намъ одна вѣра Христіанская, одно Святое слово Божіе. „Что же такое грѣхи и въ чемъ они состоятъ?“ Святое слово Божіе говорить, что *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Иоан. 3: 4). Вотъ, стало-быть, грѣхъ есть нарушеніе закона, преступленіе заповѣди Божіей. Всякое поэтому наше дѣйствіе, несообразное съ закономъ Божіимъ, противное волѣ Божіей, есть грѣхъ. Мы грѣшимъ, какъ скоро дѣлаемъ не то, что повелѣваетъ намъ Богъ. А какъ всѣми нашими мыслями, желаніями, намѣреніями, словами и дѣлами располагаетъ душа, то всѣ наши мысли, желанія, намѣренія, слова и дѣла, несообразныя съ закономъ Божіимъ, и составляютъ собственные ея недуги, собственную ея грѣховную скверну. „Въ какомъ теперь отношеніи грѣшникъ къ Богу? Какъ грѣхъ дѣлаетъ человѣка виновнымъ предъ Богомъ и какое вліяніе имѣетъ на самого человѣка“? Отношеніе наше къ Богу именно и открываетъ намъ грѣхи. Какъ скоро мы изъ слова Божія и изъ правилъ Христіанской вѣры познаемъ святую волю Божію и наши Христіанскія обязанности и какъ скоро, смотря на жизнь и дѣйствія свои, находимъ, что они противны волѣ Божіей и несообразны съ званіемъ нашимъ Христіан-

скимъ,—вотъ тогда мы и усматриваемъ свои грѣхи, тогда и раждается въ душѣ нашей болѣзненное познаніе виновности нашей предъ Богомъ. Этой виновности, этой душевной болѣзни уже нельзя не чувствовать. Она поражаетъ грѣшника, по мѣрѣ грѣха и сознанія грѣха. Грѣшникъ сознаетъ свой грѣхъ, сознаетъ, что онъ оскорбилъ Бога нарушеніемъ воли Его, и это сознаніе отзывается въ немъ болѣзненнымъ чувствомъ виновности предъ Богомъ. Это яснѣе видно намъ изъ нашихъ внѣшнихъ поступковъ, изъ нашей обыкновенной жизни. Вотъ, на примѣръ, не исполнилъ кто либо приказанія своего начальника, или сдѣлалъ что либо противное волѣ его. Повидимому, это естественный только поступокъ человѣка, но онъ имѣетъ совсѣмъ иныя отношенія, онъ имѣетъ особенное вліяніе и на другихъ, и на него самого. Начальникъ, оскорбленный его преслушаніемъ, уже къ нему въ другомъ расположеніи, грозитъ ему гнѣвомъ и взысканіемъ; а и самъ онъ, чувствуя свою виновность къ гнѣву начальника, предается скорби, унынію, безповойству, страху. Вотъ какое дѣйствіе имѣетъ преступленіе и противъ человѣка! Какъ нарушеніе и человѣческой воли производитъ въ душѣ человѣка болѣзнь, болѣзнь отъ чувства собственной виновности! Не то же ли самое, и не въ большей или еще мѣрѣ, должно сказать и о грѣхахъ нашихъ, о нашемъ нарушеніи закона Божія и воли Божіей? Ежели нарушеніе воли человѣческой оскорбляетъ человѣка и вызываетъ его гнѣвъ на виновнаго, то нарушеніе ли воли Божіей можетъ оставаться безъ оскорбленія Бога и безъ гнѣва на оскорбляющихъ Его грѣшниковъ? А ежели Богъ оскорбляется грѣхами нашими и подвигается на гнѣвъ противу насъ: то что мы должны чувствовать, согрѣшая предъ Богомъ? Неужели не страшенъ намъ гнѣвъ Божій? Неужели не ужасна казнь, опредѣленная грѣшникамъ? Неужели мы можемъ не чувствовать своей виновности предъ Богомъ, не снѣдаться скорбію, печалію, болѣзнію грѣховною? Нѣтъ, нѣтъ. Тяжело бремя грѣховное. Подъ нимъ мучится, изнываетъ душа. Намъ это мало извѣстно; а вотъ одинъ изъ лучшихъ и чувствительнѣйшихъ грѣшниковъ повѣдалъ о себѣ, какова болѣзнь грѣховная. *Нѣсть, говоритъ, мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ; беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возмердѣша и согниша грѣховныя раны моя* (Ис. 37: 4, 5, 6). Посмотрите и на другихъ грѣшниковъ, какъ имъ бываетъ тяжело подъ бременемъ грѣховъ. Что заставило Апостола Петра горько плакать, какъ не горькое чувство грѣха? Отчего такъ тяжело на сердцѣ мытаря, какъ не отъ тлести грѣховной? Откуда

взялись потоки слезъ въ блудницѣ, если не отъ сознанія и чувства своей виновности предъ Богомъ?

Такъ вотъ видите, братіе, что такое наши грѣхи. Не слова это только, безъ разума повторяемая; не понятія только, безсознательно усвояемая, какъ бы думалось считать ихъ маловѣрнымъ, мало знающимъ себя и мало пекущимся о себѣ, а дѣйствительные недуги, поражающіе душу; стрѣлы, уязвляющія совѣсть; черви, грызущіе сердце. Грѣхи наши удаляютъ насъ отъ Бога и соединяютъ съ начальникомъ грѣха, діаволомъ. Страшно бремя грѣховное! Съ нимъ можемъ мы низвергнуться въ бездну ада. Тяжело и здѣсь душѣ грѣшника, но несравненно тяжелѣе будетъ за гробомъ. Тамъ грѣхи наши возстанутъ на насъ, какъ страшилища, какъ адская сила, и будутъ терзать насъ цѣлую вѣчность. Страшно, повторяю, бремя грѣховное. Что же? Можно ли грѣшникамъ избавиться отъ своихъ грѣховъ? Можно ли сбросить съ себя эту горькую ношу, облегчить и успокоить совѣсть, очистить и исцѣлить душу? Можно ли примириться съ Богомъ, возвратить къ себѣ Его благоволеніе и любовь и снова утѣшиться надеждой спасенія? Благодареніе милосердому Богу нашему! Можно, братіе, можно, и очень легко. Слѣдуетъ только обратиться къ Богу съ покаяніемъ и молитвою,—и грѣхи наши прощены, спасеніе намъ возвращено. Вѣдь и у насъ, между человѣками, по большей части бываетъ такъ. Оскорбилъ кто либо своего начальника неисправностію, непослупаніемъ и навлекъ на себя его гнѣвъ. Что-жъ? Приди только къ нему, принеси ему раскаяніе и попроси у него прощенія,—и начальникъ, особенно добрый и милосердый, непременно проститъ. А какъ скоро проститъ,—вотъ ужъ не стало и вины,—и начальникъ болѣе не гнѣвается, и у виновнаго легко и спокойно на душѣ. Не такъ же ли и мы можемъ избавиться отъ грѣховъ, коими прогнѣвали Бога? Принесемъ Ему покаяніе, испросимъ у Него милости и прощенія,—и непременно получимъ и милость и прощеніе. Вѣдь Богъ нашъ—бездна милосердія и щедротъ, *Богъ кающихся и спасъ согрѣшающихъ* (молит. ко причащ.). Лишь только вознесемъ къ Нему молитву, принесемъ Ему искреннее раскаяніе,—и тотчасъ мгновенно не станетъ нашихъ грѣховъ, легко будетъ у насъ на душѣ, спокойно въ совѣсти, утѣшительно въ сердцѣ. Долго ли прокаженные оставались неисцѣльными? Лишь только вознесли они къ Иисусу молитвенный голосъ: *Иисусе, Наставниче, помилуй ны* (Лук. 17: 13), лишь только сказалъ имъ Иисусъ: *шедше покажитесь священникомъ* (Лук. 17: 14), и они очистились отъ ранъ. Такъ же легко и скоро очи-

стятся и наши грѣхи. Лишь только произнесетъ служитель Божій отъ имени Спасителя нашего Иисуса Христа: *прощаю и разръшаю ты отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ* (чинъ исповѣд.),—и грѣхи наши изглажены,—мы чисты и неповинны передъ Богомъ. Такъ велико милосердіе Его и безмѣрна милость Его! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 32.

Грѣхи невольные.

Господи благослови!

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная и невольная (Троп. Изобраз.).

Такъ, братіе, молимся мы Господу Богу объ оставленіи грѣховъ нашихъ. И какъ намъ не молиться объ этомъ? Сколько у насъ грѣховъ? Имъ нѣтъ числа. *Безъ числа согрѣшихъ* (прав. церк.), *согрѣшихъ паче числа песка морскаго* (молит. Манас.), говорятъ признательные грѣшники. Сколько у насъ чувствъ, сколько способностей и силъ, столько грѣховъ. Мы грѣшимъ и умомъ, и сердцемъ, и всѣми чувствами; грѣшимъ и помышленіемъ, и воображеніемъ, и воспоминаніемъ, и намѣреніемъ, и желаніемъ, и словомъ, и дѣломъ, и въ вѣдѣніи и невѣдѣніи. Грѣшимъ наконецъ по собственному расположенію и безъ расположенія, волею и неволею. Такъ много у насъ грѣховъ, и такъ различны виды ихъ! Но изъ всѣхъ грѣховъ особенно странными представляются наши невольные грѣхи, и на нихъ-то хочу я сегодня остановить вниманіе ваше, братіе. Что мы грѣшимъ по своему расположенію, по своей волѣ, это неудивительно, и что такіе грѣхи дѣлаютъ насъ виновными предъ Богомъ, это также справедливо и свято твердо. Но какъ мы можемъ грѣшить безъ собственнаго расположенія, противъ своей воли? Какіе это невольные грѣхи, и какъ они вмѣняются намъ въ вину?

Грѣхи невольные, грѣхи, содѣваемые нами безъ собственнаго нашего расположенія,—это такіе грѣхи, причина которыхъ, хотя незамѣтно и чувствительно для насъ, скрывается въ насъ же самихъ, или которымъ подвергаемся мы по дѣйствию на насъ вѣшнихъ обстоятельствъ. Да, братіе. Мы нерѣдко впадаемъ въ грѣхи, о которыхъ и не думали. По свидѣтельству опытныхъ въ жизни духовной, люди благочестивые иногда бывають обуреваемы хуль-

ными противъ Бога и святѣни Христіанской помыслами, или же печистыми и скверными помышленіями. Очевидно, это прямое дѣйствіе духа злобы, духа искушителя. Можно полагать, что и мы, смотря на нашу немощь и плотность, не всѣ и не всегда свободны отъ подобныхъ богопротивныхъ помысловъ. А что касается плотскихъ, сладострастныхъ помысловъ, то эту скверну вносить въ душу часто лукавая наша и вѣрная на зло память. Случается, что не только по какому либо поводу, но и безъ всякаго повода возникаетъ въ мысляхъ воспоминаніе своихъ или и чужихъ грѣховныхъ дѣлъ, соблазновъ, чувственныхъ удовольствій, — и вотъ душа невольно оскверняется представленіемъ прежнихъ грѣхонадеій. Какъ легко опять узвляеть насъ тайное тщеславіе и превозношеніе! Иногда вовсе и не думаемъ о самовозношеніи, но вотъ приходитъ на мысль какое либо изъ жизни прошедшей доброе дѣло или умный и похвальный поступокъ, — и тотчасъ возникаетъ въ тебѣ мечтаніе о своемъ достоинствѣ. Дѣлаешь опять тайно какое либо доброе дѣло, наприм. молишься, или подаешь бѣдному. Случись на этотъ разъ, что твое доброе дѣло замѣчено другими, тотчасъ является въ себѣ услажденіе, торжество духа, конечно не чистое и не святое. Невольными грѣхами должны быть сочтены также грѣхи нашей немощи. Развѣ не бываетъ съ нами, что худо и неправильно поступаемъ мы по невѣдѣнію, по недоразумѣнію, по ошибкѣ? А сколько такихъ грѣховъ, которые творимъ по забвенію? Не часто ли мы сами жалѣемъ и каемся, что не сдѣлали того, что хотѣли и должны были сдѣлать, или сдѣлали то, чего не хотѣли и не должны были дѣлать? Много у насъ почти невольныхъ грѣховъ опять такихъ, причина и поводъ къ которымъ заключается въ нашей растлѣнной природѣ. Вообще страсти наши, и особенно въ высшей степени своего дѣйствія приводятъ насъ въ состояніе безсознательности и самозабвенія, такъ что какъ будто самъ не знаешь, что дѣлаешь. Каковъ, наприм., человекъ въ шлугиѣва и ярости? Чего опъ не наговорить, какихъ непріятностей не падѣлаеть другимъ? Вѣдь и самъ послѣ всегда почти жалѣеть, стыдится, самъ осуждаетъ себя въ своихъ поступкахъ. Также точно пагубны для насъ всѣ навыки, привычки, которая образовала въ насъ жизнь мірская, чувственная, грѣховная. Вѣдь думаемъ же мы, даже иногда и стараемся себя въ чемъ либо исправить, но каковъ успѣхъ? По прежнему образу, по привычкѣ и не замѣтишь, какъ опять то же сдѣлаешь. Тогда только узнаешь свой грѣхъ, когда согрѣшилъ. Такъ легко и неудержимо грѣшимъ мы, особенно празднословіемъ, осуж-

деніемъ другихъ, и нескромными взорами и неприличными въ случающихся огорченіяхъ словами.

Часто, очень часто, братіе, приходитъ къ намъ и усвоется нами грѣхъ и отвѣтъ. Причиною и поводомъ къ этому бывають мірскія искушенія, соблазны и вообще обстановка худая, порочная. Слышишь, наприм., острыя насмѣшки надъ недостатками другихъ, кощунственное намѣренное или ненамѣренное приравливаніе словъ Божественнаго Писанія и вообще Святыни Христіанской къ мірскимъ обстоятельствамъ,—мудрено ли забыться и раздѣлится съ другими грѣховную, нечестивую улыбку. Видишь непорядки, безчинства, забвенія приличія долга, чести,—того и смотри. что впадешь въ грѣхъ осужденія. Видишь опять благополучіе другихъ, богатство, роскошь,—легко можетъ статься, что позавидуешь, пожелаешь. Упоминать ли о мірскихъ забавахъ и увеселеніяхъ частныхъ и общественныхъ, домашнихъ и публичныхъ, о собраніяхъ, о вечерахъ, о гульбищахъ? Какое по большей части тутъ, какъ не грѣховное, веселіе? Можно ли оттуда возвратиться съ чистыми мыслями, съ непорочнымъ сердцемъ? А каково щегольство, наряды, особенно на сторонѣ женскаго пола? Не стрѣлы ли это врага, который пускаетъ ихъ прямо въ сердце неосторожныхъ и слабыхъ? А кто похвалится всегдашнею осторожностію и постоянною твердостію? Отъ такого соблазна и вслѣдствіе его отъ мысленныхъ, сердечныхъ грѣхопаденій не всегда человѣкъ можетъ быть свободенъ не только въ какомъ либо мірскомъ собраніи, а даже въ храмѣ Божіемъ, при общественной молитвѣ Богу. И можно ли перечислить всѣ искушенія, которымъ подвергаемся мы въ мірѣ и которыя вводятъ насъ въ грѣхъ, какъ будто безъ собственнаго нашего къ тому расположенія?

Такъ, братіе, много у насъ невольныхъ грѣховъ, сверхъ безчисленнаго множества своихъ собственныхъ, вольныхъ прегрѣшеній. Спросите, вѣроятно, теперь: неужели и невольные грѣхи вмѣняются намъ? Неужели мы должны отвѣчать за такіе грѣхи, которыхъ сами бываемъ не причиною и въ которые впадаемъ, такъ сказать, припужденно? Отвѣтъ на это ясный слышимъ въ молитвѣ Св. Церкви. Если бы мы не были виновны въ невольныхъ грѣхахъ, если бы не подлежали отвѣту за такіе грѣхи, то для чего и молиться объ оставленіи ихъ? А то слышите, какъ мы молимся милосердому Богу: *ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша* не только *вольная, по и невольная*. Что же это значить? То, что грѣхи, о которыхъ мы говоримъ, не въ такой мѣрѣ невольны, чтобы вовсе

исключали нашу свободу, какъ будто бы мы дѣлали ихъ дѣйствительно по принужденію, насильно, какъ будто бы отнята была у насъ всякая возможность сопротивляться имъ. Нѣтъ, братіе. Размыслимъ-ка безпристрастно, на сколько мы правы въ своихъ грѣхахъ, именуемыхъ невольными. О помыслахъ хульныхъ и нечистыхъ противу Бога и Святыни его и говорить нечего. Это собственно дѣйствіе врага. Если такіе помыслы и касаются насъ, то они не находятъ въ насъ сочувствія. Они производятъ въ насъ одно безпокойство и печаль. Духовные мужи, испытавшіе козни врага и умѣвшіе побѣждать его, даютъ намъ на этотъ разъ совѣтъ не смущаться, а пренебрегать такими помыслами, и тѣмъ самымъ посрамлять виновника ихъ, діавола. Вообще о помыслахъ надо сказать, что они не могутъ намъ быть вмѣняемы въ грѣхъ, если мы, когда они приходятъ къ намъ, не останавливаемся на нихъ, не соизволяемъ имъ, и не услаждаемся ими. Совсѣмъ иное дѣло другіе невольные, повидимому, грѣхи. Случается, какъ сказали уже, что мы грѣшимъ по невѣдѣнію; по забвенію, по неосторожности, по нечаянности. А много ли мы стараемся о приобрѣтеніи свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ для жизни духовной? Не сами ли по большей части причиною того, что мы мало резумѣемъ истины вѣры и обязанности Христіанскія? Столько ли мы внимательны къ себѣ и заботливы о пользѣ душевной, сколько требуетъ того наше собственное спасеніе? Не большая ли часть нашихъ грѣховъ происходитъ отъ нашей невнимательности и безпечности? Если случится преткнуться и пасть, довольно ли мы заботливы о томъ, чтобы избѣгать подобнаго паденія въ другой и въ третій разъ? Грѣшимъ опять мы по немощи, по дѣйствию страстей, незамѣтно и какъ бы невольно увлекаемые нашею растлѣнною природою. А кто виновникъ растлѣнія нашей природы? Не сами ли же мы? Страсти наши не могутъ оправдывать насъ. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ ихъ человекъ, какъ сказали мы, часто дѣйствуетъ безсознательно, даже невольно. Наприм. пьяница какихъ безчинныхъ, преступныхъ поступковъ не дѣлаетъ, самъ не понимая того: но развѣ это можетъ быть ему извинительнымъ? Развѣ онъ не долженъ былъ и не могъ держать себя въ предѣлахъ воздержанія и благоприличія? А о грѣхахъ, въ которые вводятъ насъ мірскія искушенія и соблазны, кто можетъ сказать, что они невольны? Стараемся ли мы удалиться отъ нихъ? Ежели и случилось быть въ какомъ либо собраніи, на какихъ либо увеселеніяхъ, оставляемъ ли мы тотчасъ это общество, или собраніе, или увеселеніе, какъ скоро замѣтимъ искушеніе и соблазнъ, какъ

скоро видимъ очевидный поводъ ко грѣху? Ежели нѣтъ (а конечно по большей части нѣтъ), то не виновны ли мы въ такихъ грѣхахъ, которыхъ можно избѣгать, но не избѣгаемъ по своей неосторожности и безпечности?

Правильно, братіе, правильно Св. Церковь заставляеть насъ молиться Господу Богу объ оставленіи грѣховъ нашихъ, не только вольныхъ, но и невольныхъ. Впрочемъ въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ, какъ мы замѣтили, собственно невольныхъ грѣховъ нѣтъ еще.

Отнести къ грѣхамъ невольнымъ остается развѣ грѣхи невѣдѣнія и немощи духовной и тѣлесной.

Волею, братіе, своею волею, своимъ, хотя тайнымъ, расположеніемъ, по своей невнимательности и безпечности о себѣ содѣваемъ мы всегда и всѣ грѣхи: въ этомъ не сознается развѣ одинъ, ни мало невнимательный въ себѣ и во всемъ преданный грѣху Христіанинъ. Будемъ же, братіе, молиться Богу объ оставленіи всѣхъ прегрѣшеній нашихъ, вольныхъ и невольныхъ,—будемъ молиться, да и сами будемъ внимательны въ себѣ, благоразумны въ дѣлахъ, осторожны въ поступкахъ, заботливы о своемъ спасеніи. Станемъ хранить себя отъ пороковъ, удаляться искушеній и соблазновъ, бѣгать всякихъ случаевъ, гдѣ можно потерять чистоту ума и непорочность сердца. Только при собственномъ нашемъ попеченіи, при воздержаніи и при сопротивленіи своимъ страстямъ, будетъ и молитва наша услышана, и благодать намъ подана, содѣйствующая намъ и являющая въ насъ побѣду надъ грѣхомъ. Боже нашъ, слава тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 33.

Тайные свои и чужіе грѣхи.

Господи благослови!

*Отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и
отъ чуждыхъ пощади раба твоего.
(Пс. 18: 13, 14).*

Кто, думаете, братіе, этотъ, рабъ, который такъ молится о себѣ? Избранникъ Божій, Святой, праведный, Богоотецъ, Царь и Пророкъ Давидъ. О чемъ онъ молится? Объ очищеніи грѣховъ и своихъ собственныхъ, и чужихъ. Вотъ какъ заботливы были Святые мужи о своемъ спасеніи, о своей душевной и тѣлесной чистотѣ. Вотъ какъ страшенъ былъ для нихъ грѣхъ и какъ они старались избѣгать его. Молились Богу объ оставленіи грѣховъ не толь-

ко явныхъ, сознательно и произвольно содѣваемыхъ, но и тайныхъ, въ глубинѣ души и сердца совершаемыхъ, не только своихъ собственныхъ, но и чужихъ, къ которымъ какимъ либо образомъ и въ какой либо мѣрѣ были прикосновенны. А мы? Мы и не знаемъ, насъ не беспокоятъ и свои собственные грѣхи, и ужъ не тайные, а явные, сознательно, перѣдко памѣренно нами содѣваемые, не малые, а часто великіе и тяжкіе. Велика безпечность наша, братіе. Не простится намъ ни одинъ не очищенный покаяніемъ и не оставленный нами грѣхъ. А грѣховъ у насъ много, много. Вотъ видите какіе еще есть у насъ грѣхи, которыхъ мы и не замѣчаемъ, и не знаемъ. Это грѣхи тайные, которые мы содѣваемъ въ вѣдѣніи ли то и невѣдѣніи, которыхъ однакожъ не знаютъ другіе люди. Это грѣхи чужіе, въ которыхъ принимаемъ участіе, или которыхъ бываемъ причиною мы. Не будемъ говорить о грѣхахъ тайныхъ, въ невѣдѣніи нашемъ бывающихъ, которые доступны вѣдѣнію мужей опытныхъ и совершенныхъ. Обратимъ вниманіе на очевидные, но мало замѣчаемые нами, чужіе грѣхи.

Отъ чуждыхъ пощади раба твоего. Такъ это чужіе грѣхи, грѣхи другими, а не нами содѣваемые? Что это за грѣхи? Да неужели они вмѣняются и намъ? Очевидно, братіе, вмѣняются, когда мы должны молиться объ оставленіи ихъ. Грѣхи чужіе—это такіе грѣхи, къ которымъ мы бываемъ прикосновенны, въ которыхъ принимаемъ участіе, или сами приобщаясь къ чужимъ грѣхамъ, или другихъ увлекая своими грѣхами въ грѣхи. Въ первомъ случаѣ мы грѣшимъ осужденіемъ чужихъ грѣховъ, во второмъ соблазномъ своихъ грѣховъ, увлеченіемъ другихъ въ подобные грѣхи. Да, грѣшимъ мы осужденіемъ чужихъ грѣховъ, и такимъ образомъ дѣлаемся прикосновенными къ чужимъ грѣхамъ. Сами знаете, сколь обычна у насъ слабость, какъ любимъ мы говорить про другихъ: „этотъ“, на примѣръ, „таковъ-то; такой-то то-то сдѣлалъ; тотъ-то такъ живетъ“. А вѣдь все это вмѣняется намъ самимъ въ грѣхъ; за все это мы должны будемъ отвѣчать Богу. Какъ ни странно, повидимому, это, а такъ точно. Осужденіе другихъ согрѣшающихъ, безъ сомнѣнія, есть грѣхъ. *Не осуждайте*, сказалъ Господь, *да не осуждени будете* (Лук. 6: 37). Осуждать ближняго, очевидно, значить уже судить его. А кто намъ далъ право судить его? У него есть Господь, предъ Которымъ онъ согрѣшаетъ, Тотъ же Самый, Которому и всѣ мы повинны. Осуждаемъ ближняго, а знаемъ ли хорошо самыя дѣла, причины и обстоятельства, положеніе, въ которомъ находился ближній въ минуты грѣха, и расположеніе, въ

которомъ находится послѣ грѣха? Осуждаемъ ближняго, а кто — мы? Не такіе ли грѣшники? Не въ такихъ же ли, или подобныхъ, или еще и большихъ грѣхахъ виновны? Удивительное ослѣпленіе, — непостижимая дерзость, — грѣшнику осуждать грѣшника! Въ этомъ случаѣ онъ грѣшитъ еще двояко, и униженіемъ ближняго, и собственнымъ превозношеніемъ. Такъ вотъ видите, братіе, какъ мы бываемъ виновны въ чужихъ грѣхахъ. Хотя не мы собственно грѣшимъ, а другіе; но мы судимъ и осуждаемъ грѣхи другихъ, и такимъ образомъ приобщаемъ себя къ тѣмъ же грѣхамъ, и подвергаемъ себя суду и осужденію отъ Бога вмѣстѣ съ другими грѣшниками.

А прямымъ и главнымъ образомъ мы принимаемъ на себя чужіе грѣхи тогда, когда сами подаемъ другимъ случай, поводъ, приманку на грѣхъ, когда служимъ для другихъ, болѣе или менѣе, въ такомъ или иномъ родѣ, соблазномъ. Возьмите, на примѣръ, родителей. Ежели они не учатъ дѣтей своихъ добрымъ правиламъ жизни, ежели они сами собственнымъ образомъ жизни подаютъ имъ худыя не-Христіанскіе примѣры: кто виновенъ въ порокахъ дѣтей, какъ, не вмѣстѣ съ дѣтьми, и родители? Ежели дѣти, или по слабости и неразумной снисходительности родителей, бывають своевольны, свободно позволяютъ себѣ неприличныя и противныя доброй нравственности поступки, или же по суровости и жестокости тѣхъ же родителей, бывають не искренны, лицемерны, унылы, малодушны, а тѣмъ болѣе и сами строптивы, непочтительны, непослушны, дерзки: не падаютъ ли тогда пороки дѣтей на родителей? Не должны ли будутъ дать отвѣтъ за грѣхи дѣтей и родители? Представьте опять начальниковъ. Ежели начальникъ, такъ сказать, не на своемъ мѣстѣ; ежели должность, имъ занимаемая, выше его умственныхъ и нравственныхъ силъ: ежели опять онъ или чрезъ мѣру снисходителенъ и слабъ, или, также, взыскателенъ и строгъ: кто отвѣчаетъ за недостатки и пороки подчиненныхъ, которымъ могутъ подвергаться они или по малолетности и малоопытности, или по слабости и жестокости начальника, — кто, какъ, не вмѣстѣ съ подчиненными, и начальникъ, и даже на того, кто поставилъ его начальникомъ? Не падаютъ ли и на него чужіе грѣхи, грѣхи его подчиненныхъ? Какихъ грѣховъ не бываетъ причиною опять дружба, и товарищество? Вѣдь рѣдко бываетъ хорошее, Христіанское дружба, а по большей части худое, мірское, плотское, грѣховное. Что же можно ожидать отъ такого товарищества и дружба, какъ не худыхъ дѣлъ, какъ не грѣховъ? А развѣ въ такомъ случаѣ не подлежатъ

то и сами заражаются грѣхомъ. Вотъ какъ прилипчиво это зло! Какъ оно сообщается отъ одного къ другому, растеть, увеличивается, распространяется, и какое множество несчастныхъ часто однимъ разомъ влечеть во власть исконнаго челоувѣкоубійцы. Страшно и мучительно, братіе, погибать и за свои собственные грѣхи, еще страшнѣе и мучительнѣе—за чужіе. Будемъ же внимательны и осторожны. Опасно такъ неосмотрительно и свободно предаваться грѣху. Ежели будемъ жить хорошо, внимательно и осторожно, то и сами избѣжимъ грѣха и другихъ предохранимъ отъ паденія въ грѣхъ. А ежели будемъ жить безпечно, безъ разумнаго вниманія и опасенія, то сами впадемъ въ грѣхи и другихъ увлечемъ въ ту же бездну грѣха. А тогда что будетъ, какъ не общая погибель, и погибель вѣчная? Отъ чего да сохранить всѣхъ насъ Господь Богъ Своею Божественною благодатію, и да обратить насъ къ очищенію прежнихъ грѣховъ покаяніемъ, и въ воздержанію отъ новыхъ, пагубныхъ и для насъ, и для ближнихъ нашихъ, грѣхопадений. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 34.

Прославленіе праведниковъ.

Господи благослови!

Провождая праздникъ Успенія Матери Божіей, мы, предводимые Святою Церковію, торжественно воспоминаемъ, братіе, принопамятную кончину Богоматери. А какая это чудная и достоблагенная кончина! Какъ она полна величія, силы и славы Божественной! Матерь Божія престаилась, вкусила смерти? Такъ. Этого требовало особенное смотрѣніе Божіе, подобно тому, какъ Самъ Господь нашъ, непричастный грѣху, но какъ принявшій на себя челоувѣчество, благоизволилъ во избавленіе челоувѣчества вкусить смерти. Но смерть не обладала ни Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, ни Пречистою Ею Матерью. Лишь только коснулась она Божественной Жизни,—во Христъ Іисусъ, и въ тотъ же часъ была умерщвлена Жизнію. Умершій Спаситель въ минуту смерти воздвигъ къ жизни многихъ усопшихъ святыхъ, и Самъ воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день. То же самое послѣдовало и съ Пренепорочною Матерію Ею. И Матерь Ею, благословенная въ женахъ, Марія, чрезъ три дня маіемъ Всевышняго возстала изъ гроба и взопла съ Пречистымъ тѣломъ Своимъ на небо, къ царствующему тамъ Сыну Сво-

ему и Богу. Такъ и подобало. Возможно ли было Источнику Жизни оставаться во гробѣ? Благословенная въ женахъ, по долгу человѣческой природы, почилъ сномъ смерти, и по достоинству Матери Божіей, вскорѣ возвратилась къ жизни, возвеличенная Сыномъ Своимъ и Богомъ на небесахъ, въ Царствѣ присносущныя и вѣчныя славы.

Такъ прославилъ Господь Пречистую Матерь Свою! Такъ скоро и велелѣпно извелъ Ее изъ сѣни смертной, какъ Ходатайницу нашего спасенія въ жизнь и блаженство вѣчное. Кстати воцросы: Прославляются ли отъ Бога праведники? И такъ же ли и столь же ли скоро и всѣ ли праведники прославляются? Отвѣчаемъ: прославляются отъ Бога и праведники, но не такъ же, и не скоро, и не всѣ. Прославляются и праведники. Это извѣстно и очевидно всѣмъ. Праведники прославляются и отъ Бога и въ Церкви Божіей, небесной и земной. Отъ Бога прославляются праведники частію и въ жизни, а особенно по смерти благодатною силою совершающихся отъ нихъ знаменій и чудесъ, и нетлѣніемъ святыхъ мощей ихъ. Въ церкви небесной прославляются они душами своими, созерцая славу Божию, наслаждаясь красотами небеснаго рая и имѣя общеніе съ святыми и блаженными Ангелами. Церковь земная прославляетъ ихъ молитвами и пѣсноиѣніями, чествованіемъ изображеній ихъ и святыхъ мощей ихъ, воспоминаніемъ добродѣтелей и подвиговъ ихъ и послѣдованіемъ благочестивому и Богоугодному житію ихъ. Да, прославляются и праведники, но отнюдь не такъ же и не въ такой мѣрѣ, какъ прославлена Матерь Божія. Иначе быть не должно. Можно ли сравнить рабовъ съ Марією? Можно ли воздать равную честь тѣмъ, которые вѣрою и исполненіемъ воли Божіей благоугодили Богу и заслужили отъ Него любовь и милость, и Той, Которая была вмѣстилищемъ и храмомъ Божества и, какъ Божія Матерь, содѣлалась честиѣе и славнѣе всѣхъ Небесныхъ Силъ? Такъ и Святые Божіи, по благодати Божіей, содѣвають чудеса и изливають исцѣленія, но не въ такой мѣрѣ, какъ Пресвятая Матерь Божія. И Святые Божіи тѣлесами своими избѣгаютъ разрушенія и тлѣнія, но не воскресаютъ въ жизнь, подобно Матери Божіей, а остаются въ странѣ смерти до общаго воскресенія. И эта слава Святыхъ не всѣмъ одинаково обща. Господь праведенъ, и каждому воздаетъ по достоянію. Посему какъ свѣтила на тверди небесной различны, и ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ и даже звѣзда отъ звѣзды различуетъ во славу (1 Кор. 15: 41), такъ и на тверди церковной свѣтила духовныя, угодники Божіи различны въ славѣ, которую прославляетъ ихъ Премудрый и Всевѣдущій Богъ.

Такъ братіе, прославляются отъ Бога и праведники, хотя не въ той мѣрѣ, какъ прославлена Матерь Божія; но прославляются не скоро. Прославляются черезъ нѣскольکو десятковъ лѣтъ; чаще черезъ цѣлыя столѣтія и нѣскольکو столѣтій послѣ смерти. Почему такъ? Это вѣдомо одному Премудрому Богу. *Судьбы Господни бездна многа* (Псал. 35: 7) и *кто уразумѣ умъ Господень, или кто советникъ Ему бысть?* (Исаія 40: 13).

И не всѣ праведники прославляются, особенно открытіемъ негнѣсныхъ мощей своихъ. Почему такъ? Это опять тайна Божія, для насъ непостижимая. А что не всѣ праведники прославляются, многіе благоугодившіе Богу почиваютъ для насъ безвѣстно; это не подлежитъ никакому сомнѣнію, судя по множеству очевидно подвижавшихся и подвижающихся святыхъ. Единъ Всевидящій тайно зреть въ нѣдрахъ земли, и *хранитъ кости ихъ безъ сокрушенія* (Псал. 33: 21), до общаго воскресенія и прославленія. И это ни мало не служить уменьшеніемъ славы ихъ предъ лицемъ Божиимъ. Что имъ теперь въ этой земной, человѣческой славѣ? Вся слава ихъ на небѣ, у Бога. Для чего же, можете сказать, прославляются нѣкоторые? Вотъ это и значить уже, что прославленія праведниковъ должны быть иныя причины, другія цѣли. Проникать въ эти причины, дознавать эти цѣли опять не дано намъ, смертнымъ. Онѣ въ глубинѣ тайнъ Божіихъ. Однакожъ можно навѣрное полагать, что Богъ прославляетъ праведниковъ не столько для праведниковъ, сколько для утвержденія вѣры и Церкви Своей на землѣ и для обращенія нашего на путь благочестія и добродѣтели. Можно ли оставить безъ замѣчанія то, что Святые угодники, обрѣтеніемъ честныхъ мощей ихъ, прославляются у насъ по большей части въ началѣ каждаго царствованія Православныхъ Императоровъ нашихъ! А это что, какъ не видимое благословеніе Божіе на царей, и на царство, какъ не персть Божій, указующій и царямъ и царству служить и подвижаться о имени Божіемъ и во имя Божіе, идти путемъ временнаго царства въ Царство вѣчное? Вотъ и нынѣшнее царствованіе Благочестивѣйшаго Государя *) нашего ознаменовано благоволеніемъ и благословеніемъ Божиимъ въ явленіи новаго угодника Россійскаго, святителя Тихона. Нельзя не усматривать и другихъ благихъ и премудрыхъ цѣлей въ повременномъ явленіи святыхъ угодниковъ Божіихъ. Какъ ко времени, живой, можно сказать, голосъ этого ревностнаго учителя благочестія и жизни Христіанской, нынѣ, когда у насъ,

*) Императора Александра II.

какъ извѣстно, столь многіе начали усвоить себѣ жизнь не-Христіанскую, когда у насъ такъ быстро сталъ распространяться духъ своемыслия и вольнодумства и невѣрія? Именно это проповѣдникъ нашего времени, вразумляющій насъ и благодатными своими писаніями, нетлѣніемъ тѣла и даромъ чудесъ, полученнымъ отъ Бога, свидѣтельствующій намъ, что Святая Христіанская вѣра есть открытый Богомъ для насъ путь въ вѣчное блаженство, что только вѣрою Христіанскою и жизнію благочестивою и добродѣтельною можемъ мы быть счастливы и здѣсь, и въ вѣчности. Праведно слово премудраго, что *въ руку Господни власть земли, и потребнаго воздвижетъ во время на ней* (Сирах. 10: 4).

Такова, братіе, слава праведниковъ, послѣ Боголѣпной славы Присводѣвы Матери Божіей. Угодниковъ Своихъ прославляетъ Господь Богъ и на небѣхъ, и на землѣхъ, прославляетъ и нынѣ, и вѣдше прославить въ кончину вѣка, послѣ славнаго втораго пришествія Своего, и по открытіи на землѣхъ вѣчной славы небесной. Будемъ чаще содержать это въ умѣ и памяти, и стараться жить такъ, какъ жили и учили насъ жить святые, чтобы и намъ сподобиться доступной для насъ части въ славѣ Небеснаго нашего Отца, по благодати и милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и молитвеннымъ предстательствомъ Непорочныя Матери Его, Владычицы нашея Богородицы. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 35.

Нетлѣніе умершихъ.

Господи благослови!

Съ праздникомъ печерскихъ Чудотворцевъ привѣтствую васъ, братіе-Христіане? Бывалъ ли кто изъ насъ въ Кіевѣ, видѣлъ ли тамъ пещеры, эти священныя дома Христіанскихъ тружениковъ? Конечно, нѣтъ; ни я, ни многіе изъ васъ лично не видѣли этой отечественной святыни. А стоитъ побывать тамъ. Есть тамъ на что посмотреть, есть чему и поучиться. Тамъ другой, чудный міръ! Тамъ мертвые живутъ, живутъ чуть не тысячу лѣтъ. Тамъ живая исторія нашей Русской Церкви; тамъ можно видѣть подвиги, слышать проповѣдь первыхъ Христіанскихъ Русскихъ временъ. И сколько такихъ подвижниковъ! И какіе чудные проповѣдники! Чуть не тысячу лѣтъ они непрерывно проповѣдуютъ намъ силу и святость Православной

нашей вѣры, и поучаютъ насъ спасительному пути въ вѣчную жизнь и Царство Небесное. Да, братіе. Есть о чемъ подумать, есть чему подивиться, видя цѣлый полкъ Святыхъ Божіихъ, столько вѣковъ нетлѣнно и неизмѣнно тѣлесами своими пребывающихъ. Такъ славна Святая вѣра наша! Такъ велика благодать Божія на вѣрующихъ! Такъ прославляетъ Господь угодниковъ Своихъ! Тогда какъ тѣла умершихъ вообще, по опредѣленію Божію, подвергаются разрушенію и тлѣнію, святые тѣлеса нѣкоторыхъ праведниковъ воздвигаются отъ земли и пребываютъ неразрушимыми и нетлѣнными. Нетлѣніе—это свидѣтельство святости преставльшихся и знаменіе благодати Божіей, на нихъ почивающей.

Истинно такъ. Но вотъ что, братіе. Въ Святой горѣ Аѳонской есть обычай черезъ три года вырывать тѣла умершихъ, и кости слагать въ общую усыпальницу мертвыхъ. Тамъ есть мнѣніе противоположное нашему мнѣнію касательно нетлѣнія тѣлъ умершихъ. Тамъ полагаютъ, что и тѣла великихъ грѣшниковъ, подвергшихся, наприм., церковному провѣтію и умершихъ безъ разрѣшенія, могутъ оставаться неразрушимыми, и даже были примѣры такихъ явленій. Это что такое, вонечно, подумаете? Тѣла и праведниковъ и грѣшниковъ одинаково могутъ быть нетлѣнны? Не смущайтесь, братіе. Крайности по большей части сходятся. Посмотрите просто на видимую природу. И здѣсь нерѣдко отъ причинъ противоположныхъ происходятъ одинаковыя дѣйствія. Возьмите, напримѣръ, жаръ и морозъ. Не одинаково ли тотъ и другой сохраняютъ отъ гнилости и разрушенія то, что въ среднемъ состояніи воздуха обыкновенно подвергается гніенію и порчѣ? Что же удивительнаго, если и въ тѣлесахъ умершихъ бываютъ подобныя явленія, вслѣдствіе сокровенной силы, въ нихъ находящейся? Тѣла обыкновенныхъ Христіанъ, ознаменовавшихъ жизнь свою вѣрою и добродѣтелями, но и не свободныхъ отъ грѣха, предаются тлѣнію и разрушенію; а тѣла великихъ праведниковъ и великихъ грѣшниковъ остаются нетлѣнными. Въ первыхъ дѣйствуетъ сила благодати,—во вторыхъ—сила грѣха. Первые—избранники Божіи, сохраняемые тѣлесами своими для вѣчнаго блаженства, вторые—отверженные грѣшники, уготованные на вѣчное мученіе. Не дивно ли это, братіе? Не отрывается ли въ этомъ то двоякое будущее состояніе, о которомъ возвѣстилъ намъ Самъ Господь въ Евангеліи, когда сказалъ: *и идутъ сіи* (грѣшныя) *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный?* (Матѣ. 25: 46). Не есть ли это опытное доказательство того, чему учитъ насъ Христіанская вѣра, именно, что праведныхъ

ожидаетъ по смерти блаженство нерушимое, вѣчное, а грѣшныхъ— мука, тоже не кончаемая, вѣчная? Познаемъ же, братіе, въ нетлѣннѣи тѣлесъ умершихъ премудрость Божию, поучающую насъ, и правду Божию, воздающую всѣмъ должное. Ежели тѣла праведниковъ пребываютъ нетлѣнными, это значитъ, что имъ опредѣлено вѣчно жить и царствовать въ пресвѣтломъ дому Божиѣмъ; а ежели тѣла великихъ, нераскаивныхъ, и неразрѣшенныхъ Церковію грѣшниковъ остаются также неразрушимыми, это значитъ, что имъ опредѣлено тоже вѣчно жить, но жить въ темницахъ ада, жить тою жизнію, которая есть *вторая*, вѣчная, *смерть* (Апок. 20: 14), что эта неумирающая смерть уже господствуетъ не только въ душахъ, но и въ тѣлахъ ихъ, и таковыя *нечестивыя*, по слову псалмопѣвца, *не воскреснутъ на судъ* (Псал. 1: 5), т. е. не получаютъ оправданія на судѣ Христовомъ.

Какъ же, спросите, послѣ этого думать объ угодникахъ Божиихъ, смотря на тлѣніе тѣлесъ ихъ? Какъ судить о святости мощей тѣхъ или другихъ почитаемыхъ праведниковъ? А развѣ Святая Церковь признаетъ угодниками Божиими по одному нетлѣннѣи тѣлесъ ихъ? Развѣ тѣ или другія мощи оглашаетъ за Святыхъ по тому только, что онѣ нетлѣнны? Нѣтъ. Есть къ тому другія, твердыя и непрекаемые основанія. Первое основаніе, на которомъ Св. Церковь опредѣляетъ святость того или другаго угодника, есть *святая жизнь* его. Вотъ главное существенное начало прославленія праведниковъ. Святая и благочестивая жизнь дѣлаетъ человѣка *угоднымъ* Богу, причастникомъ святости и общникомъ сокровенной славы Его. Самое тѣло праведника бываетъ сосудомъ, полнымъ благодати Божіей, которая по изволенію Божию, проявляется въ различныхъ знаменіяхъ и чудесахъ. И вотъ второе основаніе, по которому Св. Церковь опредѣляетъ святость того или другаго угодника Божія: это—*чудеса*. Сила знаменій, исцѣленій и чудесъ, проявляющаяся отъ мощей праведника, есть свидѣтельство святости его и святости мощей его. Самое нетлѣніе тѣла праведника въ такомъ случаѣ, какъ проявленіе святости жизни его и сокровенной въ немъ благодати и славы божественной, есть уже знаменіе и чудо, которымъ прославляетъ Богъ Своего угодника.

Такъ, братіе, угодники Божіи сами свидѣтельствуютъ о своей святости святою Христіанскою жизнію и различными чудесами и исцѣленіями, изливаемыми чрезъ нихъ на призывающихъ ихъ и съ любовью и вѣрою притекающихъ къ священнымъ останкамъ ихъ. И сколько такихъ угодниковъ стяжала себѣ Православная наша Рос-

сійская Церковь, которыми она украшается и прославляется, молитвами и предстательствомъ которыхъ сохраняется и утверждается, святостию и чудесами которыхъ свидѣтельствуется въ своей истинѣ и правотѣ предъ всѣми неправославно-вѣрующими! Да, братіе. Святая жизнь угодниковъ Божиихъ есть громкая для насъ проповѣдь, чудеса и знаменія ихъ—свидѣтельство благодати Божіей, готовой содѣйствовать намъ въ немощахъ нашихъ, а нетлѣнные мощи ихъ—прообразъ будущей вѣчной жизни.

Возвращаясь благочестивымъ вниманіемъ нашимъ къ празднуемому печерскимъ Чудотворцамъ, мы, братіе, можемъ порадоваться, что имѣемъ храмъ этимъ Святымъ угодникамъ и пользуемся блаженнымъ участіемъ въ празднованіи священной памяти ихъ. Нѣтъ нужды, что мы не въ Кіевѣ, не у самыхъ святыхъ мощей ихъ. Угодники такъ же близки къ намъ и здѣсь, какъ и тамъ, ежели мы близки къ нимъ. Полюбимъ ихъ, почтимъ ихъ, помолимся имъ,—и они полюбятъ насъ, понекутся о насъ и помогутъ намъ своими молитвами и предстательствомъ у Бога. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 36.

Неосужденіе ближнихъ нашихъ.

Господи благослови!

*Не судите, и не судятъ вамъ;
и не осуждайте, да не осуждени
будете. (Лук. 6: 37.)*

Если бы я спросилъ васъ, братіе, желаете ли вы спастись, то такой вопросъ можетъ быть показался бы оскорбителенъ для вашей любви. Кто не желаетъ себѣ спасенія? Всѣ, безъ сомнѣнія, всѣ скажутъ: „желаемъ, желаемъ спастись“. Хорошо. Такъ отчего же мы мало стараемся достигать своего спасенія? Отчего по большей части уклоняемся отъ того пути, который ведетъ насъ ко спасенію? Да! Опъ труденъ, опъ непріятенъ для нашей растлѣнной природы. Молиться намъ тяжело, поститься намъ тяжело, воздерживаться отъ грѣховъ тяжело, удалиться отъ удовольствій мірскихъ тяжело, трудиться для Бога и для пользы души своей тяжело. Все, чего требуетъ отъ насъ Богъ, къ чему обязываетъ насъ Святая Христіанская вѣра, чѣмъ приобрѣтали и приобрѣли себѣ спасеніе други и избранныки Божіи, все это для насъ тяжело. Мы желали бы спас-

тись легко, безъ труда. Такъ вотъ же, братіе, есть и такой способъ. Есть способъ спасенія самый легкій, не требующій отъ насъ никакого внѣшняго труда, никакого отреченія, нивакого особеннаго напряженія своей немощной природы. Вотъ онъ: „не судите, и не осуждайте никого“. *Не судите, и не судятъ вамъ; и не осуждайте, да не осуждени будете*, говоритъ Самъ Спаситель. Чего же лучше, Что этого легче? Не суди, и тебя Богъ не будетъ судить: не осуждай, и ты не будешь отъ Бога осужденъ. Есть и примѣръ въ исторіи Христіанства. Одинъ монастырскій братъ жилъ нерадиво, мало постился, мало молился; но онъ никого не осуждалъ. Передъ смертію его явились къ нему Ангелы, принесли ему записъ дѣлъ нерадивой жизни его, и сказали ему: „ты былъ нерадивъ, но никого не осуждалъ,—и вотъ исполняется на тебѣ слово Господне: *не судите и не судятъ вамъ?*“ Ангелы тотчасъ разодрали записъ грѣховныхъ дѣлъ его (Прол. Марта 30).

Какое чудное благосердіе Бога нашего! Ужъ истинно туне, даромъ, ни за что Онъ обѣщаетъ и подаетъ намъ спасеніе. Не будетъ судить насъ грѣшныхъ, и не осудитъ насъ, значитъ проститъ и помилуетъ насъ,—а за что? За то только, что мы не будемъ судить и осуждать другихъ. Да что это за заслуга? Труда, что ли, подвига развѣ какого стоитъ намъ не осуждать другихъ? Ровно никакого. Никто насъ къ тому не привлекаетъ, никто насъ не обязываетъ. Мы остаемся совершенно въ сторонѣ отъ другихъ, свободны и спокойны. И ежели мы не касаемся другихъ, не смотримъ на чужія дѣла и поступки, не занимаемся ими, не разбираемъ, не цѣнимъ, не осуждаемъ ихъ,—и это намъ вмѣняется въ добродѣтель, въ заслугу, даетъ намъ право на милость отъ Бога, на прощеніе нашихъ грѣховъ? Что это, какъ не чудная къ намъ милость Божія? Можно ли еще легче получить намъ спасеніе? И однакожь, братіе, пользуемся ли мы такою Божіею милостію? Любимъ ли такъ легко устроить свое спасеніе? То-то и есть, что—нѣтъ. Напротивъ у насъ страшная охота знать чужія дѣла, судить и осуждать поступки другихъ. То и дѣло, тѣ и занятія у насъ, что суди да пересуди, то и предметы разговоровъ и бесѣдъ, что недостатки, немощи, погрѣшности, пороки другихъ. Какіе, право, мы заботливые, о ближнихъ нашихъ; только ими и занимаемся, а до себя намъ и дѣла нѣтъ. Судите поэтому о нашемъ желаніи спастись. Называйте послѣ этого труднымъ путь нашего спасенія. Нѣтъ. Мы не умѣемъ и легко спастись, умѣемъ, къ несчастію, скорѣе такимъ образомъ погибать. Вѣдь осужденіе другихъ бываетъ причиною собственнаго нашего осужденія. *Имъ*

же судомъ судите, судятъ вамъ (Матѣ. 7: 2), сказала Господь. Изъ-за чего же мы подвергаемъ сами себя осужденію и погибели? Что за побужденіе, что за надобность намъ знать, судить и осуждать чужія дѣла?

Постыдное, братіе, самое постыдное дѣло—осужденіе ближнихъ. Здѣсь отърывается въ насъ много черныхъ сторонъ. Такъ, осуждая ближняго, мы забываемъ, что и сами такіе же грѣшники, и можетъ быть гораздо болѣе противные Богу, нежели ближніе наши; забываемъ, что, по растлѣнной природѣ своей, всѣ немощны, всѣ и по уму подвержены погрѣшностямъ, и по волѣ преклонны на грѣхъ. Осуждая ближняго, мы только выказываемъ свое легкомысліе, свою собственную душевную пустоту, выказываемъ, что мы на себя не обращаемъ вниманія, не видимъ и не знаемъ своихъ собственныхъ немощей и недостатковъ, а занимаемся только другими и въ другихъ подсматриваемъ всегда одну лѣвую сторону. Осуждая ближняго, мы имѣемъ въ виду только собственное превозношеніе, стараемся очернить другаго, чтобы ниспроверженіемъ его утвердить за собою достоинство людей, непрічастныхъ подобнымъ порокамъ. Скажите, — вѣдь это то же самое, что выказалъ на себѣ извѣстный фарисей, когда не постыдился сказать: *нѣсмъ яко же прочіи челоувѣцы* (Лук. 18: 11). Ахъ, какое постыдное дѣло возвышать себя на счетъ другихъ, и прославляться пороками ближняго! Скажутъ: „мы не имѣемъ намѣренія прославлять себя, когда осуждаемъ другихъ, и даже не хотимъ унижать ихъ“. Такъ для чего же мы принимаемъ на себя такой пріятный для насъ трудъ? Добра, что ли мы желаемъ ближнему? Для пользы развѣ его обнаруживаемъ недостатки его? Если бы для пользы его, то намъ слѣдовало бы говорить ему самому, и только ему, а вѣдь мы дѣлаемъ не такъ. Мы описываемъ его всегда безъ него, заочно отъ него и еще съ такою хитрою предусмотрительностію, чтобы не было при насъ лицъ извѣстныхъ и знакомыхъ ближнему. Вотъ уже эта самая скрытность наша показываетъ, что недоброе дѣло дѣлаемъ мы, когда осуждаемъ ближняго. И если случится, что поносительныя слова наши извѣстны сдѣлаются тому, къ кому они относились, какъ тогда бываетъ намъ неловко, какъ стыдно? Худое, братіе, худое дѣло осуждать другихъ, и не только худое и постыдное, но и Богопротивное и страшное. Судите сами, наше ли это дѣло? *Ты кто еси, судяй чуждему рабу?* (Рим. 14: 4), спрашиваетъ Апостоль. Есть Богъ, Которому всѣ повинны, Который одинъ имѣетъ право и власть судить и осуждать. Но и Онъ сколько долготерпѣтъ намъ и Своимъ милосердіемъ и ожиданіемъ

исправленія, сколько покрываетъ наши грѣхи и неправды? Вотъ и намъ бы такъ поступать. И намъ бы слѣдовало покрывать братскою любовію недостатки и погрѣшности ближнихъ нашихъ, а не обпаруживать ихъ, не разглашать о нихъ, не осуждать ихъ. Тогда бы мы были добрые Христіане, если бы вмѣсто осужденія и осмѣянія погрѣшающихъ, искренно сожалѣли о нихъ, желали имъ и, если можно, старались преподать имъ увѣщаніе и наставленіе къ исправленію и непремѣнно молитвою испрашивали имъ отъ Бога прощенія прежнихъ и помощи къ сохраненію себя отъ новыхъ погрѣшеній.

Видите, братіе, какъ мы мало пользуемся и самымъ легкимъ способомъ ко спасенію. Легкій способъ спасенія мы по легкости и неосторожности, обращаемъ еще въ легкій способъ для своей гибели. Представьте, за что мы подвергаемъ себя суду и осужденію отъ Бога? Что намъ приносить осужденіе ближнихъ? Вѣдь обыкновенно не напрасно же мы работаемъ грѣху. Во всякомъ, напротивъ, грѣхѣ думаемъ найти для себя, хотя и не похвальное, наслажденіе. Ростовщикъ, напрімѣръ, и лихоимецъ получаетъ себѣ корысть, честолюбецъ въ славѣ и почестяхъ находитъ для себя удовольствіе, плотоугодникъ насыщаетъ свою чувственную страсть. А здѣсь—въ осужденіи ближнихъ—что? Ровно ничего. Никакого, и даже грѣховнаго удовольствія не получаемъ мы, осуждая ближнихъ нашихъ. Такъ безумна эта наша слабость!

Призвавъ благодать Божію на помощь себѣ, вооружимся братіе, противу этой слабости нашей. Отрицемъ безразсудную охоту знать и разбирать чужія дѣла, судить и осуждать поступки другихъ. Станемъ-ка лучше судить и осуждать самихъ себя. Вотъ это будетъ святое и праведное дѣло. Смотри на себя, мы будемъ видѣть свои собственные немощи и недостатки, свои собственные грѣхопаденія; видя это, будемъ стараться избѣгать ихъ, исправлять себя и заботиться о своей собственной пользѣ. Когда станемъ заниматься собою, тогда не будетъ ни времени, ни охоты смотрѣть за другими и замѣчать ихъ поступки; тогда и очевидныя немощи другихъ не вызовутъ нашего сужденія, а скорѣе сожалѣніе, свисхожденіе и желаніе помочь имъ, чѣмъ и какъ только можно, къ заглаженію ихъ, по большей части непамѣренныхъ и неосторожныхъ погрѣшностей. Такимъ образомъ заповѣдь Божія исполнится въ насъ съ сугубою для насъ пользою. Мы избѣгнемъ осужденія ближнихъ, и сами понечемъ о своемъ исправленіи, а вслѣдствіе этого избавимся отъ праведнаго суда Божія и за чужія и за свои собственные погрѣшенія. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 37.

Прощеніе грѣховъ ближнимъ нашимъ.

Господи благослови!

*Отпущайте, и отпустятъ вамъ.
(Лук. 6: 37.)*

И еще, братіе способъ къ спасенію, и опять легкій, и опять вѣрный. Желаете знать? Это—оставленіе и прощеніе грѣховъ ближнимъ нашимъ. *Отпущайте и отпустятъ вамъ*, говоритъ Господь. Что такое: *отпущайте*? Не взыскивайте, оставляйте, прощайте. Что? Все, что причипается намъ неприятнаго отъ другихъ:—обиды, досажденія, поношенія, утѣшенія и всякій папосимый намъ вредъ. Все это Господь повелѣваетъ намъ оставлять, прощать и за это обѣщаетъ намъ самимъ оставленіе и прощеніе нашихъ грѣховъ. А оставленіе нашихъ грѣховъ развѣ для насъ малость? Ежели намъ не остаются грѣхи, то мы будемъ подлежать вѣчной мукѣ; а ежели остаются, значить, мы можемъ съ надеждою ожидать и въ свое время получить блаженство вѣчное. Получить блаженство вѣчное, и только за то, что мы будемъ прощать ближнимъ грѣхи ихъ—что это, какъ не великая къ намъ милость Божія? *Аще*, говоритъ Спаситель, *отпущайте чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѣ. 6: 14).

Какой подлинно опять легкій способъ къ нашему спасенію. Не вооружайся только противъ своихъ враговъ, не отвѣчай на обиду подобною обидою, не мсти, не заводи ссоры и тяжбы, а переноси, оставляй причиняемыя тебѣ другими неприятности, и тебѣ остаются твои грѣхи, простятся и не помянутся предъ Богомъ. Трудно ли это? Положимъ, что для растлѣнной нашей природы это и тяжело, для нашего самолюбія и гордости неприятно; но вѣдь все же лучше простить чужіе грѣхи, нежели отвѣчать за свои собственные; все же легче потерпѣть временную и самую короткую неприятность отъ чужихъ грѣховъ, нежели страдать вѣчно за свои собственные. А ежели здравымъ смысломъ вникнемъ въ это дѣло, то увидимъ, что прощать обиды другимъ и разумно, и пріятно, и величественно. *Разумно*, говорю. Какъ же мы будемъ взыскивать съ другихъ, когда и сами по большей части предъ ними неправы, а предъ Богомъ и всегда и во всемъ виновны? Богъ прощаетъ насъ, а мы не будемъ прощать другихъ? Да вѣдь это будетъ только наша печувствительность, неблагодарность и жестокость. *Пріятно*, говорю. О, какъ пріятно! Простить обиду, обязать лю-

бовъ и милость врагу,—да это истинно святое и небесное наслаждение. Попробуемъ-ка, братіе, поднять на себѣ этотъ, повидимому, тяжелый, а въ самомъ дѣлѣ легкій и пріятный подвигъ,—и сами увѣрится въ святости и небесной сладости его. Тяжелъ только приступъ къ этому доброму дѣлу, чувствительна рѣшимость; а какъ скоро рѣшится и сдѣлаемъ это доброе дѣло, о, кавая тогда прольется въ душу сладость! Такого довольства собою мы рѣдко можемъ встрѣтить здѣсь. Говорю еще: *величественно*. Да, ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ прощенье обидъ и любовь ко врагамъ. Здѣсь только является истинное величіе Богоподобной души нашей. Именно тогда и великъ человѣкъ, когда онъ бываетъ выше себя, выше растлѣнной своей природы, своихъ грѣховныхъ страстей. А какая польза еще отъ оставленія грѣховъ ближнихъ нашихъ, отъ прощенья наносимыхъ ими намъ обидъ и досажденій, вообще отъ нашего кроткаго и братолюбиваго отношенія къ нашимъ врагамъ? Вѣдь всего скорѣе можно побѣдить врага кротостію и снисхожденіемъ; всего скорѣе можно остановить наносимое намъ зло уступчивостію, терпѣніемъ, забвеніемъ зла. Будьте увѣрены, что тогда врагъ почувствуется, усовѣстится, устыдится, и никакъ не рѣшится на новыя непріятности противу насъ. А ежели мы къ прощенью обидъ присовокупимъ еще и Христіанскую любовь, какъ заповѣдалъ намъ Христосъ; ежели вмѣсто взаимнаго зла и досажденія сдѣлаемъ врагу нашему добро: о, тогда онъ изъ врага сдѣлается нашимъ искреннимъ другомъ и готовымъ во всемъ содѣйствовать намъ къ общему нашему благополучію и счастію,—тогда мы и сами получимъ, и ближнимъ нашихъ доставимъ спасеніе и милость отъ Господа.

Что же будетъ, ежели мы не станемъ отпущать ближнимъ нашимъ согрѣшеній ихъ? Ежели мы и сами вооружимся противу ихъ, взаимно будемъ досаждать имъ, мстить имъ, дѣлать имъ какимъ бы то ни было образомъ зло? Правда, къ этому располагаетъ побуждаетъ насъ наша растлѣнная природа; въ этомъ находитъ свойственное ей торжество и даже удовольствіе. Но, суетное это торжество; обманчивое, горькое это удовольствіе! Оно само говоритъ за себя. Среди этого торжества, въ часы этого удовольствія какъ мрачно, какъ тяжело у насъ бываетъ на душѣ; какая скорбь, какая досада сжимаютъ наше сердце? Чего же отъ этого ожидать? Какія могутъ быть послѣдствія отъ взаимной злобной борьбы? Не другое что, какъ безконечная вражда, постоянное съ той и другой стороны стремленіе на зло и общее неминуемое бѣдствіе. Вотъ каково слѣдовать внушеніямъ растлѣнной нашей природы, въ противность Святой и праведной

волю Божіей. Ежели собственное состояніе нашего духа не оправдывает нашего противоборства и вражды противу враговъ, то что сказать о духѣ Христовомъ, которымъ мы, какъ Христіане, должны руководиться во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ? Гдѣ тогда наша вѣра? Гдѣ призваніе въ Святую Церковь Божію? Гдѣ тогда нашъ Богъ, и Его святой Промыслъ? Развѣ безъ воли Божіей нападаютъ на насъ враги? Развѣ Богъ не видитъ, что дѣлается съ нами? Ежели Онъ не удерживаетъ другихъ отъ нанесенія намъ досажденій и обидъ; значить, этого мы достойны, это намъ нужно и полезно. Этимъ, значить, Онъ очищаетъ наши грѣхи и учитъ насъ исполнять Его святую волю, т. е. быть кроткими, терпѣливыми, незлобивыми, любовными ко всѣмъ, учитъ насъ именно—отпускать ближнимъ нашимъ согрѣшенія ихъ, чтобы и намъ быть достойными получить отъ Него отпущеніе согрѣшеній нашихъ.

Видите ли, братіе, любовь и милосердіе Бога нашего къ намъ грѣшнымъ? Господь Богъ повелѣваетъ намъ оставлять ближнимъ нашимъ грѣхи,—да для чего? Вѣдь для насъ же самихъ, для нашей собственной пользы. Именно: Онъ хочетъ, чтобы черезъ это и намъ оставить наши собственные грѣхи. Посему и въ данной намъ отъ Него молитвѣ учитъ насъ испрашивать у Него прощенія грѣховъ нашихъ подъ условіемъ, чтобы мы прощали грѣхи ближнимъ нашимъ. *Остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѣ. 6: 12). И непременно оставить намъ грѣхи наши, ежели мы будемъ оставлять грѣхи ближнимъ нашимъ. *Аще отпускаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, говоритъ Господь, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. Аще ли (вотъ въ противномъ случаѣ чѣмъ угрожаетъ намъ!), аще ли не отпускаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѣ. 6: 14, 15). Страшныя слова! Попечемся, братіе, чтобы исполнились на насъ слова Христовы первыя, а не послѣднія. А для сего будемъ оставлять ближнимъ нашимъ согрѣшенія ихъ, облечемся, по увѣщанію Апостола, *во утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе; пріемлюще другъ друга, и прощающе себѣ, аще кто на кого имать пореченіе, яко же и Христосъ простилъ есть намъ, тако и мы* (Колос. 3: 12, 13). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 38.

Пагубное. празднословіе.

Господи благослови!

Глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный.
(Матѣ. 12; 36).

На прошедшей недѣлѣ мы показали вамъ, братіе, легкіе способы къ нашему спасенію, именно: неосужденіе ближнихъ и прощеніе грѣховъ ближнимъ нашимъ. И хорошо сдѣлаемъ, если воспользуемся этими способами для оставленія собственныхъ нашихъ грѣховъ и для достиженія блаженной участи за гробомъ. Но какъ есть возможность легко и, такъ сказать, ни за что, даромъ получить спасеніе, такъ же точно есть возможность легко и не за какое либо дѣло наслѣдовать пагубу себѣ. Къ этому послѣднему ведетъ насъ *празднословіе*. Не велика повидимому, вина—празднословіе; что, кажется, за грѣхъ говорить праздно, по большей части безвредно,— а вотъ что сказалъ Спаситель: *всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный*. Слышите ли, братіе? За всякое, именно за всякое, и не за какое либо худое и вредное, а просто праздное слово мы должны дать отвѣтъ Богу на страшномъ судѣ. Какъ это ужасно! Судя по тому, какъ мы живемъ и какъ легко и праздно бросаемъ слова, можно не обинуясь сказать: *кто убо можетъ спасенъ быти* (Матѣ. 19: 25)? У насъ, и особенно у тѣхъ изъ насъ, которые живутъ безъ труда, въ довольствѣ и праздности, вся, кажется, жизнь проходитъ въ празднословіи и пустословіи. Въ семейной жизни, въ свиданіяхъ, въ разговорахъ и бесѣдахъ едва пробьется слово разумное, основательное, полезное; вся взаимность состоитъ въ обмѣнѣ праздныхъ словъ.

Конечно, все это намъ кажется ничѣмъ; мы не привыкли и думать, что много говорить безъ нужды и пользы—грѣшно. У насъ тотъ и въ почетѣ и въ уваженіи, какъ чловѣкъ развитой и образованный, кто сыплеть словами, и ни на минуту не затрудняется въ выборѣ предметовъ для взаимной бесѣды, не подвергая себя никакому отчету въ своихъ словахъ. „Такъ что же“, скажутъ пожалуй намъ,—„развѣ все надо молчать?“ Да, ужъ, конечно, лучше молчать, нежели празднословить. За празднословіе, потребуютъ отвѣта, а за молчаніе—нѣтъ. Молчаніе многими разумными признано

за добродѣтель. Св. Давидъ просилъ себѣ у Бога молчанія, какъ дара. *Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденія о устахъ моихъ* (Псал. 140: 2). Такъ молился Онъ Богу, и вмѣстѣ полагалъ на себѣ обѣтъ молчанія. *Сохраню, говорилъ, пути, моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ; положитъ устомъ моимъ хранило* (Псал. 38: 2). Многіе и премногіе изъ посвятившихъ себя Богу полагали на себя обѣтъ вседневнаго молчанія, какъ свидѣтельствуя о томъ писанія отеческія. Всѣ благоразумные мужи считали многоглаголаніе и празднословіе порокомъ и утверждали, что ничѣмъ такъ часто и такъ легко не падаетъ человѣкъ, какъ своимъ языкомъ. Еще древній благочестивый наставникъ говорилъ, что только *безумный умножаетъ словеса* (Еккл. 10: 14), что *отъ многословія не избѣжиши грѣха* (Прит. 10: 19), и *языкъ человѣчь паденіе ему* (Сирах. 5: 15).

Но въ мирѣ, въ общежитіи совершенное молчаніе невозможно. Да и Самъ Господь не требуетъ отъ насъ сего. Онъ осуждаетъ только праздныя слова. А какія это слова праздныя? Праздныя слова — это слова произносимыя въ праздности и отъ праздности, слова пустыя, безъ всякаго внутренняго достоинства и силы, слова, не имѣющія ни разумнаго значенія, ни разумной цѣли, слова, не вызываемыя никакою потребностію и не осуществляемыя никакимъ полезнымъ употребленіемъ. Судите же сами, братіе, что хорошаго въ такихъ словахъ. Для чего мы занимаемся такими бесѣдами? Для чего въ нихъ тратимъ время? Время, которое для насъ дорого, которое можемъ употребить въ пользу свою, и для настоящей и для будущей жизни, — это время теряемъ мы въ праздныхъ и пустыхъ бесѣдахъ, которыя и сами по себѣ уже не безвредны, не безответственны. А еще того и смотри, что въ такихъ бесѣдахъ нагрѣшимъ и болѣе. Мудрено ли между праздными словами вмѣшаться словамъ и гнилымъ, вреднымъ и прямо Богопротивнымъ? Да не такъ ли по большей части и бываетъ? Вѣдь справедливо сказалъ древній мудрецъ, что *отъ многословія не избѣжиши грѣха*? Бѣгать, бѣгать надо намъ празднословія. Оно нейдетъ вовсе къ разумной твари. Представьте, для чего намъ данъ языкъ? Для чего мы сотворены словесными? Развѣ для того, чтобы празднословить и пустословить? Языкъ и словесность — это великіе дары Божіи. Ни одна земная тварь того не имѣетъ. Одинъ человѣкъ почтенъ такимъ преимуществомъ отъ Творца. И ежели мы употребляемъ эти дары Божіи напрасно, даже во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Творца, не ставимъ ли мы тогда себя ниже безсловесныхъ? Нѣтъ, бра-

тіе. Не на то данъ намъ отъ Бога языкъ. Не такое должно быть употребленіе нашего слова. Языкъ долженъ поставить насъ выше земныхъ, бранныхъ тварей. Онъ можетъ сдѣлать насъ подобными небожителямъ. *Благословляйте имъ Бога* (Іак. 3: 9) и Творца, хвалите Его Божественную силу и премудрость, прославляйте Его высочайшую святиню и правду, воспѣвайте Его неизмѣримую пучину щедротъ, возсылайте къ Нему *молитвы, моленія, прошенія, благодаренія* (1 Тим. 2: 1), — и вы будете земными Ангелами. Языкъ можетъ сдѣлать насъ небеснымъ, такъ сказать, явленіемъ и въ средѣ человѣческаго общества, *свѣтилами*, по выраженію Апостола, *въ мѣрѣ* (Филип. 2: 15). Говорите, какъ можно болѣе и чаще, доброе, святое, Божественное; научайте невѣдущихъ, вразумляйте блуждающихъ, увѣщевайте коснѣющихъ во грѣхахъ, утѣшайте печальныхъ; учите дѣтей, объясняйте имъ таинство вѣры, преподавайте правила Христіанской жизни, указуйте словомъ каждому, кому можно, путь спасенія, — и вы будете пророками, учителями, утѣшителями бѣднаго человѣчества. Вотъ какое высокое употребленіе можетъ и долженъ имѣть данный намъ отъ Бога языкъ! Вотъ какъ можетъ и долженъ отличать насъ отъ всѣхъ земныхъ тварей благодѣтельный даръ слова!

О, если бы намъ, братіе, всегда такъ пользоваться этимъ великимъ даромъ Божиимъ! Если бы языкъ нашъ произносилъ только слова здравыя, разумныя, полезныя и Богоугодныя! Если бы никогда не слышно было въ насъ словъ праздныхъ, лишнихъ, бесполезныхъ, и тѣмъ еще горше, непристойныхъ и соблазнительныхъ! Да ниспослетъ намъ Господь, въ помощь нашу, Свою спасительную благодать, — объ этомъ будемъ просить Его усердно, и сами заботиться о томъ постоянно. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 39.

Богъ невидимо подаетъ намъ все.

Господи благослови!

Прошло, братіе, лѣто, кончилась жатва, собраны плоды земные. Что же? Велика ли милость Божія? Много ли послалъ намъ небесный Промыслитель потребнаго для жизни нашей? Велика, братіе, милость Божія къ намъ недостойнымъ. Много плодовъ, особенно большое обиліе первой, насущной потребности — хлѣба по-

слалъ намъ въ нынѣшнее лѣто Господь. Отвсюду слышны благословенія Милосердому Міроуправителю; со всѣхъ сторонъ несутся утѣшительные отзывы о обилии и доброкачественности собраннаго жита; даже тотъ край нашъ, который въ прошедшій годъ горько пострадалъ отъ безплодія, награжденъ нынѣ отъ Небеснаго Дародателя благовременнымъ и обильнымъ урожаемъ хлѣба. Благодареніе, благодареніе Промыслителю нашему Богу? Слава щедротамъ Его! А мы, братіе, такъ ли думали? Того ли ожидали отъ нынѣшняго лѣта? Напротивъ, сколько было у насъ безповойства, сколько заботъ и опасеній! Сколько жалобъ на холодъ, на безпрестанный дождь, на суровую погоду? Вотъ какъ мы малосмысленны и малодушны! Вотъ какъ мы привыкли обо всемъ разсуждать по своему уму, все разсчитывать по своимъ понятіямъ, всего ожидать отъ видимыхъ естественныхъ причинъ! А и забыли, что все зависитъ отъ воли и силы Божіей, всего надо ожидать отъ Бога и во всемъ полагаться на Его премудрый и благодѣтельный Промыслъ. Забыли, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали благочестивые наши отцы. Они любили всегда выражаться такъ; „Богъ дастъ“, „Богъ невидимо поплетъ“. Такъ дѣйствительно и случилось нынѣ. Богъ далъ, Богъ послалъ намъ все, и точно невидимо. По естественному порядку природы, не смотря на состояніе нынѣшняго лѣтняго времени, дѣйствительно нельзя было ожидать такого плодородія; но въ этомъ-то самомъ и открылась непостижимая сила Божія, это-то самое и говоритъ намъ, что Богъ невидимо подаетъ намъ Свои богатые дары.

Все, братіе, подаетъ неистощимый въ силѣ и богатый въ благодости Богъ, подаетъ не одному, не двумъ, не нѣсколькимъ, а всѣмъ, подаетъ не разъ, не два, не нѣсколько, а всегда, и не одно, или другое, третіе, а все. И какъ подаетъ! Невидимо. Говорю: *невидимо*. Скажите, откуда и какъ получаемъ мы все, потребное для нашей жизни? Возьмите, на примѣръ, пищу. Чего мы не употребляемъ въ снѣдь, чѣмъ не пользуемся къ своему наслажденію? Всякій хлѣбъ, всякіе плоды, всякія сласти у насъ изобилуютъ. Откуда все это? Вѣдь не мы же ихъ начально производимъ, они производятся сами; мы только приедемъ ихъ, приготовляемъ ихъ и пользуемся ими. Возьмите опять одежду. Повидимому, мы сами строимъ ее. Да изъ чего? Чья матерія, вещество, изъ котораго строится одежда? Наше ли это? Совсѣмъ нѣтъ. Все, изъ чего дѣлается одежда наша, и простая, и красивая, все это готовое у насъ, или изъ произрастеній, или отъ животныхъ. Вотъ опять домъ, въ которомъ живемъ. И домъ тоже можно почестъ дѣломъ собственныхъ рукъ нашихъ. Но такъ

ли? Пусть мы возводимъ его сами, да изъ чего? Не изъ готовыхъ ли, наприм., деревьевъ? Откуда же деревья, эти тяжелыя, массивныя произведенія природы? Откуда, спрашиваемъ, все то, чѣмъ мы питаемся, одѣваемся, въ чемъ живемъ? Скажутъ: все это *растетъ*. Неужели этимъ разрѣшился вопросъ? Что такое: *растетъ*? Откуда является то, чего не было прежде? Земля вѣдь не обрабатывается же въ произрастенія, и не сама ихъ производитъ. Она только содержитъ ихъ, они только являются на ней? А какъ являются, этого никакой умъ человѣческій не объяснить. Кто тутъ дѣйствующій производитель, этого никто изъ смертныхъ намъ не скажетъ. Видите, братіе, что во всемъ дѣйствуетъ невидимое существо, всемогущая Божественная сила, и дѣйствуетъ образомъ для насъ непостижимымъ, одному Божественному Уму вѣдомымъ. Видите, что всѣ земныя произрастенія суть плодъ первобытнаго благословенія Божія, исполненіе того всемогущаго *малола*, который, изреченный однажды, *пребываетъ во вѣки* (1 Петр. 1: 25). Не ясно ли отсюда, что все, чѣмъ ни пользуемся мы, отъ Бога, все подаетъ намъ Богъ,— и какъ подаетъ? Невидимо. Какъ Самъ Онъ невидимъ, такъ и подаетъ намъ все невидимо. Послѣ этого можно ли смотрѣть безъ благоговѣнія на всю видимую природу, на все, что подаетъ намъ Богъ къ нашей пользѣ? Можно ли не удивляться премудрости и благодати Творца? Да, были, и всегда, конечно, есть люди, которые въ восторженномъ изумленіи готовы восклицать съ Давидомъ: *дивна дѣла Твоя, Господи*? (Псал. 103: 24). Намъ только мало занимаютъ эти дивныя дѣла Божіи. Мы только обвыкли смотрѣть на нихъ безъ вниманія и пользоваться ими безъ признательности. Мы еще всегда почти считаемъ это дѣломъ рукъ своихъ. Да что бы сдѣлали мы безъ Бога и безъ силы Божіей? Положимъ, дѣйствуемъ и мы, но дѣйствуемъ ужъ не какъ первая, существенная причина. Все, что ни дѣлаемъ мы, дѣлаемъ уже сдѣланное, данному даемъ только потребный и соотвѣтственный употребленію видъ. Самыя произведенія искусства суть даръ Божій; ибо все, и самое вещество, и умъ, и силы человѣческія отъ Бога.

Все, братіе, все отъ Бога. Его премудрая и всеблагая десница невидимо и непостижимо для насъ подаетъ намъ все. Какова же должна быть наша вѣра, каково упованіе, какова любовь, какова благодарность къ благодѣющему намъ Богу! Да, братіе. Вѣровать надо Богу, вѣровать, что все производитъ Его всезидательная сила, все подаетъ намъ Его безпредѣльная благодать; безъ Бога мы, при всемъ стараніи и трудѣ, съ самымъ высокимъ умомъ и

искусствомъ, должны остаться ни съ чѣмъ. Ожидать надо всего отъ Бога, какъ источника всѣхъ благъ, въ несомнѣнномъ упованіи, что Онъ подастъ намъ все, необходимое для жизни нашей, и получаемое отъ Него не присвоить себѣ, а относить къ Его благодѣтельному о насъ попеченію, не такъ думать и говорить: „мы сдѣлали, мы приобрѣли“, а такъ: „Богъ далъ намъ, Богъ послалъ намъ“. Благодарить надо благодѣтеля нашего Бога, когда получаемъ отъ Его всещедрой десницы тѣ или другіе дары, и употреблять ихъ съ благоговѣніемъ, съ призваніемъ имени Божія, съ прославленіемъ Его безмѣрной благодати, *псть и пить*, и всѣмъ другимъ пользоваться, по наставленію Апостола, *во славу Божию* (1 Кор. 10: 31). Такъ всегда и поступали наши благочестивые предки. У нихъ благословеніе и призваніе имени Божія всегда было на устахъ и все дѣлалось съ молитвою. Въ наше время, къ прискорбію, не такъ. Мы пользуемся посылаемыми намъ дарами Божиими, какъ своими собственными. Подателя благъ у насъ часто и въ мысляхъ нѣтъ. Въ лучшихъ домахъ и къ вкушенію пищи приступаютъ безъ всякаго обращенія къ Богу. Не только помолиться, но и перекреститься считаютъ ужъ неприличіемъ, чуть не суевѣріемъ. Отраднo сердцу Христіанскому только то, что разумную, благочестивую, по выраженію нынѣшняго свѣта, *старину* еще видимъ въ домѣ простолюдина, въ хижинѣ какого либо бѣдняка. Здѣсь еще знаютъ Бога, какъ подателя благъ, не стыдятся призывать всесвятое имя Его и испрашивать Божественное благословеніе Его на употребленіе ниспосылаемыхъ отъ Него даровъ.

Такъ, братіе, такъ всегда должно быть у Христіанъ. Не оставимъ же подражать благочестивымъ отцамъ нашимъ и слѣдовать ихъ Христіанскимъ обычаямъ, чтобы намъ какъ нынѣ неосужденно пользоваться посланными намъ отъ Бога богатыми дарами, такъ и на будущее время быть достойными необходимыхъ для жизни нашей благъ, отъ всещедрой десницы Его всегда на насъ изливаемыхъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 40.

Явныя и тайныя дѣйствія діавола.

Господи благослови!

Трезвитесь, бодрствуйте: зане супостатъ вашъ діаволь, яко левъ рыкающій ходитъ, искій кого поглотити. (1 Петр. 5: 8).

И какими словами Св. Апостоль, очевидно, указываетъ на дѣйствія врага нашего, діавола. Онъ хочетъ сказать намъ, что діаволь то и дѣлаетъ, какъ бы кого искусить, расположить на грѣхъ и взять въ свою пагубную власть. Такъ, это точно его дѣло. Самъ отпадши отъ Бога, онъ и всѣхъ людей хочетъ удалить отъ своего Творца и устремить на дѣла, противныя волѣ Божіей. Начавъ съ перваго праотца нашего, онъ во все продолженіе рода человѣческаго, въ безчисленномъ множествѣ злыхъ своихъ силъ, обходитъ землю и назираетъ cadaго мысли, желанія и расположенія, стараясь сдѣлать всѣхъ подобными себѣ грѣшниками, противниками Богу, дѣлателями неправды. Въ такое состояніе рода человѣческаго, при такой очевидной опасности для cadaго вѣрующаго, сколь необходимо и спасительно предостереженіе Апостола, это ясно каждому изъ насъ, братіе! Ежели есть враги и злодѣи, ежели они еще близки къ намъ, окружаютъ насъ; не должно ли намъ быть осторожными, бдительными, заботливыми о своей безопасности?

„Такъ“, могутъ намъ сказать, „такъ; да гдѣ же эти наши враги? Кто видитъ ихъ?“ На кого нападаютъ они? Нападаютъ они на всѣхъ, а видятъ ихъ не всѣ. Собственно видѣть ихъ нельзя. Они—духи, и дѣйствуютъ преимущественно на душу человѣческую, на ея мысли, намѣренія, желанія и расположенія. Однакожь дѣйствуютъ и открыто, являются видимо, принимая различные, по большей части соотвѣтственные ихъ нечистотѣ, образы. Это показываетъ намъ жизнь пустынниковъ, строгихъ Христіанскихъ подвижниковъ. Кто изъ насъ читалъ и знаетъ житія святыхъ, подвизавшихся въ міра, въ мѣстахъ пустынныхъ, тому извѣстно, какъ ополчался на нихъ діаволь, въ какихъ видахъ являлся имъ, какъ искушалъ ихъ, какими бѣдствіями устрашалъ ихъ. Такъ, пустыня главное его позорище, мѣсто личныхъ вражескихъ дѣйствій его. Онъ самъ ополчается на святыхъ Божіихъ, часто видимо ратуетъ съ ними, хотя почти всегда побѣждается отъ нихъ. Въ мірѣ совсѣмъ другое. Здѣсь мы живемъ,

повидимому, спокойно, не знаемо нападеній отъ врага, не испытываемъ козней его, и самъ онъ никого изъ насъ не устрашаетъ своимъ ненавистнымъ явленіемъ. Можно бы, значить, и порадоваться этому, если бы это было точно такъ. Но, нѣтъ, братіе. Діаволь не дремлетъ, не оставляетъ никого безъ своихъ вражескихъ козней; онъ дѣйствуетъ и въ мірѣ, только не такъ, какъ въ пустынѣ. Въ пустынѣ онъ дѣйствуетъ самъ, а въ мірѣ посредствомъ людей; въ мірѣ *дѣйствуетъ*, по выраженію Апостола, *въ сынѣхъ сопротивленія* (Ефес. 2: 2), дѣйствуетъ посредствомъ тѣхъ, которые исполняютъ волю его и, подѣ влияніемъ его, ополчаются на подобныхъ себѣ людей, противящихся его богопротивной волѣ.

Итакъ врагъ человѣческій, діаволь, различно дѣйствуетъ на людей: въ пустынѣ онъ дѣйствуетъ по большей части видимо, открыто, самъ, безъ посредства другихъ, въ мірѣ дѣйствуетъ большею частію тайно, сокровенно, посредствомъ людей. Отчего это такъ? Прямо сказать не можемъ, лукавыя дѣйствія сатаны извѣстны только мужамъ Святымъ, богодухновеннымъ, только они, съ Апостоломъ, *не наразумѣваютъ умысленій его* (2 Кор. 2: 11). А полагаемъ причиною съ одной стороны святость и высокую самоотверженность пустынныхъ подвижниковъ, противу которыхъ требуются сильныя искушенія, съ другой — немощь и удобопреклонность ко грѣху людей мірскихъ, которые часто безъ всякаго сопротивленія плѣняются собственными своими помыслами и страстями. Прибавить къ этому должно самый образъ жизни и мѣсто жительства тѣхъ и другихъ! Пустынные подвижники живутъ одиноко, въ удаленіи отъ міра, въ непрестанныхъ молитвахъ, въ строгомъ воздержаніи и постѣ. Чѣмъ имъ по себѣ искушаться? Плоть ихъ умерщвлена, соблазновъ мірскихъ у нихъ нѣтъ. Вотъ и предпринимаетъ возни противъ Святыхъ Божіихъ самъ діаволь, начинаетъ ратовать съ духовными духъ и искушаетъ ихъ, то увлекая ихъ въ помыслы мечтательныя о ихъ духовной жизни и святости, то возбуждая въ нихъ желанія чувственныя и похоти плотскія, то наводитъ на нихъ уныніе, то устрашая ихъ грозными представленіями. А мірскіе люди живутъ въ мірѣ, въ сообществѣ среди соблазновъ, по большей части свободно, повинувся требованіямъ своей растлѣнной природы. Что тутъ дѣлать діаволу? На что ему употреблять еще свои собственные прямыя, открытыя козни, когда уже міръ, по его же лукавому настроенію, исполненъ искушеній и соблазновъ, когда *весь міръ*, по выраженію Апостола, *во зль лежитъ*? (1 Иоан. 5: 19). Страстная плоть наша всегда готова усердно работать грѣху; злые, порочные люди и сами погряз-

зають, и другихъ увлекають въ грѣхъ, и такимъ образомъ, находясь подъ вліяніемъ діавола, дѣлаются вѣрными служителями его и исполнителями злой воли его. Это ясно отразилось даже въ жизни Самого Спасителя нашего. Когда Господь нашъ подвизался въ постѣ и молитвѣ, находясь въ пустынѣ, кто искушалъ Его? Самъ діаволь. Извѣстны три замѣчательнѣйшія искушенія его, съ которыми приблизиться къ Себѣ его допустилъ Спаситель. А потомъ? Когда Господь нашъ обращался въ мірѣ, яко человекъ, проповѣдывалъ и чудодѣйствовалъ среди народа: кто были Его искусители и враги? Злые, порочные люди. Таковы были фарисеи, книжники, первосвященники, и даже одинъ изъ Апостоловъ. Это были истинные слуги діавола. Судите сами, можно ли было дойти до такого ослѣпленія и нечестія, чтобы дерзнуть на жизнь необыкновеннаго Благодѣтеля и Чудотворца? Нѣтъ, тутъ дѣйствовалъ діаволь, въ лицѣ преданныхъ ему служителей. Св. Евангелистъ уже замѣтилъ о предателѣ Іудѣ, что на вечера, какъ скоро онъ принялъ хлѣбъ изъ рукъ Спасителя, *вошелъ въ него сатана* (Іоан. 13: 27). А что вопіяли враги Іисусовы при крестѣ Его? *Аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѣ. 27: 40). Кого вы узнаете здѣсь? Чей это голосъ? Не того ли же самага искусителя, который говорилъ Христу еще въ пустынѣ: *аще Сынъ еси Божій верзися низу* (Матѣ. 4: 6), и о которомъ тогда же замѣчено, что онъ отошелъ отъ Христа *до времени?* (Лук. 4: 13).

Видите, братіе, какъ золь и хитръ супостатъ нашъ и какъ велики и разнообразны козни его. Ежели онъ дерзнулъ многократно искушать Господа нашего и Бога и со всею адскою злобою враждовать противъ Него, то кого изъ Христіанъ пощадить онъ? Кого изъ вѣрующихъ не станетъ уловлять въ свои пагубныя сѣти? Никто, никто не свободенъ отъ лукавыхъ козней его; всѣ напротивъ и всегда въ опасности отъ него; на всѣхъ и во всякомъ мѣстѣ нападаетъ онъ, въ пустыняхъ явно и открыто, въ мірѣ—тайно и сокровенно. Пусть мы не видимъ его, дѣйствию же его не видѣть не можемъ. Чьи, какъ не его, воюющія въ насъ страсти? Чьи, какъ не его, въ мірѣ прелести, искушенія, соблазны? Кто, какъ не онъ, воздвигаетъ людей злыхъ, враговъ, злодѣевъ, кто, какъ не онъ, распространяетъ въ мірѣ зло, разрушаетъ порядокъ, производитъ волненія, мятежи, брани? Все, непременно все худое дѣлается отъ него; каждое паденіе наше есть побѣда коварства, каждый грѣхъ нашъ—торжество злобы его. Несчастенъ тотъ, кто ни въ чемъ не противится ему, а исполняетъ во всемъ злую волю его; стократъ несчастенъ тотъ, кто еще служитъ ему, какъ рабъ, соблазняетъ, вводитъ ближняго въ

грѣхъ, и такимъ образомъ самъ дѣлается *дѣволомъ*, какъ выразился и Господь о предателѣ Своемъ (Иоан. 6: 70). О, какъ нужно помнить заповѣдь Апостола противу врага нашего! Какъ нужно всегда трезвиться и бодрствовать, чтобы не уловилъ насъ супостатъ нашъ дѣволомъ. Вѣрный щитъ для насъ противъ стрѣлъ вражїихъ молитва Иисусъ-Христова и знаменіе креста Его, силою которыхъ расточаются и исчезаютъ всѣ сопротивныя силы. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 41.

Явленіе и присутствіе Ангеловъ.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ сказали мы, братіе, что врагъ нашъ дѣволомъ съ безчисленнымъ полчищемъ злыхъ духовъ постоянно обтекаетъ землю и всякими лукавыми мѣрами старается увлекать людей въ худшя и богопротивныя дѣла, чтобы и ихъ сдѣлать участниками уготованной ему вѣчной муки. Горестное состояніе земнородныхъ! Но что же дѣлать? Виновы вѣдь мы сами. Сами ввели врага своего въ міръ, сами подчинили себя его власти, сами допустили его вредить намъ. Сами сдѣлали состояніе свое плачевнымъ, дерзнувъ, вмѣсто воли Бога и Творца, исполнять волю своего врага.

Стало быть, уже вовсе заключено для насъ небо? Ужъ нѣтъ намъ помощи свыше противъ супостата нашего? Ужъ совсѣмъ оставили землю Ангелы Божїи? Нѣтъ, братіе. Богъ не оставилъ насъ: Богъ спасаетъ міръ: не стануть ли служить спасенію людей и Ангелы? *Не вси-ли*, говоритъ Апостоль объ Ангелахъ, *не вси-ли суть служебнїи души въ служенїе посылаемы за хотящихъ наследовати спасенїе?* (Евр. 1: 14). Такъ. Ангелы все еще посѣщаютъ землю, какъ творенїе и достояніе Божїе и промышляютъ о спасенїи людей. Священная Исторїя наполнена примѣрами явленїя Ангеловъ на землѣ. Видѣли ихъ древнїе патріархи: Авраамъ, Іаковъ, праведный Лотъ, Иисусъ Навинъ, Гедеонъ, пророкъ Ілія и многіе другїе. Явился Ангель священнику Захарїи, явился Ангель Дѣвѣ Марїи, явились Ангелы при рожденїи Христа, явились Ангелы по воскресенїи и по вознесенїи Христовомъ, явился Ангель Апостолу Петру въ темницѣ, явился Ангель Корнелію сотнику. Являлись Ангелы многократно, и весьма многимъ, какъ видимъ это изъ Священныхъ повѣствованїй въ откровенномъ словѣ Божїемъ.

Спросите, вѣроятно, братіе, тотчасъ: „отчего-же нынѣ не являются Ангелы? Отчего никто изъ насъ никогда не видитъ Ангеловъ?“ Не являются нынѣ Ангелы? Да развѣ безъ нужды, безъ цѣли и прежде являлись Ангелы? Богъ послалъ ихъ на землю, какъ вѣстниковъ таинственныхъ судебъ Своихъ, какъ исполнителей особенной Божественной воли Своей, какъ защитниковъ и покровителей избранниковъ Своихъ. Это ясно видно изъ каждаго обстоятельства, по которому являлись на землю Святые Ангелы. Такъ было прежде. А теперь? Теперь, когда Самъ Господь изволилъ посѣтить землю, жить на ней, пострадалъ за спасеніе міра, обновить родъ человѣчскій благодатію Божественнаго Духа? Да, теперь Ангелы пребываютъ на землѣ постоянно. Теперь при каждомъ человѣкѣ-Христіанинѣ находится Ангелъ-Хранитель. Никто изъ насъ не видитъ Ангеловъ? Такъ. Собственно и видѣть ихъ нельзя. Они—Духи, невещественные, безплотные. Если и являлись они Святимъ, какъ мы сказали прежде, то всегда являлись въ образѣ человѣка, и послѣ опять дѣлались невидимы. Нельзя видѣть намъ Ангеловъ, пока мы въ этой бренной плоти. Для этого требуется другое, духовное зрѣніе. Вотъ и будемъ видѣть ихъ по смерти, или тогда, когда тлѣнное тѣло наше облечется въ нетлѣніе, когда по воскресеніи изъ мертвыхъ, явима въ новомъ духовномъ тѣлѣ и съ духовными чувствами тѣла. Никто нынѣ не видитъ Ангеловъ? Да это мы, бренные и страстные, мы, которые живемъ по плоти, а не по духу, творимъ всегда почти волю свою, и дѣлаемся рабами грѣха. Какъ-же намъ видѣть Святыхъ Ангеловъ? А тѣ, которые ведутъ жизнь духовную, святую, пребываютъ въ чистотѣ души тѣла, работаютъ Господеви со страхомъ,—тѣ особенно, которые умертвили въ себѣ грѣхъ, погасили свои страсти постояннымъ воздержаніемъ и постомъ, бдѣніемъ и молитвами, и сдѣлались какъ бы безплотными,—тѣ нерѣдко видятъ Святыхъ Ангеловъ, еще находясь и въ сей бренной и мертвенной плоти. Это показываютъ намъ житія Святыхъ Божіихъ. Объ этомъ свидѣтельствуесть и Святая Церковь, когда преподобныхъ отцевъ именуесть *во плоти Ангелами* и *собесѣдниками Ангеловъ*. Не видимъ мы Ангеловъ. Однакожъ нельзя изъ этого заключить, что ихъ при насъ нѣтъ. Всегда ли видимъ мы воздухъ? Нѣтъ. Однакожъ, онъ всегда есть, и есть ничто другое, какъ вещество, хотя тончайшее. Въ самомъ вещественномъ воздухѣ бываютъ другія вещества, тоже не доступныя зрѣнію, а осязаемыя только другими чувствами, наприм., пріятный запахъ, благовонныя духи. Все вѣдь это невидимо для насъ, хотя между тѣмъ вещественно и

дѣйствительно есть; отчего же нельзя быть невидимо при насъ Ангеламъ, когда они не вещественны, безплотные духи.

Близки Ангелы къ намъ, или далеки отъ насъ, вотъ это другой вопросъ. Не мудрено, очень не мудрено, что наши Ангелы-Хранители не могутъ всегда быть съ нами. Они есть, они желаютъ быть при насъ, но мы удаляемъ ихъ отъ себя. Чѣмъ? Грѣхами нашими, плотскою жизнію нашею. Представьте, можно-ли быть тамъ, гдѣ поражаетъ чувства наши зловоніе и смрадь? А наша жизнь не то-же ли въ отношеніи къ чистотѣ Ангельской? Кто изъ насъ похвалится чистотою души и тѣла, воздержаніемъ отъ страстей, удаленіемъ отъ грѣховъ? У кого чисты мысли, святы намѣренія, непорочны желанія, неоскверненны чувства, непостыдны дѣла? Не чаще ли, не болѣе ли видится въ насъ противное? А ежели такъ: могутъ ли быть близки къ намъ Ангелы? Можемъ ли мы чувствовать присутствіе ихъ при себѣ?—Какъ же бы намъ приблизить къ себѣ Ангеловъ нашихъ, какъ бы намъ быть достойными присутствія ихъ при насъ,—вотъ объ этомъ-то надо подумать, и всегда думать намъ, братіе. А вѣдь сами знаете, что худо, очень опасно быть безъ Ангеловъ-Хранителей. Врагъ нашъ, губитель душъ, *накостникъ плоти, ангелъ сатанинъ* (2 Кор. 12: 7), тутъ и есть, гдѣ нѣтъ Ангела Божія. Надо, надо непрестанно думать и стараться, чтобы были при насъ Ангелы-Хранители наши и присутствіемъ своимъ удаляли отъ насъ враговъ нашихъ, къ пагубному вліянію на насъ дѣлая ихъ непреступными. А Хранители наши будутъ съ нами и при насъ тогда, когда мы будемъ внимательны къ нимъ, будемъ принимать добрыя внушенія ихъ и жить согласно святой и праведной волѣ Божіей, повинаясь во всемъ уставамъ и законоположеніямъ благодатной Церкви Христовой.—Тогда пребудетъ съ каждымъ изъ насъ *Ангелъ мирный, вѣрный Наставникъ, Хранитель души и тѣлесъ нашихъ*,—и намъ не страшны и не вредны будутъ никакіе враги. Тогда *Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ* (Пс. 33: 8) отъ всѣхъ бѣдъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 42.

Оружія на діавола.

Господи благослови!

Противитесь діаволу, и бѣжитъ отъ васъ (Іак. 4: 7).

Изъ сказанныхъ словъ Апостола ясно видно, братіе, что намъ Христіанамъ, совокупно всѣмъ или обществомъ, надо прого-

нять отъ себя діавола. И дѣйствительно надо прогнать. Иначе онъ причинитъ намъ бездну золъ. Вѣдь онъ, какъ прежде сказали мы, только то и думаетъ, какъ бы насъ забрать въ свою власть, и заставить насъ жить и дѣйствовать по его богопротивной волѣ; со всѣхъ сторонъ нападаетъ на насъ, и въ насъ самихъ возжигаетъ грѣховныя похоти и страсти, и внѣ насъ строитъ намъ различные искушенія и соблазны, а подъ часъ и самъ готовъ вредить намъ всяко, только бы былъ для него какой поводъ, а тѣмъ болѣе свободный доступъ.

Чѣмъ же мы станемъ прогонять отъ себя діавола? Что дѣлать намъ, чтобы діаволь не только бѣжалъ отъ насъ, но и не прикасался къ намъ? Извѣстны у Христіанъ два способа на прогнаніе діавола, два Божественныя оружія противъ этого супостата. Первое оружіе на діавола—молитвенное призваніе Святѣйшаго имени Спасителя нашего Иисуса Христа, въ извѣстной молитвѣ Иисусовой. Самъ Господь указалъ и на это оружіе, и на силу этого оружія, когда сказалъ о вѣрующихъ: *именемъ Моимъ бѣсы изждутъ* (Марк. 16: 17). Второе оружіе на діавола—крестъ Спасителя нашего и знаменіе сего креста. По свидѣтельству Св. Церкви, діаволь при видѣ Креста Христова *трепещетъ и трясется, не терпя озирати на силу его* (ст. воскр. на хвал. 8 глас.). Такъ вотъ, братіе, какъ и чѣмъ можемъ мы прогонять отъ себя діавола. Молитва Иисусъ-Христова и знаменіе креста суть оружія на супостата нашего, и какія оружія? Сильныя и страшныя. Тутъ дѣйствуетъ уже Богъ, а не человѣкъ; Самъ Спаситель нашъ отгоняетъ отъ насъ враговъ нашихъ. Такими святыми и Божественными оружіями всегда и защищались отъ діавола вѣрующіе. Молитва Иисусова не прекращалась въ сердцѣ, не сходила съ устъ у Христіанскихъ подвижниковъ, равно и крестное знаменіе постоянно изображалось ими на прогнаніе врага. Преподобный Симеонъ Столпникъ избавился отъ гибели именно крестнымъ знаменіемъ. Діаволь явился ему въ образѣ Ангела Божія, представляя ему, якобы Господь за высокій подвигъ его возвышаетъ его, какъ Ілію, на небо. Симеонъ перекрестился,—и діаволь исчезъ. Преподобному Бенедикту, по наущенію діавола, подали сосудъ со смертоноснымъ питіемъ. Святой перекрестилъ сосудъ,—и сосудъ сокрушился.

Столь могущественны были въ устахъ и рукахъ Святыхъ Божественныя оружія на діавола—молитва Иисусова и знаменіе креста. Такъ ли бываетъ у насъ, братіе? Трудно сказать. Діаволь одинъ и тотъ же, а мы совсѣмъ другіе, мы грѣшники. Это извѣстно діаволу

еще гораздо болѣе, чѣмъ намъ самимъ. Что же, если діаволь, слыша отъ насъ имя Христово и видя знаменіе креста Его, въ то же время не видитъ Христа въ насъ, и силы креста Его въ нашихъ сердцахъ? Что, ежели онъ видитъ въ насъ расположеніе болѣе къ нему, а не къ Спасителю нашему Богу? и въ дѣлахъ нашихъ исполненіе воли его, а не воли Божіей? Христось Спаситель сказалъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, увидеть въ Царствіе Небесное: но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесахъ* (Матѹ. 7: 21). Ахъ, братіе! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ и крѣпко, внимательно надо подумать объ этомъ. Сильно ли будетъ въ насъ призваніе имени Божія и знаменіе креста, если жизнь и дѣла наши будутъ противны волѣ Божіей! Будемъ ли мы принадлежать Христу, если Христось будетъ у насъ только на устахъ, а не въ умѣ и сердцѣ, только въ изображеніи знаменія Его, а не въ душевной преданности Ему? А кто не всецѣло принадлежитъ Христу, будетъ ли тотъ страшень діаволу, побѣжитъ ли отъ него діаволь? Знаете ли, братіе, почему страшно для діавола самое имя Христово и крестъ Христовъ? Отчего онъ боится Спасителя и бѣжитъ отъ Него? Отъ силы ли только и славы Божественной во Христѣ? Нѣтъ; отъ смиренія Христова, отъ того, что Христось, *иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещевая быти равенъ Богу: Себе умалилъ зракъ раба пріимъ* (Филип. 2: 6, 7). Христось страшень діаволу не столько какъ бы Своимъ Божествомъ, сколько Своимъ уничиженіемъ, глубочайшимъ смиреніемъ и послушаніемъ Богу Отцу до страданія и смерти. Діаволь не побоялся величія и славы Божества, когда воспротивился Бѣгу и отпалъ отъ повиновенія Ему. Ему страшно уничиженіе Христово; онъ бѣжитъ отъ смиреннаго Іисуса, потому что смиреніе ненавидитъ, а любитъ одну гордость и превозношеніе, что страданіемъ и смертію Христовою онъ побѣжденъ, пораженъ, низложенъ, лишенъ силы и власти, посрамленъ и низвергнутъ еще глубже, чѣмъ прежде. Вотъ почему страшно діаволу самое имя Спасителя нашего Христа, и знаменіе креста Его,—страшно потому, что напоминаетъ ему смиреніе Христово и Его страданіе за спасеніе міра—и свое пораженіе, какое потерпѣлъ отъ Него.

Нужно ли теперь указывать вамъ, братіе, еще на способъ для прогнанія отъ насъ діавола. Новое и дѣйствительнѣйшее оружіе на него вы уже видите. Это столь естественная истинному Христіанину добродѣтель—*смирненіе*. Смирненіе—неисповѣдимая сила Божія, побѣждающая врага. Ничто такъ не противно, никакая добродѣтель, никакіе подвиги такъ не поражаютъ діавола, какъ Христіанское смиреніе.

Что ему, напрімѣръ, постъ? Онъ и самъ, какъ духъ, никогда не ѣсть. Что ему молитвенное бдѣніе? Онъ и самъ, какъ безплотный, никогда не спитъ. А смиреніе—вотъ это мечъ поражающій. Онъ не терпитъ смиренія и смиренныхъ. Какъ самъ гордъ и возмутителенъ, такъ любитъ и старается сдѣлать и другихъ подобными себѣ. А кто противится его внушеніямъ, и водится, какъ подобаешь спасаемымъ, только милостію Божіею, духомъ смиренія, того ненавидитъ, тѣмъ гнушается, отъ того удаляется. Церковная исторія свидѣтельствуеть, что великіе Христіанскіе подвижники, именно смиреніемъ побѣждали діавола и тогда, когда онъ являлся къ нимъ въ образѣ Ангела Божія, и искушалъ ихъ гордыми и мечтательными помыслами. Такъ, напрім., діаволь явился одному пустыннику, въ образѣ свѣтлаго Ангела, и сказалъ ему: „я Гавріиль, посланъ къ тебѣ отъ Бога“. Пустынникъ ему возразилъ: „смотри, не къ другому ли ты посланъ; я не достоинъ видѣть Ангеловъ, какъ человѣкъ грѣшный“. Діаволь тотчасъ исчезъ (Прол. Апрѣл. 21). Смиреніе—оружіе не только на діавола, но и на всѣ злыя дѣла его. Возьмите страсти человѣческія которыя ничто иное суть, какъ порожденіе и дѣйствіе того же діавола. Чѣмъ скорѣе можно побѣдить врага, чѣмъ лучше низложить гордыню, погасить гнѣвъ, укротить ненависть и злобу, прекратить несогласіе и раздоръ,—чѣмъ, какъ не смиреніемъ?

Таково—смиреніе. Оно ненавистно діаволу и потому еще, что дѣлаетъ человѣка истиннымъ Христіаниномъ. Кто послушенъ Богу и земной власти, какъ не смиренный? Кто всегда готовъ исполнять волю Божію и волю земной, отъ Бога поставленной, власти, какъ не смиренный? Самъ Господь нашъ совершилъ великое ходатайственное служеніе Свое смиреніемъ и послушаніемъ божественной волѣ Своего Единосущнаго Отца. *Смирилъ Себе, послушавъ былъ даже до смерти* (Филип. 2: 8), говоритъ о Немъ Апостоль. И самъ Онъ тоже засвидѣтельствовалъ о Себѣ, сказавъ: *сидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. 6: 38). Да, смиреніе поставляетъ человѣка на тотъ самый путь, которымъ шелъ нашъ Искупитель для сокрушенія нашего врага, а потому оно и въ человѣкѣ бываетъ такъ же ненавистно врагу. Какъ страшенъ діаволу смиренный Іисусъ, такъ же точно противенъ ему смиренный Христіанинъ.

Велика, братіе, сила Божія—смиреніе. Страшно для діавола отреченіе наше отъ собственной своей воли и Христіанское послушаніе волѣ Божіей и власти церковной и гражданской. Вотъ если и мы будемъ таковы, если будемъ смиренны и послушны, и, какъ

смиранные и послушные рабы, станемъ жить и дѣйствовать по волѣ Божіей, а не по своей волѣ и не по внушенію врага, то и призваніе имени Божія и знаменіе крестное получить въ насъ особенную силу. Тогда произносимая нами молитва Иисусова будетъ громъ устрашающій, а крестное знаменіе—молнія, поражающая супостата нашего. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 43.

Богъ и святые угодники видятъ насъ и слышатъ молитвы наши.

Господи благослови!

Св. Церковь ежедневно или прославляетъ какое либо великое и спасительное для рода человѣческаго дѣло Божіе, или совершаетъ память одного или многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, и ежедневно призываетъ насъ, братіе, въ святой храмъ Божій на молитву. Такъ мы недавно праздновали Рождество Пресвятыя Богородицы и воздвиженіе Честнаго Креста Господня. Каждую недѣлю празднуемъ воскресеніе Христа Бога нашего. Каждый день творимъ память угодниковъ Божіихъ, третьяго дня, наприм., Преподобнаго Сергія Радонежскаго, вчера Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, сегодня Преподобнаго Савватія Соловецкаго, завтра Кіевскихъ Печерскихъ Чудотворцевъ.

Что же? Видитъ ли Богъ и святые угодники Его наши празднества, слышатъ ли наши молитвы? Вѣдь ихъ, кажется, нѣтъ съ нами. У насъ только святые изображенія ихъ. Богъ, и по Своей Божественной природѣ, какъ Высочайшій Духъ, для насъ невидимъ; святые угодники уже преставились и пребываютъ на землѣ видимо только негнѣнными своими останками или мощами, а души ихъ въ странѣ горней. И видятъ, братіе, насъ, Богъ и Его святые угодники и слышатъ наши молитвы. *Богъ нашъ—вездѣсущъ; Онъ, по выраженію Псалмопѣвца, на небеси и на земли* (Пс. 113: 11); нѣтъ мѣста во вселенной и видимой и невидимой, гдѣ бы Его не было; Его всезрящее око все видитъ, Его всеотверзтое ухо все слышитъ: *Нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ*, говоритъ Апостолъ, *вся же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4: 13). Не напрасно молился Св. Давидъ Богу: *призри, услыши мя, Господи Боже мой* (Пс. 12: 4); не напрасно, какъ и самъ послѣ исповѣ

даль: *исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, яко услышалъ еси вся глаголы устъ моихъ* (Пс. 137: 1). Такъ, Богъ нашъ видѣть (и особенно въ святомъ храмѣ Его); все, что дѣлаемъ мы, видеть; все, о чемъ взываемъ къ Нему, слышать. А Святыя Божіи? И они видятъ насъ, и слышатъ молитвы наши. Блаженные и бессмертные духи ихъ на небѣ, въ странѣ свѣта, у Бога. Какъ же имъ не видѣть и не слышать насъ? Вѣдь у нихъ ужъ не такія, какъ у насъ, вещественныя и ограниченныя чувства, а духовныя, такія, какъ и у Ангеловъ Божіихъ. Они постоянно пребываютъ во свѣтѣ лица Божія. Какъ же имъ не видѣть насъ? Вотъ и мы мало или ничего не видимъ ночью, а днемъ, при свѣтѣ солнечномъ, видимъ не только всѣ близкіе къ намъ, окружающіе насъ предметы, но и многое далеко отъ насъ находящееся. Мудрено ли же, что святыя видятъ многое, и даже все на землѣ, когда они живутъ въ странѣ свѣта и непрестанно осіяваются Солнцемъ правды? Авраамъ видѣлъ богатаго даже во адѣ, и слышалъ плачевный вопль его (Лук. 16: 25). Какъ же Святымъ не видѣть насъ, и особенно въ храмѣ Божіемъ, и не слышать нашихъ молитвъ и пѣсноуѣній въ похвалу и славу ихъ?

Что скажемъ еще? Угодники Божіи далеко не по-нашему видѣли и слышали еще и тогда, когда пребывали на землѣ, въ настоящей жизни, въ этой брэнной и темной плоти. Чувства ихъ молитвами, воздержаніемъ и постомъ до того были очищены, что они видѣли отдаленное невидимое и знали часто не только дѣла, но и помышленія и намѣренія человѣческія. Преподобный Сергій Радонежскій, находясь за трапезою посреди братіи, увидѣлъ проходящаго мимо обители Епископа Цермскаго Стефана и, вставъ, поклонился ему. Въ наше даже время извѣстенъ былъ, какъ провидѣцъ, блаженный пустыжникъ Саровскій Серафимъ. Вообще многіе святыя имѣли даръ прозорливости, видѣли и знали невидимое, отдаленное и даже будущее. Таковы были преимущественно юродивые, праведный Прокопій Устюжскій наименовалъ Святителя Цермскаго Епископомъ, когда онъ былъ еще во чревѣ матери, и предвозвѣстилъ страшный гнѣвъ Божій на городъ Устюгъ. А ежели Святыя Божіи имѣли отъ Бога даръ видѣть и знать многое, что намъ невидимо и неизвѣстно, еще тогда, когда находились въ жизни временной на землѣ, то чего не могутъ видѣть и знать нынѣ, пребывая духомъ на небѣ, у Бога?

Да нѣтъ ли, братіе, чего либо подобнаго въ самой природѣ человѣка, чего либо чуднаго, чѣмъ бы нѣкоторымъ образомъ подтверждалась возможность для человѣка видѣть и слышать отдаленное

и невидимое и оправдалась вѣра наша въ дарованную отъ Бога Святымъ Его способность видѣть насъ и слышать наши молитвы? Обратите вниманіе на человѣческіе органы зрѣнія и слуха. Какимъ образомъ глазъ нашъ видитъ отдаленные предметы? Какимъ образомъ ухо наше слышитъ отдаленный звукъ? А мысль наша? Куда она не переносится, и съ какою непостижимою быстротою! Если же и у насъ, наши мысли скоро и повсюду могутъ обтекать, и наши глаза и уши весьма отдаленное могутъ видѣть и слышать, то что сказать о святыхъ Божіихъ, прославленныхъ отъ Бога, духовно пребывающихъ на небѣ, съ Ангелами, во свѣтѣ лица Божія? Могутъ ли они не видѣть насъ и не слышать нашихъ молитвъ? Вѣдь не напрасно же, не безъ основанія же Православная Церковь установила призывать, послѣ Бога и Святыхъ Божіихъ, чтить и прославлять ихъ, возносить къ нимъ молитвы и испрашивать у нихъ небеснаго предстательства, помощи и заступленія.

Порадуемся же, братіе, своему Христіанскому благополучію. Такъ счастливы мы въ Святой нашей Православной Церкви, что Самъ Богъ и столько Святыхъ Божіихъ благоволительно взираютъ на насъ, и милостиво слушаютъ и пріемлютъ отъ насъ возносимыя къ нимъ молитвы. Попечемся, чтобы намъ быть достойными ихъ Божественнаго и Святаго видѣнія и слышанія, чтобы празднества наши и молитвы наши были пріятны имъ, какъ благовонный еміамъ, и чтобы и Богъ нашъ Своею великою милостію, и святые угодники своимъ предстательствомъ и заступленіемъ не оставляли насъ ни въ теченіе сей временной жизни нашей, ни при исходѣ изъ нея въ новую, будущую, вѣчную жизнь. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 44.

Цѣль совершаемыхъ Спасителемъ чудесъ.

Господи благослови!

Извѣстно всѣмъ намъ, братіе, что Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ, когда пребывалъ на землѣ, творилъ безчисленные чудеса. Для чего Онъ это дѣлалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что Онъ, какъ Богъ милости и щедротъ, какъ безграничная благодѣтельность, творилъ многія чудеса, движимый Своимъ милосердіемъ къ бѣдствующему и страждущему роду человѣческому. Таковы преимущественно—исцѣленіе различныхъ болѣзней и изгнаніе бѣсовъ. Но главная и выс-

шая цѣль совершаемыхъ Спасителемъ чудесъ другая. Какъ чудо вообще есть свидѣтельство высшей дѣйствующей силы, такъ чудеса Христовы были свидѣтельствомъ дѣйствующей въ Немъ силы Божественной. Чудеса Христовы были знаменіемъ Его Божества. Спаситель нашъ творилъ чудеса преимущественно для того, чтобы засвидѣтельствовать о Себѣ, что Онъ— Богъ, что Онъ посланный отъ Бога Избавитель рода человѣческаго, что Онъ обѣтованный *Спасъ міру, Христосъ* (Іоан. 4: 42). Вотъ главная цѣль совершаемыхъ Спасителемъ нашимъ чудесъ. Такъ о Себѣ свидѣтельствовалъ Самъ Господь. *Дѣла*, говорилъ Онъ Іудеямъ, *дѣла, яже азъ творю*, т. е. знаменіе и чудеса, *свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла* (Іоан. 5: 36).

Правда, Господь открыто проповѣдывалъ и училъ, что Онъ— Сынъ Божій, посланный отъ Бога Избавитель рода человѣческаго, и притчами объяснялъ, и указаніемъ на пророчества и преобразованія раскрывалъ ту истину, что Онъ—обѣтованный Христосъ; но Іудеи, какъ и всѣ вообще падшіе человѣки, были глухи къ голосу истины и, по выраженію Самого Спасителя, *несмысленны и косны сердцемъ, еже вѣровати* (Лук. 24: 25). Поэтому и были необходимы, какъ очевиднѣйшія доказательства, знаменія и чудеса. Сами Іудеи требовали отъ Христа таковыхъ знаменій. *Учителю*, говорили они въ одинъ разъ, *хочемъ отъ Тебе знаменіе видѣти* (Матѹ. 12: 38). Въ другой разъ также сказали Его: *кое Ты твориши знаменіе, да видимъ, и вѣру имемъ Тебѣ* (Іоан. 6: 30). И Господь дѣйствительно и творилъ чудеса, и Самъ указывалъ на нихъ, какъ на неопровержимое свидѣтельство Божественности Его. *Аще*, говорилъ Онъ, *не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (Іоан. 37: 38). Чудесами и знаменіями убѣдился въ Божественномъ посланничествѣ Іисуса Христа и извѣстный Князь Іудейскій Никодимъ. *Равви*, сказалъ онъ Христу, *вѣмъ, яко отъ Бога пришелъ еси Учитель; никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, яко же Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. 3: 2).

Возьмемъ, для примѣра, нѣсколько чудесъ Христовыхъ, чтобы видѣть, съ какою цѣлію они были совершаемы. Въ одинъ разъ приносятъ предъ Іисуса Христа на одрѣ человѣка разслабленнаго, разумѣется, съ намѣреніемъ доставить болящему исцѣленіе. Спаситель, увидѣвъ разслабленнаго, говоритъ ему: *человѣче, оставляютъ ся грѣхи твои* (Лук. 5: 20). Что это значитъ? Больному, безъ сомнѣнія, нужно исцѣленіе отъ болѣзни, а Господь преподаетъ ему от-

пущеніе грѣховъ. Спаситель именно то и дѣлаеть, чтобы показать Свою Божественную силу, чтобы видно было, что Онъ не обыкновенный только чудотворецъ, а Самъ истинный Богъ. Лишь только сказалъ Онъ, что расслабленному отпускаются грѣхи, сейчасъ книжники и фарисеи встревожились мыслями, и готовы были сказать: „да какъ это можно?“ *Кто есть Сей, Иже глаголетъ хулы? Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. 5: 21)? Спаситель, какъ сердцеѣдецъ, видѣлъ ихъ мысли, что они отпущеніе грѣховъ считаютъ дѣломъ Божиимъ, а не человѣческимъ, и въ умѣ своемъ уже признали Его за богохульника, тотчасъ обнаруживаетъ ихъ лукавое умышленіе и предлагаетъ имъ на разрѣшеніе двѣ равно трудныя вещи. *Что, говоритъ Онъ имъ, помышляете въ сердцахъ вашихъ? Что есть удобнѣе? рещи: оставляются грѣси твои? или рещи: востани и ходи* (Лук. 5: 22, 23)? Господь какъ бы такъ сказалъ: „которое легче, очистить однимъ словомъ грѣхи, или возставить также однимъ словомъ болящаго съ одра?“ Что оставалось книжникамъ и фарисеямъ на это говорить? И то, и другое равно необыкновенно, равно выше силъ человѣческихъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи они, разумѣется, ничего не могли сказать. И Господь, не ожидая отъ нихъ отвѣта, говоритъ имъ: „вѣдайте же, что я имѣю власть на землѣ отпускать человѣческіе грѣхи“, и съ этимъ словомъ повелѣваетъ расслабленному встать, взять свой одръ, и идти. *Да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческой на земли отпускати грѣхи, рече расслабленному: тебѣ глаголю: востани, и возьми одръ твой, и иди въ домъ твой. И абие воставъ предъ ними, возьмъ, на немже лежаше, иде въ домъ свой, слава Бога* (Лук. 5: 24, 25). Видите, что сдѣлалъ Господь. Книжники и фарисеи, видя исцѣленіе расслабленнаго, сами должны были признать Иисуса Христа Богомъ. Ибо, если можно было Ему однимъ словомъ возставить расслабленнаго, то возможно для Него и отпускать грѣхи. А вѣдь отпущеніе грѣховъ они уже сочли дѣломъ только Божиимъ, правомъ и властію, свойственными одному Богу. Значить Иисусъ Христосъ совершилъ надъ расслабленнымъ чудо исцѣленія для того, чтобы вѣдали, что Онъ имать власть на земли отпускати грѣхи, а тѣмъ самымъ доказалъ Свое Божество.

Въ другое время Спаситель нашъ Господь беретъ съ Собою трехъ Апостоловъ и восходитъ на гору для молитвы. Здѣсь, во время молитвы, благоугодно было Ему преобразиться, т. е. измѣнить Свой обыкновенный видъ на необыкновенный, человѣческій на Божественный. Апостоламъ явился Онъ тогда уже не тѣмъ смиреннымъ

учителемъ, какимъ они видѣли Его всегда, а Сыномъ Божиимъ, въ сіяніи и славѣ Божества. Спрашивается: какаѣ цѣль этого чуда? Для чего преобразился Христосъ? Безъ сомнѣнія и для того, чтобы приготовить Апостоловъ къ разумному и благодушному перенесенію тяжкаго для нихъ испытанія въ Его будущемъ страданіи, какъ это видно изъ самаго повѣствованія Евангельскаго и объясненія Св. Церкви. Но это уже вторичная цѣль, касавшаяся только Апостоловъ. Самую главную цѣль преображенія Спасителя открылъ слышанный тогда-же Апостолами голосъ невидимаго Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. 17: 5). Значитъ Иисусъ Христосъ для того преобразился предъ Апостолами, чтобы засвидѣтельствовать имъ и увѣрить ихъ, а чрезъ нихъ и весь міръ, что Онъ есть истинный Сынъ Божій, посланный на землю отъ Бога Отца для просвѣщенія и спасенія рода человѣческаго, что *Онъ есть*, по выраженію Церкви, *воистинну Отчее сіяніе* (Конд. Преобр.).

Вотъ и еще чудо Спасителя, изъ котораго видна та-же самая цѣль. За нѣсколько дней до Своего страданія и смерти Господь воскресилъ умершаго Лазаря, тѣло котораго лежало четыре дня во гробѣ и уже начало предаваться тлѣнію. Для чего это сдѣлалъ Христосъ? Именно для засвидѣтельствованія Своего Божественнаго достоинства, власти и силы, и для увѣренія всѣхъ, что Онъ—обѣтованный и посланный отъ Бога Спаситель міра. Собственная Его молитва, произнесенная Имъ Своему Отцу предъ совершеніемъ чуда, открываетъ это ясно. Такъ молился Господь: *Отче, Азъ въдахъ, яко всегда Мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрестъ рыхъ, да въру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. 11: 42).

Братіе! Святое Евангеліе, изображающее святѣйшую жизнь Спасителя нашего Иисуса Христа, исполнено чудесъ, которыя совершилъ Господь и которыми засвидѣтельствовалъ Свою Божественную власть и силу. Не всѣ однакожь чудеса и знаменія Христовы переданы намъ Святымъ Евангеліемъ. Чудеса эти безчисленны. *Многа*, говоритъ Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ, *и знаменія сотвори Иисусъ, яже не суть писана въ книгахъ сихъ* (Іоан. 20: 30). А что передано, намъ, то передано для чего? Именно для того, чтобы мы вѣровали, что Иисусъ Христосъ есть Богъ и Спаситель нашъ, и чтобы вѣрою въ Него приобрѣтали себѣ спасеніе и жизнь вѣчную. *Сія же*, продолжаетъ Евангелистъ, *писана быша, да въруете, яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій и да върующе, животъ имате во имя Его* (Іоан. 10: 31). *Нѣсть бо*, по словамъ

Апостола Петра, *иного имене подѣ небесемъ даннаго въ чловчпнхъ, о немже подобаетъ спастися намъ.* (Дѣян. 4: 12). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 45.

Себяисправленіе — чудо.

Господи благослови!

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ сказали мы, братіе, въ пропедшей бесѣдѣ, когда былъ на землѣ, творилъ безчисленныя чудеса. Поэтому и удивляться нечего. Онъ есть истинный Богъ, Который имѣетъ власть надъ всею природою, и потому творить, елика хочетъ. А вотъ что удивительно. Таковую же, или подобную власть имѣютъ и люди, и такія же, или подобныя чудеса творятъ послѣдователи Христовы. Дѣйствительно, Господь Иисусъ Христосъ даровалъ ученикамъ Своимъ и Апостоламъ власть творить знаменія и чудеса, и такую же благодать и силу обѣщавъ всѣмъ вѣрующимъ. *Вѣруяй въ Мя* сказалъ Онъ, *дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ* (Іоан. 14: 12). Такъ точно и было и до нынѣ бываетъ. Не говоря уже о Матери Божіей, Которая есть Владычица міра, всѣ истинные послѣдователи Христовы, Апостолы, мученики, пастыри церковныя, пустынные подвижники и юродивые были чудотворцами. Трудно перечислить Святыхъ Божіихъ чудотворцевъ, которыхъ Св. Церковь ежедневно вспоминаетъ и нерѣдко тысячами, а чудесамъ, отъ нихъ совершившимся, нѣтъ числа. Такое обиліе благодати находится въ Святой Церкви Христовой. Столько Божественной силы передалъ Спаситель Своимъ угодникамъ, чтобы прославить ихъ вѣру и засвидѣтельствовать къ нимъ Свое Божественное благоволеніе!

Знаете ли, братіе, что послѣ этого хочу я сказать? Вѣдь и мы всѣ можемъ быть чудотворцами. Всѣ, рѣшительно всѣ можемъ быть чудотворцами. Васъ поразили эти слова? Вы готовы сочестъ ихъ нескромными, дерзновенными? Не спѣшите, братіе. Позвольте мнѣ продолжать рѣчь. Говорю: мы можемъ быть чудотворцами. Само собою разумѣется, что не такими чудотворцами, какихъ прославляетъ Св. Церковь. Хотя и мы тоже вѣрующіе, но вѣрующіе—еще грѣшники, а вѣрующіе чудотворцы—святые Божіи, которые Христіанскою жизнію, всѣми добродѣтелями украшенною, благоугодили Богу, и

за высокіе благочестивые подвиги удостоились отъ Него особенной благодати и милости. Нѣтъ. Такими чудотворцами пока не можемъ быть мы. Объ этомъ никто изъ насъ не дерзнетъ и помыслить. Такое чудотвореніе не зависитъ и отъ воли человѣка. Оно есть даръ Божій, даръ особенной благодати Его, изливающейся на Святыхъ, благоугодившихъ Ему. Есть, братіе, другой родъ чудотворенія, всѣмъ намъ возможный, всѣмъ намъ даже заповѣданный. Это новость или чудо — видѣть себя новымъ. Это — перемѣна насъ самихъ, нашей собственной жизни, перемѣна жизни плотской на духовную, порочной на добродѣтельную, грѣховной на чистую и святую. „Да развѣ“, скажете, „это чудо“? Чудо, братіе, истинно чудо. Какъ ни посмотри на перемѣну жизни, она по всему есть чудо. Вѣдь чудомъ обыкновенно называемъ то, что выше законовъ природы, и силъ, и способностей человѣка. А здѣсь не то же ли самое? Не выше ли своей растрѣпанной природы ставить себя человѣкъ, когда начинаетъ жить вопреки своимъ естественнымъ склонностямъ и страстямъ? Наприм., ему хочется ѣсть, а онъ не ѣсть, постится; ему хочется спать, или только быть въ покоѣ, онъ встаетъ на молитву; ему хочется жить праздно, онъ принимаетъ на себя трудъ; ему хочется имѣть развлеченіе, искать увеселеній, онъ остается при своихъ дѣлахъ и обязанностяхъ; ему хочется воспользоваться чужимъ, онъ отдаетъ и свое; ему хочется чѣмъ либо уязвить своего врага, онъ ему благодворитъ! И это сдѣлать развѣ не дивно? Развѣ не дивно перемѣнить себя, отказать всѣмъ грѣховнымъ желаніямъ, оставить порочныя навѣки, и во всемъ подчинять себя правиламъ благочестія и добродѣтели? А вотъ, что говорилъ Богъ чрезъ пророка Своего Іудеямъ: *аще премънитъ Египтянинъ кожу свою, и рысь нестроты своя, и вы можете благодворити научившеся зму* (Іерем. 13: 23). Стало быть изъ злаго сдѣлаться добрымъ, изъ порочнаго добродѣтельнымъ и благочестивымъ, значить перемѣнить свою природу. Что же послѣ этого себясиправленіе, что перемѣна жизни грѣховной на святую и непорочную, какъ не чудо? Чудо всегда производитъ въ насъ благоговѣйное удивленіе. Не то же ли и здѣсь? Кто не удивится, если увидитъ человѣка совсѣмъ другимъ, увидитъ, что онъ прежде былъ вольнодумецъ и даже отступникъ отъ вѣры, а нынѣ искренно вѣрующій, прежде не внимательный въ церкви и безпечный, нынѣ ревностный молитвенникъ; прежде невоздержный чревоугодникъ, нынѣ строгій постникъ; прежде плотскій и чувственный, нынѣ цѣломудренный и непорочный; прежде пьяница, нынѣ воздержный и трезвенный; прежде дерзкій и буйный, нынѣ

скромный и степенный; прежде надменный и гордый, нынѣ тихій и смиренный; прежде скупой и жестокий, нынѣ щедрый и милосердый; прежде праздный и лѣнивый, нынѣ трудолюбивый и дѣятельный; прежде любитель разсѣянности, увеселеній и забавъ, нынѣ уединенный, внимательный къ себѣ и попечительный о своихъ обязанностяхъ.

По всему видно, братіе, что себяисправление, перемѣна жизни порочной на благочестивую и добродѣтельную есть чудо. И какое чудо? Вы опять удивитесь, если я скажу: чудо это выше, и для насъ важнѣе всѣхъ другихъ чудесъ. Къ этому мы призваны, это нашъ Христіанскій долгъ. Христіанскій долгъ есть перемѣна жизни, совлеченіе ветхаго челоуѣва и облеченіе въ новаго. Безъ тѣхъ чудесъ мы можемъ спастись, а безъ этого не можемъ. И святые сдѣлались святыми не иначе, какъ чрезъ исправленіе свое и перемѣну жизни, а слѣдовательно и чудотворцами, показавъ напередъ въ себѣ чудо себяисправленія, побѣжденіемъ своихъ страстей и очищеніемъ себя отъ всякія скверны плоти и духа. А безъ исправленія себя къ чему послужать и дѣйствительныя чудеса, если только они возможны? Іуда былъ Апостоль и чудотворецъ, а гдѣ онъ теперь? Не смотря на свое апостольство и даръ чудотворенія, погибъ; потому что не былъ чудотворцемъ въ себѣ самомъ, не побѣдилъ и не истребилъ въ себѣ пагубной страсти сребролюбія. И не одинъ Іуда такъ несчастенъ. Спаситель сказалъ: *мнози рекуть Мнѣ въ онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? и тогда исповѣмъ имъ, яко николи же знахъ васъ: отгидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7: 22, 23). Напротивъ того мытари, разбойники и блудницы сдѣлались святыми, и нынѣ въ Царствѣ Небесномъ;—отчего? Оттого, что показали въ себѣ чудо себяисправленія, перемѣнили свою жизнь, оставили грѣхи и посвятили себя Богу и спасенію своихъ душъ.

Не къ ослабленію достоинства чудесъ, совершаемыхъ святыми Божиими и не къ уменьшенію славы чудотворцевъ говорю это, братіе (да не будетъ!), а для показанія достоинства и силы для себяисправленія, которое каждому Христіанину необходимо нужно, и Спасителемъ нашимъ Богомъ всѣмъ послѣдователямъ Его заповѣдано. Вѣдь и здѣсь дѣйствуетъ та же благодать и сила Божія, которая является и въ видимыхъ чудесахъ, совершаемыхъ чудотворцами. Одинъ и тотъ же Премудрый и Всемогуцій Богъ и чудеса творить святыми Его и грѣшниковъ дѣлаетъ праведниками. Какъ ни одинъ праведникъ

безъ воли и силы Божіей не можетъ творить дѣлъ, превышающихъ законы природы, такъ и ни одинъ грѣшникъ безъ благодати и помощи Божіей не можетъ побѣдить силу грѣха, восторжествовать надъ растлѣнною своею природою и сдѣлаться другимъ, новымъ, чистымъ и непорочнымъ. Со стороны человѣка требуется только искреннее желаніе, рѣшительное намѣреніе, усердная молитва къ Богу и дѣятельное исполненіе воли Божіей и Христіанскихъ обязанностей. О, если бы больше и больше было между Христіанами такихъ чудотворцевъ! Какъ бы это было пріятно Богу! Какая радость была бы на небѣ, у Ангеловъ Божіихъ! Вѣдь тамъ радуются и объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лук. 15: 10). Что же было бы, если бы много было таковыхъ кающихся, оставляющихъ грѣхи, измѣняющихъ худую и порочную жизнь на благочестивую и непорочную. О, если бы и намъ, братіе, быть побѣдителями грѣха и, укрѣпляясь благодатию Божіею, совершающеюся въ немощахъ нашихъ, показать въ себѣ чудо себя исправленія! О, если бы и намъ порадовать небо своимъ Христіанскимъ, благочестивымъ и добродѣтельнымъ житіемъ! Помолимся объ этомъ Спасителю нашему Богу, *пришедшему призвать грѣшниковъ на покаяніе* (Матѣ. 9: 13), и *взыскать и спасти погибшихъ* (Матѣ. 18: 11). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 46.

Бѣдность лучше богатства.

Господи благослови!

Что лучше, братіе, богатство, или бѣдность? Васъ изумляетъ вопросъ? „Развѣ“, скажете, „это требуетъ разсужденія? Кто же не понимаетъ, и не видитъ на самомъ опытѣ, что богатство есть счастье, а бѣдность—несчастье человѣка? Богатый не знаетъ никакихъ недостатковъ, у него во всемъ довольство, у него нѣтъ горькихъ житейскихъ заботъ, онъ всегда спокоенъ, веселъ, и еще въ чести;—его любятъ и уважаютъ всѣ. А бѣдный? Бѣдный—несчастное существо. Онъ въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ, и за всѣмъ тѣмъ въ повседневныхъ, раздирающихъ его недостаткахъ, онъ всегда въ уныніи и горѣ, имъ еще всѣ и пренебрегаютъ, онъ—презрѣнный человѣкъ. Какое же сравненіе богатаго съ бѣднымъ?“ Хорошо. А какъ же говоритъ Христосъ? *Горе вамъ, богатымъ* (Лук. 6: 24). *Како неудобъ и мушійи богатство въ Царствіе Божіе внидутъ!* (Мар. 10: 23)! *Иди, сва-*

заль одному богатому, *продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ* (Матѳ. 19: 21). Вотъ и одинъ изъ Апостоловъ говоритъ: *приидите, богатіи, плачитесь и рыдайте о лютыхъ скорбѣхъ вашихъ грядущихъ на вы* (Іак. 5: 1). Слышите ли, братіе, что говорится въ словѣ Божіемъ о богатыхъ? Напротивъ того, всѣми ублажается бѣдность. Іисусъ Христосъ, въ противоположность богатымъ, называетъ блаженными нищихъ (Лук. 6: 20). Апостоль Іаковъ осуждаетъ богатыхъ за презрѣніе нищихъ (Іак. 2: 6). И къмъ не прославилась пицета? Самъ Господь не имѣлъ, гдѣ главу подклонить (Лук. 9: 58). Лучшій изъ Апостоловъ провелъ все время Апостольства *въ трудъ и подвижъ, во алчбъ и жажди, въ зимъ и наготъ* (2 Кор. 11: 27). Какъ же это такъ? Стало-быть, бѣдность лучше богатства, бѣдные счастливѣе богатыхъ? Да. Ежели станемъ разсуждать по-христіански, то это точно такъ. Богатые—счастливы, а бѣдные,—несчастливы,—да это только здѣсь, въ настоящей жизни. А что настоящая жизнь? Для Христіанъ есть лучшая другая жизнь. Важно, значить, быть счастливымъ тамъ, а не здѣсь. Кто же счастливѣе тамъ, богатый, или нищій Лазарь? *Богатый—во адъ, а Лазарь—на лонъ Авраамово* (Лук. 16: 22, 23).

Вотъ, какой отвѣтъ на вопросъ: что лучше, богатство или бѣдность? Лучше бѣдность, нежели богатство, счастливѣе бѣдные, нежели богатые. Отчего же это такъ? Богатство, что ли, причиною несчастія? Конечно, собственно не богатство, а сами богатые. Были и богатые, которымъ богатство не помѣшало быть праведниками. Былъ богатый Авраамъ, но богатство его служило ему только къ приятію и упокоенію странныхъ (Быт. 18). Былъ богатый Іовъ, но онъ *былъ око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. 29: 14, 15). Были, видите, и богатые святыми и праведными, но много ли такихъ? Не чаще ли, не всегда ли почти бываетъ иначе? Вотъ то-то и бѣда, что человекъ не умѣетъ правильно пользоваться богатствомъ, а употребляетъ его въ средство къ жизни свободной и разсѣянной. Богатство служить ему по большей части только къ удобренію плоти и къ насыщенію страстей его. Скажите: кто живетъ свѣтло, пышно, великолѣпно, какъ не богатый? Гдѣ роскошь, свободное удовлетвореніе всякихъ прихотей и желаній, какъ не у богатыхъ? Гдѣ щегольство и чрезмѣрные наряды, какъ не у богатыхъ? Гдѣ собранія, пиршества, всякія чувственныя удовольствія, какъ не у богатыхъ? Гдѣ веселости, забавы и потѣхи, какъ не у богатыхъ. Гдѣ пѣга, праздность и пустая трата времени, какъ не у богатыхъ? Кому болѣе свойственна спѣсь, гордость и презрѣніе

другихъ, какъ не богатымъ? Если же это такъ (а по большей части такъ), что же это? Христіанскій ли это образъ жизни? Будетъ ли здѣсь мѣсто Богомыслию, молитвѣ, любви къ Богу и ближнимъ? Не забудется ли тутъ жизнь будущая и Царство Небесное? Не страшень ли будетъ и не изгонится ли совершенно изъ памяти часъ смертный? Весело, пріятно, вѣжется, теперь жить богатому, да что будетъ послѣ? Что, ежели случится ему еще и здѣсь потерять богатство, обнищать? А вѣдь это очень можетъ быть, и бываетъ. И счастливъ еще тотъ богачъ, котораго посѣтитъ Господь такую, по-видимому, горькою милостію,—счастливъ, если онъ пойметъ это попеченіе и вразумленіе Божіе, опомнится, познаетъ тщету богатства и славы временной и обратится къ богатству благодати Божіей и къ приобрѣтенію себѣ душевнаго спасенія. А если иначе? Если отъ богатства, отъ здѣшняго покоя и славы прямо перейдетъ туда, гдѣ извѣстный Евангельскій богачъ, что тогда? Что, если скажутъ и ему: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоемъ?* (Лув. 16: 25)? О, какое горькое воспоминаніе! Какъ страшно тогда будетъ вспоминать прошедшую жизнь, тщетное и тлѣнное богатство, кратковременное и несмысленное веселіе!

Видите ли, братіе, къ чему ведетъ человѣка богатство и какая послѣдующая участь богатыхъ! „Все же“, скажете, „виноваты богатые, а не богатство“. Такъ. Но оно даетъ поводъ человѣку забываться, и забывать свое назначеніе и свои Христіанскія обязанности; оно служитъ средствомъ къ возбужденію и питанію въ насъ нашихъ порочныхъ наклонностей и страстей. И таково еще богатство неуборизненное и, такъ сказать, безгрѣшное. А часто ли оно бываетъ такимъ, и бываетъ ли? Не скорѣе ли оно бываетъ, ежели не въ глазахъ людей, то передъ взоромъ Всевидящаго достояніемъ беззаконнымъ, приобрѣтеніемъ неправеднымъ? Вѣдь честнымъ трудомъ не наживешь богатства; сытъ, доволенъ,—и только. Какъ бы ни было, братіе, а богатство вещь опасная. Не даромъ же святое слово Божіе говоритъ не въ пользу богатства и не на радость богатымъ. Вотъ совсѣмъ другое дѣло—бѣдность. Конечно тяжело, горько быть бѣднымъ. Но вѣдь такова наша и жизнь настоящая. Не на веселье, не на радость пришли мы сюда. Радости намъ опредѣлены въ другомъ мірѣ, а здѣсь обстоятъ насъ бѣды, скорби и нужды. Чувствительна бѣдность: за то у бѣдныхъ ужъ нѣтъ тѣхъ пороковъ, какіе у богатыхъ. Достуцны ли бѣдному роскошь и щегольство, когда у него, можетъ быть, нерѣдко и ѣсть почти ничего, и одѣться хотя прилично не во что? До прихотей ли ему, когда у

него часто вѣтъ и необходимаго? Пойдутъ ли ему на умъ веселости, когда онъ постоянно въ горѣ и заботахъ о недостаткахъ? Досугъ ли ему быть въ покоѣ и праздности, когда онъ долженъ усиленнымъ трудомъ приобретать себѣ дневное пропитаніе? А удаляемый таковымъ своимъ положеніемъ отъ пороковъ, не удобнѣе ли бѣдный можетъ поставить себя въ лучшее положеніе и относительно души своей и своего будущаго назначенія? Не ближе ли онъ будетъ къ тому состоянію, какого требуетъ отъ насъ святая Христіанская вѣра? Не скорѣе ли онъ вспомнитъ Бога и не чаще ли будетъ обращаться къ Нему съ молитвою и упованіемъ на помощь Его? Не легче ли онъ перенесетъ и вытерпитъ всѣ постигающія насъ бѣдствія и несчастія? Страшна ли будетъ ему самая смерть, когда такъ горька ему земная жизнь, и когда оставлять ему съ печалію здѣсь нечего? А что тамъ—за гробомъ? Не та же ли блаженная участь, и не то же ли вѣчное *утѣшеніе на лонѣ Авраамовомъ* (Лук. 16: 22, 25), какихъ удостоенъ отъ Бога нищій Лазарь?

Есть послѣ этого, о чемъ подумать и богатымъ, и бѣднымъ. Есть о чемъ подумать, чтобы первымъ избавиться отъ угрожающаго имъ бѣдствія въ вѣчности, а послѣднимъ,—чтобы заслужить и быть достойными ожидающаго ихъ будущаго блаженства. Внимайте же себѣ, богатые; *не высокоумствуйте* и не превозносите своимъ богатствомъ, *уповайте не на богатство погибающее, а на Бога жива* (1 Тим. 6: 17), Который *богатитъ и убожитъ* (1 Цар. 2: 7), подаетъ сокровища, и отъемлетъ ихъ; *не прилагайте сердца* своего къ богатству (Ис. 61: 11),—пусть оно будетъ для васъ, а не вы для него. Помните, что богатымъ быть не безопасно, что многіе изъ богатыхъ Христіанъ ради спасенія души добровольно оставляли всѣ свои сокровища и обрекали себя на терпѣніе и нищету. Воздерживайтесь отъ имѣній неправедныхъ, а и праведное употребляйте не на прихоти, веселости и мірскія наслажденія, а на потребности необходимыя, полезныя и святыя, во славу Божию и въ помощь нуждающимся своимъ собратіямъ,—вообще пользуйтесь богатствомъ разумно и богоугодно чтобы въ будущей жизни не подвергнуться участи несчастнаго богатаго, но за доброе и святое употребленіе даровъ Божіихъ, земныхъ сокровищъ, получить вѣчное *сокровище на небеси* (Матѳ. 6, 20). А вы, бѣдные, благословляйте Бога въ жребіи своемъ. Васъ Господь поставилъ на самый прямой путь къ Царству Небесному; умѣйте только сохранить себя на этомъ пути. Не унывайте, кольми паче не ропщите на свое состояніе, покоряйтесь волѣ Промыслителя Бога, опредѣляющаго

каждому свой жребій, уповайте на Его безпредѣльную благодать, и во всякомъ случаѣ ожидайте отъ Него утѣшенія и помощи, живите честнымъ трудомъ, и не завидуйте богатству другихъ, чтобы, послѣ временныхъ бѣдствій, не подвергнуться вѣчному мученію, а напротивъ за терзаніе и скорби наслѣдовать то же мѣсто блаженнаго покоя и радости, въ которомъ пребываетъ извѣстный Евангельскій нищій Лазарь. Вотъ общее правило богатымъ и бѣднымъ, правило мудрыхъ и опытныхъ Христіанъ: богатые! не прилѣпляйтесь къ богатству; бѣдные! не желайте богатства. Вся строй къ нашему спасенію, Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 47.

Способъ избѣгать двухъ противоположныхъ крайностей:
высокоумія и отчаянія.

Господи благослови!

Былъ, братіе, одинъ Христіанскій отшельникъ, который, спасая душу свою, подвизался уединенно, пребывая въ своей келліи. Подвиги его, разумѣется, были обыкновенныя, постъ, бдѣніе, молитва, сокрушеніе, плачь. Особенное было у него вотъ что. Двѣ противоположныя стѣны его келліи были исписаны: на одной изображены были добродѣтели, на другой—грѣхи его. Что бы это значило? Какое тутъ было намѣреніе, и какая цѣль? Это было у него оплотомъ противу вражескихъ искушеній; этимъ онъ охранялъ себя отъ двухъ противоположныхъ грѣховъ, съ одной стороны отъ превозношенія и гордости, съ другой отъ унынія и отчаянія. Мысль, какъ видите, прекрасная, намѣреніе и цѣль самыя святыя. Дѣйствительно, кто рѣшится идти въ слѣдъ Божественнаго Подвигоположника, Спасителя нашего Иисуса Христа, на того смотритъ диаволь во всѣ, такъ сказать, глаза, тому строить всевозможныя козни, и главнымъ образомъ старается подвергнуть человѣка двумъ крайнимъ опасностямъ, или вознести его на высоту самомечтанія и гордости, чтобы оттуда онъ палъ подобнымъ его паденію тяжкимъ паденіемъ, или повергнуть его прямо въ бездну отчаянія. Вотъ противъ этого и выдумалъ подвижникъ сказанныя средства. Въ предосторожность отъ такихъ опасныхъ паденій, онъ написалъ на одной стѣнѣ свои добрыя дѣла, на другой—свои немощи и грѣхи. Когда, при мысли о своихъ добродѣтеляхъ, возникло въ немъ мечтаніе о себѣ и

о своихъ подвигахъ, онъ обращался къ стѣнѣ, на которой изображены были его грѣхи, и, смотря на грѣхи свои, смирялся предъ Богомъ и повергалъ себя въ сокрушеніе и плачь; а когда, при видѣ грѣховъ, поражало его чувство своего недостойнства и смущенія отъ страха суда Божія и располагало его къ унынію и отчаянію, онъ обращался къ противоположной стѣнѣ, гдѣ написаны были его добрыя дѣла, и, смотря на нихъ, ободрялъ и утѣшалъ себя упованіемъ на милосердіе Божіе.

Такъ поступалъ благоразумный и попечительный о спасеніи своемъ подвижникъ. Не пригодно ли правило его и намъ, братіе? Правда, мы не отшельники, а люди мірскіе, но все же Христіане, желающіе и долженствующіе заботиться о своемъ спасеніи. Для насъ, вѣроятно, и не понятно, что это за опасность—превозношеніе и гордость, или опять уныніе и отчаяніе, но вѣдь это только потому, что мы мало входимъ въ самихъ себя, мало обращаемъ вниманія на свою жизнь и на свои грѣхи, только потому, что добродѣтелей у насъ мало, или и нѣтъ, а и грѣхи наши, нами по большей части непримѣчаемые, для насъ не страшны. Между тѣмъ сколько человѣкъ склоненъ къ этимъ грѣховнымъ онаспостямъ, это показываетъ состояніе самой нашей природы. Скажите, какая у насъ шаткость и удобоизмѣняемость чувствъ въ двухъ противоположныхъ крайностяхъ. Когда мы бываемъ въ хорошемъ состояніи духа, когда мы сдѣлаемъ какое либо доброе дѣло, или получимъ въ чемъ либо хорошей успѣхъ, и вообще чувствуемъ себя въ благополучіи, какъ мы тогда расположены къ самодовольству и самовозношенію! А когда бываемъ поражены видимыми своими недостатками и немощами, когда находимся въ несчастныхъ обстоятельствахъ, какое тогда проявляется въ насъ чувство горести, доводящее насъ до унынія и даже до отчаянія! Судя по этому, правиломъ сказаннаго отшельника не худо бы, кажется, пользоваться и намъ, братіе, и хотя не на стѣнахъ нашихъ жилищъ, а въ памяти и чувствахъ нашихъ чаще читать записъ нашихъ посильныхъ добродѣтелей и нашихъ грѣховъ. Да, точно не мѣшаетъ, даже полезно и нужно подражать примѣру разумаго и заботливаго о себѣ подвижника, только съ измѣненіемъ, братіе. У отшельника, яко человѣка, были и немощи и нѣкоторые грѣхи, а болѣе было добродѣтелей, духовныхъ и святыхъ подвиговъ. А у насъ? У насъ только немощи и грѣхи, добродѣтелей почти вовсе нѣтъ. Какъ же мы станемъ поступать по правилу его? Нѣтъ. Мы можемъ и должны подражать ему въ одномъ,—должны непремѣнно намятовать свои беззаконія и грѣхи, живо представлять свою

виновность предъ Богомъ, скорбѣть и сокрушаться, какъ и Давидъ чувствовалъ и исповѣдывалъ свой грѣхъ: *беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть вину* (Пс. 50: 5); должны помнить свои беззаконія и грѣхи и тогда, когда они очищены покаяніемъ, дабы постоянно согрѣвать въ себѣ чувство смиренія, просяннать въ себѣ сознаніе недостойнства и низлагать въ себѣ всякій помысль высокоумія и гордыни. *Азъ есмь*, говоритъ грѣшнику Богъ черезъ пророка, *Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоа Мене ради, и грѣхи твоа, и не помяну. Ты же помяни* (Исаія 43: 25, 26). Что же дѣлать намъ въ случаѣ унынія и, тѣмъ паче, отчаянія? На какія будемъ взирать добродѣтели, когда ихъ у насъ нѣтъ? Добродѣтели наши—*правда Божія* (1 Кор. 1: 30). Господь и Спаситель нашъ Христосъ, Его Святая и Божественная жизнь, Его искупительный за насъ подвигъ, Его страданіе и крестная смерть. Вотъ наши добродѣтели, братіе. Будемъ съ вѣрою взирать на Икупителя нашего и къ Нему съ любовію прибѣгать. Вѣдь Онъ близокъ къ намъ, всегда съ нами, какъ Богъ и Избавитель нашъ. *Предзрѣхъ*, сказалъ тотъ же Давидъ, *предзрѣхъ Господа предо мною вину, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15: 8). Предъ добродѣтелию Сына Божія не устоитъ никакое уныніе и отчаяніе. Крестъ Христовъ, это дивное знаменіе благодати Божіей, усладить самое горчайшее чувство грѣшника, съ благоговѣніемъ повергающагося предъ Нимъ.

Такъ вотъ, братіе, какое намъ слѣдуетъ принять правило для огражденія себя отъ мечтательныхъ помысловъ о себѣ, и въ щить противу унынія и отчаянія. вмѣсто стѣны, на которой написаны у отшельника немощи и грѣхи, пусть будетъ намъ земля. Смотря на нее, станемъ представлять себѣ наше грѣховное растлѣніе, нашу брэнность и смертность, и тѣмъ самымъ смирять себя предъ Богомъ и предъ людьми. А вмѣсто стѣны, которая исписана у него добродѣтелями, станемъ взирать на небо. Тамъ нашъ Господь и Спаситель, тамъ наше *оправданіе и избавленіе* (1 Кор. 1: 30). Будемъ уповать на Его безмѣрное милосердіе и утверждать себя въ надеждѣ спасенія Божественнымъ ходатайствомъ Его. Боже нашъ, слава Тебѣ.

ПОУЧЕНІЕ 48.

Вредъ отъ вина и отъ пьянства.

Господи благослови!

Невинно вино, укориженно же пїянство.
(Притч. 20: 1).

До поводу усиленія и расширенія винопродажи въ настоящее время, не неумѣстнымъ найду сказать нѣсколько словъ о винѣ и о употребленіи вина, и для сего беру въ основаніе слова древняго Еврейскаго наставника. Вотъ, что онъ говоритъ: *невинно вино, укориженно же пїянство*. Что этимъ хочетъ сказать наставникъ? Конечно то, что ежели бываютъ худыя послѣдствія отъ вина, то этому причиною не самое вино, а употребленіе вина, просто: виновато не вино, а самъ человѣкъ.

Невинно вино. Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Ежели человѣкъ отъ употребленія вина совсѣмъ дѣлается другимъ, какъ же невинно вино? Ежели человѣкъ, упоенный виномъ, приходитъ въ такое состояніе, что вредитъ самъ себѣ, какъ же невинно вино? Ежели человѣкъ пьяный дѣлаетъ то, чего бы никогда не сдѣлалъ трезвый, то какъ же невинно вино? Пожалуй скажутъ защитники вина: „да вѣдь вино отъ Бога, плодъ Его творческой силы, а *всякое*, по Апостолу, *созданіе Божіе добро*“ (1 Тим. 4: 4). Да, добро, но въ своемъ отношеніи. И древо познанія добра и зла было созданіе Божіе. И оно слѣдовательно было добро, да какъ? Черезъ невкушеніе плода его. Такъ и вино. Не прикасайся къ нему, и будетъ добро. Это тоже для насъ плодъ запрещенный. Кто удержится отъ него, будетъ благополученъ,—кто предастся ему, будетъ несчастенъ. Вино—это подлинно ядъ, которымъ врагъ отравляетъ насъ; это приманка, которую онъ ловляетъ насъ въ погибель; это дверь, черезъ которую онъ входитъ въ насъ и губитъ насъ. Каковъ пьяный?—Это прямо бѣснующій. Какія дѣйствія вина? Именно сатанинскія. Смѣхъ, шумъ, крикъ, сквернословіе, ругательства, драки, безчинства, всѣ пороки и преступленія и постыдная смерть. „Да вѣдь это бываетъ“, скажутъ, „отъ неумѣреннаго употребленія вина“. А отъ умѣренности развѣ далеко до неумѣренности? Вѣдь и всякій пьетъ не для того, чтобы напиться до неумѣренности къ стыду и вреду своему. Иначе зачѣмъ же ему жалѣть о томъ, до чего доводитъ его неумѣренное употребленіе вина? Дѣло въ томъ, что таково свойство вина, что оно разжигаетъ въ человѣкѣ всѣ чувства, воз-

буждаетъ всѣ страсти и мало-по-малу приводитъ его въ самозабвеніе. Какъ же оно невинно? Вѣролтно имѣлъ же причину Апостоль, хотя и въ другомъ отношеніи, сказать: *добро не пити вина* (Рим. 14: 21).

Но пусть *невинно вино*. Пусть оно, по временамъ, *пріемлется стомаха ради и недуповъ* (1 Тим. 5: 23); пусть оно *полезно животу человѣчу* (Сирах. 31: 31), пусть оно даже *веселитъ сердце чловѣка* (Пс. 103: 15): но все это только тогда, когда вино употребляется въ мѣру, съ благоразуміемъ, съ осторожностію. А этого-то по большей части и не бываетъ. Мы зачастую видимъ, особенно въ нынѣшнее время, въ народѣ крайнее невозддержаніе, чрезмѣрную страсть къ винопитію: видимъ болѣе и болѣе распространяющееся, преимущественно въ низшихъ сословіяхъ народа, пьянство. А каково это пьянство? *Укоризненно пьянство*, говоритъ древній наставникъ. Да, *укоризненно*, постыдно; мало этого, вредно и пагубно. Постыдно, говоримъ. Да какъ постыдно-то! Въ какое позорное положеніе приводитъ себя чловѣкъ пьяный! Какъ онъ отвратителенъ, какъ безуменъ! Всѣ стараются удалаться, бѣжать отъ него, какъ отъ неистоваго какъ отъ бѣснумаго. До какой степени онъ забываетъ себя, свое званіе, свою честь! Какихъ не говоритъ нелѣпостей, какихъ не дѣлаетъ безчинствъ? Вредно, говоримъ, пьянство. Кто первый врагъ и злодѣй для себя, какъ не пьяница? Онъ верадить о себѣ, забываетъ свои обязанности, бросаетъ занятія, теряетъ службу; онъ разстраиваетъ свое состояніе, производитъ безпокойство, огорченія, досады въ семействѣ, вноситъ въ домъ свой недостатки и нищету. А какой конецъ этого? Часто болѣзни, увѣчья и, хотя медленная, смерть; а нерѣдко за это безумное удовольствіе пьяницѣ приходится и внезапно поплатиться жизнію. И отходить несчастный въ вѣчность, на страшный судъ Божій, отходить во всей грѣховной нечистотѣ, безъ малѣйшей надежды на милость Божію, отходить, какъ поругатель святаго Христіанскаго званія и произвольный самоубійца, отходить, оставляя послѣ себя безвинно страдать жену и дѣтей и влачить жизнь горькую и бѣдственную!

Можно ли, братіе, представить зло злѣйшее, пагубнѣйшее пьянства? И что за приманка въ винѣ? Что за наслажденіе въ пьянствѣ? Одно самозабвеніе, которое развѣ можно назвать наслажденіемъ? Стоитъ ли же изъ-за такого безумнаго наслажденія губить себя, свое семейство, свою честь, свою душу? И что бы еще значило то, что всегда почти пьютъ вино и предаются пьянству одни мужчины! У всякаго пьяницы жена и дѣти трезвы, пьянъ одинъ домохозяинъ, одинъ-

глава семейства, пьянъ только тотъ, который долженъ пецись о благосостояніи своего дома, о благополучіи и спокойствіи своего семейства, тотъ, который долженъ служить во всемъ примѣромъ для своихъ домашнихъ, правиломъ разумной, Христіанской жизни? Какъ хотите, а пьянство есть изобрѣтеніе діавола, и пьяница—вѣрный служитель его. Врагъ человѣческаго рода умѣетъ губить людей; онъ такъ и распространяетъ свои лукавыя сѣти, и вино у него если не первое, то ужъ нивакъ не послѣднее средство къ уловленію людей въ его пагубную власть. Вотъ что на этотъ разъ говорятъ намъ отеческія наставленія: *Діаволь радуяся малолетъ, яко николиже тако веселюся и радуяся о жертвъ поганыхъ чловѣкъ, т. е. идолослужителей, яко же убо о пияныхъ Христіаныхъ. Въ пияницахъ бо вся воля моя. Яко пияни мои суть, а трезвиі Божіи. И сія излагавъ діаволь, рече бѣсомъ: идите и поучайте Христіанъ на пиянство, и на всю волю моего хотѣнія* (Прол. 7 Апрѣл. Поучен.). Имѣяй уши слышати, да слышитъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 49.

Основанія, по которымъ церковное богослуженіе начинается съ вечера.

Господи благослови!

Вавтра у насъ, благочестивые жители града, свѣтлый праздникъ въ честь чудотворной иконы Матери Божіей, Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Праздникъ этотъ, по установленію Церкви, начнемъ сегодня же вечернею и всенощнымъ бдѣніемъ. Я сказалъ: *по установленію Церкви*. Что значитъ такое установленіе? Для чего Христіанское празднованіе всегда начинается съ вечера предшествующаго дня и продолжается въ ночь на самый праздничный день? Есть-ли на это основанія, и какія? Безъ сомнѣнія есть. Безъ основанія ничего не дѣлаетъ и чловѣкъ разумный, кольми паче Св. Церковь, руководимая словомъ и Духомъ Божіимъ, не можетъ установить чего-либо иначе, какъ утверждаясь на словѣ и разумѣ Божіемъ.

Начнемъ съ первыхъ страницъ откровеннаго слова Божія. Богородицеписатель, изображая шестидневное твореніе міра, послѣ каждого дня дѣлаетъ такое замѣчаніе: *и бысть вечеръ и бысть утро день единъ, день вторыи, третій* (Быт. 1: 5, 8, 13), и далѣе. Вотъ видите, — Самъ Богъ твореніе міра начиналъ съ ве-

чера каждого дня. Не есть ли это основаніе и намъ начинать святое дѣло молитвеннаго служенія Богу съ вечера на наступающій день? Такъ и дѣлаетъ Св. Церковь. Она именно каждую дневную службу начинаетъ вечернимъ молитвословіемъ, и въ началѣ этого самаго молитвословія прославляетъ Бога, Творца міра, воспѣвая къ Нему: *дивна дѣла Твоя Господи! Вся премудростію сотвори.г еси.* Видите, братіе, что великое дѣло Божіе, сотвореніе міра, воспріяло начало свое съ вечера!

Вотъ и другое великое дѣло Божіе, и начало его опять съ вечера. Израильтянъ Господь Богъ избавилъ отъ рабства Египетскаго и ввелъ ихъ въ землю обѣтованную. Какъ это было? Предъ назначеннымъ днемъ исхода, Израильтяне, по повелѣнію Божію, заклали вечеромъ въ каждомъ домѣ агнца, испекли и съѣли его, и въ полночь вышли изъ Египта. Такъ избавленіе Израильтянъ началось съ вечера и совершилось ночью. Этимъ событіемъ положено у нихъ начало величайшему празднику, называемому Пасхою, который подобнымъ образомъ, также по повелѣнію Божію совершался у нихъ ежегодно во все послѣдующее время. Видите—Еврей главнѣйшій праздникъ свой, Пасху, совершали, по повелѣнію Божію, съ вечера, ночью.

И третіе величайшее дѣло Божіе совершилось съ вечера и ночью. Это спасеніе рода человѣческаго. Спаситель нашъ Господь совершилъ святѣйшее таинство Евхаристіи вечеромъ и началъ Свои страданія въ саду Геосиманскомъ ночью. Распятіе и смерть Его послѣдовала къ вечеру. Свѣтлое воскресеніе Его озарило міръ гъ прополовляющейся ночи или въ самую полночь послѣ субботы. По повѣствованію Евангелиста Маттея, Марія Магдалина съ другою Марією тотчасъ послѣ субботняго вечера пришли ко гробу и уже увидѣли камень отваленнымъ отъ гроба, и услышали отъ Ангела благовѣстіе воскресенія. Значить, торжество воскресенія, этотъ величайшій Христіанскій праздникъ, начался съ вечера; первая всемірная всенощная совершилась ночью, и не на одной землѣ, а и на небѣ, и даже во адѣ. Ибо тогда, по свидѣтельству Церкви, *вся исполнишася свѣта, небо же, и земля, и преисподняя* (Пасх. кан. пѣсн. 3 троп. 1).

Вотъ, братіе, основанія, по которымъ Св. Церковь установила начинать празднованіе съ вечера, и совершать молитвенныя бдѣнія ночью. Къ этому, конечно, имѣла въ виду и другія священныя событія, равно какъ и священныя примѣры. Рождество Спасителя нашего послѣдовало и прославлено на землѣ ликомъ восхваляющихъ

Бога Ангеловъ—когда? Ночью. Иисусъ Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, при чемъ отверзлись небеса, сошелъ во свѣтъ Божественномъ Святый Духъ и гласъ Бога Отца провозвѣстилъ крещаемого Сыномъ Его возлюбленнымъ—когда? Опять, по предаію, ночью. Гора Ѡаворская озарилась божественнымъ свѣтомъ во время преображенія Христова, явились два величайшіе древніе пророка, и бесѣдовали о крестной тайнѣ спасенія человѣческаго рода, наконецъ услышанъ былъ снова гласъ Бога Отца о Сынѣ Его возлюбленномъ—когда? Тоже ночью. Иисусъ Христосъ во время земной жизни Своей, и по большей части любилъ совершать молитву Свою по ночамъ, и молитву еще всенощную. *И бѣ*, говоритъ однажды Евангелистъ о Христѣ, *и бѣ обзъ ночь въ молитвъ Божию* (Лук. 6: 12). Пророкъ Давидъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеть, ночью вставалъ на молитву. *Полунощи*, говоритъ, *востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоя* (Пс. 118: 62). Апостоль Павелъ однажды во время службы на воскресный день поучалъ вѣровавшихъ *до полунощи* и бесѣдовалъ съ ними *до зари*. *Бяжу* же, замѣчаетъ дѣеписатель, *свѣщъ многи въ горнищѣ* (Дѣян. 20: 7, 8, 11). Первенствующіе Христіане совершали службу по большей части въ ночное время, и конечно, не по одному страху гоненія, а подражая своему Спасителю,—и имѣя въ виду древніе богозаповѣданные примѣры.

И какъ это въ самомъ дѣлѣ хорошо! Какое удобство входитъ въ общеніе съ невидимымъ, когда все видимое отдалается отъ насъ, перестаетъ, какъ бы, для насъ существовать. Какая свобода открывать душу свою предъ Богомъ, бесѣдовать съ Нимъ въ молитвѣ, въ поученіи и пѣснопѣніи, когда умоляетъ житейская суета, когда спитъ мятежный міръ, когда окружаетъ насъ безмолвіе и тишина, когда ничто не поражаетъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и не развлекаетъ нашего вниманія! На что молитвенникамъ день? Вѣдь Христіане должны молиться не такъ, какъ фарисеи, не на показъ другимъ, не для того, *яко да прославятся отъ человекъ* (Матѣ. 6: 2). У Христіанъ, какъ у сыновъ свѣта, и ночи нѣтъ, Христіане и ночью, какъ днемъ, должны бодрствовать, жить во свѣтѣ благодати, *поучатся въ законъ Господни* (Пс. 1: 2) и прославлять своего Творца и Бога *во псалмѣхъ и пѣннѣхъ и пѣснѣхъ духовныхъ* (Ефес. 5: 19). *Ночь не свѣтла не вѣрнымъ*, поеть Св. Церковь, *вѣрнымъ же просвѣщеніе* (7 гл. пѣсн. 5 Ирм.), конечно духовное, умное, сердечное просвѣщеніе отъ свѣта невественнаго, божественнаго.

Вотъ, братіе, каково состояніе Христіанъ. У нихъ и ночь дѣ-

ляется днемъ. Тогда какъ другіе спять, или ходять во тьмѣ грѣховной, они бодрствуютъ во свѣтѣ дѣлъ Божиихъ, бодрствуютъ во славу Божию и въ собственное свое спасеніе. Благодареніе Матери нашей Св. Церкви за спасительныя установленія Ея! Боже пашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 50.

Причины чудотворенія отъ святыхъ иконъ.

Господи благослови!

Въ честь Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы Православная Христіанская Церковь много совершаетъ празднествъ. Она торжественно воспоминаетъ всѣ важнѣйшія событія изъ жизни Ея, Рождество, Введеніе во Храмъ, Благовѣщеніе и Успеніе; молитвенно прославляетъ Ея Богоматернее заступленіе и спасеніе отъ бѣдъ, каковъ, наприм., праздникъ честнаго Покрова Ея, и совершаетъ празднества въ честь чудотворныхъ иконъ Ея. Такъ пшѣ совершаемъ мы, братіе, празднество Матери Божіей въ честь находящейся здѣсь чудотворной Иконы Ея, Всѣхъ Скорбящихъ Радости. А среди празднества чудотворной иконъ, мнѣ представляется не излишнимъ обратить пѣкоторое вниманіе на чудотвореніе святыхъ иконъ. Очевидно, что не всѣ св. иконы чудотворны, хотя безъ сомнѣнія могутъ быть чудотворными. Какимъ же образомъ бываетъ, что та или другая св. икона, преимущественно предъ другими иконами, дѣлается чудотворною? Вопросъ, въ существѣ своемъ, конечно, превышающій разумѣніе человѣческое. Такія тайны Божіи намъ не дано знать. *Кто бо разумъ умъ Господень, иже изгяснитъ и?* (1 Кор. 2: 16). Да. *Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа* (Пс. 146: 5). Непостижимою своею премудростію и силою Онъ творитъ, елика хоцетъ. Однакожь, братіе, не можетъ ли быть и на сторонѣ человѣка чего либо такого, что бы, такъ сказать, привлекало великую и чудодѣйственную силу Божию? Нѣтъ ли какихъ либо причинъ и обстоятельствъ, по которымъ бы Господь Богъ и Матерь Божія являли Свое благоволеніе преимущественно къ той или другой святой иконѣ и изливали чрезъ нихъ токи благодатныхъ исцѣленій и чудесъ? Кажется, не погрѣшимъ, если благоговѣнно размыслимъ и благочестно скажемъ что либо на сей разъ.

Святые иконы, какъ извѣстно, дѣлаются руками человѣческими, и лики святыхъ начертываются кистию художника. А одинаковы ли художники? Всѣ ли, или лучше, многіе ли изъ нихъ достойны,—не говоримъ по искусству,—по расположенію своихъ мыслей и намѣреній, по чистотѣ души и тѣла? Искусство въ этомъ святомъ дѣлѣ еще не значитъ ничего, или имѣетъ только самую малую цѣну. Такое произведеніе, какова та или другая св. икона, непременно требуетъ рукъ чистыхъ и не оскверненныхъ (по крайней мѣрѣ великими) грѣхами. Мудрено ли послѣ этого, ежели святая икона, написанная художникомъ Богобоязненнымъ и благочестивымъ, достойнѣе въ очахъ Божіихъ и болѣе способна къ принятію благодатной силы Божіей? *Господь*, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *любитъ праведники* (Пс. 145: 8). А какъ скоро Онъ любитъ праведниковъ, то безъ сомнѣнія, пріятны ему и дѣла праведниковъ, и труды ихъ, особенно такіе святыя, каковы изображенія святыхъ. Такъ, по древнему церковному преданію, написалъ нѣсколько иконъ Божіей Матери Св. Апостоль и Евангелистъ Лука, и всѣ эти иконы чудотворны. Такъ, у насъ написалъ, вромѣ другихъ иконъ, икону Успенія Божіей Матери, извѣстную подъ именемъ Семигородской, Преподобный Діонисій Глушицкій, и икона эта чудотворная. Много, много значитъ въ святомъ дѣлѣ изображенія святыхъ духовное достоинство художника,—обитающій въ немъ духъ благочестія и страха Божія. Посему-то нѣкоторые иконописцы, въ прежнія у насъ времена, какъ повѣствуютъ намъ предки наши, приступали къ этому святому дѣлу не иначе, какъ предварительно очистивъ себя молитвою и постомъ, и при написаніи иконы содержали себя въ благоговѣйномъ настроеніи духа.

Великая разность и въ молитвенникахъ, и въ поклонникахъ предъ святыми иконами. Всѣ Христіане прибѣгаютъ и припадаютъ къ святымъ иконамъ, но одни изъ нихъ, обремененные грѣхами, часто безъ вѣры, безъ усердія, безъ страха Божія; другіе—съ открытымъ сердцемъ, съ живою вѣрою, со слезною молитвою. Неужели же эти молитвенники равны въ очахъ Божіихъ? Неужели спасительная благодать Божія не ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ? А тѣмъ паче, если молится предъ святою иконою праведникъ? Не будетъ ли тогда святая икона особенною посредницею между Богомъ и молящимся Ему праведникомъ? Не льется ли на этой иконѣ знаменіе благодати Божіей? Молился праведный Прокопій Устюжскій предъ иконою Божіей Матери Благовѣщенія, и отъ Святой иконы послѣдовало чудо. Молился Благовѣрный Князь

Игнатій предъ образомъ Божіей Матери, Всѣхъ скорбящихъ Радости, и Святой образъ, что нынѣ находится въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ, сдѣлался чудотворнымъ. Такъ до-нынѣ сохраняютъ въ себѣ чудодѣйственную благодать Божию многія святыя иконы, предъ которыми изливали свои молитвы и которымъ поклонялись святые.

Съ одной стороны опять многочисленность святыхъ иконъ, съ другой—собственная небрежность наша или другія какія обстоятельства бывають причиною того, что нѣкоторыя иконы остаются безъ благоговѣйнаго поклоненія, часто въ неприличномъ положеніи, нерѣдко не въ соответственныхъ святости ихъ мѣстахъ. Господу Богу или Пречистой Матери Его и святымъ противно это,—и вотъ слѣдуютъ откровенія свыше, различныя видѣнія во снѣ въ простотѣ вѣрующимъ, или въ болѣзняхъ находящимся. Вслѣдствіе этого святыя иконы, по извѣстнымъ указаніямъ, обрѣтаются, и въ особенной благодати Божіей, на нихъ почивающей, свидѣтельствуется происходящими отъ нихъ знаменіями и чудесами. Такъ обрѣтена святая икона Божіей Матери въ Казани, которая, по неизвѣстному обстоятельству, сокрыта была въ землѣ. Такъ и нынѣ почитаемая нами икона Божіей Матери, Скорбящихъ Радости, по указанію свыше, обрѣтена въ одной сельской церкви въ числѣ ветхихъ и внѣ церкви хранящихся иконъ. Подобныхъ чудотворныхъ иконъ много въ нашемъ отечествѣ во всѣхъ мѣстахъ.

Вѣроятно, нерѣдко бывають причиною или поводомъ къ прославленію иконъ и разныя несчастныя обстоятельства, или общественныя, или частныя. Въ такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно, прибѣгаютъ къ Господу Богу и Пречистой Матери Его съ усердными молитвами, и Господь Богъ, изливая Свои милости на народъ, являетъ знаменіе благодати Своей на тѣхъ св. иконахъ, предъ которыми, преимущественно, приносятся молитвы. Такъ, когда страшная каменная туча висѣла надъ городомъ Устюгомъ и когда упомянутый нами праведникъ съ народомъ молился предъ образомъ Божіей Матери о избавленіи города отъ казни, Матерь Божія, во свидѣтельство Своего ходатайства предъ Сыномъ Своимъ и Богомъ, показала на святой иконѣ знаменіе: изъ пречистыхъ очей Ея текло слезное муро. Такъ опять, когда враги окружили великій Новгородъ и когда освященный Соборъ съ народомъ ополчился на нихъ молитвами, въ преднесеніи иконы Матери Божіей, заступница Христіанъ разсѣяла полчища враговъ и показала знаменіе Своего благоволенія на той же самой иконѣ, которая потому и называется до-нынѣ *Знаменіемъ*. Подобнымъ образомъ и въ нашемъ градѣ, когда

свирѣствовала смертоносная язва и предки наши умоляли Бога о избавленіи ихъ отъ смерти единокровнымъ воздвиженіемъ храма, милость Божія излилась на народъ, и знаменіе этой милости доселѣ сохраняется на чтимой здѣсь чудотворной иконѣ Всеимлостиваго Спаса.

Вотъ, братіе, есть же и на сторонѣ человѣка причины, по которымъ Господь Богъ изливаетъ на насъ благодать Свою посредствомъ той или другой святой иконы. Что же со стороны Самого Бога? Развѣ земные образы небесныхъ могутъ оставаться безъ всякаго отношенія къ Своимъ первообразамъ? Не есть ли это таинственные пути, по которымъ льется на бѣдствующій человѣческій родъ спасительная благодать Божія? Въ царствѣ природы Господь устроилъ ключи, источающіе цѣлебныя воды. Вотъ и въ царствѣ благодати, въ церкви Православной, открылъ Онъ, сверхъ невидимыхъ, таинственныхъ источниковъ, каковы таинства церковныя, видимые, осязаемые источники благодати и спасенія,—это святыя чудотворныя иконы Самого Господа и Святыхъ Его, преимущественно же Пречистой Матери Его, Владычицы міра и Предстательницы и Заступницы Христіанъ. Прибѣгайте же, Христіане, къ этимъ источникамъ исцѣленій и врачуйтесь у нихъ отъ своихъ немощей, кто отъ унынія, кто отъ страстей, кто отъ житейскихъ скорбей, кто отъ болѣзней тѣлесныхъ, а всѣ и паче всего отъ смертельныхъ ранъ душевныхъ, отъ грѣховъ нашихъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 51.

Сокровища на кладбищахъ.

Господи благо слово!

Въ завтрашній день Св. Церковь совершаетъ память Великому-ченика Димитрія. День этотъ замѣчательнъ у насъ, Православные Христіане, поминовеніемъ усопшихъ. Великій Князь Россійскій Димитрій Іоанновичъ, по прозванію Донской, послѣ знаменитой побѣды надъ татарами, установилъ ежегодно въ предшествующую этому дню субботу творить поминовеніе Православныхъ воиновъ, положившихъ животь свой за вѣру, Церковь и отечество въ Задонской битвѣ. Суббота эта съ тѣхъ поръ неизмѣнно считается у насъ *родительскою*, т. е. днемъ поминовенія, вмѣстѣ съ воинами, всѣхъ представльшихся родителей, чадъ и сродниковъ нашихъ. Прав-

да, и поминаеніе умершихъ нынѣ уже не въ такой силѣ, какъ было у благочестивыхъ предковъ нашихъ. Уроливое просвѣщеніе много измѣнило и этотъ Христіанскій обычай. Но,—благодареніе Богу!—еще много, премного у насъ такихъ, которые слѣдуютъ древнимъ благочестивымъ обычаямъ и правиламъ, и поминаеніе умершихъ считаютъ дѣломъ священнымъ, и для себя отраднымъ и утѣшительнымъ, и для умершихъ полезнымъ и душеспасительнымъ. И вотъ, лишь настанетъ родительскій день, спѣшать Православные въ Церковь, и преимущественно на кладбище, гдѣ сокрытъ прахъ близкихъ и дорогихъ сердцу ихъ.

Кладбище! О, какая это юдоль плачевная, какое это таинственное мѣсто! Есть на чемъ тутъ вниманіемъ остановиться, есть о чемъ тамъ подумать. Видишь повсюду народъ плачущій; каждый стоитъ надъ гробомъ, изливаетъ въ слезахъ душу свою. Что это такое? О чемъ они плачутъ? Что у нихъ отнято, что сокрыто тутъ въ землѣ? Ахъ, отнято счастье, сокрыта любовь и надежда, погребена, можно сказать, самая жизнь. Тутъ лежатъ безвозвратно отшедшіе, у кого родители—надежда и призоръ юности, у кого дѣти—подпора и утѣшеніе старости, у кого мужъ или жена—любовь и счастье жизни,—вообще тутъ близкіе, дорогіе сердцу, тутъ сокровище сердца. Не даромъ же сердца плачущихъ рвутся туда, къ своимъ сокровищамъ. *Идѣже есть, сказано, сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6: 26). Да, природа крѣпко связываетъ насъ узами плоти и крови, и разрывъ этого союза всегда чувствительно болѣзненъ бываетъ для насъ. Поэтому слезы невольно льются у насъ на могилахъ родныхъ нашихъ, тяжелыя дыханія сами собою рвутся изъ сердецъ нашихъ. Мы забываемъ тутъ все: сокрытый въ могилѣ прахъ намъ дороже всѣхъ сокровищъ.

Да, братіе. Кладбище дѣйствительно наполнено сокровищами. Да только такими ли, какими мы ихъ себѣ представляемъ? Хотите ли: я покажу въ нихъ другаго рода сокровища, сокровища не по отношенію къ нашимъ чувствамъ, не по сродству ихъ съ нашею плотію и кровію, а по собственному достоинству ихъ, сокровища, дѣйствительно и несравнимо высшія и драгоцѣннѣйшія всѣхъ земныхъ сокровищъ. Что значить тѣ сокровища, надъ которыми такъ много трудится человѣкъ и пріобрѣтеніе которыхъ такъ дорого считаетъ для себя? Что золото и серебро, что драгоцѣнныя камни? Та же бездушная земля, только свѣтлая, блестящая. А прахъ, лежащій въ могилахъ? О, какой чудный, какой таинственный, какой священный этотъ прахъ. Для этого праха міръ сотворенъ; для этого праха

Сынъ Божій страдалъ, умеръ и воскресъ; для этого праха рай небесный, Царство Божіе устроено. Этотъ прахъ былъ живымъ существомъ, носилъ въ себѣ образъ Божій, зналъ и любилъ Бога, воспѣвалъ и прославлялъ Его, служилъ и поклонялся Ему; этотъ прахъ омытъ благодатно-спасительною водою, запечатлѣнъ дарами Святаго Духа, напитанъ Божественнымъ тѣломъ, напоенъ животворящею кровію; этотъ прахъ таинственно соединенъ съ Богомъ, и въ самой смерти безсмертенъ, въ самомъ разрушеніи неразручимъ. Кончится міръ, потухнетъ блескъ земныхъ сокровищъ, померкнетъ самое солнце, не будетъ на небѣ звѣздъ, а прахъ этотъ явится новымъ существомъ, духовнымъ, нетлѣннымъ, чистымъ, какъ Ангель, свѣтлымъ, какъ солнце. Онъ будетъ снова жить несравненно лучшею жизнію, жить ужъ не на землѣ, а на небѣ, снова будетъ хвалить и славословить Бога, вмѣстѣ съ Ангелами, снова будетъ причастникомъ свѣта и славы Божественной, и уже не въ зеркалѣ и гаданіи, а лицомъ къ лицу. Какое же это въ самомъ дѣлѣ, братіе, чудное, ни съ чѣмъ несравнимое сокровище—сокрытая во гробѣ персть и брѣпіе Христіанъ! Не даромъ съ такою честію всегда сопровождается и хоронится въ пѣдра земныя эта персть. Видимо по всему, что она сокровище—и сокровище не міра сего, а будущаго вѣка, драгоценность, сохраняемая для славнаго Царства Божія.

Какъ послѣ этого кстати вспомнить намъ, братіе, Христіанское наставленіе Апостола. *Не хочу васъ, братіе, говорить онъ, не вѣдѣти, о умершихъ да не скорбите* (1 Сол. 4: 13). Приличенъ ли въ самомъ дѣлѣ плачь надъ такимъ сокровищемъ, каковъ прахъ Христіанскій,—и плачь еще горькій и безотрадный? Будемъ плакать лучше, знаете ли какъ? Въ молитвѣ о прощеніи грѣховъ умершихъ сродниковъ нашихъ. Слезная молитва о нихъ—вотъ прекрасный, настоящій Христіанскій плачь, плачь и для насъ сладкій, и имъ спасительный. Капли слезныя, изливаемые нами предъ Богомъ въ молитвѣ вѣры и любви, не мало помогутъ имъ къ очищенію грѣховъ ихъ и къ вселенію ихъ въ свѣтлыхъ обителѣхъ Небеснаго рая. О, если бы намъ чаще такъ помнить родителей и сродниковъ нашихъ! Этимъ мы доказали бы имъ наилучшимъ образомъ свою любовь къ нимъ и память о нихъ. По настоящему времени пельзя забыть намъ, братіе, и другихъ умершихъ, сродныхъ намъ по любви ихъ къ намъ и по подвѣтлымъ ими подвигамъ за насъ. Разумѣю вопновъ и всѣхъ положившихъ души свои за отечество наше въ битвахъ съ извѣстными мятежниками. Они пролили за насъ свою

кровь,—прольемъ и мы за нихъ ко Господу молитвы о блаженномъ упокоеніи душъ ихъ.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ, убиенныхъ за Отечество на брани! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 52.

Сочувствіе къ современнымъ бѣдствіямъ отечества.

Господи благослови!

*Аще страждетъ единъ уды, съ нимъ
страждутъ вси уди. Вы же есте тѣло
Христово и уди отъ части. (1 Кор.
12: 26. 27).*

В. Апостоль Павель, побуждая вѣрующихъ къ взаимной любви, къ взаимному состраданію, къ взаимной помощи, представляетъ имъ поучительный образецъ взаимнаго согласія въ тѣлѣ человѣческомъ. Тѣло человеческое, какъ извѣстно, имѣетъ различные члены,—главу, руки, ноги и органы чувствъ. Всѣ эти члены имѣютъ свои способности, и отправляютъ каждый свое дѣло; не смотря однакожь на это, они всегда и во всемъ согласны,—одинъ другому сочувствуютъ, одинъ другому помогаютъ, одинъ другаго защищаютъ. И ежели подвергнется какой болѣзни, вакому страданію одинъ членъ, всѣ ему сочувствуютъ, всѣ ему сострадаютъ. *Аще страждетъ единъ уды, съ нимъ страждутъ вси уди.* Такъ, по разуму Апостола должно быть и въ Христіанахъ. И Христіане составляютъ одно новоблагодатное, таинственное тѣло, котораго глава—Христось, а сами порознь суть члены этого тѣла. *Вы же есте тѣло Христово и уди отъ части,* говоритъ Апостоль. А какъ скоро такъ, какъ скоро всѣ Христіане, какъ члены, составляютъ одно тѣло, то и въ нихъ должна постоянно существовать взаимная любовь, взаимное согласіе, взаимное сочувствіе, взаимная помощь и защита. И ежели случится одному Христіанину, или нѣкоторымъ изъ Христіанъ потерпѣть или духовное, или тѣлесное бѣдствіе и страданіе, имъ должны сострадать всѣ, имъ помогать, ихъ защищать и сохранять всѣ. Такое мудрое наставленіе даетъ Апостоль Христіанамъ любить другъ друга, помогать другъ другу, и защищать другъ друга. Эта духовная, благодатная связь между Христіанами скрѣпляется еще одинаковымъ происхожденіемъ, одинаковымъ языкомъ, одинаковыми законами и властію,—скрѣпляется, говорю, союзъ Христіанъ еще единствомъ и

цѣлостію народа. Вообще народъ или общество Христіанъ должно быть единымъ тѣломъ какъ по единой общей любви къ своему Спасителю и Богу, такъ по любви въ своему природному Царю и Отечеству.

Ежели такое единство, такое взаимное согласіе и любовь должны существовать во всякомъ Христіанскомъ народѣ, то не болѣе ли у насъ, Россіяне, у насъ, у которыхъ и вѣра чистая, Православная, и Царь правовѣрный и благочестивый? Такъ бы непременно надлежало быть. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? По крайней мѣрѣ въ такой ли силѣ между нами взаимное сочувствіе, какъ бы этому быть надлежало? Вотъ нынѣ многіе изъ нашихъ членовъ страдаютъ по большей части на смерть. Въ какомъ страхѣ, въ какомъ постоянномъ смятеніи находятся теперь братья наши въ краю, потрясенномъ злоумышленіемъ и безчеловѣчными дѣйствіями мятежниковъ! Сколько отъ нечестивыхъ рукъ ихъ пало нашихъ Православныхъ доблестныхъ воиновъ, сколько сдѣлалось страдальцевъ на всю жизнь отъ понесенныхъ ранъ! Чего не потерпѣли и не терпятъ отъ нихъ самые мирные жители! Какое многіе, премногіе понесли разореніе, потери своего достоянія! Какіе претерпѣли истязанія, какую страшную смерть отъ святотатственно именующихся послѣдователями Христовыми, въ самой же вещи учениковъ и послѣдователей страшнаго предателя Христова! Что же мы, наслаждающаяся благоденствіемъ и спокойствіемъ братіе? Какое являемъ сочувствіе къ страждущимъ братіямъ нашимъ? Правда, слышны со всѣхъ почти сторонъ отголоски, заявляющіе сочувствіе къ страждущимъ, приносятся даже жертвы на исцѣленіе ранъ пострадавшимъ. Но соотвѣтственны ли это сочувствіе и эти жертвы тому страданію, какое претерпѣли и претерпѣваютъ страждущіе? Чисты ли даже они по своему происхожденію, и вполне ли свидѣлствуютъ о нашемъ Христіанскомъ усердіи? Патріотическія рѣчи и задравные тосты въ честь поборниковъ благоденствія Отечества—свидѣтельство, еще не исключющее другаго рода предположеній. Денежныя жертвы также не громкое явленіе Христіанской любви. Въ то же время приносятся, и еще большія, жертвы у насъ въ свое удовольствіе,—и тѣ только временно, а эти постоянно и всегда. Истинное усердіе и любовь не любятъ возгласовъ. Евангельская вдовица положила жертву въ церковное хранилище такъ, что никто, кромѣ Спасителя, этого и не замѣтилъ. А что она положила? *Все житіе свое* (Марк. 12: 44), т. е. все, что только имѣла. Закхей, и при всѣхъ, но безъ тщеславія, сказалъ Христу: *се ползъ имѣнія моего, Господи, дамъ ни-*

щимъ (Лук. 19: 8). Вотъ это жертвы, такъ жертвы! Въ такихъ жертвахъ ужъ видимо показывается искреннее усердіе и любовь къ Богу и ближнимъ, и *такими жертвами* несомнѣнно, скажемъ съ Апостоломъ, *благодарюется Богъ* (Евр. 13: 16). Вотъ опять наступаетъ время рекрутскаго пабора. Сколько тутъ будетъ слезъ, сколько семейныхъ потрясеній! Знаю, что народъ нашъ горитъ усердіемъ къ Царю, и уже вполне заявилъ свою готовность на всякое пожертвованіе въ пользу отечества. Но нельзя же отрицать и того, что жертва эта не можетъ не коснуться болѣзненно сердце чувствительныхъ. Разрывъ семейный и родственныи, по самой природѣ нашей, всегда бываетъ тяжекъ для насъ, и часто отзывается колебаніемъ и разстройствомъ въ домашнемъ быту. Такъ вотъ на какія жертвы многіе изъ братій нашихъ вызываются теперь, жертвы самыя чувствительныя, жертвы, которыя напередъ надо еще омыть горячими слезами.

Итакъ въ отечествѣ нашемъ теперь сугубый, можно сказать, плачь. Этому плачу, по общему нашему Христіанскому и патриотическому союзу, слѣдовало бы всѣмъ намъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, сочувствовать. Однакожъ что мы видимъ? Одни страдаютъ, другіе торжествуютъ: у однихъ плачь, у другихъ веселіе, да какое веселіе? Прихотливое и не Христіанское. Вотъ, напримѣръ, и здѣсь опять устроенъ театръ, и начались забавныя и увеселительныя представленія, — представленія, требующія постоянныхъ и значительныхъ жертвъ; а какое дѣйствіе и цѣль ихъ? Развѣ они совмѣстны съ духомъ и значеніемъ Христіанства? Развѣ они не разрушительны для вѣры и благочестія Христіанскаго? Развѣ можно Христіанипу быть и въ церкви и въ театрѣ? *Кое общеніе свѣту ко тмѣ? Или кая часть овра на съ не-отвѣрнымъ? Или кое сложеніе Церкви Божіей со идола* (2 Кор. 6: 14, 15, 16). Вѣдь театры—изобрѣтеніе и увеселеніе собственно язычниковъ. Кто изъ древнихъ Христіанъ и изъ нашихъ предковъ ходилъ въ театры и участвовалъ въ увеселеніяхъ языческихъ? Напротивъ, не запрещали ли это всѣмъ вѣрующимъ Учители Церковныя? Вселенскій учитель Христіанъ, святой Златоустъ говорилъ нѣкоторымъ изъ Христіанъ своего времени такъ: „ежели вы станете ходить въ театры, то я не пущу васъ въ церковь“. Прекрасно. Истинно такъ. Одно изъ двухъ: или быть Христіаниномъ, или язычникомъ, или служить истинному Богу, или Ваалу. Не защищайся никто духомъ времени и примѣрами другихъ—духъ времени наносный и примѣры въ большей части нпоземныя. Истинный Христіанинъ долженъ руководствоваться духомъ Христовымъ и примѣрами

святыхъ. Иначе онъ будетъ Христіанинъ только по имени, а въ самомъ дѣлѣ сынъ вѣва сего и рабъ своихъ страстей.

Пусть же подумаютъ нѣкоторые изъ насъ, братіе, не колеблется ли образъ жизни ихъ, не только вѣра въ Бога, но и усердіе къ братьямъ нашимъ, членамъ одного политическаго тѣла—отечества нашего, не набрасывается ли тѣнь на заявленные многими любовь къ отечеству и сочувствіе къ бѣдствующимъ братіямъ нашимъ? Въ тѣлѣ человѣческомъ, ежели какой членъ не чувствуетъ боли, находящейся въ прочихъ членахъ, считается онѣмѣвшимъ и омертвѣвшимъ. Въ такомъ же коначенно состояніи находится и тотъ, кто не сочувствуетъ ближнему въ его злостраданіи и скорби. Будемъ, братіе, молить Господа, чтобы въ тѣлѣ любезнаго отечества нашего не было ни одного печувствительнаго члена. А между тѣмъ выслушиваемъ, и замѣтимъ на-крѣпко увѣщаніе Святаго Апостола, возлюбленнаго ученика Христова: *чадца Моя, не любимъ словомъ ниже лзыкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3: 18). Боже нашъ слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 53.

Христіане — воины.

Господи благослови!

Сегодня у насъ, какъ и вездѣ, начало рекрутскаго набора, вступленіе нѣкоторыхъ изъ среды мирной жизни на поприще отечественной службы. Военская служба! Да, это трудная, чувствительная повинность! Сыну надо оставить отца и мать, брату—братевъ и сестеръ, перѣдко мужу—жену и дѣтей; отцу и матери надо проститься съ сыномъ, братьямъ и сестрамъ—съ братомъ, женою—съ мужемъ, дѣтямъ—съ отцемъ,—проститься надолго, надолго, можетъ быть навсегда. Человѣку надо разстаться съ роднымъ краемъ, съ мирнымъ и свободнымъ домашнимъ бытомъ и идти въ дальнюю и неизвѣстную сторону, подчиниться постоянному и строгому порядку и обречь себя на терпѣніе, подвиги и труды, перѣдко на самую смерть. Но что же дѣлать, братіе, когда такая тяжелая повинность со стороны нашей необходима, когда Св. Церковь и Отечество требуютъ защиты отъ враговъ? И поступающіе на службу военскую идутъ на защиту своей родины, на защиту своихъ домашнихъ, и, что всего важнѣе, на защиту всего своего

отечества, на защиту Православной вѣры и Святой Церкви, идутъ на огражденіе престола Царя—Благодѣтеля,—скажите, какой это высочій жребій, какое святое поприще, какал затѣмъ свѣтлая будущность! Что въ сравненіи съ этимъ домашняя жизнь? Дома вѣдь мы живемъ по большей части только для себя, а тамъ—на службѣ воинской—прямо для Бога, для Царя и для отечества; тамъ положить, кому Богъ велитъ, душу свою за вѣру, за Царя, за отечество, вѣдь это значитъ явиться на тотъ свѣтъ мученикомъ, истиннымъ воиномъ Христовымъ!!

Благодумствуйте же, избранники Царевы, вооружитесь вѣрою и любовію ко Христу Богу и идите съ усердіемъ и преданностію служить своему Царю, служить за непоколебимость державнаго престола Его, на охраненіе святой Православной вѣры и Церкви и на защиту своего любезнаго отечества и вмѣстѣ за всѣхъ своихъ родныхъ и домашнихъ. Трудно вамъ разставаться съ родиной и съ родными; по вѣдь вы Христіане, а у Христіанъ истинная отчизна не здѣсь,—здѣсь только временное пребываніе, нѣкоторая, болѣе или менѣе продолжительная, остановка на пути къ вѣчности. Вамъ предлагать труды и подвиги; но вѣдайте, что человекъ и рождается на трудъ, и живетъ на свѣтѣ трудомъ, и безъ труда онъ всегда и вездѣ жалкое и несчастное существо. Инымъ изъ васъ доведется пасть въ этомъ поприщѣ и пролить кровь свою,—что жъ? Вѣдь ни одного нѣтъ безсмертнаго. Смерть таковыхъ,—какъ мы и замѣтили уже, славный и вѣрный путь на небо. Претерпѣвъ такую смерть, они получаютъ блаженство, которымъ награждать ихъ Праведный Господь и которое будетъ неотъемлемою частию ихъ на всю вѣчность.

Что теперь остается думать намъ, братіе,—намъ, которые на сей разъ или вообще не подлежимъ такой отечественной повинности, которые остаемся въ своемъ мѣстѣ, при своихъ занятіяхъ, при своей собственной свободѣ? Думаете ли, что на насъ не лежитъ никакого обязательнаго долга, что отъ насъ не требуется никакой отвѣтственности за нашу жизнь и наши дѣла, что намъ можно только жить да веселиться? Развѣ мы не такіе же, или не подобны отечественнымъ воинамъ войны? Съ самаго рожденія и крещенія мы вступили въ воинство Царя Христа, и должны носить это званіе до смерти. Да, братіе. Всѣ мы—воины, всѣ поступили въ службу Царю нашему небесному, всѣ должны подвизаться на поприщѣ этой службы, святой Христіанской жизни. Смотрите же,—поступающіе въ воинскую службу оставляютъ свою родину, домъ, отца, мать, жену, дѣтей и сродниковъ своихъ. Не то же ли самое

должны дѣлать и мы? Что говорить Христось? *Иже любитъ отца или матеръ, сына или дщеръ паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10; 37). *Всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матеръ, или жену, или чада, или села имени Моего ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный насльдитъ* (Матѳ. 19: 29). Вотъ видите, и мы должны оставить дома, родителей, дѣтей и сродниковъ, оставить, разумѣется, не такъ, какъ оставляютъ обыкновенные отечественные воины; мы—воины духовные, а потому и оставлять своихъ должны духовно, т. е. не имѣть къ нимъ излишней плотской привязанности, должны, какъ и выше сказалъ Господь, служить преимущественно Ему и любить Его болѣе, чѣмъ своихъ родителей, дѣтей и сродниковъ.

Воины во все время службы проживаютъ на чужой сторонѣ, въ обществѣ съ чужими людьми, и знаютъ только свое воинское дѣло. И мы, Христіане, какъ воины духовные, должны жить тоже какъ бы на чужой сторонѣ; міръ сей и блага его должны быть для насъ чужими; имѣть общеніе съ міромъ и пользоваться благами его намъ слѣдуетъ только по необходимой потребности. Все вниманіе, вся забота, вся дѣятельность наша должны быть обращены единственно на то, чтобы намъ *достойно ходить* своего званія (Ефес. 4: 1) и исполнять во всемъ волю Божию.

Воины должны ополчаться противу враговъ, сражаться съ ними мужественно, не отступать назадъ. Это прямое ихъ назначеніе и существенный долгъ. А и мы, Христіане, развѣ мирные жители? Развѣ у насъ нѣтъ враговъ и намъ не надлежитъ никакая брань? Что же такое говорить Апостоль вѣрующимъ? *Бодрствуйте, мужайтесь, утверждайтесь* (1 Кор. 16: 13). *Облецытесь во вся оружія Божія* (Ефес. 6: 11). Что заповѣдуетъ Онъ ученику своему, Тимоѳею? *Ты, говоритъ, злопостражди яко добръ воинъ Исусъ Христовъ* (2 Тим. 2: 3). Брань, братіе,—брань предлежитъ Христіанамъ,—и какая? Постоянная, непрерывная отъ юности до самой смерти, съ какими врагами? Не съ видимыми, не съ смертными, а съ невидимыми, всегда съ живыми и дѣйствующими, съ діаволомъ, съ миромъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, со страстями и похотями живущими въ насъ и воюющими противу насъ. Вся жизнь Христіанина брань; всю жизнь мы должны сражаться за свое святое званіе и отстаивать сокровище благодати, дарованное намъ Спасителемъ нашимъ Исусомъ Христомъ. И только тотъ истинный Христіанинъ, кто *будетъ вѣренъ Христу до смерти* (Апок. 2: 10); только тотъ спасется, кто будетъ подвизаться за имя Христово и за Святой За-

конь Его до конца жизни. *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѳ. 10: 22), сказалъ Господь.

Воины по большей части въ битвѣ съ врагами проливаютъ кровь свою и всегда идутъ на брань съ готовностію положить душу свою. То же самое и у Христіанъ. И Христіане въ борьбѣ со своими врагами ничего не должны шадить; распинаясь міру и умерщвляя свои страсти, они должны полагать за Христа и душу свою. *Иже поубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Марк. 8: 35), говоритъ Самъ Христосъ. Что это за погубленіе души? Примѣры Христіанскаго погубленія души представляютъ намъ пустынные подвижники и Христовы мученики. Пустынные подвижники положили души свои за Христа безъ пролитія крови, отреченіемъ отъ міра, постомъ, бдѣніемъ, воздержаніемъ и умерщвленіемъ страстей. Святые мученики, какъ истинные воины Христовы, положили души свои за Христа и за исповѣданіе вѣры Христовой съ пролитіемъ крови своей.

Воиновъ, служащихъ Царю вѣрно и усердно, подвизающихся на брани противу враговъ мужественно, Царь всегда награждаетъ знаками своего монаршаго благоволенія. Царь ли небесный воиновъ своихъ, истинныхъ Христіанъ, вѣрно и усердно служащихъ Ему и доблестно подвизающихся въ борьбѣ съ врагами Его, оставитъ безъ награды? *Радуйтесь и веселитесь, говоритъ Онъ таковымъ, яко мзда ваша нова на небесѣхъ* (Матѳ. 5: 12). *Побѣждающему дамъ съйти со Мною на престолъ Моимъ* (Апок. 3: 21). *Буди ты вѣренъ даже до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2: 10).

Вотъ, братіе, не одно то воинство, въ которое вступаютъ инопѣкоторые изъ соотечественниковъ нашихъ, не одни тѣ воины, которые ратуютъ за свое отечество противъ враговъ. Всѣ Христіане—воины, подвизающіеся за имя Христово и за свое душевное спасеніе. И не считайте это одними словами, однимъ Христіанскимъ разсужденіемъ. Нѣтъ. Это дѣйствительная обязанность, существенный долгъ Христіанъ. Никто не можетъ и не долженъ считать себя истиннымъ Христіаниномъ, кто, въ возможной мѣрѣ, не подвизается на поприщѣ своей жизни, не противится своимъ страстямъ и не избѣгаетъ худыхъ и порочныхъ дѣлъ. Прискорбно видѣть, какъ не малая часть Христіанъ, особенно пышнѣшняго времени, измѣняютъ своему Христіанскому званію. Записавшись въ число воиновъ Христовыхъ, и не думаютъ оставить свою грѣховную родину, живутъ, по-прежнему, въ союзѣ съ міромъ, съ своими родными страстями занимаясь пустыми, ни къ чему непотребными дѣлами и развѣжи-

ваясь чувственными наслаждениями. Какъ многіе не только не ополчаются на своихъ враговъ, но и любятъ ихъ, служатъ имъ и, какъ плѣпники, исполняютъ волю ихъ! Какъ иные даже находятся въ бѣгахъ отъ службы,—не ходятъ въ церковь, не говѣютъ, не знаютъ праздниковъ, ни постовъ, и живутъ внѣ священнаго воинскаго станна—Церкви Божіей. А какъ было бы хорошо, если бы всѣ, имеющіеся Христіанами, были истинными воинами Христовыми! Тогда не было бы вовсе никакихъ бѣдъ и смятеній, не было бы никакихъ войнъ, не было бы такого страшнаго кровопролитія, столь противнаго и укоризненнаго для Христіанъ: тогда всѣ Христіане обратились бы на своихъ истинныхъ враговъ, и сами жили бы въ искреннемъ неразрывномъ союзѣ любви! Поревнуемъ по крайней мѣрѣ, Православные, сами-то мы о взаимномъ мирѣ между собою, чтобы единодушно и съ бодростію ратовать противъ враговъ нашего спасенія. Затѣмъ предадимъ и себя, и подвигающихся за отечество воиновъ нашихъ Промыслителю нашему Богу, Который, по премудрой волѣ и всемогущей силѣ Своей, *мертвитъ, и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Царст. 2: 6). *Той дастъ силу и державу людямъ Своимъ* (Пс. 67: 36), *и вознесетъ кроткія во спасеніе* (Пс. 149: 4). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 54.

Христіанское геройство.

Господи благослови!

Въ прошедшій разъ сказали мы, братіе, что Христіане суть воины Царя Небеснаго, и жизнь Христіанскую уподобили службѣ воиновъ, ратующихъ за земнаго Царя и отечество. А всѣ ли воины у Царя земнаго одинаковы? Всѣ ли они служатъ Царю съ равною ревностію, съ равнымъ мужествомъ и съ равнымъ успѣхомъ? Нѣтъ. Одни служатъ обыкновенно,—безпорочно, усердно, исправно, и—только. Другіе отличаются особеннымъ мужествомъ, особеннымъ самоотверженіемъ, производятъ великія и славныя дѣла и приобрѣтаютъ отъ современниковъ и отъ потомства справедливую дань любви, уваженія и славы. Такіе необыкновенные воины считаются, какъ извѣстно, *героями*, людьми по особеннымъ дарованіямъ ума, духа и силъ великими. Нѣтъ ли подобныхъ героевъ и между воинами Царя Небеснаго, между Христіанами? Много, много, братіе, у Хри-

всіанъ такихъ героевъ. Читая и слушая про необыкновенные Христіанскіе подвиги ихъ, невольно поражаешься удивленіемъ, благоговѣніемъ и трепетнымъ восторгомъ, недоумѣваешь предъ явленіемъ неисповѣдимой силы Божіей, совершающейся *въ скудныхъ* чело­вѣческихъ *сосудѣхъ* (2 Кор. 4: 7), такъ что становится очевидно яснымъ и несомнѣнно вѣрнымъ дивное изреченіе Спасителя нашего: *вся возможна въ рующему* (Марк. 9: 23). Посмотримъ, братіе, ближе на этихъ христіанскихъ героевъ, которые не удовлетворились обыкновеннымъ образомъ Христіанскаго житія, а рѣшились на чрезвычайные духовные подвиги, и зато удостоились чрезвычайныхъ знаменій и чудесъ отъ прославляющаго ихъ Бога.

Первыми въ обществѣ вѣрующихъ величайшими героями показали себя св. мученики. Правило чело­вѣческаго благоразумія требуетъ не подвергать себя опасностямъ, напротивъ того удалять ихъ, и удаляться отъ нихъ всякими непредосудительными способами. Самъ Господь далъ Апостоламъ подобное правило на случай преслѣдованія ихъ отъ враговъ Христіанства. *Егда, сказалъ, понятъ вы во градъ семъ, бѣгите въ другій* (Матѣ. 10: 23). Посему, многіе изъ Христіанъ во времена гоненій или тайно исповѣдывали вѣру, или скрывались отъ враговъ, или убѣгали въ пустыни. Ревностнѣйшіе же изъ нихъ поступали не такъ. Они не могли утаить своей вѣры, не могли заключить въ одномъ сердцѣ своей любви ко Христу. Они сами являлись къ мучителямъ, сами провозглашали себя Христіанами,—и какихъ не претерпѣли страданій за Христа! Мужеству ихъ изумлялись сами мучители. Что же Господь? Оставилъ ли ихъ въ страданіяхъ ихъ безъ Своей помощи? Напротивъ, Онъ показалъ на нихъ все богатство Своей бла­гости, и геройскую вѣру и любовь ихъ прославилъ предъ лицомъ всего міра. Чудесамъ, которыя совершались надъ мучениками въ страданіи ихъ, и по смерти ихъ, не было числа.

Обыкновенное же и всегдашнее между Христіанами геройство есть монашество. Это уже цѣлое сословіе героевъ. Извѣстно, что законъ Христіанскій благословляетъ и жизнь супружескую, позволяетъ и пользоваться законною свободою, и имѣть каждому честно пріобрѣтаемую собственность. Монахи живутъ не такъ. Они опредѣляютъ себя на всегдашнее дѣвство, даютъ обѣтъ не имѣть ни въ чемъ своей воли и не пріобрѣтать никакой собственности. Скажите же, не герои ли это въ Христіанскомъ обществѣ. Величайшіе изъ монашествующихъ героевъ суть пустынники. Св. вѣра никого не гонитъ изъ общества. Можно безпрепятственно угождать Богу вмѣ-

ствѣ съ другими и спастись въ обшемъ братствѣ. А вотъ же являются такіе, которые живутъ и спасаются одиноки, въ пустыняхъ, въ лѣсахъ, въ горныхъ утесахъ, часто безъ крова, безъ одежды, безъ пищи. Каковъ подвигъ, напимѣрь, Маріи Египетской? Сорокъ семь лѣтъ прожить на открытомъ воздухѣ, обнаженной, безъ хлѣба, часто безъ воды, прожить, не видавъ ни одного человѣка, претерпѣть и дождь, и снѣгъ,—да это намъ, слабымъ, прихотливымъ и вообразить невозможно. Зато и Богъ прославилъ Свою героиню вполне. Она ходила по водамъ, какъ по сушѣ, и во время молитвы стояла на воздухѣ, не касаясь земли, какъ Ангель (1 Апрѣля). Подобныхъ болѣе или менѣе и другихъ гороевъ Христіанская Церковь считаетъ множество.

Было не мало особеннаго рода Христіанскихъ героевъ, которые извѣстны подъ именемъ *юродивыхъ*. Эти избранники Божіи, познавъ суету жизни сей и уразумѣвъ, что самая *премудрость міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19), отверглись міра среди самаго міра, приняли на себя образъ лишенныхъ разума, и въ этомъ состояніи провели всю жизнь, претерпѣвая и наготу, и голодъ и холодъ, и насмѣшки, и досажденія изъ любви къ пострадавшему за насъ Спасителю нашему Богу. Многіе изъ нихъ прославлены отъ Бога особенными знаменіями небснаго благоволенія къ нимъ. Такъ, напим., Св. Андрей сподобился въ церкви во время всеобщаго бдѣнія видѣть Матерь Божію, явившуюся на воздухѣ и молящуюся за міръ (1 Октября).

Христіанское геройство есть отреченіе отъ прісныхъ, оставленіе родителей и сродниковъ и удаленіе отъ нихъ, для посвященія всей жизни Богу. Святая Христіанская вѣра, разумѣется, не требуетъ ни отъ кого такого отреченія, напротивъ заповѣдуетъ всѣмъ жить въ купѣ, во взаимномъ согласіи и любви, во всякомъ попеченіи другъ о другѣ. Правда, Господь говоритъ въ Евангеліи: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене Моего ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Матѣ. 19: 29). Но это отнюдь не общая всѣмъ вѣрующимъ заповѣдь. Это высокій подвигъ, предлагаемый только произволяющимъ и доступный только сильнымъ вѣрою и любовію ко Христу. И были такіе сильные, такіе необыкновенные подвижники, въ числѣ вѣрующихъ. Горя неподражаемою ревностію къ духовной жизни, они разрывали естественную связь съ родными, тайно оставляли дома, родителей и сродниковъ и обреза-ли себя на жизнь суровую, одинокую, часто безпріютную, стран-

ническую и бѣдственную. Кто изъ насъ не знаетъ Преподобнаго Алексія человѣка Божія? Сынъ знаменитаго Римскаго вельможи, онъ, въ самый брачный вечеръ, тайно оставилъ домъ, родителей, невѣсту, и жилъ, какъ бѣдствующій странникъ въ чужихъ мѣстахъ, наконецъ въ самомъ домѣ своихъ родителей подъ образомъ пищаго, претерпѣвъ и здѣсь всякаго рода лишенія и озлобленія, а паче всего душевную скорбь отъ разлуки съ родителями въ виду самихъ родителей. Великій, чудный показалъ герой сей подвигъ терпѣнія, такъ что, читая жизнь его, нельзя удержаться отъ слезъ. Великую и славу получилъ онъ отъ Бога. По кончивъ его, небесный голосъ во всеуслышаніе провозвѣстилъ искать человѣка Божія, и этимъ *человѣкомъ Божиимъ* оказался умершій нищій, безвѣстно жившій въ дому своихъ родителей (17 Марта).

Христіанское геройство есть отреченіе отъ богатства, богоугодное расточеніе своего имущества и произвольная нищета. Къ такому геройству призывалъ Самъ Господь одного богатаго. *Аще хочещи совершенъ быти, сказалъ ему, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ; и имѣти имаша сокровище на небеси* (Матѣ. 19: 21). Видите, Самъ Господь называетъ такой подвигъ совершенствомъ, высокимъ состояніемъ вѣры. Христіанину вовсе не предосудительно обладать земными сокровищами, только бы приобрѣтеніе ихъ было честно и безукоризненно, и пользованіе ими благоразумно и безпристрастно. Но если бы кто въ святой заботливости о своемъ спасеніи, рѣшился отречься отъ всего, отдалъ свое достояніе бѣднымъ, и самъ избралъ себѣ путь жизни смиренный, воздержный, строго-Христіанскій,— скажите, кто бы не сочелъ его человѣкомъ великимъ, истиннымъ Христіанскимъ героемъ? А таковыхъ героевъ было въ средѣ Христіанъ много, безъ числа. И всѣ они, безъ сомнѣнія, были возведены отъ Бога такъ или иначе еще и здѣсь, а за гробомъ получили въ воздаяніе сокровища небесныя.

Да какихъ не было героевъ на всѣхъ путяхъ жизни Христіанской, въ каждомъ, можно сказать, родѣ добродѣтелей Христіанскихъ? Возьмите, напримѣръ, милосердіе къ страждущимъ. Какую геройскую любовь къ ближнему показалъ на себѣ рабъ Божій епископъ Павликъ! На искупленіе плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ онъ употребилъ все свое достояніе и, когда, по просьбѣ одной вдовицы, на искупленіе сына ея уже нечего было дать, что онъ сдѣлалъ? Отдалъ самого себя въ плѣнъ, въ замѣнъ сына вдовицы. Изумительная жертва любви! Какой же этому былъ конецъ? Господь въ сонномъ видѣніи открылъ вельможѣ, у котораго служилъ

Павлинъ, что плѣнникъ его есть великій человекъ, и когда открылась истина, епископъ съ честію былъ возвращенъ въ свое отечество вмѣстѣ со всѣми плѣнными соотечественниками (Прол. 23 Янв.). Возьмите опять блюденіе своей непорочности и чистоты. Повѣствуется, что одинъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ въ Египтѣ, соблазвившись, по нѣкоторому случаю, бесѣдою съ женщиной и расположившись мыслями и желаніями на плотскій грѣхъ, вспомнилъ Евангельское слово Господне: *аще око твое соблазняетъ тя, истгни е; добръе ти есть со единымъ окомъ внити въ Царствіе Божіе, неже двѣ оцѣ имущу ввержену быти въ геенну огненную* (Мар. 9: 47),—и что же онъ сдѣлалъ? Взялъ острое орудіе и выкололъ себѣ глазъ. Такъ сильно подѣйствовало на него слово Божіе, и такъ велика была вѣра этого Христіанина, что опъ буквально исполнилъ заповѣдь Христову! Взаимно и Премудрый Господь буквально исполнилъ на Немъ Свое другое, такъ же необыкновенное, слово. Въ то время Египетъ былъ во власти Магометанъ. Не вѣрный мучитель, призвавъ къ себѣ Христіанскаго епископа и указавъ ему на нѣкоторую гору, коварно предложилъ ему доказать истину Христіанской вѣры исполненіемъ слѣдующихъ словъ Спасителя: *аще имате вѣру, речете гору сей: преиди отсюду тамо и преидетъ* (Матѣ. 17: 20). Господь не допустилъ до поруганія своего имени и св. проповѣданной вѣры и не посрамилъ вѣрующихъ. По общей молитвѣ Епископа со всѣми Христіанами, указавъ и вызвавъ былъ герой вѣры, помянутый серебряныхъ дѣлъ мастеръ, который лишь только произнесъ молитву къ Спасителю, воспомянувъ вышереченныя Божественныя слова Его, тотчасъ сдѣлалось землетрясеніе, и гора двинулась съ мѣста своего (Пролог. 7 Октября).

Вотъ, братіе, какіе герои находятся въ числѣ воиновъ Христовыхъ. Обладая величайшимъ дарованіемъ вѣры и любви ко Христу, они стали превыше человѣческой природы, и потому справедливо удивляется имъ и прославляетъ ихъ весь Христіанскій міръ. Но какъ не всѣ воины могутъ быть героями, такъ не всѣ Христіане могутъ взойти на такую высоту вѣры и добродѣтелей Христіанскихъ. *Не вси, сказалъ однажды Господь о совершенномъ дѣвственномъ цѣломудрїи, не вси влѣцаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Матѣ. 19: 11). То же надо сказать и вообще о высотѣ Христіанскаго совершенства. Не всѣ могутъ *достигати въ такую высокую мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4: 13), а только тѣ, которые съ необыкновеннымъ рвеніемъ образовали въ себѣ духовную способность и получили отъ Бога высокой даръ благодати.

Однакожь всѣ Христіане, какъ воины Христовы, должны подвизаться на поприщѣ вѣры и добродѣтели и быть побѣдителями своихъ порочныхъ страстей. О, если бы далъ Богъ намъ, братіе, хотя такую благодать и содѣлалъ насъ хотя о малѣ, но твердо вѣрными Ему! И тогда бы отраднo было каждому изъ насъ по смерти явиться къ Нему, и выслушавъ отъ Него такой утѣшительный привѣтъ: *добръ, рабе благій и вѣрный, о малѣ Ми былъ еси вѣренъ, надъ мноими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Матѣ. 25: 23). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 55.

Вѣра — основаніе любви къ отечеству.

Господи благослови!

Всегда, Православные Россіане, а особенно въ настоящее время, о! какъ полезенъ и нуженъ намъ духъ истинныхъ патриотовъ,—въ настоящее, говорю, время, сколь потребна для насъ любовь къ отечеству, когда такъ много у насъ враговъ отечества, когда столь многіе дѣятели и столь великія жертвы требуются на защиту и помощь. И, благодареніе Богу! Есть и дѣятели и жертвы. Что я говорю? И тѣ и другія безчисленны. Въ отечествѣ говоритъ любовь къ отечеству. Отсюду и отъ всѣхъ громко заявляется готовность служить отечеству всѣмъ; нѣтъ сословія, нѣтъ города, нѣтъ даже селенія, откуда бы не слышенъ былъ голосъ, свидѣтельствующій объ усердіи и преданности къ отечеству. Повторимъ: благодареніе Богу! Любовь къ отечеству—великое дѣло; она крѣпче и надежнѣе всѣхъ крѣпостей, несокрушимѣе всѣхъ оружій. Любовь къ отечеству—душа народа; а какъ скоро народъ одушевленъ, какъ скоро у народа одна душа, кто можетъ его разъединить, кто можетъ его побѣдить и сокрушить? Никто.

Великое, братіе, дѣло—любовь къ отечеству. Она—источникъ любви, согласія и всякаго порядка въ народѣ, на ней создается внутренній миръ и благоденствіе народа, она и щитъ и забрало для народа отъ враговъ внѣшнихъ. А знаете ли, гдѣ начало этой животворной отечественной силы? Откуда наша любовь къ отечеству рождается, чѣмъ питается, и отъ чего возрастаетъ? Ученые пусть разсуждаютъ объ этомъ, какъ хотятъ; мы, Христіане, скажемъ прямо и рѣшительно, что начало и жизнь любви къ отечеству есть вѣра

Христіанская. Православная Христіанская вѣра наша, братіе, — вотъ святой божественный источникъ любви нашей къ нашему Православному отечеству и къ нашему Православному Царю.

Возьмите прошедшія времена. Какимъ и внутреннимъ, а особенно внѣшнимъ бѣдствіямъ не подвергалось отечество наше! Какихъ не имѣло сильныхъ и многочисленныхъ враговъ! Однакожь всѣ враги, время отъ времени, были низлагаемы, не смотря на то, что предки наши не обладали большимъ искусствомъ въ воинскомъ дѣлѣ, — и отечество всегда торжествовало побѣду и возвращало въ предѣлы свои благоденствіе и миръ. Кто же одушевлялъ народъ, кто вооружалъ людей на защиту отечества отъ враговъ? Вѣра Православная. Вѣра побуждала отцевъ нашихъ и любить отечество, и стоять за отечество, до смерти. „Постоимъ“, говорили они, „за Святую Софію“. „Постоимъ“, говорили другіе, „за домъ Пречистыя“. „Постоимъ“, говорили всѣ, „за вѣру Православную, за Русь Святую“. Видите ли, братіе, что было дорого для отцевъ нашихъ, что они съ такою ревностію отстаивали отъ враговъ? Дорога имъ была вѣра Святая и Церковь Божія. По вѣрѣ и многочисленной затѣмъ святынь, любезно было имъ и отечество. Его именовали они не иначе, какъ „Русь Святая“. И подлинно *святая* по святой Православной вѣрѣ, *святая* по множеству святыхъ обителей и храмовъ, *святая* по множеству святыхъ чудотворныхъ иконъ, *святая* по множеству святыхъ многоцѣлебныхъ мощей угодниковъ Божіихъ.

Что какъ не вѣра и всегда одушевляетъ нашъ народъ и дѣлаетъ его приверженнымъ къ отечеству? Что для него особенно свято и досточтимо въ отечествѣ, какъ не отечественная святыня? По вѣрѣ святой, каждое мѣсто въ отечествѣ, озаменованное благодатію Божіею, для Православнаго народа нашего есть свято, и туда народъ стремится во всякое время, тысячами, десятками — сотнями тысячъ. Его не держитъ никакое пространство, никакая трудность въ пути. Сами знаете, братіе, сколько Православныхъ нашихъ поклонниковъ бываетъ въ Кіевѣ, у Соловецкихъ чудотворцевъ, и въ другихъ знаменитыхъ обителяхъ и мѣстахъ. Такъ велика вѣра у Православно-Русскихъ Христіанъ и такъ пламенная любовь къ отечественной святынь! Не по этому ли самому дорого намъ и самое отечество? Безъ всякаго сомнѣнія такъ. По вѣрѣ Православной любезно намъ и отечество наше Православное, дорогъ намъ и Царь нашъ Православный. О, если бы всѣ нынѣшніе возгласы къ Царю, заявляющіе всеобщее усердіе и любовь къ отечеству, были отголоскомъ вѣры Православной? Безъ вѣры, братіе, не можетъ быть истин-

пой любви ни къ отечеству, ни къ Царю. Одна вѣра воспитываетъ истинныхъ патріотовъ и изъ рода въ родъ передаетъ это святое наслѣдіе. Во всемъ свѣтѣ это открывается въ нашемъ Православномъ народѣ, который, будучи искренно расположенъ къ вѣрѣ и святынѣ Христіанской, вмѣстѣ съ тѣмъ горитъ постоянною любовію къ своему отечеству и къ своему Монарху, именуя его всегда *царемъ Православнымъ*. Жаль только, что, время отъ времени, духъ вѣры и въ нашемъ отечествѣ пачинаетъ оскудѣвать, и усердіе къ Церкви и святынѣ отечественной становится у нѣкоторыхъ на послѣднемъ мѣстѣ. Къ прискорбію, это замѣчается преимущественно между тѣмъ называемыми образованными людьми, которые, по свойству нынѣшняго воспитанія, обогатились познаніями болѣе естественными и ознакомились преимущественно съ міромъ, а не съ Святою Церковію. У таковыхъ уже не въ той силѣ и любовь къ отечеству. Таковые, какъ извѣстно, стремятся нерѣдко за предѣлы отечества, тамъ проводятъ не малое время, и оттуда возвращаются уже не всѣ съ прежними чувствами къ родному отечеству. И не мудрено. Лукавый міръ успѣлъ тамъ болѣе во вѣншей образованности и въ улучшеніи, по его мнѣнію, матеріальнаго быта, — поэтому и болѣе обаятеленъ для чувственной нашей природы. Сохрани Господи, ежели образованіе въ духѣ времени, а не по духу Христіанскому, распространится и на народъ. Неминуемо долженъ тогда послѣдовать въ народѣ упадокъ вѣры, а съ вѣрою — и любви къ отечеству. Не дивитесь, братіе. Вѣра трудно какъ-то уживается съ просвѣщеніемъ человѣческимъ. Она любитъ свѣтъ Божій; въ немъ живетъ, имъ озаряется и имъ укрѣпляется; а безъ него слабѣетъ, мертвѣетъ и разрушается.

Православные сыны Россіи! Ежели дорого намъ свое Православное отечество (а можетъ ли быть иначе?), ежели мы должны и желаемъ любить его искренно, постоянно, неизмѣнно, то будемъ хранить въ сердцахъ своихъ вѣру святую, будемъ, по примѣру отцевъ нашихъ, привержены къ Православной нашей Церкви и къ святынѣ отечественной. Вѣра есть краеугольный камень какъ для нашего душевнаго спасенія, такъ и для благосостоянія отечества нашего и для избавленія его отъ всѣхъ враговъ. *Сія есть побѣда, слажемъ* словами возлюбленнаго ученика Христова, *побѣдишия* и побѣждающая мятежный міръ, *вѣра наша* (1 Иоан. 5: 4). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 56.

Твердость русскаго народа къ Православной вѣрѣ и
приверженность его къ Церкви.

Господи благослови!

Сегодня, братіе, начало поста. Благочестивымъ предкамъ нашимъ не нужно было возвѣщать объ этомъ. Всѣ они, всѣ—до единаго, знали и соблюдали каждый установленный Церковію постъ. Для нынѣшнихъ Христіанъ иногда не лишнимъ оказывается напоминаніе о времени постовъ. И о, если бы это хотя было не лишне! Если бы Христіане считали для себя священнымъ и непреложнымъ правиломъ законоположеніе Церкви и не допускали своего разума быть судіею установленій церковныхъ и благочестивыхъ обычаевъ Христіанскихъ! А то что мы иногда видимъ? Вотъ Православный народъ Русскій соблюдаетъ каждый установленный Церковію постъ, ходитъ въ церковь, ставитъ свѣчи, и молится Богу, торжественно отправляетъ праздники церковные, совершаетъ поминовеніе усопшихъ; вотъ оцъ дѣлаетъ приношенія въ церкви, украшаетъ святыи иконы, заводитъ церковную утварь, льетъ колокола. Что это? Доброе ли, святое ли, богоугодное ли дѣло? Всякій Православный Христіанинъ скажетъ: непрсмѣнно такъ. Но вотъ же цѣкоторые изъ вышнихъ просвѣщенныхъ Христіанъ разсуждаютъ и говорятъ иначе. Они всѣ эти дѣйствія, всю Христіанскую вышность считаютъ принадлежностію простаго, непросвѣщеннаго народа; не видятъ въ ней достоинства и выраженія Христіанства, и требуютъ вѣры разумной, по ихъ выраженію, сознательной и осмысленной.

Такъ ли это, братіе? Можно ли отнимать достоинство у вышнихъ дѣйствій Христіанскихъ, лишать наружное Богопочтеніе ответственнаго ему значенія? Неужели Св. Церковь учредила свои обрядовыя дѣйствія безъ основанія, и всякій вышній знакъ усердія и любви Христіанъ матернимъ гласомъ одобряетъ и похваляетъ напрасно? Неужели Православные Христіане всѣхъ времениъ, соблюдая вышнія Христіанскія обязанности, поступали неразумно? За что пострадали еще древніе Маккавеи? За соблюденіе вышнихъ отеческихъ заповѣдей. А вѣдь Православная Христіанская Церковь считаетъ и чтитъ ихъ святыми мучениками. Самъ Господь не подтверждаетъ ли достоинства вышняго служенія Ему? Какую заповѣдь даль

Онъ первому человѣку? Сказаль ему: „не ѣшь плодовъ съ этого дерева“,—и только. Блудница истощила цѣлѣй алавастръ мѣра, возливая его на ноги Спасителя. Что же Господь? Развѣ сказаль ей: „напрасно тратишь ты мѣро; этого я не требую?“ Или опять убогая вдовица положила въ казну церковную двѣ малыя лепты. Сказаль ли Господь: „напрасная, не угодная Богу такая жертва?“ Нѣтъ и нѣтъ. Все это было угодно Богу, потому что было свидѣтельствомъ преданной Богу души, выраженіемъ внутренняго почтенія къ Богу. Первый человѣкъ оказалъ бы послушаніе Богу, если бы не вкусилъ запрещеннаго плода. Блудница изліяніемъ мѣра выразила сердечную любовь къ Спасителю; вдовица жертвою своею принесла Богу дань усердія и благодарности. Видите, что значить Христіанская внѣшность? Она есть выраженіе внутренняго состоянія духа, свидѣтельство вѣры и любви, живущей въ сердцѣ Христіанина и равномѣрно служащей къ возбужденію и воспитанію вѣры и любви. А безъ внѣшняго благочестія развѣ можетъ быть благочестіе внутреннее? Безъ дѣлъ развѣ можетъ быть вѣра? Ежели можетъ и бываетъ, то только мертвая, по свидѣтельству Апостола. *Якоже, говоритъ, тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2: 26). Поэтому и требуетъ тотъ же Апостоль отъ Христіанина добрыхъ и благочестивыхъ дѣлъ, какъ свидѣтельства вѣры. *Покажи ми, говоритъ, вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ* (Іак. 2: 18). *Не слышателіе закона, говоритъ и другой Апостоль, праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся* (Рим. 2: 13). Внѣшность Христіанскаго благочестія теряетъ свое достоинство только тогда, когда она бываетъ не искренняя, лицемѣрная. Такую набожность осуждаетъ Самъ Господь, когда говоритъ: *приближаются Мнѣ люди сіи усты своими и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѣ. 15: 8). Но этого никакъ нельзя отнести къ Православному Русскому народу. Простой народъ живетъ и дѣйствуетъ въ простотѣ вѣры. Скорѣе такая неискренность, такое лицемѣріе можетъ быть на сторонѣ не простолюдиновъ. Разумъ человѣческой, не одушевляемый сердечною вѣрою, умѣетъ лицемѣрить и любить показывать человѣка всегда высовимъ, отличнымъ отъ всѣхъ прочихъ. Таковы и были древніе фарисеи, которые и молились и постились, и милостыню творяли съ какимъ намѣреніемъ? *Да является человѣкомъ, и да прославятся отъ чловѣкъ* (Матѣ. гл. 6).

„Простой народъ“, скажутъ, „не понимаетъ, что дѣлаетъ; онъ только и соблюдаетъ внѣшность, безъ понятія о сущности Хри-

стіанства“. Пусть такъ. Чѣмъ же онъ виноватъ? Что знаетъ, то и исполняетъ. Пусть онъ дѣлаетъ одно вѣдншее добро; все же это добро, и порицать его нельзя. Развѣ лучше тотъ, кто знаетъ, и не исполняетъ? А вѣдъ и это бываетъ, и очень часто. Простодюдины не понимаютъ, да исполняютъ. Чего же лучше? Это и па-добно. Господь требуетъ отъ насъ только вѣры и послушанія въ исполненіи Святой воли Его, а у нихъ и есть и то, и другое.— Объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ дѣла. Вотъ дѣло другое, если бы кто оказалъ преслушаніе Святой Церкви, вздумалъ дѣлать что либо по-своему и въ слѣпной мечтательности дерзнулъ исказить древне-преданный образъ Христіанскаго благочестія. Таковыми сдѣлались только наши раскольники, которые гибли и гибнуть не столько отъ неразумія или неразвитости смысла вообще, сколько отъ жестокости сердца и отъ гордаго преслушанія Святой Православной Церкви.

Нынѣ требуютъ вѣры разумной. Не отвергаемъ участія разума въ дѣлахъ вѣры. Пусть онъ, сколько можетъ, освѣщаетъ путь благочестія Христіанскаго и предметы вѣры и правила Христіанской дѣятельности приближаетъ къ сознанию и чувству человѣка. Но руководителемъ и наставникомъ Христіанъ онъ быть не можетъ. Познаніе вѣры не есть самая вѣра. Вѣра истинная и спасительная есть благодатный даръ отъ Бога, и изливается прямо въ сердце человѣка. Поэтому всего чаще *буяя міра избираетъ Богъ, да премудрыя посрамитъ* (1 Кор. 1: 27). Кто слушалъ проповѣдь Спасителя и вѣровалъ въ Него, когда Онъ былъ на землѣ? Вѣдъ по большей части простой народъ. Кто былъ мытарь, кто разбойникъ, кто—блудница? Разумѣтся, люди простые, не ученые, да еще и грѣшники. А вѣдъ всѣ они прославили Бога, увѣровали въ Него и получили спасеніе отъ Бога.

Простой нашъ народъ часто укоряютъ въ грубости, и приверженность его къ вѣдншему благолѣнію церковному считаютъ неразумною. Нынѣшніе пенпризнашые попечители общественной экономіи перѣдко говорятъ: „то, что народъ жертвуетъ на вѣдншее украшеніе храмовъ и другіе церковные предметы, не лучше ли бы обратить въ пользу бѣдныхъ по состоянію людей?“ Такое разсужденіе, конечно, покажется для многихъ возвышеннымъ, разумнымъ, духовнымъ. А вѣдъ подобнымъ образомъ разсуждалъ и одинъ изъ Апостоловъ, когда, видя возліянія мвра на поги Спасителя, сказалъ: *чесо ради гибель сія бысть? Можаше бо сіе мвро продано быти на мноть и датися нищимъ* (Матѣ. 26: 8, 9). Что же? Хорошо ли онъ поступилъ и правильно ли разсуждалъ? И поступилъ нехорошо,

и разсуждалъ неправильно. Господь, вопреки словамъ его, одобрилъ поступокъ жепы и сказалъ о ней: *дѣло добро содѣла о Мнѣ* (Матѳ. 26: 10). Прекрасное, безъ сомнѣнія, дѣло помогать бѣднымъ. Но вѣдь одного другимъ замѣнять или одно другимъ отмѣнять пельзя. Развѣ Христіанинъ долженъ любить только своего ближняго? Не первѣ ли, и не болѣ ли должешъ любить Бога, по заповѣди Самого Спасителя? Важная, святая, истиппо-Христіанская добродѣтель— любовь къ ближнему, но только по вѣрѣ и любви къ Богу. А всегда ли бываетъ такъ? Любовь и усердіе къ ближнему могутъ быть и естественныя, слѣдовательно свойственныя и язычнику, и жида, и магометанину. А что если любовь наша еще самолюбивая, ежели усердіе наше къ ближнимъ еще своекорыстное? А не такова ли часто и есть любовь выпѣшнихъ челоѳколюбцевъ? Кого они болѣе любятъ, ближнихъ своихъ, или самихъ себя, когда даютъ концерты и спектакли въ пользу бѣдныхъ? Неужели угодна Богу жертва, приносимая нечистыми руками? Развѣ пріятна вода, текущая сквозь смрадный каналъ? Нѣтъ, въ подобныхъ возгласахъ скорѣе высказывается мрачное невѣріе и тайная ненависть къ Церкви Божіей. Не Боголюбець можетъ ли быть челоѳколюбцемъ? Истинный Христіанинъ, какъ сказали мы, долженъ любить первѣ Бога, и потомъ ближняго, или лучше, и Бога и ближняго одною чистою, безкорыстною, святою любовію. А слѣдовательно не однимъ бѣднымъ помогать, а и Святой Церкви служить, не одни правственныя добродѣтели исправлять, а и обрядовыя и церковныя обязанности исполнять.

Порадуемся, братіе, за Православный нашъ народъ, и поревнуемъ ему, смиряясь въ своей учености, вотъ въ чемъ: Въ немъ живеть еще вѣра отцевъ нашихъ, онъ горить еще усердіемъ къ Церкви Божіей. По духу вѣры, по приверженности ко всему отечественному, по твердости въ исполненіи установленій и правилъ церковныхъ, онъ утѣшеніе для Церкви нашей Православной. Далъ бы Господь Богъ, чтобы Православіе Русскаго народа, не смотря ни на какіе соблазны времени, пребыло навсегда непоколебимо и нерушимо. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 57.

Значеніе настоящей, временной жизни нашей.

Господи благослови!

Не искушеніе ли житіе челоуѣку на земли?

(Іов. 7: 1).

Икакой дѣлаетъ вопросъ извѣстный ветхозавѣтный страдалецъ, праведный Іовъ. И немудрено страдалцу прійти къ таковой мысли и сдѣлать такой вопросъ. Каждый, и не страдалецъ, внимательный къ себѣ и къ положенію земной жизни, не разъ долженъ прійти къ той же мысли и сдѣлать вопросъ: что это за жизнь наша? Отчего она такая краткая? Для чего она такъ полна бѣдъ и скорбей? Чтобы дать на это нѣкоторый отвѣтъ, покажемъ, братіе, значеніе настоящей, временной жизни нашей.

Жизнь свою мы называемъ пастоящею и временною, какъ она дѣйствительно и есть. Значить, есть еще жизнь будущая, вѣчная, какъ мы несомнѣнно вѣруемъ. И такъ жизнь челоуѣческая двоякая, или двѣ жизни для челоуѣка. Что это значитъ? Для чего не одна, и не одинакова жизнь, когда одинъ Богъ и Творецъ челоуѣка? По намѣренію Бога и Творца челоуѣковъ, одна, братіе, и должна быть жизнь и, конечно, непрестающая, вѣчная, какъ вѣченъ Творецъ и Богъ. Такъ и было, если бы грѣхъ, или лучше, самъ челоуѣкъ грѣхопаденіемъ своимъ не произвелъ раздѣленія въ жизни и не образовалъ для себя другой временной жизни. *Богъ, по свидѣтельству Писанія, смерти не сотвори. Нечестивіи же руками и словесы призваша ю, другиню омъниша ю, и исташа* (Премуд. 1: 13, 16). А если бы не было смерти, не было бы и конца жизни; значитъ, и была бы одна безкопечная, вѣчная жизнь. Иначе и быть не могло. Богъ создалъ челоуѣка для блаженства и, безъ сомнѣнія, вѣчнаго, какъ вѣченъ Самъ. Откуда же смерти? Отъ грѣха. *Оброцы грѣха смерть* (Рим. 6: 23), говоритъ Апостоль. А грѣхъ? Отъ самого челоуѣка. *Единѣмъ челоуѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся челоуѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим. 5: 12), говоритъ тотъ же Апостоль. Целіку же грѣшникъ не можетъ быть въ общеніи съ Богомъ, Праведнымъ и Святымъ, то Богъ и изгналъ падшаго челоуѣка изъ рая, т. е. изъ области жизни блаженной и вѣчной, и осудилъ его на кратковременную жизнь и смерть.—*Земля еси*, сказалъ Опъ падшему челоуѣку

вѣку, и *въ землю отъидеши* (Быт. 3: 19). Такимъ образомъ изъ единой вѣчной жизни выдѣлилась и образовалась другая, временная жизнь, и изгнанникъ изъ рая очутился *въ сей юдоли плачевной* (Пс. 83: 7), *въ странѣ смертной* (Пс. 9: 2), живя уже временною жизнію.

Однакожь, братіе, Праведный Господь изгналъ грѣшника изъ рая и осудилъ его, послѣ временной жизни, на смерть не для того, чтобы погубить его. Нѣтъ. Иначе Онъ лишилъ бы его жизни вовсе и осудилъ бы на вѣчную смерть. Онъ, по милосердію Своему, обѣщаль изъ сей юдоли плачевной извести его опять въ рай сла-дости, послѣ временной жизни возвратитъ его снова въ вѣчную жизнь, и послѣ временной смерти даровать ему вѣчное безсмертіе. *Не хочу*, говоритъ Онъ у пророка, *не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Иезек. 33: 11). Вотъ поэтому мы и называемъ нынѣшнюю свою жизнь настоящею и временною, и вѣруемъ, и ожидаемъ себѣ, по смерти, другой, будущей, вѣчной жизни.

Что же теперь настоящая, временная наша жизнь? Это можетъ объяснить намъ положеніе виновнаго человѣка, котораго хотятъ исправить. Представьте, что дѣлаетъ отецъ, когда провинится сынъ; или начальникъ, когда окажется своеволие подчиненный. Лишаютъ виновнаго, одинъ отеческой любви, другой—начальническаго расположенія, и опредѣляютъ его на жизнь суровую, прискорбную, или даже подвергаютъ какому либо временному удаленію отъ себя и заключенію—для чего? Чтобы виновный призналъ и почувствовалъ свою вину, понесъ за свое преступленіе справедливое наказаніе, раскаялся въ своихъ поступкахъ и показалъ омытъ исправленія. Это самое сдѣлалъ съ падшимъ человѣческимъ родомъ и Богъ, Отецъ и Господь его. Онъ удалилъ грѣшника изъ рая, лишилъ его Своего общенія и благоволенія, опредѣлилъ ему жизнь временную и бѣдственную, заключилъ его въ странѣ и сѣни смертной,—для чего? Чтобы грѣшникъ позналъ свой грѣхъ, почувствовалъ свою виновность, понесъ за свое грѣхонаденіе наказаніе, раскаялся, обратился въ Богу, искалъ въ Немъ и ожидалъ отъ Него своего спасенія и помилованія. Когда сынъ или подчиненный раскаются въ своей виновности и заглядятъ свое преступленіе претерпѣннымъ наказаніемъ и себя исправленіемъ: что тогда дѣлаютъ отецъ и начальникъ? Возвращаютъ ихъ въ прѣжее состояніе. Такъ поступитъ съ нами и Небесный пачъ Отецъ и Владыка. Послѣ сей временной жизни Онъ опять приметъ насъ въ вѣчную жизнь, для которой и сотворилъ

насть, и сдѣлалъ насъ участниками блаженства, которое предопредѣлилъ намъ. А съ наступленіемъ вѣчности кончится и временная жизнь, воскресеніемъ мертвыхъ упразднится и самая смерть, — и слѣдовательно наступитъ и будетъ одна жизнь вѣчная и безсмертная, какъ было и до грѣхопаденія нашего.

Видите теперь, братіе, какое значеніе имѣетъ настоящая, временная жизнь наша. Это время и мѣсто покаянія грѣшниковъ. Житіе наше на землѣ есть, по выраженію Іова, *искушеніе*. Мы живемъ здѣсь въ наказаніе отъ Бога за наше преслупаніе, живемъ для принесенія Богу раскаянія во грѣхахъ, живемъ, чтобы раскаяніемъ и исправленіемъ себя заслужить отъ Бога милость и прощеніе грѣховъ. По этому самому настоящая жизнь наша и исполнена всякихъ бѣдъ и скорбей. Вѣдь несообразно же преступнику наслаждаться благоденствіемъ и жить въ удовольствіи. Такъ и насъ окружаютъ многоразличныя бѣды и напасти для того, чтобы все напоминало намъ, что мы преступники предъ Богомъ, и располагало насъ къ раскаянію и обращенію къ Богу. Поэтому и Святая вѣра наша вызываетъ насъ на терпѣніе и подвиги. Она предписываетъ намъ и самоотверженіе, и умерщвленіе страстей, и подвигъ молитвы, и подвигъ поста. Все, и въ природѣ, и въ Церкви Божіей такъ расположено и устроено, что жизнь наша должна быть не иное что, какъ непрерывный подвигъ до самой смерти. *Претерпѣвый*, сказано, *до конца, той спасется* (Матѣ. 24: 13).

Прискорбна, какъ видите, братіе, участь наша на землѣ, въ настоящей временной жизни. *Тяжко шо*, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ, *тяжко шо на сынтѣхъ Адамлхъ, отъ дне исхода изъ чрева матере ихъ, до дне погребенія, въ мать всѣхъ* (Матѣ. 40: 1). Но здѣсь-то и открывается премудрость и благодать нашего Небеснаго Бога Отца. *Его же любитъ Господь, наказуетъ; бьетъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ* (Притч. 3: 12), говоритъ Писаніе. Да. Господь наказуетъ насъ не на пагубу намъ, а на пользу да причастимся святости Его (Евр. 12: 10.) Мы введены въ настоящую бѣдственную жизнь для очищенія нашего, для того, чтобы временнымъ злостраданіемъ и терпѣніемъ искупить вѣчную жизнь, и послѣ кратковременнаго страствованія на землѣ возвратиться въ блаженное отечество небесное. А ежели такова наша участь на землѣ, ежели таково назначеніе временной нашей жизни, то, какъ мы, братіе, должны жить, это уже ясно должно быть каждому изъ насъ. Къ намъ прямо относится наставленіе Премудраго, которое онъ даетъ своему сыну. *Сыне*, говоритъ, *не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабь-*

вай отъ Него обличаемый (Притч. 3: 11). Имъсно мы должпы всегда имѣть въ виду опредѣленіе Божіе о насъ и жить сообразно своему положенію и своему назначенію. Изгнанники, плѣнники, заключенные, состоящіе подъ наказаніемъ не живутъ весело. Такъ и мы. Должны съ терпѣніемъ проходить поприще настоящей жизни и благодушно переносить всѣ полезныя, житейскіе труды, духовныя подвиги и всѣ случающіяся съ нами бѣды и напасти, вѣдая, что такъ жить опредѣлено намъ отъ Бога и что за такую терпѣливую жизнь въ вѣрѣ намъ грѣшникамъ обѣщаль Господь прощеніе и блаженство въ будущей жизни. Сколь, слѣдовательно, благоразумны и счастливы мы, братіе, ежели проводимъ настоящую жизнь сообразно ея назначенію, въ трудахъ, въ терпѣніи, въ покаяніи, въ молитвѣ, во всякихъ добрыхъ дѣлахъ. А какъ, напротивъ, жалки, какъ несчастны мы, ежели въ настоящей жизни ищемъ себѣ, обольщаясь жаждою подобно больнымъ горячкою, только спокойствія и счастья, все трудное и непріятное для насъ, хотя и полезное, стараемся отъ себя удалять и, забывшись, все время проводить въ удовольствіяхъ и веселостяхъ. Такимъ образомъ, очевидно, вопреки вѣрѣ, мы обращаемъ мѣсто изгнанія въ свое отечество, среди гнѣва Божія и наказанія торжествуемъ, милость и любовь Божію къ намъ ни во что вмѣняемъ, и, вмѣсто надежды на лучшую будущность, подвергаемъ себя горькой участи быть отверженными отъ Бога тамъ, за предѣлами гроба. Одно изъ двухъ, братіе:—или во время настоящей жизни мы потрудимся по заповѣди Господней и спасемся, или, облѣпившись и оставивши тѣсный путь покаянія и исправленія,—погибнемъ на вѣки. Другой временной жизни для нашего покаянія и спасенія не будетъ. Таково о насъ опредѣленіе Божіе, и такова Святая воля Его. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 58.

Христіанское воспитаніе дѣтей.

Господи благослови!

По рождество твоемъ, Богоневѣста Владычице, пришла еси въ храмъ Господень воспитатися во Святая Святыя, яко освящена.

(Слав. на Господ. возв.).

Драздникъ Введенія Пресвятыя Богородицы во храмъ, торжественнаго посвященія Богоизбранной Отроковицы Богу, даетъ

намъ, братіе, случай сказать нѣчто касательно нашего воспитанія. Изъ безчисленнаго множества вопросовъ, занимающихъ современнѣйшій политическій и ученый міръ, не послѣдній у насъ вопросъ о воспитаніи дѣтей. Ученые въ семь родѣ истощились въ разсужденіяхъ, и все-таки не могутъ опредѣлить образа воспитанія дѣтей неоспоримо полезнаго и вѣрнаго. Что это значитъ? Новый, что ли, предметъ—воспитаніе? Развѣ не было прежде дѣтей, и не воспитывались у насъ дѣти? Отчего наши отцы никогда не разсуждали объ этомъ? Да, просто, оттого, что они знали образъ воспитанія, образъ священный, божественный, и потому никогда не дерзали считать его несовершеннымъ, и думать о воспитаніи въ другомъ какомъ либо родѣ. Они знали, какъ и мы знаемъ, гдѣ и какъ воспитывалась Матерь Божія. Она воспитывалась въ храмѣ Божіемъ. Слышите, что поемъ мы нынѣ о Матери Божіей: *по рождество твоемъ, Богоневѣсто Владычице, пришла еси въ храмъ Господень воспитатися во Святыя Святыхъ, яко освященна*. Итакъ Матерь Божія, какъ освященная и предъизбранная во обиталище всѣхъ Царя и Бога Отроковица, воспитывалась въ храмѣ Божіемъ. Чего же лучше этого примѣра? И мы, какъ Христіане, какъ освященные благодатію Божіею и предопредѣленные быть таинственными храмами Божіими, какъ *родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ* (1 Петр. 2: 9),—и мы гдѣ должны получать воспитаніе, какъ не въ Церкви? Въ Церкви, братіе, въ Церкви истинное воспитаніе Христіанъ. Здѣсь они должны учиться, отсюда принимать уроки, какъ слѣдуетъ жить по-христіански, соотвѣтственно и достойно высокаго званія нашего.

Что такое *воспитаніе!* Значеніе его показываетъ намъ самое слово. *Воспитаніе* есть новое, духовное *питаніе*, какъ возрожденіе есть новое, духовное рожденіе человѣка. А гдѣ получаетъ человѣкъ возрожденіе? Въ Церкви. Въ Церкви слѣдовательно должець получать и воспитаніе. Рождается Христіанинъ отъ Духа Божія, — и воспитываться долженъ Духомъ Божественнымъ, и просвѣщаться свѣтомъ Божественнымъ. Христіанинъ долженъ питать и умъ, и сердце, и волю, и чувство, и душу, и тѣло свое въ Церкви подъ живоноснымъ кровомъ этой духовной, великоблагодатной Матери своей. Умъ должець питать познаниемъ вѣры и Святыхъ, и Божественныхъ таинъ ея, чтеніемъ Божественнаго писанія, и поученіемъ въ законѣ Господнемъ. Сердце долженъ питать страхомъ Божіимъ, благоговѣніемъ къ премудрымъ судьбамъ Божіимъ и преданностію промыслу Всевышняго; питать любовію чистою, безкорыстною, нелицемѣрною.

Волю долженъ питать преклоненіемъ ея къ волѣ Божіей, храненіемъ заповѣдей Божіихъ и установленій церковныхъ, подражаніемъ свя-тѣйшей жизни Спасителя нашего Бога, Пречистой Его Матери и подвигамъ Святыхъ угодниковъ Божіихъ. Чувство долженъ питать созерцаніемъ величія премудрыхъ судебъ и чудныхъ дѣлъ Бога на-шего, красоты добродѣтелей Христіанскихъ и свящеппо-таинствен-наго благолѣпія служенія и обрядовъ Церкви христіанской. Душу долженъ питать Богомысліемъ, благочестіемъ и молитвою; тѣло — воздержаніемъ, постомъ, бдѣніемъ, поклонами, и всего себя прича-щеніемъ Святыхъ и Божественныхъ Таинъ. Такъ долженъ воспиты-ваться Христіанинъ, и такимъ образомъ *достигать въ мужа совер-шенна мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4: 13). Такъ и поступали наши благочестивые и правовѣрные отцы. Они почасту и сами ходили, и дѣтей своихъ водили въ святую церковь, и какъ сами преимущественно занимались духовнымъ и божественнымъ, и воспитаніе дѣтей своихъ преимущественно заключали въ преподаваніи имъ предметовъ Христіанскихъ и во внушеніи имъ располо-женія къ Святой Православной Церкви Божіей. Да. Они единопутные въ любви къ отечеству до смерти хотѣли въ дѣтяхъ своихъ видѣть Христіанъ, добрыхъ сыновъ Святой Церкви, и потому все вниманіе въ воспитаніи ихъ обращали на утвержденіе ихъ въ благочестіи и вѣрѣ. Не мудрено послѣ этого, если не тревожили предковъ нашихъ никакіе вопросы объ образѣ воспитанія; такъ какъ они не были въ этомъ случаѣ *младенцами влающею и скитающею всякимъ отъ-ромъ ученія, а истинствоваши въ любви, да возрастать въ Него вся-ческая, иже есть глава Христосъ* (Ефес. 4: 14, 15).

Такъ ли, братіе, нынѣ? Отъ Церкви ли заимствуется воспита-ніе, и Христіане ли твердые приготавлиются воспитателями? Далекое не такъ. Одному учителю Израилеву страннымъ показались ученіе Спасителя нашего о возрожденіи: подобно сему, и нынѣшнимъ учи-телямъ воспитанія прежній образъ Христіанскаго нашего воспитанія кажется несоотвѣтственнымъ духу времени, — и вотъ они все вниманіе обратили на ученіе мірское. Начинаютъ, по большей части, баснями, и оканчиваютъ философскими софизмами. Пространно, правда, пре-подаются юношеству науки, но только такія, которыя пригодны и полезны челоуѣку на поприсѣ земной жизни. А Законъ Божій? А обязанности Христіанскія? Едва, только, рѣдко и слабо слышится го-лось ихъ. Да и къ чему въ самомъ дѣлѣ это? Вѣдь они приготавли-ваютъ образованнаго по вкусу міра челоуѣка, а не Христіанина и уже отнюдь не Православнаго Христіанина. А что такое челоуѣкъ —

не Христіанствъ, хотя бы и образованный? Ни болѣе, ни менѣе какъ лзычникъ.

Прискорбно, братіе, видѣть, какъ нынѣшнее воспитаніе Православнаго Христіанскаго юношества отдалается отъ Церкви Божіей. Все вниманіе обращено только на то, что отпосится къ пастоящей земной жизни, вся забота только о томъ, чтобы дѣтей сдѣлать людьми образованными, свѣдущими во всѣхъ возможныхъ наукахъ, кромѣ науки Божественной; а о благочестіи Христіанскомъ, о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, кажется, и помину нѣтъ. Что же это? Будутъ ли такъ воспитываемыя дѣти добрыми сынами Церкви? Будутъ ли исполнителями воли Божіей и хранителями священныхъ уставовъ церковныхъ? Заслужатъ ли право на наслѣдіе жизни вѣчной, послѣ сей кратковременной жизни? Не то однакожь хотимъ сказать, что не нужно для дѣтей образованіе въ наукахъ свѣтскихъ, а то, что наука Божественная и воспитаніе въ духѣ Христіанскаго благочестія должны занимать первое мѣсто въ числѣ всѣхъ другихъ наукъ и знаній, какъ званіе Христіанское есть первое изъ всѣхъ званій, и жизнь будущая превосходитъ пастоящую. Пусть учатъ дѣтей и свѣтскимъ наукамъ, но только тѣмъ, которыя полезны и необходимы въ обществѣ и на разныхъ путяхъ государственной и общественной жизни, и главное учатъ не иначе, какъ подъ осѣпшеніемъ вѣры и подъ руководствомъ Святой Церкви. А то что мы видимъ? Въ числѣ предметовъ образованія и чуть не главныхъ, наприм. въ училищахъ женскихъ, стоятъ предметы прихотливые, бесполезные, и даже непростойные. Учатъ иностраннымъ языкамъ. Да развѣ не даль намъ Богъ своего роднаго языка? Развѣ не стыдно Русскимъ у себя дома говорить между собою по-французски? Неужели знаніе чужестраннаго языка составляетъ достоинство воспитанія? Учатъ музыкѣ не знамо какой по духу и содержанію и играть на инструментахъ непрестанно модою измѣняемыхъ и досужествомъ поправляемыхъ. Пусть бы ужъ это было принадлежностію людей богатыхъ и знатныхъ. А то всѣхъ, почти всѣхъ хотѣть вести однимъ путемъ свѣтско-благороднаго воспитанія. Пригодно ли это? До игры ли благовоспитанной женщины, и особенно Христіанкѣ, ежели она хочетъ быть хорошею хозяйкою дома, доброю женою мужа и попечительною о дѣтяхъ своихъ матерью? А танцы? Вѣдь и этому учатъ. Удивительно, до какого заблужденія дошли Христіане нашего времени. Уже забаву душевредную и богопротивную ставятъ въ числѣ наукъ воспитанія. Скажите, Христіанское ли это воспитаніе? Развѣ не знаемъ, какъ Св. Церковь отзывается о такъ воспитанныхъ? Одну изъ

таковыхъ, о которой повѣствуетъ Евангеліе, прямо называетъ *ученицею вселукаваго діавола* (стих. на усѣкп. гл. Предт.). Жалкое ослѣпленіе! Какъ эти несчастные весельчаки будутъ (если будутъ) приступать къ Святымъ Божественнымъ Тайнамъ!? Какъ они лягутся на страшный судъ Христовъ?! Какой получать отвѣтъ отъ пострадавшаго за насъ Праведнаго Судіи міра?! Увы! *Смѣхъ ихъ въ плачь обратится и радость въ стѣваніе* (Іак. 4: 9).

Православные Христіане! Не увлекайтесь духомъ времени. Любите болѣе всего, держитесь болѣе всего Святой Церкви. Въ ней ищите и себѣ и дѣтямъ своимъ полезныхъ и душеспасительныхъ уроковъ для жизни. Она—эта духовная и благодатная мать наша—да будетъ намъ и наставница, и воспитательница, и покровительница. Ежели мы мало успѣемъ въ наукахъ мірскихъ, хотя бы даже и полезныхъ, это еще не великая бѣда. Вотъ бѣда, бѣда ужасная, достойна вѣчныхъ слезъ, ежели мы, успѣвши въ наукахъ чловѣческихъ, не будемъ знать науки божественной, получивъ даже блестящее внѣшнее воспитаніе, останемся безъ того воспитанія, которое дѣлаетъ насъ достойными блаженства вѣчнаго. Настоящая жизнь наша не па-долго; того и смотри, что вдругъ явимся на тотъ свѣтъ. А тамъ не спросятъ отъ насъ свѣдѣній въ томъ, чему мы здѣсь для блеска и въ удовольствіе вкуса по большей части, учились. Что я говорю, спросятъ? Нѣтъ, именно на основаніи того самаго, чему мы здѣсь учились, и что, изучивши, знаемъ и дѣлаемъ, именно насъ и осудятъ. Къ оправданію же нашему спросятъ тамъ только то, какъ мы вѣровали въ своего Искупителя, какъ служили Богу, въ какой мѣрѣ и въ какой силѣ исполняли заповѣди Божіи, какъ и съ какою заботливостію соблюдали чистоту души и тѣла. сколько старались избѣгать грѣховъ, съ какимъ вниманіемъ готовились къ будущему вѣку и къ явленію на нелицепріятный судъ Христовъ. Вотъ, о чемъ спросятъ тамъ каждаго Христіанина. И блаженъ, кто въ состояніи будетъ дать отвѣтъ непостыдный,—злосчастенъ тотъ, противъ котораго будутъ вопіять злыя и Богопротивныя дѣла его. Помнимъ, братіе, это. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 59.

Христіане получаютъ просвѣщеніе отъ Бога.

Господи благослови!

Будутъ вси научени Богомъ (Іоан. 6: 45).

Наше время, братіе, отличается особеннымъ стремленіемъ въ образованію и просвѣщенію простаго народа. То и дѣло, что заводятъ школы, открываютъ училища, — говорятъ: „надо учиться, надо отдавать дѣтей въ учебное заведеніе, въ пансіонъ“. Надо учиться. А Христось гдѣ учился? Апостолы изъ какой были философской или другой школы? Да! Христось есть Богъ, Сама превѣчная Премудрость Божія. Ему не нужно было учиться. А Апостолы? Они были люди простые, не книжные, не ученые, и сдѣлались учителями вселенной. Скажете: „Апостоловъ просвѣтилъ и научилъ Божественный Духъ?“ Хорошо. А кому отказалъ Богъ въ благодати премудрости и разума, хотя не въ такомъ видѣ, и не въ такой мѣрѣ, какъ для Святыхъ Апостоловъ? Кто изъ Христіанъ не можетъ получить себѣ просвѣщенія отъ Бога? Что говоритъ Апостоль? *Аще кто отъ васъ лишень есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ, не лицепріемнъ, и дастся ему* (Іак. 1: 5). *Яко Господь даетъ премудрость и отъ лица его познаніе и разумъ* (Притч. 2: 6), подтверждаетъ другой Богодухновенный наставникъ. Что говоритъ Самъ Христось? *Будутъ вси научени Богомъ*. Такъ вотъ, откуда исходитъ премудрость и разумъ. Вотъ гдѣ должно получать себѣ образованіе и просвѣщеніе.

Надо, братіе, точно надо учиться всѣмъ, да гдѣ? Преимущественно отъ Бога. Богъ нашъ истинной премудрости Наставникъ; Онъ преподаетъ намъ такое ученіе, какого никто никогда не услышитъ ни въ какомъ самомъ блистательномъ человѣческомъ училищѣ, ученіе, сообщающее намъ такія истины, какихъ никакой высочайшій разумъ человѣческій ни измыслить, ни постигнуть не можетъ, ученіе, которое приводитъ насъ къ таковому благополучію, къ такимъ благамъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце самому счастливѣйшему на свѣтѣ человекъ не въздоша* (1 Кор. 2: 9). Богъ, говорю, Учитель нашъ, и не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ. *Вси*, сказалъ Господь, *научени будутъ Богомъ*. Было бы только наше желаніе учиться, было бы только расположеніе имѣть разумъ Божій и творить волю Божію. Знаете, что случилось съ Корнилиемъ сот-

никомъ? Онъ былъ язычникъ, но мужъ благоговѣйный и Богобоязненный, любилъ молиться Богу и благотворить бѣднымъ. На доброе устремленіе сердца его къ небесному отозвалось небо; явился ему Ангелъ Божій и повелѣлъ ему призвать къ себѣ Апостола Петра, сказавъ: *той речетъ тебѣ глаголы, въ нихже спасишия ты, и весь домъ твой*. Св. Петръ, по призыву сотника, пришелъ къ нему въ домъ, проповѣдалъ Спасителя Христа, и всѣхъ увѣровавшихъ крестилъ во имя Христова (Дѣян. гл. 10). Вотъ и другое обстоятельство. Возвращался домой изъ Іерусалима вельможа Евѳіонской царицы и, сидя въ колясницѣ, читалъ книгу пророка Исаи. Онъ былъ тоже язычникъ, но какъ видно, расположенъ былъ къ Богу Израилеву. И вотъ Ангелъ Господень велитъ Апостолу Филиппу идти на дорогу, по которой ѣхалъ вельможа. Филиппъ, подошедъ къ колясницѣ вельможи, услышалъ, что онъ читаетъ книгу пророка Исаи. По устроенію Божию случилось такъ, что вельможа читалъ, въ книгѣ пророка, пророчество о страданіи Христовомъ. Филиппъ спрашиваетъ его: понимаешь ли ты, что читаешь. Тотъ отвѣчалъ ему: какъ я могу понимать, ежели кто либо не объяснитъ мнѣ. Филиппъ объяснилъ вельможѣ пророчество, проповѣдалъ ему Иисуса Христа, Спасителя міра и крестилъ увѣровавшаго вельможу (Дѣян. гл. 8). Вотъ какъ чудно поучаетъ Богъ, какіе необыкновенные употребляетъ способы къ просвѣщенію человѣка, какъ скоро видитъ въ немъ доброе расположеніе и желаніе познать истину. Это было, какъ видите, еще во времена Апостольскія. Да что я говорю? Даже одинъ изъ Апостоловъ чудеснымъ образомъ просвѣщенъ былъ отъ Бога. Это—Святый Павелъ. Господь Иисусъ, явленіемъ Своимъ обративъ его изъ Своего гонителя въ Апостола, послалъ его для изученія къ Апостолу Ананіи, и ученый *фарисей* (Филип. 3: 5) долженъ былъ переучиваться у простаго, не книжнаго ученика Христова (Дѣян. гл. 9).

Скажите: „это—дѣла Божіи чрезвычайныя. Такихъ просвѣщенныхъ отъ Бога людей было, и ежели бываетъ, не много“. Да. Богъ часто не творитъ чудесъ. И для чего? Онъ сотворилъ однажды навсегда величайшее, непостижимое чудо. Самъ, въ возлюбленномъ Сынѣ Своемъ, сошелъ на землю, просвѣтилъ всѣхъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй сидящихъ, научилъ ихъ познанію Бога, открылъ имъ Святую волю Свою и показалъ путь ко спасенію. Съ тѣхъ поръ существуютъ и будутъ существовать до скончанія вѣка и поставляемые Богомъ учителя и учрежденное Имъ всемірное училище для духовнаго образованія и спасительнаго просвѣщенія людей. Учители поставленные и поставляемые Богомъ—это Св. Апостолы, Св.

Отцы и всѣ послѣдующіе пастыри церковные. Чему можно не научиться отъ этихъ Учителей: Первые Учители и Богопроповѣдники, Апостолы устно научили и просвѣтили вѣрою всѣ народы; *во осю землю изыде божественное вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя духоносныя глаголы ихъ* (Рим. 10: 18). А Богодуховенныя Писанія ихъ? Восемнадцать вѣковъ поучаютъ и просвѣщаютъ родъ человѣческой и *обращаютъ его отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатаны къ Богу* (Дѣян. 26: 18). Отцы и Пастыри Церкви сколько трудились въ просвѣщеніи народовъ, и какія драгоценныя сокровища Христіанскаго вѣдѣнія оставили намъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ! Благодареніе Богу! Спасительная наука никогда не оскудѣвала между Христіанами, и никто не могъ и не можетъ считать себя лишеннымъ способовъ къ уразумѣнію истины. Приди къ каждому служителю алтаря, великому или малому Пастырю Церкви, — и ты не останешься безъ Христіанскаго наставленія и уясненія содержимой тобою вѣры. Тотъ только остается во тмѣ, кто не идетъ къ свѣту, или еще и не любитъ свѣта. А великое то Учище Христіанское, братіе? Разумѣю Святую Православную Церковь. Чего тутъ нѣтъ? Какого разума божественнаго, какихъ высокыхъ истинъ, какихъ невѣдомыхъ человѣческому уму таинъ Божіихъ не услышишь въ ней! Вездѣ и во всемъ сіяетъ свѣтъ божественный, и въ томъ, что читается, и въ томъ, что поется, и въ томъ, что совершается, — и это не разъ, не два, не одинъ день, не одинъ мѣсяць и годъ, а всегда, ежедневно, непрерывно и непрестанно. Сколько здѣсь назиданія уму, убѣжденія сердцу, оживленія и восторженія чувству! И ни отъ кого ничего не требуется. Святители Божіе отверзто всегда для всѣхъ. *Жаждущіе идите на воду; ядите и пейте безъ сребра и цѣны вино и тукъ, послушайте Мене, и съесте благая, и насладится во блажихъ душа ваша* (Исаія 54: 1, 2), вотъ голосъ общей для всѣхъ всебогатой любви Божіей и вмѣстѣ божественной наставницы нашей, Святой Православной Церкви! Это истинная Мать своихъ дѣтей. Она вся открыта имъ; Ее понимаютъ всѣ; уроки Ея вразумительны для всѣхъ. У другихъ, неправославныхъ Христіанъ, уже не то. Напримѣръ, Христіане Римскаго исповѣданія, именующіе себя Католиками, церковное у себя Богослуженіе слышатъ на языкѣ чуждомъ, а потому и не разумѣютъ того, и не назидаются тѣмъ, что совершается. Имъ собственно даже не позволено чтеніе Божественнаго Писанія, которое есть духовная, божественная пища для каждаго Христіанина. Совсѣмъ другое у насъ. Все, что совершаетъ Святая наша Пра-

вославная Церковь, мы слышимъ на своемъ природномъ нарѣчїи, слышимое и видимое совершенно понимаемъ и прилагаемъ къ своему уму и сердцу. Что же касается чтенія божественныхъ книгъ Священнаго Писанія, то Православная Церковь заповѣдуетъ, побуждаетъ и поощряетъ каждого Христіанина къ упражненію въ этомъ святомъ и душеспасительномъ дѣлѣ. Съ этою цѣлію она, время отъ времени, издаетъ божественныя книги на нарѣчїи уже современномъ, чтобы каждому понятно было Слово Божіе и каждый самъ могъ почерпнуть въ этомъ Божественномъ источникѣ спасительныя истины.

Вотъ, братіе, и наши Учители и наше Училище. Учители наши—Святые Апостолы и Пастыри Церковные, и устно и письменно поучающіе насъ. Училище наше—Святая Православная Церковь, назидаящая насъ Богоразумными молитвословіями и свящеподѣйствіями. При такихъ Учителяхъ и въ такомъ Училищѣ можно ли намъ оставаться неучеными и непросвѣщенными? Есть, правда, и учителя и училища другаго рода, но я говорю съ Православными Христіанами, говорю о такомъ просвѣщеніи, которое прилично и необходимо сынамъ Церкви, о просвѣщеніи, которое дѣлаетъ человѣка разумнымъ въ дѣлѣ спасенія, которое образуетъ человѣка внутренно, духовно, которое дѣлаетъ человѣка не только здѣсь, въ обществѣ человѣческомъ, приятнымъ и полезнымъ, но и тамъ, за предѣлами гроба достойнымъ сожителства съ Ангелами. А такое просвѣщеніе именно и есть просвѣщеніе церковное, образованіе Христіанское. Нельзя думать, чтобы кто либо изъ Христіанъ, если захочетъ быть Христіаниномъ, сталъ чуждаться этого Богу узаконеннаго просвѣщенія и искать себѣ просвѣщенія въ другомъ родѣ, уклоняясь отъ Святой Церкви. Это было бы то же, что, по выраженію слова Божія, *оставитъ источникъ воды живы, и ископаетъ себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать* (Иерем. 2: 13). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 60.

Ученіе—свѣтъ.

Господи благослови!

авпо сказано. братіе, что ученіе свѣтъ. И это принимается, какъ извѣстно, всѣми за песомѣнную истину. Такъ. Дѣйствительно, ученіе—свѣтъ. Да какое ученіе, и какой свѣтъ? Два, какъ

и сами знаете, у насъ вида учений, одно учение разума, другое учение вѣры; одно учение человѣческое, другое учение божественное; одно учение міра, другое учение Церкви. Разница между тѣмъ и другимъ учениемъ огромная. Первое содержитъ то, что избрѣгаетъ самъ человѣкъ; второе заключаетъ то, что открываетъ Богъ; первое касается наиболѣе тѣла, второе преимущественно души; первое образуетъ человѣка для здѣшной, временной жизни, второе — для жизни будущей, безконечной. И свѣтъ, братіе, не одинаковъ. Мы можемъ представить его тоже въ двухъ видахъ. А именно свѣтъ почпой — отъ луны, и свѣтъ дневной отъ солнца; и отъ солнца опять свѣтъ зимній и свѣтъ лѣтній. Разница и между тѣмъ и другимъ свѣтомъ опять великая, и это всякому очевидно и несомнѣнно.

„Учение — свѣтъ“. Какое же теперь учение — свѣтъ? Учение разума, человѣческое, міра сего? Да, и оно точно свѣтъ, да какой? Ночной, зимній. Ночной, говорю, свѣтъ. Вѣдь и ночью бываетъ довольно свѣтло, когда свѣтитъ луна. Но достаточенъ ли этотъ свѣтъ? Много ли, далеко ли, ясно ли можно видѣть при этомъ свѣтѣ? И упячтжается ли этимъ свѣтомъ ночь? Нимало. Сколь ни свѣтло бываетъ ипогда почью, все же это ночь, все же люди въ это время спать. Таково учение міра сего, учение человѣческое, учение разума нашего. Не много даетъ оно свѣтлыхъ познаній, и то только о такихъ предметахъ, которые около насъ, на сей землѣ, въ видимомъ мірѣ; а о предметахъ духовныхъ, которые выше насъ, оно можетъ только предполагать, разпорѣчить и педоумѣвать. Таково и было состояніе міра до Христа. Это — истинная почь, почь и относительно познанія, почь и относительно жизни человѣческой. *Люди сидѣли во тмѣ и снѣи смертной* (Матѣ. 4: 16), спали, погруженные въ чувственныхъ удовольствіяхъ и страстяхъ. Учение человѣческое — зимній свѣтъ, хотя даже и дневной, отъ солнца. Свѣтло вѣдь днемъ и зимой; да вполне ли тогда свѣтитъ солнце. Долго ли оно свѣтитъ? Согрѣваетъ ли насъ своимъ свѣтомъ? Нѣтъ. Зимой, и при свѣтѣ солнца, все безжизненно, мертво. Таково и учение человѣческое. Оно просвѣщаетъ человѣка слабо, неудовлетворительно; оно просвѣщаетъ его только на одну настоящую жизнь; оно не согрѣваетъ его для жизни духовной, не возраждаетъ въ немъ чувства истины и добра, не возвращаетъ въ немъ плодовъ истинной, чистой, безкорыстной добродѣтели; оно скользитъ по одной поверхности, не проникая въ душу и сердце, блеститъ особенно паружнымъ устройствомъ человѣка, а внутренно оставляетъ его по большей части тѣмъ же расслѣпленнымъ, страстнымъ, грѣховнымъ; кратко, учение человѣческое только освѣщаетъ, а не просвѣщаетъ человѣка.

Вотъ ужъ совсѣмъ другое, братіе, ученіе божественное, ученіе вѣры и Святой Церкви. Это уже—истинный свѣтъ, свѣтъ не ночной, а дневной, и не зимній, а лѣтній. Говорю: свѣтъ дневной. Да, здѣсь свѣтитъ ужъ не слабая луна, а ярко сіяющее солнце. Здѣсь просвѣщаетъ человѣка—Самъ Христосъ, *солнце правды* (Маллах. 4: 2), *свѣтъ истинный просвѣщаяй всякаго человѣка* (Іоан. 1: 9). А сами знаете, какая разность между днемъ и ночью. между свѣтомъ солнца и свѣтомъ луны. Днемъ, при свѣтѣ солнечномъ. уже нельзя блуждать: все видишь ясно, все представляется въ полномъ и правильномъ видѣ. Такъ и при свѣтѣ божественной истины. При этомъ свѣтѣ человѣкъ все видитъ ясно, и въ правильномъ видѣ, и себя самого, и видимую природу; вѣрно знаетъ и дѣлъ настоящей жизни, и назначеніе свое, и путь, по которому долженъ идти, непогрѣшительно предусматриваетъ и то, что имѣетъ послѣдовать за гробомъ и что ожидаетъ его въ будущей безконечной жизни. При дневномъ свѣтѣ уже нельзя спать, а всѣ пробуждаются и встаютъ на соотвѣтственные каждому дѣла. Такъ и при свѣтѣ божественномъ. Каждый человѣкъ слышитъ возбуждающій его голосъ: *востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. 5: 14) —слышитъ и пробуждается, пробуждается и встаетъ на дѣла благая. Но ученіе божественное не просто дневной свѣтъ, а свѣтъ лѣтняго дня, свѣтъ животворный. *Азъ есмь свѣтъ міру; ходяи по Мнѣ не имать ходити во тѣмъ, но имать свѣтъ животный* (Іоан. 8: 12), сказалъ Христосъ. О, какъ лѣтомъ бываетъ пріятно, тепло. Какая жизнь, какое плодоносіе въ природѣ! Какъ долго продолжается этотъ день! Таковъ, братіе, и свѣтъ ученія Христова. Это ученіе не только проливаетъ свѣтъ въ разумъ, но и жизнь и теплоту въ сердце человѣка; оно измѣняетъ человѣка и дѣлаетъ его изъ мертваго живымъ. Просвѣщенный ученіемъ Христовымъ человѣкъ цвѣтетъ духовными познаніями и произращаетъ плоды святыхъ, Христіанскихъ добродѣтелей. А какъ продолжителенъ этотъ свѣтъ! Ему не будетъ и конца. Просвѣщенный свѣтомъ Божиимъ человѣкъ не увидитъ и смерти, какая должна постигнуть грѣшника, и будетъ жить вѣчно во свѣтлостяхъ Святыхъ, и радоваться при свѣтѣ лица Божія, подобно тому, какъ мы нынѣ радуемся въ прекрасный солнечный лѣтній день.

Такъ вотъ, братіе, какое ученіе—свѣтъ. Истинный свѣтъ есть ученіе божественное, ученіе вѣры Христіанской и Святой Церкви Божіей. *Вѣмы, говоритъ Апостоль, яко Сынъ Божій прійде и далъ есть намъ свѣтъ и разумъ да познаемъ Бога истиннаго* (1 Іоан.

5: 20). И этот *истинный* и животворный божественный *свѣтъ* уже сіяетъ (1 Иоан. 2: 8), въ мірѣ и просвѣщаетъ родъ человѣческій 18 вѣковъ. Какое въ этотъ великій и просвѣщенный день открылось богатство вѣдѣнія и разума, сколь великимъ познаніемъ тайнъ Божіихъ озарился блуждавшій дотолѣ человѣкъ! Какъ днемъ обыкновенно всѣ видятъ свѣтъ, такъ нынѣ всѣ отъ мала до велика познали Бога (и, о! если бы познали всѣ истинно и душеспасительно). И исполнилось обѣтованіе Божіе, которое еще задолго до времени Христіанства возвѣстилъ Богъ чрезъ пророка: *все познаютъ Мя отъ мала даже и до велика ихъ* (Иерем. 31: 32). Сколько въ это живоносное время словомъ и ученіемъ Евангельскимъ посѣяно на полѣ міра, и, при свѣтѣ благодати, возросло Святыхъ и Богопріятныхъ плодовъ! Небесная житница полна зрѣлой, чистой и непорочной пшеницы; чертогъ Господень населяютъ во множествѣ души Святыхъ Праведниковъ, которые здѣсь въ оградѣ Церковной вѣрою, благочестіемъ и подвигами содѣлали свое спасеніе.

Видимъ ли мы, братіе, этотъ божественный свѣтъ? Просвѣщаемся ли этимъ свѣтомъ! Растемъ ли духовно при этомъ свѣтѣ? Благодареніе Богу! Мы — Христіане, вѣруемъ въ Божественнаго Просвѣтителя и Спасителя нашего Иисуса Христа, находимся въ Святой Православной Церкви Божіей и послѣдуемъ Евангельскому и свято-отеческому ученію и хранимъ заповѣди Божіи. Благодареніе Богу! *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ* насъ. Но не забудемъ, что сказалъ еще Христосъ: *Свѣтъ придетъ въ міръ, и возлюбимши человецы паче тму, неже свѣтъ* (Иоан. 3: 19). Какъ ни странно, но, къ удивленію, всегда было такъ. Не смотря на сіяющій божественный свѣтъ, многіе уклонялись отъ свѣта и старались возвращаться къ прежней тмѣ, къ прошедшей ночи. Во всѣ времена Христіанства и къ несчастію въ средѣ самихъ Христіанъ, были такіе, которые обращались отъ свѣта Евангельскаго къ свѣту естественнаго разума, на мѣсто ученія божественнаго и правилъ Церкви поставляли ученіе человѣческое и правила міра, и такимъ образомъ среди дневнаго свѣта распространяли у себя и около себя ночную тму. Къ прискорбію, и наше время не скудно такими любителями тмы. Увлекаясь ложнымъ просвѣщеніемъ, нѣкоторые такъ и превозносятъ человѣческій разумъ, такъ и мечтаютъ основать благоденствіе человѣка на однихъ познаніяхъ и правилахъ міра, такъ и стараются отдаляться и отдалять народъ отъ ученія и закона Божія и отъ правилъ Святой Церкви! Пусть. Неужели Православные такъ безумны, что ночь предпочтутъ дню, и въ прекрас-

пый лѣтній день съ сожалѣніемъ стануть воспоминать о холодномъ зимнемъ днѣ, что отъ животворнаго свѣта божественнаго ученія Христова стануть обращаться къ мертвящей тьмѣ ученія лжеиспаго разума, и правилъ міра, во злѣ лежащаго? Мы Христіане, и уже живемъ во свѣтѣ Христовомъ. На что памъ еще другой свѣтъ? Развѣ есть, и можетъ быть свѣтъ лучше свѣта Христова? Нѣтъ, братіе! *Не бываемъ сопричастницы симъ, но яко чада свѣта да ходимъ во всякой благодѣтели и правдѣ и истинѣ* (Ефес. 5: 7, 9). Будемъ неизмѣнно вѣрны Спасителю нашему Богу, и предацы во всемъ Св. Церкви Его. Святой и Божественный Законъ Христовъ и Священные уставы Матери нашей Церкви да будутъ непреложнымъ правиломъ нашей жизни! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 61.

Благотвореніе бѣднымъ.

Господи благослови!

Расточи, даде убогимъ; правда ея пребываетъ во вѣкъ вѣка.

(Цс. 111: 9).

Благотвореніе бѣднымъ всегда, братіе, считалось высокою добродѣтелию. Одному богатому, щущему высокоаго совершенства, сказалъ Самъ Господь: *вся, елика имаша, продаждь, и раздай нищимъ* (Бук. 18: 22). А вотъ и Пророкъ Давидъ, ублажая мужа, болящагося Господа, у котораго въ дому слава и богатство, выставляетъ въ числѣ добродѣтелей его преимущественно благотвореніе бѣднымъ. *Расточи*, говоритъ про него, *даде убогимъ*. Какая въ самомъ дѣлѣ прекрасная, разумная и спасительная добродѣтель—благотвореніе бѣднымъ! Всѣ добродѣтели пріятны Богу, но благотвореніе—всѣхъ добродѣтелей пріятнѣе и всѣхъ ближе къ Его милосердному сердцу. Слово Божіе ни о какихъ добродѣтеляхъ не выражается съ такою похвалою, какъ о благотвореніи, никому не обѣщаетъ столь обильныхъ благословеній, какъ благотворителямъ. Довольно для этого указать на тѣ воздаянія, которыя обѣщаетъ благотворителямъ Господь Іисусъ и отъ имени Божія, или Духомъ Божіимъ праведный Давидъ. Господь обѣщаль богатому богатство небесное, ежели оупъ отдасть богатство земное бѣднымъ. *Имѣти*, сказалъ, *имаша сокровище на небеси* (Лук. 18: 22). Отъ лица Божія св. Давидъ предоставляетъ благотворителю вѣчно-дѣйствующее

радостію оправданіе предъ Богомъ. *Правда его*, говоритъ, *пребы-
ваетъ во вѣкъ вѣка*. Получить оправданіе предъ Богомъ грѣшнику,
не смотря на немощи и грѣхи, явиться праведнымъ на всю вѣч-
ность,—да это такое блаженство, выше и болѣе котораго нѣтъ и
быть не можетъ. Такова добродѣтель—благотвореніе бѣднымъ.

Благочестивые предки наши, братіе, вѣрны были слову Господ-
ню, и ревностны въ исполненіи высокой Христіанской добродѣтели
благотворенія бѣднымъ. Они во всякое время подавали милостыню,
а въ особенные дни, предъ великими Христіанскими праздниками,
каковы: Рождество Христово и Святая Пасха, съ какою щедростію
удѣляли отъ всякихъ сокровищъ бѣднымъ и немощнымъ! Разсылали
и деньги, и съѣстные припасы и по богадѣльнямъ, и по больни-
цамъ, и по домамъ заключенія, а въ Святыхъ Церквахъ и въ своихъ
домахъ благотворили бѣднымъ изъ собственныхъ рукъ. Вотъ вре-
мя бывшее истинно Христіанское! Хорошо бы, хорошо бы, братіе,
если бы и наше время столь же богато было любовью Христіанскою,
если бы и мы также благотворили бѣднымъ, какъ дѣлали предки
ваши. Но, къ прискорбію, какъ всѣ Христіанскіе обычаи, такъ и
это святое и богозаповѣданное служеніе человѣчеству, становится
у насъ рѣже и рѣже. Все почти вниманіе наше обращено на слу-
женіе самому себѣ, своимъ прихотямъ и страстямъ, всѣ избытки
у насъ поглощаетъ безразсудная роскошь, щегольство, забавы и
удовольствія. Съ другой стороны, мучитъ иныхъ постыдное сребро-
любіе и скупость. Сколько и пинѣ есть богачей, которые могли
бы, по выраженію Пророка, снять, раздавать свои блага немю-
щимъ, чтобы получить оправданіе предъ Богомъ! Какъ легко при-
ходятъ къ нимъ сокровища и блага, такъ щедро слѣдовало бы имъ
и расточать ихъ. Вотъ другое дѣло труженики, которые потомъ и
кровію спускаютъ и себѣ и семействамъ своимъ пропитаніе. Что
имъ удѣлять для бѣдныхъ, когда они сами едва имѣютъ насущный
хлѣбъ? А богачи? О, богачи! Какими врагами дѣлаются они сами се-
бѣ, когда *затворяютъ утробу свою отъ требующихъ!* (1 Іоан. 3:
17). Сколько бы не испытанныхъ утѣшеній получили они, по-Хри-
стіански благотворя бѣднымъ! Сколько бы услышали благословеній
изъ устъ осчастливленныхъ ими лицъ братій! Какъ бы благосло-
вила ихъ Матерь наша Святая Церковь! Съ какимъ бы благово-
леніемъ призрѣлъ на нихъ Самъ Богъ и какихъ бы небесныхъ со-
кровищъ не получили они за гробомъ отъ Того, Кому, въ лицѣ
лицъ, служили здѣсь! И это все пренебрегается богатыми. И
нерѣдко какими богатыми? Которые въ преклопныхъ лѣтахъ, у ко-

рыхъ нѣтъ ни дѣтей, ни близкихъ сродниковъ. Несчастные! Кому же они готовятъ свои сокровища? *Безумне, говорить каждому изъ нихъ Богъ, въ сію, ночь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси кому будутъ* (Лук. 12: 20). Кому будутъ? Родственникамъ, хотя и дальнимъ, которые, если бы даже осталось и заещчаніе, не приминуть завести споръ, раздоръ, вражду между собою, которые не подумаютъ и помянуть богатаго родственника, которые, получивъ наслѣдство, проживутъ его также не во славу Божію и только чрезъ грѣховное наслѣдство разбогатѣютъ большими и большими грѣхами! Родственникамъ, говорю, а можетъ быть еще и невѣдомо кому. Вѣдь смерть не назначаетъ дня и часа, не ожидаетъ отъ человѣка никакихъ приготовленій и распоряженій.

„Таеъ что же дѣлать“, спросить богачъ. Дѣлай то, что повелѣлъ Господь. Онъ не сказалъ тебѣ, какъ тому богачу: *вся, елика имаша, продаждь, и раздай нищимъ*. Но говоря всякому: *давайте и дастся вамъ* (Лук. 6: 38), говоритъ Господь и тебѣ: *Подавай и ты бѣднымъ, расточай свое богатство. Тебѣ можетъ быть и слѣдовало бы все раздать разомъ, а ты—хотя постепенно; да не береги,—давай, расточай, сыпли свои сокровища. Не говори: „съ чѣмъ же я останусь, и какъ стану жить“*. Оставь потребное (говорю, потребное) для себя, а все прочее раздавай и раздай. Вѣдь небесное сокровище стоитъ твоего нынѣшняго сокровища. *Имѣти, сказано, имаша сокровище на небеси*. Вѣдь вѣчное оправданіе предъ Богомъ дороже твоего богатства. А сказано: *правда ео пребываетъ во вѣкъ вѣка*. Случиться можетъ, что у тебя въ самомъ дѣлѣ откроются какія нибудь нужды противъ прежняго твоего положенія, а пожалуй и крайнія. Чтожь? Потерпи. Вѣдь ты Христіанинъ. Вѣдь терпѣніемъ достигается вѣчная жизнь; а ты, можетъ быть, ничего еще не терпѣлъ. Вспомни, что ты уже много наслаждался земнымъ счастіемъ. Представь и то, что другіе весь вѣкъ живутъ въ бѣдности и нищетѣ. Но и этого съ тобой, по милости Божіей, и при благоразумномъ твоёмъ распоряженіи, можетъ не случиться. Господь милостивъ. Таковую добродѣтель твою, какъ благотвореніе Онъ не оставитъ безъ Своего благоволенія и безъ воздаянія праведнаго еще и здѣсь. *Не видѣхъ праведника оставлена* (Пс. 36: 25), увѣряетъ пророкъ Давидъ.

Говоришь: „я по смерти откажу все свое имѣніе въ пользу бѣдныхъ, и сдѣлаю на это духовное завѣщаніе“. Вотъ прекрасная жертва! Жертвуешь то, чѣмъ не можешь уже владѣть; отдаешь то,

чего не можешь съ собой взять; оставляешь то, что само, безъ твоей воли, оставляетъ тебя. Скажи, какую цѣну имѣетъ такая жертва! То ли бы дѣло, если бы ты самъ, по благой волѣ своей при жизни своей, распорядился своимъ имѣніемъ и обратилъ его въ пользу бѣдныхъ братьевъ своихъ? Какое бы самъ ты при этомъ получилъ утѣшеніе въ совѣсти, какъ бы спокоенъ былъ духомъ и съ какою бы готовностію сталъ бы ожидать послѣдняго часа, какъ Христіанинъ, лично самъ исполнившій свой Христіанскій долгъ! А то по смерти, и при завѣщаніи, развѣ не можетъ случиться то, чего ты и не воображаешь? Примѣры на это всегда есть. И къ чему свое собственное дѣло отдавать въ руки другихъ, сколь бы оно вѣрно ни было? Да! Тебѣ жаль самому разстаться съ своимъ богатствомъ. Ты часто и по смерти еще хочешь удержать его за собой. Распоряжаешься по большей части такъ, что „капиталь твой долженъ быть неприкосновенный и вѣчный, а бѣдные пусть пользуются процентами отъ него“. Еще лучше. Корыстолюбіе твое не оставляетъ тебя и по смерти. Ты хочешь, чтобы капиталъ твой былъ вѣченъ. Неразумный! На землѣ ничего нѣтъ вѣчнаго. Можетъ быть завтра, можетъ быть теперь конецъ міру, и Богъ позоветъ всѣхъ насъ къ Себѣ на судъ. Ты заботишься (ежели только заботишься) о тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ нѣтъ, да можетъ быть и не будетъ, и пренебрегаешь тѣми, которые есть, и дѣйствительно бѣдствуютъ. Раздай нынѣ, помоги теперь, утѣшь настоящихъ требующихъ. А будущихъ предоставь Богу и будущимъ благотворителямъ, которые, какъ Христіане, повѣрь, будутъ еще лучше насъ. Или ты думаешь увеличить свое благотвореніе продолженіемъ времени? Напрасно. Берегись, чтобы напротивъ не уменьшить его чрезъ это самое. Я уже сказалъ, что на землѣ ничего вѣчнаго нѣтъ, да и образъ движенія и храненія капиталовъ не свободенъ отъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Ты хочешь, чтобы бѣдные пользовались отъ тебя только процентами. Пусть такъ. Чье же это будетъ благотвореніе; твое или тѣхъ, которые будутъ платить проценты? Не твое, не твое, а тѣхъ, кто будетъ доставлять лихву. Господь заповѣдалъ намъ благотворить ближнимъ нашимъ по чистой Христіанской любви, безъ всякихъ со стороны нашей интересовъ. Такое расчетливое благотвореніе выдуманно нашимъ корыстолюбіемъ, которое хочетъ распоряжаться по своимъ правиламъ и въ дѣлахъ Христіанскихъ, и распоряженія свои простираетъ за предѣлы гроба. Хочешь ли благотвореніе свое сдѣлать вѣчнымъ? Отдай самъ богатство свое бѣднымъ, расточи сокровища свои на дѣла благая при жизни своей.

Вотъ тогда дѣйствительно сбережешь капиталъ свой навсегда, и душа твоя, по смерти твоей, будутъ пользоваться имъ вѣчно. Этотъ капиталъ—оправданіе твое предъ Богомъ. *Правда его, сказано, пребываетъ во вѣкъ вѣка.*

О, дажь бы Господь богатымъ доброе и расположенное къ бѣднымъ братіямъ сердце и благую мысль помогать имъ, не отлагая времени и не сберегая своихъ сокровищъ до смерти. Сколько бы они могли оказать благодѣній! Какому бы множеству бѣдныхъ дали способъ къ безбѣдному пропитанію! Какое бы небесное утѣшеніе пролили въ сердца и свои, и ближнихъ своихъ, благотворя имъ всегда, и особенно къ великимъ и всерадостнымъ Христіанскимъ праздникамъ! Не откажемся, и небогатая братіе, по возможности служить бѣднымъ братіямъ пашимъ, и хотя изрѣдка, хотя на праздники утѣшать ихъ посильною помощію. Помнимъ, что благотвореніе есть существенный долгъ каждаго Христіанина, добродѣтель, всѣхъ добродѣтелей благоугодиѣвшая Богу. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 62.

Зеркало для души.

Господи благослови!

Отчего мы, братіе, мало, почти совсѣмъ не думаемъ о своихъ грѣхахъ? Отчего они не поражаютъ нашей совѣсти? Оттого, что ихъ не видимъ. Чего не видимъ, то можетъ ли поражать насъ, можетъ ли производить на насъ такое или другое впечатлѣніе? А отчего не видимъ своихъ грѣховъ? Оттого, что не смотримъ на себя. Не смотримъ, говорю, на себя, и думаемъ, что въ насъ ничего нѣтъ худаго, хотя бы непорядковъ и неисправностей въ насъ было премного. Да какъ же, спросите, смотрѣть намъ на себя? А развѣ этого мы не знаемъ? Развѣ этого мы не дѣлаемъ? Не всякій ли изъ насъ, и не всякій ли день, можетъ быть, по-нѣскольку разъ, смотрится въ зеркало? И вотъ зеркало показываетъ намъ, каковы—мы чисто ли у насъ лице, исправна ли на насъ одежда. Ежели есть какой недостатокъ, ежели есть какая пачистота, какое пятно или на лицѣ, или на одеждѣ, мы тотчасъ видимъ это, и немедленно стараемся исправить себя, очистить пачистоту, смыть пятна, исправить или перемѣнить одежду.

Такъ мы поступаемъ относительно тѣла. Такъ внимательно и

заботливо осматриваемъ себя въ разсужденіи чистоты лица и благоприличія одѣжды. Также точно должны поступать и относительно души. Также внимательно и заботливо должны осматривать себя и въ разсужденіи чистоты своихъ мыслей и благоустроенія своихъ дѣлъ. Должны, какъ можно чаще, смотрѣться—гдѣ? въ зеркалѣ слова Божія и закона Евангельскаго. Тутъ ясно увидимъ мы себя, увидимъ, какова у насъ душа, каковы у насъ мысли, намѣренія, желанія, слова и дѣла. Тутъ тотчасъ увидимъ и всѣ свои грѣховныя пятна, всю нечистоту, все нестроеніе нашей духовной жизни. Смотрите,—Господь говоритъ намъ въ Евангеліи *любите другъ друга* (Іоан. 15: 17), а мы часто враждуемъ другъ противъ друга; вотъ значить, и пятно у насъ на душѣ—непависть. Господь, въ лицѣ фарисеевъ, осуждаетъ гордость (Лук. 16: 15), а мы любимъ мечтать о себѣ, и превозносить себя передъ другими своимъ образовапіемъ, своими дарованіями, своими почестями;—вотъ опять и пятно у насъ на душѣ—гордость. Господь запрещаетъ намъ осуждать другихъ (Лук. 6: 37), а мы переставно это дѣлаемъ;—вотъ и пятно у насъ на душѣ—осужденіе ближнихъ. Господь осуждаетъ тѣхъ, которые запинаятся пустыми разговорами и бесполезными бесѣдами (Матѹ. 12: 36), а у насъ то и дѣло, что сыплемъ слова безъ разбора, безъ пужды, безъ значенія, безъ цѣли, только для препровожденія времени;—вотъ и пятно у насъ на душѣ—празднословіе. Господь запрещаетъ намъ мірскія веселости и забавы (Лук. 6: 25, 16: 19) а много ли изъ насъ, особенно богатые и знатные, безъ того обходятся;—вотъ и прекращено, значить, Христіанское настроеніе нашей души любовью къ міру и его чувственнымъ наслажденіямъ. Господь повелѣваетъ намъ имѣть воздержаніе въ пищѣ и питіи (Лук. 21: 34), а мы всячески заботимся о насыщеніи себя вкусными и сладкими явствами;—вотъ и пятно у насъ на душѣ—невоздержаніе и чревоугодіе. Господь запрещаетъ намъ имѣть пристрастіе къ богатству и сокровищамъ міра (Матѹ. 6: 19), а мы только и думаемъ, какъ бы нажить больше денегъ, приобрѣсть хорошее состояніе;—вотъ и пятно у насъ на душѣ—корыстолюбіе. Господь повелѣваетъ намъ милловать нищихъ и помогать требующимъ (Лук. 14: 14), а мы только знаемъ себя и удовлетворяемъ своимъ не только пуждамъ, но и прихотямъ, забывая своихъ ближнихъ;—вотъ и пятно у насъ на душѣ—самолюбіе и жестокосердіе. Господь заповѣдуетъ намъ бдѣніе и молитву (Лук. 21: 36), показываетъ необходимость покаянія (Лук. 13: 3), и причащенія тѣла и крови Его (Іоан. 6: 53), а мы? Мы и то, и другое и третіе, по большей части, или оставляемъ или

отлагаемъ, или исполняемъ безъ должнаго вниманія, чувства и благоговѣнія. И вотъ что у насъ на душѣ—безпечность о спасеніи, грозящая намъ вѣчнымъ осужденіемъ и гибелью. Но довольно показывать грѣховныя пятна души при свѣтѣ откровеннаго слова Божія и закона Евангельскаго. Скажемъ однимъ словомъ, что въ этомъ божественномъ зеркалѣ представляется намъ весь ветхій, падшій, растлѣнный человѣкъ, со всѣми его язвами, какъ скоро мы будемъ пристально смотрѣть на себя.

Такъ вотъ, братіе, какъ можемъ мы видѣть себя, узнать, чисто ли лицо нашей души, благоприлична ли одежда нашихъ дѣлъ. Вотъ въ какомъ зеркалѣ надо намъ смотрѣться,—въ зеркалѣ вообще божественнаго Писанія; и преимущественно Святаго Евангелія. И о, какъ это необходимо! Вѣдь отъ того мы и не видимъ себя, отъ того и не знаемъ своихъ грѣховъ, и не стараемся избѣгать ихъ, что не смотримъ на себя и не обращаемъ на себя вниманія. А еслибы смотрѣли на себя и на свои немощи и грѣхи, то непремѣнно приходили бы въ сознаніе и чувство грѣховъ, непремѣнно поражались бы безобразіемъ своей души, и мало по-малу старались воздерживаться отъ новыхъ грѣховъ, а старые заглаждать и очищать покаяніемъ. Но, къ прискорбію, такъ ли мы заботливы о чистотѣ души, какъ заботливы о чистотѣ тѣла? Такъ ли занимаемся украшеніемъ души, какъ занимаемся украшеніемъ тѣла? Кто изъ насъ почти ежедневно, а можетъ быть по нѣскольку разъ, не осматриваетъ себя передъ зеркаломъ, все ли у него въ порядкѣ, особенно если намѣрены выходить изъ дому, наприм. въ собраніе какое, или въ церковь? И если бы случилось, или по небреженію, или по чему другому, явиться туда въ какомъ либо не порядкѣ, какимъ бы мы поражены были стыдомъ? А душа? И нужды намъ нѣтъ, что она безобразна, вся въ нечистотахъ, вся въ язвахъ грѣховныхъ! И страха никакого нѣтъ, что мы, такіе безобразные, въ глазахъ Ангеловъ и у Самого Всевидящаго Бога! Что же если мы въ такомъ безобразіи явимся на тотъ свѣтъ? Допустятъ ли насъ до чертога Божія? Не изринуть ли насъ оттуда, подобно упоминаемому въ притчѣ Евангельской человѣку, которому сказано: *друзе, како вшелъ еси стмо, не имый одѣянія брачна?* (Матѳ. 22: 12).

Велика безпечность наша, братіе, о собственномъ своемъ спасеніи. О благоустроеніи тѣла постоянная забота у всѣхъ, а о благоустроеніи души мало, мало попеченія у насъ. Скажите, есть ли семейство самое посредственное, есть ли домъ самый бѣдный, въ которомъ бы не было какого либо зеркала? А Евангеліе (о цѣломъ

Священномъ Писаніи ужъ и не говорю). Есть ли Евангеліе? У всѣхъ ли, у многихъ ли даже изъ образованныхъ и просвѣщенныхъ? Едва, едва у нѣкоторыхъ. Скорѣе найдешь самую пустую, самую дурную книжонку, нежели Священное и Божественное Евангеліе. А гдѣ и есть, развѣ читается оно? Очень, очень сомнительно. Таково наше Христіанство! Мудрено ли послѣ этого, если не поражаютъ совѣсти нашей наши грѣхи, если мы и не видимъ и не знаемъ своихъ грѣховъ? Мудрено ли, если безсознательно и безпечно продолжаемъ грѣховную жизнь, и мало и худо каемся въ своихъ грѣхахъ?

Братіе! Если не всегда, по крайней мѣрѣ во дни постовъ надо обращать вниманіе на себя, и предъ зеркаломъ Божественнаго слова и Евангельскаго закона высматривать въ душѣ своей и въ поступкахъ своихъ пятна грѣховныя, чтобы тѣмъ удобнѣе смывать ихъ обычнымъ въ эти дни Христіанскимъ покаяніемъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 63.

Духовное омовеніе.

Господи благослови!

Измыйтеся, и чисти будите.
(Исаія 1: 16).

Въ прошедшій разъ показали мы, братіе, способъ, какъ намъ узнавать себя, состояніе своей души, свойства и качества нашихъ дѣлъ; именно: указали на Священное Евангельское зеркало и, рассматривая себя при этомъ божественномъ свѣтѣ, нашли, что мы всѣ въ грѣховныхъ нечистотахъ. Что же дѣлать теперь намъ, братіе? Оставаться ли въ этихъ нечистотахъ? Питать ли еще въ душѣ худыя мысли, богопротивныя намѣренія, предосудительныя похоти и страсти? Носить ли еще *оскверненную ризу* (Іуд. 23) порочныхъ дѣлъ и внѣшняго не-христіанскаго поведенія. Избави Богъ! Надо, братіе, очищать себя отъ сквернъ грѣховныхъ, подобно какъ очищаемъ себя отъ нечистотъ тѣлесныхъ. А какъ очищаемъ себя отъ нечистотъ тѣлесныхъ? Омовеніемъ. Также точно должны очищать себя и отъ сквернъ душевныхъ. *Измыйтеся*, говоритъ намъ Господь чрезъ Пророка, *и чисти будите*. Омовеніемъ, братіе, должны мы очищать свои души. Что это за омовеніе для души? Покаяніе. Покаяніе точно такъ же очищаетъ душу отъ сквернъ грѣховныхъ, какъ вода очищаетъ тѣло отъ нечистотъ вещественныхъ.

Беззаконникъ еще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, всѣ согрѣшенія его, елика сотворилъ, не помянутся ему (Иезек. 18: 21, 22), говоритъ Господь. Да. Покаяніе—точно духовная, благодатная вода. Этою водою омывался Давидъ, когда впалъ въ тяжкій плотскій грѣхъ. *Омый мя*, такъ въ покаяніи молился онъ Богу, *омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя* (Пс. 50: 4); *окропиши мя иссопомъ, и очищуся; омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся* (Пс. 50: 9). Что же, получилъ ли онъ очищеніе отъ своего грѣха? Да. *Беззаконіе мое*, говоритъ, *познахъ и грѣха моего не покрыхъ, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31: 5). Въ томъ же увѣряетъ насъ и возлюбленный ученикъ Христовъ. *Аще*, говорятъ, *исповѣдаемъ грѣхи наша, отврѣнъ есть и праведенъ* (Господь), *да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Иоан. 1: 9).

Такъ вотъ, братіе, какъ мы должны очищать свои души отъ сквернъ грѣховныхъ. Должны мыться духовно, подобно какъ моемся тѣлесно. Должны приносить Богу покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, мыться въ этой благодатной спасительной водѣ. Часто ли, спросите, и когда именно должно намъ мыться водою покаянія? Столь же часто и тогда же, сколь часто и когда моемся тѣлесно. Мы обыкновенно моемся и каждый день, и по временамъ; каждый день моемъ открытыя части тѣла: лице и руки, а по временамъ и все тѣло свое въ банѣ. Такъ должны очищать и душу свою. Такъ должны измывать себя водою покаянія и каждый день, и по временамъ, — каждый день частно, особенно дома, по временамъ общественно, на ряду съ другими въ церкви, въ таинственной банѣ. Да. Каждый день должны каяться. Стыдно же намъ, заботясь каждый день о чистотѣ тѣла, ни мало ни думать о чистотѣ своей души. Мы каждый день, по Христіанской обязанности, молимся Богу, каждый же день, особенно вечеромъ, отходя ко сну, должны и каяться предъ Богомъ въ своихъ согрѣшеніяхъ. На этотъ разъ лучший для насъ учитель и примѣръ—кающійся мытарь. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. 18: 13). *Боже, очисти мя грѣшнаго и прости грѣхи моя, вольная и невольная, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ содѣянная*. Вотъ и молитва всегдашняго покаянія! Пусть будетъ она правиломъ для насъ. А если бы прибавить къ этому еще и слезы блудницы, о, какъ это было бы прекрасно! Слезы покаянія—самыя чистыя, самая спасительная для души вода.

• Такъ, братіе, должны мы ежедневно очищать душу свою покапиемъ. Говорю, ежедневно. А необходимо еще очищать себя и по

временамъ, мыться въ таинственной банѣ, приносить па ряду съ другими покаяніе въ церкви. Къ этому призываетъ насъ сама Св. Церковь, которая содержитъ Богопреданное таинство покаянія во оставленіе грѣховъ нашихъ и усталила для сего особый чинъ исповѣданія. Вѣдь мы не довольствуемся ежедневнымъ умовеніемъ извѣстныхъ частей своего тѣла, а по временамъ ходимъ еще въ баню для полнаго омовенія своего тѣла. Подобную баню для насъ составляетъ церковное покаяніе, это таинственное омовеніе души. Святая Церковь именуетъ покаяніе *вторымъ крещеніемъ* (чинъ исповѣд.), а крещеніе Апостолъ называетъ *банею накибытія* (Тит. 3: 5). Покаяніе, слѣдовательно, какъ очевидно, есть вторая баня для обновленія человѣка, для очищенія и омовенія душевныхъ нашихъ сквернъ. И не потому ли Св. Церковь призываетъ насъ къ покаянію преимущественно въ посты, именно предъ великими Христіанскими праздниками, чтобы въ праздники, эти парочитые и святые дни, видѣть насъ омытыми, очищенными отъ всѣхъ грѣховныхъ сквернъ? И тѣло свое омыть въ банѣ мы имѣемъ обычай развѣ не преимущественно предъ праздниками? А ежели тѣло свое хотимъ видѣть чистымъ и благообразнымъ па праздники, то душу ли можно оставлять въ своей нечистотѣ, не омытою, не очищеною покаяніемъ? Видите, какъ заботлива Мать наша Св. Церковь о душевной нашей чистотѣ, и какъ благоразумны и попечительны тѣ изъ Христіанъ, которые въ посты, на великіе праздники говѣютъ и освящаютъ себя, святыми таинствами!

Попечемся же, братіе, о чистотѣ своихъ душъ, какъ печемся о чистотѣ своихъ тѣлесъ. Познавъ хорошо себя при свѣтѣ откровеннаго слова Божія, усмотрѣвъ свои грѣховныя скверны, не будемъ оставаться въ нихъ, а послѣшимъ очищать ихъ, измывать себя водою покаянія. Станемъ приносить Богу покаяніе въ своихъ грѣхахъ ежедневное, а въ посты, очищать свои грѣхи всецѣлымъ церковнымъ покаяніемъ, чтобы намъ быть чистыми и непорочными предъ Богомъ, и какъ здѣсь въ духовномъ веселіи торжествовать святыя великія Христіанскія праздники, такъ и по смерти быть достойными праздновать вѣчный Божественный праздникъ въ ликѣ Небесныхъ Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 64.

Тайнство причащенія.

Господи благослови!

Аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.

(Иоан. 6: 53).

Съ покаяніемъ Св. Церковь соединяетъ причащеніе Святыхъ Христовыхъ Тайнъ. И эти два таинства преподаетъ она вѣрующимъ сынамъ своимъ преимущественно въ святые посты, какъ необходимыя и дѣйствительнѣйшія средства къ нашему спасенію. Такъ, покаяніе очищаетъ насъ, омываетъ наши грѣхи, а причащеніе освящаетъ, оживотворяетъ насъ и соединяетъ насъ съ Богомъ. Какъ безъ покаянія нельзя избѣжать вѣчнаго осужденія, по слову Господню: *аще не покаетсяя, вси погибнете* (Лук. 13: 3); такъ безъ причащенія Святыхъ Христовыхъ тайнъ нельзя получить вѣчной и блаженной жизни, какъ сказалъ опять Господь: *аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

Аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть, и пїий Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ (Иоан. 6: 56). Причащеніе тѣла и крови Господней есть, братіе, величайшее таинство какъ по неисповѣдимому богатству благодати, заключающейся въ немъ, такъ и по непостижимому образу совершенія и прїемлемости его. Когда Христосъ преподавалъ слушавшимъ Его Іудеямъ ученіе Свое объ этомъ таинствѣ, они пришли въ недоумѣніе. Слова Его показались имъ странными. Они приняли ихъ въ прямомъ смыслѣ, и подумали: какъ это возможно? Какъ онъ можетъ дать намъ тѣло Свое въ снѣдь, и кровь Свою въ питіе? *Како можетъ, говорили они, Сей намъ дати плоть Свою ясти?* (Иоан. 6: 52). Оно и правда, что по простому человѣческому понятію такія слова могли показаться странными. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ не долженъ судить о дѣлахъ Божіихъ по началамъ своего разума, и невозможное по нашему плотскому понятію возможно по разуму Божественному. Спаситель и замѣтилъ это Іудеямъ, когда сказалъ имъ: *вы по плоти судите, Азъ не сужду* (Иоан. 8: 15); *глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Иоан. 6: 63). Истинно такъ. Впо-

слѣдствіи все это и объяснилось. На послѣдней вечери съ учениками Своими, Господь уже преподаеть имъ самое Божественное тѣло Свое въ снѣдь, и самую пречистую кровь Свою въ питіе. Какое тѣло, и какую кровь? Не то, что какъ есть естественныя, а таинственныя, Божественною волею Его предпожренныя—тѣло—подъ видомъ хлѣба, и кровь—подъ видомъ вина. Взявъ хлѣбъ, Онъ благословилъ, освятилъ и, преподавъ ученикамъ, сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое*; а потомъ и чашу съ виномъ подобнымъ образомъ преподавъ, сказалъ: *пійти отъ нея вси, сія есть кровь Моя* (Матѳ. 26: 26, 27, 28). Такъ вотъ какую плоть Свою заповѣдалъ Господь ясти вѣрующимъ, и вотъ какую кровь Его пить въ оставленіе грѣховъ. Господь установилъ для вѣрующихъ величайшее таинство, и подъ видомъ хлѣба, претворяемаго всемогущимъ дѣйствіемъ Святаго Духа въ тѣло, преподаеть намъ Истинное тѣло Свое, и подъ видомъ вина, освящаемаго Тѣмъ же Духомъ въ кровь, преподаеть намъ истинную кровь Свою. Теперь все недоумѣніе въ разсужденіи яденія плоти и крови Господней исчезаетъ; слова Христовы: „*ядый Мою плоть и пійый Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ*“, становятся удобопріемлемыми, и уже нельзя говорить Іудею: *како можетъ сей намъ дати плоть Свою ясти?*

Но Господь и Его спасительное смотрѣніе вообще, какъ сказалъ Апостолъ, *Іудеемъ соблазнъ, еллиномъ же безуміе* (1 Кор. 4: 23). Да. Еллиномъ, т. е. людямъ, руководствующимся естественнымъ разумомъ, высокое Христіанское таинство тѣла и крови Господней какъ всегда, такъ и нынѣ можетъ казаться *безуміемъ*, т. е. несообразнымъ съ понятіями человѣческаго разума. И нынѣ, какъ и всегда, *мудрствующіе по стихіямъ міра, а не по Христу* (Кол. 2: 8), могутъ съ недоумѣніемъ говорить: *Како можетъ сей намъ дати плоть Свою ясти?* „Какъ хлѣбъ можетъ быть тѣломъ, а вино—кровію? Для чего такое вкушеніе, и какъ оно можетъ быть спасительнымъ для человѣка?“ Пусть невѣрующіе и маловѣрующіе такъ суетумдрствуютъ, а *у званныхъ отъ Бога*, у вѣрующихъ эти „какъ и для чего“ не должны имѣть мѣста. Для вѣрующихъ *Христосъ* есть *Божія сила и Божія премудрость* (Кол. 2: 24.). А Божія сила чего не можетъ сдѣлать? Божія премудрость въ чемъ не можетъ открыть источника спасенія? Пять хлѣбовъ Спаситель претворилъ въ пищу достаточную для пяти тысячъ человѣкъ, и воду претворилъ въ вино въ Канѣ Галилейской: не можетъ ли же Онъ хлѣбъ претворить въ тѣло, и вино—въ кровь? „Для чего такое вкушеніе тѣла и крови Господней?“ Для соединенія со Христомъ, и для полученія

жизни вѣчной во Христѣ. *Ядыю Мою плоть, и пияю Мою кровь, имать животъ оубныи* (Іоан. 6: 54), говоритъ Господь. Хотите нѣсколько уразумѣть, какъ причащеніе тѣла и крови Господней для насъ спасительно, и какъ мы получаемъ отъ того жизнь вѣчную? Обратите вниманіе на яденіе агнца древними Израильтянами при исходѣ ихъ изъ Египта. Въ видимомъ удобнѣе можно постигать невидимое. Господь повелѣлъ Израильтянамъ въ послѣднюю ночь въ Египтѣ заколотъ агнца, кровію его и проч... и испеченнаго на огнѣ ѣсть, общая имъ чрезъ то избавленіе отъ смерти. Развѣ это тоже, повидимому, не страшно? Развѣ нельзя было подуматъ каждому Израильтянину: какъ можно этимъ спастись отъ смерти? Однакожъ дѣйствительно спаслись, тогда какъ Египтяне, въ своихъ перво-родныхъ, изгибли. Агнецъ закланный былъ образъ страдавшаго Христа. Въдѣ не безъ причины же Христосъ называется Агнцемъ. Предтеча, указывая на Христа, сказалъ: *се агнецъ Божій* (Іоан. 1: 29). Апостоль Петръ именуетъ Его *непорочнымъ и пречистымъ Агнцемъ, предуговѣданнымъ прежде сложенія міра* (1 Петр. 1: 19, 20). Святая Церковь поетъ: *Христосъ новая пасха, жертва живая, Агнецъ Божій, оземляи грѣхи міра* (прпч. 9. пѣсн. Пасх. кан.). Да, Христосъ отъ вѣчности предопредѣленъ былъ, какъ агнецъ, въ жертву Богу за грѣхи міра. И кто будетъ съ вѣрою причащаться сего Божественнаго Агнца, тотъ получитъ оставленіе грѣховъ и сдѣлается причастникомъ жизни вѣчной во Христѣ. Въ видимое изображеніе этого Божественнаго Агнца, спасающаго вѣрныхъ отъ вѣчной смерти, и представлепъ былъ ветхозавѣтному міру агнецъ, который заклалъ и ѣлъ Израильтяне и тѣмъ спаслись отъ погубляющаго Ангела Божія. А ежели агнецъ изъ среды животныхъ, только предобразовавшій Христа, имѣлъ такое необыкновенное дѣйствіе и спасительную силу: то не паче ли Самъ Христосъ, этотъ присоживотный Божественный Агнецъ? Ежели Израильтяне, вкушавшіе агнца предобразовательнаго, были пощажены отъ Бога, безбѣдственно перешли Чермное море и наслѣдовали обѣтованную землю: то Христіане ли, причащающіеся пречистаго тѣла и крови Агнца Божія, не будутъ пощажены отъ Бога, не перейдутъ безбѣдственно чрезъ смертное море и не наслѣдуютъ обѣтованнаго Царства Небеснаго? Образное было дѣйствительно: истинное ли и существенное не будетъ дѣйствительнымъ? Иудеи не сомнѣвались въ сокровенной силѣ своего агнца: Христіане ли усомнятся въ таинственной силѣ своего Божественнаго Агнца?

Итакъ никто не мудрствуй паче, еже подобаетъ мудрствовати

(Рим. 12: 3). Никто не касайся пытливымъ умомъ того, что для насъ непостижимо и неиспытанно. Никто не говори, подобно одному учителю Израильскому: *како могутъ сія быти?* (Іоан. 3: 9), Господь всемогущъ. Онъ творить великія и чудныя дѣла для нашего спасенія. Наше дѣло съ смиренною вѣрою и благодарною любовью принимать отъ Него такіе дары благодати Его, какова тайна причистаго тѣла и крови Его. Понечемся же, братіе, насыщать себя этою Божественною пищею для безсмертной жизни нашей. Ничто такъ не спасительно для насъ, какъ сія Божественная трапеза, и ничто такъ не пагубно намъ, какъ отчужденіе себя отъ этого источника спасенія. Египтяне не были участниками въ ядешіи агнца вмѣстѣ съ Израильтянами,—и погибли отъ поражающаго Ангела. То же можетъ быть и съ Христіанами, которые не принимаютъ участія въ таинственномъ общеніи со Христомъ посредствомъ причащенія Божественнаго тѣла и животворящей крови Его. Они не будутъ имѣть живота вѣчнаго. Господь прямо сказалъ: *еще не снѣдте плоти Сына Человѣческаго, не піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Только ядѣи Мою плоть, и піяи Мою кровь, имате животъ вѣчный.* Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 65.

Достоинство и способъ быть долговѣчнымъ.

Господи благослови!

До благодати и милости Божіей вступили мы опять, братіе, въ новый годъ, и уже осыпали другъ друга различными благожеланіями. Изъ всѣхъ же благожеланій нашихъ, думаю, лучшее и согласнѣйшее съ природою нашею есть желаніе *многотія*. Всѣ мы, и молодые, и старые, только и думаемъ, какъ бы жить и жить, какъ бы продлить свой вѣкъ, какъ бы отдалить предѣлъ жизни болѣе и болѣе, и для сего изыскиваемъ и употребляемъ средства къ сохраненію жизни, къ поддержанію и, въ случаѣ поврежденія и упадка, къ восстановленію здоровья и силъ. Любители жизни не разъ разсуждали о долговѣчности человѣческой и предлагали къ тому такія и другія средства. Позвольте же, братіе, и памъ отъ простоты Христіанской указать способъ къ увеличенію числа дней своей жизни, къ тому, чтобы сдѣлать себя по возможности долговѣчнымъ.

Не излишне однакожь напередъ спросить: для чего мы жи-

вемъ? На что намъ долгая жизнь? Неужели мы живемъ только для того, чтобы жить? Но вѣдь въ такомъ случаѣ жизнь человѣческая не будетъ различествовать отъ жизни безсловесныхъ, которые тоже живутъ, хотя и не зная для чего. Неужели для того намъ долгая жизнь, чтобы какъ можно болѣе наслаждаться жизнію, какъ можно болѣе насыщать свои страсти, какъ можно долѣе пить чашу земныхъ, чувственныхъ наслажденій? Да вѣдь тогда жизнь наша уже не будетъ различествовать отъ жизни *упованія не имущихъ, и безбожныхъ въ мртъ* (Ефес. 2: 12); тогда мы уже будемъ подобны или совершенно одинаковы съ тѣми, которые говорятъ о себѣ: *да ямы и тіемъ, утръ бо умремъ* (1 Кор. 15: 32). Несчастно, братіе, такое многолѣтіе. Не для того мы здѣсь живемъ, чтобы только жить, да наслаждаться жизнію. Жизнь наша есть великій даръ Божій, но даръ временный. Сколько бы мы ни жили здѣсь, но должны будемъ оставить сей свѣтъ. И самой долговременной жизни будетъ конецъ. Что же, если мы, проживъ свой вѣкъ, сдѣлаемся только грѣшниками? Что, ежели, проживъ и долгій вѣкъ, окажемся только великими грѣшниками? Какая намъ тогда будетъ польза отъ жизни и самой продолжительной? Какъ, проживъ такую жизнь, явиться намъ на тотъ свѣтъ, предъ лице Создателя нашего Бога? Чего можно ожидать отъ Божественной правды Его, какъ не осужденія, и осужденія тѣмъ большаго, чѣмъ долѣе жили на семъ свѣтѣ, работая только грѣху?

Для чего же намъ долгая жизнь? Для спасенія нашего? Ахъ, едва ли такъ у насъ на самомъ дѣлѣ: едва ли кто желаетъ долго жить для того, чтобы жить добродѣтельно и свято? Такая жизнь требуетъ подвиговъ и трудовъ, ненавистныхъ нашей растлѣнной природѣ; такая жизнь требуетъ непрестанной борьбы, терпѣнія, самоотверженія. Кому же, признайтесь, пріятна такая жизнь. Жить для спасенія нашего? Хорошо. Такъ развѣ для этого надо жить долго? Развѣ спасеніе наше зависитъ отъ долговременной жизни? Младенцы долго ли живутъ? Иногда менѣе года, иногда только мѣсяць, недѣлю, день—и однакожъ переходятъ прямо на лоно Авраамово, на жизнь и радость вѣчную. Разбойникъ на крестѣ долго ли спасался? Можетъ быть одинъ часъ, можетъ быть только нѣсколько минутъ. Только опомнился, призналъ себя грѣшникомъ и, обратившись въ Спасителя, сказалъ: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ* (Лук. 23: 42), и вскорѣ испустилъ духъ. А вѣдь знаете, каковой услышалъ онъ отъ Распятаго Искупителя отвѣтъ. Ему тогда же было сказано: *днесъ со Мною будешь въ раи* (Лук. 23: 43).

Такъ, братіе. Спасеніе наше не зависитъ собственно отъ времени. Можно и въ короткую жизнь получить, и въ долгую—потерять спасеніе. Однакожь мы желаемъ продолжительной жизни, хотимъ и стараемся быть долговѣчными. Чтожь? Не богопротивно ли, полезно ли намъ такое наше желаніе? Не богопротивно и полезно, ежели хотимъ жить для Бога, для спасенія, для добрыхъ дѣлъ. Какъ продолжительная грѣховная жизнь болѣе пагубна, такъ продолжительная благочестивая и добродѣтельная—болѣе спасительна для насъ. Чѣмъ болѣе послужимъ Богу, потрудимся для своего спасенія, тѣмъ большую воспримемъ мзду отъ руки Праведнаго Судіи. А не можемъ ли и мы съ своей стороны какъ нибудь дѣлать себя долговѣчнѣе? Да, это во многомъ зависитъ отъ насъ самихъ. Какъ? Береги время. Сопрати сонъ,—и времени у тебя будетъ больше. Убѣгай праздности,—и времени у тебя будетъ больше. Удержись отъ развлеченій, сократи свои прогулки,—и времени у тебя будетъ больше. Брось излишнія веселости, вечера, карточную игру,—и времени у тебя будетъ больше. Не трать времени въ клубахъ, въ маскарадахъ, въ театрахъ,—и времени у тебя будетъ больше. А какъ скоро времени у тебя будетъ больше, то и жизнь твоя будетъ продолжительнѣе. Не правда ли? Не правда ли, что тогда вѣкъ твой будетъ уже не коротокъ, и весь можетъ быть обращенъ на добрыя и святыя дѣла къ вѣчному твоему спасенію? Но если ты желаешь и ищешь долговременной жизни только для того, чтобы жить въ свое удовольствіе, нѣжиться, да веселиться,—ну, тогда дѣло другое. Расширай свою жизнь, какъ знаешь,—только не жалѣй послѣ, не скорби и не плачь, что жилъ долго, но жилъ напрасно. Что я говорю? Хуже, чѣмъ напрасно,—жилъ себѣ на бѣду, на вѣчное несчастіе.

Христіане! Жизнь намъ дается отъ Бога. Коротка она, или долга, все равно. Дѣло въ томъ, какъ мы воспользуемся ею, на что употребимъ время. Можно и въ короткую жизнь спастись, и въ долгую—погибнуть. Ежели и долго проживемъ, да проживемъ худо, богопротивно, грѣховно,—погибнемъ; и ежели и недолго проживемъ, но проживемъ благочестиво, богоугодно, добродѣтельно,—спасемъ. Боже иди, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 66.

Перемѣна тлѣнныхъ сокровищъ на нетлѣнныя.

Господи благослови!

Еще о богатствѣ и о богатыхъ. Не знаешь, право, удивляться ли ^ѣ перазумію богатыхъ, сожалѣть ли о заблужденіи ихъ. Видишь не рѣдко такихъ богатыхъ, которые, обладая большими сокровищами и находясь уже въ лѣтахъ преклонныхъ, все еще берегутъ свои сокровища, — мало этого, все еще стараются умножать ихъ. О, слѣпота человѣческая! Куда же ихъ богатство, когда придетъ за ними смерть? А вѣдь она ходитъ по большей части незаметно и приходитъ неожиданно. Каково будетъ имъ разставаться съ своимъ имѣніемъ? Не жалко ли будетъ лишиться того, что приобретаемо было заботами и трудомъ, въ чемъ полагалось все благополучіе и счастье? Не горько ли, не страшно ли будетъ имъ идти па тотъ свѣтъ ни съ чѣмъ, сезъ всякихъ способовъ сдѣлать будущую жизнь свою счастливою? А это должно послѣдовать непременно.

О, богатые! Не оставляйте своихъ сокровищъ здѣсь. Берите ихъ съ собой, — берите, или лучше, заблаговременно отправляйте ихъ туда, па тотъ свѣтъ. Подражайте сынамъ вѣка сего. Когда они переселяются на житье въ какой либо другой край, а тѣмъ паче за предѣлы отечества, то имѣніе свое папередъ отправляютъ туда, или дѣлаютъ переводъ своихъ денежныхъ капиталовъ, чтобы имъ можно было безбѣдно жить па повомъ мѣстѣ жительства. Видите, какъ поступаютъ сыны вѣка сего. Дѣлайте и вы то же, дѣлайте заблаговременно, пока не пришелъ срокъ отправленія па тотъ свѣтъ. Пересылайте свои сокровища туда, за предѣлы міра. Переводите свои капиталы въ страну вѣчной жизни. Какъ? Благотвореніемъ. Черезъ кого? Черезъ бѣдныхъ и нищихъ. Не бойтесь доврять имъ. Вѣрніе этихъ рукъ имѣтъ пельзя. Нищія передадутъ сокровища ваши прямо въ руки Христовы; руками нищихъ приметъ ихъ Самъ Христосъ, и будетъ вашимъ должникомъ, вашимъ вѣрнымъ плательщикомъ въ будущей жизни. Какъ, Христіане, вы должны вѣровать слову Божию. *Милуяй нища, взаимъ даетъ Богови, по даііію же еіо воздастся ему* (Прит. 19: 17). Видите, куда идутъ сокровища руками нищихъ, — идутъ въ руки Самого Бога, отъ Котораго послѣдуетъ, не говоримъ равное, но несравненно большее воздаяніе благотворящимъ. Самъ Господь скажетъ па послѣднемъ судѣ благодѣтелямъ: *помеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвори-*

сте (Матѣ. 25: 40). Самъ Господь, повелѣвая богатому раздать имѣніе свое нищимъ, обѣщаль ему за то сокровище на небеси. *Дажь, сказахъ, имѣніе твое нищимъ, и имѣтти имаша сокровище на небеси* (Матѣ. 19: 21). А вотъ, что еще сказахъ Господь: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. 16: 9). Это прямо относится къ богатымъ. Други богатыхъ—это нищіе, или лучше, въ лицѣ нищихъ Самъ Господь. Эти-то други примутъ подъ свой кровъ богатыхъ и раздѣлять съ ними свое блаженство, когда они оскудѣютъ, когда оставятъ землю съ ея сокровищами по смерти своей.

Много, много, братіе, въ словѣ Божіемъ свидѣтельствъ, на которыхъ утверждается надежда богатыхъ на вѣчное воздаяніе отъ Бога, на приобрѣтеніе небесныхъ сокровищъ по смерти, если они, при жизни своей, будутъ благотворить бѣднымъ. А вотъ послушайте еще, что повѣствуетъ намъ Святая Церковь. Нѣкто язычникъ, убѣждаемый Христіанскимъ Епископомъ къ оставленію заблужденія языческаго, говорилъ, между прочимъ, такъ: „для меча страшнымъ кажется ученіе Христіанское, якобы, милуй нища, взаимъ дасть Богу, и раздавалъ имѣніе убогимъ, получить отъ Христа сокровище на небеси“. Со временемъ этотъ язычникъ принялъ святое крещеніе, и однажды, передавъ Епископу значительное количество денегъ, для раздачи нищимъ, просилъ снабдить его роспиской руки самого Епископа, съ прописаніемъ обѣщанія и увѣренія, что Христосъ воздастъ ему за то въ будущемъ вѣкѣ. Росписка благотворителю дана, и деньги розданы нищимъ. Когда умралъ этотъ благотворитель, то сдѣлалъ завѣщаніе, чтобы по смерти его сказанную росписку Епископа вложилъ ему въ руку и похоронили съ нею. Такъ и было сдѣлано. И вотъ въ третій, по погребеніи, день является умершій Епископу во снѣ и говоритъ: „прди ко мнѣ на гробъ, и возьми твою росписку; я ужъ получилъ, по твоему обѣщанію, свой долгъ“. Когда вскрыли гробъ, дѣйствительно нашли росписку въ рукѣ умершаго, и что же оказалось? На роспискѣ вновь написано собственною рукою умершаго, что онъ по роспискѣ получилъ долгъ отъ Христа Бога, какъ обѣщаль ему Епископъ (Пролог. Апрѣля 11). Вотъ какимъ чудомъ засвидѣтельствовалъ Господь Свое пеложное обѣщаніе благотворящимъ. Такъ *вѣренъ Господь во всѣхъ словесехъ Своихъ и преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ* (Пс. 114: 13).

О, богатые! Какими счастливыми вы можете сдѣлать себя на цѣлую вѣчность! Какъ выгодно—промѣнить свои тлѣнныя сокровища на вѣчныя!

Расточайте свое богатство на бѣдныхъ и нищихъ.

Оно не потеряется; его возьметъ заимообразно Самъ Христосъ. Дорожите такимъ чуднымъ должникомъ. Пользуйтесь такимъ вѣрнымъ заимодавствомъ. Богатѣйте въ Бога, а не собирайте сокровищъ только для себя (Лук. 12: 21); запасайтесь ими для вѣчности, а не для одной временной жизни. Берегитесь, чтобы послѣ не довелось вамъ горько плакать,—плакать о томъ, чего лишились, плакать и о томъ, что наслѣдили. *Не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, говоритъ вамъ Господь, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татѣ подкопываютъ и крадутъ. Скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь ни тля тлитъ, и идѣже татѣ не подкопываютъ, ни крадутъ* (Матѣ. 6: 19, 20). *Наше житіе, по Апостолу, на небсѣхъ есть* (Филип. 3: 20); туда слѣдовательно, туда заблаговременно предпосылайте и свои сокровища, чтобы, когда явитесь на тотъ свѣтъ, получить ихъ въ повомъ нетлѣнномъ видѣ отъ Небеснаго Мздовоздаателя и услышать отъ Него такой вождѣлѣнный призывъ въ блаженство вѣчное: *приидите, благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взмахая бо, и дасте Ми ясти; возжадаяся, и напоисте Мя; страненъ бѣхъ, и введосте Мене; нагъ, и одѣясте Мя* (Матѣ. 25: 34, 35, 36). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 67.

Состояніе духа кающихся.

Господи благослови!

Кто бы ни были мы, братіе, въ какомъ бы званіи, состояніи и возрастѣ мы ни находились, всѣ мы—грѣшники. И таковыми, съ сознаніемъ, или даже безъ сознанія, признаемъ себя тоже всѣ, мы. Никто не скажетъ о себѣ, что онъ не грѣшникъ. А если такъ: что же мы должны думать о себѣ. Вѣдь конецъ грѣха и участь грѣшниковъ извѣстна.—Это вѣчная мука за гробомъ. Не должно ли, стало быть, думать намъ объ этомъ? Не надо ли стараться избѣгать этой горькой участи? А какъ избѣгать, если не постояннымъ покаяніемъ, не перемѣною грѣховнаго образа жизни? Вѣроятно, всякій изъ насъ согласится и въ этомъ и, можетъ быть, пожелаетъ знать, какого рода должно быть это постоянное покаяніе, и какой образъ мыслей и расположенія духа приличенъ состоянію такого покаянія. Такъ послушайте же, что на этотъ разъ повѣствуетъ намъ Святая Церковь.

Двое изъ числа спасавшихся въ одной обители, уступившіе навѣтамъ врага, оставили монастырь и обратились въ мірскую жизнь, но послѣ, одумавшись и устранившись будущей участи, рѣшились загладить грѣхъ свой покаяніемъ, и возвратились въ монастырь. Ихъ размѣстили порознь безысходно на цѣлый годъ, и обоимъ подавали одинаковую, разумѣется, скудную пищу. По окончаніи года тайно отъ Бога дано было знать, что Господь простилъ имъ грѣхъ. Когда ихъ вывели изъ сокровенныхъ мѣстъ, оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ блѣденъ и томенъ, а другой бодръ и веселъ. Отцы спросили ихъ: „въ какихъ мысляхъ и чувствахъ провели они время покаянія относительно содѣяннаго ими грѣха?“ Первый сказалъ: „я постоянно мучился памятію о содѣянномъ грѣхѣ, и представлялъ себѣ вѣчную муку, и отъ этой печали сдѣлался и тощъ и мраченъ“. Другой сказалъ: „я непрестанно радовался и славилъ Бога, что Онъ избавилъ меня отъ жизни грѣховной и возвратилъ въ прежнее Ангельское житіе“. Духовные старцы нашли, что образъ покаянія того и другаго равно пріятенъ Богу (Прол. Апрѣл. 15).

Такъ вотъ, братіе, образецъ постояннаго покаянія грѣшниковъ. Какъ видите, первое и самое главное то, что надо оставить, или оставлять грѣховную жизнь. Горько, разумѣется, это для нашей плоти, тяжело намъ, по нашей наклонности и привычкѣ ко грѣху, но вѣдь горше того страшная участь будущая, тяжелѣе, невыносимѣе мука вѣчная. Ежели будемъ продолжать грѣховную жизнь, не думая о будущемъ и не страшась горькой участи, какая опредѣлена грѣшникамъ, то и подвергнемся этой несчастной участи; а ежели, представляя будущую страшную участь, станемъ хотя мало-по-малу измѣнять худой, противохристіанскій образъ жизни, то, по благодати Божіей, и избавимся несчастной участи въ будущемъ. Да, это первое—перемѣнить свой образъ жизни чувственный на духовный, разсѣянный на степенный и благочестивый, мірской на Христіанскій. А далѣе? Которому изъ двухъ сказанныхъ калвшихся послѣдовать память? Какой образъ мыслей и расположенія духа усвоить намъ для умплотивленія Бога, и для нашего оправданія предъ Нимъ? Мрачный ли и увылый, или благодушный и веселый? Плакать ли лучше намъ о грѣхахъ, или радоваться о благодати спасенія? Хорошо и плакать о грѣхахъ, но сладость спасительныхъ слезъ сокровенна,—видимо же лучше радоваться о благодати спасенія. Когда плачемъ о грѣхахъ, все еще не освобождены значить отъ нѣкоего томленія по узавившемъ насъ грѣхѣ; а когда радуемся о благодати Божіей, тогда въ широтѣ сердца славимъ Бога, взыскавшаго

насъ Своею благодатию и милостию. Что же? Не надо плакать насъ? Станемъ только радоваться? Нѣтъ. И плакать, и радоваться. Грѣшникамъ нельзя не плакать; спасаемымъ нельзя не радоваться. То и другое усвоимъ себѣ. То и другое, какъ видѣли мы, па двухъ покаявшихся, идетъ къ покаянію, и тѣмъ и другимъ благоугождается Богъ. Какъ намъ не плакать, если мы будемъ смотрѣть на нашего падшаго Праотца? Вѣдь мы отъ него произошли, отъ грѣшника—грѣшники; его посимъ немощи, его продолжаемъ беззаконіе и его подлежимъ осужденію и смерти. Какъ намъ опять и не радоваться, если будемъ смотрѣть на Христа, нашего Искупителя? Вѣдь мы, какъ вѣрующіе и какъ Христіане, Ему принадлежимъ, Безгрѣшному и Святому,—Его благодатию спасаемся, Его пречистою кровію очищаемся отъ грѣховъ, Его Божественною правдою оправдываемся предъ Отцемъ нашимъ Небеснымъ, Его спасительными заслугами уповаемъ получить жизнь и блаженство вѣчное. Такъ, и то, и другое попеременно непрерывно причествуетъ намъ. Какъ, по грѣховной природѣ своей, мы принадлежимъ первому Адаму, а по благодатному возрожденію, и второму Адаму, Христу; такъ и мысли и чувства наши должны быть одушевляемы и скорбію перваго, падшаго Адама, и радостію втораго, искупившаго насъ отъ грѣха и смерти Христа. Одна чистая непрерывная радость и одинъ безотраднѣйшій плачь и безсмысленное горе намъ неестественны. Первая есть достояніе Святыхъ Ангеловъ Божіихъ, которые чужды паденія и грѣха, второй—участь темныхъ духовъ, которые чужды благодати искупленія. Ежели мы будемъ соединять плачь съ радостію, и радость съ плачемъ, то этимъ самымъ избѣжимъ двухъ опасныхъ крайностей: горькаго отчаянія, къ которому можетъ порывать насъ сильно восчувствованный грѣхъ, и излишняго упованія на милость Божію, которое можетъ воспитать въ насъ собственная наша безпечность и любовь ко грѣху, и сама на счетъ того воспитываться.

Плакать, братіе, и радоваться должны Христіане,—плакать о грѣхопадении, и радоваться о спасеніи. Такой двойственный видъ состоянія представляютъ намъ сама видимая природа и Святая Церковь Божія. Природа, кажется, тоже сообразуется и съ паденіемъ, и съ возстаповленіемъ человѣка, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ и плачетъ по временамъ, и радуется. Да. Она то мрачна, то свѣтла; въ пей то зима, то лѣто, то смерть, то жизнь, то бѣдствія и бури, то благоденствіе и тишина. А и въ Церкви Божіей. Тоже—и печаль, и радость. Таковы посты и праздники, молитвы и пѣсни умирительныя и торжественныя. Все, все, братіе, въ настоящемъ состояніи нашемъ

двойственно. Хорошо, сѣдовательно, сдѣлаемъ, если будемъ и плакать, и радоваться,—плакать о грѣхахъ своихъ, и радоваться и благодарити Божіей, спасающей насъ. Плачь очиститъ, облегчитъ и успокоитъ, а радость утѣшитъ и возвеселитъ душу! Черезъ это измѣнится самый вѣншій видъ человѣка. Опъ будетъ казаться степеннымъ, умирительнымъ и благоговѣйнымъ, какимъ и подобаеть быть истинному Христіанину. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 68.

Ангелы при насъ—добрый и злой.

Господи благослови!

Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, братіе, что каждый Христіанинъ имѣеть при себѣ Ангела Хранителя, одного изъ блаженныхъ небесныхъ Духовъ, который дается намъ отъ Бога со дня крещенія, или вступленія нашего въ благодатную Церковь Божію, дается намъ, какъ пастырь, руководитель и хранитель нашъ на пути спасенія. Такъ милостивъ къ намъ Господь! Столько печется Опъ о нашемъ спасеніи! Ему драгоценна каждая Христіанская душа, какъ купленная собственно Его безцѣнною кровію.

Стало быть, счастливо наше состояніе, братіе-Христіане. Легкій для насъ и безопасный путь временной жизни. Чего опасаться намъ при такомъ Небесномъ Руководителѣ и Хранителѣ? Точно и было бы такъ, если бы не было при каждомъ изъ насъ другаго ангела, темпаго и злаго, который приставляется къ намъ отъ начальника тьмы для того, чтобы непрестанно строить намъ козни, отвлекать насъ отъ пути спасенія и вести къ вѣчной гибели. Такъ точно, братіе. При каждомъ Христіанинѣ два ангела: одинъ добрый, другой злой, одинъ хранитель, другой губитель Христіанъ. Посмотрите на состояніе Спасителя нашего въ пустыщѣ, когда Опъ, послѣ крещенія, постился въ ней сорокъ дней. Кого мы видимъ тамъ? Видимъ и Ангеловъ Божіихъ, и духа искушителя, которые имѣли отношеніе къ Спасителю. Діаволь троекратно искушалъ Господа, и когда былъ имъ побѣжденъ, то отступилъ отъ Него до времени; а какъ скоро отступилъ искушитель, тотчасъ приблизились къ Нему Ангелы, какъ служебные Его духи (Лук. 4: 13. Матѹ. 4: 11). Вотъ видите, и у Спасителя нашего были попеременно и Ангелы Божіи и духъ злобы, діаволь. Такъ бываетъ и у каждого

изъ Христіанъ. Это подтверждаютъ памь и сказанія отеческія. „Два“, говорится, „Ангела съ человѣкомъ суть, единъ праведный, а другой сатанинъ. И Ангель убо Божій кротокъ и милостивъ, совѣтуеть о правдѣ, и о чистотѣ, и смиреніи, и о покореніи, и о любви, и о милостыни. Лукавый же гордъ и гнѣвливъ, и непокорливъ, и вся его суть злая дѣла“ (Прол. Апрѣл. 20). И что удивительнаго? Вѣдь супостатъ нашъ діаволь только и расположенъ на зло, только то и думаетъ, какъ бы увлечь человѣка на свою сторону, въ противленіе Богу и Творцу. Ежели онъ тотчасъ явился къ первожданному человѣку, и сдѣлалъ его преступникомъ предъ Богомъ; ежели онъ дерзнулъ искушать Самого Богочеловѣка, то оставитъ ли онъ хоть одного человѣка, чтобы не совращать его въ свою волю и власть? Достанетъ этой нечистой силы на весь человѣческій родъ, когда, по повѣствованію Евангелія, въ одномъ человѣкѣ находился цѣлый легіонъ бѣсовъ. Да, лишь только рождается человѣкъ, ужъ и является при немъ злый приставникъ, котораго, какъ извѣстно, отгоняють отъ человѣка при крещеніи заклинательными молитвами. Со времени же крещенія приходитъ къ человѣку уже и Ангель Хранитель. И вотъ съ сихъ поръ попеременно находятъся при каждомъ Христіанинѣ и Ангель добрый, и ангель злой, смотря потому совершенно воли и свойствамъ котораго изъ нихъ дѣйствуетъ Христіанинъ. Ежели Христіанинъ любитъ истину и добро, ежели старается угождать Богу, ежели ведетъ жизнь добродѣтельную, и желаетъ и ищетъ своего спасенія, то при немъ Ангель добрый, хранитель, руководитель и наставникъ его. Тогда лукавый духъ удаляется отъ него, выжидая однакожъ ежечасно воспользоваться какою либо немощію его. А ежели Христіанинъ расположенъ на грѣхъ, ежели любитъ болѣе служить самому себѣ, своимъ злымъ наклонностямъ и страстямъ, не заботясь о своемъ спасеніи, тогда при немъ находится его искуситель, духъ злой, а Ангель Божій со скорбію отступаетъ отъ него, и заботливо ждетъ его обращенія и исправленія.

Такъ бываетъ съ человѣкомъ Христіаниномъ во всю временную жизнь. Ангелы, тотъ или другой, не оставляють его ни на минуту. Они сопутствуютъ ему и въ страну загробную. Душа, по разлученіи съ тѣломъ, какъ видно изъ повѣствуемыхъ Церковію загробныхъ откровеній, бываетъ предметомъ состязанія между ангелами, добрымъ и злымъ, и каждый изъ нихъ старается присвоить ее себѣ, и удержать въ своей власти, смотря по тому, кому она служила въ жизни временной: Богу, или плоти и міру, какими занималась дѣлами: добрыми, или злыми. И благо ей, ежели она успѣ-

да украсить себя добродѣтелями,—тогда Ангель Божій беретъ ее подъ свой кровъ и сопровождаетъ ее къ престолу Божию. Горе, ежели она окажется только въ сквернахъ грѣховныхъ,—тогда она—печальная жертва врага, который беретъ ее въ свою власть и дѣлаетъ участницею своего вѣчнаго осужденія.

Вотъ, значить, братіе, не безопасно же наше состояніе въ сей жизни. Нѣтъ. Отъ насъ требуется большая бдительность и осторожность. Съ нами Ангель Божій Хранитель, а подлѣ насъ же и духъ лукавый, искушитель и врагъ. Не даромъ такъ заботливо предостерегаютъ Христіанина Святые Апостолы. Одинъ говоритъ: *блюдите, какъ опасно ходите* (Ефес. 5: 15). Другой: *трезвитесь, бодрствуйте; зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкающій, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5: 8). А мы? Мы не думаемъ о себѣ, живемъ спокойно, какъ въ тихомъ пристанищѣ, творя волю плоти и страстей. Мы не видимъ, что около насъ не только Ангель хранитель, но и духъ злобы, и мы постоянно находимся какъ бы въ средѣ ихъ или между ними. Что, ежели, по качеству жизни нашей, по дѣламъ нашимъ ближе къ намъ духъ злобы, и далѣе отъ насъ Ангель мирный? Какимъ не можемъ мы подвергнуться бѣдствіямъ и здѣсь, въ настоящей жизни, бѣдствіямъ и духовнымъ и тѣлеснымъ? А что будетъ въ смерти, и по смерти, ежели мы не исправимъ себя и не приблизимъ къ себѣ Ангела-хранителя нашего? О, да насадитъ Господь въ сердцахъ нашихъ Божественный страхъ Свой, да содѣлаетъ насъ *боящимися Его*, и да *ополчится Ангелъ Господень окрестъ* каждого изъ насъ, и *избавитъ насъ* (Пс. 33: 8) отъ всѣхъ бѣдъ какъ въ сей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 69.

Сила моды.

Господи благослови!

Знаете ли, братіе, какая надъ нами самая большая власть? Скажете: „Божеская?“ Правда ли? Богу-то мы повинемся мало, волю Его исполняемъ рѣдко, а иные, быть можетъ, и совсѣмъ не думаютъ объ этой власти. Какая же? Человѣческая? Законъ и воля начальства? Правда, человѣка мы и стыдимся и боимся болѣе, нежели Бога, однакожъ и этой власти повинемся по большей части

принужденно, нерѣдко съ негодованіемъ и ропотомъ, и то болѣе видимо, виѣшне. Что же? Развѣ власть родительская? Къ повиновенію этой власти располагаетъ насъ сама природа и естественная любовь дѣтей къ родителямъ, исполненіе воли сихъ послѣднихъ дѣлаетъ пріятнымъ и легкимъ? Опять нѣтъ. Опытъ часто противорѣчитъ всему этому, и особенно опытъ настоящихъ временъ. Такъ должна быть, конечно, эта власть уже собственная наша воля? Воля наша дѣйствительно большую надъ нами имѣетъ силу и все то мы дѣлаемъ охотно, чего сами хотимъ и что намъ угодно. Но все еще нѣтъ. Есть власть, которой сама собою подчиняется и наша воля, и мы часто противъ своей воли исполняемъ волю этой власти. Да какая же эта власть, которая господствуетъ надъ нами всего дѣйствительнѣе, и которой повинемся мы всего безпрекословнѣе? *Мода*, братіе, мода. Вотъ у насъ власть, которая выше всего. Непостижимая—ума не приложишь, что за власть. Она не повелѣваетъ намъ, а мы повинемся ей; она не грозитъ намъ, а мы боимся ея; она ничѣмъ не жалуетъ насъ, а мы гордимся благоволеніемъ ея; она часто губитъ насъ, а мы любимъ ее: она разоряетъ насъ, а мы жертвуемъ ей. Обаятельная дѣйствительно власть, которой мы всегда повинемся, да какъ? Постоянно, вѣрно, охотно, такъ что ничего не находимъ для себя пріятнѣе, какъ быть подъ этою властію и исполнять волю ея.

Ахъ, мода, мода! На все у насъ мода. Образъ жизни имѣть—мода, пріемъ и обращеніе съ людьми,—мода, воспитаніе дѣтей—мода, одѣваться особенно—мода, веселиться—мода. Даже въ дѣлахъ вѣры есть мода. Мода—не креститься, мода—не кланяться, мода—не ставить въ виду Святыхъ изображеній. И все, что ни предписываетъ намъ мода, для насъ неотложно, обязательно и удобно исполнимо. Будь оно неразумно и нелѣпо, будь оно неприлично, неудобно, будь оно разорительно и вредно, будь оно нечестиво и богопротивно,—все ничего. Вотъ ужъ власть—такъ власть!

Да гдѣ же эта власть? А нигдѣ. Кто этотъ повелитель? Никто. Никого не видимъ, никого не знаемъ, а всѣ слушаемся, всѣ повинемся. А! Эта власть—невидимая сила. Этотъ повелитель—*міродержитель тьмы* (Ефес. 6: 12), *богъ вѣка сего* (2 Кор. 4: 4). Онъ *ослабляетъ разумы* не только *неверныхъ*, но и *вѣрныхъ*. Мы не видимъ его;—это потому, что онъ духъ, *князь власти воздушныхъ* (Ефес. 2: 2). Ему повинемся мы, его волю исполняемъ мы, когда живемъ и дѣйствуемъ по модѣ;—это видно изъ того, что мы такъ охотно слѣдуемъ ей, и такъ вѣрно соблюдаемъ требованія ея. Вѣдь,

извѣстно, мы охотно и непринужденно дѣлаемъ только то, что пріятно нашей плоти, нашимъ чувственнымъ желаніямъ и страстямъ, то, (скажемъ прямо), что угодно врагу нашему, діаволу, такъ какъ онъ же и растлилъ нашу Богосоздающую природу и сдѣлалъ насъ преклопными па зло. Вотъ ужъ на доброе, на душеполезное, на Богоугодное такъ нѣтъ моды. Никто съ такою охотою, съ такимъ усердіемъ и вѣрностію не станетъ подражать добрымъ дѣламъ, благочестивымъ подвигамъ, Христіанскому образу жизни. Нѣтъ. На это требуется особенная сила воли, твердое противоборство своей растлѣнной природѣ, непрестанное усиліе и трудъ.

Такъ вотъ, братіе, чья власть—господствующая надъ нами мода. Вотъ кому служимъ мы и чью исполняемъ волю, когда живемъ и дѣйствуемъ по модѣ, *сообразуясь* во всемъ *отку сему* (Рим. 12: 2). Служимъ именно богу вѣка сего, исполняемъ волю невидимаго врага нашего. О, какъ постыдно это Христіанамъ! Какъ постыдно имъ быть такими легкомысленными, непостоянными, съ такимъ неразуміемъ, съ такимъ раболѣтствомъ слѣдовать всему! Какъ недостойно имъ имѣть заботу о такихъ пустыхъ и маловажныхъ требованіяхъ, оставляя часто въ сторонѣ требованія званія, долга, чести, заботу о здоровьѣ, о жизни, о душѣ! Какъ безрасудно безъ нужды и безъ пользы расточать свое достояніе, которое пріобрѣтается трудомъ, и которому можно дать благопотребное и благополезное употребленіе! Христіане! Не богъ вѣка сего, не *отецъ* прелести и *лжи* (Іоан. 8: 44), а Богъ Господь, Творецъ міра и Вседержитель, *Отецъ будущаго вѣка* (Исаія 9; 6), долженъ быть нашимъ Повелителемъ и Владыкою. Его Божественному закону мы должны повиноваться, Его Святую волю исполнять, а не правиламъ міра подчинять себя, не то дѣлать, не такъ поступать, какъ требуетъ лжеименная власть наша—мода. Пусть сынове вѣка сего слѣдуютъ ей, пусть они признаютъ надъ собою эту власть и живутъ по правиламъ ея;—у насъ должна быть одна власть, власть Божественная, *намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и мы у Него; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8: 6). Боже нашъ, Слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 70.

Наряды въ одеждѣ.

Господи благослови!

Какихъ нѣтъ у насъ, братіе, страстей, свидѣтельствующихъ о растлѣннйи человѣческой природы! Но изъ всѣхъ страстей замѣчательнѣе страсть, сколько неразумная и суетная, столь же всѣмъ общая и всѣми любимая. Это — *страсть къ нарядамъ*, — страсть одѣваться богато, пышно, красиво, по модѣ. Жалкое заблужденіе! Что такое одежда? Ее въ раю не было, да она и не нужна была непорочному человѣку. Какъ *Богъ одѣвается сѣтломъ* славы, яко *ризю* (Ис. 103: 2), такъ и первобытный человѣкъ, вмѣсто одежды, украшался чистотою и непорочною. Что она и теперь? Человѣкъ приходитъ на сей свѣтъ безъ одежды, и уходитъ отсюда на тотъ свѣтъ, вовсе не требуя никакой одежды. Значить, одежда потребна только въ настоящей жизни, въ семъ временномъ мірѣ. Да, одежда потребна человѣку нынѣ потому, что онъ потерялъ первобытную одежду, онъ уже не въ раю, не въ блаженномъ жилищѣ невинности, а въ другомъ, суровомъ, бѣдственномъ мірѣ, гдѣ онъ долженъ страдать не только душевно, но и тѣлесно, подвергаясь болѣзненному вліянію всѣхъ внѣшнихъ стихій. Потребна, говорю, нынѣ одежда человѣку, — да какая? Соотвѣтственная нуждѣ, простая, много-много приличная и не безобразная. А то что мы видимъ? Видимъ охоту, страсть украшать себя одеждами, наряжаться, щеголять. Это для чего? Это что показываетъ въ насъ? Ужъ не то ли, что мы считаемъ себя счастливыми въ семъ мірѣ, довольны, что потеряли первобытное блаженство? — Не то ли, что мы любимся знаменіемъ грѣха, превозносимся своимъ паденіемъ, и въ грѣху прародителей прибавляемъ еще свои грѣхи? А это точно такъ. Ну скажите, что наши наряды, наше щегольство, какъ не надбавки на грѣхи? Одежда сама собою есть уже принадлежность и знаменіе грѣха, а мы стараемся сдѣлать ее еще красивою, нарядною.

„Да что за бѣда, что за грѣхъ — наряды“, сейчасъ возразить намъ любитель или любительница нарядовъ. Что за бѣда — наряды? А развѣ они достаются намъ легко? Вѣдь они, какъ всякій знаетъ, требуютъ большихъ издержекъ, на нихъ истрачивается не малая часть достоянія каждаго. А это развѣ не грѣхъ? Развѣ такое должно быть употребленіе ниспосылаемыхъ намъ отъ Бога даровъ? „Что за грѣхъ — наряды?“ А развѣ не грѣхъ отнимать у ближняго, лишать

бѣднаго часто необходимой одежды, убивать его, и безъ того уже убитаго горемъ? Вѣдь вмѣсто траты на многія, часто дорогія, непрестанно перемѣняемыя одежды можно бы одѣть многихъ бѣдныхъ, которые покрыты теперь одними рубищами. Вѣдь горько бѣдному, одѣтому въ рубище, смотрѣть на васъ, прихотливо и роскошно одѣтыхъ. Что, ежели онъ черезъ это впадетъ въ грѣхъ, свойственный помощи нашей, позавидуетъ вашему состоянію и усугубитъ свое горькое положеніе? А вѣдь это случиться можетъ легко. „Что за грѣхъ—наряды?“ А соблазнъ развѣ не грѣхъ? Соблазнить ближняго, увлечь его въ паденіе и грѣхъ—для васъ не бѣда? Вѣдь не вы, любитель или любительница нарядовъ, смотрите на себя, а на васъ смотрятъ другіе,—смотрятъ на васъ, и, можетъ быть, падаютъ взоромъ и сердцемъ, оскверняютъ себя плотскими мыслями и похотями. Это развѣ не грѣхъ, особенно ежели такъ бываетъ въ храмѣ Божіемъ, особенно ежели вы еще намѣренно украшаете себя, чтобы обратить на себя глаза другихъ, подобныхъ вамъ легкомысленныхъ? Великій грѣхъ—соблазнъ. *Горе человеку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѣ. 18: 7), говоритъ Спаситель. А таковой соблазнъ, увлеченіе человѣка въ грѣховную нечистоту ни отъ чего такъ не бываетъ, какъ отъ нарядовъ, особенно женскихъ. „Что за грѣхъ—наряды?“ А какое у насъ побужденіе къ нимъ? Никто отъ насъ того не требуетъ, ничего мы отъ того, ни пользы, ни удовольствія не получаемъ. Для чего же наряжаемся? Развѣ для тщеславія? Вотъ ужъ настоящее тщеславіе, дѣйствительно *тщетная слава*. Что можетъ быть суетнѣе и легкомысленнѣе, какъ отличать себя, прославлять себя только одѣяніемъ? Что за достоинство—богатый и красивый нарядъ? Не разоблачаетъ ли онъ скорѣе нашу душу? Не показываетъ ли внутреннюю пустоту и бѣдность нашу? „Что за грѣхъ—наряды?“ А что значить такая наша суета? Кому мы этимъ служимъ? Чью въ этомъ волю исполняемъ? Никакого сомнѣнія нѣтъ, что мы этимъ служимъ врагу нашему, въ этомъ исполняемъ волю его. Онъ, прелестникъ, выдумываетъ все это; его дѣло—наша страсть къ нарядамъ. Онъ лишилъ насъ первыя Боготканныя одежды; онъ одѣлъ насъ въ грубую, сотканную грѣхомъ, одежду;—онъ же, по-своему, и украшаетъ на насъ эту одежду, чтобы намъ тѣмъ удобнѣе забывать свое паденіе и грѣхъ, и тѣмъ болѣе ниспадать изъ внутренней жизни духа во внѣшнюю жизнь плоти и міра. „Что за бѣда—наряды?“ А что и за цѣль? Вѣдь мы не видимъ себя въ нарядѣ? Значитъ, наряжаемся для другихъ? Какое легкомысліе, какая суетность! Вотъ сдѣлали бы мы прекрасно, если бы нарядили другихъ, лучше одѣли

худо одѣтыхъ. Тогда бы мы видѣли свои паряды. Тогда бы и себѣ и ближнимъ нашимъ сдѣлали удовольствіе,—и какое удовольствіе? Самое святое, чисто Христіанское, истинно Богоугодное.

Грѣхъ, какъ видите, братіе,—грѣхъ—наши паряды. Не этимъ мы должны себя отличать, не легкомысліемъ водиться и вѣтrepностію, а благоразуміемъ и степенностію, не тщеславіе показывать въ себѣ и высокомеріе, а смиреніе и кротость, не смертное тѣло свое должны украшать, а бессмертную душу—чѣмъ? Вѣрою, благочестіемъ и всѣмъ добрыми, Христіанскими дѣлами. *Жены*, говоритъ Святой Апостоль, *со стыденіемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетениихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но дѣлы благи* (1 Тим. 2: 9, 10). Вотъ, какое украшеніе прилично Христіанамъ! Ахъ, братіе. Надо бы намъ подумать о себѣ разумнѣе. Надо бы намъ оставить слѣпую и безразсудную страсть въ парядамъ. Наряды и особенно излишніе, никакъ не къ лицу Христіанамъ. Христіане должны держать себя вездѣ, и особенно въ церкви, скромно, степенно, благоговѣйно, чтобы отнюдь не подавать собою повода къ развлеченію, а тѣмъ болѣе къ соблазну другихъ, чтобы напротивъ того служить ближнему примѣромъ благоразумія, умѣренности и благоприличія въ одеждѣ, помня сами, и другимъ внушая собою, что важно для Христіанина достоинство души, а не тѣла, *многочыненъ предъ Богомъ, не внѣшній, а внутренній, потаенный сердца чело-вѣкъ* (1 Петр. 3: 4). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 71.

Неблаговременное хожденіе въ церковь.

Господи благослови!

Xочу сегодня, братіе, сказать нѣчто о нашемъ хожденіи въ храмъ Божій. Хорошо, конечно, мы дѣлаемъ если ходимъ въ храмъ Божій на молитву, и выслушиваемъ службу церковную. Но вотъ что нехорошо. Не всегда мы ходимъ во-время. Рѣдкіе, рѣдкіе приходятъ въ церковь къ началу службы, а шые и уходятъ изъ церкви прежде окончанія службы. Что-жъ это за служба, безъ начала и безъ конца? Что за молитва, безъ предварительнаго и послѣдующаго благословенія Божія, изрекаемаго служителемъ и строптелемъ таинъ Божіихъ? Особенно невзыпительно—приходить не во-время въ церковь Божію на литургію, на эту таинственно предла-

гаемую намъ Божественную трапезу. Ахъ, какъ мы нерадивы и неразумны! Скажите, кто изъ насъ рѣшится придти не во время, когда будетъ позванъ къ какому либо пиршественному столу, и особенно въ домъ значительнаго какого лица, — кто, говорю, рѣшится или придти во время стола, или уйти ранѣе окончанія обѣда? Никто. А въ Святую Церковь, въ домъ Бога нашего, на Божественную, молитвенную или таинственную трапезу приходитъ и уходитъ не во-время мы рѣшаемся, и безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти. Нехорошо, братіе, богопротивно, душевредно быть столь небрежными, и въ такомъ святомъ и душеспасительномъ дѣлѣ, какова общественная молитва, и Божественная служба въ Церкви.

Нехорошо, богопротивно, душевредно приходитъ на молитву въ Церковь послѣ начала службы. Есть на этотъ разъ церковная повѣсть, которая свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ вниманіемъзираютъ въ этомъ случаѣ на насъ съ неба, изъ Церкви торжествующей. Имѣющіе *просощенна очеса сердца* (Ефес. 1: 18) видали, какъ Ангелъ Божій записываетъ входящихъ въ церковь на молитву (Прол. Марта 5). Это самое изображается, какъ случалось и намъ видать, при входахъ въ нѣкоторые Православныхъ нашихъ храмахъ. Чтожь, братіе? Записываетъ, или не записываетъ насъ Ангелъ Господень, когда мы приходимъ въ церковь не къ началу службы? Ежели и записываетъ, то копечно такъ, какъ есть, т. е. записываетъ приходящими не во-время, а это будетъ свидѣтельствовать о нашемъ небреженіи въ такомъ святомъ и душеспасительномъ дѣлѣ, какова молитва къ Богу, и безъ сомнѣнія поставится намъ въ вину. А можетъ быть и не записываетъ насъ въ числѣ приходящихъ въ церковь. Что мудренаго? Кто безъ усердія приходитъ въ церковь и мало молится въ церкви, того, пожалуй, и не сочтутъ въ числѣ молитвенниковъ. Служба началась до него; значитъ, онъ какъ будто сторонній, служба тутъ совершается не для него. Скажете, можетъ быть: „Господь милостивъ; Онъ и въ шестой, и въ девятый и въ одиннадцатый часъ пріемлетъ“. Такъ, по пріемлетъ тѣхъ, которые не могли придти ранѣе, которые были задержаны какими либо, отъ ихъ воли не зависящими обстоятельствами. Нѣтъ, Господь видитъ наше расположеніе, знаетъ наши сердца, и по нимъ будетъ судить насъ въ исполненіи какъ молитвеннаго, такъ и всякаго Христіанскаго долга.

Нехорошо, богопротивно, душевредно и уходитъ изъ церкви ранѣе окончанія службы. То же видѣніе Ангела, какъ повѣствуетъ Церковь, удостовѣряетъ насъ и въ этомъ. Тѣхъ имена, которые по

лѣности оставляли службу и уходили изъ церкви ранѣе, Ангель Господень изглаждалъ изъ записи входящихъ въ церковь. Что же значить такое изглаженіе именъ лицъ, оставляющихъ молитву? Не то ли же, что молитва ихъ не пріемлется у Бога, что они какъ бы и вовсе не были на молитвѣ въ церкви? Видите, сколь богопротивно и пагубно намъ то, что мы обыкновенно не считаемъ и за грѣхъ. Вспомните еще Иерусалимскую горницу, этотъ первообразъ Христіанскихъ нашихъ храмовъ, и ту первоначальную Божественную литургію, которую совершалъ Самъ Искупитель міра на тайной вечери. И тамъ было печальное, болѣзненное для Божественнаго Совершителя таинства, приключеніе. Одинъ изъ присутствовавшихъ, недостойный ученикъ, ушелъ съ вечери, прежде чѣмъ Спаситель окончилъ Свою Божественную службу. Какія же были плачевныя послѣдствія исхода сего ученика, всѣмъ намъ извѣстно, братіе. Кому онъ, несчастный, подчинился, кто его увлекъ съ такой Божественной трапезы? Это объявляетъ намъ Евангеліе. *И по хлѣбъ, сказано, ониде ѡз онъ, т. е. въ Іуду, сатана, пріимъ же онъ хлѣбъ, абіе изыде* (Іоан. 13: 27, 30). Такъ вотъ по чьему внушенію несчастный предатель оставилъ вечерю Господню и вышелъ изъ Святѣйшей Сіонской горницы. Побудителемъ его былъ діаволь, который еще ранѣе *вложилъ ѡз сердце его* и страшную мысль *предать* своего Господа (Іоан. 13: 2). Діаволь, безъ сомнѣнія, бываетъ виновникомъ перадрѣнія молящихся и всегда. По его внушенію поступаютъ и тѣ изъ Христіанъ, которые оставляютъ молитву преждевременно и уходятъ изъ церкви ранѣе окончанія службы. Это точно опять и видѣли имѣющіе очи видѣть. Одинъ прозорливый старецъ, стоя въ церкви, видѣлъ, какъ ходилъ бѣсъ около молившейся братіи и бросалъ на каждаго изъ нихъ цвѣтки. Къ которому изъ братій цвѣтокъ не приставалъ, тотъ стоялъ твердо и неподвижно до конца службы, а къ которому приставалъ, тотъ приходилъ въ разлѣненіе и разслабленіе и, подъ какимъ либо предлогомъ, уходилъ изъ церкви (Прол. Март. 26). Видите, кто производитъ ушніе и тяготу на молитвѣ, кто гонитъ людей изъ церкви, прежде окончанія службы? Врагъ Божій и чловѣческій—діаволь. И кто же другой погонитъ насъ изъ церкви Божіей, кто другой станетъ удалять насъ отъ Бога, какъ не діаволь? Удивительнымъ покажется, можетъ быть, намъ то, какъ діаволу быть въ церкви Божіей. Нечему удивляться. Ежели бывають въ церкви служители его, то отчего жъ тутъ не быть и ему? А кому служатъ тѣ, которые въ церкви стоятъ неблагочинно, безъ вниманія, безъ благоговѣнія, безъ молитвы, зашмаываясь

не только посторонними мыслями, но и посторонними разговорами, и другими неприличными поступками, забывая и святость мѣста, и достоинство совершаемыхъ священподѣйствій?

Не хорошо, богопротивно, душевредно, братіе, приходитъ въ церковь на службу Божию не во время, равно какъ и уходитъ изъ церкви преждевременно. Судите сами, какое достоинство можетъ имѣть не цѣлая служба. Что будетъ за молитва, какъ скоро для насъ все равно, рано или поздно придти въ церковь, и также уйти изъ церкви? Не будетъ ли это знакомъ нашего небреженія и нерадѣнія къ молитвѣ? Неужели довольно для насъ, чтобы только побыть въ церкви, какъ будто этимъ и исполнимъ свой Христіанскій долгъ? Нѣтъ, братіе. Долгъ исполнять слѣдуетъ какъ должно. Надо имѣть усердіе, попеченіе, вниманіе во времени, надо стараться придти на молитву въ церковь Божию, также какъ и уйти изъ церкви въ подлежащее время, чтобы молитва наша была полная и всецѣлая, и тѣмъ послужила намъ во спасеніе, чтобы намъ и начать и окончить свой Христіанскій долгъ за благословеніемъ Божиимъ отъ лица служителя Христова. Благовременный приходъ нашъ въ церковь и исходъ много будетъ содѣйствовать и порядку и благочинію самой службы церковной, къ чему и обязываетъ всѣхъ насъ какъ просто здравое сужденіе, такъ и наставленіе Апостола, именно на счетъ благочинія и порядка церковнаго имъ изреченное: *вся (разумѣется въ церкви) благообразно и по чину да бываетъ* (1 Кор. 14: 40). Не забудемъ, братіе, и того, что молитва и служба церковная составляетъ собою прямое отношеніе наше къ Богу, ставитъ насъ какъ бы на лицо предъ Богомъ и Святыми Ангелами; не забудемъ, что Ангелы наши, какъ сказали уже мы, записываютъ наше хожденіе въ церковь. А вѣдь по этимъ записямъ составляются на небѣ и кнѣги животныя. О, далъ бы намъ по Своей милости Господь, чтобы, когда разгнутся эти кнѣги предъ лицомъ всемогущей, имена наши явились въ числѣ истинныхъ поклонниковъ и молитвенниковъ предъ Богомъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 72.

Святая вѣра неоскудѣема и Церковь Божія несокрушима.

Господи благослови!

Гѣтоваль пѣкогда и скорбѣль ревнитель благочестія, Пророкъ Ф. Господа Бога Вседержителя, о упадкѣ вѣры въ народѣ Израильскомъ; ему представлялось, что всѣ оставили истиннаго Бога, отри-

нули Святый завѣтъ Его и обратили сердца свои къ языческому богу, Ваалу, и что онъ уже одинъ истинный поклонникъ и читатель Бога отцевъ своихъ. Такъ думалъ Илія. Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Оказалось, по откровенію Самого Бога, что еще семь тысячъ Израильтянъ остаются вѣрными истинному Богу и не преклонили колѣнъ своихъ предъ Вааломъ (3 Цар. глав. 19). Не мало, думаю, и въ наше время найдется ревнителей благочестія, подобныхъ Илію, которые, смотря на настоящее состояніе умовъ и нравовъ, могутъ подумать, что вѣра Святая, наслѣдіе отцевъ нашихъ, въ Православномъ Русскомъ народѣ слабѣетъ, благочестіе Христіанское видимо оскудѣваетъ. Въ самомъ дѣлѣ, чему теперь не учать, чего не проповѣдуютъ такого, что явно клонится къ разрушенію вѣры и благочестія въ народѣ? Проповѣдуютъ, на примѣръ, что всякая вѣра, слѣдовательно и Христіанская, и жидовская, и магометанская, и языческая, одинакова,—проповѣдуютъ, что и безъ Богооткровенной вѣры, при руководствѣ одного разума человѣкъ можетъ быть и добродѣтельнымъ, и благополучнымъ; проповѣдуютъ, что и душа человѣческая не безсмертна, что другой жизни для насъ за гробомъ не будетъ; проповѣдуютъ, что и Бога нѣтъ, и міръ существуетъ самъ собою; проповѣдуютъ какую-то всеобщую свободу и независимость, всеобщее равенство, общія всѣмъ права въ пользованіи земными благами, да мало ли что проповѣдуютъ наперекоръ не только откровенію Божію, но и здравому смыслу, на испроверженіе вѣры и благочестія, на соблазнъ и пагубу душамъ Христіанскимъ. А нравы настоящаго времени? А образъ жизни нынѣшнихъ Христіанъ? Тѣ ли нравы, тотъ ли образъ жизни, какимъ слѣдовали добрые, благочестивые наши предки?

Смотря на это, дѣйствительно можно придти въ то состояніе духа, въ какомъ находился ветхозавѣтный Пророкъ, можно подумать, что такъ какъ Христіанское благочестіе въ насъ колеблется, число истинныхъ Христіанъ видимо сокращается,—и Церковь Божія приходитъ въ упадокъ, ослабѣваетъ, истощается въ силахъ, оскудѣваетъ, поборается. Но справедливо ли это будетъ? Нѣтъ. Господь сказалъ, что *Церковь Его не одолѣютъ и врата адава* (Матѣ. 16: 18): ни въ какое время до скончанія вѣка. Чему тутъ удивляться, ежели слышимъ проповѣди человѣковъ, *растлѣнныхъ умомъ* (2 Тим. 3: 8), ежели видимъ оскудѣніе вѣры и развращеніе нравовъ? Развѣ все это—новое явленіе въ родѣ человѣческомъ? Развѣ истребился уже въ мірѣ грѣхъ? Развѣ пересталъ дѣйствовать на пагубу душъ человѣческихъ діаволъ? Когда не было вредныхъ учителей и богопро-

тивныхъ ученій? Что же изъ этого? Въ волѣ состоитъ каждаго слѣдовать растлѣнному, или здравому ученію, слушать самозванныхъ или Богомъ призванныхъ проповѣдниковъ. Св. Апостоль вотъ что еще говоритъ: *подобаетъ и ересемъ быти, да искусни явени бывають* (1 Кор. 11: 19). Видите, къ чему могутъ служить для насъ и богопротивныя ученія. Служить могутъ къ тому, чтобы мы глубже проникали и усвоили истинное, Богооткровенное ученіе, которое, какъ Христіане, отъ юности содержимъ, и которому во всемъ житіи слѣдуемъ. Да послушайте, что говоритъ и Самъ Господь. *Невозможно есть не пріити соблазномъ* (Лук. 17: 1), *нужда есть пріити соблазномъ* (Матѳ. 18: 7). Что это такое? Какъ *невозможно*, для чего *нужно*? Невозможно потому, что, какъ сказали мы, царствуетъ еще въ мірѣ грѣхъ, а діаволь старается лестию отторгать людей отъ спасенія. А нужно для того, чтобы мы разумно и твердо содержали вѣру свою, показывали подвиги благочестія, вступали въ борьбу со грѣхомъ, побѣждали искушенія, и тѣмъ заслуживали себѣ вѣнцы отъ Бога.

Стало быть, братіе, не для чего намъ смущаться, сѣтовать и унывать, смотря на распространяющееся нечестіе въ средѣ благочестія. Пусть *тайна беззаконія дѣется* (2 Сол. 2: 7), пусть лукавый *духъ дѣйствуетъ въ сыньхъ противленія* (Ефес. 2: 2). Это ни мало не препятствуетъ, а напротивъ открываетъ случай *соблюденымъ званымъ подвизаться о преданной вѣрѣ святымъ единою* (Іуд. 1: 2, 3). Какъ Церковь Божія стоитъ неподвижно, такъ и избранные Божіи совершаютъ путь спасенія непреткновенно. Имъ ничто не препятствуетъ, ни званіе, ни состояніе, ни соблазны міра. Будутъ они богаты, или бѣдны; знатны, или не знатны; просвѣщены, или не просвѣщенны; счастливы или несчастны—для нихъ равно и то и другое, они и въ томъ и въ другомъ состояніи являются истинно вѣрующими, добрыми Христіанами. И это было всегда. Вспомните время, описанное намъ Святымъ Евангеліемъ. Всѣ ли старѣйшины и князи Іудейскіе были нечестивы? Не изъ среды ли ихъ были Никодимы и Іосифы Аримаѳейскіе? А простой народъ? Его считали невѣжественнымъ, о немъ говорили: *народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть* (Іоан. 7: 49), а онъ-то и слушалъ Христа, онъ-то и вѣровалъ въ Него. Что еще? Мало ли было истинно вѣрующихъ даже изъ среды грѣшниковъ? Мытарь, разбойникъ, блудница не въ числѣ ли оказались вѣрующихъ? Вспомните опять времена гоненій на Христіанъ. Сколько искушеній и бѣдъ предлежало Христіанамъ? Чего стоило сохранить вѣру, устоять

въ званіи Христіанъ? Ужь не одни лжеучители изъ Іудеевъ и язычниковъ ополчались на Христіанъ, а цари и при томъ жесточайшими, неслыханными мученіями преслѣдовали ихъ—и что же? Сколько тогда явилось исповѣдниковъ и мучениковъ? Какую славу приобрѣла Святая Христіанская Церковь подвигами ихъ? Неужели же нынѣ, во время Христіанскаго мира, при благочестивыхъ Царяхъ можетъ утратиться вѣра, упраздниться Христіанское благочестіе? Благодареніе Богу! Церковь полна вѣрующихъ; безчисленно и видимое общество Христіанъ. А сколько невидимыхъ, непримѣаемыхъ рабовъ Божіихъ! Преподобный Зосима думалъ, что уже нѣтъ выше тѣхъ подвижниковъ, какіе были въ обитаемомъ имъ монастырѣ,—и однако что же? Нашелъ въ пустынѣ чудо, жену, которая однако безъ крова, безъ одежды и насущной пищи провела сорокъ семь лѣтъ: Это—Святая Марія Египетская. Подобными подвижниками наполнены были пустыни, горы и вертепы. Думаете ли, что нынѣ таковыхъ уже нѣтъ? Есть, безъ сомнѣнія есть. А и въ мірѣ истинно вѣрующихъ и служащихъ Богу, хотя тоже большею частію непримѣаемыхъ, развѣ мало? Вѣдь таковыя обыкновенно не выставляютъ себя на показъ, а по большей части работаютъ Господеви уединенно, тайно. Не угодно ли вамъ послушать, какіе и въ наше время и среди насъ есть Христіане. Въ недавнее время пришла въ соборъ къ простодневной утрени одна женщина, примѣтно не изъ простыхъ, но одѣтая просто и, вставъ на колѣни, поверглась ницъ, и въ этомъ положеніи провела всю утреню, нѣсколько только разъ поднимался на колѣни для поклоненія. Въ прошедшее лѣто, послѣ тоже простодневной утрени, вышелъ я на берегъ. Въ то время приплавлены были строевые и дровяные лѣса, на которыхъ обыкновенно устроются низменные шалаши для ночнаго успокоенія плывущихъ. Смотрю на одинъ шалашъ и вижу, что въ немъ что-то колеблется. Гляжу пристальнѣе и вижу, что Православный поселянинъ, стоя въ шалашѣ на колѣняхъ, молится Богу. Земные поклоны его были непрестанные. Удивляясь благочестію поселянина, я остановился, съ цѣлію видѣть копецъ его молитвы. Прошло болѣе четверти часа, но молитва не прекращалась, земные поклоны непрерывно продолжались. Наконецъ терпѣніе простолюдина побѣдило мое терпѣніе, и я оставилъ его на молитвѣ, которую онъ началъ еще, можетъ быть, задолго до моего прихода на берегъ.

Есть, братіе, много есть истинныхъ Христіанъ въ Православной нашей Церкви и въ настоящее время,—есть во всякомъ званіи и состояніи. Никому ничто не мѣшаетъ быть добрымъ Христіани-

номъ, ни безграмотность и обыкновенно порицаемая невѣжественность народа, ни уродливое просвѣщеніе, ни растлѣнные обычаи и соблазны міра. Вѣдь не одно же среди насъ зло, есть и добро. Есть ученіе ложное, душепагубное; есть ученіе и истинное, душе-спасительное; есть примѣры худые и соблазнительные; есть примѣры и добрые, назидательные; есть міръ прелюбодѣйный и грѣшный; есть и Церковь Божія, Святая и Непорочная. Отъ насъ зависитъ слѣдовать тому или другому, идти тѣмъ или другимъ путемъ. *Предъ человекомъ, говоритъ Писаніе, животъ и смерть, и еже аще извольтъ, дастся ему* (Сирах. 15: 17). Кто желаетъ себѣ спасенія, тотъ непременно избересть себѣ путь добрый, святой; тотъ отвратитъ и слухъ отъ ученій богопротивныхъ, уклонится отъ соблазновъ, презритъ лукавые обычаи, не станетъ ни въ чемъ сообразоваться вѣку сему, а будетъ держаться здраваго, Богооткровеннаго ученія, слѣдовать Христіанскимъ обычаямъ и правиламъ, и по всему принадлежать Святой Православной Церкви, которой сдѣлался сыномъ съ первыхъ дней своей жизни.

Бодрствуйте, братіе, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь (1 Кор. 16: 13). *Отступайте отъ человековъ растлѣнныхъ умомъ и лишенныхъ истины* (1 Тим. 6: 5), и *въ наученіи странна и различна не прилагайтесь* (Евр. 13: 9), *но елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте; имже и научитесь, въ Святой Православной Церкви Христовой, сія творите,—и Богъ міра будетъ съ вами* (Филип. 4: 8, 9). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 73.

Грѣшникъ — мертвъ.

Господи благослови!

Хочу говорить надгробное слово. А гдѣ же умершій? Мы, братіе, сами. Мы—умершіе. Насъ умертвилъ грѣхъ. Души наши поражены смертію. Св. Апостоль прямо называетъ насъ *мертвыми прегрѣшенми* (Ефес. 2: 5). Да и сами мы исповѣдуемъ свою мертвенность, когда молимся Спасителю нашему такъ: *умилосердися, человеколюбче, и грѣхми умерщвленную мою душу воскреси* (Акаѳ. Ис. Конд. 2).

Непонятною, конечно, можетъ показаться намъ наша смерть. „Что мы“, скажутъ, „за мертвые? Какая это живая смерть?“ Есть, братіе, и такая смерть. Припомните, что говоритъ Господь въ откровеніи Іоанновомъ. *Вѣмъ твоя дѣла, яко имя имаши яко живѣ, а мертвѣ еси* (Апок. 3: 1). Какъ жизнь человѣческая двояка: тѣлесная и духовная, такъ и смерть двояка: тѣлесная и духовная. Мы живемъ тѣлесно, но живемъ ли духовно? Ежели грѣшимъ смертно (а кто не грѣшитъ?), то живемъ только тѣлесно, а не духовно. Грѣшникъ духовно мертвъ.

Мертвъ—грѣшникъ. Вы удивляетесь? Посмотрите на состояніе мертваго и на состояніе грѣшника, и увидите сходство одного съ другимъ. Что такое человѣческая смерть? Разлученіе души отъ тѣла. Когда душа разлучается отъ тѣла, тогда человѣкъ дѣлается мертвымъ. Тоже бываетъ и съ грѣшникомъ. Смерть грѣшника есть разлученіе души человѣка съ Богомъ. Когда Богъ благодатію Своею оставляетъ человѣка, человѣкъ умираетъ духовно. Что же причиною разлученія между Богомъ и человѣкомъ? Грѣхъ. *Грѣси наши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Исаія 59: 2), говоритъ пророкъ. Естественная жизнь человѣка, состоящая въ союзѣ души съ тѣломъ, поддерживается дыханіемъ воздуха, и когда прекращается дыханіе, человѣкъ тѣлесно умираетъ. Подобно сему жизнь духовная, состоящая въ союзѣ Бога съ человѣкомъ, поддерживается дыханіемъ Духа Божія, и какъ скоро прекращается въ немъ это Божественное дыханіе, человѣкъ умираетъ духовно. А что бываетъ причиною прекращенія дыханія Духа Божественнаго въ человѣкѣ? Грѣхъ,—грѣховная, плотская жизнь. *Не имать*, сказалъ Богъ о развращенныхъ людяхъ перваго міра, *не имать Духъ Мой пребывать въ чловѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6: 3).

Мертвъ—грѣшникъ. Мертвый обыкновенно не видитъ и не слышитъ. А грѣшникъ? Не то же ли самое? Онъ, по словамъ Писанія, *видяще не видитъ, и слышаще не слышитъ* (Лук. 8: 10) Показывай ему истину и добро въ самомъ привлекательномъ видѣ, представляй ему примѣры жизни самыя назидательныя,—нѣтъ! Онъ избираетъ противное; онъ стремится на зло, и слѣдуетъ худымъ примѣрамъ. Мертвый не движется. А и грѣшникъ? Гдѣ у него сила воли? Гдѣ стремленіе къ добру? Гдѣ дѣла богоугодныя и душеспасительныя? Умомъ и расположеніемъ радъ бы онъ иногда быть лучше, но не можетъ. *Вѣмъ*, говоритъ Апостоль, *яко не живеть во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе; еже бо хотѣши приложитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю* (Рим. 7: 18). Мертвый не

можетъ располагать собой. Имъ распоряжаются люди живые. Таеъ и грѣшникъ. Онъ самъ собою почти не владѣеть; имъ располагаетъ *живущій въ немъ грѣхъ* (Рим. 7: 20); имъ управляютъ живыя страсти. Именно грѣшникъ живетъ и дѣйствуетъ большею частію по влеченію своихъ наклонностей; любитъ то, что льститъ его чувствамъ; дѣлаетъ то, чѣмъ удовлетворяется плоть. Это самое состояніе грѣшника изображаетъ Апостоль, когда говоритъ: *еже содѣваю, не разумѣю; не еже бо хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлаваю* (Рим. 7: 15).

Мертвъ—грѣшникъ. Мертвый естественно подвергается разложенію и гніенію и издаетъ окрестъ себя злосмрадную воню. А грѣшникъ? Не также ли злосмраденъ? Не вѣетъ ли отъ него духомъ скверны и нечистоты? Какова его душа? Каково его тѣло? Въ душѣ высокоуміе, надменіе, гордость, презрѣніе другихъ, гнѣвъ, зависть, ненависть, злоба, лицемѣріе, лесть, обманъ, нечистые помыслы, злыя намѣренія, порочныя желанія. Въ тѣлѣ скверна страстей и похотей, объяденія, піянства и всякой плотской нечистоты. Ежели Господь за одно лицемѣріе уподоблялъ *фарисеевъ вробамъ повапленнымъ, внутри полнымъ костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѣ. 23: 27); то что будетъ грѣшникъ, весь преданный беззаконіямъ и грѣхамъ—что, какъ не *пребывающе, по выраженію Церкви, плотскихъ сквернъ, и сосудъ срамленъ страстей?* (вел. кан. пѣсн. 7, троп. 14). Таковъ грѣшникъ. Таковъ грѣшникъ въ виду людей, имѣющихъ очищенныя и здравыя чувства: каковъ же онъ предъ очами Божиими? Каковъ онъ предъ высочайшею правдою и неприступною святостію своего Творца?

Мертвъ—грѣшникъ. Мертвый обыкновенно изымается навсегда изъ среды живыхъ и предается землѣ на окончательное разрушеніе и тлѣніе. Также и грѣшникъ. Ему опредѣлено вѣчное отчужденіе отъ Бога и Святыхъ Ангеловъ; онъ будетъ *вверженъ во тму кромѣшную* (Матѣ. 22: 13), его будетъ жечь *огонь неугасающій* и пожирать *червь неумирающій* (Марк. 9: 44). Это и есть для грѣшника *вторая смерть* (Апок. 20: 14).

Мертвъ, какъ видите, братіе, грѣшникъ. А знаете, что прилично смерти, какъ обращаются съ мертвыми. Надъ умершими обыкновенно плачутъ. Плачъ, слѣдовательно, и намъ приличенъ, братіе. Свою собственную смерть мы должны оплакивать, надъ нами самими мы должны проливать слезы. Какъ намъ не плавать о себѣ? Какъ не проливать слезъ надъ умершею душею нашею? Вѣдь она родная намъ. Она дана намъ чистою и непорочною, она создана

безсмертною. Мы погубили ее, мы умертвили ее своими грѣхами. О, какія обильныя слезы долженъ проливать каждый грѣшникъ, смотря на смертную погибель своей души! *О, Христе, всѣхъ Царю*, долженъ каждый грѣшникъ непрестанно зывать, *подаждь ми слезы теплы, да плачу мою душу, юже зле погубихъ* (прип. на 9. пѣсн. кап. Срѣт. Господ.).

Плачьте, грѣшники! Оплакивайте смерть своей души. Проливайте слезы надъ этимъ близкимъ вамъ мертвецомъ. Плачьте. Плачь вашъ можетъ воскресить вашу душу. Слезы ваши могутъ оживить васъ, и возставить изъ гроба. Плакала вдовица Наинская о умершемъ единородномъ сынѣ своемъ,—и выплакала жизнь и воскресеніе сыну: Спаситель міра воздвигъ его изъ гроба. Плакали сестры Лазаревы о умершемъ братѣ своемъ,—и слезами своими убѣдили Жизнодавца воскресить изъ мертвыхъ уже четверодневнога умершаго. Кто же, и когда можетъ быть лишень подобнаго воскресенія изъ мертвыхъ? Кому Господь *Иисусъ Христосъ* не Спаситель? Онъ, по Апостолу, *вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13: 8). *Богъ, богатый въ милости*, какъ всѣхъ *сущихъ мертвыхъ прерушенми сооживилъ Христосъ* (Ефес. 2: 5): такъ и cadaго грѣшника можетъ оживить и воскресить чрезъ Христа, Спасителя міра. И о, если грѣшникъ слезами и плачемъ о грѣхахъ своихъ призоветъ на себя эту великую милость Божію, ежели онъ, силою воскресшаго изъ мертвыхъ Сына Божія, Спасителя міра, возстанетъ изъ гроба грѣховнаго,—о, какая тогда радость для грѣшника! Воскресеніе и тѣлесное возвращеніе только въ жизнь временную составляетъ необычайно великую радость: тѣмъ болѣе воскресеніе духовное, возвращеніе челоуѣка къ Источнику жизни Богу будетъ величайшею, неизобразимою радостію.

Возлюбимъ, братіе, молитвенный плачь, слезы покаянія, чтобы Господь *Иисусъ Христосъ*, Спаситель міра, и насъ воздвигъ изъ мертвыхъ, благодатію Святаго Духа *очистилъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. 9: 14), и содѣлалъ насъ *отъ мертвыхъ живыхъ* (Рим. 6: 13), во еже *ктому не работати намъ грѣху* (Рим. 6: 6), но *служити Богу живу и истинну* (Евр. 9: 14). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 74.

Отлагательство исправленія.

Господи благослови!

*Не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне.
(Сирах. 5: 8).*

Въ трехъ видахъ можно представить Христіанъ, братіе. Одни неперестаютъ памятуя о исходѣ изъ міра сего, и заботливо пребываютъ въ добромъ житіи и въ благоугожденіи Богу; другіе не чужды тоже памяти смертной и заботливости о добродѣтельномъ Христіанскомъ житіи, но свое исправленіе и усовершенствованіе отлагаютъ со дня на день, третьи вовсе не помышляютъ о будущемъ и не живутъ по правиламъ Христіанскимъ, всецѣло предаваясь суетѣ міра и удовольствіямъ плоти. Блаженны первые, несчастны послѣдніе, небезопасны и вторые. Небезопасны тѣ, которые хотя не забываютъ своего Христіанскаго долга, но исполненіе его, исправленіе и усовершеніе себя въ благочестіи отлагаютъ до будущаго времени. Къ таковымъ и обращаетъ сказанное нами наставленіе премудрый Богопросвѣщенный Наставникъ. *Не медли*, говоритъ, *обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне*. Согласны будете, думаю, братіе, въ томъ, что всѣ мы болѣе или менѣе принадлежимъ къ этому виду Христіанъ, т. е. помнимъ и помышляемъ о послѣднемъ днѣ, желаемъ сдѣлаться лучшими, болѣе исправными и совершенными въ Христіанскомъ благочестіи, но не можемъ приступить къ этому немедленно, а отлагаемъ все до будущаго времени, отъ *сегодня* до *завтра*. Хорошо ли это, братіе? Очень нехорошо, весьма опасно, крайне пагубно.

Завтра, завтра, говорятъ, исправимся, станемъ жить лучше. Завтра, говоритъ лѣнивый стану работать: завтра, говоритъ безпечный, начну заботиться о себѣ; завтра, говоритъ небрежный, буду исправнѣе на службѣ; завтра, говоритъ разсѣянный, оставлю знакомство съ худыми людьми, завтра, говоритъ плотоугодникъ, прерву преступную связь; завтра, говоритъ пьяница, перестану пить. Завтра, говоритъ слабый Христіанинъ, помолюсь, завтра схожу въ Церковь, завтра покаюсь во грѣхахъ, завтра отстану гнѣваться, браниться, завидовать, лгать, обманывать, осуждать другихъ. Видите—все завтра.

Завтра. Да отъ чего же не сегодня? А вотъ что. Жаль оставить мірскую, веселую жизнь, больно разстаться съ чувственными

наслажденіями, тяжело отказать своимъ наклонностямъ и страстямъ, трудно перемѣнить себя, все поведеніе, свою жизнь. Нѣтъ, говоримъ себѣ, сегодня проживемъ по-прежнему, а ужъ завтра, завтра начнемъ жить иначе, завтра оставимъ прежнія худыя дѣла, станемъ поступать какъ должно.

Завтра. Да завтра будетъ ли лучше? Удобнѣе ли наше положеніе? счастливѣе ли наши обстоятельства? Развѣ расположенія и силъ у насъ будетъ больше? Развѣ завтра мы будемъ другіе,— безъ худыхъ наклонностей и страстей? Развѣ грѣхъ сдѣлается для насъ уже ненавистенъ, и міръ непріятенъ. Развѣ завтра для насъ будетъ легко то, что сегодня трудно? И завтра не скажемъ ли опять: *завтра?* Скажемъ, непременно скажемъ. Въ этомъ увѣряетъ насъ сегодняшній день. Вѣдь мы и вчера, конечно, говорили *завтра*. Нѣтъ, братіе. Завтра въ семь случаевъ все будетъ то же, и мы— тѣ же. Другое время ни мало не сдѣлаетъ насъ другими. Сами мы должны перемѣнять себя, и ни мало не теряя времени. Сколь ни трудно для насъ наше исправленіе, сколь оно ни болѣзненно для нашей растлѣнной природы, но надо, непременно надо приступать къ нему, преуспѣвая въ немъ хотя мало-по-малу, чтобы не остаться совсѣмъ неисправными и безнадежными.

Завтра. Что же сегодня? Пренная жизнь, преннія дѣла, преннія наслажденія. Вотъ ужъ объ этомъ не скажемъ: *завтра*. Хорошее, полезное, святое, все отлагаемъ на *завтра*, а житейское даже грѣховное? Нѣтъ, это *сегодня*. Не скажемъ: завтра позволимъ себѣ свободу отъ дѣла, завтра сдѣлаемъ себѣ удовольствіе, завтра поѣдимъ лучше и попьемъ, завтра повеселимся,—нѣтъ! Сегодня, непременно сегодня. Такъ всегда у насъ отдается предпочтеніе худому передъ хорошимъ, пріятному передъ полезнымъ, грѣховному передъ Святымъ и Божественнымъ; и первое усвоется немедленно, а послѣднее отлагается на неопредѣленное время, подъ предлогомъ *завтра*.

Завтра. А что съ нами будетъ завтра? *Не хвались о утрѣ*, говорить Богодухновенный проповѣдникъ; *не вѣси бо, что родитъ находяй день* (Притч. 27: 1). *Не вѣсте*, говоритъ и Апостоль, *что утрѣ случится* (Іаѡ. 4: 14). Все завтра, да завтра, и въ этомъ *завтра* пройдетъ и дѣйствительно проходить вся жизнь;— это *завтра* можетъ кончиться тѣмъ, что умремъ сегодня, и завтра будемъ уже на томъ свѣтѣ. Скажите, знаемъ ли мы, увѣрены ли мы, когда конецъ нашей жизни? Послѣ завтра ли, и далѣе ли, и далѣе? Не завтра ли, не сегодня ли? Не знаемъ—и однакожь живемъ,

какъ совершенно увѣренные, что не сегодня, не завтра конецъ, а еще проживемъ долго, долго.

Удивительно, братіе, наше равнодушіе къ себѣ. Жизнь наша какъ будто намъ нипочемъ. Какъ будто для насъ все равно, когда ни умремъ, и какъ ни умремъ, или лучше, какъ будто и совсѣмъ не умремъ, какъ будто жить будемъ здѣсь всегда, и потому не спѣшимъ исправлять себя и готовить себя къ вѣчности. Такое наше поведеніе, такая несообразность нашихъ поступковъ, съ нашею природою и съ нашею вѣрою дѣйствительно, удивительны и заслуживаютъ отъ благочестивыхъ и разумныхъ людей справедливое осмѣяніе и презрѣніе. Какъ быть на этотъ разъ, приходитъ мнѣ на память одна отеческая повѣсть. Нѣкоторый старецъ приблизившись къ смерти, извѣстивъ братію, что онъ умираетъ. Братія пришли и, окруживъ его, начали плакать. Старецъ, посмотрѣвъ на нихъ, разсмѣялся разъ, другой и третій. Братія говорятъ ему: скажи намъ, что это значить,—мы плачемъ, а ты смѣешься. Онъ отвѣчалъ: разсмѣялся я сперва тому, что всѣ вы боитесь смерти, во второй разъ тому, что вы не готовы къ исходу смертному, и въ третій—тому, что я отъ труда иду въ безмятежный покой (Прол. 30 Апрѣля). Не справедливо ли, братіе, поступилъ благочестивый старецъ? Не правильно ли оцѣнилъ наше заблужденіе, дѣйствительно достойное столько же осмѣянія, сколько и слезъ? Судите сами, разумное ли дѣло быть смертнымъ и бояться смерти; ожидать вѣчности и страшиться за потерю временности? Разумное ли дѣло не знать часа смерти и не думать о немъ, вѣровать въ будущую жизнь, и не готовиться къ ней? Можно ли забывать то, что сказала Самъ Господь: *будите готови, яко въ онъ же часъ не мните, Сынъ человѣческій придетъ?* (Матѣ. 24: 44). Не слѣдуетъ ли заботиться со всѣмъ вниманіемъ о приготовленіи себя къ блаженной вѣчности, пока имѣемъ время, *дондеже днесъ нарицается?* (Евр. 3: 13).

Тяжело, слова нѣтъ, братіе, тяжело намъ падшимъ и растлѣннымъ исправлять себя, перемѣнять образъ жизни, идти противъ обычая и уворенившихся привычекъ, неприятно представлять свою смерть и думать что всякій день, можетъ быть, для насъ послѣдній, что завтра, можетъ быть, насъ не будетъ на семъ свѣтѣ; но что же дѣлать, когда это истинно такъ? Неужели лучше забыть свою смертность и не думать о томъ, что можетъ случиться съ нами завтра и даже сегодня? Смертнымъ не миновать смерти. Хорошо, ежели смерть найдетъ насъ на одрѣ болѣзни, хотя и это уже не такъ отрадно и не вполне благонадежно. А ежели тотчасъ,

внезапно, безъ всякаго съ нашей стороны ожиданія и приготовленія? Будемъ, братіе, какъ можно чаще повторять извѣстную церковную молитвенную пѣснь: *Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя* (Стих. на Гос. возв. Четвер. 5 недѣл. Велик. поста). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 75.

Паденіе человѣка.

Господи благослови!

Иисусе Боже, воздвигни мя падшаго. (Акаѳ. Ис. Икос. 10).

Что это такое? Кто этотъ падшій? Когда, откуда, какъ и куда онъ палъ? Хотите знать? Послушайте.

Кто этотъ падшій? Я, ты, онъ, каждый человѣкъ, весь человѣческій родъ, отъ перваго праотца нашего до насъ, — весь, какъ одинъ человѣкъ падшій въ праотцѣ своемъ Адамѣ. „Отчего же“, можетъ быть скажете, „весь человѣческій родъ? Пусть первый человѣкъ Адамъ палъ; мы-то какимъ образомъ такіе же падшіе?“ А отъ кого мы произошли? Не отъ того ли самаго праотца Адама? Какъ же поэтому и мы не падшіе? Вѣдь каковъ отецъ, таковы и дѣти; какова природа отца, такова природа и дѣтей. *Единымъ человекомъ грѣхъ въ мірѣ увиде* (Рим. 5: 19), говоритъ Апостоль, и поэтому дѣлаетъ такое заключеніе: *нѣсть праведенъ никтоже* (Рим. 3: 10), но *вси согрѣшиша* (Рим. 3: 23). Всѣ, братіе, каждый человѣкъ, какъ происшедшій отъ падшаго Адама, есть падшій; каждый представляетъ въ себѣ падшаго Адама, и есть, можно сказать, тотъ же Адамъ, падшій въ началѣ міра.

Когда палъ человѣкъ? Вскорѣ по сотвореніи. Священное Писаніе не открываетъ вамъ, и потому не можетъ опредѣлить времени, долго ли человѣкъ жилъ до паденія, сколько времени находился въ первобытномъ блаженномъ состояніи, стоялъ твердо и непоколебимо въ той благодати, какая дана была ему отъ Бога Творца. Однакожъ съ полною вѣроятностію полагають, что такое состояніе человѣка было непродолжительно. Иисусъ Христосъ врага человѣческаго рода называетъ *человѣкоубійцею искони* (Іоан. 8: 44), и Апостоль Іоаннь говоритъ, что *дѣволъ исперва*, т. е. съ начала *согрѣшаетъ* (1 Іоан. 3: 8).

Откуда же палъ человѣкъ? Съ высоты Богоподобія, съ горы Едемской певинности и чистоты. Высоко поставленъ былъ отъ Бога первый человѣкъ. Онъ *малымъ чимъ умаленъ былъ отъ Ангеловъ* (Пс. 8: 6), Творецъ даровалъ ему не только прекрасное, непричастное болѣзнямъ и смерти тѣло, но и душу отъ Своего божественнаго дыханія, одаренную обширнымъ и свѣтлымъ умомъ и благою, святою и праведною волею. Это былъ истинный Ангелъ во плоти. И долго, долго, вѣчно онъ могъ быть такимъ Ангеломъ, стоять непоколебимо на высотѣ Богоподобія и Святости, — мало того, онъ могъ возвышаться еще болѣе, восходить *отъ силы въ силу* (Пс. 83: 8), *отъ славы въ славу* (2 Кор. 3: 18), до совершеннаго *уравненія* (Лук. 20: 36) съ Ангелами. Какая чудная доля, какая высокая честь предстояла первому человѣку, а съ нимъ, безъ сомнѣнія, и всему человѣческому роду! Но, увы! Это все измѣнилось, блаженство и слава человѣка нарушились. Какъ? Паденіемъ человѣка.

Какъ человѣкъ палъ? Самъ собою, или по чьему увлеченію? Нельзя сказать, что не самъ, хотя и обольщенный врагомъ. Иначе бы не былъ виновенъ въ своемъ паденіи и не подвергся осужденію отъ Бога. Онъ не соблюлъ надлежащей осторожности. Къ нему явился искушитель, отпадшій духъ злобы, діаволь и увлекъ его въ преступленіе заповѣди Творца вкушеніемъ запрещеннаго плода. Адамъ преткнулся о *камень соблазна* (Рим. 9: 33), искушенія діавольскаго и, вмѣстѣ съ нарушеніемъ заповѣди Божіей, упалъ съ высоты первобытнаго достоинства, со степени Богоподобной твари. Господь изгвалъ его, какъ преступника, изъ рая сладости и лишилъ его блаженнаго общенія съ Собою. Итакъ человѣкъ за одно вкушеніе за прещепнаго плода потерялъ свое блаженство, и за нарушеніе одной, такой легкой, заповѣди Творца упалъ съ такой высоты славы? Чему удивляться? Вѣдь падать легко; внизъ съ горы въ пропасть мигутой взринешься. Посмотримъ на себя. Какъ и мы легко падаемъ въ грѣхъ. Противиться грѣху трудно, а дѣлать грѣхъ какъ легко? Человѣкъ летитъ туда, куда влекутъ его чувственныя желанія и страсти, и часто за одно минутное удовольствіе теряетъ все свое благополучіе.

Куда же палъ преступивъ заповѣди Божіей, человѣкъ? *На землю, на землю сію*, въ юдоль плача. (Быт. 3: 17). По правдѣ Божіей ему конечно надлежало низвергнуться прямо въ *бездну* (Лук. 8: 32), въ *присподняя* (Филип. 2: 10), въ *темницу духовъ* (1 Петр. 3: 19): но благость Божія удержала его на землѣ, въ намѣреніи возставить и спасти его. И вотъ человѣкъ ужъ вмѣсто рая жизни

очутился *въ странѣ и снѣи смертнѣи* (Матѣ. 4: 16). Каковъ онъ здѣсь? Естественно совсѣмъ другой, поврежденный, растлѣнный. Паденіе не могло не сопровождаться разстройствомъ природы его. Онъ теперь, по выраженію Писанія, и *окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. 3: 17). У него и *смыслъ помраченъ* (Ефес. 4: 18), и воля преклонна на зло; его обуреваютъ повсюду *бѣды* (2 Кор. 11: 26), его поражаютъ болѣзни, ему грозитъ смерть. Таковъ падшій человѣкъ, и таково состояніе его нынѣ!

Но велика милость Божія, братіе. Человѣкъ не погибъ. Рука Господня, какъ сказали мы, удержала его отъ паденія въ бездну. Онъ остановился на землѣ, какъ временный странникъ, и можетъ возвратиться въ первобытное отечество; онъ падшій, можетъ встать и взойти на прежнюю высоту Богоподобія и блаженства. Господь Богъ и руку Свою Божественную простираетъ къ нему, хотя поднять его падшаго, какъ поднялъ изъ волнъ морскихъ утопавшаго Петра. Молись только Ему, грѣшникъ, проси Его помощи, обращай къ Нему въ покаяніи и съ вѣрою зывай: *Иисусе Боже, воздвинни мя падшаго*. Легко было врагу уронить тебя, а Всесильному Богу еще легче поднять тебя, только бы ты не противился и не коснѣлъ въ своемъ паденіи, а держась за простертую Его десницу, поднимался на гору добродѣтелей и шель тѣмъ путемъ, какой указанъ намъ въ благовѣстїи Евангельскомъ. Явился къ тебѣ искупитель, *человѣкоубійца, отецъ лжи* (Іоан. 8: 44);—и ты палъ; явился къ тебѣ Искупитель, *Жизнодавецъ, Богъ истинный* (1 Іоан. 5: 20),—и ты можешь встать. *Прииде бо Онъ взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 19: 10). Повѣрилъ ты первому,—и погибъ; повѣрь тѣмъ паче послѣднему,—и спасешься. *Иже въру иметъ, спасенъ будетъ* (Марк. 16: 16), говоритъ твой Искупитель. Вкусилъ ты снѣдь отъ запрещеннаго древа,—и умеръ; вкушайъ безсмертнѣи плодъ, который возросъ на древѣ крестномъ,—и оживешь. *Ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, иматъ животъ вѣчный* (Іоан. 6: 54), сказалъ Спаситель.

А вотъ и Святая Церковь зоветъ насъ, братіе, и простираетъ къ намъ матернюю руку, хотя насъ вести отъ бездны грѣховной на высоту очищенія души и тѣла. Наступаетъ Святая Четырдесятница. Это, братіе, путь восхожденія нашего на гору Святую, къ Отцу нашему Небесному, отъ Котораго мы ниспали. Труденъ путь. Должно будетъ поставить себя на постъ, бдѣніе, молитву, поклоны, покаяніе, слезы. Но что же дѣлать? Подниматься вверхъ вѣдь не легко. Легко только падать внизъ. Да. Не легко подниматься на

гору. Надо усиливаться идти, идти и отдыхать, отдыхать и опять идти, пока не взойдешь на верхъ горы. Такъ и мы пять седмичныхъ дней попостимся, помолимся, и если кому дастъ Богъ дарованіе, поскорбимъ и поплачемъ о грѣхахъ, а въ субботу, и особенно въ воскресеніе, и отдохнемъ,—отдохнемъ, и опять пойдѣмъ тѣмъ же путемъ, пока не кончимъ великой Четырдесятницы, не взойдемъ на эту Святую душеспасительную гору. А если сподобитъ Господь взойти на эту гору, о, какое дивное увидимъ тогда явленіе! Увидимъ Христа Спасителя нашего во свѣтѣ и славѣ воскресенія. Вотъ радость-то будетъ, вотъ блаженство-то на этой Божественной и свѣтоносной горѣ! Свѣтъ воскресенія Христова осилетъ насъ, и мы найдемъ себя столь же счастливыми, сколь счастливы были три избранныхъ Апостола, на горѣ Фаворской, видѣвшіе свѣтъ и славу преображенія своего Господа.

Будемъ, братіе, молиться Спасителю нашему Богу, чтобы Онъ всеильною десницею Своею воздвигъ насъ падшихъ, чтобы сподобилъ насъ провести приближающуюся Святую Четырдесятницу въ покаяніи и молитвѣ, и узрѣть Божественный свѣтъ и славу тридневнаго Его воскресенія. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 76.

Свойство истиннаго покаянія.

Господи благослови!

Приближается, братіе, Святая великая Четырдесятница, *время бла. пріятное, время покаянія* (стихов. на веч. сырн. недѣл.). Церковь Христова уже нредначала свое матернее воззваніе, приглашая чадъ своихъ на подвигъ покаянія. Стало-быть есть надежда спасенія грѣшникамъ? Можно имъ опять возвратиться къ Богу и получить отъ Него прощеніе и милость? Именно такъ, братіе. *Щедрый и милостивый Господь* (Пс. 102: 8) готовъ прощать и миловать грѣшниковъ, только бы они обращались къ Нему съ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ. Самъ Онъ говоритъ о Себѣ, что *не пришелъ призвать праведника, но грѣшники на покаяніе* (Матѣ. 9: 13) и первое слово спасительной проповѣди Его было воззваніе къ покаянію. *Покайтесь*, говорилъ, *приблизися бо Царство Небесное* (Матѣ. 4: 17). Ту же проповѣдь покаянія возвѣщали и посланные Имъ ученики. *Изшедше*, говоритъ Евангелистъ, *проповѣдаху да покаются*

(Марк. 6: 12). И по воскресеніи Христовомъ Апостоль Петръ первую открытую проповѣдь свою о Христѣ, заключилъ воззваніемъ въ покаянію. Когда Іудеи, тронутые сознаніемъ страшнаго своего злодѣянія, спросили Апостола, что имъ дѣлать, онъ отвѣчалъ: *покайтесь* (Дѣян. 2: 38). Тому надлежало и быть, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ Господь. *Подобаше, говорилъ, пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдаться во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцехъ* (Лук. 24: 46, 47). И вотъ видимъ мы дѣйствительно кающихся и покаяніемъ спасающихся. Исторія Евангельская, и особенно церковная, сколько показываетъ намъ такихъ примѣровъ. Мытарь покался,— и получилъ оправданіе. Блудница покалась, и получила отпущеніе грѣховъ. Разбойникъ покался,— и получилъ рай. А Марія Египетская, которую Святая Церковь нарочито воспоминаетъ въ Четырехдесятницу, не есть ли примѣръ покаянія и спасенія величайшихъ грѣшниковъ?

Такъ милосердъ Господь. Отраднo, послѣ этого, всѣмъ грѣшникамъ. Всѣ, значить, грѣшники могутъ уповать на милосердіе Божіе и не отчаяваться въ своемъ спасеніи. Такъ, радъ бы, братіе, и я порадоваться съ вами. Вѣдь и мы всѣ грѣшники. Стало быть, и намъ есть надежда спастись. Но вотъ что. Всѣ сказанные грѣшники спаслись не даромъ. И въ самые часы раскаянія много, много показали они скорби, воздыханій, слезъ,—а послѣ? Послѣ совершенно измѣнились и исправились. Мытарь отъ горькаго чувства грѣховъ билъ себя въ грудь, блудница проливалa токи слезъ. Только ли? Нѣтъ. Они тотчасъ оставили грѣховную жизнь, и сдѣлались, какъ свидѣтельствуетъ церковное преданіе, вѣрными послѣдователями Христу. Разбойникъ дотерпѣлъ за свои грѣхи крестную казнь. А Марія Египетская? Какими поусердствовала она подвигами за свои грѣхопаденія, какимъ изумительнымъ терпѣніемъ всей послѣдующей жизни? Не безъ всякаго же устройства, братіе, достается спасеніе грѣшникамъ. Не легкое покаяніе, не одно устное исповѣданіе грѣховъ требуется отъ насъ. Требуются и сокрушеніе мытарево, и слезы блудницы, и молитва разбойника, и терпѣніе Маріи Египетской. Да, Господь милосердъ, но Онъ и праведенъ. Онъ спасаетъ грѣшниковъ, но только такихъ, которые обращаются къ Нему искренно и каются предъ Нимъ сокрушенно. Онъ и прощаетъ ихъ, и требуетъ отъ нихъ исправленія. Не только говоритъ кающемуся: *отпускаются тебѣ грѣси* (Лук. 7: 48), но и прибавляетъ: *отсель ктому не соврѣшай* (Іоан. 8: 11).

Такъ вотъ, братіе, каково истинное Христіанское покаяніе. Мало, ежели мы совершимъ только обрядъ исповѣди. Не достаточно, ежели мы только расскажемъ свои грѣхи. Нѣтъ. Надо, *первое*, подумать, возскорбить печалію, а хорошо бы и поплакать о своихъ грѣхахъ,—это будетъ покаяніе искреннее. Надо, *второе*, помолиться Богу, да помолиться усердно, попросить у Него отпущенія грѣховъ,—это будетъ покаяніе богоугодное. Надо, *третье*, рѣшиться оставить грѣхи, исправить свою жизнь,—это будетъ покаяніе спасительное. Православная Церковь, а нѣкоторые изъ благочестивыхъ Христіанъ и сами признають еще полезнымъ исполненіе *епитимій*. Что такое *епитимія*? Особенная какая либо, налагаемая на грѣшниковъ заповѣдь, во снабдѣніе или обязаніе души, рѣшившейся стать въ чинъ спасаемыхъ для большаго успѣха въ духовномъ совершенствѣ. Напримѣръ: особенная церковная или домашняя молитва съ поклонами, особенный болѣе строгій постъ, удержаніе себя отъ извѣстныхъ удовольствій и веселостей, значительное пожертвованіе въ храмъ Божій или въ пользу бѣдныхъ. Для чего такія епитиміи? Для большаго успокоенія совѣсти, для большаго упованія на благость Божию, для большаго убѣжденія въ прощеніи грѣховъ, для большаго удержанія себя отъ новыхъ грѣховъ и для большаго побужденія себя къ исправленію. А это много значить для человѣка, имѣющаго нѣкогда предстать на судъ Божій. Ему дорого такое состояніе духа, чтобы явиться предъ Бога съ надеждою и упованіемъ на Его милосердіе, чтобы *не посрамиться отъ Него, въ пришествіи Его* (Іоан. 2: 28). *Аще, говоритъ Святой Апостолъ, сердце наше не зазритъ намъ, дерзновеніе имамы къ Богу* (Іоан. 3: 24).

Да подастъ Господь Богъ таковое истинное и спасительное покаяніе всѣмъ желающимъ каяться въ своихъ согрѣшеніяхъ, и да сподобитъ ихъ получить отъ Него прощеніе и отпущеніе грѣховъ съ надеждою наслѣдія будущаго Царства Небеснаго. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 77.

Прощеніе и разлука другъ съ другомъ.

Господи благослови!

Чѣмъ особенно замѣчательно у насъ, братіе, вступленіе въ Св. Четырдесятницу? Какой Христіанскій обычай наблюдается нами въ послѣдній недѣли сыропустный день? Обычай взаимнаго общаго сѣятель благочестія т. II.

прощенія. Всѣ, какъ извѣстно, испрашиваютъ другъ у друга прощенія, и прощаются съ изъявленіемъ другъ другу желанія будущихъ радостей. Что бы это значило? Что бы значило такое наше взаимное прощаніе, братіе? Ужъ не преставленіе ли свѣта видимъ мы тогда? Ужъ не наступленія ли будущаго вѣка ждемъ мы затѣмъ? Дѣйствительно, нѣчто подобное бываетъ тогда; точно наступаетъ преставленіе свѣта, и открывается другой вѣкъ, новая, святая жизнь. Наступаетъ преставленіе свѣта, того чувственнаго, страстнаго, грѣховнаго, который обыкновенно предшествуетъ у насъ Великому посту, — преставленіе непомѣрныхъ веселостей и забавъ, пространнаго чревоутожденія и пѣнства, безчиннаго шума празднующихъ, вообще преставленіе всемірнаго, такъ сказать, торжества человѣческихъ страстей. Открывается затѣмъ новое время, другая жизнь, время Божественнаго поста, жизнь тихая, благоговѣйная, святая. Да, братіе. Въ этомъ времени очень живо изображается будущее состояніе міра и человѣкъ; до очевидности дѣлается яснымъ то, какъ послѣдуетъ конецъ міра сего прелюбодѣйнаго и грѣшнаго и какаѣ новая, чудная откроется жизнь по преставленіи свѣта.

А ежели прощаніе наше передъ Великимъ постомъ и разлука другъ съ другомъ напоминаютъ намъ копецъ видимаго міра и наступленіе будущаго безкопечнаго вѣка: то тѣмъ болѣе можно видѣть въ насъ будущую судьбу пашу, будущее вѣчное наше прощаніе и разлученіе другъ съ другомъ. Что послѣдуетъ за представленіемъ свѣта? Страшный судъ Христовъ, разлученіе добрыхъ и злыхъ, и опредѣленіе судьбы ихъ на цѣлую вѣчность. Это самое представляетъ намъ и Святая Церковь въ однихъ изъ предшествующихъ Великому посту воскресныхъ дней. Она представляетъ судъ Христовъ, и то, какаѣ судьба постигнетъ все человѣчество. *Тогда, повѣствуетъ Святое Евангеліе, Царь сядетъ на престолъ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь различаетъ овцы отъ козлищъ* (Матѳ. 25: 31, 32). Чѣмъ же это кончится? *И идутъ сіи, т. е. грѣшники, продолжаетъ Евангеліе, въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Матѳ. 25: 46). Ахъ, братіе! Съ этомъ-то времени надо подумать намъ, когда будемъ прощаться другъ съ другомъ въ послѣднее предъ постомъ воскресенье. Надо подумать о томъ прощаніи, о той разлукѣ, которыя послѣдуютъ съ нами за гробомъ, по преставленіи свѣта, по воскресеніи изъ мертвыхъ, послѣ страшнаго суда Христова. Вотъ прощаніе-то будетъ! Вотъ разлука-то послѣдуетъ! Тяжело прощаться и здѣсь, болѣзненно разлучаться и па семь свѣтъ. Горько

плачемъ, когда расстаемся, провожая одинъ другаго въ отдаленное какое либо мѣсто; неутѣшно плачемъ, когда расстаемся, провожая одинъ другаго на тотъ свѣтъ. Каково же будетъ прощаться тамъ, разлучаться другъ съ другомъ въ будущей жизни? Вѣдь тамъ прощаніе навсегда, разлука на цѣлую вѣчность. Разлучившись однажды, не увидимся болѣе никогда. О, страшное прощаніе! О, ужасная разлука! Простятся, разстанутся, и пойдутъ, одни—въ рай, въ Царство Небесное, на радость и блаженство, въ общее пребываніе съ Богомъ и Святыми Ангелами; другіе—въ адъ, во тму кромѣшную, на мученіе и горе, въ сообщество съ діаволомъ и всѣмъ полчищемъ бьсовъ,—пойдутъ,—и никогда оттуда не возвратятся; вѣчно будутъ первые блаженствовать и радоваться, непрестанно послѣдніе стелать и мучиться. Каково же будетъ прощаться и разлучаться на вѣкъ? Каково будетъ разставаться другъ съ другомъ близкимъ, роднымъ, крознымъ, родителямъ, на примѣръ, съ дѣтьми, и дѣтямъ съ родителями? Каково разставаться на вѣки? Каково будетъ смотрѣть на идущихъ въ муку, каково идущимъ въ муку видѣть другихъ идущихъ въ Царство Небесное?! О, если бы кто живо представилъ себѣ это, непременно простился бы разъ на всегда съ жизнію грѣховною, разорвалъ бы всѣ связи, соединяющія насъ съ міромъ, и посвятилъ бы себя исключительно на служеніе Богу и на спасеніе души!

Будемъ, братіе, молить Бога и Спасителя нашего, чтобы сподобилъ насъ хоть наступающую Святую Четыредесятницу провести воздержно, Богоугодно и душеспасительно и, когда достигнемъ послѣдняго предѣла ко вступленію въ святыи постъ, простимся другъ съ другомъ по-христіански, прощая другъ другу всѣ содѣянные прегрѣшенія и искренно желая другъ другу въ радости душевной узрѣть святое и славное Христово воскресеніе.

Сегодня, по принятому нами правилу, оканчиваемъ мы и молебныя молитвы наши и слово наше, которыя, если угодно будетъ Господу, паки возобновимъ послѣ Святой недѣли воскресенія Христа.

Да пребудетъ на всѣхъ насъ *благодать, милость и миръ отъ Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего* (1 Тим. 1: 2).
Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 1.

Всегдашнее пребываніе Христа съ вѣрующими.

Господи благослови!

*О, божественнаго, о, любезнаго,
о, сладчайшаго Твоего гласа! Съ
нами бо неложно обѣщался еси
быти до скончанія вѣка, Христе.*

(Пасх. кан. пѣсн. 9, троп. 1).

И еще, братіе-Христіане, совершили мы подвигъ святой великой Четырдесятницы. И опять сподобились праздновать новозавѣтную Христіанскую, божественную Пасху. Есть, слѣдовательно, чему намъ порадоваться. Есть за что поблагодарить Благодѣтеля нашего Бога. Кто имѣетъ чувства, очищенные отъ праха грѣховнаго и просвѣщенные свѣтомъ Христовымъ, тотъ зрѣлъ Самого Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, тотъ ясно слышалъ отъ Него изреченное Имъ: „радуйтесь“. А и всѣ, и мы, братіе, развѣ непричастны хотя въ нѣкоторой мѣрѣ того же сладчайшаго зрѣнія, того же всерадостнаго слышанія? Развѣ нѣтъ воскресшаго Спасителя нашего съ нами? Развѣ Онъ не присутствуетъ посредѣ насъ? Что же мы пѣли въ свѣтлый воскресенія Христова праздникъ: *О, божественнаго, о, любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе?* Слышите, братіе? Воскресшій Христосъ обѣщался, неложно обѣщался быть съ нами,—да какъ еще? Непрерывно, навсегда, до скончанія вѣка. Обѣщался,—слѣдовательно Онъ среди насъ. Не видимъ мы Его? Это ни мало не разрушаетъ истины Его присутствія у насъ, этимъ отнюдь не должно колебаться наше убѣжденіе въ невидимомъ Его пребываніи съ нами. Что было съ учениками Его, шедшими съ Нимъ въ селеніе Еммаусъ, бесѣдовавшими и раздѣлявшими съ Нимъ вечернюю трапезу? Видѣли ли

они Его? Не видѣли, а вѣдь Онъ съ ними былъ. Не видѣли, потому что считали Его за обыкновеннаго путешественника. Увидѣли они Его тогда, когда Онъ сталъ уже невидимъ. *Онѣма же, сказано, отверзостъся очи, и познаста Его, и Той невидимъ бысть има* (Лук. 24: 31). Такъ и мы не видимъ Его, но Онъ съ нами, неможно съ нами, какъ и съ учениками, шедшими въ Еммаусъ.

Однакожь и невидимое, таинственное присутствіе Христово не остается и не можетъ оставаться для насъ непонятнымъ и нечувствительнымъ. Нѣтъ. Оно даетъ знать о себѣ весьма ощутительно, хотя также невидимо и таинственно. Оно дѣйствуетъ прямо на сердце человѣка, и здѣсь заявляетъ себя непостижимымъ и невыразимымъ чувствомъ духовной радости, восторженнаго утѣшенія. Такъ именно было съ Еммаусскими путниками. Они не узнавали Христа, когда Онъ бесѣдовалъ съ ними, но сердца ихъ чувствовали Его божественное присутствіе и услаждались Его таинственною бесѣдою: *Не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, такъ сами они признавались, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія* (Лук. 24: 32). Ахъ, братіе! Не тоже ли самое бываетъ и съ нами? Мы не видимъ Христа; намъ кажется, нѣтъ Его съ нами; но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Напротивъ не посредѣ ли Онъ насъ? Не чувствуемъ ли мы сами Его сладчайшаго присутствія? Скажите, чѣмъ изъяснить ту неисчерпаемую радость, которую всѣ мы носимъ въ сердцахъ своихъ въ великій и пресвѣтлый день воскресенія Христа? Чѣмъ другимъ, какъ не тѣмъ, что Господь Иисусъ Христосъ съ нами тогда, и внятно для сердець нашихъ изрекаетъ намъ Свое божественное: *радуйтесь?* (Матѣ. 28: 9). Такъ, мы радуемся тому, что Господь съ нами,—и будемъ радоваться всегда, отъ юности до старости и до смерти—почему? Потому что Господь съ нами всегда. Онъ пребудетъ съ вѣрующими, и вѣрующіе съ Нимъ до скончанія вѣка.

Именно до скончанія вѣка. Представьте,—много ли прошло времени, какъ Христосъ Спаситель оставилъ землю и міръ уже видимо не видитъ Его? Слишкомъ тысяча восемьсотъ лѣтъ. Однакожь Онъ не пересталъ пребывать на землѣ невидимо, благодатно, таинственно. Нѣтъ. Онъ во все это время былъ посредѣ вѣрующихъ, и вѣрующіе находились съ Нимъ; ибо знали Его, вѣровали въ Него, любили Его, служили Ему и радовались о Немъ,—и какъ радовались? Многіе, премногіе *радовались радостію неизлаголанною и прославленною* (1 Петр. 1: 8). Вотъ и мы, хотя пришли на свѣтъ такъ поздно и не смотря на то, что не видали Спасителя нашего,

знаемъ Его, вѣруемъ въ Него, служимъ Ему и радуемся о спасеніи своемъ: что же это, какъ не то, что мы съ Господомъ, и Господь съ нами? Придутъ послѣ насъ еще многіе на свѣтъ и опять будутъ знать Его, вѣровать въ Него, служить Ему и радоваться о благодати Его: и они, слѣдовательно, не будутъ ли также съ Господомъ, и Господь съ ними? Да. Всѣ, до скончанія вѣка, не выдавъ тѣлесными очами Спасителя міра, будутъ зрѣть Его таинственно, духовно, — будутъ вѣровать въ Него и радоваться о Немъ такъ же, какъ вѣруемъ и радуемся мы, какъ вѣровали и радовались всѣ вѣрующіе прежде насъ, начиная съ учениковъ Иисусовыхъ, и не только въ пресвѣтлыя дни воскресенія Его, но и всегда. И это яснымъ будетъ свидѣтельствомъ того, что Спаситель нашъ Господь, по неложному Своему обѣтованію, пребываетъ и пребудетъ съ вѣрующими до скончанія вѣка. Подлинно, какъ сказалъ Апостолъ, *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки* (Евр. 13: 8). Ахъ! только бы намъ соблюсти вѣру въ воскресшаго Спасителя нашего Христа, вѣру, которая зрѣтъ невидимое, и дѣлаетъ *блаженными не видѣвшихъ и вѣровавшихъ!* (Іоан. 20: 29). Только бы намъ не подвергнуться прискорбному отъ Спасителя нашего упреку, подобно Еммаусскимъ путникамъ: *о несмысленная и косная сердецъ, еже вѣровать о всѣхъ, яже глаголаша Пророцы* (Лук. 24: 25).

Христоименитая братіе! Окончивъ поприще святаго поста и отпраздновавъ Божественную Пасху Христову, мы начинаемъ свой новыи годъ, поприще молитвословій Спасителю, Божіей Матери и всѣмъ Святымъ, также молитвы за умершихъ отцевъ, чадъ, братій, сестеръ, сродниковъ нашихъ и всѣхъ Христіанъ, и, по возможности, бесѣды наши о Христіанскомъ благочестіи. Это весьма и прилично намъ. Ежели Господь, по благодати и милости Своей, съ нами, и мы съ Господомъ, то какое лучшее для насъ упражненіе, какъ не молитва и не поученіе въ законѣ Господнемъ и въ спасительныхъ дѣлахъ Божіихъ? Испросимъ же благословеніе Божіе на наше Христіанское упражненіе, и да послужитъ оно намъ въ душевную нашу пользу, такъ, чтобы не въ устахъ только, но и въ сердцахъ нашихъ, и въ жизни нашей, и въ дѣлахъ нашихъ слышался голосъ: Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 2.

Истинный способъ къ Богопознанію и Богопочтенію
для человѣка есть вѣра Христіанская.

Господи благослови!

*Въруйте во Евангеліе. (Марк
1: 15).*

Вотъ божественный способъ оправданія человѣка, прямой и вѣрный путь къ благополучію его временному и вѣчному. Это—Евангеліе, законъ Христовъ, Православная Христіанская вѣра. Вотъ средство къ познанію Бога, воли Божіей и нашихъ обязанностей въ Богу. Это вѣра наша, искреннее, сердечное принятіе откровенія Божія и непоколебимое убѣжденіе въ истинности его. *Въруйте во Евангеліе*, свазалъ Начальникъ вѣры и спасенія нашего, Господь Иисусъ Христосъ.

Итакъ вѣра—начало истиннаго богопознанія и богопочтенія, вѣра наставница и руководительница для человѣка,—вѣра, а ужъ не разумъ человѣческой? Куда—этотъ разумъ! Довольно ужъ онъ побуесловилъ. Слишкомъ пять тысячъ лѣтъ училъ онъ человѣчество, и чему научилъ? Простой народъ (а вѣдь и у него разумъ) считалъ за Бога бездушныя твари, кланялся дереву и камню, и говорилъ: „вотъ мой Богъ!“ А ученые по большей части не признавали Бога, и говорили: „нѣтъ Бога“. Каково? Были правда нѣкоторые изъ нихъ, повидимому разумные, называемые филосогами. Что и они? Терялись въ предположеніяхъ и догадкахъ, разнорѣчили, противорѣчили, отвергали другъ друга, то нѣсколько возвышались надъ чернью, то упали ниже ея, и окапчивали сомнѣніемъ и невѣдѣніемъ.

И какъ иначе? Ежели разумъ человѣческой, какъ ограниченный, въ первобытномъ своемъ состояніи могъ получать познанія о вещахъ невидимыхъ только чрезъ общеніе его съ Духомъ Божіимъ; то что онъ можетъ знать въ состояніи поврежденія человѣческой природы, оставленный притомъ самому себѣ? Доступно ли ему невидимое, сокровенное, божественное? Что онъ могъ сказать вѣрнаго даже о мірѣ видимомъ, даже о самомъ человѣкѣ? ровно ничего. А ежели самъ человѣкъ по природѣ своей остался неразгаданнымъ: что же онъ могъ узнать о томъ, что выше его? Бѣдный человѣкъ! Онъ съ однимъ разумомъ своимъ вовсе не зналъ бы себя, своей природы, своего бытія, и того,—какъ, откуда онъ и для чего

онъ здѣсь. Все было бы закрыто отъ него, и небо, и Богъ, и міръ невидимый и та сторона, которая за гробомъ. А откровеніе Божіе, а вѣра Евангельская какихъ не заключаетъ въ себѣ чудныхъ, непостижимыхъ тайнъ Божіихъ! Какихъ не сообщаетъ намъ истинныхъ и спасительныхъ познаній! Научаемые вѣрою, мы познаемъ, что есть Богъ, Творецъ всего существующаго, что природа, какую видимъ, не сама собою существуетъ, а есть дѣло Божіе, что все въ мірѣ происходитъ не случайно, а по волѣ и распоряженію Творца, что человѣкъ есть разумное твореніе Божіе, и какъ теперь онъ не тотъ, какимъ былъ прежде, такъ и опять долженъ быть не тѣмъ, чѣмъ теперь, что настоящее бытіе его временное, и этимъ бытіемъ не кончится его существованіе, — пѣтъ! — онъ безсмертенъ, ему предстоитъ вѣчная жизнь за гробомъ. Могъ ли узнать это разумъ человѣческой безъ откровенія Божія? А если взять еще во вниманіе тайны собственно Христіанскія, чудныя дѣла Божіи въ искупленіи міра?

О, разумъ, разумъ! Гдѣ тебѣ понять то, во что мы вѣруемъ? Вѣдь ученіе Евангельское для тебя безуміе. Вотъ какія у насъ истины вѣры. „Все сотворено изъ ничего. Богъ воплотился. Дѣва родила. Бѣдная Иудейка, Матерь Иисусова — Царица неба и земли. Мы, по смерти, воскреснемъ. Будетъ конецъ міру. Наступитъ другой свѣтъ, вѣчная жизнь“. Ну, что это? Вѣдь ты не понимаешь. Для тебя это чуть не басня. А между тѣмъ все это истинно, и подтверждается такими доказательствами, которыхъ и ты отвергнуть не можешь. Такъ кого же намъ слушать: тебя, или Евангеліе? Ежели тебя, то Евангеліе въ сторону; ежели Евангеліе, то въ сторону тебя. Тебя, лжеименный разумъ, въ сторону, тебя, а не Евангеліе. Твои времена прошли. *Лѣта невѣдѣнія* (Дѣян. 17: 30) миновали. *Людемъ сидящимъ во тмѣ и спни смертной возсіялъ свѣтъ* (Матѣ. 4: 16), свѣтъ истинный, божественный, и вотъ, благодареніе Богу! уже сіяетъ онъ болѣе восемнадцати вѣковъ, и озаряетъ свѣтомъ богоразумія весь міръ. Мы уже не язычники, а Христіане. У насъ учитель — Христосъ. Прошли, разумъ, твои времена. Ты уже нынѣ долженъ быть подъ опекой вѣры. Вѣдь и наслѣдникъ, хотя бы и совершеннолѣтній, ежели не умѣетъ дѣйствовать, или станетъ жить непорядочно, подвергается опекѣ. Такъ и ты. Твое дѣло нынѣ не учить насъ, не господствовать надъ нами, а слушать, что говорить Богъ, покоряться Евангельскому гласу, и вникать, сколько можешь, въ разумѣніе того, что открылъ намъ для нашего спасенія Богъ.

Разумъ человѣческой, а особенно въ поврежденномъ состояніи

нашей природы, не только не можетъ быть нашимъ наставникомъ и руководителемъ въ жизни, но и прямо ведетъ насъ въ пагубу. Неугомонный и мечтательный, онъ всегда любитъ прекословить, вездѣ поселять несогласіе, раздѣленіе, возмущеніе. Кто и въ Христіанскую вѣру внесъ плевелы лжеученія, произвелъ ереси и расколы? Кто возмутилъ и Церковь Божію, и вооружилъ Христіанъ противъ Христіанъ? Вѣдь это онъ,—онъ, дерзающій вмѣшиваться и въ дѣло Божіе, и принимающій на себя опять тонъ учителя и наставника. Что мы видимъ и въ наше время? Благодаря современному просвѣщенію, не мало нынѣ такихъ Христіанъ, которые начинаютъ обращаться отъ свѣта ко тьмѣ и думаютъ замѣнить Солнце правды— Христа тусклымъ свѣтильникомъ разума, предпочитая мечты свои святой, непреложной истинѣ Евангелія. Что это? Возвращаютъ времена язычества,—мѣняютъ свѣтъ на тьму, истину на заблужденіе! И кто же?—Христіане! Поразительное нечестіе! Лучше бы имъ не знать пути правды, нежели, познавъ, возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди. Съ ними случается точно, по словицѣ: песь возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идетъ валяться въ грязи (2 Петр. 2: 21, 22).

Нѣтъ, братіе. Неприлично идти отъ свѣта ко тьмѣ, безумно мѣнять истину на заблужденіе, страшно Христіанамъ отвергать Евангеліе, и избирать себѣ въ руководители лжеименный разумъ. *Колико горшія сподобится муки, говоритъ Апостоль, иже Сына Божія поправый, и духа благодати укоривый? Страшно есть еже впасти въ руки Бога живаго* (Евр. 10: 29, 31). Пусть не-Христіане, или ложные Христіане поступаютъ по своему плотскому мудрованію, истинно Православные Христіане должны и мыслить и поступать по откровенію Божію, по вѣрѣ Евангельской, по закону Христову. *Безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 10: 11, 6). Внѣ церкви Христіанской нѣтъ спасенія. Не человекъ, не Ангель, Самъ Богъ,— и Онъ одинъ спасаетъ насъ. Будемъ же *впровать Богу, и вмѣнитса намъ въ правду* (Гал. 3: 6); будемъ во всемъ слѣдовать тому, что возвѣщаетъ намъ Евангеліе, и спасемся. Нѣтъ другаго пути въ животь вѣчный. Царство Небесное близко, доступно только вѣрующимъ. *Приблизися Царствіе Божіе: покайтесь, и вѣруйте во Евангеліе* (Марк. 1: 15), сказалъ Господь. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 3.

Истинная Христіанская вѣра есть вѣра Православная.

Господи благослови!

Братіе! Мы, по милости Божіей, Христіане, вѣруемъ во Христа содержимъ вѣру Христіанскую, служимъ Богу по закону Евангельскому. А почему же мы называемся еще не просто Христіанами, а Христіанами Православными? Потому что вѣруемъ Православно, исповѣдуемъ вѣру Православную. Что такое Православіе? Какая это Православная вѣра? Это—вѣра Христіанская *правая*, истинная, та, которая повѣдаетъ *славу* Божію, явленную въ искупленіи міра, *право* проповѣдуетъ ученіе Христіанское истинное, содержитъ догматы и правила Христіанскія непогрѣшительныя, приѣмлетъ таинства богоучрежденныя и обряды древлеустановленныя, та, которая прямо и вѣрно ведетъ *человѣка* къ первобытной славѣ, и дѣлаетъ его *правымъ*, каковымъ онъ и *сотворенъ* отъ Бога (Еккл. 7: 30).

Стало быть, конечно скажете, есть Христіане неправославные, которые исповѣдуютъ вѣру Христіанскую неправо? Очевидно, братіе, есть. Сами мы видимъ, сами встрѣчаемся и часто живемъ съ Христіанами не одинаковаго съ нами вѣрованія. И такое разномысліе и разновѣрованіе между Христіанами, въ прискорбію, существуетъ давно, съ первыхъ временъ Христіанства. Еще при жизни Апостоловъ начали являться въ Церкви *творящии распри и раздоры* (Рим. 16: 17), которые стали *инако учить*, отступая отъ *здравыхъ словесъ Господа нашего Иисуса Христа, и ученія, еже по благовѣрїю* (1 Тим. 6: 3); еще тогда начало возникать между вѣрующими разномысліе и раздѣленіе. Такъ одинъ говорилъ: *азъ есмь Павловъ*, другой: *азъ же Аполлосовъ*, иной: *азъ Кифинъ* (Петровъ), а нѣкоторый: *азъ же Христовъ* (1 Кор. 1: 12). Вотъ видите, братіе,—уже не правовѣрующіе отдѣляются отъ правовѣрующихъ, и тогда какъ Православные считаютъ своимъ Учителемъ и Господомъ *Христа*, раздѣляющіеся именуютъ себя послѣдователями то Павла, то Аполлоса, то Петра, какъ будто раздѣлился Христовъ, какъ будто тотъ или другой Апостоль распялся за нихъ или во имя какого либо Апостола они крестились (1 Кор. 1: 12, 13), какъ будто тотъ или другой Апостоль не одно и то же ученіе Христово проповѣдывалъ. Съ этихъ поръ, во все послѣдующее время Христіанства *оставали* въ средѣ вѣрующихъ *мужіе глаголющїе развращеная* (Дѣян. 20: 30), являлись лжеучители, которые производили въ Церкви и ереси, и рас-

колы, и отторгали отъ нея болѣе или менѣе значительное число Христіанъ, хотя сама Церковь неразрушимо пребывала и неизмѣнно сохраняла свое Православіе. Такъ отъ Православной Вселенской Церкви отдѣлились главнымъ образомъ сперва Армяне, потомъ Римскій Патріархъ или Папа съ Христіанами всего Запада, далѣе уже отъ самого Папы многіе подъ именемъ лютеранъ и другихъ названій, наконецъ отъ нашей Православной Церкви наши раскольники. Вотъ какъ раздробилось единое стадо Христово, считая одного у себя Пастыря Христа. Точь-въ-точь тоже видимъ въ настоящемъ обществѣ Христіанъ что было у вѣрующихъ Апостольскаго времени. Тогда иной назывался Христовъ, а иной—Павловъ, или Аполлосовъ, или Петровъ. И нынѣ: это Православный, а это папистъ, т. е. послѣдователь Римскаго Папы, это—лютеранинъ, это—армянинъ, это—русскій раскольникъ.

Грустная картина! Всѣ вѣдь это Христіане. Какъ же это такъ! Всѣ вѣрують во Единого Христа, всѣ ищуть оправданія во Единомъ Христѣ, всѣ служатъ Единому Христу: всѣ бы, слѣдовательно, должны одинаково и вѣровать въ Него, одинаково и служить Ему,—какъ *Единъ Господь*, такъ должна бы быть у всѣхъ *едина и вѣра* (Ефес. 4: 5); всѣ бы должны быть *единодушны, единомудренны, также мудрствовать, ту же любовь имѣть* (Филип. 2: 2), всѣ бы должны *блести единеніе духа, жить въ союзъ мира* (Ефес. 4: 3). Вѣдь такъ поступать и заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ Господь. Онъ именно заповѣдалъ имъ миръ, согласіе и любовь. *Сія, сказалъ, заповѣдано вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 15: 17). *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13: 35). Такъ бы надлежало быть, но не такъ вышло на опытѣ. Напротивъ того, какъ видите, вѣрующіе раздѣлились, образовались въ общества, одно съ другимъ несогласныя, каждое съ своими воззрѣніями на одинъ и тотъ же предметъ вѣры, каждое съ своими правилами въ образѣ Христіанскаго благочестія измѣняя или отмѣняя то, что было и есть, и вводя вновь то, чего не было и нѣтъ въ Православной Христовой Церкви, а раздѣлившись въ вѣрованіи, раздѣлились и въ расположеніи другъ къ другу, потеряли взаимную Христіанскую любовь,—и чтожь мы видимъ? Видимъ, что одни Христіане ненавидятъ другихъ Христіанъ, одни Христіане, какъ враги, ополчаются на другихъ Христіанъ, одни Христіане, какъ злодѣи, умерщвляютъ другихъ Христіанъ.

Что это такое? въ изумленіи каждый долженъ сказать. Какъ могло произойти такое нестроеніе въ святомъ и спасительномъ дѣлѣ

Божіемъ? Отчего раззоряется новое, благодатное Царство Божіе, Святая Христова Церковь? Разрѣшаетъ это, братіе, Самъ Христосъ въ извѣстной Евангельской притчѣ (Матѣ. 13: 24—30). Одинъ чело-вѣкъ, сказано, посѣялъ у себя на полѣ пшеницу. Пшеница взошла и выросла, но вмѣстѣ съ нею выросла и дурная, вредная трава? Откуда эта трава? Оказалось, что это сдѣлалъ врагъ, злой чело-вѣкъ, посѣявъ ее между пшеницею тайно. Такъ спаситель нашъ Господь посѣялъ на полѣ міра духовную пшеницу, проповѣдалъ Евангеліе Царствія Божія, научилъ людей вѣровать въ Бога и служить Богу, обѣщая имъ спасеніе и жизнь вѣчную; а врагъ чело-вѣчскій, діаволь, опять сталъ дѣйствовать противъ Бога, разрушать спасительное дѣло Божіе, извращать Христіанское ученіе, разъединять вѣрующіхъ и лишать ихъ благодати Божіей и спасенія вѣчнаго. Да. Именно діаволь это дѣлаетъ. Вѣдь ему больно, что *Сынъ Божій пришелъ разрушить дѣла его* (1 Иоан. 3: 8) и спасти родъ чело-вѣчскій вѣрою въ пострадавшаго за него Искупителя. Вотъ онъ и рѣшился со своей стороны разрушать дѣла Христовы, старается из-вертывать истинную вѣру, и, вмѣсто заповѣданной Искупителемъ любви, посѣять между вѣрующими раздѣленіе и вражду, и для сего избираетъ *лукавыхъ чело-вѣкъ* (2 Тим. 3: 13), *живыхъ учителей, иже вносятъ ереси погубелъ* (2 Петр. 2: 1), проповѣдуютъ иныя, несогласныя *съ образомъ здравыхъ словесъ* (2 Тим. 1: 13) ученія, и тѣмъ самымъ отторгаютъ слабыхъ и неутвержденныхъ отъ сонма истинно вѣрующіхъ, на ихъ и свою собственную погубель. Такъ Церковь Божія раззоряется самими Христіанами, подъ вліяніемъ врага чело-вѣческаго, діавола, какъ скоро они не хотятъ въ простотѣ сердца вѣровать истинѣ, и дерзаютъ быть судіями въ божественномъ дѣлѣ. О, какъ пагубно Христіанамъ давать свободу своему уму, который все хочетъ понимать по-своему и подчиняться страстямъ, которыя любятъ все поставить на-своемъ! Какъ нужно Христіанамъ имѣть смиреніе и послушаніе, чтобы сохранить вѣру и быть причастниками благодати Христовой! Какъ опасно Христіанамъ слушать учителей непривзванныхъ, непосланныхъ, чтобы не отпасть отъ Единой, Истинной, Православной Вселенской Церкви!

А гдѣ же эта собственно, такъ сказать, Православная, Все-ленская Церковь, — та, отъ которой отпали разномыслящіе Христіане? Кто теперь — Христіане Православные? Православная Вселенская Церковь теперь есть Церковь Восточная, та же самая, которая существовала и существуетъ со временъ Апостольскихъ за исключе-ніемъ отпадшаго Рима и всего Европейскаго Запада; — она въ Азіи,

и частію въ Европѣ; ее составляютъ частныя, во всемъ между собою согласныя Церкви: Константинопольская, Александрійская, Антиохійская, Іерусалимская и Россійская. Православные Христіане— Греки, Болгары, и другіе славянскіе народы, и мы—Русскіе.

Мы, братіе, Православные Христіане. Наша Россійская Церковь есть Церковь Православная, истинная, богоуправляемая и богохраняемая. Въ ней приснотекущій источникъ благодати и вѣрное спасеніе для вѣрующихъ. Порадуемся объ этомъ. Возблагодаримъ за это Спасителя нашего Господа Іисуса Христа. Будемъ дорожить этимъ неоцѣнимымъ преимуществомъ, и неисходно пребудемъ въ спасительномъ лонѣ Православной Церкви, этой духовно-благодатной Матери, которая насъ родила, воспитала, научила и ведетъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ жизнь вѣчную. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 4 .

Достоинство Православной вѣры.

Господи благослови!

Конечно вы, братіе, уже не спросите, и я не буду говорить о томъ; которое же общество Христіанъ составляетъ истинную Христову Церковь, и гдѣ вѣрное спасеніе для человѣка. Уже сказали мы, что истинная Христова Церковь есть Церковь Восточная, Вселенская, Православная. А Церкви, или точнѣе, общества Христіанъ, которыя извѣстны подъ именемъ армянъ, папистовъ, лютеранъ и всякихъ другихъ отпадшихъ отъ Православной Вселенской Церкви, уже не истинны по тому самому, что отпали отъ Единой истинной Христовой Церкви. Вѣдь и извѣстный въ притчѣ Евангельской сынъ, какъ скоро не захотѣлъ быть въ подчиненіи и законной зависимости отъ отца и своевольно оставилъ домъ родительскій, уже не былъ истиннымъ сыномъ и не могъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовался вѣрный и покорный отцу братъ его, пока не созналъ своего заблужденія и не возвратился въ раскаяніи къ отцу. Общество Православныхъ Христіанъ, Церковь Вселенская есть истинная потому именно, что она вѣрна и неизмѣнна во всемъ своему Господу, потому, что, какъ уже и прежде сказали мы, въ точности соблюдаетъ все: и ученіе вѣры, и правила жизни такъ, какъ преподавалъ Начальникъ вѣры, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, и таинства, и богослужебные обряды въ томъ самомъ видѣ, какъ приняли отъ проповѣдниковъ вѣры и учителей

вселенной, Святыхъ, богодухновенныхъ Апостоловъ, отнюдь ничего не отмѣняя и не прибавляя по человѣческому плотскому мудрованію. Эта Святая Церковь отъ самыхъ временъ Апостольскихъ до-нынѣ стоитъ непоколебимо, сохраняя непрерывное преемство въ своихъ пастыряхъ и учителяхъ, и будетъ, по неложному обѣтованію Господа, стоять неподвижно до самаго втораго пришествія Его. Она-то и есть та *Церковь*, которую Св. Павелъ именуеть *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3: 15).

Здѣсь, слѣдовательно, братіе, и вѣрное спасеніе для человѣка. Въ Православной Вселенской Церкви только и можно быть истиннымъ чадомъ Божиимъ и причастникомъ благодатныхъ и наслѣдникомъ будущихъ славныхъ благъ. Представьте, для соображенія, состояніе старшаго сына у отца, котораго меньшій сынъ по своеволю оставилъ родительскій домъ, и ушелъ *на страну далече*. Въ какомъ онъ находился благоденствіи и довольствѣ, чѣмъ не пользовался въ домѣ родительскомъ, на что не имѣлъ права и всегда, какъ законный наслѣдникъ? *Вся моя твоя суть* (Лук. 15: 31), говорилъ ему отецъ. Такъ-же точно счастливъ, благополученъ, безопасенъ и Христіанинъ, когда находится въ благодатномъ дому Божіемъ, въ истинной Православной Христовой Церкви. Что будетъ возмущать его на поприщѣ Христіанской жизни? Что можетъ колебать его вѣру, разрушать его упованіе? Ничто. Ежели вѣра, которую онъ исповѣдуетъ, та самая, которую содержала первенствующая Христова Церковь: значить, она истинна. Ежели ученіе, которому онъ послѣдуетъ, то самое, какое проповѣдалъ Самъ Спаситель Христосъ и божественные Апостолы: значить, оно спасительно. Ежели таинства, которыя онъ пріемлетъ, тѣ же, и совершаются такъ же, какія были и какъ совершались при Апостолахъ и во все продолженіе Вселенской Церкви: значить они божественны, и пріемлющіе ихъ получаютъ благодать Божію несомнѣнно. Ежели богослуженіе, въ которомъ онъ участвуетъ, то же, какое совершала и совершаетъ Церковь неизмѣнно отъ первыхъ вѣковъ Христіанства: значить, оно правильно и богоугодно. Ежели пастыри, которыхъ онъ слушаетъ и которымъ повинуется, преемственно и непрерывно сохраняютъ рукоположеніе Апостольское и власть въ Церкви, полученную Апостолами отъ Христа: значить, повиноваться таковымъ пастырямъ есть повиноваться Самому Христу, и слушать ихъ—слушать Самого Христа. Ибо Христосъ сказалъ Апостоламъ: *слушай васъ Мене слушаетъ* (Лук. 10: 16).

И такъ спасеніе Православныхъ Христіанъ, сыновъ Восточной Каѳолической Церкви, очевидно, несомнѣнно. Что сказать о другихъ

Христіанскихъ обществахъ, о Христіанахъ, исповѣдующихъ вѣру и соблюдающихъ образъ Христіанскаго благочестія различно и несогласно съ исповѣданіемъ вѣры и образомъ благочестія въ Церкви Православной? Богоугоденъ ли ихъ путь, вѣрно ли ихъ спасеніе? Трудные вопросы! Страшно человѣку отвѣчать на нихъ рѣшительно. Ибо *не тако зрѣтъ человекъ, яко зрѣтъ Богъ; яко человекъ зрѣтъ на лице, Богъ же зрѣтъ на сердце* (1 Цар. 16: 7). Сколько безъ сомнѣнія, и въ средѣ неправославныхъ Христіанскихъ обществъ такихъ людей, которые искренно преданы Богу и усердно исполняютъ Христіанскія обязанности! Сколько такихъ, которые съ невиннымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей вѣры служатъ Христу! Какъ ихъ судить? Какъ ихъ обвинять? О, какаѣ страшная отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, которые стоятъ во главѣ неправославныхъ Христіанскихъ обществъ,—на тѣхъ, которые, по своему кичливому уму и въ угоду своимъ страстямъ отпали отъ общей Матери, Церкви Христовой, и съ собою увлекли другихъ, простодушно ввѣрившихся ихъ водительство, и на тѣхъ, которые и понынѣ вслѣдъ ихъ идутъ и другихъ ведутъ тѣмъ же путемъ, не сознавая въ своемъ заблужденіи и не заботясь возвратиться и другихъ возвратити на путь истинный, въ Церковь Божию, святую и непорочную! Какаѣ невообразимо тяжкая казнь ожидаетъ ихъ послѣ страшнаго суда Христова за гибель столь несмѣтнаго числа душъ Христіанскихъ! Такъ, братіе. Если будемъ говорить о вѣрующихъ, то точно трудно и опасно опредѣлять ихъ участь; но когда будемъ судить о самой вѣрѣ, о самомъ образѣ благочестія, несогласныхъ съ вѣрою и образомъ благочестія, соблюдаемымъ въ Православной Церкви Божіей; если будемъ смотрѣть на Христіанъ, съ сознаниемъ и убѣжденіемъ чуждающихся Православной Церкви; то нельзя не сказать, что участь таковыхъ бѣдственна, спасеніе для нихъ невозможно. Къ этому ведетъ насъ страшный приговоръ Апостола Павла на отступающихъ и другихъ увлекающихъ къ отступленію отъ истиннаго неповрежденнаго ученія Церкви. *Аще мы, говоритъ Апостолъ, или Ангелъ съ небеси благовѣстимъ вамъ паче еже благовѣстимомъ вамъ, анаѡема да будетъ* (Гал. 1: 8). Да и самъ Господь ясно опредѣлилъ бѣдственное состояніе уклоняющихся отъ праваго, истиннаго Христіанскаго ученія, когда сказалъ Апостоламъ: *отмѣтаяся отъ васъ Мене отмѣтается* (Лук. 10: 16). А возможно ли спасеніе безъ Христа? Нельзя не вспомнить еще и о своевольномъ сынѣ, о которомъ повѣствуетъ притча Евангельская. Каково было его положеніе, когда онъ по своеволю не захотѣлъ быть подъ управленіемъ отца, и оставилъ родительскій

домъ? Мало того, что онъ на чужой сторонѣ бѣдствовалъ, онъ долженъ былъ совсѣмъ погибнуть. Благо, что онъ пришелъ въ себя, одумался, понялъ свое заблужденіе, почувствовалъ пагубу своеволія и рѣшился съ раскаяніемъ возвратиться къ отцу.

О, если бы то же сдѣлали и Христіане неправославные! Если бы и отпадшіе вѣрующіе возвратились въ домъ родной Матери своей, Святой Православной Церкви! Если бы они пришли въ познаніе истины, оставили свое мудрованіе и обращеніемъ своимъ и соединеніемъ въ одно святое Христово стадо возвеселили Небеснаго Бога Отца и Святыхъ Ангеловъ Его! Этого и желаетъ, этого ожидаетъ, объ этомъ непрестанно молится Святая Православная Церковь. И надо молиться о соединеніи Церквей, о томъ, чтобы всѣ Христіане, оставивъ всякое разномысліе, пришли во взаимное согласіе и любовь, сдѣлались единомышленными и единомысленными братіями. Одна, одна надежда при этомъ—всемогущая благодать Божія. Были, даже и нынѣ есть, намѣренія и стремленія у нѣкоторыхъ Христіанъ въ единству вѣры и въ соединенію вѣрующихъ, но можно ли ожидать отсюда достиженія желаемой цѣли? Нѣтъ, нѣтъ. Такое великое дѣло не подъ силу немощному человѣку. Трудно, весьма трудно сдѣлать такой чрезвычайный изворотъ. Отдѣлившіеся Христіане разошлись слишкомъ далеко. Вѣками утвердившіяся вѣрованія, врожденная, такъ сказать, привязанность къ каждому изъ нихъ, убѣжденіе въ достоинствѣ ихъ, особенно при такомъ множествѣ послѣдователей симъ вѣрованіямъ, воссоединеніе ихъ съ Православною Церковію человѣческими силами невысказано, если бы даже и не препятствовали тому и человѣческія страсти. Одна Божественная сила можетъ совершать это великое дѣло, одна благодать Божія сильна возбудить, направить и сдѣлать дѣйствительными самія намѣренія и стремленія человѣческія.

Молитесь, Православные, надо о возвращеніи въ Православіе неправославныхъ. Молитесь надо о томъ, чтобы Единный Божественный Пастырь, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, всемогущимъ словомъ благодати Своей воззвалъ ко всѣмъ отпадшимъ отъ Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, собралъ ихъ и присоединилъ Своему избранному стаду, и насъ утвердилъ въ Православной вѣрѣ и сохранилъ въ истинномъ Христіанскомъ благочестіи непоколебимо до послѣднихъ дней жизни. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 5.

Современное состояніе Православныхъ есть свидѣтельство Православія.

Господи благослови!

Вы сказали, братіе, что истинные Христіане суть Христіане Православные, что богохранимая и богоуправляемая Церковь есть Церковь Восточная, что вѣрное спасеніе для человѣка только въ этой, полной благодати истины, Церкви. „Да такъ ли это“, пожалуй скажутъ намъ нѣкоторые. „Отчего же Восточная Церковь не въ такой славѣ, какъ Церковь Западная? Отчего Христіане Православные бѣдствуютъ, а неправославные благоденствуютъ? Посмотрите на Европу и Америку. Вѣдь тамъ всѣ почти Христіане неправославные. А какъ они многочисленны, и въ какой мѣрѣ изобилуютъ всѣмъ полезнымъ и пріятнымъ! Сколь обширна, сколь цвѣтуща одна Церковь Римская, главу которой составляетъ папа! Въ какомъ очаровательномъ блескѣ тамъ обрядность Церковная, въ какой славѣ служители Церкви, въ какомъ довольствѣ народъ! Чего тамъ нѣтъ для удобства въ жизни, какихъ благъ для наслажденій! Всѣ смотрятъ туда, какъ въ земной рай, многіе и изъ Православныхъ рвутся въ этотъ эдемъ, и готовы приносить обитателямъ его дань искренней любви и уваженія. А Восточная Церковь? А Православные Христіане? Какимъ не подвергались они страданіямъ и бѣдствіямъ? Какого не терпѣли презрѣнія, притѣсненій, гоненій отъ неправославныхъ! Сколь не блистательна во внѣшнемъ быту и нынѣ доля Православія! И это ли преимущество Православія? Это ли участь Православныхъ Христіанъ? Истинна ли послѣ этого Православная вѣра и богодухновенна ли Восточная Христіанская Церковь?“

Ежели мы такъ станемъ судить о Церкви Божіей, ежели такимъ мѣриломъ будемъ измѣрять достоинство вѣры и путь спасенія человѣческаго, то мы далеко отступимъ отъ истины. Общество неправославныхъ многочисленно, а Церковь Православная гораздо скуднѣе числомъ своихъ исповѣдниковъ. Чтожъ? Развѣ это можетъ служить въ пользу неправославныхъ и въ ущербъ Православія? Развѣ преимущество въ числѣ исповѣдниковъ ручается за истину исповѣданія? Не то же ли самое было и въ Церкви ветхозавѣтной? Израильтяне, по раздѣленіи народа Божія, были гораздо многочисленнѣе Іудеевъ, такъ какъ первые состояли изъ десяти, а послѣдніе только изъ двухъ колѣнъ—народа: которые однакожъ бы-

ли истиннымъ народомъ Божиимъ, хранителями отеческой вѣры? Не Израильтяне, а Иудеи. Иисусъ Христосъ, въ лицѣ жены Самарянской, говорилъ такъ объ Израильтянахъ: *вы кланяетесь, Ею же не вѣстѣ, мы, т. е. Иудеи, кланяемся, Ею же вѣмы; яко спасеніе отъ Иудей есть* (Иоан. 4: 22). Видите, въ какомъ состояніи были Израильтяне и Иудеи. У первыхъ было уже богослуженіе не правильное и вѣра не истинная, а у послѣднихъ и то, и другая истинная, законныя и спасительныя. Самъ Спаситель міра произошелъ отъ народа Иудейскаго. *Спасеніе отъ Иудей есть*. Въ какое жалкое состояніе пришли наконецъ отпадшіе Израильтяне? Они смѣшались съ язычниками, и вѣру свою, и законъ отеческій извратили, сообразуясь съ нечестивыми ихъ нравами и обычаями. Къ прискорбію, совершенно то же видимъ и у Христіанъ неправославныхъ. И они во многомъ измѣнили древнюю вѣру Христіанскую, правила благочестія и чинъ церковнаго служенія и, увлекаясь блескомъ чловѣческаго просвѣщенія и внѣшней образованности, начали усвоить себѣ и мнѣнія и нравы языческіе. Можетъ ли же, какъ видите, братіе, многочисленность исповѣдниковъ свидѣтельствовать о достоинствѣ исповѣданія? Нѣтъ. Истинное достоинство Церкви состоитъ въ истинѣ вѣры и Христіанскомъ характерѣ вѣрующихъ. *Вся слава дщери Царевы внутрь* (Пс. 44: 14). И вакая величайшая слава Церкви Православной, этой невѣсты Христовой, дщери Небеснаго Царя! Истина догматовъ, чистота правилъ, глубокий разумъ богослуженія и обрядовъ, благодать невидимая въ святыхъ тайнахъ, и видимая въ чудодѣйственныхъ иконахъ и цѣлебносныхъ мощахъ угодниковъ Божіихъ:—вотъ сокровища, которыми сіяетъ истинная Христова Церковь! А Христіане Православные? Не истинныя ли это овцы стада Христова? Какое у нихъ смиреніе въ разумѣ, какая любовь въ сердцѣ, какая кротость, общеніе съ ближними! Какое расположеніе они имѣютъ и етъ неправославнымъ, какую честь и уваженіе оказываютъ болѣе изъ нихъ просвѣщеннымъ! Такъ ли поступаютъ съ Православными неправославные, особенно послѣдователи Римской вѣры? Нѣтъ. Объ этомъ не буду говорить. Повторю только слова Апостола Іакова: *аще зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитесь, не ложите на истину. Ньсть сія премудрость свыше нисходящи, но земна, душевна, бѣсовска. А яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорива, исполнь милости и плодовъ блажихъ* (Іак. 3: 14, 15, 17).

Христіане неправославные благоденствуютъ, пользуясь и сла-

вой и обиліемъ благъ, а Православные по большей части несутъ долю смиренныхъ рабовъ Божіихъ, находясь нерѣдко въ тѣснотѣ и порабощеніи. Чтожъ, ежели и такъ? Развѣ это опять служить въ ущербъ ихъ внутреннему достоинству и набрасываетъ тѣнь на ихъ Православіе? Скромное, даже уничиженное состояніе Православныхъ Христіанъ развѣ есть знакъ не истинной вѣры неправильнаго образа Христіанскаго благочестія? Развѣ оно есть свидѣтельство отчужденія ихъ отъ Бога и отверженія ихъ Богомъ? Да это-то и есть признакъ достоинства Православія, это-то и есть свидѣтельство того, что Православная Церковь есть истинная Церковь Христова; и Православные Христіане на истинномъ и вѣрномъ пути спасенія. Не скорѣ ли благоденствіе и слава міра сего есть признакъ удаленія отъ Бога? Неправославные благоденствуютъ, живутъ въ славѣ и всѣмъ изобилуютъ. Это и показываетъ, что они отстали отъ пути истины и уклонились отъ истинной Церкви Божіей. Внѣшній блескъ жизни свидѣтельствуетъ о упадкѣ внутренняго благочестія, и развитіе матеріальнаго благосостоянія—о торжествѣ плоти и міра. Апостоль говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обновляется внутренній* (2 Кор. 4: 16): слѣдовательно и на оборотъ: поколику внѣшній человѣкъ укрѣпляется и процвѣтаетъ, потолику внутренній слабѣетъ и увядаетъ. Это непремѣнно такъ. Гдѣ внѣшній блескъ, пространныя жизнь, обиліе благъ, полнота наслажденій, тамъ, значить, вниманіе и забота обращены преимущественно къ землѣ и къ временной жизни, тамъ Христіане, очевидно, живутъ въ добромъ согласіи съ міромъ. А это не добрый знакъ для Христіанъ. *Любы міра сего вражда Богу есть*, говоритъ Апостоль. *Иже бо восхоцетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4: 4). Вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе признакомъ истиннаго благочестія служитъ жизнь незнатная, скромная, даже уничиженная и страдальческая, и тотъ только другъ Божій, кто врагъ міру. Развѣ Церковь Божія то же, что міръ, или Она въ союзѣ съ міромъ? Вѣдь Церковь Христова не отъ міра сего (Іоан. 18: 36). Христось чуждался славы мірской. Онъ и на землю пришелъ когда? Въ славное ли царствованіе Соломоново? Нѣтъ, а когда уже оскудѣлъ вожь отъ Израіля, когда народъ былъ уже въ состояніи порабощенія. Онъ и родился и воспитался, и всю земную жизнь провелъ въ бѣдности и уничиженіи, и умеръ, какъ величайшій страдалецъ. Какъ же благоденствовать послѣдователямъ Его? *Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ядетъ* (Марк. 8: 34), сказалъ Самъ Господь. Такъ и было всег-

да. Всѣ истинные послѣдователи Христовы, начиная съ Апостоловъ и Мучениковъ, были въ терпѣніи, въ бѣдахъ, въ озлобленіи отъ міра. Кого и ублажаетъ Христосъ въ Евангеліи? Развѣ богатыхъ, славныхъ, благоденствующихъ? Совсѣмъ нѣтъ. Ублажаетъ нищихъ, плачущихъ, гонимыхъ, вообще бѣдствующихъ и страждущихъ. Да вѣдь этому и быть надлежитъ. Развѣ здѣсь царство правды и блаженство праведныхъ? Нѣтъ. Здѣсь страданіе, подвигъ, терпѣніе, а награда, вѣнцы, блаженство тамъ—на небѣ. Какъ Христово Царство не на землѣ, а на небесахъ, такъ и Христіанское блаженство не здѣсь, а въ горнемъ мірѣ. И оно послѣдуетъ тогда, когда Господь нашъ наки придетъ *прославится во святыхъ Своихъ, и дивенъ быти во всѣхъ въровавшихъ* (2 Сол. 1: 10). *Егда, говоритъ Апостоль вѣрующимъ, Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь въ славу* (Кол. 3: 4).

Вотъ когда торжество истинно вѣрующихъ,—не нынѣ, не въ настоящей жизни, а по смерти въ будущемъ вѣкѣ. Вотъ гдѣ блаженство и слава Православныхъ Христіанъ,—не здѣсь, не на сей землѣ, а въ Царствѣ Христовомъ, на новой, вѣчно пребывающей землѣ. Что же значить настоящее благоденствіе неправославныхъ, и что—смиренная доля Православныхъ? Ничего другаго, какъ этимъ только подтверждается истина вѣры Православной и заблужденіе разномыслящихъ и отпадшихъ. Пусть же не унывають Православные, ежели состояніе ихъ на семъ свѣтѣ не такъ блистательно, какъ состояніе неправославныхъ. Вѣчное блаженство дороже временнаго счастья. А оно прямо принадлежитъ Православнымъ. Пусть не смущаются и не завидуютъ благоденствію неправославныхъ. Пусть и не чуждаются ихъ, не презираютъ ихъ за неправославіе. Что я говорю? Пусть любятъ ихъ, доброжелательствуютъ имъ, благодѣтельствуютъ имъ, молятся о нихъ, чтобы Господь Богъ всѣхъ обратилъ на путь истины, всѣхъ содѣлалъ возлюбленными чадами Своими, достойными наслѣдія у Него неизреченныхъ и вѣчныхъ благъ. Таковы были и таковы всегда должны быть истинные, Православные Христіане. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 6.

Православные должны твердо стоять въ своемъ Православіи, и благочестивымъ образомъ жизни оправдывать свою вѣру.

Господи благослови!

Велико, какъ уже видѣли мы, братіе, достоинство Православія, счастлива доля Христіанъ Православныхъ. Соблюдающій Православіе есть истинный сынъ Христовой Церкви; онъ на вѣрномъ пути спасенія, ему доступны, для него открыты всѣ источники благодати, его несомнѣнное достояніе—блаженная вѣчность, только бы онъ твердо держался этого пути и неуклонно шель по нему къ извѣстной своей цѣли. Благодареніе Спасителю нашему Богу, братіе! И мы, по милосердію Его, на этомъ святомъ пути, въ Православной Церкви Христовой, при обильныхъ источникахъ спасенія, съ несомнѣнною надеждою на будущее блаженство и Царство. Великъ, какъ видите, даръ благодати Божіей намъ недостойнымъ. Многочестно званіе, которое носимъ, и состояніе, въ которомъ по вѣрѣ нашей находимся. Послушаемъ, что говоритъ Апостоль истинно, православно вѣрующимъ: *вы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія* (1 Петр. 2: 9). Вотъ въ какомъ величій представляеть онъ вѣрующихъ! Послушаемъ же и того, къ чему онъ затѣмъ побуждаетъ вѣрующихъ и чего ожидаетъ отъ вѣрующихъ. *Потщитесь*, говоритъ, *извѣстно ваше званіе и избраніе творити* (2 Петр. 1: 10). Вотъ, братіе, не напрасно же мы должны носить званіе Православныхъ Христіанъ, не тщетно же пользоваться такимъ великимъ даромъ милосердія Божія. Надо, непременно надо оправдывать свое священное званіе и избраніе, надо быть истинными Православными Христіанами. Надо дорого цѣнить и крѣпко блюсти свое Православіе. Чѣмъ драгоценнѣе сокровище, тѣмъ больше надо имѣть заботы, чтобы сохранить, а не потерять его. Что же намъ должно дѣлать? Должно твердо стоять въ Православной вѣрѣ, и благочестивымъ образомъ жизни свидѣтельствовать и оправдывать свою вѣру. Должно намъ твердо стоять въ Православной вѣрѣ. Къ этому именно убѣждаетъ Апостоль всѣхъ вѣрующихъ, когда говоритъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь* (1 Кор. 16: 13). Господь избралъ насъ отъ чрева матери нашея, Господь призвалъ насъ, Господь ввелъ насъ въ святую Церковь Свою, Гос-

подъ возродилъ насъ въ новую, святую духовную жизнь, Господь озарилъ насъ свѣтомъ Своего божественнаго Слова, Господь научилъ насъ истинной вѣрѣ въ Него, Господь далъ намъ пастырей и руководителей къ вѣчному животу: неужели мы вотще пріяли такую великую благодать отъ Бога? Не должны ли мы оправдывать на себѣ избраніе Божіе и стараться быть истинными и вѣрными сынами Православной Церкви? *Бодрствуйте*, говоритъ Апостоль. Поэтому мы должны быть внимательными къ себѣ, заботливыми о своемъ спасеніи, разумными въ своемъ вѣрованіи, тщательными въ сохраненіи своего Православія. Иначе безъ пользы мы будемъ величать себя Православными, а невнимательностію, еще можемъ причинить и ущербъ своему Православію. И сокровище тогда имѣетъ цѣну, когда знаютъ достоинство его и берегутъ его, а безъ должнаго охраненія оно можетъ и совсѣмъ утратиться. *Стойте въ вѣрѣ*, продолжаетъ Апостоль. Стоять значить не колебаться и не перемѣнять своего положенія. Таково должно быть наше исповѣданіе вѣры. Мы должны неколеблемо и неизмѣняемо вѣровать, должны вѣровать такъ, какъ вѣруетъ и учить вѣровать Православная Церковь, отнюдь не примѣшивая ничего отъ человѣческаго мудрованія и произвола. Всякое, великое или малое, измѣненіе въ вѣрѣ, есть уже отступленіе отъ истинной вѣры, и позволяющій себѣ такое измѣненіе, или соизволяющій такому измѣненію, есть уже не хранитель вѣры, а отступникъ отъ вѣры. Для сего именно Вселенская Церковь составила *исповѣданіе Православной вѣры*, какъ образецъ истиннаго вѣрованія, предала въ руководство вѣрующимъ и заповѣдала содержать оное твердо и неизмѣнно. Въ этомъ духѣ увѣщевали вѣрующихъ еще Святые Апостолы. *Братіе*, говорилъ одинъ изъ нихъ, *стойте, и держите преданія, имже научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2: 15). И въ такомъ исповѣданіи вѣры мы должны пребывать неколеблемо до конца жизни, да не отпадемъ отъ благодати Божіей, но да *дерзновеніе и похвалу упованія даже до конца извѣстно удержимъ* (Евр. 3: 6). *Мужайтесь*, дополняетъ свое наставленіе Апостоль. Этимъ, очевидно, показывается необходимость преуспѣянія въ вѣрѣ. Ибо мужество непремѣнно требуетъ достаточнаго запаса силъ для того, чтобы твердо стоять противъ нападеній непріязненныхъ. Посему, соблюдая вѣру непорочную, мы не должны быть, такъ сказать, неподвижными по духу вѣры, а возрастать въ вѣрѣ, восходить на высшую степень, достигать большаго совершенства въ разумѣ и въ силахъ духовныхъ; не быть *младенцами*, которые способны увлекаться *всякимъ вѣтромъ ученія во лжи*

человѣчестѣй, а дѣлаться *мужами совершенными, достигать въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4: 14, 13). Какъ въ обыкновенной жизни челоѣкъ, находясь въ совершенномъ, мужескомъ возрастѣ, обладаетъ зрѣлостію ума, твердостію воли и вѣрностію силъ, и потому способенъ отражать всякое искушеніе и стоять твердо на степени долга и чести; такъ и въ жизни духовной, Христіанинъ, укрѣпившійся въ разумъ вѣры и силахъ духовныхъ, способенъ мужественно отражать всякій соблазнъ противъ благочестія и вѣры и твердо стоять въ истинѣ Православія. Такая твердость въ вѣрѣ, такое мужество въ Христіанскомъ благочестіи, такая непоколебимость въ исповѣданіи Православія требуетъ собственной нашей заботливости, собственнаго нашего труда. *Утверждайтесь*, заключаетъ Апостоль свое наставленіе вѣрующимъ. Видите, что мы должны дѣлать для того, чтобы непоколебимо стоять въ Православіи, и болѣе преуспѣвать въ духъ вѣры. Должны сами *утверждать себя*, сами дѣйствовать къ утверженію своей вѣры, къ соблюденію своего Православія. Какими способами? А вотъ. Ходите чаще въ храмъ Божій, стойте благочиннѣе при совершеніи службы, вникайте болѣе въ смыслъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, възгрѣвайте въ себѣ духъ молитвы частымъ и благоговѣйнымъ воззрѣніемъ на святые иконы и представленіемъ непреступной святости Бога нашего и неподражаемой чистоты и правды угодниковъ Его. Святая Православная Церковь полна благодати Божіей и нельзя не преуспѣвать въ силѣ вѣры и твердости благочестія тому, кто искренно любитъ ее и усердно преданъ ей. Будьте вѣрными хранителями святыхъ уставовъ Церкви, соблюдайте точнѣе предписываемыя ею обязанности,—и вы будете ближе къ духовной матери своей. А чѣмъ ближе будете къ Православной Церкви, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ваше пребываніе въ ней, тѣмъ невозможнѣе уклоненіе отъ нея. Ученые и грамотные читайте книги, да не мірскія, по большей части бесполезныя, часто вредныя, а священные, церковныя, духовныя,—послѣ Слова Божія, творенія св. отцевъ, и вообще писанія пастырей и учителей Православной Церкви. Черезъ таковое чтеніе вы будете пріобрѣтать разумъ духовный, обогащаться познаніями истинной вѣры и правилъ жизни Христіанской. Тогда вы сами будете хорошо отличать истину отъ лжи, утверждаться въ Православіи, и избѣгать соблазновъ и искушеній въ вѣрѣ. Тогда сами *готовы* будете *ко отвѣту всякому вопрошающему вы о вашемъ упованіи* (1 Петр. 3: 15), и *держащися вѣрнаго словесе по ученію, сильны* будете и другихъ *утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличати* (Тит. 1: 9).

Должно намъ благочестивымъ образомъ жизни свидѣтельствовать и оправдывать свою вѣру. Да, Христіане, и особенно Православные, непременно должны быть благочестивы и добродѣтельны, жить не такъ, какъ всегда хочетъ наша страстная плоть, какъ часто предписываетъ намъ лукавый міръ, а такъ, какъ повелѣваетъ Богъ, заповѣдуетъ Святая Церковь и требуетъ законъ Христіанскій, чтобы не только имѣть оправданіе предъ Богомъ, но и служить примѣромъ благочестія для другихъ. *Тако, сказалъ Господь послѣдователямъ Своимъ, тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 5: 16). Вообще, братіе, требуется отъ вѣрующихъ непорочная, благочестивая, Христіанская жизнь. Она служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ вѣры и дѣйствительнымъ утвержденіемъ въ вѣрѣ. Неужели мы останемся при одной вѣрѣ, будемъ только хвалиться своимъ Православіемъ? Вѣдь не спасетъ насъ одна наша вѣра, хотя и Православная, ежели мы не будемъ имѣть дѣлъ сообразныхъ съ вѣрою, а тѣмъ паче ежели будемъ имѣть дѣла, противныя вѣрѣ. *Вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іав. 2: 26), говоритъ Апостоль. Какая же польза отъ мертвой вѣры? Не все ли это равно, какъ и не имѣть вѣры? Мы Христіане Православные: слѣдовательно тѣмъ ревностиѣ должны быть къ святой Церкви, тѣмъ точнѣе исполнять Христіанскія обязанности, тѣмъ болѣе свидѣтельствовать о достоинствѣ своей вѣры. Иначе наше Православіе послужитъ намъ обличеніемъ противъ насъ самихъ. И къ намъ тогда будутъ относиться слова Іисуса Христа, которыми Онъ обличалъ Іудеевъ, хвалившихся своимъ происхожденіемъ отъ Авраама. *Аще чада Авраамля бысте были, говорятъ Онъ, дѣла Авраамля бысте творили* (Іоан. 8: 39). Православный Христіанинъ, живущій не по-Христіански, подпадетъ подъ ту же укоризну, какую сдѣлалъ Апостоль Павелъ Іудею, живущему противно своему закону. *Иже въ законъ хвалимиися, говорилъ Онъ, преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Рим. 2: 23). Нужно, братіе, необходимо нужно Православнымъ Христіанамъ и вѣру имѣть правую, и жизнь добрую, Христіанскую. Нужно, необходимо нужно имъ, *якоже избраннымъ Божіимъ святымъ и возлюбленнымъ* (Кол. 3: 12), *ходить достойно Богу призвавшему ихъ во свое царство и славу* (1 Сол. 2: 12), *да о всемъ славится Богъ Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, Ему же есть слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь* (1 Петр. 4: 11). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 7.

Православные должны уклоняться отъ современныхъ богопротивныхъ ученій и правилъ жизни.

Господи благослови!

Утобы сохранить намъ, Православные, свое Православіе цѣлымъ и неповрежденнымъ, чтобы пребыть намъ истинными Христіанами, вѣрными во всемъ Господу и святой Православной Церкви Его, нужно намъ, какъ сказали мы въ прошедшій разъ, твердо стоять въ Православной вѣрѣ, и благочестивымъ образомъ жизни свидѣтельствовать и оправдывать свою вѣру. Такъ. Это необходимо. Необходимо слѣдовать тому, чему учить насъ Святая вѣра, и жить такъ, какъ требуютъ правила вѣры. Только ли? Нѣтъ. Необходимо еще уклоняться отъ того, что противно ученію вѣры и правиламъ благочестія Христіанскаго. О, какъ это необходимо! Раствѣнное ученіе, худые примѣры могутъ колебать всякаго, не только слабого, но и недовольно твердаго въ благочестіи, какъ всегда удобопреклоннаго на грѣхъ. А въ такомъ ученіи и въ такихъ примѣрахъ *міръ*, который *весь во зль лежитъ* (1 Іоан. 5: 19), никогда не имѣлъ недостатка. И наше время не свободно, отъ зловредныхъ ученій, разрушающихъ вѣру и добрую Христіанскую нравственность. Что я говорю—не свободно! Духъ нашего времени самымъ увлекательнымъ образомъ дѣйствуетъ на ниспроверженіе вѣры и на ослабленіе въ Христіанахъ духа благочестія. Еще святые Апостолы сказали: *въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры* (1 Тим. 4: 1), *будутъ живиѣи учителя, ихже ради путь истинный похулится* (2 Петр. 2: 2). Не наши ли, къ несчастью, эти времена, не близки ли по крайней мѣрѣ къ этимъ временамъ наши времена? Правда *тайна беззаконія* уже давно *дѣется* (2 Сол. 2: 7), но прежде ереси и расколы искажали только вѣру, а нынѣ безбожное ученіе нѣкоторыхъ совѣмъ отвергаетъ вѣру и разрушаетъ Христіанскую нравственность. Нельзя, братіе, не слышать, до какихъ богопротивныхъ и душевредныхъ ученій дошло, и насъ силится доводить чуждое намъ Православнымъ нынѣшнее просвѣщеніе. Какъ этими ученіями ослабляется наша вѣра и разрушается добрая Христіанская нравственность!

Суеумудрствующіе, руководимые однимъ заблуждающимъ разумомъ, и подстрекаемые самолюбіемъ, хотящіе жить по плоти, *враги*,

по выраженію Апостола, *креста Христова* (Филип. 3: 18), чего и устно и письменно не проповѣдуютъ на соблазнъ и пагубу Христіанъ! Въ суетѣ ума своего они проповѣдуютъ открытое нечестіе, говорятъ, что и Бога нѣтъ, и міръ самъ образовался, и природа существуетъ сама собою, безъ высшаго управленія, и человѣкъ есть одно изъ животныхъ земныхъ, котораго бытіе начинается обыкновеннымъ рожденіемъ и оканчивается общею всѣмъ животнымъ смертію,—словомъ, учать тому, выдаютъ за истину то, чему не учили, что отвергали, какъ сущую ложь и нелѣпость, разумные язычники. Нужно ли выходить съ оружіемъ слова противъ этихъ баснословцевъ? Стоитъ ли опровергать ихъ нелѣпыя возгласы? Не дивно было бы слышать такихъ проповѣдниковъ въ средѣ язычества, до озаренія міра свѣтомъ божественнаго откровенія. Пусть бы тогда былъ хотя и не одинъ *безумный*, который бы не только *въ сердцѣ своемъ*, но и устами рекъ: *нѣсть Богъ* (Ис. 13: 1). Дивно это слышать нынѣ, въ обществѣ Христіанъ, и въ вѣкъ пресловутаго просвѣщенія и образованности. Горько думать, что и въ наше время являются новые безумные, которые повторяютъ и уже гласно, давнишнюю проповѣдь безумнаго. Чего они хотятъ? Возвратить времена допотопныя, или ускорить послѣднее время міра? И то и другое неотрадно. Но первое уже было, послѣднее непременно будетъ, только не на радость имъ и послѣдователямъ ихъ. Тогда уже не вода, а *огонь нечестивыхъ поястъ* (Евр. 10: 27; Апок. 20: 15).

Возстаютъ еще помраченные смысломъ и на Христіанскую вѣру, дерзаютъ отвергать истину Христіанства, божественность лица Искупителя нашего, дѣйствительность чудесъ Его и не задумываются осмнадцати-вѣковое несмѣтное число исповѣдниковъ Христіанскѣй вѣры ставить на-равнѣ съ суетвѣрами. Можетъ ли быть дерзость выше этой и безразсудство крайнѣе сего? Кого они хотятъ переучить? Кто изъ благочестивыхъ и разумныхъ Христіанъ усумнится въ истинѣ и святости Православной вѣры, той вѣры, которая утвердила свое божественное достоинство безчисленными знаменіями и чудесами, предъ которою благоговѣли тысячи величайшихъ въ свѣтѣ умовъ, которая столько вѣковъ просвѣщаетъ міръ и въ которой истинные исповѣдники всегда находили душевную отраду, миръ совѣсти и спасеніе вѣчное? *Врата адава не одолѣютъ* Христовой *Церкви* (Маѣ. 16: 18), сказалъ Господь: суетумудріе ли человѣческое можетъ поколебать ее? Нѣтъ. Не *преуспѣютъ* въ своемъ нечестіи *противящіися истинѣ* (2 Тим. 3: 8, 9). *Живой на небесъхъ посмѣется имъ, и Господь поруается имъ*. Рано или поздно *возлагодетъ къ нимъ гнѣвомъ*

Своимъ, и яростію Своею смятеть я (Пс. 2: 4, 5). А *имя Господне будетъ благословенно во вѣки* (Пс. 71: 17), и Христіанскій народъ, этотъ новый *Израиль* будетъ вѣровать и *уповать на Господа отнынь и до вѣка* (Пс. 130: 3).

А хотя современные ложные учителя не осмѣливаются еще возстать прямо противъ Христіанской вѣры, но находятъ нужнымъ дать ей какъ бы болѣе правильный видъ; проповѣдуя всеобщій прогрессъ и развитіе, они мечтаютъ, якобы и сама религія подлежитъ усовершенствованію, и правила благочестія развитію, и потому духъ вѣры стараются соображать съ духомъ времени, и правила Христіанскаго благочестія—съ правилами мірской жизни. Какъ это такъ? Вѣра есть дѣло Божіе, ученіе вѣры и правила благочестія—ученіе и правила божественныя. Развѣ дѣло Божіе доступно усовершенствованію,—и отъ кого еще—отъ человѣка? Развѣ божественное ученіе вѣры и правила благочестія Христіанскаго могутъ быть подвергаемы измѣненію чрезъ какое-то усовершенствованіе и развитіе наравнѣ съ науками и законами человѣческими, всегда несовершенными? Напрасно. Пусть прогрессъ и развитіе допускается въ наукахъ и искусствахъ, въ жизни общественной,—тутъ дѣло человѣческое. А въ ученіи вѣры и въ правилахъ благочестія этому быть не должно. Не вѣру и правила благочестія мы должны усовершенствовать по своимъ понятіямъ, а себя самихъ сообразно вѣрѣ и правиламъ благочестія Христіанскаго исправлять, обновлять и дѣлать себя лучшими и совершеннѣйшими въ вѣрѣ и въ образѣ жизни. Вѣру соглашать съ духомъ времени, и образъ Христіанской жизни съ направлениемъ вѣка—да это прямо значить соединять двѣ противоположности, мѣшать добро со зломъ, свѣтъ со тьмою, учить служить вмѣстѣ и *Богу и мамонѣ* (Матѳ. 6: 24). Нѣтъ! Не такъ учать насъ святые Апостолы. Одинъ рѣшительно запрещаетъ такое богопротивное согласіе. *Не сообразуйтесь*, говоритъ, *вѣку сему* (Рим. 12: 2). Другой находитъ оное вовсе невозможнымъ. *Любы міра сего*, говоритъ, *вражда Богу есть. Иже бо восхоцетъ друзъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4: 4).

Хотятъ еще новые учителя помирить, такъ сказать, родъ человѣческій; проповѣдуютъ безразличіе въ вѣрѣ, все якобы равно, Православный, или не Православный, или даже жидъ, магометанинъ, и язычникъ, только бы всѣ жили въ согласіи и любви. Въ такомъ разѣ религія, стало быть, уже не такъ необходима для человѣка, и то, что, по словамъ Спасителя, есть *единое на потребу* (Лук. 10: 42), составляетъ, по понятіямъ новыхъ учителей, одну изъ несущу-

щественныхъ потребностей его. Каково ученіе? Сколь оно благотворно для человѣка, которому дорого свое спасеніе! Конечно Православные должны любить всѣхъ, жить въ согласіи со всѣми, будутъ ли они единовѣрные имъ, или разновѣрные съ ними, но что касается вѣры, то они никакъ не могутъ и не должны быть въ согласіи съ другими. *Нѣсть Иудей, ни Еллинъ, вси едино есте*, говоритъ Апостоль вѣрующимъ—да какъ? *о Христѣ Иисусѣ* (Гал. 3: 28). Иное вѣротерпимость, и иное безразличіе въ вѣрѣ. Ни Христіанъ другихъ исповѣданій, ни даже нехристіанъ мы не должны порицать за вѣру ихъ, но дѣло вѣры считать безразличнымъ, и не стоять твердо за преимущество Православія есть уже измѣна истинной вѣрѣ. Развѣ всякая вѣра, хотя бы и подъ Христіанскимъ именемъ проповѣдуемая, богоугодна и душеспасительна? У Авраама были два сына и однакожь одинъ былъ наслѣдникомъ обѣтованій Божіихъ. *Не имать*, сказано, *наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ свободныя* (Гал. 4: 30). И у насъ дѣти законныя и незаконныя развѣ одинаковы въ достоинствѣ и правахъ? А ежели такъ у человѣка, то кольми паче у Бога. Нѣтъ. Спасительная вѣра есть только истинная Православная вѣра, и союзъ по вѣрѣ долженъ быть только между истинно вѣрующими. *Аще кто приходитъ къ вамъ, говоритъ Св. Апостоль Іоаннъ вѣрующимъ, и истиннаго ученія не приноситъ, не пріемлите его* (2 Іоан. 10). Вотъ сколь важно различіе вѣры.

Чего опять не проповѣдуютъ нынѣ по плоти мудрствующіе и въ разсужденіи образа жизни и направленія воли человѣка! Хотятъ, напимѣръ, видѣть равенство между людьми, и конечно цѣль та, чтобы поровнять малыхъ съ великими, низшихъ съ высшими. О! да эта проповѣдь давнишняя. Ее слышали еще праотцы наши въ раю, и какія были послѣдствія отъ нея, это мы знаемъ хорошо. Да и самъ начальникъ этой проповѣди хотѣлъ быть равнымъ Богу. *На небо*, сказалъ, *взыду, буду подобенъ вышнему*, а вмѣсто того *сошелъ во адъ и во основанія земли* (Исаія 14: 13, 14, 15). Нѣтъ. Мы знаемъ другую противоположную проповѣдь. У насъ есть Учитель истиннаго, богоугоднаго и всѣмъ спасительнаго равенства, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *Иже во образъ Божій сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, и образомъ обрѣтется якоже человекъ* (Филип. 2: 6, 7), *еяже ради вины не стыдится братію нарицати* (Евр. 2: 11) всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Вотъ истинное и святое равенство—Христіанское смиреніе и братская любовь. Не такъ думай и говори о себѣ: „я не хуже другихъ“, а такъ: „я не лучше другихъ“, однакоже не съ тѣмъ,

чтобы безъ разсужденія увлекаться образомъ жизни, какой принять большинствомъ.

Нынѣшніе учителя мечтаютъ, якобы они ведутъ человѣчество къ совершенству—чѣмъ? Свободою, развитіемъ человѣка. Правда, замѣтно расширяется нынѣ свобода, да какая? Свобода страстей. Это хорошо мы знаемъ и сами видимъ. Видимъ даже, какъ злоупотребляетъ нынѣ человѣкъ и законною свободою. Изъ раба предъ господиномъ дѣлается, къ стыду Христіанства, рабомъ постыдной страсти пьянства. Какую же *свободу общають* и могутъ сообщить человѣчеству нынѣшніе учителя, *сами раби суще тлѣнія*? (2 Петр. 2: 19). Нынѣ развитие человѣка? Такъ. Есть, чѣмъ похвалиться. Что развивается у насъ? Развивается по большей части растлѣнная природа наша, облагораживается и обновляется, такъ сказать, ветхій нашъ человѣкъ. Все священное для молодаго нашего поколѣнія перестаетъ быть таковымъ; все противное вѣрѣ и закону Божію начинаетъ вазаться дозволеннымъ; всѣ дѣла, и самыя постыдныя, естественными, и въ обществѣ неззорными!

Вотъ, братіе, какіе являются въ наше время учителя, и какіе разсѣвають плевелы на нашей Православно-Христіанской нивѣ. Можно бы не говорить о нихъ, если бы они были зловредны только себѣ. Но, къ прискорбію, такіе соблазны не остаются безъ горькаго плода. То-и-дѣло слышимъ, что проповѣдуемое растлѣніе начинается тамъ и индѣ прививаться къ Православному народу Русскому; даже въ отдаленныхъ краяхъ отечества проявляется свобода мысли и слова, развитіе жизни въ противность вѣрѣ и закону Божію. И неудивительно. Зло всегда прилипчиво, и природа наша удобопреклонна на грѣхъ. Были бы только соблазны. Паденіе и для разумнаго и твердаго человѣка не всегда же доступно. Поэтому-то и говорю я, братіе, что Православнымъ Христіанамъ для соблюденія своего Православія нужно удаляться отъ соблазновъ времени, отвращать и слухъ отъ того, что нынѣ говорятъ и пишутъ противно ученію вѣры и правиламъ Христіанскаго благочестія. Послушайте, что на этотъ разъ говорятъ вѣрующимъ Святые Апостолы. *Блюдится, да никто же васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христъ* (Кол. 2: 8). *Блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кромъ ученія емуже вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ. Таковии бо Господевии нашему Иисусу Христу не работаютъ, но своему чреву, иже блжыми словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16: 17, 18). *О дабы отпечены были развращающіи насъ!* (Гал. 5: 12). Спасай уповающія на Тя, Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 8.

Двойное сердце.

Господи благослови!

Дажь ми, сыне, твое сердце.
(Притч. 23: 26).

Авно, братіе, просить сердца у каждаго изъ насъ Отецъ нашъ Небесный. Такъ любезны мы Ему, таеъ дороги Ему наши сердца? Богъ просить у насъ сердца. Да на что, подумаешь, Ему наше сердце! Вѣдь оно недостойно святѣйшаго взора Его. Оно все нечисто, оскверненно, грѣховно. *Кто похвалится чисто имѣти сердце?* (Притч. 20: 9). Оно *косно* (Лук. 24: 25) и для вѣры, *окамененно* (Марк. 8: 17) и для любви; оно *прилежно помышляетъ на злая* (Быт. 6: 5), отъ него *исходятъ прелюбодѣнія, любодѣнія, убійства, и вся злая, яже скверняютъ человека* (Марк. 7: 21, 23). Однакожъ Господь просить нашего сердца. Можно ли въ томъ отказать Богу и Творцу? Не съ покорностію ли напротивъ, не съ усердіемъ ли мы должны отдать Ему свое сердце? Отецъ требуетъ сердца отъ сына,—значить, по любви, для собственнаго сыновнаго блага. Отдадимъ же, братіе, наше сердце Богу, отдадимъ какое ни есть, хотя бы нечистое, хотя бы оскверненное, хотя бы грѣховное, но *сердце сокрушенное и смиренное* (Пс. 50: 19), сердце, обращающееся къ Нему и кающееся.

„Такъ намъ ужъ остаться безъ сердца?“ скажете. „Какъ же это?“ Не беспокойтесь. Богъ дастъ намъ другое, лучшее сердце. Возьметъ у насъ ветхое, каменное сердце, и дастъ сердце новое, плотяное. *И дамъ вамъ, давно также говорить намъ Отецъ нашъ Небесный, и дамъ вамъ сердце ново, и отзиму сердце каменное отъ плоти вашея, и дамъ вамъ сердце плотяно* (Иезек. 36: 26). Слышите ли, братіе, что хочетъ сдѣлать съ нами Богъ? Хочетъ перемѣнить у насъ сердце, вмѣсто прежняго дать другое, новое сердце. Ахъ! Да это намъ и необходимо. Мы—Христіане, люди новые, сыны Божіи во Христѣ. *Аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5: 17), говоритъ Апостоль. Можно ли же намъ оставаться съ старымъ, грѣховнымъ сердцемъ? Нѣтъ. Пусть будетъ съ нами благая воля Отца нашего Небеснаго. Съ новымъ сердцемъ мы будемъ совсѣмъ другіе. Слушайте, что далѣе говорить Господь. *И сотворю, да въ заповѣдяхъ Моихъ ходите* (Иезек. 36: 27). Вотъ что тогда имѣтъ послѣдовать съ нами. Мы будемъ дѣлать уже не то, что дѣлаемъ

теперь, не свою волю станемъ исполнять, а волю Божію, станемъ *ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ*. Съ нынѣшнимъ сердцемъ мы думаемъ о временномъ, земномъ, грѣховномъ; съ новымъ сердцемъ будемъ думать уже о вѣчномъ, небесномъ, божественномъ; съ нынѣшнимъ сердцемъ мы стремимся къ тому, чего хочетъ плоть наша, страсти наши; съ новымъ же сердцемъ будемъ стремиться къ тому, чѣмъ услаждается духъ, любящій чистоту и святость; съ нынѣшнимъ сердцемъ мы дѣлаемъ не то, чего требуетъ Богъ, а то, къ чему влечетъ насъ растлѣнная грѣхомъ природа наша, съ новымъ сердцемъ станемъ дѣлать уже не то, что пріятно грѣху, а то, что благоугодно Богу,—кратко, съ нынѣшнимъ сердцемъ мы теперь чувственные, плотскіе, грѣшные; съ новымъ сердцемъ будемъ духовные, чистые, непорочные. Вѣдь это и понятно. Каково у насъ сердце, таковы и мы. Каково сердце, таковы и мысли наши, и желанія наши, и дѣла наши, такова и вся жизнь наша. Все отъ сердца. *Сердце*, говоритъ Премудрый, *исходище живота* (Притч. 4: 23). Какія же будутъ послѣдствія таковой перемѣны въ насъ, перемѣны жизни грѣховной и богопротивной на святую и богоугодную? А вотъ какія. *И будете*, продолжаетъ Господь, *и будете Ми въ люди, Азъ же буду вамъ въ Бога* (Иезек. 36: 28). И еще болѣе. *И буду вамъ во Отца и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери* (2 Кор. 6: 18). Бога, Творца міра, имѣтъ своимъ Богомъ, Бога имѣтъ еще своимъ отцемъ не есть ли это ближайшее общеніе человѣка съ Богомъ? Не есть ли это блаженнѣйшее состояніе человѣка? Со старымъ, грѣховнымъ сердцемъ человѣка—*рабъ неключимый* (Лук. 17: 10), а съ новымъ, непорочнымъ онъ—сынъ. *Уже нѣси рабъ, но сынъ*, говоритъ Апостоль обновленному человѣку. *Аще ли же сынъ, и насльдиши Божій Исусъ Христомъ* (Гал. 4: 7). Вѣчно, значитъ, онъ счастливъ, вѣчно блаженъ. *Ему завѣщано Царство* (Лук. 22: 29) Небесное.

Да когда же, спросите, Богъ дастъ намъ новое сердце? А что мы теперь вспоминаемъ съ Церковію? Вѣдь Духъ Божій и далъ новыя сердца Апостоламъ. *Духъ спасенія Апостольская сердца созидаетъ чиста* (Ирм. 5 пѣсн. 1 троп.), поетъ нынѣ Св. Церковь. Духъ Божій, сошедъ на Апостоловъ, пересоздалъ, сдѣлалъ новыми сердца ихъ,—и вотъ Апостолы уже являются совѣмъ другими, изъ немудрыхъ—премудрыми, изъ колеблющихся—твердыми, изъ робкихъ—неустрасимыми, изъ рыбаей—просвѣтителями вселенной. Дать человѣку новое сердце—это дѣло именно Духа Божія, вездѣ-сущаго и вся исполняющаго, животворящаго и очищающаго насъ

отъ всякія скверны. И мы, братіе, не чужды этого благодатнаго обновленія. *Божіе бы есмь твореніе, создани во Христа Иисуса на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ* (Ефес 2: 10). *И насъ благодатию своею запечатлѣтъ Господь, и даде обрученіе духа въ сердца наша* (2 Кор. 1: 22). *И насъ, по своей Его милости, спасе банею пакибытія, и обновленія Духа Святаго, Его же измѣя на насъ обильно Иисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будемъ по упованію жизни вѣчныя* (Тим. 3: 5, 6, 7).

Ахъ, братіе! Ежели мы еще удерживаемъ у себя ветхія, растлѣнныя, грѣховныя сердца свои, отдадимъ, отдадимъ ихъ на обновленіе Благодѣтелю нашему Богу. Очистимъ, омоемъ ихъ слезами покаянія, и принесемъ ихъ, яко жертву, Богу, возсылая нынѣ съ Церковію молитву къ Творцу, Обновителю и Освятителю, Живоворящему духу Божію: *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинны, Иже вездѣ сый, и вся исполняя, сокровище благихъ и жизни подателю, прійди, и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны. Сердце чисто созижди въ насъ, Боже, и духъ правъ обнови во утробахъ нашихъ* (Пс. 50: 12). Утѣшителю благій, Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 9.

Спасительное время благодати Христовой.

Господи благослови!

Нынѣ наста время всѣхъ освящающее и праведный насъ ждетъ Судія. Но обратися душе къ покаянію, яко блудница зовущи со слезами. Господи помилуй мя.

(Послѣд. мал. освящ. вод.).

Наста время всѣхъ освящающее. Какое это время? Время спасительной благодати Христовой. Пришелъ Спаситель міра, *Христосъ правда и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1: 30), излилась благодать Св. Духа, животворящаго и всеосвящающаго;—и въ беззаконіяхъ зачинающіеся и во грѣхахъ раждающіеся *омываются, освящаются, и оправдываются именемъ Господа нашего Иисуса Христа, и духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6: 11). Этому, освящающему всѣхъ времени уже много годовъ, восемнадцать слишкомъ

столѣтій. Сколько же въ это время освятилось людей! Милліоны, милліоны возстали изъ бездны грѣховной, очистились, освятились, оправдались въ благодати Христовой, и перешли *отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатаны къ Богу, пріявъ оставленіе грѣховъ и до-стояние во Святыхъ* (Дѣян. 26: 18). *Нынѣ наста время всѣхъ освящающее.* Нынѣ, братіе, въ настоящіе дни особенно настало и для насъ время всѣхъ освящающее. По милосердію Божию, совершили мы воспоминаніе великихъ и спасительныхъ дней благодати Божіей, отпраздновали праздниекъ. Праздникъ,—воскресеніе Христово, видѣли въ торжествѣ Церкви вознесеніе Господа и пріяли благодать Св. Духа, съ вѣрою поклонились Пресвятой Троицѣ. Подъ сѣнію этой спасительной благодати Св. Церковь ввела насъ во дни настоящаго поста, чтобы возгрѣть въ насъ ниспосланный намъ отъ Бога даръ благодати и утвердить его въ насъ на-долго, на вѣкъ.

Нынѣ наста время всѣхъ освящающее, и праведный насъ ждетъ Судія. Куда насъ ждетъ, или чего отъ насъ ждетъ праведный Судія, Искупитель нашъ Господь? Поелику Онъ, по любви и милосердію Своему, искупилъ человѣческій родъ отъ вѣчной смерти и отверзъ для всѣхъ двери спасенія въ Церкви своей святой, то по той же самой любви и милосердію Своему, конечно ждетъ насъ въ Свое блаженное Царство, гдѣ Онъ, *праведный Судія*, имѣетъ *воздать вѣнцы правды всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (2 Тим. 4: 8). Но замѣтите, братіе, кто насъ ждетъ. Ждетъ насъ не просто Искупитель нашъ, а вмѣстѣ и праведный Судія. А къ праведному Судіи нельзя явиться безъ правды. Значить, ждетъ отъ насъ Господь еще напередъ нашего оправданія, нашего дѣятельнаго усвоенія себѣ правды Божіей. Не безъ причины же Св. Апостоль предостерегаетъ вѣрующихъ, чтобы благодать Божія не оставалась въ нихъ бесплодною. *Молимъ васъ, говорить, не вотще благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. 6: 1). Да, братіе. *Праведный насъ ждетъ Судія.* Искупившій насъ Господь ждетъ отъ насъ нашего обращенія къ Нему, хочетъ видѣть, какъ мы примемъ Его божественное къ намъ снисхожденіе, во сколько оцѣнимъ Его непостижимую къ роду человѣческому любовь и милосердіе, въ какой мѣрѣ воспользуемся Его ходатайствомъ за насъ, Его страданіемъ и смертію для избавленія нашего, будемъ ли искать своего оправданія въ Его спасительныхъ заслугахъ, въ его драгоцѣнной искупительной жертвѣ за міръ,—ждетъ всего этого отъ насъ праведный Судія въ наступившее всѣхъ освящающее время. Что же мы? Неужели останемся невнимательными къ такому милосердому попеченію о насъ Искупителя

нашего? Неужели будемъ нечувствительными и неблагодарными въ толико благодѣющему намъ Богу! О, нѣтъ. Сдѣлаемъ, непременно сдѣлаемъ то, что въ этомъ случаѣ благоприлично и благопотребно со стороны нашей, засвидѣтельствуемъ предъ Спасителемъ нашимъ, что мы хорошо понимаемъ, дорого цѣнимъ, усердно пріемлемъ Его ходатайство за насъ, Его жертву за грѣхи наши, и ищемъ себѣ оправданія только въ спасительныхъ заслугахъ Его, очищенія грѣховъ своихъ только въ пролитой за насъ божественной крови Его. Чѣмъ же мы засвидѣтельствуемъ это? Изъ чего видно будетъ, что дорогъ для насъ Спаситель, и что въ Немъ только мы уповаемъ найти себѣ спасеніе? Непререкаемое свидѣтельство нашего обращенія ко Христу Богу, единственное средство получить оправданіе въ правдѣ Божіей есть покаяніе.

Но обратися душе къ покаянію. Ничего столько не ждеть отъ насъ Господь, какъ нашего покаянія. Ничто такъ не любезно Ему, какъ наше искреннее, сердечное покаяніе. Первое слово его божественной проповѣди было: *покайтесь* (Матѳ. 4: 17). Въ притчѣ о блудномъ сынѣ Онъ ясно выразилъ, сколь необходимо и спасительно человѣку, и сколь пріятно милосердому сердцу Небеснаго Отца покаяніе. Покаяніе—это единственная дверь, которою входитъ человѣкъ въ Царство благодати Христовой, и дѣлаясь причастникомъ искупительныхъ заслугъ Христовыхъ, обрѣтаетъ въ правдѣ Божіей и свое собственное оправданіе и освященіе и избавленіе. Обратись же, Христіанская душа, къ покаянію! Настало время, всѣхъ освящающее и спасающее. Обратись въ покаяніи ко Христу, ждущему тебя съ любовію и готовому поднять тебя на рамена Свои, какъ овцу заблудшую! Полно блуждать тебѣ по распутіямъ міра, виѣ стада Христова. Господь тебя искушилъ, и подаетъ тебѣ готовое спасеніе. Покайся, и прими даръ благодати, оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную.

Не думаю, чтобы нужно было указать путь покаянія, учить кающихся каяться. Образецъ уже представленъ. Это кающаяся Евангельская блудница. *Яко блудница зовущи со слезами: Господи, помилуй мя!* Примѣръ, братіе, живой. Тутъ ясно видно, какъ намъ должно каяться, чтобы получить милость отъ Бога и оставленіе грѣховъ. Что побудило блудницу прійти ко Христу, какъ не чувство своихъ грѣховъ и не вѣра, что Христось пришелъ грѣшниковъ спасти? Отчего у нея пролились потоки слезные, какъ не отъ полноты любви къ благодѣтелю своему и Искупителю Богу? Чѣмъ она испрашивала милость отъ Господа, какъ не слезною молитвою:

Господи, помилуй мя! Дѣло, какъ видите, братіе, ясно говоритъ за себя. Будемъ и мы поступать также. Расторгнемъ сердца свои сокрушеніемъ о грѣхахъ, печалію по Бозѣ, обратимся къ Спасителю нашему Иисусу Христу съ вѣрою, съ любовію, въ слезныхъ молитвахъ. Настало время, всѣхъ освящающее, время благодати, дни спасенія. Пусть непрестанно слышится въ насъ вопль души кающейся: *Господи, помилуй мя!* Богатый въ милости, Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 10.

Потребность частаго поста и покаянія.

Господи благослови!

Господи, прости мнѣ прегрѣшенія моя, елика Ты отъ юности моя, даже до настоящаго дне и часа сохранихъ. (Молитв. 10 ко причащ.).

Опять, братіе, постъ, опять слово о грѣхахъ, опять дѣло покаянія. Давно ли, кажется, былъ Великій постъ, давно ли всѣ мы исповѣдывали грѣхи и каялись, давно ли говѣли и освящали себя великимъ Христіанскимъ таинствомъ тѣла и крови Христовой? И неужели опять мы грѣшники? Неужели опять повинны Богу? Ахъ, братіе! *Кто чистъ будетъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его на землѣ?* (Іов. 14: 4, 5). *Много сохраниаемъ вси* (Іак. 3: 2). Много, много уже нагрѣшили мы и послѣ Великаго поста, со времени послѣдняго нашего покаянія, много (сознаемся, братіе), много нагрѣшили и въ минувшіе дни великой Пятидесятницы, не смотря на святость воспоминаемыхъ въ ней божественныхъ событій. Какъ же теперь опять не думать и не говорить намъ о своихъ грѣхахъ? Какъ не видѣть нужды въ новомъ и почти непрестанномъ, покаяніи? Поймите же, братіе, необходимость и пользу установленія въ Церкви Православной какъ настоящаго, такъ и другихъ въ теченіе года постовъ, и призванія ревнующихъ о своемъ спасеніи къ очищенію грѣховъ покаяніемъ.

Много нагрѣшили мы уже и со времени прошедшаго Великаго поста, только въ нѣсколько недѣль; а сколько же въ цѣлую жизнь? Сколько со времени явленія нашего на свѣтъ по настоящее время, *отъ юности даже до настоящаго дне и часа?* Страшно и подумать! Не только одного дня, но и одного часа не бываетъ у

насъ безъ грѣха, и не только безъ грѣха, но и безъ многихъ грѣховъ. Сложите же наши грѣхи за одинъ день, сложите потомъ за недѣлю, сложите за цѣлый годъ, сложите за всю жизнь въ пятьдесятъ, въ шестьдесятъ, въ семьдесятъ лѣтъ—какая составитя ужасная сумма грѣховъ! Можно ли найти на счетахъ человѣческихъ число, опредѣляющее количество нашихъ грѣховъ? А грѣхи всего человѣческаго рода, грѣхи всѣхъ временъ, отъ перваго грѣха Адамова до грѣховъ, нынѣ въ цѣломъ мірѣ содѣваемыхъ грѣшниками,—да что это? Не ужаснѣе ли того *множества человѣческихъ злобъ* (Быт. 6: 5), за которыя нѣкогда погибъ въ водахъ потопныхъ первый міръ? И однакожь міръ стоитъ, и грѣшники живутъ. Не посылаетъ Богъ на землю новаго потопа. Что я говорю? Послалъ Богъ благословеніе на землю. Послалъ потопъ, но для потопленія грѣховъ, а не грѣшниковъ. Все бремя грѣховное взялъ на Себя Сынъ Божій, Спаситель міра; *всѣ грѣхи наша свергъ въ море* страданія Своего, *всѣ неправды наша погрузилъ* въ искупительной Крови Своей (Мих. 7: 19). О, какая неизмѣримая пучина благоутробія Божія! Какая неизслѣдимая бездна любви, милосердія и благодати Божіей! Послалъ Богъ на грѣшный родъ человѣческой и огонь,—да какой, не палящій и потребляющій, а обновляющій и возсозидающій,—огонь спасительной благодати, въ огненномъ явленіи Святаго Духа на Апостоловъ. Счастливые человѣки! Вотъ что сдѣлалъ человѣколюбецъ Богъ съ грѣшнымъ человѣческимъ родомъ! Ахъ, Христіане! Ежели кому, то намъ-то бы и слѣдовало показать въ себѣ обновленіе жизни, какъ плодъ искупленія нашего. Не грѣшить бы уже надлежало намъ, а пребывать въ дарованной намъ благодати, соблюдая себя чистыми и непорочными. Не грѣхъ уже любить, а Господа Бога нашего, столько возлюбльшаго насъ, и столько благодѣющаго намъ. Не веселиться бы, по-прежнему, съ міромъ, въ угоду своимъ страстямъ, а плакать, или плачемъ по Бозѣ, или слезами радости, благодаренія, прославленія Избавителя нашего Бога. Такъ ли мы поступаемъ съ подобными себѣ? Не бываемъ ли благодарными, какъ скоро кто либо окажетъ намъ хотя одно какое либо благодѣяніе? Не любимъ ли его, не остерегаемся ли чѣмъ либо огорчить его? А Богъ? Какое благодѣяніе оказалъ намъ, и не намъ однимъ, а всему человѣческому роду, искупивъ міръ отъ вѣчной смерти смертію Сына Своего? О, Ему Единому намъ слѣдовало бы благоугождать, *вся дни проводить въ преподобіи и правдѣ* (Лук. 1: 75), всю жизнь посвятить на *служеніе Богу живу и истину* (Евр. 9: 14).

Такъ бы надлежало намъ, братіе, поступать: но такъ ли по-

ступаемъ? Ахъ! Доколѣ мы будемъ столь равнодушны къ себѣ, такъ невнимательны и безпечны о своихъ душахъ? Доколѣ будемъ оскорблять Духа Божія, пренебрегать благодатию Христовою, *нерадѣть о кротости и долготерпѣніи Божіи?* (Рим. 2: 4). Получили такую необычайную милость отъ Бога во Христѣ, очистились отъ грѣховъ покаяніемъ и причащеніемъ Св. Тайнъ, и опять предаемся грѣхамъ съ прежнею свободою, какъ будто грѣхи не значатъ ничего, какъ будто можно намъ удержать въ себѣ благодать Божію, не расставаясь съ грѣхами! Благо еще намъ, что Господь продолжаетъ къ намъ милость Свою, *долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе придутъ* (2 Петр. 3: 9). Благо, говорю, намъ, что Господь медлитъ праведнымъ Своимъ судомъ. А то бы пагуба наша неизбѣжна. Однавожь придетъ *день Господень, день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2: 5), и какъ онъ придетъ? *яко тать въ ноци* (2 Петр. 3: 10), незамѣтно и неожиданно,—пошлетъ Господь новый огненный потопъ на землю, *одождитъ на грѣшники съти, огонь и жупелъ и духъ буренъ* (Пс. 10: 6). Да, братіе, *Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6: 7). *Волею согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрътается жертва; страшно же нѣкое чаяніе суда и огня ревность поаясти хотящаго сопротивныя* (Евр. 10: 26, 27). *Ибо Богъ нашъ огонь поядай есть* (Евр. 12: 29).

Примемъ же, братіе, наказаніе отъ Бога, съ усердіемъ и любовію будемъ усвоять себѣ искупительную благодать Сына Божія, *да не когда прогнѣвается Господь, и погибнемъ отъ пути праведнаго* (Пс. 2: 12), на которомъ поставила насъ спасающая насъ милость Божія. *Явися бо благодать Божія спасительная всемъ чловѣкомъ, наказующе насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2: 12, 13, 14). *Да не царствуетъ убо, да не господствуетъ болѣе въ насъ грѣхъ* (Рим. 6: 12). Будемъ всемѣрно избѣгать грѣховъ, разлучающихъ насъ съ Богомъ и отъемлющихъ у насъ благодать Божію, а о содѣянныхъ, и по немощи пави содѣваемыхъ будемъ непрестанно молить милостиваго Господа и Владыку, да проститъ намъ *вся грѣхопаденія наша, вольная и невольная, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, предъявленная и забываемая, яже въ дѣяніи, яже въ помысленіи, яже*

въ словеси, яже во вѣсѣхъ нашихъ житіяхъ и движеніяхъ (Молит. въ недѣл. Пяťдесят.). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 11.

Памятованіе грѣховъ—способъ исправленія челоуѣка.

Господи благослови!

Уже довольно мы, братіе, говорили о грѣхахъ. Не мало говорили и о своихъ грѣхахъ. Говорили, что много мы грѣшимъ; грѣшили всю жизнь, грѣшимъ каждый день и каждый часъ. Что дѣлали вчера, что дѣлали за недѣлю, за годъ, за нѣсколько лѣтъ ранѣе, то же дѣлаемъ и нынѣ, и всегда. Что это за причина? Отчего мы не перестаемъ грѣшить? Отчего не начинаемъ хотя менѣе грѣшить? Отчего не оставляемъ хотя нѣкоторыхъ грѣховъ? Просто отчего мы не исправляемся? Отчего и не начинаемъ, даже не думаемъ исправляться? Сколько было ужъ въ жизни постовъ, и великихъ и малыхъ, сколько говѣній и исповѣдей,—и все ничего! Сколько разъ слышали мы изъ устъ духовника внушеній беречься отъ грѣховъ, въ слѣдующихъ словахъ: *Отъ сихъ вѣсѣхъ*, т. е. грѣховъ, *отнынѣ долженъ еси блжстися и да положиши начало благое помогающе тебѣ Богу* (Чин. исповѣд.),—и опять безъ пользы. Все это ежели и выслушаемъ, такъ ни мало не поставляемъ себѣ въ урокъ, а выходя изъ церкви, и вовсе забываемъ. Ничто такимъ образомъ не приноситъ намъ пользы: ни посты, ни исповѣдь, ни другія благодѣтельныя мѣры Св. Церкви не исправляютъ насъ и не удерживаютъ насъ отъ грѣховъ. Какая тому причина? Неужели мы такъ немощны, столь безсильны, что ни мало не можемъ противиться грѣху? Неужели грѣхъ обратился въ нашу природу, такъ что мы и жить не можемъ безъ грѣха? Напрасно. Причина и притомъ главная причины неисправности нашей есть собственная наша невнимательность и беспечность. По этой крайней невнимательности у насъ и посты совершаются безъ воздержанія, и говѣніе безъ благоговѣнія, и покаяніе безъ раскаянія, и исповѣдь безъ полного и искренняго исповѣданія грѣховъ. Все дѣлается какъ будто за одинъ обрядъ, за одинъ обычай. А далѣе? Затѣмъ опять начинается прежняя жизнь, о грѣхахъ же, въ которыхъ каялись, и помину нѣтъ, какъ будто они грѣхами являются только на исповѣди. Какъ же послѣ этого быть исправленію? Станемъ ли мы удерживаться отъ грѣховъ, о которыхъ и не думаемъ? Такъ вотъ, братіе, изъ многихъ

способовъ одинъ къ удержанію намъ себя самихъ отъ продолженія грѣховъ, способъ къ нашему хотя постепенному исправленію. Самъ Богъ предлагаетъ намъ его, и именно какъ наставленіе, послѣ исповѣди, послѣ прощенія прежнихъ грѣховъ предостереженіе отъ новыхъ. *Азъ есмь, говоритъ Онъ чрезъ пророка, Азъ есмь заглаждай беззаконія твоя и грѣхи твоя, и не помяну. Ты же помни* (Исаія 43: 25, 26).

Что это значить, что Богъ послѣ покаянія нашего предаётъ забвенію наши грѣхи, а намъ повелѣваетъ помнить ихъ? Вотъ эт^о и есть, что намъ полезно и нужно помнить свои грѣхи; чрезъ это мы можемъ удерживать себя отъ новыхъ грѣховъ. Богъ, прощая намъ грѣхи, какъ милосердый и непамятозлобивый, не хочетъ и помнить ихъ. *Беззаконникъ еще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, вся содѣшанія его не помянутся ему* (Иезек. 18: 21, 22), говоритъ Господь. А намъ заповѣдуетъ помнить свои грѣхи,—для чего? Для нашей пользы. Полезно намъ помнить свои грѣхи, и послѣ покаянія и исповѣди, и всегда. *Ты же помни. Ужъ не говоримъ о тѣхъ, которые живутъ, не зная грѣховъ, и на исповѣди только повторяютъ за духовникомъ грѣхи, какъ чужіе, а не свои. Что тутъ помнить? Что кому невѣдомо, чего у кого не было ни въ сознаниі, ни въ чувствѣ, о томъ какое воспоминаніе? Говоримъ о тѣхъ, которые имѣютъ познаніе о грѣхахъ, сознаютъ ихъ въ себѣ, чувствуютъ ихъ, каются въ нихъ, и послѣ—опять обращаются на тѣ же грѣхи, съ забвеніемъ и того, что они уже виновны въ нихъ, и того, что уже калялись въ нихъ, и обѣщались воздерживаться отъ нихъ. А таковы вѣдь всѣ мы, братіе! Думаю, что никто не оскорбится такимъ признаніемъ, и сочтетъ себя дѣйствительно немощнымъ и повиннымъ Богу. Намъ-то, слѣдовательно, братіе, и нужно всегда помнить свои грѣхи,—помнить и тогда, когда мы уже калялись въ нихъ, исповѣдали ихъ, и даже получили отъ духовника разрѣшеніе въ нихъ. *Грѣхи твоя не помяну, говоритъ Господь, ты же помни.* Въ чемъ состоитъ эта память о грѣхахъ? Въ живомъ представленіи какъ вообще нашего недостойнства и окаянства, такъ и въ частности содѣянныхъ нами донныѣ тѣхъ и другихъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и особенно тяжкихъ грѣховъ; въ живомъ представленіи милосердія и долготерпѣнія Божія, что Богъ, вслѣдствіе покаянія нашего, простилъ намъ наши грѣхи, и затѣмъ ожидаетъ нашего исправленія, ожидаетъ, чтобы мы не обращались болѣе на прежніе грѣхи и не оскорбляли Его любви и милосердія, готоваго всегда миловать насъ, но подѣ условіемъ измѣненія и обновленія*

нашей жизни. Такая память о грѣхахъ, такое постоянное сознание грѣховъ, и особенно тяжкихъ грѣхопаденій нашихъ, естественно поражаетъ наше внутреннее чувство, представляетъ омерзительнымъ грѣхъ, утишаетъ наши страсти, предохраняетъ отъ новыхъ паденій, и, въ случаѣ искушенія и соблазна, поставляетъ человѣка въ борьбу съ искушеніемъ и соблазномъ, и, при содѣйствіи благодати Божіей, можетъ сдѣлать его побѣдителемъ грѣха. Не станете же думать о своихъ грѣхахъ,—что тогда будетъ? Вѣдь забытые грѣхи легко и свободно повторяются. Что насъ удержитъ отъ повторенія грѣховъ, если мы не думаемъ о грѣхахъ, не страшимся грѣховъ и какъ будто не считаемъ грѣха за грѣхъ? Не это ли и есть причиною того, что ежегодно приносимое нами покаяніе и исповѣдь во грѣхахъ почти не приносятъ намъ пользы, что мы, за всѣмъ тѣмъ, ни мало не оставляемъ прежнихъ грѣховъ, и нисколько не дѣлаемся лучше?

Ахъ, братіе! Какъ грѣшникамъ не помнить своихъ грѣховъ! Грѣхи у грѣшника всегда должны быть въ памяти и чувствѣ, дабы постоянно питать отвращеніе отъ нихъ. Вонъ какъ Пророкъ Давидъ тревожился сознаниемъ и чувствомъ содѣяннаго грѣха. Грѣхъ его всегда поражалъ его совѣсть, такъ что онъ какъ будто сейчасъ былъ сдѣланъ имъ. *Беззаконіе мое азъ знаю*, говорилъ онъ, *и грѣхъ мой предо мною есть вину* (Пс. 50: 5). Что же будетъ, если мы не станемъ помнить своихъ грѣховъ? Вѣдь тогда можно и забыть, что мы—грѣшники. Да такъ и есть. Посмотрите-ка на жизнь нашу. Свидѣтельствуетъ ли она о сознаниіи нами нашей грѣховности, видно ли изъ дѣлъ нашихъ, что мы считаемъ себя преступниками предъ Богомъ, которыхъ въ будущемъ ждетъ вѣчное осужденіе, если мы не оставимъ своихъ грѣховъ? Не противное ли показываетъ наша единственная забота о временномъ и земномъ,—о томъ, какъ бы только жить спокойно, весело, счастливо, какъ бы выполнить всѣ свои прихоти, схватить всевозможныя удовольствія? Посмотримъ-ка и на самихъ себя! Такова ли наша вѣра, таково ли расположеніе къ Богу, такова ли молитва, какія приличны грѣшникамъ, ожидающимъ милости и спасенія себѣ только отъ Бога? Такими ли мы представляемъ себя во всѣхъ состояніяхъ нашей жизни, какими должны быть грѣшники? Ежели мы здоровы, счастливы, живемъ въ довольствѣ и чести, видимъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ хорошій успѣхъ, то обыкновенно забываемся, мечтаемъ о себѣ, во всемъ видимъ только себя, какъ будто дѣйствительно всего этого мы достойны, какъ будто все это зависитъ и происходитъ только отъ насъ самихъ, а

не отъ распоряженія благодѣтельной десницы Божіей, ведущей всякими путями грѣшника къ покаянію и исправленію. А ежели постигаетъ насъ несчастіе, поражаетъ болѣзнь, грозитъ смерть, предаемъя унынію, ропоту, страху, какъ будто незачто насъ наказывать Богу, какъ будто не опредѣлено намъ и умирать. О, если бы мы помнили свои грѣхи, то совѣмъ было бы другое! Не гордиться стали бы тогда, а смиряться, не роптать и малодушествовать, а предавать себя въ волю Божію; тогда скорѣе признали бы себя достойными наказанія, а не милости отъ Бога, и несчастіе сочли бы для себя небеснымъ голосомъ, взыскающимъ грѣшника и призывающимъ его къ покаянію, а благоденствіе и счастье дѣломъ Промысла, испытующаго нашу вѣру и нашу любовь къ Богу и къ ближнему. Если бы мы помнили свои грѣхи, то старались бы сколько можно ближе быть къ Богу, сколько можно чаще ходить въ храмъ Его, сколько можно усерднѣе молиться Ему и просить у Него милости и оставленія грѣховъ. Если бы мы помнили свои грѣхи, то болѣе бы ненавидѣли ихъ, болѣе удерживались отъ нихъ; тогда сдѣлались бы мы и болѣе внимательными къ себѣ, и болѣе попечительными о себѣ, тогда стали бы избѣгать не только самыхъ грѣховъ, но и всякихъ поводовъ ко грѣхамъ, которыми такъ богата настоящая свободная жизнь наша. А такимъ образомъ стали бы мало-по-малу и исправлять себя, приходивъ въ лучшее и лучшее состояніе по образу вѣры и духа жизни Христіанской.

Много, много, братіе, зависитъ исправленіе наше отъ памятованія нашихъ грѣховъ. А исправленіе жизни, знаете, необходимо намъ, какъ и всякому Христіанину. Слово Божіе громко вопіетъ во уши каждаго безпечнаго и коснѣющаго во грѣхахъ грѣшника. *Престаните*, говоритъ, *отъ лукавствъ вашихъ* (Исаія 1: 16); *исправите сердца ваша* (Іак. 4: 8). Что будетъ съ нами безъ исправленія? Примѣръ уже представленъ въ смоковницѣ. Смоковница нѣсколько лѣтъ не приносила плода. Ждалъ, ждалъ отъ нея виноградарь плода, и наконецъ, какъ бесплодную, велѣлъ срубить ее (Лук. 13: 6—9). То же можетъ быть и съ грѣшниками, пребывающими во грѣхахъ своихъ безъ исправленія. Небесный Виноградарь повелитъ наконецъ прекратить жизнь грѣшника. А тамъ что? Опять горькій примѣръ. Одинъ, послѣдуя призыву царя на брачный пиръ сына своего и не подумавъ о своемъ недостойнствѣ, вошелъ въ чертогъ царя не въ брачной одеждѣ. Что же? Царь спросилъ его: *како вшелъ еси, сѣмо, не имый одѣянія брачна?* И потомъ, когда тотъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе, приказалъ слугамъ: *возмите его, и вер-*

жите во тму кромѣшную (Мате. 22: 1—13). Не такъ ли поступлено будетъ и съ каждымъ Христіаниномъ, который, пользуясь однимъ званіемъ Христіанства, явится на тотъ свѣтъ безъ одежды благихъ дѣлъ и непорочной жизни? О, не забывай себя, каждая Христіанская душа, повторай какъ можно чаще молитву ко Господу: *Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія* (Молитв. Св. Ефр.). *Господи, исправи предъ Тобою путь мой* (Псал. 5: 9), да и азъ со всѣми избранными воспою Тебѣ: Боже нашъ, слава Тебѣ.

ПОУЧЕНІЕ 12.

Совѣсть — неусыпный стражъ надъ человѣкомъ.

Господи благослови!

Ужѣ болѣе, братіе, голосовъ, побуждающихъ насъ къ добру и предотвращающихъ насъ отъ грѣховъ, тѣмъ болѣе мы виновны, и тѣмъ менѣе для насъ извиненія въ нашихъ грѣхахъ. А такихъ голосовъ много, братіе, очень много. Самъ Богъ, давъ законъ въ десятословіи, научаетъ и побуждаетъ насъ избѣгать грѣховъ. Сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, проповѣдавъ Евангеліе Царствія Божія, заповѣдалъ вѣрующимъ и покаянiе и воздержаніе отъ грѣховъ. Святая Церковь ежедневными чтеніями и пѣснопѣніями, Пастыри церковные нерѣдкими поученіями увѣщываютъ Христіанъ къ святой и непорочной жизни. А знаете ли, братіе, еще ближайшихъ учителей жизни добродѣтельной и увѣщателей, къ воздержанію нашему отъ грѣховъ, такихъ учителей и увѣщателей, голосъ которыхъ постоянно слышенъ каждому, которые всегда съ нами, — что я говорю? Они всегда въ насъ, въ нашей душѣ; съ ними мы рождаемся, съ ними живемъ, съ ними пойдѣмъ и на тотъ свѣтъ. Кто это такіе учителя и увѣщатели наши? Совѣсть, страхъ, стыдъ. Вотъ откуда еще получаемъ мы себѣ наставленія къ добрымъ дѣламъ! Вотъ кто еще наши защитники и охранители насъ отъ худыхъ дѣлъ. Скажемъ сегодня нѣчто о совѣсти.

Что такое совѣсть? Тайная сила души, которая имѣетъ особенное вліяніе на человѣка, располагаетъ имъ, движетъ имъ, побуждаетъ его, останавливаетъ его, угрожаетъ ему, увеселяетъ его, обличаетъ его и мучаетъ его. Была ли совѣсть у человѣка въ первобытномъ его состояніи? Безъ сомнѣнія была. Совѣсть есть естественная сила человѣка. Какъ умъ, память и внутреннее чувство суть естественныя способности человѣка, такъ и совѣсть, которая дѣйствуетъ въ соучастіи съ оными способностями, есть естественная сила чело-

вѣка, и поэтому не было и нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ совѣсти и въ которомъ бы совѣсть не проявляла такъ или иначе своей силы. Св. Апостоль Павелъ, изображая естественное состояніе человѣческаго рода, говоритъ о язычникахъ: *языцы не имуще закона, сами себе суть законъ, спослушествующей имъ совѣсти* (Рим. 2: 14, 15). Совѣсть первобытнаго человѣка также должна была дѣйствовать на него, представлять ему собственное его блаженство, побуждать его въ исполненію заповѣди Божіей, а за исполненіе воли Божіей увеселять его и обѣщать ему большую и большую любовь и милость отъ Бога и Творца и высія, и высія райскія наслажденія, по мѣрѣ преуспѣянія его въ любви и покорности Богу и Творцу. Но тѣмъ и оканчивались дѣйствія совѣсти въ первобытномъ человѣкѣ. Другія потивоположныя дѣйствія ея, какія мы видимъ теперь, тогда не имѣли мѣста. Угрозы, обличеніе, угрызеніе, осужденіе—это уже дѣйствія совѣсти на грѣшника. Они и явились послѣ грѣха. Они свидѣтельствуютъ о нашемъ паденіи, о нашемъ поврежденіи своей природы, о нашемъ расположеніи уже не столько къ добру, сколько къ злу, и болѣе къ злу, чѣмъ къ добру. Такъ совѣсть человѣка нынѣ уже имѣетъ двоякія дѣйствія на человѣка, какъ двоякія дѣйствія самого человѣка. Какъ человѣкъ въ настоящемъ состояніи дѣлаетъ и добро, и зло, совершаетъ и хорошія, и худыя дѣла, такъ и совѣсть нынѣ и утѣшаетъ, и угрызаетъ человѣка; утѣшаетъ, когда онъ дѣлаетъ добро; угрызаетъ и осуждаетъ его, когда онъ дѣлаетъ зло. Да, совѣсть неустанно бодрствуетъ надъ человѣкомъ. Это—неусыпный стражъ его. Она и попечитель его, и властелинъ надъ нимъ; она и руководитель и помощникъ и утѣшитель въ добрыхъ дѣлахъ; она и увѣщатель, и обличитель, и свидѣтель, и судія, и мучитель въ дѣлахъ худыхъ. Посмотрите, какъ она дѣйствуетъ на человѣка. Естественно ли несчастному, напримѣръ, благодушествовать, а еще болѣе радоваться? А вѣдь это бываетъ всегда, какъ скоро человѣкъ терпитъ бѣды и несчастія безвинно, а тѣмъ болѣе за вѣру и за вѣрность Богу и святой волѣ Его. Иосифъ сидѣлъ въ темницѣ, но былъ не только самъ благодушень и спокоенъ, но и другимъ подавалъ утѣшеніе. Апостолы радовались, когда сподобились принять безчестіе за имя Господа Иисуса (Дѣян. 2: 41). Мученики шли на мученіе, какъ на пиршество, и страданія за Христа принимали, какъ почестъ и вѣнцы. Какъ же это такъ? Кто ими такъ располагалъ, кто ихъ такъ одушевлялъ, кто такъ среди сворбей утѣшалъ? Совѣсть при благодати Духа Святаго. А худыя дѣла? О, какъ за нихъ караетъ совѣсть! Ничто не защититъ чело-

вѣка отъ угрызеній ея. Будь онъ самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ, но ежели онъ виновенъ въ какомъ преступленіи, а тѣмъ паче въ какомъ либо тяжкомъ злодѣяніи, онъ несчастнѣйшій человѣкъ! Совѣсть ни на минуту не оставляетъ его въ покоѣ,—злодѣяніе его, какъ страшилище, всегда, такъ сказать, у него передъ глазами. Каинъ убійца отчего всю жизнь *былъ стень и трясыйся?* (Быт. 4: 12). Отъ угрызенія совѣсти. Кровь невиннаго брата непрестанно вопіяла во уши его.—Братья Іосифовы во всѣхъ непріятныхъ для нихъ приключеніяхъ видѣли свою вину, и всякое несчастіе приписывали своей злобѣ противъ невиннаго брата. Когда Іосифъ, искушая ихъ, приводилъ ихъ въ затруднительное и непріятное положеніе въ то время, какъ они явились къ нему въ Египтѣ; они говорили про себя: *ей, во грѣсахъ есмы брата ради нашего* (Быт. 42: 21). Кто же имъ это внушалъ, и всегда напоминалъ имъ о ихъ беззаконіи? Совѣсть. А Иродъ, убійца Предтечи? У него не выходилъ изъ памяти убіенный имъ Пророкъ. Когда прошелъ слухъ о Христѣ, какъ о великомъ Чудотворцѣ, и различные, различно рассуждая о Немъ, признавали Его за воскресшаго кого либо изъ древнихъ Пророковъ, Иродъ сказалъ: О, это долженъ быть Креститель, тотъ, котораго я усѣкнулъ; это онъ воскресъ изъ мертвыхъ (Матѳ. 14: 2). Вотъ какъ совѣсть мучить человѣка за содѣянные беззаконія! Ему вездѣ и во всемъ представляется собственное его беззаконіе. Не избѣжалъ угрызеній совѣсти и первый изъ Апостоловъ, когда отрекся отъ своего Учителя. Терзаемый ею, онъ тотчасъ ушелъ съ мѣста отреченія, чтобы горько оплакать свое паденіе. А несчастный ученикъ Христовъ, злочестивый Іуда? Отчего онъ поднялъ на себя руки, какъ не оттого, что не могъ вынести страшнаго голоса совѣсти, уворявшей его за такое страшное и непростительное беззаконіе?

Видите, братіе, какое сильное вліяніе имѣетъ на человѣка совѣсть! Видите, какъ она утѣшаетъ его за добрыя и какъ караетъ за худыя дѣла! Это вѣдь хорошо извѣстно и каждому изъ насъ. Скажите, откуда въ насъ бываетъ чувство самодовольства и спокойствія, когда мы исполнимъ какой либо долгъ Христіанскій, наприим. помолимся, попоствемся, поговоримъ, особенно если мы къ этому себя попринудимъ? Отчего намъ бываетъ пріятно и легко на душѣ, если мы сдѣлаемъ ближнему добро, если мы проведемъ время въ полезныхъ занятіяхъ, а тѣмъ паче совершимъ какой либо подвигъ на пользу общую? Какимъ образомъ мы чувствуемъ себя счастливыми, если удастся намъ выдержать себя противъ искушенія и соблазна и избѣжать пагубнаго для души нашей грѣха? Да и кто

поставляетъ насъ въ борьбу съ самими съ собою,—часто останавливаетъ, удерживаетъ насъ, когда внѣшніе соблазны, или собственныя наши страсти влекутъ насъ во грѣхъ? Все это дѣлаетъ въ насъ совѣсть съ хранителемъ нашимъ Ангеломъ. Напротивъ, какъ намъ бываетъ тяжело, когда укоряетъ насъ въ чемъ либо совѣсть? Когда мы видимъ, что другіе дѣлаютъ что либо доброе и святое, чего однакожь не дѣлаемъ мы; вотъ ужъ намъ бываетъ и неловко, совѣсть какъ будто говоритъ намъ: „вотъ другіе дѣлаютъ, а вы отъ чего не дѣлаете? Вѣдь это и вамъ дѣлать должно“. Ежели мы не исполнили того, чего требуетъ отъ насъ долгъ Христіанскій, или обязанность общественная, или же и исполнили, но исполнили нерадиво, неисправно, безъ пользы: мы бываемъ тогда сами собой недовольны. Ежели не сдѣлали другимъ того, что могли сдѣлать въ пользу ихъ, а тѣмъ болѣе ежели сдѣлали то, что смутить ко вреду ихъ, если, наприм., соблазнили и вовлекли кого въ грѣхъ, или нанесли кому стыдъ и безчестіе, или причинили несчастіе: о, тогда мы скорбимъ, жалѣемъ, окаяемъ себя; тогда намъ тяжело, досадно, горько. Отчего это? Отъ угрызений совѣсти. Она тогда преслѣдуетъ насъ со всею силою, обличаетъ, осуждаетъ, караетъ насъ, какъ преступниковъ, хотя бы никто насъ не судилъ, хотя бы никто нашихъ дѣлъ даже не зналъ. Дивная сила въ человѣкѣ — совѣсть. Отъ нея никуда не уйдешь, нигдѣ не скроешься; — она вездѣ съ нами, все видитъ, всѣ не только дѣла, но и мысли и намѣренія наши знаетъ. Для нея ничего нѣтъ тайнаго, у нея и ночь, какъ день. Какой чудный стражъ поставленъ надъ человѣкомъ отъ Творца! Этотъ стражъ преимущественно хранить благосостояніе и порядокъ и въ обществѣ. Ибо кто даетъ силу законамъ и власти, какъ не совѣсть? Кто заставляетъ каждаго дѣлать то, чего можно и не дѣлать, наблюдать исправность, когда безъ вреда можно быть и неисправнымъ; хранить честность и вѣрность, когда безъ потери видимой чести можно быть и нечестнымъ и невѣрнымъ, — кто, какъ не совѣсть? Кто удерживаетъ отъ такихъ грѣховъ, которые содѣваются втайнѣ, и отъ такихъ преступленій, слѣды которыхъ могутъ быть сокрыты, — кто опять, какъ не совѣсть? Уберите же эту стражу, заглушите голосъ совѣсти шумомъ страстей,—что тогда будетъ? Своеволіе, безначаліе, всеобщая пагуба. Ничто тогда не остановитъ человѣка на пути порока. Не сильны будутъ для него никакіе законы, не страшна никакая человѣческая власть, или лучше, тогда и самая власть, не руководствуемая совѣстію, будетъ преступна, оставаясь или безсильною или насильною.

Такова, братіе, совѣсть. Такъ силенъ и благодѣтеленъ голосъ ея. Она дѣйствуетъ на каждаго человѣка, слѣдитъ за всѣми его поступками,—она неразлучна съ нимъ во всю настоящую жизнь. А далѣе? По смерти, въ будущей жизни! И тамъ, и тамъ она съ человѣкомъ, и на цѣлую вѣчность. Тамъ голосъ ея еще дѣйствительнѣе, — тамъ она будетъ составлять или блаженство человѣка, или мученіе его. Непремѣнно такъ. Вѣдь и здѣсь, когда совѣсть увеселяетъ насъ болѣе, какъ не послѣ какого либо добраго дѣла, какого либо святаго подвига? А прещеніе, уворизны, мученіе отъ нея когда болѣе чувствуетъ человѣкъ, какъ не послѣ грѣха? Въ минуты грѣха страсть и обаяніе грѣха заглушаютъ въ человѣкѣ совѣсть, а послѣ грѣха, когда притихнетъ насыщенная грѣхомъ страсть и пройдетъ грѣховное ослѣпленіе,—вотъ тогда совѣсть начинаетъ терзать человѣка невыносимою, самую лютою скорбію. Такъ будетъ и на томъ свѣтѣ, когда пройдетъ вѣкъ суеты, разсѣются всѣ прелести міра, прекратятся всѣ грѣховныя наслажденія. Тогда совѣсть явится во всей своей силѣ и будетъ для праведниковъ истиннымъ Ангеломъ Утѣшителемъ, а для грѣшниковъ червемъ неумирающимъ. Содружная съ Ангеломъ Хранителемъ — совѣсть добрая вѣчно будетъ увеселять праведниковъ, представляя имъ содѣянные ими во времени добрыя и свята дѣла, а совѣсть развращенная—она, какъ червь, вѣчно будетъ грызть грѣшниковъ, напоминая имъ грѣхи и терзая ихъ бесплоднымъ раскаяніемъ.

Будемъ, братіе, *благою совѣстію жить* предъ Богомъ (Дѣян. 23: 1), и предъ людьми, и имѣть совѣсть свою непорочную (Дѣян. 24: 16). Будемъ всегда внимать благодѣтельному голосу своей совѣсти, и, по наставленію ея, держать себя на пути добрыхъ дѣлъ, творя волю Божию и заповѣди Божіи, отъ пути же нечестія и грѣха уклоняться, противясь силѣ страстей и соблазновъ міра. А когда, по немощи нашей, согрѣшимъ и услышимъ внутри себя голосъ, обличающій и осуждающій насъ, поспѣшимъ не медля успокоить совѣсть свою, искреннимъ слезнымъ раскаяніемъ предъ Богомъ, чтобы намъ отойти отъ міра сего *безъ зазрѣнія сердца, съ дерзновеніемъ къ Богу* (1 Іоан. 3: 21), чтобы совѣсть наша была на томъ свѣтѣ вѣчнымъ нашимъ утѣшителемъ въ блаженствѣ праведныхъ, а не мучителемъ подобно червю, терзающимъ насъ въ мукѣ вѣчной. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 13.

Страхъ—оковы для человѣка грѣшника.

Господи благослови!

А другая сила въ природѣ человѣка, дѣйствующая на него и побуждающая его стремиться къ добру и удаляться отъ зла, есть, какъ сказали мы, *страхъ*. Страхъ есть внутреннее чувство, исполняющее человѣка и овладѣвающее имъ нерѣдко до потрясенія всего существа его. Онъ является въ различныхъ видахъ, или какъ чувство брѣнности и недостойнства предъ высшимъ Существомъ, или какъ чувство виновности и чаемаго осужденія, или какъ чувство при встрѣчѣ неожиданныхъ различныхъ бѣдъ и золъ.

Страхъ, какъ чувство недостойнства, брѣнности и ничтожества составляетъ высокую Христіанскую добродѣтель, *благословіе* и богобоязненность и есть собственно принадлежность святыхъ и благочестивыхъ. Это священный и богопріятный страхъ. Онъ не чуждъ и на небѣ, среди славы божественной и блаженства праведныхъ. Тамъ со страхомъ служатъ Ангелы, окружая престолъ Вседержителя Бога и повергаясь предъ неприступною славою Его, съ благоговѣніемъ поклоняются Ему, какъ твари Творца. Подобнымъ безъ сомнѣнія, страхомъ исполненъ былъ и первозданный человѣкъ. Находясь въ раю сладости, и видя себя такъ возвеличеннымъ отъ Творца, но въ то же время сознавая, что все это даровано ему по неизреченной благодати Божіей, онъ не могъ не благоговѣть предъ своимъ Благодѣтелемъ, Творцемъ и Богомъ, съ Которымъ и пребывалъ, яко непорочный и безгрѣшный, въ постоянномъ общеніи. Этотъ страхъ, безъ сомнѣнія, былъ не тревожный, не прискорбный, а тихій, чистый, сладостный, который не только не нарушалъ блаженства человѣка, но еще усугублялъ его, поставляя человѣка въ ближайшее отношеніе къ Источнику блаженства.

Но вотъ послѣ паденія страхъ человѣческой является уже и въ другихъ видахъ, является какъ чувство скорби, болѣзни, чувство, поражающее человѣка и часто приводящее его въ содроганіе и оцѣпенѣніе. Причиною тому грѣхъ. Грѣхъ сдѣлалъ человѣка, какъ виновника, страшливымъ и заставилъ его всего бояться, предъ всѣмъ приходитъ въ трепеть. Представить ли онъ себѣ Бога Творца своего? Онъ, какъ преступникъ, видитъ въ Немъ уже грознаго Владыку и Судію,—и приходитъ въ трепеть. Встрѣтится ли съ поставленною отъ Бога на землѣ властію? Видимъ и на ней знаме-

ніе той же вседержительной силы власти, преслѣдующей грѣхъ и карающей грѣшниковъ,—и приходитъ въ трепеть. Посмотритъ ли на себя, на свою природу, на свое состояніе, на свои дѣла? Видитъ, что онъ въ бѣдственномъ состояніи, и какъ виновникъ, какъ преступникъ, котораго ждетъ казнь и временная и вѣчная, говорить: *окаяненъ азъ человекъ* (Рим. 7: 24),—и приходитъ въ трепеть. А вотъ бѣды и несчастія, такого и иного рода, которыя поражаются надъ нимъ, или и надъ цѣлымъ обществомъ, болѣзни, смерть, наводненія, пожары, голодъ, язва, война,—видитъ это человекъ—и приходитъ въ трепеть. Нельзя грѣшнику, изгнанному изъ рая и осужденному на бѣдственную жизнь во времени, и еще болѣе бѣдственную въ вѣчности, нельзя ему быть безъ страха. Ежели праведники, представляя съ одной стороны величіе и святость Бога, съ другой—свою немощь и недостойнство, приходятъ въ благоговѣйный трепеть, то грѣшнику ли можно быть безъ страха предъ высочайшею силою и властію, среди бѣдъ вольныхъ и невольныхъ, и настоящихъ и будущихъ?

Но страхъ, какъ благоговѣніе предъ Богомъ, составляя самъ собою добродѣтель человекъ, служить вмѣстѣ для него и побужденіемъ къ добрымъ дѣламъ, и обузданіемъ его отъ худыхъ дѣлъ. *Страхъ Господень даръ отъ Господа* (Сирах. 1: 13), говоритъ древній благочестивый мудрецъ. Подлинно это даръ *свыше отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1: 17), сообщаемый человекъ къ собственному его спасенію. Какъ чувство твари брهنной, немощной, во всемъ зависящей отъ Творца, страхъ дѣлаетъ человекъ богобоязненнымъ, благоговѣйнымъ предъ Богомъ, научаешь его смиренію, покорности судьбамъ Всевышняго и располагаетъ его къ исполненію воли Божіей. *Блаженъ мужъ бояйся Господа*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *въ заповѣдяхъ Его восхоцетъ зло* (Пс. 111: 1). Таковъ страхъ дѣлаетъ человекъ даже боголюбезнымъ. *На кого воззрю*, говоритъ Самъ Господь, *только на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаія 66: 2). Корнилій сотникъ сподобился величайшаго благоволенія отъ Бога—за что? За то, что онъ былъ *мужъ благоловыйнъ и бояйся Бога* (Дѣян. 10: 2). Какъ чувство твари, повинной Богу и боящейся гнѣва Божія за несоблюденіе воли Божіей, страхъ предохраняетъ человекъ отъ худыхъ и богопротивныхъ дѣлъ, и заставляетъ его творить добро и всегда угодное предъ Богомъ. Когда Іосифа постигло искушеніе въ дому царедворца Египетскаго, онъ сказалъ: *како сотворю глаголъ злыи сей, и сохрѣшу предъ Богомъ* (Быт. 39: 9), и бѣжалъ отъ грѣха. Пришли нѣкогда

сыны Іаковлевы въ Египеть, и представлены были въ брату своему Іосифу. Іосифъ, узнавъ отъ нихъ, что живъ еще отецъ его и братъ его, единоутробный, повелѣлъ имъ привести съ собою брата своего, а одного изъ нихъ, въ качествѣ заложника, удержалъ въ Египтѣ. Когда братья его такимъ распоряженіемъ его приведены были въ смятеніе и уныніе, онъ ободрилъ ихъ, что не сдѣлаетъ имъ никакого зла—отчего? *Бога бо азъ боюся* (Быт. 42: 18), сказалъ имъ. Повелѣлъ опять Фараонъ, царь Египетскій, убивать всѣхъ раждающихся Еврейскихъ дѣтей мужескаго пола, и это повелѣніе объявлено было Еврейскимъ повивальнымъ бабкамъ. Что же онѣ? Онѣ не исполняли богопротивнаго и безчеловѣчнаго поведѣнія Фараонова. Почему? *Убо яшася же бабы Бога*, говоритъ священный Бытописатель, *и не сотвориша якоже повелѣ имъ царь Египетскій* (Исх. 1: 17). Вотъ сколь благодѣтеленъ для человѣка страхъ Божій! Поэтому Самъ Богъ, какъ Господь и Владыка, требуетъ отъ насъ благоговѣнія и страха, и за оскудѣніе сего чувства уворяетъ: *Аще Господь есмь Азъ, то идѣ есть страхъ Мой* (Малах. 1: 6), говоритъ Онъ у Пророка.

Благодѣтеленъ для человѣка страхъ и въ другихъ видахъ. Какъ чувство подчиненности и долга, страхъ и всякую земную власть дѣлаетъ для человѣка обязательною, высокою и священною. Встрѣчаясь съ властію, человѣкъ какъ будто видитъ олицетворенную власть Бога и Творца, познаетъ чувствомъ своимъ то, чему учитъ Апостоль: *нѣсть власть аще не отъ Бога* (Рим. 13: 1), и потому какъ бы невольно дѣлается внимательнымъ, осторожнымъ, уважительнымъ и почтительнымъ къ власти, а тѣмъ самымъ располагается къ повиновенію и покорности законамъ и власти, къ вѣрному и точному исполненію воли начальства, и къ предосторожности отъ худыхъ и преступныхъ дѣлъ. По сей-то благодѣтельности страха, Св. Апостоль и предписываетъ вѣрующимъ страхъ, какъ священную Христіанскую обязанность, присовокупляя и угрозу за противныя закону и власти дѣла. *Воздадите*, говоритъ, *всѣмъ должная; ему же страхъ, страхъ* (Рим. 13: 7), *Аще ли злое твориши, бойся, не бо всуе мечъ носитъ* (власть) (Рим. 13: 4). Дѣйствительно, весьма благодѣтеленъ страхъ для человѣка тогда, когда человѣкъ представляетъ послѣдствія худыхъ и законо-преступныхъ дѣлъ, казнъ отъ Бога и отъ земной власти. Страхъ этотъ удерживаетъ человѣка отъ многихъ, не только явныхъ и открытыхъ, но и тайныхъ преступленій. Человѣкъ, при видѣ грѣха и преступленія, заранѣе трепещетъ, представляя гнѣвъ Божій и казнъ за беззаконія и видимую отъ

власти человѣческой, и невидимую отъ поражающей десницы Божіей. Не будь въ насъ страхъ,—не будетъ и уваженія власти, не будетъ и повиновенія власти, не будетъ и опасенія ни со стороны закона, ни со стороны власти,—а тогда что будетъ? Не будь въ насъ страха,—все будетъ для насъ нипочемъ, и грѣхъ—не грѣхъ и преступленіе—не преступленіе; мы неудержимо будемъ стремиться къ тому, въ чему побуждаетъ насъ грѣховная наша природа, и дѣлать то, чего требуютъ, и чѣмъ питаются наши страсти. Пагубное состояніе для человѣка—безстрашіе. А что сказать о страхѣ, какъ чувствѣ отъ находящихъ бѣдъ, отъ угрожающихъ или постигающихъ несчастій? И онъ благодѣтеленъ. Отрезвляетъ насъ въ нашемъ самозабвеніи и разсѣянности, располагаетъ къ принятію мѣръ предосторожности, и въ надеждѣ избавленія отъ бѣдъ обращаетъ насъ съ молитвою къ Богу, Помощнику въ скорбяхъ и избавителю отъ бѣдъ.

Видите, братіе, какое дивное чувство вложилъ въ насъ Творецъ,—страхъ, чтобы хотя этимъ отвращать насъ отъ худыхъ дѣлъ, и обращать на путь добродѣтели, чтобы хотя *страхомъ спасать* насъ, какъ бы *отъ огня восхищая* (Иуд. 23). Кончится ли страхъ съ временною жизнію? Страхъ нѣсть въ любви, совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ. Такъ, мучительный страхъ оканчивается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ христіанинъ воспріемлетъ отъ Господа дарованіе любви. Блаженъ, кто стяжалъ совершенную любовь! Напротивъ, что ожидаетъ насъ грѣшныхъ тамъ по смерти? Вѣдь *всѣмъ намъ явится подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. 5: 10). А каково явиться предъ лице Божіе? Страшно бываетъ явиться и къ начальнику, а тѣмъ болѣе къ царю: каково же явиться къ Богу, и для чего еще? На судъ, который не безъ причины называется страшнымъ? Ахъ! Тогда *человѣки будутъ издыхать отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную; силы бо небесныя подвижутся* (Лук. 21: 26). Кончится судъ и праведники пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники—въ муку вѣчную. Тѣ и другіе пойдутъ со страхомъ. Со страхомъ останутся и на цѣлую вѣчность. Ибо невозможно брэнной твари безъ притрепетнаго благоговѣнія быть и въ Царствѣ Небесномъ, а въ темницѣ преисподней, что иное и можетъ быть кромѣ ужасовъ отчаянія и болѣзненно мучительнаго трепета. Праведники будутъ *работать Господу съ Ангельскимъ страхомъ, и радоваться съ Серафимскимъ благоговѣніемъ* (Ис. 2: 11), а грѣшники стенать и мучиться съ ужасомъ духовъ отверженныхъ.

Научи насъ, Господи, страху Твоему; ниспосли намъ духъ страха Твоего; пригвозди страху Твоему плоти наша, и умертви

страхомъ Твоимъ уды наша сущія на земли, да избѣгнемъ нечестія и мірскихъ похотей, во всякомъ же поживемъ благочестія и чистотѣ, и тако избавлени будемъ вѣчныя муки, наслѣдуемъ же уготованное намъ отъ сложенія міра Царствіе, чтобы въ ономъ вѣчно со всѣми спасенными благодарно взывать къ Тебѣ: Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 14.

Стыдъ — свидѣтельство грѣха и опора противу грѣха.

Господи благослови!

Еще, братіе, есть дивное въ природѣ человѣка чувство, способствующее ему къ воздержанію отъ грѣховъ. Это, какъ прежде сказали мы, *стыдъ*. Дивное дѣйствительно это чувство въ человѣкѣ. Человѣкъ, объятый стыдомъ, внезапно приходитъ въ такое стѣснительное неприятное положеніе, что не знаетъ, куда дѣваться, — радъ бѣжать изъ среды людей.

Что же это за чувство? Что такое стыдъ? Стыдъ, братіе, такъ же какъ и страхъ бываетъ двухъ видовъ. Первый видъ — это *стыдливость*, чувство цѣломудрія и непорочности. Такое чувство естественно принадлежитъ возрасту дѣтскому и юношеству, яко непорочному, чуждому страстей, волнующихъ возрастъ мужескій. Имъ украшается нерѣдко и возрастъ мужескій, ежели человѣкъ любитъ хранить цѣломудріе въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, и гнушается всякимъ явленіемъ растлѣнія и грѣха. Чувство это есть добродѣтель которую и заповѣдуетъ Апостоль особенно же намъ Христіанкамъ, повелѣвая имъ *украшать себя дѣлы благими со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ* (1 Тим. 2: 9, 10). Такъ цѣломудренными и непорочными были Прародители наши, когда находились въ невинномъ состояніи. Имъ неизвѣстенъ былъ тотъ стыдъ, какой нынѣ свойственъ намъ. Бытописаніе повѣствуетъ о нихъ, что они, хотя и не имѣли одежды, *не стыдились* (Быт. 2: 25). И чего было стыдиться непорочнымъ, чистымъ? Стыдъ, въ собственномъ смыслѣ, есть знаменіе грѣха. Онъ и явился тотчасъ по паденіи, какъ видимъ на тѣхъ же Прародителяхъ нашихъ. Да, стыдъ есть сознаніе грѣха, чувство виновности, открытое явленіе нашихъ немощей, обличеніе нашихъ тайныхъ беззаконій. Мы поражаемся стыдомъ, какъ скоро дѣлаются явными наши недостатки, которые были неизвѣстны, или которые мы хотѣли скрыть отъ людей. Намъ бываетъ стыдно, когда откры-

ваются наши самолюбивыя и своекорыстныя намѣренія и дѣла, если мы, напримѣръ, представляли себя благочестивыми лицемѣрно, приносили въ церковь и подавали бѣднымъ изъ тщеславія, жертвовали на богоугодныя мѣста, въ надеждѣ получить награду. Намъ бываетъ стыдно, когда обнаруживаются худыя наши дѣла, ежели мы кого либо открыто осудили, осмѣяли, ежели кого обманули, ежели тайно чужое себѣ присвоили, ежели хитростію достигли чести, или составили себѣ состояніе. Намъ бываетъ стыдно, когда дѣлаются извѣстными наши худыя расположенія и страсти,—лицепріятіе и лесть, притворство, пронырство, зависть, злорадство; когда дѣлаются гласными наши тайныя, домашнія беззаконія, пьянство, распутство, буйство. Стыдно,—о, какъ стыдно бываетъ намъ, когда узнаютъ люди наши беззаконія и грѣхи? Какъ тяжело показаться намъ въ обществѣ. Какое мучительное чувство сжимаетъ наши сердца, какъ оно отпечатлѣвается на лицахъ нашихъ, и тѣмъ еще болѣе увеличиваетъ внутреннее наше смятеніе и скорбь. Когда въ одномъ собраніи Іудеевъ, по случаю исцѣленія Иисусомъ Христомъ скорченной женщины, старѣйшина собора, по негодованію и зависти ко Христу, далъ замѣтить передъ всѣми, якобы Христосъ, исцѣляя недужныхъ въ субботу, нарушалъ законъ Божій, Господь обличилъ его лицемѣріе и суетностію предъ всѣми,—и какъ тогда совѣстно и стыдно было всѣмъ врагамъ его! *Стыдяхуся*, замѣчаетъ Евангелистъ, *еси противляющіися Ему* (Лук. 13: 17).

Стыдно бываетъ намъ показаться въ средѣ людей, какъ скоро извѣстны дѣлаются какія либо наши худыя дѣла, даже одно какое либо преступное дѣло, одинъ предосудительный поступокъ: каково же будетъ явиться на томъ свѣтѣ, предъ Богомъ, предъ святыми Ангелами, предъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, каково слышать въ такомъ соборѣ раскрытіе и обличеніе всѣхъ нашихъ, во всю жизнь содѣянныхъ, грѣховъ, явныхъ и тайныхъ худыхъ дѣлъ, и не только худыхъ дѣлъ, но и мыслей, и намѣреній, и желаній, и всякихъ расположеній на грѣхъ?! Каково? О, тогда сами пожелаемъ, чтобы померкло солнце, не было болѣе дня и свѣта Божія. Тогда рады будемъ бѣжать, но некуда; рады будемъ укрыться, но негдѣ. Скажемъ горамъ: *падите на ны, покрыйте ны* (Апок. 6: 16), но и этого не будетъ; воззовемъ къ смерти, и она *убѣжитъ* отъ насъ (Апок. 9: 6). О, какъ надо прилежно молиться Богу о томъ, чтобы *стать непостыдными предъ Сыномъ Человѣческимъ* (Лук. 21: 36), когда Онъ *придетъ во славу Отца своего со Ангелы святыми!* (Марк. 8: 38). Какъ надо стараться избѣгать худыхъ и постыдныхъ

дѣлъ! Пусть стыдъ настоящей жизни, тотъ, который поражаетъ насъ нынѣ въ сообществѣ людей.—пусть онъ удерживаетъ насъ хотя отъ явныхъ беззаконій, отъ заторныхъ и предосудительныхъ поступковъ. Вѣдь наши худыя поступки, наши грѣхи именно и приводятъ насъ въ стыдъ. Мы грѣшники, однакожь никогда не хотимъ казаться грѣшниками. А какъ скоро грѣхи наши дѣлаются явными,—вотъ намъ и тяжело, и несносно,—вотъ и стыдно. Такъ пусть же стыдъ удерживаетъ насъ отъ грѣховъ;—станемъ остерегаться худыхъ дѣлъ, чтобы черезъ нихъ не потерять намъ въ обществѣ добраго имени и чести, чтобы не посрамить и своего Христіанскаго званія несоотвѣтственными оному дѣлами. А стыдъ будущей жизни, посрамленіе, какое понесутъ грѣшники на всемірномъ соборѣ, предъ лицомъ Бога и святыхъ Ангеловъ Его? О! этотъ стыдъ, это посрамленіе да удерживаютъ насъ отъ всѣхъ, и тайныхъ и сокровенныхъ грѣховъ, которые не вѣдомы человѣкамъ, а вѣдомы Единому Богу, *Иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и обявитъ советы сердечныя* (1 Кор. 4: 5).

Велика, братіе, благодать Божія въ человѣку. Господь Богъ такія вложилъ въ него силы и чувства, которыя располагаютъ его служить непорочно Богу и удерживаютъ отъ паденія и грѣха. Тайная сила *совѣсти* и внутреннія чувства *страха* и *стыда*—это естественные, каждому человѣку свойственные и никогда въ насъ не умолкающіе голоса, останавливающіе насъ на пути къ пороку и возвышающіе на путь къ добродѣтели, голоса, постоянно свидѣтельствующіе о нашемъ паденіи и всегда представляющіе нашъ грѣхъ страшнымъ и пагубнымъ. Горе намъ, ежели и эти голоса для насъ не дѣйствительны, ежели мы не слушаемъ, такъ сказать, самихъ себя, и дѣлаемъ то, отъ чего предостерегаетъ и удерживаетъ насъ сама природа наша. А это, къ прискорбію, едва ли не такъ, братіе. Ежели сравнимъ себя съ нашими благочестивыми предками, то увидимъ большую разность, и разность не къ чести нашей. Совѣсть предковъ нашихъ представляется въ самомъ свѣтломъ видѣ: она была для нихъ божественнымъ закономъ, противъ котораго погрѣшить столь же страшно было имъ, какъ и противъ Самого Бога. Во взаимныхъ отношеніяхъ совѣсть была у нихъ убѣдительною, вѣрною, тверже всякихъ документовъ. Сказанное слово, данное обѣщаніе были святы и неизмѣнны. Въ какой мѣрѣ опять они одушевлены были страхомъ Божиимъ, благоговѣніемъ къ святымъ, почтеніемъ и покорностію власти, повиновеніемъ правиламъ и установленіямъ церковнымъ и законамъ гражданскимъ! А цѣломудріе, скром-

ность, стыдливость, особенно между дѣвцами и женщинами прежняго времени? Такія качества были уже не украшеніемъ только ихъ, а и правиломъ жизни, столько священнымъ, сколько священна для Христіанъ вообще чистота жизни и непорочность нравовъ. То ли теперь? Подобное ли по крайней мѣрѣ нынѣ? Нѣтъ, нѣтъ! О состояніи совѣсти въ наше время свидѣтельствуемъ упадокъ взаимнаго довѣрія, дѣла и тяжбы нерѣдко между родными и кровными, непочтеніе къ родителямъ, недостатокъ страха показывают не благоговѣйное обращеніе наше въ храмъ Божіемъ, беззасорное нарушеніе правилъ и установленій церковныхъ, свобода мысли и слова противу властей, склонность къ своеволію. О скромности и стыдливости ужъ и говорить ли? Эти качества считаются у насъ даже недостатками, едва ли не пороками, и провозглашаются какъ совершенства образованнаго человѣка взаимная нескромность и вольность, даже безстыдство въ одеждѣ и въ обращеніи одного пола съ другимъ. Таково наше время. Кажется, по мѣрѣ того, какъ улучшается внѣшній бытъ, приходитъ въ упадокъ внутреннее состояніе человѣка, и вслѣдъ за временнымъ образованіемъ идетъ потеря добрыхъ склонностей и растлѣніе нравовъ.

Не излишни, братіе, ежели всегда, то тѣмъ болѣе нынѣ увѣщанія, какія дѣлаютъ Христіанамъ Апостолы: *Не сообразуйтесь въку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ; что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. 12: 2). *Спасайтесь отъ рода строптивала сего* (Дѣян. 2: 40). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 15.

Радость на небѣ по покаяніи грѣшника.

Господи благослови!

Радость бываетъ на небеси предъ Ангеля Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся.

(Лук. 15: 7, 10).

Дѣ бы намъ знать, братіе, о чемъ радуются на небесахъ, если бы не повѣдалъ намъ *сшедый съ небесе Сынъ человеческій, сый на небеси?* (Іоан. 3: 13). Конечно нельзя не знать намъ того, что всегда тамъ радуются. Гдѣ же и быть радости, какъ не на не-

бесахъ, въ дому Божиємъ, въ вѣчной жизни, въ вѣчномъ блаженствѣ, въ вѣчной славѣ. И есть тамъ чему радоваться, смотря на славу Божию, на красоту селенія Божія, на сладость благъ небесныхъ. Но вотъ что удивительно. Радуются тамъ еще о нашемъ, земномъ. Радуются о бранныхъ, смертныхъ человѣкахъ,—да какихъ? не о святыхъ и праведныхъ, а о грѣшникахъ кающихся. Не дивно было бы, если бы ужъ радовались о праведникахъ. Какъ не порадоваться такому пріятному явленію на землѣ! Какъ не порадоваться, видя, что и на землѣ живутъ по-небесному, чтутъ и славятъ Творца, знаютъ и соблюдаютъ волю Божию! Не радуются тамъ о грѣшникахъ кающихся, и пусть бы хотя о многихъ, а то и объ одномъ кающемся. *Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся*, говоритъ Господь.

Что это, братіе, какъ не свидѣтельство безмѣрной благодати Божіей къ роду человѣческому? Что это, какъ не проявленіе безпредѣльной любви и благодати Божіей къ грѣшникамъ? вмѣсто того, чтобы поставить навсегда средостѣніе между небомъ и землею, отдѣлить навѣки міръ дольний отъ горняго; вмѣсто того, чтобы потребить грѣшный и преступный родъ человѣческій, Отецъ Небесный послалъ на землю Единороднаго Сына Своего для искупленія міра, и теперь радуются тамъ о каждомъ грѣшникѣ, обращающемся съ пути нечестія и кающемся. Непостижима благодать Божія! Видно дорога предъ Богомъ каждая человѣческая душа, что Господь не радуется такъ о праведникахъ, какъ радуется о грѣшникахъ кающихся. Но вѣдь нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ естественномъ порядкѣ своихъ дѣлъ. И мы обыкновенно не радуемся особенно о томъ, чѣмъ счастливо обладаемъ, а радуемся, и весьма радуемся о томъ, что было потеряно, и что имѣли счастье снова обратить въ свое достояніе. Такъ и Господь. Не радуется, или менѣе радуется о праведникахъ потому, что они уже Его, такъ сказать, достояніе, потому что и тѣ, которые еще на землѣ, всецѣло преданы Ему, и всегда состоятъ подъ кровомъ благодати Его, а тѣ, которые на небѣ, уже живутъ въ божественномъ дому Его и участвуютъ въ блаженствѣ и славѣ Его. Радуется же о грѣшникахъ кающихся, и объ одномъ и каждомъ кающемся грѣшникѣ потому, что они возвращаются съ пути погибели къ Нему, какъ заблудшія овцы къ своему пастырю, какъ похищенные дѣти къ отцу. Припомните притчу Евангельскую. У одного отца было два сына. Старшій жилъ всегда съ отцемъ, и былъ въ совершенномъ повиновеніи у отца, а младшій своевольно оставилъ домъ отеческій и, на чужой сторонѣ промотав-

шись, подвергся крайнему бѣдствію и нищетѣ. Когда же сей послѣдній рѣшился возвратиться къ отцу, отецъ, по прибытіи его, такъ обрадовался ему, что встрѣтилъ его со всею отеческою любовію и сдѣлалъ, ради его, великолѣпное въ домѣ своемъ пиршество. Эту притчу сказалъ Господь именно въ объясненіе того, какъ радуются на небесахъ, когда грѣшникъ возвращается съ пути нечестія и кается въ своихъ согрѣшеніяхъ.

Радость бываетъ на небеси предъ Ангелы Божиими. Вотъ сколь важно покаяніе, обращеніе человѣка въ Богу, перемѣна жизни плотской и грѣховной на благочестивую и добродѣтельную! Тогда, скажемъ, веселится Господь, радуются Ангелы, все небо празднуетъ. Что же напротивъ? Если грѣшникъ коснеть въ своихъ грѣхахъ, продолжаетъ незаконную жизнь, забывая Бога и душу свою? Гдѣ и у кого тогда бываетъ радость? О, страшно сказать! Тогда радость бываетъ въ темницѣ духовъ, тогда торжествуетъ адъ, тогда радуются демоны. На радость врагамъ нашимъ и всегда—человѣкъ грѣшникъ, но если грѣшникъ съ самозабвеніемъ продолжаетъ незаконную жизнь и не думаетъ о своемъ исправленіи, а тѣмъ болѣе ежели онъ, пренебрегая всякимъ голосомъ, зовущимъ его къ покаянію, въ грѣховномъ усыпленіи безостановочно идетъ въ бездну погибели, то это сугубая, величайшая ихъ радость.

Такъ вотъ, братіе, человѣкъ бываетъ причиною радости и на небѣ и въ адѣ. Радуются на небѣ, какъ скоро грѣшникъ обращается къ Богу и кается. Радуются въ адѣ, какъ скоро онъ продолжаетъ грѣшить нераскаянно. О, если бы намъ дана была благодать радовать собою Небо! Если бы намъ хотя мало-помалу оставлять прежніе грѣхи, и приближаться къ Богу покаяніемъ и исправленіемъ своей жизни! Избави насъ Богъ радовать враговъ нашихъ грѣхами нашими и продолженіемъ жизни безъ искренняго раскаянія. Позаботимся, возлюбленные, и сами о себѣ, употребимъ трудъ и терпѣніе въ исправленіи себя и въ усвоеніи себѣ святыхъ Христіанскихъ добродѣтелей. Безъ труда спастись невозможно. Легко только грѣшить, и отъ грѣховъ погибнуть. Возвеселимъ небо благоугоднымъ и богозаповѣданнымъ образомъ житія. Пусть рыдаетъ адъ, смотря на насъ, благодатію Божіею спасаемыхъ. Плачь и рыданіе—его доля и всѣхъ нераскаянно пребывшихъ грѣшниковъ. Сотворивъ радость Ангеламъ, и сами сподобимся радоваться съ Ангелами, какъ радовался упоминаемый въ притчѣ Евангельской сынъ, возвратившійся съ раскаяніемъ къ отцу, сдѣлавшись участникомъ общаго торжества въ дому отеческомъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 16.

Для чего преобразился Христосъ.

Господи благослови!

Добро есть намъ здѣ быти.
(Матѳ. 17: 4).

И какъ сказалъ Апостоль Петръ въ счастливыя минуты своей жизни, когда былъ съ божественнымъ Учителемъ своимъ на Оаворѣ, и видѣлъ дивное и славное преображеніе Его. Извѣстно, что Господь Иисусъ, взявъ однажды трехъ учениковъ Своихъ: Петра, Іакова и Іоанна, взошелъ съ ними на гору Оаворскую для молитвы, и во время молитвы Своей, въ виду этихъ учениковъ, преобразился, т. е. показалъ Себя въ божественномъ свѣтѣ и славѣ предъ ними.

Для чего преобразился Христосъ? По истолкованію Св. Церкви, Христосъ преобразился для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ учениками Своими Свое Божество, явить имъ и увѣрить ихъ, что Онъ не просто человѣкъ, а Богъ въ образѣ человѣка, Сынъ Божій, *сіяніе славы и образъ ипостаси Бога Отца* (Евр. 1: 3). Для сего Онъ открылся Апостоламъ въ силѣ и славѣ Божества, просіялъ, такъ сказать, чрезъ покровъ своего человѣчества, и явилъ Себя въ образѣ Божества, сокрывъ человѣчество въ свѣтѣ и славѣ божественной. А это для того, чтобы ученики Его вѣдали, что Онъ Богъ, пришелъ во плоти пострадать за спасеніе міра по Своему изволенію, и потому не страшились, а благодушествовали, смотря на будущее Его страданіе и смерть. Христосъ преобразился и для того, чтобы показать ученикамъ Своимъ будущую славу Своего воскресенія. По воскресеніи изъ мертвыхъ, Онъ дѣйствительно *вошелъ въ славу Свою* (Лук. 24: 26), смертное естество человѣческое облекъ въ безсмертіе и просвѣтилъ оное свѣтомъ божества Своего. Не въ славѣ, правда, являлся Онъ Апостоламъ по воскресеніи, а по большей части въ прежнемъ обыкновенномъ видѣ, но это для того, чтобы увѣрить ихъ, что Онъ Тотъ же, Который и жилъ и пребывалъ съ ними до страданія Своего. Иначе они могли бы не узнать Его и не повѣрить воскресенію Его. Христосъ преобразился еще для того, чтобы въ славѣ Своего преображенія проявить будущее славное Свое пришествіе, когда Онъ *придетъ* паки на землю *въ славу Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. 8: 38). Вотъ

тогда будетъ истинное, предъ всѣмъ міромъ, на цѣлую вѣчность преображеніе Его. Онъ явится уже какъ Господь славы. Въ первомъ пришествіи Его Божество сокрыто было въ челоѳчествѣ, во второмъ—челоѳчество сокрыто будетъ въ Божествѣ. Это самое напередъ и показалъ Господь въ преображеніи Своемъ на Өаворѣ. Наконецъ Христось преобразился для того, чтобы предзнаменовать будущую славу Царствія Своего и общаго блаженства праведныхъ, по кончинѣ міра.

Да, братіе, Господь показалъ въ свѣтѣ и славѣ Своего преображенія свѣтъ и славу будущаго блаженства и Царствія, когда Онъ, какъ Господь и Царь славы, будетъ вѣчно царствовать со всѣми избранными, отъ вѣка благоугодившими Ему. На земномъ Өаворѣ открылся міру небесный Өаворъ. Вотъ чудное, всемірное будетъ преображеніе! Послѣ общаго воскресенія изъ мертвыхъ, Господь *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3: 21), *всѣ праведницы просвѣтятся, яко солнце въ Царствіи Отца ихъ* (Матѣ. 13: 43). На Өаворѣ явились въ славѣ Ілія, небесный житель, и Моисей, одинъ изъ кротчайшихъ смертныхъ. Такъ будетъ и въ Царствѣ Божіемъ. Тамъ будутъ пребывать нынѣшніе небесные жители, Ангелы, Матерь Божія, Апостоль Іоаннъ Богословъ и древніе Пророки, Ілія и Енохъ, и земные, воскресшіе изъ мертвыхъ—*всѣ въ сіяніи и славѣ, аки свѣтлость тверди, аки звѣзды* (Дан. 12: 3), *осіяваемые Солнцемъ правды, Христомъ*. Славу Царствія будетъ составлять преимущественно присносущный божественный свѣтъ. Какъ и нынѣ на землѣ солнечный свѣтъ составляетъ лучшее, чистѣйшее и пріятнѣйшее наслажденіе, такъ и въ Царствѣ Божіемъ, на небесахъ, первѣйшимъ наслажденіемъ избранныхъ будетъ свѣтъ лица Божія. Апостоль Петръ, восхищенный славою преображенія на Өаворѣ, въ избыткѣ чувства отъ кратковременнаго блаженства воскликнулъ: *добро есть намъ здѣ быти*: подобно сему, но несравненно въ высшей степени будетъ добро, пріятно, вождельбно избраннымъ Божіимъ въ Небесномъ Царствіи, въ блаженствѣ *блаженнаго* (1 Тим. 1: 11) *Бога*. Объ этомъ блаженствѣ, объ этомъ состояніи славы избранныхъ ветхозавѣтный Пѣснопѣвецъ Царь выразился такъ: *упіются отъ тука дому Твоего, и потокомъ сладости Твоя напоиши я* (Пс. 35: 9). Точно, отъ полноты божественнаго свѣта и славы, отъ преизбытка чувства сладости небесныхъ благъ они будутъ въ непонятномъ нынѣ для насъ восторгѣ, какъ и Петръ на Өаворѣ отъ явленія славы божественной былъ какъ бы внѣ себя, *не вѣдый*; по замѣчанію Евангелиста,

еже глаголаше (Лук. 9: 33). Наслажденіа избранныхъ Божіихъ будутъ неизобразимы и несчислимы. Наслажденіе ихъ будетъ слава Божія, наслажденіе—красота дому Божіа, рай небесный, наслажденіе—Святые Ангелы, наслажденіе—общество праведныхъ, наслажденіе—новое, славное каждаго состояніе по душѣ и тѣлу. Вѣнецъ наслажденій ихъ будетъ Христосъ, Искупитель ихъ и Царь, *Царствію* Котораго *не будетъ конца* (Лук. 1: 33). Взирая на все это,— на славу Божію, на славу Царствія, на собственное прославленіе, всѣ только будутъ радоваться, благодарить и прославлять виновника блаженства ихъ Бога, всѣ немолчно въ притрепетной радости зывать: *Господи, слава Тебѣ!*

Кто же эти будутъ избранные? Кто эти блаженные жители неба, участники божественнаго свѣта и славы? Тѣ, которые временную жизнь провели не подъ горою, а на горѣ, на горѣ добродѣтелей; на высотѣ Христіанскаго благочестія, которые были сынами свѣта, и ходили во свѣтѣ вѣры и заповѣдей Божіихъ. Таковымъ только доступенъ небесный Ѡаворъ. Они только узрятъ славу всемірнаго преображенія.

О, если бы и намъ, Православные, удостоиться видѣть славу будущаго вѣчнаго сіянія лица Божія! Да возсіяетъ—молимъ Тя, Христе Боже,—и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой приносущный! Свѣтодавче, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 17.

Человѣкъ можетъ быть и Ангеломъ и діаволомъ.

Господи благослови!

Велика вещь человекъ.

(Притч. 20: 6).

Какъ отозвался о человѣкѣ одинъ изъ древнихъ богодухновенныхъ проповѣдниковъ. *Человѣкъ, говорить, велика вещь.* Какъ это понимать? Да! Въ очахъ и намѣреніяхъ Божіихъ человѣкъ точно велика вещь. Скажите, чего не сдѣлалъ Богъ для человѣка. Онъ и сотворилъ человѣка Самъ, и образъ Свой въ немъ напечатлѣлъ и владыкою поставилъ его надъ всѣми земными тварями. Возвеличивъ человѣка надъ всѣмъ видимымъ, Онъ умалилъ его только малымъ чѣмъ отъ Ангеловъ, и особенно развѣ тѣмъ, что облекъ его брэнною плотію, которой не имѣютъ Ангелы. Мало этого. Богъ Самъ

искупилъ падшаго человѣка, и какъ?—смертію Сына Своего, превознесъ паки Его въ лицѣ Богочеловѣка уже превыше всѣхъ Ангеловъ, и посадилъ на престолѣ славы Своея. Онъ постоянно изливаетъ на человѣчество источники благодати, посылаетъ избраннымъ Своимъ Ангеловъ Хранителей, ведетъ ихъ къ Царствію Небесному и общаетъ блаженство вѣчное за гробомъ. Можно ли еще большаго желать человѣку? Какая другая тварь удостоилась такой великой благодати и столь многихъ даровъ отъ Бога? Истинно слѣдовательно, сказалъ древній проповѣдникъ о человѣкѣ. Дѣйствительно *велика, драгоценна вещь человекъ*. Но таковъ человѣкъ только, какъ сказали мы, въ очахъ и намѣреніяхъ Божіихъ. А таковъ ли онъ самъ въ себѣ, въ настоящемъ состояніи своей природы, въ собственномъ направленіи своихъ мыслей, намѣреній и дѣлъ? Къ прискорбію, совсѣмъ напротивъ. Съ этой стороны человѣкъ малая, ничтожная, жалкая вещь. Представьте, каковъ теперь человѣкъ. Онъ бранный, по грѣхамъ своимъ лишенный благодати Божіей, изгнанный изъ рая, осужденный на труды, бѣды, болѣзни и смерть,—а что всего горше,—грѣшникъ, противный Богу, другъ и сообщникъ діаволу, и бѣдственная доля!—приговоренный отъ Бога на вѣчную смерть, на вѣчное мученіе съ діаволомъ.

Изъ этого само собою видно, братіе, какую вещь можетъ составлять человѣкъ, какъ созданный правымъ и непорочнымъ и растлѣнный послѣдующимъ преступленіемъ, какъ грѣшникъ, и грѣшникъ искупленный милосердіемъ Божіимъ, какъ по природѣ принадлежащій ветхому Адаму, и по благодати усвоенный новому Адаму, Христу, какъ способный служить Богу, и достигать, по намѣреніямъ Божіимъ, вѣчнаго блаженства, и—наклонный работать грѣху, и наслѣдовать, по кознямъ діавольскимъ, муку вѣчную. Да. Онъ можетъ составлять вещь, и великую, драгоценную, вождедѣнную, и малую, жалкую, плачевную. Онъ можетъ быть—не удивляйтесь и не смущайтесь, братіе,—можетъ быть и Ангеломъ, и діаволомъ. Можетъ человѣкъ быть Ангеломъ. Развѣ не знаемъ, какъ Святая Церковь чествуетъ иногда святыхъ угодниковъ, называя ихъ *во плоти Ангелами*. Какъ и не быть человѣку Ангеломъ, когда онъ предназначенъ къ вѣчному жительству на небѣ, съ Ангелами? Вѣдь человѣкъ, по намѣреніямъ Божіимъ, какъ богомудрствуютъ отцы Церкви, именно и долженъ занять мѣсто Ангела, который по гордости и противленію Богу не устоялъ на высотѣ небесной и ниспалъ въ бездну ада.—Можетъ быть человѣкъ и діаволомъ. Что сказалъ Господь о *жестоковѣйшихъ и противящихся Духу Святому* (Дѣян. 7: 51)

Иудеяхъ? *Вы отца вашего діавола есте* (Іоан. 8: 44). А какъ назвалъ еще Своего предателя, злочестиваго Іуду? Прямо *діаволомъ. Не азъ ли васъ дванадесяте избрахъ*, сказалъ Онъ однажды Апостоламъ, *и одинъ отъ васъ діаволъ есть?* (Іоан. 6: 70). И что удивительнаго? Подобныя качества дѣлають одного другому подобнымъ. *Приобщаяся гордому точенъ ему будетъ* (Сир. 13: 1), сказала Премудрый Наставникъ. Не безъ причины же такому человѣку и осужденіе и мѣсто осужденія опредѣляетъ Господь одинаковое съ діаволомъ (Матѳ. 25: 41).

Такъ. Человѣкъ можетъ быть *Ангеломъ*, можетъ быть и *діаволомъ*. Ежели человѣкъ вѣруетъ въ Бога, признаетъ Христа своимъ Спасителемъ и послѣдуетъ Ему, онъ—Ангель,—это дѣло ангельское: а ежели не вѣруетъ, отвергаетъ и вѣру Христіанскую, и дѣйствуетъ по своему убѣжденію и по своей волѣ, онъ—діаволь,—это дѣло діавольское. Ежели человѣкъ благоговѣетъ въ имени Божію, благочинно стоитъ въ храмѣ Божіемъ и служитъ Богу со страхомъ, онъ—Ангель,—это дѣло ангельское; а ежели въ храмѣ Божіемъ стоитъ разбѣянно, безчинствуетъ, кощунствуетъ и другихъ вводитъ въ соблазнъ и грѣхъ, онъ—діаволь,—это дѣло діавольское. Ежели человѣкъ смиренъ и кротокъ, онъ—Ангель,—это свойство ангельское; а ежели гордъ, мечтателенъ, прозорливъ, онъ—діаволь,—это свойство діавольское. Ежели человѣкъ послушенъ гласу Церкви и правила Вселенской Церкви считаетъ для себя священнымъ закономъ, онъ—Ангель,—это свойство ангельское; а ежели поступаетъ по своему плотскому мудрованію и заводитъ пагубныя для Церкви Божіей ереси и расколы, или послѣдуетъ имъ, онъ—діаволь,—это свойство и дѣло діавольское. Ежели человѣкъ почителенъ и покоренъ всякой установленной отъ Бога власти и свято исполняетъ волю начальства, онъ—Ангель,—это свойство ангельское; а ежели своеволенъ и преслушенъ, онъ—діаволь,—это свойство діавольское. Ежели человѣкъ любитъ миръ и согласіе и старается о благоденствіи и спокойствіи общества, онъ—Ангель,—это дѣло ангельское; а ежели расположенъ къ немиролюбію и враждѣ, нарушаетъ общественное спокойствіе и тишину и бываетъ виновникомъ мятежа, междоусобной брани, онъ—діаволь,—это дѣло діавольское. Ежели человѣкъ любитъ своихъ ближнихъ, благотворитъ имъ, хранитъ ихъ, и готовъ къ нимъ на всякую помощь, онъ—Ангель,—это свойство и дѣло ангельское; а ежели дышетъ ненавистію, завистію, злобою къ ближнимъ, готовъ на всякое для нихъ зло, и на воровство, и на убійство, онъ,—діаволь,—это свойство и дѣло діавольское. Ежели

человѣкъ живеть благочестиво, воздержно, въ чистотѣ души и тѣла, онъ—Ангель,—это свойство ангельское; а ежели живеть въ нечистотѣ, въ страстяхъ, въ сквернахъ грѣховныхъ, онъ—дѣволъ,—это свойство нечистыхъ духовъ. Ежели человѣкъ соблюдаетъ благочестіе, степенность, благоговѣйность во внѣшнемъ образѣ жизни, онъ—Ангель,—это состояніе ангельское; а ежели любитъ безчинныя веселости, поеть пѣсни неподобныя, пляшетъ, или ссорится, ругается, сквернословится, онъ—дѣволъ,—это состояніе глумящихся демоновъ.

Вотъ, братіе, какъ различень можетъ быть человѣкъ. По свойствамъ и дѣйствіямъ своимъ можетъ быть Ангеломъ, и тогда онъ дѣйствительно *велика вещь*, а можетъ быть и дѣволомъ,—и тогда ужъ онъ жалкая, презрѣнная вещь. Блаженъ, стократно блаженъ тотъ человѣкъ, который поставитъ себя на степень Ангела. Ему и часть будетъ съ Ангелами въ Царствѣ Божіемъ. Злосчастенъ, стократно злосчастенъ тотъ человѣкъ, который уподобитъ себя дѣволу. Часть его будетъ общая съ дѣволомъ. Жалкая доля человѣка—грѣшника! Бѣдный, вѣдь онъ въ чужую бѣду ввергаетъ себя и теряетъ свое собственное благополучіе. Милосердый Господь предназначилъ человѣку блаженство, а не муку; муку опредѣлилъ Онъ дѣволу. Что скажетъ Онъ на послѣднемъ судѣ? Однимъ: *приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ Царствіе*. А другимъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный дѣволу* (Матѣ. 25: 34, 41). Видите, что уготовано человѣку! Царство Небесное. *Уготованное вамъ Царствіе*. А мука кому опредѣлена? Не человѣку, а дѣволу. *Огнь вѣчный, уготованный дѣволу*. Жалкая, повторимъ, доля грѣшника, и несчастенъ тотъ, кто усволяетъ себѣ качества и дѣйствія дѣвола.

Что скажемъ о себѣ, братіе? Ангелами мы немощные быть не можемъ, а дѣволами быть—сохрани насъ Богъ. Будемъ же человѣками, у которыхъ есть Спаситель Христосъ. Онъ и пришелъ не для Ангеловъ, которые не согрѣшили и не требуютъ покаянія, и не для демоновъ, которые согрѣшили и отвергаютъ покаяніе,—пришелъ для человѣковъ, которые согрѣшаютъ, но и каются и обращаются къ Богу. Будемъ, говорю, человѣками. Станемъ по немощи содѣваемые нами грѣхи очищать покаяніемъ и насаждать и возвращать въ себѣ святыя добродѣтели преспѣяніемъ въ благочестіи, и такимъ образомъ отдалять себя отъ искуссителей демоновъ и приближаться къ Хранителямъ нашимъ Ангеламъ, чтобы, по благодати Божіей, и въ насъ въ нѣкоторой мѣрѣ оправдались слова древняго проповѣдника: *велика вещь человекъ*. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 18.

Высшее значеніе Христіанскихъ праздниковъ.

Господи благослови!

Совершивъ постъ въ честь Матери Божіей, вступаемъ мы на-
 конецъ, братіе, въ самый свѣтлый праздникъ всечестнаго успе-
 нія Ея. Завтра Святая Церковь торжественно совершаетъ этотъ ве-
 ликій Христіанскій праздникъ, полагая начало оному еще сегодня
 съ вечера. И такихъ праздниковъ, болѣе или менѣе свѣтлыхъ и
 славныхъ, въ Христіанской Церкви, какъ извѣстно, не мало. Извѣ-
 стно и то, какъ совершаются праздники, и въ чемъ состоитъ празд-
 нованіе. Святая Церковь, руководствуясь заповѣдію Божіею, по-
 велѣваетъ Христіанамъ оставлять въ праздники всѣ житейскія дѣла
 и призываетъ ихъ въ храмъ Божій, гдѣ совершаетъ молебное тор-
 жество, вспоминая то, или другое священное и божественное, бла-
 годѣтельное для человѣческаго рода, событіе. Въ предпразднество
 Успенія Матери Божіей, я хочу, братіе, сказать о *таинственномъ*
 значеніи Христіанскихъ праздниковъ.

Что значить Христіанскій праздникъ? Одно ли это воспоми-
 наніе священнаго событія, напримѣръ, рождества, крещенія, преоб-
 раженія, воскресенія Христова? Одно ли хвалебное молитвословіе и
 благодарственное прославленіе милосердія Божія къ роду человѣче-
 скому, ознаменовавшаго въ томъ или другомъ спасительномъ со-
 бытіи? Болѣе, братіе, болѣе. Что же такое Христіанскій праздникъ?
 Проявленіе на землѣ небснаго празднованія, предпразднество того
 великаго, всемірнаго праздника, который откроется въ Царствѣ Бо-
 жіемъ, по кончинѣ міра. Нельзя же не утѣшать бѣдныхъ жителей
 земли, нельзя хотя по временамъ, не открывать имъ, что ожидаетъ
 ихъ въ будущемъ, къ чему предназначены они, по смерти. Нельзя
 же не ободрить воиновъ Христовыхъ, подвизающихся среди иску-
 шеній и бѣдъ, ратующихъ противъ враговъ имени Христова, — пель-
 зя не ободрить ихъ упованіемъ и какъ бы предошущеніемъ того
 блаженства и той славы, которыя опредѣлены имъ въ наслажденіе
 въ Церкви торжествующей. И вотъ Церковь Христова на землѣ,
 Церковь воинствующая установила и совершаетъ праздники, въ
 торжествѣ которыхъ изображаетъ будущее торжество вѣрующихъ,
 еще нынѣ на землѣ, въ смертной плоти житіе свое и служеніе Бо-
 гу продолжающихъ. Да. Христіанскій праздникъ есть знаменіе вѣч-
 наго праздника въ Царствѣ Божіемъ, прообразъ будущаго славна-

го торжества избранныхъ Божіихъ. Вотъ, Христіане, по закону Божию и правилу Церкви, въ праздникъ оставляютъ всѣ занятія и труды, всѣ житейскія дѣла. Что это значитъ? То, что при наступленіи Царства Божія послѣдуетъ конецъ всему временному, земному; съ кончиною міра, по опредѣленію Божию, кончатся всѣ труды, на которые осужденъ человѣкъ, всѣ бѣдствія и напасти, всѣ дѣла и подвиги, за которые человѣкъ сподобится получить отъ Бога вѣнецъ живота вѣчнаго. Въ праздникъ, по призыву Церкви, всѣ Христіане собираются въ храмъ. Это что значитъ? Этимъ изображается то, что, по кончинѣ міра, и по воскресеніи изъ мертвыхъ, избранные Божіи взойдутъ въ храмъ славы, въ небесный чертогъ селенія Божія. Что мы нынѣ видимъ въ Церкви въ праздникъ? Видимъ служеніе Богу, служеніе торжественное, при множествѣ свѣтилъниковъ, видимъ разныя священнодѣйствія, слышимъ пріятное, восхищающее сердца наши божественное пѣніе, вообще видимъ въ праздникъ торжество, благолѣпіе, чинъ, благоговѣніе служащихъ и молящихся. Подобное, но несравненно въ высочайшей степени торжество будетъ въ Царствѣ Божіемъ. Благоговѣйное служеніе и поклоненіе Богу, пѣніе и хвалебное прославленіе Ангельское, неприступный божественный свѣтъ, непостижимая красота и слава дому Божія будутъ восхищать и радовать живущихъ въ дому Божіемъ. И всегда, а особенно въ праздники, Святая Церковь предлагаетъ вѣрующимъ таинственную трапезу, и призываетъ ихъ къ принятію тѣла Христова, и ко вкушенію безсмертнаго источника божественной крови Его. Это—въ залогъ живота вѣчнаго, и въ знаменіе той божественной вечери, и той пренебесной трапезы, которой будутъ причащаться избранные Божіи въ невечернемъ дни Царствія Христова. Въ праздники и священнослужащіе, и народъ въ церкви бывають въ дорогихъ, блестящихъ одеждахъ. Этимъ что знаменуется? Знаменуется та одежда нетлѣнія и безсмертія, въ которую облекутся избранные Божіи по воскресеніи изъ мертвыхъ, тотъ божественный свѣтъ и слава, которыми они будутъ сіять въ Царствѣ Божіемъ. Въ праздники мы обыкновенно бываемъ праздны отъ хлопотъ, свободны отъ трудовъ, спокойны, веселы и довольны. Подобнымъ, но безмѣрно совершеннѣйшимъ и лучшимъ покоемъ, веселіемъ, довольствомъ, вообще блаженствомъ будутъ наслаждаться избранные Божіи въ вѣчномъ, небесномъ праздникѣ, *въ торжество и церкви первородныхъ на небесахъ написанныхъ* (Евр. 12: 23).

Вотъ что знаменуютъ и представляютъ въ себѣ Христіанскіе праздники! И такъ, празднующій Христіанинъ, когда наступаетъ

церковный праздникъ, оставляй всё дѣла житейскія! Помни при этомъ, что ты точно такъ оставишь все земное, когда пойдешь на тотъ свѣтъ, къ будущему всемірному празднику. Когда Святая Церковь зоветъ тебя въ храмъ, на службу Божію, представляй, что тебя Господь зоветъ къ Себѣ, въ Царство свое Небесное. Бойся, по небреженію и лѣности, остаться дома и не явиться въ домъ Божій, чтобы тебѣ въ будущей жизни не остаться внѣ небеснаго дома Божія. Когда въ праздникъ будешь въ церкви, увидишь служеніе, услышишь торжественное пѣніе, воображай, какъ прекрасно будетъ на небѣ, и ты уже какъ бы самымъ дѣломъ предвкусишь блаженство и славу небесную. Когда въ праздникъ увидишь на служащихъ и на себѣ красоту одеждъ, вспоминай красоту и славу того одѣянія, въ которое облечены будутъ твои душа и тѣло въ жизни будущей. Когда въ праздникъ будешь наслаждаться отдохновеніемъ отъ трудовъ, спокойствіемъ и довольствомъ, представляй блаженство, покой и сладость будущаго царствія, то *субботство*, которое *оставлено людямъ Божиимъ* (Евр. 4: 9), тотъ вѣчный покой, въ которомъ избранные Божіи *почиютъ отъ трудовъ своихъ* (Апoc. 14: 13). Бойся только омрачать свѣтлый Божественный праздникъ чувственными, богопротивными, грѣховными дѣлами. Берегись, чтобы въ праздникъ не стали праздновать твои страсти. Ежели всегда, то особенно въ праздникъ ты долженъ быть *сыномъ свѣта и дне* (1 Солун. 5: 5).

Дивное, братіе, явленіе на землѣ Христіанскій праздникъ. Въ праздникъ такъ и смотритъ на насъ небо, такъ и сіяетъ на землю свѣтъ Божій. Говоритъ нѣгдѣ пророкъ: *окна съ небесе отверзошася* (Исаія 24: 18). Что это за окна? Ужъ не праздники ли наши Христіанскіе? Какъ бы ни было, а праздники Христіанскіе точно *окна съ небесе*. Въ эти окна исходитъ къ намъ свѣтъ божественный, въ эти окна входятъ наши торжественныя, отъ всей Церкви возноси-мыя, молитвы, въ эти окна изливается на насъ благодать Божія и даръ Святаго Духа отъ *Отца* милосердія и *щедротъ* (2 Кор. 1: 3).

Чтите, Христіане, и свято соблюдайте святыя церковныя праздники. Какъ въ Царствѣ Божіемъ и нынѣ слышится *празднующихъ гласъ непрестанный* (молит. ко причащ.), а по кончинѣ міра всё избранные будутъ безчисленными гласы прославлять Бога и Спасителя Своего, такъ и мы нынѣ въ церковныя праздники, какъ бы предпразднуя вѣчный божественный праздникъ, будемъ славословить Бога, Творца своего и Избавителя, Препоблагоденную Матерь Господа нашего и всѣхъ Святыхъ. Да слышится и отъ насъ земныхъ на небѣ наше недостойное славословіе: Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 19.

Чествованіе св. иконъ правильно и благочестиво.

Господи благослови!

Въ прошедшее воскресенье, какъ извѣстно, братіе, Святая Церковь праздновала Нерукотворенному образу Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. Какой это образъ Спасителя, называемый Нерукотвореннымъ, или еще убрусомъ? Это—божественный ликъ Спасителя, не руками какого либо художника, какъ обыкновенно бываетъ, изображенный, а Самимъ Спасителемъ чудесно на полотнѣ напечатлѣнный. Вотъ какъ это было. Когда Спаситель нашъ пребывалъ на землѣ, проповѣдывалъ Евангеліе, и творилъ чудеса, владѣтель города Едессы, язычникъ по имени Авгаръ, услышавъ о необыкновенномъ въ народѣ Іудейскомъ Чудотворцѣ, послалъ къ Нему отъ себя живописца Ананію съ порученіемъ, между прочимъ, снять изображеніе съ сего Чудотворца. Господь, какъ всевѣдущій предугрешилъ не совсѣмъ удобное дѣло человѣческое Своимъ всемогущимъ изволеніемъ. Потребовалъ воды, умылъ пречистое лице Свое, и отерши оно поданнымъ Ему платомъ, изобразилъ на этомъ платѣ божественный ликъ Свой и отдалъ его Ананію для доставленія Авгару. Этотъ платъ съ изображеніемъ на немъ Лица божественнаго и есть нерукотворенный Образъ Христовъ. Съ любовію и честію Образъ сей приять былъ Авгаромъ, долгое время стоялъ на воротахъ города Едессы, и наконецъ торжественно перенесенъ въ Православную столицу греческую Константинополь.

Итакъ Самъ Господь изобразилъ и даровалъ міру Свой божественный Ликъ: какъ же нѣкоторые отвергають въ Церкви св. иконы? Святая Церковь чтить, поклоняется и празднуетъ св. иконамъ Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ: какъ же иные утверждаютъ, яко бы почитаніе св. иконъ противно чистотѣ вѣры? А такіе люди, къ сожалѣнію, были, и теперь есть. Извѣстна ересь иконоборства. Не мало времени продолжалась она на Востокѣ, и какого нечестія, какихъ поруганій надъ св. иконами и какихъ страданій исповѣдникамъ правой вѣры не была причиною? Удивительное дѣло! Какіхъ заблужденій, смятеній и бѣдствій не можетъ произвести суемудренный человѣческой разумъ, когда даютъ ему волю! Онъ любитъ мечтать и задавать пустые вопросы къ затмѣнію истины и къ нарушенію спокойствія и порядка. Вотъ и тогда подняли вопросъ: сообразно ли съ духомъ вѣры почитаніе св. иконъ и поклоненіе имъ?

Подняли вопросъ и рѣшили его ниспроверженіемъ иконопочитанія, и изгнаніемъ св. иконъ изъ храмовъ Христіанскихъ тогда, когда уже много столѣтій св. иконы безпрекословно были почитаемы въ Церкви, съ самаго основанія Ея, и никто ни изъ царей, ни изъ пастырей церковныхъ не дерзалъ и думать такъ нечестиво. Хотя въ послѣдствіи времени это нечестіе и было прекращено Православнымъ опредѣленіемъ Вселенскаго Собора, и красота и святѣя Церкви—св. иконы съ честью возвращены въ Христіанскіе храмы, но буйный разумъ человѣческій не успокоился. Были, и затѣмъ, Христіане, и нынѣ есть огромное общество Христіанъ, именуемыхъ протестантами, а у насъ молокане, которые не признають иконопочитанія и не имѣють св. иконъ въ своихъ церквахъ.

Какъ это такъ? Не почитать св. иконъ? Да вѣдь это значитъ не почитать тѣхъ, кто изображается на иконахъ, значитъ не почитать Христа, своего Спасителя, Матерь Божию и угодниковъ Божіихъ. Почитаешь ли своихъ родителей сынъ, если не почитаетъ портретовъ ихъ? Почитаешь ли доблестныхъ мужей, спасителей отечества, гражданинъ, если не почитаетъ изображеній ихъ? Почитаешь ли своего царя подданный, ежели не почитаетъ изображенія царскаго? Напротивъ, не каждый ли добрый сынъ, честный гражданинъ, вѣрный подданный старается имѣть и держать у себя въ почетномъ мѣстѣ портреты этихъ досточестныхъ особъ? Такъ и св. иконы. Вѣдь св. икона представляетъ именно того, кто на ней изображенъ. Слѣдовательно честь, воздаваемая св. иконамъ, переходитъ, какъ сказаль одинъ великій учитель Церкви, на самое изображаемое лице. И точно такъ. Кого почитаетъ сынъ, почитая портретъ своего отца? Неужели самый портретъ? Ежели дорогъ и любезенъ ему портретъ отца, то именно потому, что дорогъ и любезенъ ему отецъ. На портретѣ, значитъ, сынъ видитъ своего отца, портретъ представляетъ ему и какъ бы замѣняетъ собою его отца. Такъ и св. иконы. Самъ Христосъ послалъ Авгару образъ свой вмѣсто себя, и Авгаръ принялъ его съ такою любовью и честью, какъ Самого Христа. Икона, напримѣръ, Спасителя представляетъ намъ собою Христа. Авгаръ не могъ видѣть Самого Христа,—ему и данъ Святыи образъ Его. Что же остается и намъ, когда мы не видимъ Святыхъ,—что какъ не святѣя изображенія ихъ? Нѣтъ видимо съ нами нынѣ Христа, не видать намъ нынѣ тѣлесными очами ни Пресвятой Богородицы, ни святыхъ угодниковъ—они на небесахъ: такъ у насъ есть св. иконы ихъ. Вѣдь такъ бываетъ и въ нашемъ быту. Отходить въ вѣчность отецъ,—остается у сына портретъ отца, который онъ почитаетъ и хранитъ.

„Иконопочитаніе считается нѣкоторыми несообразнымъ съ духомъ вѣры“. Какимъ это образомъ? Чѣмъ св. иконы мѣшаютъ Христіанскому благочестію? Безъ нихъ развѣ чище будетъ понятіе о Божествѣ, выше благочестіе у Христіанъ? Скорѣе не будетъ никакого. Св. иконами, какъ и вообще церковною внѣшностію, поддерживается и сохраняется цѣлость вѣры и внутреннее благочестіе Христіанъ, св. иконы—это всегдашніе наши учителя, неумолкающіе проповѣдники. Смотри на нихъ, есть чему поучиться, есть чѣмъ утѣшиться. Ахъ! какъ бываетъ намъ легко, пріятно, какъ благотворно видѣть святыхъ Божіихъ, которые являются намъ въ святыхъ иконахъ. Посмотрите на сына. Вотъ онъ смотритъ на портретъ своего отца, и вспоминаетъ его жизнь, его достоинства, его труды, его любовь, его доброту и попеченіе о дѣтяхъ,—и невольно исполняется чувства любви, благодарности къ отцу, убѣждается подражать ему, и исполнять волю его. Худо ли это? Вотъ онъ припоминаетъ и свои погрѣшности, и свои, по временамъ, огорченія отцу, и о томъ жалѣеть, раскаивается, проситъ прощенія у отца, и молится Богу за отца. Худо развѣ это? А ежели хорошо, то тѣмъ болѣе хорошо подобное положеніе Христіанина предъ св. иконами. Взвизывая на нихъ, мы представляемъ себѣ Бога и святыхъ Его, стоимъ какъ бы въ присутствіи ихъ, одушевляемся благоговѣніемъ, любовію и усердіемъ къ нимъ—вспоминаемъ ихъ вѣру, подвиги и труды, видимъ на нихъ просіявшую благодать Божію, воображаемъ блаженство и славу, которыхъ они сподобились, и сами располагаемся по силѣ подражать имъ, раскаиваемся въ грѣхахъ своихъ и просимъ у нихъ молитвъ, помощи и заступленія. Скажите, куда Православный Христіанинъ обращается въ часы особенной радости, или бѣды и печали, какъ не къ св. иконамъ? Предъ кѣмъ повергается онъ, какъ не предъ св. иконами? Тутъ изливаетъ онъ душу свою, въ этомъ источникѣ благодати почерпаетъ и сладость въ радости, и утѣшеніе въ печали.

„Чествованіе иконъ“, говорятъ, „противно второй заповѣди Божіей, и яко бы Христіане, покланяющіеся иконамъ, признають ихъ за боговъ“. Это какъ? Неужели есть кто любо такой безумный? Развѣ портреты считаетъ кто за тѣ самыя лица, которыя на нихъ изображены? А что Христіане чтутъ св. иконы, покланяются имъ, лобызаютъ ихъ, и молятся имъ, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ добраго, святаго и душеспасительнаго. Они молятся не иконѣ собственно, а тому, кто на иконѣ изображенъ. Икона тутъ служитъ только представителемъ и посредникомъ, хотя и сама она чрезъ это самое

дѣлается уже святою и досточтимую. Вотъ, на примѣръ, у кого либо отецъ отошелъ въ другую, загробную жизнь. Что, если бы сынъ, по любви къ отцу, сталъ дѣлать поклоненіе портрету отца, и цѣловать его? Неужели бы кто назвалъ такой поступокъ его безразсуднымъ? Напротивъ не всякій ли сказалъ бы о немъ, что это добрый и почтительный сынъ? Такъ и у Христіанъ. Христось и святые не находятся въ видимомъ присутствіи на землѣ,—и мы почитаемъ изображенія ихъ,—свидѣтельствуя предъ ними свою вѣру и любовь къ святымъ, покланяемся имъ, лобызаемъ ихъ, и молимся предъ ними. Не забудемъ, что Самъ Господь, давъ Нерукотворенный Свой образъ вѣрующимъ, освятилъ Своимъ божественнымъ благоволеніемъ и Христіанское чествованіе св. иконъ. Онъ на многихъ и премногихъ св. иконахъ показалъ знаменіе Своей божественной благодати и силы и ниспосылалъ различные духовные дары тѣмъ, которые прибѣгали къ нимъ, и молились предъ ними и чтили ихъ.

Благодареніе Богу! Православная Христова Церковь полна этой божественной святости. Каждый Христіанскій храмъ украшаютъ и освящаютъ св. иконы Христа Спасителя, Божіей Матери и святыхъ. Въ каждомъ храмѣ такъ и видно селеніе Божіе, присутствіе святыхъ; каждый храмъ такъ и представляетъ въ себѣ земное небо, гдѣ бранный и смертный человѣкъ встрѣчается съ безсмертнымъ божествомъ и входитъ въ духовное общеніе съ небожителями. Благодареніе Богу! И въ домахъ многихъ Православныхъ Христіанъ святая иконы составляютъ украшеніе и святыню. Взойдешь только въ домъ,—и видишь, что жители тутъ Христіане Православные и благочестивые. Взирая на св. иконы, невольно, по Православному Христіанскому обычаю, осѣнишь себя крестнымъ знаменіемъ, и сдѣлаешь благоговѣйное поклоненіе Христіанской святынѣ. Говорю: въ домахъ многихъ Православныхъ Христіанъ св. иконы составляютъ украшеніе и святыню, но, къ прискорбію, не во всѣхъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ нерѣдко этой святости не видишь, или едва замѣтишь ее въ жилищахъ нѣкоторыхъ Христіанъ, и какихъ Христіанъ? Которые, по образованію, достоинству рода и значенію въ обществѣ, должны бы служить для другихъ примѣромъ благочестія! Не говоримъ, что они равнодушны къ этой святынѣ; св. иконы у нихъ есть, и нерѣдко въ большомъ количествѣ, но въ отдаленныхъ, уединенныхъ, а не въ главныхъ, открытыхъ покояхъ. Что же это значитъ? Ужъ не стыдятся ли они своего Православія? Ежели такъ, пусть подумаютъ о томъ, что сказалъ Христось. *Иже аще постыдится Мене въ родѣ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ,*

и Сынъ человѣческой постыдится его, егда придетъ во славу Отца Своего со Ангелы святыми (Марк. 8: 38).

Почитаемъ, Христіане, Святыя божественныя иконы, прибѣгаемъ къ нимъ въ молитвахъ, возводя умъ и сердце къ изображаемымъ на нихъ Христу Спасителю нашему, Пречистой Матери Его и всѣмъ святымъ, благочестно поклоняемся имъ, и благоговѣнно лобызаямъ ихъ, да получимъ милость отъ Бога и оставленіе прегрѣшеній нашихъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 20.

Необходимо Христіанину вообразжать въ себѣ Христа.

Господи благослови!

Еще обращаю и свое и ваше, братіе, вниманіе на Нерукотворенный образъ Христовъ, только въ другомъ уже отношеніи. Не можно ли намъ отсюда сдѣлать какого благочестиво-нравственнаго приложенія къ себѣ? И можно и, кажется, должно. Для чего Христовъ далъ Авгару, а въ лицѣ его всему соопму вѣрующихъ, Свой божественный образъ? Неужели для того, чтобы только смотрѣть на него, почитать его и поклоняться ему? Нѣтъ. Онъ пришелъ на землю возстановить въ падшемъ человѣческомъ естествѣ образъ Божій, Онъ и принялъ на Себя нашъ человѣческой образъ для того, чтобы взаимно сообщить намъ Свой божественный образъ. Вотъ въ означеніе этого и изобразилъ Онъ видимо Свой божественный образъ, и даровалъ намъ его, чтобы мы взирая на него, сами *духовно преображались въ тотъ же образъ* (2 Кор. 3: 18). И точно такъ. Христіанинъ долженъ имѣть на себѣ образъ Христовъ. Тогда онъ только и будетъ истинный Христіанинъ, истинный послѣдователь Христа, когда будетъ носить въ себѣ образъ Христовъ. Неужели онъ будетъ носить на себѣ только имя Христово, и не имѣть никакого сходства и подобія со Христомъ? Что же будетъ тогда? Узнаетъ ли его Христовъ? Сочтеть ли его, такъ сказать, роднымъ Себѣ? Удостоитъ ли его съ Собою блаженства и славы въ жизни вѣчной? Нѣтъ. Участниками Его будутъ только тѣ, которые окажутся *сообразными образу Его, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ* (Рим. 8: 29). Посему-то Апостоль Павелъ такое духовное преображеніе поставляетъ намъ въ существенную потребность и необходимую съ нашей стороны обязанность. *Яко же, говорить, обле-*

кохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небснаго (1 Кор. 15: 49). И долгомъ своего служенія, и конечною цѣлюю своихъ Апостольскихъ трудовъ считалъ всегда то, чтобы Христіане подобны были Христу. *Чадца моя*, говорилъ онъ Галатійскимъ Христіанамъ, *чадца моя, ими же паки бользную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4: 19).

• Вотъ, братіе, какой урокъ преподалъ намъ и какую обязанность возлагаеъ на насъ Нерукотворенный образъ Христовъ. Мы должны воспринимать на себя образъ Христовъ, должны вообразать въ себѣ Христа, дѣлаться подобными Христу. Не считайте это требованіе излишествомъ, или принадлежностію однихъ великихъ Христіанскихъ подвижниковъ. Повторяю: это необходимо всѣмъ Христіанамъ, безъ этого быть никто не можетъ истиннымъ Христіаниномъ. Истинный Христіанинъ непремѣнно долженъ быть подобенъ Христу.

Какъ же Христіанинъ долженъ уподобляться Христу и изображать въ себѣ Христа? Въ чемъ состоитъ это уподобленіе, это изображеніе Христова? Изображеніе Христова, или образъ Христовъ, который долженъ воспринять на себя Христіанинъ, состоитъ въ усвоеніи имъ самому себѣ Христовыхъ мыслей, свойствъ и расположеній, душевныхъ дѣлъ и пути, которымъ шелъ Христосъ. *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христьъ Иисусъ* (Филип. 2: 5) говоритъ Апостоль. Видите, какъ Апостоль заповѣдуетъ Христіанамъ во всемъ уподобляться Христу. Христосъ единственною цѣлюю земнаго бытія Своего поставлялъ исполненіе воли Бога Отца Своего и все вниманіе и пощеченіе обращалъ на дѣло служенія Своего. *Снидохъ съ небесе*, говорилъ, *не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. 6: 38) *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя, дондеже день есть* (Іоан. 9: 4). Исполненіе воли Божіей, дѣло служенія Его было для Него насущною потребностію, пищею Его божественной души. Разъ, когда ученики Его предлагали Ему пищу, Онъ сказалъ: *Мое брашно есть, да соверю волю пославшаго Мя, и совершу дѣло Его* (Іоан. 4: 34). Таковъ долженъ быть и Христіанинъ. Служеніе Богу, исполненіе воли Божіей, дѣла благочестія, собственное душевное спасеніе должны быть у него выше всѣхъ другихъ обязанностей, потребностей и нуждъ, и ничто не должно его останавливать на пути Христіанскаго долга.—Христосъ, будучи Богъ, молился Небесному Отцу Своему часто по цѣлой ночи. *Той же*, говоритъ Евангелистъ о Христвѣ, *бѣ отходя въ пустыню, и моляся* (Лук. 5: 16), *и бѣ объ ночь въ молитвѣ Божіи* (Іоан. 6: 12). И Христіанинъ долженъ какъ

можно чаще освящать себя молитвою, и ни одного дня, ни утра, ни вечера не оставлять безъ молитвы. Христось былъ смиренъ и кротокъ, какъ Самъ засвидѣтельствовалъ о Себѣ, повелѣвая подражать Ему въ кротости и послѣдователямъ Его. *Научитесь отъ Мене*, говорилъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11: 29). Поэтому Христіанинъ, подражая Христу.—долженъ одушевлять себя кротостію, смиреніемъ, незлобіемъ, любовію. Христось былъ необыкновеннымъ благодѣтелемъ человечества; всѣ дѣла его были выраженіемъ безпредѣльной любви, усердія, помощи ближнему. Такъ поступать заповѣдалъ Онъ и Христіанамъ. *Образъ дахъ вамъ*, сказалъ Онъ, *умывъ ноги ученикамъ Своимъ, да яко же Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13: 15). Посему Христіанинъ долженъ быть слугою своимъ ближнимъ: не смотря ни на какія достоинства и преимущества, любить всѣхъ, быть готовымъ на помощь всѣмъ, благодѣтельствовать, чѣмъ можно, каждому. Когда говоримъ о дѣлахъ Христовыхъ, то здѣсь, конечно, не разумѣются чудеса Христовы; дѣла божественнаго всемогущества Его. Но и въ этихъ дѣлахъ Христіанинъ можетъ нѣкоторымъ образомъ уподобляться Христу. Ежели не можетъ разомъ напитать тысящи, можетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ алчущихъ насытить. Ежели не можетъ возставить съ одра болящаго, можетъ по крайней мѣрѣ дать ему пособіе и облегчить его болѣзнь. Ежели не можетъ воскресить умершаго тѣлесно, можетъ оживить его духовно, утѣшивъ его благимъ словомъ въ горести его, подавъ ему руку помощи въ бѣдѣ и напасти, возвративъ его съ пути порока на путь добродѣтели. Христось страдалъ во всю, можно сказать, жизнь, терпѣлъ во всемъ недостатокъ, *не имѣлъ, идъ главы поклонити* (Матѳ. 8: 20),—нѣсколько разъ хотѣли свергнуть Его съ горы, побить камнями, искушали, злословили, укоряли, наконецъ неправедно предали мученію и смерти. Неужели, по-думаете, таковъ долженъ быть и всякій Христіанинъ? Не удивляйтесь. Непремѣнно таковъ. Святый Апостоль говоритъ: *Христось пострада по насъ, намъ оставя образъ да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2: 21). Самъ Христось сказалъ: *уже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8: 34). Да. Христіанинъ долженъ быть готовъ на всякое терпѣніе. Ежели Господь изволить, долженъ великодушно переносить и бѣдность, и несчастіе, и обиды, и досажденія, и гоненіе. Тяжело, конечно, терпѣніе, болѣзненно всякое, и не смертное, страданіе, но велика и награда на небесахъ, сладостно и блаженство въ будущей жизни. За совокупное, такъ сказать, терпѣніе и страданіе со Христомъ

общается совокупное съ Нимъ и прославленіе. *Аще съ нимъ страждемъ съ нимъ и прославимся* (Рим. 8: 17), говоритъ Апостоль. Ежели Христіанинъ здѣсь уподобится Христу, то и тамъ, въ вѣчной жизни, будетъ подобенъ Ему. *Вѣмы, говорилъ Апостоль Іоаннъ, яко, егда явится (Христось), подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3: 2). Тогда-то просіяетъ снова въ человѣкѣ образъ Божій, по которому онъ сотворенъ, просіяетъ несравненно въ большемъ величіи и славѣ, нежели какъ былъ въ первобытной невинности человѣка.

Вотъ, братіе, чему поучаетъ насъ Нерукотворенный образъ Христовъ! Видите, что Христіанинъ долженъ воспріять на себя образъ Христовъ. Видите, что въ званіи его предлежитъ ему образованіе,—не то, какое у насъ въ обычаѣ и въ славѣ,—нѣтъ! мірское образованіе можетъ произвести въ насъ, хотя бы самый свѣтлый образъ, но не Христовъ, а *міра сего* (1 Кор. 7: 3). Христіанину предлежитъ образованіе Христіанское; онъ долженъ воспріять на себя образъ Христовъ, и не по виду только, не по одному наружному образу *благочестія*, а по внутренней *силѣ его* (2 Тим. 3: 5), сообразуя свои мысли, намѣренія и дѣла, весь образъ своей жизни съ волею и закономъ Христовымъ.

Христе Спасителю! *Просвѣти лице Твое* (Пс. 66: 2) и на насъ грѣшныхъ, и всесильною Твоею благодатію напечатлѣй въ насъ образъ Твой божественный, да и въ вѣчной жизни, осіяваемые Твоею божественною славою, сподобимся зрѣть Тебя *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13: 12). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 21.

Христіанинъ вѣрный своему званію совѣмъ другой
человѣкъ въ сравненіи съ прочими.

Господи благослови!

Да будете неповинни и цѣли, чада Божія непорочна посредь рода строптива и развращена, въ низже является якоже свѣтила въ мѣрѣ.

(Филип. 2: 15).

Иакъ Св. Апостоль поучалъ Христіанъ своего времени. Что хотѣлъ онъ этимъ сказать? То что Христіане должны быть люди отличные отъ не-христіанъ, носить и показывать въ себѣ самыя замѣчательныя достоинства и преимущества предъ другими. Хорошо. Это

значить, достойно особеннаго нашего вниманія, братіе. Христіанство для многихъ изъ насъ довольно темный предметъ, и мы обвыкли довольствоваться по большей части однимъ поверхностнымъ понятіемъ о Христіанствѣ, какъ будто все состоитъ въ одномъ имени Христіанъ, и много-много въ исполненіи однихъ внѣшнихъ Христіанскихъ обязанностей, какъ будто Христіанинъ во всемъ прочемъ есть человѣкъ обыкновенный, ничѣмъ отъ другихъ не отличающійся и вѣдомый только единому Богу. Но такъ ли? Нѣтъ. Истинный Христіанинъ весьма замѣтно долженъ отличаться, и непременно отличается отъ не-христіанъ и Христіанъ только по имени, отличается и мыслями, и чувствами, и словами и дѣлами. Все у него особенно и противоположно другимъ; его нельзя внимательнымъ не замѣчать; онъ въ средѣ другихъ, какъ *свѣтило въ мѣрѣ*.

Сравните истиннаго Христіанина съ не-христіанами, или, вообще, съ людьми носящими только имя Христіанъ, а живущими по плоти и духу міра. Вотъ люди, какъ обыкновенно бываетъ, только и думаютъ о себѣ, о настоящей жизни, думаютъ, какъ бы жить спойно, имѣть во всемъ достатокъ, какъ бы прожить вѣкъ счастливо, и,—кажется—только. А Христіанинъ не много думаетъ о временномъ, у него главная, и по большей части единственная забота о томъ, какъ бы угодить Богу и явиться на тотъ свѣтъ съ надеждою вѣчной жизни и блаженства. Прочіе или мало думаютъ, или совсѣмъ не думаютъ о своемъ Христіанскомъ званіи, о своей вѣрѣ и о правилахъ вѣры, или же вносятъ въ область вѣры еще собственное мудрованіе, и такимъ образомъ разрушаютъ чистоту и достоинство вѣры, а Христіанинъ? Христіанинъ всего дороже поставляетъ для себя сокровище вѣры, и весь преданъ водительство Православной Церкви, какъ вѣрный сынъ Ея, *плѣнная разумъ свой въ послушаніе Христу* (2 Кор. 10: 5). Прочіе, по слову Спасителя нашего, *во время вѣрують и во время напасти отпадаютъ* (Лук. 8: 13), считаютъ себя въ числѣ вѣрующихъ; а случись изъ-за вѣры какая либо хотя малѣйшая опасность потерять или честь, или выгоду, или просто вниманіе и расположеніе вышихъ, готовы скрывать свою вѣру, въ случаѣ же открытаго гоненія, и совсѣмъ отказаться отъ вѣры,—а Христіанинъ? Христіанинъ твердо стоитъ въ своемъ исповѣданіи и вѣрѣ,—его не колеблютъ никакія неблагопріятныя обстоятельства,—на противныя вѣрѣ увлеченія, прощенія и угрозы онъ отвѣчаетъ съ Апостолами: *повиноватися подобаетъ Богови наче, нежели челоувкомъ* (Дѣян. 5: 29), и въ случаѣ преслѣдованія, готовъ потерпѣть и изгнаніе, и мученіе, и смерть. Прочіе или вовсе не испол-

няютъ, или исполняютъ неохотно, не вполнѣ и не всегда,—обязанности Христіанскія и установленія церковныя, каковы, наприм. молитва, постъ, говѣніе: а истинный Христіанинъ? Христіанинъ всегда и во всемъ вѣренъ своему долгу, и скорѣе откажетъ себѣ въ чемъ либо необходимомъ для жизни, нежели оставитъ неисполненною какую либо обязанность Христіанскую. Прочіе *чтутъ Бога*, по словамъ Спасителя, только *устами* (Матѣ. 15: 8), служатъ Ему, по большей части, наружно, безъ расположенія, безъ усердія, приходятъ въ церковь когда-нибудь, стоятъ во время службы какъ будто, мало обращаютъ вниманія на молитву и службу, занимаясь больше собою и окружающими ихъ предметами,—не увидишь у нихъ ни взора, поднятаго къ небу, ни креста правильнаго, ни поклона благоговѣйнаго,—а Христіанинъ? О, Христіанинъ спѣшитъ въ церковь, какъ домой, къ небесному Отцу, какъ къ родному Отцу, бѣжитъ, по словамъ Давида, какъ *олень на источники водныя* (Пс. 41: 2), входитъ онъ въ церковь съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, стоитъ въ церкви благочинно и благоговѣнно, какъ въ присутствіи Самого Бога, слушаетъ чтеніе и пѣніе и взираетъ на совершаемое священнодѣйствіе внимательно, молится усердно и, выходя изъ храма, считаетъ себя счастливымъ на тотъ день. Прочіе только и думаютъ о томъ, какъ бы улучшить свое состояніе, увеличить выгоды и разбогатѣть, хотя бы иногда и не совсѣмъ праведно и честно, хотя бы и съ обманомъ, и со вредомъ ближнему,—а Христіанинъ? Сохрани Господи! Да на что ему богатство? Онъ хорошо знаетъ и помнитъ, что его, можетъ быть, сегодня же не будетъ на семь свѣтѣ. Останутся жена и дѣти? Да вѣдь и они такіе же люди, и такіе же Христіане. Всѣ должны жить для Бога и для своего спасенія. Имѣть нищю и одѣяніе, не богатя и роскошныя, а необходимыя, нетрудно, а имѣя ихъ, *сими*, по Апостолу, и должны *быть довольны* (1 Тим. 6: 8). Прочіе желаютъ, нищуть и домогаются себѣ преимуществъ, почестей и отличій, хотя нерѣдко безъ достоинствъ и заслугъ, хотя даже лестію, лицемѣріемъ и хитростію, съ униженіемъ и оклеветаніемъ другихъ, а—Христіанинъ? Онъ уклоняется, бѣжитъ отъ земной, человѣческой славы, которой тщетность ему хорошо извѣстна; онъ знаетъ и цѣнитъ одно достоинство благочестія и вѣры,—ему дорога одна истинная, неувядающая вѣчная слава; слава, которую обѣщаль Богъ любящимъ Его и въ правдѣ и въ преподобіи истины служащимъ Ему. Ежели и случится ему стать на высотѣхъ человѣческаго величія и славы, онъ не надмевается своимъ величіемъ и не пренебрегаетъ низшими себя, какъ прочіе, а помнитъ правило муд-

раго: *емко великъ еси, толико смирайся* (Сирах. 3: 18), и въ точности послѣдуетъ заповѣди Христовой: *еще кто хочетъ старѣи быти да бубетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга* (Марк. 9: 35). Прочіе хотятъ жить только въ свое удовольствіе, пить, ѣсть и веселиться, — а Христіанинъ? Христіанинъ воздерженъ, уклончивъ отъ мірскихъ сообществъ, любитъ болѣе уединеніе, честный и полезный трудъ, и благочинный, соотвѣтственный духу Святой вѣры образъ жизни.

Таковъ Христіанинъ, такъ отличенъ и такъ высокъ онъ предъ другими по отношенію къ недостаткамъ и немощамъ человѣческимъ. А посмотрите еще, какъ онъ высокъ надъ самою, такъ сказать, человѣческою природою. Какое изумительное у него великодушіе и терпѣніе! Вотъ, на примѣръ, подвергается челоѣкъ презрѣнію, обидамъ, досажденіямъ, преслѣдованіямъ, гоненію. Каково это терпѣть? Другіе въ такихъ обстоятельствахъ унывають, жалуются, стараются даже, если могутъ, отомстить врагамъ, — а Христіанинъ? Онъ благодушно переноситъ все. Вѣдь такъ, говоритъ, поступали люди и со Святыми. А они все терпѣли, и въ терпѣніи еще благословляли Бога. И вотъ онъ не только не питаетъ нерасположенія къ своимъ врагамъ, не только не мститъ имъ, если бы и могъ, но любитъ ихъ и готовъ благотворить имъ. Возьмите опять бѣдность. Какъ она горька для челоѣка, — и кто бываетъ равнодушенъ и спокоенъ въ бѣдности? А Христіанинъ? Онъ и въ бѣдности спокойнѣе и счастливѣе всякаго богача. Давайте ему богатство, — онъ не только не обольстится, но и не польстится на него. Ему извѣстно, что никто почти изъ святыхъ богатымъ не былъ. Онъ хорошо понимаетъ, что бѣдность есть лучшій и надежнѣйшій путь къ приобрѣтенію небесныхъ сокровищъ, а при богатствѣ того и смотри, что забудешься и погибнешь на вѣки. Случись съ нимъ несчастіе, разореніе, потеря дорогихъ сердцу! Что же онъ? Думаете, станетъ сѣтовать, какъ другіе, горевать, плакать, терзаться, или еще хуже — роптать, отчаяваться, прокливать даже день своего рожденія? О, нѣтъ! Онъ видитъ во всемъ волю Божию; дано ему, — благодаритъ Бога и употребляетъ въ пользу и во славу Божию; отнято, — не сокрушается и повергаетъ себя въ волю Божию, говоря съ Ювомъ: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1: 21). Мало этого. Въ горькомъ посѣщеніи онъ видитъ еще попечительный промыслъ Божій о себѣ; считаетъ это посѣщеніе не столько наказаніемъ отъ Бога, сколько свидѣтельствомъ Его божественнаго благоволенія и любви,

помнимъ слова Писанія, что *его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ* (Евр. 12: 6). Грозитъ ему смерть? О, какъ горька она для человѣка. Страшно разставаться съ жизнью, со свѣтомъ, съ родными и близкими. А Христіанинъ? Христіанинъ и въ этомъ случаѣ спокоенъ. Что ему смерть? Онъ всегда думалъ о ней, всегда ожидалъ ее,—она для него переходъ въ лучшую жизнь, къ Творцу, Искупителю своему и Богу. Ему и жалѣть нечего, онъ ничего не имѣлъ, а ежели и имѣлъ, то не прилѣплялся ни въ чему, все считалъ временнымъ, и какъ бы чужимъ.

Видите, братіе, какъ не похожъ Христіанинъ на прочихъ людей, какъ онъ отличенъ, высокъ и въ мысляхъ, и чувствахъ, и дѣлахъ? При всѣхъ обстоятельствахъ жизни! Не подумайте, что это одни слова, одно мысленное изображеніе Христіанина, что на дѣлѣ человѣку невозможно быть такимъ. Развѣ Христіанская вѣра только слова?—Развѣ Спаситель далъ законъ невозможный къ исполненію? Развѣ не было такихъ отличныхъ по вѣрѣ и жизни Христіанъ? Были тысячи, сотни тысячъ, было безчисленное множество. Развѣ они были не такіе же люди, какъ и всѣ? А какими сдѣлались они по смерти? Да. Христіанинъ совсѣмъ другой, не похожій на прочихъ, человѣкъ. Это явленіе небесное на землѣ; это—земной Ангелъ и небесный человѣкъ. Самый ви́шній видъ его, исполненный степенности и благоговѣйности, даетъ уразумѣть, *яко человекъ Божій есть онъ* (3 Цар. 17: 23). Такъ, по большей части, и разумѣютъ его окружающіе его. Если не всегда ви́шно, видимо, то всегда внутренно, въ душѣ и совѣсти чтутъ истиннаго Христіанина, благоговѣютъ предъ нимъ, удивляются ему, видя въ немъ вышеестественныя, такъ сказать, качества и поступки. И какъ не чтить его, когда онъ честенъ, правдивъ и благочестивъ? Какъ не благоговѣть предъ нимъ, когда онъ видимо торжествуетъ надъ своею грѣховною природою и не *побѣждается отъ зла, но благомъ побѣждаетъ злое?* (Рим. 12: 21). Какъ не удивляться ему, когда онъ презираетъ смерть и готовъ пострадать за истину? Когда мученики страдали за Христа, не часто ли самые невѣрующіе, смотря на ихъ страданія, изумлялись, прославляли Бога и сами воодушевлялись ихъ благочестіемъ и вѣрою. Такъ *святится святъ Христіанина предъ чело́вѣки, что они, видя его добрая дѣла, прославляютъ Отца нашего, Иже на небесахъ* (Матѣ. 5: 16). Истинно Христіанинъ есть *свѣтило въ мѣрѣ*. Самая смерть благочестиваго Христіанина не то, что смерть обыкновеннаго человѣка: ее сопровождаютъ похвалы и благословенія, всѣ благословляютъ его вончину, съ усердіемъ и честію

провожаютъ его въ другую жизнь и благоговѣнно совершаютъ его память.

Такъ Христіанинъ во всемъ отличенъ отъ другихъ еще здѣсь, въ настоящей жизни. Онъ отличенъ и по смерти, и въ будущей жизни. Многіе изъ Христіанъ прославились по смерти нетлѣніемъ мощей своихъ и чудесами, а въ будущей жизни *просвѣтятся яко солнце въ Царствіи Отца ихъ* (Матѳ. 13: 43). Конечно не всѣ избранные Христіане одинаковы по смерти въ отношеніи къ своимъ останкамъ (судя, можетъ быть, по степени вѣры, благочестія и подвиговъ), а лучше сказать по вѣдомымъ одному Богу судьбамъ: одни нетлѣнно тѣлесами своими почиваютъ, такъ что и симъ прославлены и прославляются, другіе также нетлѣнно почиваютъ, но не приемятъ славы, по колику не поставлены на свѣщницѣ въ общее свѣтлѣніе и потому не всѣмъ и вѣдомы, а иные и въ персть обращаются, и въ будущемъ воскресеніи не одинаково славными явятся какъ *не одинакова слава солнцу, лунѣ и звѣздамъ* (1 Кор. 15: 41); но всѣ отличны и славны, всѣ стануть на правой сторонѣ небеснаго Судіи и Бога, и призовутся въ Царство Небесное, тогда какъ мѣстомъ другихъ, и нехристіанъ, и Христіанъ, не оправдавшихъ жизнью своего Христіанскаго званія, будетъ лѣвая сторона, и затѣмъ участь, имъ отъ праведнаго Судіи предназначенная.

Братіе—Христіане! Вѣдаемъ, что Христіанство состоитъ не въ одномъ имени и устномъ исповѣданіи вѣры, не въ одномъ даже исполненіи внѣшнихъ Христіанскихъ обязанностей безъ усвоенія духа ихъ. Нѣтъ. Христіанинъ долженъ замѣтно отличаться отъ другихъ по всему: и по мыслямъ, и по чувствамъ, и по словамъ, и по дѣламъ, вообще, по всему образу жизни, такъ какъ онъ долженъ поступать по закону Христову, который совершенно противоположенъ закону грѣховному и правиламъ міра. Такова вѣра Христіанская. Такъ она измѣняетъ человѣка и преобразуетъ его изъ ветхаго, грѣховнаго, въ новаго, святаго и непорочнаго. Будемъ просить у Господа, чтобы всесильная благодать Его содѣлала и насъ иными, новыми людьми, достойными быть въ числѣ чадъ Божіихъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 22.

Милость Божія къ человѣку въ ежегодномъ плодоношеніи земли.

Господи благослови!

Милости Господней исполнь земля.
(Ис. 32: 5).

Ежели когда, то особенно, по окончаніи каждаго лѣта, прилично, ^Ѵ братіе, повторять это благодарное исповѣданіе царя Израильскаго. Ежели когда, то въ настоящее время, по собраніи плодовъ земныхъ, справедливо и намъ провозгласить великую благодать и милость Божию къ роду человѣческому, воззвать изъ глубины благодарныхъ сердець съ тѣмъ же благочестивымъ царемъ: *милости Господни исполнь земля*. Представьте, братіе, что было зимой и что стало лѣтомъ. Зимой земля была мертва, пуста, закрыта снѣжнымъ покровомъ, какъ будто покоилась мертвымъ сномъ; деревья стояли обнаженными, безъ листьевъ и плодовъ; человѣкъ укрывался отъ холода въ своей хижинѣ и доѣдалъ остатки лѣтнихъ земныхъ плодовъ. А вотъ наступило лѣто,—и все ожило; земля покрылась травой, деревья листьями,—все начало расти, и приносить плодъ по роду и свойству каждаго растенія. И что мы видимъ теперъ? Какое множество разнообразныхъ плодовъ! Земля полна хлѣбныхъ и другихъ различныхъ произрастеній, деревья угѣшаны снѣлыми и приятными плодами. Кто постигнетъ это богатство растительной природы? Кто исчислитъ это безчисленное множество ея даровъ? Есть, правда, у насъ извѣстные надзиратели надъ природой, которые ежегодно составляютъ свѣдѣнія и о количествѣ плодовъ земныхъ. Но эти свѣдѣнія не болѣе, какъ единицы въ тысячахъ и милліонахъ; количество плодовъ одного извѣстнаго мѣста въ отношеніи къ числу плодовъ на всей землѣ тоже, что капля въ сравненіи съ моремъ. Нѣтъ. Произведеніямъ земли человѣкъ никогда не найдетъ ни числа, ни мѣры. И все это приготовлено и отдано въ пищу и наслажденіе человѣку. Милліоны населяющихъ землю людей, и не только людей, но и всякихъ животныхъ питаются плодами земли, которые произрастаютъ на ней ежегодно въ продолженіе лѣта.

Кто же производитъ все это? Самъ человѣкъ? О, нѣтъ! Онъ только принимаетъ и употребляетъ въ свою пользу эти дары природы. Правда, и человѣкъ принимаетъ участіе своими трудами при

этомъ великомъ дѣлѣ природы, но какое малое участие, — взрыхлить землю, посадить черенокъ или вложить сѣмя, можетъ быть польеть, а затѣмъ все дѣйствіе совершаетъ невидимая въ природѣ сила. Какая же это сила? Именно сила творческая; та сила, отъ которой произошелъ и которою существуетъ весь міръ; та сила, которая въ началѣ произрастила на землѣ, и донинѣ постоянно произращаетъ плоды въ пищу и наслажденіе человѣку. Это невидимая и не постижимая сила Божія. Самъ Творецъ и Промыслитель питаетъ всѣхъ, *съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. 14: 17). Самъ невидимо *отверзаетъ* великодаровитую божественную *руку Свою, и исполняетъ всякое животное благоволенія* (Пс. 144: 16). О, певольно каждый долженъ воскликнуть съ Давидомъ: *Коль многое множество благодати Твоя, Господи* (Пс. 30: 20)! Восьмую тысячу лѣтъ Господь Богъ питаетъ всѣхъ живущихъ на землѣ, ежегодно посылаетъ имъ не только необходимое, но и пріятное; не только потребное для жизни, но и служащее къ наслажденію. И пусть бы Господь питалъ нѣкоторыхъ, достойныхъ, а то всѣхъ; пусть бы благодворилъ однимъ добрымъ, знающимъ Его, вѣрующимъ въ Него, любящимъ Его и служащимъ Ему, — но нѣтъ! благодворитъ всѣмъ, *сіяетъ солнце Свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѣ. 5: 45). Подлинно *блажь Господь всяческиимъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его* (Пс. 144: 9). Истинно *милости Господни исполнь земля*. Чтожь, если бы Господь отказалъ намъ въ своей милости? Если бы Онъ *удержалъ во инѣвъ Своимъ щедроты Своя* (Пс. 76: 10). А развѣ этого не можетъ быть? Вѣдь во всемъ Его божественная воля. Повелить, — и не будетъ дождя; повелить, — и не будетъ свѣта солнечнаго. Что тогда? Или постоянная засуха, которая все обратить въ пыль и персть, или непрерывное ненастье, отъ котораго все придетъ въ гніеніе и разрушеніе. — Съ чѣмъ же останутся бѣдныя твари? Имъ всѣмъ неизбѣжна тогда мучительная, голодная смерть.

О, тогда позналъ бы человѣкъ Бога, вспомнилъ бы своего Благодѣтеля, понялъ бы Его безпредѣльную благодать, оцѣнилъ бы Его богатые и обильные дары. А теперь? Теперь какъ принимаетъ онъ эту милость Божію? Какъ цѣнить и какъ пользуется ежегодно ниспосылаемыми ему дарами? Знаетъ ли даже своего Благодѣтеля? *Увы, скажетъ съ пророкомъ, языкъ грѣшный людіе исполнени грѣховъ!* (Исаія 1: 4). *Позна волю стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего, человекъ же, сотворенный отъ Бога и питаемый Богомъ, не*

позна Бога, и людиЕ Его не разумѣша (Исаія 1: 3). Много было и всегда, а не мало, къ удивленію, и нынѣ такихъ *премудрыхъ и разумныхъ* (Лук. 10: 21), которые не видятъ Творца природы, думаютъ и говорятъ, что природа самосуца и все въ ней происходитъ, а слѣдовательно и земля произращаетъ плоды сама собою, а потому человекъ не считаетъ себя обязаннымъ никому, развѣ собственной своей дѣятельности и собственному своему искусству. Но что говорить о такихъ мудрыхъ, *безуміе* которыхъ *явлено есть всѣмъ?* (2 Тим. 3: 9). Посмотримъ-ка на истинно разумныхъ, на Христианъ,—посмотримъ-ка на самихъ себя, братіе, какъ мы принимаемъ ежегодно посылаемые намъ отъ Подателя всѣхъ благъ Бога лѣтніе дары Его. Съ чувствомъ ли благодаренія принимаемъ, съ прославленіемъ ли имени Божія употребляемъ все, подаваемое намъ въ пищу и наслажденіе? Увы! далеко не такъ. Богъ все произращаетъ для насъ и подаетъ намъ какъ бы изъ своихъ божественныхъ рукъ,—а мы? Беремъ, ѣдимъ, насыщаемся, услаждаемся и думаемъ благодарить своего Питателя и Отца, какъ будто все приготовилъ и подаетъ намъ не Онъ, какъ будто все это не Его, а наше. Именно не думаемъ, къ стыду нашему должно сказать, братіе. Какъ мы такъ неразумны? Если кто тайно, не показывая себя или своего имени, пошлетъ намъ что либо къ нашему употребленію, неужели мы равнодушно, ничего не думая, начнемъ пользоваться тѣмъ? Неужели мы не позаботимся узнать, отъ кого это, кто этотъ нашъ благодѣтель? Во всякомъ же случаѣ, неужели мы не почувствуемъ и не сохранимъ въ душѣ своей благодарности къ неизвѣстному, тайному своему благодѣтелю? Не можетъ быть. Отчего же мы равнодушны только къ благодѣтелю нашему Богу, Который питаетъ и сохраняетъ насъ во всю жизнь нашу? Какъ мы не подумаемъ: „да кто же намъ все это подаетъ? Кто насъ такъ питаетъ и насыщаетъ?“ Вѣдь не мы же все это производимъ. Въ иномъ и мы принимаемъ нѣкоторое участіе, садимъ или сѣемъ, и поливаемъ, растеть же оно само, безъ всякаго нашего содѣйствія; а многіе и не садимъ, и не поливаемъ,—только собираемъ уже готовые плоды. Такъ, какъ же намъ не подумать о Промыслителѣ нашемъ Богѣ, когда станемъ собирать плоды земные? Какъ намъ не благодарить Его за такую великую Его милость, когда будемъ пользоваться дарами Его благодати, употреблять въ пищу и наслажденіе лѣтніе плоды земные?

Братіе! Благодарить надо всегда Благодѣтеля нашего, Подателя всѣхъ благъ Бога, когда принимаемъ отъ земли, отъ этой богатой сокровищницы Его, дары Его благодати. Благословлять и про-

славлять должно великое имя Его, когда употребляемъ эти дары въ свое насыщеніе и наслажденіе, *пѣть Богови нашему, одѣвающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горахъ траву, и злакъ на службу челоуѣкомъ* (Пс. 146: 7, 8), *изводящему хлѣбъ отъ земли* (Пс. 103: 14), и *тука пшенична насыщающему люди Своя* (Пс. 147: 3). Такъ поступать заповѣдуетъ Христіанамъ Св. Апостоль. *Аще, говорить, ясте, аще ли пѣете вся въ славу Божію творите* (1 Кор. 10: 31). То же дѣлать повелѣваетъ и Святая Церковь, которая установила начатки всѣхъ земныхъ плодовъ освящать молитвою. Благословенъ Богъ, милуй и питай насъ отъ богатыхъ Своихъ даровъ. Слава щедротамъ Его!

ПОУЧЕНІЕ 23.

Временная жизнь есть училище для челоуѣка.

Господи благослови!

Въ настоящее время, или около настоящаго времени, какъ извѣстно, братіе, начинаются и оканчиваются курсы ученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Одни вновь поступаютъ туда, другіе выходятъ, окончивъ свое образованіе. Такихъ учебныхъ заведеній какъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, такъ и въ нашемъ отечествѣ, много, различныхъ притомъ по различію званія и службы общественной. Значить, ученіе считается необходимымъ челоуѣку. И точно. Челоуѣкъ, какъ существо разумное и свободно-дѣятельное и какъ членъ общества, долженъ быть просвѣщенъ, наученъ и приготовленъ къ жизни и службѣ общественной. Онъ долженъ быть обогащенъ необходимыми и полезными познаніями, ему должны быть указаны всѣ пути, по которымъ онъ долженъ идти; раскрыты всѣ совершенства, чтобы стремиться къ нимъ, и всѣ недостатки, чтобы избѣгать ихъ, даны всѣ предосторожности, чтобы безопасно и не преткновенно пройти поприще жизни. Просто изъ челоуѣка долженъ быть приготовленъ вѣрный слуга Царю и отечеству, разумный и честный гражданинъ, добрый и общительный семьянинъ.

Всѣ однакожь таковыя училища, хотя полезныя и необходимыя, временныя. Туда поступаютъ и оттуда выходятъ, какъ сказали мы, въ извѣстные сроки; тамъ обучаются извѣстное только время, положенное для полнаго курса въ каждомъ училищѣ. А знаете ли, что есть еще училище вѣковое—пожизненное, такое, въ которомъ курсъ ученія оканчивается вмѣстѣ съ курсомъ челоуѣческой

жизни? Вамъ удивительно? А что значить извѣстное у насъ изреченіе, оставленное намъ предками нашими: „вѣкъ живи, вѣкъ учишься?“ Точно, братіе, жизнь наша есть вѣковое—пожизненное общее, самое притомъ лучшее, живое и дѣйствительнѣйшее для насъ училище. Мы приходимъ на сей свѣтъ какъ въ училище.—Жизнь временная есть поприще нашего образованія и приготовления къ вѣчности. Тамъ настоящая наша жизнь. Туда мы и отходимъ по окончаніи временной жизни, какъ бы по окончаніи учебнаго курса.

„Вѣкъ живи, вѣкъ учишься“. Правду сказали отцы наши. Точно, вся временная жизнь для человѣка есть наука. Возьмемъ ли въ разсужденіе познанія человѣческаго? Какъ они разнообразны и многочисленны! Скоро ли можно познать и изучить то, что уже приобрѣтено разумомъ человѣческимъ и наукой? Легко ли, притомъ, познать и изучить полно, всесторонне и совершенно, познать и изучить еще не однимъ чужимъ, такъ сказать, готовымъ способомъ, а и собственнымъ вниманіемъ, наблюденіемъ и разсужденіемъ? Еще древніе ученые сказали, что „наука длинна, а жизнь человѣческая коротка“. Когда же обратимъ вниманіе на самую жизнь, на самое опытное прохожденіе жизни, вотъ тутъ еще болѣе увѣримся въ томъ, что точно вся жизнь наша есть наука. Сколько въ жизни перемѣнъ, обстоятельствъ, отношеній, предметовъ, нуждъ! Какого вниманія, попеченія, осторожности, труда требуетъ служба общественная; часто разнородная и многосложная! Каждый почти шагъ въ жизни вызываетъ насъ на разумный съ нашей стороны поступокъ, каждый шагъ часто представляетъ новый предметъ и даетъ намъ, такъ сказать, задачу, которую мы должны рѣшить или въ пользу, или во вредъ себѣ. Такова жизнь для каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, въ какомъ бы званіи и состояніи ни находился. Всякое учебное образованіе есть только начало, приготовленіе. Полная, совершенная наука есть—наука жизни. „Вѣкъ живи, вѣкъ учишься“.

Но я говорю съ Христіанами; слѣдовательно долженъ имѣть въ виду науку Христіанскую. Что же? Можно ли отнести и къ наукѣ Христіанской силу древняго изреченія отцевъ нашихъ: „вѣкъ живи, вѣкъ учишься“. И можно, и должно. Наука Христіанская, какъ наука божественная, есть наука изъ наукъ. Для нея мало и самой долготѣйшей жизни человѣческой. Все притомъ, что мы можемъ познать нынѣ, познаемъ только *отчасти* (1 Кор. 13: 12), полное и совершенное познаніе въ вѣчности. Такова наука Христіанская. Она, преимущественно предъ всѣми науками, требуетъ всей жизни человѣческой. Всѣ прочія науки просто человѣческія; онѣ и

предметомъ своимъ имѣють по большей части только видимую природу и земную жизнь человѣческую; а Христіанская наука есть наука божественная,—она имѣеть предметомъ Бога, невидимый міръ и спасеніе человѣческое; она и готовитъ человѣка къ небесному жительству съ Ангелами. Можетъ ли быть такая наука проста, коротка и удобовизучима? Нѣтъ. Еще ветхозавѣтный богомудрый Царь въ молитвенномъ настроеніи къ Богу сказалъ: *широка заповѣдь Твоя зѣло* (Пс. 118: 96). Именно заповѣдь Божія широка.

Широка заповѣдь Божія по отношенію къ вѣрѣ. Христіанинъ долженъ познавать ту великую божественную заповѣдь, которую Иисусъ Христосъ, Искупитель рода человѣческаго, принялъ отъ Бога Отца Своего и которая состояла въ проповѣданіи міру спасительной воли Божіей, какъ Самъ Онъ засвидѣтельствовалъ: *пославый, Мя Отецъ, говоритъ Онъ, Той Мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возлазю; и вѣмъ, яко заповѣдь Его животъ вѣчный есть* (Іоан. 12: 49, 50). Именно Христіанинъ долженъ познавать Бога, Спасителя своего, и тайну спасенія человѣческаго. *Се есть животъ вѣчный*, говорилъ Господь въ молитвѣ къ Отцу Своему, *да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17: 3). А вѣдь познаніе Бога, своего Спасителя, и своего спасенія великое дѣло, братіе. Богъ въ существѣ Своемъ безпредѣленъ, совершенства Его безконечны, дѣла Его необъятны. Смотрѣніе Божіе о человѣкѣ премудро, *тайна благочестія* Христіанскаго, какъ говоритъ Апостоль, *велия* (1 Тим. 3: 16). Представьте, какіе высокіе предметы предлежатъ вѣдѣнію Христіанина. Богъ единъ въ Троицѣ; призваніе къ бытію того, чего прежде не было; каковъ весь міръ и всѣ видимыя твари; бытіе міра невидимаго, духовнаго; неразрушимость среди перемѣнъ времени видимаго міра и неизмѣнное сохраненіе порядка во вселенной; явленіе на свѣтъ перваго человѣка, и продолженіе рода человѣческаго; поврежденіе человѣческой природы грѣхомъ; искупленіе рода человѣческаго; воплощеніе Сына Божія и рожденіе Его отъ Дѣвы; Спаситель нашъ—Богъ и человѣкъ; Христосъ умеръ и воскресъ; смерть Иисуса Христа умертвила грѣхъ и возставила человѣчество; человѣкъ въ таинствѣ крещенія дѣлается новымъ, чистымъ и непорочнымъ; въ таинствѣ причащенія приѣмлетъ истинное тѣло и истинную кровь Христову и соединяется со Христомъ; въ свое время послѣдуетъ кончина или измѣненіе міра, затѣмъ наступитъ другая, вѣчная, лучшая и блаженнѣйшая жизнь; человѣкъ по смерти воскреснетъ и будетъ вѣчно блаженствовать и царствовать во Христѣ

съ Богомъ, если пребудеть вѣренъ въ возстановленномъ союзѣ съ Богомъ. Согласитесь, братіе,—вѣдь это все премудро, неисповѣдимо и непостижимо. *О, глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. 11: 33), воскликнулъ Апостоль, размышляя о премудромъ смотрѣніи Божиемъ. Да. Дѣла Божіи точно неисповѣдимы и непостижимы. Однакожъ мы не должны оставаться въ невѣдѣніи о нихъ. Такое невѣдѣніе и постыдно, и богопротивно, и душевредно. Апостоль такое невѣдѣніе поставлялъ въ укоризну и посрамленіе Христіанамъ своего времени. *Невѣдѣніе Божіе нтыцы и имутъ, къ сраму вамъ глаголю* (1 Кор. 15: 34), говорилъ онъ. Нѣтъ, братіе. Христіане должны, сколько доступно человѣку, познавать Бога, откровенныя тайны Божіи и дѣла Божіи; должны познавать, внимая откровенному слову Божію и уразумѣвая глаголы Божіи, подъ руководствомъ Св. Церкви, данною человѣку способностію ума. Царь Давидъ восхваляетъ того, кто *поучается въ законъ Господни день и ночь* (Пс. 1: 2), и самъ о себѣ свидѣтельствуеъ, что онъ желаетъ и старался познавать судьбы Божіи. *Во оправданіихъ Твоихъ поучися, и уразумѣю пути Твоя* (Пс. 118: 16, 15), говорилъ онъ. Апостоль Павелъ заповѣдуетъ Христіанамъ *умудряться во спасеніе* посредствомъ чтенія *священныхъ писаній* (2 Тим. 3: 15), и желаетъ, чтобы *слово Божіе вселялось въ насъ богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ* (Кол. 3: 16). Христіане должны познавать Бога, а вѣренныя имъ тайны Божіи и дѣла Божіи, постепенно восходя въ большее и большее разумѣніе, должны, по Апостолу, *возрастать въ разумъ Божіи* (Кол. 1: 10), *достигать въ мужа совершенна въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4: 13). Такъ бываетъ и въ ученіяхъ человѣческихъ. Человѣкъ обогащается познаніями не вдругъ, а постепенно, и чѣмъ болѣе занимается извѣстнымъ предметомъ, тѣмъ большія и разностороннія приобрѣтаетъ свѣдѣнія, такъ однакожъ, что предметъ знанія часто не выясняется вполне трудомъ и цѣлой человѣческой жизни.

Познавъ Бога, Спасителя своего, и тайну спасенія. Христіанинъ долженъ вѣровать въ Бога, въ Спасителя своего, и въ тайну спасенія. *Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* (Іоан. 14: 1), *вѣруйте въ Евангеліе* (Марк. 1: 15), говоритъ Господь. А это опять великое дѣло, братіе. Нельзя не знать, что не всякая вѣра есть истинная и спасительная. Есть вѣра, по свидѣтельству Апостола, *мертвая* (Іак. 2: 17), и есть вѣра *суетная* (Іак. 1: 26). Можно вѣровать, такъ сказать, безъ увѣренности, только устно, умомъ и

познаніемъ, безъ участія и безъ убѣжденія въ сердцѣ; можно вѣровать легкомысленно, непостоянно; можно вѣровать неразумно, нечисто, неправославно. Сами знаете, сколько между Христіанами суевѣрій, сколько у нихъ различныхъ исповѣданій вѣры и сектъ. Что же въ такой вѣрѣ, если она не истинна и не богоугодна? Счастливы, кто рожденъ и воспитывается въ истинной и спасительной вѣрѣ: ему остается, живя вѣрою сердечною, утверждаться въ ней и восходить отъ вѣры въ вѣру. А то вѣдь надо потрудиться, чтобы сердце было очищено отъ всякихъ суевѣрій и предразсудковъ человѣческихъ, отъ всякихъ мнѣній, противныхъ истинѣ Божіей, слову Божію и ученію Церкви, а для сего требуется вниманіе, попеченіе, здравое сужденіе, правильное познаніе, чтобы научиться вѣровать истинно и душеспасительно, требуется время и трудъ. Не напрасно же, конечно, Апостоль говорилъ нѣкоторымъ изъ Христіанъ своего времени: *себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте* (2 Кор. 13: 5).

Широка заповѣдь Божія, по отношенію къ жизни. Не только познаніе Бога и Спасителя, не одно познаніе тайны спасенія нужно Христіанину, а и познаніе воли Божіей, заповѣдей Божіихъ, правилъ Христіанской жизни. Христіанинъ долженъ знать, къ чему обязываетъ его святая Христіанская вѣра, какъ онъ долженъ поступать относительно Бога, ближнихъ своихъ и себя самого, какъ долженъ поступать во всѣхъ дѣлахъ, во всякомъ состояніи, во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни. Каждая мысль, каждое желаніе, каждое намѣреніе, каждое чувство, каждый поступокъ должны быть сообразны съ закономъ Божиимъ и правилами Церкви. Все это должно знать,—и это уже огромная задача для Христіанина. А самое исполненіе, самый опытъ, самая жизнь? Вѣдь не знать только волю Божію и правила Христіанскія нужно, а самымъ дѣломъ исполнять ихъ, самую жизнь свою располагать по нимъ. Что въ одномъ знаніи? *Вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. 4: 17), говоритъ Апостоль. *Рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ по воли его, бѣенъ будетъ много* (Лук. 12: 47), говоритъ Христось. Итакъ нужно самымъ дѣломъ исполнять волю Божію и законъ Божій. Вотъ тутъ и открывается человѣку самое широкое, самое разнообразное поприще для его внимательной, разумной дѣятельности; тутъ-то и предстоитъ ему трудная наука жизни. Трудная наука жизни,—именно жизни Христіанской. Вѣдь Христіанинъ долженъ во всемъ исправлять себя, дѣлаться инымъ, новымъ, непорочнымъ. А это для надшаго, растлѣннаго по природѣ

человѣка развѣ легко? Нелегко управлять и внѣшними своими поступками. И самый внимательный, ежели не всегда, то по большей части видитъ свое паденіе только тогда, когда уже палъ. *Много согрѣшаемъ вси* (Іак. 3: 2), говоритъ Апостоль. Ежеминутно падаемъ и словомъ, и дѣломъ не только по нерадѣнію и привычкѣ, но часто и при всей внимательности и заботливости о жизни благочестивой и безгрѣшной. Каково же быть непорочнымъ въ душѣ? Сколь трудно стяжать чистоту сердца? О, какая бездна грѣха—наше сердце! *Глубоко сердце чловѣку наче всѣхъ, и кто познаетъ его* (Іерем. 17: 9), говоритъ Пророкъ. Кто въ самомъ дѣлѣ изслѣдитъ эту бездну? Тайныя, сердечныя *грѣхопаденія кто разумѣетъ?* (Пс. 18: 13)? О, какой требуется свѣтъ для этой тьмы, сколько умной зоркости для гнѣздящихся тамъ нечистыхъ помысловъ, преступныхъ намѣреній и постыдныхъ страстей! Мы, бѣдные, часто, очень часто не видимъ себя и не знаемъ себя. Думаемъ, что мы хороши и тогда, когда льстимъ, ласкательствуемъ, лицемѣримъ, когда прельщаемся и обольщаемся, когда дѣлаемъ и служимъ только изъ своихъ видовъ, для собственной только корысти и пользы.

Трудная, братіе, наука Христіанская. Мы должны *вѣкъ жить, и вѣкъ учиться*. Такъ и думали, такъ и поступали истинные Христіане, угодившіе Богу. Они цѣлый вѣкъ подвизались на поприщѣ благочестія, цѣлую жизнь изучали Христіанскую науку жизни. И тутъ еще сознавали и считали себя несовершенными. Апостоль Павелъ самъ о себѣ это засвидѣтельствовалъ. *Братіе, говорилъ онъ, азъ себе не у помышляю достигша; со усердіемъ же гоню, къ почести вышняго званія Божія о Христвъ Іисусъ* (Филип. 3: 13, 14). Одинъ пустынный старецъ, когда сказали ему, что онъ уже много подвизался, въ покаяніи и слезахъ, отвѣчалъ: „я еще и не началъ каяться“. Такъ трудна, обширна и продолжительна наука покаянія очищенія грѣховъ и исправленія жизни!

Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы да дастъ и намъ, братіе, духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его (Ефес. 1: 17), *силою утвердиться духомъ Его во внутреннемъ чловѣчѣ, да возможемъ разумѣти со всѣми святыми, что широта и долота и глубина и высота, разумѣти же, преспѣвающую разумъ любви Христову, да исполнимся во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3: 16, 18, 19). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 24.

Послѣ образованія во временной жизни человѣку предлежитъ испытаніе за гробомъ.

Господи благослови!

Уподобивъ въ прошедшей бесѣдѣ нашей жизнь человѣческую училищу и образъ жизни Христіанской образованію, какое получаетъ человѣкъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, что мы должны сказать, братіе, о послѣдствіяхъ какими сопровождается поприще жизни Христіанской? Что имѣетъ быть послѣ окончанія жизни, за предѣлами гроба? То же самое, что обыкновенно бываетъ и по окончаніи учебнаго курса въ каждомъ учебномъ заведеніи. По окончаніи ученія бываетъ испытаніе учащимся, сперва частное, внутреннее, потомъ общее, публичное, и наконецъ оцѣнка и распредѣленіе учащихся. Тоже будетъ и съ Христіанами, по окончаніи временной жизни. По ту сторону гроба также начнутся испытанія, сперва предварительное, частное,—потомъ окончательное, всемірное, и наконецъ рѣшеніе участи Христіанъ на цѣлую вѣчность.

По окончаніи курса ученія, учащимся дѣлается испытаніе внутреннее, частное, въ присутствіи одного или нѣсколькихъ только лицъ, испытаніе въ томъ, какіе кто оказалъ успѣхи въ наукахъ и чего онъ по своему образованію долженъ быть удостоенъ. И Христіанинъ по окончаніи жизни временной предстанетъ на испытаніе частное, въ присутствіи однихъ, можетъ быть, своихъ Ангеловъ-Хранителей. *Лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9: 27); говоритъ Апостоль. Этотъ судъ, это испытаніе составляютъ извѣстныя по ту сторону гроба *мытарства*, существованіе которыхъ Св. Православная Церковь пріемлетъ и опыты которыхъ открыты во многихъ видѣніяхъ, какъ повѣствуютъ о томъ дѣяніяхъ церковныхъ и житія святыхъ. Этотъ судъ, это испытаніе начинается за предѣлами гроба, тотчасъ по смерти, и бѣдная душа подвергается сильнымъ истязаніямъ отъ духовъ злобы, защищаемая, елико возможно, своимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Вся Христіанская жизнь подвергается строгому пересмотру, испытанію; ни одинъ поступокъ, ни одно желаніе или намѣреніе, ни одинъ помыслъ не остается безъ разсмотрѣнія и преслѣдованія. И благо той душѣ, которая устоитъ противъ этихъ обличителей и окажется непосрамленною;—она съ свѣтлымъ лицомъ предстанетъ престолу Божію. Горе той душѣ, которая окажется виновною на этомъ судѣ, которую обличать собственныя ея беззаконія и

грѣхи, — она въ смущеніи и страхѣ пойдетъ въ мѣсто плача и лишается всякой надежды на избавленіе отъ будущаго мученія, особенно если она виновна въ смертныхъ грѣхахъ.

Этотъ судъ, какъ сказали мы, частный, испытаніе предварительное. А будетъ судъ общій, всемірный, испытаніе рѣшительное, окончательное, какъ это обыкновенно бываетъ и въ училищахъ, когда дѣлаются испытанія или акты публичные, торжественные. Публичное, торжественное испытаніе Христіанамъ будетъ уже не въ особенности однѣмъ душамъ, но въ цѣломъ ихъ составѣ и видѣ чело-вѣческомъ, по воскресеніи мертвыхъ при кончинѣ міра. Публичный, торжественный будетъ судъ, на который придетъ въ славѣ божественный съ Святыми Ангелами Самъ Господь, Судія міра, и который произведетъ по Его божественному всевѣдѣнію и по Его божественной правдѣ. Вотъ страшное будетъ испытаніе! Тогда ужъ ничто не утаится на этомъ судѣ. *Нѣтъ бо тварь не явлена предъ Богомъ, сея же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4: 13). Напротивъ, всѣ дѣла, намѣренія, желанія и мысли чело-вѣческія откроются ясно предъ взоромъ праведнаго Судіи, но и предъ лицомъ всей вселенной. Тогда *Господь во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ со-вѣтны сердечныя* (1 Кор. 4: 5). Пріятно будетъ это испытаніе истинному Христіанину, весело будетъ стоять на этомъ судѣ тому, чья совѣсть спокойна, кого не обличаютъ злыя дѣла, кто провелъ жизнь временную въ благочестіи и чистотѣ, какъ подобаетъ истиннымъ и добрымъ Христіанамъ, грѣхи же свои очищалъ покаяніемъ и слезами. Страшно будетъ и явиться, не только стоять на этомъ судѣ Христіанину, который прожилъ временный вѣкъ не по-Христіански, котораго обличаютъ уже собственная его совѣсть, и котораго худыя и богопротивныя дѣла явны будутъ всѣмъ.

Какой же будетъ всему этому конецъ? Что послѣдуетъ за этимъ всемірнымъ испытаніемъ, за этимъ страшнымъ судомъ? Послѣдуетъ подобное тому, что бываетъ и послѣ обыкновеннаго по окончаніи ученія публичнаго испытанія. Извѣстно, что у насъ одни благо-нравные и благоуспѣшныя получаютъ награды и хорошіе аттестаты, по которымъ, вступая въ общество, занимаютъ почетныя мѣста и пользуются благоденствіемъ и довольствомъ, уваженіемъ и честію отъ прочихъ; другіе—неблагонравные и безуспѣшныя—оставляютъ мѣсто образованія со стыдомъ и презрѣніемъ и получаютъ по большей части въ удѣлъ себѣ жизнь прискорбную и бѣдственную. И послѣ всемірнаго испытанія и страшнаго суда Божія, одни—благочестивые и добродѣтельные—получатъ отъ праведнаго Судіи *отъны*

правды (2 Тим. 4: 8), и наслѣдуютъ Царство Небесное, а другіе— грѣшныя и беззаконныя—*постыдятся и смятутся* (Пс. 6: 11) и наслѣдуютъ муку вѣчную. Аттестатомъ тѣхъ и другихъ на вѣчную, блаженную или бѣдственную жизнь будутъ служить имъ собственныя ихъ дѣла добрыя или злыя: *дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14: 13).

Вотъ, братіе, что ожидаетъ Христіанъ въ будущемъ. Не напрасно же дана намъ жизнь временная. Не здѣсь же должны мы поставлять цѣль своего бытія и конецъ своихъ желаній. Живя въ семъ мірѣ, мы должны смотрѣть въ будущее и готовить себя къ другой, лучшей и блаженнѣйшей жизни. А эта жизнь будетъ намъ дана не даромъ и не безъ разбора. Нѣтъ. Будетъ испытаніе намъ страшное испытаніе, и частное по смерти, и всеобщее, торжественное, по кончинѣ міра, на страшномъ судѣ Христовомъ. Съ чѣмъ-то туда явимся мы, надо объ этомъ подумать, надо думать объ этомъ цѣлую настоящую жизнь. Нерадивыхъ, безпечныхъ, грѣшныхъ Христіанъ ожидаетъ горькая участь. Ибо *страшно есть еже впасти въ руку Бога живаго* (Евр. 10: 31). Одни благоуспѣвшіе въ благочестіи и добродѣтели будутъ блаженны. Одни тѣ, которые перемѣнили, образовали себя по образу Христову въ училищѣ временной жизни, и явятся на испытаніе и судъ искусными и опытными въ вѣрѣ и духовной жизни,—одни эти наслѣдуютъ жизнь вѣчную. О, если бы и намъ, братіе, далъ Господь *подвигомъ добрымъ подвизаться, теченіе временной жизни въ благочестіи скончать, въру соблюсти*,—если бы далъ Господь съ дерзновеніемъ явиться на страшное испытаніе по смерти и удостоиться *вѣнца правды, его же воздастъ всѣмъ достойнымъ Господь въ день оный, праведный Судія?* (2 Тим. 4: 7, 8). *Потщимся себе искусными поставить предъ Богомъ, дѣлателями непостыдными* (2 Тим. 2: 15), *и нескверни и непорочни тому обрѣстися въ миръ* (2 Петр. 3: 14), и для сего *цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ждущее блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2: 12, 13). *Ему же слава во вѣки вѣковъ аминь.* (Евр. 13: 21).

ПОУЧЕНІЕ 25.

Невѣріе Іудеевъ.

Господи благослови!

*О трблаженное древо, на немже
распяся Христось.*

(Кан. воздв. пѣсн. 5 ирм.).

Крестъ Господень предъ очами нашими, празднующая воздвиженіе этого трблаженнаго древа братіе! Какая величественная и страшная тайна, или лучше, сколько божественныхъ тайнъ совершилось на этомъ таинственномъ древѣ! Куда ни посмотримъ, на *высоту* ли, или *глубину*, на *широту* ли, или *долоту* (Ефес. 3: 18) его, вездѣ тайны, тайны великія и непостижимыя, тайны премудрыя и спасительныя. Но тутъ же къ удивленію, братіе, и *тайна беззаконія* (2 Сол. 2: 7), непостижимая, ужасная тайна Христоубійства. Стоитъ обратить вниманіе на эту тайну.

Возстали на Господа и на Христа его—кто? Іудеи; народъ собственно Божій, люди, по *избранію возлюблены Богу* (Рим. 11: 28); *ихже отцы, и отъ нихже Христось по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенный* (Рим. 9: 5). Вознесли на крестъ, какъ злодѣя и разорителя вѣры и закона ихъ, Того, Кого проповѣдалъ законъ ихъ, Кого провозвѣстили пророки,—Того обѣтованнаго Избавителя, Котораго сами ожидали многіе вѣки, надеждою явленія Котораго утѣшались и въ пришествіи Котораго полагали все свое благоденствіе и славу. Какъ это случилось? Не узнали, что ли, они Его? Не открылся, что ли, Онъ имъ? Правда, не всегда ясно возвѣщаль Онъ о Себѣ, рѣдко и то по большей части въ притчахъ давалъ разумѣть, что Онъ Сынъ Божій и посланный отъ Бога обѣтованный Избавитель. Поэтому какъ будто въ самомъ дѣлѣ они не узнавали Его, какъ будто желали даже удостовѣриться въ томъ, точно ли Онъ—Христось. *Доколы, однажды говорили они, души наша вземлеши? аще Ты еси Христось, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. 10: 24). Архіерей на судѣ допрашивалъ Его объ этомъ даже подъ клятвою. *Заклинаю Тебя Богомъ живымъ, говорил онъ Христу, да речеши намъ, аще Ты еси Христось Сынъ Божій* (Матѣ. 26: 63). Но правда ли это? Правда ли, что они не знали, что даже желали узнать Его? Нѣтъ. Не узнать Его имъ было нельзя. Онъ слишкомъ три года обращался съ ними, проповѣдывалъ и училъ, творилъ безчисленныя чудеса, возвѣщаль о Себѣ, что Онъ посланный отъ Бога

Избавитель міра: Онъ дважды засвидѣтельствованъ былъ съ неба, и Самъ неоднократно объявлялъ о Себѣ, что Онъ Сынъ Божій; Онъ и въ міръ явился именно въ то время, когда надлежало придти обѣтованному Избавителю, когда поэтому всѣ ожидали Его. Многіе однакожъ весьма многіе и познали Его, и слушали Его, и вѣровали въ Него, и послѣдовали Ему. Одни, преимущественно одни князи Іудейскіе, первосвященники, книжники, фарисеи не вѣровали въ Него и ежели вызывали Его на собственное свидѣтельство о Себѣ, что Онъ Сынъ Божій, то только для того, чтобы обвинить Его и предать смерти.

Что это за несчастное ослѣпленіе? Какая была причина ихъ невѣрованія и отверженности отъ Христа? Важною причиною невѣрія ихъ было ложное понятіе и ложное ученіе о Христѣ. Тогда какъ Богъ совершалъ спасеніе всего человѣческаго рода и уготовлялъ ему блаженство вѣчное на новой землѣ, они всѣ обѣтованія Божіи о Спасителѣ міра относили только къ себѣ, къ одному народу Израильскому, и Царство Божіе и блаженство праведныхъ истолковали такъ, якобы по пришествіи обѣтованнаго Избавителя наступитъ снова славное царство Израильское, и народъ Израильскій, тогда порабощенный, будетъ благоденствовать и господствовать на землѣ. Горькое заблужденіе! Возможно ли во времени вѣчное царство, какое предсказано было пророками, на землѣ постоянное и неизблемое благоденствіе, какого они ожидали? Достойно ли было бы Божества устроить только временное благосостояніе народа, и еще одного народа? Да и заключается ли истинное благополучіе и счастье въ видимомъ господствѣ и славѣ? Что за счастье пожить нѣсколько времени въ благополучіи на землѣ, и только? Какую бы получили отъ обѣтованія Божія пользу милліоны Израильтянъ, которые отжили свой вѣкъ до пришествія Избавителя, если бы Избавитель и сдѣлался дѣйствительно царемъ, и основалъ на землѣ опять славное царство Израильское! Не обличалъ ли публично суетумудріе ихъ распятый на крестѣ разбойникъ? *Помяни Мя, Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ* (Лук. 23: 42), сказалъ онъ Распятому Христу. Какое разумѣлъ онъ будущее царство Христово, и въ какомъ царствѣ просилъ себѣ участія? Очевидно, не въ царствѣ временномъ, земномъ, когда оба они, и Христось, и самъ разбойникъ, висѣли уже на крестахъ. На что и какое царство земное умирающимъ? Но фарисеи, книжники и старцы Іудейскіе думали не такъ. Они заняты были только господствомъ, величіемъ и славою земными, и какъ ничего этого не видѣли во Хри-

стѣ, даже слышали отъ Него совершенно противное ученію ихъ, то вотъ они и не признали Его обѣтованнымъ Спасителемъ, не увѣровали въ Него, отверглись отъ Него и рѣшились избавиться отъ Него смертію Его. Не малою причиною невѣрія ихъ во Христа служили имъ и собственныя страсти ихъ. Господь непрестанно обличалъ ихъ суетудіе, лицемѣріе и нечестіе, отъ этого они питали къ Нему величайшую ненависть; а слава ученія и чудеса Его, по причинѣ которыхъ народъ любилъ и превозносилъ Его, возжигали въ нихъ самую злобную зависть. Но главною причиною невѣрія и ожесточенія Іудеевъ противъ Христа былъ врагъ человѣческаго рода, діаволь. Онъ *человѣкоубійца* (Іоан. 8: 44), вооружался и вооружалъ, кого могъ, противъ Избавителя человѣческаго рода, Христа, и, не разумѣя тайны Божіей, своими злохитрыми вознями только помогаль совершиться тайнѣ спасенія человѣческаго. Онъ вооружилъ и старѣйшинъ Іудейскихъ противъ Христа, и пользуясь ихъ самолюбіемъ, честолюбіемъ и корыстолюбіемъ, расположилъ ихъ къ тому, чтобы преслѣдовать и предать смерти *утѣху Израилеву* (Лук. 2: 25) и *чапаніе языковъ* (Быт. 49: 10).

Итакъ тайна беззаконія совершилась,—и гнѣвъ Божій постигъ беззаконныхъ. Іерусалимъ обреченъ на запустѣніе, и преданъ язычникамъ, храмъ разрушенъ, сами Христоубійцы, Іудеи, изгнаны изъ отечества и разсѣяны по всему лицу земли. При всемъ томъ ослѣпленіе Іудеевъ, а вмѣстѣ и судьбы Божіи продолжаютъ надъ этимъ таинственнымъ, такъ сказать, народомъ. Представьте, братіе:—они скитаются внѣ отечества не 70 лѣтъ, какъ было во время плѣненія Вавилонскаго, а 1,800 лѣтъ, и не могутъ придти въ познаніе истины,—все еще ждуть обѣтованнаго имъ Избавителя, и конечно дождутся, только уже не Спасителя, а Судію міра. Представьте и то, что въ такое продолжительное время они не истребились, не смѣшались съ другими народами, не измѣнили ни своей вѣры, ни своей приверженности къ закону. Согласитесь, что вѣдь все это чудно. И точно чудно. Своль неопровержимо подтверждается состояніемъ ихъ истина вѣры Христовой! Уже восемнадцать вѣковъ, какъ Іудеи отвержены и разсѣяны, и земля ихъ населена чуждыми имъ народами: слѣдовательно обѣтованный Избавитель уже пришелъ, и Онъ именно есть Іисусъ Христосъ, Котораго призналъ за Спасителя міра и въ Котораго вѣруетъ весь просвѣщенный міръ. Какъ состояніемъ ихъ оправдываются слова Христовы, въ которыхъ предсказана была будущая участь ихъ? Христосъ, предъ страданіемъ Своимъ, сказалъ объ Іудеяхъ: *и плънени будутъ во вся языки, и Іерусалимъ бу-*

детъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ (Лук. 21: 24). Такъ точно и сбылось,—и Іудеи донинѣ находятся въ плѣненіи и разсѣяніи. Говоря о будущемъ пришествіи Своемъ и кончинѣ міра, Онъ сказалъ опять: *не имать преити родъ сей, дондеже вся сія будутъ* (Марк. 13: 30). Какой это родъ? Іудеи, народъ Іудейскій. И точно, не прошелъ, и не проходитъ этотъ родъ. Онъ донинѣ существуетъ въ своемъ видѣ, потерявъ только самостоятельность и независимость, и будетъ существовать до кончины міра, какъ бы міръ ни старался преобразовать и уничтожить его. Вотъ какъ истинны, святы и божественны слова Христовы! А *судьбы Божіи? Бездна многа* (Пс. 35: 7), бездна премудрости и благости. Для чего Іудеи столько времени находятся въ невѣріи, отчужденные отъ Царства Божія? Въ этомъ открывается сколько гнѣвъ Божій на Іудеевъ и наказаніе ихъ за Христоубійство, столько же и милость Божія къ другимъ народамъ, и призваніе ихъ въ Церковь Божію. Господь Богъ опредѣлилъ создать новую Церковь Христіанскую, и сдѣлать Своими людьми всѣхъ вѣрующихъ во Христа. Еще Пророкъ возвѣстилъ объ этой новой Церкви и о новыхъ призванныхъ въ нее. *Будетъ, сказалъ, въ послѣдняя дни явлена гора Божія и домъ Божій, и придутъ къ ней вси языцы* (Исаія 2: 2). Посему Іудеевъ за невѣріе Господь отринулъ, отстранилъ, такъ сказать, чтобы дать мѣсто и время взойти въ Церковь Божію и получить спасеніе во Христѣ всѣмъ народамъ. Именно такъ объясняетъ состояніе Іудеевъ Апостоль Павелъ. *Тѣхъ, говоритъ, т. е. Іудеевъ, паденіемъ спасеніе языкомъ* (Рим. 11: 11). *Ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть дондеже исполненіе языковъ видетъ* (Рим. 11: 25), продолжаетъ Апостоль. Для чего опять столько вѣковъ продолжается существованіе Іудеевъ, послѣ отверженія и разсѣянія ихъ? Какая причина ихъ сохраненія, цѣлости и неизмѣнности? Опять тайна судьбъ Божіихъ. Іудейскій народъ есть народъ Богомъ избранный, обѣтованное племя Авраама, люди, какъ говоритъ Апостоль, *по благовѣствованію врази насъ ради по избранію же возлюблены отецъ ради. Нераскаянна бо, неизмѣнны и непреложны, дарованія и званіе Божіе* (Рим. 11: 28, 29). Посему, какъ говоритъ тотъ же Апостоль, *ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть* (Рим. 11: 25), заблужденіе и невѣріе ихъ временное, не всеобщее, и не таково, чтобы всецѣло имъ и навсегда въ невѣріи погибнуть. *Еда, говоритъ, согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ* (Рим. 11: 11). Придетъ, слѣдовательно, время, когда всѣ они обратятся ко Христу и увѣруютъ въ Него. *Отъ части, говоритъ Апостоль, ослѣпленіе Израилеви*

леви бысть, дондеже исполненіе языковъ увидеть; и тако весь Израиль спасетя (Рим. 11: 25, 26). Вотъ почему Іудейскій народъ донынѣ судьбами Божиими сохраняется. Со временемъ онъ долженъ взойти въ Церковь Христову и опять стать возлюбленнымъ и приснымъ Богу. А это время есть послѣднее время міра, за которымъ послѣдуетъ наступленіе вѣчности и откровеніе на землѣ славнаго Царства Христова. *Аще, говоритъ Апостоль, отложено ихъ (Іудеевъ) примиреніе міру: что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ?* (Рим. 11: 15).

Такова судьба невѣрнаго и отверженнаго народа Іудейскаго! Въ этой судьбѣ и состояніи Іудеевъ не мало поучительныхъ уроковъ и для Христіанъ, братіе. Возьмите во вниманіе самое отверженіе ихъ и столь продолжительное бѣдствованіе среди иновѣрныхъ имъ народовъ. А за что? За невѣріе.—Ахъ, братіе! И Христіане не могутъ быть свободны отъ гнѣва Божія; и ихъ можетъ постигнуть казнь отъ Бога не только временная, но и вѣчная за ихъ противленіе истинѣ и любви Божіей, за ихъ ереси, расколы, вольнодумство, невѣріе, за ихъ оскудѣніе благочестія, послѣдованіе правиламъ міра и обычаямъ вѣка, за ихъ взаимную вражду, несогласія, возмущенія. *Не высокоумдрствуй, говоритъ Апостоль каждому Христіанину, но бойся. Аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей, т. е. Іудеевъ, не пощадь, да не како и тебе не пощадитъ* (Рим. 11: 20, 21). А каковы сами въ себѣ Іудеи? Не смотря на столь продолжительное отчужденіе отъ своего отечества и скитальничество между разными народами, забыли ли они Бога отцевъ своихъ, оставили ли данный имъ законъ, измѣнили ли свою вѣру? Никакъ нѣтъ. Они твердо, непоколебимо держатся своего, хотя уже и негоднаго Богу, закона. *Ревность Божію имутъ*, какъ сказалъ и Апостоль, хотя и *не по разуму* (Рим. 10: 2). А Христіане? Всѣ ли, всегда ли, особенно въ нынѣшнее время, могутъ похвалиться ревностію по своей святой и божественной вѣрѣ? Нельзя, нельзя утвердительно отвѣчать, имѣя въ виду печальные опыты и прошедшихъ, и настоящаго времени. Самое продолженіе разсѣянія Іудеевъ и сохраненіе рода ихъ даетъ Христіанамъ урокъ. Какой? Урокъ покаянія. Видите:—Господь отвергъ ихъ, но не навсегда,—Онъ ожидаетъ ихъ обращенія, готовъ помиловать ихъ и принять, по-прежнему, въ свою божественную любовь. И мы, Христіане, не безъ грѣха. Что я говорю? Много, и нерѣдко тяжело, *согрѣшаемъ вси* (Іак. 3: 2). *И на насъ слѣдовательно долготерпитъ Господь, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ* (2 Петр. 3: 9). И намъ не надо

затыкать уши отъ вопіющаго голоса или о богатствъ благодати Божіей и кротости и долготерпѣннѣи нераднши, не вѣдѣи яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ? (Рим. 2: 4).

Но самый дѣйствительнѣйшій, назидательнѣйшій и убѣдительнѣйшій урокъ вѣры, покаянія и Христіанской жизни даетъ намъ, братіе, поклоняемый нынѣ нами крестъ Христовъ, сила котораго да сохранитъ и спасетъ всѣхъ насъ. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 26.

Невѣріе нѣкоторыхъ изъ Христіанъ.

Господи благослови!

Подивимся, братіе, какъ діаволь ослѣпляетъ человѣка и вооружаетъ его противъ Бога, Спасителя его, и собственнаго его спасенія. Одни ли Іудеи сдѣлались врагами Іисуса Христа? Нѣтъ. И люди, Христіанскимъ именовъ украшенные. „Какъ, Христіане?“ конечно всякій съ ужасомъ спроситъ. Да, братіе, многіе и изъ Христіанъ. Церковь Христова давно оплакиваетъ отпаденіе нѣкоторыхъ изъ сыновъ своихъ, какъ и Самъ Богъ нѣкогда у Пророка. *Сыны, говоритъ, родихъ и возвысихъ, ти же отвергошеся Мене* (Исаія 1: 2). Да. Тѣ, которые въ святой Православной Церкви получили духовное возрожденіе и обновленіе, и изъ сыновъ гнѣва сдѣлались сынами благодати, возлюбленными, и присными Богу (Ефес. 2: 20), тѣ сдѣлались врагами ея, разрушителями мира ея, гонителями братій своихъ, за которыхъ Христось умеръ. Не трудно видѣть этихъ враговъ Христа и Церкви Христовой. Припомните только многочисленныя, бывшіе напредъ сего, ереси и расколы,—и какое откроется безчисленное множество Христіанъ причастниковъ бывшихъ Духа святаго и добраго вкусившихъ Божія глагола и отпадшихъ, второе растинающихъ Сына Божія (Евр. 6: 4, 5, 6). А вотъ въ наше время являются новыя враги Христовы; *отъ насъ самѣхъ востаютъ мужіе, глаголющии развращенная* (Дѣян. 20: 30). Тѣ вооружались противъ Православія, искажали вѣру, возмущали Церковь, а эти вооружаются уже противъ самаго Христіанства.

Вооружаются, говорю, нынѣ противъ Христіанства, дерзають отвергать Евангеліе и вѣру. Какъ это такъ? Развѣ Вѣра Христіанская—дѣло человѣческое? Развѣ Божественное Откровеніе—вымысль человѣческой? Священная Исторія развѣ—темное преданіе

временъ доисторическихъ, развѣ она не есть повѣствованіе несо-
мнѣнно-вѣрное? Описываемыя въ ней мѣста и лица развѣ подлежатъ
сомнѣнію и опроверженію? Когда повѣствуютъ о какомъ нибудь
Александрѣ Македонскомъ и о другихъ замѣчательныхъ лицахъ и
народахъ древности, безспорно вѣрятъ; а какъ скоро говорятъ о
Спасителѣ міра и о другихъ священныхъ лицахъ и мѣстахъ, то
вотъ и сомнѣніе. Отчего это? Исторіи человѣческой вѣрятъ, а исто-
ріи божественной не хотятъ вѣрить. Да какая исторія! Дѣйстви-
тельное бытіе, настоящая современность. Возьмите мѣста священ-
ныя, возьмите людей того и другаго завѣта. Все на-лицо, передъ
глазами нашими. Священная земля, священные мѣста, города: Іеру-
салимъ, Вилеємъ, Назаретъ; горы: Ѡаворъ, Синай, рѣка Іорданъ;
моря: Галилейское и Мертвое, — все это существуетъ; народы: Іудеи
и Христіане въ виду у насъ. Умѣстно ли здѣсь сомнѣніе? Суще-
ствованіе народовъ, которыхъ уже нѣтъ на землѣ не отвергаютъ,
какъ же можно отвергать бытіе современныхъ намъ народовъ? Іудеи
вѣрятъ Священной исторіи ветхаго завѣта: какъ же другимъ тому
не вѣрить? Христіане вѣрятъ Священной исторіи новаго завѣта:
какъ же рѣшиться отвергать достовѣрность ея? Развѣ тѣ и другіе
легкомысленно вѣрятъ? Неправда. И тѣ, и другіе готовы умереть
за свою вѣру. Посмотрите-ка, какъ они отстаивали каждый свою
вѣру. Когда возникла Христіанская вѣра, съ какимъ жаромъ Іудеи
вмѣстѣ съ язычниками вооружались на Христіанъ, и съ какимъ
терпѣніемъ и самоотверженіемъ сохраняли свою вѣру Христіане!
Да, самое распространеніе Христіанской вѣры, такой вѣры, кото-
рая не потворствовала человѣческимъ страстямъ, которую гнали и
преслѣдовали всѣ, неоспоримо подтверждаетъ истину и божествен-
ное достоинство ея. Прошло восемнадцать вѣковъ, — и никто,
до послѣднихъ временъ, не отваживался опровергать истину и
достоинство нашей вѣры. Были ереси и расколы, по различію мнѣ-
ній въ частяхъ Христіанскаго ученія, но сомнѣнія о вѣрѣ и
опроверженіе вѣры—никогда. И замѣтьте—вѣру Христіанскую ис-
повѣдывали и исповѣдуютъ не какіе нибудь дикіе и невѣжествен-
ные народы, а люди просвѣщенные, мужи великаго ума и высокой
нравственности. А какія и сколько явилось чудесъ въ Церкви Хри-
стіанской, свидѣтельствующихъ о святости вѣры и о благодати Бо-
жіей къ вѣрующимъ! Сколько и какихъ не было великихъ и чуд-
ныхъ подвижниковъ, которыхъ восмिताла вѣра Христіанская; под-
вижниковъ, изъ которыхъ многіе, и по смерти, нетлѣнно почиваютъ,
и изливаютъ токи исцѣленій и чудесъ! Всему этому не вѣрить, все

это отвергать можетъ только лишенный здраваго разсудка и преданный владычеству своихъ страстей.

Неопровержима, свята, божественна, какъ видите, братіе, Христіанская вѣра, когда смотришь на нее съ внѣшней, такъ сказать, стороны. Что же, если обратить вниманіе на внутреннее достоинство ея, на содержаніе ученія, догматовъ и нравственныхъ правилъ ея? Отвергать такую святую, божественную вѣру? Несмысленные! Знаютъ ли они ее? Развѣ Христіанская вѣра подобна другимъ безчисленнымъ религіямъ? Развѣ Евангеліе такая же басня, какъ языческая мифологія, или Еврейскій талмудъ, или еще магометанскій алкоранъ. Не есть ли вѣра наша—богатство духовнаго разума, полнота высочайшихъ, божественныхъ истинъ? Было ли въ мірѣ подобное ученіе о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ? Нашелся ли хотя одинъ мудрецъ, который бы объяснилъ намъ природу человѣка, его цѣль бытія и будущую участь? Открыты ли человѣческимъ умомъ, или указаны ли пути къ исправленію и усовершенствованію человѣка? Ничего не бывало и быть не могло. Одна богооткровенная Христіанская вѣра показываетъ эти пути, открываетъ, къ спасенію человѣка, тайну искупленія, тайну благодатнаго возрожденія, тайну его смерти и состоянія за гробомъ. И какія тайны! Высокія, божественныя, которыхъ человѣкъ хотя постигнуть не можетъ, но и въ истинѣ ихъ какъ бы невольно убѣждается. Самый пытливый умъ, ежели онъ не омраченъ тьмою страстей, не дерзаетъ отвергать ихъ, хотя и не постигаетъ, и скорѣе готовъ бываетъ придти въ послушаніе вѣры. А заповѣди Божіи, правила жизни Христіанской? Онѣ такъ чисты, непорочны и святы, что ими явно посрамляется плоть и кровь, и самый развращенный міръ не отказывается хотя тайно благоговѣть предъ ними. Онѣ дѣлаютъ человѣка совсѣмъ другимъ, праведнымъ и непорочнымъ, да не по виду только, не по однимъ внѣшнимъ поступкамъ, а и въ душѣ, по внутреннимъ движеніямъ ума и сердца, такимъ дѣлаютъ, который бываетъ и Богу благоугоденъ, людямъ благопріятенъ и любезенъ. И на такую святую вѣру посягаютъ непрізванные наставники? Такое сокровище хотятъ отнять нынѣшніе просвѣтители человѣчества? Что же они общають намъ? Хотятъ оставить насъ безъ Бога, безъ Христа, безъ надежды спасенія? Хотятъ оставить насъ, по-прежнему, грѣшниками, или еще и прибавить намъ грѣховъ, чтобы не только лишить насъ будущей божественной жизни, но и настоящую сдѣлать болѣе и болѣе бѣдственной? Что намъ настоящая жизнь безъ вѣры и надежды? Вѣдь только вѣра и увѣрпляетъ насъ въ этой юдоли плачевной, только

надежда на лучшее будущее и облегчаетъ насъ въ настоящихъ нашихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ. Разрушь вѣру, отними надежду, скажи: нѣтъ Бога, нѣтъ Христа, нѣтъ будущей жизни,—и мы будемъ *окаяннѣйши встѣхъ чловѣкъ* (1 Кор. 15: 19). А вѣдь въ этому, не въ другому чему, и ведутъ насъ новые руководители.

Что это, братіе? Какимъ образомъ дожили мы до такихъ *лукавыхъ дней*? (Ефес. 5: 16). Слышали ли предки наши такія богопротивныя ученія? Откуда же явился у насъ духъ невѣрія, стремленіе колебать не только виѣшнее благоденствіе наше, но и святую вѣру нашу, это единственное сокровище наше? Съ Запада, Православные,—именно съ Запада, отъ славящихся современнымъ просвѣщеніемъ народовъ Европы. Какъ хотите, а мірское просвѣщеніе ведетъ чловѣка не къ добру. Разумъ какъ-то худо уживается съ вѣрою. По мѣрѣ того, какъ онъ усиливаетъ свои дѣйствія, слабѣетъ между людьми вѣра, колеблется Христіанское жительство и водворяется язычество. Лучше стало быть, непросвѣщенное благочестіе, чѣмъ просвѣщенное неблагочестіе. И точно. Покуда мы не знакомы были съ Западомъ, потуда не слышали такихъ растлѣнныхъ и душепагубныхъ ученій. Покуда не знали мірскаго просвѣщенія, и руководствовались во всемъ словомъ Божиимъ и правилами вѣры, потуда были тверды въ благочестіи, и недоступны соблазнамъ. Были, конечно, у насъ и недостатки, были и немощи, но вольнодумства и невѣрія—никогда. А теперь? Теперь злое время. Теперь свѣтъ міра силится взять преимущество предъ свѣтомъ Христовымъ, *помышленія чловѣческая взимаются на разумъ Божій* (2 Кор. 10: 4, 5). Теперь бурный духъ времени влечетъ легкомысленныхъ туда, куда самъ имѣетъ направленіе. Что же намъ дѣлать? *Не сообразоваться въку сему* (Рим. 12: 2), *стоять въ вѣрѣ* (1 Кор. 16: 13) своей твердо, *не слушать бесѣдъ и ученій растлѣнныхъ чловѣкъ умомъ, и лишенныхъ истины* (1 Тим. 6: 5), *послѣдовать же во всемъ здравымъ словесемъ Господа нашего Иисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрїю* (Тим. 6: 3). Христось—нашъ Спаситель и Господь—Пастырь, *мы людіе Его и овцы пажити Его* (Пс. 79: 3). Къ *Нему привержени есмы отъ ложесъ, отъ чрева матере нашея, Онъ—Богъ нашъ* (Пс. 21: 11), *Ему, яко вѣрну Зиждителю спасенія нашего, и предадимъ души своя* (1 Петр. 4: 19). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 27.

Нѣтъ ли въ самой Христіанской вѣрѣ поводовъ къ невѣрію.

Господи благослови!

Съ прискорбіемъ видимъ нынѣ, какъ сказали мы въ прошедшій разъ, братіе, въ средѣ образованнаго и просвѣщеннаго міра такихъ, которые осмѣливаются возставать противъ отверженія Божіа и отвергать святую Христіанскую вѣру. Какая тому причина? Гдѣ для нихъ основаніе къ такому богопротивному ихъ дѣйствію? Уже не находятъ ли они въ самой вѣрѣ Христіанской чего такого, что бы могло приводить въ недоумѣніе и сомнѣніе и располагать къ невѣрію? Не смущаютъ ли ихъ тайны нашей вѣры, многое въ ученіи Христіанскомъ, повидимому, странное и неудобопонятное, а тѣмъ паче нѣкоторая несообразность сего ученія съ видимостію въ природѣ? Но вѣдь вѣра Христіанская не была бы божественна, если бы она была проста и удобопонятна, и во всемъ сообразна съ видимымъ въ настоящей природѣ. Какъ Богъ Самъ въ Себѣ непостижимъ, такъ и дѣла Его по большей части непостижимы человѣку. Можно ли, слѣдовательно, поэтому отвергать истину вѣры?

Вѣра Христіанская имѣетъ тайны. А гдѣ же ихъ нѣтъ? Вся вещественная природа, какъ дѣло Божіе состоитъ изъ таинъ. Отъ кого, когда, изъ чего и какъ произошелъ міръ? Тайна. Какъ и кѣмъ онъ управляется; какъ и какою силою движется наша земля и производитъ перемѣны года (вотъ, на примѣръ, было у насъ лѣто, а теперь осень)? Тайна. Всегда ли міръ такъ будетъ существовать, или послѣдуетъ съ нимъ какое измѣненіе, или конецъ? Тайна. Что такое есть сводъ небесный,—что такое солнце и прочія свѣтила небесныя, что въ нихъ и на нихъ, сколько ихъ, какъ и для чего они существуютъ? Тайна. Все, рѣшительно все въ природѣ, отъ малаго до великаго, отъ зримаго до незримаго, всѣ невидимыя силы и видимыя явленія ея содержатъ въ себѣ тайны для человѣка. Да что я говорю? Самъ человѣкъ тайна для человѣка, и тайна тѣмъ болѣе непостижимая, чѣмъ болѣе близкая къ человѣку. Какъ и отъ кого произошелъ человѣкъ, даже нынѣ какъ онъ зачинается въ утробѣ матери и рождается? Тайна. Что такое человѣкъ, что—его душа? Какъ она нераздѣльно соединена съ тѣломъ, кавая цѣль бытія человѣка? Тайна. Тайнамъ, какъ видите, въ самой вещественной природѣ нѣтъ числа. Какъ же послѣ этого смущаться тайнами вѣры?

Разумно ли отвергать вѣру изъ-за того только, что непостижимы тайны вѣры? Непостижимы тайны вѣры, но онѣ откровеннымъ словомъ Божиимъ и богодухновеннымъ учениемъ Церкви достаточно уяснены. Непостижимы тайны вѣры, но онѣ благи, премудры, святы, и, очевидно, божественны. Воплощеніе Сына Божія, искупленіе міра, очищеніе и обновленіе человѣка въ крещеніи, соединеніе его съ Богомъ въ причащеніи, жизнь вѣчная и блаженное Царство за гробомъ, — да это таковы тайны, которымъ не нарадуется бѣдное человѣчество,

Много опять въ Христіанскомъ ученіи, повидимому, страннаго и неудобопонятнаго. Положимъ такъ, но вѣдь это только для разума человѣческаго. Иначе и быть не могло. *Кто бо разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ?* (1 Кор. 2: 16). *Яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваша отъ мысли Моя* (Исаія 55: 9), говоритъ намъ Богъ. И человѣкъ нерѣдко говоритъ и дѣлаетъ то, чего не понимаютъ другіе, не зная его намѣреній и цѣли. Мудрено ли намъ не понимать того, что дѣлаетъ Богъ, и что проповѣдуетъ намъ богооткровенная вѣра наша? Всзвѣщается, напримѣръ, воскресеніе мертвыхъ. „Какъ это можно“, сваядутъ нынѣшніе обожатели человѣческаго разума. Да вѣдь также сказалъ Христу и Никодимъ, когда Христосъ говорилъ ему о духовномъ возрожденіи человѣка: *како могутъ сія быти?* (Іоан. 3: 9). „Какъ могутъ быти“, скажетъ человѣкъ, руководимый однимъ своимъ разумомъ, и относительно всего, что повелѣваетъ намъ Богъ. А вотъ какъ могутъ. Аврааму повелѣваетъ Богъ принести въ жертву сына своего Исаака. Что можетъ быть страннѣе и ужаснѣе сего? Но Авраамъ повѣрилъ, послушался,—и какой былъ радостный и величественный конецъ! Израильтянамъ повелѣлъ Богъ помазать косяки у дверей своихъ кровію закланнаго агнца. Что, казалось, изъ этого могло произойти? Произошло спасеніе всѣхъ Израильтянъ отъ смерти. Моисею повелѣлъ Богъ въ пустынѣ поставить въ глазамъ народа мѣдную змѣю. Для чего, подумаешь, это? А смотря на эту змѣю, народъ, угрызаемый змѣями, исцѣлялся. Прокаженному Нееману Елисей велѣлъ семь разъ погрузиться въ Іорданѣ. Что это? Неужели Іорданская вода можетъ очищать проказу? Такъ думалъ самъ Нееманъ. Однакожь, исполнивъ повелѣніе Пророка Божія, очистился. Видите, братіе,—спасительно, какъ есть, все то, что повелѣваетъ дѣлать Богъ, хотя для насъ и неудобопонятно. По-нашему, странно и невозможно; а у Бога возможно, премудро и спасительно. *Не возможная у человекъ, возможна суть у Бога* (Лук. 18: 27), сказалъ Господь. Не испытывать, слѣдовательно, должно намъ, а

вѣровать; не возражать, а покоряться истинѣ Божіей. Иначе каждому, мудрствующему по плоти, тоже скажетъ Господь, что и Петру: *иди за Мною сатана; соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божія, но челоуѣческая* (Матѳ. 16: 23). Въ свое время все для насъ непонятное объяснится, какъ сказалъ нѣкогда и Господь тому же Петру: *еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразумѣши же по сихъ* (Іоан. 13: 7).

„Не мало“, скажутъ еще, „въ Христіанскомъ ученіи такого, что несообразно съ видимою природою, противно нашимъ понятіямъ, и потому допускаетъ довольно сильныя возраженія“. Познаніе видимой природы не можно,—не послѣдовательно противопоставлять истинѣ Христіанскаго ученія; Христіанское ученіе не къ разрѣшенію задачъ физическаго міра направлено.

Неумѣстны, слѣдовательно, противъ богооткровеннаго Христіанскаго ученія какія бы то ни было возраженія челоуѣческаго, заимствованныя изъ открытій въ видимой природѣ, сдѣланныхъ разумомъ. Разительнѣйшій примѣръ мечтательнаго суетумудрія челоуѣческаго на этотъ разъ представляетъ намъ одна Евангельская исторія. Саддукеи (они не вѣровали въ будущее воскресеніе), въ намѣреніи поколебать ученіе Спасителя нашего о воскресеніи мертвыхъ, пришли однажды къ Нему съ вопросомъ, и въ опроверженіе ученія Его рассказали Ему слѣдующее обстоятельство. „Была у насъ“, говорили они, „женщина, которую, по закону Моисееву, имѣли своею женою семь братьевъ, одинъ послѣ другаго. Умерли и братья, и жена. Когда воскреснутъ они изъ мертвыхъ, котораго же изъ нихъ она опять будетъ женою? Всѣ вѣдь они имѣли ее женою“. Возраженіе, казалось имъ, довольно сильное. Что же Господь? Онъ посрамилъ ихъ суетумудріе, объяснивъ имъ, вопреки ихъ плотскому понятію, образъ жизни будущаго вѣка. *Прельщается*, сказалъ имъ, *не вѣдуще писанія, ни силы Божія. Въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Матѳ. 22: 29, 30). Вотъ какъ можно впасть въ заблужденіе, какъ скоро о Царствѣ Божіемъ будемъ судить по образу настоящей нашей жизни, и ученіе вѣры подводитъ подъ естественныя наши понятія.

Неудивительно, братіе, ежели въ божественномъ откровеніи и Христіанской вѣрѣ есть тайны. Вѣдь вся Христіанская вѣра, по Апостолу, есть *тайна благочестія*, и не просто тайна, но *тайна вѣмля* (1 Тим. 3: 16). Она и *утаевается* по большей части *отъ премудрыхъ и разумныхъ* и *открывается* только *младенцамъ* (Матѳ. 11: 25), т. е. въ простотѣ вѣрующимъ. Неудивительно, ежели Хри-

стіанское ученіе въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ *неудобъ разумно* (2 Петр. 3: 16), а потому для иныхъ служить поводомъ къ отпаденію отъ вѣры. Вѣдь сазалъ уже Апостоль, что оно только *спасаемымъ есть сила Божія*, а *погибающимъ худство* (1 Кор. 1: 18), что оно *однимъ вона животная въ животъ*, а *другимъ вона смертная въ смерть* (2 Кор. 2: 16). Неудивительно, ежели и Христось служить для иныхъ *камнемъ претыканія и камнемъ соблазна* (Рим. 9: 33). Вѣдь сазалъ же о Немъ Богоносець Симеонъ, что Онъ *лежитъ на паденіе и на востаніе многимъ, въ знаменіе пререкаемо* (Лук. 2: 33). Слышите, братіе! не на востаніе только, но и на паденіе, именно вѣрующимъ на востаніе, а невѣрующимъ на паденіе. *Вѣруяи не будетъ осужденъ, а не вѣруяи уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя единороднаго Сына Божія* (Іоан. 3: 18). *Отметайся Мене, и не приемляи глаголъ Моихъ, иматъ судящаго ему; слово еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день* (Іоан. 12: 48), говоритъ Господь. Да, братіе. Христось Спаситель точно есть камень, о *Немже* многіе претыкаются, *слову Божію противящійся, на неже и положени быша* (1 Петр. 2: 8). Мы же, Православные Христіане, вѣруемъ въ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и *пробудемъ до скончанія живота своего въ божественномъ словеси его* (Іоан. 8: 31). *Вѣрно бо слово и всякаго пріятія достойно, яко Христось Іисусъ прииде въ мѣръ грѣшники спасти* (1 Тим. 1: 15). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 28.

Причины невѣрія и отпаденія отъ Церкви.

Господи благослови!

Итакъ, гдѣ же причина противленія истинѣ Божіей и отпаденія нѣкоторыхъ Христіанъ отъ вѣры? Собственно въ Христіанской, какъ божественной, вѣрѣ нѣтъ и не можетъ быть таковой причины. Причина эта, братіе, въ самомъ чловѣкѣ,—въ его непросвѣщенномъ благодатію *умъ и страстяхъ*. Вотъ кто враждуетъ противъ Бога, возмущаетъ Церковь Божію и искажаетъ и часто отвергаетъ святую вѣру Христіанскую,—*лжеименный разумъ чловѣческій и страсти чловѣческія*. Они, именно они, а не другой кто, возстаютъ богоборно на святое и спасительное дѣло Божіе.

Разумъ кичитъ (1 Кор. 8: 1), сазалъ и Апостоль. Именно

кичить, мечтаетъ, забывая и свою ограниченность, и свое поврежденіе. И чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ мечтательнѣе, тѣмъ смѣлѣе, и тѣмъ, скажемъ, безразсуднѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ. Какихъ не наговорилъ онъ вѣлѣпностей о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, о душѣ человѣческой, о судьбѣ человѣческой по эту и по ту сторону гроба у язычниковъ? Какъ ни извращалъ богооткровенное ученіе и догматы вѣры у Христіанъ! Жаловѣе человѣкъ, руководствующійся въ познаніяхъ и сужденіяхъ однимъ своимъ естественнымъ разумомъ. Въ слѣпотѣ надменія своего онъ хочетъ познать и истолковать не только видимую природу, но и область міра невидимаго, дерзаетъ судить о томъ, что опредѣлилъ Творецъ, и изъясняетъ по-своему или вовсе отвергаетъ то, что открыто намъ Богомъ къ собственному нашему благополучію. Да вѣдь это тоже какъ если бы пресмыкающійся червь сталъ разсматривать окружающіе его предметы и разсуждать о человѣкѣ. Что я говорю? Несравненно менѣе. Что такое человѣкъ въ сравненіи съ цѣлымъ міромъ, колыми паче съ Самимъ Богомъ? Бѣдный! пускается въ такое необъятное дѣло и хочетъ постигнуть свойства такихъ и толкихъ дѣлъ Божіихъ, а самъ себя не знаетъ донинѣ. Одинъ еще изъ древнихъ языческихъ мудрецовъ сдѣлалъ человѣку задачу: „познай самого себя“, и эту задачу доселѣ не разрѣшило и, вѣрно, никогда не разрѣшитъ человѣчество. Какъ же человѣку судить о великихъ и непостижимыхъ дѣлахъ Божіихъ? *Едва разумваемъ яже на земли, а яже на небесахъ кто изслѣди* (Прем. 9: 16), говоритъ одинъ изъ древнихъ и священныхъ мудрецовъ. Не лучше ли ему слушать глаголющаго *неложнаго Бога* (Тит. 1: 2), *истина коего пребываетъ во вѣкъ*? (Пс. 116: 2). Не лучше ли покориться въ послушаніе вѣры, смиренно сознавая и исповѣдуя немощъ своего разума, подобно одному благоразумному и добросовѣстному исповѣднику изъ древнихъ языческихъ мудрецовъ, который сказалъ: „я знаю только то, что ничего не знаю“. А и страсти человѣческія,—какъ онѣ возмущаютъ душу, ослѣпляютъ самый умъ и бывають причиною противленія и непокоренія истинѣ, искаженія чистоты вѣры и разрушенія міра церковнаго! *Откуда брани и свары въ васъ*, говоритъ еще Апостоль, *не отсюда ли, отъ сластей вашихъ воюющихъ во удѣхъ вашихъ*? (Іак. 4: 1). Точно, братіе, второю причиною уклоненія человѣка отъ истины къ неправдѣ, отъ благочестія къ нечестію служатъ ему собственныя его страсти. Какъ отъ горячаго какого вещества болѣе воспламеняется огонь, такъ отъ страстей человѣческихъ неистовствуетъ самообольщенный

умъ человѣческой. Подъ вліаніемъ ихъ онъ дѣйствуетъ уже какъ рабъ, слѣпо выдаетъ за истину то, чего хотятъ страсти, и съ жаромъ преслѣдуетъ и разрушаетъ все, что противно страстямъ.

Это очевидно на самомъ дѣлѣ. Что умъ человѣческой и страсти человѣческія причиною всякихъ заблужденій относительно вѣры, это ясно показываютъ на себѣ самыя заблужденія. Возьмите въ примѣръ Іудеевъ. Что ихъ довело до невѣрія и Христоубійства? Свой умъ и страсти. Ослѣпленные умомъ, они превратно понимали и законъ, и пророковъ, и понятіе о обѣтованномъ Избавителѣ составили плотское, недостойное Бога и *Царя вѣковъ* (1 Тим. 1: 17). Поэтому и Господь называлъ ихъ *буими и слѣпыми* (Матѣ. 23: 17). А слава чудесъ Христовыхъ породила въ старѣйшихъ ихъ зависть, обличеніе Спасителемъ лицемерія и нечестія ихъ возбудило въ нихъ ненависть къ Нему и злобу. Вотъ они, терзаемые своими страстями и слыша ученіе Спасителя, несогласное съ ихъ ученіемъ, и сдѣлались врагами Его, сдѣлались врагами и всѣхъ послѣдователей Его, всѣхъ Христіанъ. Посмотрите и на Христіанъ. Увѣровавъ въ Единого Бога и Спасителя своего, принявъ одно божественное Евангеліе, сдѣлавшись однимъ святымъ и избраннымъ Христовымъ стадомъ, они приняли Законъ—*имѣть одинъ образъ здравыхъ словесъ въ вѣрѣ и любви* (2 Тим. 1: 13), и жить по заповѣди Спасителя своего, какъ братья, въ согласіи и мирѣ. То ли мы видимъ съ ранняго возраста Церкви? Видимъ, напротивъ, отдѣленіе отъ нея и отпаденіе. Кто же ихъ раздѣлилъ между собою? Кто сдѣлалъ ихъ несогласными другъ съ другомъ, даже врагами другъ другу? Свой умъ и страсти. Что было въ Восточной Церкви, или вообще въ Церкви Вселенской? Сколько было ересей, которыми искажалось истинное ученіе вѣры, потрясался миръ церковный, расторгался союзъ новаго народа Божія, и единое стадо Христово раздѣлялось на многія общества, одно съ другимъ несогласныя и одно другому враждебныя? А отчего ереси? Отъ своего ума и страстей. Умъ человѣческой вторгся въ область вѣры и началъ понимать догматы и таинства Христіанскія по-своему, а самолюбіе и гордость не хотѣли сознать заблужденія ума и покориться общему вѣрованію Церкви,—вотъ и вышло раздѣленіе. Что было причиною и рѣшительнаго раздѣленія Церкви, или отдѣленія отъ Церкви Вселенской Церкви Римской? Свой умъ и страсти. Предстоятели Римской Церкви допустили разныя нововведенія въ области вѣры къ нарушенію древней чистоты ея, и, подстрегаемые гордостію и властолюбіемъ, захотѣли, вопреки духу и правиламъ Церкви, подчинить себѣ всю

Христіанскую Церковь. Отъ этого и произошло печальное, донинѣ продолжающееся, раздѣленіе Церкви. Отчего многіе Христіане отдѣлялись и отъ Римской Церкви и составили особья, еще гораздо съ большими измѣненіями въ вѣрѣ, общества? Отъ ума и страстей. Съ одной стороны неограниченное властолюбіе и многія злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры, съ другой мечтательность ума и непокорность воли были причиною отпаденія многихъ Христіанъ и отъ Рима, и образованія отдѣльныхъ Христіанскихъ обществъ съ особыми опредѣленіями вѣры и правилъ Христіанскихъ. А наши Русскіе раскольники? Отчего они отпали отъ Православной Русской Церкви? Тоже отъ своего ума и страстей. И невѣжды вообразили себя разумными и сдѣлались учителями и судіями въ области вѣры, отчего и впали въ безчисленные и самыя грубыя заблужденія, и, подъ предлогомъ сохраненія древней вѣры, донинѣ чуждаются истинной Церкви и питаютъ непримиримую вражду и злобу къ исповѣдающимъ Православную вѣру. Что сказать о новыхъ отступникахъ отъ вѣры, о тѣхъ изъ нынѣшнихъ просвѣщенныхъ, которые уже совсѣмъ отвергаютъ вѣру и проповѣдуютъ прямое безбожіе? Что ихъ приводитъ къ такому нечестію? Опять, братіе, свой умъ и страсти. Говорю: свой умъ. Ежели когда, то нынѣ даютъ всю свободу уму человѣческому, который и начинаетъ опять господствовать надъ человѣкомъ и водить его отъ заблужденія къ заблужденію. Скажите, что въ этихъ безчисленныхъ вопросахъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится человѣкъ, и ни къ какому вѣрному рѣшенію не приходитъ? Что выйдетъ изъ этой непрерывной ломки, которую видишь въ дѣлахъ общественныхъ, которая такъ много озабочиваетъ всѣхъ, но истинной пользы обществу еще не даетъ? Все старое нехорошо; надо новое, хотя часто тоже старое, только на новый ладъ. Стара, несовременна и вѣра. Она только стѣсняетъ умъ, который во многомъ съ нею несогласенъ. Поэтому лучше отмѣнить вѣру. Человѣкъ можетъ быть свободнѣе и счастливѣе подъ руководствомъ собственнаго разума. Такъ думаетъ человѣкъ нынѣшняго времени. А страсти какъ тутъ и есть. Да къ чему эта вѣра? Къ чему такое стѣсненіе воли? Для чего отказывать себѣ въ томъ, чего требуетъ наша природа? Зачѣмъ лишать себя удовольствій и наслажденій, которыя одни и могутъ сдѣлать жизнь нашу пріятною? Именно такъ и есть нынѣ, братіе. Что мы видимъ въ настоящее время, какъ не свободу и развитіе нашихъ чувственныхъ желаній и страстей? Къ чему стремится новое наше поколѣніе, какъ не къ тому, чтобы жить только для міра, для плоти, по-

ставляя всю цѣль бытія своего только въ настоящей пріятной и счастливой жизни?

Такъ вотъ видите, братіе, что бываетъ причиною отчужденія отъ вѣры, отверженія Христіанскаго благочестія. Свобода ума и страстей. Именно умъ человѣческій, не озаренный свѣтомъ Христовымъ, и страсти человѣческія—враги Церкви Божіей, разрушители спасенія человѣческаго. Кому же этимъ служатъ они? Явно тому, кто растлилъ нашу природу, разрушилъ блаженство человѣка, и всякими способами ведетъ его къ погибели,—служать діаволу. Да, всѣ враги Христіанства суть слуги діавольскіе, дѣйствуютъ во всемъ противъ Бога и Христа, подъ вліяніемъ и руководствомъ діавола. Иначе чѣмъ же объяснить ту необыкновенную ревность, ту самую жаркую приверженность къ своему заблужденію, то упорное противленіе истинѣ, то крайнее ожесточеніе и самую злобную ненависть противъ Православія и Христіанъ Православныхъ, какія мы видимъ во всѣхъ врагахъ Христіанства, не-христіанахъ и лжехристіанахъ, еретикахъ и раскольникахъ. Ахъ, братіе! Какъ опасно давать свободу своему уму и страстямъ! Сколь пагубно пренебрегать ученіемъ вѣры и подчиняться внушеніямъ своего *растльннаго* (1 Тим. 6: 5) ума, оставлять *законъ Божій*, и слѣдовать *закону грѣховному* (Рим. 7: 25)! Того и смотри, что эти наставники введутъ въ заблужденіе, отторгнуть отъ Церкви Божіей и сдѣлаютъ изъ Христіанъ опять язычниками, *имже кончина погибель, и слава въ студи* (Филип. 3: 19). Нѣтъ, братіе! У Христіанъ долженъ быть не свой умъ, а *умъ Христовъ* (1 Кор. 2: 16), не своя воля, а *воля Божія* (Рим. 12: 2). Съ этимъ только умомъ и съ этою волею мы можемъ быть несомнѣнно и нынѣ счастливыми, и послѣ блаженными. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 29.

Превозношеніе успѣхами настоящаго времени.

Господи благослови!

Много, братіе, вредитъ Христіанскому благочестію и духъ нашего времени. Ослѣпляясь успѣхами просвѣщенія и разными открытіями, служащими въ матеріальному благосостоянію человѣка, многіе хвалятся нашимъ временемъ, какъ такимъ, до котораго не доживало еще человѣчество, воображаютъ, что просвѣщеніе нынѣшнее

можетъ сдѣлать человѣка и добродѣтельнымъ и честнымъ, а разныя усовершенствованія и открытія—довольнымъ и счастливымъ. Поэтому иные уже смотрятъ на Христіанскую вѣру, какъ на что-то лишнее въ быту человѣческомъ, и даже прямо называютъ ее несовременною. Не будемъ отнимать у нашего времени тѣхъ достоинствъ, которыя дѣйствительно есть; отдадимъ справедливость успѣхамъ и въ наукахъ и въ изобрѣтеніи средствъ къ матеріальному благосостоянію человѣка. Но чтобы превозноситься нашимъ временемъ предъ временами прошедшими, какъ мы думаемъ и воображаемъ, справедливо ли это будетъ? Не слишкомъ ли много мы предоставимъ своему времени, и не отнимемъ ли у временъ прошедшихъ того, что неотъемлемо принадлежитъ имъ? Не погрѣшительно ли будетъ думать, что человѣкъ, безъ вѣры, можетъ быть и добродѣтеленъ и благополученъ?

Хвалятся нашимъ временемъ. Да когда и какимъ временемъ не хвалились? Вѣдь человѣкъ всегда мечтателенъ и самолюбивъ. Все прошедшее, какъ чужое, хочетъ порицать, и все настоящее, какъ бы свое собственное, хвалить и превозносить. Что особенное въ нашемъ времени? Что такое нынѣ, чего не было прежде? *Ничтоже ново подъ солнцемъ*, говоритъ премудрый Соломонъ; *уже возлагодетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ* (Еккл. 1: 10). И ежели такъ говорилъ о своемъ времени Соломонъ, то какъ иначе говорить намъ о своемъ времени? Точно новое—ново только для насъ, а оно было ранѣе насъ, у прежнихъ народовъ. Чѣмъ особенно отличается наше время? Науками и искусствами? А развѣ хуже были онѣ у древнихъ народовъ? Древніе памятники искусствъ не удивляютъ ли насъ совершенствомъ, часто неподражаемымъ? Образованностію и вкусомъ? А греки и Римляне развѣ ниже были нынѣшнихъ народовъ? Не считаемъ ли мы сами ихъ въ этомъ случаѣ образцами, достойными подражанія? Познаніями природы и силъ ея, усовершенствованіями и открытіями къ пользѣ и даже къ удовольствію человѣка? Неужели древніе народы, каковы напримѣръ Халдеи, Египтяне и другіе, уже не говоря о Грекахъ и Римлянахъ, менѣе были свѣдущи въ современныхъ силахъ природы? Не препирались ли Египетскіе маги съ самимъ Моисеемъ, въ дѣлахъ коего очевидно былъ перстъ Божій? По всей вѣроятности было въ древности и то, чѣмъ гордится нашъ вѣкъ,—было, говорю, да забыто, время и человѣческіе перевороты разрушили запасъ человѣческихъ познаній. *Нѣсть память первыхъ* (Прит. 11), говоритъ и Соломонъ. И въ самомъ дѣлѣ мудро ли быть забытыми познаніямъ человѣческихъ и искусствамъ, когда за-

быты и потеряны были пѣлыя огромныя и великолѣпныя города, каковы Ниневія и Вавилонъ, которые открываютъ и находятъ нынѣ, какъ владѣ? Все, вѣроятно, все было и у древнихъ народовъ, чѣмъ гордится нашъ вѣкъ; не было только того, что проповѣдуетъ и доставляетъ человѣку вѣра Христіанская. Многое, а можетъ быть и гораздо большее знали и язычники; не знали только того, что знаютъ теперь Христіане. И послѣ этого хвалиться и величаться успѣхами въ наукахъ и искусствахъ,—и кому еще? Христіанамъ!

Хвалятся образованностію и просвѣщеніемъ нынѣшняго времени, и думаютъ, что просвѣщеніе и образованность могутъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и честнымъ. Неужели это такъ? Неужели одного просвѣщенія, одной образованности достаточно для того, чтобы сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и благонравнымъ? Напрасно. Что такое просвѣщеніе? Развитіе ума и обогащеніе человѣка познаніями. Что такое образованность? Виѣшняя, такъ сказать, отдѣлка человѣка, лоскъ, который наводятъ на нашу растлѣнную природу. Довольно ли этого? Позолоченную мѣдь примутъ ли за золото? Выцолоченное стекло назовутъ ли брилліантомъ? Нѣтъ. Потребно достоинство самой вещи. Не по наружному виду, а по внутреннему достоинству цѣнится всякая вещь. Такъ и человѣкъ можетъ быть благонравнымъ и добродѣтельнымъ только тогда, когда будетъ имѣть добрую душу и доброе сердце. Сердце есть начало нравственныхъ дѣйствій человѣка. А оно-то въ падшемъ человѣкѣ и нечисто, въ немъ-то и главная порча. Въ сердцѣ всѣ худыя наклонности и страсти, которыя и бывають причиною худыхъ дѣлъ. *Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человека* (Матѳ. 15: 19, 20), говоритъ Господь. Что же? Въ силахъ ли умъ человѣка бороться съ сердцемъ? Могутъ ли познанія побѣждать страсти человѣческія? Сдѣлаетъ ли образованность сердце человѣческое чистымъ и непорочнымъ? О, нѣтъ! Да онѣ, по большей части, и не касаются сердца. Сердце, при всемъ просвѣщеніи и образованности, часто остается грубымъ, страстнымъ, грѣховнымъ. Это, въ прискорбію, и видимъ на самомъ опытѣ. Просвѣщенные и образованные часто не уступаютъ непросвѣщеннымъ и необразованнымъ въ страстяхъ и порокахъ. Нерѣдко еще отличаются и такими пороками, какихъ непросвѣщенные и необразованные не знаютъ, наприм. извѣженностию, гордостію, презрѣніемъ другихъ. Ахъ, нѣтъ! Быть истинно благонравнымъ, добродѣтельнымъ и честнымъ не такъ легко, какъ думаютъ. Вѣдь человѣкъ по растлѣнной своей природѣ болѣе скло-

нея на зло. *Прилежитъ помысленіе человеку прилжно на злая отъ юности его* (Быт. 8: 21), и *всякъ помышляетъ въ сердце своемъ прилжно на злая по вся дни* (Быт. 6: 5), говоритъ Самъ Богъ. Поэтому надо вооружиться противъ себя, противъ своихъ наклонностей и страстей, надо не разъ, не два, а постоянно бороться съ своимъ грѣховнымъ сердцемъ, надо исправить, переменить себя, сдѣлаться со всѣмъ другимъ, новымъ, непорочнымъ. Тогда и будетъ человекъ истинно благонравный, добрый, и, какъ говоритъ Апостоль, *совершенъ на всякое благо дѣло уготованъ* (2 Тим. 3: 17). А это можетъ сдѣлать только вѣра Христіанская. Человекъ можетъ сдѣлаться добрымъ, благодѣтельнымъ, истинно полезнымъ обществу только просвѣщеніемъ и образованіемъ Христіанскимъ, только каждый своимъ усиленнымъ и постояннымъ подвигомъ противъ страстей, и, главное, содѣйствіемъ и помощію всемогущей благодати Божіей. Безъ вѣры, безъ благодати Божіей, при одномъ дѣйствіи человека можетъ быть добродѣтель только внѣшняя, фарисейская, а отнюдь не истинная, не благонамѣренная, не безкорыстная. *Безъ Мене, сказалъ Господь, не можете творити ничего* (Іоан. 15: 5), т. е. ничего добраго.

Хвалятся опять разными изобрѣтеніями къ пользѣ общежитія, открытіемъ доселѣ, повидимому, неиспытанныхъ силъ природы, содѣйствующихъ къ матеріальному благосостоянію человека, и думаютъ, что открыли источники благоденствія человѣческаго, что теперь мы уже не будемъ бѣдствовать, какъ часто бѣдствовали предки наши. Какъ же это? Безспорно много дознано и раскрыто такого, что въ прошедшее нашему время было неизвѣстно, много изобрѣтено способовъ по удобству и легкости труда изумительныхъ. Но какія же изумительныя послѣдствія отъ этихъ открытій? Какъ они осчастливили родъ человѣческой? Сдѣлали ли всѣхъ голодныхъ сытыми? Отстранили ли хотя причины голода:—засухи, ненастья, холодъ, бури и проч.? Нѣтъ. Свободны ли мы стали отъ разрушительныхъ дѣйствій природы, отъ землетрясеній, наводненій, пожаровъ и проч.? Нѣтъ. Отъ опустошительныхъ язвъ, повѣтрій, различныхъ болѣзней, Опять нѣтъ. Все это не во власти человека. Ну, такъ прекратились ли хоть мятежи, войны, кровопролитіе человѣческое? Это ужъ зависеть отъ человека. И этого нѣтъ. Гдѣ же плоды просвѣщенія—то благополучіе и счастье человѣческое? Умѣстна ли слѣдовательно похвальба, а тѣмъ паче гордость и мечтательность вслѣдствіе новыхъ изобрѣтеній и открытій? Извѣстно, что всѣ наши открытія имѣютъ цѣлю то, чтобы намъ жизнь свою сдѣлать легкою, менѣе заботливою,

даже праздною, чтобы все, потребное намъ, приходило къ намъ, такъ сказать, само собою, безъ нашей дѣятельности, безъ нашего труда. На что же или при чемъ мы жить останемся, не имѣя ни труда, ни занятія? Вѣдь Богъ заповѣдалъ человѣку самому трудиться. *Въ потъ лица твоего, сказано, съѣси хлѣбъ твой* (Быт. 3: 19). Какъ бы ни было, наше время, славящееся просвѣщеніемъ и многими полезными открытіями, еще не дѣлаетъ человѣка счастливымъ и въ настоящей жизни. О будущей жизни и не говорю: потому что просвѣтителі нашего времени по большей части не имѣютъ ее въ виду. Одинъ Богъ можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, и здѣсь когда человѣкъ черезъ вѣру и храненіе заповѣдей Божіихъ будетъ въ союзѣ съ Богомъ. *Аще, говоритъ Господь, въ повелѣніихъ Моихъ ходите, и заповѣди Моя сохраните и сотворите я, и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя, и съѣсте хлѣбъ вашъ въ сытость, и дамъ миръ въ землі вашей. Аще же не слушаете Мене, ниже сотворите повѣленій Моихъ, и наведу на васъ скудость, и сокрушу досажденіе гордыни вашей, и положу небо вамъ аки желѣзно, и землю вашу аки мѣдяну, и будетъ вотще крѣпость ваша, и не дастъ земля ваша стѣне своею* (Лев. 26: 3, 4, 5, 6, 14, 16, 19, 20). Вотъ отъ Кого зависитъ благополучіе человѣка. Изволить Богъ,—и будемъ счастливы и довольны; не изволить,—будемъ злополучны и гладны. А изволить тогда, когда будемъ знать Его, и служить Ему исполненіемъ воли Его; не изволить, ежели забудемъ Его и станемъ жить по своей развращенной волѣ.

Хорошо, братіе, и просвѣщеніе, но разумное и основательное, въ союзѣ съ Христіанскимъ благочестіемъ, а безъ благочестія—что въ просвѣщеніи?—Это острый ножъ, съ которымъ и самый владѣтель справиться не можетъ, не уязвивши себя смертельно. Несомнѣнно же достоинство Христіанскаго благочестія: оно на все полезно есть, *обътованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4: 8). Пусть будутъ и разныя изобрѣтенія къ улучшенію виѣшняго быта человѣческаго, пусть открываются новые способы, но не въ потворство страстямъ, а на существенную пользу человѣку, на увеличеніе и на распространеніе въ обществѣ всего полезнаго и необходимаго для жизни человѣческой. Пусть притомъ все это будетъ въ духѣ благочестія и вѣры, при благословеніи Божию, съ благодареніемъ Всевышнему Промыслителю, и во славу пресвятаго имени Его. *Хваляйся, скажу съ Апостоломъ, о Господь да хвалятся* (2 Кор. 10: 17). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 30.

Неопровержимое бытіе и свойство чудесъ въ Христіанской Церкви.

Господи благослови!

Ни одна изъ существовавшихъ до нынѣ въ родѣ человѣческомъ религій не имѣетъ признаковъ и свидѣтельствъ о своей божественности, кромѣ вѣры Христіанской. Одна Христіанская вѣра, обладая вполне внутреннимъ достоинствомъ таинственности и святости, имѣетъ и внѣшнее неопровержимое свидѣтельство своей божественности. Это свидѣтельство—*чудеса*. Христіанская Церковь такъ богата свыше-естественными событіями или чудесами, что ихъ не только описать, но исчислить нѣтъ никакой возможности. Самъ Спаситель нашъ Христосъ въ краткую свою земную жизнь столько сотворилъ чудесъ, что если бы, по слову Евангелиста, писать о томъ подробно, то и самому міру не вмѣстить бы написанныхъ такихъ книгъ (Іоан. 21: 25). А въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ Христіанства какихъ и коликихъ силою Божіею по вѣрѣ вѣрующихъ не совершилось чудесъ! Въ такомъ состояніи умѣстно ли, казалось бы, сомнѣніе о дѣйствительности чудесъ? А вотъ были же, и нынѣ есть таіе, которые не вѣруютъ чудесамъ, и говорятъ, что чудеса противны порядку и законамъ природы. Удивительно, до чего не можетъ довести человѣка лжеименный разумъ. На что нерѣшится посягнуть, ослѣпивъ человѣка позпаніемъ силъ природы, и естественнаго послѣдованія въ ней причинъ и дѣйствій.

„Чудеса противны порядку и законамъ природы“. Да кто же установилъ порядокъ въ природѣ, и кто далъ ей законы? Ежели сама природа, какъ не усумнятся сказать суемудрствующіе, то кто же отнялъ у нея возможность и право измѣнять и свой порядокъ и свои законы? А ежели порядокъ въ природѣ установилъ, и законы предписалъ ей Всемогущій и Премудрый Творецъ, какъ мы несомнѣнно признаемъ и вѣруемъ, то чего не можетъ Онъ сдѣлать и иначе; какихъ не можетъ сдѣлать измѣненій въ природѣ, когда то будетъ Ему угодно, и Его премудрымъ намѣреніямъ и благимъ цѣлямъ соотвѣтственно? Какой хозяинъ въ домѣ не можетъ измѣнять установленнаго имъ же самимъ порядка, и вмѣсто того, чему слѣдуетъ по общей и постоянной волѣ его быть, дѣлать что либо другое, какъ скоро онъ находитъ то полезнымъ или нужнымъ? И кто бы сталъ возражать противъ этого, или утверждать, что тому или другому чему

либо быть невозможно? Какъ же отвергать чудеса въ природѣ, признавая Творца и Промыслителя міра? Да что и сама природа, какъ не постоянное чудо? Развѣ постигъ человѣкъ весь чинъ и порядокъ ея? Развѣ открылъ и изслѣдовалъ всѣ законы ея? Развѣ дозналъ и разсмотрѣлъ всѣ сокровенныя силы ея? А ежели въ самой природѣ много непостижимаго, чего однакожь, какъ очевиднаго, отвергать нельзя, то какимъ образомъ отвергать событія для насъ непостижимыя, которыя по временамъ нарочито происходятъ отъ воли и силы Божіей? Ежели все естественное въ своемъ родѣ есть чудо, то какъ не могутъ быть чудеса независимо отъ порядка естественнаго, имѣя причину свою въ Богѣ, Творцѣ природы и Вседержителѣ?

Чудеса противны порядку и законамъ природы. Какой природы? Видимой, вещественной, той, въ которой, по нынѣшнему нашему состоянію, принадлежимъ и мы. А развѣ нѣтъ другой, высшей, отличной отъ этой, природы? Ежели есть Богъ, есть міръ невидимый и духовный (а кто скажетъ, что—нѣтъ?), то есть и другая, такъ сказать, природа, высшая, невидимая. А тамъ конечно другой, отличный отъ нашего, порядокъ, другіе, неизвѣстные еще намъ, законы. У Бога, говоритъ Апостоль, *единъ день яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ* (2 Петр. 3: 8). Извольте же теперь судить по-нашему о томъ, что выше насъ, о чудныхъ дѣлахъ Божіихъ по чину и законамъ видимой, вещественной природы. Вѣдь настоящая наша природа не въ томъ состояніи, въ какомъ находилась она прежде. Съ паденіемъ человѣка, и она *суеть повинуся не волею за повинувшаго ю* (Рим. 8: 20). До паденія человѣка она была въ другомъ видѣ; придетъ и опять въ другой видъ, получить иной порядокъ и иные законы. Таково предназначеніе Творца. *Еще единою Азъ потрясу*, говоритъ Господь, *не токмо землю, но и небомъ* (Евр. 12: 26) видимымъ, вещественнымъ. Поэтому мы и чаемъ, какъ говоритъ Апостоль, *нова небесе и новы земли* (2 Петр. 3: 13). Это-то высшая природа міра невидимаго и является въ нашемъ мірѣ въ чудесахъ, которыя представляются намъ противными порядку и законамъ нашей вещественной природы, но которыя въ самомъ дѣлѣ совершенно сообразны съ будущимъ назначеніемъ міра и человѣка. Обратите вниманіе на самыя чудеса. Напримѣръ, Господь насыщалъ тысячи народа, можно сказать, безъ хлѣба. Чудно это? Да вѣдь въ будущей жизни и вѣчно будутъ жить безъ пищи и питія. *Не взычутъ кому, ниже вжаждутъ* (Апок. 7: 16), говоритъ Тайновидѣцъ о состояніи людей въ будущей жизни. Господь чудесно врачевалъ всякія болѣзни и исправлялъ недостатки человѣческіе, — больныхъ исцѣлялъ,

прокаженныхъ очищаль, слѣпымъ давалъ прозрѣніе, глухимъ отверзалъ слухъ, и нѣмымъ языкъ. Да вѣдь таковы будутъ и всѣ въ будущей жизни. Всѣ будутъ здоровы, благообразны и совершенны: отъ всѣхъ *отбѣжитъ болѣзнь и печаль и воздыханіе* (Пс. 35: 10). Господь воскрешаль мертвыхъ. Да вѣдь будетъ время, что и всѣ воскреснутъ, всѣмъ опредѣлена жизнь безсмертная и вѣчная. Исповѣдниковъ вѣры Христіанской нечестивые мучители отдавали звѣрямъ на растерзаніе и повергали въ огонь. И чтожь? Звѣри не касались мучениковъ, въ огнѣ мученики не горѣли. Да вѣдь это и свойственно было имъ. Человѣкъ и созданъ владыкою звѣрей, которые и повиновались ему въ первобытномъ состояніи его, а *огонь* предназначенъ *дѣволу и ангеламъ его* (Матѣ. 25: 41).

Такъ вотъ видите, братіе, что значать чудеса, которыми такъ изобилуетъ Христіанская вѣра. Это—временное, частное проявленіе невидимаго Небеснаго Царства Божія на землѣ; это—знаменія Божіи, свидѣтельствующія о близости Бога къ человѣку и человѣка къ Богу. Несообразныя, повидимому, съ порядкомъ и законами видимой, вещественной природы чудеса вполне сообразны съ бытіемъ и свойствами невидимой, духовной природы, съ Царствомъ Божіимъ, которое придетъ во всей силѣ (Марк. 9: 1), и въ видимой, вещественной природѣ, когда совершится всемірное чудо воскресенія мертвыхъ и обновленія неба и земли. Какъ же послѣ этого отвергать чудеса, истинное бытіе коихъ утверждается притомъ достовѣрнымъ голосомъ исторіи и неопровержимымъ свидѣтельствомъ очевидцевъ? И что за побужденіе къ недовѣрію? Не лучше ли благоговѣть предъ всемогуществомъ и премудростію Творца? Не лучше ли открывать въ чудныхъ дѣлахъ Божіихъ благія намѣренія Промыслителя Бога и обращать ихъ въ убѣдительные уроки къ собственному нашему спасенію? *Вышшняго благословлять, и живущаго во вѣки похвалять, и прославлять, яко власть его, власть вѣчна; и по воли своей творитъ въ силѣ небесный и въ селеніи земный*? (Дан. 4: 31, 32).

Пусть же поклонники разума и испытатели природы, мудрствующіе по плоти, видятъ одну чувственную, вещественную природу, — намъ, вѣрующимъ *отверсто небо* (Іоан. 1: 51), и всемогущая рука Божія видимо является въ чудесахъ и знаменіяхъ, на кои смотря, будемъ, братіе, прославлять великаго и чуднаго Бога нашего, послѣдую псалмопѣвцу: *кто Богъ велий, яко Богъ нашъ; Ты еси Богъ творяй чудеса* (Пс. 76: 15). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 31.

Производители чудесъ въ Христiанской церкви.

Господи благослови!

Отчего нынѣ мало чудесъ“, спросятъ испытующіе судьбы Божіи, водящіеся болѣе разумомъ, нежели вѣроу. Что отвѣчать такимъ совопросникамъ? Конечно нынѣ далеко не столько чудесъ, сколько было во время земной жизни Иисуса Христа, и въ первые вѣка Христiанства, сколько было даже во времена ветхаго завѣта, въ народѣ Израильскомъ, при Моисеѣ. Но вѣдь въ этихъ самыхъ временахъ и объясненіе того, почему тогда было множество чудесъ, а впослѣдствіи менѣе и менѣе. Когда садятъ какое нибудь растение, что дѣлають? Поливають часто, и даже каждый день, чтобы растеніе принялось, укоренилось и расло, а потомъ уже рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ перестаютъ поливать, предоставляя растеніе собственной его силѣ и дѣйствию природы. Такъ и чудеса. Когда началось образованіе Церкви, какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной, когда насаждался въ родѣ человѣческомъ Законъ Божій чрезъ Моисея и чрезъ Христа, тогда и были въ обиліи чудеса, для утвержденія Закона Божія. Нужно же было показать человѣку, что то и другое—дѣло Божіе, а не человѣческое. *Дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мѣ посла* (Іоан. 5: 36), говорилъ Христосъ Іудеямъ. Вѣдь человѣкъ, однажды обманутый врагомъ, сдѣлался очень довѣрчивъ только на голосъ прелести. Противъ истины и добра онъ всегда вооружается, и самымъ чудесамъ часто не хочетъ вѣрить. Сколько препирались волхвы Египетскіе съ Моисеемъ? Сколько старались отвергать божественность чудесъ Иисуса Христа фарисеи, говоря: *о князь бесовствъ изгонитъ бгсы?* (Матѣ. 9: 34). Такъ трудно насаждать въ человѣкѣ истину и добро. А когда уже утвердился Законъ Божій, и особенно законъ благодатный, Христовъ, когда народы увѣровали въ Евангеліе, и основалась Святая Христiанская Церковь, тогда на что чудеса? Не довольно ли того чуда, которое проповѣдуетъ Евангеліе? Не довольно ли того чуда, что Богъ сдѣлался человѣкомъ, и человѣка дѣлаетъ Богомъ? Да вѣдь это такое чудо, которое болѣе и выше всѣхъ чудесъ. Не довольно ли того чуда, что двѣнадцать человѣкъ Іудеевъ безъ оружія покорили всю вселенную, не книжные научили и просвѣтили мудрыхъ, и утвердили и распространили Церковь Божію, которая неподвижно стоитъ восемнадцать вѣковъ и которую *не одолѣютъ врата адава?*

(Матѣ. 16: 18). На что намъ чудеса? Господь спасаетъ вѣрою. *Иже, говоритъ, вѣру иметъ, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. 16: 16). Онъ желаетъ, чтобы мы вѣровали въ слово Его, не требуя на то видимыхъ доказательствъ. Указывая Иудеямъ на совершаемыя Имъ чудеса, какъ на свидѣтельство Его божественнаго всемогущества, Онъ не одобрялъ однако-же ихъ пытливости и требованія отъ Него знаменій и чудесъ. *Аще, говорилъ, упрекая ихъ, знаменій и чудесъ не видите, не имати вѣровати* (Іоан. 4: 44). Не похвалилъ и Апостола Своего за его невѣріе безъ осязательнаго удостовѣренія въ дѣйствительности воскресенія. *Видѣвъ Мя, сказалъ Онъ Тѣмъ, вѣровалъ еси, блаженни не видѣвши, и вѣровавшіи* (Іоан. 20: 29).

„Однакожь“, скажутъ, „есть чудеса“. Да, благодареніе Богу, есть. И на это есть опять свои причины и свои цѣли. Не одна цѣль чудесъ, особенно новозавѣтныхъ, та, чтобы свидѣтельствовать ими божественность проповѣдуемаго новаго завѣта. Господь Іисусъ Христосъ творилъ чудеса сколько для удостовѣренія людей въ томъ, что Онъ посланникъ неба, Сынъ Божій, Обѣтованный Спаситель міра, столько и для того, чтобы подать помощь и утѣшеніе бѣдствующему человѣчеству. Возьмите всѣ почти чудеса, какія творилъ Господь во время земной жизни Своей. Что онѣ, какъ не свидѣтельство любви и благодати Его къ человѣку? Питаніе алчущихъ, исцѣленіе болящихъ, очищеніе проваженныхъ, просвѣщеніе слѣпыхъ, исправленіе глухихъ, нѣмыхъ, хромыхъ—что это какъ не явленіе божественнаго милосердія Его? Укрощеніе бури на морѣ и спасеніе учениковъ Своихъ отъ потопленія—что, какъ не дѣло милосердія Его? Вотъ и нынѣ, какъ и всегда, Господь не оставляетъ и насъ милосердіемъ Своимъ, и нынѣ посѣщаетъ насъ божественною благодію Своею, и нынѣ творить чудеса, являя бѣдствующимъ и страждущимъ всеильную помощь Свою то чрезъ святыхъ иконы, то чрезъ нетлѣнные останки святыхъ благоугодившихъ Ему. Благодаря на этотъ разъ нынѣшней свободѣ слова и гласности, зачастую слышимъ мы о чудесахъ, какія содѣваются силою Божіею преимущественно надъ страждущими различными недугами. *И кто разумѣтъ всѣ милости Господни* (Пс. 106: 43)? *Кто возлагаетъ всѣ силы Его, слышаны сотворитъ вся хвалы Его?* (Пс. 105: 2). Господь творилъ и творить чудеса еще и для прославленія избранныхъ своихъ, вѣрующихъ въ Него. Въ этомъ случаѣ Онъ уступаетъ Свою божественную власть и силу человѣку. Тутъ человѣкъ уже самъ дѣлается чудотворцемъ, самъ творить чудеса, данною Ему и невидимо дѣйствующею въ немъ

силою Божією. Таковы были первые чудотворцы въ Церкви ново-благодатной ученики Господни, Святые Апостолы, которымъ Самъ Господь далъ *власть на дусьхъ нечистыхъ, яко да изгонятъ ихъ, и цѣлити всякъ недугъ, и всяку бользнь* (Матѹ. 10: 1),—и воть *руками Апостольскими были знаменія и чудеса въ людьхъ многа* (Дѣян. 5: 12). Мученики Христовы сколько сотворили, и надъ ними сколько совершилось чудесъ для прославленія ихъ вѣры, терпѣнія и самоотверженія! Да и всѣ, во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ, подвизавшіеся о благодетіи, и угодившіе Богу, святители, преподобные, юродивые, вакихъ не совершали чудесъ и въ жизни, и по смерти! Лѣтописи церковныя наполнены повѣствованіями о такихъ чудныхъ дѣйствіяхъ благодати и силы Божіей въ избранныхъ сосудахъ.

Что и удивительнаго? Вѣдь нынѣ царство благодати. Церковь Христова полна силы Божіей. Самъ Господь *Иисусъ Христосъ, Иже вчера и днесъ, Той же и во вѣки* (Евр. 13: 8), невидимо обитаетъ посреди вѣрующихъ. Чего же не могутъ дѣлать вѣрующіе, укрѣпляемые силою Божією? Всѣ вѣрующіе могутъ быть чудотворцами. Ибо вѣра есть какъ бы рука, которою пріемлетъ человѣкъ силу Божію и производитъ такія дѣла, которыя естественнымъ человѣческимъ силамъ недоступны. *Вѣруяй въ Мя, сказалъ Господь, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ* (Іоан. 14: 12). *Знаменія вѣровавшимъ сказалъ опять, сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ, языки возлаголутъ новы, змія возмутъ; аще и что смертно испіютъ не вредитъ ихъ; на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ* (Марк. 16: 17, 18). *Аще имате вѣру, яко зерно горюшно, говорилъ ученикамъ Своимъ, речете горь сей, преиди отсюду тамо, и преидетъ; и ничтоже не возможно будетъ вамъ* (Матѹ. 17: 20), *напротивъ вся возможна вѣрующему* (Марк. 9: 23). „Такъ отчего же не всѣ вѣрующіе чудотворцы“, сейчасъ конечно скажутъ намъ. Причиною этому сами вѣрующіе. Еще Апостолы спрашивали Христа, когда они однажды не могли изгнать изъ человѣка духа нечистаго: *почто мы не возмогохомъ изгнати его?* Что же отвѣчалъ Господь? *Сказалъ: за невѣрствіе ваше* (Матѹ. 17: 19, 20). Вотъ причина, почему вѣрующіе остаются безъ чудесъ, лишаются возможности и силы творить чудеса. Недостатокъ вѣры, или лучше, прямое невѣрїе. Истинная, чудодѣйственная вѣра высока, братіе. Она требуетъ отъ человѣка совершеннаго отверженія своей воли и преданія себя въ волю Божію. Когда дѣйствуетъ въ насъ Богъ? Тогда, когда перестаетъ дѣйствовать человѣкъ, когда отрѣкается своей воли, дѣлается какъ бы Его органомъ, Его живымъ орудіемъ, предаваясь

весь волѣ и дѣйствию Божию. Иначе что дѣлать Богу тамъ, гдѣ человекъ не усвоаетъ Ему себя или усвоаетъ себя чуждому духу. Покази вѣрующій всю вѣру свою, отвергни совершенно свою волю, предайся весь въ волю и власть Божию,—вотъ тогда и будутъ чудеса. Три отрока не сгорѣли въ разженной печи. Это величайшее чудо. Да что они сдѣлали? Какую показали вѣру, какое самоотверженіе, какую преданность Богу? Кто изъ насъ рѣшится на такую страшную смерть, на какую рѣшились они за имя Бога отцевъ своихъ? Или опять Христіанскіе мученики. Много совершилось надъ ними чудесъ. А какова была ихъ вѣра, каково самоотверженіе, какова преданность Христу, когда они рѣшились претерпѣть всякаго рода мученія за Христа? О, великое со стороны человекъ чудо—самоотверженіе, отреченіе отъ своей воли и преданность въ волю Божию. Въ этомъ и выражается, этимъ и свидѣтельствуется истинная вѣра. Какъ скоро будетъ такая вѣра, такое самоотверженіе со стороны человекъ, послѣдуютъ и чудеса отъ Бога. А доволѣ этого не будетъ, доколѣ человекъ будетъ дѣйствовать самъ своею волею, дотолѣ не будетъ въ немъ благовольтельно дѣйствовать Богъ, дотолѣ не будетъ и чудесъ.

Вотъ вѣдь и мы, братіе, вѣрующіе: А какая наша вѣра,—согласитесь сами. Рѣшимся ли мы на отреченіе отъ своей воли, на самоотверженіе? Рѣшимся ли мы цѣлую, жизнь посвятить на такіе подвиги, на какіе обрекли себя пустынники? Рѣшимся ли мы избрать такой суровой и невыносимый родъ жизни, какой избрали себѣ юродивые? Рѣшимся ли мы оставить домъ, родителей, жену, дѣтей Христа ради, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, Алексій человекъ Божій? Что я говорю? Рѣшимся ли, или вдругъ ли рѣшимся оставить свою какую нибудь любимую страсть, хотя бы то вредную, хотя бы даже постыдную? Рѣшимся ли мы по вѣрѣ въ слова Спасителя раздать имѣніе свое нищимъ, чтобы имѣть сокровище на небеси? Гдѣ же наша вѣра? Вотъ постигли насъ несчастныя обстоятельства,—что мы дѣлаемъ? Прибѣгаемъ къ Богу, а между тѣмъ выдумываемъ свои способы и заискиваемъ защиты и помощи отъ людей: гдѣ же наша вѣра? Вотъ случилась съ нами болѣзнь,—что дѣлаемъ? Просимъ исцѣленія у Бога, обращаясь къ Нему въ молитвахъ, и даже освящаясь Св. елеемъ, и въ то же время ни на минуту не остаемся безъ доктора, и до послѣдняго часа принимаемъ лѣкарства: гдѣ же наша вѣра? Какой ея возрастъ?

Великое дѣло — вѣра, братіе. *Безъ вѣры невозможно угоди-ти Богу* (Евр. 11: 6). Безъ вѣры невозможно ничего и получить

отъ Бога. *Да проситъ вѣроу, говоритъ Апостоль каждому Христіанину, ничтоже сумняся; сумняйся бо уподобися волменію морскому вътры возметаему и развѣваемому. Да не мнитъ человекъ онъ, яко приметъ что отъ Бога* (Іак. 1: 6: 7). Безъ вѣры не бываетъ чудесъ. Вотъ почему не всѣ вѣрующіе чудотворцы, или лучше, рѣдкіе изъ вѣрующіихъ—чудотворцы, хотя всѣ могли бы быть чудотворцами. Ибо слово Божіе неложно, и благодать и сила Божія неоскудѣемы и неистощимы.

О, еслибы намъ, братіе, Господь показалъ одно обыкновенное и простое, но самое божественное и спасительное чудо—обратилъ насъ къ благочестію, и всемогущею Своею благодатію содѣлалъ насъ изъ грѣшниковъ святыми и непорочными, достойными обѣтованнаго намъ Царствія Небеснаго! Дивный и прославленный во святыхъ, Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 32.

Чудеса благодати Божіей въ таинствахъ Церкви Христовой.

Господи благослови!

Много, братіе, чудесъ у Христіанъ, чудесъ видимыхъ, такихъ, которые явленіемъ своимъ, превышающимъ силы и законы природы, обыкновенно поражаютъ насъ, и очевидно свидѣтельствуютъ о себѣ, что тутъ дѣйствуетъ великая и крѣпкая рука Божія. Но только ли эти чудеса у Христіанъ? Нѣтъ. Много, много другихъ чудесъ—чудесъ невидимыхъ, не примѣчаемыхъ, таинственныхъ. Нельзѣ намъ не знать и не видѣть этихъ чудесъ. У вѣрующихъ есть свое особое зрѣніе—вѣра, для которой открыта область невидимая, духовная, которая зрѣтъ въ этой области дѣйствія и силы Божіи такъ же, какъ чувственный нашъ взоръ—чудныя и непостижимыя явленія въ видимой природѣ. Да, братіе. Много у Христіанъ чудесъ невидимыхъ, духовныхъ. Благодатная Церковь Божія полна *божественныхъ силъ, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1: 3).

Возьмемъ ли во вниманіе тайны Христіанскія наша вѣра,—и уже видимъ величайшія божественныя чудеса. Первое чудо, чудо чудесъ есть Самъ *Чудный* (Исаія 9: 6) Богъ нашъ, Невидимый, Непостижимый, Вездѣсущій, Всевѣдущій,—Троица во Единствѣ и Единица въ Троицѣ. Ему раболѣпно служить, Его ужасаются и трепещутъ всѣ горнія Силы, предъ Нимъ въ изумленіи преклоняется всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ. Величайшее чудо есть Искупитель нашъ Господь

Исусъ Христъ. Его непостижимаго схождения, Его безсѣменнаго въ Дѣвическомъ чревѣ воплощенія, Его вочеловѣченія и явленія въ существѣ совершенства Бога и совершенна чловѣка никакой умъ постигнуть, и никакой языкъ сказать не можетъ. Величайшее чудо есть *тайна спасенія нашего, сокровенная отъ вѣковъ въ Бозѣ* (Ефес. 3: 9), *лты вѣчными умолчанная, являющаяся же нынѣ по повелѣнiю вѣчнаго Бога* (Рим. 14: 24, 25), проповѣданная, но и доселѣ не изглаголанная, слышанная, но мѣрою разума не исчерпаемая, *въ послушанiе точiю вѣры во встѣхъ языцѣхъ познавшаяся* (Рим. 14: 25).

Обратимъ ли взоръ на самую Церковь Христову,—тутъ ужъ видимо являются невидимыя чудеса. Что такое храмъ Христіанскій? Домъ Божій. Въ немъ невидимо и таинственно живетъ Самъ Богъ. Это ужъ настоящее земное небо. Не чудо ли это? Что такое Христіанская молитва? Бесѣда чловѣка съ Богомъ, непосредственное общеніе твари съ Творцемъ. Чловѣкъ приноситъ молитву Богу, и Богъ слышитъ и пріемлетъ молитву чловѣка, не смотря на безконечное разстояніе чловѣка отъ Бога. Не чудо ли это? А тайны Христіанскія, совершаемыя въ Церкви? Что дѣлается въ крещеніи? Съ погруженіемъ тѣла крещаемаго въ воду, очищается душа отъ грѣховъ. Что я говорю? Весь чловѣкъ выходитъ изъ купели другой, новый, непорочный; чловѣкъ снова рождается, и уже для жизни не временной, а вѣчной. Не чудо ли это! Что бываетъ въ причащеніи? Въ таинственномъ хлѣбѣ чловѣкъ вкушаетъ тѣло Христово, а въ таинственномъ винѣ пьетъ кровь Христову, и чрезъ это входитъ въ тѣснѣйшее соединеніе съ Богомъ,—Богъ бываетъ въ чловѣкѣ, и чловѣкъ—въ Богѣ. Не чудо ли это? Чудо величайшее, непостижимое, такое, которому не надвоятся Ангелы. Что бываетъ въ покаяніи? Чловѣкъ предъ служителемъ Христовымъ исповѣдуетъ Богу въ покаяніи грѣхи, и грѣхи чрезъ служителя Христова прощаются чловѣку отъ Бога. Вдругъ чловѣкъ очищается отъ грѣховъ, какъ очистились отъ проказы извѣстные Евангельскіе прокаженные, и дѣлается чистымъ и непорочнымъ. Не чудо ли это? Да можно ли перечислить и пересказать всѣ благодатныя силы, которыя заключаются въ Церкви, въ этой неистощимой сокровищницѣ даровъ Божіихъ, и которыми врачуется отъ душевныхъ недуговъ и очищается отъ прирожденныхъ сквернъ падшее чловѣчество?

Вотъ, братіе, какъ совершаются въ Церкви Христовой чудеса, и какое множество чудесъ, которыхъ однакожь мы не видимъ, о которыхъ даже не думаемъ, какъ будто ихъ и нѣтъ. Насъ поражаетъ

одно видимое, мы замѣчаемъ силу и благодать Божию только въ осязаемыхъ явленіяхъ, лишь тогда, когда или въ окружающей насъ вещественной, или въ собственной нашей тѣлесной природѣ происходятъ дѣйствія неизъяснимыя изъ причинъ естественныхъ; а между тѣмъ невидимыя, духовныя дѣйствія благодати и силы Божіей точно такія же и столь же великія знаменія и чудеса. Самъ Христосъ, сопоставляя нѣкогда отпущеніе грѣховъ разслабленнаго съ тѣлеснымъ исцѣленіемъ его, показалъ, что и отпущеніе грѣховъ есть такое же чудо, въ порядкѣ нравственномъ, какъ и исцѣленіе разслабленнаго въ порядкѣ физическомъ. *Что есть удобнѣе, спрашивалъ Онъ книжниковъ Иудейскихъ, реши, отпущаются тебѣ грѣси, или реши, возстани и ходи?* (Матѳ. 9: 5). Очевидно, то и другое неудобно, невозможно для человѣка, то и другое есть дѣло Божіе. Но какъ однимъ словомъ исцѣлилъ Онъ разслабленнаго, также точно значить, и отпустилъ ему грѣхи. Дѣйствительность видимая ручается за дѣйствительность невидимую. Сколько же такихъ невидимыхъ явленій силы Божіей, сколько духовныхъ, таинственныхъ чудесъ у Христіанъ? И какое высокое достоинство, какая спасительная сила ихъ! Знаменія и чудеса видимыя рѣдки, а невидимыя—всегдашни, непрерывны, безчисленны. Сколько посѣщающихъ храмъ Божій, сколько молящихся, сколько пріемлющихъ святое крещеніе, сколько говѣющихъ и кающихся, сколько причащающихся божественнаго тѣла и крови Христовой; столько явленій невидимой силы Божіей, столько благодатныхъ даровъ Божіихъ, столько духовныхъ чудесъ. И чѣмъ душа человѣческая превосходитъ тѣла, тѣмъ духовные дары Божіи драгоценнѣе благъ тѣлесныхъ, тѣмъ невидимыя чудеса Божіи важнѣе чудесъ видимыхъ. Важно исцѣленіе недуговъ, но важнѣе очищеніе грѣховъ; важно избавленіе отъ бѣдъ настоящихъ, но важнѣе—отъ бѣдъ будущихъ; важно воскресеніе въ жизнь временную, но важнѣе—въ жизнь вѣчную.

Не будемъ, братіе, просить у Бога чудесъ видимыхъ,—въ этомъ да будетъ премудрая и пресвятая воля Его. Видимыя чудеса нужны особенно для невѣрующихъ. Мы же *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5: 7). У насъ есть свои невидимыя, таинственныя чудеса. чудеса преславныя, спасительнѣйшія. Совершилъ бы надъ нами Господь эти чудеса, сдѣлалъ бы насъ причастниками Своихъ духовныхъ, таинственныхъ даровъ! Возбудилъ бы въ насъ святую ревность и усердіе къ благодатному дому Его, послалъ бы намъ духъ постоянной, теплой молитвы къ Нему, очистилъ бы насъ отъ грѣховъ покаяніемъ, сподобилъ бы насъ спасительнаго общенія съ

Нимъ причащеніемъ пречистаго тѣла и крови Его, даровалъ бы намъ Христіанскую кончину и, по смерти, *животъ вѣчный о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6: 23). Сего преимущественно будемъ просить у Подателя всѣхъ благъ Бога, и за сіе особенно будемъ прославлять всечестное и великолѣпное имя Его. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 33.

Слѣпота умственная и нравственная.

Господи благослови!

Богъ вѣка сего ослѣпилъ разумъ невѣрныхъ, во еже не возсіати имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы. (2 Кор. 4: 4).

Св. Апостолъ, какъ видите, братіе, говоритъ о невѣрныхъ. Что онъ говоритъ? То, что многіе изъ язычниковъ, слышавъ благовѣстіе Евангельское, не уразумѣли силы благодати Христовой, и не увѣровали во Христа. А что имъ помѣшало въ этомъ? Кто удержалъ ихъ отъ того; кто закрылъ отъ нихъ истину; кто ослѣпилъ ихъ, чтобы не видѣть имъ духовнаго свѣта Божія? Богъ вѣка сего, князь міра прелюбодѣйнаго и грѣшнаго, во власти котораго находятся грѣшники и второму служатъ, какъ богу. Вотъ, кто ослѣпляетъ невѣрныхъ, затемняетъ ихъ разумъ, не даетъ имъ увидѣть свѣта Божественной истины и держитъ ихъ въ невѣріи,—врагъ человѣческаго рода и человѣческаго спасенія, діаволь. Нельзя не пожалѣть о такой слѣпотѣ невѣрующихъ. Что можетъ быть бѣдственнѣе, какъ при свѣтѣ не видѣть свѣта? Нельзя и не подивиться такому ослѣпленію ихъ. Какъ можно при свѣтѣ блуждать во тьмѣ? Какъ можно не уразумѣть силы благодати Христовой? Какъ можно не принять столь спасительной Евангельской проповѣди? Ужели разумнѣе оставаться во тьмѣ идолослуженія и въ нечистотѣ пороковъ, безъ понятія о достоинствѣ человѣка, безъ надежды на безсмертіе и другую лучшую жизнь? Однавожь такъ было и есть,—были и есть невѣрующіе, которые и донынѣ *ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія за невѣжество суще въ нихъ* (Ефес. 4: 17, 18). Вотъ какъ діаволь ослѣпляетъ человѣка, и человѣкъ, повинувся обаянію діавола, лишается благодати Божіей и погибаетъ въ невѣріи!

Такъ, сказали мы, Св. Апостоль говоритъ о невѣрующихъ. Да нельзя ли того же, хотя не въ такой силѣ, сказать и о считающихся вѣрующими? Ахъ, братіе! Къ прискорбію, не только лъзя, но и должно. Изъ вѣровавшихъ многіе нерѣдко впадаютъ въ ослѣпленіе, находятся въ подобной слѣпотѣ. И ихъ разумы ослѣпляетъ Богъ вѣка сего, потемняя въ нихъ свѣтъ вѣры и вводя ихъ въ различныя заблужденія и богопротивныя дѣла, чтобы лишить ихъ той спасительной благодати, которой уже сподобились было они отъ Бога въ Церкви Его, и подвергнуть плачевной участи за гробомъ наравнѣ съ невѣрующими, или паче горше той, какая ожидаетъ невѣрующихъ. И неудивительно. Можетъ ли діаволь оставлять въ покоѣ вѣрующихъ? Не болѣе ли онъ, какъ врагъ Бога и человѣковъ, будетъ стараться совращать вѣрныхъ съ пути благочестія, и располагать ихъ къ дѣламъ неплоднымъ тмы (Ефес. 5: 11), пользуясь немощами нашей природы, и безъ того всегда преклонной на грѣхъ? Это и видимъ мы на самомъ опытѣ. Видимъ, какъ слѣпотствуютъ многіе изъ Христіанъ и умственно и нравственно, какъ затмѣваютъ въ себѣ свѣтъ Христовъ и искажаютъ чистоту и достоинство истинной вѣры. Слепотствуютъ, сказалъ я, *умственно*. Посмотрите на Христіанъ мнимо-просвѣщенныхъ. Къ чему они болѣе склонны? Къ невѣрію. Чѣмъ преимущественно недугуютъ? Заблужденіемъ ума. Скажите, не слѣпота ли,—умъ человѣческой ставить выше ума божественнаго? Не слѣпота-ли,—довѣрять болѣе своимъ изслѣдованіямъ, нежели откровенію Божію? Не слѣпота ли,—посягать даже на истину и достоинство Евангелія и вѣры Христіанской, какъ, къ прискорбію, дѣлается нѣкоторыми въ наше время? Не слѣпота ли,—правила вѣры и закона Божія согласовать съ правилами міра и обычаями вѣка, а тѣмъ хуже, подчинять первыя послѣднимъ, или даже отмѣнять первыя на счетъ послѣднихъ? Посмотрите на Христіанъ непросвѣщенныхъ, на простолюдиновъ. Къ чему они расположены? Къ суевѣрію. Чѣмъ страдаютъ? Недостаткомъ разсужденія. Скажите, не слѣпота ли,—давать значеніе высокое и силу сверхъестественную вещамъ обыкновеннымъ, мало важнымъ, часто мелочнымъ и ничтожнымъ, въ ущербъ правильной вѣры въ промышленіе и силу Божію? Не слѣпота ли,—замѣчать и различать дни, встрѣчи и другія обстоятельства и приписывать имъ вліяніе на нашу жизнь, на наши дѣла, и на нашу судьбу? А каковы часто религіозныя понятія ихъ? Не слѣпота ли,—не умѣть иногда отличать угодниковъ Божіихъ отъ Самого Бога, наприм. Святителя Николая отъ Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, или, какъ и это быва-

еть, считать угодниковъ болѣе Самого Бога, и обращаться за помощію преимущественно къ угодникамъ, оставляя обращаться къ Богу, — тогда какъ при посредствѣ угодниковъ слѣдуетъ прибѣгать къ Богу же. Не слѣпота ли, — довольствоваться однимъ внѣшнимъ богочтениемъ безъ внутренняго служенія Богу, наприм. поставить свѣчу, отпѣть молебень, подать на поминованіе, ни мало не заботясь о собственномъ участіи въ таковомъ богочтении, о присоединеніи собственной молитвы къ молитвѣ Церкви? Посмотрите еще на нашихъ отпадшихъ братій, погрязшихъ въ безчисленныхъ заблужденіяхъ раскола. Что сказать о нихъ? Не слѣпота ли ихъ — самое отпаденіе отъ Церкви? Не слѣпота ли ихъ, — предавать себя водителству людей простыхъ, не призванныхъ, не освященныхъ, оставивъ законныхъ Пастырей Церкви, Богомъ поставленныхъ и благодатію Св. Духа освященныхъ? Не слѣпота ли — всѣ ихъ безчисленные, взаимно противорѣчащіе, часто нелѣпые, всегда произвольные, и вообще несогласные съ божественною истиною и здравымъ разумомъ толки о вѣрѣ и о Церкви Божіей? Не слѣпота ли ихъ, что они, находясь, такъ сказать, въ самой Церкви Божіей, остаются чуждыми Ея, и столько времени косятъ въ своемъ заблужденіи, не смотря ни на какія, во-очію ихъ совершающіяся, проявленія въ Церкви Божіей благодатныхъ силъ, свидѣтельствующихъ о Ея правотѣ и святости?

Вотъ, какъ многіе и Христіане слѣпотствуютъ умственно. Не менѣе того слѣпотствуютъ многіе и *нравственно*. О, какъ въ этомъ случаѣ слѣпы и мы всѣ, братіе. Сколько у насъ безразсудныхъ поступковъ, которыхъ мы сами послѣ стыдимся, о которыхъ жалѣемъ, въ которыхъ часто раскаиваемся; и однакожъ продолжаемъ такіе поступки: не слѣпота ли это наша? Сколько такихъ пороковъ, которые не только постыдны, но и вредны, разорительны, убійственны, напримѣръ, пьянство, и однакожъ не оставляемъ ихъ: не слѣпота ли это наша? Каковы наши страсти, наприм., гордость, тщеславіе, скупость? Ежели мы думаемъ о себѣ болѣе, нежели сколько значимъ, ежели поставляемъ для себя славу въ пустыхъ и маловажныхъ дѣлахъ, напримѣръ, въ нарядахъ и щегольствѣ, ежели обладаемъ сокровищами, не допуская пользоваться ими ни себя, ни другихъ: не слѣпота ли это наша? Знаемъ, что все здѣсь временно, и потому нечѣмъ дорожить здѣсь, какъ временнымъ; а вотъ умираетъ какойнибудь богатый родственникъ, оставляя все, какъ ему не нужное, — и мы съ жадностію бросаемся усвоить его сокровища, какъ будто не то же будетъ и съ нами: не слѣпота ли это наша? Знаемъ по

опыту, что настоящая жизнь есть время приготовленія къ вѣчности и что время дается намъ собственно на покаяніе и очищеніе грѣховъ, а между тѣмъ только и думаемъ, какъ бы глумиться, забавляться и жить только на грѣхъ и пагубу души: не слѣпота ли это наша? Знаемъ, что конецъ жизни нашей неизвѣстенъ, и ни на одинъ часъ впередъ поручиться не можемъ, видимъ къ тому почти ежедневно около себя умирающихъ, и однакожь вовсе о смерти своей не думаемъ: не слѣпота ли это наша? Знаемъ, что за гробомъ ожидаетъ насъ или вѣчность блаженная, или вѣчность мучительная, и наследовать ту или другую зависитъ отъ насъ; не смотря на то, мы мало, и вовсе объ этомъ не заботимся: не слѣпота ли это наша? Подлинно слѣпота, и какая это безумная и пагубная духовная слѣпота! Ужь истинно дѣло діавольское. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ слѣпому считать себя зрячимъ, и отвергать отъ себя всякаго вѣрнаго руководителя? А это точно и бываетъ съ духовно ослѣпшими. Они считаютъ себя въ полномъ разумѣ, съ презрѣніемъ отвергаютъ отъ себя всякое благоразумное и благонамѣренное разумленіе и наставленіе. *Еда и мы слѣпы есмы* (Іоан. 9: 40), съ гордою самоувѣренностію говорили Іисусу Христу фарисеи. Такъ точно думаютъ о себѣ и всѣ отпадшіе отъ Православной Церкви Божіей вѣрующіе. Слѣпота эта сколько безразсудна, столько и пагубна. Тѣлесная слѣпота временна, и не такъ бѣдственна, а духовная вѣчна и злополучна. Тѣлесно слѣпый лишается свѣта чувственнаго, а духовно слѣпый—духовнаго, божественнаго.

Такъ, братіе. И мнящіеся быти вѣрными не свободны отъ того ослѣпленія, въ которое приводитъ невѣрныхъ богъ вѣка сего, врагъ человѣческаго спасенія, діаволь. И Христіанъ ослѣпляетъ онъ, чтобы имъ не видѣть свѣта Христова, и потерять путь спасенія, закрываетъ отъ нихъ Царство Божіе, чтобы держать ихъ въ области грѣха, и отторгнуть, если можно, навсегда отъ благодати Христовой. О, просвѣтилъ бы Милосердый Господь всѣхъ блуждающихъ въѣ Православной Церкви Божіей, возвратилъ бы ихъ на путь истины и соединилъ въ одно святое Свое и избранное стадо! *Далъ бы и намъ всѣмъ, братіе, просвѣщенна очеса сердца* (Ефес. 1: 18), и наставилъ и утвердилъ насъ ходить непреткновенно во свѣтѣ вѣры и заповѣдей Его, дабы намъ *достойно жителъствоватъ благовѣствованію Христову* (Филип. 1: 27). *Господи Боже силъ, обрати ны, и просвѣти лице Твое, и спасемся* (Пс. 79: 20). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 34.

Духовное идолослуженіе.

Господи благослови!

Вси боги языкъ бѣсове.

(Пс. 95: 5).

Слышите, братіе, что говоритъ царь Давидъ? Говоритъ, что у язычниковъ боги были бѣсы, что язычники служили и покланялись бѣсамъ, духамъ нечистымъ, вообще діаволу. Правда у глубочайшихъ язычниковъ богами были почитаемы самыя идола, они и служили и покланялись идоламъ, вещественнымъ изображеніямъ, бездушнымъ истуканамъ, какъ богамъ. Но богодухновенный Царь, открываетъ и показываетъ, какою мыслию руководствовались тѣ люди, которые рѣшились понаставить идоловъ для почета и поклоненія. Эти люди имѣли отношеніе къ бѣсамъ такое, что признали за боговъ. *Идолъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *ничтоже есть въ міръ* (1 Кор. 8: 4). Истуканы, просто издѣліе человѣческое. *Идола языкъ*, говоритъ тотъ же Давидъ, *сребро и золото дѣла рукъ человѣческихъ* (Пс. 134: 15). Кому же тутъ служить и кланяться? Нечему и некому, если бы къ тому не была привнесена вѣра, или мысль, соединенная съ личнымъ убѣжденіемъ вводителей идолопоклонства о томъ, что воздѣйствовавшіе на нихъ духи или бѣсы—суть боги. Идола языческіе были только видимымъ представленіемъ бѣсовъ, чувственное кумиролуженіе было только выраженіемъ духовнаго бѣсослуженія. Настоящій богъ язычниковъ, и вообще падшихъ людей, грѣшниковъ есть діаволь. Діаволь, отпадши отъ Бога и Творца и сдѣлавшись противникомъ Ему, захотѣлъ самъ быть богомъ, и началъ отъ всѣхъ требовать себѣ божественнаго поклоненія. Это видно изъ его прельщенія нашихъ праотцевъ. Обѣщая имъ достоинство божеское, онъ, очевидно, хотѣлъ ихъ отвратить отъ Бога и взять свою власть, чтобы господствовать надъ ними и быть ихъ богомъ. Это же показываетъ его искушеніе, съ какимъ дерзнулъ онъ приступить къ Спасителю нашему Иисусу Христу, нагло требуя отъ Него себѣ поклоненія. *Сія*, говорилъ, *вся* (указывая на царство и славу міра сего): *тебѣ дамъ, аще падѣ поклонишися* (Матѣ. 4: 9). Вотъ этому богу, именно діаволу, съ его клеветами главнымъ и существеннымъ образомъ и служили язычники, служили ему, исполняя злую волю его, принося ему жертву по роду страстей своихъ, надъ коими властвуютъ демоны. А какъ человѣкъ есть существо не просто духовное,

но вмѣствъ и тѣлесное, то діаволь захотѣлъ, чтобы человекъ и наружно, вещественно служилъ ему, какъ богу,—и вотъ внушилъ язычникамъ ввести его въ почетъ, какъ бога, и для того наставить видимыхъ, вещественныхъ изображеній боговъ—идоловъ и имъ служить и поклоняться, какъ богамъ, закрѣпиль за собою въ этомъ видимомъ и чувственномъ поклоненіи невидимое, духовное поклоненіе самому себѣ. Такимъ образомъ язычники, поклоняясь и принося жертвы идоламъ, поклонялись и служили точно злымъ и нечистымъ духамъ, какъ сказано и о язычествовавшихъ Израильтянахъ: *поработаша истуканнымъ* (Ис. 105: 36), и *пожроша бѣсовомъ, а не Богу* (Втор. 32: 17). Значить, бози языкъ дѣйствительно были бѣсове.

Времена язычества кончились. Кончилось ли идолопоклонство? Свободны ли отъ идолослуженія и принявшіе законъ Христовъ? Нѣтъ. Кончилось поклоненіе истуканамъ, вещественнымъ идоламъ, но не кончилось поклоненіе духовнымъ идоламъ, служеніе діаволу. Духовные идолы—грѣховныя страсти, удовлетвореніемъ которыхъ человекъ служитъ діаволу. Три таковыхъ главныхъ идола, которымъ, къ прискорбію, и мы, Христіане, нерѣдко поклоняемся и служимъ,—это наше *честолюбіе, міролюбіе и плотуодіе*. *Все еже въ міръ, говоритъ Св. Апостоль Іоаннь, похоть плотская, и похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2: 16).

Первый духовный идолъ есть честолюбіе и гордость. *Еже есть въ челоуцьихъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ* (Лук. 16: 15), говоритъ Господь. И этому идолу, діаволомъ измышленному, первымъ поклонникомъ и служителемъ сдѣлался самъ же діаволь, отрекшись отъ повиновенія Творцу и возмечтавъ о себѣ, какъ о богѣ. Этому идолу, по обольщенію діавола принесли дань поклоненія и служенія и прародители наши, поползнувшись на мнимую и преступную славу быть, яко бози. Этому идолу, въ извѣстной мѣрѣ, поклоняются и служатъ всѣ мечтающіе о своихъ достоинствахъ, любящіе честь и славу, ищущіе отличій и преимуществъ предъ другими. И чего они не приносятъ въ жертву этому идолу! Вотъ одинъ добывается высокихъ званій и мѣсть, чтобы величаться предъ другими, и любоваться мыслию: *нѣсмь, яко же прочіи челоуцьи* (Лук. 18: 11). Такое гордое расположеніе есть служеніе духу гордыни. Вотъ другой служитъ именно для почестей и наградъ, подьемлетъ труды и подвиги, не щадя ни времени, ни силъ, ни здоровья своего—для чего? Чтобы получить то или другое отличіе. Такое честолюбивое служеніе есть жертва бѣсу тщеславія. Вотъ третій дѣлаетъ

ся членомъ челоѣколюбиваго общества, благотворить, жертвуетъ на богоугодныя заведенія, созидаеть или украшаетъ даже храмы Божіи— да для чего? Для славы своей, для полученія похвалы отъ общества и отъ начальства. Такая славолюбивая жертва есть жертва бѣсу славолубія. Вотъ еще иной роскошествуетъ, представляетъ весь бытъ свой въ пышномъ и великолѣпномъ видѣ, ведетъ компанію съ большими и знатными людьми, и все для чего? Для своего тщеславія. Такая тщеславная расточительность своего достоянія есть жертва бѣсу самоугодія. Всѣ эти и подобныя имъ жертвы со стороны челоѣка суть именно жертвы идольскія. Вѣдь разсудите сами, кому въ такихъ случаяхъ служить челоѣкъ, для кого трудится, кому дѣлаеть угожденіе и честь—Богу-ли? Нѣтъ, а своимъ порочнымъ желаніямъ и страстямъ. Стало быть, и служить имъ, и въ нихъ и чрезъ нихъ начальнику пороковъ и страстей, діаволу, съ его клеветами.

Второй духовный идолъ есть міролюбіе. Этому идолу поклоняются и служатъ преимущественно любостязатели и сребролюбцы. Апостоль Павелъ любостязаніе именно называетъ *идолослуженіемъ* (Кол. 3: 5), и *сребролюбіе кормемъ встѣмъ злымъ* (1 Тим. 6: 10). Любостязатели, какъ извѣстно, все вниманіе, весь разумъ, всѣ заботы, всѣ труды обращаютъ на то, чтобы пріобрѣсть земныя сокровища, пріобрѣтенныя умножать всякими, какими возможно, способами, а сребролюбцы берегутъ свои сокровища, считая ихъ дороже своей души, и ежели когда одолжаютъ другихъ, то только для своей корысти, чтобы послѣ взять свое съ лихвою. Скажите же, кому посвящаютъ свои труды и свою жизнь, ежели не имѣютъ въ виду ни Бога, ни души своей, ежели только насыщаютъ свою страсть къ земнымъ сокровищамъ и благамъ. Кому? Мамонѣ. Тому же идолу поклоняются и служатъ и любители щегольства и нарядовъ, принося этой безумной страсти непрестанныя, безчисленныя, и самыя цѣнныя жертвы. И ужъ именно служатъ, какъ рабы своему господину, какъ твари своему богу. *Имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2: 19), говоритъ Апостоль.

Третій духовный идолъ есть плотоугодіе. Св. Апостоль Павелъ служеніе плоти и чреву именно считаетъ идолослуженіемъ, и говорить, что чрево для чревоугодниковъ есть богъ. *Таковѣи*, говоритъ Апостоль о плотскихъ людяхъ. *Господевѣ нашему Исусу Христу не работаютъ, но своему чреву* (Рим. 16: 18), *имже боизъ чрево* (Фил. 3: 19). О, какой въ самомъ дѣлѣ это великій богъ у насъ— чрево! Цѣлую жизнь мы служимъ ему, все достояніе свое отдаемъ въ жертву ему, всѣ труды подъемлемъ, всѣ заботы употребляемъ,

всѣ непріятности переносимъ для него, какъ бы только угодить ему. Мало того, что непрестанно заботимся о томъ, *что ямы или что Niemъ* (Матѳ. 6: 31), но еще стараемся *наслаждаться* пищею, *уни- тать сердца свои* (Іоан. 5: 5), хотимъ *ясти, пити и веселитися* (Лук. 12: 19). Какъ же поэтому не богъ—чрево наше, ежели мы такъ усердно служимъ ему, такъ заботливо угождаемъ ему и такъ много жертвуемъ ему? Не мало и другихъ похотей плоти и даже *страстей безчестія* (Рим. 1: 26), которымъ иные изъ носящихъ имя Христіанъ не отказываются служить и жертвовать всѣмъ, не оставляя ничего для пользы души, какъ будто жизнь ихъ только на землѣ, бытіе ихъ—одинъ временный вѣкъ.

Такъ вотъ видите, братіе,—и Христіане не всѣ свободны отъ идолослуженія. Не считайте же для себя лишнею заповѣдь Божию о кумиротолкованіи. Видимое, вещественное идолослуженіе со временами язычества кончилось, а невидимое, духовное, къ несчастію, не прекратилось.

Духовное многобожіе еще превосходитъ многобожіе вещественное, языческое, и едва не равняется числу бѣсовъ, лукавыхъ и нечистыхъ духовъ. Св. Ефремъ Сиринъ въ молитвѣ своей показалъ конечно только часть нашихъ страстей, этихъ плѣновъ отъ нечистыхъ духовъ, упомянувъ о *духахъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія*. Ежели каждая страсть, великая ли то, или малая, главная ли и господствующая, или ей соподчиненная, всегдашняя или временная, для человѣка есть идолъ, которому онъ покланяется и служитъ, то какое должно быть множество этихъ идоловъ и у Христіанъ, какъ скоро они живутъ въ порокахъ и страстяхъ? Ахъ, братіе! Страшно и подумать о такомъ идолослуженіи. А оно дѣйствительно есть. Дѣйствительно въ большинствѣ своемъ и Христіане такъ или иначе, въ такой или иной мѣрѣ, боготворятъ свои страсти, а боготворя страсти, совершаютъ духовное идолослуженіе. И какое богопротивное, душепагубное идолослуженіе! Языческое идолослуженіе сознательно состояло наиболѣе во внѣшнемъ почитаніи кумировъ, а наше идолослуженіе состоитъ исключительно во внутреннемъ служеніи грѣху, въ удовлетвореніи страстей, въ оскверненіи души. Страшно, говорю, и подумать о такомъ идолослуженіи. Вѣдь Христіане вступили въ завѣтъ съ Богомъ, отреклись сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и сочетались Христу; вѣдь они должны служить и покланяться Единому Богу, а не врагамъ своимъ,—исполнять волю Творца своего, а не волю лукавыхъ демоновъ,—душа Христіанская должна быть храмомъ Божиимъ, а не вмѣстилищемъ стра-

стей. О, возлюбленные! Попечемся внести свѣтъ Христіанства въ умы и сердца свои, въ дѣла и поступки, во всю внѣшнюю жизнь нашу; отринемъ все языческое, не свойственное возстановляемой во Христѣ природѣ нашей. Какъ попораны уже всѣ вещественные кумиры, идола языческіе, такъ попремъ въ себѣ всѣ плотскія и душевныя страсти; поставимъ въ душахъ своихъ другіе, Христіанскіе, божественные образы: смиреніе, вѣру и повиновеніе Богу, любовь, благотвореніе ближнимъ, презрѣніе къ суетному міру и его скорогнущимъ благамъ, воздержаніе отъ грѣховныхъ страстей съ соблюденіемъ себя къ чистотѣ души и тѣла. Такъ будемъ *служить Богу живу и истинну* (Евр. 9: 14), и *поклоняться Ему духомъ и истинною* (Іоан. 4: 23), и тогда, только тогда будемъ мы истинными Христіанами, *людьми дѣйствительно призванными изъ тмы въ чудный Божій свѣтъ* (1 Петр. 2: 9), и *наслѣдниками по упованію жизни вѣчныя*, (Тит. 3: 7)! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 35.

Несоотвѣтственность Христіанства закону Христову и духу Евангелія.

Господи благослови!

Нынѣ, братіе, время вопросовъ. То и дѣло возникаютъ въ обществѣ вопросъ за вопросомъ. Есть вопросы, которымъ приписываютъ особенную важность. Предлагаю и я вопросъ чрезвычайной важности, вопросъ, на который стоитъ обратить все наше вниманіе. Спрашиваю: Христіане ли мы? Не оскорбитесь, братіе, вопросомъ. Говорю вообще, въ виду имѣю всѣхъ Христіанъ. Не сочтите неумѣстнымъ вопросъ. Апостолъ Павелъ говорилъ же Христіанамъ своего времени: *себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте* (2 Кор. 13: 5). Необходимо обращать на себя вниманіе, необходимо испытывать себя, повѣрять свою жизнь. И учащихся испытываютъ, и служащихъ повѣряютъ, и купецъ наблюдаетъ за своими дѣлами, и богачъ усчитываетъ свой капиталъ. Какъ же намъ, Христіанамъ, не наблюдать за собою, не испытывать себя, не повѣрять своей жизни? Развѣ мы не дорожимъ своимъ Христіанствомъ? Развѣ хотимъ только называться Христіанами, а жить какъ-нибудь, какъ водится и какъ хочется? Въ такомъ случаѣ какая намъ польза отъ нашего Христіанства! Для чего и быть въ числѣ Христіанъ, и назы-

ваться Христианами? Не лишній, очевидно, братіе, и не неумѣстный вопросъ, и я повторяю его: Христиане ли мы? „Да какъ же“, конечно скажетъ каждый изъ насъ, „какъ же мы не Христиане“?

„Мы крестились во Христа, исповѣдуя Бога Отца и Сына и Св. Духа, и всегда носимъ на себѣ крестъ Христовъ: какъ же мы не Христиане?“ Такъ. Дѣйствительно мы сподобились этой великой благодати Божіей. Мы крестились, вступили въ Церковь Христову, и сдѣлались вѣрными. Но и не только ли? Помнимъ ли мы эту, пріятую нами, благодать? Понимаемъ ли, цѣнимъ ли достоинство званія, въ которое вступили? Хранимъ ли тѣ обѣты, которые дали при крещеніи? По большей части, нѣтъ и нѣтъ. Святая Церковь, по вѣрѣ нашихъ родителей и восприемниковъ, сообщила намъ даръ сыноположенія еще въ младенчествѣ нашемъ, безъ нашего сознанія; теперь слѣдовательно надлежало бы намъ усвоить, такъ сказать, себѣ этотъ даръ собственнымъ сознаніемъ, оправдывать вѣру родителей и восприемниковъ своею нашею вѣрою, и силу данныхъ при крещеніи обѣтовъ являть въ собственныхъ нашихъ дѣлахъ. Но такъ ли бываетъ? Мы носимъ на себѣ крестъ. Неужели этого и довольно для Христианина? Отображается ли въ душѣ нашей носимый нами крестъ Христовъ? Располагаемъ ли мы жизнь свою по примѣру распятаго за насъ Господа, и исполняется ли въ насъ законъ Христовъ?

„Мы ходимъ въ церковь Святую и молимся Богу: какъ же мы не Христиане?“ Такъ. Ходимъ въ церковь, но часто ли, во время ли, и всегда ли, когда должно? Ходимъ въ церковь, но такъ ли, какъ слѣдуетъ? Надо ходить въ церковь, по словамъ Церкви, *съ любовью, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ* (велик. ект.), вѣдь это—домъ Божій, тутъ Самъ Богъ невидимо присутствуетъ. Надо и стоять въ церкви смиренно, благочинно и благоговѣнно, какъ предъ лицемъ Божіимъ. Но такъ ли, и всегда ли такъ бываетъ? Мы молимся, но внимательно ли, усердно ли, сокрушенно ли? Не противное ли показываетъ наше поведеніе въ церкви, наше изображеніе креста, наши поклонны? Всегда ли даже ходимъ въ церковь для молитвы? Не по обыкновенію ли только, не отъ свободы ли только, не для другихъ ли еще какихъ цѣлей? Не забудемъ, что Спаситель нашъ Господь не разъ изгонялъ изъ храма недостойныхъ, и за недостойныя дѣла. Не забудемъ, что Онъ нерѣдко осуждалъ и молитвенниковъ, называя богопочтеніе ихъ *суетнымъ* (Матѣ. 15: 9), и что молитва, по словамъ пророка, бываетъ иногда не во спасеніе, а *въ грѣхъ* (Пс. 108: 7). Ходимъ въ церковь и молимся, но довольна

ли въ насъ ревность къ украшенію церкви и въ благолѣпію службы церковной? Не болѣе ли заботимся объ украшеніи себя, своихъ домовъ, и вообще объ угожденіи себѣ? Ходимъ въ церковь и молимся, а много ли жертвуемъ въ церковь? Не болѣе ли въ мѣста общественныхъ увеселеній? Да, въ церковь единицы, а на удовольствія и потѣхи десятки и сотни. По-Христіански ли это?

„Мы постимся въ извѣстные дни и времена, какъ установила Христіанская Церковь: какъ же мы не Христіане“? Постимся? Да всѣ ли, и всегда ли? О, нѣтъ, нѣтъ. Многіе изъ нынѣшнихъ Христіанъ не знаютъ никакихъ постовъ, у нихъ сплошная во весь почти годъ, и нарушеніе правилъ церковныхъ не ставится почти ни въ какой грѣхъ! А и тѣ, которые соблюдаютъ посты, но высоко стоятъ на стени Христіанскаго воздержанія. Одна постная пища еще не есть настоящій постъ; а вѣдь наше постничество почти всегда и состоитъ въ одномъ употребленіи постной пищи, безъ соблюденія притомъ иногда простоты и умѣренности, и безъ воздержанія отъ прихотей и страстей.

„Мы говѣемъ, и нѣкоторые не по однажды въ годъ; какъ же мы не Христіане“? Такъ. Дѣйствительно многіе говѣютъ ежегодно, иные даже по нѣскольку разъ въ годъ, или во всѣ посты; но сколько такихъ, которые не говѣютъ вовсе, не говѣютъ по два, по три, по пяти и болѣе лѣтъ? Пусть мы говѣемъ, и говѣемъ часто, но какъ говѣемъ? Съ искреннимъ ли раскаяніемъ, съ полнымъ ли исповѣданіемъ грѣховъ? Имѣемъ ли намѣреніе оставить грѣхи, или по крайней мѣрѣ противиться грѣхамъ? Остерегаемся ли послѣ говѣнія повторенія прежнихъ грѣховъ? Трудно, братіе, отвѣчать утвердительно. А вѣдь истинное, богоугодное и душеспасительное говѣніе непременно этого требуетъ. Иначе говѣніе наше можетъ быть для насъ безъ пользы, а еще (чего Боже сохрани!), и въ осужденіе. Ибо главную часть говѣнія составляетъ, какъ извѣстно, приобщеніе святыхъ Христовыхъ таинъ. *А ядый тѣло Господне, и пійи кровь Господню недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пїетъ* (1 Кор. 11: 29), говоритъ Апостоль.

„Мы празднуемъ Христіанскіе праздники: какъ же мы не Христіане“? Точно празднуемъ, хотя не всѣ, и не всегда. Какъ и сколь усердно празднуемъ, ужъ объ этомъ не говоримъ. Бываемъ въ церкви за службой часъ, и два, и можетъ быть болѣе. А затѣмъ? Что дѣлается днемъ, что вечеромъ? Со службой церковной у насъ рѣшительно оканчивается Божій праздникъ. День и вечеръ уже принадлежатъ другому празднику, празднику въ удовольствіе собственной

плоти и страстей. Простой народъ пьянствуетъ, предается веселостямъ, часто самымъ безчиннымъ; лучшіе въ обществѣ забавляются роскошными обѣдами, блестящими балами, языческими представленіями. И это Христіанскіе праздники? Не скажетъ ли и намъ Богъ, смотря на наше празднованіе: *праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Исаія 1: 14)?

„Мы Христіане“. А какова жизнь наша, каково поведеніе наше? На что обращено все вниманіе у насъ, вся забота наша? На то ли, что заповѣдуетъ Господь, что благоугодно Ему, что спасительно намъ? На то ли, чего требуетъ святое званіе Христіанъ? Знаемъ ли мы свою вѣру, свои Христіанскія обязанности, что, безъ сомнѣнія, всякому Христіанину необходимо? Непросвѣщенные погрязаютъ въ невѣжествѣ, а у просвѣщенныхъ только и заботы о наукахъ мірскихъ, познаніе вѣры и закона Христіанскаго ставится на послѣднемъ мѣстѣ, и то развѣ изъ приличія. Что у насъ читаютъ въ домахъ? По большей части не книги, а книжонки, пустыя, бесполезныя, часто соблазнительныя. А Священное писаніе? О, это чтеніе скучное, тяжелое, не по духу времени,—это чтеніе собственно духовныхъ, или даже однихъ монаховъ. Что опять поютъ? Пѣсни мірскія, чувственныя, сладострастныя. А пѣсни священныя, божественныя? Это было дѣломъ развѣ прежнихъ Христіанъ. Какія у насъ дѣла? На что обращены наши всѣ заботы, всѣ труды? На то ли, чтобы служить Богу, прославлять Его благочестивою и добродѣтельною жизнію? Не на одни ли напротивъ земныя блага, житейскія нужды, потребности даже плоти и страстей? Еще Апостоль говорилъ о Христіанахъ своего времени: *все своихъ си ищутъ а не яже Христа Иисуса* (Филип. 2: 21): что же должно сказать о насъ? О дѣлахъ, противныхъ закону Божію, нерѣдко посрамляющихъ нашу святую вѣру, и говорить ли? И въ этихъ срамахъ у насъ недостатка нѣтъ. А ежели повѣрить еще наши мысли, намѣренія, движенія сердечныя, взаимныя расположенія, то видно будетъ, что мы живемъ во плоти, руководствуясь только закономъ растлѣнной нашей природы. Гдѣ же воздержаніе отъ страстей, гдѣ подвиги противу грѣха, гдѣ чистота и непорочность? А вѣдь это все необходимо каждому Христіанину. Самъ Господь требуетъ этого отъ насъ. *Святѣ, говорите, будите яко Азъ Святъ есмь* (1 Петр. 1: 16). И какъ иначе? Назначеніе Христіанъ всегда быть съ Богомъ, здѣсь невидимо, благодатно, тамъ—въ вѣчности видимо, лицомъ къ лицу: какъ же имъ не быть святыми и непорочными? А мы такъ погрязли во временности, что намъ рѣдко и на умъ приходитъ вѣчность, мало и ду-

маемъ о томъ, что имѣеть быть съ нами по смерти. Судите сами, братіе, каково наше Христіанство!

А ежели посмотрѣть на то, что дѣлается въ обществѣ Христіанъ, между народами Христіанскими, то часто страшно бываетъ и сказать, что это міръ Христіанскій. Какова вѣра у Христіанъ? Апостоль сказалъ: *единъ Господь, едина вѣра* (Ефес. 4: 5). Такъ и быть должно. То ли у Западныхъ, наприм., Христіанъ. Сколько у нихъ обществъ по вѣрѣ, сколько раздѣленій, сколько сектъ! И что еще? Изъ-за вѣры Христовой, изъ-за Самого Христа (о, ужасъ!) дѣлаются врагами другъ другу. Называютъ себя Христіанами, и преслѣдуютъ, гонятъ, убиваютъ другъ друга, за несогласіе въ вѣрѣ. А сколько между именующимися Христіанами особенно позднѣйшаго времени и такихъ, которые вовсе отвергаютъ вѣру Христіанскую! Сколько вольнодумцевъ, явныхъ отступниковъ отъ вѣры! Каково попеченіе о ближнихъ, какова любовь въ ближнимъ у мнимыхъ Христіанъ? Въ обществѣ христіанскомъ какое множество бѣдныхъ, не имѣющихъ часто насущнаго хлѣба, тогда какъ другіе роскошествуютъ и пресыщаются, и нѣтъ почти о томъ общаго, вѣрнаго и постоянного попеченія. Какое пострамленіе Христіанской вѣрѣ! Сколько опять соблазновъ, совращающихъ человѣка съ пути благочестія и добраго поведенія. Вотъ сочиненія, растлѣвающія нравственность Христіанъ, подрывающія основаніе вѣры и проповѣдующія безбожіе и нечестіе; вотъ открытое лицедѣйство, забавляющее простой народъ часто самыми непристойными и безнравственными представленіями; повсюду, едва не на каждомъ шагѣ, приманка въ винопитію, которое такъ быстро въ настоящее время усиливается и распространяется въ народѣ. Нѣтъ нужды, что человѣкъ разстраиваетъ этимъ и себя и свое состояніе, безчеститъ Христіанское званіе, производя нерѣдко открытое безчиніе, съвернословіе, драку, губитъ себя душевно, и часто тѣлесно,—нѣтъ до этого нужды, только бы насыщалось корыстолюбіе наше. И это въ обществѣ Христіанъ? А что дѣлается въ народахъ и между Христіанскими народами, боюсь и говорить объ этомъ. Нерѣдко бываютъ открытыя возмущенія въ народахъ, сопровождающіяся грабежами, убійствами, самыми безчеловѣчными истязаніями надъ противными себѣ. Это дѣлается и въ наше время и у насъ, отъ соплеменнаго, но не единовѣрнаго намъ народа *). А войны? Умолкали ли онѣ когда у Христіанъ? Разорительныя и опустошительныя войны между Христіанскими народами,

*) Разумѣется послѣдній польскій мятежъ.

кровопролитіе, истребляющее тысячи, миллионы Христіанъ—да это немислимо, невообразимо. Чѣмъ послѣ этого отличается Христіанскій міръ отъ міра языческаго? Какое отличіе Христіанъ отъ нехристіанъ? Одно исповѣданіе Бога въ катихизисахъ безъ свидѣтельства того словами и дѣлами (Тит. 1: 16), одинъ образъ благочестія въ поведеніи безъ внутренней силы его (2 Тим. 3: 5).

Не красно состояніе нашего Христіанства, какъ сами видите, братіе. Скажутъ, можетъ быть, намъ: „Христіанинъ вѣдь человѣкъ же, не Ангель, нельзя же ему быть безгрѣшнымъ; да и Господь, вѣдая немощь естества нашего, милостивъ къ намъ“. Нельзя Христіанину быть безгрѣшнымъ. Такъ что же будетъ значить благодать Христова? Что будетъ значить законъ Божій, заповѣдующій намъ чистоту и непорочность? Не требуютъ отъ насъ чистоты Ангельской; заповѣдуются чистота и непорочность, свойственная человѣку, такая, которая, при всѣхъ нашихъ немощахъ, по благодати Божіей возможна, что и оправдали въ жизни своей тысячи, миллионы истинныхъ Христіанъ. Господь милостивъ. Да, слава милосердію Его! Онъ уже явилъ намъ столь великую милость, сколь велика безпредѣльная благость Его. Но развѣ Онъ уже отступилъ отъ Своей правды? Развѣ отмѣнилъ уже муку вѣчную? А ежели не отмѣнилъ, и не отмѣнить, какъ въ истинѣ непреложный: то для кого же она, какъ не для грѣшниковъ, и особенно грѣшниковъ изъ Христіанъ? Хорошо бы, по милосердію Божію, быть въ раю; а ежели, по правдѣ Его, за грѣхи наши въ муку? „Не весь же“, конечно скажутъ еще, „Христіанскій міръ такъ развращень; не всегда же, и не вездѣ бываетъ такъ, какъ мы видимъ и какъ сказали“. И сохрани Господи, если бы всѣ были таковы, и всегда и вездѣ было такъ. Тогда бы послѣдовалъ и долготерпѣнію Божію конецъ: тогда бы наступила кончина вѣва, страшный судъ и вѣчное осужденіе нечестивымъ. Но Господь долготерпѣтъ. Значить, есть, есть истинные послѣдователи Ему, живутъ посередѣ соблазновъ міра, какъ розы среди терновъ, цвѣтутъ и благоухаютъ Христіанскими добродѣтелями. Господь долготерпѣтъ. Значить, ожидаетъ еще покаянія и исправленія грѣшниковъ. О, если бы міръ оправдалъ на себѣ долготерпѣніе Божіе! Если бы Христіане показали себя достойными великаго своего призванія! Если бы духъ истинной вѣры оживотворилъ сердца вѣрующихъ, и законъ Христовъ соединилъ всѣ Христіанскіе народы въ одно святое общество избранныхъ и искупленныхъ рабовъ Божіихъ! Какъ бы тогда боголѣпно и величественно было благохваленіе наше: Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 36.

Состояніе будущаго вѣка противоположно состоянію
вѣка настоящаго.

Господи благослови!

*Помяни, яко воспріялъ еси благая
твоя въ животъ твой, и Лазарь
такожде злая; нынѣ же здѣ утѣшается,
ты же страждеши.*

(Лук. 16: 25).

Иакъ сказалъ Праотець Авраамъ богатому, когда этотъ, какъ и
нищій Лазарь, находился уже по ту сторону гроба,—сказалъ,
что онъ страдаетъ здѣсь потому, что прежде на землѣ жилъ счастли-
во, а Лазарь блаженствуетъ за то, что прежде былъ несчастенъ. Что
это значить? За что такая участь богатаго и Лазаря за гробомъ?
Развѣ счастье есть порокъ, а несчастье—достоинство и добродѣтель?
Можно бы подумать, что причиною бѣдствія богатаго за гробомъ
было его самолюбіе и самоугождение, что онъ, погрузившись въ плот-
скую и роскошную жизнь, не обращалъ вниманія на другихъ, не
имѣлъ состраданія къ бѣднымъ и несчастнымъ, каковъ былъ нищій
Лазарь, а причиною блаженства Лазаря—его терпѣніе въ болѣзни
и нищетѣ,—стало быть, одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительно нече-
стивъ, а другой—добродѣтеленъ. Но Авраамъ этого не говоритъ.
Онъ бѣдствіе богатаго за гробомъ прямо соразмѣряетъ его благопо-
лучіемъ во времени, а блаженство Лазаря—съ его несчастной долей
на землѣ. *Помяни, говоритъ богатому, яко воспріялъ еси благая въ
животъ твой, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается,
ты же страждеши.*

Итакъ временное счастье есть условная причина вѣчнаго бѣд-
ствія, а несчастье временное условная причина вѣчнаго блаженства.
Кто здѣсь счастливъ, тотъ несчастенъ тамъ за гробомъ; а кто не-
счастливъ здѣсь, тотъ счастливъ тамъ, въ вѣчности. Сколь ни стран-
но, повидимому, это, а должно быть такъ, братіе. Не то же ли самое
и безъ притчи говоритъ въ Евангеліи Самъ Господь нашъ Иисусъ
Христосъ? Кому Онъ предвозвѣщаетъ будущее блаженство и будущую
муку? Первое—несчастливымъ, а послѣднюю—счастливымъ вынѣш-
няго вѣка. *Блажени, говоритъ, нищии духомъ: яко ваше есть Цар-
ствоіе Божіе. Блажени алчущіи нынѣ: яко насытитесь. Блажени
плачущіе нынѣ: яко възмѣтятся. Напротивъ того, горе вамъ бога-
тымъ: яко воспріемете утѣшеніе ваше. Горе вамъ, насыщенніи*

нынѣ: яко взалчете. Горе вамъ сѣющимъ нынѣ: яко возрыдаете и восплачете (Лук. 6: 20—25). Вообще Господь блаженство вѣчное усвоеть бѣдствующимъ и страждущимъ здѣсь, а муку вѣчную благоденствующимъ въ настоящей жизни, когда путь къ Царствію Божию именуеть тѣснымъ и скорбнымъ, а въ бездну—широкимъ и легкимъ. *Видите, говоритъ, узкими врата, яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, а узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* (Матѣ. 7: 13, 14). Все божественное слово возвѣщаетъ радость и блаженство въ будущемъ терпящимъ нынѣ и бѣдствующимъ. *Сѣющимъ слезами, говоритъ, радостію пожнутъ* (Пс. 125: 5). *Терпящимъ Господа наследятъ землю, и насладятся о множествѣ мира* (Пс. 36: 9, 11). Напротивъ того о благоденствующихъ и наслаждающихся здѣсь свидѣтельствуеть, что въ будущемъ участь ихъ—осужденіе и пагуба. *Скончаша, говоритъ, во близкхъ житіе свое, въ покои же адовъ упоша* (Іов. 21: 13). Да и примѣры благочестія неоспоримо подтверждаютъ ту же истину. Мы знаемъ безчисленное множество праведниковъ, которыхъ чтимъ и ублажаемъ, которые теперь царствуютъ на небѣ со Христомъ. А какъ они жили здѣсь? Кто изъ нихъ благоденствовалъ на землѣ? Апостолы ли, пророки ли, мученики ли, пустынники ли, юродствовавшіе ли? Многіе, правда, изъ царей и пастырей церковныхъ, повидимому, жили въ чести, славѣ и довольствѣ,—да благоденствовали ли? Служеніе обществу и Церкви, и притомъ праведное и богоугодное не есть ли трудъ, терпѣніе, подвигъ? И развѣ они пользовались, какъ міролюбцы, славою и честію, и жили въ свое удовольствіе? Не вѣрнѣе ли подъ видомъ вышшняго величія ихъ скрывалось смиреніе и самоотверженіе? Такими дѣйствительно и показали себя наиболѣе намъ извѣстные наши князья російскіе, которые вели жизнь строго Христіанскую, и на послѣдокъ дней любили украшать себя принятіемъ образа Ангельскаго, равно и пастыри, которые послѣ краткой и смиренной службы въ санѣ святительства нерѣдко обрекали себя на уединенный молитвенный подвигъ, и безкорыстіе и самоотверженіе свое свидѣтельствовали по смерти крайнею скудостію собственнаго своего достоянія. Судя по этому, можно безъ сомнѣнія сдѣлать заключеніе и о тѣхъ, которые благоденствовали на семъ свѣтѣ, подобно богачу евангельскому. Вѣроятно участь ихъ за гробомъ болѣе или менѣе подобна участи богатаго, который *веселился на вся дни свѣтло*, а нищаго Лазаря оставлялъ истаевать отъ голода и изнывать отъ снѣдавшей его болѣзни.

Итакъ, повторяемъ, сколь ни страннымъ представляется то,

что временное благоденствіе бываетъ причиною вѣчнаго злосчастія, а бѣдствіе въ настоящей жизни причиною блаженства въ будущей, но это дѣйствительно должно быть такъ. Такъ должно быть по самой противоположности вѣка сего грядущему вѣку и царства міра сего Царству Божію. *Царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18: 36), сказалъ Христось, оно *нѣсть брашно и питіе* (Рим. 14: 17), какъ говоритъ и Апостоль; а царство міра сего, поволику онъ *во зль лежитъ* (1 Іоан. 5: 19), принадлежитъ врагу Божію и нашему, который потому и называется *княземъ міра сего* (Іоан. 16: 11), и *богомъ вѣка сего* (2 Кор. 4: 4). Онъ и присвоетъ себѣ это царство и славу его, какъ видно изъ словъ его Іисусу Христу во время искушенія Его (Матѹ. 4: 8, 9). Какъ же теперь согласить благоденствіе міра сего съ блаженствомъ у Бога? Не должно ли все идти наоборотъ, именно, ежели здѣсь, то не тамъ, и ежели тамъ, то не здѣсь? Кто благоденствуетъ въ семъ вѣкѣ, тотъ будетъ бѣдствовать въ вѣкѣ грядущемъ, а кто бѣдствуетъ въ сей жизни, тотъ будетъ блаженствовать за гробомъ. Къ удивленію, эту противоположность мы испытываемъ на себѣ самихъ, видимъ въ собственной нашей природѣ, въ собственныхъ нашихъ дѣлахъ. Очень замѣтно намъ, что ежели начало чего либо пріятно, то конецъ непріятенъ; а ежели въ началѣ что либо тяжело и горько, то въ концѣ сладко и утѣшительно. Возьмите трудъ и праздность. Трудиться тяжело и непріятно, да послѣ полезно и утѣшительно; лѣниться и въ праздности проводить время пріятно, а послѣ какво? Возьмите воздержаніе и невоздержаніе. Непріятно жить умѣренно, тяжело отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, скучно сидѣть дома, зато спокойно, здорово и полезно; пріятно и весело—роскошествовать, забавляться, гостить, пить и упиваться,—да послѣ какво? Вообще трудно и непріятно въ началѣ препобѣждать свои страсти, а послѣ пріятно и утѣшительно: такъ, какъ напротивъ, пріятно и охотно слѣдовать своимъ естественнымъ желаніямъ и исполнять волю страстей, да послѣ пагубно и горько. Не видимъ ли мы изъ этого, какъ въ самой нашей природѣ отображается то, что намъ вается страннымъ именно, что за бѣдствіемъ временнымъ имѣетъ послѣдовать блаженство вѣчное, а за благоденствіемъ настоящимъ мученіе въ будущемъ? Это даже можетъ служить намъ указаніемъ и наставленіемъ къ тому, что мы должны дѣлать, и чего избѣгать, что для насъ полезно и спасительно, и что вредно и пагубно. Ежели что въ началѣ представляется намъ непріятнымъ, то намъ спасительно, то мы должны дѣлать, а что вается пріятнымъ, къ чему влечетъ насъ наша чувствен-

ная природа, то намъ пагубно, того мы должны избѣгать. Ибо конецъ того и другаго совсѣмъ противоположный. Поэтому еще мудрые язычники давали такое наставленіе: „смотри на конецъ“, т. е. разсудительно внимай, къ чему извѣстное предпріятіе должно тебя привести, какія за тѣмъ будутъ послѣдствія.

А ежели по послѣдствіямъ судится всякое дѣло, что и дѣйствительно такъ: значить, временное бѣдствіе уже не чуждо добродѣтели, а временное благоденствіе не свободно отъ грѣха. Такъ точно и есть. Бѣдствующій и скорбящій здѣсь, на землѣ, не приноситъ ли уже жертвы за свое грѣхопаденіе? Болѣзнующій и плачущій не умываетъ ли вмѣстѣ и своихъ грѣховъ? Терпящій лишенія всякаго рода волей или неволей не отстаеетъ ли отъ грѣховъ? Оставленный всѣми, какъ будто чужой въ мірѣ семъ, какъ настоящій странникъ и пришелецъ, не ближе ли онъ къ Богу, къ міру духовному, не болѣе ли сроденъ ему *градъ грядущій* (Евр. 13: 14), отечество небесное? А богатый и благоденствующій не болѣе ли расположенъ къ грѣху? Кому болѣе свойственно самолюбіе и честолюбіе, какъ не богатому и счастливому? Кто болѣе привязанъ къ міру, кто болѣе склоненъ къ удовлетворенію своихъ желаній и страстей, какъ не богатый и благоденствующій? Кто болѣе пристрастенъ къ сокровищамъ и благамъ тлѣннымъ, какъ не богатый и благоденствующій? Вѣдь если бы богатый не имѣлъ пристрастія къ богатству, то не былъ бы и богатъ, не обладалъ бы одинъ многими сокровищами, а успѣвши бы подѣлиться ими съ бѣдными и несчастными. Да, богатый и благоденствующій уже точно, какъ всегдашній здѣшній житель, только почти и думаетъ о настоящемъ и земномъ, а будущее, небесное представляется ему уже несроднымъ и незанимательнымъ. Каковъ же послѣ этого богатый и благоденствующій на землѣ? Мудрено ли ему послѣ лишиться благъ небесныхъ и вѣчныхъ? Вѣдь ужъ онъ воспользовался, насладился всѣмъ на землѣ, *воспріялъ благая своя въ животъ своемъ*. Говоримъ, временное бѣдствіе не чуждо добродѣтели, а временное благоденствіе не свободно отъ грѣха. Не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ самое бѣдствіе бѣдствующихъ и благоденствіе благоденствующихъ? Вѣдь бѣдствующіе, очевидно, потому бѣдствуютъ, что они не въ мирѣ съ міромъ, не въ благоволеніи у міра, а благоденствующіе потому благоденствуютъ, что они въ согласіи съ міромъ и въ любви у міра. А каковъ міръ? Развѣ не извѣстны намъ его свойства и характеръ? Кого онъ преимущественно жалуеетъ? Давно

знаемъ опытами дознанную истину, что въ мірѣ наиболѣе торжествуетъ порокъ, а добродѣтель презирается и изгоняется, и ежели не явно, то тайно,—что люди благочестивые и добродѣтельные терпятъ и страдаютъ на семь свѣтѣ, а миролюбцы и грѣшники живутъ въ изобиліи и удовольствіи, въ чести и славѣ. Міръ любитъ свое, а не чужое,—грѣховное, а не святое и божественное. *Аще отъ міра бысте были*, говоритъ Господь ученикамъ Своимъ, *міръ убо свое любилъ бы; якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра сего ради ненавидитъ васъ міръ* (Іоан. 15: 19). Такъ вотъ видите, братіе,—самъ міръ уже обличаетъ себя, и говоритъ, каковы у него и чужіе, и свои, и бѣдствующие, и благоденствующие, говоритъ, что первые изгоняются имъ за ихъ благочестіе, а послѣдніе состоятъ подъ покровительствомъ у него за ихъ любовь и преданность грѣху.

Не должно только, братіе, относить этого ко всѣмъ бѣдствующимъ и благоденствующимъ безъ различія. Блаженство будущее несомнѣнно принадлежитъ бѣдствующимъ, но такимъ, которые бѣдствуютъ не по своей собственной винѣ, такимъ, которые благопокорно несутъ бремя несчастій, по естественному ли порядку, или по особливому промыслу Божию ихъ постигающихъ, преимущественно же принадлежитъ терпящимъ и страждущимъ за благочестіе и вѣру, за любовь къ Богу и добрымъ дѣламъ. А ежели кто бѣдствуетъ вслѣдствіе своихъ страстей и худыхъ, содѣваемыхъ имъ, дѣлъ (и такихъ на свѣтѣ не мало): то какое утѣшеніе ему въ будущемъ? Нѣтъ. Бѣдствующій и страждущій грѣшникъ лишается благополучія и временнаго и вѣчнаго, ежели не исправится и не очиститъ своихъ грѣховъ покаяніемъ. И опять напротивъ вѣчное осужденіе и муки постигнуть богатыхъ и благоденствующихъ, но безпечныхъ и пристрастныхъ къ міру, такихъ, которые съ самозабвеніемъ погружаются въ суету міра, предаваясь ненасытно житейскимъ наслажденіямъ. А которые (вѣдь и такіе есть) живутъ въ благоденствіи безпорочно, пользуютъ земными благами безпристрастно, воздержно притомъ и умѣренно, дѣйствуютъ во всемъ благоразумно, и почитая счастливый жребій свой за даръ Божій, живутъ добродѣтельно и благочестиво, стараясь благодарно угождать Богу, и спасать свою душу, тѣ безъ сомнѣнія наслаждаются и будущихъ благъ воздаянія за гробомъ съ преизбыткомъ.

Итакъ, благоденствующіе въ мірѣ семь, стоящіе на высотѣ изобилія и счастья! будьте внимательны и осторожны. Счастіе міра сего, какъ слышали, обманчиво и опасно. Какъ разъ оно ослѣпитъ

вась, введеть вась въ забвеніе о Богѣ, о душѣ и о вѣчности, и расположить вась жить для плоти и грѣха. Того и смотрите, что изъ-за него потеряется блаженство вѣчное. Не послѣдуйте образу жизни Евангельскаго богатаго, а старайтесь во временномъ благополучіи за гробомъ, обращая свое достоинство, богатство, честь и славу во славу Божию, въ пользу ближнихъ своихъ и во спасеніе собственныхъ душъ вашихъ. А вы, бѣдствующіе и страждущіе на сей землѣ! Терпите благодушно, приѣмля жребій свой съ благодареніемъ и покорностію Промыслителю Богу. Несчастіе ваше есть величайшее счастье. За кратковременное терпѣніе ваше ждетъ вась вѣчное утѣшеніе за гробомъ. Помогите вамъ, Господи, безъ грѣха пройти этотъ тѣсный и скорбный путь, и по кончинѣ найти себѣ покой въ нѣдрахъ Авраама вмѣстѣ съ страдальцемъ Лазаремъ! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 37.

Состояніе будущаго вѣка противоположно состоянію вѣка настоящаго.

Господи благослови!

*Нагъ изыдохъ отъ чрева матери
моея, нагъ и отыду тамо.*

(Иов. 1: 21).

Вотъ какой жребій опредѣленъ человѣку! Человѣкъ и приходитъ въ міръ сей, и отходитъ въ другой міръ безъ одежды, нагимъ. Такъ было съ прародителями нашими, такъ бываетъ и съ нами всегда.

Быста оба нага (Быт. 2: 25), сказано о прародителяхъ нашихъ въ Писаніи. Такими вышли они изъ рукъ Творца, такими были въ раю, во все первобытное время. Нахожденіе ихъ въ присутствіи Творца дѣлало ихъ во всемъ довольными и блаженными. Они не знали нашихъ нуждъ, не подлежали никакому вліянію внѣшнихъ стихій, бывъ осѣнены благодатію Божіею и славою райскаго блаженства. Поэтому не имѣли нужды и въ одеждѣ. *И не стыдятся* (тотъ же ст.), замѣчаетъ еще о нихъ Писаніе. Чего же было имъ стыдиться? Возможенъ ли даже стыдъ въ такомъ чистомъ и непорочномъ состояніи? Стыдится ли нынѣ дитя своей наготы? Нѣтъ. Тѣмъ болѣе прародителямъ нашимъ несвойственъ былъ стыдъ,

когда они находились непорочными и безгрѣшными. Стыдъ есть слѣдствіе грѣха. Грѣшникъ всегда хочетъ скрываться и закрываться. Таковъ точно случилось и съ нашими прародителями, когда они имѣли несчастіе согрѣшить предъ Богомъ. *И скрытася*, сказано, *Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредъ древа райскаго* (Быт. 3: 8). Содѣянный грѣхъ, поражая совѣсть человѣка, открываетъ его, такъ сказать, самому себѣ, и человѣкъ видитъ тогда, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ прежде. Такъ было и съ прародителями нашими. *И отверзошася*, сказано (по грѣхопадѣніи) *очи объма, и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. 3: 7). Тотчасъ явился и стыдъ въ нихъ, и стремленіе закрывать себя. *И сшиста*, сказано, *лствіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (тотъ же ст.). И *сотвори* сказано далѣе, *Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ* (Быт. 3: 21). Вотъ конецъ непорочной наготы и начало одежды, въ которую облекся грѣшникъ какъ для избѣжанія стыда и грѣховнаго соблазна, такъ и въ защиту отъ внѣшнихъ стихій, которыя срѣтили его, по изгнаніи его изъ рая.

Нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, сказалъ о себѣ многострадальный Іовъ. Это общій голосъ, братіе. И мы всѣ рождаемся нагими, хотя тотчасъ по рожденіи имѣемъ нужду въ одеждѣ, покрывающей наготу. При всемъ томъ, что мы *зачинаемъ въ беззаконіяхъ и рождаемъ во грѣсахъ* (Пс. 50: 7), нагота, въ которой исходимъ на сей свѣтъ, свидѣтельствуешь о первобытномъ состояніи человѣчества въ лицѣ прародителей нашихъ, показываетъ вмѣстѣ и то, что одежда, въ которую облакаемся мы по рожденіи, есть уже достояніе грѣшника, принадлежность временная, потребность бѣдственнаго вѣка сего. Въ настоящей жизни человѣкъ дѣйствительно поставленъ въ такое состояніе, что онъ не можетъ быть какъ безъ пищи, такъ и безъ одежды, но и за всѣмъ тѣмъ забота его объ этихъ потребностяхъ не должна простираться за предѣлы благоразумія, и какъ пища, такъ и одежда должны составлять его только насущную, а не излишнюю и прихотливую потребность. *Имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6: 8), учитъ Апостоль.

Нагъ и отзиду тамо, сказалъ еще Іовъ. Вотъ, братіе, каковъ опять будетъ и исходъ нашъ изъ сего міра. Нагими, безъ одежды всѣ мы пойдемъ и въ міръ загробный, въ жизнь будущую. Положатъ насъ во гробъ, правда, въ одеждѣ, но это только для приличія, и въ сходство обычая міра сего. По смерти одежда никому не будетъ нужна. Безъ нея мы явимся на тотъ свѣтъ. Она или ислѣбеть

вмѣстѣ съ тѣломъ до воскресенія нашего, или останется во гробѣ по воскресеніи нашемъ изъ мертвыхъ. Вспомните воскресеніе и Господа нашего. Онъ возсталъ изъ гроба однимъ Своимъ нетлѣннымъ и пречистымъ тѣломъ, — одежды, въ которыхъ положено было тѣло Его, остались во гробѣ, какъ повѣствуетъ намъ Евангеліе (Іоан. 20: 6, 7). Да, мы возстанемъ изъ гроба, и взодемъ въ жизнь вѣчную въ томъ видѣ, какъ сотворены отъ Бога, безъ одежды. И къ чему тамъ наша одежда? Ее не было до грѣха, не будетъ и послѣ грѣха, когда грѣхъ вмѣстѣ съ смертію упразднится, и царствовать будетъ одна святая и блаженная жизнь. Къ чему тамъ наша одежда? Человѣкъ тамъ будетъ совсѣмъ другой, нетлѣнный, духовный. Онъ скинетъ съ себя грубую, страстную, грѣховную плоть, и не потребуетъ ни одежды, ни пищи, ни покоя. Онъ весь обновится и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, — никакіе грѣховные помыслы и желанія чувственныя ему не будутъ уже свойственны. Кратко, онъ будетъ тамъ, какъ Ангель, а Ангелу на что наша одежда? Тамъ дадутъ человѣку другую одежду. Одеждою его будетъ слава Божія. Какъ Самъ Богъ *одѣвается свѣтомъ славы, яко ризою* (Пс. 103: 2), подобно тому, и избранные Божіи въ Царствѣ славы будутъ покрыты славою Божіею такъ, что и видѣть, и слышать, и чувствовать будутъ только блаженство и славу Божію, радоваться о Богѣ Спасителѣ и славить безмѣрное милосердіе и благодѣяніе Его. Ежели, по слову Іисуса Христа, *праведницы просвѣтятся яко солнце въ Царствѣи Отца ихъ* (Матѣ. 13: 43), то какая, на что и для чего тамъ еще одежда, кромѣ одежды свѣта и славы Божіей. О грѣшникахъ не говоримъ. Они *облекутся въ стыдъ и срамъ* (Пс. 70: 13). И имъ не для чего, и не отъ кого будетъ закрываться. Они тоже будутъ духовны и нетлѣнны. У нихъ также не будетъ осуществленія никакихъ плотскихъ вожделѣній и страстей, а вмѣсто того болѣзнь, горькое раскаяніе, стенаніе, плачь, мученіе. Грѣхъ, который улаждалъ ихъ во времени, обратится тамъ въ *червь неумирающій* (Марк. 9: 46), вѣчно ихъ грызущій и снѣдающій.

Вотъ, братіе, какое опредѣлено состояніе человѣку. Онъ и приходитъ въ міръ сей нагимъ, и уходитъ въ страну загробную, не требуя одѣянія. Онъ и въ земномъ раю былъ, и въ небесномъ будетъ безъ одежды. Что же теперь одежда? Ежели она есть достояніе грѣшника, потребность только нынѣшняго бѣдственнаго вѣка: то что значить наша забота объ украшеніи себя, что значить наше щегольство, наши наряды? Не превозношеніе ли только грѣхомъ, не умноженіе ли только грѣха? Что, ежели, при всемъ блескѣ

одѣянія, при всѣхъ богатыхъ и пышныхъ нарядахъ, скажутъ кому либо: *ты еси окаяненъ, и не только бѣденъ и нищъ и слѣпъ, но и нагъ?* (Апок. 3: 17). Ежели мы пойдемъ на тотъ свѣтъ, оставивъ все здѣсь, сложивъ даже съ себя и погребальныя одежды: то что значить наша страсть къ стяжанію земныхъ благъ, что значить наша всегдашняя забота о приобрѣтеніи и умноженіи тлѣнныхъ сокровищъ? Вѣдь все останется здѣсь, — съ собою ничего не возьмемъ. Какъ пришли сюда ни съ чѣмъ, такъ и пойдемъ туда безъ всего. *Ничтоже внесохоумъ въ міръ сей,* говоритъ Апостоль, *явъ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6: 7). *Внегда умрети* человѣку, *не возметъ вся, ни же снидетъ съ нимъ слава ея* (Пс. 48: 18), говоритъ и Святой Давидъ. *Богатый уснетъ, и не преложитъ очи свои отверзе, и нѣсть* (Іов. 27: 19), говоритъ праведный Іовъ. Да, проснется несчастный богачъ въ жизнь вѣчную, и увидитъ, что ничего у него нѣтъ, все тлѣнное осталось на землѣ и обратилось въ тлѣніе.

Ахъ, братіе моя! Есть другая одежда, есть другія сокровища, которыя останутся нетлѣнными и по смерти нашей, съ которыми мы можемъ перейти и въ вѣкъ будущій и которыя составятъ для насъ истинное украшеніе и истинное богатство. Объ этой-то одеждѣ, объ этихъ-то сокровищахъ нужно позаботиться намъ. Какая это одежда? Какія это сокровища? Добрыя, Христіанскія дѣла. Апостоль Павелъ говоритъ о Христіанахъ: *да украшаютъ себе не ризами многоцѣнными, но дѣлы благими* (1 Тим. 2: 9, 10). И опять заповѣдуетъ имъ *богатитися въ дѣлахъ добрыхъ, сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее* (1 Тим. 6: 18, 19). Эта одежда, эти сокровища пойдутъ съ нами въ вѣчность. *Дѣла бо благочестивыхъ и добрыхъ Христіанъ и по смерти ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14: 13), какъ свидѣтельствуемъ Духъ Божій. Эта одежда, эти сокровища составятъ тамъ славу нашу и блаженство наше. Никому изъ таковыхъ не будетъ сказано: *друже, како вшелъ еси съмо не имый одѣянія брачна* (Матѹ. 22: 12), напротивъ услышится блаженный голосъ: *рабе блгій и вѣрный види въ радость Господа твоего* (Матѹ. 25: 21). О, если бы намъ украсить себя такою одеждою, обогатиться такими сокровищами! Какъ бы тогда намъ было спокойно и безпечально оставлять землю, какъ бы намъ благодарно и возжелѣнно было явиться на тотъ свѣтъ, предъ лице Божіе! Какъ бы благосердно и благоувѣтливо принялъ насъ Господь и Спаситель нашъ! И мы бы, недостойные, сподобились услышать отъ Него такой возжелѣнный Его божественный гласъ: *приидите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра* (Матѹ. 25: 34).

Сотвори сіе съ нами, Господи, по неизреченной милости Твоей.
Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 38.

Христіане должны исповѣдывать званіе свое непостыдно.

Господи благослови!

*Иже аще постыдится Мене и
Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣ-
ческій постыдится, егда придетъ
во славу Своей.*

(Лук. 9: 26).

Кого, можно думать, имѣлъ въ виду Господь Спаситель, когда свазалъ тавія слова? Не мучениковъ ли, не исповѣдниковъ ли? Кажется нѣтъ. Къ тѣмъ относятся прямѣе слѣдующія слова: *иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергнуса его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ* (Матѹ. 10: 33). Во время открытыхъ гоненій за вѣру дѣйствовалъ страхъ, а не стыдъ. Исповѣдникамъ Христовымъ грозили муки и смерть. Въ такое скорбное время не легко было сохранить вѣру, и слабые могли, при видѣ страшныхъ мученій, отречься отъ вѣры. Поэтому Господь, заповѣдуя вѣрующимъ твердо соблюдать вѣру, предварялъ ихъ, что, кто неустрашимо исповѣдаетъ свою вѣру, того Онъ, Искушитель ихъ, исповѣдаетъ предъ Отцемъ Своимъ, какъ вѣрнаго послѣдователя Своего, и слѣдовательно удостоитъ славы и блаженства небеснаго, а кто по страху мученія отречется Его, того и Онъ отречется предъ Отцемъ небеснымъ, и слѣдовательно лишитъ вѣчнаго блаженства и Царствія. *Всякъ, сказалъ Онъ, иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергнуса его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (Матѹ. 10: 32, 33). Со всѣмъ другое—стыдъ. Онъ предполагаетъ только затмѣніе, колебаніе или понятіе чести, истинной или ложной. Къ кому же можно наиболѣе отнести слова Христовы: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ чловѣческій постыдится, егда придетъ во славу Своей?* Къ Христіанамъ, живущимъ среди всеобщаго благоденствія вѣры и мира церковнаго. Этимъ Христіанамъ заповѣдуетъ Господь непостыдно исповѣдывать свою вѣру и вѣрно хранить заповѣди Божіи, предостерегая притомъ, что, кто постыдится Его и

божественнаго ученія Его, того и Онъ постыдится признать Своимъ послѣдователемъ въ будущее славное пришествіе Свое.

Ахъ, братіе! Не имѣлъ ли въ виду Господь и Спаситель нашъ нашего собственно времени, и насъ грѣшныхъ, изрекая такія слова? Не касается ли и насъ эта страшная угроза Его: *уже еще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческой постыдится егда придетъ во славу Своей?* Посмотримъ-ка на себя, какъ мы слабы въ вѣрѣ въ сравненіи съ истинно вѣрующими, даже въ сравненіи вообще съ предънами нашими. Какъ нѣкоторые изъ насъ начинаютъ, безъ зазрѣнія, стыдиться своего Христіанскаго званія, Христіанскаго ученія, Христіанскихъ правилъ и обычаевъ! Какъ православные нерѣдко стыдятся даже своего Православія! Стыдно стало вѣровать слову Божію, съ повореніемъ своего *разума въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10: 5). Стыдно стало читать Священное писаніе, житія Святыхъ и вообще книги духовнаго содержанія. Стыдно стало быть набожнымъ, часто ходить въ церковь, молиться дома, имѣть Христіанскія душеспасительныя бесѣды. Стыдно стало соблюдать правила церковныя и обычаи Христіанскіе: поститься, молиться при входѣ въ домъ, предъ вкушеніемъ пици, креститься при видѣ святыни Христіанской, дѣлать поминовеніе родителей, и проч. Стыдно стало показывать себя Православнымъ въ виду неправославныхъ; стыдно дѣлается даже творить добродѣтели Христіанскія, — имѣть смиреніе, быть покорнымъ власти, почтительнымъ къ высшимъ, общительнымъ съ низшими. Все вѣдь это такъ, братіе. Кто же эти жалкіе Христіане? Преимущественно тѣ, которые получили мірское образованіе, и тѣ, которые стоятъ званіемъ и честію выше другихъ. Какъ просвѣщенные и почтенные, отдалившись отъ простаго народа, они отдаляются и отъ Христіанскихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ народомъ; стыдяся общенія съ народомъ простымъ и, по мнѣнію ихъ, невѣжественнымъ, они стыдятся имѣть общеніе съ нимъ и въ дѣлахъ вѣры; послѣдуя духу времени, думаютъ отличиться отъ другихъ нехристіанскимъ образомъ жизни, унижая такимъ образомъ достоинство благочестія и вѣры, какъ будто собственныхъ одному простому и не просвѣщенному народу. Заблуждающіе! Такова ли вѣра Христіанская? Не есть ли она сокровище божественнаго разума? Не есть ли она премудрость, безконечно превышающая всякую земную мудрость? Не есть ли она неоцѣнимый даръ любви и благодати Божіей бѣдному человѣчеству? Не есть ли она источникъ спасенія нашего, наставница чистоты и добродѣтелей, путеводительница къ вѣчному животу? Довольно ли они по-

знали ее? Не отказали ли ей въ должномъ расположеніи къ ней, и не обратили ли все вниманіе, весь разумъ свой на мудрость и благоденствіе міра сего?

Ахъ, други наши! Не стыдиться Христіанамъ, и особливо Православнымъ, а хвалиться должно своей вѣрою, открыто исповѣдывать ее, какъ правую, святую и божественную, свято соблюдать ея правила и уставы, служить примѣромъ благочестія для Христіанъ простыхъ и непросвѣщенныхъ, и тѣмъ свидѣтельствовать о своемъ разумѣ и о своемъ вниманіи къ долгу Христіанскому. Вотъ истинное достоинство, истинная честь, приличествующая Христіанамъ. Стыдиться напротивъ надо того, что дѣлаетъ безчестіе и вѣрѣ Христіанской и разуму человѣческому. Стыдиться надо невѣжества, суетвѣрія, предразсудковъ; стыдиться надо вольнодумства, невѣрія, раскола; стыдиться надо дѣлъ и поступковъ нехристіанскихъ, гордости, противленія власти, непочтительности къ высшимъ и старшимъ, презрѣнія къ низшимъ и меньшимъ; стыдиться надо жизни разсѣянной и мірской, частыхъ и нескромныхъ увеселеній, излишнихъ нарядовъ и щегольства, вольности во взаимномъ обращеніи, вообще поведенія, противнаго цѣломудрію и непорочности нравовъ,—надо стыдиться всего, чѣмъ нарушается ученіе Христово и оскорбляются правила Святыя наша вѣры. Вотъ это будетъ истинный и спасительный стыдъ. За таковой стыдъ не постыдится насъ Спаситель нашъ Господь, а возлюбитъ насъ, назоветъ насъ своими присными, и удостоитъ, какъ вѣрныхъ послѣдователей Своихъ, блаженства и славы небесной. Сохрани же насъ, Господи, отъ погибельнаго стыда, сотвори насъ *дѣлателями* въ святомъ Христіанскомъ званіи нашемъ *непостыдныхъ* (2 Тим. 2: 15), сподоби насъ поставлять и честь и славу и спасеніе наше точію въ Тебѣ, Искупителѣ нашемъ, въ разумѣ Твоего божественнаго ученія, и въ исполненіи Твоей благой и совершенной воли! Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 39.

Значеніе Молитвы Господней въ приложеніи къ собственнымъ нашимъ расположеніямъ и дѣламъ.

Господи благослови!

Отче нашъ, Иже еси на небесахъ и проч. (Матѳ. 6: 9—13).

Конечно всѣ вы, братіе, знаете, какая и чья эта молитва. Это—молитва Господня, молитва, которую Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ передалъ Апостоламъ, а Апостолы—вѣрующимъ. Какъ не знать этой молитвы? Она ежедневно, и за каждымъ служеніемъ читается въ церкви; ее читаютъ всѣ Христіане и дома. Нѣтъ нужды говорить и о достоинствѣ, высотѣ и святости этой молитвы. Довольно, что она, какъ сказали, Молитва Господня, что ее предалъ намъ Самъ Спаситель нашъ Христосъ. Значить, эта молитва есть первая изъ молитвъ, молитва молитвъ, молитва священнѣйшая, богоугоднѣйшая, спасительнѣйшая. Какъ мы употребляемъ эту святѣйшую, божественную молитву, съ какимъ расположеніемъ мыслей и чувствъ молимся по ней нашему небесному Отцу, вотъ о чемъ я хочу съ вами сказать. Великаго Бога мы называемъ своимъ *Отцемъ*. *Отче нашъ*, говоримъ. Какое блаженное дерзновеніе! Сколько тутъ надежды, несомнѣннаго упованія, получить желаемое и просимое! Чего не сдѣлалъ нашъ Отецъ? Чего не подастъ намъ на пользу и утѣшеніе наше? Но сколько должно быть въ насъ и горячности, любви, вѣры, готовности все просимое у Него и подаемое Имъ обратиться въ благоугожденіе Ему и во славу Его! Сколько должно быть искренности въ нашихъ прошеніяхъ, сознанія дѣйствительной потребности въ томъ, чего просимъ, и расположенія своихъ мыслей и чувствъ къ осуществленію въ насъ того, о чемъ просимъ! Такъ ли, братіе, бываетъ у насъ? О, страшно и подумать объ этомъ. Какая наша молитва? Услышитъ ли ее Отецъ нашъ? Ежели услышитъ, то не къ вѣщшему ли нашему осужденію? Какая наша молитва? Не лжемъ ли мы предъ Богомъ? То ли въ нашихъ мысляхъ и чувствахъ, о чемъ просимъ Бога? Не въ противорѣчій ли наши расположенія и дѣла съ каждымъ прошеніемъ Молитвы Господней? Разберемъ кратко всѣ прошенія этой молитвы, и сообразимъ безпристрастно съ ними расположенія и дѣла.

Да святится имя Твое. Гдѣ, и въ комъ? Разумѣется, на

землѣ, именно въ насъ, и частію чрезъ насъ. Какъ? Паче всего нашими добрыми дѣлами, святою Христіанскою жизнію. *Тако, сказалъ Господь, да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Матѣ: 5: 16). *Святи будите, яко Азъ свѣтъ есмь* (1 Петр. 1: 16). Любимъ ли же мы, дѣлаемъ ли мы добрыя дѣла? Живемъ ли по-христіански, честно, степенно, благоговѣнно? Имѣемъ ли даже намѣреніе и желаніе благоугождать Богу святою и непорочною жизнію, о чемъ просимъ Отца нашего Небеснаго? Ежели и дѣлаемъ добро, подъедемъ трудъ, служимъ обществу, для славы ли Божіей все это дѣлаемъ? А ежели не такъ, что по большей части и справедливо, то какова наша молитва къ Отцу Небесному о прославленіи Его Святаго имени въ насъ?

Да приидетъ Царствіе Твое. О чемъ это мы просимъ Бога? Развѣ не царствуетъ Богъ? Царствуетъ вездѣ, и на небѣ, и на землѣ, какъ Творецъ и Вседержитель. Не царствуетъ только въ насъ, не вполнѣ царствуетъ только въ челоуѣческомъ родѣ, поколику люди любятъ и творятъ грѣхъ, не вполнѣ царствуетъ во всемъ видимомъ мірѣ, поколику міръ служитъ суетѣ и тлѣнію. Значить, мы просимъ у Бога, чтобы въ насъ и во всемъ челоуѣческомъ родѣ кончилось господство грѣха и воцарилась правда Божія и святыня, чтобы скорѣе открылась на землѣ слава Божія, чтобы скорѣе намъ увидѣть Христа и сподобиться блаженства вѣчнаго. Искренна ли такая наша молитва? Точно ли мы ждемъ и желаемъ всего этого? Не болѣе ли хотимъ жить въ любимыхъ нами грѣхахъ и мірской суетѣ? Не страшимся ли конца временной жизни, и не отгоняемъ ли отъ себя память смертную? Не желали ли бы мы навсегда остаться на этой землѣ, и жить въ союзѣ съ міромъ? А ежели такъ, какова же наша молитва о пришествіи и распространеніи Царства Божія на землѣ? Благопріятно ли отъ насъ возносится она къ Небесному нашему Отцу?

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Какое святое и вмѣстѣ страшное прошеніе! Святое прошеніе. Что можетъ быть благоугоднѣ Богу и достойнѣ славы Божіей, какъ исполнять намъ волю Божію, и еще какъ? Подобно тому, какъ исполняется она на небѣ, святыми Ангелами? Страшное прошеніе. Вѣдь возносящій такую молитву непремѣнно долженъ быть преданнымъ Богу, имѣть желаніе и расположеніе творить волю Божію, и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни покорять себя волѣ Божіей. Кто же изъ насъ сознаетъ себя таковымъ? Что, ежели мы, прося Бога объ ис-

полненіи воли Его, въ то же время вовсе не располагаемся отказаться отъ своей воли? А вѣдь это такъ и есть. Думаемъ ли мы переѣннить себя и свою жизнь, ежели она несообразна съ волею Божіею? Не скорбимъ ли, не сѣтуемъ ли мы, если что дѣлается не по-нашему? Не ропщемъ ли, когда случаются съ нами какія несчастія? Какъ скоро такъ: сообразна ли съ нашими мыслями и чувствами такая молитва? Въ молитвѣ какъ будто отдаемъ себя въ волю Божію, а на самомъ дѣлѣ только и заботимся и стараемся, какъ бы не случилось съ нами чего вопреки волѣ нашей. Ежели безъ воли Божіей ничего не бываетъ, а напротивъ все, что ни случается съ нами, дѣлается по волѣ Божіей, какъ дѣйствительно и есть; то мы должны быть поворны судьбамъ Божиимъ и во всякомъ случаѣ, хотя бы и неприятномъ для насъ, и мыслить, и чувствовать, и говорить: *воля Господня да будетъ* (Дѣян. 21: 14), или просто: „твори Богъ волю Свою“.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Когда мы просимъ себѣ у Бога хлѣба, и только насущнаго, только на сей день, значить, мы сознаемъ и убѣждены въ томъ, что хлѣбъ и все потребное для жизни мы получаемъ только отъ Бога, и что имѣемъ нужду только въ необходимомъ къ нашему существованію, и только на одинъ каждый день. Такъ ли мы думаемъ въ самомъ дѣлѣ? Непротивное ли тому показываютъ наши расположенія и наши дѣла? Не себѣ ли, не своимъ ли заботамъ, не своимъ ли трудамъ, не своему ли уму и искусству приписываемъ мы приобрѣтеніе всего для насъ потребнаго? Не умножаемъ ли мы своихъ потребностей сверхъ необходимыхъ и существенныхъ? Не распространяемъ ли своихъ заботъ о прибрѣтеніи и всего необходимаго для жизни въ безконечную, такъ сказать, будущность? Имѣемъ ли мы въ виду другихъ братій нашихъ, когда просимъ у Отца Небеснаго необходимаго къ нашему существованію? Ежели есть у насъ избытокъ во всемъ, дѣлимся ли своими благами съ неимущими, или бережемъ ихъ только для себя, по примѣру Евангельскаго богача, на лѣта многа? Ежели случается съ нами недостатокъ, возлагаемъ ли мы надежду на Бога, или стараемся поправить свое состояніе сами собой, кромѣ Бога? Какъ скоро такъ, какова же наша молитва? Гдѣ вѣра, гдѣ упованіе на Бога, гдѣ успокоеніе въ благости Божіей? Какъ мы будемъ просить у Бога того, чего не приписываемъ Богу и чего не ожидаемъ отъ Бога?

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Что новое прошеніе, то новое обличеніе для насъ.

Очевидно, здѣсь просимъ мы у Бога оставленія своихъ грѣховъ. Ибо долги наши предъ Богомъ—наши грѣхи. Чтожъ? Прощеніе, значитъ, самое святое, богоугодное и спасительное. Ничего нѣтъ лучше для грѣшника, и пріятнѣе для Бога, какъ когда грѣшникъ проситъ себѣ у Бога оставленія грѣховъ. Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ. Онъ любитъ кающихся и всегда готовъ миловать и спасать ихъ. Такъ. Но вотъ что заставляетъ насъ задуматься при этомъ. Мы представляемъ Богу въ примѣръ самихъ себя, указываемъ на свое челоуѣколюбіе, по которому мы прощаемъ всякаго, кто грѣшитъ противъ насъ,—различнымъ образомъ досаждастъ намъ, оскорбляетъ насъ и вредитъ намъ, мы не гнѣваемся, не ищемъ, а извиняемъ и прощаемъ; и на этомъ основаніи просимъ и себѣ у Бога прощенія въ томъ, въ чемъ мы сами оскорбили Его любовь къ намъ, милосердіе и благость. Страшное условіе! Что, ежели мы не такъ дѣлаемъ, какъ говоримъ? А вѣдь это по большей части и бываетъ такъ. Каково же, если мы такъ безсознательно и безбожно лжемъ предъ Богомъ? Можно ли ожидать пользы отъ такой молитвы? Нѣтъ. *Аще, сказалъ Христосъ, не отпускаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѣ. 6: 15). Мало этого. Мы должны еще страшиться большаго осужденія отъ Бога за наше легкомысліе и неразумное моленіе предъ Нимъ.

И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Много искушеній, много соблазновъ, много бѣдъ и золъ въ мірѣ семъ, въ обществахъ, въ семействахъ, въ разныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. О избавленіи отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, просимъ мы Бога и Отца въ послѣднихъ прошеніяхъ Молитвы Господней. Дѣло, какъ очевидно, опять прекрасное и необходимое. Какъ намъ, безъ помощи Божіей, избѣжать искушеній и соблазновъ, которыми преисполнена наша жизнь среди міра? А вѣдь искушенія и соблазны влекутъ насъ въ грѣхъ предъ Богомъ, влекутъ, какъ бы противъ воли нашей, своимъ очарованіемъ, своими приманками, своимъ обѣщаніемъ наслажденій для страстной плоти нашей. Какъ намъ избавиться отъ несчастій и бѣдъ, часто встрѣчающихся съ нами, ежели Богъ не сохранитъ насъ Своею благодатію и милостію! Точно такъ, братіе. Но соблюдаемъ ли мы сами надлежащую осторожность? Употребляемъ ли собственное стараніе къ сохраненію себя отъ грѣховъ и бѣдъ чрезъ уклоненіе отъ соблазновъ міра и худыхъ дѣлъ? Что, ежели мы просимъ Бога объ избавленіи насъ отъ искушеній, а сами бѣжимъ всюду, гдѣ только

есть искушеніе и соблазнъ,—на пиршества, на увеселенія, на публичныя зрѣлища? Что, ежели мы просимъ у Бога о сохраненіи насъ отъ всего худаго и вреднаго, а сами только и думаемъ и дѣлаемъ, какъ бы пожить на свѣтѣ пріятно и съ удовольствіемъ, хотя бы то и съ грѣхомъ и съ неправдой? Мудрено ли, что Господь не только не избавитъ насъ отъ бѣдъ и золь, но еще пошлетъ на насъ бѣды и несчастія за грѣхи наши? И благо еще намъ, ежели мы поймемъ значеніе и цѣль этихъ несчастій, ежели временными бѣдствіями искупимъ себѣ блаженство вѣчное.

Священна и спасительна, какъ видите, братіе, но и страшна для насъ Молитва Господня. О, сколько мы должны быть внимательны, разумны, благоговѣйны, возсылая эту молитву къ Отцу нашему Небесному! Легкомысленность, небрежность, нерасположеніе къ тому, о чемъ просимъ Бога, можетъ служить къ нашему осужденію предъ Богомъ. Не безъ нужды же заботится объ этомъ и Св. Церковь. Кто изъ насъ не слышитъ ежедневно на литургіи молитвеннаго возглашенія отъ священнодѣйствующаго о томъ, чтобы *Небесный Богъ и Отецъ нашъ сподобилъ насъ неосужденно призывать Его* въ молитвѣ, преданной намъ Единороднымъ Сыномъ Его? (возгл. свящ. предъ пѣніемъ молитв. Господ. на литург.). Конечно, всѣ мы и во всемъ грѣшны предъ нашимъ Небеснымъ Отцемъ, но вѣдь надо же хотя чувствовать свои грѣхи, хотя имѣть расположеніе и желаніе быть достойными дѣтьми Его. Что значить и молитва? Какъ скоро молимся Богу, значить, просимъ содѣйствія и помощи отъ Бога, значить, свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что мы имѣемъ и чувствуемъ нужду въ томъ, чего просимъ, но сами своими силами не можемъ того достигнуть. А если не чувствуемъ нужды въ просимомъ, и сами не располагаемся служить и благоугождать Богу по тому, какъ просимъ Его, что тогда будетъ значить наше прошеніе и молитва? Братіе! Будемъ, сколько можно, внимательны и благоговѣйны въ призваніи Отца нашего Небеснаго, и въ возношеніи къ Нему молитвы Господней. Будемъ стараться соображать съ прошеніями этой молитвы наши мысли и чувства, и располагать себя къ исполненію того, о чемъ просимъ Отца нашего Небеснаго. И Отецъ Небесный, всегда благосердый и милостивый, и насъ грѣшныхъ *волю и прошенія сотворитъ, и молитву нашу услышитъ, и спасетъ насъ* (Пс. 144: 19). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 40.

Вкушеніе пици должно быть съ молитвою и благодареніемъ Богу.

Господи благослови!

*Хлѣбъ нашъ насущный даждь
намъ днесь.*

(4 прош. Молитв. Господ.).

Еще обращаюсь съ вами, братіе, къ Молитвѣ Господней, имѣя поводомъ къ тому употребленію оной молитвы при обычной предлагаемой у насъ трапезѣ, при вкушеніи пици для поддержанія временнаго нашего бытія. Извѣстно благочестивое правило Христіанъ испрашивать благословеніе Божіе на трапезу чтеніемъ Молитвы Господней: *Отче нашъ*. Что послужило основаніемъ къ употребленію Молитвы Господней предъ столомъ, и вообще предъ вкушеніемъ пици! Очевидно, четвертое прошеніе Молитвы Господней: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*, какъ имѣющее предметомъ именно насыщеніе человѣка пищею для сохраненія жизни и уврѣпленія тѣлесныхъ силъ.

Такъ вотъ какъ благочестивы и святы всѣ правила и обычаи у истинныхъ Христіанъ. Ничто не дѣлается у нихъ, ни къ чему не приступаютъ они, ничѣмъ не пользуются они безъ молитвы и благословенія Божія. Вотъ какъ принимаютъ и пицу они. Всякій разъ, какъ садятся за столъ, молятся Богу, читая молитву Господню, и, испросивъ благословеніе Божіе, съ крестнымъ знаменіемъ начинаютъ употреблять пицу. Какъ это прекрасно! Какъ это разумно и благочестиво! Кто намъ подаетъ пицу, кто насъ насыщаетъ богатыми дарами природы,—кто, какъ не Богъ, Творецъ и Промыслитель всѣхъ? Все, чѣмъ ни пользуется человѣкъ, рѣшительно все отъ Бога, все Его благи и человеколюбія даръ. Какъ же приниматься за даръ Божій, какъ приступать къ употребленію пици, этого важнѣйшаго и необходимѣйшаго изъ земныхъ даровъ Божіихъ, безъ молитвы и благословенія Божія? Приступая къ столу, мы обыкновенно имѣемъ въ виду уже готовую, данную намъ отъ Бога, пицу, однакожь молимся Богу, просимъ у Него пици, говоримъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. Этимъ выражаемъ мы свою вѣру, что все предлагаемое намъ въ пицу, есть Его благи даръ, этимъ просимъ мы Его благословенія на употребленіе данной отъ Него и приготовленной намъ пици, и чтобы употребляемая нами пица по-

служила намъ въ здравіе тѣла и уврѣилеиіе силъ на дѣла, сообразныя съ Его божественною волею, и соотвѣтственныя званію каждаго. Именно такъ и должно приступать къ столу, и съ такими мыслями и чувствами принимать пищу. Пища, — о, какая это важная, постоянно въ тѣлесной природѣ человѣка ощущаемая потребность! Куда мы бѣдныя безъ пищи! Тяжело намъ, когда у насъ нечѣмъ бываетъ удовлетворить привычкамъ и прихотямъ нашимъ, каково же чувствовать недостатокъ въ пищѣ, безъ которой мы и существовать не можемъ? А вѣдь это всегда можетъ быть съ нами. Не дастъ Богъ, отниметь отъ насъ благословеніе Свое, — и наша доля — голодная смерть. Съ молитвою, братіе, съ прославленіемъ Бога, съ благодарнымъ чувствомъ Его благодати и милосердія къ намъ грѣшнымъ должно и садиться за столъ, и выходить изъ-за стола, по принятіи пищи. Равно и во время стола должно сидѣть степенно, скромно, съ благоговѣніемъ, какъ бы предъ лицомъ Самого Бога — Питателя нашего, принимать пищу, какъ бы изъ рукъ Самого великодаровитаго Промыслителя нашего, *подающаго намъ вся обильно*, не только въ насыщеніе, но и *въ наслажденіе* (1 Тим. 6: 17). Прекрасныя образцы на этотъ разъ представляютъ намъ трапезы монастырскія. Тамъ всѣ приходятъ къ столу одновременно, чинно и благоговѣнно, употребленіе пищи предваряютъ общемою молитвою, сидятъ смиренно, въ молчаніи, вкушаютъ съ благодареніемъ и довольствомъ, безъ малѣйшей взыскательности и ропота даже въ случаѣ скудости и недостатковъ. Тамъ важдая изъ яствъ, каждый приемъ пищи какъ бы прочитанъ со стороны человѣка молитвою, а со стороны Бога благословеніемъ и освященіемъ, и потому трапеза дѣйствительно служитъ и здоровымъ насыщеніемъ и пріятнымъ наслажденіемъ, ограждая въ то же время ядущихъ отъ всякихъ чувственныхъ похотей и страстей. Что еще? При попеченіи о тѣлѣ тамъ не забывается и душа. Предлагается пища тѣлу, предлагается пища и душѣ. Во время трапезы обыкновенно бываетъ душеполезное чтеніе, которое присутствующіе, употребляя пищу, слушаютъ внимательно и благоговѣнно. Такимъ образомъ весь человѣкъ, и по тѣлу и по душѣ, питается, укрѣпляется, растетъ во спасеніе, для будущей жизни и славы небесной. И вотъ какъ исполняются тамъ слова Писанія: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. 4: 4). Такая Христіанская, благочинная и благоговѣнная трапеза по всему представляетъ въ себѣ образъ будущей, безсмертной, небесной трапезы праведныхъ. Ядущіе и пьющіе какъ будто сидятъ въ Царствѣ

Небесномъ, вкушаютъ пищу райскую, *пють отъ туча дому Божія, напоятся потокомъ сладости* (Пс. 35: 9) неизреченныхъ благъ, *насыщаются славою божественною* (Пс. 16: 15). Вѣдь блаженство будущее, Небесное Царство въ Евангеліи именно называется *обѣдомъ и вечерію* (Лук. 14: 15. 16).

Благочестивый, благоговѣйный, Христіанскій образъ вкушенія пищи былъ у насъ, братіе, не въ однихъ монастыряхъ. Всѣ благочестивые предки наши принимали пищу съ молитвою и благодареніемъ Богу, Подателю благъ, и за столомъ наблюдали скромность, благочиніе и тишину. Простолюдины и теперь не сядутъ за столъ, не помолившись Богу, не примутся за пищу, не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ. То ли мы видимъ въ обществѣ людей, стоящихъ выше простого, малопросвѣщеннаго народа? Такъ ли нынѣ употребляютъ пищу знатные родомъ, высокіе по вліянію на народъ, воспитанные и просвѣщенные,—такъ ли, какъ предки наши, хотя бы даже вельможи, хотя бы въ своемъ родѣ воспитанные и просвѣщенные? О, тяжело представить, горько смотрѣть на такіа трапезы! О молитвѣ передъ столомъ и помину нѣтъ, благодарить Бога послѣ стола и обычая нѣтъ. Ъдятъ и пють, какъ не признающіе Бога, Промыслителя и всѣхъ благъ Подателя, какъ неразумныя твари, руководимыя только чувствомъ животной природы, насыщающія только свои сластолюбивыя похоти и желанія.—Жалкіе! хоть бы перекрестились передъ столомъ и послѣ стола, хоть бы мысленно сказали: „Господи, благослови“, „слава тебѣ, Господи!“ Ничего незамѣтно, и нѣтъ. А какъ держать себя за столомъ? Что слышно у этихъ ядущихъ и піющихъ? Постоянный говоръ, шутки, смѣхъ. Христіанская ли это трапеза? Можно ли думать, что тутъ принимаютъ пищу вѣрующіе, и еще Православно вѣрующіе? Св. Апостолъ сказалъ: *аще ясте, аще ли ѣте вся въ славу Божію творите* (1 Кор. 10: 31). Какая тутъ слава Божія? Какая слава Божія тамъ, гдѣ нѣтъ и въ мысляхъ Бога, нѣтъ и признака отношенія въ Богу, нѣтъ и чувства благотворной зависимости отъ Бога? Какая тамъ слава Божія, гдѣ явно пренебрегаются правила церковныя и обязанности Христіанскія, гдѣ какъ видно, даже стыдятся своей вѣры и своего Православія? О, человѣческое просвѣщеніе! О, знатность міра сего! Какъ они вліятельно дѣйствуютъ на ослабленіе благочестивыхъ обычаевъ и Христіанскихъ правилъ! Какъ при очаровательномъ блескѣ ихъ, способенъ человѣкъ уклоняться отъ истиннаго божественнаго *свѣта*, и снова, ниспадая во тьму грѣховную, лишаться *животнаго свѣта* (Іоан. 8: 12), вѣчнаго спасенія во Христѣ!

Не послѣдуемъ, братіе, обычаемъ вѣка сего, противнымъ духу жизни святѣйшаго Христіанства. Будемъ сообразоваться во всемъ съ правилами святыхъ Православныхъ нашея вѣры, и подражать примѣрамъ благочестивыхъ нашихъ предковъ. Когда садимся за столъ, и располагаемся принимать пищу, напередъ испросимъ благословеніе Божіе молитвою съ крестнымъ знаменіемъ, и по насыщеніи себя, и по выходѣ изъ-за стола, принесемъ молитвенное благодареніе Богу, *дающемуъ намъ пищу во благовременіи* (Пс. 144: 15). *Да усладится Богу нашему хваленіе наше* (Пс. 146: 1). А во время стола, вкушая пищу, сохранимъ благочиніе, скромность, благоговѣйность, чтобы и со стороны видно было, что тутъ Христіанская трапеза, чтобы всякій, смотря на благочестіе ядущихъ и піющихъ, могъ съ убѣжденіемъ сказать: *Воистину Богъ съ ними есть* (1 Кор. 14: 25). Исполняяй всяческая благодати Твоя, Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 41.

Образецъ и мѣрка любви нашей къ Богу.

Господи благослови!

*Сподоби мя, Господи, возлюбити Тя,
якоже возлюбихъ грѣхъ.*

(Молит. утрен. 8).

Любить Бога есть первый и главнѣйшій долгъ Христіанина. Это хорошо знаемъ всѣ мы, братіе, да исполняемъ ли этотъ священный долгъ? Любить на словахъ не мудрено, легко сказать: „Какъ не любить Бога?“ „Любимъ, любимъ Его“. Пусть дѣйствительно мы любимъ Бога, да въ соотвѣтственной ли мѣрѣ любимъ Его? Такова ли наша любовь къ Богу, какова она должна быть? Ежели мы любимъ Бога далеко не такъ, какъ должно любить Его, то будетъ ли такая любовь достойна Бога? Ежели на первомъ и главномъ мѣстѣ у насъ не Богъ, а или мы сами, или ближніе наши, или, что еще хуже, какія либо страсти наши, то не должно ли намъ страшиться за такую оскорбительную для Бога нашу любовь къ Нему? Какъ же намъ узнать, гдѣ научиться истинной любви къ Богу? Какіе найти примѣры, образцы, изъ которыхъ видно было бы, какова и сколь велика должна быть наша любовь къ Богу? А вотъ, братіе,—этому научаетъ насъ, это показываетъ намъ одна изъ молитвъ, преданныхъ намъ Св. Церковію. *Сподоби мя,*

читаемъ мы въ одной утренней молитвѣ, *сподоби мя Господи возлюбити Тя, якоже возлюбихъ грѣхъ*. Чего лучше, чего яснѣе, чего ближе къ намъ! Этотъ примѣръ—въ насъ самихъ, этотъ образецъ—мы сами. Что мы теперь любимъ болѣе всего? Мы любимъ болѣе всего—грѣхъ. Итакъ любовь наша ко грѣху—вотъ и образецъ для нашей любви къ Богу,—вотъ и мѣрка, насколько велика и высока должна быть наша любовь къ Богу. Любить Бога мы должны въ такой мѣрѣ, въ какой любимъ теперь грѣхъ.

Сподоби мя Господи возлюбити Тя, якоже возлюбихъ грѣхъ. Любовь наша ко грѣху есть образецъ, мѣрка для нашей любви къ Богу. Образецъ, правда, неблаговидный и, повидимому, неприличный; мѣрка, въ существѣ своемъ, недостойная Бога и противная святости Его, но, братіе, по намъ самая справедливая и вѣрная. Что дѣлать, когда мы преслушаніемъ своимъ извратили свою природу, когда у насъ перевернулись, такъ сказать, душевныя стремленія и силы, взявъ противное направленіе, отъ высоты къ долу, отъ неба къ землѣ,—и мы вмѣсто Бога стали любить грѣхъ, вмѣсто святости беззаконіе, вмѣсто праведной воли Божіей свою развращенную волю! Разсудите сами, что мы нынѣ болѣе всего любимъ, къ чему болѣе всего стремимся, о чемъ болѣе всего думаемъ, и чего достигнуть стараемся! Постоянно, преимущественно, болѣе всего то, что относится къ животному и чувственному, что пріятно нашей развращенной природѣ, чѣмъ питается наша плоть, чѣмъ удовлетворяются наши желанія и страсти, однимъ словомъ, любимъ грѣхъ. И какъ онъ намъ пріятенъ! Съ какимъ расположеніемъ, съ какою охотою мы къ нему стремимся? Въ немъ поставляемъ все для себя наслажденіе, для него почти живемъ, ему жертвуемъ и силами, и трудами, и достояніемъ своимъ. Ничего для него не жаль, все готовы отдать ему, только бы достигнуть его, и угодить ему. А вотъ такъ надлежало бы намъ стремиться къ святинѣ, исполнять волю Божію, любить Бога. Вѣдь это прямое, истинное и святое назначеніе наше. И въ сотвореніи и въ искушеніи *призвалъ насъ Богъ не на нечистоту, но во святость* (1 Сол. 4: 7). О, если бы мы стали любить Бога, какъ любимъ теперь грѣхъ! Если бы стали любить Бога, какъ любить честолюбецъ свою честь, скупецъ и мздоимецъ—деньги, сластолюбецъ—богатый столъ, плотоугодникъ—свои страсти, весельчакъ—веселости и забавы! О, если бы мы, по любви къ Богу, стали исполнять святую волю Его, какъ нынѣ, по любви ко грѣху, исполняемъ развращенную волю свою! Тогда бы и произошелъ въ насъ оборотъ, противоположное направленіе силъ и стремленій души

отъ грѣха къ Богу, отъ плоти къ духу, отъ земли въ небо, — тогда бы мы стали обновляться, и приходять въ первобытное состояніе *правды и преподобія истины* (Ефес. 4: 24); тогда бы Богъ былъ для насъ болѣе, выше и дороже всего. Судите же теперь, братіе, какая сираведливая и вѣрная мѣрка для нашей любви къ Богу собственная наша любовь ко грѣху. Возлюбимъ Бога такъ, какъ любимъ нынѣ грѣхъ, — и любовь наша къ Богу будетъ истинная, совершенная и спасительная.

Любовь наша ко грѣху есть мѣрка для нашей любви къ Богу, сколько вѣрная, столько же дѣйствительная и благоплодная. По этой мѣркѣ, о, какъ высоко взошли бы мы *въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4: 13). Еслибы мы возлюбили Бога столько, сколько нынѣ любимъ грѣхъ, какая тогда произошла бы въ насъ перемѣна! Сколько нынѣ, отъ любви ко грѣху, ниспали мы во глубину нечистоты и пороковъ, столько тогда, отъ любви къ Богу, вознеслись бы на высоту богоподобія и святости. Единственнымъ, вселюбимымъ и всежелательнымъ предметомъ тогда былъ бы для насъ Богъ. Съ какою жаждою нынѣ стремимся ко грѣху, съ какимъ ненасытнымъ желаніемъ ищемъ себѣ чувственныхъ наслажденій, съ такою жаждою, съ такимъ ненасытнымъ желаніемъ тогда мы стремились бы къ Богу. Это испытали на себѣ и засвидѣтельствовали всѣ праведные мужи. *Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому* (Пс. 41: 2, 3), говорилъ царь и пророкъ Давидъ. Какъ пріятны нынѣ намъ мѣста мірскихъ увеселеній, такъ тогда пріятенъ былъ бы намъ домъ Божій, церковь святая. *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ. Желаетъ и скончается душа моя во двори Господни; сердце мое и плоть моя возрадовастанся о Бога живъ* (Пс. 83: 2, 3), говорилъ тотъ же праведный мужъ. Какъ нынѣ ничто васъ не можетъ остановить на пути грѣха, ни великія обѣтованія Божіи, ни угрозы, такъ тогда ничто не могло бы насъ отратить отъ Бога, никакія бѣдствія и страданія. *Кто ны разлучитъ отъ любви Божіи, говорилъ возлюбившій Бога Св. Павелъ, скорбь ли, или тѣснота, или ионеніе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? Ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучитъ отъ любви Божіи* (Рим. 8: 35, 38, 39). Какъ нынѣ живетъ, господствуетъ и царствуетъ въ насъ грѣхъ (Рим. 7: 17, 6: 12): такъ тогда сталъ бы жить, господствовать и царствовать въ насъ Богъ (Лук. 17: 21).

И надо, надо, братіе, сдѣлать намъ въ себѣ такую святую и спасительную перемѣну. Надо не естественную нашу любовь ко грѣху измѣнить въ соестественную новоблагодатной любовь къ Богу, и въ таковой мѣрѣ, какъ любимъ грѣхъ, начать и стараться любить Бога. А когда опытно познаемъ любовь Божию, тогда возлюбимъ Бога и выше этой мѣры, тогда и *наипаче*, преимущественно *поработаемъ Господу и Богу нашему* (та же утрен. молит.), любовью благоугождающей Ему и творя всегда благоугодная Ему. Непремѣнно такъ. Ежели столь много любимъ грѣхъ, то не паче ли возлюбимъ Бога? Вѣдь Богъ есть источникъ жизни, сокровище благъ, *Отецъ щедротъ, и Богъ всякия утѣхи* (2 Кор. 1: 3). Поэтому любить его вождельно, сладко,—не то, что любить грѣхъ. Грѣхъ пріятель, но только для нашей растлѣнной плоти: Богъ любезенъ для нашего духа, для чистаго сердца. Любовь грѣховная темна, мутна, тревожна, и въ послѣдствіи горька и пагубна: любовь Божія свѣтла, чиста, мирна, сладостна и спасительна. Любовь грѣховная сближаетъ насъ со тьмою и уподобляетъ насъ демонамъ; любовь Божія приводитъ насъ къ свѣту и дѣлаетъ общниками Ангеловъ. Любовь грѣховная, въ существѣ своемъ темная и горькая, есть уже задатокъ жизни и мученій адскихъ; любовь Божія, чистая и святая, есть залогъ блаженства и славы небесной. Можно ли же въ любви къ Богу остановиться на той мѣрѣ, какую представляетъ намъ любовь ко грѣху? О, любовь къ Богу въ чистыхъ и всецѣло преданныхъ Ему сердцахъ можетъ возрасти до любви Серафимской, обнять и преисполнить все существо человѣка, такъ что его уже ничто не будетъ занимать не только на землѣ, но и на небѣ,—одинъ Богъ будетъ для него и жизнію, и красотою, и сладостію. И были такіе люди. Вотъ наприм. Святой Давидъ самъ о себѣ свидѣтельствуемъ. *Ражжесея, говоритъ, сердце мое, и утробы моя измѣнишася, и азъ въну съ Тобою. Что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Изчезе сердце мое и плоть моя; Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Пс. 72: 21, 23, 25, 26).

Ахъ, братіе! Хотя бы намъ достигнуть въ любви Божіей той мѣры, каковая доступна природѣ нашей; хотя бы намъ столько возлюбить Бога, сколько любимъ нынѣ грѣхъ. О, какъ бы мы тогда измѣнились, на какую стали бы высоту, противоположную той *безднѣ грѣховной*, въ которую повергаетъ насъ страстная наша плоть. Вотъ тогда мы были бы совершенными Христіанами, истинными людьми Божіими. Уже не врагу служили бы своими грѣхами, а Богу и Творцу своему добрыми и святыми дѣлами. Тогда бы и

вѣрное наслѣдіе наше было Царство Небесное, а не мука вѣчная, уготованная грѣшникамъ. Надо, конечно, сказать, что такая пере-мѣна въ насъ можетъ произойти не безъ труда, не безъ терпѣнія, не безъ болѣзни. Падшая природа наша сильно стремится на грѣхъ и крѣпко противится добру. Что же дѣлать, когда пріятный грѣхъ для насъ пагубенъ, а противная ему правда и святыня намъ спасительны? Неужели намъ погибать изъ-за пріятности грѣховной, изъ-за чувственныхъ удовольствій? Трудно противиться грѣху и работать Господу съ любовью и страхомъ, но не выше силъ нашихъ. Начнемъ только, обратимся отъ грѣха къ Богу,—а тамъ вѣрно, Самъ Богъ будетъ намъ помощникъ. *Духъ Святой излетъ въ сердца наша любовь Божію* (Рим. 5: 5), и содѣлаетъ въ насъ то, что мы не только возлюбимъ Бога такъ, якоже возлюбили грѣхъ, но и болѣе прилѣпимся къ Нему, *наипаче поработаемъ Ему, Господу и Богу нашему*. Эту именно благодатную помощь испрашивать отъ Бога и учить насъ Святая Церковь, когда заповѣдала каждому изъ насъ молиться такъ: *сподоби мя, Господи, возлюбити Тя, якоже возлюбихъ иногда той самый грѣхъ, и паки поработати Тебѣ тощю* (усердно), *якоже поработахъ прежде сатанѣ льстивому. Наипаче же поработаю Тебѣ, Господу и Богу моему* (та же утр. молит.).

Заповѣдавый намъ любить Тя, и Самъ до конца возлюбивый *сущія Своя* (Іоан. 13: 5), Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 42.

Наставникъ въ дѣятельной любви къ ближнимъ для насъ — мы сами.

Господи благослови!

*Якоже хотите да творятъ вамъ
человѣки и вы творите имъ такожде.*
(Лук. 6: 31).

И любовь къ ближнимъ, такъ же какъ любовь къ Богу, есть священнѣйшій долгъ Христіанскій. А любить ближнихъ истинно, по-Христіански много значить, братіе. Любовь Христіанская не то, что любовь обыкновенная, мірская: она не въ словахъ, а на дѣлѣ, не на однихъ устахъ, а и преимущественно въ сердцѣ;— она не холодная, не лицемѣрная, а живая, искренняя, постоянная. Любовь Христіанская объемлетъ и опредѣляетъ совокупность всѣхъ отношеній чловѣка къ другимъ, располагаетъ и управляетъ имъ

во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, и свидѣтельствуешь о себѣ постоянно добрыми и полезными для ближнихъ дѣлами. Гдѣ намъ научиться такой святой Христіанской любви, такой благотворной относительности нашей къ ближнимъ нашимъ. Много, братіе, на это у насъ учителей, много наставниковъ жить намъ съ другими по-христіански. Поучаетъ насъ этому святое слово Божіе, проповѣдуютъ намъ пастыри церковные, показываютъ намъ жизнь и примѣры Святыхъ Божіихъ. Нѣтъ ли и еще учителей для наставленія насъ въ дѣятельной любви къ ближнимъ? Да, есть. Это—собственный нашъ разумъ, собственная наша совѣсть, собственное наше чувство, вообще это собственная наша природа,—это—мы сами. Мы сами, братіе, учителя себѣ въ томъ, какъ мы должны жить и поступать съ ближними нашими. Въ насъ самихъ ясный образецъ, вѣрная мѣрка нашего расположенія и нашихъ отношеній къ тѣмъ, съ которыми обращаемся и живемъ. Слушайте, что говоритъ намъ Спаситель нашъ Христосъ: *Якоже хотите да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6: 31). Какъ, говорить, хотите, чтобы поступали съ вами другіе, такъ и вы поступайте съ ними.

Итакъ правило нашего поведенія относительно другихъ, указатель нашихъ отношеній къ ближнимъ есть наша собственная любовь, наши собственные желанія, наше расположеніе къ себѣ самимъ. *Якоже хотите*. Чего хотимъ, чего желаемъ себѣ, того должны желать, то дѣлать и другимъ. Чего же мы желаемъ себѣ отъ другихъ? Желаемъ, безъ сомнѣнія, хорошаго, пріятнаго, полезнаго: ну, такъ и сами должны поступать относительно другихъ, должны и желать и дѣлать имъ то, что имъ пріятно и полезно. Желаемъ, чтобы другіе любили насъ, имѣли къ намъ хорошее расположеніе, жили съ нами въ согласіи: и сами должны быть въ такомъ же расположеніи къ нимъ. Любимъ, когда другіе обращаются съ нами ласково, привѣтливо, дружественно: и сами должны обращаться съ ними также. Любимъ, когда другіе отзываются объ насъ хорошо: и сами должны думать и говорить о другихъ также. Пріятно намъ, когда другіе извиняютъ наши слабости, исправляютъ погрѣшности, прощаютъ проступки: и сами должны относиться къ нимъ также. Пріятно намъ, когда, въ случаѣ нужды или несчастій какихъ, постигшихъ насъ, сочувствуютъ намъ, помогаютъ, намъ, облегчаютъ намъ горькую участь: и сами должны въ подобныхъ случаяхъ поступать съ другими также. Любимъ, когда другіе говорятъ правду, поступаютъ съ нами честно, всегда постоянны, во всемъ вѣрны: и сами должны быть съ ними таковы же. Пріятно намъ, если

мы, состоя въ начальствѣ и власти, видимъ отъ другихъ себѣ почтеніе и повиновеніе: и сами властителей и начальствующихъ должны почитать, и имъ повиноваться. Тѣмъ же самымъ правиломъ можемъ мы руководствоваться относительно другихъ и въ томъ, чего должны избѣгать. Въ насъ же самихъ указатель и того, что недостойно святаго Христіанскаго званія, и противно ближнимъ нашимъ. Именно, чего себѣ не желаемъ, что противно и вредно намъ, того и другимъ не должны ни дѣлать, ни желать. Непріятно намъ, когда другіе превозносятъ себя, гордятся предъ нами, презираютъ насъ, унижаютъ насъ: такъ и мы сами не должны превозносить себя, гордиться предъ другими, презирать и унижать другихъ. Тяжело намъ, когда не любятъ насъ, не сочувствуютъ намъ, чуждаются насъ: и мы не должны быть таковыми для другихъ. Горько намъ, когда гнѣваются на насъ, огорчаютъ насъ, досаждаютъ намъ, оскорбляютъ насъ: и мы не должны такъ поступать съ другими. Обидно намъ, когда осуждаютъ насъ, насмѣхаются надъ нами, чернятъ имя наше, отнимаютъ честь нашу: и мы не должны никакимъ образомъ поносить ближнихъ нашихъ. Прискорбно намъ, когда другіе питаютъ къ намъ злорадство, строятъ намъ козни, ищутъ случаевъ и стараются дѣлать намъ вредъ: и сами должны удерживать себя отъ такихъ постыдныхъ расположеній и поступковъ относительно другихъ. Гнушаемся и презираемъ другихъ, еслибы кто рѣшился дѣйствительно вредить намъ, волевать наше спокойствіе, разрушать благосостояніе, посягать на здоровье, на жизнь: и сами не должны и мыслию касаться такихъ пагубныхъ и богопротивныхъ дѣлъ. Вотъ, какъ можемъ мы учиться у себя самихъ, можемъ быть *самоучителями* для себя въ жизни добродѣтельной, Христіанской. Вѣдь тутъ весь законъ Божій, въ этомъ заключается все исполненіе обязанностей нашихъ относительно ближнихъ нашихъ. Самъ Господь сказалъ: *вся елика аще хотите, да творятъ вамъ чловѣцы: тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. 7: 12).

Много, братіе, у Христіанъ учителей; а вотъ, какъ видите, есть еще у каждаго изъ насъ и самоучитель. Какъ, казалось бы, легко намъ учиться святой Христіанской жизни хотя бы у самихъ себя, а мы все-то, къ прискорбію, не можемъ научиться. Какая это подлинно легкая наука! Какія сообразныя съ природою нашею здѣсь требованія. Ужъ не заставляютъ насъ любить другихъ болѣе себя, не заставляютъ отказывать себѣ, дѣлать насиліе себѣ въ пользу другихъ. Дѣлай, говорятъ, другимъ то, чего желаешь себѣ. А вѣдь себѣ, сами знаете, мы всегда желаемъ добраго, полезнаго,

приятнаго. Отчего же мы поступаемъ съ другими не такъ? О, наше самолюбіе! Оно, только оно дѣлаетъ насъ врагами ближнимъ нашимъ. Оно, только оно причиною нашихъ бѣдъ и несчастій. Отъ него всѣ нестроенія въ жизни общественной. Отъ него—вражда, ссоры, тяжбы, воровство, убійства; отъ него возмущенія, мятежи, опустошительныя брани; отъ него—обида, горести, бѣдность, нищета. О, наше самолюбіе! Какое это не естественное въ насъ чувство! Какая это слѣпая и пагубная страсть! Какъ она вооружаетъ насъ противъ насъ самихъ, дѣлаетъ насъ врагами самимъ себѣ! Вѣдь не любя другихъ, мы чрезъ это сами не любимъ себя; дѣлая зло другимъ, сами себѣ дѣлаемъ зло. Если мы не любимъ другихъ, станутъ ли любить и насъ? Если мы дѣйствуемъ другимъ во вредъ, не станутъ ли другіе тоже дѣлать и намъ? То ли дѣло было бы, если бы мы не были самолюбивы? Если бы желали и дѣлали другимъ то, чего желаемъ и что дѣлаемъ себѣ? О, тогда бы и другіе непременно стали дѣлать намъ то, что мы дѣлаемъ имъ. А это что было бы, какъ не Христіанскій, истинно братскій союзъ? Что было бы это общество, какъ не то первобытно-Христіанское общество, у котораго, по свидѣтельству Дѣписателя, *бъ сердце и душа едина* (Дѣян. 4: 32). Да, тогда бы незамѣтно было между нами ни великихъ, ни малыхъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; тогда бы у всѣхъ были одинаковыя мысли, одинаковыя желанія, между всѣми согласіе, общее для всѣхъ спокойствіе, общее благоденствіе. Тогда бы былъ *на земли миръ* (Лук. 2: 14), который, при рожденіи Спасителя, возвѣстили Ангелы, который обѣщаль вѣрующимъ Самъ Спаситель, сказавъ Апостоламъ: *миръ оставляю вамъ* (Іоан. 14: 27), и о которыхъ молился Единосущному Отцу Своему сими словами: *да вси (вѣрующіе) едино будутъ, яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ* (Іоан. 17: 21).

Но, увя! все-то нѣтъ между вѣрующими, между Христіанами этого возжелѣннаго мира. Кто—причиною? Сами вѣрующіе, сами Христіане. Мы, братіе, сами виновники своихъ бѣдъ и злоключеній. Не хотимъ слѣдовать закону природы, въ которомъ первоначально начертанъ законъ Божій, не хотимъ слушать вопіющаго въ насъ божественнаго голоса, который и научаетъ, и обличаетъ насъ, а слушаемся вселившася въ насъ духа лукаваго, властвующей надъ нами страсти самолюбія,—и вотъ видимъ нестроенія въ жизни, претерпѣваемъ и общія и частныя бѣдствія, самими нами производимыя, и опытно дознаемъ на себѣ исполненіе словъ Апостола: *любовію работайте другъ другу. Ибо весь законъ во единомъ словеси*

исполняется, во еже возлюбимши ближняго твоего якоже себѣ. Аще же другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете (Гал. 5: 13, 14, 15).

Братіе! Любите другъ друга, желайте другимъ, и дѣлайте имъ добро, какъ желаете и дѣлаете себѣ самимъ. Этому научаетъ насъ собственная наша природа. Этому требуетъ собственная наша польза. Это заповѣдуетъ намъ Законъ Божій, и древній, и новый—Христіанскій. Самъ Спаситель нашъ сказалъ: *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте аще любовь имате между собою (Іоан. 13: 34, 35).* Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 43.

Избіеніе Виѣлеемскихъ младенцевъ.

Господи благослови!

Рождество Спасителя нашего и Бога Іисуса Христа, которое праздновать на дняхъ сподобились мы, братіе, обставлено, какъ извѣстно изъ исторіи Евангельской, событіями свѣтлыми и мрачными, радостными и плачевными. Съ одной стороны Ангель возвѣщаетъ рожденіе Спасителя міра, и цѣлый хоръ небесныхъ Силъ поютъ хвалу всевышнему Богу, пославшему миръ на землю и явившему благоволеніе къ человѣкамъ; звѣзда указываетъ на пришествіе обѣтованнаго Избавителя; пастыри поклоняются Богу, явившемуся во плоти; волхвы приносятъ дары рождшемуся Царю міра. Съ другой стороны неистовствуетъ царь Іудей, нечестивый Иродъ, смятенный и озабоченный слухомъ рожденія новаго царя Іудейскаго и ослѣпляемый властолюбіемъ даетъ безчеловѣчное повелѣніе умертвить всѣхъ по степени возраста младенцевъ въ предѣлахъ Виѣлеемскихъ. Сколько свѣтла и радостна одна сторона, столько мрачна и плачевна другая. Избить 14-ть тысячъ дѣтей, пролить столько невинной крови, лишить столькихъ родителей любимыхъ своихъ чадъ, вызвать столько материнскихъ рыданій и слезъ,—и изъ-за чего? Изъ одного неосновательнаго опасенія потерять свою власть, изъ одного безумнаго предположенія умертвить въ числѣ многихъ дѣтей и новорожденнаго царя? Какъ это такъ? Какъ, пожалуй невольно подумается какъ Всевышній Промыслъ допустилъ нечестивца привести въ исполненіе такой безчеловѣчный его замыслъ? Не справедливѣе ли, казалось бы, поразить самого нечестивца въ преступномъ его замыслѣ, и сохранить жизнь невинныхъ младенцевъ? Что сказать на это, братіе?

Сперва, и самое главное, скажемъ то, что говорить богодухновенный Царь Давидъ. *Правда Твоя, Господи, яко горы Божія, судьбы Твоя бездна многа* (Пс. 35: 7). *Кто бо разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ и?* (1 Кор. 2: 16). *Неиспытани, братіе, судове Его, и не изслѣдовани пути Его* (Рим. 11: 33). Однакожь всѣ совѣты и опредѣленія Божіи благи, всѣ судьбы Его премудры, всѣ дѣла Его праведны. *Праведенъ Господь, какъ говоритъ тотъ же Давидъ, во всѣхъ путехъ Своихъ, и преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ* (Пс. 144: 17). Позволимъ, впрочемъ, себѣ и нашимъ немощнымъ умомъ воснуться этого явленія судебъ Божіихъ,—говорю о избіеніи младенцевъ Виолеемскихъ,—и сказать нѣчто въ объясненіе праведныхъ дѣлъ Божіихъ.

Непостижима для насъ смерть дѣтей Виолеемскихъ. Но что же тутъ непостижимаго, ежели будемъ разсматривать смерть, какъ смерть? Кто безсмертенъ? Никто. Жизнь настоящая временна. Всѣ раждаемся съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе умереть. Истинное назначеніе человѣка—другая, будущая жизнь, новое бытіе за гробомъ, бытіе лучшее, бессмертное и вѣчное.

Преждевременна смерть младенческая, это правда; зато безгрѣшная и блаженная. Что настоящая жизнь? Время трудовъ, терпѣнія, заботъ, суеты, бѣдствій, болѣзней; позорище страстей, пороковъ, унижающихъ достоинство человѣка и готовящихъ ему злополучную долю въ будущемъ. Дѣти Виолеемскія преждевременною смертію избѣгли всякихъ тревоженій многоятежной жизни сей, свободными стали отъ безчисленныхъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій и явились на тотъ свѣтъ въ младенческой непорочности и чистотѣ съ надеждою блаженства въ нѣдрахъ Праотца Авраама. Что было бы иначе? Если бы они, пришедъ въ совершенный возрастъ, усвоили себѣ качества, въ какихъ по большей части показали себя отцы ихъ и сверстники ихъ въ отношеніи къ Богу и пришедшему къ нимъ Избавителю Христу? Не могло ли стать, что они, при руководствѣ такихъ учителей, каковы были фарисеи и подобные имъ, сдѣлались бы также порочными и богопротивными? Не могло ли стать, что и они пристали бы къ скопищу тѣхъ, которые вопіяли предъ Пилатомъ о Христвѣ: *возми, возми, распни Его* (Іоан. 19: 15), *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѣ. 27: 25)? Что тогда? Не тоже ли довелось бы сказать и о нихъ, что сказалъ Господь о своемъ предателѣ: *добро бы было ему, аще не бы родился человекъ той* (Матѣ. 26: 24)? Младенцы пали отъ смертоноснаго меча Иродова, но какъ невинные и не участвовавшіе въ противобожномъ

совѣтъ и дѣлѣ Іудеевъ; а послѣ не только младенцы, но и мужи Іудейскіе *пали же во остріи меча* (Лук. 21: 24) римскаго, да какъ? Какъ дѣти Христоубійць, повинныя въ крови Праведника, по приговору своихъ Отцевъ. Такъ вотъ, братіе, что значить преждевременная смерть дѣтей Виелеемскихъ! Что потеряли они, ввусивъ такую, опредѣленную имъ промысломъ Всевышняго, смерть? Ничего не потеряли, напротивъ сохранили свою младенческую невинность и чистоту, избавились отъ опасныхъ и бѣдственныхъ въ жизни грѣхопаденій и перешли въ другую, вѣчную и блаженную жизнь.

Смерть Виелеемскихъ дѣтей была, правда, насильственная, мученическая, но по этому самому достойная славы и вѣнцовъ. Есть ли другая славная смерть, какъ смерть за Христа? *Вѣрно слово*, говоритъ Апостоль, *еще съ нимъ умрохомъ, то съ нимъ и оживемъ; еще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. 2: 11, 12). Младенцы сдѣлались мучениками и ввусили горькую смерть. Да одни ли они такъ пострадали? И Апостолы всѣ, послѣ болѣзней и трудовъ благовѣстія Евангельскаго, умерли страдальчески. А сколько послѣ было мучениковъ, которые претерпѣли безчисленные роды мученій и смерть за Христа! Что я говорю? Самъ Христось пострадалъ и ввусилъ горькую и позорную смерть на крестѣ, но крестъ затѣмъ сдѣлался для человѣчества лѣствицею на небо; Самъ Онъ съ креста *возшелъ въ славу Свою* (Лук. 24: 26), *юже имѣлъ Онъ у Отца, прежде мѣръ не бысть* (Іоан. 17: 5). Такъ и Апостолы, и мученики, и всѣ пострадавшіе за Христа взошли на небо за претерпѣнныя ими страданія и смерть, увѣнчались славою божественною, и нынѣ царствуютъ со Христомъ. Младенцы Виелеемскіе сдѣлались, братіе, первыми мучениками за Христа, и именно за Христа. Они претерпѣли смерть, которую готовилъ Иродъ одному Христу. Они, такимъ образомъ, замѣнили Христа въ младенчествѣ отъ смерти и сдѣлались какъ бы искупленіемъ жизни Самого Искупителя міра. Достоинно посему прославляетъ ихъ и Церковь Христіанская, какъ мучениковъ, и совершаетъ блаженную память ихъ, подобно памяти всѣхъ святыхъ пострадавшихъ.

Не лучше ли, не справедливѣе ли, казалось намъ, поразить самого нечестиваго Ирода, чѣмъ умерщвлять тысячи невинныхъ дѣтей? Нѣтъ. Самъ Господь свидѣтельствовалъ о Себѣ, что *не пришелъ души человѣческіе погубити, но спасти* (Лук. 9: 56). Младенцы Виелеемскіе, какъ видѣли мы, чрезъ потерю жизни временной приобрѣли жизнь вѣчную и блаженную, а и Ирода Господь, безъ сомнѣнія, призывалъ къ покаянію и исправленію. Не показался и не

исправился, — не ушелъ отъ праведной руки Господней. Избіеніе такого множества младенцевъ Іудейскихъ, можетъ быть, допущено было отъ Бога и по другимъ, невѣдомымъ намъ, намѣреніямъ и цѣлямъ. Это, можетъ быть, былъ и урокъ для всего народа Іудейскаго, — страшный, правда, урокъ, но вѣдь они гораздо страшнѣе поступили, не внявъ этому уроку, и взявъ на себя кровь своего Избавителя, и страшнѣйшей подвергли себя казни отъ Бога, бывъ осуждены не на семидесятилѣтній плѣнъ, а на изгнаніе изъ разореннаго отечества, въ которомъ находятся уже оволо двухъ тысячъ лѣтъ и котораго конецъ въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ.

Мудрено намъ, братіе, испытывать пути Промысла, и судить о дѣлахъ Божіихъ. Нѣтъ. Судьбы Божіи, скажемъ еще, непостижимы. Но какъ бы непонятны ни были, въ какихъ бы дѣйствіяхъ и событіяхъ они ни проявлялись, всегда истинны, всегда премудры, всегда праведны. А потому всего справедливѣе, всего полезнѣе, всего святѣе вѣровать непостижимому Промыслу Божію, благоговѣть передъ премудрыми судьбами Божіими, покоряться волѣ Божіей, въ событіяхъ ли міра, или собственно въ дѣлахъ человѣческихъ являющейся. Имѣютъ, видно, свое мѣсто и Ироды, суда по времени, или расположеніямъ и свойствамъ людей, *привходятъ*, по слову Апостола, *человѣцы, древле предъзугавленіе на сіе осужденіе* (Іуд. 4). Долгъ святыхъ, призванныхъ къ наслѣдію живота вѣчнаго и Царства Небеснаго, *терпнїемъ теши къ подлежащему имъ подвигу, взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, Иже вмѣсто подлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ* (Евр. 12: 1, 2), и *не пренегаютъ наказанїемъ Господнимъ, помня всегда, что Господь любящихъ Его и любимыхъ Имъ наказуетъ на пользу, да причастимся святости Его* (Евр. 5: 10). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 44.

Признаки Православія и неправославія въ самихъ Христіанахъ.

Господи благослови!

Молю вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, кромъ ученія, ему же вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ.

(Рим. 16: 17).

Вотъ, братіе, что говоритъ Апостоль Христіанамъ своего времени. Стало быть, уже и во времена Апостольскія были вносимы раздѣленія въ общество Христіанъ; было ученіе правое, неповрежденное, истинное, которымъ собственно и знаменуется истинное Христіанство, и было ученіе неправое, искаженное, ложное, — чуждое Христіанства, хотя бы и прикрывалось именемъ Христіанскаго ученія, были Апостолы и Учители, Самимъ Богомъ поставленные и Святымъ Духомъ просвѣщенные, были и лжеапостолы и лжеучители, *инако учаще* (1 Тим. 6: 3), и *превращающіе благовѣствованіе Христово* (Гал. 1: 7), *дмящесе отъ ума плоти своея* (Кол. 2: 18), которые значить чужды были Христа, и не принадлежали въ силу того въ Церкви Христовой. А теперь? Теперь раздѣленіямъ въ мірѣ Христіанскомъ почти и числа нѣтъ. Сколько слыветъ обществъ подъ именемъ Христіанскихъ, внѣ вселенскаго Православія, сколько въ каждомъ обществѣ сектъ, болѣе или менѣе разномыслящихъ и всегда другъ съ другомъ несогласныхъ, и другъ другу враждебныхъ! Всѣ именуются Христіанами, всѣ вѣрують во Христа, какъ научены, и содержатъ, хотя различно, законъ Христовъ, и каждое общество, каждая секта хочетъ оставаться въ увѣренности, что только у нихъ незыблемая истина и несомнѣнное спасеніе человѣка. Что это, братіе? Вѣдь *единъ Господь* Иисусъ Христосъ, *едина* поѣтому должна быть и *ѡбра* (Ефес. 4: 5). Какъ же послѣ этого узнать, гдѣ именно находится истинная вѣра и истинное ученіе Христово? Какое Христіанское общество (не говоря о сектахъ) составляетъ истинную Христову Церковь, въ которой вѣрное и несомнѣнное спасеніе для человѣка? Какіе Христіанскіе учителя—истинные Пастыри, законные и вѣрные преемники Апостоловъ? Это, братіе, уже очевидно изъ самыхъ словъ Апостола, котораго Онъ сказалъ: *кромъ ученія, ему же вы научитесь*, т. е. того

ученія, которое вы слышали прежде, которому научились отъ насъ истинныхъ Апостоловъ и богодухновенныхъ проповѣдниковъ Евангелія. Значить, истинное Христіанское ученіе есть то, которое первоначально возвѣщено устами Апостоловъ, истинное Христіанское общество то, которое исповѣдуетъ вѣру и содержитъ правила благочестія въ томъ неповрежденномъ видѣ, въ какомъ исповѣдывала и содержала ихъ первенствующая Апостольская Церковь, истинные Христіанскіе Учители и Пастыри тѣ, которые, приѣмая чрезъ непрерывное преемство отъ Апостоловъ, и чрезъ Апостоловъ отъ Самого Іисуса Христа благодать Св. Духа, соблюдаютъ и вѣру и правила благочестія въ неповрежденной первоначальной чистотѣ, не допуская никакихъ измѣненій и нововведеній отъ собственнаго своего мудрованія.

Конечно такой признакъ истины Христіанской вѣры и Христіанскаго общества или Церкви не для всѣхъ, или лучше, не для многихъ удобенъ. Не многіе могутъ входить въ разсмотрѣніе и повѣрку догматовъ вѣры и правилъ Христіанскаго закона посредствомъ изслѣдованія и соображенія настоящаго образа благочестія съ тѣмъ, какой первоначально и въ продолженіе времени содержала истинная Православная Христіанская Церковь. Поищемъ-ка другихъ, внѣшнихъ, болѣе очевидныхъ признаковъ истины ученія, или заблужденія въ ономъ, чистоты и святости учителей и пастырей, или развращенности ихъ, — Православія общества Христіанскаго, или неправославія его, — поищемъ этихъ признаковъ въ самомъ характерѣ, въ самомъ образѣ дѣйствованія Православныхъ и неправославныхъ. Вѣдь и Спаситель училъ насъ, какъ распознавать волковъ отъ овецъ, наемниковъ отъ пастырей, лжеучителей отъ истинныхъ *благочестивиковъ* (Ефес, 4: 11). Царствія Божія *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѣ. 7: 16), говорилъ Онъ. О, какъ замѣтны, какъ разнообразны, какъ непохожи другъ на друга эти два воинственные стана, *Православные и неправославные*, — хотя стоятъ подъ однимъ общимъ именемъ Христіанъ.

Возьмемъ, братіе, самое ученіе вѣры, какъ понимаютъ, на чемъ утверждаютъ, чѣмъ защищаютъ свое ученіе тѣ и другіе. Вотъ Православные. Какъ они понимаютъ свою вѣру? Понимаютъ по разуму божественнаго откровенія, въ правильномъ его духѣ, въ цѣломъ составѣ возвѣщаемыхъ имъ истинъ, въ общемъ согласіи тѣхъ самыхъ истинъ и въ собственномъ, произвольномъ значеніи ихъ. На чемъ утверждаютъ они свое ученіе? На вселенскомъ опредѣленіи Отцевъ и пастырей церковныхъ, единогласно и единомудренно изло-

жившихъ догматы вѣры и правила благочестія Христіанскаго. Чѣмъ защищаютъ свое правовѣріе, божественную истину и святость своего образа благочестія? Древностію и неизмѣнностію ученія и обрядовъ, согласіемъ всѣхъ Христіанскихъ временъ, общимъ голосомъ всей Православной Церкви. Такъ ли поступаютъ неправославные? Каково ихъ вѣроученіе? Оно разногласное, у всѣхъ обществъ своеобразное, и всегда болѣе или менѣе древнему Апостольскому и Отеческому ученію противное. Чѣмъ руководствуются въ опредѣленіи своего вѣроученія? Преимущественно своимъ разумомъ, подводя истины божественнаго откровенія подъ собственныя свои понятія, хотя бы самыя нелѣпыя и несообразныя съ духомъ Христіанства и съ чистотою правилъ Евангелія. Къ чему прибѣгаютъ въ защищеніи своего вѣроученія противъ Православія? Прибѣгаютъ и къ изреченіямъ Писанія, да какъ? Избирая изреченія частныя, отдѣльныя, произвольно притомъ ими понимаемыя, такія изреченія, которыя, повидимому, болѣе благопріятствуютъ своеобразнымъ ихъ мнѣніямъ. Возьмите первыя главныя ереси, волновавшія Церковь, — ереси Арія, Маведонія, Несторія и другихъ. Сколь произвольны и шатки тѣ основанія, на которыхъ онѣ были утверждены начальниками и послѣдователями ихъ. Посмотрите на отпадшихъ отъ Православія Христіанъ Рима. Сколько и какихъ увлоненій не сдѣлано тамъ отъ истиннаго древняго ученія Вселенской Церкви и отъ самаго Священнаго Писанія, и какими произвольными, до нелѣпости несообразными толкованіями отстаиваютъ они свое вѣроученіе и свою обрядовую церковность. Можно ли не изумляться вольномыслію ихъ, какъ они возвели на степень догмата вѣры одно главенство папы, и думаютъ утвердить словами Евангелія то, якобы первосвященникъ ихъ есть глава вселенской Церкви, преемникъ Апостола Петра и намѣстникъ Самаго Іисуса Христа. А наши раскольники? Каково ихъ вѣроученіе? Сколь оно разнообразно, какъ мелочно и нелѣпо! А вѣдь и они тоже часто хотятъ основывать свои заблужденія на Писаніи, избирая, разумѣется, изреченія онаго болѣе къ мнѣніямъ ихъ подходящія, и понимая ихъ такъ, какъ имъ надобно. Вообще неправославные, еретики и раскольники, болѣе злоупотребляютъ божественнымъ откровеніемъ, нежели пользуются имъ къ своему спасенію. Они ищутъ въ немъ не истины, а только хотя мнимаго подтвержденія своимъ собственнымъ мнѣніямъ. Собственныя мнѣнія ихъ — основаніе ихъ ученія, а не святое слово Божіе, коимъ они только прикрываютъ свое вольномысліе и свои страсти, — Римляне, наприм., свое властолюбіе, а наши раскольники — свое злочестіе.

Поэтому, при своеволии и невѣжествѣ, до какого нечестія дошли инныя изъ нашихъ раскольническихъ сектъ въ своихъ согласіяхъ и толкахъ, страшно и подумать о томъ истинному и разумному Христіанину. Не ругаясь (чего Боже сохрани!) надъ состояніемъ ихъ, нельзя однакоже, къ прискорбію, по всей справедливости не отнести и къ нимъ словъ Апостола, которыя онъ сказалъ о погрязавшихъ въ духовномъ и нравственномъ заблужденіи язычникахъ: *яко же не искусша имѣти Бога въ разумъ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Рим. 1: 28).

Посмотрите на свойства, характеръ и дѣйствія Православныхъ и неправославныхъ. Каковы тѣ и другіе въ душѣ? Православные всегда кротки, снисходительны, любовны, привѣтливы, общительны: неправославные — горды, мечтательны, своенравны, жестоки, злы. Первые никогда не чуждаются послѣднихъ, а послѣдніе всегда избѣгаютъ, ненавидятъ первыхъ, даже сами между собою живутъ по большей части въ раздѣленіи и раздорѣ, судя по различію ихъ нечестивыхъ ученій. Какъ не скажешь послѣ этого, что ученіе и вѣра Православныхъ суть истинныя и божественныя, а неправославныхъ смѣшанныя съ ложью человѣческихъ мнѣній и разумѣній. Апостолъ Іаковъ именно такъ и разсуждаетъ. *Аще, говорить, зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитесь ни ложите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше нисходящи, но земна, душевна, бѣсовска. А яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодвъ благихъ* (Іак. 3: 14, 15, 17). Каковы православные и неправославные въ защитѣ своего ученія и вѣры, и вообще въ религіозномъ дѣйствованіи на другихъ? Первые всегда разумны, тихи, скромны, и хотя вполнѣ убѣждены въ божественности и святости своего ученія, однакожъ съ внимательнымъ сочувствіемъ и спокойствіемъ выслушиваютъ и противныя мнѣнія, и разномыслящихъ стараются разубѣдить кроткими и разумными внушеніями, съ терпѣніемъ ожидая ихъ обращенія на путь истины, послѣдуя наставленію Святаго Апостола, который говоритъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителю, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. 2: 24, 25). Не такъ поступаютъ послѣдніе, неправославные. Они, омраченные ненавистію къ Православію и ожесточенные въ своемъ нечестіи, неспособны къ сповойному и здравому разсужденію; они, съ злобою и неистовствомъ только отвергаютъ всякую противную мнѣнію ихъ истину и рыгаютъ ядъ хулы,

злорѣчія и поношенія на Православныхъ и на Святую Православную Церковь Христову. Таковыми дѣйствительно всегда показывали и показываютъ себя всѣ еретики и раскольники. Объ нихъ именно, въ лицѣ древнихъ фарисеевъ, говоритъ Первомученикъ Стефанъ: *жестоковѣйшимъ, и необръзаннымъ сердца и ушесы, вы присно Духу Святому противитесь* (Дѣян. 7: 51). Какъ распространяютъ Православные и неправославные свое ученіе и вѣру? Православные въ распространеніи своего ученія и вѣры дѣйствуютъ, при благословеніи Божіемъ, съ усердіемъ, раствореннымъ любовію и кротостію, подражая Господу и Спасителю своему и первымъ благовѣстникамъ Евангелія, вразумляютъ, убѣждаютъ, не мало не стѣсня совѣсти человѣческой, всегда предоставляя успѣхъ силѣ и благодати Христовой, а себя считая не болѣе, какъ за слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ. *Азъ насадихъ, Аполосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. 3: 6),—вотъ какъ разсуждаютъ Православные. *Три лѣта ночь и день не престоаяхъ уча со слезами единаго коюждо васъ* (Дѣян. 20: 31), вотъ какъ они проповѣдуютъ свою вѣру. *Никогдаже бо въ словеси ласканія быхомъ, ниже въ винѣ лихоиманія, Богъ свидѣтель; не ищуще отъ человекъ славы. Тако желающе васъ, благоволихомъ подати вамъ не точію благовѣствованіе Божіе, но и души своя* (1 Сол. 2: 5, 6, 8),—вотъ какъ чистъ, искрененъ, благонамѣренъ трудъ Православныхъ въ дѣлѣ благовѣствованія Христова. А у неправославныхъ? Тамъ другой характеръ, другія цѣли, другой образъ дѣйствія. Неправославные въ распространеніи своего ученія дѣйствуютъ съ горячею и неразумною ревностію, лицемѣрно скрывая, подобно едемскому змію, хитрость и обманъ подъ личиною добродушія и кротости, и *благими словесы и благословеніемъ прельщая сердца незлобивыхъ* (Рим. 16: 18); полагая цѣлію не столько славу Божію и спасеніе человѣческое, сколько угожденіе своимъ страстямъ, они тѣмъ самымъ не *Господеву нашему Иисусу Христу работаютъ, но своему чреву* (Рим. 16: 18), *иже вся дома развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка* (Тит. 1: 11). Таковы точно послѣдователи римскаго папства и наши раскольники. Первые, подобно древнимъ фарисеямъ, *преходятъ море и сушу, чтобы сотворить единаго пришельца сына геенны сугубѣйша ихъ* (Матѣ. 23: 15): послѣдніе то и дѣло *пониряютъ въ домъ* (2 Тим. 3: 6) съ лестію, увлекаая Православныхъ въ свое заблужденіе и въ свою злую волю, всегда входя тайно, и *но дверьми, но прелезя инудъ, якоже татіе и разбойницы* (Іоан. 10: 1, 8). Откуда такая злая и не по разуму ревность у неправославныхъ? Какъ хо-

тите, а начало, побужденіе и сила этой ревности не отъ Бога, а отъ врага человѣческаго рода. Неправославные въ таковой или другой мѣрѣ дѣйствительно слуги *змія древняго* (Апок. 12: 9) посягающаго на разореніе Церкви Христовой, и изрыгающаго ядъ свой на новое достояніе Божіе. Они, какъ и древніе фарисеи, чада діавола. *Вы отца вашего діавола есте, онъ чловѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. 8: 44), говорилъ Господь Іудеямъ и фарисеямъ. Діаволь—чловѣкоубійца. Какъ это страшно оправдывали на себѣ неправославные, еретики и раскольники. Кому не извѣстна кровавая исторія неправославнаго Рима? А и наши раскольники не прочь отъ злодѣйства противъ Православныхъ, какъ и вообще отъ хулы и злобы противу Православія. И это ли Христіане? Гдѣ ученіе и примѣръ Спасителя нашего Іисуса Христа? Не кротость ли, не любовь ли, даже ко врагамъ, заповѣдалъ Онъ вѣрующимъ? Не съ кротостію ли, не съ любовію ли Онъ поучалъ всѣхъ, даже обличалъ Своихъ враговъ? Когда Іудеи не разъ хотѣли побить Его камнями, когда вознесли Его уже на крестъ: поразилъ ли Онъ ихъ, хотя и могъ? Два ученика Его нѣкогда хотѣли было низвести огонь съ неба на Самарянъ за то, что они не приняли Его, что же Онъ? Не запретилъ ли имъ такую противную божественной любви Его мечь? *Не есте, коего духа есте вы, сказали Онъ имъ: Сынъ бо чловѣчскій не прииде души чловѣчскіихъ поубити, но спасти* (Лук. 9: 55, 56).

Такъ вотъ, братіе, каковы Православные и неправославные. Не трудно поэтому знать каждому, кто исповѣдуетъ вѣру истинную святую, божественную, и кто послѣдуетъ ученію неправильному, искаженному волею и мудрованіемъ чловѣческимъ, гдѣ непорочная Церковь Божія и гдѣ *сонмъ суетный, церковь лукавствующихъ* (Іс. 25: 4, 5). Истинное Христіанское ученіе и истинная Церковь Христова тамъ, гдѣ руководствуются божественнымъ Откровеніемъ, не допуская никакого мудрованія собственно чловѣческаго, гдѣ содержится образъ Христіанскаго благочестія по преданію Апостоловъ и всей Православной Каѳолической Церкви. Истинная вѣра Христіанская и истинные Христіане тамъ, гдѣ царствуетъ взаимная любовь, усердіе, доброжелательство, кротость, смиреніе, словомъ: гдѣ вѣра оправдывается добрыми въ истинно-христіанскомъ духѣ творимыми дѣлами. Напротивъ, не полагайте истинной и спасительной вѣры тамъ, гдѣ дается свобода разуму, или даже неразумію чловѣческому, какъ у нашихъ раскольниковъ—быть судіями въ дѣлахъ вѣры, и опредѣлять по своимъ понятіямъ образъ и правила Христіанскаго благочестія. Не ищите истинной Христовой Церкви

тамъ, гдѣ дѣйствуютъ не по духу Христіанскаго благочестія, гдѣ Христіане водятся своими страстями, ненавидятъ, преслѣдуютъ ближнихъ, имѣютъ въ виду преимущественно свой интересъ, и не пренебрегаютъ никакими средствами къ совращенію другихъ, хотя бы самыми нечестными и богопротивными. Счастливы мы, братіе, что Господь Богъ избралъ насъ отъ чрева матере нашея, и содѣлалъ насъ сынами истинной Православной Церкви Своей, въ которой всѣмъ вѣрующимъ вѣрное и несомнѣнное спасеніе. Ему слава во вѣки, аминь.

П О У Ч Е Н І Е 45.

Важность для Христіанъ науки божественной.

*Господи благослови!
Размышляй въ повелѣніихъ Господнихъ,
и въ заповѣдяхъ Его поучайся присно.
(Сир. 6: 37).*

Вотъ, братіе, какое намъ наставленіе даетъ Премудрый Наставникъ! Вотъ въ чемъ велитъ намъ упражняться. Велитъ упражняться въ размышленіи о томъ, что повелѣлъ намъ Богъ, и въ изученіи того, что заповѣдалъ Онъ намъ,—да и какъ упражняться? *Присно*, непрестанно, предоставляя все время наукъ божественной, какъ бы нѣтъ и не должно быть для человѣка другихъ наукъ, кромѣ науки божественной. Да вѣдь въ такомъ же смыслѣ проповѣдывалъ и училъ и Самъ Спаситель нашъ Господь. Марѣѣ, которая заботилась только объ угощеніи Спасителя, и съ неудовольствіемъ отзывалась предъ Нимъ о сестрѣ своей Маріи, внимательно слушавшей божественное ученіе Его, что Онъ сказалъ?—*Марѣо, Марѣо, печишися и мовиши о мнози; едино же есть на потребу* (Лув. 10, 41). Немудрено, братіе, что Господь и намъ сказалъ бы то же, что и Марѣѣ, смотря на наши чрезмѣрныя заботы о образованіи себя въ наукахъ мірскихъ, и на наше нерадѣніе о просвѣщеніи себя ученіемъ божественнымъ. Сказалъ бы намъ: вы заботитесь о внѣшнемъ образованіи, и многое, многое хотите знать, руководствуясь своимъ естественнымъ разумомъ, а необходимо для васъ преимущественно образованіе духовное, Христіанское, необходимо вамъ одно спасеніе, достигать котораго вы должны поученіемъ въ законѣ Божіемъ и уразумѣваніемъ воли Божіей, внимая откровенному Слову Божію. Значить, братіе, ученіе божественное, ученіе Христіанской вѣры,

познаніе откровенныхъ тайнъ Божіихъ—есть первый, существенный предметъ нашего образованія, Законъ Божій, въ словѣ Божіемъ и въ правилахъ Церкви изображенный—есть важнѣйшая наука, въ которой Христіане должны почти исключительно упражняться, чтобы быть *совершенными Божіими людьми, на всякое благое дѣло уготованными* (2 Тим. 3: 17).

„А что же образованіе человѣческое“, скажутъ, конечно, ревнители мудрости человѣческой? „Развѣ не нужны намъ разныя другія познанія? Развѣ бесполезны науки? Развѣ мало доставилъ и доставляетъ намъ свѣдѣній, мало сдѣлалъ и дѣлаетъ открытый разумъ человѣческій самъ по себѣ?“ Не скажемъ того, что познанія не нужны; не скажемъ и того, что науки бесполезны: но не сомнѣваемся утверждать, что не всякія познанія нужны и не всякая наука полезна. Соглашаемся и на то, что разумъ человѣческій прибрѣлъ много познаній, сдѣлалъ много открытій въ области природы, да всѣ ли познанія его истинны, всѣ ли открытія его полезны? Важное, на примѣръ, открытіе разумъ сдѣлалъ въ устройствѣ міра, дознавъ по наблюденіямъ и соображеніямъ своимъ движеніе земли: чтожъ изъ этого? Много столѣтій и тысячелѣтій вѣрили, что солнце обращается около земли, а вакой былъ отъ этого вредъ для человѣческаго рода? Никакого. Нынѣ вѣрятъ иначе, и какаѣя отъ того польза? Никакой. Не отвергаемъ истины и даже достоинства многихъ познаній, до которыхъ дошелъ усиленный разумъ человѣческій; охотно допускаемъ, что онъ и въ древнія и новыя времена не мало сдѣлалъ открытій, удачно подсмотрѣлъ сокровенныя силы природы, и частію воспользовался ими къ удобству и наслажденіямъ человѣка во временной жизни. А что онъ выработалъ собственно для духовной пользы человѣка? Какія существенно необходимы и полезныя познанія сообщилъ человѣку? Довелъ ли онъ человѣка до познанія Бога? Показалъ ли начало, причину и цѣль бытія міра? Объяснилъ ли человѣку самого человѣка? Много, правда, настроилъ онъ предположеній, много составилъ мнѣній, да каковы они? Казалось бы, въ видимой природѣ уже не трудно дойти до истины; тутъ очевидны слѣды премудрости и силы Божіей. *Богъ не свидѣтельствована Себе остави* (Дѣян. 14: 17), *невидимая Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть* (Рим. 1: 20), *и небеса повѣдаютъ намъ славу Божію* (Пс. 18: 1). Что же разумъ нашъ? Увидѣлъ ли онъ невидимое Божіе? Услышалъ ли небесный глаголь славы Божіей? Уразумѣлъ ли чрезъ природу Творца природы, Его *присносущную силу, премудрость, благодать и божество*? (Рим. 1: 20).

Не часто ли было и бываетъ противное тому? Не часто ли онъ, смотря на тварь, не видитъ Творца, и въ ослѣпленіи своемъ въ горячности говоритъ: *нѣсть Богъ?* (Пс. 12: 1). Не часто ли онъ, замѣчая въ природѣ постоянный и неизмѣнный порядокъ, по которому *вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. 3: 4), провозглашаетъ міръ сей самосущимъ и вѣчнымъ? Не часто ли онъ, разсматривая человѣка со стороны тѣлесной, животной, дѣлаетъ о человѣческомъ родѣ такой приговоръ: *самослучайно рождени есмы, и по семъ будемъ, якоже не бывше* (Прем. 2: 2), *случай сыновъ человѣческихъ, и случай скотскій, случай единъ имъ, якоже смерть того, тако и смерть сего, и духъ единъ во всѣхъ* (Еккл. 3: 19), и на этомъ основаніи не часто ли даетъ намъ такое правило: *да ямы и ніемъ, утръ бо умремъ?* (Исаія 22: 13). Скажите, не разумъ ли самое просвѣщеніе наше нерѣдко омрачаетъ своимъ темнымъ свѣтомъ, и увлоняя человѣка отъ свѣта божественнаго, ведетъ его прямо къ печестію и безбожію. Древній міръ представилъ намъ на это много примѣровъ, а не наше время, хвалящееся просвѣщеніемъ, къ прискорбію, не мало представляетъ подобныхъ печальныхъ опытовъ. Что сдѣлалъ разумъ человѣческій и въ области вѣры? По свойственной ему кичливости, онъ пытался входить и туда, не отрекался быть судіею и въ духовныхъ дѣлахъ Божіихъ, присвоилъ себѣ способность и право разсматривать и опредѣлять догматы вѣры и правила жизни Христіанской, и что же произвелъ? Ереси, расколы, раздѣленіе стада Христова, взаимную вражду Христіанъ, словомъ, возмутилъ Церковь Божію, и многихъ, премногихъ лишилъ спасенія. Вотъ плоды дѣятельности нашего разума! Плохой, какъ видите, братіе, руководитель и наставникъ — нашъ разумъ. Опасно намъ вѣряться его водительству. — Да и долженъ ли онъ быть нашимъ руководителемъ и наставникомъ? У насъ есть живое слово Божіе. Намъ открылъ истину и волю Свою Самъ Богъ. Неужели разумъ лучше и вѣрнѣе можетъ учить насъ, чѣмъ слово Божіе? Ежели такъ: что значитъ наша вѣра, почему мы и Христіане? Нѣтъ! Пусть руководствуются разумомъ язычники, невѣдующіе Бога, — это ихъ собственно наставникъ; а у насъ, Христіанъ, наставникъ *Богъ, древле глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдохъ дній глаголавый намъ въ Сынъ* Своемъ (Евр. 1: 1, 2). *Мы умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2: 16), *слово Христово* (Евр. 3: 16), слово истины, проглаголанное намъ Духомъ Святымъ. Не совсѣмъ нужны намъ и познанія, какими награждаетъ насъ, и которыми гордится естественный нашъ разумъ. Я говорю съ Христіанами, а Христіанамъ что существенно

необходимо, какъ не то, чтобы знать Бога. Его спасительныя тайны, и Его божественный Законъ? На что Христіанамъ *мірская мудрость*, которую Святое слово Божіе называетъ *буйствомъ у Бога?* (1 Кор. 3: 19). Вѣдь не спросятъ съ насъ того, разсматривали ли мы, напримѣръ, вселенную; считали ли, измѣряли ли, описывали ли тѣла небесныя, знали ли устройство земли, на сколько отстоитъ она отъ солнца, какъ и по какимъ законамъ совершаетъ движеніе, сколько родовъ тварей, какаѣ каждаго существа природа, свойство и видъ, и проч., нѣтъ, не спросятъ ничего такого, а спросятъ, знали ли мы то, что намъ повелѣно, что возвѣстилъ намъ Богъ въ откровенномъ словѣ Своемъ, что заповѣдала намъ Святая Церковь; знали ли то, что относится къ нашему спасенію и къ достиженію вѣчной, разумнымъ тварямъ уготованной жизни. Вотъ, слѣдовательно, какія нужны намъ познанія; нужно намъ знать то, что касается Христіанскаго нашего званія, и чѣмъ достигается наше спасеніе; нужно намъ знать то, что отерылъ, и что повелѣлъ творить намъ Богъ. *Яже ти повелѣнна сія разумѣвай* (Сирах. 3: 21), говоритъ премудрый наставникъ.

„Такъ на что же у насъ разумъ“, скажутъ пожалуй опять любители земной мудрости, „развѣ онъ долженъ быть празденъ, бездѣйственъ, мертвъ?“ Нѣтъ. Его дѣло *размышлять* о томъ, что открыто намъ отъ Бога, его дѣло *разумѣвать* то, что повелѣлъ намъ Богъ. *Размышляй*, сказано человѣку, *разумѣвай яже ти повелѣнна*. Безъ пытливости, безъ кичливости, съ вѣрою и благоговѣніемъ разумъ нашъ долженъ внимать тому, что говоритъ *Богъ разумовъ* (1 Цар. 2: 3), разумѣвать то, что открываетъ намъ Слово Божіе, и, на основаніи Слова Божія, содержитъ Святая Церковь. Пусть онъ для предметовъ духовныхъ будетъ то же, что наши глаза для предметовъ чувственныхъ. Вѣра во свѣтѣ откровенія Божія показываетъ намъ дѣла и тайны Божіи,—пусть онъ смотритъ, вникаетъ, соображаетъ и уразумѣваетъ, сколько можно, эти великія и дивныя дѣла и тайны Божіи. А есть на что посмотреть въ благодатномъ Царствѣ Божіемъ; есть о чемъ подумать, есть чему поучиться. Земная мудрость полагаетъ, что область вѣры слишкомъ тѣсна, и работы для разума человѣческаго тутъ очень мало. Напрасно. Изучайте, уразумѣвайте міръ невидимый. Познавайте Бога, Его божественныя свойства, Его божественную славу; познавайте Небесное Царство Божіе и обитающихъ въ немъ бессмертныхъ Духовъ, ихъ свойства, дѣла и блаженство; познавайте великія и чудныя дѣла Божіи въ сотвореніи и искупленіи человѣка, милостивое

нашего ради спасенія сошествіе и вочеловѣченіе Сына Божія, Его страданіе и смерть, Его воскресеніе и вознесеніе, и будущее славное пришествіе. Познавайте благодатное Царство Божіе, Церковь Христову, ея богоучрежденныя таинства, сообщающія намъ духовныя дары Божіи, ея спасительныя установленія, устрояющія наше вѣчное спасеніе. Изучайте, уразумѣвайте міръ видимый. Познавайте виновника бытія его и вседержительный въ немъ промысль Творца; созерцайте въ тваряхъ его, великихъ и малыхъ, всемогущество, премудрость и благость Божію; взирайте на будущую перемѣну его въ явленіи новаго неба и новой земли. Изучайте, уразумѣвайте челоуѣка. Познавайте его начало и происхожденіе, первобытное совершенство и блаженство, паденіе и зараженіе грѣхомъ; познавайте свою растлѣнную природу, свой умъ—источникъ всякихъ суетныхъ помысловъ, свое сердце—бездну лукавыхъ похотей и страстей, свою плоть—служительницу всѣхъ преступныхъ и богопротивныхъ дѣлъ; познавайте конецъ временнаго живота, смерть, разрушеніе и будущее облеченіе тлѣннаго въ нетлѣніе, и смертнаго въ безсмертіе. Изучайте, уразумѣвайте законъ Божій. Не думайте, что онъ слишкомъ не многосложенъ и кратокъ. Нѣтъ. *Заповѣдь* Господня, въ духѣ своемъ, въ видахъ своихъ, въ приложеніи своемъ къ опыту и жизни, *широка зѣло* (Ис. 118: 96). По Евангелію, которымъ распространень, разъясненъ и возвышенъ древній Законъ, мы должны всѣ мысли, намѣренія, желанія, чувства и дѣла поставить въ соотвѣтствіе воли Божіей, должны не только стать противу грѣха, но и возвыситься на добродѣтель, не только избѣгать безчисленныхъ, великихъ и малыхъ, явныхъ и тайныхъ беззаконій, но и подвизаться во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Вотъ сколь обширна область Христіанскаго вѣдѣнія. Тутъ бездна премудрости. Глубины разума Божія не исчерпать и всему челоуѣческому роду. Посему изученіе, уразумѣваніе таинъ Божіихъ, дѣлъ Божіихъ и воли Божіей должно быть для Христіанина дѣломъ постояннымъ, обязанностію непремѣнною. *Въ сихъ*, писалъ Св. Апостоль Павелъ къ Тимоѣю, *въ сихъ*, т. е. божественныхъ Писаніяхъ, *поучайся, въ сихъ пребывай, въ сихъ разумвай* (1 Тим. 4: 15). *Слово Христово*, писалъ онъ же Колосскимъ Христіанамъ, *да вселяется въ васъ богато, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ* (Кол. 3: 16).

Вотъ что знать нужно намъ, братіе; нужно знать то, что Богъ открылъ намъ, что знать и исполнять намъ повелѣлъ. Вотъ какая наука необходима для насъ — наука божественная. Къ прискорбію, это-то знаніе, эта-то наука болѣе всего и оставляется у

насъ. Свѣтское образованіе, науки мірсія нынѣ до того занимають насъ, что для образованія духовнаго, для познанія вѣры и Закона Божія, не остается ни вниманія, ни расположенія, ни даже времени. Едва не всякое ученіе, хотя бы маловажное, не обѣщающее пользы даже для жизни временной, считается у насъ потребностію, — одно ученіе божественное остается безъ вниманія, какъ будто не нужное, развѣ только слушаютъ его въ школахъ, кратко притомъ, временно, и по большей части какъ бы для приличія. Хорошо ли, братіе, это? По Христіански ли такъ поступаемъ мы? Пусть въ общежитіи, для жизни временной потребны нѣкоторыя и другія науки: но вѣдайте, что первая, важнѣйшая и, можно сказать, единственная наука есть наука божественная, знаніе святаго вѣры, тайнъ Божіихъ, чудныхъ дѣлъ Божіихъ, спасительныхъ заповѣдей Божіихъ, знаніе того, что составляетъ и чѣмъ достигается спасеніе наше. Помните слова Христовы, что это именно есть *единое на потребу*. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 46.

Важность и необходимость науки добродѣтели.

Господи благослови!

Научитесь добро творити.
(Исаія 1: 17).

Уто, братіе, — есть ли такія училища, въ которыхъ преподавалась бы наука *добро творити*? Господь Богъ, какъ слышите повелѣваетъ намъ учиться добро творить. *Научитесь*, говоритъ устами Пророка, *добро творити*. Есть ли, говорю, такія училища? Училищъ наукъ и знаній, извѣстно, у насъ много, много. Есть ли училища добродѣтели? Учатъ ли насъ добродѣтельной, Христіанской жизни? Правда, въ составъ воспитанія входитъ попеченіе и о нравственности, въ числѣ наукъ состоитъ и Законъ Божій, высочайшая наука добродѣтели. Но воспитаніе относительно нравственности по большей части ограничивается однимъ внѣшнимъ очищеніемъ и облагораживаніемъ человѣка, и Законъ Божій преподается тожѣ, какъ наука, сообщающая только познаніе уму человѣка. А одно внѣшнее образованіе и усовершенствованіе человѣка еще не есть достоинство, равно какъ одно знаніе добрыхъ дѣлъ не есть добродѣтель. Отъ познанія до дѣла далеко. Можно много знать и *малолатъ*, и не-

творить (Матѣ. 23: 3). Въ этомъ нельзя сомнѣваться. Это мы видимъ на себѣ и въ своей собственной жизни. Много нынѣ знаній, обширно у насъ просвѣщеніе въ сравненіи съ временами нашихъ предковъ, а добродѣтелей у насъ, по правдѣ сказать, далеко меньше, чѣмъ сколько было у нихъ. Кто изъ насъ не знаетъ, напримеръ, что мирно и въ согласіи жить хорошо и Богу пріятно, да всегда ли мы такъ дѣлаемъ? Кому неизвѣстны вообще добрыя дѣла и Христіанскія обязанности, да охотно ли, и часто ли мы ихъ исполняемъ? Большая, братіе, разница знать и творить. Хорошо и знать добро, еще лучше умѣть творить добро, но этого мало, это еще почти ничто. Знаніе только способъ, указаніе добродѣтели, а не самая добродѣтель. Господь не говоритъ: „научитесь знать, *отдать* добро творити“, а „научитесь добро творити“. Видите, Онъ требуетъ самага дѣла, самой добродѣтели, повелѣваетъ намъ учиться *творить добро* на самомъ дѣлѣ, быть дѣйствительно добродѣтельными, истинными Христіанами.

Знаемъ, что у насъ высоко цѣнятся познанія, и все вниманіе обращается на пріобрѣтеніе познаній; знаемъ, что достоинство человѣка почти исключительно поставляется въ обширности и многосторонности его познаній, да справедливо ли это? Что намъ въ однихъ нашихъ познаніяхъ? Вѣдь познаніе безъ добродѣтели то же, что и вѣра безъ дѣлъ. А вѣра безъ дѣлъ какова? Она, по Апостолу, *мертва* (Іаков. 2: 26). Мертвы, безплодны, бесполезны и знанія безъ исполненія познаваемого на дѣлѣ. *И бл҃ги вѣрують* (Іаков. 2: 19), говоритъ Апостоль, да дѣлаютъ ли добро? И эти отверженные души обладаютъ познаніями еще гораздо обширнѣйшими, нежели до какихъ можетъ дойти человѣкъ, да какая въ томъ польза, когда они всегда только пребываютъ во злѣ? Пріобрѣсть человѣку познаніе, и оставить оное безъ исполненія на дѣлѣ то же, что посмотрѣться въ зеркало; отошелъ, — и забылъ себя. *Аще кто есть слышатель слова, а не творецъ, таковъй уподобися мужу смотрящю лице бытія своего въ зеркаль; усмотри бо себе и отъиде, и абіе забы, каковъ бѣ. Бывайте творцы слова, а не точю слышатели* (Іаков. 1: 23, 24, 22), говоритъ Апостоль Іаковъ. Ибо, по свѣдѣтельству Апостола Павла, *не слышателие закона праведни предъ Богомъ, но творцыи закона, сіи оправдятся* (Рим. 2: 13). *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите яже глаголю* (Лук. 6: 46) упрекаетъ и Самъ Іисусъ Христосъ вѣдущихъ Бога и не исполняющихъ закона Его. Что намъ въ однихъ нашихъ познаніяхъ? Вѣдь мы съ ними, безъ добрыхъ дѣлъ, ровно ничего не сдѣлаемъ

для своего спасенія. *Слышавый слова Моя, говоритъ Спаситель, и не сотворивый, подобенъ есть человеку создавшему храмину на земли безъ основанія: къ ней же припаде рѣка, и абіе падеся, и бысть разрушеніе храмины тоя велие* (Лук. 6: 49). Что я говорю? Еще прибавимъ себѣ грѣховъ, увеличимъ свое осужденіе. *Въдущему добро творити, и не творящему, — грѣхъ ему есть* (Іаков. 4: 17), говоритъ Апостоль. *Рабъ, говоритъ и Спаситель, вѣдѣвый волю господина своего и не сотворивъ по воли его, бѣенъ будетъ мною* (Лук. 12: 47). Такъ вотъ, братіе, что значать познанія безъ добрыхъ дѣлъ. Сколь бы обширны и блистательны ни были эти познанія, но безъ добрыхъ дѣлъ не принесутъ они Христіанамъ никакой пользы. *Царство Божіе не въ словеси, но въ силѣ* (1 Кор. 4: 20); Христіанство не въ умѣ и не на словахъ, а на дѣлѣ. Лучше мало знать, да много дѣлать. Судить насъ стануть не по познаніямъ нашимъ, а по дѣламъ (Матѳ. 16: 27. Рим. 2: 6). Царство Небесное отверзто будетъ только для добродѣтельныхъ и праведныхъ, для исполнителей воли Божіей. Только они услышатъ въ послѣдній день такое вождѣлвное воззваніе: *блаженнн творящн заповѣди братнн, да будетъ область имъ на древо животное, и враты внидутъ во градъ Божій* (Апок. 22: 14). А тѣмъ, которые, и при великихъ необычайныхъ познаніяхъ, окажутся безъ добрыхъ дѣлъ, скажетъ Самъ Господь на послѣднемъ судѣ Своемъ: *николиже знахъ васъ; отгидите отъ Мене дѣлающн беззаконнн* (Матѳ. 7: 23). Дѣла, дѣла, братіе, въ духѣ Христіанскаго благочестія, а не одни познанія, добрыя дѣла нужны Христіанину. Они составляютъ истинное достоинство его; посредствомъ ихъ человѣкъ дѣлается чистымъ, святымъ и угоднымъ Богу. Ими онъ поставляетъ Бога, и самъ прославляется предъ людьми. *Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоѣпки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5: 16), говорилъ ученикамъ Своимъ Самъ Господь.

Итакъ видите, братіе, потребность, важную, существенную потребность — творить добро. А сколь необходимо намъ быть добродѣтельными, столь же слѣдовательно необходимо намъ учиться добродѣтели. *Научитесь добро творити*. Гдѣ же таія училища? Гдѣ училища добродѣтели? Есть ли они? Такихъ училищъ, подобныхъ училищамъ наукъ и знаній, кажется, нѣтъ, или почти нѣтъ. Такое училище есть собственный каждаго опытъ, такая наука есть жизнь наша. Тогда будемъ учиться добродѣтели, когда станемъ стараться быть добродѣтельными, жить по-христіански. Дѣло у насъ будетъ

и наукой. Примѣръ этому нѣкоторымъ образомъ показалъ Самъ Господь, соединивъ Свое божественное ученіе съ благотвореніемъ роду человѣческому, и самыми дѣлами человѣколюбія и милосердія засвидѣтельствовавъ о Себѣ, какъ объ Искупителѣ міра. Св. Апостоль и Евангелистъ Лука именно выразился о Христѣ, что Онъ *творилъ и училъ* (Дѣян. 1: 1). Примѣромъ добродѣтельнаго самоученія безчисленное множество представляютъ намъ Христіанскіе пустынники, которые собственнымъ опытомъ изучили науку добродѣтели и сдѣлались прекрасными образцами благочестія и святости для всего Христіанскаго міра. Да, братіе. Опытъ, собственное дѣланіе—самая лучшая наука. Какъ она понятна намъ, какъ вліятельна на насъ, какъ памятна для насъ. Это не то, что школьные уроки, которые скоро забываются, или оставаясь въ одномъ умѣ, слабо и даже вовсе не дѣйствуютъ на нашу волю. Сами мы должны быть и нашими учителями. Ежели нужны въ этомъ дѣлѣ какія пособія, въ родѣ какъ бы нѣкоторыхъ учебниковъ, то вотъ они. *Первое*, будемъ чаще ходить въ церковь. Тутъ источникъ святости. Вознося молитву къ Богу, взаимно будемъ получать и благодать отъ Богу, наставляющую, побуждающую и укрѣпляющую насъ на всякое благое дѣло. Внимательно и съ открытою душею будемъ слушать въ церкви и дома читать божественное Писаніе, богомудрыя поученія Отцовъ Церкви. *Второе*, будемъ взирать на примѣры добродѣтельной жизни въ лицѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Для этого полюбимъ чтеніе житій святыхъ, подражая благочестивымъ нашимъ предкамъ, у которыхъ божественное писаніе и книги житій святыхъ были единственнымъ любимымъ и всегдашнимъ чтеніемъ, и которые потому самому были, при маломъ просвѣщеніи, высоко благочестивыми и добродѣтельными. *Третье*, будемъ *внимать себѣ* (Дѣян. 20: 28), будемъ обращать вниманіе на себя, замѣчать свои мысли, намѣренія и дѣла, имѣть заботу и попеченіе о себѣ, помнить свое призваніе и свое предназначеніе и стараться жить по Христіански, обогащаться добродѣтелями, *да позвавшему вы святому, и сами святы во всемъ житіи будемъ* (1 Петр. 1: 15), *да славится и въ насъ Богъ Исусъ Христомъ* (1 Петр. 4: 11). *Того бо есмь твореніе, созданы во Христв на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ* (Ефес. 2: 10). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 47.

Достоинство, сила и величіе смиренія.

Господи благослови!

*Научитесь отъ Мене, яко кротокъ
есмь и смиренъ сердцемъ.*

(Матѣ. 11: 29).

Уотите ли, братіе, видѣть силу въ бесиліи, славу въ безславіи, величіе въ униженіи? Посмотрите на Христіанскую добродѣтель—смирение. Тутъ вы увидите все—чудное сочетаніе и блистательное проявленіе въ маломъ великаго, въ низкомъ высобаго.

Смирение есть сила Божія. Смирение чудеса творить. Оно волковъ обращаетъ въ агнцевъ, злодѣевъ дѣлаетъ благодѣтелями. Чѣмъ побѣждается врагъ? Смирениемъ. Исавъ, озлобленный на брата своего Іакова за восхищеніе благословеній первородства, расположился противъ него, какъ врагъ, съ силою, когда Іаковъ возвращался отъ тестя своего въ отчизну; но Іаковъ, при встрѣчѣ съ Исавомъ, показалъ предъ нимъ глубочайшее смиреніе и покорность,—и братья сдѣлались искренними и доброжелательными другъ ко другу. Чѣмъ укрощается гнѣвъ? Смирениемъ. Ничто такъ не укрощаетъ ярости человѣка, ничто такъ не прекращаетъ ссоръ, взаимныхъ раздоровъ и распрей, какъ молчаніе, уступчивость и покорность. Смирение въ этомъ разѣ точно вода. Какъ водой заливается огонь: такъ смирениемъ погашается гнѣвъ и ярость. Чѣмъ заглаживается преступленіе и виновность? Смирениемъ. Никакія оправданія, никакія просьбы, никакія ходатайства такъ не сильны даровать помилованіе виновному, какъ собственное признаніе и раскаяніе виновнаго, собственное его смиренное испрашиваніе прощенія. Подпалъ нѣкогда страшному гнѣву императора Римскаго Антіохійскій народъ за возмущеніе и оскорбленіе чести царя и ожидалъ себѣ смерти и разрушенія своего города. Въ этомъ бѣдственномъ обстоятельстве рѣшился быть ходатаемъ у царя за народъ Архіепископъ Антіохійскій Флавіанъ, и явился къ царю. Что же онъ дѣлаетъ? Только молчитъ предъ царемъ, и плачетъ. Такое смиреніе тронуло царя, и было причиною умилостивленія его и отмѣны казни виновныхъ. И кому изъ насъ не извѣстно могущество смиренія? Кто не испыталъ на себѣ дивной силы его? Кого не плѣняетъ смиренный? Кого не располагаетъ въ себѣ, чьимъ сердцемъ не овладѣваетъ смиренный? Смирение все покрываетъ, всѣ немощи и недостатки заглаживаетъ, всякія

преступленія смягчаетъ. Смирннаго всѣ любятъ, къ смиренному всѣ привязаны, для смиреннаго всѣ готовы быть друзьями и благодѣтелями. Такъ и Господь. Ему ничто такъ не дорого, какъ смиреніе наше. Онъ никого такъ не любитъ, какъ смиренныхъ, ни на кого съ такую любовію не взираетъ, какъ на смиренныхъ, никому такой милости не являетъ, какъ смиреннымъ. *На кого возрю, говоритъ Опъ у пророка, токмо на кроткаго и молчаливаго, трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаія 66: 2). Предъ Господомъ высокую цѣну имѣютъ всѣ дѣла благочестія и всѣ добродѣтели смиренныхъ, и молитва, и покаяніе, и постъ, и милостыня. Онъ милостивѣе въ самымъ немощамъ и паденіямъ смиренныхъ. Ему пріятнѣе смиренный грѣшникъ, какъ мытарь, нежели гордый праведникъ, какъ фарисей. Онъ, по свидѣтельству Писанія, *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Прит. 3: 34).

Смиреніе есть слава Божія. Оно возноситъ человѣка и предъ людьми, и предъ Богомъ. Повидимому, въ смиреніи одно униженіе, одно безславіе, но въ этомъ-то безславіи и слава, въ этомъ-то униженіи и возвышеніе и величіе. И самъ не понимаешь, для чего и за что, а чтить смиреніе и смиренныхъ. И чѣмъ смиреннѣе человѣкъ, тѣмъ почетнѣе и славнѣе; чѣмъ ниже и скромнѣе себя ведетъ, тѣмъ выше становится въ глазахъ нашихъ. Видишь, напримѣръ какого либо великаго человѣка, любезно и дружественно обращающагося съ меньшими, и въ тебѣ невольно рождается расположеніе, уваженіе къ нему, даже удивленіе его смиренію и снисходительности. Или, если какой многоученый мужъ, или начальникъ, выслушавъ здравое сужденіе другихъ, хотя бы не многоученыхъ или подчиненныхъ, уступить имъ, и согласится съ ними,—чтожь? Потерялъ онъ, думаете, свое достоинство и честь? Унизилъ себя во мнѣніи другихъ? Нимало, а еще болѣе возвысилъ себя, еще болѣе показалъ себя разумнымъ и великимъ. Таково достоинство смиренія! Самъ Богъ возноситъ и прославляетъ смиренныхъ. Онъ *возноситъ избранныхъ отъ людей Своихъ* (Ис. 88: 20), *низлагаетъ сильныхъ даже съ престолъ, и возноситъ смиренныхъ* (Лук. 1: 52). Взялъ Онъ нѣкогда отъ скромной доли пастыря овецъ, и посадилъ на престолъ Израилю Давида, меньшаго сына Исеева—за что? За смиреніе. *Господи, не вознесеса сердце мое, ниже вознесостеса очи мои, ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене* (Ис. 130: 1), такъ самъ Давидъ исповѣдывался предъ Богомъ. Избралъ опять Господь въ Матерь Единородному Сыну Своему Препоблагословенную Дѣву Марію—за что? За смиреніе. *Призрѣ на смиреніе рабы Своея, и*

сотвори мнѣ величіе Сильный (Лук. 1: 48, 49), такъ свидѣтельствовала о себѣ Сама Пренепорочная Дѣва и Матерь Господа нашего. А сколько въ божественномъ Писаніи свидѣтельствъ о достоинствѣ смиренія, сколько славныхъ обѣтованій и увѣщаній въ этой высокой добродѣтели! *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50: 19), *смиранныя духомъ спасетъ* (Пс. 33: 11), говоритъ Давидъ. *Смиряться, вознесетъ* (Лук. 14: 11), говоритъ почасту въ Евангеліи Господь. *Смиритесь предъ Господемъ, и вознесетъ вы* (Іак. 4: 10), *смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время* (1 Петр. 5: 6), говорятъ намъ Святые Апостолы.

Не такъ, конечно, разсуждаетъ міръ и плоть наша. По ихъ понятію, сила и высота человѣческая въ надменіи и гордости. Тотъ у нихъ высокъ и славенъ, кто выше стоитъ другихъ, величается своими внѣшними преимуществами, съ презрѣніемъ часто смотритъ на окружающую среду, кто во всѣхъ словахъ и поступкахъ своихъ хочетъ сказать: *нѣсть, якоже прочіи челоуцы* (Лук. 18: 11). Повидимому такъ и бываетъ. Наружно, по необходимости, по долгу подчиненности, по страху дѣйствительно и чтутъ таковыхъ превозносящихся, и высящихся, да то ли у нихъ на душѣ и на сердцѣ? О, какъ гнусно это величіе! Какъ ненавистны такіе великіе и славные! А какіе еще послѣдствія этой богопротивной высоты? Куда ведетъ человѣка собственное превозношеніе и гордость? Примѣры на это очевидны и ясны. Ангелъ, высокій и свѣтлый по природѣ, возгордился, возмечталъ, — и низвергся съ неба въ преисподнюю. Прародители наши плѣнились предложеніемъ имъ высшаго блаженства и высшей славы. — и оказались внѣ рая, лишеныя и того блаженства и той славы, которыми обладали. Такова гордость. Она сама осуждаетъ себя, и сама свидѣтельствуесть объ истинномъ достоинствѣ, объ истинной силѣ и славѣ смиренія.

Братіе! Мы Христіане, и поэтому самому должны быть смиренными. Смиреніе—собственно Христіанская добродѣтель. Смиреніе—основаніе вѣры и душа добродѣтелей. *Безъ вѣры не возможно угоудити Богу* (Евр. 11: 6), а безъ смиренія нельзя имѣть вѣры. Какая будетъ наша вѣра, ежели мы смиреніемъ не укротимъ своего разума, который *кичитъ* (1 Кор. 8: 1), и не *плънимъ его въ послушаніе Христова*? (2 Кор. 10: 5). Какое будетъ у насъ благочестіе, и какія добрыя дѣла, какъ скоро они не будутъ одушевлены смиреніемъ и усердіемъ къ Богу? Безъ смиренія благочестіе наше будетъ не лучше фарисейскаго; безъ смиренія, по одному человѣческому

разсчету, съ гордостію и надменіемъ, и самыя добрыя дѣла, даже великіе подвиги наши будутъ скверною предъ Богомъ. *Еже есть въ человѣчьхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ* (Лув. 16: 15), сказалъ Господь. Смиренію поучаетъ насъ Самъ Господь и Спаситель нашъ Христосъ и словомъ Своимъ, и примѣромъ Своимъ. *Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, говоритъ Онъ намъ. А какой показалъ примѣръ смиренія? *Богъ богатъ сый, обнищавъ насъ ради* (2 Кор. 8: 9), сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ, и будучи истиннымъ Сыномъ Божиимъ, всегда именовалъ Себя только Сыномъ человѣческимъ,—родился и жилъ, не какъ знаменитый и славный въ своемъ народѣ, а какъ одинъ изъ обыкновенныхъ простыхъ и бѣдныхъ людей, терпѣлъ униженіе и презрѣніе отъ премудрыхъ и славныхъ міра, и умеръ необычною смертнымъ, а подобно злодѣю, бѣдственной и позорною смертію. Все это претерпѣлъ Господь не неволю, а собственнымъ Своимъ произволеніемъ, смиренія ради крайняго,—и для чего? Для спасенія рода человѣческаго. *Не прииде Сынъ человѣческій, да послужитъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѹ. 20: 28). Зато теперъ, какъ Богочеловѣкъ, царствуетъ во славѣ божества, предъ Нимъ поклоняется, и имя Его превозноситъ всяко волѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ. *Смиривъ Себе, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* (Филип. 2: 8, 8), говоритъ о Немъ Апостоль. Вотъ какой плодъ и конецъ смиренія Иисусова! Смиреніемъ Онъ спасъ міръ и человѣчество, соединенное съ Божествомъ, въ Своемъ божественномъ лицѣ превознесъ *превыше всякаго начальства и власти и сила и господства, и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ* (Ефес. 1: 21). Видите ли, братіе, достоинство, силу и высоту смиренія? Будемъ, будемъ и мы смиренными, подражая своему Спасителю и Господу, и Господь Спаситель нашъ не только подастъ намъ благодать избавленія и спасенія, но и вознесетъ насъ во время, въ Царство Небеснаго блаженства и славы. Вѣрно вѣдь слово Писанія: *смираннымъ Господь дасть благодать*. Непреложно слово и Самого Господа: *смиривъ себе вознесетъ*. Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 48.

Необходимо нужно намъ спасаться.

Господи благослови!

Спаситесь.
(Дѣян. 2: 40).

А для Христіанъ разумныхъ, хорошо понимающихъ и съ убѣжденіемъ приемлющихъ Богооткровенное ученіе, внимательныхъ къ себѣ, и попечительныхъ о будущемъ, такое увѣщаніе Апостола не покажется страннымъ. Вѣдь и сами они это дѣлаютъ; сами они просятъ отъ Бога спасенія себѣ, говорятъ: „спаси насъ, Господи“, сами они желаютъ спасенія и другимъ, говорятъ: „спаси васъ, Господи!“ А Христіане только по имени, безъ познанія своей вѣры, или безъ убѣжденія въ истинѣ ея, Христіане, живущіе для міра и плоти, имѣющіе въ виду одно земное и временное, и о будущемъ не помышляющіе, слыша это увѣщаніе, могутъ придти въ недоумѣніе, могутъ подумать: „да отчего-же намъ спасаться? Несчастіе какое, что ли, или бѣда какая угрожаетъ намъ? Спасаются обыкновенно отъ какого либо внезапнаго бѣдствія и пагубы. Вотъ, еслибы грозило намъ какое либо большое наводненіе, или какой страшный пожаръ, то было бы дѣло другое. А то ничего подобнаго нѣтъ, все въ насъ и около насъ мирно и благополучно; чего же избѣгать, отъ чего спасаться намъ?“

Такъ, братіе, думали люди и перваго міра. Они жили только плотію, строились, воздѣлывали землю, покупали, продавали, женились, замужъ выходили, ѣли, пили, веселились, и не смотря на увѣщанія праведнаго Ноя, не заботились болѣе ни о чемъ. Что же вышло? Всѣ какъ нераскаянные грѣшники, погибли. Послалъ Богъ на всю землю потопъ, и ни одного кромѣ праведнаго Ноя съ семействомъ не осталось въ живыхъ. Такъ же точно думали и жители Содома и Гоморры. И они жили подобно людямъ допотопнымъ. Какой-же былъ конецъ? Послана отъ Бога казнь на незаконные города и нечестивыхъ жителей. Небесный огонь упалъ и истребилъ и города, и людей, кромѣ праведнаго Лота съ дочерьюми. Вотъ какъ неожиданно могутъ постигнуть насъ бѣды и казни отъ Бога, могутъ погубить насъ и вода и огонь. Скажутъ: „это уже было, и давно прошло. Нынѣ ничего такого нѣтъ,—да, думать надо, и не будетъ“. Будетъ, братіе, будетъ. Пошлетъ Богъ на землю еще потопъ, и уже не водный, а огненный,—сгоритъ весь незаконный міръ и низри-

нутя въ потопъ огненный нечестивые грѣшники. *Се Господь, яко онь, придетъ; онемъ Господнимъ судитися будетъ вся земля* (Исаія 66: 15, 16), сказалъ Пророкъ. *Одождитъ на грѣшники съти; онь и жупель, и духъ буренъ, часть чаши ихъ* (Пс. 10: 6), говоритъ Псалмопѣвецъ. *Во огни пламеннъ будетъ отмщеніе невѣдущимъ Бога и непослушающимъ благовѣствованія Господа нашего Иисуса Христа* (2 Сол. 1: 8), говоритъ Апостоль. *Нынѣшняя небеса и землю огню блодома на день суда и погибели нечестивыхъ человекъ* (2 Петр. 3: 7), говоритъ и другой Апостоль. *Якоже собираютъ плевели, и онемъ сожигаютъ, тако будетъ въ скончаніи вѣка сего* (Матѣ. 13: 40), сказалъ самъ Господь. Въ дѣйствительномъ исполненіи будущаго огненнаго потребленія міра и вѣчной погибели нечестивыхъ людей ручаются уже бывшія, сказанныя нами, страшныя казни отъ Бога. Вѣдь въ нихъ показанъ образъ будущаго. Апостоль Петръ говоритъ, что Богъ *грады Содомскія и Гоморскія сжегъ разореніемъ осуди, образъ хотящихъ нечестивовати положивъ* (2 Петр. 2: 6). И Апостоль Іуда сказалъ, что *Содома и Гоморра и окрестныя ихъ грады предлежатъ въ показаніе огня вѣчнаго судъ подземше* (Іуд. 1: 7). Спаситель нашъ Господь именно указываетъ на казнь міра при Ноѣ и казнь Содомскую, какъ на такія казни, по подобію коихъ будетъ будущая жизнь грѣшниковъ. *Якоже бысть, говоритъ Онь въ Евангеліи, во дни Ноевы, и во дни Лотовы, потому же будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человеческій явится* (Лук. 17: 26, 28, 30). Ничто не думай, что это страшная казнь далеко отъ нашихъ дней, что намъ нечего опасаться, и не отъ чего исвать спасенія. *Егда рекутъ, миръ и утвержденіе, тогда внезапно наидетъ на нихъ всеубиство* (1 Сол. 5: 3), говоритъ Апостоль. Не говоря о днѣ смерти, который для каждаго есть тотъ же послѣдній день и который будетъ пагубою для многихъ, можно ли думать, что будущая общая казнь отъ насъ далека, и что мы или не будемъ подлежать ей, или успѣемъ спастись отъ нея? Открытъ ли намъ конецъ міра? Назначенъ-ли послѣдній день и часъ? Нѣтъ. *Придетъ, сказано, день Господень яко тать въ ноци* (2 Петр. 3: 10). *Бдите, говоритъ и Господь, яко не вѣсте дне ни часа, въ оньже Сынъ человеческій придетъ* (Матѣ. 25: 13). Знали ли люди перваго міра, когда именно поглотитъ ихъ вода потопная, или жители Содомскіе, когда падетъ на нихъ огонь съ неба? Нѣтъ. *Не увѣдѣши, говоритъ Господь о первыхъ, дондеже приде вода и вьзятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человеческого* (Матѣ. 24: 39).

Такъ вотъ, братіе, и потопъ и пожаръ, которые грозятъ всѣмъ

намъ. Кто не окажется написаннымъ въ книгѣ живота вѣчнаго, тотъ вверженъ будетъ въ озеро огненное (Апок. 20: 15). Отъ этой-то огненной лавы, отъ этого-то озера огненнаго должны мы спастись, братіе. Какъ спастись? Удаленіемъ отъ грѣха. Вѣдь грѣхъ былъ причиною казни и перваго міра, и жителей Содомскихъ; за грѣхи Господь послалъ и воду потопную, и огонь небесный. *Видѣвъ Господь Богъ*, сказано въ божественномъ бытописаніи, *яко умножишася злобы чловѣковъ на земли, и рече: чловѣка, его же сотворихъ отъ миа земли и наведу потопъ, воду на землю, погубити всяку плотъ* (Быт. 6: 5, 7, 17). *Вопль Содомскій и Гоморскій умножися ко Мнѣ, и грѣси ихъ велицы зло* (Быт. 18: 20) сказалъ Господь,—и вотъ *Господь одожди на Содомъ и Гоморръ жупелъ, и огонь отъ Господа съ небесе, и преврати грады сія и всю окрестную страну и вся живущія во градѣхъ* (Быт. 19: 24, 25). Какъ спастись? Раскаяніемъ во грѣхахъ и исправленіемъ жизни. Этого именно требовалъ Господь, этого *ожидало*, какъ говоритъ Апостолъ, *Божіе долготерпѣніе* (1 Петр. 3: 20) отъ людей перваго міра, равно какъ и отъ жителей Содомскихъ, для которыхъ проповѣдниками покаянія были праведные Ной и Лотъ. И если бы люди обратились съ пути нечестія и измѣнили свой образъ жизни, плотскій и грѣховный, на цѣломудренный и безпорочный, безъ сомнѣнія были бы пощажены благодію Божіею и помилованы. Примѣръ этому, сверхъ другихъ безчисленныхъ примѣровъ, Ниневитяне. Жители богатаго и многолюднаго города Ниневіи, за грѣхи свои, вмѣстѣ съ городомъ, обречены были отъ Бога на потребление, подобное ниспроверженію городовъ Содомскихъ, и однакожь, глубокаго ради и искренняго раскаянія ихъ, вслѣдствіе проповѣди Іоны Пророка, были пощажены, и назначенная имъ казнь отмѣнена. И насъ всѣхъ Господь готовъ помиловать и спасти, хотя и опредѣлилъ намъ за грѣхи наши будущую казнь, и отъ насъ ожидаетъ покаянія и исправленія, братіе. *Или о богатствѣ благодіи Божіей и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благодѣнь Божія на покаяніе тя ведетъ* (Рим. 2: 4), говоритъ апостолъ Павелъ каждому изъ насъ. Поэтому и *не коснитъ Господь обътованія, но долготерпитъ на насъ не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ* (2 Петр. 3: 9). И *аще не покаемся*, тогда только, по слову Спасителя, *вси погибнемъ* (Лук. 13: 5). Какъ спастись? Добродѣтельнымъ, непорочнымъ, Христіанскимъ житіемъ. *Возлюбленіи*, говоритъ Апостолъ Павелъ Христіанамъ, *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте, да будете неповинны и цѣлы, ча-*

да Божія непорочна (Фил. 2: 12, 15). Отвершиися нечестія и мірскихъ похотей, говоритъ тотъ же Апостоль, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2: 12, 13). Внемлите себѣ, говоритъ и Спаситель всѣмъ намъ, да не когда отягчаютъ сердца ваша обзяденіемъ и пѣнствомъ и печалми житейскими, и найдетъ на вы внезапно день той. Бдите, на всяко время молящися, да сподобитесь убраться всѣхъ силъ хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ чловѣческимъ (Лук. 21: 34, 36). Чѣмъ спаслись и Ной отъ потопа, и Лоть отъ истребительнаго огня, тогда какъ другіе погибли? Добродѣтелями, благочестіемъ и праведностію. Ное obrътеся совершенъ, праведенъ; сего ради бысть остатокъ земли; егда бѣше потопъ (Сирах. 44: 16, 17), говоритъ премудрый сынъ Сираховъ. Грады Содомскія и Гоморрскія сжегъ, разореніемъ осуди, и праведнаго Лота избави; вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти; неправедники же на день судный мучими блютъ (2 Петр. 2: 6, 7, 9), говоритъ Святой Апостоль Петръ.

Братіе! Страшноу казню для беззаконныхъ людей былъ всемірный потопъ: но благочестивые и праведные, Ной съ семействомъ, были спасены. Господь сохранилъ ихъ въ ковчегѣ, и далъ имъ узрѣть, послѣ всеобщей смерти, другой обновленный міръ. Страшноу казню беззаконнымъ было и огненное потребление городовъ Содомскихъ: но праведный Лоть съ семействомъ были пощажены. Господь послалъ къ нимъ Ангеловъ избавителей и извелъ ихъ изъ среды беззаконныхъ на гору Сигоръ. Страшная казнь грозитъ и нынѣшнему роду чловѣческому, — потребление прелюбодѣйнаго и грѣшнаго міра и геенна огненная. Но милосердый Господь и намъ общаетъ и даруетъ спасеніе. Онъ ввелъ насъ въ Свой благодатный ковчегъ—Церковь святую, и далъ намъ Ангеловъ-Хранителей. О, если бы пребывать намъ, братіе, навсегда въ этомъ спасительномъ ковчегѣ, въ святой Церкви Христовой, соблюдая неизмѣнно вѣру Православную и провождая жизнь добродѣтельную, Христіанскую, чтобы по смерти увидѣть новый, духовный міръ, и наслаждаться блаженною вѣчною жизнью! О, если бы, при руководствѣ нашихъ Ангеловъ-Хранителей, оставить намъ навсегда грѣховную жизнь, и не обращаясь вспять, подобно женѣ Лотовой, достигнуть святой, божественной, вѣчной горы, Небеснаго, горняго Царствія. Спасая да спасаемъ души своя (Быт. 19: 17), братіе. Боже нашъ слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 49.

Трудно ли намъ спасаться.

Господи благослови!

*Кто можетъ спасенъ быти?
(Лук. 18: 26).*

Не разъ указывалъ Господь ученикамъ Своимъ на трудность достиженія царствія Божія. Однажды на предложенный Ему вопросъ: *еще мало есть спасающихся?* Онъ отвѣчалъ: *подвизайтесь внити сквозь тѣсная врата* (Лук. 13: 23, 24); въ другой разъ, замѣтивъ въ одномъ богатомъ человѣкѣ пристрастіе къ богатству, ради котораго онъ отказался послѣдовать Христу, сказалъ ученикамъ Своимъ: *како не удобъ ѣмуции богатства въ Царствіе Божіе внидутъ* (Лук. 18: 24). Слыша такіе отзывы отъ Учителя своего, ученики приходили въ недоумѣніе, и говорили Ему: *кто убо можетъ спасенъ быти?*

Подобныя слова можно слышать иногда и между нами, братіе. И изъ насъ нѣкоторые, разсуждая о пути къ Царствію Божію, находятъ его столь труднымъ, что готовы тоже сказать: *кто можетъ спасенъ быти?* „Трудно“, говорятъ, „спастись; вѣдь для спасенія надо оставить міръ, отказаться отъ него, и идти въ монастырь. Въ міръ спастись невозможно“.

„Трудно спастись“. Это правда. Спасеніе требуетъ терпѣнія, подвига, труда. А что же приходитъ къ намъ безъ труда? Легко, безъ труда приходитъ къ намъ одинъ грѣхъ, одна пагуба души. Гдѣ и въ чемъ не требуется терпѣніе, усиліе, подвигъ? Временное благополучіе, земныя блага развѣ достаются намъ даромъ? Какимъ не подвергаемъ себя заботамъ, какихъ цѣлый вѣкъ не употребляемъ трудовъ для настоящаго, временнаго своего благополучія? И однако же никогда почти не жалуемся на эти труды. Отчего же одни, для спасенія души подъемлемые, труды кажутся намъ тяжелыми, и мы хотимъ избѣгать ихъ, какъ будто превышающихъ наши силы, или какъ будто не такъ нужныхъ для насъ? Развѣ вѣчное благополучіе менѣе временнаго? Развѣ настоящая жизнь, которая можетъ сегодня же кончиться, стоитъ нашихъ трудовъ, а будущая, которой не будетъ конца, не стоитъ нашихъ заботъ? Обыкновенно вѣдь мы ищемъ сокровищъ, стремимся къ наслажденіямъ. А Царство Небесное развѣ не сокровище, и не превосходнѣйшее всѣхъ земныхъ сокровищъ? Духовныя, небесныя, божественныя блага развѣ

не наслажденія, и не высшія всѣхъ земныхъ наслажденій? Ахъ, братіе! Мало думаемъ мы о своихъ душахъ, мало дорожимъ спасеніемъ ихъ, не помышляемъ о томъ, къ чему призвалъ насъ и что хочетъ даровать намъ Богъ, а все вниманіе, всю заботу, весь трудъ обращаемъ на земную жизнь, и на временное благополучіе. Вотъ истинная причина, почему намъ кажется труднымъ путь спасенія. А въ самомъ-то дѣлѣ онъ не только не труденъ, но и легокъ, и пріятенъ. Вѣдь сказалъ же Господь, что и *то Его благо и время Его леко* (Матѳ. 11: 30). И какъ благо-то, и какъ легко-то! Стань только на путь Божій, начни только трудъ спасенія,—и уже готова тебѣ помощь,—Господь съ тобою уже Своею благодатію. И какъ легко и пріятно жить и трудиться съ Господомъ и для Господа! Любовь Божія воспламеняетъ, надежда будущаго блаженства окриляетъ труженика, и путь спасенія до того становится ему гладкимъ и пріятнымъ, что, хоть бы тутъ встрѣчались съ нимъ бѣды и напасти, хотя бы грозила ему смерть, онъ не сойдетъ съ него, и не промѣняетъ его на распутія міра.

„Надо оставить міръ, и отказаться отъ всего“. Какъ оставить міръ, и отъ чего отказаться? Ежели оставить правила и обычаи міра, ежели отказаться отъ увеселеній и наслажденій къ удовлетворенію своихъ страстей, ежели перестать жить для міра и плоти, то это точно необходимо. Необходимо перемѣнить себя и въ умѣ, и въ волѣ, и въ чувствахъ, и въ дѣлахъ, и во всей жизни. Въ этомъ и состоитъ путь спасенія, этимъ и достается вѣчная, небесная, блаженная жизнь. Нельзя же взойти туда грѣшнику, съ худыми мыслями, съ худыми намѣреніями и желаніями, съ худыми чувствами, съ худыми дѣлами. Тамъ все чисто, свято, божественно. Вотъ и нужно оставить грѣховную жизнь, перестать худое, богопротивное думать и дѣлать, воздерживать чувственныя желанія, укрощать страсти, чуждаться мірскихъ увеселеній, жить, напротивъ, для Бога и спасенія души, и внутреннее наблюдать, душевную чистоту, и виѣшнее имѣть, безуворизненное поведеніе,—нужно во всемъ поступать, какъ истиннымъ и добрымъ Христіанамъ, благодатнымъ сынамъ Божиимъ, избраннымъ и призваннымъ въ наслѣдію жизни блаженной и вѣчной со Христомъ. И это развѣ опять тяжело и горько? Тяжело, конечно, и горько, но только для плоти. А вѣдь мы и не должны жить по плоти. *Духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте* (Галат. 5: 16), вотъ что говорятъ намъ Апостоль. *Братіе, говоритъ онъ же, должны есмь не плоти, еже по плоти жити. И для чего? Аще бо по плоти живете, имате*

умрети; аще ли духомъ дѣянїя плотская умерщвляетъ, живи будете (Рим. 8: 12, 13). Видите превосходство надъ плотію, и жизни духовной надъ жизнию плотскою! И неужели духовная жизнь менѣе имѣетъ радости и утѣшеній, чѣмъ плотская? Что я говорю! Да тутъ только и есть, въ жизни духовной и благочестивой истинная сладость, вѣрная, необманчивыя утѣшенія. Плотская, грѣховная жизнь всегда намъ кажется прїятною, но только *кажется*; въ самомъ же дѣлѣ и сама въ себѣ, и особенно же по послѣдствіямъ отъ нея, горька и бѣдственна. Такъ вотъ что оставить, братіе, вотъ отъ чего отказаться дѣйствительно нужно намъ для спасенія, оставить нужно только худое, порочное, которое растлѣнной природѣ нашей обыкновенно нравится, отказаться надо отъ ^{нравныхъ} правилъ и обычаевъ міра, которые противны правиламъ закона Божїя, и званію Христіанъ, а все прочее, чего требуетъ временное, какъ общественное, такъ и собственное каждаго благосостояніе, къ чему обязываетъ власть и законъ, какъ не противное волѣ Божїей, и потому не препятствующее нашему душевному спасенію, мы должны не только не оставлять, но и исполнять со всею ревностію, какъ долгъ и служеніе Богу.

„Надо идти въ монастырь“. Чтожъ? И прекрасно. Чѣмъ удобнѣе путь ко спасенію, тѣмъ лучше. Вѣдь съ этою цѣлію образовались и монастыри. Ничто такъ не способствуетъ къ внутреннему нашему самовниманію и самоисправленію, ничто такъ не разрываетъ намъ нашихъ немощей и грѣхопаденій, ничто такъ не возбуждаетъ въ насъ чувства нашего недостойнства и не располагаетъ къ покаянію, какъ уединеніе, посвящаемое на самопознаніе и молитву о просвѣщеніи души. Ничто такъ не производитъ въ насъ благочестивой настроенности духа и не способствуетъ къ молитвѣ, какъ уединеніе. Самъ Господь для принесенія молитвы Небесному Единосущному Отцу Своему по большей части искалъ уединенія, и для сего удалялся изъ среды народа то въ пустыни, то на горы. А это уединеніе и представляетъ намъ монастырская жизнь. Сколько еще въ этомъ общественно Христіанскомъ уединеніи способовъ къ благочестію и преусибянію въ духовной жизни! Какихъ и великихъ притомъ мірскихъ суетъ, искушеній, соблазновъ избавляются тѣ, которые посвящаютъ себя отдѣльному отъ общества человѣческаго житію! Прекрасно, говорю, идти въ монастырь для того, чтобы спастись. Но вѣдайте, братіе, что это путь особенный, не всеобщій. Не всѣмъ же идти въ монастырь; иначе и въ монастырѣ водворится тотъ же міръ, въ какомъ мы живемъ и какого хотимъ избѣгать. Нѣтъ. Монастырскій путь спасенія есть часть изъ

бренныхъ, тѣхъ, которые чувствуютъ въ себѣ способность и стремленіе къ совершеннѣйшей Христіанской жизни и къ высшимъ духовнымъ подвигамъ, которыхъ располагаетъ, такъ сказать, и призываетъ Самъ Богъ. Вѣдь и естественныя высокія дарованія и силы даются не всѣмъ; и въ общественной жизни къ великимъ дѣламъ бываютъ способны не всѣ. *Кійждо, говорятъ Апостоль, свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7: 7). Самъ Господь въ подобномъ случаѣ сказалъ: *моій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѣ. 19: 12). И какъ скоро Онъ предлагалъ ученіе о болѣе трудномъ пути ко спасенію и призывалъ къ высокимъ духовнымъ подвигамъ, каковы, на примѣръ, *оставленіе Царствія ради Божія* родителей и другихъ присныхъ (Лук. 18: 29), отреченіе отъ всего своего имущества (Лук. 18: 22. 14: 33), присоединялъ: *аще хочещи совершенъ быти* (Матѣ. 19: 21).

„Въ мірѣ“, говорятъ, „спастись невозможно“. Это отчего? Не такъ удобно, это правда, но чтобы невозможно, это несправедливо. Пусть нѣсколько развлекаютъ насъ отношенія къ міру, заботы семейныя, обязанности службы, занятія въ каждомъ родѣ званія, но могутъ ли они служить препятствіемъ ко спасенію, когда и сами, ежели исполняются, въ духѣ истинной вѣры, честно и свято, составляютъ добрыя дѣла, которыя именно и требуются на пути спасенія? Цари, князья, пастыри церковныя жили вѣдь въ мірѣ и имѣли постоянное отношеніе къ міру, и однакожь многіе изъ нихъ не только спаслись, но и прославились, какъ святые угодники Божіи. Пусть встрѣчаютъ насъ искушенія, прелести, соблазны въ мірѣ; но вѣдь отъ насъ зависитъ увлекаться ими, или же презирать и отвергать ихъ. Мученикамъ не только не помѣшали никакія искушенія и соблазны быть вѣрными истинному Богу, но и мученія и смерть не оторгли ихъ отъ Христа, и не совратили ихъ съ пути спасенія. А ежели во время гоненій за вѣру и подъ страхомъ мукъ и смерти за Христа можно было въ мірѣ спастись: то нынѣ ли это невозможно? Нынѣ ли, когда и вѣра господствующая Христіанская, и Цари Христіанскіе, и законы въ отечествѣ Христіанскіе; когда и храмы Божіи всегда и повсюду отверзты, и служеніе истинному Богу открыто, свободно и благочестно совершается, когда вѣра покровительствуется, дѣла благочестія чтутся, люди благочестивые и Христіански-добродѣтельные считаются лучшими и полезнѣйшими членами въ обществѣ? Отъ насъ, братіе, отъ насъ зависитъ идти путемъ спасенія, или блуждать по расцутіямъ міра. Никто и ничто не принуждаетъ насъ жить противно правиламъ Христіан-

скимъ. И ежели мы поползновенны на грѣхъ, то этому причиною собственная наша грѣховная воля, ежели мы не можемъ устоять противъ легкихъ искушеній и соблазновъ мірскихъ, то это наша вина, наша собственная слабость. „Невозможно въ мірѣ спастись“. А знаете ли, что мірскіе Христіане бывали даже выше и совершеннѣе въ духовной жизни знаменитыхъ пустынножителей, такъ что Господь указывалъ послѣднимъ на первыхъ, какъ на высокой примѣръ и образецъ Христіанскаго совершенства. Послушайте-ка, что повѣствуютъ намъ дѣянія церковныя. Два пустынножителя просили отъ Бога извѣщенія, въ какой мѣрѣ они благоугодили Ему. Имъ сказано было, что въ такомъ-то селеніи есть простой поселянинъ съ женою, до высоты благочестія коихъ они еще не достигли. Пустынножители отправились къ показаннымъ лицамъ и, не смотря на смиренный отзывъ мужа, что онъ простой человѣкъ, пастухъ, просили его открыть имъ образъ ихъ жизни, сказавъ притомъ, что Самъ Богъ послалъ ихъ къ нему. Евхаристъ (такъ имя ему) сказалъ имъ: „получивъ отъ родителей нашихъ стадо овецъ, приплодъ, какой Богъ даетъ отъ нихъ, я раздѣляю на три части: одну отдаю нищимъ, другую употребляю на страннопріимство, а третью—на свое пропитаніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ бракъ, ни я, ни жена моя не касались другъ друга, каждый изъ насъ имѣетъ особое ложе; ночью надѣваемъ на себя власяницы, а днемъ ходимъ въ обыкновенномъ мірскомъ платьѣ, и объ этомъ донынѣ нието изъ людей не знаетъ“. Пустынножители удивились слышанному и возвратились въ свое мѣсто, сознавая свое несовершенство и прославляя Бога (Прол. Ноябрь. 17). Вотъ какіе Христіане, современные рабы Божіи, могутъ быть и бываютъ въ мірѣ! Высокъ этотъ примѣръ? Трудно мірскому Христіанину стоять на такой высокой степени самоотверженія? Ну, вотъ и другой примѣръ, ужъ самый легкій, но не менѣе благопріятный предъ Богомъ. Разъ случилось съ Преподобнымъ Макаріемъ слѣдующее: стоя на молитвѣ, онъ услышалъ голосъ: „Макарій! ты еще не сравнился съ двумя женщинами, живущими въ такомъ-то городѣ“. Макарій тотчасъ пошелъ въ этотъ городъ, нашелъ сказанныхъ женщинъ, и просилъ ихъ повѣдать ему благоудныя дѣла ихъ. Женщины сначала отрицались, говоря, что мы живемъ съ мужьями, и ничего за нами особеннаго нѣтъ, но потомъ одна изъ нихъ сказала старцу: „развѣ вотъ что: мы—двѣ невѣстки, обѣ находимся въ замужествѣ пятнадцать лѣтъ, живемъ въ одномъ домѣ, и во все это время не только не было между нами никакихъ ссоръ, но и не слышали одна отъ другой ни одного

неприятнаго слова“ (Чет. М. Янв. 19). Вотъ, въ чемъ состоялъ подвигъ сказанныхъ женщинъ: въ постоянномъ взаимномъ согласіи, мирѣ и любви. Подвигъ, видите, самый сподручный, но, какъ оказалось, самый благопріятный Богу. Да и удивляться нечему. Вѣдь любовь—главная и высочайшая добродѣтель Христіанская. Она именно и составляетъ законъ *Христовъ* (Гал. 6: 2). Господь ясно заповѣдалъ всѣмъ намъ любовь. *Сія, сказалъ Онъ, заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 15: 17). А ежели такъ: трудно ли послѣ этого для насъ спасеніе? Разумно ли думать и говорить, что въ мирѣ спастись невозможно? Что не удобно для мірскаго Христіанина? Обязанности ли Христіанскія церковныя—молитва, постъ, покаяніе, причащеніе Св. Тайнъ? Да къ этому именно и призываются всѣ Христіане. Качества ли Христіанскія духовныя,—любовь, согласіе, смиреніе, послушаніе, искренность, честность? Да за это обыкновенно всѣ и всякаго любятъ и почитаютъ. Дѣла ли Христіанскія общественныя,—благотвореніе, страннопріимство, призрѣніе бѣдныхъ, помощь несчастнымъ? Да за это награда бываетъ и на землѣ, признательность и благоволеніе не только общества, но и самого Царя.

Ахъ, братіе! Мы живемъ ужъ въ Христіанскомъ мирѣ. А Христіанскій миръ весь бы долженъ быть преобразованъ по духу Евангельскому,—онъ давно уже въ силахъ; во всемъ бы мирѣ долженъ быть миръ, тишина, согласіе, любовь, едина общая вѣра, единое общее служеніе Богу, единое общее благочестивое житіе. О, если бы это было такъ! О, если бы хотя не видѣть взаимныхъ нестройныхъ, открытыхъ соблазновъ, грубыхъ пороковъ въ Христіанскомъ, даже Православномъ мирѣ! *Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое!* Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 50.

Трудно ли человѣку жить.

Господи благослови!

Обращая вниманіе на жизнь человѣческую, что мы видимъ, братіе? Видимъ непрерывную суету, повседневныя заботы, тяготящую всѣхъ скудость,—только и слышишь, особенно въ нынѣшнее время, жалобу на недостатки, только и говорятъ, что трудно жить на свѣтѣ“. Правда, человѣкъ—не Ангель, онъ постоянно

имѣть нужду во многихъ потребностяхъ для жизни; положимъ, жизнь, особенно нынѣшняго времени, дѣйствительно представляется намъ затруднительною по причинѣ дороговизны всѣхъ житейскихъ потребностей. Но настолько ли жалоба наша справедлива? Въ такой ли мѣрѣ дѣйствительная жизнь наша затруднительна, какъ мы ее представляемъ.

„Трудно жить“. Да не мы ли сами по большей части въ этомъ виновны? Не сами ли мы затрудняемъ себя въ жизни? Трудна жизнь, да какая? Прихотливая, сластолюбивая, роскошная. Суетный міръ дорого доставляетъ намъ свои блага. Изысканныя яства, дорогія вина, щегольскія одежды чего стоятъ намъ? Увеселенія, забавы, зрѣлища сколько похищаютъ достоянія нашего? Сластолюбивая плоть наша великихъ требуетъ отъ насъ жертвъ; да никогда и не удовлетворишь ее. Дай только ей волю, и у нея явятся прихоти, одна за другою, всегда излишнія, по большей части разорительныя, нерѣдко пагубныя. Чѣмъ болѣе станешь удовлетворять нашимъ прихотямъ и страстямъ, тѣмъ болѣе онѣ будутъ требовать отъ насъ. Въ такомъ положеніи жизнь дѣйствительно бываетъ для насъ заботлива и тяжба. Всѣ труды наши тогда обращаются, все состояніе иждивается на удовлетвореніе нашихъ прихотей и страстей. И вотъ ужъ не бѣдныя, а многіе повидимому и богатые жалуются на недостатки, на множество потребностей, на трудность жизни. Кто же послѣ этого виновать, судите, братіе. Кто дѣлаетъ жизнь нашу трудною, заботливою, тяжкою? Не мы ли сами? Не излишнія ли желанія наши, не безразсудныя ли прихоти наши, не безчестныя ли страсти наши.

А ежели жить скромно, благоразумно, воздержно; ежели житейскія заботы ограничивать удовлетвореніемъ однѣхъ насущныхъ потребностей: то жить каждому будетъ вовсе не трудно. Что необходимо человѣку? Пища, питье, одежда, жилище, свѣтъ. А дорого ли стоитъ имѣть хлѣбъ? Не готова ли всѣмъ въ избыткѣ вода? Ценна ли простая, неприхотливая, хотя притомъ приличная и удовлетворительная одежда? Не достаточно ли для успокоенія и защиты отъ воздушныхъ перемѣнъ скромное жилище? Не всегда ли и не всѣхъ ли освѣщаетъ солнце, и нуженъ ли, и много ли нуженъ другою, такъ сказать, искусственный свѣтъ, особенно для тѣхъ, которые не обращаютъ дня въ ночь, и ночи въ день? Не забудьте, что сказыанныя нами потребности, хотя простыя и обыкновенныя, и потому едва нами не пренебрегаемыя, суть потребности существенныя. Куда мы безъ хлѣба? Куда безъ воды? Въ томъ-то и заблужденіе

наше, что мы существенное считаемъ за маловажное, и цѣнимъ всегда болѣе пріятное, нежели полезное. Безъ хлѣба, при однѣхъ сластяхъ, человѣкъ развѣ можетъ быть сытъ? Безъ воды развѣ можно обойтись, и дорогія вина развѣ могутъ замѣнить воду? Щегольская одежда развѣ болѣе прикроетъ наготу, и лучше простой согрѣетъ человѣка? Обширный и красивый домъ развѣ повойнѣе для насъ? Люстры и лампы развѣ свѣтлѣе горять солнца? Такъ вотъ, братіе, сколь не трудно жить и небогатымъ! Какъ легко имѣть все существенно-необходимое для жизни! Какъ много у насъ даже готовога къ нашей потребности и пользы. Не даромъ же Господь не велѣлъ намъ много заботиться о житейскомъ. *Не пецѣтесе, сказаль, что ясте, или что пѣте, и во что облечетесе.* (Матѣ. 6: 25). Да, Отець Небесный знаетъ всѣ наши нужды и не одинъ у Него не останется безъ того, въ чемъ имѣеть нужду.

Прискорбно, конечно, бѣдное состояніе, чувствительны многіе и особенно всегдашніе недостатки, но что же дѣлать, если такъ суждено бываетъ намъ? Непріятна простая и скудная пища, но кому? Людямъ празднымъ, богатымъ, изнѣженнымъ. Потрудись, повоздержись, — о, какъ вкусенъ будетъ и простой хлѣбъ. Непріятна простая и скудная пища; зато она питательна и здорова. Отчего простолюдины преимущественно бываютъ здоровы, крѣпки и сильны? Непріятна простая и скудная пища; но развѣ лучше пища дорогая, сладкая, искусствомъ человѣческимъ приготовляемая? Не она ли возжигаетъ въ насъ различныя прихоти и плотскія страсти? Не она ли по большей части производитъ разстройство въ нашемъ тѣлѣ, и бываетъ причиною потери здоровья и силъ? Не она ли подвергаетъ насъ многимъ и частнымъ болѣзнямъ? *Съйй въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. 6: 8), говоритъ Апостоль. Именно изнѣженная и упитанная сладкою пищею плоть сама въ себѣ производитъ тлѣніе и разрушеніе, и бываетъ нерѣдко причиною преждевременной и внезапной смерти человѣка. Тяжело бѣдное состояніе, трудно въ недостаткахъ жить на свѣтѣ: но вспомнимъ, кто мы. Мы—грѣшники, изгнанные изъ рая сладости, и осужденные на бѣды, терпѣніе и смерть. Самая земля обречена на оскудѣніе, на произрашеніе тернія и волчцевъ, и человѣкъ въ потѣ лица долженъ добывать себѣ насущный хлѣбъ. Не забудемъ (а это еще и наипаче) и того, что мы Христіане и, по Апостолу, *люди обновленія* (1 Петр. 2: 9), что мы призваны въ воздержанію и терпѣнію, жить въ благочестіи и чистотѣ, и среди довольства, по правиламъ Церкви, часто отказывать себѣ въ многояденіи и слад-

кояденіи. Не забудемъ, что блескъ, роскошь, щегольство, пышные столы, частыя и чрезмѣрныя увеселенія неприличны намъ. Мы—Христіане. Неужели станемъ жить такъ, какъ жилъ одинъ Евангельскій богачъ? Да къ чему же это приведетъ? Сохрани насъ Богъ! Наше назначеніе—блаженное Царство Небесное, и потому нашъ долгъ непрестанно готовиться къ этому блаженству, и заслуживать его жизнію духовною, сообразною ученію и правиламъ Христіанскимъ. И если бы мы старались жить по-Христіански, то насколько уменьшилось бы у насъ прихотей и страстей; насколько сократилось бы число нашихъ потребностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и житейскихъ заботъ?! Если бы мы старались жить по-Христіански, то не стали бы такъ много сѣтовать на трудность жизни, такъ часто жаловаться на недостатки, а и малое состояніе и скудную пищу принимали бы въ благодушіи и съ благодареніемъ къ Подателю всѣхъ благъ Богу.

Не скажетъ ли кто изъ васъ, братіе: „легко-де такъ разсуждать, да каково терпѣть“. Не пререкаю вамъ, братіе. Тяжело намъ немощнымъ жить въ бѣдности и недостаткахъ; не легко для многихъ въ нынѣшнее время имѣть достаточныя, а тѣмъ болѣе обильныя способы къ содержанію; но цѣль моего слова и есть та, чтобы показать, что трудность жизни по большей части зависитъ отъ насъ, отъ нашихъ именно прихотей и страстей, и что жить благо-разумно, умѣренно, удовлетворяя однѣмъ существенно необходимымъ потребностямъ, какъ всегда, такъ и въ настоящее время, всякому можно, а, по долгу Христіанскому, и должно. Только бы намъ самимъ не навлекать на себя бѣдности и недостатковъ; только бы намъ быть трудолюбивыми, усердно и честно исполняющими свои обязанности—и Господь не оставитъ насъ. Онъ, Премудрый, *отдастъ, яко всего необходимаго требуемъ* (Матѳ. 6: 32), и всегда *печется о насъ* (1 Петр. 5: 7). Онъ, Всеблагій, *дая всѣмъ животъ и дыханіе* (Дѣян. 17: 25), и подастъ намъ не только все необходимое къ *препитанію* (Пс. 54: 23), но и *вся обильно въ наслажденіе* (1 Тим. 6: 17). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 51.

Не противны ли Христіанству обычныя у насъ увеселительныя собранія.

Господи благослови!

Вочу, братіе, предъ вами, какъ Христіанами, сказать нѣчто о обычныхъ нашихъ увеселительныхъ собраніяхъ. Назовите ихъ, какъ угодно, — вечера ли, балы ли, театры, спектакли ли, концерты ли, все равно. Вездѣ одно, и намѣреніе, и дѣйствіе, и цѣль, это — увеселеніе. Извѣстно, что мы любимъ такія собранія, и они всегда и повсюду у насъ приняты. Что же сказать объ нихъ? Похвалить ли ихъ? Назвать ли ихъ не противными Христіанству? Сказать ли, что они невинны, безгрѣшны? Едва ли, братіе. Правда, сама природа располагаетъ насъ къ веселію, и какъ будто требуетъ этого отъ насъ; правда, среди увеселеній мы всегда чувствуемъ себя совсѣмъ другими, тутъ какъ будто оживаетъ въ насъ, цвѣтетъ въ насъ собственная наша жизнь. Но отсюда еще никакъ нельзя приходиться къ заключенію о естественности и невинности такихъ нашихъ увеселеній. Вѣдь и грѣхъ всегда почти услаждаетъ насъ, и преступныя страсти производятъ въ насъ живое чувство и развитіе жизни. А ежели разсмотрѣть увеселенія наши внимательно, и размыслить о нихъ разумно, то никакъ нельзя будетъ признать ихъ сообразными съ Христіанствомъ, и безвредными для насъ. Что бываетъ въ этихъ собраніяхъ? Какія тамъ занятія? Не тѣ же ли самыя, какія были и у язычниковъ, которые жили только для земли и руководились одною чувственною природою. Какое дѣйствіе этихъ увеселеній? Не оживленіе ли чувственной нашей природы, не развитіе ли ветхаго нашего человѣка? Какія послѣдствія? Не развлеченіе ли, не нарушеніе ли часто душевнаго спокойствія? Не потеря ли добрыхъ сердечныхъ расположеній, не потрясеніе ли можетъ быть даже нашихъ скромныхъ и невинныхъ чувствъ? Весело бываетъ намъ въ такихъ собраніяхъ; мы чувствуемъ себя тогда совсѣмъ другими, — да лучшими ли? Оживаетъ въ насъ, цвѣтетъ въ насъ тогда жизнь, — да какая? Участвуетъ ли въ этомъ веселіи душа? Не страдаетъ ли она, бѣдная, не спитъ ли за-мертво въ это время подъ шумомъ ликованій веселящихся? Не одна ли торжествуетъ тутъ наша страстная, грѣховная плоть? Не ей ли только мы доставляемъ удовольствіе, не жалѣя на то ни траты времени, ни

значительныхъ издержекъ? А ежели такъ, невинны ли, безвредны ли, приличны ли Христіанамъ такія увеселительныя собранія? Можно ли намъ такъ легко разсчитывать на угожденіе плоти, съ немалымъ, какъ должно полагать, вредомъ для души?

Сейчасъ, конечно, скажутъ намъ любители увеселеній: „такъ развѣ намъ быть затворниками? Развѣ намъ только сидѣть дома, и чуждаться всякихъ пріятныхъ собраній?“ А что, возлюбленные? Вѣдь дома сидѣть не худо, чуждаться излишнихъ развлеченій хорошо, дорожить временемъ и употреблять его на необходимыя и полезныя дѣла прекрасно. Едва ли какой разумный, степенный и заботливый о себѣ человекъ раскается въ томъ, ежели онъ вмѣсто участія въ увеселительныхъ собраніяхъ проведетъ время въ своемъ семейномъ кругу, а еще лучше въ хорошихъ и полезныхъ занятіяхъ. Но при всемъ достоинствѣ домашняго уединенія, никто не обрекаетъ насъ на постоянное отчужденіе отъ общества, и не отнимаетъ у насъ безуворизненныхъ и, такъ сказать, естественныхъ утѣшеній. Могутъ быть, и бывають собранія и утѣшенія, имѣющія характеръ религіозный, патріотическій, общественный, родственныя. Таковы собранія праздничныя и торжественныя, составляемыя во славу Божию, въ честь Царя, за благоденствіе отечества. Таковы собранія во дни народнаго благосостоянія и разныхъ новыхъ учрежденій на пользу общественную. Таковы собранія частныя, во дни собственныхъ нашихъ рожденій, тезоименитствъ, въ брачныя торжества, и вообще во дни особенныхъ явленій къ намъ милости и щедротъ отъ Промыслителя нашего Бога. Кто будетъ говорить вопреки такихъ собраній и общественныхъ утѣшеній? Да, такія собранія въ общезитіи нашемъ вполне естественны, и ни законамъ человѣческимъ, ни правиламъ Христіанскимъ ни мало не противны. Только бы они одушевляемы были вѣрою и взаимною искреннею любовію; только бы въ нихъ господствовали благочестіе, скромность, степенность, только бы тутъ не примѣшивалось ничто мірсвое, чувственное и богопротивное, а все *творилось*, по слову Апостола, *благообразно и по чину* (1 Кор. 14: 40), *со благодареніемъ* (1 Тим. 4: 3), и *во славу Божию* (1 Кор. 10: 31).

Ахъ, Православные, что же мы забыли сказать о мѣстахъ собранія и о собраніяхъ, самыхъ драгоценныхъ для Христіанъ Православныхъ?! Да, есть, братіе, мѣста собраній, — и о, какія священныя и досточтимыя! Но можно ли поручиться, что общество вѣрующихъ обрѣтаетъ въ нихъ увеселеніе, чувствуетъ ихъ достоинство и важность — что имѣетъ столь развитый духовный вкусъ? — Мѣста эти —

храмы Божіи, святія церкви; увеселенія эти—общественныя молитвы, Христіанское богослуженіе. Вотъ собранія, въ которыхъ земныя соединяются съ небесными! Вотъ увеселенія, въ которыхъ чловѣки за-одно торжествуютъ съ Ангелами! И сколько такихъ собраній у Христіанъ! Сверхъ ежедневныхъ церковно-молитвенныхъ собраній, сколько собраній праздничныхъ, торжественныхъ! И какія это дивныя собранія! Сколько тутъ святыхъ, духовныхъ, превыше-земныхъ наслажденій!—Представьте торжественность, высоту, сладость великихъ Христіанскихъ праздниковъ: Пасхи, Рождества Христова и прочихъ великихъ праздниковъ. Какое величіе, какая красота тогда въ священнхъ собраніяхъ у Христіанъ! Какая отрада, какое восхищеніе, какое наслажденіе у нихъ въ чувствахъ и душахъ! Христіанинъ, въ молитвенномъ празднованіи, среди церковнаго торжества, весь дѣлается другой, уже не чувственный, не плотскій, а духовный, безстрастный: все мірское, нечистое, порочное изгнано отсюда,—не возникаетъ въ немъ, какъ случается въ собраніяхъ мірскихъ, ни одинъ помыслъ суетный, ни одно желаніе грѣховное, ни одна страсть преступная: весь онъ какъ бы на небѣ, стоитъ предъ Богомъ, окружаемый небожителями, весь преисполненъ чувствъ неземныхъ, созерцаній таинственныхъ, наслажденій благодатныхъ. Такимъ возвращается онъ въ домъ, тѣ же святія впечатлѣнія, тѣ же благодатныя чувства уносить съ собой и по выходѣ изъ храма Божія. Иначе и быть не можетъ. Какъ выходя изъ муроварницы, чловѣкъ, по замѣчанію Св. Златоуста, уносить на себѣ благовоніе, такъ и выходя изъ церкви, Христіанинъ сохраняетъ въ себѣ благочестивое настроеніе духа. Вотъ какія священныя собранія у Христіанъ! Вотъ какія божественныя представленія тамъ! Вотъ какія чистыя, святія увеселенія у нихъ! Не даромъ же богодухновенный Царь Израильскій уже радовался и тогда, какъ скоро только слышалъ зовъ къ богослуженію. *Возвеселихся*, говорилъ, *о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Пс. 124: 1). *Желаеть*, говорилъ еще, *и скончается душа моя во двory Господни, сердце мое и плоть моя возрадуастся о Бозѣ живъ* (Пс. 83: 3). Любя самъ посѣщать домъ Божій, онъ и другихъ приглашалъ къ такимъ святымъ собраніямъ и увеселеніямъ. *Приидите*, говорилъ, *возрадуемъ Господеву, воскликнемъ Богу Спасителю нашему; предваримъ лице Его во исповданіи и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему* (Пс. 94: 1, 2).

Да, братіе. Много у Христіанъ священнхъ собраній, много таинственно-обрядовыхъ представленій, много торжественно-духовныхъ увеселеній. А бываютъ опять, и очень нерѣдко, и другаго ро-

да представленія и инаго качества увеселенія,—представленія плачевныя, увеселенія слезныя. Какова, наприм., церковная служба въ Великій постъ и особенно на повечеріяхъ первой седмицы, при чтеніи велиаго канона, когда непрестанно слышится умиловительный вопль кающагося грѣшника: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Каково опять богослуженіе послѣдней седмицы, и особенно страстей Христовыхъ, Его смерти и погребенія; тогда изъ устъ молитвенниковъ какъ бы невольно исторгается благодарное славословіе Пострадавшему за насъ Господу: *Слава долготерпѣнію Твоему Господи!* Какое впечатлѣніе дѣлаетъ на насъ и повременное торжественное поклоненіе вресту Господню, когда мы въ умиленіи повергаемся предъ этимъ знаменіемъ спасенія нашего и поемъ съ Церковію: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!* О какая чудная эта плачевная радость! Какая сладость въ душѣ грѣшника, когда онъ—въ слезахъ отъ представленія велиаго милосердія Божія и отъ полноты благодарныхъ чувствъ въ благодѣтелю своему Богу! Не несообразно, братіе, уподоблять и на другіе подобныя церковныя обряды. Таково, напримѣръ, погребеніе усопшихъ. Прискорбно, болѣзненно это церковное пѣснопѣніе, но какъ полезно оно для души, сколько поучительно для ума, сколько отраднo для пораженнаго скорбію сердца! Вотъ ужъ отсюда-то, изъ этихъ-то церковныхъ собраній бѣжитъ вся мірская суета; здѣсь-то въ этихъ-то собраніяхъ притихаютъ въ человѣкѣ всѣ гордые и самолюбивыя помыслы, умолкаютъ всѣ предосудительныя расположенія, поражаются всѣ чувственныя вожделѣнія. Здѣсь-то человѣкъ встрѣчается самъ съ собою, познаетъ себя, свои немощи, свои грѣхи, свою брѣнность, познаетъ, что онъ здѣсь не вѣченъ, что ему предопредѣлена другая жизнь въ другомъ мірѣ, и жизнь безсмертная и вѣчная; тогда-то открывается ему вся суета нынѣшняго міра, вся тщета благъ, вся пустота его наслажденій, вся грѣховность его забавъ.

Правда, священныя собранія не такъ пріятны намъ, духовныя увеселенія не по душѣ многихъ изъ насъ; намъ пріятнѣе кажутся собранія мірскія, насъ болѣе удовлетворяютъ увеселенія чувственныя; бываетъ нерѣдко такъ, что иные и въ часы церковнаго празднованія стремятся въ собранія и къ увеселеніямъ мірскимъ: но въ чести ли это нашей? Ежели церковныя собранія и увеселенія святы, божественны и душеспасительны, какъ мы уже свазали, и каковы дѣйствительно они есть; то разумно-ли для насъ предпочитать мірское священному, духовное чувственному, душеполезное душепагубному? Не такъ пріятны намъ церковныя собранія и духовныя

увеселенія: но вѣдь и все доброе и святое менѣе пріятно растлѣнной нашей природѣ. Не такъ пріятны намъ церковныя собранія и духовныя увеселенія: но вѣдь они созидаютъ наше спасеніе, за нихъ мы удостоены вѣчно веселиться и торжествовать въ Соборѣ праведныхъ. А въ чему насъ приведутъ собранія мірскія? Какія будутъ послѣдствія увеселеній чувственныхъ? Развеселились нѣкогда Израильтяне, сливъ золотого тельца при Синаѣ, *сѣдоша*, сказано, *юдіе ясти и пити, и восташа играти* (Исх. 32: 6): да чѣмъ это кончилось? Смертію зачинщиковъ и виновниковъ богопротивнаго праздника (Исх. 32: 28). Праздновалъ опять Иродъ день своего рожденія, но праздновалъ не благоговѣнно и не благочестиво, а сладострастно и чувственно, съ безчиннымъ веселіемъ и плясаниемъ,—и что произошло во время самаго пиршества? Убійство праведника (Матѣ. 14: 6—11), а впоследствии несчастная смерть и самихъ виновниковъ торжества. *Веселился* еще *свѣтло* одинъ Евангельскій богачъ, и уже не по временамъ, не въ урочные только дни, а *на вся дни*: какой же былъ этому конецъ? Низверженіе несчастнаго, по смерти его, въ адъ, и мученіе въ вѣчномъ неугасающемъ пламени (Лук. 16: 19—24). Что сказалъ и Господь въ Своей божественной проповѣди? *Горе вамъ, смѣющимся нынѣ; яко возрыдаете и восплачете* (Лук. 6: 25). Кто эти смѣющіеся? Вѣдь безъ сомнѣнія любители мірскихъ собраній и неблагочинныхъ, нехристіанскихъ увеселеній.

Христіане! Святая вѣра научаетъ насъ и заповѣдуетъ намъ *жити цѣломудренно и праведно и благочестно въ нынѣшнемъ вѣкѣ* (Тит. 2: 12). Грѣхъ, значитъ, намъ жить такъ, какъ живутъ нехристіане, утѣшать и забавлять себя мірскими веселостями. Нынѣшнее веселіе по большей части грѣховно и пагубно. Истинное веселіе наше впереди, за гробомъ, на небѣ. О, если бы дана была намъ благодать радоваться и веселиться болѣе всего о Господѣ нашемъ, посѣщать чаще всего святой храмъ Его, прославлять Его *во псалмѣхъ и пннїихъ и пѣсньхъ духовныхъ* (Ефес. 5: 19), и такимъ образомъ еще предвкушать сладость небснаго блаженства, къ которому призваны мы благодатію и челоуѣколюбіемъ Бога нашего. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНИЕ 52.

Безвредны-ли для насъ заграничныя путешествія и знакомство съ иноземными народами.

Господи благослови!

Между многими, болѣе замѣчательными въ наше время движеніями обращаетъ на себя вниманіе наше, братіе, *путешествіе Православныхъ Русскихъ за-границу*. Куда? Къ святымъ мѣстамъ? Въ Иерусалимъ? Поклониться гробу Господню, повергнуться на Голгоѣ, на мѣстѣ распятія Христова, облобызать землю, гдѣ пролита за насъ божественная кровь Спасителя, помолиться тутъ, поплакать, порадоваться за свое спасеніе? Или на Елеонъ, на мѣсто, откуда торжественно восшелъ на небо Искупитель нашъ? Или въ Вифлеемъ, гдѣ родился, къ вертепу, въ которомъ возлежалъ Безлѣтный Младенецъ,—къ мѣсту, надъ которымъ сіяла нѣкогда дивная звѣзда, которое оглашено было небеснымъ славословіемъ Ангеловъ? Или въ Назаретъ, въ которомъ смиренная Дѣва услышала благовѣстіе Архангела, и наитіемъ Божественнаго Духа, зачавъ во чревѣ Своемъ Сына Божія, содѣлалась Богоматерію? Туда, говорю, гдѣ содѣлалъ Господь спасеніе наше? О, нѣтъ. Идутъ правда и туда, но кто? По большей части простолюдины, смиренные рабы Божіи, которыхъ мало занимаетъ міръ, и у которыхъ горитъ въ сердцахъ вѣра и любовь къ своему Искупителю. Отправляются нынѣ преимущественно въ Западную Европу, къ народамъ, болѣе насъ просвѣщеннымъ, болѣе, чѣмъ мы, обладающимъ удобствами и пріятностями жизни, гдѣ и сама природа щедрѣе, чѣмъ у насъ, разсыпаетъ свои дары. Зачѣмъ отправляются? По большей части не по обязанности, не для изученія и не для усовершенствованія себя въ полезныхъ наукахъ и искусствахъ, не по дѣламъ промышленности и торговли, не для восстановленія даже разстроеннаго здоровья (объ этихъ и не говоримъ), а просто для развлеченія и удовольствія.

Что сказать о такимъ путешественникахъ? Но скажемъ прямо, что такое путешествіе вредно, но не умолчимъ, что оно, со стороны собственно Христіанской, не безопасно. Уже одно то, что оно предпринимается для развлеченія и удовольствія, и слѣдовательно предполагается тамъ не малая приманка для нашей растрѣнной природы,—одно это уже говорить не въ пользу его. „Все“, говорятъ, „тамъ хорошо и пріятно“. Положимъ. Но это-то и не безопасно для

насъ. Все тамъ хорошо и пріятно,—да для чего? Не столько для ума, и ужъ конечно не для души, а для чувствъ нашихъ, для плоти нашей. Значить тамъ міръ больше развилъ себя, больше собралъ своихъ благъ, больше завелъ у себя удовольствій. А если такъ: то больше тамъ можетъ быть и увлеченій къ міру, больше и забвенія о душѣ, больше тамъ и искушеній, больше, что очень естественно, и паденій. Все тамъ хорошо и пріятно. Но не подобное ли было и въ древнемъ мірѣ? И у *сыновъ Человѣческихъ*, должно быть, развитъ же былъ внѣшній ихъ бытъ; изысканы были удобства и пріятности жизни, хорошо и привлекательно было у нихъ все. Не даромъ вѣдь *сыны Божіи*, т. е. люди благочестивые, обольстились ими и допустили себя вступить въ знакомство и родство съ ними (Быт. 6: 2). Но къ чему привело это знакомство и родство людей древняго міра, и какого страшнаго и всеобщаго бѣдствія было причиною, сами хорошо знаете, братіе. Да, опасно знакомство съ міромъ,—блага его приманчивы, прелести его обаятельны. Мудрено ли и намъ, братіе, поползнуться, смотря на красоту и обиліе благъ земныхъ? Мудрено ли и намъ ослабѣть въ любви и расположеніи въ своему родному, отечественному, какъ скоро мы видимъ и искренно признаемъ иностранное пріятнѣе и увлекательнѣе отечественнаго? И уже не испытали ли, и не испытываемъ ли мы на себѣ этого? Не измѣнились ли наши нравы и обычаи, нашъ образъ жизни, наша даже твердость въ исполненіи правилъ Православной нашей вѣры съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ близкія отношенія, съ народами иностранными и иновѣрными? Не чувствуютъ ли въ себѣ перемѣны сами тѣ, которые ѣздятъ за границу, и всегда ли они возвращаются оттуда такими, какими—отправлялись туда? Какъ бы ни было, а нельзя не вспомнить и на сей разъ увѣщанія Св. Апостола, которое даетъ онъ Христіанамъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ; яко все еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Иоан. 2: 15, 16).

„За границей все хорошо и пріятно“. А у насъ? Въ чемъ отказалъ намъ Творецъ и Промыслитель? Ежели и не въ такой мѣрѣ, какъ тамъ, все же у насъ есть не только необходимое, но и пріятное. Вездѣ вѣдь *Господня земля и исполненіе ея* (Пс. 23: 1). Вездѣ всецѣдная рука Промыслителя разсыпала дары свои, гдѣ такіе, гдѣ инакіе и никого не оставила безъ помощи и средствъ, потребныхъ для жизни. Не забудемъ и того, что много зависитъ собственно и отъ насъ. Ежели народы европейскіе много сдѣлали для своего благосостоянія своимъ искусствомъ и своими трудами, то не слѣдуетъ ли и намъ позаботиться о своемъ отечественномъ благосостояніи, и

употребить стараніе и трудъ для водворенія у себя большаго довольства и удобствъ къ жизни? Развѣ Богъ отказалъ намъ въ способностяхъ ума? Развѣ нѣтъ у насъ собственныхъ силъ къ труду? Не лучше ли намъ самимъ стараться устроить собственное отечественное благосостояніе, чѣмъ исвать онаго у чужихъ? Что-же касается духовныхъ благъ, о которыхъ Христіане преимущественно должны печись, то не счастливѣе ли мы съ этой стороны всѣхъ почти народовъ иноземныхъ? Истинная вѣра, Православная Христіанская Церковь, неоскудѣвающая благодать Божественная дороже всего, братіе. А это все у насъ, и почти исключительно у насъ, счастливые Россіяне! Чего намъ еще желать, къ чему еще стремиться? Худыя тѣ дѣти, которыя не привержены къ своимъ родителямъ: худые и мы, сыны отечества, ежели любимъ болѣе иноземное и чужую сторону предпочитаемъ своей отчизнѣ.

„За границей все хорошо и пріятно“. Такъ. А вѣдь есть мѣста еще несравненно лучше и пріятнѣе, мѣста, которыя намъ по слуху, по крайней мѣрѣ, извѣстны, но которыя отчего-то мало занимаютъ насъ. Хорошо и пріятно за границей нашего отечества, а какво за границей міра сего видимаго? Вотъ тамъ-то совсѣмъ другое. О, какъ тамъ хорошо! Апостоль Павель былъ тамъ, и говорить, что сказать нельзя, какъ тамъ хорошо (2 Кор. 12: 4). Какая чудная тамъ сторона! Какой прекрасный тамъ городъ! Онъ весь—*изъ драгоценныхъ камней* (Апок. 21: 10—21), и конечно несравненно превосходнѣйшихъ, нежели какіе у насъ. Какая тамъ блаженная жизнь! Тамъ *не алчутъ и не жаждутъ* (Апок. 7: 16), тамъ *нѣтъ болѣзней, печали и въздыханія* (Пс. 35: 10), *нѣтъ и смерти* (Апок. 21: 4), тамъ *нѣтъ и ночи* (Апок. 22: 5), а одинъ невечерній и вѣчный день. Какія непостояжимыя тамъ наслажденія! Тамъ непрерывное блистаніе *славы Божіей* (Апок. 21: 23), тамъ неумолкающее пѣснопѣніе и славословіе *Богу съдѣющему на престолѣ* (Апок. 19: 4), тамъ всѣ царствуютъ съ Богомъ и будутъ *царствовать во вѣки вѣковъ* (Апок. 22: 5). Вотъ объ этой-то заграничной жизни надо бы намъ думать, Христіане. Туда-то, въ эту-то страну надо бы намъ располагаться и стремиться. Что намъ здѣшняя заграничность? Вездѣ вѣдь одинъ и тотъ же міръ, одна и та же суета, однѣ и тѣ же бѣды и скорби, не смотря ни на какія видимыя удовольствія и прелести; вездѣ человекъ одинаково немощенъ, болѣзненъ и смертенъ. А тамъ, за границею міра видимаго? Тамъ еще и истинное и вѣчное отечество наше. Туда еще и потребуютъ насъ всѣхъ. Туда мы всѣ непремѣнно должны явиться или возвратиться. Сколько бы мы не сви-

тались въ этой юдоли міра, должны будемъ наконецъ явиться туда. И, о, если бы только для радости и счастія! Если бы намъ и остаться тамъ навсегда, въ жизни блаженной, въ сообществѣ съ Ангелами и всѣми святыми! А то вѣдь недостойные могутъ быть и изгнаны изъ этого небеснаго отечества, изъ *страны вѣчно живыхъ* (Пс. 114: 8). Въ нашемъ мірѣ развѣ не случается, что недостойные сыны отечества изгоняются изъ онаго и запрещается имъ возвращеніе въ отечество? *Мнози*, сказалъ Господь Спаситель нашъ о будущей жизни, *отъ востокъ и западъ придутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Иаковомъ во царствіи Небесныхъ, сынове же Царствія изгнани будутъ*, да куда? *во тьму кромшннюю; ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѣ. 8: 11, 12). О, избавилъ бы насъ Господь этого страшнаго изгнанія и сподобилъ бы насъ, по безсмертному милосердію Своему, жить у Него и не только *видѣть блага Ею*, но и наслаждаться ими *на земли живыхъ?* (Пс. 26: 13).

Братіе! Говоря о стремленіяхъ нашихъ въ заграничное путешествіе, не ненависть къ народамъ иноземнымъ возбуждаю въ васъ, а любовь къ своему отечеству; не къ отчужденію отъ нихъ располагаю васъ, а къ твердости въ своихъ мысляхъ и постоянству въ своихъ поступкахъ; не осужденіе ихъ и образа жизни ихъ хочу поселить въ васъ, а соблюденіе своихъ добрыхъ отечественныхъ обычаевъ и нравовъ и сохраненіе святыхъ уставовъ и правилъ Православной нашей Церкви. Возлюбимъ всѣхъ, но безъ ненависти въ себѣ самимъ; будемъ друзья и общники со всѣми, но только въ добромъ и полезномъ; будемъ какъ братья ко всѣмъ, когда нужно, то безъ различія вѣрованій и мнѣній, но безъ ущерба чистоты своего Православія. Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 53.

Какъ избавиться намъ отъ грѣховъ.

Господи благослови!

Боже, очисти мя грѣшнаго.

Не далеко уже, братіе, и Св. Четырдесятница. Скоро услышимъ общій голосъ молящихся: *Боже, очисти мя грѣшнаго*. Скоро понадобится грѣшникамъ подумать о своихъ грѣхахъ. А какъ бы необходимо и всегда это дѣлать. Грѣшникамъ не думать о грѣ-

хахъ—да это такая несообразность, какой никто ни въ какомъ другомъ случаѣ допустить не можетъ. Грѣхи вѣдь не маловажное дѣло. Что я говорю? Грѣхи страшная человѣческая пагуба. Они разлучаютъ насъ съ Богомъ и удаляютъ насъ отъ Бога. *Грѣси ваши*, говоритъ Пророкъ народу Израильскому, *разлучаютъ между вами и между Богомъ и грѣхъ ради вашихъ отврати лице Свое отъ васъ* (Исаія 59: 2). Грѣхи дѣлаютъ насъ ненавистными и нетерпимыми въ очахъ Божіихъ. *Не пребудутъ беззаконницы предъ очима Твоима* (Пс. 5: 6), исповѣдуетъ предъ Богомъ Давидъ. Грѣхи затворяютъ для насъ царствіе Божіе и лишаютъ насъ блаженства вѣчнаго. Апостоль Павелъ, исчисливъ однажды грѣхи человѣческіе, сказалъ, что *таковая творящии Царствія Божія не наследятъ*. (Гал. 5: 21). Грѣхи осуждаютъ на муку вѣчную. *Идите отъ Мене проклятій во огнь вѣчный* (Матѳ. 25: 41), скажетъ Господь послѣ всемірнаго страшнаго суда грѣшникамъ. И послѣ этого не думать грѣшникамъ о своихъ грѣхахъ? Не думать каждому и изъ насъ, братіе, о себѣ: „что же де со мною будетъ? Вѣдь и я грѣшникъ. Куда мнѣ съ грѣхами своими? Какъ мнѣ избавиться отъ грѣховъ? Сдѣланнаго уже не передѣлаешь; прежней жизни не переимѣнишь. Отъ беззаконій своихъ не отречешься. Въ этомъ обличаетъ меня собственная моя совѣсть. Въ этомъ обличитъ меня Самъ всевѣдующій Господь. *Обличу тя*, говоритъ, *и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 9: 21). Какъ же явиться мнѣ предъ Бога? Помилуетъ ли меня Богъ? Простятся ли мнѣ грѣхи? О, только милосердіе Божіе могло бы спасти человѣка; только упованіемъ на милость Божію могъ бы успокоиться грѣшникъ. Но какъ заслужить эту милость Божію? Чѣмъ увѣриться, что Богъ не осудитъ меня за грѣхи мои? Простятся ли въ самомъ дѣлѣ грѣшнику грѣхи?

„Простятся ли грѣшникамъ грѣхи?“ О, этотъ вопросъ величайшей важности. А о немъ-то, съ удивленіемъ и прискорбію, всего менѣе и думаемъ мы, братіе. Какъ будто не грѣшники, о грѣхахъ своихъ мы не помышляемъ и объ избавленіи отъ нихъ не заботимся. Сознаемся сами, что мы—грѣшники, вѣруемъ, что въ будущемъ ожидаетъ насъ или Царствіе Божіе, или мука вѣчная, и однакожь мало и рѣдко приходимъ къ таковой мысли: что-де будетъ со мною на томъ свѣтѣ? Наслѣдую ли я Царство Небесное? Не помѣшаютъ ли мнѣ въ томъ грѣхи мои? Не осудитъ ли меня Богъ, какъ грѣшника, на вѣчное мученіе? Нѣтъ. Не такъ бываетъ съ нами въ дѣлахъ житейскихъ. Не такими оказываемся мы въ отношеніяхъ въ міру и временной жизни. Ежели предвидимъ какое для себя благополучіе,

или угрожаетъ намъ какая неудача, потеря и несчастіе, это у насъ, обыкновенно съ ума нейдетъ; только о томъ и думаешь, какъ бы достигнуть благополучія, или избѣжать потери и несчастія. А будущее, небесное, вѣчное? Ахъ, братіе! Хоть бы намъ столько заботиться о душѣ, сколько заботимся о тѣлѣ, хоть бы столько пецись о избавленіи себя отъ грѣховъ, сколько печемся о избавленіи себя отъ несчастій и бѣдъ временныхъ. Грѣхи—страшная для насъ язва. Безъ нихъ намъ открытъ входъ въ рай и царство; съ ними мы должны низринуться въ геенну.

Какъ намъ избавиться отъ грѣховъ? Простятся ли грѣшникамъ грѣхи? Ободримся, утѣшимся, возрадуемся въ печали по Бозѣ обрѣтающіеся грѣшники. Простятся, всѣмъ намъ простятся грѣхи наши.

Простятся грѣшникамъ грѣхи. Надежду на это даетъ намъ безмѣрное милосердіе Божіе. Богъ нашъ есть *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. 1: 3), *Онъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, не по беззаконіемъ нашимъ творитъ намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздаетъ намъ* (Пс. 102: 8, 10). Въ этомъ увѣряемся мы собственнымъ свидѣтельствомъ Его. *Азъ есмь, говоритъ Онъ грѣшнику чрезъ пророка, заглаждая беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя* (Исаія 43: 25). *Не хочу, говоритъ чрезъ другаго Пророка, смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему* (Иезек. 33: 11).

Простятся грѣшникамъ грѣхи. У насъ есть Ходатай и Спаситель, Сынъ Божій Иисусъ Христосъ. *Аще кто согрѣшитъ, говоритъ Св. Апостоль Іоаннь, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2: 1). *Свидѣтельствуемъ, говоритъ онъ же, яко Отецъ посла Сына Спасителя міру* (1 Іоан. 4: 14). Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ, для того и пришелъ въ міръ, сдѣлался человѣкомъ, пострадалъ и умеръ на крестѣ, чтобы спасти грѣшниковъ. *Вѣрно слово, говоритъ Св. Апостоль Павелъ, яко Христосъ Иисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти* (1 Тим. 1: 15). *Иже, говоритъ тотъ же Апостоль о Христѣ, далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія* (Тит. 2: 14). *Той, говоритъ Апостоль Іоаннь о Христѣ, очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ* (1 Іоан. 2: 2). *Христосъ, говоритъ Св. Апостоль Петръ, о грѣсѣхъ нашихъ пострадалъ, праведникъ за неправедники* (1 Петр. 3: 18), *Иже грѣхи наша Самъ вознесе на тѣль Своемъ на древо, Ело же язвою мы исцѣлихомъ* (1 Петр. 2: 24). Слышите ли, братіе, о чемъ свидѣлствуютъ намъ, въ чемъ увѣряютъ насъ Божественные ученики Христовы, Святые Апостолы? Свидѣлствуютъ намъ и увѣ-

ряютъ насъ, что Богъ нашъ, Отецъ Небесный, послалъ Сына Своего спасти грѣшниковъ, что Сынъ Божій, Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, пострадалъ за насъ, взялъ на Себя наши грѣхи, очистилъ насъ Своею кровію, искупилъ насъ, оправдалъ насъ,—и мы, *уже иногда не люди, нынѣ же люди Божіи* (1 Петр. 2: 10), *и наследницы по обѣтованію жизни вѣчныя* (Тит. 3: 7). О, какіе блаженные мы! Какихъ бѣдъ избавились мы милосердіемъ Божиимъ! Что, если бы не милость Божія къ намъ? Если бы Богъ, по премудрости и благодати Своей, не устроилъ нашего спасенія? Если бы мы остались навсегда съ грѣхами своими?

Ахъ, братіе! Велика, безпредѣльна, непостижима милость Божія къ намъ грѣшнымъ. Самъ Господь спасаетъ насъ, прощаетъ намъ грѣхи наши и призываетъ насъ къ Себѣ, въ Царство Небесное. Остается намъ со своей стороны, такъ сказать, спасти себя; остается намъ пользоваться искупленіемъ Христовымъ, усвоить себѣ спасительную благодать Божію. Какъ? Покаяніемъ. *Покайтесь, такъ началъ благодатную проповѣдь Свою Спаситель нашъ, покайтесь приблизится бо Царство Небесное* (Матѣ. 4: 17). Какъ бы такъ сказалъ Онъ: „грѣшники! прощаются вамъ грѣхи, готово вамъ отъ Меня спасеніе, отверзто для васъ Царство Небесное. *Покайтесь же, оставьте прежній путь грѣха, обратитесь къ Богу. Я для васъ и пришелъ, не для праведниковъ, которые не требуютъ покаянія* (Лув. 15: 7), *пришелъ Я,—а для васъ, грѣшники; васъ призываю къ покаянію, васъ хочу помиловать и спасти. Не придохъ призватьи праведники, но грѣшники на покаяніе*“ (Марк. 2: 17). О, чудо милосердія Божія! Грѣшниковъ спасаетъ, грѣшниковъ призываетъ къ Себѣ Господь нашъ; одного уже покаянія ожидаетъ отъ насъ; прощая и забывая всѣ прежніе наши грѣхи, требуетъ только отъ насъ, чтобы мы раскаялись въ нихъ, возгнушались ими, перестали творить ихъ, и обратились съ вѣрою и любовію къ Нему, Искупителю нашему Иисусу Христу. *Обратитесь ко Мнѣ, и спасетесь* (Исаія 45: 22); *беззаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, жизнью поживетъ; вся согрѣшенія его, елика сотворилъ не помянутся ему* (Иезек. 18: 21, 22), взывалъ Онъ къ грѣшникамъ еще чрезъ Пророка.

И вѣрно слово Господне. Оно оправдалось безчисленными опытами вающихся и спасающихся грѣшниковъ. Заглянемъ ли въ древнія времена? Вотъ царь Израильскій Давидъ. Онъ тяжко согрѣшилъ предъ Богомъ, павши въ прелюбодѣяніе и убійство; но покался, и получилъ прощеніе. Вотъ царь Іудейскій, Манассія. И онъ тяжко

согрѣшилъ предъ Богомъ, отступивъ отъ Него и водворивъ въ царствѣ своемъ языческое кумиропослуженіе; но обратился въ покаяніи къ Богу и былъ помилованъ. Посмотримъ ли на дни благодати Евангельской. Вотъ приточный грѣшникъ подъ именемъ блуднаго сына. Оставилъ онъ отца, ушелъ въ чужую сторону, и тамъ предавался порокамъ и страстямъ; но образумился, возвратился съ раскаяніемъ къ отцу, — и принять имъ съ любовію. Вотъ блудница. Осквернивъ себя непотребными дѣлами, она приходитъ ко Христу, повергается предъ Нимъ въ покаяніи и слезахъ, — и получаетъ отъ Него отпущеніе грѣховъ. Вотъ мытарь. Отягченный грѣхами, онъ въ чувствѣ горькаго сокрушенія проситъ милости у Бога, — и получаетъ оправданіе. Вотъ разбойникъ. Вися на крестѣ, какъ достойный казни злодѣй, онъ приходитъ въ раскаяніе о своихъ грѣхахъ, проситъ у Распятаго съ нимъ Испытателя участія въ Царствѣ Его, — и получаетъ отъ Него обѣтованіе блаженнаго пребыванія въ раю. Вотъ первый изъ Апостоловъ, Петръ. Побѣжденный человѣческимъ страхомъ, онъ отрекается отъ страждущаго Христа; но омываетъ свое паденіе горькими слезами, — и получаетъ отъ Него, по воскресеніи, утѣшеніе и прежній чинъ апостольства. Вотъ и новоизбранный Апостолъ, Павелъ. Изъ гонителя Христова онъ сдѣлался Апостоломъ и проповѣдникомъ Евангелія — черезъ что? Черезъ покаяніе и смиренное послушаніе гласу Христову. А если обратимъ вниманіе на времена Христіанства, то тутъ и числа нѣтъ грѣшникамъ, кающимся и спасающимся. Исторія Церкви есть исторія силы и дѣйствій благодати Божіей и спасенія человѣческаго. Въ это время, по слову Христову, и по свидѣтельству Церкви, *дверь Царствія Божія широко отверзется, и превосхищаютъ е фарисеи, и прелебодѣи кающіиися* (велик. кан. пѣсн. 9).

Видите ли, братіе, сколько спасающихся грѣшниковъ! А чѣмъ они спасались? Покаяніемъ. Покаяніе — единственное средство спасенія грѣшниковъ. Безъ покаянія не прощаются намъ грѣхи, теряется для насъ благодать Спасителя нашего и грозитъ намъ, какъ неискупленнымъ, неизбежная пагуба. *Аще не покается еси погибнете* (Лук. 13: 3), сказалъ Господь. Поэтому Святая Христова Церковь заповѣдаетъ всѣмъ Христіанамъ ежедневно испрашивать у Господа Бога, *прощеніе и оставленіе грѣховъ и прегрѣшеній* и того еще, чтобы все прочее время живота въ миръ и покаяніи скончати (ект. просит.). Поэтому она ежегодно установила общее, открытое покаяніе Христіанъ, и для сего назначила, преимущественно, святую и великую Четыредесятницу. О, еслибы и намъ, братіе, еди-

нодушно, единомысленно съ силою торжественною раскаяться въ своихъ грѣхахъ, омыть въ слезной купели свои беззаконія, испросить у Бога и получить отъ Него чрезъ отцевъ духовныхъ прощенье и оставление прегрѣшеній нашихъ, посѣтила бы насъ тогда съ ощутительнымъ обиліемъ благодать Божія, чего да сподобимся всѣмъ благодатію, и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же буди со Отцемъ и Святымъ Духомъ, слава во вѣки!

П О У Ч Е Н І Е 54.

Благоразумный разбойникъ для насъ образецъ
покаянія и спасенія.

Господи благослови!

*Помяни мя Господи, егда приидеши
во Царствіи Твоемъ.
(Лук. 23: 42).*

Вотъ и этотъ голосъ скоро съ особенною силою услышится въ Православной нашей Церкви, братіе! И эту покаянную молитву мы преимущественно усвоимъ себѣ, и торжественно будемъ повторять ее въ наступающіе дни покаянія. А чей это голосъ? Чья это молитва? Распятаго на крестѣ разбойника. И такъ мы послѣдуемъ разбойнику, равняемъ себя съ разбойникомъ? Много же подумаешь, у насъ смиренія, когда мы, не разбойники, встаемъ въ рядъ съ разбойникомъ. Трудно-ли, кажется, послѣ этого уповать намъ на благость Божию, и ожидать себѣ той же счастливой участи, какой сподобился и разбойникъ, т. е. наслѣдованія небеснаго рая? Точно братіе, *кажется*, — и никакъ не болѣе. Гдѣ разбойникъ-то былъ? На крестѣ. Онъ понесъ на себѣ страшную казнь, претерпѣлъ мучительнѣйшее страданіе. Скажете: „онъ заслужилъ эту казнь, это страданіе, — вѣдь онъ былъ разбойникъ, злодѣй, тяжкій грѣшникъ предъ Богомъ“. Такъ. А мы? Мы развѣ не грѣшники предъ Богомъ! Онъ согрѣшилъ; за то и понесъ достойную казнь; ему отмѣрено, такъ сказать, должное за его беззаконія. А мы? Мы такъ же, какъ и онъ, хотя не въ одинаковомъ родѣ преступленія, грѣшимъ, и грѣшимъ непрестанно; что же претерпѣли мы за свои грѣхи? Чѣмъ заплатили за свои беззаконія? Чѣмъ намъ возмѣрено за наши беззаконія? По большей части ничѣмъ: многіе и премногіе изъ васъ, при всѣхъ грѣхахъ своихъ, еще благоденствуютъ, наслаждаются спо-

койствіемъ и удовольствіями, не хотятъ перенести и малѣйшей неприятности, бѣжать и отъ самаго легкаго терпѣнія и труда. Разбойникъ, стало-быть, достойнѣ насъ; разбойникъ болѣе, чѣмъ мы, заслуживаетъ милость отъ Бога, разбойнику первое мѣсто въ раю, если бы и мы, грѣшныя, удостоены были рая. Но и одного терпѣнія и страданія за грѣхи недостаточно для получения милости отъ Бога и для наслѣдованія рая. Другой разбойникъ тоже страдалъ и терпѣлъ, но не сподобился рая — за что? За нераскаянность. Онъ умеръ, не сознавъ своихъ грѣховъ, и не обратившись къ Богу въ покаяніи и молитвѣ. Не такъ поступилъ разбойникъ *благоразумный*. Вѣроятно онъ не таковъ и былъ, какъ его товарищъ, не такъ золь и жестокъ, какъ этотъ несчастный; конечно, онъ не чуждъ былъ и добраго разсудка и добрыхъ чувствъ и впадалъ въ преступленія, можетъ быть, болѣе увлекаемый худыми примѣрами и худымъ товариществомъ. Есть преданіе, что этотъ именно разбойникъ избавилъ отъ напасти святое семейство, когда они, бѣжа изъ Іудеи отъ убійственной руки Ирода, путешествовали въ Египетъ. Какъ бы ни было, но сострадавшій Христу разбойникъ получилъ отъ Него прощеніе грѣховъ и наслѣдовалъ рай за покаяніе. Поэтому Святая Церковь и представляетъ его намъ въ примѣръ покаянія, поэтому мы и повторяемъ молитву его во дни покаянія.

Да, братіе. *Благоразумный* разбойникъ—примѣръ для нашего покаянія, образецъ для нашего спасенія. Онъ поучаетъ насъ, что можно и грѣшнику спастись, и что способъ къ нашему спасенію именно есть покаяніе. Поучимся же покаянію у этого наставника, и для сего посмотримъ, какимъ является онъ на крестѣ.

Извѣстно,—со Спасителемъ нашимъ Христомъ распяты были два разбойника, одинъ по правую, другой—по лѣвую сторону. Последний, за одно съ врагами Спасителя, злословилъ и поносилъ Его, а первый выговаривалъ за это безумному, и унималъ его отъ такого злохуленія. *Ни м ты*, говорилъ ему, *боишься Бога, яко въ томже осужденъ еси* (Лук. 23: 40). Видите ли, братіе, различіе между разбойниками? Замѣчаете ли *благоразуміе* и *добродушіе* въ первомъ изъ нихъ? Унимая своего товарища отъ нечестиваго злохуленія и напоминая ему о страхѣ Божіемъ, онъ этимъ засвидѣтельствовалъ о себѣ, что самъ, не смотря на свои грѣхи и беззаконія, былъ чловѣкъ богобоязненный, зналъ и почиталъ Бога, страшился Его гнѣва и праведнаго суда. Не таковъ ли долженъ быть и каждый кающійся грѣшникъ? Не нужно ли грѣшнику и всегда помнить, а во дни покаянія представлять себѣ Бога, Его гнѣвъ на грѣшниковъ, Его

нелицепріятную правду и судъ на незаконныхъ. Иначе что будетъ съ грѣшникомъ? Онъ или вовсе не обратится къ покаянію, или принесетъ покаяніе только по обряду, безъ чувства о грѣхахъ, безъ обращенія къ Богу, и слѣдовательно только въ вѣщій грѣхъ и для большаго осужденія. Да, страшно жить безбоязненно, пагубно не знать Бога, не имѣть страха Божія и не думать о судѣ, ожидающемъ грѣшниковъ.

Далѣе, благоразумный разбойникъ, унижая и обличая своего злочестиваго товарища, сказалъ ему: *и мы убо въ правду*, т. е. осуждены; *достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева* (Лук. 23: 41). Что мы видимъ въ этихъ словахъ разбойника? Сознаніе своихъ грѣховъ чувство самоосужденія, свидѣтельство о правдѣ Божіей, и чрезъ законныя власти, наказующей грѣшниковъ, раскаяніе въ своихъ порокахъ и преступленіяхъ. Тоже должно быть и съ каждымъ кающимся грѣшникомъ. Необходимо каждому кающемуся сознать свои грѣхи, восчувствовать свою виновность предъ Богомъ, исповѣдать себя достойнымъ осужденія, расторгнуть сердце свое въ сокрушеніи, облить себя слезами покаянія. Безъ этого, безъ такихъ мыслей и чувствъ, безъ такого сокрушенія и слезъ и что будетъ за покаяніе? Благопріятно ли оно будетъ предъ Богомъ? Сильно ли будетъ доставить намъ отпущеніе грѣховъ? Нѣтъ. Такая благодать изливается только на искренно и сокрушенно кающихся.

Затѣмъ благоразумный разбойникъ, какъ бы угадуя на Распятаго съ нимъ Христа, сказалъ: *сей же ни единого зла сотвори* (Лук. 23: 41). Что, думаете, выразилъ этимъ разбойникъ? Вѣру въ Спасителя и надежду на Его милосердіе. Онъ не могъ не слышать и не знать, кто и каковъ былъ Распятый посреде ихъ, чему училъ, какія дѣла совершалъ, какія знаменія и чудеса творилъ, не могъ не знать, что Онъ невинно и несправедно осужденъ, а потому, озаряемый свѣтомъ благодати, увѣровалъ въ Его Божество и рѣшился прибѣгнуть въ раскаяніи къ Его милосердію, уповая, что такой Благодѣтель челоуѣчества и Искупитель міра не отвергнетъ и его, грѣшника, а проститъ, помилуетъ и Царствія Небеснаго сподобитъ. Въ такихъ именно мысляхъ и чувствахъ долженъ быть всякій кающийся грѣшникъ. Онъ долженъ быть одушевленъ вѣрою въ Христа Бога—Спасителя нашего и упованіемъ на Его милосердіе. Онъ долженъ убѣдить себя, что Христосъ Спаситель не отвергаетъ ни одного грѣшника кающагося, напротивъ того *всѣмъ челоуѣкомъ хочеть спастися* (1 Тим. 2: 4), и потому долженъ съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Его прибѣгнуть въ Нему, прося у Него

оставленія грѣховъ; онъ долженъ убѣдить себя, что одно, и самое сокрушенное покаяніе наше не сильно избавить насъ отъ грѣховъ, что, какъ безъ Спасителя не могъ міръ получить спасенія, такъ безъ вѣры въ Спасителя и упованія на Его Божественную благодать и милость, не можетъ и кающійся грѣшникъ получить оставленія грѣховъ. Дѣйствительно, братіе, необходимо кающемуся грѣшнику вѣровать въ Христа Бога Спасителя нашего, и съ упованіемъ прибѣгать къ Его милосердію. Вѣдь не сами же мы спасаемъ себя, — спасаетъ насъ Христосъ Богъ, взирая на нашу вѣру и пріемля наше исповѣданіе. Безъ вѣры и упованія на Христа Бога ежели можетъ быть раскаяніе, то развѣ отчаянное, а никакъ не богопріятное и не спасительное.

Указавъ на невинно осужденнаго и распятаго Христа, благо-разумный разбойникъ самъ наконецъ обращается къ Нему, исповѣдуетъ Его *Господомъ* Богомъ, и покаяннымъ гласомъ приноситъ Ему молитву объ отпущеніи грѣховъ своихъ и о томъ, чтобы Господь вспомнилъ его Своею милостію въ будущемъ славномъ пришествіи Его. *Помяни мя, Господи, говоритъ егда приидеши во Царствіи Твоемъ* (Лук. 23: 42). Какой теперь чудный свѣтъ въ душѣ разбойника! Уже онъ видитъ, что Распятый съ нимъ есть Господь, Царь славы; уже ему представляется, что славное Царство Божіе готово открыться, что Христосъ скоро придетъ въ славѣ Своей облаженствовать вѣрующимъ въ Него, и потому умоляетъ Его милостиво вспомнить и о немъ и сподобить его Царствія Небеснаго. Чудна вѣра разбойника, чудно и милосердіе Христова! Господь, по молитвѣ разбойника, обѣщаетъ ему рай, и видя свѣтлую вѣру его, уже не отлагаетъ исполненія своего обѣщанія, а въ тотъ же день, въ тотъ же почти часъ хочетъ удостоить его съ Собою райскаго наслѣдія. *Днесъ, сказалъ, со Мною будеши въ раи* (Лук. 23: 43). Когда и мы, братіе, будемъ приносить Господу Богу покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ, то должны, по примѣру разбойника, умолять Его милосердіе, чтобы Онъ, ради божественныхъ заслугъ Своихъ, кающихся насъ помиловалъ и простилъ и Царствія Небеснаго сподобилъ. Молитва—внѣць покаянія, отрада для кающагося. Какое спокойствіе, какая сладость, какое упованіе въ душѣ, когда грѣшникъ, исповѣдавъ грѣхи свои, прольетъ къ Искупителю молитву объ избавленіи ихъ, и объ удостоеніи себя, съ разбойникомъ, блаженнаго пребыванія въ раю! И непременно услышится, хотя тайно, но не менѣе сладостно, въ душѣ грѣшника тотъ же божественный голосъ Сладчайшаго Иисуса: *днесъ со Мною будеши въ раи*.

Вотъ, братіе, какъ благоразумный разбойникъ каялся, и какъ мы, по примѣру его, должны каяться въ своихъ грѣхахъ! Не забудемъ и того, что разбойникъ былъ уже на крестѣ, терпѣлъ за свои беззаконія мучительнѣйшую казнь. Этимъ самымъ онъ, и съ своей стороны, какъ бы заплатилъ, какъ бы искупилъ, по отношенію къ гражданскому правосудію, свои беззаконія, и съ большимъ дерзновеніемъ могъ ожидать себѣ прощенія ихъ отъ Бога, и милости и спасенія въ день судный. Не излишне, братіе, а потребно и всякому грѣшнику, для очищенія своихъ грѣховъ и для успокоенія своей совѣсти, присовокуплять къ покаянію и отъ себя жертву терпѣнія и труда, произвольнаго озлобленія своей страстной и грѣхολюбивой плоти. Да такъ точно и дѣлаетъ Святая Церковь. Для этого она установила постъ, бдѣніе, молитвы, поклоны, для этого заповѣдуетъ намъ во дни покаянія сокрушеніе, воздыханія, слезы. Для этого она вводитъ насъ въ подвигъ Святой Четырдесятницы, чтобы мы, очищая грѣхи свои покаяніемъ, въ успокоеніи своей совѣсти, и какъ бы въ нѣкое возмѣреніе себѣ, за свое самолюбіе, вышедшее изъ границъ правды, потерпѣли трудъ и болѣзнь, и по подобію распятаго разбойника, *распяли плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5: 24). О, если бы и насъ, братіе, содѣлалъ Господь, подобно благоразумному разбойнику, благоразумными грѣшниками и сподобилъ нами въ наступающую Святую Четырдесятницу принести ему спасительное покаяніе въ своихъ грѣхахъ! Если бы и наше покаяніе принялъ, какъ покаяніе благоразумнаго разбойника, и съ нимъ, по смерти, удостоилъ насъ рай небеснаго! Будемъ отъ умиленной и сокрушенной души взывать къ Нему: *Господи, съ разбойникомъ Царствія Твоего сподоби насъ* (стихир. на воздв. врест.). Боже нашъ, слава Тебѣ.

П О У Ч Е Н І Е 55.

Безпечность наша въ исправленіи себя и необходимость помощи Божіей къ покаянію и исправленію нашему.

Господи благослови!

Господи, прежде даже до конца не пощени, спаси мя.

(Прич. стихир. велик. канон.).

И еще, братіе, вопль кающагося, которому научаетъ насъ Святая Церковь во дни покаянія. Вотъ какъ заботлива о насъ

Святая Церковь, эта духовная наша Матерь. Чего не дѣлаетъ она, какихъ не предпринимаетъ способовъ, чтобы пробудить насъ отъ грѣховнаго сна! Сколько простираетъ къ намъ чувствительныхъ матернихъ гласовъ, воззвающихъ насъ къ покаянію и исправленію! *Душе моя, душе моя*, вопіетъ она къ каждой Христіанской душѣ, *востани, что спиши? конецъ приближается* (конд. вел. кан.). *Приближается, душе, конецъ, приближается, и не радиши, ни готовишися; время сокращается, востани, близъ при дверехъ Судія есть* (троп вел. кан.). *Обратися, покаяся, душе, прежде даже не приметъ конецъ житія торжество, прежде даже дверь не заключитъ чертога Господь* (тамъ же). Слышите, братіе, сердобольныя воззванія къ намъ Святой Православной нашей Церкви? Постигаете ли материнскую заботливость Ея о нашемъ спасеніи? Чувствуете ли, въ какомъ она опасеніи за насъ, какъ страшится за насъ, чтобы не погибли въ своихъ грѣхахъ? А погибнуть не долго намъ, братіе, при нашей безпечности о себѣ. Посмотримъ-ка на себя, въ какомъ мы положеніи относительно спасенія своей души.

Думаемъ ли, и много ли думаемъ мы о своемъ спасеніи? Заботимся ли, и много ли заботимся о исправленіи своей жизни? Тѣ ли у насъ расположенія, такія ли занятія, какія приличны и необходимы Христіанамъ? Мы только и думаемъ о земномъ, о житейскомъ; насъ беспокоитъ только забота о томъ, какъ бы жить и прожить безбѣдно, въ довольствѣ, въ спокойствіи, какъ бы избѣгать непріятностей, недостатковъ, трудовъ. А у многихъ забота есть и такая, какъ бы прожить пріятно, весело, въ непрестанныхъ удовольствіяхъ, какъ бы насытить страсти честолюбія, любостыжанія, и даже чувственныя, плотскія. О иныхъ и не говоримъ (а вѣдь есть, особенно въ наше время, и пожалуй числятся еще между Христіанами такіе), которые разубѣждаются и въ бытіи Бога, и въ искупленіи міра Иисусомъ Христомъ, и въ будущей жизни, для которыхъ потому не предлежитъ уже и забота о душѣ. Пусть мы, благодаря Бога, и не таковы; пусть исполняемъ Христіанскія обязанности, знаемъ Бога, вѣруемъ во Христа, какъ истиннаго Бога нашего, ходимъ по временамъ въ церковь, принимаемъ участіе въ молитвѣ, отправляемъ праздники, соблюдаемъ даже постъ, — пусть все это дѣлаемъ: да перестаемъ ли грѣшить-то? Избѣгаемъ ли хотя тяжкихъ-то грѣховъ? Вооружаемся ли хотя противъ замѣтныхъ-то для насъ пагубныхъ страстей? Стараемся ли исправлять-то себя? Заботимся ли о жизни-то духовной, Христіанской? Вотъ объ этомъ-то мало, мало думаемъ мы братіе! Этой-то спасительной заботы у насъ нѣтъ, или почти нѣтъ.

Чтожь, если и обратимъ на себя вниманіе, если и увидимъ худое и опасное свое положеніе, если и восчувствуемъ нужду исправить себя, перемѣнить свой образъ жизни? Не на этомъ ли только и останавливаемся? Не съ однимъ ли только и остаемся чувствомъ грѣха, сознаниемъ потребности своего исправленія? Не одно ли носимъ въ душѣ и совѣсти своей намѣреніе отстать отъ грѣховъ, перемѣнить свой образъ жизни, на самомъ же дѣлѣ ни мало не отставая отъ грѣховъ и не перемѣняя своей жизни? Не на одно ли всегда будущее возлагаемъ надежду исправленія, отлагая самое исправленіе со дня на день, отъ сегодня до завтра? Пусть и придетъ это счастливое время, пусть рѣшимся мы самымъ дѣломъ оставить грѣхъ, вооружиться противъ страстей, перемѣнить себя на лучшее: далеко ли обыкновенно и на этотъ разъ мы подвинемся? Сколь дѣйствительно и прочно и тогда наше исправленіе? Разъ, много два удержимся отъ грѣха, выстоимъ противъ искушеній и страстей,—и только. Опять та же жизнь, опять тѣ же желанія и страсти, опять тѣ же грѣхи. Часто и при желаніи исправить себя, не находимъ какъ будто въ себѣ силъ противиться грѣху, и только повторяемъ грѣхъ за грѣхомъ, паденіе за паденіемъ! Когда же перестанемъ грѣшнить? Когда начнемъ твердое и постоянное исправленіе себя? Когда перемѣнимъ образъ жизни, плотскій на духовный, порочный на добродѣтельный, богопротивный и душевредный на богопріятный и спасительный? Когда? Годы идутъ, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, даже семьдесятъ лѣтъ,—а мы все тѣ же, все съ тѣми же расположеніями и мыслями, съ тѣми же житейскими заботами съ тѣми почти желаніями и страстями, въ насъ почти нѣтъ перемѣны, нѣтъ превозмогающей заботы о своемъ спасеніи. Какой же этому будетъ конецъ? Вѣдь смерть всегда у насъ, какъ говорится, за плечами. Что, ежели она внезапно порѣшитъ нашу судьбу? А ужъ порѣшитъ, вонечно, не на радость намъ. Вѣдь, по слову Божію, *смерть грѣшниковъ мота* (Пс. 33: 22). Конецъ грѣшниковъ—погибель. *Господь вся грѣшники потребитъ* (Пс. 144: 20), говоритъ то же слово Божіе. Самъ Господь сказалъ: *еще не обратитесь* (Матѣ. 18: 3), *и не покаетесь, вси погибнете* (Лук. 13: 3).

Ахъ, братіе! Какъ нужно намъ имѣть заботу о своемъ спасеніи. Какъ нужно опасаться намъ, чтобы смерть наша не застала насъ во грѣхахъ. А какъ скоро мы чувствуемъ свою немощь, какъ скоро мы испытали, что не можемъ противиться растлѣнной своей природѣ, и зачастую при всемъ вниманіи и тщаніи противъ грѣха, при всей даже ненависти ко грѣху, падаемъ: о, какъ необходима

намъ тогда молитва къ Богу о помощи, какъ необходимо тогда каждому грѣшнику взывать изъ глубины души: *Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!* А Господь и не хочетъ погибели грѣшника. *Не хочу, говорить, смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему* (Иезек. 33: 11). Господь и готовъ, всегда готовъ спасти всякаго грѣшника. *Обратитесь ко Мнѣ, говорить, и спасетесь* (Исаія 45: 22). Вотъ и средство во спасенію грѣшника—покаяніе. *Покайтесь* (Матѣ. 4: 17), сказалъ Господь всѣмъ. *Покайтесь* (Дѣян. 2: 38), сказалъ Апостоль Петръ увѣровавшимъ Іудеямъ. *Всѣмъ языкомъ проповѣдую покаяться и обратитися къ Богу* (Дѣян. 26: 20), говорилъ Апостоль Павелъ. Это же спасительное средство предлагаетъ, къ этому же спасительному средству призываетъ и Святая Церковь душу важдаго грѣшника. *Обратися, душе, вопіеть она, покайся* (троп. вел. кан.). Покаяніе предлагаетъ, къ покаянію призываетъ Святая Матерь наша Церковь опять всѣхъ насъ, братіе, въ наступающіе дни великой Четырнадцатниці. И о, если бы намъ еще воспользоваться этимъ спасительнымъ средствомъ! О, если бы намъ, совокупно всѣмъ очистить грѣхи свои искреннимъ покаяніемъ, и положить благое начало жизни святой Христіанской и возопить всѣмъ, какъ бы отъ лица одного Спасителю нашему Богу: *„покаянія время: прихожду Ты Создателю моему, возми бремя отъ мене тяжкое грѣховное* (троп. вел. кан.). О, тогда во сколько легче было бы наше исправленіе и доброе пребываніе въ благожителствѣ. А теперъ приходится каждому порознь говорить: Господи! еще дожилъ я до Святой Четырнадцатниці, еще сподобилъ Ты меня вступить въ спасительные дни покаянія,—и вотъ я прихожу къ Тебѣ, Создателю и Спасителю моему, и умоляю Тебя, пріими меня вающагося, какъ блуднаго сына, и помилуй меня. Агнець Божій, взявшій грѣхи всѣхъ! сними и съ меня тяжкое грѣховное бремя. *Отъ юности, Христе, заповѣди Твоя преступилхъ, всестрастно небрегий, уыніемъ преидохъ житіе* (тамъ же). Всю жизнь мою провелъ я въ грѣховномъ нерадѣніи, постоянно нарушая заповѣди Твоя, и осквернилъ и душу и тѣло свое помыслами нечистыми и похотыми и страстьми злыми. Но, *аще и единъ согрѣшилхъ, яко человекъ, паче всякаго человека, человекѣлюбче, но имаша, яко Господь всѣхъ, власть оставляти грѣхи. Ты убо, яко врачъ, Христе, покаяніемъ моимъ уврачуй мя, омый, очисти, покажи, Спасе мой, паче сняла чистѣйша* (тамъ же). Исцѣли немощи мои, очисти грѣхи мои, омый скверны мои, просвѣти помраченную лють житейскими сластьми душу мою. *Зову Ты, Спасе: поне наконецъ спаси мя* (тамъ

же). Спаситель мой! Не дай погибнуть мнѣ въ беззаконіяхъ моихъ, но хотя при концѣ жизни моей Божественною благодатію Твоею воззови и спаси меня. *Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!*“ Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 56.

Воспоминаемая Церковію въ Святую Четырдесятницу Преподобная Марія Египетская есть примѣръ для нашего покаянія и спасенія.

Господи благослови!

*Преподобная мати Маріе моли
Бога о насъ.*

Въ Святую Четырдесятницу, во дни покаянія по часту слышимъ мы, братіе, имя Преподобныя Маріи, Которую воспоминать и къ Которой съ молитвою прибѣгать располагаетъ насъ Святая Церковь. Таѣъ призывается Преподобная въ цѣлословной молитвѣ при чтеніи великаго канона, на первой и на пятой седмицахъ Великаго поста.—Таѣъ къ воскресной службѣ присовокупляется цѣлое молитвословное послѣдованіе ей въ пятую недѣлю того же поста. Извѣстно, какая это *Марія*. Это—Марія, именуемая *Египетскою*, подвижница, которая *страннымъ житіемъ своимъ*, по словамъ Церкви, *удивила всѣхъ, Ангеловъ чины и человекъ Соборы* (троп. вел. кан.). Понятно и то, для чего Святая Церковь представляетъ намъ это Священное лице во дни покаянія; представляетъ намъ именно въ примѣръ покаянія, и для возбужденія насъ къ покаянію. Чтобы возбудить насъ грѣшныхъ къ покаянію и показать намъ, сколь спасительно покаяніе, Святая Церковь представляетъ намъ такия лица, которыя сами были грѣшниками, но послѣ обратились къ покаянію и получили отъ Бога прощеніе и отпущеніе грѣховъ. Таковъ мытарь, таковъ блудный сынъ, которыхъ въ предшествующіе посту воскресные дни по притчамъ воспоминаетъ Святая Церковь. Такова и Преподобная Марія Египетская, которая, первоначально живя въ Египтѣ, омрачила себя студными дѣлами, но послѣ, раскаявшись въ своихъ грѣхахъ, провела всю жизнь въ пустынѣ, невѣдомая никѣмъ, въ величайшемъ тер-

пѣнни, въ алчбѣ и жадѣ, и наготѣ, и за то была помилована и прославлена отъ Бога.

Прославляя и мы, съ Церковію, эту дивную жену и благоговѣнно взирая на нее, какъ на свѣтлый образецъ покаянія и спасенія, обратимъ, братіе, вниманіе на нѣкоторыя изъ чудныхъ обстоятельствъ жизни ея для собственной нашей душевной пользы.

Преподобная, живя въ Египтѣ, всѣ свои юныя лѣта провела въ студныхъ и плотскихъ дѣлахъ, такъ что была предметомъ общаго осужденія и посмѣянія въ средѣ людей. А чѣмъ стала она послѣ? Вотъ какъ опасно осуждать и самыхъ великихъ повидимому грѣшниковъ. Не знаемъ, что въ глубинѣ сердца у человѣка и что можетъ сдѣлать изъ него премудрый божественный Промыслъ. Еще Евангельская исторія показала намъ не одну подобную грѣшницу, которыя, оставивъ прежнюю грѣховную жизнь, вступили въ число избранныхъ Божіихъ. И самъ вѣдь Спаситель сказалъ фарисеямъ, этимъ мнимымъ праведникамъ: *аминь глаголю вамъ, яко мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ Царствіи Божіи* (Матѣ. 21: 31).

Преподобная, прибывъ въ числѣ поклонниковъ въ Іерусалимъ и вошедъ въ притворъ храма Божія, хотѣла, вмѣстѣ съ прочими, вступить внутрь церкви, чтобы поклониться честному древу Креста Господня и облобызать это благословенное орудіе нашего спасенія. Что же случилось? Невидимая рука удержала грѣшницу и допустила ее не прежде, какъ когда грѣшница сознала свое заблужденіе, возсворбѣла о своихъ скверныхъ дѣлахъ и рѣшилась оставить навсегда путь грѣха. Видите ли братіе, премудрость и благодѣтельность Божію? Видите ли, какъ Господь обращаетъ грѣшницу къ покаянію и исправленію, и какъ самъ дѣломъ оправдываетъ Свои слова, сказанныя у Пророка: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему* (Іезек. 33: 11). Но и грѣшница, очевидно, не чужда была расположенія къ благочестію и чистотѣ, хотя, увлекаемая бурей страстей, и погрязала во грѣхахъ, а потому *испытующій сердце и утробы* (Апок. 2: 23), Господь уже предвидѣлъ ея обращеніе и дивные подвиги на пути спасенія, и въ божественномъ опредѣленіи Своемъ изрекъ о ней, какъ о гонителѣ Своемъ Савлѣ: *сосудъ избранъ ми есть сія* (Дѣян. 9: 15).

Сподобившись получить отъ Бога такое вразумительнѣйшее знаменіе, и давъ предъ иконою Пречистыя Дѣвы обѣтъ не возвращаться болѣе въ міръ, Преподобная прямо изъ храма удалилась въ Заіорданскую пустыню, и тамъ одна, никѣмъ невѣдомая, провела сорокъ семь лѣтъ, провела все это время подъ открытымъ небомъ,

безъ одежды, безъ хлѣбной пищи, часто безъ воды, палимая солнечнымъ жаромъ и терзаемая утреннею стужей, долго,—долго потому боримая прежними страстями и похотями. Вотъ, братіе, истинное покаяніе! Цовааніе непремѣнно требуетъ рѣшительнаго намѣренія оставить грѣхъ, дѣйствительной перемѣны жизни, постоянного терпѣнія и труда въ подвигѣ благочестія. Такъ должны каяться всѣ грѣшники для очищенія своихъ грѣховъ и для умиловленія Бога, прогнѣваннаго грѣхами ихъ.

За годъ до блаженной кончины Преподобнаго, Господь Богъ открылъ наконецъ Христіанскому міру дивное терпѣніе и подвиги ея. Это было такъ. Въ одномъ, ближайшемъ къ пустынѣ, монастырѣ былъ обычай исходить братія изъ монастыря на время Святой Четырнадцатницы въ пустыню для собственныхъ каждаго тайныхъ подвиговъ, а между тѣмъ и для того, чтобы увидѣть невидимыхъ для міра, нерѣдко пребывающихъ въ пустынѣ, подвижниковъ, и получить отъ нихъ для себя назиданіе. Въ числѣ братіи вышелъ въ пустыню одинъ священно-монахъ, по имени Зосима. Этотъ старецъ послѣ многихъ дней своего странствованія, углубившись во внутреннюю часть пустыни, замѣтилъ наконецъ необыкновеннаго чело-вѣка. То была Преподобная Марія Египетская. Долго отрицалась Святая повѣдать о себѣ, но, умоленная старцемъ, открылась наконецъ ему, исповѣдала предъ нимъ всю свою ирежнюю грѣховную жизнь и все терпѣніе и подвиги пустыннаго житія. Въ то же время, отпустивъ старца, просила его прійти въ великій четвертокъ слѣдующаго года со Св. Дарами къ рѣкѣ Иордану причастить ее Святыхъ Христовыхъ таинъ, чего дѣйствительно потомъ, вышедъ изъ пустыни на Иорданъ, и сподобилась блаженная, и въ тотъ же вечеръ, по возвращеніи въ пустыню, скончалась на мѣстѣ подвиговъ своихъ.

Видите, братіе, какъ дивно Самъ Господь промыслялъ о грѣшницѣ, съ какою любовію, съ какимъ благоволеніемъ принялъ ея покаяніе, и какъ Онъ, *видяи въ тайнѣ воздалъ ей явь* (Матѣ. 6: 6), открылъ міру всѣ тайные подвиги, все неисповѣдимое терпѣніе ея. А сколько еще сообщилъ ей даровъ благодати и силы Своей, и какія показалъ на ней знаменія и чудеса! Когда она начала бесѣду къ Зосимѣ, уже показала въ себѣ даръ прозорливости и вѣдѣнія невѣдомаго ей, назвавъ пришельца-старца пресвитеромъ и собственнымъ его именемъ. Когда она въ присутствіи старца, молилась за міръ Христіанскій, старецъ видѣлъ ее стоящею выше земли. Когда вышла изъ пустыни для принятія отъ пресвитера Зо-

симы божественныхъ Даровъ, она, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ Иорданъ, перешла впередъ и обратно по водамъ. Когда Зосима, по завѣщанію Преподобныхъ, черезъ годъ снова пришелъ въ пустыню на мѣсто подвиговъ ея, и нашелъ ее уже представляющеюся, то увидѣлъ невидимымъ перстомъ начертанное на землѣ имя ея и время преставленія ея, а царь звѣрей, движимый силою Творца твари, явившись въ то же время туда, ископалъ, по повелѣнію старца, для тѣла Блаженной мѣсто земнаго покоя. Вотъ какъ Господь Богъ прославляетъ рабовъ Своихъ!

О, какіе великіе уроки преподаетъ намъ, братіе, эта дивная жена! Какъ она улаживаетъ насъ надеждою и нашего спасенія! Представьте, кто была вначалѣ Марія, и кѣмъ стала она послѣ? Сперва была она, какъ уже сказали мы, величайшая грѣшница, а потомъ сдѣлалась величайшею праведницею—какъ? Покаяніемъ. Не есть ли это убѣдительнѣйшее свидѣтельство того, что нѣтъ столь великаго грѣха, который бы не могъ быть прощенъ, и нѣтъ столь великаго грѣшника, который бы не могъ спастись, и что ничѣмъ другимъ нельзя грѣшнику спастись, какъ покаяніемъ. Преподобная, познавъ свои грѣхи и гнѣвъ Божій на грѣшниковъ, тотчасъ рѣшилась оставить путь грѣха, и, не измѣняя нимало своему намѣренію, провела всю жизнь въ борьбѣ со страстями, въ терпѣніи и молитвенныхъ подвигахъ. Не есть-ли это непререваемое доказательство того, что обращеніе и всякаго грѣшника должно быть рѣшительное и неизмѣнное, и затѣмъ уже совершенная переменъ жизни, *во еже не ктому чловчческому похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время?* (1 Петр. 4: 2) Преподобная, такіе дивные совершивъ подвиги и такъ угодивъ Богу своимъ покаяніемъ сочла для себя нужнымъ исповѣдать грѣхи свои предъ служителемъ Христовымъ и причаститься Святыхъ Христовыхъ таинъ. Не явствуетъ ли изъ этого несомнѣнно то, что покаяніе грѣшниковъ, каковы и мы всѣ, братіе, необходимо должно быть увѣнчаваемо исповѣданіемъ грѣховъ и приобщеніемъ святыхъ Христовыхъ таинъ? Преподобная какихъ сподобилась отъ Бога знаменій и чудесъ, мы видѣли, братіе. О, и на всякомъ грѣшникѣ кающемся непремѣнно бываетъ тайное знаменіе благодати и милости Божіей; и каждый грѣшникъ кающійся обрѣтаетъ въ душѣ и совѣсти святую и чистую радость, которая изливается на него съ неба, оттуда, гдѣ *радость бываетъ о единомъ* и каждомъ *грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15: 7).

Дивны судьбы Божіи о тебѣ, Преподобная Мати! *Его же убо возлюбила еси, Его же возжелъла еси, Его же ради плоть изму-*

рила еси, моли нынѣ Христа о рабѣхъ, яко да милостивъ бывъ
вспомъ намъ, мирное состояніе даруетъ почитающимъ Его (троп.
велик. кан.). Боже нашъ, слава Тебѣ!

ПОУЧЕНІЕ 57.

Достоинство и важность взаимнаго прощенія Христіанъ
при вступленіи въ Св. Четырдесятницу.

Господи благослови!

Дри вступленіи во святыи и Великий постъ, въ послѣднюю, такъ
называемую, сыропустную недѣлю, имѣемъ мы, братіе, обычай,
или лучше правило, испрашивать другъ у друга прощеніе. Есть ли
основаніе такого правила? Есть. Именно въ самомъ Евангеліи, ко-
торое читается въ тотъ день, въ собственныхъ Божественныхъ сло-
вахъ Спасителя нашего, которыя Онъ изрекъ: *аще отпущаете чело-
вѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный:
аще ли не отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ
отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѣ. 6: 14, 15). Ка-
кая связь этихъ словъ Спасителя съ соблюдаемымъ у насъ прави-
ломъ! Самая очевидная. Вступая въ святыи постъ, къ чему мы рас-
полагаемся, что намъ бреваемся сдѣлать? Принести Господу Богу по-
каяніе въ содѣянныхъ грѣхахъ, испросить у Него прощеніе своихъ
грѣховъ, если не простимъ напередъ другъ другу взаимныхъ грѣ-
ховъ нашихъ? Вѣдь, по словамъ Спасителя, и наши грѣхи проща-
ются отъ Бога только тогда, когда мы прощаемъ другимъ грѣхи
ихъ, и сами взаимно испрашиваемъ у нихъ прощеніе нашихъ грѣ-
ховъ. Значитъ, правило, наблюдаемое у насъ при вступленіи въ
Великий постъ,—правило взаимно испрашивать другъ у друга про-
щеніе, есть правило священное, правило Христіанское. Точно, бра-
тіе. Правило это вообще самое благотворное, прямое Христіанское,
очевидно необходимое и спасительное.

Благотворное правило — взаимно испрашивать другъ у дру-
га прощеніе. Кто не испыталъ тягости чувства, когда меня кто ли-
бо, или я кого либо оскорбилъ, когда мнѣ кто либо, или я кому
либо причинилъ досажденіе? Непріязнь противъ оскорбившаго и упре-
ки совѣсти противу самого себя такъ тогда и воднують душу, такъ
и грызутъ сердце,—и челоуѣкъ, при всей счастливой внѣшней об-
становкѣ, находитъ себя недовольнымъ, при совершенномъ здоровьѣ

носить въ себѣ болѣзнь, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, чувствуетъ себя какъ бы въ оковахъ. Чувство досады за полученное оскорбленіе еще становится ужаснѣе, когда оно, отъ продолжительности, дѣлается неодолимымъ и обращается въ злобу. Тогда человекъ, обладаемый духомъ злобы, способенъ и готовъ бываетъ на всякое зло противъ ближняго. Чѣмъ же избавиться человеку отъ такого бѣдственнаго состоянія его души? Чѣмъ изгнать изъ себя чувство досады и злобы къ ближнему, и водворить въ душѣ и совѣсти спокойствіе и миръ? Одно средство—взаимное примиреніе. И какое дивное средство! Именно, какъ божественное и животворное слово Спасителя, оно творитъ чудеса. Примиритесь только,—придите другъ къ другу, скажите каждый „согрѣшилъ я, прости меня“,—и сейчасъ дивная въ васъ переменна, сейчасъ озарилъ васъ свѣтъ, сейчасъ ожила въ васъ какъ будто убитая жизнь, сейчасъ стало вамъ пріятно и легко; въ совѣсти у васъ спокойствіе, въ душѣ—сладость; вдругъ вы дѣляетесь другими,—другъ другу пріятными, другъ къ другу расположенными; васъ другъ къ другу уже какъ будто влечетъ, другъ съ другомъ какъ будто связываетъ какая-то невидимая благопріязненная сила,—и вы становитесь способными, готовыми дѣлать всякое взаимное удовольствіе, всякое одинъ другому добро. Таково примиреніе. И кто не испыталъ на себѣ этого? Кому не доводилось вкусить сладость этого истинно высокаго на землѣ удовольствія и счастья?

Христіанское правило—взаимно испрашивать другъ у друга прощеніе. Извѣстно, какая главная Христіанская обязанность, и каковы должны быть Христіане. Первая и главнѣйшая, по закону Божію и по заповѣди Спасителя, обязанность Христіанъ есть любовь. *Возлюбивши ближняго своего, яко самъ себе* (Лев. 19: 18), сказалъ Господь Богъ. *Сія есть заповѣдь Моя*, сказалъ и Спаситель, *да любите другъ друга* (Іоан. 15: 12). *Души ваши очистивше въ послушаніи истины духомъ, въ братолобіе немилостивно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно* (1 Петр. 1: 22), писалъ Св. Апостоль Петръ вѣрующимъ. Такъ вотъ видите, братіе, къ чему обязываются Христіане, и въ какомъ поэтому они должны быть расположеніи другъ къ другу. Да, они должны любить другъ друга и жить, какъ братья, въ единокровіи и согласіи между собою. И точно. Что за Христіанство безъ взаимнаго согласія и любви? Какіе мы будемъ Христіане, какія дѣти Небеснаго Отца, какіе братья во Христѣ, ежели не будемъ любить другъ друга, ежели не будемъ жить въ единокровіи и согласіи между собою, ежели станемъ еще

враждовать другъ противъ друга, негодовать, досадовать другъ на друга, дѣлать непріятности, обиды другъ другу? А какъ этого избѣжать? Какъ сохранить постоянно взаимную любовь? Можемъ ли никогда не быть виновными другъ противъ друга, особенно въ нашемъ общежитіи, въ нашихъ почти ежедневныхъ отношеніяхъ другъ къ другу? Знаете вѣдь, какова наша природа, какъ она удобопреклонна на зло! Какъ мы самолюбивы, раздражительны, нетерпѣливы; какъ мы склонны на осужденіе, на досажденіе, на обиды, на гнѣвъ, на раздоръ. Что же въ такихъ случаяхъ будетъ помогать намъ? Чѣмъ мы можемъ возстановлять разрушаемое нами взаимное согласіе, оживлять въ сердцахъ нашихъ Христіанскую любовь другъ къ другу? Да къ этому именно и ведетъ насъ взаимное наше примиреніе, сознаниемъ нашей виновности и испрашиваниемъ другъ у друга прощенія и возстановляется взаимная наша любовь. Поэтому-то Господь и Спаситель нашъ и далъ намъ такую святую заповѣдь: *еще седмици на день согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, и седмици на день обратится, глаголя: каюся, остави ему* (Лук. 17: 4). И св. Апостоль Павель поучаетъ вѣрующихъ сими словами: *облецытесь, якоже избраннїи Божїи, во утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе, прїемлюще другъ друга, и прощающе себѣ, аще кто на кого имать пореченіе, якоже и Христосъ простилъ есть вамъ, тако и вы* (Кол. 3: 12, 13). Поэтому-то Господь повелѣлъ намъ *любить и враговъ своихъ* (Матѣ. 5: 44). Правда не легко для насъ такое примиреніе: горько это нашему самолюбію, но эту-то злую въ насъ силу и надо намъ сломить, этого-то нечистаго духа и надо намъ изгнать. Вѣдь самолюбіе-то и разрушаетъ наше взаимное согласіе и расторгаетъ союзъ нашей любви: оно и посѣваетъ между нами ненависть и вражду, и вводитъ насъ въ худыя и пагубныя для ближнихъ нашихъ дѣла. Это-то и надо намъ убить, убить Христіанскимъ смиреніемъ, сознаниемъ своей виновности и испрошеніемъ прощенія у оскорбленнаго нами, или оскорбившаго насъ брата нашего. Тяжело для насъ такое самоуниженіе, но тяжело только вначалѣ,—а послѣ, о, какую вознаграждается неизъяснимою радостію! Тогда какъ будто рай чувствуется у насъ въ душѣ. Тогда можно отнести въ намъ слова Спасителя: *Царствїе Божїе внутрь васъ есть* (Лук. 17: 21).

Необходимое и спасительное правило—взаимно испрашивать другъ у друга прощеніе. Дѣло въ томъ, что мы, какъ грѣшники имѣемъ нужду въ очищенїи своихъ грѣховъ, и потому всегда, и особенно во дни покаянїя, должны просить у Бога прощенія и остав-

ленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ. А какъ же мы будемъ просить объ этомъ? И получимъ ли отъ Бога прощенье, если напередъ сами не простимъ своихъ ближнихъ и не испросимъ у нихъ прощенья въ своихъ грѣхахъ? Вѣдь ужъ мы слышали, на какомъ условіи Господь Богъ обѣщаетъ намъ прощенье и оставленіе грѣховъ нашихъ. *Аще, сказалъ, отпускаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный.* Не на этомъ ли самомъ условіи ежедневно и сами просимъ у Отца нашего Небеснаго оставленія грѣховъ нашихъ? *Остави намъ долги наша* (такъ молимся Ему), *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Молит. Господ.). А иначе что? Иначе и намъ нѣтъ отпущенія грѣховъ, если мы не прощаемъ грѣховъ противъ насъ ближнихъ нашихъ. *Аще ли, сказалъ потомъ Господь, не отпускаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Господь воспрещаетъ намъ являться къ Нему даже съ жертвами и не приемлетъ отъ насъ даровъ нашихъ, какъ скоро мы не исторгли изъ сердца ненависти къ ближнему и не примирились другъ съ другомъ. *Аще, сказалъ Онъ, принесеши даръ твой ко алтарю, и ты помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ алтаремъ, и иди прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда приидеъ принеси даръ твой* (Матѳ. 5: 23, 24). Видите, братіе,—Господь и дары и жертвы наши приемлетъ только тогда, когда мы въ согласіи и мирѣ съ ближними нашими. А какой отъ насъ лучший даръ Господу, какъ не подвигъ поста и молитвы! Какая отъ насъ важнѣйшая и благопріятнѣйшая Ему жертва, какъ не покаяніе, несокрушенное исповѣданіе нашихъ грѣховъ, по слову Давида: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ!* (Пс. 50, 10, 19). Судите же теперь, сколь важно и необходимо для насъ взаимное примиреніе и прощенье другъ другу прегрѣшеній нашихъ, когда мы, вступая въ постный и молитвенный подвигъ, готовимся приносить Господу Богу покаяніе, и просить у него прощенья и оставленія грѣховъ нашихъ. Безъ примиренія и прощенья другъ съ другомъ и сами не получаемъ прощенья отъ Бога, остаемся, какъ и были грѣшниками, и пойдемъ (чего Боже сохрани)! съ грѣхами своими въ вѣчность. А напротивъ сколь спасительно примиреніе и взаимное другъ другу прегрѣшеній прощенье! За это обѣщается намъ отъ Бога прощенье и оставленіе прегрѣшеній нашихъ. Этимъ мы приобретаемъ миръ въ совѣсти нашей и дерзновеніе къ Богу. Примирившись другъ съ другомъ, о, какъ пріятно будетъ намъ вступить во дни покаянія! Съ такою на-

деждою и упованіемъ на милосердіе и любовь Божію можемъ тогда *приступить къ престолу благодати, да примемъ милость и благодать обрящемъ во благовременну помощь* (Евр. 4: 16).

Что послѣ этого сказать, братіе? Восхищаться ли намъ временами минувшими, скорбѣть ли о времени настоящемъ? Восхвалять ли обычаи и правила предковъ, осуждать ли обычаи и правила наши? Да, далеко, далеко не похожи стали мы на своихъ предковъ. О, какъ они были благочестивы и боголюбивы! Какъ хорошо понимали и какъ вѣрно исполняли святая Христіанскія обязанности! Съ какою точностію соблюдали и священное церковное правило взаимнаго примиренія и прощенія при вступленіи въ святую великую Четырдесятницу! Каждый обязанностію считалъ первѣе испросить прощеніе и благословеніе у своего духовнаго отца, потомъ проститься съ родителями, сродниками и знакомыми. Святой обычай этотъ былъ тогда всеобщій. А нынѣ? Нынѣ онъ у многихъ считается уже лишнимъ; нынѣ соблюдаютъ его едва не одни простолудины. Такъ измѣняетъ у насъ все настоящій вѣкъ! Такъ ослабѣваютъ всѣ почти правила и обычаи Христіанскіе въ наше время!

Братіе! *Не сообразуйтесь въку сему* (Рим. 12: 2), *но стойте въ твердь* (1 Кор. 16; 13), *и держите преданія имже научитесь* (2 Сол. 2: 15), соблюдайте благочестивые обычаи и Христіанскія правила, которымъ слѣдовали наши добрые и благочестивые отцы. Вѣдайте, что взаимное примиреніе и прощеніе другъ другу грѣховъ есть существеннѣйшее качество и важнѣйшая обязанность Христіанъ, и что *благодать дается отъ Бога только смиреннымъ* (Петр. 5: 5), и отпущеніе грѣховъ кающимся (Лук. 24: 47). Боже нашъ, слава Тебѣ!

П О У Ч Е Н І Е 58.

Великій постъ — побѣда на діавола.

Господи благослови!

Вотъ ужь, братіе, отверзаются и двери покаянія. Мы на прагѣ обыденной нашей житейской суеты и готовы уже вступить въ святой четырехдесятодневный постъ. А что такое этотъ постъ, какое онъ для насъ имѣетъ значеніе, и какою цѣль? Постъ этотъ — поприще нашихъ духовныхъ подвиговъ, брань противъ страстей и ополченіе на врага нашего, діавола. Такое значеніе даетъ и таковую цѣль приписываетъ посту сама Православная наша Церковь. *При-*

сть время, поетъ она, *духовныхъ подвиговъ начало на демоны побѣда* (стих. на хвал. сырн. нед.). Діаволь одолѣлъ насъ и плѣнилъ насъ въ самые первые дни нашего бытія. Праотець нашъ, по обольщенію діавола, нарушилъ первобытную божественную заповѣдь поста, и чрезъ то подчинилъ и себя и потомство свое власти врага. Нужно было намъ выйти изъ-подъ этой пагубной власти, чтобы снова возвратиться *въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8: 21), и для сего побѣдить самого врага нашего, діавола. И это сдѣлалъ за насъ *Единъ Сильный* (1 Тим. 6: 15), Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *побѣдилъ* врага нашего діавола этотъ Божественный *Левъ* (Апок. 5: 5) и *избавилъ насъ отъ власти темныя* (Кол. 1: 13). Какъ? Четырехдесятодневнымъ постомъ въ пустынѣ. Въ это время, и въ этой пустынѣ Спаситель нашъ троекратно побѣдилъ *древняго змія, діавола* (Апок. 12: 9), и тѣмъ загладилъ паденіе праотца, возстановилъ нашу растлѣнную грѣхомъ природу, возвратилъ намъ первобытную непорочность и чистоту. Къ этому же призываетъ нынѣ и насъ Святая Церковь. Вводя насъ въ четырехдесятодневный постъ, она повелѣваетъ намъ послѣдовать примѣру Спасителя, чтобы чрезъ Него и вмѣстѣ съ Нимъ совершить намъ побѣду надъ діаволомъ, и чрезъ то сдѣлаться участниками возвращенной намъ Искупителемъ нашимъ первобытной невинности и чистоты. *Послѣдуемъ постомъ*, взываетъ она, *на діавола побѣду намъ показавшему, Спасу душъ нашихъ* (стих. на стихов. четверт. 1-й седм.). Вотъ значеніе и цѣль четырехдесятодневнаго поста, въ который, по установленію Церкви, вступаемъ нынѣ мы, братіе. Постъ—побѣда на діавола.—Чѣмъ же побѣждается діаволь во время поста? Побѣждается именно тѣмъ, что совершается у насъ въ постъ,—побѣждается *постомъ, молитвою, покаяніемъ и причащеніемъ* Святыхъ Христовыхъ *Таинъ*.

Постъ побѣждаетъ и гонить отъ насъ діавола. Хотя діаволь по природѣ своей безплотенъ, однако онъ любитъ плотоугодниковъ; хотя онъ духъ, но увеселяется нашимъ чревоугодіемъ, объяденіемъ и пьянствомъ, и, какъ духъ нечистый, сопребываетъ и сорадуется тѣмъ, которые погрязаютъ въ сладострастныхъ сквернахъ и плотскихъ нечистотахъ. Посему и ненавистны ему постники, тѣ, которые обрекаютъ себя на воздержаніе, отказываютъ своимъ сластолюбивымъ желаніямъ, довольствуются простою, скудною и благовременною приемлею пищею. Еще ненавистнѣе ему тѣ постники, которые *постящеся тѣлеснъ, постятся и духовнъ*, сохраняютъ душу свою отъ грѣховъ, воздерживаются отъ порочныхъ помысловъ и желаній,

убиваютъ въ себѣ нечистыя страсти, убиваютъ *постомъ*, этимъ, по выраженію Церкви, *страстоубійцею* (самогл. пятк. 2 седм. на утрен. стих.). И могутъ ли такіе постники не быть противны діаволу? Вѣдь они своимъ воздержаніемъ уподобляются нѣкоторымъ образомъ Святымъ безплотнымъ Силамъ, дѣлаются какъ бы *земными Ангелами*. А станетъ ли діаволь пребывать съ Ангелами? Не побѣжитъ ли онъ отъ этихъ служителей славы Божіей прочь, какъ темная и нечистая, всегда враждебная Богу, сила? Да, братіе. Постъ Христіанъ, какъ стрѣла для исконнаго врага нашего. Онъ видитъ въ немъ нашу любовь, наше послушаніе Богу и Святой Его Церкви, видитъ, что мы противоборствуемъ ему, отражаемъ искушенія его, разрушаемъ козни его, видитъ, что мы хотимъ исполнять волю и заповѣди Божіи, а не его льстивую и злую прелесть, что мы стараемся подражать не праотцу своему, побѣжденному имъ, а Искупителю нашему Іисусу Христу, побѣдившему его,—видитъ онъ все это, и бѣжитъ отъ насъ, какъ бѣжалъ отъ Спасителя нашего Христа, сорокодневно постившагося въ пустынь. *Противитесь діаволу*, сказалъ и Апостоль, т. е. отражайте искушенія его, постушайте противно волѣ его, *и бѣжитъ отъ васъ* (Іак. 4:7).

Молитвою побѣждается діаволь. Молитва—это новое оружіе противу врага нашего. Діаволь ненавидитъ молитвенниковъ, какъ и постниковъ. Поэтому онъ всегда старается разными помыслами смутить, развлечь и отклонить насъ отъ молитвы, чтобы тѣмъ удобнѣе имѣть ему въ намъ доступъ и вводить насъ въ искушенія и бѣды. Повѣствуется въ отеческихъ дѣяніяхъ, что когда одинъ пустынный житель, стоя на молитвѣ, услышалъ трубный голосъ, какъ бы зовущій на брань, и отъ того пришелъ въ смятеніе, діаволь подошелъ къ нему, и сказалъ: „точно наступаетъ брань; ежели не хочешь быть во брани, оставь молитву,—поди и спи; мы съ лѣнними не воюемъ, а ратуемъ на постниковъ и на бодрствующихъ въ молитвахъ“ (Прол. Февр. 20). Такъ ненавистна діаволу молитва. Она разрушаетъ его козни, отражаетъ его искушенія, и самого заставляетъ бѣжать отъ молитвенника. Посему-то и Господь заповѣдуетъ намъ молитвенное бдѣніе, какъ оружіе на побѣжденіе діавола. *Бдите и молитесь*, сказалъ однажды Онъ Апостоламъ, *да не увидите въ напасть* (Матѳ. 26: 41). А напасть, извѣстно, главнымъ образомъ приходитъ къ намъ отъ діавола. *Бодрствуйте*, писалъ и Апостоль, *и трезвитесь въ молитвахъ* (1 Петр. 4: 7), *за не супостатъ вашъ діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5: 8). Да, ненавистна діаволу молитва, и бѣ-

жить онъ отъ молитвенниковъ. И это весьма естественно. Что такое молитва? Что такое молитвенники? Молитва—прибѣжность къ Богу, прославленіе Бога, служеніе Богу. Молитва—свидѣтельство вѣры, любви, смиренія и покорности Богу. Молитвенники—служители Божіи, читатели Святаго имени Его, провозвѣстники на землѣ славы Его. Какъ же діаволу слушать молитву и быть съ молитвенниками, когда онъ врагъ Божій и Святаго имени Божія? Какъ ему не бѣжать оттуда, гдѣ прославляется Богъ, гдѣ земные служители Его, окружаемые притомъ своими Ангелами-Хранителями, заодно съ небесными силами возносятъ хвалу Богу, славятъ пречестное и великолѣпное имя Его, со страхомъ и трепетомъ повергаются предъ величествомъ славы Его и такимъ образомъ водворяютъ на землѣ какъ бы новое небо, селеніе Бога, Творца неба и земли? Истинно діаволь прогоняется молитвою, бѣжить отъ молитвенниковъ, какъ и отъ постниковъ. Посему-то Святая Церковь и поучаетъ насъ во дни поста побѣждать діавола оружіемъ поста и молитвы. *Душе, взываетъ она каждой душѣ Христіанской, да не разлѣтѣишися, аще тебѣ приложится врагъ, молитвою же и постомъ отъ ногъ твоихъ да отразится* (троп. вел. кан.).

Покаяніе—вотъ опять оружіе на діавола, и какое сильное и поразительное! Сколько пріятна діаволу нераскаянность грѣшника, столько горько для него раскаяніе его и обращеніе къ Богу. Ибо какъ самъ онъ коснѣетъ во злѣ, такъ любитъ и старается и человекъ держать въ грѣховномъ плѣненіи и ожесточеніи. А какъ скоро грѣшникъ познаетъ свою виновность, обращается къ Богу въ покаяніи и проситъ у Него помилованія и прощенія,—вотъ это для діавола и печаль, и поражение. Діаволь бѣжить отъ кающагося грѣшника: ибо видитъ тутъ смиреніе, которое онъ ненавидитъ; видитъ сознаніе грѣховъ, которымъ онъ гнушается; видитъ прибѣжность къ Богу, которая ему противна; видитъ обращеніе на путь добродѣтели, чистоты и святости, противъ которыхъ онъ всегда ратуетъ. Діаволь бѣжить отъ кающагося грѣшника: ибо видитъ, какъ человекъ измѣняется, какъ онъ благодатію Божіею дѣлается чистъ, непороченъ, свѣтелъ, нестерпимъ для его грѣховной тьмы. Діаволь бѣжить отъ кающагося грѣшника: ибо видитъ тутъ противнаго ему свѣтлаго духа, видитъ приступившаго къ раскаявшемуся грѣшнику Ангела-Хранителя его, который гонитъ и поражаетъ діавола, какъ человѣческаго врага и супостата. О, какая великая Божественная сила—покаяніе? Какъ оно спасительно для грѣшниковъ! Какъ оно *обращаетъ ихъ отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ*

Богу! (Дѣян. 26: 18). Какую производить *радость на небеси предъ Ангелы Божіими* (Лук. 15: 7, 10), и какую печаль и горе врагамъ нашимъ!

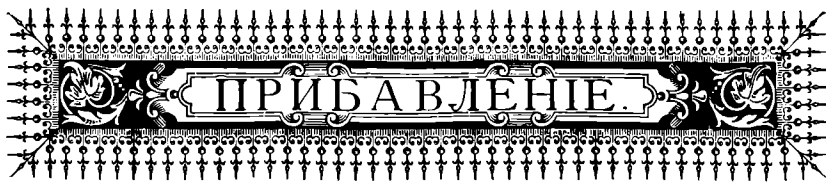
Что сказать теперь о послѣднемъ оружіи на діавола? Какую имѣеть необычайную силу, какое причиняетъ страшное пораженіе діаволу святое причащеніе Божественныхъ Христовыхъ Тайнъ! Какимъ является ему причастникъ Тѣла и Крови Христа Спасителя нашего! О, его *трепещетъ* лукавый, *трясется, не терпя взирати на силу* и славу Божію въ немъ (стих. воскр. 3 глас. на хвалит.); *его, какъ огня, бѣжитъ* этотъ злодѣй (модит. по причащ. 3). И какъ ему не трепетать и не страшиться причастника, — какъ ему не бѣжать отъ него? Съ кѣмъ онъ встрѣчается здѣсь, кого онъ видитъ въ причастникѣ? Встрѣчается съ Тѣмъ, видитъ Того, Котораго онъ нѣкогда искушалъ, но Которымъ самъ побѣжденъ былъ; видитъ Христа, Который крестомъ Своимъ посрамилъ его, смертію Своею разрушилъ державу его, и величествомъ силы Своея побѣдилъ и плѣнилъ его; видитъ живаго Бога, мановеніемъ Котораго онъ, какъ противникъ и врагъ, сверженъ съ неба и заключенъ въ преисподнюю. Какъ же діаволу не бѣжать отъ причастника, который во Христѣ, и въ которомъ Христосъ, по слову Самого Христа, нераздѣльно пребываетъ? (Іоан. 6: 56). *Кое причастіе правды къ беззаконію? или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Кое же согласіе Христова съ вѣліаромъ* (2 Кор. 6: 14, 15)? Нѣтъ, нѣтъ. Страшенъ діаволу причастникъ Божественнаго Тѣла и Крови. *Прильпившииъ Господеви, онъ уже единъ духъ съ Господемъ* (1 Кор. 6: 17). *Умаленный* еще и въ сотвореніи *малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Ис. 8: 6), человекъ становится, кажется, выше Ангела, достойно сподобившись сей великой тайны, въ которую *желаютъ Ангелы проникнути* (1 Петр. 1: 12), хотя и *имѣетъ сокровище сіе въ скудпльномъ сосудѣ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ него* (2 Кор. 4: 7).

Вотъ, братіе, сколь благодѣтеленъ и спасителенъ для насъ святой великій постъ! Вотъ, сколько и какія подаетъ онъ намъ оружія на діавола, чтобы намъ избавиться отъ него, отразить искушенія и козни его, побѣдить и отъ себя удалить его. Въ торжествѣ духа привѣтствую васъ съ наступленіемъ этого святаго и спасительнаго для Христіанъ времени. Призывая всесильную благодать Божію, вседушно желаю вамъ и себѣ провести святыя дни великаго Христіанскаго говѣнія въ постѣ, молитвѣ и покаяніи, сподобившись и пріискренняго пріобщенія Святыхъ Божественныхъ Тайнъ Тѣла и Крови Спасителя нашего.

Симъ словомъ оканчиваемъ мы, братіе, еще годъ, уже третій, Христіанскаго нашего собесѣдованія. Принесемъ же Благодарителю нашему Богу благодареніе, что Онъ сподобилъ насъ употребить хотя нѣсколько дней въ жизни нашей на благочестивое размышленіе о предметахъ святой нашей вѣры и жизни Христіанской во славу Его и въ наше душевное спасеніе. Воззовемъ къ Нему единодушно и единогласно:

Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣговъ! Аминь.

СЛОВА

произнесенныя въ праздничные дни и по разнымъ случаямъ въ послѣднее время.

С Л О В О .

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Достоинство времени.

Благочестивые слушатели! Настоящее наше торжество показываетъ, что у насъ сегодня особенная радость. Да, мы празднуемъ новый годъ. Новый годъ! Да что же у насъ новаго? Ничего. Все старое; все то же, что было и прежде. То же небо, то же солнце, та же земля. И мы тѣ же. Какими были вчера, таковы мы и сегодня. И состоянія, и званія, и отношенія все тѣ же. Да. Новый годъ! Значить, новое время? И опять ничего нѣтъ новаго. Время то же: дни и ночи тѣ же, времена года будутъ, вонечно тѣ же. Что же новаго? А новое—вотъ что: продолженіе времени. Объ этомъ дѣйствительно можно порадоваться. Еще продолжается наша жизнь; еще дается намъ время. Время?—правда, оно драгоцѣнно, но само ли по себѣ? Нѣтъ. А потому, какъ употребляется, въ чемъ проводится. Вѣдь знаете, мы всегда случаемъ, если бываемъ безъ дѣла. И чего у насъ не придумано для препровожденія времени и особенно, чтобы весело провести время! Значить одному времени еще нечего радоваться. Видно у насъ въ виду что-то пріятное другое, чѣмъ мы хотимъ воспользоваться во времени? Такъ и есть. Одинъ думаетъ занять высшее мѣсто, другой—получить какое нибудь отличіе, третій нажить хорошее состояніе. Всѣ смотрятъ впередъ, и располагаются жить не такъ, какъ прежде,—пользоваться новымъ счастіемъ, новыми способами жизни, наслаждаться новыми увеселеніями,—словомъ, хотятъ еще жить и веселиться. Хорошо. А что

если не такъ? Если вмѣсто повышенія случится пониженіе, вмѣсто награды взысканіе, вмѣсто пріобрѣтенія потеря, вмѣсто счастья несчастіе, вмѣсто веселостей горести? Что, если постигнетъ собственная болѣзнь, или лишеніе близкихъ сердцу и подобныя бѣдствія? Вѣдь это все можетъ случиться, да еще и скорѣе, чѣмъ хорошее и пріятное. Пусть не случится ничего такого. Что же за радость, если мы проживемъ счастливо и весело? Что за радость занять высшее мѣсто? Вѣдь оно требуетъ большихъ трудовъ и большей отвѣтственности. Что за радость получить почести и отличія? Вѣдь они лестны только для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Что за радость нажить и большое состояніе, или провести время въ кругу мірскихъ веселостей и забавъ? Вѣдь тутъ существенно пріятнаго нѣтъ ничего. Сдѣлаемъ и еще уступку. Пусть все послужитъ къ удовольствію нашему,—а смерть? Когда она придетъ къ намъ, въ этотъ годъ, или въ будущій? Если въ этотъ: что же будетъ съ нами? Вѣдь мы—не язычники. Язычники, по ихъ понятіямъ, жили и умерли,— и только. Нѣтъ, мы Христіане. Ожидаемъ будущей жизни и будущаго воздаянія. А знаете, какое будетъ воздаяніе тѣмъ Христіанамъ, которые живутъ только для удовольствій, не помышляя о своемъ назначеніи и о Христіанскихъ обязанностяхъ? Страшно и подуматъ! Что же тогда будетъ съ нами? Къ чему послужитъ намъ новый годъ, ежели мы останемся съ старыми грѣхами, или (а вѣдь и это не мудрено) наживемъ еще новыя грѣхи, сыщемъ новую пищу страстямъ, надѣнемъ на себя еще обнову житейской суеты? Увы! лучше бы не было новаго года. Лучше бы намъ остаться съ прежними, меньшими грѣхами!

Ахъ, слушатели! Совсѣмъ не этому мы должны радоваться. Совсѣмъ не для этого дается намъ время. Оно дается намъ для нашего покаянія, для очищенія старыхъ грѣховъ, для исправленія нашей жизни. Вотъ тогда можно намъ порадоваться, если мы въ новый годъ положимъ новое намѣреніе, новый обѣтъ жить такъ, какъ подобаешь Христіанамъ; если мы въ теченіе новаго года одержимъ надъ собою новую побѣду, начнемъ новую жизнь, украсимъ себя новыми добродѣтелями. О, тогда истинно весело будетъ намъ; тогда ничто не возмутитъ нашего мира душевнаго: ни болѣзни, ни несчастія, ни потери. Вѣдь мы знаемъ, что все это временно; мы живемъ не для сего свѣта, а для будущаго. И будущій вѣкъ не только не будетъ для насъ страшень, но и будетъ желателенъ. Ибо тамъ наше счастье, тамъ наша радость,—и какое счастье, и какая радость?—Счастіе истинное, радость вѣчная.

Попечемся о себѣ, Христіане! Побережемъ время, въ которое

мы можемъ не погубить, а спасти себя. Сохрани Богъ, если потеряемъ и новый годъ въ худыхъ дѣлахъ и въ мірской суетѣ! Пожалѣемъ, да поздно. Придетъ ли къ намъ другой годъ, не знаемъ. Лучше нынѣ обратимся къ Богу и Спасителю нашему и начнемъ жизнь благочестивую и добродѣтельную. Объ этомъ и Св. Церковь молится нынѣ, и насъ собрала молиться. Даруй же это, Господи, всѣмъ намъ! Аминь.

С Л О В О

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Для чего дается намъ время.

Дрисуемъ, Православные Христіане, возлюбленная братіе во Христѣ, присоединяю и я свой привѣтственный голосъ къ взаимнымъ вашимъ привѣтствіямъ въ сей день, готовъ съ вами порадоваться даруемому намъ, благодію Всепромыслителя Бога, новолѣтію. Какъ не радоваться такому великому дару Божию? Жизнь и слѣдовательно продолженіе жизни дорого каждому изъ насъ. Нельзя не радоваться намъ нынѣ и не привѣтствовать взаимно другъ друга съ новымъ годомъ. Жаль только, что не всѣ мы соединены во времени и вмѣстѣ взаимныхъ привѣтствій; не у всѣхъ насъ одинаковы и мысли и намѣренія касательно жизни въ наступающемъ новомъ лѣтѣ. Иные, по обычаю времени, прежде другихъ встрѣтили начало года и обмѣнялись радостными привѣтствіями, не въ церкви, и ранѣе церкви уже отпраздновали торжество новолѣтія, у всѣхъ, почти у всѣхъ празднующихъ въ виду одно временное благополучіе, житейскія выгоды. Все, чего ни желаемъ, что ни предполагаемъ, въ чему ни стремимся, все это имѣетъ цѣлю удовлетвореніе нашихъ естественныхъ наклонностей и житейскихъ потребностей,—и только. Хорошо ли это, какъ вы думаете, братіе? Согласимся, что нехорошо. Если бы мы были язычники, вообще люди безъ вѣры,—ну, тогда дѣло другое. А то мы вѣрующіе, мы Христіане, мы чада Божіи, искупленные Сыномъ Божіимъ для вѣчной блаженной жизни. Какъ же намъ забыть такое святое и божественное призваніе? Прилично ли намъ думать только о временномъ, и всѣ надежды, все счастье поставлять только въ выгодахъ и наслажденіяхъ нашей жизни, въ одномъ благополучіи на семь свѣтѣ? Для чего мы и Христіане? Для чего мы насаждены въ благодатномъ вертоградѣ Божіемъ, въ святой Христовой Церкви? Для плодоношенія въ славу Божию, для возра-

станія въ жизнь духовную, для преуспѣянія въ добрыхъ дѣлахъ. Иначе что будетъ? Вспомнимъ, что сказалъ Господь у Пророка о виноградѣ Своемъ. *Ждахъ, говорить, да сотворитъ гроздіе, сотвори же тернии.* Что же затѣмъ опредѣляетъ? *Отыму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе, и разорю стѣну его, и будетъ въ пограніе* (Исаія 5: 4, 4). Или опять о смоковницѣ въ Евангельской притчѣ. Господинъ винограда сказалъ: *се третіе лѣто, отнелъже прихожду, ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: постыцы ю убо* (сказалъ виноградарю), *вскую и землю упражняетъ* (Лук. 13: 7). Видите, братіе, для чего мы существуемъ, и чего отъ насъ ожидаетъ Господь. Видите, для чего дается намъ и время. О, время, время! Временемъ можно и приобрѣсть, можно и потерять цѣлую счастливую вѣчность. Слушайте-ка, какая цѣль продолженія нашей жизни у Вседержителя Бога, и для чего Онъ даетъ намъ новые годы? *Обидѣй, говорить, да обидитъ еще, и скверный да осквернитъ еще; и праведный правду да творитъ еще, и святой да святится еще* (Апок. 22: 11). То есть, добрый, благочестивый и заботливый о своемъ спасеніи Христіанинъ пусть еще умножаетъ въ себѣ сокровище вѣры, обогащается добрыми дѣлами и преуспѣваетъ въ непорочности и чистотѣ, а Христіанинъ безпечный и пристрастный къ міру пусть увеличиваетъ мѣру своихъ грѣховъ, и *преуспѣваетъ на горшее, прельщая* и себя и другихъ (2 Тим. 3: 13). Для чего это? Для большей славы праведниковъ, и для большаго осужденія грѣшниковъ; для того, чтобы первымъ *имѣть дерзновеніе къ Богу* (1 Іоан. 3: 21) *въ пришествіи Его* (1 Іоан. 2: 28), а послѣднимъ *быть безответными предъ Богомъ* (Рим. 1: 20). Добрымъ и благочестивымъ Христіанамъ отрадно будетъ вспомнить свою земную жизнь, праведную въ вѣрѣ и послушаніи Церкви Божіей; а Христіанамъ, прожившимъ вѣкъ на землѣ по расположенію и въ удовлетвореніе своихъ страстей, и, что еще хуже, въ противленіи Святой Церкви Божіей, горько будетъ видѣть себя за предѣлами сего свѣта. Они сами сознаютъ всю вину свою, сами почувствуютъ, сколько терпѣлъ имъ Милосердный Господь, сколько ожидалъ ихъ исправленія, сколько давалъ имъ новыхъ годовъ для того, чтобы они поняли Его любовь и благодать, оставили путь беззаконія, обратились къ покаянію, и позаботились во времени о вѣчности, — сами почувствуютъ это, и сами осудятъ себя!..

Ахъ, братіе моя! Какъ страшно терять время. Вѣдь оно не наше и не отъ насъ. Теперь оно есть, а будетъ ли послѣ? Наступилъ теперь новый годъ, — наступитъ ли еще другой новый? Что,

ежели нынѣшній годъ—послѣдній? Пусть еще, по милости Божіей, будутъ новые годы, и не одинъ, не два, а многіе,—да на что мы употребимъ ихъ? Ежели употребимъ ихъ не въ пользу, то непремѣнно во вредъ. Именно, во вредъ употребимъ себѣ и многіе годы, ежели во времени станемъ заботиться только о временномъ, жить, какъ по большей части и живемъ, только для всего свѣта, только для земнаго благополучія и счастья. Нѣтъ, возлюбленные! Не для сего только свѣта мы существуемъ, не о томъ только мы должны заботиться, какъ намъ жить здѣсь счастливо и безопасно. Это предоставимъ Богу. Судьба наша въ Его святой волѣ. Чтобы внѣшнее—отвиѣ—ни случилось съ нами, только бы не отъ насъ,—все, самыя даже несчастія будутъ на пользу нашу,—для того, чтобы намъ удобнѣе достигать будущаго блаженства и Царствія. А это вѣдь и есть главная цѣль нашего временнаго существованія. Мы—на дорогѣ, идемъ въ вѣчности. *Наше житіе на небесахъ есть* (Филип. 3: 20), говоритъ Апостоль. Зачѣмъ же намъ много заботиться о настоящемъ и останавливаться на однихъ временныхъ благахъ? Кто идетъ въ какое либо мѣсто, много ли онъ занимается тѣмъ, что встрѣчается съ нимъ на пути? Не все ли вниманіе обращено у него въ тому мѣсту, куда идетъ? Такъ и мы. Идемъ временемъ въ вѣчность,—о вѣчности особенно должны и думать, вѣчность преимущественно должны имѣть и въ виду, для вѣчности должны и запасаться всѣмъ потребнымъ. *Не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскаеуемъ* (Евр. 13: 14). Поэтому и Христось сказалъ: *не скрываете себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ; скрываете же себе сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкапываютъ ни крадутъ* (Матѣ. 6: 19, 20).

А ежели такъ, ежели время дается намъ для стяжанія счастливой вѣчности; ежели поэтому и наступившій годъ должны мы обращать въ пользу души, на жизнь добродѣтельную, на дѣла Христіанскія: то какъ мы должны встрѣчать новый годъ? Съ какими мыслями и чувствами являться въ это время предъ лице Божіе? Такъ, и съ такими мыслями и чувствами, какъ руководствуетъ насъ Святая Церковь. Должны благодарить благодѣтеля нашего Бога, что Онъ, по милосердію Своему, даетъ намъ еще время для исправленія нашего и для благоугожденія Ему, Творцу и Богу нашему, благодарить Его за *щедроты Его, яже удивилъ есть на насъ, на Отечество наше, и на Церкви Своей въ мимошедшее время живота нашего* (молит. новолѣт.). Должны просить Его милосердіе и благодать, что-

бы простилъ намъ и всѣмъ людямъ Своимъ вся согрѣшенія вольная и невольная, въ мимошедшемъ лѣтъ злѣ нами содѣянная, чтобы благословилъ начатокъ и поврежденіе лѣта сею, благодатію человеколюбія Своею; чтобы отиналъ отъ насъ всѣ душевнныя страсти и растлѣнныя обычаи, страхъ свой Божественный всади въ сердца наша, и сплѣшилъ насъ къ дѣланію добрыхъ дѣлъ, и исполненію всѣхъ заповѣдей Его сотворилъ; чтобы обратилъ всѣхъ отступившихъ отъ правыя вѣры къ познанію Своея истины и соединилъ ихъ святой Своей православной церкви, чтобы утолилъ въ насъ вражды, нестроенія и междоусобныя брани, времена же мирна, и безгрѣшенъ намъ въ здравіи съ доволствомъ животъ даровалъ (Евт. новолѣт.). Вотъ какъ должны мы встрѣчать новый годъ! Помолимся же, братіе-Христіане, Творцу, Промыслителю и Спасителю нашему Богу и Владычицѣ нашей Богородицѣ, Заступницѣ рода Христіанскаго, послѣдую молитвенному гласу Св. Православной нашей Церкви: *Всея твари Содѣтелю времена и лѣта въ Своей власти положивый благослови вънецъ лѣта благодати Твоя, Господи! Спаси, Господи, и благослови достояніе Твое! Радуйся обрадованная Богородице Дѣво, предстанище и предстательство рода человѣческаго, изъ Тебе бо воплотися Избавитель міра; присноблагословенная и препрославленная, моли Христа Бога миръ даровати всей вселенной* (троп. новолѣт.). Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ СРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Какимъ образомъ Христосъ служить на паденіе и на востаніе для многихъ.

Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ во Израили.
(Лук. 2: 34).

Сегодня сороковой день, считая отъ праздника Рождества Христова,—и опять у насъ, Христіане, праздникъ, праздникъ Срѣтенія Господня. Чему же нынѣ празднуетъ Церковь, или какое воспоминаетъ событіе изъ жизни Спасителя нашего Иисуса Христа, и почему праздникъ этотъ называется *срѣтеніемъ*? Св. Церковь воспоминаетъ нынѣ собственно принесеніе Иисуса Христа Пречистою Матерію Его Марією въ храмъ Іерусалимскій, когда исполнилось Ему

сорокъ дней послѣ рожденія. А это было по закону Божію, который предписывалъ древнимъ Израильтянамъ cadaго первороднаго младенца мужескаго пола, въ сороковой день послѣ рожденія, посвящать Богу. Срѣтеніемъ же Господнимъ праздникъ называется вотъ по какому обстоятельству. Когда надлежало внести младенца Іисуса въ храмъ, по устроенію Божію, предварительно явился туда праведный и благочестивый Израильтянинъ, старецъ Симеонъ. По входѣ Матери-Дѣвы съ Божественнымъ Младенцемъ и Іосифомъ въ храмъ, Симеонъ *встрѣтилъ* несомато Младенца, взялъ Его на свои руки, и благословляя Бога, пророчественно провозвѣстилъ Его Владыкою жизни, славою Израила, и свѣтомъ для язычниковъ. Это преимущественно обстоятельство и воспоминаетъ нынѣ Святая Церковь, прославляя въ священныхъ пѣсняхъ своихъ Христа, Бога и Творца, благоизволившаго въ образѣ четыредсятидневнаго Младенца явиться въ храмъ Господень, и именуя праздникъ сей *срѣтеніемъ Господнимъ*. Іосифъ и Пречистая Дѣва дивились тому, что говорилъ Симеонъ о Младенцѣ Іисусѣ. Но еще болѣе должны были удивить Пречистую Дѣву слова, которыя сказалъ Онъ Ей о Ея Божественномъ Младенцѣ: *се лежитъ Сей на паденіе и на восстаніе многимъ во Израили*.

Дѣйствительно дивныя слова. Они стоятъ того, чтобы и намъ, въ праздникъ сей, обратить на нихъ особенное вниманіе.

Се лежитъ Сей на паденіе и на восстаніе многимъ во Израили. Мысль такая въ сихъ словахъ, что Господь Іисусъ Христосъ, Спаситель міра, послужитъ многимъ изъ древнихъ и новыхъ Израильтянъ къ паденію, или въ погибель, и многимъ—къ возстанію, или во спасеніе. Какъ это согласить? Какъ одинъ можетъ быть причиною и погибели и спасенія? *Еда*, скажемъ словами Св. Апостола Іакова, *источникъ отъ единого устія источаетъ сладкое и горькое?* (Іак. 3: 11). *Лежитъ сей на паденіе*. На какое еще паденіе? Вѣдь всѣ ужъ мы пали въ праотцѣ своемъ, всѣ согрѣшили и лишились славы Божіей (Рим. 3: 23). Развѣ еще снова, развѣ еще глубже можемъ пасть по пришествію къ намъ Избавителя? *Лежитъ на паденіе*. Этого ли ожидалъ міръ отъ грядущаго Искупителя? Этому ли надлежало быть отъ Источника благостыни Бога, такъ премудро и такъ благоутробно устроившаго искупленіе падшаго человѣчества. *Лежитъ на восстаніе*. Вотъ это дѣло достойное великаго Бога, Искупителя и Спасителя міра. Іисусъ Христосъ пришелъ взыскавъ заблуждшихъ, возвратитъ плѣнныхъ, возставитъ падшихъ, испѣлитъ сокрушенныхъ, просвѣтитъ помраченныхъ, спасти грѣшниковъ,—

пришелъ жизнь даровать міру, а не смерть. Какъ бы 'ни было странно, братіе, а слова богодухновеннаго старца истинны; и то, и другое вѣрно. Иисусъ Христосъ точно лежитъ многимъ на паденіе и многимъ на востаніе. Это подтверждаютъ и другіе богодухновенные мужи. Пророкъ Исаія задолго до пришествія Христова сказалъ о будущемъ Избавителѣ, обращая рѣчь въ каждому сыну Израиля: *еще будешь, уповая на Него (Господа), будетъ тебѣ во освященіе; а не якоже о камень претѣканія преткнешися, ниже яко о камень паденія* (Исаія 8: 14). Св. Апостоль Павелъ засвидѣтельствовалъ, что Христосъ однимъ изъ *Иудеевъ и Еллиновъ соблазнъ и безуміе*, а другимъ *Божія спасительная сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1: 23, 24), и самое благовѣстіе Евангельское *въ спасаемыхъ воля животная въ животъ, а въ погибающихъ—воля смертная въ смерть* (2 Кор. 2: 15, 16).

Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе. Какимъ же это образомъ на паденіе? Какимъ образомъ Тотъ, Который пришелъ возставить падшихъ, можетъ быть причиною паденія многихъ, Спаситель міра—послужить въ погибели иныхъ? Причина паденія, братіе, въ самихъ падающихъ, вина погибели въ самихъ погибающихъ. Кто былъ причиною перваго паденія? Не самъ ли человекъ? Богъ сотворилъ его по одной благодти Своей. Заповѣдь дана ему для жизни и блаженства. Если бы онъ исполнилъ ее, былъ бы безсмертенъ и даже благополученъ. Но онъ преслушалъ Творца своего, и палъ—какъ? Не восхотѣвъ вѣровать и повиноваться Творцу. Такъ и нынѣ. Самъ же человекъ причиною и втораго и особаго еще паденія. Такимъ же невѣріемъ и такимъ же преслушаніемъ воли Бога Спасителя своего падаетъ и теперь человекъ. Какъ вѣра, оправдываемая добрыми дѣлами, спасаетъ человека, такъ невѣріе погубляетъ его. Вѣра возставляетъ человека послѣ перваго насъ бывшаго паденія, соединяя его со Спасителемъ Христомъ; а невѣріе, сопровождаемое пренебреженіемъ закона Христова, подвергаетъ его новому, болѣе тяжкому паденію, отлучая его отъ Христа, Спасителя міра. *Въруай въ Сына Божія*, говоритъ Св. Іоаннъ Предтеча въ Евангеліи, *имать животъ вѣчный, а иже не въруетъ въ Сына Божія не узритъ живота, но иныѣ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3: 36). Самъ Господь, Спаситель нашъ, сказалъ: *иже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ* (Марк. 16: 16). И еще въ ветхомъ завѣтѣ говорилъ Богъ у Пророка о Спасителѣ міра: *се Азъ полагаю во основаніе Сіону камень многоцѣннъ, краеуголенъ, честенъ и въруай въ онъ не*

постыдится (Исаія 28: 16). Видите, что служить въ возстанію и утверженію человѣка на этомъ божественномъ камнѣ,—вѣра. Видите, кому этотъ камень многоцѣненъ и честенъ,—вѣрующимъ. Вамъ, говоритъ Св. Апостоль Петръ, *честь вѣрующимъ, а противящимся камень претѣканія и камень соблазна, о немже претѣкаются, слову противляющимся* (1 Петр. 2: 7, 8).

Се лежитъ Сей на паденіе и на восстаніе многимъ во Израилли. Какъ сказалъ Богодухновенный и праведный мужъ, такъ точно и сбылось. По пришествіи Спасителя, отъ проповѣди Евангельской многіе возстали, а многіе и пали. Какъ возстали, и отчего пали? Возстали вѣрою, пали отъ невѣрія. Многіе изъ Іудеевъ и язычниковъ обратились въ Христа, признали Его за своего Спасителя и послѣдовали Ему, а многіе отверглись отъ Него, не приняли Его за Спасителя и не только не послѣдовали Ему, но и сдѣлались врагами Его. Что же было причиною невѣрія? Кто расположилъ многихъ въ противленію благовѣствованію Евангельскому и къ отреченію отъ Христа? Лжеименный разумъ человѣческій и страсти человѣческія, а главное, тотъ же, кто и въ началѣ расположилъ человѣка къ преслушанію и паденію. *Богъ вѣка сего*, говоритъ Св. Апостоль Павелъ, *ослѣпн разумъ невѣрныхъ, во еже не возсіати имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы* (2 Кор. 4: 4). Именно лжеименный разумъ и страсти человѣческія бываютъ открыты для принятія вражія ослѣпленія и потомъ сами служатъ причиною паденія многихъ. Такъ было съ невѣрующими Іудеями, такъ было и съ язычниками. Іудеи соблазнились ученіемъ Христовымъ, противнымъ ученію фарисеевъ и законоучителей ихъ, соблазнились ученіемъ Его, незнатностію рода Его, и вообще простотою и скромностію жизни Его. Какъ было имъ признать Его за обѣтованнаго Спасителя, когда Онъ, по понятію ихъ, разрушалъ законъ и вѣру ихъ, обличалъ заблужденія ихъ и пороки ихъ? Какъ было имъ признать Его за Спасителя, когда Онъ представлялся имъ человѣкомъ обыкновеннымъ, незнатнымъ, чуждающимся великихъ и сильныхъ, и по-часту обращающимся въ средѣ мытарей и грѣшниковъ? Вѣдь Христось, по мнѣнію ихъ, долженъ былъ явиться какъ сильный и знаменитый царь, которому бы подвластны были всѣ народы. Вѣдь съ пришествіемъ Христа они хотѣли блаженствовать на землѣ, жить въ спокоествіи, довольствѣ, чести и славѣ. А о томъ многіе и не думали, того и не разумѣли, что Христось—Царь не земной, не временный, не однихъ Іудеевъ, а Царь небесный, вѣчный, Царь всего міра, что Онъ пришелъ спасти всѣхъ вѣрующихъ, избавить

весь родъ человѣческой отъ грѣха, проклятiя и смерти, призвать грѣшниковъ на покаянiе, и всѣхъ сдѣлать блаженными, не здѣсь только, или въ настоящей жизни, но особенно въ будущей жизни, въ Царствѣ Небесномъ, сдѣлать блаженными на цѣлую вѣчность. Поэтому, не смотря на божественность и святость Спасителя міра, не смотря на безчисленные чудеса Его, они не увѣровали въ Него, и пали страшнымъ паденiемъ, предавъ Его, по совѣту князей и первосвященниковъ своихъ, на страданiе и смерть. А и язычники, руководимые естественнымъ человѣческимъ умомъ, также преткнулись объ этотъ таинственный божественный Камень и пали невѣрiемъ. Распятый Христосъ показался имъ, по словамъ Святаго Апостола Павла, *безумiемъ*“. Какъ думали они, Богу можно быть человѣкомъ? Какъ родиться отъ Дѣвы? Какъ распятый можетъ быть Спасителемъ міра? Какъ смерть Христова избавляетъ насъ отъ смерти? Какъ человѣкъ можетъ жить по смерти, гдѣ и какая опять эта жизнь? Какъ это, по словамъ Христовымъ, блаженны—нищiе, плачущiе, гонимые и умерщвляемые за вѣру въ Него? Для чего это воздержанiе, терпѣнiе, умерщвление плоти, отреченiе отъ удовольствiй и наслажденiй міра, которое заповѣдуетъ законъ Христіанскій?“ Такъ думали язычники, не постигая, въ слѣпотѣ ума и страстей своихъ, таинъ Божіихъ и отвергались отъ Христа, не признавали ученiя Его за Божественное и преслѣдовали исповѣдующихъ святое имя и Божественную вѣру Христову.

Се лежитъ Сей на паденiе и на востанiе многимъ. Послѣ Іудеевъ и язычниковъ, что сказать о Христіанахъ? Ежели востанiе зависить отъ вѣры во Христа Бога, а паденiе—отъ невѣрiя: то Христіане, какъ вѣрующiе, значить свободны отъ паденiя? Ахъ, нѣтъ, братiе. И между вѣрующими были, и всегда есть невѣрующiе, и въ средѣ Христіанъ были и есть противляющiеся истинѣ—и Іудеи и язычники, были и есть такiе, которые хотятъ жить только для сего свѣта, блаженствовать въ настоящей жизни, исполнять волю своихъ желанiй и страстей, а не волю Божію и Христову, были и есть такiе, для которыхъ ученiе Божественное кажется страннымъ и противоестественнымъ, которые выше откровенiя ставятъ свой собственный разумъ, и ему подчиняются во всемъ, какъ вѣрному своему руководителю. Ежели же такъ, стало быть, и Христіане падаютъ, не смотря на то, что они именуются Христіанами. А какъ страшно такое паденiе, паденiе при благодати Божіей, во дни спасенiя. Не такъ страшно первое паденiе, въ Адамѣ: страшно второе паденiе, послѣ Христа. Такъ падшему можно было воз-

стать; ему обѣщанъ былъ Избавитель. А здѣсь? Ежели падемъ паки невѣріемъ, кто насъ возставитъ и спасетъ? Другаго Избавителя уже не будетъ. *Волею согрѣшающимъ намъ по пріятіи разума истины, кому о грѣсахъ не обрѣтается жертва* (Евр. 10: 26), говорить Св. Апостолю.

Благодаримъ, празднующая братіе, Господа. Мы не отпадшіе отъ Православной вѣры и Церкви Христовой, какъ нѣкоторые прельщенные и прельстившіеся, мы—Христіане Православные и вѣрные сыны Святой Церкви Божіей. Мы *стоимъ въ истинной благодати Божіей* (1 Петр. 5: 12). Однакожь похвалимся ли и мы вѣрою? Оправдывается ли въ насъ святое наше призваніе, и исполняется ли въ дѣлахъ нашихъ благая и совершенная воля Божія? Свободны ли мы отъ паденія послѣ благодатнаго обновленія и возстанія? Всякій грѣхъ, какъ нарушеніе вѣры и закона Божія, есть уже паденіе. А кто не грѣшенъ? Кто не согрѣшаетъ на всякій день, едва не на всякій часъ? Да. И мы не свободны отъ опасности лишиться благодати Христовой; и намъ грозитъ страхъ вѣчной смерти за наши грѣхопаденія. Но утѣшимся. Спаситель¹ нашъ лежитъ не *на паденіе* только, но и *на востаніе*. Не будемъ же коснѣть въ своихъ грѣхопаденіяхъ; скорѣе, скорѣе, какъ только падемъ, будемъ вставать и очищать себя покаяніемъ. Ежедневно, ежечасно, послѣ каждаго содѣяннаго грѣха, будемъ обращаться къ Богу и просить у Него прощенія и возвращенія въ намъ Его спасительной благодати и отеческой любви. А вотъ приближается и святое время покаянія. Приходитъ къ намъ *ближайшее намъ спасеніе* (Рим. 13: 11). Разумѣю Святой Великій постъ. Святая Церковь именно установила намъ великую Четыредесятницу, какъ время и поприще для нашего востанія, для очищенія грѣхопадений нашихъ покаяніемъ и освященіемъ душъ и тѣлесъ нашихъ спасительными Божественными Тайнами. Ежели мы исполнимъ святую волю матери нашей Церкви, ежели мы, по совершеніи спасительнаго поприща поста, явимся обновленными благодатию Божіею и освященными,—о, какъ пріятно будетъ намъ срѣтить Божественный праздникъ свѣтоноснаго востанія изъ гроба Спасителя нашего и войти въ радость Господа своего, чего да сподобимся всѣ мы, благодатию и чловѣволюбіемъ Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ТОРЖЕСТВО ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Самодержавіе Царей Православныхъ.

Мною царіе царствуютъ и властители мною держатъ землю.

(Прит. 8: 15, 16).

Кто это говорить? Вѣчно царствующій небесный Вседержитель. О комъ? О земныхъ самодержцахъ, царяхъ и властителяхъ народовъ. Что Онъ говорить? То, что цари земные царствуютъ по волѣ Царя Небеснаго, и владѣтели народовъ управляютъ народами силою и властію Божіей. Хорошо, стало быть, повторить нынѣ эти слова премудрости Божіей и обратить на нихъ особенное вниманіе. Нынѣ у насъ, Православные Россіяне, великій праздникъ, и праздникъ собственно о Царѣ. Нынѣ торжествуемъ мы начало благоденнаго царствованія великаго Государя нашего, Императора Александра Николаевича, мудраго, вроткаго, истиннаго Отца Отечества.

Гдѣ же это начало царствованія? Откуда получаютъ силу и власть цари Православные? Единный Богъ Виновникъ владычества царей. Самъ Вседержитель избираетъ, Самъ руководствуетъ и хранитъ самодержцевъ. Развѣ безъ значенія называются Православные наши цари *самодержцами*? Тотъ самодержецъ, кто самъ, по дару Божію, въ себѣ имѣетъ начало силы и власти, и своею, просвѣщенною закономъ Божіимъ, волею управляетъ другими. Такъ и Православный Царь называется и есть самодержецъ потому, что онъ самъ въ себѣ имѣетъ силу и власть управлять народомъ Божіимъ, получивъ ту непосредственно отъ Вседержителя Бога. Возьмемъ во вниманіе и самое названіе начало царствованія царей. Оно называется *восшествіемъ* на престолъ. Слышите, Православные— *восшествіемъ*, а не возведеніемъ. Не руками человѣческими, не волею народа возводится царь на престолъ,—нѣтъ! онъ самъ восходитъ, невидимо возводимый десницею Божіею и изволеніемъ Всевышняго. Пусть иные разсуждаютъ иначе. Пусть почитатели чловѣческаго разума мудрствуютъ по своему особенно въ нынѣшнее, славящееся просвѣщеніемъ, время; пусть святотатствуютъ, присвоивъ самимъ себѣ дѣло Божіе и власть надъ созданіемъ Божіимъ! Заблуждающіе! Нашему ли, ограниченному и никогда не свободному

отъ погрѣшностей, разуму мѣшаться въ дѣла собственно Божіи? *Едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ; а яже на небесахъ, кто изслѣди?* (Прем. 9: 16). Человѣку ли, этому слабому въ составѣ твореній Божіихъ существу, присвоить себѣ право быть самоуправителемъ участи и состоянія другихъ, когда всѣ люди, какъ существа не самосущія, и въ началѣ, и въ продолженіи бытія зависятъ отъ верховнаго всемогущаго Существа? Пусть, говорю, другіе разсуждаютъ иначе. Это инаковое мудрствованіе доводитъ до того, что осмѣливаются отвергать бытіе и промыслъ Божій, говорятъ: нѣтъ Бога, нѣтъ Правителя міра, все самобытно, человѣкъ—существо саморождающееся и самоумирающее. Рѣчь наша не къ этимъ мудрователямъ, избирающимъ въ руководители себѣ лжеименный разумъ. Нѣтъ, слово наше къ Христіанамъ, послѣдующимъ откровенію Божію, и вѣрующимъ, что состояніе и судьба всего человѣчества зависитъ отъ руки Всевышняго.

Что же возвѣщаетъ намъ откровеніе Божіе о царяхъ и властителяхъ народовъ? *Нѣсть, говоритъ, власть, аще не отъ Бога* (Рим. 13: 1), значитъ—начало царской власти заключается въ Самомъ Богѣ. Опять: *Господь поставляетъ цари* (Дан. 2: 21), значитъ, восшествіе царей на престолъ и начало ихъ царствованія происходитъ отъ Самого Бога. Еще: *Мною, говоритъ Самъ Богъ, царіе царствуютъ*, и Богъ же, обращаясь къ самимъ царямъ, говоритъ: *слушайте, царіе, и разумѣйте, яко дана есть отъ Господа держава вамъ, и сила отъ Вышняго* (Премудр. 6: 1, 3). Значитъ—цари, получивъ самодержавіе отъ Самого Бога и царствуя силою Божіею и дѣйствуя въ управленіи народами по волѣ и распоряженію Божію,—открываютъ чрезъ свой умъ умъ Божій, и чрезъ благозаконную волю свою—волю Божію, и въ дѣйствіяхъ своихъ какъ освященныя Духомъ благодати орудія—дѣйствія Божіи. Такъ самый лучшій изъ царей, по внушенію Духа Божія, засвидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ поставленъ царемъ отъ Самого Бога, и именно для того, чтобы исполнять волю Божію. *Азъ, говоритъ, поставленъ есмь царь отъ Него, возвѣщаяй повелѣніе Господне* (Пс. 2: 6).

Вотъ, торжествующіе слушатели, какъ слово Божіе изображаетъ намъ достоинство царей. Такъ и вѣруютъ и должны вѣрвать Христіане, покорные откровенному слову Божію и богомудрому ученію Православной Христовой Церкви. Мудрствовать иначе, противно слову Божію и ученію Церкви, значитъ—отрицаться отъ Христіанства и извергать себя изъ спасительныхъ нѣдръ Церкви Божіей. Истина самодержавія Православныхъ царей, т. е. поставле-

нія и утвержденія ихъ на престолахъ царствъ отъ Самого Бога, такъ священна, что по духу ученія и законоположеній церковныхъ, она возводится нѣкоторымъ образомъ на степень догмата вѣры, нарушение или отриновеніе котораго сопровождается потерей спасенія. Не слышимъ ли, что Св. Православная церковь, между прочимъ, ежегодно возглашаетъ въ недѣлю Православія? *Помышляющимъ, яко Православныя Государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божию благоволенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не измиваются, анаѳема* (чинъ Прав.), т. е. отлученіе отъ Церкви, а это тоже, что лишеніе спасительной благодати Божіей и пагуба души. Нѣтъ ли основанія этой высокой истины Христіанской въ самомъ символѣ Православной Христіанской вѣры? Въ кого мы вѣруемъ? Въ Бога *Вседержителя*. А Вседержитель посредствомъ кого благоизволяетъ содержать землю, т. е. народы земные? Посредствомъ царей. *Мною*, говорить, *царіе царствуютъ и властители Мною держатъ землю*. Всевышній Міроправитель неодушевленной вещественной природѣ далъ единожды на всегда силы безсознательно исполнять волю Творца, а твари свободныя, разумно-нравственныя подчинилъ правленію царей, которыхъ отъ времени до времени Самъ поставляетъ на престолахъ царствъ. Посему самодержавіе земныхъ царей, очевидно, истекаетъ отъ вседержительства Царя Небеснаго. Итакъ, если мы вѣруемъ въ Бога, Творца и Вседержителя, то должны вѣровать и въ самодержавіе царей, т. е. несомнѣнно признавать Царскую власть происходящую отъ Бога, и царей чтить, какъ представителей Божіей власти на земли, имъ служить и во всемъ повиноваться, ради повиновенія Самому Богу.

Такъ, Христоименные слушатели, велика и священна особа Царя, и такъ дороги должны быть для насъ Православные и благочестивые наши Самодержцы! Но для чего мы здѣсь? Почему празднуемъ торжество о Царѣ во храмѣ Божіемъ? Къ этому вызвала насъ благодарность, которую мы приносимъ Вседержителю Богу за дарованіе намъ Царя и Самодержца, возвеличивающаго паче и паче Россію, любезное отечество наше! Къ этому вызвала насъ радость о Царѣ, которую мы нигдѣ не находимъ лучше выразить, какъ въ святомъ храмѣ, предъ лицемъ Божіимъ. Къ этому вызываетъ насъ и долгъ молитвы за Царя, *да Господь силъ самодержавіе раба Своего, великаго государя нашего, утвердитъ, и да подастъ Ему благоспѣшное во всемъ и благоденственное царствованіе* (Послѣд. благодар. молеб.).

Прольемъ же, счастливые Россіяне, теплое моленіе къ Царю царствующихъ о царѣ своемъ, и какъ всегда, такъ особенно въ сей великій день, изъ глубины сердець воззовемъ къ Нему: *утверди, Боже, Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича во вѣкъ вѣка. Аминь.*

Б Е С Ъ Д А

ВЪ ПРАЗДНИКЪ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Что воспоминаетъ и чему празднуетъ Св. Церковь въ день Благовѣщенія Богородицы.

Днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе; Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріиль благодать благовѣстуетъ. Тѣмъ же и мы съ нимъ Богородицѣ возопіимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ тобою.

(Троп. празд.).

Знаете ли, празднующая братіе, чему мы сегодня празднуемъ? „Кто же“, скажете, „не знаетъ этого? Нынѣ Архангелъ явился Дѣвѣ Маріи, и благовѣствовалъ Ей зачатіе и рожденіе отъ Ней Сына Божія, Спасителя нашего Иисуса Христа“. Только? Нѣтъ. Святая Церковь восходитъ выше, прозираетъ далѣе, возвѣщаетъ намъ болѣе. Обратимъ вниманіе на поемый сегодня тропарь. Онъ охватываетъ всю полноту настоящаго праздника, и выражаетъ весь, такъ сказать, ходъ Божественнаго о насъ смотрѣнія.

Днесь спасенія нашего главизна. Все, что святая Христіанская Церковь ни воспоминаетъ, касается тайны спасенія человѣческаго. Каждый ея праздникъ есть православіе того или другаго дѣйствія смотрѣнія Божественнаго. Таковы, преимущественно, праздники: рождество Спасителя нашего, Его страданіе, воскресеніе и вознесеніе на небо. Но сіи, какъ и другіе Господскіе праздники, предметомъ воспоминанія имѣютъ дѣйствія Божественныя видимыя, — ими прославляется то, что совершилось уже на землѣ, *предъ млицемъ оспехъ людей* (Лук. 2: 30). Это уже дѣйствительное исполненіе смотрѣнія Божественнаго, открытое совершеніе тайны спасенія человѣческаго. Такъ и настоящій праздникъ Благовѣщенія есть *главизна*

нашего спасенія, явленіе, откровеніе великихъ судебъ Божіихъ, начало того, что совершалось на землѣ, и исполненіе, конецъ того, что предопредѣлено на небесахъ.

Днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе. Да, начало тайны спасенія нашего во глубинѣ вѣчности, до начала временъ. Еще не было человѣка на землѣ, еще не существовалъ міръ, не только видимый, но и невидимый, тайна спасенія человѣческаго уже совершилась—гдѣ? въ непостижимомъ превѣчномъ свѣтѣ тріипостаснаго Божества. Чудный Божественный совѣтъ? Всемогущество Божіе опредѣляетъ сотворить человѣка, а всевѣдѣніе Божіе предвидитъ грѣхопаденіе этой разумной твари. Что же? Правда Божія требуетъ смерти грѣшника, а благодѣнь Божія изволяетъ помиловать и спасти его. И вотъ составляется совѣтъ о спасеніи человѣка. Богъ Отець, Сынъ Божій и Святой Духъ, предопредѣливъ сотворить человѣка для блаженства, предразсуждаютъ о томъ, чтобы возвести его, послѣ грѣха, въ первое состояніе, спасти человѣка—грѣшника. „Сотворимъ челоуька, говоритъ Богъ—Пресвятая Троица, *сотворимъ челоуька по образу нашему и по подобію* (Быт. 1: 26); пусть онъ будетъ причастникомъ нашего блаженства и славы, и когда онъ утратитъ достоинство своей природы, возстановимъ его въ тотъ же образъ и подобіе, да пребудетъ онъ въ Нашемъ блаженномъ Царствѣ вѣчно, и да прославляетъ насъ вмѣстѣ съ поворными намъ безплотными силами“. О, великій Боже! Великъ Ты въ Твоемъ всемогуществѣ, великъ Ты въ Твоемъ всевѣдѣніи, великъ Ты въ Твоей правдѣ, великъ Ты и въ Твоей благодѣнь—весь и во всемъ великъ Ты! *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?* (Пс. 76: 14). О, челоуькъ! Какъ ты великъ у Бога, не смотря на твое ничтожество! Какъ дорогъ, какъ любезенъ ты Богу, который и сотворилъ тебя, и спасаетъ тебя! Жаль, очень жаль, что ты такъ часто и такъ много забываешь Бога, и своего Творца и своего Спасителя. Жаль, очень жаль, что ты забываешь и себя, и то, гдѣ ты былъ въ началѣ, и куда паки возводишься!

Еже отъ вѣка таинство явленіе, Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы бываетъ. Кому же послѣдовало явленіе этого таинства отъ вѣка? Кто удостоился быть извѣстнымъ о свѣтѣ Божіемъ касательно челоуька? Никто, пока Самъ Богъ не отерылъ того. *Кто бо разумъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть?* (Рим. 11: 34). Совѣтъ Божій о спасеніи челоуька составлялъ *тайну мты вѣчнымъ умолчанную* (Рим. 14: 24), *и сокровенную отъ вѣка и отъ родовъ* (Кол. 1: 26). Онъ невѣдомъ былъ и блаженнымъ духомъ, святымъ

Ангеламъ, по свидѣтельству Церкви, которая таинство это называетъ отъ *вѣка утаеннымъ, и Ангеломъ несвѣдомымъ* (богород. 4 глас.). Въ чемъ же состоялъ превѣчный совѣтъ пресвятыя Троицы о чело-
вѣкѣ и каковой предызбранъ образъ спасенія челоѡвѣа? *Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы бываетъ*. Вотъ что измыслила премудрость Божія для спасенія нашего! Вотъ что опредѣлено въ превѣчномъ совѣтѣ Бо-
жіемъ челоѡвѣку-грѣшнику! Опредѣлено спасти челоѡвѣа ходатай-
ствомъ Сына Божія. Опредѣлено, чтобы Сынъ Божій принялъ на Себя образъ челоѡвѣка, соединивъ съ Своимъ Божественнымъ есте-
ствомъ челоѡвѣческое естество, и въ Своемъ Божественномъ Лицѣ искупилъ челоѡвѣа отъ грѣха, проклятія и смерти. И Сынъ Божій благоизволилъ поворотиться общему Божественному совѣту, исполнить волю Бога Отца, и принять на Себя *служеніе примиренія* (2 Кор. 5: 19), искупленіе падшаго рода челоѡвѣческаго. *Се иду*, сказала Онъ Единосущному Отцу Своему, *се иду, еже сотворити волю Твою, Боже* (Евр. 10: 7); — „принимаю“, какъ бы такъ сказалъ; „принимаю на Себя служеніе падшему челоѡвѣчеству; готовъ постра-
дать за міръ, искупить грѣшниковъ отъ клятвы своимъ крестомъ, очистить ихъ отъ грѣха своею кровію, избавить ихъ отъ смерти своею смертію, и возвести ихъ въ жизнь вѣчную своимъ воскресе-
ніемъ“. Таѣъ, *Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы бываетъ*. Богъ хочетъ со-
дѣлаться челоѡвѣкомъ; *живый во свѣтъ непреступнымъ* (1 Тим. 6: 16)—явиться на землѣ: высочайшій и всесовершеннѣйшій Духъ—
облечься плотію; рожденный прежде вѣкъ отъ Отца безъ матере—
родиться во времени *отъ матере безъ отца* (догм. 3 глас.) *О, му-
бина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. 11: 33). *Кто возлагаетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Ею* (Пс. 105: 2), *творящаго вѣля и неисльдимая, славная же и изрядная; возносящаго смиренныя на высоту, и погибшыя возди-
зающаго во спасеніе* (Іов. 5: 9, 11). Благословляй, падшій челоѡвѣъ,
Господа, благоизволившаго возставить тебя и возвратить тебѣ поте-
рянное тобою блаженство. Благодарно прославляй Бога Отца, от-
давшаго возлюбленнаго и едиnorodнаго Сына Своего на смерть за спасеніе міра; благодарно прославляй Сына Божія, изволившаго об-
речь Себя на жертву правдѣ Божіей за грѣхи міра; благодарно прославляй Святаго Духа, соблаговолившаго оживить умерщвленное грѣхомъ челоѡвѣчество, и своею Божественною благодатію обновить, освятить и представить его въ Царство Божіе святымъ и непороч-
нымъ;—прославляй и поклоняйся святѣй, единосущнѣй животворя-
щей и нераздѣльнѣй Троицѣ!

Сынъ Божій сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Наконецъ исполняется превѣчный совѣтъ Божій о спасеніи человѣка; открывається велия благочестія тайна (1 Тим. 3: 16). Прииде кончина мѣта, и Богъ посылаетъ Сына своего единороднаго (Гал. 4: 4) въ міръ, да спасетъ имъ міръ (Іоан. 3: 17). И вотъ является вѣстникъ съ небеси. Посланъ бысть съ небесе Гавріилъ архангелъ благовѣстити Дѣвъ зачатіе (стих. благов. на Госп. возв. слав.). Является посланный отъ Бога Архангелъ въ Назаретъ въ Дѣвѣ Маріи, и возвѣщаетъ Ей благодать Божію спасительную всѣмъ человѣкомъ (Тит. 2: 11), благовѣствуетъ Ей, что Она зачнетъ во чревѣ своемъ отъ Духа Святаго и родить Сына Божія, Спасителя міра. И Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Вотъ, слѣдовательно, что заключаетъ въ себѣ настоящій праздникъ. Не одно благовѣщеніе Архангела воспоминаетъ нынѣ Святая Церковь, а всю превѣчную тайну спасенія нашего, возвѣщенную нынѣ Архангеломъ. Святая Церковь благодарственно воспоминаетъ и прославляетъ нынѣ премудрое и всеблагое опредѣленіе Божіе о спасеніи человѣка, совершившееся въ превѣчномъ совѣтѣ Святыя Троицы, и спасительные плоды сего опредѣленія Божія. *Совѣтъ превѣчный*, поетъ она, *открывая Себѣ, Отроковице, Гавріилъ предста, Тебѣ лобзая* (стих. праздн.) *Днесь радость благовѣщенія, нижняя съ вышними совокупляются, Адамъ обновляется, и Его первыя печали свободдается. О таинство! богатство благодати несказано; и измѣненіе общимъ творится совѣтомъ* (слав. на стихов.). Святая Церковь благодарственно воспоминаетъ и прославляетъ нынѣ исполненіе превѣчнаго совѣта Божества, начало божественнаго истощанія Сына Божія, Его невидимое и таинственное сошествіе съ небесъ,—и воплощеніе отъ неискусомужныя и пречистыя Дѣвы. *Да веселятся небеса, и радуется земля*, поетъ Она; *ибо Отцу Соприсносущный, Собезначальный и Сопрестольный, щедротство приѣмъ и челоуколюбную милость, Себе постави во истощаніе, благоволеніе и совѣтомъ Отчимъ; и во утробу вселися дѣвичу предпочищенную Духомъ. О, чудесе! Богъ въ челоуцѣхъ, невмѣстимый въ ложеснахъ, безлѣтныи въ мѣто; и еже преславнѣе, яко и зачатіе безсѣменно, и истощаніе несказанно, и таинство елико. Богъ бо истощевается и воплощается и зиждется* (слав. на лит.). Святая Церковь благодарственно воспоминаетъ и прославляетъ наконецъ самое явленіе Архангела Дѣвѣ, и радостное благовѣщеніе сошествія на землю, зачатія и воплощенія отъ Нея Сына Божія. *Благовѣствуетъ Гавріилъ благодатный днесь*, поетъ она, *радуясь, невѣстная Мати и неиску-*

собрачная! Нынѣ благовѣствую Тебѣ радость, и пребудеши нетлѣнна, и родиши Господа Пречистая (и нынѣ на лит.).

Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣмъ возопиимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою. Видите теперь, празднующая братіе, чему сегодня мы празднуемъ. Великъ, Христіане, настоящій у насъ Божественный праздникъ. Непостижимое таинство спасенія нашего открыто нынѣ намъ въ благовѣщеніи Архангела Дѣвѣ. „Радуйся“, возвѣщено нынѣ съ неба не одной Дѣвѣ Богородицѣ, но въ лицѣ Ея всему бѣдному роду человѣческому. — Прославимъ же, съ Церковію, великую къ намъ милость Божію. Благоговѣнно и благодарно поклонимся пришедшему спасти насъ Сыну Божію. Всерадостно воспоемъ, съ Архангеломъ, и къ Дѣвѣ Богородицѣ: *Радуйся благодатная.* Тобою бо возсіяла радость всему міру; отъ Тебя бо излилась благодать на весь человѣческій родъ. *Господь съ Тобою*, и чрезъ Тебя со всѣми не только праведниками, но и грѣшниками, кающимися и причащающимися пречистаго тѣла и Божественныя крове Его. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Сходство событій голгоѣскихъ съ будущими событіями при кончинѣ міра.

Нынѣ судъ есть міру сему.
(Иоан. 12: 31).

Когда Св. Церковь, ежегодно творя воспоминаніе спасительныхъ страстей Христовыхъ, мысленно возводитъ насъ на Голгоѣу, когда мы стоимъ при крестѣ, и взираемъ на Распятаго, не какъ Іудеи, а какъ Христіане, просвѣщенными очами сердець; сколько представляется высокихъ, божественныхъ предметовъ для благочестиваго размышленія. Какихъ нельзя предложить любомудрыхъ и поучительныхъ словъ, когда раскрывается на крестѣ вся тайна непостижимаго божественнаго смотрѣнія? Но въ чему теперь слово человѣческое, когда самое дѣло Божіе говоритъ такъ громко, что потрясаетъ всю природу? Что мы видимъ на Голгоѣѣ?

Виситъ на крестѣ распятый Христосъ, и не одинъ, а съ Нимъ два распятыя разбойника, одинъ по правую, другой по лѣвую руку. Просто ли это? Что мы видимъ и слышимъ въ природѣ? Солнце

меркнетъ, земля колеблется, люди въ волненіи и страхѣ. Что это? Трепетъ ли только природы при видѣ страждущаго Творца, или одно знаменіе, что не сынъ человѣческой, а Сынъ Божій на крестѣ? Нѣтъ, это виѣстѣ и таинственный образъ страшнаго суда Божія. Ибо, что здѣсь на Голгоѣ, и что будетъ тамъ на страшномъ судѣ? Здѣсь видимъ крестъ и распятаго Христа. *И нося крестъ Свой, изыде на глаголемое лобное мѣсто, идѣже пропяша Ело* (Іоан. 19: 17, 18), говоритъ Евангеліе. И тамъ увидятъ тотъ же крестъ, и того же распятаго Христа. *И тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго* (Матѣ. 24: 30), говоритъ Евангеліе. *И се урядетъ со облаки, и узритъ Ело всяко око, и уже Ело прободоша* (Апок. 1: 7), возвѣщаетъ зритель неизреченныхъ будущихъ откровеній. Здѣсь видимъ на правой сторонѣ благоразумнаго разбойника, которому говоритъ Христосъ *днесь со Мною будещи въ рай* (Лук. 23: 43), а на лѣвой—разбойника же, но нераскаяннаго и погибшаго. И тамъ на правой сторонѣ будутъ поставлены праведные, призываемые въ Царствіе, а на лѣвой—грѣшныя отсылаемые въ муку (Матѣ. 25: 33, 34 и 41). Здѣсь раскаяніе, смятеніе и страхъ людей. *Вси пришедшии народы на позоръ сей, видяще бывающая, бѣюще перси своя возвращахуся* (Лук. 23: 48), говоритъ Евангеліе. И тамъ также будетъ безплодное раскаяніе, смятеніе и страхъ. *Будетъ, говоритъ опять Евангеліе, на земли туа языкомъ отъ нечаянія, издыхающимъ челоукомъ отъ страха и чаянія урядущихъ на вселенную* (Лук. 21: 25, 26), *и тогда восплачутся вся колѣна земная* (Матѣ. 24: 30). Здѣсь трясеніе земли и разсѣченіе горъ. *И се земля потрясется, и каменіе распадется* (Матѣ. 27: 51), повѣствуетъ Евангеліе. И тамъ всецѣлое потрясеніе земли и неба, и преложеніе ихъ. *Еще, говоритъ Богъ, единою Азъ потрясу не токмо землю, но и небомъ* (Евр. 12: 26). *Небо и земля преидетъ* (Марк. 13: 31), говоритъ Спаситель. Здѣсь ужасный мракъ и затмѣніе солнца. *И тма бысть по всей земли; и померче солнце* (Лук. 23: 44; 45), повѣствуетъ Евангеліе. И тамъ—тоже. *Абѣ солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего* (Матѣ. 24: 29), говоритъ Христосъ о второмъ пришествіи Своемъ. Здѣсь воскресеніе мертвыхъ. *И гробы отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Матѣ. 27: 52), повѣствуетъ Евангеліе о смерти Христовой. И тамъ воскресеніе мертвыхъ. *Грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5: 25), говоритъ Христосъ о будущемъ судѣ.

Какое чудное соотвѣтствіе между событіемъ Голгоескимъ и бу-

дущимъ откровеніемъ страшнаго суда Божія! Два пришествія Христовы, явленіе Его въ зракѣ раба и въ величіи Царя и Господа, на крестѣ поруганія и на престолѣ славы—сопровождаются одинаковыми обстоятельствами, чтобы видно было, что Онъ единый Искупитель міра и Судія. Посему-то издревле мужи, озаренные Духомъ Божиимъ, св. пророки, когда пророчествовали о Христѣ, имѣли въ виду то и другое пришествіе Его, такъ что одни пророчества относились къ тому, другія къ другому пришествію Его, а нѣкоторыя прямо изображали то и другое.

Такъ, будущій Судія міра, Господь Іисусъ Христосъ, имѣющій возсѣсть на престолѣ славы Божіей, благоизволилъ сперва явиться, какъ Судія міра на крестѣ. Самъ Онъ предъ страданіемъ Своимъ, указуя на самое сіе страданіе, сказалъ: *нынѣ судъ есть міру сему* (Іоан. 12: 31). Но какъ же Самъ Христосъ и въ то же время сказалъ: *не придохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ?* (Іоан. 21). Да. Онъ пришелъ спасти міръ, а не судить и не погубить. Теперь судъ Его милосердія, а послѣ судъ Его правды; теперь судъ помилованія, а послѣ судъ осужденія; теперь судъ потребленія грѣха, а послѣ судъ потребленія грѣшниковъ. Что сказалъ Самъ Спаситель о своемъ искупительномъ судѣ? *Нынѣ судъ есть міру сему; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ; и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12: 31, 32). Видите, что теперь осужденъ діаволь, потребленъ грѣхъ, умерщвлена смерть,—и милосердіе Божіе спасетъ всѣхъ на судѣ милосердія, ко всѣмъ съ любовью взываетъ: *приидите, и истязимся, и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ ублю; аще же будутъ, яко червленое яко волну ублю* (Исаія 1: 18). Приидите, говоритъ, ко Мнѣ, обратитесь и покайтесь, Я пришелъ спасти васъ, Я пострадалъ за васъ и удовлетворилъ за васъ правдѣ Божіей, Я приѣмлю васъ въ свое милосердіе, прощаю вамъ грѣхи ваши и обѣщаю вамъ спасеніе и жизнь вѣчную.—А что скажетъ Онъ, когда явится во второе пришествіе, когда сядетъ на престолѣ славы Своя,—что скажетъ намъ, если мы не обратимся къ Нему и не покаемся? „Вы не разъ“, скажетъ, „были на Голгоѣ, видѣли врестъ, видѣли Мое страданіе за васъ, слышали отъ Меня прощеніе грѣховъ вашихъ, слышали Мое призываніе васъ къ покаянію и обращенію, и однакожь не почтили Моего креста, пренебрегали Моими страданіями, не хотѣли воспользоваться Моимъ милосердіемъ, остались по-прежнему во грѣхахъ, не покаившись и не обратившись ко Мнѣ. *Звахъ, и не послушаете, простирахъ словеса, и не внимаете; убо и Азъ ваши погубели по-*

смѣюся (Притч. 1: 24—26), открою торжество правды Моей, предавъ васъ нелицепріятному суду Моему и потреблю васъ, да царствуетъ единая правда и святыня во славу Моею“.

Довольно, Христіане, для насъ этой проповѣди. Благодареніе Господу, что мы еще на Голгоѣ, зримъ крестъ и распятіе Спасителя нашего, что мы еще предъ судомъ божественнаго милосердія Его! Благодареніе матери нашей св. Православной Церкви, что Она ежегодно водить насъ на св. гору, повергаетъ въ подножію креста Христова и дѣлаетъ благоговѣйными зрителями страданій Его. Нетрудно понять, для чего это дѣлаетъ св. Церковь и чего она ожидаетъ отъ насъ. Дѣлаетъ для нашего спасенія и ожидаетъ отъ насъ покаянія. Она хочетъ, чтобы мы при такомъ трогательномъ зрѣлищѣ восчувствовали всю тягость своихъ грѣховъ, поняли всю цѣну искупительной жертвы Христовой, обратились въ Нему въ покаяніи и сокрушеніи, и просили у Него помилованія и избавленія. И какъ благонадежно намъ теперь прибѣгать ко Христу, когда Онъ на крестѣ и готовъ своими простертыми руками принять насъ въ свою любовь! Какъ спасительно для насъ теперь подвергать себя суду милосердія Его! Нѣтъ нужды, что мы грѣшники. Развѣ не видимъ, кого оправдалъ распятый Христосъ? Онъ оправдалъ разбойника, который, какъ разбойникъ, безъ сомнѣнія, былъ величайшій грѣшникъ, но который покался и получилъ отъ Господа рай. Такъ милостивъ въ намъ Господь, что, спасая насъ Своими страданіями. въ то же время представилъ намъ и образецъ кающагося грѣшника. Послѣдуемъ и мы благоразумному разбойнику въ покаяніи и обращеніи ко Христу. Пусть каждый изъ насъ воззоветъ къ распятому Искупителю: *помяни и мене Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ* (Лук. 23: 42). Рцы и мнѣ, какъ благоразумному разбойнику: *аминь глаголю тебѣ: со Мною будеши въ раи* (Лук. 23: 43), *егда прииду во славу Моею* (троп. вел. кан.) Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПАСХИ.

Чему радуемся мы въ день Воскресенія Христова.

Радуйтесь! (Матѣ. 28: 9).

Вотъ первое слово Спасителя нашего, по воскресеніи Его изъ мертвыхъ! Что это значить? Отчего не другое что сказалъ Го-

сподь мѣроносицамъ, при первой встрѣчѣ съ ними, какъ слово радости, и только одно слово: *радуйтесь?* Видно, причиною сего была собственная радость Спасителя. Видно, Самъ Христосъ преисполненъ былъ радостію, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ. И какъ было не радоваться Ему? Если Господь нѣкогда *возрадовался духомъ* (Лук. 10: 21) о томъ, что призываются къ усвоенію тайнъ спасенія и къ наслѣдію Царствія Божія люди простые нравомъ и сердцами, которыхъ большинство во вселенной, сравнительно съ премудрыми и разумными, о Себѣ: то какъ было не радоваться Ему, о побѣдѣ крестной Его смерти надъ адомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о спасеніи и славѣ всего падшаго человѣческаго рода? Радуюсь же Самъ, Онъ какъ бы переливалъ Свою божественную радость въ скорбныя сердца мѣроносиць, и сказалъ имъ: *радуйтесь!*

Что же мѣроносицы? Онѣ тотчасъ забыли свое горе, радость пробѣжала по ихъ сердцамъ быстрѣе молніи, и исполненныя страха и радости, при неожиданномъ явленіи имъ Господа и при неопостижимо-радостномъ привѣтствіи Его, онѣ упали къ ногамъ Его и поспѣшили съ радостію къ Апостоламъ. Господь не пояснилъ имъ причины радости, сказалъ только—*радуйтесь*, и онѣ, въ избыткѣ радости, не стали разсуждать о необыкновенно-радостномъ видѣніи. Да такова и всегда бываетъ радость, особенно радость внезапная и неожиданная. Тутъ теряется вся сила разсужденія, и господствуетъ одно чувство. Тутъ человѣкъ радуется какъ бы бессознательно, безотчетно. Вотъ и мы, братіе, лишь только услышали сегодня голосъ Церкви: *радуйтесь, людіе, людіе, веселитесь*, въ какой неизъяснимый пришли восторгъ? Тотчасъ забились радостію наши сердца, тотчасъ процвѣли наши лица, тотчасъ полились изъ устъ радостныя привѣтствія, взаимныя лобзанія, открылось неизъяснимое, всеобщее торжество. Истинно небесная, божественная радость!

Но, братіе! безотчетная радость, и особенно при случаяхъ священныхъ, не всегда безопасна. Человѣкъ по природѣ своей поползновенъ на грѣхъ, и собственный нашъ опытъ удостовѣряетъ насъ, что и въ самые святые дни, вмѣсто чистой радости духа, нерѣдко дѣйствуютъ въ насъ плоть и кровь. Итакъ когда мы послѣ восторженныхъ утреннихъ чувствъ, теперь нѣсколько спокойнѣе ощущаемъ настоящую радость, не бесполезно намъ дать мѣсто и духовному разсужденію о настоящей радости. Поразмыслимъ же нѣсколько, чему мы радуемся въ день воскресенія Христова.

Въ день воскресенія Христова мы радуемся именно воскресенію Христову! Слышите ли, чѣмъ выражается теперь наша радость?

Говоримъ: *Христось воскресе, воистину воскресе!* Вотъ и радость, что Христось воскресъ. Ибо что важнѣе этого для насъ? О, какъ важно, какъ неоцѣнимо-благодарно воскресеніе Христова! Знаете ли, что для насъ Христось? Онъ Спаситель нашъ. Безъ него мы погибли бы навсегда. Грѣхъ растлилъ всю нашу природу, проявленіе отъ Бога поразило насъ, смерть временная и вѣчная постигла насъ. Страшныя бѣдствія! Можемъ ли мы восчувствовать раздѣльно всю силу страшныхъ на насъ отяготѣвшихъ бѣдствій, вслѣдъ за преступленіемъ прародителей? Нѣтъ. Они отяготѣли всецѣло только на Единородномъ Сынѣ Божіемъ. Бѣдствіе падшихъ прародителей тотъ же часъ облегчено было благовѣстіемъ о Немъ—тогда же значить перенесена была на возвѣщеннаго Избавителя вся отвѣтственность за грѣхопаденіе всего рода человѣческаго! Онъ и грѣхъ пригвоздилъ на крестѣ, и клятву потребилъ крестомъ, и смерть умертвилъ своею смертію, смерть не удержала въ своихъ узахъ Христа. Разрушивъ смерть, Онъ возсталъ изъ гроба и явился въ славѣ воскресенія, и въ новой, нетлѣнной и вѣчной жизни. Какова же долженствовала быть радость для Апостоловъ и всѣхъ послѣдователей Христовыхъ? Истинно великая и неизреченная. Эту-то радость возвѣстила и намъ теперь Св. Церковь. Эта-то радость и составляетъ настоящее наше торжество. Слышите, что поетъ нынѣ Церковь: *смерти празднуемъ умерщвленіе, много житія вѣчнаго начало.* Можетъ быть, этимъ все еще не прояснилась наша радость о воскресеніи Христовомъ и не приблизилась къ нашему чувству. Такъ вотъ примѣръ болѣе осязательный и ясный. Когда умираетъ у насъ кто либо особенно любимый нами, такой, который не только дорогъ намъ по нашей приверженности къ нему, но и отъ котораго зависятъ все наше благоденствіе и счастье, напримѣръ, отецъ;—какой неутѣшной предаемъ мы скорби! Печаль, слезы, отчаяніе поражаютъ и какъ бы уничтожаютъ насъ. Что-жь, если бы этотъ дорогой намъ человѣкъ ожилъ, воскресъ? Можно ли изобразить ту радость, которая бы восторгла наши скорбныя сердца? Просто, мы были бы внѣ себя отъ такого внезапнаго и неожиданнаго счастья. Судите, по крайней мѣрѣ, по этому о настоящей нашей радости. Распятый и умершій Спаситель нашъ воскресъ, и съ нимъ воскресло для насъ все, и жизнь духовная, и блаженство вѣчное, и слава небесная. Кто же не порадуется теперь о воскресеніи Христовомъ? Развѣ одинъ безпечный и отчаянный грѣшникъ, для котораго не страшны ни грѣхъ, ни клятва Божія, ни смерть, которому не дороги ни рай, ни блаженство, ни Царство Небесное.

Чему мы радуемся въ день воскресенія Христова? Радуемся собственному нашему воскресенію. Вѣдь воскресеніе Христово есть собственно наше воскресеніе. Христось, какъ безсмертный и вѣчный Богъ, не умиралъ и не могъ умереть; слѣдовательно, нельзя было ему, какъ Богу, и воскреснуть. Умеръ Онъ и воскресъ собственно какъ человѣкъ, т. е. та человѣческая природа, которую Сынъ Божій соединилъ въ Своемъ Лицѣ съ Своимъ божественнымъ существомъ, содѣлавшись Богочеловѣкомъ. „Хорошо“, скажете, „да какъ же мы то воскресли въ воскресеніи Христовомъ?“ А такъ же точно, какъ умерли въ Адамѣ. Адамъ одинъ согрѣшилъ и умеръ, и за нимъ все человѣчество подверглось смерти. Такъ и Христось, одинъ безгрѣшный, воспріявъ на себя грѣхи всѣхъ, умеръ и воскресъ; и всѣ, послѣдующіе Ему, воскресли. Между тѣмъ, замѣтьте, какое безконечное различіе между Адамомъ и Христомъ. Адамъ былъ просто человѣкъ,—а Христось—Богочеловѣкъ. Если же смерть простаго человѣка была такъ дѣйствительна; то какою силу должно имѣть воскресеніе Христово? Вотъ, чтобы не подумали, что Христось одинъ и только своимъ божественнымъ Лицемъ воскресъ, Спаситель нашъ далъ изумительно-сильное и непререкаемое знаменіе. Какое?—воскресеніе многихъ святыхъ. Лишь только умеръ Онъ на вкрстѣ, тотчасъ, какъ повѣствуетъ Евангелистъ, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ всташа* (Матѣ. 27: 52), и встаніемъ своимъ засвидѣтельствовали, что смерть Христова упразднила человѣческую смерть. Не разубѣждайтесь въ этомъ отъ того, что мы не видимъ около себя опытовъ воскресенія и что люди умираютъ по-прежнему. Такъ могли думать и потомки Адамовы о смерти. Пусть умеръ праотець, потому что ему опредѣлена была смерть. Но потомки могли думать, что опредѣленіе смерти относилось только до одного праотца,—могли думать потому особенно, что жизнь ихъ была весьма продолжительна, они жили едва не по тысячѣ лѣтъ. Но время показало, что не одинъ согрѣшившій праотець, а всѣ потомки его подлежали смерти, и вотъ одинъ изъ нихъ справедливымъ напелъ сказать: *кто есть человекъ, иже поживетъ, и не узритъ смерти* (Пс. 88: 49). Такъ и мы должны быть увѣрены, что всѣ будемъ участниками воскресенія Христова, всѣ по смерти оживемъ въ жизнь новую, нетлѣнную и вѣчную, хотя теперь и не видимъ опытомъ воскресенія. Слово Господне неложно: Господь сказалъ, что *мертвіи, вси стпши во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавши оживутъ* (Іоан. 5: 25, 28). Оживутъ не теперь, а въ свое время, *въ послѣдній день* (Іоан. 6: 40). Начало воскресенія поло-

жено въ воскресеніи Христовомъ; затѣмъ слѣдуетъ продолженіе и будетъ окончаніе, всеобщее торжественное воскресеніе всѣхъ. Апостоль говоритъ о воскресеніи всѣхъ: *Начатокъ Христосъ, потомъ же Христу въровавшии въ пришествіи Его* (1 Кор. 15: 23). И Церковь поетъ вынѣ: *смерти празднуемъ умерщвленіе, иного житія вѣчнаго начало*. Слышите: *начало* вѣчнаго житія, или воскресенія. А конецъ и исполненіе будутъ тогда, когда Христосъ вторично придетъ на землю со славою, и воскреситъ всѣхъ умершихъ отъ Адама до кончины міра.

Повторяю, мы радуемся теперь собственному нашему воскресенію. И какъ радуемся? Уже какъ будто воскресшіе. Что это у насъ? Всѣ празднуютъ, всѣ объемяютъ, всѣ лобызаютъ другъ друга? Что это за радость? О, это истинное предпразднество нашего общаго воскресенія! Это живой образъ нашей радости, которая озаритъ насъ по воскресеніи нашемъ и которую теперь предощушаемъ мы. Подобно сему, хотя несравненно въ высшей степени, мы будемъ радоваться тогда, когда воскреснемъ изъ мертвыхъ, увидимъ другъ друга, отецъ—дѣтей, дѣти—отца, мужъ—жену, жена—мужа, братъ—сестру, сестра—брата, увидимъ въ безсмертной жизни, въ нетлѣнномъ тѣлѣ, на новой землѣ. О, какая будетъ у насъ радость! Какъ будемъ поздравлять другъ друга, какъ радоваться другъ другу! Какъ будемъ благодарить Бога, прославлять Его милосердіе; какъ дорогъ и любезенъ будетъ намъ Спаситель нашъ, который смертію своею умертвилъ нашу смерть, и воскресеніемъ своимъ даровалъ намъ воскресеніе и животъ вѣчный!

Вотъ, торжествующіе братіе, чему мы радуемся и должны радоваться въ воскресеніе Христова! Велика эта наша Христіанская радость. Она должна исполнить все существо наше и обратить нашъ умъ на богомысліе, сердце—на благодареніе, уста—на прославленіе и тѣло—на поклоненіе Богу, Спасителю нашему. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Ежегодное лѣто на землѣ представляетъ потерянный первобытный и ожидаемый нами небесный рай.

Въ настоящій, пятидесятый отъ воскресенія Христова день празднуемъ мы, Христіане, пришествіе Святаго Духа, про-

свѣтившаго учениковъ Христовыхъ и просвѣщающаго и освящающаго всѣхъ Христіанъ.

Этотъ праздниѣ, какъ сами знаете, всегда у насъ бываетъ въ началѣ лѣта. Нѣтъ ли здѣсь чего либо такого, чего обыкновеннымъ взоромъ можно и не примѣчать? Конечно, есть. Св. Церковь торжественно воспоминаетъ нынѣ великія дѣла Божія, которыя совершилъ и совершаетъ Святой и Животворящій Духъ въ духовномъ обновленіи, просвѣщеніи и освященіи рода человѣческаго. Она и прославляетъ Его, и покланяется Ему, и проситъ Его, да прійдетъ Онъ Сокровище благихъ и жизни Податель, къ намъ, вселится въ насъ и, очистивъ насъ отъ всякія севверны, спасетъ души наши. Такъ все, или главное все вниманіе и попеченіе Церкви обращено на тайныя благодатныя дѣйствія Духа Божественнаго и на наше душевное спасеніе. Да таковы преимущественно и есть дѣйствія Святаго Духа: Божественный Утѣшитель, какъ Духъ, и по Божественной природѣ своей, и по самому Божественному имени, преимущественно дѣйствуетъ въ Церкви благодатно и священно-тайно очищаетъ, просвѣщаетъ и возрождаетъ вѣрующихъ въ жизнь духовную, вѣчную.

Но что же мы еще видимъ въ Церкви? У насъ есть обычай, благословенный и Церковію,—видѣть сегодня вездѣ свѣжую зелень, цвѣты, распустившіяся деревья; даже колѣннопреклонно молимся Св. Духу, держа въ рукахъ свѣжіе листья или цвѣты. Что это значитъ? Безъ сомнѣнія то, что мы, прославляя нынѣ духовныя, благодатныя дѣйствія Св. Духа въ церкви, вмѣстѣ благодарно воспоминаемъ и прославляемъ благотворныя дѣйствія Его и въ природѣ. Мы празднуемъ нынѣ *новое лѣто*, годовое обновленіе всей природы. И справедливо. Вѣдь празднуемъ же всегда наступленіе *новаго года*, начало годичнаго времени: какъ же намъ не праздновать наступленіе лѣта, этого пріятнаго и благотворнаго для насъ времени? А кто виновникъ такого обновленія природы,—кто, какъ не Божественный Духъ? Не безъ причины отцы наши, и нынѣ всѣ въ простотѣ вѣрующіе, наступленія благодатнаго лѣта ожидаютъ преимущественно съ божественнаго праздника Св. Духа. Именно Онъ, животворящій и всесодѣвающій Духъ производитъ лѣто, эту пріятную перемѣну въ природѣ. И въ началѣ міра Онъ, какъ Зидитель всяческихъ, *носился* надъ сотворенною вселенною (Быт. 1: 2), вливалъ въ нее животворную силу и приводилъ ее въ первобытное устройство и красоту: и нынѣ Онъ же, Всепромыслитель, каждый разъ, послѣ зимней мертвенности, оживляетъ природу, обновляетъ землю,

омывая и увлаживая ее водами и согревая свѣтомъ и теплотою солнца. *Послѣши Духа Твоего*, молитвенно взываетъ къ Богу пророкъ, *и созиждутся, и обновится лице земли* (Пс. 103: 30). *Дохнетъ Духъ Его*, сказалъ онъ же о Богѣ, *и потекутъ воды* (Пс. 147: 7).

Можно ли послѣ этого, братіе, начинать намъ лѣто, не воздавъ благодаренія Святому и Животворящему Духу Божию? Лѣто! Ахъ, какое пріятное время! Именно все вновь создается, земля устилается пріятною зеленью и прекрасными цвѣтами, деревья увѣшиваются листьями и плодами, воздухъ дышетъ теплотою и благоуханіемъ, всѣ животныя твари, и птицы, и звѣри не знаютъ, какъ порадоваться своему какъ бы новому бытію. А человекъ? О, готовъ бѣжать изъ своей зимней хижины,—такъ и рвется въ этотъ новонасажденный садъ Божій, чтобы ожить и духомъ и тѣломъ и наслаждаться врасотою созданій Божіихъ! Можно, есть чему порадоваться, когда лѣтомъ сидимъ въ саду, какъ въ раю. Но можно и плакать, горько поплакать, слушатели! Какъ? О чемъ? О потерѣ первобытнаго рая. То-ли дѣло былъ тотъ богонасажденный садъ, гдѣ первоначально жили прародители наши? Тамъ все было въ безпримѣрно-большемъ совершенствѣ, тамъ Самъ Богъ украшалъ жилище человекъ Своимъ присутствіемъ, тамъ и человекъ былъ другой, со-всѣмъ другой, здоровый, крѣпкій, свѣтлый умомъ, живой чувствами, чистый и непорочный душею.

„И теперь“, скажете, „хорошо. И теперь вся земля, какъ рай, и всякій можетъ наслаждаться природою, какъ наслаждались прародители наши“. Правда. Великъ Богъ въ милосердіи Своемъ, и не забываетъ доннѣ дѣлъ рукъ Своихъ. Онъ и нынѣ каждый годъ вводитъ всѣхъ насъ въ лѣто, какъ въ новый рай, чтобы напомнить намъ, что для насъ было предопредѣлено Имъ и чѣмъ мы пользовались въ лицѣ нашихъ прародителей. Но на долго ли? Приходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и насъ оставляетъ лѣто какъ бы въ ознаменованіе изгнанія прародителей нашихъ изъ рая, а въ лицѣ ихъ и насъ всѣхъ. Грустное, скорбное чувство овладѣваетъ Христіаниномъ когда онъ, сидя въ саду, вспомнить о первобытномъ раѣ. Но лишь вспомнить онъ о Богѣ, о Спасителѣ, тотчасъ продется въ сердце его утѣшеніе, польются новыя, ужъ сладкія слезы. Неужели Богъ каждый разъ для того только вводитъ насъ въ лѣто, чтобы показать намъ нашу драгоценную потерю и повергнуть насъ въ уныніе и печаль? Нѣтъ: не таково дѣло Божіе, Богъ, каждымъ лѣтомъ вводя насъ какъ бы въ новый рай, тѣмъ самымъ напоминаетъ намъ о потерѣ первобытнаго рая, и вмѣстѣ показываетъ намъ дру-

той, лучшій, небесный рай, и утѣшаетъ надеждою блаженства вѣчнаго. Именно такъ, слушатели! Вѣдь и вѣчное блаженство и Царство Небесное называется въ словѣ Божіемъ *раемъ*. Иисусъ Христосъ, общая разбойнику Царство Небесное, сказалъ: *днесь со Мною будешь въ рай* (Лув. 23: 43). Апостоль Павелъ былъ уже въ небесномъ раю. Самъ онъ говоритъ, что *восхищенъ былъ до третьяго небесе въ рай и слышалъ неизреченны глаголы* (2 Кор. 12: 2, 4). Книги житій святыхъ показываютъ намъ, что Царство Небесное многимъ въ откровеніяхъ или сонныхъ видѣніяхъ являлось въ видѣ рая, и святые представлялись ходящими въ саду, среди непостижимо-прекрасныхъ деревьевъ, въ неизреченномъ наслажденіи и славѣ. А вотъ нѣкоторые уже сподоблялись имѣть въ рукахъ и растенія и плоды небеснаго рая. Архангелъ, за три дня до кончины Матери Божіей, принесъ ей финиковую вѣтвь изъ рая, когда она молилась Сыну Своему и Богу на горѣ Елеонской (Чет. мин. авг. 15). Нѣкоторый благоговѣйный іерей, жившій въ монастырѣ, долго въ молитвахъ просилъ Бога, чтобы показалъ ему видимо и осязательно будущее райское блаженство. Въ одну ночь представилось ему, что онъ въ саду и видитъ неизреченную красоту его. Увидѣвъ тутъ преподобнаго Евфросина, спросилъ его: „рай ли это Божій?“—Да, отвѣчалъ преподобный. „Можно ли“, опять спросилъ іерей Евфросина, указывая на растущія яблоки, „можно ли взять мнѣ эти яблоки?“—Возьми, по милости Бога нашего“, сказалъ Евфросинъ іерею, и подаль ему три яблока. Іерей, пришедши въ себя, увидѣлъ дѣйствительно у себя яблоки, которыя издавали необыкновенное благоуханіе, и вкушающихъ исцѣляли отъ болѣзней (сент. 11). Вотъ и еще. Мученица Дороея, уневѣстившая себя Христу, бывъ осуждена на смерть, такъ молилась Христу: „Женише мой Христе, благодарю Тебя, что призываешь меня въ рай Твой, и вводишь въ небесный чертогъ Твой“. Подслушалъ это одинъ изъ невѣрныхъ, и насмѣхался надъ ней, сказалъ ей: „Невѣста Христова, пошли мнѣ яблоки и розовые цвѣты изъ рая Жениха твоего“. Мученица отвѣчала ему: „непремѣнно это сдѣлаю“. Лишь только усѣчена была святая, явился къ насмѣшливому просителю Ангелъ Божій въ видѣ прекраснаго юноши, подаль ему три свѣжихъ яблока и три прекрасныхъ и благоуханныхъ розовыхъ цвѣтка, и сказалъ ему: „вотъ, что обѣщала тебѣ дѣвица Дороея, то послала теперь изъ рая Жениха своего“. Дѣло было зимою (Февр. 6). Это обстоятельство такъ поразило Теофила (имя просителя того), что онъ обратился ко Христу, увѣровалъ въ Него какъ истиннаго Бога и стяжалъ мученической вѣнецъ.

Видите, братіе, что всеблагій Богъ, вмѣсто первобытнаго рая, устроилъ для насъ новый, небесный, неизобразимо превосходнѣйшій рай. Вотъ истинный божественный садъ, который исполненъ будетъ всѣми нетлѣнными красотами, въ которомъ вѣчно будетъ пребывать Богъ съ Своими избранными и который никогда не разорится. О, если бы всѣмъ намъ далъ Господь водвориться и жить въ этомъ прекрасномъ божественномъ саду, который, по кончинѣ настоящаго міра и по уничтоженіи всѣхъ нашихъ земныхъ садовъ, откроется во всей лѣпотѣ на новой землѣ подъ новымъ небомъ! Будемъ о семъ молиться Богу въ Троицѣ покланяемому, Творцу Промыслителю и Обновителю нашему. Благодарно и благоговѣйно насладимся, какъ въ наступившее, такъ и въ грядущія, если суждено будетъ намъ,—лѣта, красотами видимой природы и плодами земли, но въ то же время не будемъ забывать, что мы не въ настоящемъ раю, нѣтъ!—прежній рай потерянь, а будущій надо заслужить вѣрою, преданностію Богу, страхомъ Божиимъ, молитвами и святыми дѣлами, неуклоннымъ пребываніемъ въ Православной Церкви Божіей, этомъ истинномъ, единственно прекрасномъ и спасительномъ на землѣ, раю. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Родство наше съ Богомъ и міромъ горнимъ.

Обыкновенно празднуемъ мы, братіе, памяти Святыхъ Божіихъ, время отшествія ихъ изъ сего міра, дни перенесенія ихъ въ страну горнюю, на небо, къ Богу, и празднуемъ, какъ извѣстно, всегда свѣтло, торжественно, радостно. Вотъ и сегодня празднуемъ память Святѣйшей святыхъ, день прославленія Матери Божіей, Присно-Дѣвы Маріи отъ земли на небо, празднуемъ, какъ и подобаетъ, еще съ большею торжественностію, въ преимущественномъ духовномъ веселіи и радованіи. Что бы, думается, значили такія наши празднества? Что бы выражали, о чемъ бы свидѣтельствовали они, сверхъ нашего воспоминанія Святыхъ, сверхъ нашего прославленія ихъ и моленія имъ? Выражаютъ, скажемъ, эти празднества наши отношенія къ Богу, свидѣтельствуютъ о нашемъ родствѣ съ Богомъ и съ міромъ горнимъ. Поэтому, мы и торжествуемъ и веселимся въ памяти Святыхъ, вспоминая небесную нашу отчизну и блаженствуемъ

щихъ тамъ нашихъ родныхъ. Да, Христіане, — наше отечество — небо; мы — родные Богу, родные Ему и по сотворенію отъ Него, родные Ему и по благодати.

Мы — родные Богу по сотворенію отъ Него. Печать, знаменіе этого родства носимъ мы въ самихъ себѣ, имѣемъ въ собственной нашей природѣ. Это — образъ Божій, по которому сотворилъ насъ Богъ, и тѣмъ усвоилъ насъ Себѣ. Это образъ Божій, напечатлѣнный въ каждомъ изъ насъ, и свидѣтельствуемъ, что Богъ есть нашъ Небесный Отецъ и что небо есть отчизна наша. Вѣдь и у насъ судятъ о родствѣ по сходству дѣтей съ родителями, и сходство, подобіе служить свидѣтельствомъ родства. Такъ и Отецъ Небесный, сотворивъ насъ, положилъ на насъ образъ Свой, какъ знаменіе нашего происхожденія отъ Бога. Посему-то и язычники считали себя родными Богу, какъ засвидѣтельствовали о томъ мудрые ихъ. *Сего*, говорили они, т. е. Бога, *и родъ есмы* (Дѣян. 17: 28). Но ежели мы родные Богу по сотворенію, то тѣмъ болѣе родные Ему по благодати; ежели родные Богу въ извѣстномъ отношеніи и язычники, то тѣмъ болѣе родные Ему Христіане. Христіанъ Св. Апостолы уже прямо называютъ родными Богу. *Нѣсте странни и пришельцы* говорилъ Апостолъ Павелъ Ефесскимъ Христіанамъ, *но сожители Святыхъ и приснии Богу* (Ефес. 2: 19). Христіанъ уже прямо называютъ сынами Божиими. *Возлюбленнии*, писалъ Апостолъ Іоаннъ всѣмъ Христіанамъ, *нынѣ чада Божія есмы* (1 Іоан. 3: 2). Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ *прискрениъ приобщився плоти и крови* (Евр. 2: 11), и соединивъ въ Своемъ Божественномъ Лицѣ образъ Божій съ образомъ человѣческимъ (Филип. 2: 6, 7), ввелъ насъ въ тѣснѣйшее родство съ Богомъ. Нынѣ уже *всякъ вѣрующій, яко Иисусъ есть Христосъ отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 5: 1). Нынѣ каждый, погружающійся въ водѣ крещенія, свыше (Іоан. 3: 3), *отъ Бога раждается* (Іоан. 1: 13). Нынѣ каждый ядущій плоть и пьющій кровь Христову (Іоан. 6: 56), дѣлается *причастникомъ божественнаго естества* (2 Петр. 1: 4). Нынѣ каждый, *иже аще сотворитъ волю Отца Небеснаго*, есть близкій, родной Господу нашему Иисусу Христу, *есть братъ Его и сестра Ему* (Матѣ. 12: 49).

Не желаете-ли, братіе, другихъ, быть можетъ, болѣе для насъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ о нашемъ родствѣ съ Богомъ и съ горнымъ міромъ? Свидѣтельства эти есть, и они опять въ насъ самихъ, въ нашей собственной природѣ. Важнымъ, всеобщимъ, громкимъ свидѣтельствомъ нашего родства съ Богомъ есть наше усер-

die къ Богу. Да, усердіе къ Богу, внутреннее расположеніе, таинственная любовь къ Нему. Скажите, чѣмъ, какъ не усердіемъ и любовью къ Богу, объяснить высочайшее самоотверженіе, дивныя подвиги святыхъ, — чѣмъ объяснить изумительное терпѣніе и муки мучениковъ, среди которыхъ они, съ Апостоломъ Павломъ, еще торжествовали и радовались (Кол. 1: 24)? Чѣмъ, какъ не усердіемъ, не любовью къ Богу, объяснить различныя, приносимыя многими изъ Христіанъ, нерѣдко великія и цѣнныя жертвы Богу, къ которымъ никто ихъ не располагаетъ и за которыя нивакихъ земныхъ возмездій они не ожидаютъ и не ищутъ? Чѣмъ, какъ не усердіемъ, не любовью къ Богу, объяснить и наше, братіе, недостойное, хотя малое и по временамъ, служеніе Богу? Отчего это пріятно бываетъ намъ, если мы что либо сдѣлали для Бога, если потрудились, помолились, попустились, потерпѣли, отказали въ чемъ либо себѣ, подали ради Бога бѣдному, помогли несчастному? Все, что нами дѣлается, или иждивается для Бога, не считается у насъ лишеніемъ, а какимъ то сладостнымъ приобрѣтеніемъ. Таково наше усердіе, такова любовь къ Богу. Она вліяна въ насъ вмѣстѣ съ жизнію отъ Творца и таится въ сердцѣ cadaго. А это не есть ли свидѣтельство того, что сама природа наша влечетъ насъ къ Богу, и слѣдовательно мы не чужіе, а близкіе, родные Богу? Вѣдь такъ и у насъ бываютъ расположены дѣти къ родителямъ.

Свидѣтельствомъ нашего родства съ Богомъ служитъ наше внутреннее расположеніе къ *благочестію*. Скажите, въ комъ изъ насъ не возбуждается чувство благоговѣнія, какъ скоро мы или видимъ что либо священное, или слышимъ что либо божественное? Кто изъ насъ не ощущаетъ какого-то благоговѣйнаго изумленія, какого-то сладостнаго восхищенія, когда читаемъ житія святыхъ, когда слышимъ о чрезвычайныхъ подвигахъ и жертвахъ людей Божіихъ, когда видимъ добрыя, Христіанскія дѣла? Самый свободный, самый разсѣянный, самый даже вольномыслящій остановится при этомъ и почувствуетъ, что такія мысли и дѣла не отъ міра сего. Видали ли вы (а не видать нельзя), какъ простолюдины, и особенно старыя женщины, слушающія житія и подвиги святыхъ, и вообще что либо священное и божественное, и не понимая часто, приходятъ въ чувство умиленія и плачутъ? Что бы это значило, если не то, что благочестіе сродно человѣку, что человѣкъ произошелъ отъ Бога и желаетъ быть съ Богомъ? Что бы значило опять и то, что уже не одни простолюдины, а всѣ вообще въ старости по большей части перемѣняются и дѣлаются другими въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ, — показы-

вають уже болѣе усердія къ Богу и къ Церкви, любяць посѣщать святія мѣста и вообще дѣлаются степеннѣе, благочестивѣе? О, это пробужденіе въ насъ чувства высшей природы, это дѣйствіе духа, который какъ бы оживаетъ въ насъ, когда спадають съ насъ оковы суеты, когда утихають въ насъ плотскія желанія и страсти, оживаетъ и начинаетъ показывать свое природное расположеніе и стремленіе къ Богу и къ горнему, родному для него міру.

Свидѣтельствомъ нашего родства съ Богомъ и съ горнимъ міромъ служитъ наше вниманіе и *благословніе къ загробной жизни*, наше расположеніе и *любовь къ горнему, невидимому міру*. Просто одно состояніе умершихъ уже возвышаетъ ихъ въ нашихъ чувствахъ. Къ умершимъ мы относимся уже не такъ, какъ къ живымъ. Всегда что-то заставляетъ насъ думать о нихъ, какъ уже о высшихъ и честнѣйшихъ насъ, всегда что-то удерживаетъ насъ говорить о нихъ что либо неблагочестивое и неблагоприличное. А съ какимъ благоговѣніемъ повергаемся мы при мощахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, у святыхъ чудотворныхъ иконъ! Съ какимъ трепетно-сладкимъ вниманіемъ слушаемъ о чудесахъ, о различныхъ знаменіяхъ силы и славы Божіей на земли! Съ какимъ благоговѣнно-утѣшительнымъ чувствомъ принимаемъ повѣствуемыя намъ явленія, видѣнія и откровенія съ неба, изъ міра невидимаго, горняго! Какъ занимають даже сны, особенно необыкновенные и знаменательные! О, все это не за что другое принимаемъ мы, какъ за вѣсти къ намъ съ неба, изъ отечества нашего небеснаго.

Свидѣтельствуеть о нашемъ родствѣ съ Богомъ всегдашня наша *прибѣжность къ Богу и успокоеніе въ Богѣ*. Возьмите во вниманіе бѣдственное наше положеніе, несчастныя, случающіяся съ нами, обстоятельства. Что бываетъ съ нами, когда поражаютъ насъ бѣды и напасти, внезапное, напримѣръ, разореніе, тяжкія и неизлѣчимыя болѣзни, смерть дорогихъ и близкихъ сердцу нашему? То же самое, что и съ дѣтьми. Ежели дѣтямъ угрожаетъ какая либо опасность, гдѣ они ищутъ себѣ защиты и спасенія, куда бросаются они, какъ не въ отцу? Гдѣ находятъ они успокоеніе, какъ не въ объятіяхъ отца? Такъ и мы, когда подвергаемся несчастіямъ и бѣдамъ и когда не видимъ и не находимъ нигдѣ и ни въ чемъ помощи и отрады, прибѣгаемъ къ милосердію и благодати Небеснаго нашего Бога-Отца, *въ смиреніи* повергаемся *подъ крѣпкую руку Его* (1 Петр. 5: 6), и находимъ отраду и успокоеніе въ Его Божественной волѣ и въ Его премудрыхъ и праведныхъ судьбахъ.

Свидѣтельствуеть о нашемъ родствѣ съ Богомъ и съ міромъ

горнимъ носимое нами, какъ странниками, *чувство суеты міра, томленіе духа, тоска по небесной отчизнѣ*. Это испытали на себѣ, объ этомъ засвидѣтельствовали намъ святые и другіе знаменитые мужи. *Увы мнѣ*, говорилъ святой и праведный Давидъ, *яко пришельствоіе мое продолжися* (Пс. 119: 5): *когда прииду и явлюся лицу Божію* (Пс. 41: 3). *Дерзаемъ и благоволимъ паче отгнати отъ тѣла, и внити ко Господу* (2 Кор. 5: 8), говорилъ и Святой Апостолъ Павелъ. Соскучился и знаменитый царь Израильскій, не смотря на свое богатство и пышность, на полноту своихъ удовольствій. *Суета суетствій*, свазалъ наконецъ, *всяческая суета* (Евкл. 1: 2). Всѣ благочестивые и праведные мужи скорбѣли среди суеты міра и воздыхали о небесномъ отечествѣ, исповѣдую себя *странными и пришельцами на земли* (Евр. 11: 13), какъ замѣтилъ и Святой Апостолъ, сказавъ, что *такова глаголющии, являются, яко отечествія взыскуютъ* (Евр. 11: 14). Кто изъ насъ, братіе, не испыталъ, хотя изрѣдка, хотя въ малой мѣрѣ, подобнаго томленія и скорби духа? Смотря на суету міра, на шаткость временнаго благополучія, на непрочность и тлѣнность земныхъ благъ, на множество бѣдъ и скорбей, и мы невольно приходимъ къ тому убѣжденію, что мы странники и пришельцы здѣсь, что истинное и природное *наше житіе на небесахъ есть* (Филип. 3: 20), и мы нерѣдко *воздыхаемъ въ будущемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе* (2 Кор. 5: 2).

Вотъ, братіе, что выражаютъ, о чемъ свидѣлствуютъ, что напоминаютъ намъ наши церковныя празднества. Свидѣлствуютъ намъ о нашемъ родствѣ съ Богомъ, и съ міромъ горнимъ, напоминаютъ намъ объ отечествѣ небесномъ, изъ котораго произошли мы по духу и въ которое должны возвратиться по смерти. А родство наше съ Богомъ должно быть свидѣлствуемо съ нашей стороны добродѣтелями какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми; по родству нашему съ Богомъ мы должны остерегаться и избѣгать всего противнаго Богу и недостойнаго Его Божественнаго величія и святости. *Родъ убо суще Божій* говорилъ Апостолъ Павелъ Аѳинянамъ, *не должны есмы нещевати подобно быти Божество злату или серебру, или каменю художнѣ начертану и смысленію чловѣчу* (Дѣян. 17: 29). И мы, Христіане, не должны оставаться безъ чистыхъ и правильныхъ познаній относительно Бога и святой нашей вѣры, не должны жить въ порабощеніи плоти, благотворя свои страсти, напротивъ, какъ родъ Божій, должны знать и почитать своего Небеснаго Отца, любить Его и служить Ему, творя святую волю Его;

должны, по Апостолу, какъ *родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ* (1 Петр. 2: 9), *добрыми дѣлами прославлять Отца нашего Небеснаго* (Матѳ. 5: 16), *быть неповинными грѣху, чадами Божіими непорочными* (Филип. 2: 15), чтобы содѣлаться и *наслѣдниками Божіими* чрезъ Иисуса Христа (Гал. 4: 7). Дѣти должны славить, а не безчестить Отца. Что же, ежели Отецъ нашъ Небесный скажетъ и намъ: *еще Отецъ есмь Азъ, то идѣ слава Моя* (Малах. 1: 6). Что, ежели родство наше съ Богомъ мы обратимъ въ вѣщшее себѣ осужденіе, и изъ чадъ Божіихъ сдѣлаемся *чадами ижева?* (Ефес. 2: 3). А вѣдь это можетъ быть. И по слову Божію, между сынами правды находятся, даже въ большинствѣ, и *сынове незаконнии* (Исаія 1: 4), сыны непріязни. Будутъ же открыты и такіе *сынове царствія*, которые, по слову Христову, *изнани будутъ во тму кромѣшную* (Матѳ. 8: 12). Надо, братіе, не безопасно, не разсѣянно, не грѣхолоубиво жить Христіанамъ, а *со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе* (Филип. 2: 12), чтобы, по благодати Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и за предстательствомъ Пречистыя Матери Его Маріи со всѣми Святыми, достойно оправдать на себѣ то благоутробное о насъ небеснаго Бога Отца опредѣленіе, которое изрекъ Онъ чрезъ пророка въ лицѣ избраннаго народа всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Своимъ: *и буду вамъ во Отца, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери* (2 Кор. 6: 18). Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Сонъ есть образъ смерти.

*Явлюся свѣтло торжествуя, и
воспою радуясь тоя успеніе.*

(1 Ирм. 2 Кан.)

Уто это, празднующая братіе? Что сегодня за свѣтлое торжество? Чему мы такъ радуемся и такъ священнодѣльно празднуемъ? Радуемся и празднуемъ тому, чему радуется и празднуетъ мать наша Св. Церковь. Она воспоминаетъ нынѣ святую и славную кончину Матери Божіей, Присно-Дѣвы Маріи, и потому свѣтло торжествуетъ и радостно воспѣваетъ Ея блаженный исходъ изъ временной жизни къ вѣчному животу. *Явлюся, поетъ она, свѣтло торжествуя, и воспою радуясь Тоя успеніе.* Да развѣ смерть пріятное для насъ явле-

ніе? Развѣ можно праздновать кончину торжественно?—Язычникамъ нельзя, вообще невѣрующимъ не можно, а Христіанамъ и можно и должно. Для невѣрующихъ смерть—конецъ жизни, а для Христіанъ—переходъ къ жизни другой, лучшей. Смерти собственно для Христіанъ и нѣтъ. Она и называется у нихъ *успеніемъ*. Такъ Святая Церковь, совершая нынѣ память Матери Божіей, кончину ея называетъ *успеніемъ*. Да и Самъ Спаситель нашъ изволилъ не разъ выражаться о смерти, какъ о обыкновенномъ снѣ человѣческомъ, Какъ же иначе, если не торжественно праздновать намъ преставленіе Богоблагодатной Дѣвы-Матери? Что это за смерть Ея, когда Она, почивъ на нѣкоторое только время какъ бы сладкимъ сномъ, Божественною волею и властію Сына Своего Господа нашего Иисуса Христа воздвигнута изъ гроба и преставлена съ земли на небо въ вѣчному животу, въ ближайшее причастіе блаженства и славы Божіей?

Утѣшительно и знеменательно, братіе, именованіе смерти Христіанской *успеніемъ*. Этимъ до очевидности показывается сходство смерти съ обыкновеннымъ человѣческимъ сномъ. Да позволить же любовь ваша обратить теперь вниманіе на это явленіе въ природѣ нашей, для болѣе яснаго убѣжденія въ послѣдней нашей судьбѣ, которая, по ученію вѣры, ожидаетъ насъ.

Сонъ есть замѣчательнѣйшее явленіе въ жизни человѣка. Пусть испытатели природы человѣческой объясняютъ его, какъ умѣютъ: мы обратимъ вниманіе на него въ духѣ вѣры, чтобы видѣть, какъ онъ изображаетъ послѣднюю судьбу нашу.

Послѣ дневныхъ трудовъ человѣкъ предается сну. Въ этомъ состояніи закрываются у него всѣ внѣшнія чувства. Онъ уже ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ, все окружающее для него какъ бы уже перестало существовать; онъ забывается и въ себѣ, сознательно не мыслить, не понимаетъ и не чувствуетъ; весь находится въ положеніи страдательномъ, какъ бы переставъ жить для видимаго міра. Что это, слушатели, какъ не образъ смерти человѣческой? Не то же ли самое бываетъ съ человѣкомъ въ смерти, что и во снѣ? Спящій человѣкъ недвижимъ: тоже и умершій. Спящій не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ: тоже и умершій. Спящаго въ кругу живыхъ какъ бы уже не стало: подобенъ тому и умершій. Такъ сонъ человѣка изображаетъ собою смерть нашу. А если смерть наша подобна сну, то и взирать на смерть мы должны, какъ на сонъ. Сна не боимся: не должно бояться и смерти. О спящихъ не плачемъ: не должно и плакать и объ умершихъ. Сонъ благодѣтеленъ,—онъ успокоиваетъ насъ отъ трудовъ: и смерть благодѣ-

тельна, — она успокоиваетъ насъ отъ заботъ житейскихъ, отъ суеты міра, отъ болѣзней и всякихъ бѣдъ и несчастій, которыми исполнена наша жизнь. Слово Божіе говоритъ: *праведникъ* (и таковымъ долженъ быть всякій Христіанинъ) *еще постигнетъ скончатися, въ покои будетъ* (Премуд. 4: 7). Весьма справедливо поэтому у насъ и называется каждый умершій Христіанинъ *покойникомъ*.

Посмотримъ теперь на состояніе человѣка во время сна. Весь ли онъ спитъ? Нѣтъ, только въ половину. Онъ можетъ примѣнить въ себѣ извѣстныя въ Писаніи слова: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. 5: 2). Тѣломъ онъ покоится, а душа его бодрствуетъ. Тѣло его лежитъ на одрѣ неподвижно, а душа мыслями и представленіями переносится всюду. Вѣдь извѣстны намъ, слушатели, сны и видѣнія, которые обыкновенно представляются намъ во время сна. Что же видимъ въ этомъ? Видимъ образъ состоянія человѣка по смерти. И умираетъ человѣкъ не весь, а только въ половину. Тѣло его мертво, а душа живетъ отдѣльно отъ тѣла, и продолжаетъ свойственное ей бытіе и свойственныя ей дѣйствія. Какъ нынѣ, по погруженіи нашемъ въ сонъ, душа наша видитъ видѣнія: такъ, по смерти нашей, она будетъ созерцать новый, невидимый міръ и явленія его. Святая вѣра наша именно поучаетъ насъ, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, увидитъ Ангеловъ добрыхъ и злыхъ, увидитъ и рай небесный съ его наслажденіями, и адъ преисподній съ его мученіями; будетъ истязуема въ содѣянныхъ дѣлахъ, и затѣмъ будетъ или предвѣщать вѣчное блаженство и славу, или предощущать вѣчное осужденіе и муку, судя по тому, въ какихъ дѣлахъ провела человѣкъ настоящую жизнь, въ добрыхъ или худыхъ. Это самое показываютъ намъ и видимыя нами сны. Чаще и естественнѣе бываетъ съ нами, что и во снѣ представляется намъ то же, что дѣлали мы, или дѣлалось съ нами во время дневнаго бодрствованія. Ежели мы занимались добрыми дѣлами и были въ хорошемъ настроеніи духа, то и сны видимъ пріятные и спокойные; а ежели занимались худыми дѣлами и кружились въ вихрѣ суеты, или еще предавались влеченію страстей, то и сны наши бываютъ тревожные и мрачные. Не удивляйтесь, слушатели, и тому, какими глазами душа наша будетъ созерцать предметы загробнаго міра, когда она лишится тѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣлесныхъ органовъ зрѣнія. У души есть свое зрѣніе, и конечно превосходящее тѣлеснаго. Не видимъ ли мы и нынѣ во снѣ различныхъ предметовъ, и часто съ какою живостію и въ какомъ свѣтѣ? Какъ бы ни объясняли дивное наше зрѣніе, но оно есть, и неоспоримо принадлежитъ душѣ, а не тѣлу. Если же

нынѣ душа сама собою, безъ посредства тѣлесныхъ органовъ зрѣнія, можетъ созерцать мысленные предметы, то не паче ли и не совершеннѣе ли она въ состояніи будетъ созерцать предметы духовнаго міра, по разлученіи ея отъ тѣла?

Но вотъ спящій пробуждается. Приходитъ въ сознаніе себя, встаетъ, и какъ бы снова начинаетъ жить. Что это? Не такъ ли всѣ умершіе проснутся послѣ смертнаго сна, встанутъ изъ гробовъ и увидятъ себя, по прежнему, въ цѣломъ составѣ своего существа? Пробужденіе наше отъ сна есть выразительнѣйшее подобіе будущаго нашего изъ мертвыхъ воскресенія. Мы пробуждаемся отъ сна всегда или сами собой, или по голосу кого либо внезапно возбуждающаго насъ; и въ послѣднемъ случаѣ мы встаемъ мгновенно и бодрственно. Таково будетъ востаніе наше и изъ гробовъ. Только сами собою мы отъ смертельнаго сна встать не можемъ;—нѣтъ! Это дѣло всемогущей силы Божіей. Пробужденіе наше въ вѣчную жизнь произойдетъ отъ гласа Архангела, по которому всѣ умершіе мгновенно воскреснутъ. *Вскоръ*, говоритъ Апостоль, *во мнновеніи ока; вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни* (1 Кор. 15: 52). О, какое прекрасное будетъ утро для цѣлаго міра! Какой чудный наступитъ день, которому не будетъ преествовать вечеръ! Прекрасное, слушатели, будетъ утро, свѣтлый, невечерній наступитъ день, но не для всѣхъ радостный. Знаете вѣдь, что бываетъ съ нами и послѣ обыкновеннаго ночнаго сна. Кто въ прошедшій день исправилъ дѣло или должность свою съ успѣхомъ, или еще сдѣлалъ что либо замѣчательно похвальное, тотъ, и проснувшись на другой день, чувствуетъ себя счастливымъ и самодовольнымъ, а кто провелъ вчерашній день или въ праздности, или въ разорительной игрѣ, или въ пьянствѣ, или еще произвелъ какія либо безчинства, влекуція за собою судъ и наказаніе, тотъ пробуждается съ болѣзнію, съ укореніемъ себя, со стыдомъ, со страхомъ,—не веселитъ его ни Божій свѣтъ, ни собственная жизнь. Такъ будетъ и воскресеніе мертвыхъ. Проведшіе трудолюбивую, благочестивую и добродѣтельную жизнь востанутъ на радость и блаженство, а истратившіе дни своей жизни въ пустыхъ, душевредныхъ и богопротивныхъ дѣлахъ—на печаль и горе. Именно такъ сказалъ Пророкъ: *мнози отъ спящихъ въ земный персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а онии во укоризну и въ стыднѣніе вѣчное* (Дан. 12: 2).

Вотъ, братіе, какую тайну благочестія изображаетъ въ себѣ обыкновенный человѣческій сонъ! Какъ премудръ и сколь благъ Господь Богъ нашъ! Онъ и въ видимой природѣ все устроилъ такъ,

что въ видимомъ настоящемъ проявляется невидимое будущее, чтобы мы были внимательны къ настоящему въ соотношеніи его къ будущему своему назначенію, и чтобы заранѣе могли прояснять себѣ будущую свою судьбу, и тѣмъ облегчать настоящее наше бѣдствен- ное бытіе.

Благодаримъ же Господа Бога нашего, что Онъ въ даруемомъ намъ отъ Его благодати къ успокоенію нашему снѣ показалъ намъ образъ послѣдней нашей судьбы, и будемъ ежедневно, отходя во сну, съ покаяніемъ и молитвою, представлять свою смерть, а, по востаніи отъ сна, съ радостію и благодареніемъ Богу, будущее наше воскресеніе. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Четыре вида гроба.

Нѣкогда одинъ изъ древнихъ богопросвѣщенныхъ мужей имѣлъ причину сказать: *о смерти, коль горька твоя есть память!* (Сир. 41: 1).—Подлинно, ничто такъ не страшно для насъ, какъ смерть, и она кажется намъ не чѣмъ другимъ, какъ бѣдствіемъ чело- вѣческимъ, о которомъ можно только скорбѣть и плакать. Но не всегда бываетъ такъ. Есть *смерть*, которая устами тоже богодух- новенныхъ мужей именуется не иначе, какъ *честною предъ Госпо- демъ* (Пс. 115: 6). Есть *мертвые*, которыхъ Духъ Божій провоз- глашаетъ *блаженными* (Апок. 14: 13). Бываетъ *память* умершихъ, которая совершается и по словамъ Писанія, и по свидѣтельству Церкви, *съ похвалами* (Притч. 10: 7).—А что значить и настоящій нашъ свѣтлый праздникъ? Не радостное какое, повидимому, воспо- минаемъ мы нынѣ событіе. Воспоминаемъ *успеніе*, кончину, смерть Богоматери. Мысленно представляемъ и на иконѣ праздника видимъ гробъ и почившую богоблаженную Дѣву. Отчего же мы теперь тор- жествуемъ, а не сѣтуемъ, веселимся, а не сокрушаемся? Отчего у насъ нынѣ свѣтлый праздникъ, а не уныніе и печаль?—Видно, бра- тіе, что хотя смерть въ себѣ одинакова, но различны умирающіе; видно, что по различію умирающихъ различень и самый гробъ. Да, различень? Онъ представляется въ четырехъ видахъ.

И вотъ первый свѣтлѣйшій гробъ, въ которомъ уже нѣтъ умер- шаго. Это гробъ Спасителя нашего. Господь Иисусъ Христосъ, со-

вершая спасеніе наше, какъ человѣкъ, воспріялъ смерть, заключилъся во гробъ, и, какъ присноживущій и безсмертный Богъ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ. И такъ въ этомъ гробѣ нѣтъ и слѣда тлѣнія, — *смерть въ немъ погложена жизнью*, и самъ онъ свѣтится, какъ живоносецъ, какъ рай краснѣйшій, какъ источникъ нашего воскресенія. Подобной свѣтлости и гробъ Приснодѣвы, Матери Его. И онъ черезъ три дня оказался пустъ и празденъ, когда тѣло Всенепорочныя было божественною силою взято и вознесено на небо. И въ немъ опять сокрушилась смерть, и возсіяла нетлѣнная, вѣчная жизнь. При этихъ гробахъ можно всякому плакать, но какъ? — въ чувствѣ покаянія, надежды, радости, благодаренія, прославленія великаго Бога и Спасителя нашего. Перейдемъ къ другимъ видамъ гроба.

Вотъ гробъ, исполненный также свѣта и жизни. Онъ не празденъ, какъ гробъ Господень, или гробъ Богоматери, — нѣтъ. Въ немъ лежитъ тѣло бездыханное, но тѣло не тлѣющее и не разрушающееся. Чей же это гробъ? Это гробъ одного изъ праведниковъ, святыхъ Божіихъ: это гробъ одного изъ Православныхъ Христіанъ, которые всецѣло посвятили себя Господу, просіяли твердою вѣрою и пламенною любовію къ Нему, свято и ненарушимо исполняли волю Его, которые всю жизнь провели въ молитвахъ, въ постѣ, въ терпѣніи, въ подвигахъ. Много Св. Православная Церковь считаетъ у себя такихъ праведниковъ и многими украшается святыми и благоухающими гробами. Кто изъ насъ не притекалъ къ ракамъ мощей св. угодниковъ? Кто собственными очами не зрѣлъ нетлѣнно почивающихъ тѣлесъ ихъ? Вотъ здѣсь уже видима смерть, но *смерть заключена въ жизни*, которая проявляется въ нетлѣнии тѣла и силѣ исцѣленій и чудесъ. И при этомъ гробѣ можно плакать, но не иначе, какъ отъ полноты радости и благоговѣнія къ чуднымъ подвигамъ праведниковъ и къ милосердію Бога нашего, прославляющаго святыхъ Своихъ.

Вотъ и еще гробъ, нечуждый также жизни, хотя сокровенной. Въ немъ уже однѣ кости, одна персть. Кто въ этомъ гробѣ? — Христіанинъ, который вѣровалъ въ Господа, исполнялъ Христіанскія обязанности и хотя не былъ свободенъ отъ страстей и грѣховъ, однакожь очищалъ себя покаяніемъ, молитвою и постомъ, и умеръ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной. Здѣсь *жизнь уже сокрыта въ смерти*, и среди самаго тлѣнія нѣкоторымъ образомъ проявляетъ себя въ останкахъ тѣлесныхъ. Есть обычай на святой Афонской горѣ — по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ погребенія

вырывать тѣла умершихъ, и кости собирать и слагать въ общую усыпальницу. При этомъ случаѣ замѣчаютъ разность между костями, и однѣ изъ нихъ находятъ желтоватыми, чистыми и нерѣдко благоухающими, а по сему самому предугадываютъ о будущемъ блаженствѣ тѣхъ, чьи кости сохранились въ такомъ видѣ (Письм. святогор. о св. горѣ Аѳонск.). При такомъ гробѣ и при такихъ останкахъ умершихъ нельзя не остановиться и не сказать: помяни, Господи, рабы Твоя во Царствіи Твоемъ.

Вотъ, наконецъ, и еще гробъ, и какой мрачный! Въ него и заглянуть страшно. Тутъ однѣ черныя кости, тутъ одна нечистота, одинъ смрадъ. Кто тутъ лежитъ?—Христіанинъ, который назывался Христіаниномъ, считался сыномъ Церкви, былъ запечатлѣнъ крещеніемъ, ходилъ и въ церковь, приступалъ даже къ св. тайнамъ, но безъ вѣры, безъ усердія, а между тѣмъ жилъ чувственно, разсѣянно, безъ добродѣтелей, во грѣхахъ, не помышляя и не заботясь о будущей жизни, и умеръ безъ искренняго покаянія. Здѣсь *жизнь* уже *положена*, и, такъ сказать, *умерщвлена смертію*, и несчастному умершему остается только вторая (Апок. 20: 14), вѣчная смерть въ будущемъ вѣкѣ.

Вотъ, братіе, сколь многообразенъ бываетъ гробъ. Въ которомъ гробѣ доведется возлечь каждому изъ насъ? А непременно доведется. Какъ бы мы ни удаляли его отъ себя, онъ придетъ въ намъ, мы должны будемъ скрыться въ него. Величественъ и славенъ гробъ Христовъ; живоносенъ и свѣтель также гробъ Богоматери. Но ни тотъ, ни другой непрístupенъ для смертныхъ. Тамъ могъ пребыть только Источникъ жизни, Богочеловѣкъ, и непостижимо Родшая божественную Жизнь. А второй гробъ, гробъ праведниковъ, неглубоко почивающихъ? Нѣтъ, боголюбцы! Не намъ грѣшнымъ быть въ числѣ праведниковъ совершенныхъ—не намъ, которые и вѣруемъ въ Господа, и даже стараемся быть добрыми Христіанами, но не можемъ отстать отъ грѣховъ, и посвятить себя всецѣло Богу и святынь Его. О, даль бы намъ Богъ возлечь въ третій гробъ, благочестивыхъ Христіанъ, которые хотя не чужны были немощей и грѣховъ, но старались жить добродѣтельно и свято, и умерли въ покаяніи и съ упованіемъ жизни вѣчной! Сохрани Богъ, ежели за грѣхи наши, за нерадѣніе наше, за плотскую жизнь нашу, за худыя дѣла наши достанется намъ послѣдній гробъ,—гробъ грѣшниковъ, которыхъ въ будущей жизни ждетъ осужденіе и вѣчная смерть.

Не скажете ли, празднующая братіе, что такое слово къ вамъ несовмѣстно съ радостію праздника? Нѣтъ, возлюбленные! Не бѣ-

гайте такихъ размышленій. Они не радостны для насъ, но необходимы и полезны намъ. Да вотъ еще. Развѣ нельзя и при размышленіи о гробѣ не быть печальнымъ? Видите, и мы съ Церковію воспоминаемъ смерть, предстоимъ мысленно гробу. Отчего же мы не печальны, а благодушны и радостны?—Оттого, что воспоминаемый гробъ Матери Божіей не представляетъ ничего, кромѣ блаженства и славы. Отъ насъ, слѣдовательно, зависитъ избрать себѣ лучшее и приготовить себѣ мѣсто покоя и наслажденія. Будемъ жить, какъ добрые Христіане, воздержно и благочестиво, и наше успеніе будетъ блаженнымъ, по благодати Божіей, предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, Ея же всечестное успеніе нынѣ празднуемъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Христіанскій гробъ— пророкъ.

*Во успеніи пророчествова тѣло
его (Сирах. 48: 14).*

Среди настоящаго торжества успенія Матери Божіей, припоминая сказанныя объ одномъ пророкѣ слова, не уумѣстнымъ находимъ слово о пророчествѣ святыхъ по успеніи ихъ, и вообще о безмолвной проповѣди гроба. Ветхозавѣтный наставникъ благочестія, вспоминая и перечисляя достославныхъ мужей древняго народа Божія, замѣтилъ о пророкѣ Елисеѣ, что онъ пророчествовалъ и по смерти своей. *Во успеніи*, говоритъ, *пророчествова тѣло его*. Известно событіе, что, когда несомаго на погребеніе мертвеца, по внезапному случаю, повергли въ гробъ пророка Елисея, то лишь только воснулся мертвецъ тѣла Елисеева, мгновенно ожилъ (4 Цар. 13: 24). Итакъ премудрый наставникъ чудодѣйство пророка назвалъ пророчествомъ. Именно характеръ пророчества выразился въ ученіи или проповѣди и чудотвореніи. Таковы были почти всѣ ветхозавѣтные пророки, и особенно Моисей и Ілія. Кончились времена Ветхаго завѣта, и прекратились пророки: но не прекратилось пророчество. Наступилъ Новый Завѣтъ,—и явились новые пророки, болѣе славные и болѣе чудодѣйственные. Пророчество Новаго Завѣта громко возвѣщается во всѣхъ концахъ міра, и не только устами живыхъ пророковъ, но и останками почившихъ праведниковъ. Самый гробъ у Христіанъ сдѣлался пророкомъ.

Гробъ Христіанскій есть пророкъ. Именно такъ. Онъ проповѣдуетъ и чудодѣйствуетъ. Приступимъ мыслию къ первому гробу, который явился живоноснымъ, рая краснѣйшимъ, и всякаго царскаго чертога свѣтлѣйшимъ. Что тутъ видимъ? Тѣла Иисусова нѣтъ, лежатъ однѣ погребальныя одежды. Гдѣ же Мертвый? Въ нетлѣнной жизни, въ славѣ Божества. Вотъ гробъ, гробъ праздный, въ которомъ Мертвый воскресъ, и уже болѣе не умретъ. Что же проповѣдуетъ этотъ гробъ?—Другую, новую, блаженную жизнь за гробомъ. Какое являетъ чудо? Чудо всемогущества, премудрости и благости Божіей, чудо содѣяннаго спасенія человѣческаго, потребленія грѣха, умерщвленія смерти, откровенія жизни и славы Божіей на землѣ. Подобный этому гробу и гробъ Приснодѣвы Маріи, Владычицы нашей Богородицы. Это—яркій отблескъ гроба Жизнодавца. И здѣсь слышимъ подобную проповѣдь, и видимъ подобное чудо. Нетлѣннаго тѣла Непорочныя тоже нѣтъ, остались однѣ одежды. Сама Она, и съ прославленнымъ тѣломъ Своимъ, уже въ вѣчной жизни.

Посмотримъ на гробъ другаго вида. Этотъ гробъ уже не праздный. Тутъ почиваетъ нетлѣнное тѣло праведника. Оно ни мертво, ни живо; въ немъ смерть борется съ жизнію, и жизнь со смертію, но ни которая не можетъ преодолѣть другую. Борьба эта кончится только съ концомъ міра, и именно побѣдою жизни надъ смертію. Что же теперь проповѣдуетъ этотъ гробъ?—Очевидно, воскресеніе мертвыхъ. *Воскреснутъ мертвіи, и возстанутъ иже во гробѣхъ* (Пс. 26: 19): вотъ проповѣдь этого гроба! А чудо какое являетъ онъ? Самое нетлѣніе бrenнаго и смертнаго тѣла есть уже великое чудо. А сколько сверхъ того видимыхъ и осязаемыхъ чудесъ? Кому не извѣстно, что мертвые останки праведниковъ суть живые, приснотекущіе источники исцѣленій и всякихъ благодатныхъ даровъ? Сила чудесъ со всею очевидностью проявляется во гробахъ праведниковъ, которые по тому самому и чествуются именемъ *чудотворцевъ*.

Вотъ и третій гробъ, и опять почти праздный, но уже мрачный и безславный. Въ немъ лежатъ или однѣ кости, или одна персть смертная. Нельзя, значить, уже ожидать ничего отъ этого гроба? Можетъ ли онъ быть пророкомъ? Какая отсюда проповѣдь, какое здѣсь чудо? Напрасно. И этотъ гробъ—для насъ пророкъ: и онъ проповѣдуетъ и чудодѣйствуетъ. Что онъ проповѣдуетъ намъ? Проповѣдуетъ бrenность нашу, грѣхи наши, смерть нашу, и будущій страшный судъ грѣшникамъ. *Земля еси и въ землю отыдеши* (Быт.

3: 19), вотъ проповѣдь этого гроба. А чудо какое въ этомъ гробѣ, и отъ этого гроба? Да самая смерть человѣческая есть въ своемъ родѣ чудо. Какъ и для чего живой человѣкъ дѣлается мертвымъ, получившій бытіе обращается опять какъ бы въ небытіе, назначенный къ безсмертію подвергается смерти? Вѣдь это неизъяснимое чудо, непостижимая для человѣка тайна. Именно такъ разумѣть это и святая Церковь, и смерть человѣческую называетъ чудомъ и таинствомъ. *О, чудесе*, поетъ она при гробѣ мертвыхъ, *что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнїю? Како сопрягохомся смерти* (стих. при погреб.). Будучи чудотворнымъ въ себѣ, гробъ этотъ чудодѣйствуетъ и на насъ. Сколько, безъ сомнѣнія, грѣшниковъ привелъ онъ въ чувство и сознаніе грѣха, отвратилъ отъ порочной жизни, и обратилъ на путь благочестія и добродѣтели! Сколько, слѣдовательно, душъ избавилъ отъ ада, и ввелъ въ небесный рай, для блаженства и славы вѣчной! Развѣ это не чудо, и малое чудо?

Таковъ, Христіане, гробъ, устроенный врагомъ нашимъ въ жилище смертное для насъ, но премудрымъ и всеблагимъ Богомъ обращенный въ проповѣдника жизни и чудотворца нашего. Въ немъ заключается, и изъ него истекаетъ источникъ жизни вѣрующимъ. Слѣдуетъ только приникнуть во гробъ, прикоснуться къ нему. Мертвецъ, поверженный во гробъ пророка, лишь только коснулся смертныхъ останковъ его, ожилъ. Тоже будетъ и съ нами, какъ скоро мы будемъ прикасаться ко гробу, къ этому нашему чудотворцу. Какъ прикасаться? Къ первому гробу—вѣрою, любовію, молитвою, смиреніемъ, послушаніемъ, терпѣніемъ, упованіемъ жизни вѣчной. Ко второму гробу—прославленіемъ, благоговѣйнымъ лобзаніемъ, подражаніемъ жизни святыхъ, надеждою воскресенія и будущаго безсмертія. Къ третьему гробу—сознаніемъ своей брѣнности, чувствомъ грѣха, покаяніемъ, сокрушеніемъ, слезами, памятію смертною, страхомъ будущаго суда и осужденія.

Не будемъ, Христіане, какъ обычно намъ, страшиться гроба. Онъ страшенъ только для невѣрующихъ. А для насъ, Христіанъ, свѣтлая дверь въ жизнь блаженную и вѣчную. Будемъ только чаще приникать и прикасаться къ нему, такъ, какъ мы уже сказали,—и мы найдемъ въ немъ покой, жизнь и воскресеніе изъ мертвыхъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Есть ли рай и адъ.

Свѣтлый праздникъ совершаемъ нынѣ мы, братіе, въ честь и память Препоблагословенныхъ Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Торжественно воспоминаемъ и прославляемъ всечестное успеніе Ея, смертное отшествіе Ея изъ дожняго міра въ высшій, невидимый божественный міръ. Приснодѣва Марія какъ дочь смертныхъ родителей, наравнѣ со всѣми смертными, вкусила смерть, и какъ Матерь Безсмертнаго Бога, ислучительно предъ всѣми смертными, взошла тотчасъ по смерти въ славное и совершенное по душѣ и тѣлу безсмертіе. Воистинну, убо блаженна кончина и славна память Владычицы нашей Богородицы!

Вспоминая честное успеніе Матери Божіей, нельзя намъ, празднующіе Христіане, не вспомнить о томъ, что смерть есть общій и неминуемый всѣхъ насъ жребій. Да, общій жребій нашъ — смерть. А какъ она страшна! Не страшна она намъ только тогда, когда мы не думаемъ о ней, когда, въ обаяніи міра и прелестей его, забываемъ ее. Какъ же скоро представишь ее, невольно задумаешься о себѣ, тотчасъ нападетъ на тебя тревожная забота, какъ бы заглянуть на ту сторону гроба, какъ бы узнать, что будетъ съ нами по смерти.

Что же будетъ съ нами по смерти? Но какъ можно объ этомъ знать? Никто изъ насъ тамъ не бывалъ, никто къ намъ оттуда не приходилъ. Кого спросить? Разумъ человѣческій? Онъ скажетъ не болѣе, какъ: *едва разумѣваемъ, яже на земли, а яже на небесяхъ, кто изслѣди?* (Премудр. 9: 16). Міръ, который предписываетъ намъ правила жизни, и которому мы такъ охотно довѣряемъ? Онъ пожалуй скажетъ: *да ямы и пѣмъ, утръ бо умремъ* (1 Кор. 15: 32), и только. Нѣтъ. Будущее открыть намъ можетъ только Божественное откровеніе. Что будетъ съ нами по смерти, объ этомъ говорить намъ святая наша вѣра. А она вотъ что говорить: *чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*. Значить, по смерти опять будетъ жизнь, да и ваая! — вѣчная. Но что же это будетъ за жизнь? Въ какомъ состояніи будутъ живущіе? Это опять открываетъ намъ Божественное Евангеліе. Самъ Господь сказалъ: *вси сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотворшии благая въ воскресеніе живота, а*

сътворилии злая, въ воскресеніе суда (Іоан. 5: 28, 29), и идутъ сіи, т. е. грѣшники въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѣ. 25: 46). Вотъ, стало быть, будущая жизнь будетъ не одинакова: иная для святыхъ и праведныхъ, и иная для нечестивыхъ и грѣшныхъ; въ будущей жизни будетъ блаженство и мука, или, по обыкновенному и общеупотребительному выраженію, рай и адъ.

Казалось бы, уже и довольно этого для насъ; довольно для насъ того, что открываетъ намъ Божественное откровеніе на счетъ загробной участи нашей. Ежели Самъ Богъ говоритъ, ежели Святая Церковь Его возвѣщаетъ, ежели безчисленный сонмъ вѣрующихъ увѣряетъ, что есть рай и адъ,—разумно ли тутъ невѣріе? Но, братіе! Въ раслабленіи нравовъ Христіанъ, особенно нашего времени, въ нашемъ равнодушіи къ вѣрѣ, въ нашей безопасности о будущей судьбѣ, кажется, слышимъ тайный голосъ, который говоритъ: „едва ли есть рай и адъ“. А мудрые вѣка сего не отрекутся и вслухъ предложить вопросъ: „есть ли рай и адъ, есть ли блаженство и мука?“ Что скажемъ на это? •

„Есть ли рай и адъ, блаженство и мука?“ Въ отвѣтъ на это и мы предложимъ вопросъ: „есть ли Богъ?“ Ежели есть Богъ (а неужели есть еще безумный, который бы сказалъ: нѣтъ!), ежели, говоримъ, есть Богъ: есть рай и адъ. Вѣдь Богъ вѣченъ. А ежели есть вѣчный Богъ, то есть и вѣчно живущіе, ибо, по словамъ Самого Спасителя, *нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѣ. 22: 32). Если же есть вѣчно живущіе, то есть и мѣсто живущихъ, судя по качеству ихъ, есть рай и адъ.

„Есть ли рай и адъ, блаженство и мука?“ Отвѣтимъ опять вопросомъ: есть ли безсмертіе души? Ежели есть безсмертіе души, чего никто и изъ мудрыхъ, кромѣ нечестивыхъ, не отвергаетъ, то есть и жизнь загробная, есть и рай и адъ. Тогда только можемъ связать: нѣтъ, когда допустимъ, что душа человѣческая не безсмертна, и человѣкъ со смертію уничтожается вовсе.

„Есть ли рай и адъ, блаженство и мука? Встрѣтимъ еще вопросъ вопросомъ: есть ли добродѣтель и порокъ, святость и грѣхъ? Ежели есть (а кто же станетъ это отвергать?), то есть и рай и адъ, и блаженство и мука. Знаете ли, что такое рай и адъ? Рай и адъ—это уже слѣдствіе и конецъ, а причина и начало—добродѣтель и порокъ, святость и грѣхъ. А какъ скоро есть причина и начало, непременно должны быть и слѣдствіе и конецъ. Безъ добродѣтели и святости не было бы ни рая, ни блаженства, также какъ безъ порока и грѣха не было бы ни ада ни муки. Если же есть и до-

бродѣтель и святость, есть и порокъ и грѣхъ, непремѣнно должны быть и рай и адъ, и блаженство и мука.

„Такъ“, скажутъ невѣрующіе, или маловѣрующіе, „но все же это только разсужденія, все же здѣсь только нѣкоторая увѣренность ума, а этого для убѣжденія недостаточно. Хорошо бы видѣть предметъ ближе, хорошо бы видѣть самый рай и адъ, чтобы вполне увѣриться въ существованіи ихъ“. Даруй намъ, Господи, видѣть рай, но избави, Господи, видѣть адъ и муку! Не думайте однакожь, что рай и адъ такъ для насъ непостижимы, какъ мы думаемъ, такъ отъ насъ отдалены, какъ намъ представляется. Нѣтъ. Они ужь здѣсь, на землѣ, они въ глазахъ у насъ, они даже въ насъ самихъ. Развѣ не знаемъ, что сказалъ Христось? *Царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17: 21). А если царство Божіе, или что то же, рай и блаженство можетъ быть въ насъ, то также и область діавола, или, что то же, адъ и мука. Рай и блаженство—это добрыя Христіанскія дѣла; адъ и мука—это наши грѣхи. Желаете видѣть рай и блаженство? Посмотрите на добродѣтельнаго и благочестиваго человѣка. Кротость его, любовь къ ближнимъ, незлобіе когда онъ прощаетъ обидѣвшимъ, благотворитъ врагамъ, помогаетъ бѣднымъ, заступаетъ гонимыхъ, утѣшаетъ страждущихъ, отираетъ слезы сиротъ,—скажите, что у него въ душѣ, какъ не рай и блаженство? Хотите быть очевидцами ада и муки? Посмотрите на человѣка, когда онъ въ пылу гнѣва и ярости, когда снѣдаетъ его зависть, ненависть и злоба, посмотрите на оскорбленнаго гордеца, на потерявшаго свои деньги сребролюбца, на расточившаго свое имѣніе богача, посмотрите на заключеннаго въ темницу злодѣя,—что у нихъ въ душѣ, какъ не адъ и мука?

Видите ли, братіе, рай и адъ, блаженство и муку, которыя уже съ нами и въ насъ и которыя тѣмъ самымъ неоспоримо удостоверяютъ насъ о раѣ и адѣ за гробомъ? Если хотите видѣть и внѣшніе, такъ сказать, опыты, въ которыхъ бы участвовало и тѣлесное ощущеніе и чувство, нетрудно указать и на это. Что, наприм., будетъ составлять значительную часть блаженства въ раю? Свѣтъ. *Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35: 10), говоритъ въ молитвѣ къ Богу Давидъ. *Тогда*, т. е. по наступленіи будущаго вѣка, *праведники просвѣтятся, яко солнце въ Царствіи Отца ихъ* (Матѣ. 13: 43), говоритъ Христось. А теперь развѣ нѣтъ свѣта, развѣ не видимъ солнца? Что опять будетъ составлять мученіе въ адѣ? *Огнь неунасающій* (Марк. 9: 43), *тьма кромѣшная* (Матѣ. 25: 30). А развѣ нынѣ нѣтъ огня, тьма развѣ намъ уже неизвѣстна? Смо-

трите же теперь на свѣтъ, на огонь, на тьму, и судите по тому о будущемъ раѣ и адѣ. Пріятно быть при свѣтѣ, на солнцѣ,—также будетъ и въ раю. Грустно быть въ темнотѣ, мучительно терпѣть жженіе огня,—таково же будетъ и въ адѣ.

Слова нѣтъ, что нынѣшнее блаженство и нынѣшнее мученіе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, душевное, далеко не таково, какое будетъ за гробомъ. Разница въ томъ, что нынѣшнее начинательное, несовершенное, неполное, временное, а тогдашнее совершенное, всецѣлое и вѣчное. *Возлюбленнѣи*, говоритъ одинъ Апостоль, *нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ; вѣмы же яко, егда явится, подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть* (1 Иоан. 3: 2). *Видимъ нынѣ*, говоритъ другой Апостоль, *яко же зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Коринѣ. 13: 12). Разница еще въ томъ, что нынѣшній рай мы можемъ потерять, если оставимъ путь добродѣтели, ослабѣемъ въ вѣрѣ и любви ко Христу Спасителю нашему и допустимъ себя снова до угожденія грѣху и страстямъ. Посему-то премудрый и богопросвѣщенный Наставникъ, въ предосторожность намъ, и говоритъ: *прежде смерти не блажи никогоже* (Сирах. 11: 28). И Самъ Богъ говоритъ у пророка: *аще совертится праведникъ отъ правды своея, и сотворитъ неправду по вѣмъ беззаконіемъ, всѣ правды его, яже сотворилъ есть, не помянутся* (Иезек. 18: 24). Равно и нынѣшняго ада мы можемъ избѣгать, если оставимъ путь неправды, и обратимся въ покаянію и исправленію своей жизни. *Егда обратится беззаконникъ отъ беззаконія своего, еже сотворилъ, и сотворитъ, судъ и правду, жизнью поживетъ, и не умретъ* (Иезек. 27: 28), продолжаетъ Богъ у пророка.

Вотъ, Христіане, какова судьба человѣческая за гробомъ. Вѣруемъ, что въ будущей жизни насъ ожидаетъ или рай, или адъ, или блаженство, или мука. Никто изъ грѣшниковъ не избѣгнетъ вѣчнаго осужденія. Богъ правосуденъ. Но и ни одинъ грѣшникъ, обратившійся съ пути беззаконія на путь добродѣтели и правды не будетъ осужденъ. Богъ милосердъ! Онъ для того и грозитъ намъ будущими мученіями и привлекаетъ насъ божественною славою Царствія, для того заранѣе и показываетъ намъ адъ и рай, чтобы мы старались избѣгать перваго и заслуживать второй, еже сотворити намъ и да поможетъ Онъ Своею всесильною благодатію, молитвами и предстательствомъ Преблагословенныя Владычицы и Приснодѣвы Маріи, яже нынѣ предстоитъ престолу Божию во свѣтѣ славы и блаженства, яко присносущнаго Свѣта Матерь. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Есть ли какія откровенія и свидѣтельства изъ страны загробной.

По смерти жива (Ирм. 9 пѣс.).

Настоящее радостное торжество Божественной памяти Матери Божіей болѣе дѣлается для смертныхъ радостнымъ отъ упованія будущей жизни, которая какъ славно проявилась въ безсмертномъ успеніи Приснодѣвы. Какъ намъ, братіе, не радоваться такой счастливой и нами чаемой участи? Сколько ужасна для насъ смерть, столько вождельнно намъ безсмертіе и вѣчная жизнь. Матерь Божія не перестала жить со времени кончины, но, по успеніи, явилась въ новой, лучшей жизни. Такъ увѣряетъ насъ Св. Церковь. *По смерти жива*, говоритъ Она о Матери Божіей. И съ нами, Христіане, имѣетъ послѣдовать подобная участь. И мы кончимъ временную жизнь, и по смерти вступимъ въ другую жизнь, вѣчную. Въ этомъ убѣждаетъ насъ утверждающаяся на словѣ Божіемъ вѣра наша. Такъ, за гробомъ другой міръ, другая для насъ жизнь. Радостна поэтому наша будущность. Но можетъ ли радость утверждаться на одномъ чаяніи будущаго? Не ищетъ ли радость всегда осязательныхъ, такъ сказать, убѣждений въ своемъ чаяніи, особенно если чаемое счастье выше нашего чаянія и самой, повидимому, возможности. Апостолы уже видѣли Христа по воскресеніи, но все еще не вѣровали отъ радости, и Христосъ нашелъ нужнымъ осязательно увѣрять ихъ въ томъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ. Чѣмъ же утвердиться и намъ въ вѣрѣ, что точно есть другой міръ, другая жизнь, которой мы ожидаемъ? Есть ли какія откровенія, есть ли, такъ сказать, извѣстія изъ страны загробной? Есть, братіе, есть. Правда, одна изъ притчей Евангельскихъ какъ будто разубѣждаетъ насъ въ этомъ. Когда богатый, находясь уже на томъ свѣтѣ, просилъ Праотца Авраама послать въ домъ свой Лазаря, чтобы уведомить братьевъ своихъ о состояніи за гробомъ, Праотецъ отказалъ ему въ этомъ, указывая на законъ и Пророковъ, которыхъ они должны слушать и которымъ должны вѣрить. Но, можетъ быть, и братья богатаго были таковы же, и такъ же жестокосерды, какъ и онъ самъ, а потому и были недостойны небесныхъ откровеній. Нѣтъ. Ежели Господь не оставилъ Апостоловъ безъ осязательныхъ убѣж-

деній въ Своемъ воскресеніи, то не оставитъ и не оставляетъ и вѣрующихъ въ Него въ убѣдительныхъ и какъ бы очевидныхъ свидѣтельствахъ о жизни загробной.

О бытіи жизни загробной свидѣлствуютъ, и о состояніи того вѣка возвѣщаютъ намъ многочисленныя явленія Святыхъ изъ страны загробной. Начало таковыхъ явленій положилъ Самъ Святый святыхъ, Божественный Искупитель нашъ, Господь Иисусъ Христосъ. По воскресеніи Своемъ многократно являлся Онъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, какъ повѣствуетъ намъ Святое Евангеліе, и тѣмъ показалъ, что Онъ живъ и по смерти. Являлся, говоримъ; слѣдовательно Онъ уже собственно пребывалъ внѣ нашего міра, явленіями же Своими въ духовномъ и прославленномъ тѣлѣ свидѣлствовалъ о бытіи другаго, лучшаго міра, блаженной жизни за гробомъ. Являлся даже и послѣ Своего видимаго исшествія изъ сего міра по вознесеніи Своемъ на небо, и именно Апостолу Павлу, какъ повѣствуетъ о семъ Богоглаголивый ученикъ Его Лука. А такое явленіе опять свидѣлствуетъ о постоянной безконечной жизни за гробомъ. Являлась, по успеніи Своемъ, и Матерь Божія, въ соборѣ Апостоловъ, какъ повѣствуетъ о томъ непререкаемое преданіе церковное. Являлась она и въ послѣдующее время многимъ Святымъ и благочестивымъ, какъ свидѣлствуютъ дѣяніи отеческія. Изъ многихъ явленій Ея укажемъ хотя на одно изъ явленій Ея внѣ предѣловъ Россіи, на извѣстное явленіе Ея во Влахернскомъ храмѣ въ Константинополѣ во время всеобщаго бдѣнія, и на одно изъ отечественныхъ явленій Ея,—на явленіе великому Чудотворцу Россійскому, Преподобному Сергію. Не мало показываютъ намъ тѣ же отеческія дѣяніи явленій и Святыхъ угодниковъ Божіихъ различнымъ и въ различныхъ обстоятельствахъ находившимся Христіанамъ. Довольно въ этомъ случаѣ указать на дивнаго, извѣстнаго всему міру и прославляемаго всею Церковію, угодника Божія и чудотворца Святителя Николая. Являлись, по изволенію Божію, даже и простые Христіане, когда молитвенно испрашивалось у Бога откровеніе объ участи загробной того или другаго умершаго (Шисъм. Святогор.). Всѣ таковыя явленія, очевидно, свидѣлствуютъ о жизни за гробомъ и увѣряютъ насъ, что смертію не прекращается бытіе человѣка.

Бытіе другаго міра и жизни загробной подтверждаютъ и чудныя знаменія изъ міра загробнаго, въ отвѣтъ на молитвы и прошенія живущихъ въ мірѣ семъ. Когда Матерь Божія, предъ кончиною Своею, молилась на горѣ Елеонской, явился Архангелъ, и принесъ Ей финиковую вѣтвь изъ рая (Авг. 15). Мученица Доро-

ея, послѣ смертнаго усѣченія, послала изъ рая три яблока и три розовыхъ цвѣтка одному изъ язычниковъ, который, насмѣхаясь надъ ея вѣрою въ будущую райскую жизнь, просилъ ее послать ему изъ рая тѣ яблоки и цвѣты (Февр. 6). Нѣкоторая жена, по вончинѣ Святителя Іоанна Милостиваго, получила отъ него письменное разрѣшеніе грѣховъ (Ноябр. 12). Для разрѣшенія распри о вѣрѣ между Православными и еретичествующими написаны были и положены во гробъ Великомученицы Евфиміи два свитка съ изображеніемъ вѣры, Православной и еретической. Черезъ три дня свитокъ еретическій оказался подъ ногами, а Православный въ рукахъ Великомученицы (Іюл. 11). Одинъ Христіанинъ изъ ученыхъ язычниковъ, по убѣжденію Епископа, раздавъ все имѣніе бѣднымъ, потребовалъ отъ него росписки въ доказательство и обезпеченіе того, что за розданное имъ имѣніе воздастъ ему Христосъ по ту сторону гроба, и получивъ росписку, завѣщаль положилъ ее съ нимъ во гробъ. Черезъ три дня, по смерти оказалась на роспискѣ собственноручная его подпись, что долгъ отъ Христа онъ получилъ (Апр. 11). Да что такое и вообще чудеса, которыми такъ обильна Святая Православная Христова Церковь, что, какъ не явленія изъ міра высшаго, духовнаго, какъ не благодѣтельные и неутѣшительные отзвывы къ намъ изъ страны загробной? Вѣдь тутъ очевидна сила Божія и сила Святыхъ, которые, по смерти, живутъ съ Богомъ и которыхъ мольбы за насъ сильны у Бога. Сколько-же такихъ знаменій и чудесъ, столько свидѣтельствъ, что за гробомъ живутъ, и достойные блаженствуютъ и царствуютъ въ пресвѣтломъ дому Божіемъ. А святыхъ тѣлеса праведниковъ, среди тлѣнія пребывающія нетлѣнными и изъ смертныхъ сосудовъ изливающія токи жизни и исцѣленій? Что это, какъ не постоянные и вѣчные вѣстники жизни безсмертной, которая за гробомъ и которою живутъ отшедшіе отъ міра сего?

Бытіе и состояніе жизни загробной засвидѣтельствовано опять различными видѣніями. Состояніе духовнаго міра, въ которое каждый человѣкъ переходитъ по смерти, открывалось многимъ достойнымъ изъ людей, когда сіи находились еще въ настоящей жизни. Но какъ человѣку въ этой грубой и мертвенной плоти не всегда возможно быть въ общеніи съ міромъ духовнымъ, то въ часы видѣній человѣкъ приводимъ былъ въ такое состояніе, какъ бы онъ отрѣшался отъ міра, какъ бы былъ внѣ тѣла, жилъ однимъ духомъ. Именно видѣнія были или въ состояніи восхищенія и какъ бы изступленія, или во время сна, или въ состояніи предсмертнаго замиранія. Видѣнія въ восхищенномъ состояніи удостоены были Свя-

тый Апостоль Павелъ. Онъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеъ, *восхищенъ, былъ до третiаго небесе, видѣлъ рай и слышалъ неизреченныя глаголы* (2 Кор. 2: 4). Въ какомъ-же онъ былъ въ то время состоянiи, самъ-же о томъ свидѣтельствуеъ. *Аще въ тѣлѣ, говоритъ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Кор. 2: 3). Въ подобномъ восхищенiи были всѣ Пророки, которымъ открывались въ различныхъ образахъ тайны Божiи. Исаiя *видѣлъ домъ славы Божiей, и Самого Господа сядища на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Исаiя 6: 1). А какъ отрывались тайны, объясняютъ это сами Пророки. *И бысть на мнѣ рука Господня, говоритъ Пророкъ Иезекиль, и изведе мя въ дусъ Господни* (Иезек. 37: 1), *и отверзшася небеса, и видѣхъ видѣнiя Божiя* (Иезек. 1: 1). Въ такомъ же восхищенiи былъ и новозавѣтный тайнозритель Иоаннъ Богословъ. *Быхъ, говоритъ, въ дусъ въ день недѣльный* (Апок. 1: 10). Въ этомъ состоянiи онъ *видѣлъ и новое небо и новую землю* (Апок. 21: 1), т. е. мiръ обновленный, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ по откровенiи Царства Божiя. Не станемъ говорить о другихъ, которые подобнымъ образомъ находились въ состоянiи восхищенiя и удостоились видѣть духовный мiръ и состоянiе загробной жизни. Таковыхъ книги житiй Святыхъ представляютъ намъ множество. Иные были зрителями духовныхъ видѣнiй во снѣ. Такъ праотецъ Иаковъ видѣлъ во снѣ лѣстницу, соединяющую небо съ землею, Ангеловъ Божiихъ и Самого Бога, съ неба призирающаго на землю. Въ Христіанской Церкви таковыхъ зрителей было много, особенно въ числѣ иночествующихъ подвижниковъ и юродивыхъ, каковы, напримѣръ, блаженный Андрей Юродивый (Октябр. 2). Были и такіе, которые умирали, и опять возвращались къ жизни, и въ этомъ мертвенномъ состоянiи видѣли жизнь и состоянiе жизни загробной, каковы, наприм., воинъ Таксіотъ (Март. 28), и нашъ печерскій Затворникъ Аѳанасій (Патер. Печер.).

Много, какъ видите, братіе, вѣстниковъ къ намъ изъ мiра невидимаго, много свидѣтельствъ о состоянiи жизни загробной, — вѣстниковъ достовѣрныхъ, свидѣтельствъ неопровержимыхъ. Вѣдь это все событія всею Церковію признанныя, вѣрами утвержденныя. Что же возвѣщаютъ намъ эти вѣстники? Въ чемъ убѣждаютъ насъ эти свидѣтельства? Возвѣщаютъ то, и убѣждаютъ въ истинѣ того, что проповѣдуетъ Евангеліе, и чему учитъ Святая Церковь, именно, что есть другая жизнь за гробомъ, есть блаженный рай для Праведниковъ, и есть мучительный адъ для грѣшниковъ. Многимъ и многимъ открыто было многіе и многіе видѣли и Ангеловъ и де-

моновъ, видѣли, каковой трудный переходъ за гробомъ для душъ умирающихъ Христіанъ,—какъ души Праведниковъ возносятся на небо Ангелами, и какъ души грѣшниковъ низводятся въ адъ демонами; видѣли красоту и сладость рая; то въ образѣ прекрасныхъ и чудныхъ садовъ, то въ видѣ великолѣпныхъ царскихъ палатъ, или и цѣлаго города изъ блистательныхъ и драгоценныхъ камней; видѣли и страшное и мучительное состояніе ада, въ видѣ то ужасающей темноты и нестерпимаго смрада, то огненной рѣки, въ которой погрязаютъ грѣшники. Правда, все это—образы, а не самое состояніе жизни загробной. Но иначе и быть нельзя. Мы пока въ дольнемъ мірѣ и въ грубой, смертной плоти, горнее и можемъ постигать только въ образѣ дольняго, вещественнаго, земнаго. Какъ состояніе странъ и быть другихъ народовъ мы можемъ видѣть только въ картинахъ, такъ и состояніе міра невидимаго и жизни загробной можемъ постигать только въ видѣніяхъ и образахъ. Истинное состояніе этого міра и этой жизни нынѣ для нашего разумѣнія недоступно. Все тамъ видѣнное и слышанное таково, что *не мѣтъ естъ чловѣкъу глаголати* (2 Кор. 12: 4). Какъ нельзя говорить съ нами на томъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, такъ нельзя намъ передать и того, что въ жизни загробной. Говорятъ только то, что блаженство праведныхъ и муки грѣшныхъ непостижимы. Блага, уготованныя на небѣ праведникамъ, столь вожделѣнны и сладостны, что въ настоящей жизни подобныхъ ничье око не видало, ничье ухо не слышало, и никому на сердце таковыя не восходили (2 Кор. 2: 9). А муки грѣшниковъ такъ ужасны, что изъ числа видѣвшихъ одни всю жизнь до смерти провели въ молчаніи (Лѣств. ст. 6), другіе только говорили: *горе согрѣшающимъ, горе не кающимся* (Прол. Март. 28), а иныя только: *молитесь, спасайтесь* (Аѳан. Затв. Пат. Печер.).

Есть, братіе — Христіане, жизнь за гробомъ. Тамъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Тамъ и Пресвятая Матерь Его Владычица наша, Препоблагословенная Дѣва Марія. Тамъ и всѣ Праведники, которые жили нѣкогда на сей землѣ. Тамъ и рай и блаженство вѣчное, тамъ за гробомъ и темница и мука вѣчная. О, если бы намъ сподобиться перваго и избѣжать послѣдней! Помолимся объ этомъ сегодня Матери Божіей. Будемъ молиться и всегда, въ упованіи на чловѣколюбіе и милость Возлюбленнаго Сына Бя, Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ
БОГОРОДИЦЫ.

Чѣмъ должны мы освящать дни нашего рожденія.

Человѣкъ, какъ и все существующее въ мѣрѣ, имѣетъ начало бытія своего; и это бытіе каждый получаетъ однимъ опредѣленнымъ по закону Творца, образомъ, — именно, рожденіемъ. *Единъ входъ есть въ житіе* (Премудр. 7: 6), говоритъ древній богопрсвѣщенный наставникъ. Не другимъ какимъ, а этимъ же общимъ путемъ явилась въ мѣръ и Та, которую мы чтимъ и именуемъ Матерію Господа и Богородицею. И Пресвятая Дѣва Марія получила бытіе естественнымъ, хотя свыше благословеннымъ, рожденіемъ отъ праведныхъ Іоакима и Анны. И это начало бытія, день своего рожденія, Она, какъ особенно внимательная къ судьбамъ Божиимъ и глубоко преданная своему Творцу и Богу, безъ сомнѣнія, во все время жизни своей благоговѣнно воспоминала и благочестно чтитъ. Но когда вѣрующіе во Христа познали Ее, какъ Матеръ Божию, и нашли въ Ней Заступницу и Ходатаицу своего спасенія, день рожденія Ея сдѣлался всеобщимъ торжествомъ для Церкви Христовой. И вотъ Святая Церковь установила въ день рожденія Богоматери великій и нарочитый праздникъ, составила чинъ особыхъ молитвъ и пѣснопѣній, и заповѣдала чтить и прославлять Матеръ Божию въ день преславнаго Ея рождества.

Благочестивые сыны Церкви! Мы уже имѣли духовное утѣшеніе совершить это Богоматернее торжество и достойно почтили день рожденія Приснодѣвы, если только съ вѣрою и любовію участвовали въ торжествѣ Церкви и внимательно слушали молитвы и пѣсни, возсылаемыя ею къ Богоматери. Нужно ли еще что со стороны нашей для настоящаго праздника? Можетъ ли слово человѣческое придать что либо къ торжеству Церкви и къ прославленію Богоматери? Нѣтъ. Обратимъ лучше слово наше къ намъ самимъ. Вѣдь и мы всѣ родились. Вѣдь и каждый изъ насъ имѣетъ, знаетъ, и, по обычаю, чтитъ день своего рожденія. Какъ же мы должны чтить день своего рожденія, и что въ этомъ случаѣ прилично дѣлать Христіанину, — скажемъ нѣчто объ этомъ.

День рожденія, какъ извѣстно, особенно почитается у насъ. Это собственный cadaго праздникъ. И справедливо. Что пріятнѣе, что священнѣе того воспоминанія, что мы получили бытіе и насла-

ждаемся жизнию? Жизнь есть первый даръ Творца человѣку, ее мы цѣнимъ выше всего, ее бережемъ болѣе всего. А начало жизни есть день рожденія. Какъ же не чтить его, когда онъ возвращается къ намъ? Какъ не праздновать его? Но вотъ бѣда, что мы по большей части не такъ празднуемъ его, какъ должно; что мы не вспоминаемъ его, а забываемъ, не съ честію проводимъ, а въ неприличныхъ и душевредныхъ занятіяхъ погубляемъ. Сами знаете, что составляетъ у насъ торжество нашихъ дней рожденія. Это, по большей части, пиршества и всѣ возможныя увеселенія, хотя бы они были даже не Христіанскія и соблазнительныя. Вотъ недавно звѣщала намъ Церковь, какъ одинъ человѣкъ, по человѣческому понятію великій, праздновалъ день своего рожденія, какой блистательный и роскошный давалъ онъ вечеръ, какъ увеселялись празднующіе, и чѣмъ кончился этотъ праздникъ. Чѣмъ кончился? Кончился убіеніемъ пророка. Не думайте, что это отжившая грубость народа и времени, нечестіе, недостойное вниманія и слуха настоящаго просвѣщеннаго вѣка. Вѣдь и тотъ, праздновавшій день своего рожденія, былъ по своему времени очень ученъ, имѣлъ на столько ума и силы воли, что владѣлъ цѣлою областью; и вотъ пиршествовалъ онъ съ вельможами своими, и веселіе тамъ было сопровождаемо плясаніемъ, которое и въ нашъ вѣкъ считается пріятнѣйшимъ и благороднѣйшимъ увеселеніемъ; а между тѣмъ это пиршество и подобнаго рода увеселенія были поводомъ къ совершенію страшнаго злодѣянія. Какъ хотите, а забавы и увеселенія, и особенно нескромныя, пагуба Христіанскихъ душъ. Что и пиршества, учрежденіе трапезъ, обильное ястіе и питіе? Нивого, безъ сомнѣнія, не обрезаютъ въ этотъ день на постъ, на строгое отреченіе отъ пищи и питія. Во всякій праздникъ прилично и утѣшеніе. Можно ѣсть и пить, да какъ? Во славу Божію. *Аще убо ясте, аще ли пиете, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10: 31), говоритъ Апостоль. Но этого-то у насъ почти и не бываетъ. Ибо какая слава Божія тамъ, гдѣ все направлено къ наслажденію чувственному, гдѣ торжествуетъ только роскошь и расточительность? Какая слава Божія тамъ, гдѣ столъ и начинается безъ призванія имени Божія, и продолжается безъ благочинія и скромности и оканчивается безъ благодаренія *Богу, дающему намъ вся обильно въ наслажденіе?* (1 Тим. 6: 17). Нѣтъ. Не таково должно быть празднованіе дней рожденія у Христіанъ. Не это прилично намъ, когда мы хотимъ почтить день своего рожденія. А вотъ—что:

Во-первыхъ, *молитва и прославленіе Бога*. Видите, что дѣ-
 СВЯТЕЛЬ БЛАГОЧЕСТІЯ. Т. II. 46

лаетъ Церковь, празднуя нынѣ рождество Божіей Матери. Она совершаетъ торжественное служеніе Богу, воздавая Ему хвалу и благодареніе за Его любовь и милосердіе въ роду человѣческому. И мы должны поступать также, когда празднуемъ день рожденія. Кто намъ далъ бытіе? Отъ кого мы получили жизнь, этотъ неоцѣненный даръ? Развѣ мы *самослучайно рождены есмь?* (Премудр. 2: 2). Не Богъ ли нашъ Творецъ? Не Богъ ли устроилъ наше тѣло? Не Богъ ли вложилъ въ насъ душу? Не Богъ ли далъ намъ разумъ, открылъ наши чувства, влилъ въ насъ силу самосохраненія? Вѣдь насъ не было? А теперь мы живемъ, видимъ прекрасный міръ Божій, наслаждаемся безчисленными дарами Божіими. Какъ же намъ, вспоминая день рожденія, не исполниться святой радости о Богѣ Творцѣ нашемъ, не принести Ему хвалебныхъ молитвъ, не излить предъ Нимъ благодарныхъ чувствъ? Вотъ, Христіане, что долженъ дѣлать тотъ, кто хочетъ достойно праздновать день своего рожденія! Долженъ, по слову богопросвѣщеннаго мудреца, *всею душою благодарить Господеви, и возлюбить сотворшаго его* (Сир. 7: 31, 32), и по примѣру Давида, въ веселіи и радованіи взывать къ Нему: *исповѣмся Тебѣ, Господи Боже мой, вѣсѣмъ сердцемъ моимъ, и прославлю имя Твое въ вѣкъ; яко милость Твоя велиа на мнѣ* (Пс. 85: 12, 13). *Къ тебѣ приверженъ есмь отъ ложеснъ, отъ чрева матере моея, Богъ мой еси Ты* (Пс. 21: 11).

Во-вторыхъ, *молитва за родителей*. Какъ мы получили бытіе? Такъ ли, какъ первые человѣки? Нѣтъ. Безъ отца, безъ матери сотворены Богомъ только наши прародители. А потомъ Господь сказалъ имъ: *раститесь и множитесь* (Быт. 28), и особо прама-тери нашей *въ болѣзняхъ родили чада* (Быт. 3: 16). Итакъ, мы получили бытіе свое отъ Бога уже чрезъ посредство родителей. Богъ, такъ сказать, раздѣлилъ свою творческую силу съ нашими родителями. На какую послѣ этого высоту достоинства и чести поставлены отъ Бога родители? Недаромъ въ законѣ Божіемъ послѣ заповѣди о Богѣ, тотчасъ стоитъ заповѣдь чтить отца и мать. Если же мы получили бытіе и жизнь отъ Бога чрезъ нашихъ родителей: то къ кому, послѣ Бога, должны быть обращены наши мысли и чувства въ день рожденія, какъ не къ родителямъ нашимъ? За кого первѣе должны мы приносить молитвы Богу, какъ не за родителей нашихъ? Родители произвели насъ на свѣтъ, и дали намъ бытіе: какъ намъ не молиться за нихъ? *Помяни, говоритъ слово Божіе, яко тѣма рожденъ еси, и что има воздаси, яко же они тебѣ?* (Сир. 7: 30). Родители понесли для насъ труды и болѣзни въ рожденіи

и воспитаніи нашемъ: какъ намъ не молиться за нихъ? *Всѣмъ сердцемъ твоимъ прославляй отца твоего*, говоритъ то же слово Божіе, и *матернихъ болѣзней не забуди* (Сир. 7: 29). Родители любятъ насъ. Какъ любятъ? Такъ ли, какъ самихъ себя? О, нѣтъ, гораздо болѣе. Они жертвуютъ для насъ всѣмъ: и трудами, и спокойствіемъ, готовы жертвовать самую жизнь. Такъ дороги имъ дѣти! Какъ же не молиться намъ за своихъ родителей? О, священный долгъ важдаго Христіанина въ день своего рожденія приносить молитву, искренно сердечную, за своихъ родителей, испрашивая имъ отъ Бога здравія и долгоденствія, или, если они уже отошли ко Господу, блаженнаго упоенія душъ ихъ въ селеніяхъ праведныхъ.

Въ-третьихъ, *размышленіе и молитва о себѣ самихъ*. Обращая въ день рожденія вниманіе на себя и на свою жизнь, мы не можемъ не спросить себя: что такое мы? Для чего намъ дано бытіе? Вотъ мы—человѣки, получили отъ Бога способности ума и даръ слова. Напрасно ли это? Неужели мы должны жить безъ цѣли, поступать безъ разума, дѣйствовать по вліянію только чувственной природы? Вотъ мы—Христіане, получили отъ Церкви духовное просвѣщеніе и возрожденіе. Это опять развѣ не имѣтъ никакого значенія? Нѣтъ. Мы должны оправдывать свое Христіанское званіе, должны жить такъ, какъ предписываетъ законъ Христіанскій. Что въ нашей жизни, ежели она будетъ только суетная и бесплодная, а тѣмъ хуже, ежели она еще постыдная, порочная? Вѣдь различно можно жить, и различный имѣтъ конецъ жизни. Вспомнимъ тѣхъ, которые родились прежде насъ и уже отжили на семь свѣтѣ. Одни изъ нихъ были люди добродѣтельные, благодѣтели человѣчества, возлюбленные Богу. Память ихъ благословляется изъ рода въ родъ. А другіе? Другіе были люди грѣшныя, нечестивыя, каратели человѣчества, презрители святыни, ненавистныя Богу. Былъ и такой, о которомъ Самъ Господь засвидѣтельствовалъ: *добро бы было ему, аще бы не родился человекъ той* (Матѳ. 26: 24). О, бѣдственное рожденіе! О, несчастныя сосцы, питавшіе предателя Христова! А сколько и еще будетъ такихъ, которые скажутъ: *проклятъ день, въ онъ же родихся* (Перем. 20. 14). *Почто въ утробѣ не умрохъ* (Іов. 3: 11), *и была бы мнѣ мати моя гробъ мой* (Іер. 20: 17). Боже мой! На то ли дается намъ жизнь, чтобы только страдать вѣчно? Ахъ, слушатели, есть о чемъ подумать намъ въ день своего рожденія! Есть для чего позаботиться намъ о своей жизни, чтобы она послужила намъ во спасеніе и радость, а не въ пагубу и муку. А потому священный долгъ нашъ, день рожденія своего знаменоватъ

молитвою,—молитвою, чтобы Господь Богъ содѣлалъ житіе наше непорочнымъ, чтобы просвѣтилъ насъ свѣтомъ благодати своей, утвердилъ насъ въ духъ вѣры и благочестія, послалъ намъ силу свою къ исполненію святой воли Его и божественныхъ заповѣдей Его, и привелъ насъ къ концу жизни мирному и блаженному.

А вотъ и Заступница наша, Пресвятая Матерь Божія, которой преславное рождество нынѣ празднуемъ: Она, Предстательница Христіанъ, не откажетъ намъ въ своемъ ходатайствѣ за насъ предъ Сыномъ Ея и Богомъ, если только мы будемъ просить Ее усердно, и желаемъ себѣ спасенія искренно. Она—покровъ и заступленіе всему Христіанскому роду, и благословенному отечеству нашему. Чего же не можемъ мы ожидать себѣ,—а мы ожидаемъ многого, многого,—и, безъ сомнѣнія, получимъ отъ благодѣющаго намъ Господа по молитвамъ и предстательству Преблагословенной и Премилосердной Матери Его. Еже буди, буди. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Лица, пришедшія на поклоненіе Рождшемуся Христу.

*Волсви и пастыріе придоша
поклонитися Христу, рождше-
муся во Вифлемѣ градѣ.
(Прип. 9 пѣсн. кан.).*

Аивное, Христіане, воспоминаемъ мы теперь событіе. Непостижимую тайну смотрѣнія Божественнаго возвѣщаетъ и торжествуетъ нынѣ Св. Церковь. Богъ явился на землѣ; да какъ явился? Въ славѣ ли божества, съ воинствомъ ли небеснымъ? Нѣтъ, родился, какъ человѣкъ, и отъ кого? Отъ Дѣвы? И гдѣ? Въ вертепѣ, просто въ горной пещерѣ, гдѣ во время дневнаго жара и ночнаго мороза укрывались животныя. Что это значить? Для чего такъ обнищалъ богатый славою Господь? Для чего принялъ на Себя такой униженный образъ бѣднаго человѣчества?—Для того, чтобы обогатить своею ницетою насъ, чтобы взыскать и спасти всѣхъ, такъ чтобы не было ни одного низваго и бѣднаго, который бы не могъ почестъ Его своимъ Спасителемъ.

Что же? Какъ приняли люди это божественное въ немъ снисхождение? Явились ли къ своему Спасителю? Пришли ли на поклоненіе въ Нему?—Пришли. Св. Церковь, послѣдуя Евангельскому

благовѣствованію, возвѣщаетъ намъ это въ своихъ торжественныхъ пѣсняхъ. *Волсви*, поетъ она, *и пастыри приидоша поклонитися Христу, рождшемуся въ Вифлеемъ градъ*.

Пришли на поклоненіе Христу *пастыри*. А отчего не цари? Вѣдь явился на землѣ Царь Небесный. Отчего не великіе и сильныя земли? Вѣдь пришелъ Всемогущій, Творецъ неба и земли. Отчего не первосвященники и пастыри Церкви? Вѣдь родился Пастырь душъ, вѣчный Первосвященникъ. Отчего не мудрыя міра, не философы? Вѣдь снизошла съ небесъ премудрость Божія, явился на землѣ Учитель и Просвѣтителъ рода человѣческаго. Пойдутъ ли богатые и славные въ вертепъ? Захотятъ ли кланяться Младенцу, лежащему въ ясляхъ? Повѣрятъ ли, что этотъ Младенецъ — Спасъ міру, Христосъ? Нѣтъ. Это доля простыхъ, смиренныхъ пастырей. Пастыри, простые поселяне, услышавъ отъ Ангеловъ, что родился Спаситель Христосъ, тотчасъ являются въ вертепъ и первые поклоняются Христу, благоговѣютъ передъ великою Божіею тайною и возсылаютъ славу въ вышнихъ Богу.

Видно, братіе, вѣра, — простая, сердечная вѣра всего дороже для нашего Спасителя. Видно она всего лучше можетъ привести насъ ко Христу. Да, именно, вѣра. И она болѣе тамъ, гдѣ менѣе славы земнаго величія и блеска внѣшняго просвѣщенія. Посмотрите, кто увѣровалъ въ Господа Спасителя, когда Онъ проповѣдывалъ Евангеліе? Мытари, Матѳеѣй, Закхей и подобныя имъ. Кто слушалъ ученіе Его по нѣскольку сутокъ и цѣлыми тысячами? Простой народъ. Кто уважалъ Его, какъ Пророка, и прославлялъ, какъ великаго чудотворца? Народъ. Не то же ли мы видимъ и всегда? И у насъ, напимѣрь, не болѣе ли простой народъ расположенъ въ вѣрѣ и приверженъ къ Церкви? Онъ и въ церковь придетъ ранѣе другихъ и въ церкви стоитъ благочиннѣе, и молится усерднѣе; онъ и въ церковь, по силамъ, пожертвуетъ, и къ иконѣ праздника свѣчу поставитъ, и у священника попроситъ благословенія. Подлинно, расположеніе къ вѣрѣ естественная, не омраченная страстями, простота, и ближе ко Христу Спасителю простые вѣрующіе. Посемуто и тайны Царствія *открываются*, по слову Спасителя, *младенцамъ* (Лук. 10: 21), т. е. простымъ вѣрующимъ, и для полученія Царствія Небеснаго Господь повелѣваетъ усвоить простое, невинное дѣтство, т. е. состояніе преданности Богу и вѣры, свободное отъ всякихъ мудрованій человѣческихъ. *Аще не обратитесь, говоритъ Онъ, и будете яко дѣти, не увидите въ Царство Небесное* (Матѳ. 18: 3).

Пришли на поклоненіе Христу и *волсви*. Кто эти *волсви*? Пер-

сидскіе мудрецы, ученые, преимущественно занимавшіеся разсмотрѣніемъ и наблюденіемъ свѣтилъ небесныхъ. Вотъ, стало быть, и просвѣщеніе ведетъ ко Христу, и ученые обрѣтаютъ спасеніе во Христѣ. Дѣйствительно такъ: только не всякое просвѣщеніе, и не всѣ ученые. Кто были волхвы? Потомки благочестивыхъ Іудеевъ, разсѣянныхъ послѣ плѣненія Вавилонскаго въ странахъ языческихъ. Они занимались науками, но преимущественно—наукою о свѣтилахъ небесныхъ и постояннымъ наблюденіемъ за теченіемъ ихъ. Для чего? Для того, что они, подобно праведному Симеону, чаяли утѣхи Израилевы (Лук. 2: 25), ожидали обѣтованнаго Спасителя, который, по одному пророчеству, предвозвѣщенъ былъ подъ именемъ звѣзды. *Воссіяетъ, сказалъ пророкъ, звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человекъ отъ Израиля* (Числ. 24: 17). Вотъ поэтому они и стали наблюдать за теченіемъ звѣздъ, и ожидать явленія новой, необыкновенной звѣзды, которую наконецъ дѣйствительно и увидѣли, и по указанію оной, пришли къ новорожденному Христу. Значить, въ употребленіи своего разума и въ приобрѣтеніи человѣческихъ знаній одушевлялись благочестіемъ и вѣрою въ обѣтованнаго Спасителя, и цѣлю просвѣщенія ихъ было собственное ихъ спасеніе. Хорошо, ежели просвѣщеніе таково будетъ и всегда, ежели ученые будутъ имѣть въ виду Спасителя и свое спасеніе: въ такомъ случаѣ и вѣра не только не потеряетъ своего достоинства, но еще возвысится и очистится отъ всякой примѣси заблужденій человѣческихъ. Такъ многіе изъ ученыхъ сдѣлались великими и славными въ числѣ вѣрующихъ, наприм. Іустинъ философъ, Христіанинъ и потомъ мученикъ, знаменитые пастыри церкви — Василій, Григорій, Златоустъ, и другіе премногіе. Они все вышнее образованіе обратили во славу Божію, въ пользу Церкви Христовой и въ собственное свое спасеніе. Хорошо, повторяемъ, просвѣщеніе, и ученіе спасительно только въ соединеніи съ вѣрою, когда разумъ приведенъ въ послушаніе вѣры, и отнюдь не господствуетъ надъ вѣрой, а тѣмъ паче не отвергаетъ вѣры. Если же иначе: пагубно просвѣщеніе, богопротивна ученость.

Евангеліе, кромѣ пастырей и волхвовъ, выставляетъ еще одного поелонника рожденному Христу. Когда волхвы пришли въ Іерусалимъ, и цѣль пришествія ихъ сдѣлалась извѣстною Ироду: Иродъ тайно призвалъ ихъ къ себѣ, и сказалъ: *шедше испытайте извѣстно о отрочати; егда же обряцете, извѣстити ми, яко да и азъ шедъ поклонюся Ему* (Матѣ. 2: 8). Быть можетъ, и первосвященники и книжники людскіе, которые въ то же время, по повелѣнію Ирода,

разсуждали о рождествѣ Христовомъ, готовы были сказать съ Иродомъ: *и мы шедше поклонимся Ему*. Кто былъ Иродъ? Царь Іудейскій, слѣдовательно безъ сомнѣнія человѣкъ въ своей мѣрѣ образованный. А первосвященники и книжники? Люди ученые, почивавшіе на законѣ. Какъ же они поклонились Христу? Первый избилъ 14 тысячъ невинныхъ младенцевъ,—чтобы только въ числѣ ихъ погубить рожденнаго Младенца Христа. А послѣдніе, въ свое время, вознесли Его, какъ врага и злодѣя, на крестъ. Отчего это? Оттого, что не имѣли вѣры, и, при всемъ образованіи и учености, были нечестивы. Иродъ былъ только жестокой властолюбецъ, а первосвященники и книжники—люди надменные и гордые, которые о простомъ народѣ отзывались такъ: *народъ сей, иже не въсть закона, прокляти суть* (Іоан. 7: 49). Къ чему же послужило образованіе и царское величіе Ирода, и къ чему ученость книжниковъ?.. А сколько и послѣ этого Ирода было другихъ Иродовъ, изъ которыхъ каждый готовъ былъ повторить слова о Христѣ: *и азъ шедъ поклонюся Ему*, а на самомъ дѣлѣ только гналъ и умерщвлялъ Его въ лицѣ вѣрующихъ? И въ нашъ вѣкъ былъ великій Иродъ, который не тысячи, а милліоны людей потопилъ въ крови, и который внесъ разореніе и осверненіе святыни въ наше отечество. А вѣдь онъ, какъ сами знаете, былъ мужъ просвѣщенный, человѣкъ великаго ума, да еще и Христіанинъ. Сколько было и въ давнее и не въ давнее время книжниковъ, которые потрясли царства, разорили вѣру, осверняли святыню Христіанскую? Какъ хотите, просвѣщеніе внѣшнее, мірское (по несчастному—языческому его направленію) не только не приводитъ человѣка ко Христу, но и отдаляетъ отъ Него, и лишаетъ душевнаго спасенія. Оно возвращаетъ къ намъ язычество во всей широтѣ его и, водворяя язычество, постепенно ослабляетъ всякую вѣру, даетъ свободу страстямъ, и изъ Христіанина и сына Церкви дѣлаетъ человѣка такимъ, о какомъ сказалъ Спаситель: *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18: 17). Это здѣсь еще, на землѣ, значить, а тамъ окажется сыномъ геенны. Разумъ человѣческій, обогащаемый познаніями, но неозаряемый вѣрою, и неодушевляемый благочестіемъ, по Апостолу, *кичитъ* (1 Кор. 8: 1), т. е. вводитъ человѣка въ мечтательность, высокомѣріе и гордость. Вѣдь все это мы сами можемъ видѣть,—не правда-ли? Вотъ, воспитанный по духу міра, безъ правилъ вѣры, смотреть уже на вѣру, какъ на что-то странное,—законъ Божій считаетъ ниже ученій человѣческихъ; пришедъ въ церковь Онъ уже не считаетъ ее Домомъ Божиимъ, а стоитъ и обращается въ ней съ такою же отвагою, какъ

и въ церкви, преклониться предъ святынею считаетъ для себя уни-
зительнымъ, соблюдать уставы Церкви, наприм. посты и проч., ста-
вить принадлежностію простаго народа; на низшихъ себѣ, а осо-
бенно на необразованныхъ, смотритъ съ презрѣніемъ, и во всѣхъ
поступкахъ своихъ готовъ говорить съ фарисеемъ: *нѣсмь, якоже
прочіи челоѡвцы* (Лув. 18: 11). Таеъ, мнимое просвѣщеніе, уче-
ность безъ вѣры, безъ правильного познанія Бога, безъ благоче-
стія и страха Божія, дѣлаетъ челоѡвѣка болѣе развращеннымъ, не-
жели каковы простолудины, живущіе и дѣйствующіе въ простотѣ
ума и совѣсти. Праведно убо слово Божіе говоритъ о таковой пре-
мудрости: *премудрость міра сего, буйство у Бога есть* (1 Кор. 3: 19).

Ахъ, Христіане! Нужно ли намъ обращаться къ такому свѣту,
который въ пять тысячъ лѣтъ не могъ просвѣтитъ челоѡвческаго
рода? Не лучше-ли обращаться къ тому Свѣту, который *истинно* и
спасительно *просвѣщаетъ всякаго челоѡвѣка*? (Іоан. 1: 9). Свѣтъ этотъ
есть Спаситель нашъ Христосъ, вторый Самъ засвидѣтельствовалъ
о Себѣ: *Азъ емь Свѣтъ міру; ходяи по Мнѣ не имать ходити во
тѣмъ но имать свѣтъ животный* (Іоан. 8: 12). И этотъ истин-
ный и животный Свѣтъ одинаково доступенъ всѣмъ, и великимъ и
малымъ, и славнымъ и простымъ, и богатымъ и бѣднымъ, и уче-
нымъ и неученымъ. Нужна только вѣра. *Вѣруйте*, сказала Спаси-
тель, *во свѣтъ да сынове свѣта будете* (Іоан. 12: 16).

Пойдемъ, празднующіе Христіане, мысленно и духовно къ вер-
тецу и, какъ искупленные рабы Христовы, поклонимся Христу. Толь-
ко избави насъ Богъ отъ такого поклоненія, къ какому расположенъ
былъ Иродъ. Из бави Богъ на словахъ быть Христіанами, а на са-
момъ дѣлѣ лицемѣрами, ненавистниками, властолюбивыми, жестоки-
ми къ ближнимъ. Нѣтъ, по примѣру волхвовъ, пойдемъ самымъ дѣ-
ломъ ко Христу и поклонимся Ему. Покажемъ себя дѣйствитель-
ными Христіанами и принесемъ Спасителю нашему Христу самыя
лучшіе дары, истинную вѣру, несомнѣнную надежду и нелицемѣр-
ную любовь. Въ этомъ случаѣ и намъ всегда готова путеводная
звѣзда. Это благодать Божія, озаряющая вѣрныхъ. Соединимся и
съ пастырями,—усвоимъ себѣ ихъ невинную простоту, смиреніе,
покорность, благоговѣніе къ дивнымъ судьбамъ Божіимъ. А съ
пастырями непремѣнно услышимъ и благовѣстіе Ангеловъ о Хри-
стѣ. Слово Божіе, пастыри церковныя, сама Св. Церковь, Ангелы
хранители наши—вотъ наши всегдашніе Ангелы благовѣстники.
Всѣ они скажутъ намъ: *родися вамъ Спасъ, Иже есть Христосъ
Господь* (Лук. 2: 11). Аминь.

СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ВОЗОБНОВЛЕННАГО ВОЛОГОДСКАГО
КАЕДРАЛЬНАГО СОФІЙСКАГО СОВОРА.

Слава обновленнаго Дома Господня.

И видѣхъ, и се полнъ славы домъ Господень. (Иезек. 44: 4).

И наконецъ совершилось у насъ то, что многіе располагались совершить, и чему давно надлежало совершиться. Софійскій соборный храмъ, храмъ величественный, древній, царскій, отъ скудости нашего усердія и отъ недостатка готовыхъ средствъ утратившій прежнее свое благолѣпіе, нынѣ поспѣваемъ Божиимъ и общею Христіанскою ревностію пастыря и паствы возобновленъ украшенъ и освященъ въ жилище Божіе благодатное и таинственное. Паки просіяла здѣсь божественная лѣпота и красота, паки открылась слава Господня, паки явился домъ Божій, селеніе Вышняго. Пребожественная Софія, какъ-бы закрывъ здѣсь присутствіе Свое на трехлѣтнее время *), паки возсѣла на свой таинственный престолъ, явственно зрима очами вѣры; паки обружаютъ ее здѣсь сонмы Безплотныхъ, паки поютъ Ангелы пребожественные гимны; паки слушаетъ и пріемлетъ она и наши недостойныя молитвы и хваленія, паки осѣняетъ насъ крилами своей благодати и помощи, паки преподаетъ намъ отъ неисощимаго сокровища своихъ божественныхъ даровъ и освященіе и спасеніе, и миръ, и утверженіе.

Торжествующіе жители града Вологды! Смотрите, каковую явилъ намъ Господь милость и спасеніе! Сколь велий божественный свѣтъ облисталъ градъ нашъ! Какая велелѣпная слава явилась въ семъ божественномъ дому! Кажется самъ Пророкъ, который таинственными очами созерцалъ нѣкогда славу дома Божія, кажется, говорю, и Онъ взираетъ на сей обновленный благодатный Домъ Господень, и свидѣтельствуя о славѣ его, говоритъ: *и видѣхъ, и се полнъ славы домъ Господень.* Подлинно сей великій и священный храмъ, какъ домъ Божій, исполненъ божественной славы, которая ясно открывается умному и чувственному взору нашему. Послѣдуемъ же Пророку, и посмотримъ на славу сего освященнаго Дома Господня.

И видѣхъ, и се полнъ славы домъ Господень. Ни мало не уменьшаетъ славу сего Дома Господня то, что онъ, какъ и всякій земный храмъ, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Всевышній благово-

*) Возобновленіе продолжалось три года.

лечь обитать на землѣ, среди челоуѣковъ: но Онъ всегда или требуетъ или ожидаетъ Себѣ готоваго жилища, являетъ присутствіе Свое тамъ, гдѣ устроится Ему Домъ. Что бываетъ съ царемъ земнымъ, когда онъ, оставляя свой царскій домъ, посѣщаетъ другія мѣста своей державы? Не уготовляютъ ли для него особаго дома? Не тамъ ли имѣетъ пребываніе свое царь, гдѣ приготовлено ему жилище? Такъ и Царь Небесный, когда изволитъ посѣтить землю и житьствовать посредѣ людей, являетъ особенное присутствіе Свое въ устрояемыхъ Ему храмахъ. Кто устроилъ Скинію, въ которой билая Богъ? Моусей съ народомъ Израильскимъ. Кто создалъ Ему великолѣпный храмъ, въ которомъ Онъ также явилъ присутствіе Свое, какъ и въ Скиніи? Соломонъ, и притомъ по назначенію Божию. И какъ домъ, въ которомъ пребывалъ царь, удерживаетъ за собою честь дома царскаго; такъ и храмъ, въ которомъ являетъ присутствіе Свое Богъ, получаетъ достоинство и славу истиннаго Дома Божія.

Когда же Всевышній нисходитъ долу, водворяется посредѣ людей, начинаетъ обитать въ устроенномъ Ему жилищѣ, и являетъ славу благодатнаго присутствія Своего? Тогда, когда въ устроенномъ и украшенномъ храмѣ совершается таинственный обрядъ освященія. Такъ именно было при освященіи скиніи Моусеевой. *И покры, повѣствуетъ Писаніе, облакъ скинію свидѣнія, и славы Господни исполнися скинія* (Исх. 40: 34). Такъ было и при освященіи храма Соломонова. *И бысть, говоритъ то же Писаніе, егда изыдоша іереи изъ святилища, и облакъ исполни храмъ Господень, и не можаху іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ* (3 Цар. 8: 10, 11). Ясно поэтому, что освященіе храма есть съ нашей стороны торжественное срѣтеніе Господа, а со стороны Самого Бога милостивое явленіе Его къ намъ, и что со времени освященія храма Самъ Богъ обитаетъ во храмѣ, и храмъ дѣлается истиннымъ Домомъ Божиимъ, селеніемъ Вышняго, обителью Вездѣсущаго.

Такъ. И въ семъ освященномъ Дому Божиемъ паки возсіяла слава Господня, паки узрѣли мы таинственное присутствіе Божіе. Всевышній и всегда обиталъ здѣсь Своею божественною благодатію и Своею таинственною славою, но нынѣ, какъ бы послѣ нѣкотораго отсутствія, снова посѣтилъ насъ, снова явился къ намъ, снова водворился въ семъ священномъ храмѣ,—и вотъ, уже срѣтили мы пришедшаго къ намъ Господа, стоимъ въ божественномъ присутствіи Его, созерцаемъ красоту и славу Небеснаго Царствія Его.

Зрите, вѣрующіе, явленіе славы Божіей! И сей храмъ, какъ скинію Моусееву, какъ храмъ Соломоновъ, покрылъ облакъ, облакъ тонкій, легкій, невидимый, на которомъ *сѣдай въ славу на престолъ божества пришелъ къ намъ Іисусъ пребожественный*, Ипостасная Премудрость, Превѣчная Софія. И сей храмъ исполнила слава Божія сокровенная и таинственная, но гораздо превосходящая той славы, каковою исполнена была ветхозавѣтная скинія и храмъ. Прибѣгайте съ вѣрою и любовію къ живущему здѣсь Господу славы; поклоняйтесь Ему въ благоговѣніи и страхѣ; прославляйте Его, вмѣстѣ съ Небесными Силами, въ пѣніихъ и дѣснѣхъ духовныхъ; осіявайтесь свѣтомъ благодати Его, просвѣщающей, освящающей и спасающей насъ!

И видѣхъ, и се полнъ славы домъ Господень. Велика, Христоименитые граждане, божественная слава, которою исполненъ сей новоосвященный Домъ Божій. Но и еще примѣчаемъ мы не малую славу, которою украшается сей храмъ, и которая преимущественно отличаетъ его отъ другихъ храмовъ Божіихъ.

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что онъ есть святыня древняя. Законъ, по которому, какъ учить древній священный законодатель, *предъ лицемъ сѣдаго должно встать, и лице старче почитать* (Левит. 19: 32), безъ сомнѣнія должно отнести ко всему древнему. Если же посему всякая древность у насъ уважительна и досточтима, то тѣмъ болѣе древность священная, святыня церковная. Древній священный храмъ есть свидѣтель чистоты вѣры и множества вѣрныхъ, бывшихъ сынами Церкви Божіей на землѣ, — и отошедшихъ въ великую Церковь Божию на небо.

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что онъ есть зданіе собственно царское. Не жители сего града, даже не Архипастыри Вологодскіе воздвигли его; нѣтъ! — самъ Царь Русскій оставилъ Вологдѣ этотъ священный памятникъ. Грозный для многихъ — Царь Іоаннъ Васильевичъ во время пребыванія своего въ Вологдѣ показалъ себя Монархомъ кроткимъ, богобоязненнымъ и благочестивымъ. Его царскимъ повелѣніемъ и щедротами воздвигнуть сей величественный храмъ, который посему, какъ святыня царская, требуетъ отъ насъ особеннаго усердія и благоговѣнія.

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что онъ посвященъ великому имени святой и божественной Софіи. Не много въ нашемъ отечествѣ храмовъ, которые носятъ это высокое, многознаменательное имя. Ими украшаются только древніе знаменитые грады, Кіевъ и Великій Новгородъ, съ которыми въ этомъ отношеніи

становится рядомъ наша Вологда. Храмъ, знаменующійся именемъ Софїи, Божіей Премудрости, Которая есть Сынъ Божій—Господь Иисусъ Христосъ, посвященъ воспоминанію не одного какого либо священнаго лица или событія, но всего божественнаго домостроительства спасенія человѣческаго, и есть видимый образъ того невидимаго Божественнаго Дома, о Которомъ засвидѣтельствовалъ Премудрый: *премудрость созда себѣ домъ* (Притч. 9: 1).

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что онъ есть главное и первое мѣсто служенія Іерарховъ Вологодскихъ, святилище собственно святительское. 263 года, какъ совершается въ немъ служеніе Всевышнему, и въ это время многочисленный сонмъ Архипастырей освятили и прославили его своими благоговѣйными молитвами, таинственными священнодѣйствіями и Христіанскими поученіями. Подлинно храмъ сей есть вѣковое хранилище святыни и источникъ духовныхъ даровъ, обильно изливавшихся и изливающихся на всю страну Вологодскую.

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что онъ хранитъ въ себѣ священные остатки многихъ Святителей. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ почившіе Іерархи Вологодскіе духомъ присутствуютъ во храмѣ семъ, возбуждаютъ въ насъ благоговѣніе, оживляютъ наши молитвы, предстательствуютъ за насъ предъ Богомъ и испрашиваютъ у Него пастѣ своей миръ, здравіе и спасеніе. Но нѣкоторые изъ нихъ пребываютъ здѣсь и самими своими тѣлесами. Двадцать почивающихъ Святителей, какъ двѣнадцать звѣздъ, освѣщаютъ святыи храмъ, и между ними ярко сіяетъ Св. Антоній, первосвятитель сего храма, угодникъ Божій и чудотворецъ Вологодскій.

Славу сего великаго Дома Господня составляетъ то, что въ немъ повсюду начертаны изображенія Святыхъ. Просто ли это украшеніе? Ужели безчисленные угодники, эти други Божіи, которые здѣсь изображены, не призываютъ на наше усердіе и вѣру? Ужели они благосердно не отзовутся на молитвенное наше къ нимъ обращеніе и призваніе? Не можетъ быть. Всѣ святые, которыхъ мы здѣсь зримъ, непремѣнно присущи своею благодатію къ изображеніямъ ихъ, и потому духовно присутствуютъ и пребываютъ въ семъ божественномъ храмѣ. Что же теперь сей божественный храмъ? Это подлинно земное небо, домъ славнаго божественнаго Царства на земли. Какъ на небѣ престоль Вседержителя окружаютъ Небесныя Силы и блаженные духи Праведниковъ: такъ здѣсь таинственный престоль Содѣтельной и Содержительной Божіей Мудрости и Силы

окужають невидимо и духовно сонмы Ангеловъ и соборъ св. угодниковъ Божіихъ, въ храмъ семь священнолѣпно начертанныхъ.

Видите, благочестивые сограждане, бакою и сколь обильною славою исполненъ сей Домъ Господень. Благодареніе Премудрому и Всеблагому Богу, что Онъ положилъ на сердце Архипастыря, и одушевилъ многихъ изъ паствы его даровать сему Дому Господню славу возобновленія его. При внутренней, всегдашней и неотъемлемой славі сего храма, недоставало ему внѣшней славы, благолѣпія и красоты, подобающей святынѣ Господней. И вотъ, зримъ теперь мы эту славу, — зримъ сей древній и знаменитый Домъ Божій въ величіи, въ красотѣ, въ благолѣпіи, съвозъ которыя видимо просіяваетъ божественное величіе, духовная красота, таинственное благолѣпіе. Блаженны тѣ, которые участвовали въ обновленіи сего храма. Они тѣмъ самымъ положили для себя вѣрный залогъ, и получили неотъемлемое право на участіе въ славі вѣчной, въ Дому Небеснаго Отца.

Благочестивые жители града! Торжествуя нынѣ обновленіе сего благодатнаго Дома Господня, и созерцаая въ немъ полноту славы Божіей, будемъ *едино просить отъ Господа, еже жити намъ въ дому Господни вся дни живота нашего, зрѣти намъ красоту Господню, и посѣщати храмъ святыи Его* (Цс. 26: 4). Аминь.

С Л О В О

ПО ОСВЯЩЕНІИ ВОЗОБНОВЛЕННАГО ХРАМА КІЕВО-ПЕЧЕРСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРѢ.

Благочестивыя размышленія при видѣ обновленнаго храма.

Уже пятьдесятъ пять лѣтъ, какъ существуетъ этотъ святыи храмъ во имя кіевскихъ печерскихъ чудотворцевъ. Прежде здѣсь *) было пустое мѣсто, которое обращено въ храмъ Божій однимъ изъ бывшихъ Вологодскихъ Іерарховъ, епископомъ Теофилактомъ. Прибывъ изъ Кіева на епархію Вологодскую, онъ и храмъ сей посвятилъ памяти кіевскихъ чудотворцевъ. Побудительною причиною къ устроению его было, конечно, благочестивое расположеніе его къ угодникамъ кіевскимъ, хотя нимало не чуждо вѣроятія сказаніе

*) Подъ зимнимъ Соборомъ.

нашихъ предшественниковъ, что онъ, какъ человѣкъ смертный, за-
благовременно приготовлялъ себѣ здѣсь мѣсто, о которомъ могъ ска-
зать: *се покой мой, здѣ вселюся въ вѣкъ вѣка*. Но судьбы Божіи
были не таковы. Онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія Вологод-
скою паствою, возвратился въ тотъ же Кіевъ, и тамъ обрѣлъ себѣ
вѣчный покой, а намъ оставилъ храмъ сей, какъ памятникъ его
мудрой и благочестивой заботливости о паствѣ, которая, безъ даль-
няго путешествія, можетъ прибѣгать къ угодникамъ Божиимъ Кіев-
скимъ, и изливать предъ ними свои моленія и молитвы. А вотъ
одинъ изъ здѣшнихъ боголюбцевъ *), къ усердію Іерарха, основа-
теля храма, присоединилъ теперь свое усердіе—обновленіемъ его,
и тѣмъ почтилъ память угодниковъ печерскихъ, къ славлѣ Божіей
и къ нашему Христіанскому утѣшенію.

Да будетъ же храмъ сей, по молитвамъ святыхъ угодниковъ кіев-
скихъ, ходатаемъ предъ Богомъ и за своего основателя и за своего
обновителя. Да будетъ онъ для всѣхъ насъ, Христіане, жители бо-
госпасаемаго града сего, мѣстомъ молитвъ и прославленія памяти
чудотворцевъ печерскихъ. Приходите, приходите, Православные,
сюда и помолитесь, и поразмыслить о единомъ на потребу. Вы ви-
дите храмъ сей углубленный, сокровенный, какъ бы подземный. А
такія мѣста много содѣйствуютъ къ благочестивому размышленію,
многое представляютъ къ нашему воспоминанію и наставленію.

Трудно ли, напримѣръ, стоя здѣсь и еще вспоминая въ молит-
вахъ чудотворцевъ кіевскихъ, представить самыя пещеры, въ кото-
рыхъ подвизались угодники Божіи? Подумайте же какъ спасались
избранные Божіи! Не только отреклись отъ міра, не только оста-
вили дома, семейства, родныхъ, друзей, не только отказались отъ
всѣхъ земныхъ наслажденій, нѣтъ! они заживо, такъ сказать, умерли,
добровольно закопали себя въ землю, опредѣлили себя на всегдаш-
ніе молитвенные труды, на изнуреніе тѣла, на неумолкающія по-
каянныя воздыханія, на непрестающія слезы. Вотъ какъ жили и
спасались истинные Христіане! вотъ какою цѣною пріобрѣтали
себѣ Царство Небесное! Такъ ли живемъ мы? такимъ ли, или по
крайней мѣрѣ, подобнымъ ли образомъ заботимся о своемъ спасе-
ніи? Подумайте!

Заглянемъ еще подальше—въ первыя времена Христіанства,
и опять увидимъ поразительные примѣры подвиговъ и самоотвер-
женія Христіанскаго. Въ началѣ Христіанства, при Апостолахъ и
послѣ Апостоловъ, Христіане были гонимы отъ нечестивыхъ царей

*) Купецъ Василій Алексѣевичъ Леденцовъ.

и правителей народныхъ. Ихъ, за вѣру и имя Христово преслѣдовали, мучили, убивали. Имъ нельзя было открыто собираться ни для молитвъ, ни для совершенія таинствъ. Что же они дѣлали? Собирались тайно, по ночамъ,—и гдѣ? въ подземельяхъ, подобныхъ кievскимъ пещерамъ. Вотъ какъ спасались первые Христіане! Вотъ съ какимъ усердіемъ, не смотря на опасность жизни, собирались служить Богу, поучаться въ законѣ Божіемъ, и освящать себя благодатными Христіанскими таинствами! Такъ ли, или, по крайней мѣрѣ, подобно ли поступаемъ мы, которые наслаждаемся тишиною и спокойствіемъ подъ державою благочестивѣйшихъ Царей, и ежедневно открыто и со всею свободою призываемся въ храмы Божіи на славословіе Богу и на спасеніе души своей? Подумайте?

А еще и другое легко можетъ представиться намъ здѣсь для нашего Христіанскаго размышленія. Что именно? Могила каждаго изъ насъ. Страшная дума! Горько представлять себѣ свою собственную могилу, но необходимо, Христіане! Придется, непременно придется, сойти каждому въ нее, а потому надо, надо подумать о томъ, какую-то Господь пошлетъ кончину каждому изъ насъ, какъ-то будетъ намъ перенести болѣзни смертныя, что-то послѣдуетъ съ нами за гробомъ, гдѣ-то—на правой или на лѣвой сторонѣ—поставятъ насъ на страшномъ судѣ Христовомъ? Подумайте!

Господи, спаси насъ Твоею благодатію, помози намъ, елико можно, послужити Тебѣ, и, егда приидеши во славу, сподоби насъ стати одесную Тебе, Судіе Праведнѣйшей, молитвами Пречистыя Твоея Матере и угодниковъ Твоихъ, пещерскихъ чудотворцевъ! Аминь.

С Л О В О

ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ТѢЛА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ, ДИМИТРІЯ ТИХОНОВИЧА ПАРЕНСОВА.

Почилъ, наконецъ, мужъ, исполненный долготою дней, вѣрный слуга Царевъ, прошедшій обширное и разнообразное поприще служенія отечеству, съ честію, съ искренностію, съ усердіемъ, въ постоянныхъ заботахъ и трудахъ,—почилъ истинный рабъ Небеснаго Владыки Бога и сынъ Православной Христовой Церкви, постоянно и неизмѣнно украшавшій себя благочестіемъ, вѣрою, любовію, еротостію,—почилъ мужъ многоразличныхъ познаній и долготѣянаго опыта, добрымъ, Христіанскимъ общеніемъ, любовію, благотвореніемъ обязавшій многихъ-многихъ—читать его память,—

почилъ, — и вотъ онъ во гробѣ, ожидаетъ отъ насъ послѣднихъ выраженій нашей къ нему любви, усердія и преданности.

Что же мы сдѣлаемъ, печальная братіе, окружая гробъ сей, и въ послѣдній разъ собесѣдуя чтимому нами мужу, другу, брату? Какое пріятное ему сдѣлаемъ привѣтствіе? Чѣмъ почтимъ чувствительный для насъ исходъ его? Скажите, что мы будемъ дѣлать? Плавать ли, какъ требуетъ сего природа наша, или радоваться, какъ предписываетъ намъ вѣра? Плакать? И можно ли не плакать при такой разлукѣ, при такой неопѣнимой потерѣ? Можно ли не плакать при гробѣ, при видѣ смерти, тлѣнія, разрушенія? Не увидимъ болѣе мы дорогаго нашего Димитрія. Сейчас простимся съ нимъ навсегда, на вѣки. Тѣло его мертво, а гдѣ душа его, и что съ нею дѣлается? Ничего далѣе гроба не видимъ, не знаемъ. Страшная для насъ измѣна десницы Вышняго, — и намъ ли не плакать теперь?

Но, братіе, страшно намъ и съ другой стороны. Страшно, чтобы плачемъ нашимъ не прогнѣвать намъ Бога и не посрамить намъ своей вѣры. Ежели Святая вѣра заповѣдуетъ намъ не скорбѣть о всѣхъ вообще умершихъ, то умѣстно ли будетъ наше рыданіе и плачь при этомъ гробѣ? Не лучше ли, не приличнѣе ли, не сираведливѣе ли будетъ намъ радоваться? Кто здѣсь лежитъ? Здѣсь лежитъ мужъ, какъ сказали мы, исполненный долготою дней, а долгота дней, извѣстно, есть благословеніе и знаменіе милости Божіей. Какъ же намъ не радоваться о немъ? Здѣсь лежитъ, какъ опять сказали мы, доблестный слуга, посвятившій всю многолѣтнюю жизнь свою на службу Царю и отечеству, на разнообразныя и многочисленныя труды въ пользу общую. Какъ намъ не радоваться о немъ? Здѣсь лежитъ истинный Христіанинъ, поставлявшій выше всѣхъ доблестей благочестіе и ознаменовавшій жизнь свою всѣми качествами и добродѣтелями вѣрнаго раба и послѣдователя Христова. Болѣе двадцати лѣтъ я имѣлъ счастье быть очевиднымъ свидѣтелемъ, и свидѣтельствую предъ всею Церковію о его благочестивой настроенности духа, о его усердіи къ Церкви, о частомъ и ревностномъ участіи въ общественной молитвѣ, о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ, о внимательномъ слушаніи чтенія и пѣсней духовныхъ, о неутомимомъ молитвенномъ трудѣ и бодрствованіи, о благоговѣйныхъ земныхъ поклонахъ, свидѣтельствую о его благочестивой домашней жизни, о всегдашнемъ чтеніи Святаго Евангелія и другихъ священныхъ и душеполезныхъ книгъ, о молитвенномъ возношеніи ума и сердца къ Богу, о смиреніи и кротости,

до забвенія своего висоаго сана, о любви и доброжелательствѣ ко всѣмъ. Какъ же намъ не радоваться о немъ? Таковыхъ вѣдь есть Царствіе Божіе. Таковыя наследуютъ небесную землю, и вселятся въ вѣкъ вѣка на ней. О таковыхъ говоритъ Святой Духъ: *Блаженни мертви, умирающіи о Господѣ*. Къ таковымъ простираетъ свой голосъ и Церковь Христова: *блаженъ путь, въ онъже идеши днесь душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія*. Такое утѣшительное напутствіе Святая Церковь, по сердобольному попеченію, относитъ хотя ко всѣмъ умирающимъ сынамъ своимъ, но оно во всей силѣ принадлежитъ тѣмъ, которые на самомъ дѣлѣ показали себя Христіанами, и оправдали матернія заботы ея о спасеніи ихъ.

Такъ, братіе. Но будетъ ли умѣстною и наша радость? Ежели плачь есть оскорбленіе вѣрѣ, то и радость не будетъ ли самонадѣяннѣмъ дерзновеніемъ предъ Богомъ? Кто мы, которые будемъ проникать въ судьбы Божіи, и опредѣлять судьбы человѣческія? А кто еще и безъ грѣха? Ежели же, по слову Божію, *нѣсть праведенъ никтоже*, то можно ли о комъ либо, при всемъ благочестіи и добродѣтели, утверждать, что онъ оправданъ и спасенъ у Бога, предъ правдою Котораго едва спасается и праведникъ? Если бы мы спросили самого почившаго благочестиваго нашего мужа, то, зная его Христіанское смиреніе, увѣряю васъ, что онъ сказалъ бы намъ: „я грѣшникъ, уповающій спастися единымъ милосердіемъ Божіимъ, вѣрую въ Спасителя нашего Иисуса Христа. Молитесь лучше о мнѣ, да милостивъ будетъ ко мнѣ Господь и нынѣ, и въ день судный“. Слушайте, братіе, что говоритъ намъ безмолвный нашъ почившій? Слушайте, какъ онъ учитъ насъ изливать предъ нимъ послѣднія чувства наши? Вонемъ благому и праведному гласу его. Не будемъ плакать о немъ, какъ о потерянномъ, не будемъ и радоваться, какъ о прославленномъ. Станемъ молиться о немъ и теперь, и послѣ. Вѣдь мы для того и собрались здѣсь, чтобы принести молитву о немъ. Помолимся же о немъ, чтобы Милосердный Господь и Спаситель нашъ простилъ ему грѣхи, которые онъ содѣлалъ, яко человекъ, чтобы помянулъ его вѣру, благочестіе, кротость, добродѣтели, и, по милости Своей, вселилъ душу его въ мѣстѣ покоя и блаженнаго наслажденія до втораго, славнаго пришествія Своего, а потомъ вмѣстѣ съ тѣломъ ввелъ его въ рай сладости, въ селенія небесныя, въ вѣчное царство съ Ангелами и Святыми,—помолимся внимательно, усердно, благоговѣнно. Вотъ тогда сама собой выкатится и слеза, но ужъ слеза сладкая, чистая, святая, прольется въ сердце и радость мирная, божественная, одушевляемая вѣрую

и упованіемъ на безпредѣльное милосердіе Небеснаго Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа.

Спасителю міра, Сыне Божій, Господи Іисусе Христе! Прими въ пречистыя руцѣ Твои духъ отшедшаго раба Твоего, Болярина Димитрія, учини и прослави его въ селеніяхъ небесныхъ, и на земли сохрани благочестивую память его въ родъ и родъ; супругѣ же его, и чадомъ, сродникомъ, и намъ всѣмъ ниспосли Божественное утѣшеніе, предстательствомъ Пречистыя Твоея Матери, и по молитвамъ Святыя Твоея Православныя Церкви! Аминь.

С Л О В О

КЪ ЗАКЛЮЧЕННЫМЪ ВЪ ТЕМНИЦЪ.

Заключенная въ темницѣ сей, возлюбленная братіе!

Послѣ молитвы и божественной жертвы, которыя мы, какъ видите, принесли теперь въ семъ священномъ храмѣ преимущественно за васъ, мы должны и желаемъ сказать вамъ еще и нѣкоторое слово любви и утѣшенія. А для сего нѣтъ ничего приличнѣе, какъ вспомануть блаженную и божественную заповѣдь, заповѣдь и для васъ утѣшительную, и для насъ спасительную, которую преподавъ вѣрнымъ своимъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ обиду* (Лук. 6: 27, 28); нѣтъ, говорю, ничего приличнѣе, какъ вспомануть сію божественную заповѣдь, и показать, какъ она богоугодно и братолюбно у насъ исполняется.

Да не огорчится духъ вашъ, братіе, если мы признаемъ васъ за враговъ нашихъ, за ненавидящихъ насъ и за творящихъ намъ обиду. Сами знаете, что вы здѣсь не напрасно, не безъ причины. Иной нарушилъ права чести и вѣрности, другой присвоилъ чужую собственность, тотъ посягалъ, и можетъ быть дѣйствительно посягнулъ на жизнь ближняго, кто оказалъ противленіе законамъ и власти, кто дерзнулъ судить и осуждать Святую Церковь Божию. Не худыя ли это дѣла—согласитесь сами? И слѣдовательно, не по правдѣ ли вы объявляетесь врагами ближнихъ, ненавидящими ихъ и творящими имъ обиду, и потому не законно ли содержитесь здѣсь? Скажетъ, можетъ быть, кто: „въ числѣ преступниковъ могутъ быть и невинные“. Не отвергаемъ; но въ то же время спрашиваемъ: много ли было Іосифовъ? Много ли Петровъ? Много ли Павловъ и Силь? Опороченная невинность и всегда была рѣдкимъ исключеніемъ: а въ благоустроенномъ и Христіанскомъ обществѣ это даже

почти невозможно. Нѣтъ, братіе! Не огорчайтесь именемъ преступниковъ, и не старайтесь оправдывать себя неправедно. Лучше признайте себя повинными и грѣшниками и ищите утѣшенія въ любви и благодати Божіей. Слышите ли, какъ Милосердый и Человѣколюбивый Господь печется о васъ, и повелѣваетъ всѣмъ любить васъ, добро творить вамъ и молиться за васъ? *Любите, говоритъ, враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ обиду.* Какое чудное милосердіе и благоутробіе Бога нашего! Онъ и добрыхъ хранитъ, и злыхъ не погубляетъ, и въ честнымъ благоволяетъ, и порочными не гнушается, и праведниковъ любитъ, и грѣшниковъ милуетъ.

Такъ, братіе! Вкушайте радость и въ жилищѣ печали! Торжествуйте благополучіе и среди своего злополучія. Господь повелѣлъ любить васъ, добро творить вамъ и молиться за васъ. И смотрите, какъ свято у насъ исполняется эта божественная заповѣдь.

Любите враги ваша. Если бы мы поступали по влеченію растлѣнной человѣческой природы, а не по закону Христову: кто бы сталъ любить васъ? Вѣдь любимъ естественно тѣхъ, которые насъ любятъ; а тѣхъ, которые насъ ненавидятъ, и мы ненавидимъ, и которые намъ дѣлаютъ зло, и мы, въ отмщеніе, стремимся вредить имъ, и оскорблять ихъ. Такъ ли поступають съ вами? За ваши худыя дѣла, гнушаются ли вами? За ваше недоброжелательство и причиненный вредъ ближнимъ преслѣдуютъ ли васъ? Напротивъ васъ жалѣютъ, о васъ пекутся, васъ любятъ. Не смотря на ваше простое состояніе, не смотря даже на ваши преступленія, всѣ, всѣ спѣшатъ къ вамъ съ любовію и милосердіемъ. И первый, Который возлюбилъ васъ чистою, Христіанскою любовію, есть Отецъ Отечества, возлюбленнѣйшій Монархъ нашъ. По Его высочайшей любви и всеблагой волѣ учреждены всюду попечительныя общества о преступникахъ, устроены для нихъ со всѣми удобствами и выгодами содержанія дома, приставлены къ нимъ, для попеченія о нихъ, многіе и премногіе, достойные притомъ и почтенные слуги Царевы;—и вы послѣ преступленія тотчасъ переходите изъ хижинъ въ чертоги, изъ тѣсноты и недостатковъ въ спокойствію и довольству, и друголюбно встрѣчаетесь съ тѣми, предъ честію и властію которыхъ всегда должны были стоять въ раболѣпномъ и трепетномъ почтеніи. Скажите, не есть ли это любовь къ вамъ, любовь, милосердствующая о васъ? Не есть ли это исполненіе закона Христова, по которому Онъ, благій и милосердый Искушитель нашъ, повелѣлъ намъ любить своихъ враговъ?

Добро творите ненавидящимъ васъ. И вторая черта милосердой любви ко врагамъ, по заповѣди Христовой, очевидно исполняется на васъ, братіе! Ибо сами видите и чувствуете, одно ли благое расположение души изъясняется вамъ, одно ли участіе сердца свидѣтельствуется нашимъ обращеніемъ съ вами? Настоящее положеніе ваше не оправдываетъ ли на васъ того, что заповѣдалъ намъ Христосъ: *добро творите ненавидящимъ васъ?* Подлинно, любя васъ, дѣлаютъ вамъ добро, добро великое и разнообразное, для тѣлесной жизни вашей, и для духовной. Прежде вы въ позорномъ заключеніи ходили отъ дома въ дому, являлись на торжищахъ, чтобы выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба или лоскутъ одежды: теперь предъ вами готовая пища, на васъ приличное одѣяніе. Прежде вы находились въ убійственной праздности, которая растревляла въ васъ чувство заключенія и омрачала васъ мыслями, тяготящими душу и совѣсть: теперь упражняютъ васъ въ приличныхъ занятіяхъ, и пользу вамъ доставляющихъ, и тѣлесное здоровье ваше сохраняющихъ. Прежде, относительно души, вы сидѣли въ заключеніи, какъ въ сѣни смертной, какъ при иссохшемъ источникѣ: теперь васъ озаряетъ свѣтъ вѣдѣнія Божія, къ вамъ льется вода, оживляющая душу, въ наставленіяхъ опредѣленнаго къ вамъ служителями слова Божія и въ собственномъ вашемъ чтеніи преподанныхъ вамъ душеспасительныхъ книгъ. Малое ли это добро, которое творятъ вамъ, забывая въ васъ враговъ и ненавидящихъ?

Но смотрите, въ какомъ еще чудномъ свѣтѣ является та любовь, которую Христосъ заповѣдалъ имѣть ко врагамъ нашимъ. *И молитесь за творящихъ вамъ обиду,* сказалъ Тотъ, Который Самъ молился за Своихъ распинателей. Найдется ли ктонибудь, который бы не сказалъ, что молитва за враговъ есть высочайшая любовь ко врагамъ? Представьте же теперь, братіе, гдѣ мы находимся? Этотъ святой храмъ не для васъ ли устроенъ? Не для васъ ли поставленъ здѣсь особый служитель алтаря? Не для васъ ли приносятся здѣсь молитвы? Не для вашего ли спасенія совершается здѣсь божественная жертва? Не къ вамъ ли съ торжественною молитвою пришли мы и нынѣ? *).

Такъ благодѣтельно и богоугодно въ настоящее время дѣйствуетъ та спасительная любовь, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ имѣть и ко врагамъ нашимъ.

*) Говорено въ храмовой церковный праздникъ Тюремнаго Замка, въ присутствіи всѣхъ членовъ Комитета.

Для чего же мы это говоримъ? Ужели для суетнаго тщеславія предъ вами? Нѣтъ. Говоримъ для славы Божіей, благословляя и прославляя великую и неизреченную любовь Спасителя нашего Іисуса Христа, который до смерти возлюбилъ насъ грѣшниковъ и враговъ Его и научилъ насъ тою же святою любовію любить и нашихъ враговъ. Говоримъ съ намѣреніемъ обрадовать васъ и возрадоваться съ вами о томъ, что заповѣданная Спасителемъ нашимъ любовь видимо одушевляетъ вѣрныхъ послѣдователей Его и украшаетъ святое званіе Христіанъ. Говоримъ для вашей, братіе, душевной пользы, чтобы и вы, возбуждаясь нашею къ вамъ любовію, братолюбно расположились къ намъ и ко всѣмъ ближнимъ вашимъ. Неужели тщетна будетъ наша къ вамъ любовь? Неужели напрасно благотвореніе вамъ? Неужели бесплодна молитва за васъ? Слово Божіе говоритъ: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напои его. Сіе бо творя углие огненно собираеши на главу его* (Рим. 12: 20). О, если бы это углие пало не только на главы ваши, но и въ сердца ваши! О, если бы этотъ огонь просвѣтилъ умы ваши и научилъ васъ благочестію и страху Божію! О, если бы онъ зажегъ сердца ваши, и обратилъ васъ къ покаянію и жизни добродѣтельной и праведной! Тогда въ узахъ вы разрѣшились бы отъ грѣховъ, и въ темницѣ стали бы ходить во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ. Тогда бы вы были счастливы среди настоящаго злключенія вашего, и съ упованіемъ стали ожидать себѣ милости отъ Бога и блаженства, уготованнаго не только праведникамъ, но и грѣшникамъ кающимся.

Помолимся же единократно и единомысленно Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу и Его Всеблагой и Благоутробной Матери, да исполнится на васъ то, чего мы вамъ усердно и искренно желаемъ. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. Вступленіе въ поученія	3
2. Что значить исхожденіе и обхожденіе храма передъ утренею въ первый день Св. Пасхи	4
3. Что значить обхожденіе храма, заключеніе вратъ храма и, по отверженіи оныхъ, вхожденіе во храмъ передъ утреннимъ богослуженіемъ въ недѣлю Пасхи	6
4. Какое значеніе имѣеть утреннее пасхальное богослуженіе во храмѣ и общее всѣхъ Христіанъ пѣлованіе	8
5. Для чего въ праздникъ Пасхи Царскія врата въ святыхъ храмахъ бывають постоянно открыты	10
6. Христіанинъ послѣ великопостнаго покаянія и послѣ свѣтлаго праздника Воскресенія Христова долженъ умереть грѣху, и жить только для Бога	12
7. Почему мы не видимъ явленій Воскресшаго Христа	14
8. Человѣческое естество превознесено восшествіемъ Господа нашего Иисуса Христа на небо	16
9. Господъ Иисусъ Христосъ, и по вознесеніи на небо, пребываетъ съ вѣрующими неразлучно	18
10. Молитва за умершихъ — средство свиданія съ ними	20
11. Природный языкъ есть даръ Духа Божія	21
12. Плотская наша жизнь показываетъ отсутствіе въ насъ Духа Божія	23
13. Потребность святыхъ постовъ	25
14. Спасеніе наше приобретається совокупнымъ дѣйствіемъ Бога и человѣка	27
15. Время новозавѣтной благодати есть день	29
16. Каковы должны быть Христіане, будучи сынами свѣта и дня	31
17. Вѣра, надежда и любовь—подвиги Христіанскіе	33
18. Познаніе Бога и вѣры необходимо Христіанамъ	36
19. Вѣра, смиряющая разумъ, спасительна	38
20. Истинная и спасительная вѣра есть вѣра ума и сердца	39
21. Какъ должно любить Бога	42
22. Какъ приобрести любовь къ Богу	44
23. Какъ должно любить ближнихъ	47
24. Святая вѣра и Церковь Божія несокрушимы	49
25. Царство небесное доступно и грѣшникамъ	51
26. Христіанинъ долженъ снять съ себя ветхую, грѣховную одежду, и одѣться въ новую ризу святой и непорочной жизни	53
27. Три дерева образуютъ тройное состояніе Христіанъ	55
28. Блаженства и слава праведныхъ не на землѣ, а на небѣ	57
29. Будущая жизнь несравненно превосходнѣе настоящей	59
30. Какія жертвы приятны Богу и какія неприятны	61
31. Царство Небесное есть истинное сокровище наше	64

32. Избранные Божіи записываются на небесахъ, въ книгѣ животной	66
33. Торжество тысячелѣтія Россіи	68
34. Земная жизнь есть переходъ или въ Царство Небесное, или въ темницы адавы	70
35. Страданія Христовы не прекратились и послѣ распятія Его на крестѣ	72
36. Гражданская и духовная свобода	74
37. Въ Церковь Божию входятъ вѣрою и покорностію Ей, и исходятъ невѣріемъ и отпаденіемъ отъ Нея	76
38. Память о Богѣ веселіе—человѣку	79
39. Двойное происхожденіе Христіанъ	81
40. Епитиміи, наложенныя отъ Бога на глѣдъ человѣческой за грѣхопаденіе	83
41. Христіане—запечатлѣнные	86
42. Въ исправленіи себя необходимо собственное вниманіе и пощеченіе	88
43. Благоденствіе, и частное, и общее, безъ благословенія и помощи Божіей невозможно	91
44. Излишняя заботливость о насущныхъ потребностяхъ жизни Христіанина неприлична	94
45. Христіанинъ преимущественно долженъ пещись о достиженіи Царствія Божія	97
46. Величайшая милость Божія къ намъ есть Христіанское наше происхожденіе	100
47. Благотворность Христіанской вѣры	104
48. Христіанство нынѣшняго времени наружное болѣе, чѣмъ внутреннее	107
49. Значеніе постовъ, установленныхъ Церковію передъ великими Божественными праздниками	110
50. Святители Воронежскіе — обличители раскола	112
51. Святители Воронежскіе — обличители Православныхъ	116
52. Изображеніе ветхаго и новаго человѣка	119
53. Необходимость внутренняго Христіанства при внѣшнемъ	122
54. Христіанское подвижничество	125
55. Значеніе бѣдствій и несчастій нынѣшняго вѣка	129
56. Страданіе Христіанъ	133
57. Избавленіе праведныхъ и благочестивыхъ отъ бѣдъ	137
58. Какъ мы должны встрѣчать грядущаго къ намъ Сына Божія	141
59. Богъ сошелъ на землю, чтобы человѣка возвести на небо	144
60. Недостойное празднованіе праздника Рождества Христова	147
61. Осторожная и разумная жизнь Христіанъ	150
62. Дѣйствительнѣйшій способъ къ утвержденію вѣры и Христіанской жизни въ народѣ—примѣры благочестія	153
63. Память смертная необходима и спасительна	157
64. Молитвы мытаря и фарисея	161
65. Святая Четырдесятница есть пустынная обитель для кающихся	165
66. Покаяніе есть великій даръ милосердія Божія грѣшникамъ	168
67. Явленіе на небѣ знаменія Креста предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ	172
68. Время Святой Четырдесят. подобно загробному состоянію Христіанъ	175
69. Поученіе заключительное	178
70. Слово при началѣ молебныхъ пѣній	181
Извѣстіе о совершаемыхъ въ Вологодскомъ Каѳедральномъ Соборѣ особыхъ недѣльныхъ молитвословіяхъ	183
Молитва Честнымъ небеснымъ Силамъ и всѣмъ Святымъ	185

ГОДЪ ВТОРОЙ.

1. Предначинательное	187
2. Какъ смерть человѣческая умерщвлена Христомъ, когда люди и нынѣ умираютъ?	189
3. Отчего мы не точно дѣлаемся безсмертными?	191
4. Почему мы и нынѣ умираемъ, а не прямо восходимъ на небо, въ жизнь вѣчную?	193
5. Дѣйствительно ли будетъ воскресеніе мертвыхъ?	195
6. Какъ можно воскреснуть мертвымъ?	198
7. Для чего Христосъ, по воскресеніи, не является народу и въ собраніяхъ первосвященниковъ и князей Иудейскихъ?	202
8. Возможно ли, и какъ совершается превышесезное шествіе Святыхъ?	205
9. Одинакова ли, или различна будетъ жизнь за гробомъ?	208
10. Вѣчна ли будетъ жизнь загробная?	211
11. Чаяніе воскресенія и будущей нашей судьбы оправдывается ли у насъ нашею жизнію	215
12. Что причиною смятеній въ человѣческомъ родѣ?	219
13. Чѣмъ мы должны свидѣтельствовать свою любовь и преданность Царю въ смутное для Отечества время?	223
14. Безмѣрно милосердіе Божіе къ грѣшникамъ	225
15. Почему грѣшный міръ доселѣ стоитъ неразрушимо?	228
16. Раздѣленіе Христіанъ въ образѣ вѣрованія, и причина этого раздѣленія	232
17. Потребность особенной молитвы <i>о благораствореніи воздуховъ, о изобиліи плодовъ земныхъ и временехъ мирныхъ</i>	236
18. Состояніе Православно - Русскихъ Христіанъ прежняго и нынѣшняго времени	238
19. Причины различія Христіанъ настоящаго отъ Христіанъ прошедшаго времени	242
20. Враги Христіанскіе	246
21. Христіанская брань	250
22. Употребленіе времени	254
23. Растлѣніе человѣческой природы грѣхопаденіемъ	258
24. Для грѣшниковъ потребно сознаніе, чувство и исповѣданіе грѣховъ	263
25. Богъ пріемлетъ молитвы и грѣшниковъ	267
26. Молитва къ Богу непрестанная	271
27. Плачь о грѣхахъ	275
28. Радости у человѣка различны	278
29. Сердце — жертва Богу	281
30. Для входа на литургію	284
31. Грѣхи — душевные недуги	285
32. Грѣхи невольные	289
33. Тайные свои и чужіе грѣхи	293
34. Прославленіе Праведниковъ	297
35. Нетлѣніе умершихъ	300
36. Неосужденіе ближнихъ нашихъ	303
37. Прощеніе грѣховъ ближнимъ нашимъ	307
38. Пагубное празднословіе	310
39. Богъ невидимо подаютъ намъ все	312
40. Явные и тайныя дѣйствія діавола	316

41. Явленіе и присутствіе Ангеловъ	319
42. Оружія на діавола	321
43. Богъ и Святые Угодники видятъ насъ, и слышатъ молитвы наши	325
44. Цѣль совершаемыхъ Спасителемъ чудесъ	327
45. Себяисправленіе—чудо	331
46. Бѣдность лучше богатства	334
47. Способъ избѣгать двухъ противоположныхъ крайностей: высокоумія и отчаянія.	338
48. Вредъ отъ вина и отъ пьянства	341
49. Основанія, по которымъ церковное Богослуженіе начинается съ вечера	343
50. Причины чудотворенія отъ Святыхъ иконъ	346
51. Сокровища на кладбищахъ.	349
52. Сочувствіе къ современнымъ бѣдствіямъ Отечества	252
53. Христіане—воины	355
54. Христіанское геройство	359
55. Вѣра—основаніе любви къ Отечеству	364
56. Твердость Русскаго народа въ Православной вѣрѣ и приверженность его къ Церкви.	367
57. Значеніе настоящей, временной жизни нашей	371
58. Христіанское воспитаніе дѣтей	374
59. Христіане получаютъ просвѣщеніе отъ Бога	379
60. Ученіе—свѣтъ.	382
61. Благотвореніе бѣднымъ	386
62. Зеркало для души	390
63. Духовное омовеніе	393
64. Тайнство причащенія	396
65. Достоинство и способъ быть должовѣчнымъ.	399
66. Перемѣна тѣнныхъ сокровищъ на нетѣнные	402
67. Состояніе духа кающихся	404
68. Ангелы при насъ, добрый и злой	407
69. Сила моды	409
70. Наряды въ одеждѣ.	412
71. Неблаговременное хожденіе въ Церковь	414
72. Святая Вѣра неоскудѣма и Церковь Божія несокрушима	417
73. Грѣшникъ—мертвъ	421
74. Отлагательство исправленія.	425
75. Паденіе человѣка.	428
76. Свойство истиннаго покаянія	431
77. Прощаніе и разлука съ другомъ.	433

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

1. Всегдашнее пребываніе Христа съ вѣрующими	436
2. Истинный способъ къ богопознанію и богопочтенію для человѣка есть вѣра Христіанская	439
3. Истинная Христіанская вѣра есть вѣра Православная	442
4. Достоинство Православной вѣры	445
5. Смирненное состояніе Православныхъ есть свидѣтельство Православія	449
6. Православные должны твердо стоять въ своемъ Православіи, и благочестивымъ образомъ жизни оправдывать свою вѣру	453

7. Православные должны уклоняться отъ современныхъ богопротивныхъ учений и правилъ жизни	457
8. Двойное сердце	462
9. Спасительное время благодати Христовой	464
10. Потребность частаго поста и покаянія	467
11. Памятованіе грѣховъ — способъ исправленія чловѣка	470
12. Совѣсть — неусыпный стражъ надъ чловѣкомъ	474
13. Страхъ — оковы для чловѣка грѣшника	479
14. Стыдъ—свидѣтельство грѣха и опора противу грѣха	483
15. Радость на небѣ о покаяніи грѣшника	486
16. Для чего преобразился Христось	489
17. Чловѣкъ можетъ быть и Ангеломъ и дѣволомъ	491
18. Высшее значеніе Христіанскихъ праздниковъ	495
19. Чествованіе св. иконъ правильно и благочестиво	498
20. Необходимо Христіанину воображать въ себѣ Христа	502
21. Христіанинъ, вѣрный своему званію, совсѣмъ другой чловѣкъ въ сравненіи съ прочими	505
22. Милость Божія къ чловѣку въ ежегодномъ плодоношеніи земли	511
23. Временная жизнь есть училище для чловѣка	514
24. Послѣ образованія во временной жизни чловѣку предлежитъ испытаніе за гробомъ	520
25. Невѣріе Иудеевъ	523
26. Невѣріе нѣкоторыхъ изъ Христіанъ	528
27. Нѣтъ ли въ самой Христіанской вѣрѣ поводовъ къ невѣрію	532
28. Причины невѣрія и отпаденія отъ Церкви	535
29. Превозношеніе успѣхами настоящаго времени	539
30. Неопровержимое бытіе и свойство чудесъ въ Христіанской церкви	544
31. Производители чудесъ въ Христіанской Церкви	547
32. Чудеса благодати Божіей въ таинствахъ Церкви Христовой	551
33. Слѣнота умственная и нравственная	554
34. Духовное идолослуженіе	558
35. Несоотвѣтственность Христіанина закону Христову и духу Евангелія	562
36. Состояніе будущаго вѣка противоположно состоянію вѣка настоящаго	568
37. Чловѣку предопредѣлено быть безъ одежды	573
38. Христіане должны исповѣдывать званіе свое непостыдно	577
39. Значеніе молитвы Господней въ приложеніи къ собственнымъ нашимъ расположеніямъ и дѣламъ	580
40. Вкушеніе пищи должно быть съ молитвою и благодареніемъ Богу	585
41. Образецъ и мѣрка любви нашей къ Богу	588
42. Наставникъ въ дѣятельной любви къ ближнимъ для насъ — мы сами	592
43. Избѣненіе Вилеемскихъ младенцевъ	596
44. Признаки Православія въ православія въ самихъ Христіанахъ	600
45. Важность для Христіанъ науки божественной	606
46. Важность и необходимость науки добродѣтели	611
47. Достоянство, сила и величіе смиренія	615
48. Необходимо нужно намъ спастись	619
49. Трудно ли намъ спастись	623
50. Трудно ли чловѣку жить	628
51. Не противны ли Христіанству обычныя у насъ увеселительныя собранія	632
52. Безвредны ли для насъ заграничныя путешествія и знакомство съ иноземными народами	ид род
53. Какъ избавиться намъ отъ грѣховъ	ру г.).

54. Благоразумный разбойникъ для насъ образецъ покаянія и спасенія	645
55. Безпечность наша въ исправленіи себя и необходимость помощи Божіей къ покаянію и исправленію нашему.	649
56. Воспоминаемая Церковію въ Святую Четыредесятницу Преподобная Марія Египетская есть примѣръ для нашего покаянія и спасенія	653
57. Достоинство и важность взаимнаго прощанія Христіанъ при вступленіи въ Св. Четыредесятницу	657
58. Великій постъ — побѣда на діавола	661

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1. Достоинство времени	667
2. Для чего дается намъ время	669
3. Какимъ образомъ Христосъ служитъ на паденіе и на востаніе для многихъ	672
4. Самодержавіе Царей Православныхъ.	678
5. Что воспоминаетъ и чему празднуетъ Св. Церковь въ день Благовѣщенія Богородицы	681
6. Сходство событій Голгоескихъ съ будущими событіями при кончинѣ міра	685
7. Чему радуемся мы въ день Воскресенія Христова	688
8. Ежегодное гѣто на землѣ представляетъ потерянный первобытный и ожидаемый нами небесный рай	692
9. Родство наше съ Богомъ и міромъ горнимъ	696
10. Сонъ есть образъ смерти	701
11. Четыре вида гроба	705
12. Христіанскій гробъ—пророкъ	708
13. Есть ли рай и адъ	711
14. Есть ли какія откровенія и свидѣтельства изъ страны загробной	715
15. Чѣмъ должны мы освящать дни нашего рожденія	720
16. Лица, пришедшія на поклоненіе Рождшемуся Христу	724
17. Слава обновленнаго Дома Господня	729
18. Благочестивыя размышленія при видѣ обновленнаго храма	733
19. При гробѣ Генерала отъ Инфантеріи Паренсова	735
20. Къ заключеннымъ въ темницѣ	738

